

Н.С.ХРУЩЕВ
ВОСПОМИНАНИЯ

КНИГА ВТОРАЯ

Н.С.ХРУЩЕВ

**ВРЕМЯ
ЛЮДИ
ВЛАСТЬ**

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ
ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОМПАНИЯ

1999 г.

УДК 882 (08)
ББК 66.3 (2 Рос) 8
X 95

Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Хрущев Н.С.

X 95 **Время. Люди. Власть.** (Воспоминания в 4-х кн.).

М.: Информационно-издательская компания «МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ», 1999. — 848 с.: илл.

ISBN 5-900036-03-0(кн.2)

ISBN 5-900036-05-7

Воспоминания принадлежат видному политическому деятелю СССР, занимавшему в течение десятилетий ведущие партийные и государственные посты в Москве, на Украине и в СССР. Период с 1953 по 1964 г. в истории СССР связан непосредственно с личностью первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР Н.С.Хрущева. Много лет работавший со Сталиным, хорошо знавший его, он первым решительно пошел на вскрытие тоталитаризма, разоблачение культа личности Сталина и его последствий, стремясь обновить коммунизм как идею. Н.С.Хрущев стал очевидцем и участником ряда крупных исторических событий, встречался со многими президентами и другими видными деятелями США, Китая, Великобритании, Франции, Германии, Индии, Египта, Польши, Венгрии, Болгарии и др., о чем интересно рассказывает в своих воспоминаниях.

ББК 66.3 (2 Рос) 8

В книге использованы фотографии из РГА кинофотодокументов,
Московского государственного архива документов
на специальных носителях,
фотохроники ИТАР-ТАСС, архива семьи Хрущевых,
фотоархива П.М. Кримермана и ряда зарубежных агентств.

ISBN 5-900036-03-0(кн.2)
ISBN 5-900036-05-7
ББК 66.3 (2 Рос) 8

© ИИК «Московские новости», 1999 г.
© Н.С.Хрущев, текст, 1999 г.
© Р.Аджубей, В.Евреинов, С.Хрущев
(правообладатели), 1999 г.
© Составление, документы,
примечания, комментарий.
© Г.Максименков, оформление.

ВВЕДЕНИЕ

Только что закончившаяся война унесла десятки миллионов человеческих жизней, за четыре года перестроив экономику на свои нужды. Груды искореженного металла да перепаханые снарядами поля встречали дома победителей. Истосковавшиеся по мирной жизни люди решительно берутся и начинают восстанавливать разрушенные войной заводы, шахты, электростанции и дороги. Н.С.Хрущев принимает непосредственное участие в подъеме хозяйства Украины, восстанавливая доменные печи и тракторные заводы, поднимая сельское хозяйство, борясь за прочное установление советского строя на освобожденной перед войной Западной Украине.

Но недолго пришлось ему поработать вдали от «большой» политики. В 1949 году по вызову И.В.Сталина Н.С.Хрущев переезжает в Москву. Вождь, видимо, обеспокоился положением в столице. Это понятно. Но почему выбор пал именно на Хрущева? По словам автора воспоминаний, Сталин сказал ему: «Мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийных комитетов. У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо — в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве. Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК партии, поэтому вам полезнее работать здесь. Вы станете секретарем сразу МК и ЦК партии». Что это? Доверие первому секретарю такой значительной республики, как Украина? Несомненно. Но не только это. У меня сложилось тогда впечатление, размышляет Н.С.Хрущев, что Сталин, переводя меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова...

Никита Сергеевич — один из немногих ведущих политиков первой половины советского периода, кто повседневно работал и общался со Сталиным, при этом серьезных и резких ситуаций, о чем рассказывается в этой книге, было предостаточно. Может быть, поэтому он так много внимания уделяет Сталину. Н.С.Хрущев подробно рассказывает о семье Сталина, о его кремлевском окружении, о так называемых ужинах на ближней даче вождя с богатым столом и изобилием выпивки. Кто знаком с «Пирами Валтасара», тот найдет немало сцен, будто списанных Фазилем Искандером с воспоминаний Хрущева.

Наблюдения Хрущева, его анализ увиденного и услышанного бесценны. Одно дело — читать о Сталине в десятках книг, вышедших в последние годы и написанных с привлечением архивных и других доку-

ментов, другое — прикоснуться к живым свидетельствам. Создавая политический портрет Сталина, рассказывая о его повадках и привычках в быту, раскрывая черты его характера, Хрущев пытается ответить на далеко не простые вопросы: «Кто такой был Сталин? Какую роль он сыграл в истории?»

Сталин умирает. Еще накануне, в связи с его неожиданной болезнью, близкие соратники делают важные шаги, чтобы укрепить свои позиции. 5 марта в Кремле проходит «Совместное заседание пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР», на котором за 40 минут «стороны» договариваются о самом главном: кому кем быть у власти? Произошло это за один час и десять минут до его кончины. Очень многие из окружения вождя добились более высоких государственных постов, чем это было при живом Сталине. В отличие от своих соратников, Н.С.Хрущев как был, так и остался секретарем ЦК. Коллеги Хрущева, получившие на этом, в принципе незаконном, с точки зрения устава КПСС, «Совместном заседании...» высокие должности в правительстве, думали, что встали у самого руля власти. И ошиблись. Власть переходила к партии, точнее, в руки партаппарата, который устанавливал свое полномочие. Когда Н.С.Хрущев становится первым секретарем ЦК КПСС, он понимает, что ему предстоит нелегкая борьба. В сталинском наследном окружении есть подхалимы, но есть и киты. Вторых больше, и их надо победить.

Состоится не один пленум ЦК, пройдет не одна битва за место лидера в стране, будет потеряно много драгоценного времени и упущено немало политических и хозяйственных возможностей, прежде чем наступит XX съезд КПСС, время хрущевской «оттепели». С трудом пройденный путь к вершинам партийной и государственной власти раскрывается Н.С.Хрущевым на страницах книги детальным изложением событий, подробными сюжетами, ранее недоступными документами, хранящимися в сейфах за высокими кремлевскими стенами.

Еще не успели люди мира погасить огонь на пепелищах второй мировой войны, как к порогу, который недавно оскверняла нога фашиста, подступила «холодная война». Кажется странным, что одним из ее инициаторов стал Уинстон Черчилль, неоднократный премьер-министр Великобритании, страны, которой одной из первых в Европе стал угрожать фашизм и солдаты которой вместе с советскими бойцами участвовали в разгроме гитлеровских армий.

СССР пришлось, залечивая раны «горячей войны», сдерживать «холодную». Н.С.Хрущев с увлечением, доверительно и просто рассказывает, как Советский Союз первым сделал шаг навстречу мирному договору с Австрией, как проходили встречи с Аденауэром, де Голлем, Эйзенхауэром и какие проблемы на них обсуждались и решались, что было достигнуто на Женевской встрече лидеров четырех держав, а затем и на четырехсторонней встрече в Париже.

К концу своего правления Н.С.Хрущев совершил поступок, пожалуй, равный тому, после которого мир узнал о злодеяниях Сталина. Он пошел навстречу президенту США Джону Кеннеди по разблокированию Карибского кризиса, грозившего ядерной мировой войной. Об этом в «Приложении» к воспоминаниям говорит переписка двух лидеров сверхдержав.

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть III

ОТ ДНЯ ПОБЕДЫ ДО XX СЪЕЗДА КПСС

ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В 1944 г. вся Украина была освобождена от гитлеровских захватчиков и их союзников. Мужское население соответствующих возрастов было призвано в Красную Армию. Наша армия продвигалась с боями вперед, и пополнение шло главным образом за счет мобилизации тех людей, которые остались ранее на оккупированной врагом территории. Эти люди в своем большинстве с пониманием относились к выполнению гражданского долга, и их не приходилось особенно «угovarивать» идти драться с гитлеровской Германией. На долю тех, кто оставался дома — стариков, инвалидов и непригодных к военной службе, главным образом женщин, — сразу же выпало восстановление народного хозяйства, особенно сельского.

В промышленности, прежде всего угольной и металлургической, часть рабочих и инженерного персонала была освобождена от мобилизации. Туда же мобилизовывались женщины, особенно молодые девушки. Они шли туда охотно. Объяснение тому двоякое: с одной стороны, большую роль играли патриотизм и агитация Коммунистической партии, что нужно восстанавливать промышленность, что в этом состоит единственное спасение, возможность подъема жизненного уровня народа. С другой стороны, в восточнoукраинских промышленных районах снабжение было все-таки как-то организовано; например, питание населения было лучшим, чем в других районах Украины, особенно в 1946 году.

Угольной промышленностью занимался у нас Егор Трофимович Абакумов, специально откомандированный к нам как хороший знаток Донбасса. Тогда был взят правильный курс на строительство мелких шахт, на разработку верхних пластов, или, как их называют шахтеры, хвостов, то есть таких пластов, которые почти

выходят на поверхность. Неглубокие шахты в старое время называли мышеловками. Было намечено побыстрее пройти несколько сотен таких шахт и за счет мелкой механизации, неглубоких разработок и наклонных стволов срочно получить нужное количество угля. И этот уголь был получен!

Восстанавливались также металлургия, машиностроение, местная промышленность. Восстановление шло ускоренными темпами. Можно поражаться житейской цепкости людей, полному пониманию ими необходимости приложить все усилия, чтобы в ближайшее же время возродить промышленность и сельское хозяйство. Война окончилась, постепенно прошли торжество Победы и радость народа по этому поводу, вернулись уцелевшие люди на заводы, в шахты, совхозы и колхозы. Восстановление пошло теперь еще более быстрыми темпами. Но не без проблем.

1946 год был очень засушливым, сельское хозяйство Украины сильно пострадало. Пострадали и другие республики, но о них я меньше могу рассказать. А Украину-то я знал. К осени того года вырисовывался ужасно плохой урожай. Я все делал для того, чтобы Сталин своевременно понял это. Неурожай был вызван тяжелыми климатическими условиями, а кроме того, слабой механизацией сельского хозяйства, подорванного отсутствием тракторов, лошадей, волов. Недоставало рабочей тягловой силы. Организация работ тоже была плохой; люди вернулись из армии, взялись за работу, но еще не притерся каждый как следует к своему месту, да и квалификация у одних была потеряна, а другие совсем ее не имели. В результате мы получили очень плохой урожай.

Не помню, какой нам тогда спустили план: что-то около 400 млн. пудов или даже больше. План устанавливался волевым методом, хотя в органах печати и в официальных документах он «обосновывался» научными данными, то есть снятием метровок и пересчетами биологического урожая со скидкой на собственные потери, на затраты содержания людей, скота и на товарные излишки. При этом исходили главным образом не из того, что будет выращено, а из того, сколько можно получить в принципе, выколотить у народа в закрома государства. И вот началось это выколачивание. Я видел, что год грозит катастрофой. Чем все закончится, трудно было предугадать.

Когда развернули заготовки и окончательно вырисовался урожай, можно было уже более или менее точно определить возможности заготовки зерна в фонды государства. К тому были приняты все меры, какие только возможны. Колхозники с пониманием

отнеслись к выполнению своего долга и делали все, что в их силах, чтобы обеспечить страну хлебом. Украинцы сполна выстрадали и в гражданскую войну, и при коллективизации, и когда республика была оккупирована. Они знали, что значит для страны хлеб, и знали ему цену, понимали, что без хлеба не получится восстановление промышленности. Кроме того, срабатывало доверие к Коммунистической партии, под чьим руководством была одержана Победа.

Но сверху к людям относились иначе. Я получал письма от председателей колхозов просто душераздирающие. Запали мне в память, например, строчки такого письма: «Вот, товарищ Хрущев, выполнили мы свой план хлебозаготовок полностью, сдали все, и у нас теперь ничего не осталось. Мы уверены, что держава и партия нас не забудут, что они придут к нам на помощь». Автор письма, следовательно, считал, что от меня зависит судьба крестьян. Ведь я был тогда председателем Совета народных комиссаров Украины и первым секретарем ЦК КП(б)У, и он полагал, что раз я возглавляю украинскую державу, то не забуду и крестьян. Я-то знал, что он обманывается. Ведь я не мог ничего сделать, при всем своем желании, потому что, когда хлеб сдается на государственный приемный пункт, я не властен распоряжаться им, а сам вынужден умолять оставить какое-то количество зерна, в котором мы нуждались. Что-то нам дали, но мало.

В целом я уже видел, что государственный план по хлебу не будет выполнен. Посадил я группу агрономов и экономистов за расчеты. Возглавил группу Старченко¹, хороший работник и честный человек. Я думал, что если откровенно доложить обо всем Сталину и доказать верность своих соображений цифрами, то он поверит нам. И мне удалось по некоторым вопросам преодолеть бюрократическое сопротивление аппарата и апеллировать непосредственно к Сталину. И прежде я действовал так, хорошо подобрал материалы и логично построив свои доказательства. В результате их правдивость брала верх. Сталин поддерживал меня. Я надеялся, что и на этот раз тоже докажу, что мы правы, и Сталин поймет, что тут не саботаж. Такого рода термины не заставляли себя ждать в Москве, где всегда находили оправдания и для репрессий, и для выколачивания колхозной продукции.

Сейчас не помню, какое количество хлеба я считал тогда возможным заготовить. Кажется, в записке, которую мы представили в Центр, мы писали о 180 или 200 млн. пудов с лишним. Это было, конечно, очень мало, потому что перед войной Украина вышла на ежегодный уровень 500 млн. пудов. Каждому было ясно, что

страна крайне нуждается в продуктах. И не только для собственного потребления: Сталин хотел оказать помощь новодемократическим странам, и особенно Польше и Восточной Германии, которые не смогли бы обойтись без нашей помощи. Сталин имел в виду создать будущих союзников. Он уже обряжался в тогу военачальника возможных будущих походов.

А пока что назревал голод. Я поручил подготовить документ в Совмин СССР с показом наших нужд. Мы хотели, чтобы нам дали карточки² с централизованным обеспечением не только городского, а и сельского населения каким-то количеством продуктов и кое-где просто организовали бы питание голодающих. Не помню сейчас, сколько миллионов таких продовольственных карточек мы просили. Но я сомневался в успехе, потом что знал Сталина, его жестокость и грубость. Меня старались переубедить мои друзья в Москве: «Мы договорились, что если вы подпишете этот документ на имя Сталина (а все такие документы адресовались только Сталину), то он даже не попадет ему в руки. Мы условились с Косыгиным (тогда Косыгин занимался этими вопросами). Он сказал, что вот столько-то миллионов карточек сможет нам дать».

Я долго колебался, но в конце концов подписал документ. Когда документ поступил в Москву, Сталин отдыхал в Сочи. О документе узнали Маленков и Берия. Думаю, что они решили использовать мою записку для дискредитации меня перед Сталиным, и вместо того, чтобы решить вопрос (а они могли тогда решать вопросы от имени Сталина: многие документы, которых он и в глаза не видел, выходили в свет за его подписью), они послали наш документ к Сталину в Сочи. Сталин прислал мне грубейшую, оскорбительную телеграмму, где говорилось, что я сомнительный человек: пишу записки, в которых доказываю, что Украина не может выполнить госзаготовок, и прошу огромное количество карточек для прокормления людей. Эта телеграмма на меня подействовала убийственно. Я понимал трагедию, которая нависала не только лично над моей персоной, но и над украинским народом, над республикой: голод стал неизбежным и вскоре начался.

Сталин вернулся из Сочи в Москву, и тут же я приехал туда из Киева. Получил разнос, какой только был возможен. Я был ко всему готов, даже к тому, чтобы попасть в графу врагов народа. Тогда это делалось за один миг — только глазом успел моргнуть, как уже растворилась дверь, и ты очутился на Лубянке. Хотя я убеждал, что записки, которые послал, отражают действительное положение дел и Украина нуждается в помощи, но лишь еще боль-

ше возбуждал в Сталине гнев. Мы ничего из Центра не получили. Пошел голод. Стали поступать сигналы, что люди умирают. Кое-где началось людоедство. Мне доложили, например, что нашли голову и ступни человеческих ног под мостом у Василькова (городка под Киевом). То есть труп пошел в пищу. Потом такие случаи участились.

Кириченко (он был тогда первым секретарем Одесского обкома партии) рассказывал, что, когда он приехал в какой-то колхоз проверить, как проводят люди зиму, ему сказали, чтобы он зашел к такой-то колхознице. Он зашел: «Ужасную я застал картину. Ви-дел, как эта женщина на столе разрезала труп своего ребенка, не то мальчика, не то девочки, и приговаривала: «Вот уже Манечку съели, а теперь Ванечку засолим. Этого хватит на какое-то время». Эта женщина помешалась от голода и зарезала своих детей. Можете себе это представить?

Такое же положение было в Молдавии. Сталин послал в Молдавию Косыгина, он тогда был министром торговли и занимался вопросами карточек. Косыгин вернулся, доложил, что там люди голодают и страдают дистрофией. Сталин возмущился и тоже на него накричал, а потом до самой смерти, встречаясь с ним, в шутку говорил: «Вот мой брат-дистрофик».

Косыгин тогда был очень худым. Так его некоторые и звали в те времена (в узком кругу, естественно, подражая Сталину).

Я докладывал обо всем Сталину, но в ответ вызывал лишь гнев: «Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы». Может быть, к Сталину поступали какие-то другие сведения, которым он тогда больше доверял? Не знаю. Зато знаю, что он считал, будто я поддаюсь местному украинскому влиянию, что на меня оказывают такое давление и я стал чуть ли не националистом, не заслуживающим доверия. К моим сообщениям Сталин стал относиться с заметной осторожностью. А откуда поступали другие сведения? Их докладывали чекисты или инструкторы ЦК ВКП(б), которые разъезжали по районам. Какая-то правдивая информация все же просачивалась к Сталину, но обычно ее очень боялись давать и припрятывали, чтобы «не нарваться», не поставить себя под удар, потому что Сталин реагировал очень резко. Он считал, что все под ним благоденствуют. Как писал Шевченко: «От молдаванина до финна на всех языках все молчит, бо благоденствует». Только Шевченко писал о времени Николая I, а тут Иосиф I.

Сталин поднял вопрос о том, что нужно созвать Пленум ЦК партии по сельскому хозяйству. Уж не помню, сколько лет не со-

зывали пленумов. Наверное, с 1938 г., когда обсуждали в очередной раз вопрос о борьбе с врагами народа, а потом перегибы, которые были допущены в этой борьбе. Сталин тогда играл благородную роль борца против перегибов, которые сам же организовал. Итак, теперь он поднял вопрос о пленуме насчет подъема сельского хозяйства. Начали обсуждать, кому поручить сделать доклад. На заседании Политбюро Сталин рассуждал вслух: «Кому сделать доклад?». Тогда за сельское хозяйство персонально отвечал Маленков. «Маленкову? Он занимается этим делом. Какой же он сделает доклад, если даже терминов сельского хозяйства не знает?». Это было сказано при Маленкове. Причем абсолютно правильно. Удивительно только, как Сталин, зная Маленкова, поручил ему заниматься сельским хозяйством. Это меня давно интересовало. Ответить трудно. У Сталина все могло быть...

Вдруг он говорит мне: «Вы будете делать доклад». Я испугался такого поручения: «Товарищ Сталин, мне не поручайте, прошу вас». «Почему?». «Я мог бы сделать доклад об Украине, которую я знаю. Но я же не знаю Российской Федерации. О Сибири вообще понятия не имею, никогда там не был и не занимался этим делом. Собственно говоря, до Украины я вообще никогда не занимался сельским хозяйством, я сам ведь промышленник, занимался много промышленностью, а также коммунальным хозяйством Москвы. А Средняя Азия? Да я никогда не видел, как хлопок растет». Сталин настаивал: «Нет, вы сделаете доклад». «Нет, товарищ Сталин, очень прошу вас, освободите меня. Я не хочу ни подводить ЦК, ни ставить себя в глупое положение, взявшись сделать доклад на тему, которой я, собственно, не знаю. Доложить Пленуму я не смогу».

Он еще подумал: «Ну, хорошо, давайте поручим Андрееву». Андреев когда-то занимался сельским хозяйством и создал себе в партии славу знатока деревни. В сравнении с другими членами Политбюро он, конечно, лучше знал сельское хозяйство, хотя я был не особенно высокого мнения о его познаниях. Этот довольно сухой человек и формалист обычно пользовался различными бюрократическими записками, строил свои сообщения на основе записок других таких же знатоков сельского хозяйства. Во всяком случае, я был доволен, что меня миновала чаша сия. И Андрей Андреевич был утвержден докладчиком от ЦК на пленуме. Тогда он являлся членом Политбюро и секретарем ЦК. Имелся еще какой-то комитет по сельскому хозяйству — некая надстройка между ЦК и Советом Министров СССР. Андреев был председателем этого комитета, а я числился его заместителем и

членом одного из бюро в комитете. Данный суррогат был создан Сталиным. Не знаю, для чего он был нужен и в чем конкретно заключалась его роль.

Подошло время, созвали Пленум³. Андрей Андреевич сделал доклад. Доклад получился стройный, логично построенный, как обычно у него бывало. Пленум проходил в Свердловском зале Кремля, президиум там маленький, сидели только члены Политбюро. Я находился рядом со Сталиным и видел, как он внимательно слушал. Объявили перерыв. Мы зашли в комнату отдыха, где собирались члены Президиума попить чаю. Иной раз там же и обедали, обменивались мнениями. Сели за стол, подали нам чай, и Сталин спрашивает меня: «Каково ваше мнение о докладе?». Говорю: «Докладчик осветил все вопросы». «Но вы же сидели совершенно безучастно. Я смотрел на вас». «Если вы хотите, чтобы я сказал вам правду, то, на мой взгляд, в докладе нужно было по-иному поставить вопросы. Затронуто все, но в трафаретном порядке». Он вскипел: «Вот вы отказались докладывать, а теперь критикуете». Я видел, что Сталин недоволен мной.

Началось обсуждение доклада. Многие выступили в прениях, я тоже. Совершенно не помню сейчас, какие вопросы я поднимал, скорее всего, говорил о текущих делах восстановления хозяйства Украины. Скажу лишь об одном. Тогда я считал важнейшими вопросами механизацию и семенное дело. В то время действовал закон о «первой заповеди» колхозника: сначала выполнить обязательства по поставкам государству, потом засыпку семян и фондов, потом — для распределения по трудодням. Я считал, что нужно нарушить эту заповедь, которую выдумал Сталин, и в первую очередь засыпать семена. Ведь в старое время единоличник, даже умирая, не съедал семена, потому что это будущее, это жизнь. Как же мы берем эти семена у крестьянина, а потом вынуждены давать ему же для посева зерно? Но уже неизвестно, что это за семена и из какого района пришли, насколько они акклиматизированы.

Мое выступление вызвало ярость Сталина. Была создана специальная комиссия, и Андрея Андреевича назначили ее председателем, а меня ввели в состав комиссии. Но еще более тяжелая туча нависла надо мной после выступления Мальцева⁴, опытного работника, действительно хорошо знающего сельское хозяйство Урала. Он прекрасно вел свое хозяйство, а в выступлении рассказал, как у них обстоит дело и какие хорошие урожаи яровой пшеницы он получает. Как только он сказал о яровой пшенице, я сразу же почувствовал удар в самое больное место. Я ведь знал, что

Сталин, не разобравшись, тут же вытащит вопрос о яровой пшенице и бросит его мне в лицо. Я-то выступал против сева яровой пшеницы в обязательном порядке: она менее урожайна на Украине, особенно на юге, хотя в некоторых колхозах она неплохо удавалась. Поэтому я считал, что пусть ее сеют колхозы, кто может, но не надо записывать обязательным решением, что каждый колхоз должен в определенных процентах посеять яровую пшеницу: ведь она иной раз даже семена не возвращала. Сталин этого не знал и знать не хотел. Хотя перед войной я как-то докладывал ему о яровой пшенице, и он тогда согласился со мной, после чего было принято решение не обязывать все колхозы Украины сеять яровую пшеницу.

Как только был объявлен перерыв и мы зашли в комнату для отдыха, Сталин нервно и злобно бросил мне: «Слышали, что сказал Мальцев?». «Да, товарищ Сталин, но он же говорил об Урале. Если у нас, на Украине, самая урожайная культура — озимая пшеница, то на Урале ее совсем не сеют, а сеют только яровую пшеницу. Они ее изучили, умеют ее возделывать и получают хороший урожай, да и то не все хозяйства. Мальцев — это же мастер, академик в своем деле». «Нет, нет, если там яровая дает такой урожай, то тут у нас, — и он ударил себя по животу, — вот какие глубокие черноземы, урожай будет еще лучше. Надо записать в резолюцию». Говорю: «Если записывать, то запишите, что я отказывался. Все знают, что я против яровой пшеницы. Но если вы так считаете, то тогда записывайте и Северному Кавказу с Ростовской областью. Они в таком же положении, как и мы». «Нет, запишем только вам!». Дескать, я должен проявить инициативу, чтобы за мной пошли другие. В работе созданных на пленуме комиссий, когда обсуждали этот вопрос, я тоже принимал участие, но не до конца. Пленум закончился, все разъехались по местам, и мне тоже надо было уехать. Дописывали резолюцию Маленков с Андреевым.

Перед отъездом я на комиссии снова поставил вопрос о том, что нужно отменить решение о «первой заповеди» колхозника, и предложил, чтобы семенной фонд засыпали параллельно сдаче зерна государству в определенной пропорции. Конечно, тут была с моей стороны уступка. Но я считал, что даже так будет полезно, а то вообще ничего не оставляли. Все же в каких-то процентах пойдет зерно и государству, и в семенной фонд. Уехал я. Звонит мне Маленков спустя несколько дней и говорит: «Резолюция готова. Твое предложение о порядке засыпки семенного фонда в колхозах и в совхозах в резолюцию не включили, будем Сталину

докладывать. Как ты считаешь, докладывать твое предложение отдельно или же совсем ничего ему не говорить?». Явно провокационный вопрос. Все знали, включая Сталина, что я этот вопрос поднимал на комиссии, боролся за это, а теперь, когда ставится вопрос докладывать Сталину, то, если бы я сказал не докладывать, это оказалось бы проявлением трусости. Говорю: «Нет, товарищ Маленков. Прошу доложить товарищу Сталину мою точку зрения». «Хорошо!».

Доложили. Я узнал из нового звонка Маленкова, что Сталин был страшно недоволен и мое предложение не приняли. Сталин просто взбесился, когда узнал о нем. После пленума Сталин поднял вопрос о том, что надо оказать помощь Украине. Сказал и смотрит на меня, ждет моей реакции. Я промолчал, и он продолжил: «Надо подкрепить Хрущева, помочь ему. Украина разорена, а республика огромная и имеет большое значение для страны». Я про себя прикидывал: «Куда он клонит?». «Я считаю, что надо послать туда, в помощь Хрущеву, Кагановича. Как вы на это смотрите?» — спросил он, обращаясь ко мне. Отвечаю: «Каганович был секретарем ЦК КП(б)У, знает Украину. Конечно, Украина — это такая страна, что там хватит дела не только для двух, а и на десяток людей». «Хорошо, послать туда Кагановича и Патоличева». Патоличев в то время был секретарем ЦК ВКП(б). Отвечаю: «Пожалуйста, это будет хорошо». Так и записали. Сталин предложил разделить посты председателя Совмина Украины и Первого секретаря ЦК КП(б)У. В свое время их объединили по его же предложению, а я тогда доказывал, что не нужно этого делать. Так было сделано на Украине и в Белоруссии. Не знаю, было ли проведено это и в других республиках. Сталин предложил: «Хрущев будет Председателем Совета Министров Украины, а Каганович — Первым секретарем ЦК. Патоличев⁵ же будет секретарем ЦК по сельскому хозяйству». Я опять говорю: «Хорошо».

Собрали мы пленум на Украине. Пленум утвердил назначения, каждый сел на свое место и занялся своим делом. «Прежде всего, — говорю я Кагановичу и Патоличеву, — надо нам подготовиться к посевной. У нас нет семян. Кроме того, нам надо получить что-то, чтобы людей накормить: они же умирают, появилось людоедство. Ни о какой посевной не может быть и речи, если мы не организуем общественное питание. Вряд ли сейчас мы получим такое количество зерна, чтобы выдать ссуду, придется питать людей какой-то баландой, чтобы они с голоду не умирали. Ну и семена тоже надо получить». Поставили мы вопрос перед Москвой. Чтобы обеспечить урожай в 1947 г. и заложить зерно на 1948 г., следо-

вало срочно получить семена. Если мы не получили бы семян, то нам и делать было бы нечего, потому что все вывезли из деревни по первой сталинской заповеди.

Уже давно было подсчитано, что нам необходимо. Мы вновь обратились с просьбой к Сталину и получили какое-то количество семян и продовольственную помощь. Шел уже февраль. В ту пору на юге начинается в отдельных местах сев, а в марте уже многие южные колхозы сеют хлеб. Так что в марте мы должны были быть готовы к массовому севу на юге, а в Киевской области заканчивали сев в апреле. Говорю Кагановичу: «Давайте подумаем, что делать». Он: «Надо поехать по Украине». Отвечаю: «Надо, но это сейчас не главное. Ты давно не был на Украине, вот и поезжай, а я останусь в Киеве. Сейчас ведь важно не то, что я поеду и где-то побуду в одном, двух, трех или пяти колхозах. Это никакого значения не имеет. Протолкнуть по железной дороге семена, вытолкнуть их в области, а из области в колхозы — вот сейчас главное, от чего будет зависеть успех посевной». Так мы и договорились. Каганович поехал в Полтавскую область, а я остался в Киеве диспетчером на телефоне — проталкивать семена и грузы, связанные с обеспечением посевной: запасные части, горючее, смазочные материалы. О минеральных удобрениях тогда речи не велось, их в стране практически не было.

Каганович, когда поездил по колхозам, убедился, что его должность Первого секретаря ко многому обязывает: положение очень тяжелое, колхозники шатаются от ветра, неработоспособны, истощены голодом и мрут. Потом он делился со мной впечатлениями об одном колхозе и о председателе этого колхоза Могильниченко. «Что за человек, — говорит, — не понимаю. Суровый, настойчивый. Наверное, у него будет урожай. Как выехал я в поле, уже пахали землю. Увидел я, что мелко пашут, и сказал: «Что же вы мелко пашете?». Надо было знать Кагановича, чтобы понимать, как он сказал: гаркнул на председателя. А тот, хорошо знающий свое дело, ответил: «Як трэба, так и роблю». «Вот сейчас вы мелко пашете, а потом будете хлеб просить у государства?». «А я, — отвечает, — никогда, товарищ Каганович, у государства хлеба не просил. Я его сам государству даю».

Я еще раньше предложил Кагановичу: «Ты едешь на село, пусть с тобой теперь поедет Коваль. Это агроном, он очень хорошо знает сельское хозяйство, и поэтому ты обращай к нему за советами, он тебе подскажет. Он знающий свое дело человек». Коваль был тогда министром земледелия УССР. И вот Коваль увидел, что «наших бьют», бьют Первого секретаря, и кто? Председатель кол-

хоза. Он к нему: «Что вы говорите, товарищ Могильниченко? Вот я — агроном, министр земледелия Украины, и я считаю, что вы пахете неправильно». Могильниченко глянул на него искоса и ответил: «Ну и что, что вы агроном и министр? Я, як трэба, так и буду пахать». И остался при своих убеждениях. Спустя год я к нему поехал специально познакомиться с ним и колхоз посмотреть. Да, этот человек действительно знал свое дело. Я увидел богатейший колхоз, который не только не имел недоимок, а за полгода вперед сдавал авансом государству все сельскохозяйственные продукты.

Что же беспокоило Кагановича? Каганович сказал мне: «Боясь, что действительно у него будет хороший урожай по такой мелкой пахоте». Дело заключалось в том, что Каганович приложил руку к борьбе против мелкой пахоты. Тогда велись буквально судебные процессы против буккера — орудия для поверхностной вспашки почвы. Сторонников пахоты буккером осуждали и ликвидировали. А тут вдруг Каганович встречает мелкую пахоту. Противозаконно! Между прочим, в свое время в Саратовской области развивалась теория буккера, и там какой-то профессор пострадал за нее, был сурово осужден, посажен в тюрьму, если не расстрелян.

Вот так началась вновь наша совместная деятельность с Кагановичем, теперь уже на Украине. Он искал какие-то возможности показать себя и решил, что должен отличиться в том, что Украина максимально перевыполнит план по росту промышленной продукции, особенно в местной промышленности. Когда Госплан УССР предложил свои цифры, я их рассмотрел раньше (как председатель Совета Министров) и вынес на заседание Политбюро ЦК КП(б)У. Каганович на этом заседании все время смотрел то на цифры, то на меня: согласен ли я с ним? Я говорю: «Лазарь Моисеевич, можно принимать эти цифры, можно». «Нет, ты посмотри, какой рост!». «Так это же не годовой прирост в нормальных условиях, а годовой план по восстановлению промышленности и роста производства продукции на этой основе. Поэтому это посильно. Ведь за прошлый год мы добавили вот такой-то процент». Вместо того, чтобы увеличить цифры, он еле-еле согласился принять такие, ибо боялся, что они гарантируют ему провал: он не хотел принимать план, который будет не выполнен, а хотел низкого плана, чтобы перевыполнить его. Куда легче занести в план заниженные цифры, а потом кричать, что план не только выполняется, но и перевыполняется. К сожалению, это очень распространенный способ действий в нашем хозяйстве. Думаю, что им еще и сейчас пользуются, и довольно широко.

Мне не повезло: я весной 1947 года простудился и заболел воспалением легких, лежал с кислородными подушками, еле-еле выжил. Это помогло в какой-то степени Кагановичу развернуть свою деятельность без оглядки, потому что я его все-таки связывал: он вынужден был считаться со мной. А тут он распоясался, причем дал волю своему хамству. Буквально хамству. Он довел, например, до такого состояния Патоличева, что тот пришел ко мне, когда я еще лежал в постели, вскоре после кризиса, и жаловался: «Не могу я! Не знаю, как быть». Потом он не выдержал и написал письмо Сталину с просьбой освободить его от работы на Украине, потому что он не может быть рядом с Кагановичем. Его, по-моему, послали работать в Ростов. Патоличев ушел с Украины.

Мое здоровье пошло на поправку. Я еще пролежал, наверное, месяца два, если не больше, и вернулся к труду. Однако и у меня очень плохо сложились отношения с Кагановичем, ну просто непереносимые отношения. Он развернул бешеную деятельность в двух направлениях: против украинских националистов и против евреев. Сам — еврей, и против евреев? Или, может быть, это было направлено только целевым образом против тех евреев, которые находились со мной в дружеских отношениях? Скорее всего, так. Работал у нас, в частности, редактором одной газеты Троскунов⁶. Каганович освободил его от должности. Он его не только третировал, а просто издевался над ним. Это был честный человек, который во время войны редактировал фронтую газету, и на соревнованиях фронтовых газет его издание получило признание как лучшее. Троскунова я помню еще по Юзовке, когда я учился на рабфаке, а он и там работал в газете. Кажется, я даже ручался за него, когда он вступал в партию. Вот это ему и вышло потом боком.

Что касается националистов, то, когда я поднялся после болезни, ко мне сразу потекли многочисленные жалобы. Они затрагивали вопросы политического характера, и я как председатель Совета Министров практически ими не занимался. Эти вопросы входили в компетенцию партийного руководства республики. В ЦК мы их обсуждали, иногда доходило дело и до меня, но главным образом они решались в Секретариате ЦК, в работе которого я не принимал участия. На заседаниях же Политбюро ЦК КП(б)У эти вопросы ставились редко. Однако все, что я мог сделать, чтобы ослабить нажим Кагановича на псевдонационалистов, я делал.

Пошел поток записок Кагановича Сталину по «проблемным вопросам». В конце концов дошло до того, что однажды Сталин позвонил мне: «Почему Каганович шлет мне записки, а вы эти за-

писки не подписываете?». «Товарищ Сталин, Каганович — секретарь республиканского ЦК, и он пишет вам как Генеральному секретарю ЦК. Поэтому моя подпись не требуется». «Это неправильно. Я ему сказал, что ни одной записки без вашей подписи мы впредь не будем принимать». Только положил я трубку, звонит мне Каганович: «Сталин тебе звонил?». «Да». «Что он сказал тебе?». «Что теперь мы вдвоем должны подписывать посылаемые в Москву записки». Каганович даже не спросил, о чем еще говорил Сталин: мы поняли друг друга с полуслова. Однако мне почти не пришлось подписывать записки, потому что их поток иссяк: Каганович знал, что его записки никак не могли быть подписаны мною. Те же, которые он все же давал мне, или переделывались, или я просто отказывался их подписывать, и они никуда не шли дальше.

Для меня лично главное заключалось в том, что Сталин как бы возвращал мне свое доверие. Его звонок был для меня соответствующим сигналом. Это улучшало мое моральное состояние: я восстанавливался полноправным, а не только по названию, членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Относительно плана: план хлебозаготовок мы выполнили, сдав около 400 млн. пудов зерна. Урожай был по тому времени неплохой. Правда, план был все же небольшой, но ведь и хозяйство республики было войною разрушено. Поэтому на общем фоне сельского хозяйства СССР после войны это были хорошие цифры.

Осенью 1947 г. Сталин вызвал нас с Кагановичем к себе. Еще до того, когда мы выполнили план, попросили, чтобы он принял нас в Сочи, где он отдыхал. Мы туда к нему слетали. А теперь, когда Сталин вернулся в Москву, он сам нас позвал и поставил вопрос о том, что Кагановичу нечего делать на Украине, его надо отозвать в Москву. Таким образом, меня восстановили и как Первого секретаря ЦК КП(б)У. Я был, конечно, рад и с большим рвением взялся за знакомую работу. Дела у нас пошли хорошо. Сельское хозяйство на Украине восстанавливалось значительно быстрее, чем в других местах, потревоженных войной. Мы соревновались тогда с Белоруссией. Украина опережала ее во всех отношениях. Конечно, Белоруссия была страшно разрушена. И все же этот факт поднимал значение Украины вместе с авторитетом украинского руководства. Я был доволен.

1949 год — последний год моего пребывания на Украине. Сталин позвонил мне, чтобы я приехал в Москву, и сказал, что я вторично перехожу на работу в общесоюзную столицу. Оглядываясь, скажу, что украинский народ относился ко мне хорошо. Я тепло

вспоминаю проведенные там годы. Это был очень ответственный период, но приятный потому, что принес удовлетворение: быстро развивались, росли и сельское хозяйство, и промышленность республики. Сталин мне не раз поручал делать доклады на Украине, особенно по вопросам прогресса животноводства, а потом отдавал эти доклады публиковать в газете «Правда», чтобы и другие, по его словам, делали то же, что мы делали на Украине. Впрочем, я далек от того, чтобы переоценить значение собственной персоны. Напряженно трудилась вся республика.

Я неплохо знаю Украину. И раньше считал, и сейчас считаю, что она по сравнению с другими республиками имеет высокий уровень развития сельского хозяйства и сравнительно высокую культуру земледелия. Не знаю, правда, как оценить культуру хлопководства в Средней Азии. Сравнивая Украину с другими республиками (не имею в виду Прибалтику, потому что Прибалтика тогда только недавно вошла в состав СССР), скажу, что Российская Федерация, Белоруссия и другие республики уступали Украине. Это, видимо, исторически так сложилось. В РСФСР же выделялась в лучшую сторону Кубань: там тоже отличные земли и высокая культура их обработки. Так что успехи УССР я приписываю всему украинскому народу.

Я сейчас не буду дальше распространяться на данную тему, но это, в принципе, очень легко доказать. Я сам русский и не хочу обижать русских, а просто констатирую, что на Украине выше культура земледелия. Сейчас идет нивелировка, всюду прилагаются большие усилия для подъема земледелия, затрачиваются большие средства. Новая техника, минеральные удобрения, все другие элементы, от которых зависит уровень сельскохозяйственного производства, усиленно финансируются, чтобы выравнять культуру земледелия по республикам и поднимать ее с каждым годом все выше и выше, полностью обеспечить потребности народа в продукции сельского хозяйства.

¹ СТАРЧЕНКО В.Ф. (1904 — 1948) — член-корреспондент АН УССР с 1945 г., селекционер, заместитель председателя Совета Министров УССР.

² Нормированное снабжение населения продуктами и товарами первой необходимости по карточкам было введено постановлением Совнаркома СССР от 18 июня 1941 г. в отдельных местностях, с 1 сентября — в 197 городах, рабочих поселках и поселках городского типа, а с 1 ноября 1941 г. — во всех прочих городах и рабочих поселках страны. На гарантированное снабжение по тем же нормам приняли также работников оборонной промышленности, транспорта и их детей. В сельских местностях продукты отпускались

по талонам или спискам. В 1942 г. вводились спецкарточки для дополнительного питания отдельных категорий граждан. Продажа по карточкам промтоваров осуществлялась с 1 февраля 1942 г., сначала в крупнейших центрах, а с апреля — и в остальных. 14 декабря 1947 г. было принято постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары» с ликвидацией карточной системы снабжения.

³ Состоялся в Москве 21 – 26 февраля 1947 года.

⁴ МАЛЬЦЕВ Т.С. (1895 г. — 1994) — новатор сельского хозяйства, полевод в Шадринском районе Курганской обл., член ВКП(б) с 1939 г., почетный академик ВАСХНИЛ, дважды Герой Социалистического Труда (1955 и 1975 гг.), инициатор безотвальной обработки почвы в современных условиях.

⁵ ПАТОЛИЧЕВ Н.С. (1908 — 1989) — член ВКП(б) с 1928 г., в 1939 — 1946 гг. первый секретарь Ярославского, Челябинского обкомов, горкомов партии, с 1946 г. секретарь ЦК ВКП(б), ЦК КП(б)У, потом первый секретарь Ростовского обкома и горкома партии, ЦК КП Белоруссии, министр внешней торговли СССР в 1958 — 1985 гг., член ЦК партии в 1941 — 1986 гг., член Оргбюро ЦК партии в 1946 — 1947 гг., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1952 — 1953 гг.

⁶ ТРОСКУНОВ Л.И. в годы Великой Отечественной войны редактировал фронтовые газеты «За честь Родины» (Воронежского фронта), «Красная Армия» (Донского, Сталинградского, Юго-Западного и Южного фронтов).

СНОВА В МОСКВЕ

Мотивировка отзыва меня с Украины в Москву в 1949 г. — на мой взгляд, результат какого-то умственного расстройтва у Сталина. То есть не самый факт моего отзыва, а причины, побудившие Сталина срочно перевести меня. Я тогда находился во Львове. Украинские националисты убили писателя-интернационалиста Галана¹, и я проводил собрание среди студентов Лесотехнического института. Студент, который убил Галана, учился в этом институте, поэтому я и решил поговорить с его однокашниками.

Вдруг меня вызвал к телефону Маленков: говорит мне, что Сталин передает, чтобы я срочно прибыл в Москву. «Как срочно?». «Как только можешь. Прилетай завтра». И на завтра я прибыл в Москву. Сталин встретил меня очень хорошо: «Ну, — говорит, — что же вы будете долго сидеть на Украине? Вы там превратились уже в украинского агронома. Пора вам вернуться в Москву». И

начал рассказывать: мы тут считаем, что вам надо опять занять пост первого секретаря Московского городского и областного партийных комитетов. У нас плохо обстоят дела в Москве и очень плохо — в Ленинграде, где мы провели аресты заговорщиков. Оказались заговорщики и в Москве. «Мы хотим, чтобы Москва была опорой ЦК партии, поэтому вам полезнее работать здесь. Вы станете секретарем сразу МК и ЦК партии». Я, конечно, поблагодарил за доверие. Сказал, что с удовольствием приеду в Москву, потому что был доволен своей прежней работой в столице, 11 лет назад. Я считал, что такой срок работы на Украине вполне приличный и мне будет полезно переместиться.

Когда я вернулся от Сталина, Василевская и Корнейчук, находившиеся в Москве, зашли ко мне. Я рассказал им о состоявшемся разговоре. Ванда Львовна расплакалась, буквально разревелась. Я никогда еще не видел ее в таком состоянии. Она: «Как же вы уедете с Украины? Как же так?». Польша оплакивала тот факт, что русский уезжает с Украины! Несколько курьезно. Видимо, это объяснялось тем, что у меня сложились очень хорошие, дружеские отношения с ней. Я ее очень уважал. Это была замечательная женщина и замечательная коммунистка. И она платила мне таким же уважением. Я не скрываю этот штрих, может быть немного тщеславный, но, безусловно, приятный для меня. Данное событие всплыло у меня в памяти, и я решил о нем рассказать.

Относительно сталинской мотивировки его решения: в подтверждение неблагополучия дел в Москве он вручил мне некий документ: «Вот, ознакомьтесь, а потом поговорим». Я не стал читать тут же — это был большой документ — и положил его в карман. Назавтра прочел. Это оказалось анонимное заявление, хотя и с подписями, но анонимное по своему характеру. Сейчас не помню, чьи там стояли подписи. В тексте говорилось, что в Москве существует группа заговорщиков против ЦК и Советского правительства, а группу эту возглавляет секретарь Московского комитета и ЦК партии Попов². Далее указывалось, кто входит в группу: секретари райкомов партии, часть председателей райисполкомов, директора заводов, инженеры. Я сразу почувствовал, что готовил бумагу с умыслом либо сумасшедший, либо мерзавец. Положил я записку к себе в сейф и решил не говорить Сталину о ней какое-то время, считая, что чем больше пройдет времени без такого разговора, тем будет лучше.

Когда я уезжал на Украину, чтобы оформить переход в Москву, Сталин сказал мне: «Вы к моему 70-летию вернетесь в Москву?» (то есть в декабре). «Безусловно. Приеду, сейчас же соберу Пле-

нум ЦК КП(б)У, изберем новое руководство, и я вернусь». Ранее я уже согласовал с ним, что буду рекомендовать Первым секретарем ЦК Мельникова³. Сталин согласился, хотя и не знал его: доверился мне. Приехал я в Москву перед самым празднованием юбилея, 21 декабря. Отпраздновали мы 70-летие вождя, я был избран секретарем Московского областного и городского партийных комитетов и приступил к делу.

А вскоре Сталин спросил меня, сам вспомнив: «Я давал вам заявление. Вы с ним ознакомились?». И смотрит внимательно на меня. «Ознакомился». «Ну, и как?». А у него была такая привычка: посмотрит на тебя, потом носом дернет вверх: «Ну, и как?». Отвечаю: «Это мерзавцы какие-то написали или сумасшедшие». «Как так?». Он очень не любил, когда относились с недоверием к такого рода документам. «Товарищ Сталин, я абсолютно убежден, что данный документ не имеет ничего общего с действительностью. Я лично знаю многих людей, которые названы заговорщиками. Это честнейшие люди. Кроме того, я абсолютно уверен, что Попов тоже не заговорщик. Он неумно вел себя. Бесспорно, оказался не на должной высоте. Но он не заговорщик, а честный человек, в этом я не сомневался и не сомневаюсь. А если бы он даже стал заговорщиком, то те люди, которые, как написано, входят в его заговорщическую группу, сам не знаю, что сотворили бы с ним».

Видимо, мой уверенный тон повлиял на Сталина: «Вы считаете, что документ не заслуживает внимания?». «Безусловно, товарищ Сталин, не заслуживает. По-моему, тут провокация или безумие». Сталин выругался, и на том все кончилось. Можете себе представить: если бы подстраиваться под настроение Сталина, захотеть отличиться и завоевать его дополнительное доверие, то это очень легко было бы сделать. Нужно было только сказать: «Да, товарищ Сталин, это серьезный документ, надо разобраться и принять меры». Достаточно было бы такого заявления с моей стороны, и сейчас же он приказал бы арестовать Попова и «его группу». Они, конечно, на допросах «сознались» бы, вот вам заговорщическая группа в Москве, а я стал бы человеком, которому, возможно, приписали бы, что, дескать, он пришел, глянул, сразу раскрыл и разгромил заговорщиков. Ведь это же низость! А фактически именно так получилось у других людей в Ленинграде.

Стал я работать в Москве. Но все же знал, что раз Сталин нацелился на Попова как заговорщика, то уже не успокоится, пока не dokonает его. Посоветовались мы с Маленковым, и я предложил: «Давай переведем Попова за пределы Москвы, подберем ему хо-

рошую должность». Так и сделали, послали его, с временным интервалом, директором крупного завода в Куйбышев. Сталин иногда вспоминал: «А где Попов?». Когда-то он был любимцем у Сталина. Отвечаю: «В Куйбышеве». И Сталин успокаивался. Видимо, все-таки думал: «А не ошибся ли Хрущев, не остался ли этот заговорщик поблизости и не продолжает ли он свою деятельность в столице?». Он бы никогда не примирился с этим, но когда узнавал, что Попов в отдалении, то успокаивался.

Мне потом передавали о негодовании Попова против меня. Умер он, что его осуждать? Он же не понимал, что ему меня не только не ругать надо, а наоборот. Если бы не я, он бы погиб, потому что Сталин уже подготовился к этому. Ведь и меня-то он вызвал потому, что получил документ против Попова и поверил этому документу. Я спас Попова, но вот бывает так, что человек не поймет и проявляет недовольство теми, кто подставил свою спину в его защиту. А ведь я тогда рисковал. Если бы Сталин мне не поверил, то мог бы подумать, что и я вхожу в заговор вместе с Поповым.

Такие наступали опять времена. После войны мы постепенно как бы возвращались к мясорубке 1937 г., к методам тогдашней «работы».

* * *

Только что передали по радио трагическую весть о том, что погиб Гагарин*. При каких обстоятельствах, ничего не сообщили. Очень жаль. Сообщили только, что он погиб в результате авиационной катастрофы. Видимо, еще не известны причины катастрофы, еще требуется техническая экспертиза. Но это уже причина, а сам факт гибели такого замечательного человека бесспорен. Очень жаль. Хороший был, смелый человек, первым полетел в космос.

* * *

Возвращаясь к прерванному столь печальным известием рассказу о моей работе в Москве. Когда я стал секретарем ЦК ВКП(б) и Московской парторганизации, Кузнецов-Ленинградский⁴, как мы его между собой называли, был арестован. Развернулась охота за ленинградцами, Ленинградская парторганизация всю громила. Сталин, сказав, что мне нужно перейти в Москву, уже сослался тогда на то, что в Ленинграде раскрыт заговор. Он вообще считал, что Ленинград — заговорщический город.

В то время много людей было направлено в Москву из Горь-

* Ю.А.Гагарин погиб 27 марта 1968 года (ред.).

ковской области. Председатель Совета Министров Российской Федерации Родионов⁵ тоже был из Горького. Думаю, что Жданов, который много лет работал там и знал тамошние кадры, выдвигал их. Хороший был председатель, нравился он мне: молодой, энергичный человек, имел собственные мысли, перспективный. Но тоже был арестован. И не только он, многие были схвачены. Я много лет не работал в Москве и поэтому не знал людей из числа арестованных. Более или менее знал Кузнецова. Очень хорошо знал Вознесенского⁶. Вознесенский не был еще арестован, когда я прибыл в Москву, но уже был смещен с прежних постов. Он ходил без дела и ожидал, чем это кончится, что принесет ему завтрашний день.

Сталин к Вознесенскому раньше относился очень хорошо, питал к нему большое доверие и уважение. Да и к Косыгину, и к Кузнецову, ко всей этой тройке. Тогда считалось, что вот тройка молодых — Вознесенский, Кузнецов и Косыгин. Они идут нам на смену. Сталин стал их продвигать. Кузнецов должен был заменить Маленкова. Вознесенского он сделал первым заместителем председателя Совета Министров СССР, то есть своим первым заместителем, и поручил ему председательствовать на заседаниях Совмина. Косыгин занимался проблемами легкой промышленности и финансов. Полагаю, что гибель этих людей (без Косыгина) определилась именно тем, что Сталин стал их выдвигать, готовя смену старым кадрам. Прежде всего, значит, замену Берии, Маленкову, Молотову, Микояну. Они у него уже не пользовались тем доверием, как раньше.

Как конкретно удалось сделать подкоп, подорвать доверие к новым людям, натравить Сталина на них, его же выдвиженцев, мне сейчас трудно сказать. Могу только делать выводы из своих наблюдений и отдельных реплик, которые слышал при разговорах между Маленковым и Берией. Кроме того, я видел, как вели себя Маленков и Берия у Сталина, когда заходила речь об этих людях. У меня сложилось впечатление, что как раз Маленков и Берия приложили все усилия, чтобы утопить их. Главным образом тут действовал Берия, а Маленкова он использовал как таран, потому что тот сидел в ЦК партии и ему были доступны вся информация и документы, которые передавались Сталину. Ряд документов преследовал цель направить гнев Сталина против «группы молодых»: они заранее знали, как будет реагировать Сталин.

В тюрьме уже сидел тогда Шахурин⁷, нарком авиационной промышленности во время войны. Я очень хорошо знал Шахурину, когда он находился на партийной работе и был, в частности, парторгом

ЦК на 30-м авиационном заводе. В качестве наркома его заменил Дементьев⁸. Я знал и того, и другого и хорошо относился к ним, считая, что они очень толковые инженеры и организаторы производства. Шахурина посадили за то, что во время войны делали «плохие самолеты». Это случилось, когда я был еще на Украине, и поэтому я не знал подробностей. Потом Маленков рассказывал мне, что якобы соответствующую записку написал (или лично наговорил отцу) Василий Сталин: делали такие-то самолеты и такие-то у них имелись недостатки, а виноват в этом нарком Шахурин.

Косвенно задело это и Маленкова, которому по линии Политбюро во время войны было поручено наблюдать за работой авиационной промышленности. Теперь ему вменялось в вину покровительство плохой работе наркомата. Кое-что тут было справедливо, потому что погоня за количеством шла в ущерб качеству. Но ведь шла война! Во многих отраслях промышленности приходилось так поступать. Такого рода рассуждения задним числом привели к аресту Шахурина и к временному освобождению Маленкова от работы в ЦК. Его послали тогда, кажется, в Ташкент. Но он там недолго пробыл и быстро вернулся. Многие сейчас и не помнят, что имел место такой факт. Возвратил же его в Москву Берия. Когда Маленкова в Москве не стало, Берия, как он сам рассказывал, шаг за шагом продвигал перед Сталиным идею возврата Маленкова. В конце концов его вернули, и он опять занял свой пост секретаря ЦК партии.

Какой существовал повод к аресту Кузнецова и других? Я не могу знать всех деталей, но что-то знаю и хочу об этом рассказать. Сейчас многое звучит просто неправдоподобно и даже вызывает удивление, что такие причины могли вызвать гибель людей и целых партийных организаций, которые все брались под подозрение. Вот факты. Еще до войны (не помню, в какие годы) в ЦК было создано Бюро по Российской Федерации. Возглавлял это бюро, кажется, Андрей Андреевич Андреев. Не знаю, при каких обстоятельствах это бюро перестало существовать, и снова возникло такое положение, что РСФСР не имела своего высшего партийного органа, который разбирал бы текущие вопросы экономики и прочего. Все они были розданы по союзным наркоматам, только некоторые вопросы третьей степени важности рассматривались Совнаркомом РСФСР. Частично из-за этого Российская Федерация и работала значительно хуже, чем другие республики.

Как-то после войны, приехав с Украины, я зашел к Жданову. Тот начал высказывать мне свои соображения: «Все республики имеют свои ЦК, обсуждают соответствующие вопросы и решают

их или ставят перед союзным ЦК и Советом Министров СССР. Они действуют смелее, созывают совещания по внутриреспубликанским вопросам, обсуждают их и мобилизуют людей. В результате жизнь бьет ключом, а это способствует развитию экономики, культуры, партийной работы. Российская же Федерация не имеет практически выхода к своим областям, каждая область варится в собственном соку. О том, чтобы собраться на какое-то совещание внутри РСФСР, не может быть и речи. Да и органа такого нет, который собрал бы партийное совещание в рамках республики». Я с ним согласился: «Верно. Российская Федерация поставлена в неравные условия, и ее интересы от этого страдают».

«Я, — продолжал Жданов, — думаю над этим вопросом. Может быть, надо вернуться к старому, создав Бюро по Российской Федерации? Мне кажется, это приведет к налаживанию партийной работы в РСФСР». Говорю: «Считаю, что это было бы полезно. Даже при Ленине внутри СССР не было ЦК партии по РСФСР. Это и правильно, потому что если бы у Российской Федерации имелся какой-то выбранный центральный парторган, как у других республик, то могло возникнуть противопоставление. Российская Федерация слишком мощная по количеству населения, промышленности, сельскому хозяйству. К тому же в Москве находились бы сразу два центральных комитета: один межреспубликанский, а другой — для РСФСР. Ленин на это не пошел. Видимо, он не хотел создать двоецентризм, не хотел столкнуть такие центры, а стремился к монолитности политического и партийного руководства. Так что ЦК для РСФСР не нужен, лучше иметь Бюро». «Да, — говорит Жданов, — видимо, целесообразнее создать такое Бюро».

Жданов перед своим отъездом на Валдай, где он отдыхал и лечился, позвонил мне в Киев: «Вы были в Москве, но я с вами не успел поговорить. У меня имеется важный вопрос. Теперь я уезжаю, поговорим тогда, когда вернусь с Валдая». Я пожелал ему всего хорошего. А в скором времени получил известие о том, что Жданов умер. Таким образом, то, о чем он хотел поговорить, осталось для меня загадкой. Он мне в Киев звонил редко, как и я ему из Киева. У нас более всего возникало кадровых вопросов или по сельскому хозяйству. Телефонный перезвон с Москвой у меня существовал, но не со Ждановым, а с Маленковым. А теперь обвинили «группу Кузнецова» в Ленинграде, будто там проявили «русский национализм» и противопоставили себя общесоюзному ЦК. Что-то в этом духе, точно не помню, а документов я не видел. Почему же у меня сложилось такое впечатление? Я слышал соответствующие разговоры между Маленковым и Берией, а

иной раз и у Сталина. Сталин задавал какие-то вопросы Маленкову, и их разговор вертелся вокруг этого.

У меня же как-то с Маленковым возник следующий разговор. Я тогда разрабатывал вопрос о том, чтобы создать на Украине республиканские министерства угольной промышленности и металлургической промышленности. А за отправное брал реалии ленинского периода. Когда Ленин еще был жив, то после гражданской войны на Украине был создан Комитет по каменноугольной промышленности. Возглавлял его Семен Шварц⁹, старый большевик. Я в то время служил еще в Красной Армии. Видимо, речь идет о 1921-м и начале 1922 года. Когда я вернулся на рудники и стал работать на Рутченковских копях, угольную промышленность Донбасса возглавлял Георгий Пятаков¹⁰, крупный политический и хозяйственный деятель. Он считался видным экономистом и слыл авторитетом. Потом его заменили, не знаю точно, по каким причинам, но главной была, конечно, политическая, потому что Пятаков являлся ближайшим человеком у Троцкого, с которым шла тогда острая борьба. Видимо, это и сказалось на том, что Пятакова переместили из Донбасса. Его там заменил Чубарь. Тогда на губернских партийных конференциях пели много частушек на злобу дня. Встречались и такие слова: «Шлет ЦК нам Чубаря. Что у нас изменится?».

Уголь в те годы главным образом добывали в Донбассе. Наверное, процентов 80 занимала донбасская доля в общей добыче советского угля. Я считаю, что и сейчас надо бы создать на Украине объединенное правление по углю, вернувшись к тому, что было при Ленине и сразу после Ленина. На Украине находилась и Югосталь. Ее возглавлял Иванов¹¹, тоже старый большевик. Довольно толстый был человек. Югосталь размещалась в Харькове, а Комитет по каменноугольной промышленности — в Бахмуте (теперь Артемовск). Потом он тоже переехал в Харьков, и там возглавил его Рухимович, а Чубарь уже стал председателем Совета народных комиссаров Украины.

Рухимовича я очень уважал. Это замечательный человек, старый большевик, очень простой и доступный, рассудительный и умный. Донбасцы — шахтеры, включая их руководство, которое соприкасалось с лидерами, — с очень большим уважением относились к Рухимовичу. Он часто проводил совещания работников угольной промышленности, и я всегда выезжал на эти совещания, когда был заворгом Сталинского окружного парткомитета. Рухимович лично знал меня и хорошо ко мне относился. Видимо, я был ему полезен, потому что активно работал в своем округе. К тому же я был местный человек, вырос среди шахтеров и знал

условия производства как на рудниках, так и на заводах металлургической промышленности.

Вот и хотел я в конце 40-х годов создать кое-что украинское по углю, металлу и железнодорожному транспорту. Поехал в Москву и прежде, чем свои документы подписать и отдать Сталину, решил посоветоваться с Маленковым. Вижу, Маленков на меня странно смотрит, и глаза у него на лоб лезут: «Что ты делаешь? Да ты что?». «А что?». «Спрячь свои документы и никому больше о них не говори. Ты знаешь, что сейчас в Ленинграде происходит то-то и то-то? А основным обвинением приписали ленинградцам, что они проявляют самостийность: самовольно собрали в Ленинграде ярмарку и распродавали залежалые товары». Но я не увидел в том никакого преступления и никакого проявления российского национализма. Мы то же самое делали у себя в Киеве. У нас имелась ярмарка, где продавались залежалые товары, которые в магазинах уже не находили покупателей, а здесь шли с уценкой, со скидкой. Существовал завал всяческой дряни, которую бесконтрольно производил кто после войны. От нее избавлялись. И вот это безобидное и полезное дело было, видимо, в соответствующей форме преподнесено Сталину, с политической окраской.

А кто же это сделал? Конечно, Берия и Маленков. Сталину вообще немного было нужно при его болезненной подозрительности. Начал разматываться клубок. Уж не знаю, как конкретно он разматывался, но разматался, что называется, до сердцевины. И оказалось необходимым, с точки зрения Сталина, пресечь «враждебную акцию», для чего арестовать прежде всего Кузнецова и председателя Совета Министров Российской Федерации Родионова. Они к тому же поставили вопрос о создании каких-то республиканских органов, которые якобы должны были работать, не подчиняясь союзным органам. Одним словом, им вменили в вину противопоставление периферии центру.

Начались аресты. Арестовали массу людей в Ленинграде, а также тех, кого ЦК брал из Ленинграда, выдвигая на посты в других местах. Например, в Крыму тогда руководство было создано из ленинградцев, и там тоже всех арестовали. Вознесенского освободили от всех его должностей, ибо он тоже ленинградец. В общем, раскрыли кубло, как говорят в народе, то есть звериное логово. Выдумали ленинградское заговорщическое гнездо, которое, дескать, преследовало какие-то антисоветские цели. Опять возникло в стране трагическое положение, да и в партии. Эта зараза репрессий легко могла охватить кого угодно.

Сейчас у меня возникла мысль: не сфабриковано ли было пись-

мо, которое мне дал читать Сталин, по заданию Берии и через его агентуру, чтобы припугнуть Сталина, что не только Ленинград, но и Москва имеет заговорщиков? Сталин решил тогда меня вызвать, чтобы я возглавил Московскую партийную организацию. Но если так, то я, ознакомившись с письмом, пресек дело для москвичей, уверенно сказав Сталину, что это выдумка проходимцев или же бред сумасшедших. Если так, значит, я оказался преградой для распространения арестов на Москву. Не то и в Москве, не знаю, сколько было бы потеряно голов из партийного и хозяйственного актива.

Правда, в столице этот процесс в какой-то степени уже начался. Когда я вернулся в Москву, были проведены большие аресты среди работников ЗИС (Автомобильного завода имени Сталина). Возглавлял «заговорщическую организацию американских шпионов» помощник Лихачева, директора Автозавода им. Сталина. Не помню сейчас его фамилии, но я лично знал этого паренька — щупленького, худенького еврея¹².

Я познакомился с ним случайно, после войны. Как-то встретил я Ивана Алексеевича Лихачева и спросил: как здоровье? «Работаю, — говорит, — но чувствую себя неважно». «Приехал бы ты к нам в Киев, отдохнул бы, у нас очень хорошо, приезжай, когда захочешь, я всегда буду рад, создадим тебе условия для отдыха». «Хорошо, — отвечает, — воспользуюсь этим приглашением». И вот однажды Иван Алексеевич позвонил мне: «Могу приехать. Хотел бы и помощника взять с собой». «Приезжай с помощником, пожалуйста, вези кого хочешь». Я их устроил, и они отдыхали в Киеве.

Лихачев с помощником часто приходили ко мне на квартиру или бывали на даче в выходные дни. Таким образом я и познакомился с помощником. Обычный человек, старательно выполнявший поручения Лихачева. Я и не думал, что он является, как его потом обозвали, главой американских сионистов, через которого те организуют свою работу в Советском Союзе. Его арестовали, и он, конечно, сознался. Я-то знаю, как «сознавались» люди, что они английские, гитлеровские и другие агенты. Это было не признание, а вымогательство, нужное тем, кто преследовал корыстные цели.

Дошло дело и до Лихачева. Лихачев был тогда министром, кажется, автомобильного транспорта. Сталин поручил Берии, Маленкову и мне втроем допросить Лихачева. Вызвали Лихачева, стали его допрашивать. Мне было больно видеть это, но я ничего не мог поделать, потому что обвинение основывалось на «документальных данных», на «показаниях» людей, которые работали с Лихачевым. Это ведь считалось неопровержимым доказатель-

ством. Допрашивали его в помещении для заседаний Бюро Совета Министров СССР в Кремле, на третьем этаже. Там был раньше кабинет Ленина, стояли ленинский стол и кресло. Да и сейчас, по моему, стоит в отдельном углу это кресло, перевязанное черной ленточкой.

Когда ему предъявили обвинение, Лихачев стал что-то говорить в свое оправдание, а потом разахался и упал в обморок. Его окатили водой, привели в чувство и отправили домой, потому что допрашивать уже было невозможно. Рассказали Сталину, как все было. Сталин послушал, посмотрел на нас и обругал Лихачева. Он очень хорошо относился раньше к Лихачеву. Называл его Лихачом. Он перенял это от Серго Орджоникидзе. Лихачев был любимцем Серго, и Серго всегда его звал Лихачом. И Сталин тоже стал его называть Лихачом. Видимо, сказалось хорошее в ту пору настроение Сталина, и оставили Лихача в покое. Иван Алексеевич вернулся к работе и пережил Сталина.

Но с зисовцами расправились. Абакумов¹³, то есть нарком госбезопасности, сам вел дознание. А уж если Абакумов лично допрашивал, сам вел дело, то все быстро признавались, что они злые враги Советского Союза. И все они были расстреляны. Вот какая существовала в Москве атмосфера в то время, когда я вторично приехал туда с Украины. Сталин уже постарел. Подозрительность стала развиваться в нем все больше, и он стал еще опаснее. Да и мы смотрели на него уже не так, как в первые годы разоблачений «врагов народа», когда считалось, что он сквозь стены и железо все видел насквозь. Уже было поколеблено в нас прежнее доверие к нему. Но после разгрома гитлеровских войск вокруг Сталина сохранялся ореол славы и гениальности.

Помню дни, когда Вознесенский, освобожденный от прежних обязанностей, еще бывал на обедах у Сталина. Я видел уже не того человека, которого знал раньше: умного, резкого, прямого и смелого. Именно смелость его и погубила, потому что он часто схватывался с Берией, когда составлялся очередной народнохозяйственный план. Берия имел много подшефных наркоматов и требовал львиной доли средств для них, а Вознесенский как председатель Госплана хотел равномерного развития экономики страны. Не он, а страна не имела возможности удовлетворить запросы тех наркоматов, над которыми шефствовал Берия. Но не наркоматы выступали против Вознесенского, а Берия.

Берия, как близкий к Сталину человек, обладал большими возможностями. Нужно было знать Берию, его ловкость, его иезуитство. Он мог выжидать, выбирая момент, чтобы подбросить Ста-

лину либо доброе, либо худое, в зависимости от собственных интересов, и ловко этим пользовался.

А за обедами у Сталина сидел уже не Вознесенский, но тень Вознесенского. Хотя Сталин освободил его от прежних постов, однако еще колебался, видимо, веря в честность Вознесенского. Помню, как не один раз он обращался к Маленкову и Берии: «Так что же, ничего еще не дали Вознесенскому? И он ничего не делает? Надо дать ему работу, чего вы медлите?». «Да вот думаем», — отвечали они. Прошло какое-то время, и Сталин вновь говорит: «А почему ему не дают дела? Может быть, поручить ему Госбанк? Он финансист и экономист, понимает это, пусть возглавит Госбанк». Никто не возразил, но проходило время, а предложений не поступало.

В былые времена Сталин не потерпел бы такой дерзости, сейчас же заставил бы Молотова или Маленкова взять карандаш, как обычно делал, и продиктовал бы постановление, тут же подписав его. Теперь же только говорил: «Давайте, давайте ему дело», но никто ничего не давал. Кончилось это тем, что Вознесенского арестовали. Какие непосредственно были выдвинуты обвинения и что послужило к тому толчком, я посейчас не знаю. Видимо, Берия подбрасывал какие-то новые материалы против Вознесенского, и, когда чаша переполнилась, Сталин распорядился арестовать его.

Организовать это Берия мог с разных сторон. По партийной линии подбрасывал материалы Маленков, по чекистской линии — Абакумов. Но источником всех версий был Берия, умный и деловой человек, оборотистый организатор. Он все мог! А ему надо было не только устранить Вознесенского из Совета Министров. Он боялся, что Сталин может вернуть его, и Берия преследовал цель уничтожить Вознесенского, окончательно свалить его и закопать, чтобы и возврата к Вознесенскому не состоялось. В результате таких интриг Вознесенский и был арестован. Пошло следствие. Кто им руководил? Конечно, Сталин. Но первая скрипка непосредственной «работы» находилась в руках Берии, хотя Сталин думал, что это он лично всем руководит.

Почему я так считаю? Потому что Абакумов — это человек, воспитанный Берией. Его Сталин назначил в госбезопасность тогда, когда Берия был освобожден от этой работы, чтобы сосредоточить свое внимание на Совете Министров СССР. Сталин хотел, чтобы Министерство госбезопасности непосредственно ему докладывало все дела, и Абакумов лично ему и докладывал. Сталин мог и не знать, но я был убежден, что Абакумов не ставил ни одного вопроса перед Сталиным, не спросив у Берии, как доложить

Сталину. Берия давал директивы, а потом Абакумов докладывал, не ссылаясь на Берию и получая одобрение Сталина.

Атмосфера сгущалась. В нашем государстве полагается, чтобы серьезные вопросы обсуждались или на Политбюро, или в Совете Министров. Такое обсуждение было необходимо, чтобы избежать крупных ошибок. Но этого не было и в помине. Никаких заседаний не созывалось. Собирались у Сталина члены Политбюро, выслушивали его, а он на ходу давал директивы. Иной раз и он заслушивал людей, если ему нравились их мнения, или же рычал на них и тут же, никого не спрашивая, сам формулировал текст постановления либо решения ЦК или Совета Министров СССР, после чего оно выходило в свет. Это уже сугубо личное управление, это произвол. Не знаю, как и назвать это, но это факт.

Помню, что Сталин поднимал не раз вопрос о Шахурине, который был в заключении. Сидел и Главный маршал авиации Новиков¹⁴, тоже посаженный после войны за то, что принимал «недоброкачественные самолеты», то есть по тому же делу авиастроения.

Новикова я лично знал. Он почти всю войну прокомандовал нашими Военно-Воздушными Силами. Скажу о его недостатках: он пил больше, чем надо. Но это был человек, преданный Родине, честный, сам летчик, знавший свое дело. У Сталина, видимо, шевелился червячок доброго отношения к Шахурину и Новикову. Смотрит он на Берию и Маленкова и говорит: «Ну что же они сидят-то, эти Новиков и Шахурин? Может быть, стоит их освободить?». «Вроде бы размышляет вслух. Никто ему, конечно, ничего на это не отвечает. Все боится сказать «не туда», и всё на этом кончается. Через какое-то время Сталин опять поднял тот же вопрос: «Подумайте, может быть, их освободить? Что они там сидят? Работать еще могут». Он обращался к Маленкову и Берии, потому что именно они занимались этим делом.

Когда мы вышли от Сталина, я услышал перебрасывание репликами между Маленковым и Берией. Берия: «Сталин сам поднял вопрос об этих авиаторах. Если их освободить, это может распространиться и на других». Разговор шел в туалете, где мы собирались мыть руки перед обедом и порою обменивались мнениями. Туалет был просторный, так что иной раз мы собирались там и перед заседаниями, и после заседаний. Перед заседаниями говорили о том, что предстоит, а после обеда обсуждали, с какими последствиями прошла трапеза.

Когда я обдумывал этот вопрос, мне пришла в голову мысль: о каких других говорил Берия? Он, видимо, боялся, что если будут

освобождены Шахурин и Новиков, то как бы Сталин не вернулся к вопросу о Кузнецове и Вознесенском, над которыми суда еще не было. Этого боялись и Берия, и Маленков. Тогда все «ленинградское дело» окажется под вопросом. Хотя они согласны были, видимо, освободить Шахурину и Новикова, которые не стояли на пути ни Маленкова, ни Берии. Правда, Маленков боялся и слово замолвить о Шахурине и Новикове, потому что его тоже обвиняли по этому же вопросу. Ведь он покровительствовал наркомату авиапромышленности и допустил, что появилось много «недоброкачественных» самолетов, в результате чего мы теряли лучшие кадры во время войны.

Со мною о «ленинградском деле» Сталин никогда не говорил, и я не слышал, чтобы он где-то в развернутом виде излагал свою точку зрения. Только однажды он затронул этот вопрос, когда вызвал меня с Украины в связи с переходом в Москву и беседовал со мной о «московских заговорщиках». Маленков и Берия все же не допустили освобождения Шахурину и Новикова. Следовательно, не были освобождены и люди, арестованные по «ленинградскому делу». Не зная подробностей этого дела, допускаю, что в следственных материалах по нему может иметься среди других и моя подпись.

Происходило это обычно так: когда заканчивалось дело, Сталин, если считал необходимым, тут же на заседании Политбюро подписывал бумагу и в круговую давал подписывать другим. Те, не глядя, а опираясь лишь на сталинскую информацию, тоже подписывали. Тем самым появлялся коллективный приговор. Правда, в «ленинградском деле», если рассматривать прежнюю практику борьбы с «врагами народа», была применена уже широкая судебная процедура: не только следователи вели следствие, но и приезжал прокурор, потом был организован суд, на который приглашался актив Ленинградской парторганизации, на суде велся допрос подсудимых, потом им давали последнее слово. Ну и что? А в 30-е годы на открытых процессах разве обстояло по-другому?

Сталину рассказывали (я присутствовал при этом), что Вознесенский, когда было объявлено, что он приговаривается к расстрелу, произнес целую речь. В своей речи он проклинал Ленинград, говорил, что Петербург видел всякие заговоры — и Бирона¹⁵, и зинovieвщину, и всевозможную реакцию, — а теперь вот он, Вознесенский, попал в Ленинград. Там он учился, а сам-то родом из Донбасса. И проклинал тот день, когда попал в Ленинград. Видимо, человек уже потерял здравый рассудок и говорил несуразные вещи. Дело ведь не в Ленинграде. При чем тут зинovieвщина? В

20-е годы имела совсем другая основа политической борьбы: шла борьба взглядов о путях строительства социализма в СССР, тогда можно было занимать либо ту, либо другую позицию. Я тоже занимал тогда сталинскую позицию и боролся против Зиновьева. А Бирон — вообще иная эпоха. Это же несовместимые понятия.

Не помню, что говорили в последнем слове Кузнецов и другие ленинградцы, но, что бы они там ни говорили, фактически их приговорили значительно раньше, чем суд оформил и подписал приговор. Они были приговорены к смерти Сталиным еще тогда, когда их только арестовывали. Много людей погибло и в самом Ленинграде, и там, куда выехали из Ленинграда для работы в других местах. Косыгин тоже висел на волоске. Сталин рассылал членам Политбюро показания арестованных ленинградцев, в которых много говорилось о Косыгине. Кузнецов состоял с ним в родстве: их жены находились в каких-то кровных связях. Таким образом, уже подбивались клинья и под Косыгина. Он был освобожден от прежних постов и получил назначение на должность одного из министров. Раньше он был близким человеком к Сталину, а тут вдруг все так обернулось и такое получилось сгущение красок в «показаниях» на Косыгина, что я и сейчас не могу объяснить, как он удержался и как Сталин не приказал арестовать его. Косыгина, наверное, даже допрашивали, и он писал объяснения. На него возводились нелепейшие обвинения, всякая чушь. Но Косыгин, как говорится, вытянул счастливый билет, и его минувла чаша сия.

Это могло случиться с любым из нас. Все зависело от того, как взглянет на тебя Сталин или что ему покажется в такой момент. Порою говорил: «Что это вы сегодня на меня не смотрите? Что-то у вас глаза бегают». Или еще что-либо в таком роде. И все это производилось с таким злом! Разумный следователь не ведет себя так даже с заядлым преступником, а тут производилось за дружеским столом. Сидим мы, едим, а он вдруг награждает такими эпитетами и репликами людей, которые по его же приглашению сидят за его столом и ведут с ним беседу. Тяжелое было время!

¹ ГАЛАН Я.А. (Владимир Росович. 1902 — 24.X.1949) — львовский публицист, член Компартии Западной Украины с 1924 г., автор антифашистских и антиклерикальных памфлетов и пьес.

² ПОПОВ Г.М. (1906 — 1968) — член ВКП(б) с 1926 г. 2-й секретарь МГК ВКП(б) в 1938 — 1945 гг., председатель исполкома Моссовета в 1944 — 1950 гг., 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б) в 1945 — 1949 гг., секретарь ЦК партии в 1946 — 1952 гг.

³ МЕЛЬНИКОВ Л.Г. (1906 — 1981) — советский государственный и партийный деятель, член Компартии с 1928 г., 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины с 1949 г., посол в Румынии в 1953 — 1955 гг., министр строительства предприятий угольной промышленности СССР в 1955 — 1957 гг., с 1966 г. председатель Госгортехнадзора при Совмине СССР; член и кандидат в члены ЦК КПСС в 1952 — 1961 гг., и член Президиума ЦК в 1952 — 1953 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1941 — 1954.

⁴ КУЗНЕЦОВ А.А. (1905 — 1950) — член ВКП(б) с 1925 г., генерал-лейтенант с 1943 г., с 1938 г. второй и с 1945 г. первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии, в 1946 — 1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б), член ЦК партии в 1939 — 1949 гг., член Оргбюро ЦК партии с 1946 г. Репрессирован в связи с «Ленинградским делом».

⁵ РОДИОНОВ М.И. (1907 — 1950) — член ВКП(б) с 1925 г., в 1940 — 1946 гг. 1-й секретарь Горьковского обкома и горкома партии, в 1946 — 1949 гг. председатель Совета Министров РСФСР. Репрессирован в связи с «Ленинградским делом».

⁶ ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н.А. (1903 — 1950) — член РКП(б) с 1919 г., академик АН СССР с 1943 г., председатель Госплана СССР в 1938 — 1949 гг., заместитель главы правительства СССР с 1939 г., член ГКО в 1942 — 1945 гг., член ЦК партии с 1939 г., член Политбюро ЦК партии с 1947 г. Репрессирован в связи с «Ленинградским делом».

⁷ ШАХУРИН А.И. (1904 — 1975) — член ВКП(б) с 1925 г., с 1938 г. 1-й секретарь Ярославского, Горьковского обкомов ВКП(б), в 1940 — 1946 гг. нарком авиационной промышленности СССР, с 1953 г. замнаркома авиапрома СССР.

⁸ ДЕМЕНТЬЕВ П.В. (1907 — 1977) — член ВКП(б) с 1938 г., до 1941 г. находился на инженерно-административной работе, в 1941 — 1953 гг. 1-й заместитель наркома (министра) и в 1953 — 1957 гг. министр авиационной промышленности СССР, затем председатель Комитета по авиационной технике и с 1965 г. вновь министр авиапрома.

⁹ ШВАРЦ С.(И.И.) (1879 — 1951) — член РСДРП с 1899 г., с 1921 г. председатель Союза горняков, с 1929 г. член Президиума ВСНХ, член ЦК партии в 1924 — 1934 гг. и кандидат в члены ЦК партии в 1934 — 1939 гг. Необоснованно репрессирован.

¹⁰ ПЯТАКОВ Г.Л. (1890 — 1937) — советский государственный и партийный деятель, член Компартии с 1910 г., участник революционного движения, комиссар Народного банка в 1917 — 1918 гг., председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, руководитель восстановления Донбасса с 1920 г., зам.председателя Госплана РСФСР, зам.председателя ВСНХ с 1923 г., торгпред во Франции в 1927 г., председатель правления Госбанка с 1929 г., зам. и 1-й зам.наркома тяжелой промышленности СССР в 1932 — 1936 гг. Был репрессирован.

¹¹ ИВАНОВ А.В. (1888 — 1927) — член РСДРП с 1906 года.

¹² ЭЙДИНОВ А.Ф., помощник И.А. Лихачева, — член ВКП(б) с 1931 г., работал на АМО с 1930 г., был арестован в 1950 г. на АТЭ-2 (филиал ЗИСа, снабжавший его электрооборудованием) и репрессирован.

¹³ АБАКУМОВ В.С. (1908 — 1954) — член Компартии с 1930 г., сотрудник ОГПУ с 1932 г., работник Отдела охраны ГУЛАГа и Главного управления госбезопасности НКВД СССР в 1934 — 1938 гг., начальник управления НКВД

Ростовской обл. в 1938 — 1941 гг., зам.наркома внутренних дел СССР с 1941 г., начальник Главного управления контрразведки «Смерш» в 1943 — 1946 гг., министр госбезопасности СССР в 1946 — 1951 гг., 12 июля 1951 г. арестован, в декабре 1954 г. осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и расстрелян.

¹⁴ НОВИКОВ А.А. (1900 — 1976) — член РКП(б) с 1920 г., Главный маршал авиации с 1944 г., командующий ВВС страны в 1942 — 1946 гг. и Дальней авиацией в 1953 — 1955 гг. Он находился в заключении в 1946 — 1953 гг.

¹⁵ Имеется в виду граф Бирон Э.И. (1690 — 1772), фаворит царицы Анны Иоанновны в 1730-е годы, временщик и создатель реакционного режима Бироновщины.

ВОКРУГ НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТЕЙ

Приложил руку к этим нехорошим делам и Щербаков¹. Хочу вспомнить в данной связи один эпизод, когда Щербаков слыл «умелым строителем» Красной Армии, попав в когорту таких строителей неизвестно за что. В период нашего отступления на фронтах войны, особенно в начале 1942 г., печаталось много критических статей, в которых вскрывались недостатки в Красной Армии и критиковались конкретные факты отступления. С очень острыми критическими статьями выступал тогда, в частности, Александр Петрович Довженко² — замечательный кинорежиссер и хороший публицист. Он обладал ясным умом и острым пером. Поэтому его статьи были хлесткие, причем они находили одобрение и похвалу у Сталина. В 1943 г. он написал киносценарий «Украина в огне». Очень впечатляющий сценарий. Большинство эпизодов для этого сценария он заимствовал из своих статей. Уже само название «Украина в огне» привлекало внимание. Действительно, вся Украина лежала тогда в огне. Автор не скупился на резкие замечания в адрес Красной Армии, а особенно критиковал тех людей, которые отвечали за ее боевую подготовку, и показывал, что подготовка не соответствовала современным условиям.

Довженко представил сценарий в ЦК. Я с ним ознакомился. Читали также Маленков и другие лица, сейчас уже не помню, кто именно. Довженко хотел его напечатать, чтобы затем создать на его основе кинокартину. Когда однажды Сталин вызвал меня в Москву, то спросил: «Вы читали сценарий Довженко?». «Да, — го-

ворю, — читал». Правда, я его не прочел, но прослушал. Довженко сам прочитал мне его. Тогда были напряженные для меня минуты, шли тяжелые бои, и я не мог сосредоточить свое внимание на тексте. Это произошло в начале наступления немцев на Курской дуге, в июле 1943 года. На три четверти мои мысли были заняты ходом битвы, а Довженко не все прочитал мне и иногда говорил, что вот такое-то место я полностью взял из такой-то своей статьи, а вот это из такой-то. Мне показалось, что вещь острая и отвечающая потребностям времени, вскрывающая наши недостатки.

Итак, Сталин вызвал меня: «Вы знакомы со сценарием?». «Знаком». Я рассказал Сталину, при каких обстоятельствах смог с ним ознакомиться. Сталин посчитал, что тут просто была с моей стороны отговорка, и начал критиковать текст. Он так разносил Довженко, что я поражаюсь: ведь Сталин раньше очень хорошо относился к этому автору, ценил и поддерживал его, несмотря на то, что прежде встречались некоторые люди, которые подозревали Довженко или даже прямо обвиняли его в украинском национализме и прочих грехах. Такие грехи тогда модно было отыскивать, и существующие, и несуществующие, почти в каждом культурном человеке украинской национальности. Внес свою лепту в это и Каганович во время своей деятельности на Украине. Это он заявил, что каждый украинец — потенциальный националист. Вот глупость!

Как-то вечером Сталин пригласил меня к себе. Щербаков тоже приехал к нему. Начался разбор названного сценария. Тут я понял, в чем дело. Маленков молчал, хотя знал сценарий и дал ему свое благословение. По-моему, он даже лично принимал Довженко. Щербаков произнес прокурорскую речь, подстрекая Сталина и разнося произведения Довженко как «крайне националистические», в которых якобы критиковались все советские основы. Сталин сразу озлобился. Не стану говорить о себе. Но понятно, с учетом характера Сталина, что пришлось мне выдержать в том случае. А Сталин не ограничился разбором и предложил мне вызвать ряд украинских руководителей, членов правительства и секретарей ЦК по пропаганде, кроме того, лично Корнейчука, Бажана, Тычину и, кажется, Рыльского. Довженко тоже присутствовал. Сталин разнес Довженко в пух и прах. Кончилось тем, что будущее Довженко как деятеля искусства было буквально подвешено, грозило даже большее. Мне Сталин предложил, чтобы мы на основе этого «обмена мнениями» подготовили резолюцию о неблагоприятном положении на идеологическом фронте Украины.

Мы, украинское руководство, составили резолюцию и через

день-два пришли к Сталину. Все сделали сами. Помимо нас, никто не принимал участия в деле из числа членов ЦК ВКП(б). Вручили резолюцию Сталину, а он при широком составе участников рассмотрел этот проект. К моему большому удовлетворению, сказал: «Да, хорошо, вполне приемлемо, принять!». Правда, резолюция была составлена нами в собственный адрес очень самокритично. Но она была хороша уже тем, что мы ее сами составляли, как говорится, сами себя высекли, однако так, чтобы было не очень больно. И такая резолюция была принята. Щербаков чувствовал себя на седьмом небе. Позднее мне долго-долго пришлось кашлять этим произведением Довженко. При всяком удобном случае Щербаков злобно подстрекал Сталина, напоминая ему о сценарии.

Мне рассказывали, что когда Горький возглавлял Правление Союза писателей СССР, то к нему подсадили Щербакова в качестве секретаря, и тот занимался вопросами идеологии, чтобы вся работа в СП СССР велась Горьким в определенном русле. Однако Максим Горький был не таким человеком, чтобы им руководил Щербаков. Кончилось тем, что Горький потребовал убрать его. Вот лишь одно из свидетельств ядовитого, змеиного характера Щербакова. Я лично впервые узнал его, когда он в 1942 г. стал начальником Главного политуправления Красной Армии. Деятельность его сводилась в основном к тому, что он выдирает, правдами и неправдами, сведения о ходе боевых операций на каждый день (у него для этого было создано особое бюро) и, пользуясь тем, что втерся в доверие к Сталину, подавал их раньше, чем оперативный отдел Генерального штаба. А ведь это в чистом виде функция оперативного отдела! Так всех работников оперотдела удалось поставить в зависимое положение от Щербакова. Вскоре начался период наших побед на фронте. Освобождение советских городов, успешное продвижение наших войск — все это преподносил Сталину первым Щербаков, и все это он «обеспечивал». Это смешно звучит сейчас, но тогда именно так и обстояло дело. Я Щербакова оцениваю по заслугам, причем с очень плохой стороны. Конечно, главный виновник все-таки Сталин. Он создал обстановку, в которой стало возможно такое.

Довженко же сразу был как будто посажен в холодный колодец. У него упало настроение, к нему изменилось прежнее отношение. Одним словом, он попал в опалу. Сказалось это и на его деятельности. Мне просто жалко было смотреть на него, но я ничего не мог сделать, потому что подвергся еще большей критике, чем Александр Петрович. И такое положение сохранялось почти до самой смерти Сталина. Потом мы опять возвысили Довженко по заслугам

и вернули его, насколько это было возможно, к полезной деятельности. Он опять начал создавать кинокартины, а после его смерти по названному сценарию его женой Солнцевой была выпущена очень хорошая картина³. Я был искренне доволен, когда смотрел ее. От нее действительно веяло духом Довженко.

Я считал его честным, преданным и прямым человеком. Иной раз он мог высказать вещи, неприятные для руководителей. Но ведь это хорошо, потому что лучше выслушать все от честного человека, чем от врага. Другу можно разъяснить, если он не прав, или учесть его правильное замечание. После смерти Александра Петровича я порекомендовал украинцам: «Назовите Киевскую киностудию именем Довженко, потому что он очень многое сделал для развития кино на Советской Украине; много тут поработал и, безусловно, наиболее достоин того, чтобы его имя красовалось на знамени Киевской киностудии». Так и поступили.

А вот еще один штрих, характерный для Довженко. После того как был арестован Берия, он попросился ко мне на прием и рассказал такую историю: «Я хотел бы, чтобы вы знали о факте, который очень меня занимает. Однажды меня пригласил к себе кинорежиссер Чиаурели⁴, автор фильма «Падение Берлина». Этот режиссер опирался на личную поддержку Сталина и Берии. Не случайно он сделал кинокартину, где Сталин осуществляет основную работу главы Ставки в зале, где стоят пустые стулья. Только Сталин налицо, а с ним Поскребышев, заведующий секретным отделом ЦК партии. Подхалимское произведение искусства! Скажу от себя, что после смерти Сталина и ареста Берии мы предложили Чиаурели, чтобы он покинул Москву. Он переехал куда-то на периферию и продолжал трудиться. Не знаю, какое место занимает он сегодня в искусстве и насколько правильные выводы сделал из того, на что ему указали.

А Александр Петрович продолжал рассказ: «Чиаурели мне и говорит: товарищ Довженко, я бы вам посоветовал зайти к товарищу Берии. Берия очень вами интересуется. Вам будет полезно побывать у него и послушать его». Зачем он мне это рекомендовал? Я не пошел и не был у Берии, потому что никаких вопросов у меня к Министерству внутренних дел не имелось. Зачем я пойду туда?». А я Александру Петровичу сказал: «Он вас посылал для того, чтобы сделать вас агентом Берии. Он правильно считал, что Довженко — влиятельный человек и на Украине, и в искусстве. В тех акциях, которые Берия планировал по Украине, вас сделали бы союзником, чтобы опираться и на вас при проведении кровавых операций. Эти операции могли быть только кровавыми, потому что других методов Берия не признавал».

Щербаков же продолжал свою гнусную деятельность. Не знаю, насколько он органически был подвержен пороку пьянства. Не думаю, что ему самому оно нравилось. Но так как это нравилось Сталину, то он и сам глушил крепкие напитки, и других втягивал в пьянство в угоду Сталину. Помню такой инцидент. Берия, Маленков и Микоян сговорились с девушками, которые приносили вино, чтобы те подавали им бутылки от вина, но наливали бы туда воду и слегка закрашивали ее вином или же соками. Таким образом, в бокалах виднелась жидкость нужного цвета: если белое было вино — то белая жидкость, если красное вино — то красная. А это была просто вода, и они пили ее. Но Щербаков разоблачил их: он налил себе «вина» из какой-то такой бутылки, попробовал и заорал: «Да они же пьют не вино!». Сталин взбесился, что его обманывают, и устроил большой скандал Берии, Маленкову и Микояну. Мы все возмущались Щербаковым, потому что не хотели пить вино, а если уж пить, то минимально, чтобы отделаться от Сталина, но не спаивать, не убивать себя. Щербаков тоже страдал от этого. Однако этот злостный подхалим не только сам подхалимничал, а и других толкал к тому же. Кончил он печально. Берия тогда правильно говорил, что Щербаков умер потому, что страшно много пил. Опился и помер.

Сталин, правда, говорил другое: что дураком был — стал уже выздоравливать, а потом не послушал предостережения врачей и умер ночью, когда позволил себе излишества с женой. Но мы-то знали, что умер он от того, что чрезмерно пил в угоду Сталину, а не из-за своей жадности к вину. У меня осталось самое неприятное впечатление об этом человеке, недобропорядочном и способном на все что угодно. Совести он не имел ни малейшей капли. Все мог сделать для того, чтобы поднять собственную персону, и кого угодно готов был утопить в ложке. А Сталину это нравилось. Он любил нас стравливать, и он взращивал и укреплял внутренние подлые задатки Щербакова.

Когда я вновь перешел работать в Москву, для меня, конечно, было большой честью работать непосредственно под руководством Сталина и напрямую общаться с ним. Я сказал бы, что это было полезно и для работы. Ведь от Сталина мы набирались и немало полезного, потому что он являлся крупным политическим деятелем. Особенно получалось хорошо, когда он находился в здравом уме и трезвом состоянии. Тогда он давал окружающим много полезного советами и указаниями. Скажу правду, что я высоко ценил его и крепко уважал. Но страдать приходилось здесь

больше, чем на Украине, где я был на отшибе. Почти каждый вечер раздавался мне звонок: «Приезжайте, пообедаем». То были страшные обеды. Возвращались мы домой к утру, а мне ведь нужно на работу выходить. Я старался поспевать к 10 часам, а в обеденный перерыв пытался поспать, потому что всегда висела угроза: не поспишь, а он вызовет, и будешь потом у него дремать. Для того, кто дремал у Сталина за столом, это кончалось плохо.

Просто невероятно, что Сталин порою выделял. Он в людей бросал помидоры, например во время войны, когда мы сидели в бомбоубежище. Я лично это видел. Когда мы приезжали к нему по военным делам, то после нашего доклада он обязательно приглашал к себе в убежище. Начинался обед, который часто заканчивался швырянием фруктов и овощей, иногда в потолок и стены, то руками, то ложками и вилками. Меня это возмущало: «Как это вождь страны и умный человек может напиваться до такого состояния и позволять себе такое?». Командующие фронтами, нынешние маршалы Советского Союза, тоже почти все прошли сквозь такое испытание, видели это постыдное зрелище. Такое началось в 1943 г. и продолжалось позже, когда Сталин обрел прежнюю форму и уверовал, что мы победим. А раньше он ходил, как мокрая курица. Тогда я не помню, чтобы случались какие-то обеды с выпивкой. Он был настолько угнетен, что на него просто жалко было смотреть.

Вот еще один эпизод, характеризующий Сталина. Уже с другой стороны. После войны дела на Украине пошли быстро в гору. Республика восстанавливала сельское хозяйство, промышленность, соответственно улучшалось и отношение Сталина к украинским руководителям, включая меня как председателя Совета народных комиссаров УССР и Первого секретаря ЦК КП(б)У. Однажды разгорелся спор о тракторном заводе. Микоян докладывал касательно дизельного трактора КД-35, который был создан в Белоруссии. Хороший трактор, но дорогой. Микоян хвалил этот трактор. Сталин спросил о моем мнении, и я тоже его похвалил. Правда, я видел, что трактор еще недоработанный и маломощный, зато с дизелем. Сталина тоже подкупало, что трактор дизельный, потому что горючее будет дешевле. И вдруг у него мелькнула мысль (или кто-то подсказал ему), что хорошо бы перевести и другие заводы на производство дизельных тракторов. И он предложил перейти на выпуск таких тракторов прежде всего Харьковскому заводу.

Я пытался доказать, что делать этого нельзя. Нарком тракторной промышленности Акопов⁵ тоже выступал против и вооружал

меня необходимыми цифровыми данными. Но Сталин был неумолим и записал свою идею в решение Политбюро.

Данная идея была, однако, столь непопулярна, что даже все остальные члены Политбюро, в том числе и Берия, что случалось редко, тоже заняли нашу с Акоповым позицию. Разгорелись споры. Спустя какое-то время Сталин, вспомнив, спросил: «Как, перевели Харьковский завод на выпуск КД-35?». «Нет, — говорю, — не перевели». Он страшно возмутился, устроил большой скандал. Акопову записали выговор за невыполнение решения. Тут Берия, Маленков и Микоян махнули рукой: посчитали, что ничего не сделаешь, раз Сталин хочет этого.

Я же продолжал борьбу. Раз Сталин, отдыхая в Сочи, вызвал меня туда с Украины. Я приехал. Там уже были Маленков, потом прибыли Берия с Молотовым. Он опять поставил вопрос об этом тракторе и разносил меня, как говорится, в пух и прах. А я ему доказывал: «Товарищ Сталин, не делайте этого, это будет вредно. Посмотрите, КД-35 имеет 35 лошадиных сил, а мы уже сейчас производим на Харьковском заводе 54-сильные трактора. В день выпускаем 100 тракторов. Если начнем переходить на новую модель, то начнем с нуля, потеряем много времени, а ведь нам не хватает тракторов. Будет подорвано сельское хозяйство, снизится производительность труда. Сейчас один тракторист работает на тракторе в 54 силы, а станет работать на тракторе в 35 сил. 54-сильный трактор тянет пятилемешный плуг, а тот потянет в лучшем случае трехлемешный, а то и двухлемешный. В 2 с лишним раза понизится производительность труда при вспашке». Но Сталин был неумолим.

Берия и Маленков шепчут мне: «Не упорствуй. Что ты лезешь на рожон? Ты же видишь, что без толку». Я остался при своем мнении. И вот интересно (что тоже было характерно для Сталина): этот человек при гневной вспышке мог причинить большое зло. Но когда доказываешь свою правоту и если при этом дашь ему здоровые факты, он в конце концов поймет, что человек отстаивает полезное дело, и поддержит. Для меня оказалось неожиданным то, что произошло, когда Сталин осенью приехал в Москву и я тоже приехал туда из Киева. Собрались мы. Вижу, Сталин пребывает в хорошем настроении. Ходит, как всегда, по своему кабинету. Мы расселись, каждый на обычное место. Вдруг он говорит: «Ну что же, ребята? (в исключительных случаях он пользовался этим словом). Может, уступим ему, черту?» — и показывает на меня пальцем.

Панибратское обращение свидетельствовало о его хорошем

расположении к человеку. «Давайте, — продолжает, — уступим ему по тракторам». А я потом ему говорил: «Товарищ Сталин, вы сделали доброе дело. Мы бы сейчас лишились тысяч тракторов, потому что фактически завод в Харькове прекратил бы их выпуск».

Да, бывали такие случаи, когда настойчиво возражаешь ему, и если он убедится в твоей правоте, то отступит от своей точки зрения и примет точку зрения собеседника. Это, конечно, положительное качество. Но, к сожалению, можно было пересчитать по пальцам случаи, когда так происходило. Чаще случалось так: уж если Сталин сказал, умно ли то или глупо, полезно или вредно, все равно заставит сделать. И делали!

Некоторые сталинисты считают, что это хорошее качество вождя. Я же полагаю, что это плохое качество. Сейчас, когда я пишу свои воспоминания и стараюсь припомнить наиболее яркие моменты прошлого, то вспоминаю и те, которые вредно сказались на жизни общества. О положительном в жизни СССР я сейчас не говорю потому, что эта сторона дела хорошо описана в нашей печати, может быть, даже с некоторой шлифовкой, с приукрашиванием. Уже сама по себе история развития нашего советского государства, победа социализма в СССР говорят о положительных вещах. Если взглянуть на пройденный нами путь за 50 лет, чем мы были и чем стали, то все будет ясно.

Разница же в оценке пройденного пути состоит в том, что некоторые считают буквально, что все победы — заслуга Сталина. Да, есть в них заслуга Сталина, и большая. Но это были успехи народа, основа которым — Ленин, его идеи. Поскольку применяли ленинские идеи, то они и дали положительные результаты, несмотря на сталинские извращения ленинских позиций и ленинских указаний. Марксистско-ленинская теория, как самая прогрессивная, обогатила наш народ, укрепила и вооружила его. Именно на основе этой теории мы добились своих результатов.

Моя же задача мемуариста, как я полагаю, рассказать о негативных сторонах событий. Тут не ошибки, тут злоупотребления. Если бы не было злоупотреблений, допущенных Сталиным, то мы имели бы еще во много раз более высокие достижения. Вот почему на этом я и сосредоточиваю свои воспоминания, с тем, чтобы помочь исключить возможность повторения того, что было вредно и для рабочего класса, и для крестьянства, и для советской интеллигенции, для всего трудового народа СССР и для других социалистических стран, потому что Советский Союз как бы внедрил свои ошибки и сталинские злоупотребления во все братские страны.

¹ ЩЕРБАКОВ А.С. (1901 — 1945) — советский государственный и партийный деятель, член Компартии с 1918 г., один из руководителей Союза писателей СССР в начале 30-х годов, секретарь ряда обкомов партии с 1936 г., 1-й секретарь МК и МГК ВКП(б) в 1938 — 1945 гг., секретарь ЦК ВКП(б) и начальник Совинформбюро с 1941 г., начальник ГлавПУР'а РККА с 1942 г., зам. наркома обороны СССР, генерал-полковник с 1943 г., кандидат в члены Политбюро ЦК с 1941 г.

² ДОВЖЕНКО А.П. (1894 — 1956) — народный артист РСФСР с 1950 г., один из основоположников советской кинематографии.

³ Этот фильм, «Повесть огненных лет», был выпущен Ю.И.Солнцевой в 1961 году.

⁴ ЧИАУРЕЛИ М.Э. (1894 — 1974) — народный артист СССР с 1948 г. Постановщик кинофильмов «Саба» (1929 г.), «Последний маскарад» (1934 г.), «Георгий Саакадзе» (1943 г.), «Клятва» (1946 г.), «Падение Берлина» (1950 г.) и др.

⁵ АКОПОВ С.А. (1899 — 1958) — государственный деятель СССР, член Компартии с 1919 г., директор Уралмашзавода с 1937 г., 1-й зам. наркома тяжелого машиностроения с 1939 г., 1-й зам. наркома с 1940 г. и нарком среднего машиностроения в 1941 — 1946 гг., министр автомобильной и тракторной промышленности с 1946 г., зам. министра и министр сельскохозяйственного машиностроения с 1950 г., депутат Верховного Совета СССР в 1946 — 1950 и с 1954 г.

ОДИН ИЗ НЕДОСТАТКОВ СТАЛИНА

Крупным недостатком Сталина являлось неприязненное отношение к еврейской нации. Он как вождь и теоретик в своих трудах и выступлениях не давал даже намека на это. Боже упаси, если кто-то сослался бы на такие его высказывания, от которых несло антисемитизмом. Внешне все выглядело пристойно. Но, когда в своем кругу ему приходилось говорить о каком-то еврее, он всегда разговаривал с подчеркнуто утрированным произношением. Так в быту выражаются несознательные, отсталые люди, которые с презрением относятся к евреям и нарочно коверкают русский язык, выпячивая еврейское произношение или какие-то отрицательные черты. Сталин любил это делать, и выходило у него типично.

Помню, в начале 50-х годов возникли какие-то шероховатости, что-то вроде волынки, среди молодежи на 30-м авиационном заводе. Доложили об этом Сталину по партийной линии. И госбезопасность тоже докладывала. Зачинщиков приписали к евреям.

Когда мы сидели у Сталина и обменивались мнениями, он об-

ратился ко мне как к секретарю Московского горкома партии: «Надо организовать здоровых рабочих, пусть они возьмут дубинки и, когда кончится рабочий день, побьют этих евреев». Я присутствовал там не один: были еще Молотов, Берия, Маленков. Кагановича не было. При Кагановиче он антисемитских высказываний никогда себе не позволял. Слушаю я его и думаю: «Что он говорит? Как это можно?».

В детстве, живя в Донбассе, я был свидетелем еврейского погрома. Шел я из школы (а я ходил в школу с рудника, где работал отец, версты за четыре). Был хороший солнечный осенний день. Случается в Донбассе такое бабье лето: как снег, летит белая паутина. Красивое время. Мне с товарищами повстречался извозчик на дрогах, остановился и заплакал: «Деточки, что делается в Юзовке!». Мы не знали, кто он такой и почему он нам стал вдруг говорить, что там происходит. Мы ускорили шаг. Как только я пришел домой и бросил сумку с тетрадками, то побежал в Юзовку. От нас до нее было несколько верст. Когда я прибежал туда, то увидел много народу на железнодорожных путях. Там стояли большие склады с железной рудой. Ее привозили про запас из Криворожья и сваливали, готовили на зиму, чтобы не происходило перебоев в работе домен. Возникла естественная преграда пути. Через нее прокладывали тропы: карабкались по ней шахтеры, когда ходили в Юзовку на базар и преодолевали гору красной руды. На горе стояла толпа.

Смотрю, прибыли казаки, заиграл рожок. Я никогда прежде не видел войск, это было для меня в новинку. Как заиграл рожок, тут рабочие из бывалых солдат заговорили, что дан сигнал приготовиться к стрельбе, сейчас будет залп. Народ хлынул на другую сторону склона. Солдаты же не пропускали в город рабочих.

Прогремел залп. Кто кричал, что стреляют вверх, кто кричал, что стреляют холостыми и только для острастки, но какие-то солдаты стреляют боевыми патронами. Орала, кто как мог. Потом наступила пауза, и народ опять хлынул на солдат. Уже поздно вечером люди разошлись. Я слышал потом разговоры рабочих с нашей шахты, которые попали в Юзовку. Они рассказывали, как там грабили евреев, и сами приносили какие-то трофеи: кто — сапоги, целый десяток, кто — платье. Другие рассказывали, как пошли толпой евреи с какими-то знаменами и несли на себе своего царя! Их встретили русские с дубинками. Тут еврейский царь спрятался в кожевенном заводе. Завод подожгли. Он действительно сгорел. А в нем, дескать, сгорел их царь. Столь примитивное понимание дела отсталыми рабочими было использовано черносотенцами и полицией, которые натравливали рабочих на евреев.

На второй день прямо из школы я побежал в Юзовку: посмотреть, что там делается? Никто никого не задерживал, народ валил по всем улицам местечка. Грабили. Я видел разбитые часовые магазины, много пуха и перьев летало по улицам. Когда грабили еврейские жилища, то распарывали перины, а пух выбрасывали. Шла старушка и тащила железную кровать. Этой же улицей шли солдаты. Один солдат подскочил: «Бабушка, я тебе помогу». И помог ей нести чужую кровать. Пронесся слух, что имелся приказ: три дня можно делать с евреями, что угодно. И целых три дня такому грабежу не оказывалось никаких препятствий. Я услышал, что много побитых евреев лежит в заводской больнице, и решил со своим дружкой сходить туда. Пришли мы с ним и увидели ужасную картину: лежало много трупов в несколько рядов. Только через три дня власти начали наводить порядок, и погром был прекращен. Никаких преследований грабителей не было. Действительно, три дня были предоставлены громилам-черносотенцам, и никаких последствий ни грабежи, ни убийства не имели¹.

Потом многие рабочие опомнились, поняли, что тут была провокация. Они разобрались, что евреи вовсе не враги рабочих, что среди евреев есть участники и лидеры рабочих забастовок. Главные политические ораторы были тогда из еврейской среды, и их охотно слушали рабочие на митингах. А когда поздней осенью я уезжал в деревню вместе с братом отца Мартыном, который работал на шахте и с которым мать и отец отправили меня (они тяготели к земле, у них сохранилась мечта вернуться в деревню, заняться своей хатой, лошадей, полосу и стать «хозяевами»), я во второй раз с отцовского рудника вернулся к деду в Курскую губернию. Уехал в деревню как раз тогда, когда в Донбассе начались забастовки, развевались красные флаги и проходили митинги. Возвратился я из деревни, и мне рассказали о местных событиях, называли даже фамилии активистов, в абсолютном большинстве евреев. Об этих ораторах отзывались очень хорошо, тепло. То есть уже после того, как рабочие были одурачены и часть их участвовала в погроме, они стыдились того, что произошло, стыдились, что допустили погром и не приняли надлежащих мер, не противостояли черносотенцам и переодетой полиции, которая организовала погром. Это было позором.

И вот теперь, когда Сталин сказал, что надо дубинками вооружить рабочих и побить евреев, а потом мы вышли, Берия иронически говорит мне: «Ну что, получил указания?». «Да, — отвечаю, — получил. Мой отец был неграмотный, но он не участвовал в погромах, это считалось позором. А теперь мне, секретарю ЦК

партии, дана такая директива». Я-то знал, что хотя Сталин и дал прямое указание, но если бы что-либо такое было сделано и стало бы достоянием общественности, то была бы назначена комиссия и виновных жестоко наказали. Сталин не остановился бы ни перед чем и задушил бы любого, чьи действия могли скомпрометировать его имя, особенно в таком уязвимом и позорном деле, как антисемитизм. После войны Сталин часто заводил подобные разговоры, мы к ним привыкли. Слушали, но не запоминали и ничего не делали в этом направлении.

Однажды к Сталину приехал Мельников², избранный после меня секретарем ЦК Компартии Украины. Коротченко тоже с ним был. Сталин пригласил их к себе, на «ближнюю» дачу. Он их усиленно там спаивал и достиг цели. Эти люди в первый раз были у Сталина. Мы-то знали его. Он всегда спаивал свежих людей. Они охотно пили, потому что считали за честь, что их угощает сам Сталин. Но здесь главное заключалось не в проявлении гостеприимства: Сталину интересно было напоить их до такого состояния, чтобы у них развязались языки и они болтали все то, что в трезвом виде, подумав, никогда бы не сказали. У них, действительно, развязались языки, и они начали болтать.

Я сидел и нервничал: во-первых, я отвечал за Мельникова; это я его выдвигал. А уж о Коротченко и говорить было нечего. Я его знал как честного человека, но довольно ограниченного. Сталин тоже знал его, но за стол у Сталина Коротченко попал в первый раз. В то время Сталин уже не обходился без антисемитизма и начал высказываться в этом духе. Он попал на подготовленную почву внутренней готовности у Мельникова. Они с Коротченко пораскрывали рты и слушали вождя. Кончился обед, мы разъехались. Те двое убыли на Украину.

Когда я перешел работать в Москву, состоялось решение Политбюро ЦК, что я должен наблюдать за деятельностью ЦК КП(б)У. Мне присылали все украинские газеты. Я просматривал центральные органы печати, а мои помощники докладывали мне обо всем, что заслуживало внимания в других изданиях. Вскоре после упомянутого обеда мой помощник Шуйский³ приносит мне украинскую газету и показывает передовую. В ней критиковались какие-то недостатки и назывались конкретные люди, человек 16. И все фамилии были еврейскими. Я возмущился: как можно допускать такое? Тут я сразу догадался, откуда ветер дует. Мельников и Коротченко поняли как указание ту критику, которую Сталин высказал при них в адрес еврейской нации, и начали конкретные действия. Стали искать конкретных носителей недостатков и исполь-

зовали газету. Ведь если вести борьбу, то уж вести ее надо широким фронтом, мобилизовать партию и массы.

Я тут же позвонил Мельникову: «Прочел вашу передовую. Как вам не стыдно? Как вы посмели выпустить газету с таким содержанием? Ведь это же призыв к антисемитизму. Зачем вы это делаете? Имейте в виду, если Сталин прочтет эту передовую, то не знаю, как она обернется против вас — секретаря ЦК на Украине. Центральный Комитет КП(б)У проповедует антисемитизм! Как вы не понимаете, что тут материал для наших врагов. Враги используют это позорное явление: Украина поднимает знамя борьбы с евреями, знамя антисемитизма». Он начал оправдываться. Потом разрыдался. Я говорю: «Если и дальше так будет продолжаться, то я сам доложу Сталину. Вы неправильно поняли Сталина, когда были у него на обеде». Я, конечно, тоже тут рисковал, потому что не имелось гарантии, что телефонные разговоры не подслушиваются. Не был я уверен и в том, что Мельников сам не напишет Сталину про то, что Хрущев дает указания, противоречащие тем, которые он получил от Сталина, когда находился у него на «ближней». Сталин, видимо, мне бы этого не спустил.

Вскоре моя супруга Нина Петровна получила из Киева письмо и рассказала мне такую историю. В Киеве есть клиника для детей, больных костным туберкулезом. Возглавляла эту клинику профессор Фрумина⁴. Она часто бывала у нас на квартире, когда мой сын Сергей болел костным туберкулезом, и очень много приложила усилий к тому, чтобы вылечить его. Сейчас у Сергея никаких признаков болезни нет, он выздоровел полностью. Приписывали это главным образом Фруминой. Был тогда еще один видный специалист по костному туберкулезу в Ленинграде, и мы попросили его совета насчет лечения. Он тогда сказал Нине Петровне: «Что же вы ко мне обращаетесь? У вас есть Фрумина в Киеве. Лучше ее это дело никто не знает». Теперь в своем письме Фрумина сообщала, что ее уволили с формулировкой о несоответствии занимаемой должности.

Я возмутился и позвонил опять Мельникову: «Как вы это могли допустить? Уволить заслуженного человека, да еще с такой формулировкой. Сказать, что она не соответствует по квалификации. Вот такой-то академик медицины говорит мне, что лучше ее никто не знает костного туберкулеза. Кто же мог дать другую оценку и написать, что она не соответствует занимаемому положению?». Он опять начал оправдываться, ссылаться на кого-то. Всегда в таких случаях найдутся люди, которые подтвердят, что все сделано правильно. Я ему: «Вы позорите звание коммунист-

та». Не помню, чем дело кончилось. Кажется, восстановили врача в должности. Но это был позорный факт.

Потом мы несколько сдержали антисемитизм. Но именно сдержали, так как, к сожалению, его элементы сохранились. Вот сейчас я живу за городом, как затворник. Общения с людьми у меня почти нет. Общаюсь только с теми, кто либо меня охраняют, либо от меня охраняют. Мне трудно даже определить. Скорее всего, от меня охраняют. Они неплохие ребята. Разговариваю я с ними, и у них часто проскальзывают в беседах позорные слова. Видимо, не дается людям должного разъяснения, а тем более не дается отпора столь позорному явлению. Почему так происходит? Во-первых, антисемитизм у нас в старое время проявлялся на очень высоком уровне. Сколько было погромов! Люди старого поколения помнят Пуришкевича, который как черносотенец держал первенство по этой линии в Государственной думе. А уж при Советской власти Сталин тоже поддерживал антисемитскую бациллу и не давал указаний, чтобы в корне ликвидировать ее. Он внутренне сам был подвержен этому гнусному недостатку, который носит название антисемитизма.

А что сказать о жестокой расправе с заслуженными людьми, которые подняли вопрос о создании еврейской автономии в Крыму? Да, это было неправильное предложение. Но так жестоко расправиться с ними, как расправился Сталин? Он мог просто отказать, разъяснить людям, и этого оказалось бы достаточно. Нет, он физически уничтожил всех, кто активно поддерживал их документ. Только Жемчужина выжила каким-то чудом и отделалась долготелней высылкой. Безусловно, такая акция стала возможна только в результате внутренней деятельности бациллы антисемитизма, которая жила в мозгу Сталина. Произошла расправа с Михоэлсом⁵, величайшим артистом еврейского театра, человеком большой культуры. Его зверски убили, убили тайно, а потом наградили его убийц и с честью похоронили их жертву: уму непостижимо! Изобразили, что он попал под грузовую автомашину, а он был подброшен под нее. Это было разыграно артистически. А кто сие сделал? Люди Берии и Абакумова по поручению Сталина.

Таким же образом хотели организовать убийство Литвинова⁶. Когда подняли ряд документов после смерти Сталина и допросили работников МГБ, то выяснилось, что Литвинова должны были убить по дороге из Москвы на дачу. Есть там такая извилина при подъезде к его даче, и именно в этом месте хотели совершить покушение. Я хорошо знаю это место, потому что позднее какое-то время жил на той самой даче. К убийству Литвинова имелось у Сталина двойное побуждение. Сталин считал его вражеским, аме-

риканским агентом, как всегда называл все свои жертвы агентами, изменниками Родины, предателями и врагами народа. Играла роль и принадлежность Литвинова к еврейской нации. Если говорить об антисемитизме в официальной позиции, то Сталин формально боролся с ним как секретарь ЦК, как вождь партии и народа, а внутренне, в узком кругу, подстрекал к антисемитизму.

Вот еще один эпизод. В военные годы было создано Совинформбюро для сбора всевозможных материалов о нашей стране, о действиях Красной Армии, о борьбе против гитлеровской Германии и для распространения этих материалов в нашей и западной прессе, главным образом в США. Так как там очень влиятельны круги еврейской нации, то и у нас в Совинформбюро входило немало евреев, занимавших высокое положение в стране. Заместителем начальника, а потом и начальником там был прежний генеральный секретарь Профинтерна, заместитель наркома иностранных дел Лозовский⁷. Возник также Еврейский антифашистский комитет. Среди прочих в него вступил по рекомендации свыше Герой Советского Союза генерал Крейзер⁸. В этом комитете состоял и Михоэлс. Он был родственником академика-философа Митина⁹. В этот же комитет, конечно, входила и жена Молотова Жемчужина.

Лозовский не раз обращался ко мне, когда я приезжал в Москву, а иной раз звонил по телефону с просьбой, чтобы пропагандистам дали материалы о зверствах гитлеровцев на Украине. Я поручал, кому следует, и эти материалы посылались в США, где они широко использовались для пропаганды успехов Красной Армии и описания зверств, которые творили захватчики на Украине. Деятельность Лозовского была ярко положительной. Он был очень активный человек и настойчиво домогался: «Давайте материалы, давайте материалы!». Мы же в 1944 — 1945 гг. были очень заняты восстановлением хозяйства, и нам порою было не до того. А он напирал: «Вы поймите, насколько важно для нас показать лицо нашего общего врага, описать его зверства, показать трудности восстановления наших городов и сел».

Думаю, что данная организация, изучавшая зверства гитлеровцев, была создана по предложению Молотова. Но, может быть, сам Сталин предложил организовать ее. Она активно занималась вопросами пропаганды, и ее деятельность, как и деятельность Еврейского антифашистского комитета, была явно в интересах нашего государства, нашей политики, Коммунистической партии, справедливо считалась полезной и необходимой. Когда освободили Украину, в ЕАКе составили документ (не знаю, кто явился инициатором), в котором предлагалось Крым (после выселения

оттуда татар) превратить в еврейскую автономию в составе РСФСР. Обратились с этим предложением к Сталину. Вот тут и разгорелся сыр-бор. Сталин расценил дело так: налицо акция американских сионистов; члены этого комитета — агенты сионизма, которые хотят создать свое государство в Крыму, чтобы отторгнуть его от Советского Союза и утвердить там агентуру американского империализма. Был дан простор воображению.

Помню, как мне по этому вопросу звонил Молотов, советовался. Молотов, видимо, был втянут в это дело через Жемчужину. Наиболее активную роль в комитете играли Лозовский и Михоэлс. Сталин же буквально взбесился. Через какое-то время начались аресты. Схватили Лозовского, позднее Жемчужину. Был дискредитирован Молотов. Соответствующие материалы рассылались членам ЦК, и там все было использовано, чтобы дискредитировать Жемчужину и уколоть мужское самолюбие Молотова. Помню грязный документ, в котором говорилось, что она была неверна мужу, и даже указывалось, кто были ее любовниками. Много было написано гнусности.

Начались гонения на этот комитет, что послужило еще одним толчком к подогреванию антисемитизма. Сюда же приплеталась выдумка, будто евреи хотели создать свое особое государство, выделиться из Советского Союза. В результате встал вопрос вообще о еврейской национальности и ее месте в нашем государстве. Пошли расправы. Не знаю, сколько тогда людей было арестовано по этому делу. Применялись и другие методы. Сталин опять начал практиковать тайные убийства. Повторю, что Михоэлс был убит тайно. Не знаю, по какому поводу он выезжал не то в Смоленск, не то в Минск, возможно, его специально туда вывезли. Одним словом, там нашли его труп. Было инсценировано его убийство. В действительности его труп выбросили на улицу, а там организовали наезд машины на него. При его похоронах наша общественность отдала ему должное. Но она не знала, как погиб этот человек. А его убийцу (мне говорил Маленков) наградили.

Долго тянулся следственный процесс по делу этого комитета, и в конце концов все кончилось трагически. Лозовский был расстрелян, а ряд лиц сослали. Я думал тогда, что Жемчужину расстреляли, потому что об этом никому ничего не докладывалось и никто в этом не отчитывался. Все доложили Сталину, а Сталин лично сам казнил и миловал. О том, что она жива, я узнал уже после смерти Сталина, когда Молотов сказал, что Жемчужина находится в ссылке. Все согласились, что ее надо освободить. Бе-

рия, освободив ее, торжественно вручил ее Молотову. Он рассказывал мне, как Молотов приехал к нему в министерство и там встретился с Жемчужиной. Она была еле жива, он обнял ее. Берия рассказывал с какой-то иронией, но Молотову и Жемчужинной выражал сочувствие, демонстрируя, что вроде это была его инициатива освободить ее.

Теперь — о вопросе по существу. Нужно ли было создавать в Крыму еврейскую автономную республику? Я считаю, что раз уже имелась Еврейская автономная область, то вряд ли нужно что-то еще создавать в Крыму.

А мы все питались тогда рассуждениями Сталина и поддавались его влиянию. Мысль Сталина про шпионаж появилась потому, что Крым — морская граница, доступная иностранным судам. Он считал, что никак нельзя допустить это с точки зрения обороны. Мы ведь всегда стояли на той точке зрения, что надо укреплять оборону, а не ослаблять ее. Правда, данный вопрос по существу никогда не обсуждался, а только высказывались точки зрения об осторожности и бдительности. Тут-то и была проявлена Сталиным «бдительность», и он пресек поползновения мирового сионизма, его попытки создать опору в нашей стране для борьбы американского империализма против нас. Если встать на эту позицию, то не надо было разрешать создавать эту республику. Так оно и было решено. Но официального обсуждения и решения никакого не было, а вот аресты начались. Хватали людей, которые сыграли большую роль во время войны по сбору антифашистских материалов. Все пошло насмарку, а честные люди были уничтожены. Вновь позорное явление!

После этого и возник упомянутый процесс на Автомобильном заводе имени Сталина. Там тоже искали происки американского империализма через сионистов, работающих на заводе. Конечно, чистейшая чепуха. Тут результат произвола и абсолютной бесконтрольности Сталина. Не существовало органов, которые могли бы контролировать его деятельность. ЦК партии — номинальное учреждение, которое ничем не связывало Сталина и никаких решений не могло выносить, если Сталин не благословлял их. Его бесконтрольность и привела к тому, о чем предупреждал Ленин, когда говорил, что Сталин способен злоупотреблять властью и поэтому нельзя его держать на высоком посту Генсека. Плоды, которые мы вкусили, подтверждали правильность заключения Ленина, которое он сделал в последние годы своей жизни.

Вот я говорил о гибели Лозовского. А 28 марта 1968 г. ему была

посвящена статья в газете «Известия». Там приводятся биографические данные о Лозовском, но стыдливо умалчивается, как он умер. Просто поставлен 1952 год. А что произошло в том году? Он сквозь землю провалился или на небо улетел? Позорная стыдливость. Думаю, что автор заметки хотел правдиво рассказать, как обстояло дело. И правдивость предохранила бы нас на будущее от повторения трагедии, которая разразилась в партии и у народов Советского Союза. Трагедия, в результате которой погибли тысячи советских людей, в их числе и товарищ Лозовский. Думаю, что придет время, когда все это раскроется шире и будет проведен глубокий анализ того, как это произошло, с тем чтобы впредь ничего подобного не могло повториться.

¹ Речь идет тут о событиях между 18 и 20 октября 1905 г., когда еврейские погромы были произведены черносотенцами в 690 городах, местечках и деревнях России. Общее число жертв достигло от 3 500 до 4 000 убитыми и около 10 000 ранеными.

² МЕЛЬНИКОВ Л.Г. был секретарем ЦК КП(б)У с июля 1947 г., вторым секретарем — с декабря 1947 г., первым — с декабря 1949 г. до июня 1953 года.

³ ШУЙСКИЙ Г.Т. (род. в 1907) — помощник секретаря и Первого секретаря ЦК КПСС в 1950 — 1964 гг., затем консультант отделов идеологического и пропаганды ЦК, с 1976 г.) на пенсии.

⁴ Специалист по травматологии туберкулезного происхождения А.Е. Фрумина.

⁵ МИХОЭЛС С.М. (Вовси) (1890 — 1948) — народный артист СССР с 1939 года. С 1929 г. руководил Московским государственным еврейским театром. Лауреат Государственной премии СССР 1946 г.

⁶ ЛИТВИНОВ М.М. (Валлах) (1876 — 1951) — член Компартии с 1898 г., участник революционного движения, ответственный сотрудник Наркоминдела РСФСР с 1918 г., полпред в Эстонии в 1921 г., затем замнаркома и в 1930 — 1939 гг. нарком иностранных дел СССР, в 1941 — 1943 гг. посол в США; член ЦК ВКП(б) в 1934 — 1941 гг., член ВЦИК и ЦИК, депутат Верховного совета СССР в 1937 — 1950 гг.

⁷ ЛОЗОВСКИЙ А. (С.А. Дридзо) (1878 — 1952) — член РСДРП с 1901 г., генеральный секретарь Профинтерна с 1921 г., в 1939 — 1946 гг., заместитель наркома иностранных дел СССР, в 1941 — 1948 гг. зам. начальника и начальник Советского информационного бюро. Репрессирован.

⁸ КРЕЙЗЕР Я.Г. (1905 — 1969) — советский военачальник, член Компартии с 1925 г., командующий армиями в Великую Отечественную войну, Герой Советского Союза с 1941 г., генерал армии с 1962 г., начальник курсов «Выстрел» в 1963 — 1969 гг., член ЦРК КПСС в 1961 — 1966 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1962 — 1966 гг.

⁹ МИТИН М.Б. (1901 — 1987) — член Компартии с 1919 г., академик АН СССР с 1939 г., автор философских работ по теории диамата и истмата, один из биографов И.В. Сталина, лауреат Государственной премии СССР 1943 г., депутат Верховного Совета СССР в 1950 — 1962 гг.

БЕРИЯ И ДРУГИЕ

После войны, когда я стал часто встречаться со Сталиным, я все больше и больше чувствовал, что Сталин уже не доверяет Берии. Даже больше, чем не доверяет: он боится его. На чем был основан этот страх, мне тогда было непонятно. Позднее, когда вскрылась сталинская машина по уничтожению людей и все средства, брошенные на достижение этой цели, а ведь именно Берия управлял этими средствами и проводил нужные акции по поручению Сталина, я понял, что Сталин, видимо, сделал вывод: если Берия делает это по его поручению с теми, на кого он указывает пальцем, то может это делать и по своей инициативе, по собственному выбору. Сталин боялся, как бы при случае такой выбор не пал на него. Поэтому он и убоился Берии. Конечно, он никому об этом не говорил. Но это становилось заметным.

Что бросилось мне в глаза, когда мы как-то в очередной раз собрались у Сталина? Обслуживавший его грузинский персонал исчез, остались только русские. Накануне за обедом Сталин поднял раз вопрос о том, откуда набралось вокруг него столько грузин. Берия насторожился и отвечает: «Товарищ Сталин, это верные вам люди». Сталин возмутился: «Как так, грузины — верные, а русские — неверные?» — «Нет, я этого не говорю, просто здесь подобраны верные люди». Сталин раскричался: «Не нужны мне эти верные люди!» И все грузины и грузинки исчезли из его окружения. То есть Сталин вернулся к тому положению, которое было вокруг него до войны. Тогда среди обслуживающего персонала на дачах и в доме у Сталина не встречалось грузин, а были одни русские.

А перед тем кого там только не было! Шашлычник какой-то жарил шашлыки, его называли русским именем, но внешность у него была типично грузинская... Я был поражен, когда как-то приехал с фронта в Москву, смотрю, а он ходит уже в генеральской форме, уже генерал-майор. Войну он закончил генерал-лейтенантом. Потом объявился какой-то старый приятель, с которым Сталин еще в школе учился. Этот «генерал» занимался снабжением: привозил вино, баранину и другие продукты. Берия говорил о нем: «Духанщик, зато старый приятель Сталина». Потом на него посыпались ордена. Приедешь с фронта, смотришь, а у него еще прибавились один-два ордена, видно по планкам. Возмутительное явление! Когда Сталин сказал, чтобы рядом не было грузин, исчез и этот человек. Люди, которые видели это, полагаю, возмущались, как и я. Но все мы молчали, потому что критиковать за введенный порядок было бесполезно.

Помню, как Сталин учинил мне разнос в присутствии того духанщика, генерал-лейтенанта, который пьянствовал со всеми нами. Одно дело, когда он поставлял яства и напитки, и другое — пить с человеком, которого никто не знал, и вести при нем сокровенные разговоры о государственных делах. Однажды прилетел я с фронта, и мне нужно было на завтра же улететь. Я сговорился со Сталиным, что улечу рано утром. Поэтому мне очень не хотелось напиваться у Сталина, а затем в тяжелом состоянии уезжать и лететь к себе. Стыдно было бы на аэродроме встречаться с людьми, потому что обязательно встретится кто-то, и ты станешь с ним говорить, а он увидит, в каком ты состоянии. Это было позорно. И я решил как-нибудь отделаться от обеда, не оставаясь надолго, а было уже поздно (правда, по сталинскому исчислению суточного времени, было еще рано), два часа ночи. И я говорю: «Товарищ Сталин, разрешите откланяться. Я завтра хочу улететь пораньше, как договорился с вами». — «Завтра?» — «Завтра». Пауза.

И вдруг он понес: «Вы отвечаете за смерть генерала Костенко, который погиб в 1942 году». — «Да, я отвечаю, потому что я член Военного совета фронта и отвечаю за гибель каждого генерала и солдата. Но это — война, всегда кто-нибудь гибнет». А он о его смерти и узнал-то от меня. Я раньше Костенко ему расхваливал. Сам он никогда его не видел. А он — опять и опять. Не помню, сколько времени он мурыжил этот вопрос, буквально издевался надо мной. Мне было очень стыдно. Другие же члены Политбюро, зная все, так к этому относились: сегодня — меня, завтра — другого... Так Сталин и действовал: шел по кругу.

Но рядом находился еще и духанщик, с которым я никогда, как говорится, гусей не пас и никаких дел с ним не имел. И вот — быть наказанным, стоять без вины виноватым и в таком издевательском положении при постороннем. Только Сталин мог позволить себе такое. Совершеннейшая бесконтрольность! Мы говорили порою, что он когда-нибудь дойдет до того, что станет штаны при нас снимать и облеγχаться за столом, а потом говорить, что это в интересах родины. Он, безусловно, был уже тронутым. Мне кажется, что у него была как-то нарушена психика, потому что раньше он вел себя довольно строго и держал себя, как положено человеку, занимающему столь высокий пост.

Так вот, когда его доверие к Берии было подорвано, все грузины враз исчезли. Сталин уже не доверял людям Берии. Но в результате своего болезненного состояния он не доверял уже и русскому обслуживающему персоналу, ибо его тоже подбирал Берия, который долгое время работал в органах госбезопасности,

все кадры ему были известны, все перед ним подхалимничали, и ему легко было использовать этих людей в своих целях.

Теперь Сталин, находясь за столом, не ел и не пил, пока кто-либо другой не попробует из этого блюда или из этой бутылки. А он находил к тому повод. Идет, например, дегустация вина: грузины прислали, надо попробовать старое вино. Конечно, он прекрасно знал нашу «дегустацию» и ни во что ее не ставил, а сам диктовал, хорошее вино или плохое. Но ему требовалось, чтобы мы попробовали, а он выжидал: человек не падает, тогда и он немножко выпьет, посмакует, а потом начинает пить как следует. Хочет он что-нибудь откусать, так на этот случай у каждого из нас имелось «любимое блюдо», и каждый должен был первым попробовать его. «Вот гусиные потроха. Никита, вы еще не пробовали?». «Нет», — отвечаю, а сам вижу, что он хочет взять, да боится. Тут я попробую, и он сразу начинает есть. «Вот несоленая селедка». Он любил несоленую, а потом каждый солил себе по собственному вкусу. Я возьму, тогда и он берет. И вот так каждое блюдо обязательно имело своего дегустатора, который выявлял, отравлено оно или не отравлено, а Сталин смотрел и выжидал.

Дегустировали все, кроме Берии. Потому что Берия, даже когда обедали у Сталина, получал обед со своей кухни, который ему привозили. Матрена Петровна, которая подавала обед, говорила: «Товарищ Берия, вот ваша травка». Все смеялись, а он ел эту траву, как едят в Средней Азии, брал рукой и клал в рот. Не знаю, как грузины едят плов, рукою или нет, но Берия ел, беря руками.

А как мы ездили на отдых? Несколько раз и я был принесен в жертву. Берия подбадривал: «Послушай, кому-то надо же страдать». Страдания заключались в том, чтобы поехать отдыхать в то время, когда Сталин отдыхал на Кавказе. Это считалось наказанием для нас, потому что это был уже не отдых. Все время надо было находиться со Сталиным, проводить с ним бесконечные обеды и ужины. Сталин ко мне хорошо относился и, когда ехал в отпуск, часто меня приглашал: «Поедьте. Вам тоже нужен отпуск». «Поехали, я рад», — отвечал я, хотя предпочел бы не ехать. Сказать же это ему было совершенно невозможно. Вспоминаю отдых в Боржоми. По-моему, он тогда единственный раз отдыхал в Боржоми. Он позвонил мне оттуда. Я находился в Сочи, а Микоян — в Сухуми. Всех, кто отдыхал на Кавказе, плюс Берию, который в то время работал, он вызвал к себе, и мы собрались в Боржоми. Дом был большой, но плохо оборудованный. Там прежде размещался музей. Поэтому спален не было, и мы жили очень скученно. Я тогда спал в одной комнате с Микояном, и мы оба

чувствовали себя плохо, во всем завися от Сталина. У нас-то были разные режимы дня: мы уже набродились, нагулялись, а он еще спит. Когда поднимается, тогда и начинается день.

Как-то Сталин вызвал нас и говорит: «Приехал Ракоши¹ отдыхать на Кавказ». Ракоши приезжал туда не в первый раз. «Он звонил, просился ко мне». Мы молчим. «Надо сказать, чтобы он приехал». Позвонили Ракоши, а Сталин нам говорит: «Откуда Ракоши знает, когда я отдыхаю на Кавказе? Всегда, когда я на Кавказе, он тоже приезжает. Видимо, какая-то разведка информирует его». Уже и Ракоши попал в число подозрительных. «Надо, — продолжает, — отучить его от этого». Приехал Ракоши. Он тоже участвовал в обедах с попойками. И раз, когда подвыпил, говорит: «Слушайте, что вы этим делом занимаетесь? Это же пьянство». Назвал вещи своими именами.

Мы и сами знали, но находили для себя оправдание: мы «жертвы». Но нас это все же обидело, и Берия сказал Сталину, что Ракоши говорит, будто мы пьянствуем. Сталин в ответ: «Хорошо, сейчас посмотрим». Сели за стол, и начал он Ракоши накачивать, влил в него две или три бутылки шампанского и другого вина. Я боялся, что Ракоши не выдержит и тут же умрет. Нет, выкарабкался. Утром он кое-как проснулся (а он договорился со Сталиным, что уезжает) и попросил себе завтрак отдельно. Сталин позавтракал в одиночку. Ракоши не пошел к Сталину завтракать, и тот подшучивал: «Вот до какого состояния я его довел!»

Но потом Ракоши стал в глазах Сталина подозрительным человеком: откуда он знает, когда Сталин отдыхает на Кавказе и почему не ест вместе с ним? А ведь для Ракоши ничего не составляло позвонить в Секретариат ЦК, и ему сказали бы, что Сталин сейчас на Кавказе. Сталин в тот раз еще какое-то время отдыхал в Боржоми, и мы с Микояном еле-еле вырвались от него. Сталин принимал там стариков грузин, с которыми когда-то был знаком в детстве. Особенно ему запомнился некий железнодорожник. Я его не видел, но потом Сталин мне рассказывал: «Принимал я его, и он говорил о том, что творится в Грузии. Это возмутительно». Тот железнодорожник рассказал, что много молодых людей, получив образование, нигде не работают: в Грузии подходящей работы не могут себе найти, а уехать из Грузии не хотят и бездельничают. Еще он говорил о спекуляции. Видимо, честный, хороший был старик, коммунист.

Сталин возмутился. Шефствовал над Грузией Берия, который ранее много лет проработал секретарем ЦК Компартии Грузии, покровительствовал ей и к Грузии никого не подпускал. Инфор-

мировал Сталина о Грузии тоже только Берия, а тут прорвался сквозняк и обернулся гневом Сталина. Недостатки же, с которыми надо было бороться в Грузии, я отнюдь не приписываю ни в какой степени национальным особенностям. Тут сказались условия, в которых пребывает Грузия, райский уголок Советского Союза, где растут цитрусы. Там много соблазнов для спекулянтов: тепло, виноград, много человеческих прелестей. Естественно, оттуда не так-то легко уехать, тем более если человек плохо воспитан. Если бы там жили люди другой нации, то те же пороки стали бы присущи этой другой нации. Иногда я, к примеру, много раз сейчас слышу от охраны: «Везде грузины. Везде они спекулируют». Я же всегда им говорю, что если бы русские там жили, то они делали бы то же самое.

В мою бытность в руководстве развернулась в стране спекуляция лавровым листом. Я тогда сказал Мжаванадзе²: «Вы расширьте насаждения лавра, где только можно». И крымским руководителям предложил то же самое. Вскоре исчезла спекуляция лавровым листом. Вот лучший способ борьбы со спекуляцией: отсутствие дефицита. Но имеется такая продукция, которая растет только в Грузии и в небольшом количестве, особенно на приусадебных участках. Естественно, появляется соблазн побольше заработать. Так что это вопрос не национальный, а бытовой. Если где-то спекулируют овощами, разверните производство этих овощей. Это же доступно государству, используйте парники, оранжереи. Станет экономически невыгодно завозить издалека эти продукты, потому что дешевле будет получить их на месте. Вот и обогородится нация, не будет мозолить глаза людям и потеряет марку спекулянтов.

Сталин же это не хотел понимать и считал, что с порождениями такого характера надо бороться административными мерами, вплоть до арестов и высылки. Примерно в то время, после встречи со стариком железнодорожником (не знаю, насколько эти события связаны между собой), у Сталина начало формироваться недоверие к Берии. Сталин сформулировал тогда антими́нгрельские постановления³. В них говорилось, что мингрелы, то есть западные грузины, имеют какую-то заговорщическую организацию и проводят политику на сближение с Турцией, на выход из состава Грузии. Явная чушь, плод болезненного воображения! Это постановление было направлено против Берии, потому что Берия — мингрел. Сталин это неоднократно подчеркивал и резко делил грузин на западных и восточных, картлийцев, говорил, что мингрелы — «не настоящие грузины».

Тогда секретарем ЦК Компартии Грузии был прежний редактор газеты «Заря Востока», который после Берии занял этот пост. Берия, конечно, его рекомендовал. Я считаю, что он был неплохим человеком, хотя знаком я с ним был на расстоянии. Развернулась травля. Дошло до того, что Сталин поставил вопрос о высылке антиобщественных элементов из Грузии в Сибирь. Этого «не понимал» секретарь ЦК, ибо не видел к тому оснований и поэтому не прилагал должного усердия. Сталин бесился, и все это выливалось на голову Берии, потому что он был под рукой. В принципе — оправданный спрос, потому что секретарь целиком зависел от Берии и делал все, что тот скажет.

Кончилось тем, что Берия поехал в Грузию «наводить порядок». Потом рассказывал нам, сколько десятков тысяч грузин было выслано. Берия блеснул, но Сталин опять был недоволен. Инициатива исходила от Сталина, Берия же заплатил за восстановление своего престижа в его глазах кровью грузинского народа. Надо было доказать Сталину, что его ввели в заблуждение; что там, как и всюду, есть паразитические элементы, но с ними надо бороться другими средствами. Это можно было бы Сталину доказать, если бы за это дело взялся сам Берия. А Берия пошел по обычному для него кровавому следу. Что ему стоила жизнь тысяч людей, которые заплатят своими головами или пойдут в ссылку и будут влачить там жалкое существование, неся клеймо изменника Родины? Для него страдания народа ничего не стоили. Для него главное — карьера, собственное положение. И он умел пользоваться слабостью Сталина, используя свою жестокость и личные аморальные качества ради достижения цели. Когда Берия приехал из Грузии и доложил о результатах своей деятельности, Сталин стал опять к нему благосклонен.

Разве это мыслимое дело? Я за то, чтобы арестовывать, судить, высылать и сажать в тюрьму уголовных преступников. Но надо, чтобы следствие и суд проводились по всем нормам закона, чтобы суды были открытыми, чтобы каждому можно было убедиться, что данные люди виновны. Тогда никто не встанет на защиту наказанных, и общественность искренне поддержит действия карающих органов. У нас тоже «присоединяли» свой голос в поддержку обвинения. Но как? Кто-то докладывает, бьет себя в грудь, божится, клянется, сам не разобравшись, что там действительно враги народа. Резолюцию принимают, руки поднимают. Это ведь не осуждение по существу. Голосуют за уничтожение людей, не зная состава преступлений, не зная даже этих людей. Никаких настоящих судебных процессов у нас не было, закрытые суды

проводились в 30-е годы тройками. Что это за тройка? В нее входили те, кто арестовывал; они же вели следствие; они же выносили приговор. Все люди, которые потеряли свои головы во времена Сталина, были судимы такими или им подобными субъектами.

И вот — мингрельское дело. Я абсолютно убежден, что оно выдумано лично Сталиным в борьбе с Берией. Но так как он уже был болен, то оказался непоследователен в проведении намеченных планов, и Берия вывернулся, откупился кровавой поездкой в Грузию. Он сам тогда набился поехать туда. Из нас же кто-либо вмешиваться в дела Грузинской республики не мог, это было под строгим запретом. Все это накладывало еще один отрицательный отпечаток на нашу жизнь. Чем больше находится руководство под общественным контролем, тем лучше оно трудится и предохраняется от поступков, которые несовместимы с социалистическим мировоззрением, с социалистическими порядками.

¹ РАКОШИ М. (1892 — 1971) — генеральный секретарь ЦК Компартии Венгрии в 1945 — 1948 гг., Венгерской партии трудящихся в 1948 — 1956 гг.

² МЖАВАНАДЗЕ В.П. (род. в 1902 г.) — член ВКП(б) с 1927 г., генерал-лейтенант с 1944 г., 1-й секретарь ЦК Компартии Грузии в 1953 — 1972 гг., кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС в 1957 — 1972 гг.

³ Постановления ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1951 г. и 27 марта 1952 г. о вскрытой в Грузии мингрельской националистической организации, возглавляемой секретарем ЦК КП(б) Грузии М.Барамиа. Эти постановления были отменены 10 апреля 1953 г. Постановлением ЦК КПСС «О нарушениях советских законов бывшими Министерствами государственной безопасности СССР и Грузинской ССР».

СЕМЬЯ СТАЛИНА. СВЕТЛАНКА

Сегодня 30 марта 1968 года. Похороны Юрия Гагарина. Мы потеряли чудесного человека. До глубины души жаль расставаться с тем, кто был еще в расцвете сил и мог долго служить народу. Но смерть не считается ни с чем, и сегодня народы всего мира будут прощаться с Гагариным. Обстоятельства его гибели мне непонятны¹. Зачем ему нужно было вдруг полететь на самолете? Сообщение было скудным, формальным, казенным. Никаких

подробностей, чтобы сориентироваться, как же это могло случиться. А может быть, он тренировался с какой-то аппаратурой, которую нужно было проверить в воздухе? Сейчас мне трудно судить, но с течением времени все станет известно. Даже если этот полет был необходим для подготовки будущего освоения космоса, то, видимо, очень плохо была осмотрена материальная часть самолета. Многое зависело от квалификации технического персонала, если гибель произошла в результате отказа техники, которая сработала не так, как нужно было. Это зависело от людей, которые готовили полет и не обеспечили безаварийности. Последовала катастрофа с безвременной гибелью человека, дорогого народам Земли. Горько читать.

Характер Сталина был крутым, нрав — грубым. Но его грубость вовсе не отражала его злобность лишь в данном случае или его отношение к конкретному человеку. Это была какая-то злобность вообще, врожденная грубость, хотя, видимо, скорее тут результат воспитания и влияния среды. Его грубость я на себе испытывал много раз. При всем том, что Сталин ко мне относился хорошо. Если бы он относился плохо и питал какое-то недоверие, то ведь он имел возможность легко расправиться со мной, как расправлялся со всеми, неудобными ему. Пусть он послал мне грубейшую телеграмму по поводу заготовки хлеба после войны, о чем я уже говорил (там он сообщил мне, что я сомнительная личность), но не расправился со мной!

Я бы даже сказал, что он относился ко мне с каким-то уважением. Не раз после своих грубостей он выражал мне свое расположение. Но Боже упаси, чтобы это было каким-то извинением. Нет, эта форма выражения чувств была чужда его характеру. Ведь он допускал оскорбления даже по отношению к самым близким людям. Хочу в подтверждение рассказать о таком эпизоде. Это было уже, наверное, в последний год его жизни. Мы собрались у Сталина, когда он пригласил нас встретить Новый год у него на «ближней». Чего-либо особого в тот Новый год по сравнению с другими вечерами, которые мы у него проводили, не происходило. Собрался тот же состав людей, но внутреннее настроение было, конечно, повышенным. Новый год! Обедали, закусывали, пили. Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Выпили изрядное количество вина. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать.

У нас имелся «признанный» танцор — Микоян, но любые его

танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я никогда, как говорится, ног не передвигал: из меня танцор, как корова на льду. Но я тоже «танцевал». Каганович — танцор не более высокого класса, чем я, да и Маленков. Булганин когда-то хорошо танцевал, видимо, в молодости. Он вытапывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим. Только Молотова не было с нами. Молотов был городским танцором. Он воспитывался в интеллигентной семье, потом был студентом, плясал на студенческих вечеринках, к тому же любил классическую музыку и сам играл на скрипке, вообще был музыкальным человеком. В моих глазах плохого ценителя он являлся танцором первого класса. Мы пели и подпевали пластинкам, которые заводил Сталин.

Потом появилась Светланка. Так ее Сталин называл, и мы вслед за ним. Я не знаю, вызвали ли ее по телефону или она сама приехала. Она попала в стаю немолодых людей, мягко говоря. Приехала трезвая молодая женщина, и отец ее сейчас же заставил танцевать, хотя она устала. Я видел, что она танцует еле-еле. Отец требует, а она не может. Она встала и прислонилась плечом к стене около радиолы. К ней подошел Сталин, и я тоже. Стояли вместе. Сталин пошатывался, говорил: «Ну, Светланка, танцуй. Хозяйка, танцуй». — «Я уже танцевала, папа. Я устала». Он взял ее пятерней за волосы и потянул. Смотрю, у нее краска на лице выступила, и слезы появились на глазах. Так жалко было смотреть на нее. А отец тянул ее, потом дернул за волосы. Это считалось проявлением любезности отца. Безусловно так, потому что он любил Светланку. Васю он тоже любил, но и критиковал за пьянство и за недисциплинированность. А Светланка училась хорошо, и поведение ее как девушки было хорошим. Я ничего дурного никогда не слышал о ней, и Сталин гордился ею. Просто таким способом он выражал отцовские чувства. А делал это грубо не потому, что хотел сделать ей больно. Но он не умел иначе.

Я заговорил о Светлане потому, что сейчас она несчастна. Не могу понять, как она решилась на такой шаг, непростительный для советского человека: оставила Родину, оставила детей, дала повод сплетничать врагам социализма и использовать ее имя, имя дочери Сталина, во вред нашей стране, нашему обществу. Она объясняет это в книге, которую написала. Я слышал отрывки по радио и читал пересказ в изложении наших журналистов. Конечно, неумная книга, неразумно написанная. Видимо, она создава-

лась в результате душевного и физического надлома. Не думаю, что Светлана изначально была религиозной. А там она пишет, как крестилась. Странно. Не могу примириться с этим. Тут проявилось, на мой взгляд, какое-то болезненное состояние.

Я с большим уважением относился к ее матери и хорошо ее знал. Учился с ней вместе в Промышленной академии, где я был секретарем партийной организации, а она студентами была избрана партгруппоргом. Поэтому она часто приходила ко мне за разъяснениями по тому или другому политическому вопросу. Тогда жизнь в Промышленной академии была бурной. Это были 1929 и 1930 годы, шла борьба с «правыми», а Промышленная академия была засорена ими и одно время неофициально поддерживала их. Потом эта академия стала твердыней Центрального Комитета партии, и в этом моя роль была, как говорят в таких случаях, не последней. Отбрасывая скромность, скажу, что моя роль в том была первой. Поэтому меня и выбрали секретарем партийной организации: я возглавил группу, которая твердо стояла на позициях той генеральной линии партии, которую проводил в 20-е годы Сталин.

Это, видимо, сближало со мной Надю. Потом мы стали называть ее Надеждой Сергеевной. Когда мы вместе учились или беседовали по партийным вопросам, она ничем не выказывала своей близости со Сталиным, умела себя держать. Когда же я стал секретарем Московского комитета партии, чаще встречался со Сталиным и бывал у него на семейных обедах, то понял, что о жизни Промышленной академии и о моей роли там Аллилуева рассказывала Сталину, который при разговорах со мной иной раз напоминал мне о событиях, о которых я никогда не вспоминал или даже забыл. Тогда-то я понял, что это Надя рассказывала о них мужу.

Полагаю, что именно это определило отношение ко мне Сталина не только тогда, но и позднее. Я называю это лотерейным билетом. Я вытащил счастливый билет и поэтому остался в живых, когда мои сверстники, однокашники и друзья, с которыми я вместе работал в партийных организациях, в большинстве своем сложили голову как «враги народа». И я сам себе задавал вопрос: «Почему меня пощадили?». Тот факт, что я действительно был предан делу партии, не вызывает сомнения. Ведь я-то знаю это. Но и те товарищи, которые работали со мной, тоже были преданы делу партии, сплошь и рядом принимали такое же участие в борьбе за генеральную линию партии, выступали за Сталина. И все-таки они безвинно погибли. Вероятно, Сталин наблюдал за моей деятельностью глазами Нади, с которой я был на равной ноге. Она

видела меня почти каждый день, с уважением относилась к моей политической деятельности и обо всем рассказывала Сталину, что и послужило основой его доверия ко мне.

Иной раз он нападал на меня, оскорблял, делал грубые выпады. И все же скажу, что до последнего дня своей жизни он ко мне относился все-таки хорошо. Говорить о какой-то любви со стороны этого человека невозможно. Это было бы слишком сентиментально и не характерно для него. А его уважение ко мне выражалось в той поддержке, которую он мне оказывал.

На семейных обедах у Сталина в начале 30-х годов бывали, кроме него самого и Надежды Сергеевны как хозяев, мать и отец Аллилуевы — родители Нади, ее брат с женой, сестра Анна Сергеевна с мужем Реденсом (начальником Управления внутренних дел Московской области), очень хорошим товарищем, поляком по национальности. Сталин и его расстрелял, несмотря на то что должен был бы отлично знать его и доверять ему. Эти обеды проходили, как все семейные обеды. Мне было приятно, что меня приглашали на них. Приглашали туда и Булганина. Сталин сажал нас рядом с собой и проявлял внимание к нам.

В отличие от него Надя была по характеру совсем другим человеком. Она очень нравилась мне своей скромностью, этим хорошим человеческим показателем. Когда она училась в Промышленной академии, то очень немногие люди знали, что она жена Сталина. Аллилуева, и все. У нас учился еще один Аллилуев, горняк, ей не родственник. Надя никогда не пользовалась какими-то привилегиями, она не приезжала на машине и не уезжала в Кремль на машине, ездила трамваем и старалась вообще ничем не выделяться в массе студентов. Это было умно с ее стороны — не показывать, что она близка к человеку, который в политическом мире считался лицом номер 1.

Вася Сталин — умный мальчик, но своенравный. Еще в ранней молодости он стал пить. Учился он как попало, вел себя недисциплинированно и приносил много огорчений Сталину. Тот его, по-моему, порол за это и приставлял к нему для наблюдения чекистов, которые присматривали за ним. Светланка была другой. Она всегда, бывало, бегала по дому, когда мы приходили. Сталин называл ее «хозяйкой», и мы стали ее называть так же. Одевали ее нарядно. Помню на ней украинский костюмчик с вышитой сорочкой или сарафаном. Выглядела она, как нарядная куколка. Светланка очень похожа на мать: волосы темно-каштановые, лицо с мелкими крапинками. Правда, волосы у матери были несколько темнее, чем у дочери.

«Хозяйка» росла на наших глазах. Когда мы приходили, Сталин говорил обычно: «Ну, хозяйка, угощай. Гости пришли». И она убегала на кухню. Сталин рассказывал нам: «Когда она на меня рассердится, то укоряет: «Пойду на кухню, пожалею на тебя повару». А я ей отвечаю: «Да уж пожалей меня, не жалуйся, мне ведь это так просто не пройдет!» И тогда она еще настойчивее говорила, что скажет повару, если с ней плохо будут обращаться».

Яков, старший сын от первой жены Сталина, грузинки, был уже в ту пору человеком взрослым. По специальности инженер. Я Якова не знал. Когда я стал ходить к Сталину и бывать у него на квартире, Яков заглядывал туда редко. Он жил отдельно, имел свою семью, и я видел его за семейным столом всего несколько раз, причем он всегда был один. При мне никогда он не был у отца с женой и с дочерью.

После того как Надя покончила жизнь самоубийством, Василий и Светлана всегда представляли перед нашими глазами, когда мы приходили на квартиру к Сталину. Я постепенно привык к Светлане, привязался к ней, относился к ней как-то по-родительски. Мне было по-человечески жаль ее как сиротку. Сталин был груб, невнимателен, у него родительской нежности не чувствовалось. Он был сухим, корявым в личных отношениях человеком. Везде, где повернется, оставляет неприятный след при контактах с людьми. Задиристый имел, агрессивный характер.

Когда мне передали, уже в наши дни, что Светлана уехала в Индию и не захотела вернуться в Советский Союз, я не поверил: как можно? Это, видимо, очередная клеветническая «утка» буржуазных журналистов. Прошло несколько дней, и исчезли всякие сомнения в том, что она не вернется. Мне посейчас жаль ее. Как это сказано у Некрасова: «Ей и теперь его [лес] жалко до слез, сколько там было кудрявых берез». Конечно, она не береза, а живая душа. Тем более жалко, что так сложилась ее судьба, сложная судьба. Ведь она лишилась матери в детском возрасте и воспитывалась сама и с няней. Отец уделял ей очень мало внимания. Отдыхал он всегда один и никогда не брал детей с собой. Она росла, не чувствуя родительской ласки. Даже котяткам приятно, когда мать облизывает их на солнышке. Любые звери требуют ласки. А человек? В результате на внутреннее содержание девушки, которая была лишена этого, наложились какие-то психические наслоения.

Вышла она замуж. Я не знал ее мужа. Морозова, по-моему. Фамилия у него русская, сам он еврей. Некоторое время Сталин

его терпел, хотя я никогда не видел, чтобы Морозов был приглашен тестем в гости. Когда у них родился сын, думаю, что Сталин его никогда и не видел. И это тоже откладывало отпечаток на душу Светланы. Потом разгорелся приступ антисемитизма у Сталина, и она была вынуждена развестись с Морозовым. Он умный человек, хороший специалист, имеет ученую степень доктора экономических наук, настоящий советский человек.

Когда Сталин потребовал от Светланы, чтобы она развелась с мужем, он, видимо, сказал примерно то же и Маленкову. Его дочь, очень приятная девушка Воля², вышла замуж за Шамберга, сына друга Маленкова. Его отец — прекрасный партийный работник и высокопорядочный человек. У Маленкова проработал много лет в аппарате. Все резолюции, которые поручались Маленкову, готовились Шамбергом, грамотеем и умницей. Я много раз встречал Шамберга-сына у Маленкова, и он мне очень нравился: и молод, и способен, и образован. Тоже был экономистом. И вдруг мне рассказала жена Маленкова, Валерия Алексеевна, к которой я относился с большим уважением, что Воля разошлась с первым мужем и вышла за архитектора. Не стану сравнивать, кто из них хуже или лучше, это личное дело. Жена сама определяет, какой муж у нее лучше, — первый или второй. Я же считаю, что и второй был хорошим парнем. Он был моложе жены на несколько лет. Воле это могло нравиться. Но оставить сына отцовского друга? Мне это было и непонятно, и неприятно.

Маленков не был антисемитом. Да он и не говорил мне, что Сталин ему что-то сказал на этот счет. Но я убежден, что даже если Сталин ему прямо ничего такого и не сказал, то когда он услышал, что Сталин потребовал, чтобы Светлана развелась со своим мужем, потому что тот еврей, то Маленков «догадался» сам и заставил сделать то же самое свою дочь. Тут налицо проявление самого низкопробного, позорного антисемитизма. Я лично Маленкову это не приписываю; перед нами холуйское услужение: если Сталин так сделал, то и он так поступит. Вообще же я считал, что Маленков был нормальным по взглядам человеком и не болел упомянутой позорной болезнью.

Светлана тоже вторично вышла замуж. Это уже Сталин захотел, чтобы она вышла замуж за сына Жданова, Юрия, сейчас ректора Ростовского университета³. И он нравился мне: умный, образованный, рассудительный человек. И Сталину он нравился, зато он не понравился Светлане, и уже после смерти Сталина они все же разошлись. Я опять переживал это. Мне просто не хотелось слышать, как люди злословили о ней, что она проявляет непосто-

янство. Затем она долгое время жила одиноко. У нее осталось двое детей: сын от первого мужа и дочь от второго.

Примерно за год до окончания моей политической деятельности Микоян как-то сказал мне, что к нему приходила Светлана и просила его совета: она хотела бы выйти замуж за журналиста-индуса. Микоян сказал, что она его любит; индус старше ее, но она давно с ним знакома и он порядочный человек, к тому же коммунист. «Она, — говорит, — просила, чтобы я и у тебя узнал, каково твое отношение к этому?». Я ответил: «Если она считает, что он достойный человек, пусть выходит замуж. Выбор за ней, а мы здесь ни при чем, мы не будем вмешиваться. То, что он не гражданин Советского Союза, не может служить препятствием. Пусть решает сама». И она вышла за него замуж. Я узнал об этом, когда уже находился на пенсии, и был доволен, поскольку хотел, чтобы она устроилась наконец в своей личной жизни.

Как я узнал, этот индус умер. Светлана поехала похоронить его на родине и не вернулась. Я был буквально потрясен. Несколько дней не верил этому, пока не получил неопровержимых подтверждений. Ее книги я целиком не читал. Западное радио передавало выдержки из нее, которые были ему выгодны. Может быть, такие места и не характерны для всей книги, но то, что было передано, мне показалось по меньшей мере странным. Как советский человек, выросший в наших условиях, да еще дочь Сталина, мог написать такое? Она ведь воспитывалась в окружении советских людей, и я бы не сказал, что это было только окружение Сталина. Правда, толком я не знаю, что за люди были у нее воспитателями. Помню, что там маячила одно время красивая грузинка, но она вроде бы промелькнула и исчезла. Кто-то сказал мне, что это воспитательница Светланы. Не знаю, что это за воспитательница и откуда она появилась. Пронесся слух, что это было подставное лицо Бери, подосланное не то к Светлане, не то к Сталину. В школе Светлана училась хорошо и не вызывала нареканий.

Полагаю, что получился результат надлома психики у молодой женщины. Еще бы... Раньше умерла мать, и при каких обстоятельствах! Она понимала, что мать погибла в результате тех взаимоотношений, которые создались между нею и отцом. И не просто умерла, а покончила жизнь самоубийством. Сплетничали даже, что Сталин ее убил. Я и сейчас не могу сказать, где тут правда, потому что знаю две версии: одна — что Сталин ее застрелил; другая, более вероятная версия, что она застрелилась в результате оскорбления, нанесенного ее женской чести. Конечно, о каком-то варианте и Светлана знала и сильно переживала,

на нее это подействовало. Потом вышла замуж и развелась, осталась с сыном. Снова вышла замуж и сама уже оставила второго супруга, сохранив от него дочь. Для молодой женщины это не очень-то нормально.

Да и с собственным отцом у нее были сложные отношения. Отец любил ее, но свои чувства выражал звероподобными приемами, вроде нежности кошки с мышкой. Это тоже могло надламывать душу ребенка, потом девушки и наконец женщины-матери. Затем стряслась смерть отца, вскрылись его злоупотребления властью, что тоже было для нее страшным потрясением. Сложившиеся обстоятельства терзали ее душу и влияли на ее психику. И вот последняя капля, переполнившая чашу: смерть третьего мужа, похороны.

О том, что произошло дальше, мне передавали такие люди, которые сами пользовались лишь слухами. Почему она не вернулась? Я говорю о версии, потому что достоверно мне ничего не известно. Она после похорон мужа пришла в наше посольство. Послом в Индии был Бенедиктов⁴. Я хорошо знал его: «выдержанный» человек. Она хотела задержаться в Индии на несколько месяцев, а Бенедиктов посоветовал ей немедленно выехать в Советский Союз. Когда посол рекомендует гражданину тотчас убыть домой, это сразу настораживает любого человека. Тем более что Светлана знала все манеры, которые у нас в такой связи проявлялись. Значит, к ней выражается недоверие. А оно может кончиться плачевно для лица, которое хотят как можно скорее вернуть на родину. Тут не забота о человеке, а политическое недоверие, унижительное и оскорбительное отношение, которое выводит из равновесия даже уравновешенных людей.

А Светлана не была уравновешенной, как это видно и по содержанию ее книги. Она была надломлена и обратилась за помощью к иностранной державе, пошла к американскому послу, уехала в Швейцарию, а оттуда в США. Глупый поступок, который нельзя ничем оправдать. Но глупо поступили и с ней. Грубо. Это — полицейская мера со стороны людей, которые должны были бы проявить такт и уважение к личности женщины и гражданина. Что, по-моему, нужно было бы сделать? Я убежден, что того не получилось бы, если бы с ней поступили иначе. Когда она пришла в посольство и сказала, что ей необходимо побыть в Индии месяца два или три, надо было ответить: «Светлана Иосифовна, зачем три месяца? Возьмите себе визу года на два или три. Можете взять и бессрочную визу, живите здесь. Когда захотите, приедете домой, в Советский Союз». Нужно было дать ей свободу

выбора и тем самым морально ее укрепить, показать, что к ней относятся с доверием.

Я убежден, что если бы с ней так поступили и даже если бы она имела уже написанную свою книгу, она бы ее либо не опубликовала, либо переделала. Но ей показали, что она находится под подозрением. Умная женщина сразу поняла это. Политическое недоверие к ней, дочери Сталина, переполнило чашу. И она бросилась в омут эмигрантской жизни, лишила себя родины, рассталась со своими детьми и друзьями. Очень, очень печально. Мне жаль Светлану. По-прежнему называю ее так, хотя она давно уже Светлана Иосифовна. Так ужасно закончилось ее существование как нашего, советского человека. Безумно жаль!

Существуют примеры в подтверждение моей правоты. Когда я возглавлял правительство, молодой пианист Ашкенази⁵ получил первую премию на Московском музыкальном конкурсе имени Чайковского. Он был женат на англичанке, которая училась у нас в консерватории, и у них появился ребенок. Они поехали в Англию, где живут родители его жены. Мне говорили, что она родом из Ирландии, но английская подданная. Ашкенази — хороший пианист, я слушал его игру и потом поздравлял его, когда ему была присуждена премия. Теперь же я его слушаю по радио. Так вот, он пришел в советское посольство в Лондоне и сообщил, что его жена отказывается теперь ехать в Советский Союз, а он ее очень любит, у них дитя, и он спросил, как ему быть. Посол сейчас же доложил о происшедшем в Москву, а мне передал затем Громыко, что получена такая-то телеграмма от нашего посла.

Я посоветовался с товарищами и предложил: «Дадим ему загранпаспорт на такой срок, какой он сам захочет. Он сможет с этим паспортом всегда приехать в Советский Союз, если пожелает. Это единственная разумная возможность. Если мы будем насильно добиваться, чтобы он вернулся, то он, видимо, не вернется. Он же не антисоветский человек, но мы его искусственно сделаем антисоветским, потому что раз он не выполнит нашей воли, то противопоставит себя правительству СССР. Сейчас же найдутся комментаторы и толкователи, которые начнут обрабатывать его в антисоветском духе. Зачем нам плодить таких людей? Что вообще случится, если он станет жить в Лондоне, а сюда будет приезжать на концерты? Он же музыкант, человек свободной профессии, будет на родине выступать с концертами и останется гражданином Советского Союза». Все согласились. Так мы и сделали. И мне приятно, когда я сейчас включаю радио,

слышать, если объявляют, что в Москве выступает пианист Ашкенази. Приятно, что мы сохранили честное имя крупного пианиста за нами, за Советским Союзом, и заодно не разрушили семейную жизнь.

Может быть, настанет время, когда он и другие такие же люди захотят приехать и обосноваться у нас. А может случиться, что они обоснуются за рубежом, я этого не исключаю. Ну, и что? Полагаю, настала пора, когда нужно предоставить возможность гражданам Советского Союза жить, где они хотят. Если желают выехать в какую-либо страну, пожалуйста! Невероятное дело после 50 лет существования советской власти держать людей под замком. Мы, коммунисты, считаем, что капиталистический строй — это проклятье. Люди труда обрекаются там на капиталистическое рабство. Мы строим социализм и во многом преуспели в этом строительстве, а дальше еще больше преуспеем. Наш строй, безусловно, самый прогрессивный на данном этапе развития человечества. Значит, если сравнивать «по-библейски» — это рай. Но рай не в том смысле, когда все сыплется из рога изобилия, а ты только подставляй рот. Нет, такого рая нет, и когда он будет, я даже не знаю. Но ведь все оценивается относительно. Так чего же мы сами себе противоречим? Строим хорошую жизнь, а чтобы удержать людей в этой хорошей жизни, держим границу за семью замками?

Иной раз и не враги, а наши, советские зубоскалы говорят: «Чего же в рай дубинкой гоните?». Эти слова мы слышали, и когда принудительным порядком проводилась коллективизация, и в других случаях. Считаю, что пора лишить таких врагов социализма аргументов. Почему мы не доверяем людям — строителям социализма? Надо показать, что все они являются вольными гражданами, свободными строителями новой жизни, что они создают социализм в результате своих убеждений, а не принуждения или таких условий жизни, когда им податься некуда. Это позорит нас. Пришло время ликвидировать такой позор.

Вот Югославия. Она не богаче нас живет. Я, когда в последний раз был в Югославии, беседовал с Тито, и об этих беседах с удовольствием сейчас вспоминаю. Я его расспрашивал: «Как у вас дела с границей?» Он: «Граница у нас такая: подъезжает человек, говорит, куда он едет, и все, никакой проверки. Отъезжающий выполняет элементарные формальности, поднимается шлагбаум, машина въезжает в Югославию или выезжает из нее. То же относится к людям, которые приезжают из других стран в Югославию. И так же свободно выезжает за границу каждый югослав». Он рас-

сказывал, что у них многие шахтеры едут работать в Западную Германию. Говорят: «Поеду заработать на машину». И что случилось с Югославией? Она исчезла от этого? Нет.

Между прочим, когда я поставил вопрос о том, чтобы восстановить добрые отношения СССР с Югославией, то необходимость этого никак не мог понять Суслов. Он старался доказать, что в Югославии нет социализма, что это не социалистическая страна. Я ему: «Давайте проанализируем. Создадим комиссию, пусть она изучит по элементам, какие общественные признаки существуют в каждой стране, которая является капиталистической или которую мы называем социалистической». Такая комиссия была создана и представила соответствующие документы. Я заранее был убежден в итогах ее выводов, но хотел, чтобы авторитетная комиссия все наглядно проанализировала бы. Такие документы лежат в Центральном Комитете партии. В них доказано, что в Югославии налицо признаки социализма, что на этих основах построено Югославское государство. Так почему бы нам не последовать примеру Югославии и не открыть свои границы?

Если это невозможно, то какая же тогда у нас свобода? Могут сказать, что, мол, у нас классовый состав общества. Но это относилось к давнему периоду нашего существования. Сейчас, через 50 лет после того, как ликвидированы враждебные классы, эти аргументы, как говорится, для дураков. Для мыслящих людей — это позорная аргументация.

Ну, а если бы мы позволили Светлане самой решать и она бы не вернулась? Ну, что же, жалко было бы, но ничего не поделаешь. Ведь она не вернулась и при существующем порядке выдачи виз. И еще один эпизод из области того наследия, которое цепями лежит на сознании руководителей СССР. Наша балерина номер один, лучшая балерина не только в Советском Союзе, но и мирового балетного искусства Майя Плисецкая⁶: какова ее судьба? Когда выезжал за границу Большой театр, ее всегда исключали из списка отъезжавших. Мне докладывали, что ей нельзя доверять, что она может не вернуться. Я ее лично не знал, и я с ней никогда не разговаривал, не имел представления о ее настроении. Конечно, было бы неприятно, если бы такая балерина, как Плисецкая, покинула Советский Союз. Это была бы демонстрация, а для нас болезненный укол.

И вот однажды, когда готовилась к выезду за границу очередная балетная труппа, я получил как секретарь ЦК партии письмо от Плисецкой, довольно большое и искреннее. Она писала, что она патриотка, что ее обижает и оскорбляет недоверие, которое

ей выражается, и заверяла в своей честности. Встал вопрос: как быть? Я размножил ее письмо, и все члены Президиума ЦК партии прочитали его. Я предложил включить ее в список. Выражались сомнения, что она может не вернуться. «Да, может. Но она говорит, что этого не случится. И я ей верю. Нельзя жить без доверия. Если она написала нечестно, а просто, чтобы вырваться, ну, что же, переживем». Она поехала. Я был вознагражден, не знаю, во сколько крат, когда она с блеском выступила за границей и вернулась, приумножив славу советского балетного искусства, нашей культуры. А если бы мы продолжали ее «не пущать»? Мы бы искалечили человека или сделали бы из нее антисоветскую личность. Потому что самое хрупкое — это психика человека, и ее надо оберегать, чтобы не надломить. Неосторожный шаг может вывести любого из равновесия, и он окажется роковым шагом в жизни. Я был горд правильным решением, и мне было приятно, что балерина правильно оценила доверие.

Еще один случай: с известным пианистом Рихтером⁷. Тоже встал вопрос его выезда за границу. Мне докладывают, что есть возражения. По-моему, Фурцева⁸ докладывала мне, что наша госбезопасность возражает. Какие же основания? У него в Западной Германии живет мать, и неизвестно, вернется он или не вернется. Конечно, потеря такого крупного музыканта, как Рихтер, — ущерб для страны. Это ведь в музыкальном мире человек № 1. Что же делать? Я говорю: «Пусть он едет». Выказывалась мысль потребовать от него, чтобы он не заезжал в ФРГ. И я сказал: «Если он выедет за пределы наших границ с вырванным у него обязательством не заезжать в Западную Германию и не встречаться с матерью, то глупее этого ничего не может быть. Наоборот, надо посоветовать ему: «Вы не видели мать столько лет, поезжайте, повидайтесь с ней». Надо, чтобы он не почувствовал, что мы против этого». Рихтер поехал в Западную Германию, встречался с матерью. Мне рассказывали, что мать чуть ли не бросила его и уехала, когда немцы оккупировали Украину. Она жила тогда, кажется, в Одессе. А сын вырос здесь. И он вернулся.

Потом он ездил по Америке с концертами. Там ему подарили чудесный рояль. Пришла Фурцева и говорит: «Как быть? По нашим законам, чтобы перевезти рояль через границу, надо заплатить большую пошлину. Рихтер не в состоянии будет, видимо, заплатить ее». Я: «Передайте от меня тем, кто занимается на границе пошлинами, что надо оформить все так, чтобы пошлину с него вообще не брали. Раз он в США получил в премию рояль, то не

нам ставить препятствия для владения подарком. Если мы его лишим подарка, то у него сохранится в душе Горький осадок, огорчение. Для музыканта иметь хороший инструмент — большая радость. Не лишайте его этой радости, он заслуживает ее, большего заслуживает!» А Фурцева тоже была довольна, что так решен вопрос. Сейчас Рихтер много выступает повсюду, разъезжает, и не знаю, существует ли вообще вопрос в связи с его гражданской честностью.

Могут ли возникнуть случаи, когда наше доверие будет обмануто? Могут. Среди 200 с лишним миллионов человек, конечно, найдутся и чистые, и нечистые. Нечистые уйдут на поверхность, как всякое легкое вещество, которое плавает на воде, и они волнами будут отбиты от наших берегов. Пусть себе плывут по течению. Могут принять схожее решение и люди, о которых нельзя говорить плохо. Одни могут проявить какое-то временное колебание. Другие же просто захотят попробовать зарубежную жизнь, в каких-то проявлениях привлекательную. Пускай! Нельзя захватить власть, построить частокол, и не изволь подходить даже к нему, а не то что переходить через частокол. Нельзя! Вспомните Ленина. Мы врагов в первые годы революции и советской власти сами высылали за границу, а для желающих выехать были открыты все возможности: пожалуйста, берите чемоданы и уезжайте! И уезжали.

Помню, в 1919 г. я был в Красной Армии и служил в Курске, многие переселялись оттуда на Украину. В красноармейском «устьном вестнике» ходили анекдоты о том, как переходили эту границу, скрывали личные ценности и какие находили люди потайные места, чтобы спрятать небольшие, но очень ценные вещи. Может быть, эта правда сдобрена солдатскими молодежными выдумками. Но такие факты были. Люди уезжали открыто. А теперь, спустя 50 лет, мы тем более должны создать такие общественные отношения, чтобы не видеть в каждом человеке невозвращенца. Стоять на другой позиции — значит позорить наши идеи, наше учение, наш строй. Я резко против этого.

То, что подобный метод был применен к Светлане, меня очень огорчает. Я думаю, что еще и сейчас не все потеряно, что она еще может вернуться, у нее может окрепнуть мысль возвратиться к своим детям. Пусть бы она хотя бы имела такую возможность, знала, что если захочет вернуться, то сможет, и ей не будет поставлена в укор ее слабость. Осуждая Светлану за то, что она приняла неразумное решение, я осуждаю и тех, кто не подал ей руку, чтобы помочь ей найти правильное решение, и своими глупыми шагами толкнул ее на неверный поступок.

¹ По данным 1992 г., самолет, на котором совершал полет Ю.А.Гагарин, потерпел катастрофу 27 марта 1968г. Попад в вихревой поток, вызванный пролетевшим впереди другим самолетом, он потерял управление на очень малой высоте, при низкой облачности и врезался в землю.

² Маленкова В.Г. Ее тогдашний супруг — П.М.Шамберг, сын заместителя заведующего отделом ЦК КПСС М.А.Шамберга.

³ Жданов Ю.А. (род. 1919) — химик, член-корр. АН СССР с 1970 г., член ЦК КПСС в 1952 — 1956 гг., лауреат Государственной премии СССР 1983 г.

⁴ Бенедиктов И.А. (1902 — 1983) — член Компартии с 1930 г., нарком земледелия и министр сельского хозяйства СССР в 1938 — 1943 и 1946 — 1953 гг., потом министр совхозов, с 1959 г. посол в Индии, в 1967 — 1970 гг. посол в Югославии, член ЦК партии в 1939 — 1941 и 1952 — 1971 гг.

⁵ Ашкенази В.Д. (род. в 1937 г.) — пианист, лауреат музыкального конкурса им. П.И.Чайковского в 1962 г., находится за рубежом с 1963 г., с 1987 г. возглавлял в Лондоне Королевский филармонический оркестр как дирижер.

⁶ Плисецкая М.М. (род. в 1925 г.) — народная артистка СССР с 1959 г., Герой Социалистического Труда с 1985 г., в Большом театре выступала в 1943 — 1988 гг.

⁷ Рихтер С.Т. (1915 — 1997) — народный артист СССР с 1961 г., Герой Социалистического Труда с 1975 г., лауреат Ленинской премии в 1961 году.

⁸ Фурцева Е.А. (1910 — 1974) — член ВКП(б), с 1930 г. на комсомольской работе. С 1950 г. второй и в 1954 — 1957 гг. первый секретарь МГК КПСС, с 1956 г. секретарь ЦК КПСС и кандидат в члены Президиума ЦК партии, в 1957 — 1961 гг. член Президиума, с 1960 г. министр культуры СССР.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ СТАЛИНА

После Великой Отечественной войны с каждым годом становилось заметнее, что Сталин слабеет физически. Особенно заметно сказывалось это в провалах его памяти. Иной раз сидим за столом, и он, обращаясь к человеку, с которым общался десятки, а может быть, и больше, лет, вдруг останавливается и никак не может припомнить его фамилию. Он очень раздражался в таких случаях, не хотел, чтобы это было замечено другими. А это еще больше стимулировало угасание его человеческих сил. Помню, однажды обратился он к Булганину и никак не мог припомнить его фамилию. Смотрит, смотрит на него и говорит: «Как ваша фамилия?». — «Булганин». — «Да, Булганин!» — и только тут высказал то, что и хотел сначала сказать Булганину. Подобные явления повторялись довольно часто, и это приводило его в неистовство.

Свое зло он вымещал потом на лицах, которые работали с ним, прошли вместе большой путь и, к сожалению, явились также свидетелями невинной гибели многих честных людей. Такие лица, как Булганин и Маленков, наверное, многого не знали. Они действовали, помогали развитию пагубного процесса, но действовали как бы вслепую. Корни были делом рук Сталина, и все материалы насчет необходимости расширения «мясорубки» и приводились им лично, и оформлялись, и объяснялись тоже им лично. Такие пояснения обосновывали необходимость этих мероприятий якобы в интересах революции, закрепления ее завоеваний и продолжения дела строительства социализма. Одним словом, все объяснялось весьма благими намерениями. Не знаю, был ли Сталин сам, хотя бы частично, введен в заблуждение. Я же в этом сомневаюсь, ибо чувствую и знаю, вспоминая его фразы и различные высказывания, что это делалось им сознательно, с целью исключить возможность появления в партии каких-то лиц или групп, желающих вернуть партию к ленинской внутрипартийной демократии, повернуть страну к демократичности общественного устройства. Он этого не допускал. К людям он относился, как Бог, который их сотворил, относился покровительственно-пренебрежительно. Бог сотворил первого человека из глины, как нас учили в детстве согласно Библии. Поэтому какое же уважение может быть к глине? Сталин говорил, что народ — навоз, бесформенная масса, которая идет за сильным. Вот он и показывал эту силу, уничтожая все, что могло давать какую-то пищу истинному пониманию событий, толковым рассуждениям, которые противоречили бы его точке зрения. В этом и заключалась трагедия СССР. И именно это совпадало с предупреждением Ленина, что Сталин — человек нетерпимого характера и способен злоупотреблять властью. Сколько уже раз я это повторяю! У меня эти слова все время остаются в памяти. Какое же это было ленинское предвидение! И как глупо поступила наша партия, не послушав его и не сделав должного вывода на первом же послеленинском пленуме своего ЦК или хотя бы на съезде. Истории оказалось угодно, чтобы партия и советский народ прошли путь строительства социализма через трагедию сталинского времени.

Помню, как Сталин отдыхал в последний раз в Новом Афоне. Это был 1951 г. (знаю это, потому что в 1952 г. он в отпуск не ездил, а раз Сталин не поехал, то и из руководства тоже никто не ездил в отпуск, а в 1953 г. он умер; следовательно, то был 1951 г.). Он пригласил меня, как часто случалось и раньше, к себе. Я тогда отдыхал, кажется, в Сочи, оттуда приехал к нему в Новый Афон, и мы

затем отдыхали вместе. Потом он позвонил Микояну, который отдыхал в Сухуми. Тот тоже приехал. Так мы вдвоем и жили у Сталина. Не помню, сколько дней мы там прожили, но долго. Однажды, еще до обеда, Сталин поднялся, оделся и вышел из дома. Мы присоединились к нему и стояли втроем перед домом. И вдруг, без всякого повода, Сталин пристально так посмотрел на меня и говорит: «Пропавший я человек. Никому не верю. Сам себе не верю». Когда он это сказал, мы буквально онемели. Ни я, ни Микоян ничего не смогли промолвить в ответ. Сталин тоже нам больше ничего не сказал. Постояли мы и затем повели обычный разговор.

Я потом все время не мог мысленно отвязаться от этих слов. Зачем он это сказал? Да, все мы на протяжении длительного времени видели его недоверие к людям. Но когда он так категорично заявил, что никому и даже сам себе не верит, это показалось ужасным. Можете себе представить? Человек, занимающий столь высокий пост, решающий судьбы всей страны, влияющий на судьбы мира, — и делает такое заявление? Если вдуматься, если проанализировать под этим углом зрения все зло, содеянное Сталиным, то станет понятно, что он действительно никогда и никому не верил. Но тут есть и иная сторона дела. Одна — не верить, это его, так сказать, право. Конечно, это создает тяжелое душевное состояние у человека, имеющего такой характер. Но другое, когда человек, который никому не верит, обладает характером, толкающим его поэтому на уничтожение всех тех, кому он не верит.

Вот почему в его окружении все были временными людьми. Покамест он им в какой-то степени еще доверял, они физически существовали и работали. А когда переставал верить, то начинал «присматриваться». И вот чаша недоверия в отношении того или другого из людей, которые вместе с ним работали, переполнялась, приходила их печальная очередь, и они следовали за теми, которых уже не было в живых. Собственно, так и случалось раз от разу с теми, кто работал рядом с ним и вместе боролся в рядах партии над ее сплочением. Потом почти все эти люди были уничтожены. Возьмем, к примеру, того же Каменева... Не знаю, какие в ранние годы были у Сталина отношения с Троцким. Ленин в предсмертной записке упомянул, что в партии два самых выдающихся человека — Троцкий и Сталин. И тут же Ленин написал об отрицательных чертах Сталина.

Признание Сталина в том, что он никому, даже сам себе, не верит, приоткрывает завесу над некоторыми причинами той трагедии, которая разыгралась в бытность его руководителем партии и страны. А сталинский период — очень долгий. И вот полетели

головы честных людей, совершенно ни в чем не повинных. Их имена поднимают, чтобы народ их вспомнил. Они возвращены в историю XX съездом партии. Но сейчас стыдливо и позорно скрываются причины гибели этих людей и покрывают виновника злодея. Это, конечно, неразумно, но факт налицо.

Возвращаясь к ушедшему времени, еще раз скажу: дело дошло до того, что Сталин стал считать шпионом Ворошилова! Наверное, лет пять он не приглашал его ни на какие высокие заседания, какие собирались, прежде всего на заседания Политбюро. Впрочем, настоящих заседаний уже не происходило, а имели место эпизодические собрания, буквально на ходу, перед обедом или перед ужином, хотя там решались вопросы и текущего порядка, принципиальные, крупнейшие. Ворошилов туда доступа уже не имел. Изредка он прорывался явочным порядком, то есть сам приходил, а иной раз звонил. Но это случалось очень редко.

Подозревать, что Ворошилов — английский шпион? Это же величайшая глупость. Не знаю, до чего надо дойти в недоверии к людям, чтобы обрести такое состояние души. Сталин не верил тому самому Ворошилову, с которым много лет вместе воевал и работал рука об руку. Честность Ворошилова перед партией, перед рабочим классом ни в какой степени не может подвергаться никакому сомнению. Другой вопрос — оценка его деятельности на посту наркома обороны. Она показала его несостоятельность как наркома, потому что Красная Армия не была подготовлена к войне, и не только в результате неоправданного уничтожения кадров: она была не подготовлена должным образом и по вооружению. Боевая техника, вооружение, их запасы не соответствовали всем материально-техническим возможностям СССР и задачам эпохи. Ведь мы по уровню производства могли создать необходимые резервы и вести войну без нужды не один и не два года. А у нас вначале винтовок, сколько нужно, не оказалось! Не было многих самых простейших вещей для армии в нужном количестве. Мы испытывали по 1942 г. голод на оружие. Остро чувствовали нехватку зенитных средств и в результате терпели большой урон от нападений врага с воздуха.

Бесспорно, Ворошилов оказался не на высоте. Не знаю, как это объяснить, но я во всяком случае не чувствовал, что он имел должное прилежание в своей работе наркомом. Сравню его с Кагановичем. Этот менее располагал меня к себе как человек. Однако если говорить о прилежании и трудоспособности, то Каганович — это буря. Он мог иной раз и здоровое дерево сломать в результате такого ураганного характера. Работал, насколько хватало сил,

совершенно не щадил себя и не считался со временем, все отдавал работе в партии и для партии. Конечно, он был карьеристом. Но это другой вопрос, а я говорю сейчас о стиле его работы. Ворошилов же — иной человек. Его всегда можно было увидеть на всех празднествах. Он демонстрировал себя и свою выправку, а реально военному делу уделял мало внимания.

Когда трудились Гамарник, Тухачевский и другие, которые по-настоящему ведали политической работой, экономикой, боевой техникой армии, дело двигалось и без Ворошилова. Когда же они были уничтожены и пришли на их место такие лица, как Мехлис, Щаденко и Кулик, недостойные своих постов, Наркомат обороны превратился, честное слово, в дом сумасшедших, не то в собачник какой-то, если иметь в виду его руководителей. Однажды (я уже рассказывал об этом) меня буквально затащил за рукав Тимошенко на заседание Главного военного совета РККА. Тогда он командовал войсками Киевского Особого военного округа, и мы с ним приехали в Москву. Тимошенко — человек с хитрецей. Он, видимо, хотел, чтобы я как член Военного совета КОВО посмотрел на этот собачник, как они друг другу впивались в горло, рвали друг друга по пустякам, но не занимались настоящим делом.

Кто в том был виноват? И Ворошилов, и Сталин. Я думаю, что в то время Ворошилов уже не пользовался должным доверием у Сталина. Зачем же нужно было брать ему таких людей? Они по своему характеру (не говорю об их политической и государственной преданности стране: это были безупречно честные люди) оказались совершенно нетерпимыми друг к другу, поэтому и согласованной деятельности у них никак не могло быть. А кто страдал? Страдали армия, народ, страна. Но, может быть, Сталина именно устраивала их междоусобная грызня?

Теперь о Молотове. О нем всегда говорили, что это — дубинка Сталина. Молотов был выдвинут Председателем Совета Народных Комиссаров СССР после Рыкова в 1930 году. Я тогда учился в Промышленной академии и состоял в партактиве Бауманского района Москвы. Когда мы получили информацию о назначении Молотова, по Москве ходили всякие слухи. В то время существовали еще сторонники и Бухарина — Рыкова, и Зиновьева — Каменева. Имелись и сторонники Сырцова — Ломинадзе, близкие к тем, кто поддерживал Бухарина. Я сейчас и не помню конкретно, в чем были расхождения между ними. То были люди одного политического направления. Молотов же был выдвинут вместо них как самый верный и непоколебимый друг и соратник Сталина. Он сам заявил так на том пленуме ЦК, на котором была названа его

кандидатура. А когда я работал секретарем Московского городского и областного партийных комитетов и меня не раз Сталин вызывал к себе, то там чаще всего я встречал Молотова. Я считал, что Сталин и Молотов — это самые близкие, неразлучные друзья. В отпуск они всегда уезжали тоже вместе.

Я и сейчас не могу ничего сказать о том, какие причины вызвали тот факт, что Сталин отвернулся от Молотова. Конечно, если вспомнить о его жене Жемчужиной, которую Сталин посадил, то Молотов до конца не соглашался в этом вопросе и со Сталиным, и с пленумом ЦК. Когда на пленуме стоял вопрос о ее выводе из состава ЦК партии, все проголосовало «за», а Молотов воздержался. Он не голосовал «против», но воздержался. Это взорвало Сталина. Правда, и после всего этого Молотов остался со Сталиным. Однако событие на пленуме наложило отпечаток на дальнейшее отношение Сталина к Молотову. Если принять во внимание характер Сталина, то ясно, что бесследно для их отношений такой инцидент не мог пройти. И все-таки у них сохранялась близость и продолжалась совместная работа.

Но потом Сталин начал со злостью лягать Молотова. Особенно хорошим барометром неустойчивости Молотова служил Каганович. Каганович с подначивания Сталина как бы играл роль цепного пса, которого выпускали, чтобы рвать тело того или другого члена Политбюро, к которому, как он чувствовал, Сталин питал какое-то охлаждение. Каганович всегда неприязненно относился к Молотову. Я слышал от Кагановича, что он его очень не любил, даже ненавидел. Но и знал свое место: Молотов есть Молотов. В послевоенное время Каганович начал нападать, и очень резко, на Молотова, а когда бывал на заседаниях Ворошилов, то и на Ворошилова. Нас, других, это раздражало. Это я говорю о себе, Булганине и даже Берии. Мы были недовольны Кагановичем и иной раз подавали контрреплики, сдерживая его. Тут Каганович сразу поджимал хвост, он был трусливым человеком.

Теперь положение Молотова стало незавидным, но он держался хорошо и по всем принципиальным вопросам высказывался смело. Я бы сказал, что он был единственным человеком в Политбюро, который порою возражал Сталину по тому или иному вопросу. Такие возражения не возникали в порядке политической драки. Драки там не было, а его замечания и некоторое проявление им упорства по тому или другому вопросу мне у Молотова нравились. Поэтому я к нему относился с очень большим уважением, хотя с точки зрения действенности его работы, умения работать у меня имелось критическое о нем мнение. Эту недействен-

ность отмечал не только я, но и другие товарищи. Однако политическая линия Молотова, ее направленность была безупречной, и это все перекрывало.

Когда в последние годы жизни Сталина Молотов утратил его доверие, то Сталин, отдыхая как-то в Сухуми, поставил вдруг такой вопрос: Молотов является американским агентом, сотрудничает с США. Сейчас просто невозможно даже представить, что такое могло прозвучать. Молотов тут же начал апеллировать к другим. Там был и я, и Микоян, и все сказали, что это невероятно. «А вот, помните, — говорит Сталин, — Молотов, будучи на какой-то Ассамблее Организации Объединенных Наций, сообщил, что он ехал из Нью-Йорка в Вашингтон. Раз ехал, значит, у него там есть собственный салон-вагон, как он мог его заиметь? Значит, он американский агент». Мы отвечали, что там никаких личных железнодорожных вагонов государственные деятели не имеют. Сталин же мыслил по образу и подобию порядка, заведенного им в СССР, где у него имелся не только салон-вагон, а и целый — отдельный поезд. То есть считал, что такой же порядок существует в капиталистических странах.

Он резко отреагировал на недоверие, проявленное к его высказываниям, и сейчас же продиктовал телеграмму Вышинскому, находившемуся тогда в Нью-Йорке¹: потребовал, чтобы Вышинский проверил, имеется ли у Молотова собственный вагон? Тут же телеграмма была послана шифровкой. Вышинский срочно ответил, что по проверенным сведениям в данное время у Молотова в Нью-Йорке собственного вагона не обнаружено. Сталина этот ответ не удовлетворил. Да ему и не нужен был ответ. Главное, что у него уже засело в голове недоверие, и он искал оправдания своему недоверию, подкрепления его, чтобы показать другим, что они слепцы, ничего не видящие. Он любил повторять нам: «Слепцы вы, котят, передушат вас империалисты без меня». Так ему хотелось, так ему нужно было. Он желал удостовериться, что Молотов — нечестный человек.

Спустя какое-то время в такую же опалу попал Микоян. Я и сейчас не могу сказать, в чем его обвинял Сталин. Молотов — тот вроде американский агент, потому что он в США имел вагон и, следовательно, там жили его истинные хозяева. Ну, а Микоян? Агентом какой страны он был? Я уже после смерти Сталина не раз шутил и спрашивал Анастаса Ивановича: «Слушай, скажи, какой страны ты агент? Уж ты, наверное, если агент, то не какой-то одной страны?» Анастас Иванович, сам любивший пошутить, на шутку отвечал шуткой. Вот так мы шутили. Но это стало шуткой

уже после смерти Сталина. А при Сталине, если бы он еще полгода пожил, то отослал бы Молотова с Микояном к прадедам, куда отсылал всех «врагов народа», расправился бы с ними. Вот до чего дело дошло!

Если рассматривать Сталина как могучий, несгибаемый дуб, то этот дуб сам себе обрубил все ветви. А когда нет ветвей, исчезает листва, то нарушается питание ствола, гниют корни, и дерево обречено на гибель. Тем людям, с которыми Сталин вместе работал, переорганизовывал партию и вел народ, он потом начал выражать недоверие, выдумал «врагов народа» и стал рубить им головы. Одни люди, которых он считал самыми к себе приближенными и на которых он опирался, стрелялись, вроде Орджоникидзе, или же он их казнил, как Рудзутака, Рыкова, Каменева, Чубаря, Станислава Косиора. Кажется, из всех входивших в Политбюро один лишь Петровский, будучи смещен, чудом остался живым. Чудо надо искать в том, что по своей старости Петровский уже не являлся политическим лидером, был политическим деятелем в прошлом и не представлял никакой угрозы. Видимо, это определило его судьбу, и он остался в живых.

¹ ВЫШИНСКИЙ А.Я., будучи в 1949 г. — марте 1953 г. министром иностранных дел СССР, часто выступал в Нью-Йорке на заседаниях Совета Безопасности и Генеральной Ассамблеи ООН.

КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

Хочу теперь рассказать о том, чему я был свидетелем в связи с корейскими делами. Кажется, в 1950 г., когда я вновь работал в Москве, либо чуть раньше, до моего возвращения в Москву, приезжал к нам Ким Ир Сен¹ со своей делегацией. Он, ведя беседу со Сталиным, поставил вопрос, что хотелось бы прощупать Южную Корею штыком, и говорил, что там при первом же толчке из Северной Кореи произойдет внутренний взрыв и установится народная власть, такая же, как в Северной Корее. Сталин не противостоял этому. Ведь это импонировало сталинской точке зрения, его убежденности, тем более что тут ставился внутрикорейс-

кий вопрос: Северная Корея хочет протянуть дружественную руку своим братьям, которые находятся в Южной Корее под пятой Ли Сын Мана².

Сталин договорился с Ким Ир Сеном, что тот подумает, подумает все и опять приедет с конкретным планом. Не то было уже условлено, когда он приедет, не то он должен был прибыть, как только подготовит свои соображения. Ким Ир Сен приехал и докладывал Сталину, что совершенно уверен в успехе этого дела. Сталин выражал некоторые сомнения; его беспокоило, вяжутся ли США или пропустят мимо ушей? Оба склонились к тому, что если все будет сделано быстро, а Ким Ир Сен был уверен, что все произойдет быстро, то вмешательство США окажется исключенным, и они не вступятся своими вооруженными силами.

Сталин все-таки решил запросить еще мнение Мао Цзэдуна³ о предложении Ким Ир Сена. Должен четко заявить, что эта акция была предложена не Сталиным, а Ким Ир Сеном. Тот был инициатором, но Сталин его не удерживал. Да я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его удерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана и американской реакции. Это противоречило бы коммунистическому мировоззрению. Я тут не осуждаю Сталина. Наоборот, я полностью на его стороне. Я и сам бы, наверное, тоже принял такое же решение, если бы именно мне нужно было решать. Мао Цзэдун тоже ответил положительно. Сейчас дословно не помню, как был сформулирован запрос Сталина. По-моему, он спрашивал, как тот относится к существу подобной акции и вмешаются ли США или нет? Мао ответил одобрением предложения Ким Ир Сена и выразил мнение, что США, видимо, не вмешаются, так как тут сугубо внутренний вопрос, который должен решаться самим корейским народом.

Помню, как за обедом на сталинской даче много шутили. Ким Ир Сен рассказывал нам о быте корейцев, о климате Кореи, об условиях выращивания риса и рыбной ловле. Много говорил он хорошего о Южной Корее и доказывал, что после воссоединения своих половин Корея станет более полноценной, будет иметь возможность обеспечить сырьем всю свою промышленность, а также потребности народа в пище за счет рыбной ловли, выращивания риса и других сельскохозяйственных культур. Мы все желали Ким Ир Сenu успеха и ожидали, что успех будет им реально достигнут. Мы и прежде вооружали Северную Корею. Но на том обеде не обсуждали, какие именно средства вооружения уже были выделены Северной Корее. Мне лично это было неизвестно. Но я, само собой разумеется, считал, что нужное количество танков,

артиллерии, стрелкового вооружения, прочих боевых средств и инженерного оборудования Ким Ир Сен получил или получит. Наша авиация прикрывала Пхеньян и находилась там.

Мне осталось совершенно непонятно, почему, когда Ким Ир Сен готовился к походу, Сталин отозвал наших советников, которые были раньше в дивизиях армии КНДР, а может быть, и в полках. Он отозвал вообще всех военных советников, которые консультировали Ким Ир Сена и помогали ему создавать армию. Я тогда же высказал Сталину свое мнение, а он весьма враждебно реагировал на мою реплику: «Не надо! Они могут быть захвачены в плен. Мы не хотим, чтобы появились данные для обвинения нас в том, что мы участвуем в этом деле. Это дело Ким Ир Сена». Таким образом, наши советники исчезли. Все это поставило армию КНДР в тяжелые условия.

Настал назначенный момент, началась война⁴, и успешно. Северокорейцы быстро продвигались на юг. Но того, что предполагал Ким Ир Сен, — что при первых же выстрелах будет внутренний подъем южан, разгорится восстание и свергнут Ли Сын Мана, этого, к сожалению, не произошло. Очищение Южной Кореи от сил клики Ли Сын Мана осуществлялось только вследствие продвижения войск Северной Кореи. Соппротивление было слабым. Тут Ким Ир Сен оказался прав: строй у южан был непрочный и сам не мог обеспечить себе защиту. Это свидетельствует о том, что в Южной Корее лисынмановский режим не пользовался поддержкой. Но внутренних сил сопротивления для восстания все же не хватило. Видимо, организационная работа по его подготовке была поставлена слабо. А Ким Ир Сен считал, что Южная Корея вся покрыта коммунистическими парторганизациями, они ждут лишь сигнала и тотчас поднимут народ на восстание. Нет, восстания не получилось.

Заняли Сеул. Армия КНДР успешно продвигалась вперед. Мы все радовались и желали Ким Ир Сenu новых достижений, потому что это была по характеру освободительная война и к тому же не война одного народа против другого, а война классовая: рабочие, крестьяне и интеллигенция КНДР под руководством Трудовой партии, которая стояла и стоит на социалистических началах, боролись с капиталистами. То есть эта война была прогрессивным явлением. Однако, когда армия Ким Ир Сена подошла к Пусану, ей не хватило духу, а Пусан — последний крупный портовый город на юге. Его надо было бы взять, и тут война сразу бы закончилась. Таким образом, возникла бы единая Корея, не осталась бы она разделенной. Появилась бы, безусловно, более мощная

социалистическая Корея, с хорошей промышленностью, богатым сырьем и сильным сельским хозяйством. Но этого так и не произошло.

Когда на юге завязались упорные бои, я очень переживал, потому что мы получали донесения о трагическом состоянии духа у Ким Ир Сена. Я крепко сочувствовал ему и опять предложил: «Товарищ Сталин, почему бы нам не оказать более квалифицированную помощь Ким Ир Сenu? Он сам — человек невоенный, хотя и партизан». Ведь он, размышлял я, революционер, который хочет драться за свой народ и освободить всю Корею. Хочет, чтобы она была независимой. А тут наступила война уже с американскими вооруженными силами...

Наш посол в КНДР Штыков⁵, бывший второй секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), во время Великой Отечественной войны получил звание генерал-лейтенанта. Хотя и генерал военного времени, но опять не профессиональный военный, без соответствующего военного образования, его советы никак не смогут заменить квалифицированного военного человека, подготовленного к ведению боевых операций. А у нас есть маршал Малиновский. Он командовал в войну войсками Забайкальского фронта. Почему бы сейчас не посадить где-нибудь Малиновского с тем, чтобы он инкогнито разрабатывал военные операции, давал бы нужные указания и тем самым оказывал бы помощь Ким Ир Сenu? Может делать то же и генерал Крылов⁶, который командует войсками Дальневосточного военного округа.

Сталин вновь очень остро реагировал на мои предложения. Я был поражен! Ведь он благословил Ким Ир Сена, не удерживал его, а вдохновлял на этот путь действий. Ким Ир Сenu дали наше соответствующее вооружение. Одним словом, мы всецело стояли на его стороне. Без нашей помощи он, конечно, ничего бы и начать не мог. Полагаю, что наше вооружение являлось решающей помощью. Но если бы мы еще оказали помощь квалифицированными людьми, которые трезво могли учитывать соотношение сил на поле боя, то, безусловно, Северная Корея победила бы. Думаю, что если бы Ким Ир Сен получил от нас еще один, максимум два танковых корпуса, то ускорил бы продвижение на юг и с ходу занял бы Пусан. Ведь даже американская пресса потом писала, что если бы Пусан был занят с ходу, то в Вашингтоне на этот случай было решено не вмешиваться в конфликт более крупными вооруженными силами США, чем те, которые уже участвовали в войне. Но ничего этого так и не произошло.

Получилась большая заминка в операциях армии КНДР, и

именно тогда был нанесен удар десантными войсками США. Они отбили Сеул, затем продвинулись дальше, перешли 38-ю параллель — ту разграничительную линию между Северной и Южной Кореей, которая была установлена. Сложилось отчаянное положение для Северной Кореи и лично для Ким Ир Сена. Наш посол присылал трагические донесения о душевном состоянии Ким Ир Сена. Он считал, что уйдет в горы и будет вести партизанскую войну, но не сдастся врагу.

Когда нависла такая угроза, Сталин уже смирился с тем, что Северная Корея будет разбита и что американцы выйдут на советскую сухопутную границу. Отлично помню, как он как-то, в связи с обменом мнениями об обстановке, которая сложилась в Северной Корее, сказал: «Ну, что ж, пусть теперь на Дальнем Востоке будут нашими соседями Соединенные Штаты Америки. Они туда придут, но мы воевать сейчас с ними не будем. Мы еще не готовы воевать». Никто больше никаких реплик ему не подал, и вопрос этот далее не обсуждался, потому что Сталин целиком вел это дело лично, этот вопрос как бы считался персонально за Сталиным.

Если тогда наши войска и были там, то они лишь прикрывали аэродромы. Сейчас точно не помню, находились ли эти аэродромы на территории КНДР или располагались на территории Маньчжурии. Нам, в частности, принадлежали там Порт-Артур и Дальний. На первых порах, когда война развязалась, наша авиация успешно справлялась с задачами по прикрытию городов и электростанций, не допускала их бомбежки и сбивала самолеты американцев. В основном наша авиация имела там на вооружении истребители МИГ-15 — новые самолеты с реактивными двигателями, очень маневренные и хорошие. Американцы уже в ходе войны перевооружили свою авиацию и ввели в дело новые истребители, более мощные и быстрые. Против них наш МИГ-15 оказался слаб, и мы стали терпеть поражения в воздухе. Американцы теперь прорывались в небо КНДР и бомбили ее безнаказанно, а мы уже не обеспечивали прикрытия и утеряли прежнее господство в воздухе.

В ту пору к нам прибыл Чжоу Эньлай⁷. Я не присутствовал при его встрече со Сталиным. Сталин находился тогда на юге, и Чжоу полетел прямо туда. Об этих переговорах я узнал позже, когда Чжоу улетел домой. Сталин же, когда вернулся в Москву, рассказал, что Чжоу Эньлай прилетал по поручению Мао Цзэдуна посоветоваться, как быть, и спрашивал Сталина, двигать ли на территорию Северной Кореи китайские войска: у северокорейцев уже не было войск; надо преградить путь на север южнокорейцам и американцам; или же не стоит?

Сначала Чжоу и Сталин пришли к выводу, что Китаю не стоит вмешиваться. Но потом, когда Чжоу Энлай готовился улететь, кто-то проявил дополнительную инициативу (то ли Чжоу по поручению Мао, то ли Сталин), и они опять вернулись к обсуждению этого вопроса, после чего согласились с тем, что Китай выступит в поддержку Северной Кореи. Китайские войска уже были подготовлены к тому и находились на самой границе с КНДР. Собеседники считали, что эти войска вполне справятся с делом, разобьют американские и южнокорейские войска и восстановят бывшее положение. Итак, Чжоу улетел, я его не видел и не слышал. Поэтому рассказываю только о том, что узнал позднее со слов самого Сталина.

Я даже точно не помню, прилетал ли действительно Чжоу Энлай или кто-то другой? Видимо, это был он. К тому же я считал его тогда самым умным человеком по сложным делам, главным «посыльным» Мао Цзэдуна, гибким и вполне современным человеком, с которым можно о многом говорить и вполне понимать друг друга. Так был решен вопрос о том, что Китай вступает в эту войну. Но добровольцами. Он не объявлял войны, а послал туда добровольцев. Этими добровольцами командовал Пэн Дэхуай⁸. Мао дал очень высокую оценку Пэн Дэхуаю: говорил, что это лучшая, самая яркая звезда на китайском военном небосклоне.

Развернулись новые бои. Китайцы сумели остановить продвижение южнокорейцев и американцев. Сохранились документы, в которых Пэн докладывал обстановку Мао Цзэдуну. Пэн составлял обширные телеграммы, в которых излагал планы военных действий против американцев. Там обозначались рубежи, намечались сроки и указывались силы, которые потребны. Он категорически заявлял, что враг будет окружен и разбит, что ему будут нанесены решающие фланговые удары. Одним словом, несколько раз в этих планах, которые сообщались Пэном Мао, а Мао присылал их Сталину, войска США громились и война завершалась.

К сожалению, война не закончилась. Китайцы терпели большие поражения. Мы получили сообщение, что при одном из воздушных налетов на командный пункт погиб китайский генерал, сын Мао Цзэдуна. Так Мао потерял сына в Северной Корее. А бои продолжались, носили очень упорный и кровавый характер. Китай нес большие потери, поскольку его боевая техника и вооружение значительно уступали американским. Тактика китайских действий была построена главным образом на использовании живой силы и в обороне, и в наступлении. Война приняла затяжной характер. Потом линия фронта стабилизировалась. Обе сто-

роны как бы остановились, обе проявляли упорство в обороне. Постепенно северокорейцы вместе с китайцами стали медленно оттеснять южнокорейцев и американцев, заняли Пхеньян и отогнали врага к 38-й параллели.

Когда Сталин умер, война еще длилась. Я ход этой войны освещаю сугубо схематично, потому что я говорю все по памяти, а документов, в которых решались вопросы оказания военно-технической помощи северокорейцам, я вообще никогда не видел. Их у нас, наверное, никто не видел, кроме Сталина. Но основы нашей политики там я знал. Документы, которые мы получали от нашего посла в КНДР, я читал все.

В то время я уже получил от Сталина «право гражданства» и начал читать всю почту для Политбюро. Сталин распорядился, чтобы мне рассылали такие документы, а раньше я подобной почты не получал. Например, когда я после войны работал на Украине, то никакой почты для Политбюро не имел, кроме документов по тем вопросам, которые непосредственно касались Украины или меня лично. Теперь же я получал текст донесений от Пэн Дэхуая, которые Мао пересылал затем Сталину, а Сталин их рассылал нам. Таким образом, я мог лучше узнавать положение дел, сложившееся в Корее.

Об окончании войны в Корее я расскажу позднее.

¹ Ким ИР СЕН (род. в 1912 г.) — один из участников антияпонского освободительного движения в Корее с 1932 г., с 1948 г. председатель кабинета министров КНДР и с 1949 г. председатель (с 1966 г. генеральный секретарь) ЦК Трудовой партии Кореи.

² Ли СЫН МАН (1875 — 1965) — президент Южной Кореи в 1948 — 1960 гг., ушедший в отставку под давлением народного восстания.

³ Мао ЦЗЭДУН (1893 — 1976) был в 1950 г. председателем ЦК КП Китая и председателем Центрального народного правительственного совета КНР.

⁴ Корейская война длилась с 25 июня 1950 г. по 27 июля 1953 года.

⁵ ШТЫКОВ Т.Ф. (1907 — 1964), генерал-полковник с 1944 г., посол в КНДР в 1948 — 1951 гг. и в Венгрии в 1959 — 1960 гг.

⁶ КРЫЛОВ Н.И. (1903 — 1972) — Маршал Советского Союза с 1962 г., дважды Герой Советского Союза (1945), с 1963 г. был главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. Он являлся командующим и 1-м заместителем командующего войсками ДВО в 1947 — 1956 гг.

⁷ Чжоу ЭНЬЛАЙ (1898 — 1976) был в ту пору премьером Государственного административного совета КНР, секретарем ЦК и членом Политбюро ЦК КПК.

⁸ Пэн ДЭХУАЙ (1898 — 1974) — член Компартии Китая с 1928 г., участник боевых действий Красной Армии Китая, с 1935 г. член Политбюро ЦК КПК, в 1945 — 1949 гг. командовал армиями в составе Народно-освободительной ар-

мии Китая, сражавшейся против чанкайшистов, с 1949 г. зам.председателя Народно-революционного военного совета КНР, затем занимал ряд высоких должностей. Во время «культурной революции» в Китае подвергся преследованиям.

ДЕЛО ВРАЧЕЙ

Расскажу о так называемом деле врачей. Однажды Сталин пригласил нас к себе в Кремль и зачитал письмо. Некая Тимашук¹ сообщала, что она работает в медицинской лаборатории и была на Валдае, когда там умер Жданов. Она писала, что Жданов умер потому, что врачи лечили его неправильно: ему назначались такие процедуры, которые неминуемо должны были привести к смерти, и все это делалось преднамеренно. Конечно, если так было на самом деле, то каждый должен возмутиться подобному злодейству. Тем более, речь идет о врачах. Это же совершенно противоестественно: врач должен лечить, оберегать здоровье человека, а не убивать жизнь.

Если бы Сталин в ту пору оставался нормальным, то он по-другому отреагировал бы на это письмо. Мало ли какие письма поступают от людей с нарушенной психикой или от тех, которые подходят к оценке того либо другого события или действия того либо другого лица с ложных позиций. Сталин же был чрезвычайно восприимчив к такой «литературе». Думаю, что Тимашук тоже была продуктом сталинской политики, которая внедрила в сознание всех наших граждан ту дикую мысль, что мы не просто окружены врагами, но что едва ли не в каждом человеке, который рядом, нужно видеть неразоблаченного врага.

Сталин, призывая к бдительности, говорил, что если в доносе есть 10 процентов правды, то это уже положительный факт. Но ведь только 10 процентов! А поддаются ли вообще учету проценты правды в таких письмах? Как подсчитать эти проценты? Призвать осуществлять подобный подход к людям, с которыми ты работаешь, это значит создать дом сумасшедших, где каждый будет выискивать о своем приятеле несуществующие факты. А ведь именно так и было, и это поощрялось. Натравляли сына против отца, отца против сына, и называлось это классовым подходом.

Я понимаю, что классовая борьба нередко разделяет семьи, и очень жестоко. Она ни перед чем не останавливается. Классовая борьба может определить общественную позицию того или другого члена семьи. Я считаю, что это — в порядке вещей, потому что речь идет о лучшем будущем, о построении социализма. А это — не парадное шествие, но кровавая и мучительная борьба. Я-то это знаю, я сам участвовал в острейшей классовой борьбе. С 1917 по 1922 г., когда шла гражданская война в Советской России и на Дальнем Востоке, я понимал необходимость такого подхода. Тем более что и после разгрома белогвардейцев еще долго бушевали недобитые крупные и мелкие банды. Кишел бандитами Северный Кавказ, был буквально насыщен ими.

Однажды я принимал участие в совещании по борьбе с бандитами. Его проводили командующий 9-й Кубанской армией Левандовский² и начальник политотдела Фурманов³. После совещания участники совещания фотографировались. Я тоже присутствую на фотографии. Мне прислала ее сослуживица по политотделу армии Вера, сейчас пенсионерка. Я очень доволен, что она жива и здорова, хотя и не знаю, как миновала ее чаша репрессий, когда в 30-е годы была общественная мясорубка.

Вот тогда, до 1922 г., была действительно классовая борьба. Банды пополнялись главным образом за счет офицерства, которое собралось на Северном Кавказе, убежав туда со всей Советской России. Да и местных, казачьих офицеров имелось там немало. Шла кровавая, классовая борьба. Хотя даже в те дни Ленин с его прозорливостью проявлял гуманность и делал все для того, чтобы перетящить на нашу сторону колеблющихся и укрепить их на положительной позиции, поддерживать, сделать сперва нейтральными, а потом постепенно втянуть в активную деятельность по строительству новой жизни. Такую линию я понимаю и одобряю.

Но этот этап давно пройден. И вот, пожалуйста: классовые вредители. Их мнимое появление есть продукт неразумной политики. Да, Жданова лечили кремлевские врачи. Надо полагать, что все лучшие светила, какие были известны в медицинском мире СССР, привлекались для работы в Кремлевской больнице. Кто лечил Жданова конкретно, я сейчас не помню. Не в этом дело! И вот начались аресты. Был арестован среди других академик медицины Владимир Никитич Виноградов⁴, которого, когда он был уже освобожден, я узнал получше, ибо он не раз потом консультировал меня. Арестовали Василенко⁵, крупнейшего терапевта. Я мало знал его лично, но слышал о нем очень хоро-

шую характеристику от академика Стражеско⁶, которого я весьма уважал.

Стражеско я знал по Киеву. Это было крупнейшее светило медицины в масштабе не только Советского Союза, но и мирового значения. Это он, когда заканчивалась Великая Отечественная война, попросил меня отозвать Василенко из армии, чтобы тот пришел работать в клинику, которой заведовал Стражеско. Он прямо говорил: «Василенко — мой ученик, и я хотел бы, чтобы он остался после меня, чтобы клиника перешла в надежные руки». Свою клинику Стражеско создавал еще до революции, и она давно пользовалась славой. У него там в свое время лечился, между прочим, видный демократ Михаил Коцюбинский⁷.

Вместе с Виноградовым и Василенко арестовали большую группу врачей, которые работали в Кремлевской больнице и имели какое-то касательство к лечению Жданова. Арестовали их, и тут же Сталин послал для публикации письмо Тимашук со своей припиской, в которой он мобилизовывал гнев широких масс против врачей, которые «учинили такое злодеяние» и умертвили Жданова. У Жданова давно было подорвано здоровье. Не знаю точно, какими недугами он страдал. Но одним из недугов был тот, что он утратил силу воли и не мог себя регулировать, когда надо остановиться в питейных делах. На него порою жалко было смотреть. Помню (а это было редким явлением), как Сталин иногда покрикивал на него, что не следует пить. Тогда Жданов наливал себе фруктовую воду, когда другие наливали себе спиртные напитки. Полагаю, что если за обедом у Сталина тот его удерживал, то что было дома, где Жданов оставался без такого контроля? Этот порок убил Щербакова и в значительной степени ускорил смерть Жданова.

Я ни в какой степени не ставлю на одну доску Щербакова и Жданова, хотя к Жданову наша интеллигенция питала большое недружелюбие за его памятные доклады о литературе и музыке. Конечно, Жданов сыграл тогда отведенную ему роль, но все-таки он выполнял прямые указания Сталина. Думаю, если бы Жданов лично определял политику в этих вопросах, то она не была бы такой жесткой. Ведь нельзя палкой, окриком регулировать развитие литературы, искусства, культуры. Нельзя проложить какую-то борозду и загнать в эту борозду всех, чтобы они шли, не отклоняясь, по проложенной прямой. Тогда не будет борьбы мнений, не будет критики, не появится, следовательно, и истина, а возникнет мрачный трафарет, скучный и никому не нужный. Он не только не станет манить к себе, располагать людей пользоваться достиже-

ниями литературы и искусства, но отравит отношение к ним, культура омертвеет.

Одним словом, врачи были арестованы. Отовсюду в газету посыпались письма, в которых врачи клеймились как предатели. Я понимаю авторов писем. Письма соответствовали настроению людей, которые верили, что если сам Сталин рассылает такой документ, то, следовательно, преступление доказано. А оно возмущало каждого. Маршал Конев⁸, сам уже больной человек, прислал Сталину длинное письмо, в котором сообщал, что врачи его тоже травили, тоже неправильно лечили, применяя те же лекарства и методы лечения, о которых говорилось в письме Тимашук и посредством которых Жданов был сознательно умерщвлен.

Просто позор! Видимо, многие члены Президиума ЦК КПСС чувствовали несостоятельность этих обвинений. Но они не обсуждали их, потому что раз про это сказал Сталин, раз он сам «ведет» этот вопрос, то говорить больше не о чем. Когда же мы сходились не за столом Президиума и обменивались между собой мнениями, то больше всего возмущались письмом, полученным от Конева, потому что если люди, обвиняемые в смерти Жданова, оказались за решеткой, то письмо, которое прислал Конев, клеймило не только тех, которые уже были «выявлены», но толкало Сталина на расширение круга подозреваемых и вообще на недоверие к врачам. Шутка сказать! После разгрома врага во второй мировой войне, после того как давно родилась своя, в советское время рожденная, получившая после 1917 г. образование и воспитание интеллигенция, вдруг ее представители, врачи, оказываются вредителями и по отношению к ним выдвигается недоверие. Неслыханная жестокость!

Вспоминаю ранние годы своей юности. В Донбассе свирепствовала в 1910 г. холера. Много умерло шахтеров на той шахте, где работали мой отец и я. Заболевшие шахтеры сразу попадали в холерный барак, откуда никто не возвращался. Тогда поползли слухи, что врачи травят больных. Нашлись и «свидетели», которые видели, как кто-то шел мимо колодца и высыпал туда какой-то порошок. Всякие нелепые вещи можно было тогда услышать. А еще раньше, в 1902 г., в Макеевке возник даже «холерный бунт». Темное население избивало врачей. И вот теперь, в 1952 г., опять поднимают голову темные силы, ведется травля врачей, и даже маршал Конев прилагает к этому руку.

Конечно, это произошло в результате болезненного характера человека и некоего «сродства душ». А у Конева и Сталина,

действительно, имело место частичное сродство душ. Поэтому Конев посейчас переживает, что XX съезд партии осудил злодеяния Сталина, а XXII съезд партии еще «добавил». Считаю, что мы, члены Президиума ЦК партии, мало сделали в конце 1952 года. В этом я и себя упрекаю. Надо было проявить больше решительности в то время, не позволить развернуться той дикой кампании. Увы, после драки кулаками не машут, и я беру и на себя вину за то, чего тогда не доделал. А нужно было бы доделать в интересах нашего народа, в интересах партии, в интересах нашего будущего.

Начались допросы «виновных». Я лично слышал, как Сталин не раз звонил Игнатьеву⁹. Тогда министром госбезопасности был Игнатьев. Я знал его. Это был крайне больной, мягкого характера, вдумчивый, располагающий к себе человек. Я к нему относился очень хорошо. В то время у него случился инфаркт, и он сам находился на краю гибели. Сталин звонит ему (а мы знали, в каком физическом состоянии Игнатьев находился) и разговаривает по телефону в нашем присутствии, выходит из себя, орет, угрожает, что он его сотрет в порошок. Он требовал от Игнатьева: несчастных врачей надо бить и бить, лупить нещадно, заковать их в кандалы.

Василенко, кажется, был в то время в Китае. Его отозвали. И, как только он переехал советскую границу, ему надели кандалы. У меня отложилось в памяти, что все эти несчастные врачи «сознались» в преступлениях. Но я не могу осуждать людей, которые фактически клеветали сами на себя. Слишком много предо мною прошло разных лиц, честных и преданных нашей партии и революции, которые «сознавались». Один из примеров — видный наш военачальник Мерецков¹⁰, который доживает свой век, согнувшись в дугу. Он тоже некогда «признался», что является английским шпионом. Вот и врачи попали далеко не в лучшее положение и, естественно, «признались».

В октябре 1952 г. открылся XIX партсъезд. Я сделал на нем доклад об уставе партии и заболел, не мог выйти из дому, когда обсуждался мой доклад. Наверное, день или два не выходил на улицу. Ко мне приехал профессор медицины, прослушал меня. Это был человек, как говорится, в возрасте, старый доктор, опытный. Он пользовался не только медицинской аппаратурой, но прослушивал работу моего сердца, прикладывая ухо непосредственно к груди, а делал это бережно, ласково и утешал меня. Буквально трогали внимание и заботливость этого человека. И его, наверное, сцапают, размышлял я, когда открылось «дело врачей». Я тог-

да поднялся быстро на ноги и успел поучаствовать в конце работы XIX съезда партии. Не в том дело. Я боялся, что таких людей, как этот врач, всех загребут. Раз дают показания, то Сталин никого не пощадит. Виноградов тоже лечил Сталина (а врачи лечили его редко). Но Сталин не пощадил Виноградова, арестовал, приказал бить. Да там всех били. И все они попали в общую кашу. Так возникло позорное «дело врачей». Какое же это счастье, что оно потом лопнуло, как мыльный пузырь!¹¹.

¹ ТИМАШУК Л.Ф. (1893 — 1983) — врач Кремлевской больницы, сотрудничавшая с органами госбезопасности. В 1948 г. доносила о «неправильном лечении» А.А.Жданова. Вновь активизировалась летом 1952 г.

² ЛЕВАНДОВСКИЙ М.К. (1890 — 1938) — советский военачальник, в 1918 — 1921 гг. командовал группой войск и армиями на Кавказе, в 1924 — 1925 гг. командовал войсками Туркестанского фронта (против басмачей), далее — войсками ряда военных округов, в 1934 — 1937 гг. член Военного совета Наркомата обороны СССР, командарм 2 ранга с 1935 г., был репрессирован.

³ ФУРМАНОВ Д.А. (1891 — 1926) — левый эсер, с 1918 г. член компартии, комиссар на фронтах гражданской войны, затем писатель, автор романов «Чапаев», «Мятеж» и др.

⁴ ВИНОГРАДОВ В.Н. (1882 — 1964) — терапевт, заслуженный деятель науки РСФСР с 1940 г., академик АМН СССР с 1944 г., Герой Социалистического Труда с 1957 г., председатель Всесоюзного терапевтического общества с 1949 г., редактор журнала «Терапевтический архив».

⁵ ВАСИЛЕНКО В.Х. (1897 — 1976) — терапевт, академик АМН СССР с 1957 г., Герой Социалистического Труда с 1967 г., в 1967 — 1974 гг. директор Всесоюзного НИИ гастроэнтерологии.

⁶ СТРАЖЕСКО Н.Д. (1876 — 1952) — терапевт, академик АН УССР с 1934 г., академик АН СССР с 1943 г., академик АМН СССР с 1944 г., Герой Социалистического Труда с 1947 г., с 1936 г. директор Украинского института клинической медицины.

⁷ КОЦЮБИНСКИЙ М.М. (1864 — 1913) — писатель, общественный деятель, переводчик.

⁸ КОНЕВ И.С. (1897 — 1973) — Маршал Советского Союза с 1944 г., в 1952 г. командовал войсками Прикарпатского военного округа.

⁹ ИГНАТЬЕВ С.Д. (1904 — 1983) — член ВКП(б) с 1926 г., в 1951 — 1953 гг. министр государственной безопасности СССР, в 1952 — 1953 гг. секретарь ЦК КПСС, в 1953 — 1957 гг. первый секретарь Башкирского, а в 1957 — 1960 гг. Татарского обкомов партии.

¹⁰ МЕРЕЦКОВ К.А. (1897 — 1968) — Маршал Советского Союза с 1944 г. «Признание», о котором здесь упоминается, он сделал, будучи зам. наркома обороны СССР, в июле 1941 г., когда находился под следствием и подвергался пыткам.

¹¹ Постановление Президиума ЦК КПСС от 3 апреля 1953 г. полностью реабилитировало еще не осужденных по делу о «врачах-вредителях» 37 врачей и членов их семей.

ХІХ СЪЕЗД КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СТРАНЫ

Заканчивался 1951 г. или, кажется, начинался 1952 г., не помню, в каком точно месяце, Сталин собрал нас у себя и высказал мысль, что пора созывать съезд ВКП(б). Нас уговаривать не требовалось. Мы все считали невероятным событием, что съезд партии не созывается уже 12 — 13 лет¹. Не созывались также пленумы ЦК партии, партактивы в союзном масштабе, другие крупные совещания партрработников². ЦК не принимал никакого участия в коллективном руководстве делами СССР, все решалось единолично Сталиным, помимо ЦК. Политбюро ЦК подписывало спускаемые ему документы, причем Сталин часто даже не спрашивал мнения его членов, а просто принимал решение и указывал опубликовать его.

На этот раз договорились, что надо собирать съезд партии. Наметили его созыв на осень 1952 года. Сталин не сразу определил повестку дня съезда, а мы между собою обменивались мнениями, возьмет ли Сталин отчетный доклад на себя или кому-то поручит его. Мы гадали, кому он может поручить сделать доклад? Думали, если он не возьмет доклад на себя, почувствовав, что слаб физически и не сумеет простоять нужное время на трибуне, то, возможно, он раздаст текст в письменном виде и не станет зачитывать. Это тоже было возможно. Кажется, так практикуют в лейбористской партии: там доклады печатаются и заранее раздаются участникам съезда.

Я считал, что это неплохая практика, потому что разница между напечатанным текстом и тем, что зачитывается докладчиком, очень малая. К тому же не всегда у нас бывало, что докладчик является автором этого материала. Ведь к составлению отчетного доклада на партсъезде привлекается очень много ведомств и различных лиц. Потом, на каком-то этапе, весь материал сводится воедино, и будущий докладчик приводит его в надлежащий вид. Тут, конечно, докладчик вкладывает в дело свое «я». Потом он вносит проект доклада на утверждение руководству, где даются к тексту поправки. Затем документ принимается за основу. Такая практика была у нас раньше и, видимо, существует и сейчас.

Когда Сталин, наконец, определил повестку дня, то сказал, что отчетный доклад поручим Маленкову, об уставе — Хрущеву, а о пятилетке — председателю Госплана СССР Сабурову³. Вот и была таким способом принята повестка дня съезда. Как Сталин нам сказал, так и записали, никаких замечаний не возникло.

Признаюсь, когда мне поручили готовить доклад об уставе

ВКП(б), я задрожал. Это была для меня большая честь, но она меня не радовала, потому что я знал, сколь трудно подготовить толковый доклад по такому вопросу и еще труднее провести его через утверждение. Я заранее знал, что все «набросятся» на мой текст, особенно Берия. А он и Маленкова потянет за собой. Так оно и случилось.

Стали готовить доклады. Был подготовлен и доклад по уставу. Тексты с правкою утвердили. Мой доклад был сильно сокращен и в таком виде дошел до Сталина, а первоначального текста он не увидел, так как Сталин поручил просмотреть мой и Сабурова доклады Маленкову, Берии, мне и еще кому-то. Берия все время повторял мне: «Зачем это? Служай, ну зачем? Это все надо короче, короче!». В результате много материала было исключено. В конечном итоге мой доклад занял около часа. Тем не менее суть его не пострадала. Текст сократили за счет всяческих примеров, а это, как говорится, беллетристика: там приводились доказательства того или другого общего положения. Тут я в какой-то степени подражал Жданову. Жданов делал доклад по уставу на XVIII съезде партии, и у него там имелось очень много примеров. Не знаю, насколько они были необходимы, но я полагал, что такой стиль уже апробирован, и шел тем же путем.

Спрашивается, почему Сталин не поручил сделать отчетный доклад Молотову или Микояну, которые исторически занимали более высокое положение в ВКП(б), чем Маленков, и были известными деятелями? А вот почему. Если мы, люди довоенной поры, рассматривали раньше Молотова как того будущего вождя страны, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни, то теперь об этом не могла идти речь. При каждой очередной встрече Сталин нападал на Молотова, на Микояна, «кусал» их. Эти два человека находились в опале, и самая жизнь их уже подвергалась опасности.

Открылся съезд. Были сделаны доклады, началось их обсуждение. Прения были короткими. Да, собственно, и не имелось условий разворачивать по-настоящему прения, обсуждение поставленных вопросов. Среди других проблем обсудили и доклад о пятой пятилетке⁴. То была самая плохая из всех пятилеток, которые когда-либо у нас принимались. На мой взгляд, очень некачественно она была подготовлена и так же доложена съезду. Тотчас после смерти Сталина мы вынуждены были взять на себя ответственность за процесс выполнения этой пятилетки, внеся серьезные коррективы в план⁵. Это невероятное дело — корректировать решение, утвержденное съездом партии. Но мы вы-

нуждены были так поступить, потому что ни в какие ворота эта пятилетка не лезла. Мы рассылали предложения о корректировке делегатам прошедшего ранее XIX съезда партии, ища демократическую форму внесения изменений в план пятилетки. И мы их внесли, потому что этого требовала жизнь, так что мы не должны были противиться здравому смыслу, опираясь лишь на то, что съездом план уже утвержден. То есть мы пошли по пути, которым должен был следовать каждый разумный человек.

XIX съезд завершался. Нужно было проводить выборы руководящих органов партии. Вся подготовительная работа уже была проделана аппаратом ЦК. Так делалось всегда. Все члены будущих руководящих органов еще до начала съезда подбирались аппаратом. Так же подбирались делегаты самого съезда. Определяли, сколько надо выбрать в ЦК партии рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, кого избрать персонально. Одним словом, вся структура и состав ЦК разрабатывались заранее. А потом, когда шли выборы на съезде, сразу рекомендовалось, кого именно избрать. То есть практически не выбирали людей, как это было когда-то, в первые годы советской власти, а сообщали на места, что вот такого-то следует провести на съезд, потому что имеется в виду выбрать его в состав ЦК или членом Центральной ревизионной комиссии, и т. д. Вся работа за съезд уже была проделана. К сожалению, такая практика сохранилась донине.

Так же проходили выборы на XX съезд КПСС. Еще осталась эта уродливая «демократия». Подобные методы в принципе неприемлемы, а сейчас они просто нетерпимы. Надо искать новые формы работы. Я старался найти такие новые формы и на XXII съезде партии пытался внести соответствующие коррективы в устав КПСС. Тогда тоже обсуждался новый текст устава, и доклад по нему делал Козлов⁶. Но производили мы все это очень робко. Хочу, чтобы правильно поняли, почему — робко. Мы сами, руководители страны, являлись продуктом той же революции, а потом были воспитаны в эпоху Сталина. Сталин был для нас величиной неимоверного значения. И мы считали, что не следует выдумывать что-то, а нужно учиться у него и подражать ему. Уже потом мы воочию увидели его недостатки и все-таки психологически не могли освободиться от прежнего состояния, не решались искать что-то кардинально новое, с тем чтобы вернуть партию на ленинские рельсы и восстановить партийную демократию. Это было нам очень трудно, мы шли тут как бы ощупью.

А на XIX съезде партии такая практика была вообще в порядке вещей. Выбрали новый ЦК. Закончился съезд. Спели «Интерна-

ционал». Сталин выступил, держал речь под конец несколько минут. Тогда все восхищались им, радовались, как гениально им все сказано, и тому подобное. Закончил он свою речь, сошел с трибуны, съезд был закрыт, и члены Политбюро пошли в комнату Президиума ЦК. Сталин говорит нам: «Вот, смотрите-ка, я еще смог!» Минут семь продержался на трибуне и счел это своей победой. И мы все сделали вывод, насколько уже он слаб физически, если для него оказалось невероятной трудностью произнести речь на семь минут. А он считал, что еще силен и вполне может работать.

Закончился съезд⁷. Вдруг ночью созывают нас и начинают голосовать поправку: маршала Говорова⁸ и еще трех человек забыли избрать кандидатами в члены ЦК. Сталин потом вспомнил о них и уже после съезда вставил их в списки членов, выбранных на съезде органов партии. Казалось, хорошо, что он об этом заботится. Плохо другое: что он насильствовал устав, насильствовал теорию и практику строительства партии, принимая решения один, без всякого обсуждения. Тут он выдумал, что тех людей забыли или пропустили при напечатании списка. Конечно, ничего не было пропущено, и это легко было доказать. Он сам задним часом подумал: а отчего вот этих не избрали? И распорядился.

Еще сильнее мы были поражены следующим фактом, тоже довольно показательным. Формировались руководящие органы партии: Президиум ЦК, его Секретариат, Комитет партийного контроля при ЦК. Это был самый ответственный момент: создать из избранных членов ЦК руководящие органы. Смотрим, созывается пленум ЦК, но никакого предварительного разговора о Политбюро Сталин не поднимал. Каков будет состав Президиума? Ни численности, ни персонального состава не сообщает — ничего не известно! А на пленуме Сталин, выступая, разделал «под орех» Молотова и Микояна, поставив под сомнение их порядочность. В его речи прямо сквозило политическое недоверие к ним, подозрение в какой-то их политической нечестности. Ну и ну!

Начались выборы. Мы переглядываемся. Я смотрю на Маленкова: если кто и должен был готовить кандидатуры, то именно Маленков. Сталин не знал людей персонально, за исключением той верхушки, в которой вращался. Поэтому должен был неизбежно прибегнуть к помощи аппарата. Мы спросили о новых людях у Маленкова. Он нам сказал: «Я ничего не знаю, мне никаких поручений не было дано, и я никакого участия в этом не принимал». Мы удивились: «Как же так? Кто же тогда готовил кандидатуры?» Сталин сам открыл пленум и тут же внес предложение о составе Президиума ЦК, вытащил какие-то бумаги из кармана и

зачитал их. Он предложил 25 человек, и это было принято без разговоров и без обсуждений. Мы уже привыкли: раз Сталин предлагает, то нет вопросов, это — Богом данное предложение; все, что дает Бог, не обсуждают, а благодарят за это.

Когда он читал состав Президиума, мы все смотрели вниз, не поднимая глаз. 25 человек, трудно работать таким большим коллективом, решая оперативные вопросы. Ведь Президиум — оперативный орган и не должен быть очень большим. Когда заседание закрылось, мы переглядывались: как же это получилось, кто составил такой список? Сталин не знал людей, которых он назвал, и сам не мог составить этот список. Я, признаться, подозревал, что сделал это Маленков, только он скрывает и нам не говорит. Потом я его по-дружески допрашивал: «Слушай, я думаю, что ты приложил свою руку, хотя это продукт не только твоего ума, а были и поправки со стороны Сталина». Он: «Я тебя заверяю, что абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня к этому не привлекал и никаких поручений мне не давал, я никаких предложений не готовил». Мы оба еще больше удивились. Участия Берии я не допускал, потому что там имелись лица, которых Берия никак не мог бы назвать Сталину. И все-таки я его спросил: «Лаврентий, ты приложил руку?». Нет, я сам набросился на Маленкова, думал про него. Но он клянется и божится, что тоже не принимал участия».

Молотов исключался, Микоян — тоже. И Булганин ничего не знал. Вертелись у нас в голове разные мысли, но без результата. — «Мы доискивались, кто же автор? Конечно, Сталин. Но кто ему помогал? Мы-то не участвовали. Поскребышев еще заведовал тогда секретариатом Сталина, но и он не мог сам составить такой список без помощи аппарата. Может быть, Сталин обошел Маленкова и сам привлек кого-то из аппарата. Этого мы, однако, не допускали, потому что Маленков обязательно узнал бы: в аппарате по многу лет люди работали рядом с ним и под ним. Поэтому хотя бы тайно, по секрету, но сказали бы Маленкову, если бы имели такое поручение от Сталина. Так мы и не смогли разгадать загадку.

25 человек были избраны. Не буду сейчас перечислять их. Скажу лишь, что там были разные люди, разного достоинства. Они пользовались доверием, и нельзя было сказать, что они, в принципе недостойны. Но многие из них были не готовы к той деятельности, которой ранее занималось Политбюро. В этом мы не сомневались. У нас имелось твердое мнение об этой стороне дела. Тем не менее, когда Сталин предложил в Президиум 25 человек и назвал их персонально, то сказал, что Президиум громоздок и понадобится избрать из его состава бюро. Какое еще бюро? Это

было вовсе не уставное предложение. Только что мы приняли устав КПСС, и тут же он ломается. Сталин добавил, что будет оперативное бюро, которое станет собираться почаще и принимать решения по текущим вопросам. Он предложил бюро в составе девяти человек и тут же огласил его состав⁹.

Когда он читал состав Президиума, я, слушая, думал: будут ли включены туда Молотов, Микоян и Ворошилов? Я сомневался. Это были люди, на которых Сталин «махнул рукой», и над их головами уже нависла опасность попасть в новоявленные враги народа. Но нет, они включены. Я радовался, уже это было хорошо. Когда же он зачитал состав бюро, то в нем не было фамилий Молотова и Микояна, однако имелся Ворошилов. Я опять ничего не понимал: как это так, Молотова нет, Микояна нет, а Ворошилов есть? Ворошилова Сталин начал подозревать значительно раньше, чем Молотова и Микояна.

Бюро сложилось такое: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Ворошилов, Каганович, Сабуров, Первухин и Булганин. Итак, Ворошилов попал в бюро. Я подумал: значит, хорошо, что все хорошо кончается. Сталин в конце концов понял, что то была ошибка, когда он считал Ворошилова английским агентом или черт знает кем. Все тут зависело от воображения Сталина, кто именно является агентом и какой империалистической страны.

⁹ Предыдущий, XVIII съезд ВКП(б) состоялся 10 — 21 марта 1939 года.

² В мае 1939 г. состоялось совещание членов Оргбюро ЦК партии с участием секретарей республиканских компартий, крайкомов и обкомов ВКП(б) по вопросам развития угольной промышленности. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 г. затрагивал вопросы колхозного землепользования. Мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1940 г. касался работы Экономического совета при Совнаркоме СССР, а июльский пленум 1940 г. рассмотрел создание союзно-республиканского Наркомата государственного контроля. 15 — 20 февраля 1941 г. прошла XVIII Всесоюзная партийная конференция по проблемам ускоренного развития промышленности и транспорта. Февральский пленум ЦК ВКП(б) 1941 г. занимался организационными вопросами. Перед Великой Отечественной войной имели место также съезды республиканских компартий, совещания партийного актива в различных отраслях экономики и в Вооруженных Силах СССР. В годы войны созывались специальные совещания руководителей местных парторганизаций, государственных и хозяйственных работников, проходили пленумы ЦК Компартий республик и совещания местных парторганизаций, но общесоюзное партийное мероприятие было единственным — пленум ЦК ВКП(б) 27 января 1944 г., коснувшийся проблемы прав союзных республик, предстоявшей сессии Верховного Совета СССР и одобивший введение нового Государственного гимна СССР. В мае 1944 г. ЦК партии

созвал совещание историков. В декабре 1944 г. прошло также совещание секретарей ЦК республиканских компартий, крайкомов, обкомов и заведующих партотделами о состоянии воспитательной работы в парторганизациях. Состоялись неоднократные отраслевые партийно-технические конференции. После войны количество общесоюзных партийных совещаний резко сократилось. Следующий пленум ЦК ВКП(б), затронувший деятельность Верховного Совета СССР и оргвопросы, прошел 11, 14 и 18 марта 1946 г. Очередной пленум, обсудивший меры подъема сельского хозяйства, прошел 21 — 26 февраля 1947 г., после чего опять был перерыв до 15 августа 1952 г. (Пленум ЦК партии по вопросу о созыве XIX партсъезда.)

³ САБУРОВ М.З. (1900 — 1977) — советский государственный деятель, член Компартии с 1920 г., председатель Госплана СССР в 1941 — 1942 и 1949 — 1956 гг.; зам. и 1-й зам. председателя Совнаркома (Совмина) СССР в 1941 — 1944, 1947 — 1957 гг.; член ЦК КПСС в 1952 — 1961 гг. и Президиума ЦК в 1952 — 1957 гг., далее на хозяйственной работе; депутат Верховного Совета СССР в 1947 — 1958 гг.

⁴ V пятилетний план развития народного хозяйства СССР 1951 — 1955 гг.

⁵ Первые серьезные коррективы были намечены пленумом ЦК КПСС 3 — 7 сентября 1953 г., принявшим постановление «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР».

⁶ КОЗЛОВ Ф.Р. (1908 — 1965) — советский государственный и партийный деятель. В 1961 г., о котором идет речь, он был секретарем ЦК КПСС.

⁷ XIX съезд ВКП(б) закончился 14 октября 1952 г., а пленум ЦК КПСС прошел 16 октября.

⁸ ГОВОРОВ Л.А. (1897 — 1955) — Маршал Советского Союза с 1944 г., осенью 1952 г. командовал войсками ПВО.

⁹ Берия Л.П., Булганин Н.А., Ворошилов К.Е., Каганович Л.М., Маленков Г.М., Первухин М.Г., Сабуров М.З., Сталин И.В., Хрущев Н.С. В состав Секретариата ЦК партии вошли: Сталин И.В., Аристов А.Б., Брежнев Л.И., Игнатов Н.Г., Маленков Г.М., Михайлов Н.А., Пегов Н.М., Пономаренко П.К., Суслов М.А., Хрущев Н.С. Председателем Комитета партийного контроля при ЦК КПСС был утвержден Шкирятов М.Ф. Тогда же Центральная ревизионная комиссия КПСС избрала своим председателем Москатова П.Г.

ПОСЛЕ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ

Началась работа. Но не так, как шла раньше, ибо из девяти человек Сталин по своему выбору и благоволению избрал пяти-рых, о чем нигде не говорилось открыто. Он приглашал к себе только тех, кого считал нужным созвать. Считалось большой честью быть приглашенным к Сталину и, наоборот, дурным предзнаменованием, если кто-то из тех, кого приглашал он прежде, не

назывался. В пятерку входили: Сталин, Маленков, Берия, Булганин, Хрущев. Реже Сталин приглашал Кагановича и Ворошилова, совершенно не приглашал теперь к себе Молотова и Микояна.

В целом работа в руководстве протекала так же, как до XIX съезда партии. Не имелось никакого коллектива, все решения принимались теми же методами и тем же порядком, как это вошло в практику Сталина после 1939 года. До XVIII съезда ВКП(б) еще сохранялась более или менее, до какой-то степени, демократичная практика деятельности Политбюро. Потом постепенно все сходило на нет, склоняясь к единоличному управлению. Затем появились грубые окрики, безапелляционные приказы и прочее. Это происходило после разгрома состава ЦК, избранного на XVIII съезде партии, уничтожения активнейших членов партии, «стариков», как мы их называли, тех, которые прошли дореволюционный путь борьбы по сколачиванию нашей партии, по организации рабочего класса и затем свершения Октябрьской революции.

Все зависело от воли Сталина, нам же отводилась роль статистов. Даже когда речь заходила о будущем. Последние годы Сталин порой заводил речь о своем преемнике. Помню, как Сталин при нас рассуждал на этот счет: «Кого после меня назначим Председателем Совета Министров СССР? Берия? Нет, он не русский, а грузин. Хрущева? Нет, он рабочий, нужно кого-нибудь поинтеллигентнее. Маленкова? Нет, он умеет только ходить на чужом поводке. Кагановича? Нет, он не «русский, а еврей. Молотова? Нет, уже устарел, не потянет. Ворошилова? Нет, стар, и по масштабу слаб. Сабуров? Первухин? Эти годятся на вторые роли. Остается один Булганин». Естественно, никто не вмешивался в его размышления вслух. Все молчали.

Мы тревожились за судьбу Молотова и Микояна. То, что их не ввели в бюро, казалось зловещим. Сталин что-то задумал. Когда он выступал на пленуме, я был поражен, что в его речи сформулированы обвинения в адрес Молотова и Микояна. Это уже не шутка! Это уже не разговор за обедом в узком кругу из пяти-семи человек. За ним выступил Молотов. Да и Микоян тоже что-то говорил. Не помню, что. В стенограмме, наверное, все осталось. Но, может быть, ничего не записывалось. Сталин мог так распорядиться. Мы были настороже, думали, что, видимо, Молотов и Микоян обречены.

Правда, после съезда Микоян и Молотов, пользуясь былой практикой, когда все мы собирались у Сталина, сами продолжали приходить туда без оповещения. Они узнавали, что Сталин в Кремле, и приходили. А если он уезжал за город, то тоже приез-

жали к нему. Их пропускали. И они все вместе проводили вечера на его даче. Не буду сейчас возвращаться к тому, какие это были вечера, я уже рассказывал об этом. Но однажды Сталин впрямую сказал: «Я не хочу, чтобы они приезжали». Не знаю, что конкретно он сделал, но, видимо, приказал никому не сообщать, когда он приезжает в Кремль, и не говорить, где он находится, если звонят Микоян или Молотов и спрашивают о нем. Они разыскивали Сталина потому, что хотели тем самым сохранить себя не только как руководителей и как членов партии, а и как живых людей. Добивались, чтобы Сталин вернул свое доверие. Я это понимал, сочувствовал им и всемерно был на их стороне.

После его запрета они потеряли возможность знать, где находится Сталин, утратив возможность бывать вместе с ним. Тогда они говорили со мной, с Маленковым и, может быть, с Берией. Одним словом, мы втроем (Маленков, Берия и я) договорились иной раз сообщать Молотову или Микояну, что мы, дескать, поехали на «ближнюю» или туда-то. И они тоже туда приезжали. Сталин бывал очень недоволен, когда они приезжали. Так продолжалось какое-то время. Они пользовались «агентурными сообщениями» с нашей стороны, и мы превратились в агентов Молотова и Микояна.

Сталин понял нашу тактику. Понять было нетрудно. Он, наверное, допросил людей в своей приемной, и там ему сказали, что они-то не сообщают, где находится Сталин, ни Молотову, ни Микояну. Но раз они приезжают, и приезжают точно, следовательно, кто-то из нас их извещает, то есть из тех лиц, которых он приглашает к себе. И однажды он устроил нам большой разнос. Не называя никого персонально, он более всего адресовался к Маленкову и заявил: «Вы нас не сводите, не сводничайте!»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗМА В СССР

Часто, когда Сталин хотел поставить перед нами какой-то вопрос, он приглашал нас в кинозал. Просыпался он вечером, приезжал в Кремль (а спал он чаще всего на «ближней» даче) и вызывал нас. Звонит, бывало: «Приезжайте в кино к такому-то времени». Приезжаем. Он сам подбирал кинокартины для показа. Картины шли главным образом трофейные. Много было аме-

риканских, ковбойских. Он их очень любил. Ругал их за примитивность и правильно оценивал, но тут же заказывал новые. Фильмы крутили без титров, а переводил с ходу министр кинематографии СССР Иван Григорьевич Большаков¹. Он нам со всех языков переводил. Мы, особенно Берия, часто подшучивали над его переводами. Он ведь совершенно не знал иностранных языков. Его сотрудники рассказывали ему содержание фильмов, он старался получше запомнить и потом «переводил». В отдельных эпизодах он говорил иной раз вообще невпопад либо просто произносил: «Вон он идет» и т. п. А Берия тут же начинал помогать: «Вот, смотри, побежал, побежал», и т. д.

В таких случаях мы сообщали Молотову и Микояну: «Мы собираемся в кино». А известно было, что Сталин посещал кино только в Кремле. Там имелась комната, оборудованная уже устаревшим по тому времени прокатным оборудованием. Сейчас этим кинозалом не пользуются. Вот там-то мы смотрели кинокартины: американские, немецкие, английские, французские. Существовал большой их архив, в основном трофейных. Немцы в годы войны грабили то, что попадалось им в оккупированных странах, а потом какое-то количество кинофильмов оказалось у нас. Иной раз встречались интересные картины, но чаще всего они не нравились нам.

Смотрели мы там как-то один фильм, сейчас не помню его названия, мрачное и неприятное повествование на историческую тему. Кажется, дело происходило в Англии. Нужно было перевезти ценности из Индии в Лондон, а на морских путях свирепствовали пираты, часто погибали и корабли, и их команды. И, когда потребовалось перевезти ценности, власти вспомнили о каком-то капитане, который сидел в английской тюрьме. Это был очень смелый пират, головорез. И вот решили обратиться к нему, не возьмет ли он на себя задачу переправить ценности? Тот сказал, что согласен, если ему будет разрешено сформировать команду из людей, которые вместе с ним сидят в тюрьме, тоже бывших пиратов. Ему разрешили, дали корабль, и он поплыл в Индию. Но на обратном пути, когда получил ценности, он стал расправляться со своими сообщниками. Какой у него был метод? Он намечал к уничтожению очередного человека и ставил в своем кабинете на стол его портрет «для памяти». Когда он уничтожал его, выбрасывая за борт, появлялся другой портрет. Не помню, сколько он ликвидировал своих приближенных, но, кажется, и сам потом погиб. Говорят, имелся такой исторический факт.

Когда мы смотрели эту картину и видели вероломство этого капитана, то оно в какой-то степени напоминало нам, как исчезали люди, которые работали вокруг Сталина. Внутреннее чувство подсказывало нам: не таким ли способом гибли и «враги народа»? Обычно, когда просмотр кончался, Сталин предлагал: «Ну поехали, что ли?». Кушать мы не хотели, ведь это был уже час или два ночи, надо отдыхать, завтра рабочий день. Но Сталин о нас не думал. «Поедем?» Тут все говорили, что они «голодные», выработали уже рефлекс и ввали. Ехали к Сталину, там начинался обед. Поскольку раньше мы уже позвонили Микояну и Молотову, то они потом между собой перезванивались, приезжали оба в кино, а потом вместе с нами — к Сталину. Так продолжалось, пока он не устроил нам скандал. И мы эту деятельность прекратили, потому что она могла плохо кончиться и для них, и для нас: и им не поможем, и свою репутацию в глазах Сталина подорвем. Никто на это не хотел идти, никто! Все мы без какой-либо договоренности ждали естественной развязки дикого положения, которое сложилось. Развязка наступила только со смертью Сталина.

То, о чем я рассказываю, может показаться для людей со стороны невероятным. Но вот еще один факт. Сталин столько гадостей стал говорить о Ворошилове! А потом тот не только вошел в Президиум ЦК, но и в более узкое бюро. Прошло какое-то время, как-то были мы после кино на очередном «кормлении», на ближней даче Сталина. Сталин был навеселе, он часто теперь доводил себя до такого состояния, и вдруг спросил: «Кто входит в Бюро Президиума?» Ему перечислили. Дошли до Ворошилова. «Кто, кто? Ворошилов? Как он туда пролез?» Мы молча смотрим друг на друга. Потом кто-то сказал: «Товарищ Сталин, вы же сами его называли, и пленум избрал Ворошилова в состав бюро». Он не стал тогда дальше развивать свою мысль. Но, следовательно, подумали мы, он Ворошилову не простил, а просто по старой привычке назвал на пленуме его фамилию. Впрочем, хотя Ворошилов был избран, но не пользовался правами члена Президиума ЦК. Это выражалось в том, что Сталин не всегда вызывал его и на заседания, и на просмотр кинокартин, и на обеды, заменявшие у нас правительственные совещания. А они великой считались честью. Ворошилов теперь бывал там редко. Порой сам позвонит и приходит.

Мы ездили к Сталину очень часто, почти каждый вечер. Только когда ему нездоровилось, случались пропуски. Других причин не возникало, потому что Сталину в одиночку некуда было

девать себя. Он был вроде того купца из пьесы Островского «Горячее сердце», которого играл во МХАТе Тарханов². У этого купца жил какой-то приближенный, который думал, как тому заполнить его время. Купец говорил: «Ну, что сегодня будем делать?» И приближенный придумывал, что делать. Они и в разбойников играли, и всякими прочими затеями занимались. И Сталин, вроде этого купца, тоже говорил нам: «Ну, что сегодня будем делать?» Он-то уже неспособен был что-нибудь серьезное делать. Но мы должны были работать на своих постах, на которые были избраны, а кроме того, участвовать в сталинских вечерах в качествах театральных персонажей и развлекать его. Тяжелое для нас было время.

Еще до XIX съезда партии Сталин ввязался в дискуссию по языкознанию³. Очень странная была дискуссия. Сталин как-то принимал у себя грузина, ученого-лингвиста⁴, и беседовал с ним. Тот каким-то образом пробудил в Сталине желание включиться в научный спор. И Сталин выступил против наследия академика Марра, историка и лингвиста, против его трудов. В конце концов Сталин выступил и против того ученого-грузина, с которого все началось. Раньше это был близкий к нему человек, он его не раз приглашал к себе на обед. Таким образом, в результате дискуссии появился труд Сталина по языкознанию, один из последних его теоретических трудов.

Потом Сталин занялся экономическими проблемами. Он организовал диспут⁵ по ним и опубликовывал свои мысли на этот счет. Тут тоже имело место оригинальное начало. Один из ученых, занимавшихся экономической наукой, с украинской фамилией Ярошенко, стал как бы зачинщиком: написал работу о социалистической экономике и обратился в Академию наук СССР с просьбой организовать ее обсуждение. Академия, обсуждая его работу, не оценила, как он считал, этот труд должным образом. Но он был настойчивым человеком, членом партии, кажется, со времен гражданской войны, и написал в ЦК ВКП(б), стал буквально терроризировать всех, требуя, чтобы ЦК обсудил его сочинение, причем правильно оценил бы его.

Однажды летом в разгар дискуссии собрались мы у Сталина на даче. Там был в тот раз и Ворошилов. Шел обычный сталинский обед, мучительный, длинный. Вдруг Ворошилов (а мы-то были уверены, что он и не читал сочинения того экономиста, как и другие члены Политбюро ЦК) говорит Сталину: «Коба (он часто называл его так по старой партийной кличке), ты не читал бумагу, которую разослал Ярошенко?» И начал почему-то его ругать: вот та-

кой он нехороший, то-то пишет и то-то. Сталин отвечает: «Нет, не читал». А сам смотрит на Маленкова и других. Тут все сказали, что не читали. Но Маленков добавил, что такая работа вроде бы находится в ЦК⁶. Выяснили, что всем членам и кандидатам Политбюро ЦК сей материал был разослан самим автором. Ворошилов очень резко стал ругать его, приговаривая: «Арестовать его надо, мерзавца, арестовать его!» И Сталин поддержал: «Ну, что это за сволочь такая? Арестовать его!»

Как же это можно? Человек написал труд, пусть даже плохой, хотя бы и вредный, но послал его в ЦК на обсуждение, считая вопрос важным. Это его точка зрения, он давний член партии, прошел большой путь, был ранее партизаном в колчаковской Сибири, сам сибиряк, хотя и с украинской фамилией. Но дан был сигнал свыше, разгромили его и спустили указание по партийным организациям. Они обсуждали дело и клеймили позором этого человека. А за что? И сами толком не знали. За то, что осмелился написать. Если бы Ворошилов не поднял тогда вопроса, тот человек продолжал бы упорствовать на своем, называл бы всех бюрократами, но тем дело бы и кончилось. А теперь кончилось тем, что действительно арестовали, исключили из партии, и он отсиживал ни за что. Его выпустили на волю после смерти Сталина. Он обращался в Московский комитет партии, высказывая негодование против МК и против меня лично. Ему, конечно, ничего не было известно о моей роли в его деле, а меня он критиковал за то, что я не вмешался и не протянул ему руку помощи.

С этим же экономистом произошел еще один эпизод, который тоже характеризует поведение Сталина. Когда Сталин начал готовить свой предсмертный труд по экономическим проблемам социализма в СССР, он всех заставил читать и изучать его. Буквально вся партия сидела и корпела над этим трудом. Он предложил также высказаться ораторам на XIX съезде партии по данному вопросу. Маленков в своем докладе уделил большое внимание его работе. То же сделали и другие выступавшие, за исключением меня. Но я не говорил о нем не потому, что я «смелый и умный» и критически относился к этому труду, а потому, что на съезде я выступал как докладчик по партийному уставу, и у меня не было необходимости притягивать за уши этот труд Сталина.

В один прекрасный день он созвал нас и начал распекал за то, что плохо подобраны люди в секретариатах. Утверждал, что через наши секретариаты идет утечка секретных материалов, которые попадают за пределы Президиума, и что надо проверить,

кто и как это проделывает. Мы смотрим, ничего не понимая, и ждем, чем это кончится. Вдруг Сталин обращается ко мне: «Это у вас, через ваш секретариат идет утечка». Я: «Товарищ Сталин, уверен, что такого не может быть, у меня проверенные люди. Я им доверяю, они честные партийцы. Никак не может быть, чтобы кто-то из них разглашал секретные документы, которые я получаю как член Президиума». — «Нет, это у вас, сведения просочились через такого-то». И стал доказывать. Оказывается, какое-то положение, которое он сформулировал в своем труде, почти слово в слово совпало с формулировками в работе критикуемого им все того же Ярошенко. «Как же так получилось? Откуда он узнал? Он не мог подслушать. Значит, получил материалы, которые я диктую и рассылаю всем вам. Вот и дошло до критикуемого лица, а тот использовал мою формулировку». Тут Сталин начал горячиться.

Я понял, в чем дело. Ярошенко носил украинскую фамилию. А Сталин знал, что у меня работает помощником Шуйский, украинец, да я и сам ему об этом рассказывал, и когда он шутил, то называл его «боярин Шуйский». А я повторял иногда сталинские слова: «Вот у меня есть в секретариате боярин Шуйский». Подозрение пало и на него, и на других лиц. Сталин считал, что у меня там полно украинцев, и утечка идет через них. Когда я уразумел, то на второй день пришел в МК партии и вызвал Шуйского. «Вы знаете Ярошенко?» — спрашиваю его спокойно. «Нет, — говорит, — не знаю». «И не слышали о нем?». — «Слышал». — «Вы с ним знакомы?». — «Не знаком и никогда не встречался». — «Хорошо, найдите мне его анкету». Шуйский вскоре принес мне анкету. Я хотел посмотреть, кто этот человек и откуда, познакомиться с ним. По анкете установил, что, хотя фамилия у него украинская, еще его отец или даже дед выехал из Полтавской губернии в Сибирь. А внук был сибиряком, там родился, там воспитывался, там вступил в партию, там участвовал в борьбе партизанских отрядов против белогвардейского казачества, там прошел свой революционный путь. Это был не случайный человек в партии, а активный участник гражданской войны. Когда я познакомился с его анкетой, то понял, что Сталин действует любимым методом «оглушения»: сказал тебе и смотрит в глаза, дрогнул ты или нет?

Когда я встретился с ним на другой день, то спокойно сказал: «Товарищ Сталин, Вы спрашивали о Ярошенко, я взял его анкету. Вы знаете, он вовсе не с Украины». Это я говорил, чтобы отвести удар от себя и показать, что мой секретариат ни при чем. Там работали два украинца, Шевченко и Шуйский, безупречно честные

люди. Я продолжал: «Он даже родился не на Украине, его дед уехал оттуда, а сам он от рождения сибиряк». Сталин смотрит на меня свирепо: «Вот черт!». Как-то так он выразился, но тут же смягчился. Это было у него своеобразной формой извинения за то, что напал на меня. «Так он из Сибири?». — «Да, сибиряк. А где вообще нет украинцев? Они рассеяны по всей стране. Их много и на Дальнем Востоке, и в Сибири, и даже в Канаде и прочих странах за пределами СССР».

Я-то от себя отвел удар, но Сталин не успокоился и продолжал искать источник, откуда тот человек мог получить материал. Потом Сталин пришел к выводу, что утечка произошла через Поскребышева⁷. Это была неприятная вещь, потому что Поскребышев много лет проработал со Сталиным, был его верным псом. Как можно было допускать даже в мыслях, что тот передал материал? Что он, специальный агент экономиста, что ли? Да у него никаких связей ни с кем вообще быть не могло. Надо было знать Поскребышева! Это был неглупый человек, правда, в то время набравший уже такую силу, что зазнался. Он держал себя высокомерно, да не только высокомерно, а хамски, с членами Президиума ЦК. Бывало, так огрызнулся на Молотова и Микояна, а то и на других... И никто из нас не мог ответить ему. Это было оскорбительно, но он держался около Сталина и первым узнавал о немилости, которая проявлялась к кому-то со стороны Сталина, потому он и нападал на человека, кто был намечен для очередного жертвоприношения.

И вдруг Поскребышев попал у Сталина на подозрение. Конечно, все материалы прошли через Поскребышева. Более того, Поскребышев писал под диктовку Сталина. Сталин обычно расхаживал при диктовке. Ему не сиделось, когда он думал. Он ходил и диктовал, но никогда стенографисткам, а Поскребышеву, Поскребышев же записывал. Он приспособился к диктовке Сталина и научился записывать за ним. Потом тут же прочитывал записанное. Если он неточно уловил слова или же у Сталина вырисовывалась более четкая формулировка, то Сталин передиктовывал, рукой Поскребышева внося исправления или добавления. Я отдаю здесь должное Сталину. До самой своей смерти, когда он диктовал или что-нибудь формулировал, то делал это очень четко и ясно. Сталинские формулировки понятны, кратки, доходчивы. Это был у него большой дар, в этом заключалась его огромная сила, которую нельзя у него ни отнять, ни принизить. Все, кто знал Сталина, восхищались этим его даром, поэтому и мы гордились тем, что работаем со Сталиным.

Это положительная сторона Сталина. Я же сейчас главным об-

разом акцентирую внимание на отрицательном. Положительного о нем столько сказано, что́ если бы уменьшить все на 80%, то и тут хватит положительного на тысячу людей. Я же говорю о том, что нанесло большой вред нашей партии, о личных характерных чертах, которые у него были и порождали действия, стоившие нам десятки тысяч голов лучших сынов страны. Многое из этого, к сожалению, лежит еще под спудом, не известно народу. Все это сейчас опять придавлено и ждет своего времени, но все равно выйдет наружу и получит правильное освещение. Я считаю, что рассказ об истине — вовсе не позор для нашей партии. Неприятно, конечно, но это процесс самоочищения, когда партия сама поднимает такой вопрос. Еще больше ее сторонников придет в ее ряды, все поймут, что это было наносное явление, не характерное в принципе для нашей партии.

Ленин предупреждал о подобном. А ведь он основоположник нашей партии, ее создатель. Он разработал ту теорию, на основе которой построено и развивается наше советское государство. Тут основа основ. Значит, если по-ленински, то нечего и опасаться. Сталин был большим человеком, много лет являлся вождем нашей партии. Но Ленин еще в начале его деятельности сказал о его недостатках, а потом жизнь подтвердила правоту Ленина. И партия сейчас исправляет ошибки Сталина для того, чтобы больше никогда они не повторились. Поэтому я и не боюсь говорить о них. Это не клевета, не принижение, а, наоборот, самоочищение.

Итак, Поскребышева Сталин удалил и выдвинул на его место другого человека. Поскребышев же, как говорится, был «подвешен». Я убежден, что если бы жизнь Сталина продлилась еще на какое-то время, то Поскребышев был бы уничтожен как предатель. Сталин нам говорил: «Поскребышев передал материал, больше никто не мог, через Поскребышева шла утечка секретных документов». Тоже мне секретность! Какая тут секретность, если все публиковалось в открытой печати? Просто Сталин был уязвлен, что его формулировка совпала слово в слово с формулировкой того новоиспеченного, как он считал, ученого. Ведь никто не имел права думать так, как Сталин, только он был единственным гением. Поэтому все новое должен сказать только он, а другие должны повторять и распространять открытые им законы. И вдруг какой-то замухрышка, как он любил говорить, никому не известный сибиряк написал то же самое?

Если бы Сталин был объективен и не столь самолюбив, стал человеком, который мог бы самокритично заняться анализом, то не потребовалось бы больших усилий, чтобы увидеть, что труд

Ярошенко, «новоиспеченного» теоретика, как Сталин его называл, был написан значительно раньше, чем Сталин занялся этим делом. Его сочинение ходило в Академии наук, там обсуждали его, размножали, оно рассылалось членам Политбюро ЦК. Одним словом, автор бился во все двери, буквально кричал, требуя признания своего научного приоритета. Сталин же начал заниматься этой проблемой, когда материал того автора уже был у Сталина. Так что как раз тот автор мог бы сказать Сталину: «Ты украл у меня формулировку».

Возможно, конечно, что Сталин прочел его труд, а потом, даже сам не осознавая, продиктовал такую же формулировку. Я не говорю, что тот автор вообще был умнее Сталина. Но часто люди даже небольшого масштаба совершают открытия. Какого бы ранга человек ни был, какое бы положение он ни занимал, он может сделать любое открытие, потому что каждый великий человек перед тем, как сделать шаг, который возвеличил его, тоже был рядовым человеком. Однако Сталин такого не допускал: раз он живет, раз он вождь, то в теоретических вопросах за ним всегда должно быть первое слово, а остальные должны заниматься повтором.

Данный эпизод, как я уже рассказывал, закончился тем, что того беднягу арестовали, и он сидел. Потом мы его освободили, но я не помню его дальнейшей судьбы. Он так и не получил, видимо, должного признания. Полагаю, что, может быть, его труд заслуживал внимания. Но тут оказал большое воздействие тот факт, что наши так называемые ученые всегда исходили из положений, выдвинутых Сталиным, восхваляли его и твердили за ним зады. Они уже высказались на эту тему при жизни Сталина, и им было незачем менять свою точку зрения, роняя себя в глазах читателей. Возможно, тот человек незаслуженно не получил признания, но я не берусь судить. Тут специфическая область, пусть сами экономисты, если хотят, вернутся к его работе; подведут итоги, проанализируют и положат выводы на ту или иную полочку, кто там заслуживает, а кто — не заслуживает признания.

Для Ворошилова же эпизод с экономистом тоже довольно характерен. Его можно взять за какой-то отправной элемент при анализе событий, если изучать аресты той поры. Вот ведь с какой «глубиной» характеризовали деятельность того или другого деятеля партии или ученого, когда приходили к выводу, что он «враг народа». Получалась филькина грамота. Обвинение и обоснование ареста брались буквально с неба. Смотрели на небо или в зависимости от того, какое ухо почесалось. И такие акции направ-

ляли против тысяч людей. Подобное поведение характерно не только для Ворошилова, но и для Молотова.

В 1937 г., в пик репрессий, определяли эту политическую линию Сталин, Молотов, Ворошилов, а при них бегал подпевалой на цыпочках и крутил хвостом Каганович. Каганович не был таким, как Молотов, но хотел быть даже злее Молотова. Ближе к Сталину стоял Молотов. Хотя Каганович тоже был очень близкий к нему человек, и Сталин выставлял его за классовое чутье, за классовую непримиримость к врагам как эталон решительного большевика. Мы-то хорошо узнали, что это за «решительность». Ведь это тот человек, который даже слова не сказал в защиту своего брата Михаила⁸, и Михаил покончил с собой, когда у него уже не оставалось выхода; ему предъявили обвинение, что он немецкий агент и что Гитлер метит его в состав российского правительства. Просто бред! Что может быть нелепее: Гитлер намечает еврея Михаила Кагановича в правительство России? С точки зрения фашистов, это уже само по себе преступление.

Позднее я не слышал, чтобы кто-либо говорил об этом событии, и никогда Лазарь Каганович не возвращался к трагедии своего брата, когда уже выяснилось, что произошла грубая ошибка. Ни Сталин, ни кто-либо иной не возвращались к этой истории. Просто был раньше Михаил Каганович, нарком авиационной промышленности, и не стало его, так что вроде бы и не было. Это характерно для Лазаря Кагановича. Как же он лебезил, как подхалимничал перед Сталиным после того случая.

¹ БОЛЬШАКОВ И.Г. (1902 — 1980) — член РСДРП с 1918 г., в 1916 — 1922 гг. рабочий Тульских оружейных заводов, потом на оргработе, с 1931 г. сотрудник Совнаркома СССР (последняя должность — управляющий делами), с 1939 г. председатель Комитета по делам кинематографии и с 1946 г. министр кинематографии СССР, с 1953 г. заместитель министра культуры СССР.

² ТАРХАНОВ М.М. (1877 — 1948) — народный артист СССР с 1937 г. В упомянутой пьесе он играл Градобоева.

³ Лингвистическая дискуссия, порожденная наличием разных точек зрения на творческое наследие акад. Н.Я.Марра в связи с его учением о языке, открылась в июне 1950 г. на страницах газеты «Правда». Сталин опубликовал в данной связи свои соображения в той же газете («Относительно марксизма в языкознании» — 20 июня, «К некоторым вопросам языкознания» — 4 июля, «Ответ товарищам» — 2 августа), объединенные затем в брошюре (И.Сталин «Марксизм и вопросы языкознания». М.1950).

⁴ Академик АН Груз.ССР с 1941 г., проф. ЧИКОБАВА А.С. (1898 — 1985), специалист по кавказским языкам и теории общего языкознания.

⁵ В ноябре 1951 г. ЦК ВКП(б) организовал дискуссию по проекту учебника

политической экономии. В данной связи Сталин написал «Замечания по экономическим вопросам» (1 февраля 1952 г.), «Ответ т-щу Ноткину, Александру Ильичу» (24 апреля 1952 г.), «Об ошибках т. Ярошенко Л.Д.» (22 мая 1952 г.), «Ответ товарищам Саниной А.В. и Венжеру В.Г.» (28 сентября 1952 г.), объединенные затем в брошюре (И.Сталин «Экономические проблемы социализма в СССР». М.1952 г.). Дискуссия была закрытой, Сталин лично определял, кого пригласить на этот узкий форум. В числе приглашенных был работник Госплана Ярошенко Л.Д. Старый член партии, участник гражданской и Великой Отечественной войн, он наивно представлял себе, что может свободно высказать свои мысли и даже покритиковать любого в ходе дискуссии, если она, как ему сказали, будет носить научный характер.

В ходе дискуссии Ярошенко критически отозвался о подготовленном макете учебника по политической экономии и высказал нелестные суждения об экономической науке в СССР. Сталина задела эта критика, и он ответил Ярошенко, после чего Ярошенко обратился с письмом к членам Политбюро, в котором пытался отстоять свою правоту. Однако ему быстро дали понять, где лежит истина и кто является ее единственным носителем: В письме на имя Маленкова Ярошенко затем так определял свои «ошибки». «В письме на имя членов Политбюро я допустил грубую, серьезную ошибку — предложил по вопросу основного экономического закона нашего общества свою точку зрения, отличную от точки зрения тов. Сталина. Это, несомненно, является грубой ошибкой. Для каждого члена партии мнение тов. Сталина есть и должно быть нерушимым законом... Организатор и руководитель строительства социалистического общества и вдохновитель всех наших побед воплощает в своих мыслях и действиях все необходимое для единственно правильного решения любых вопросов теории и практики нашей жизни. С моей стороны это был необдуманный поступок, действительно ошибка. В порядке объяснений могу сказать, что эту ошибку допустил под впечатлением недавно прошедшей дискуссии, но это, разумеется, не оправдание. Прошу эту ошибку мне простить».

ЦК поручил Московскому горкому партии обсудить проступок Ярошенко. На заседании с резкой критикой Ярошенко выступил Хрущев. С возмущением он отчитывал Ярошенко за то, что тот осмелился высказать свое мнение, не совпадающее со взглядами Сталина. Однако, подводя итоги обсуждения, Хрущев заявил: «Мы — партия сильная, сплоченная. Будем великодушны. Никаких взысканий на тов. Ярошенко налагать не будем, но предложим ЦСУ ... использовать тов. Ярошенко где-нибудь в Восточной Сибири».

Это предложение было принято, и на следующий день, когда Ярошенко обратился ко второму секретарю МГК Фурцевой Е.А. относительно того, как он должен проинформировать партийную организацию на новом месте работы, то Фурцева сказала ему, что «вопрос о Ваших ошибках обсуждался на бюро МК ВКП(б), никаких взысканий на Вас не наложено». С чем Ярошенко и уехал в Иркутск.

Однако, когда он прибыл в Иркутск, в обкоме партии его познакомили с официально принятым решением МГК. Там после жестких формулировок в его адрес (протаскивал враждебные, Бухаринско-богдановские взгляды по вопросам политической экономии; эти взгляды изложил в письме на имя членов Политбюро; на заседании МК скрывал своих соучастников и не помог разобла-

чить Бухаринское охвостье) было записано, что МГК объявляет Ярошенко строгий выговор с предупреждением. От таких формулировок в решении МГК, принятых уже после того, как Ярошенко выехал из Москвы, могли последовать суровые репрессии. Ярошенко был вызван в Москву, где в присутствии Хрущева председатель Комитета партийного контроля Шкирятов М.Ф. обрушился на него с гневной речью, обличая его в антисоветских и антипартийных действиях. После такой «беседы» Ярошенко был арестован тут же, по выходе из кабинета Шкирятова. Репрессии обрушились не только на него лично, но и на его брата, который никакого отношения к экономической науке не имел, и на жену. Семью выслали из Москвы.

Фактически руководство поправило Хрущева за проявленный им ранее «либерализм». Одного взгляда на то предложение, которое было им сделано на заседании бюро МГК, и на те новые формулировки, которые родились после вмешательства руководства, достаточно, чтобы увидеть, сколь серьезна была разница между позицией Хрущева и позицией Политбюро в этом вопросе.

Ярошенко был освобожден из заключения в конце декабря 1953 г., восстановлен в партии и вернулся к работе по специальности. Однако, выступая на партийном собрании по итогам XX съезда КПСС, он открыто высказал свое мнение о культе личности, причем более резко, чем это было рекомендовано партийными органами и сформулировано в докладе Хрущева. Об этом выступлении был проинформирован ЦК партии. Имеется документ, из которого видно, что все секретари ЦК, следовательно и Хрущев, были ознакомлены с этой докладной запиской и оказались единодушны в своем решении: Ярошенко исключили из рядов КПСС, он лишился работы. Как понимать позицию Хрущева? При Сталине он отнесся либерально к критическим высказываниям Ярошенко, за что получил указание от ЦК и вынужден был коренным образом изменить уже подготовленное решение, а в 1956 г. он же санкционировал за такое же выступление исключение Ярошенко из партии. Если говорить языком документа, принятого 19 декабря 1956 г. ЦК, то Ярошенко осмелился на «критику основ политики партии».

Но пересечение судеб Хрущева и Ярошенко на этом не кончается. После XXII съезда партии Ярошенко был восстановлен в рядах партии. Он уже не мог работать, находился на пенсии, однако само восстановление его в рядах партии было бы невозможно без согласия Хрущева.

⁶ Его письмо от 20 марта 1952 г. было разослано той же весной членам Политбюро ЦК ВКП(б).

⁷ ПОСКРЕБЫШЕВ А.Н. (1891 — 1965) — член РСДРП с 1917 г., с 1922 г. инструктор и помощник Генерального секретаря, в 1928 — 1953 гг. заведующий особым сектором Секретариата ЦК партии и его секретным отделом, с 1952 г. секретарь Президиума и Бюро Президиума ЦК КПСС, с 1934 г. кандидат в члены и с 1939 г. член ЦК партии.

⁸ КАГАНОВИЧ М.М. (1888 — 1941) — член РСДРП с 1905 г., с 1921 г. находился на советской работе, с 1931 г. заместитель председателя ВСНХ и с 1932 г. заместитель наркома тяжелой промышленности СССР, с 1936 г. заместитель наркома и с 1937 г. нарком оборонной промышленности СССР, в 1939 — 1940 гг. нарком авиационной промышленности, с 1934 г. член ЦК и кандидат в члены Оргбюро ЦК ВКП(б). Покончил с собой.

СТАЛИН О СЕБЕ

Сталин в своих выступлениях всегда высоко отзывался о Ленине и себя называл ленинцем. В узком кругу лиц мне приходилось слышать его воспоминания о встречах с Лениным, его беседах с Лениным. Он рассказывал, какую позицию занимал Ленин по тому или другому вопросу, и всегда у него получалось так, что Ленин, узнав точку зрения Сталина, потом выступал с таким же положением, выдавая его за свое. То есть Сталин давал понять, что эти мысли он подбросил Ленину, а Ленин использовал их. Имели место случаи, когда нам просто неприятно было слушать это. Мы переглядывались, когда он явно выражал неуважение к Ленину.

Сталин в Октябрьскую революцию и в годы гражданской войны занимал, как тогда говорили, антиспецовскую, «спецеедскую» позицию недоверия к старым специалистам, которых Ленин, наоборот, призывал участвовать в созидательной работе, прежде всего в строительстве Красной Армии, потому что без офицеров нельзя построить настоящую армию. Тогда Вооруженные Силы возглавлял Троцкий. Естественно, Троцкий выполнял эту директиву Ленина и привлекал офицеров к работе. Сталин нам демонстрировал, называя конкретные случаи, как Троцкий рекомендовал вот такого-то офицера и прислал его в Царицын, а Сталин его не принял. Потом же тот оказался изменником и предателем¹.

Но ведь нужно знать то время. Тогда вообще было широко распространено недоверие к буржуазной интеллигенции, и отчасти это недоверие было оправдано. В первые дни революции интеллигенция, к сожалению, в большинстве не определила четко свою позицию и раскололась: часть эмигрировала, часть выжидала, часть саботировала, а некоторые активно включились в борьбу с Советской властью, организуя даже вооруженное сопротивление. Сначала немногие включились в новое дело. Поэтому в народе, особенно среди рабочих, было сильное «спецеедское», антиспецовское настроение, и партийным организациям приходилось очень много затрачивать усилий, чтобы сдерживать его.

К тому же очень сильной была уравнилельная тенденция. Это и понятно, потому что страна была разорена, рабочие жили хуже, чем при капитализме, голодали. Кроме того, рабочие находились под влиянием победы революции, и им представлялось, что тотчас люди станут жить лучше, чем раньше, потому что раз люди равны перед законом, то они должны уравниаться и в материальной обеспеченности. Наконец, когда наша партия назвала себя

коммунистической и мы приступили к строительству социализма, то многие считали, что средства потребления должны быть разделены между всеми, кто трудится. А тут вдруг советская власть выделила специалистов, дала им большие оклады², рабочие остались при прежних окладах или более низких, чем в прежнее время. Это подогревало «спецеество».

Специалисты имели раньше отдельные квартиры с коммунальными удобствами, рабочие же ничего этого не видели. Коммунальные услуги у них выражались в том, что воду, например, на некоторых рудниках и шахтах в Донбассе привозили в бочках, а на некоторых стояли распределительные колонки. Часто вода находилась на большом удалении, и рабочие месили грязь, идя за ней туда и обратно. На базар и специалисты, и жены их, и прислуга ездили на лошадях. Особенно против жен и прислуги злобное было настроение у рабочих. Ни одно их собрание не проходило без того, чтобы не поднимался этот вопрос. Не изменилось дело с коммунальными услугами и после победы революции.

В чем же дело? Большевики понимали, что надо привлечь буржуазных специалистов к работе, не только угрожая им, а и заинтересовывая. На первых порах это выражалось в том, чтобы в какой-то степени дать им привилегии, хотя бы и неполные, вроде тех, которые они имели при капитализме: сносные квартиры, средства передвижения и т. д. Главный инженер рудника имел пару лошадей, а инженер Гладовский, наш начальник мастерских, — одну лошадь с кучером. Это, конечно, не особенно-то жирное обеспечение. Но ведь рабочие, естественно, и этого не имели. К тому же то были враждебные элементы, представители буржуазного класса, слуги капитала. Так этот вопрос усложнялся, и партии было трудно вести борьбу с антиспецовскими настроениями. Тем не менее, иначе нельзя было привлечь специалистов к делу. А без специалистов, без инженерных знаний, знаний вообще, без науки нельзя построить новое общество, которое опирается именно на науку. Коммунизм — как раз такое общество. Его построение требует широких и глубоких знаний, умения организовать новое общество на основе науки, непреложного марксистско-ленинского учения. Иначе незачем говорить о коммунизме.

Прежде всего мы столкнулись с антиспецовскими настроениями в армии. В то время, как я уже говорил, Сталин был очень большим «спецеedom». И он поэтому рассказывал нам много эпизодов (я все сейчас не могу припомнить), которые как бы свидетельствовали против Ленина, потому что как раз Ленин выдвинул вопрос о привлечении спецов к построению социализма. Но это было

абсолютно правильно, в этом сказалась гениальность Ленина. В такой напряженный момент он призвал всех учиться у капиталистов, привлечь буржуазных специалистов и даже призвать их в армию. Он говорил, что надо дать им нужные права, приставив к ним комиссаров, но сохранить в армии единоначалие. Шутка сказать! Бывший офицер царской армии — и вдруг единоначальник в Красной Армии. Хотя при нем есть комиссар, воинские распоряжения-то отдает именно он. Когда я служил в Красной Армии, на этой почве тоже возникала масса недоразумений. Имелись поводы к недоверию, потому что случались и измена, и предательство, и бегство таких офицеров к белым.

Это естественный процесс. Шел отбор людей старого воспитания, отбор интеллигенции, воспитанной буржуазно-помещичьим строем. Их привлекли на сторону революции. Одни пошли под страхом, другие поверили в новое общество и хотели помочь ему, третьи — потому, что у них выхода не было: нужно было зарабатывать средства к существованию, четвертые — для того, чтобы получить возможность работать в хозяйстве или в учреждениях, с тем чтобы сознательно стать агентами старых хозяев и вредить социалистическому строю. Много было разных людей, а выбора у советской власти не было. Она вынуждена была привлекать специалистов, чтобы строить новое, без чего не было возможности двигаться вперед. Вот почему ленинская позиция была совершенно правильной.

Помню такой конкретный случай, когда Сталин прямо выражал неудовольствие Лениным. Когда Сталин, по его рассказу, находился в Царицыне, он поехал на хлебозаготовки и принимал тогда же меры по организации обороны Царицына. Туда вместе с 5-й армией отступил с Украины Ворошилов, и там они сошлись со Сталиным. Сталин рассказывал, что Ленин вызвал его в Москву с докладом о положении вещей. Потом Ленин ему говорит: «Батенька, я получил сведения, что вы там пьянствуете: сами пьете и других спаиваете. Нельзя это делать!» Сталин и не отрицал, что он там пил. В чем же дело? «Вот видите, кто-то ему наговорил. Это спецы наговорили, а он мне нотацию читал», — высказывался Сталин с явным неудовольствием. Мы между собой переговаривались: видимо, этот недостаток, от которого мы страдаем, работая под руководством Сталина, — давний порок. Он еще в те времена пьянствовал, Ленин это знал и предупреждал его.

Мне запало в душу, как Сталин рассказывал об одной своей ссылке. Не могу сказать сейчас точно, в каком году это происходило. Его сослали куда-то в Вологодскую губернию³. Туда вообще

много было выслано политических, но и много уголовных. Он нам несколько раз об этом рассказывал. Говорил: «Какие хорошие ребята были в ссылке в Вологодской губернии из уголовных! Я сошелся тогда с уголовными. Очень хорошие ребята. Мы, бывало, заходили в питейное заведение и смотрим, у кого из нас есть рубль или, допустим, три рубля. Приклеивали к окну на стекло эти деньги, заказывали вино и пили, пока не пропьем все деньги. Сегодня я плачу, завтра — другой, и так поочередно. Артельные ребята были эти уголовные. А вот «политики», среди них было много сволочей. Они организовали товарищеский суд и судили меня за то, что я пью с уголовными». Уж не знаю, какой там состоялся приговор этого товарищеского суда. Никто его об этом, конечно, не спрашивал, и мы только переглядывались. А потом обменивались мнениями: он еще в молодости, оказывается, имел склонность к пьянству. Видимо, у него это наследственное.

Сталин рассказывал о своем отце, что тот был сапожником и сильно пил. Так пил, что порою пояс пропивал. А для грузина пропить пояс — это самое последнее дело. «Он, — рассказывает Сталин, — когда я еще в люльке лежал маленьким, бывало, подходил, обмакивал палец в стакан вина и давал мне пососать. Приучал меня, когда я еще в люльке лежал». Об отце его не знаю, как сейчас в биографии Сталина написано. Но в ранние годы моей деятельности ходил слух, что отец его — вовсе не рабочий. Тогда придирались, кто какого происхождения. Если обнаруживалось нерабочее происхождение, то считался человеком второго сорта. И это было понятно. Самый революционный и самый стойкий — рабочий класс. Он выносил всю тяжесть борьбы на своих плечах и поэтому к другим классам и прослойкам общества, непролетарским, имел придирическое, не настороженное, а именно придирическое отношение. К таковым относились с большим недоверием.

Итак, говорили, что у Сталина отец был не просто сапожник, а имел сапожную мастерскую, в которой работало 10 или больше человек. По тому времени это считалось предприятием. Если бы это был кто-либо другой, а не Сталин, то его бы на партбилетах мурыжили бы так, что кости трещали. А тут находились объяснения обтекаемого характера. И все-таки люди об этом говорили. Я этот факт здесь просто припоминаю. Он не служит поводом для каких-нибудь особенных выводов, ибо не имеет никакого значения. Я просто рассказываю, как тогда относились к такого рода вопросам.

Помню также, как Сталин не раз рассказывал нам и о другой своей ссылке. Он попал в Туруханский край⁴ и жил в одной дерев-

не со Свердловым. Они сначала дружили, но потом, судя по его рассказам, было видно, что рассорились или разошлись. По крайней мере, перестали жить в одной крестьянской избе. Свердлов ушел оттуда, нашел себе квартиру и покинул Сталина. Сталин всегда говорил нам, что, когда они жили вместе, чалдоны, у которых они размещались в той деревне, считали, что главный — это Яшка, а не Рябой. Сталина называли Рябым, потому что у него лицо было изъедено оспой. Когда Яшка ушел на другую квартиру, они стали говорить: «Мы-то считали, что доктор главный, а оказывается, не доктор, а Рябой». Местные крестьяне называли Свердлова доктором. Он был раньше провизором и, видимо, оказывал какую-то помощь больным, какие-то были у него лекарства. Поэтому и шла о нем слава, что он доктор.

Сталин рассказывал: «Мы готовили себе обед сами. Собственно, там и делать-то было нечего, потому что мы не работали, а жили на средства, которые выдавала казна: на три рубля в месяц. Еще партия нам помогала. Главным образом мы промышляли тем, что ловили нельму. Большой специальности для этого не требовалось. На охоту тоже ходили. У меня была собака, я ее назвал Яшкой». Конечно, это было неприятно Свердлову: он Яшка и собака Яшка. «Так вот, — говорил Сталин, — Свердлов, бывало, после обеда моет ложки и тарелки, а я никогда этого не делал. Поем, поставлю тарелки на земляной пол, собака все вылизает, и все чисто. А тот был чистюля». Мы опять переглядывались. Мы сами прошли, кто — крестьянскую, кто — рабочую школу, и не были изнежены каким-то особым обслуживанием. Но чтобы не помыть ложку, тарелку или чашку, из которой ешь? Чтобы собака все вылизывала? Нас это удивляло.

Сталин много раз нам рассказывал об этом. И мы заранее знали, когда он начинал, как и что было и чем кончилась. Случались такие рассказы о его жизни в ссылках, о которых дети могли бы так сказать: «Дедушка, а может быть, ты врешь?». Мы-то привыкли, что на позднем этапе своей жизни, когда он уже плохо себя контролировал, многое выдумывал. Например, рассказывал такие вещи: «Пошел я раз на охоту. Взял ружье и пошел за Енисей. В том месте, где я жил, Енисей имел в ширину 12 верст. Я перешел Енисей на лыжах. Дело было зимой. Смотрю, на ветках сидят куропатки. (Я-то, признаться, не знаю, сидят ли куропатки на ветках? Имел я дело на охоте с куропатками, но всегда считал, что это — степная дичь и прячется в траве. Ну, не знаю. Как говорится, за что купил, за то и продаю.) Подошел. Стал стрелять. У меня было 12 патронов, а там сидели 24 куропатки. Я 12 убил, а осталь-

ные все сидят. Патронов больше нет. Я решил вернуться за патронами. Ушел назад, взял патроны и возвратился. А они все сидят». Тут я его даже переспросил: «Как, все, все сидят?» «Да, — отвечает, — все». Тут Берия ввернул какое-то замечание, поощряющее его рассказ. Он продолжает: «Я застрелил этих куропаток, взял веревку, привязал их к ней, а веревку привязал к поясу и поволок куропаток за собой».

Это мы слушали за обедом. Когда уходили и, готовясь уехать, заходили в туалет, то там буквально плевались: за зимний день он прошел 12 верст, убил 12 куропаток; вернулся — вот еще 12 верст; взял патроны, опять прошел 12 верст, снова застрелил куропаток — и назад. Это будет 48 километров на лыжах. Берия говорил мне: «Слюшай, как мог кавказский человек, который на лыжах очень мало ходил, столько пройти? Ну, брешет!» У нас ни у кого не было сомнения в этом. Зачем ему нужно было врать, трудно сказать. Имелась у него какая-то такая потребность. Но это была забавная брехня, которая, конечно, никакого вреда не принесла. Однако велись, конечно, и серьезные разговоры.

Потом я узнал, что Сталин, собственно говоря, и стрелять-то толком не умеет. Он взял как-то ружье, когда на ближней даче мы у него обедали, пошел разогнать воробьев и ранил чекиста, который его охранял. Один раз из-за его неумения обращаться с оружием у него за столом выстрелило ружье, и совершенно случайно он не убил тогда Микояна. Он сидел близко от него, выстрелом вырвало кусок земли и забросало песком и стол, и Микояна. Мы смотрели ошарашенные, никто ничего не сказал, но все были потрясены.

Сталин много говорил нам о Ленине. Он часто возмущался тем, что, когда Ленин лежал больной, а он повздорил с Крупской, Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился перед ней. Я сейчас точно не могу припомнить, какой возник повод для ссоры. Вроде бы Сталин прорывался к Ленину, а Надежда Константиновна охраняла Ильича, чтобы его не перегружать и не волновать его, как рекомендовали врачи. Или что-то другое. Сталин сказал какую-то грубость Надежде Константиновне, а она передала Ленину. Ленин потребовал, чтобы Сталин извинился. Я не помню, как поступил Сталин: послушался ли Ленина или нет. Думаю, что в какой-то форме он все-таки извинился, потому что Ленин иначе с ним не помирился бы.

Уже после смерти Сталина в секретном отделе мы наши конверт, а в нем лежала записка, написанная рукою Ленина. Ленин писал Сталину, что он нанес оскорбление Надежде Константинов-

не, которая является его другом, и требовал, чтобы тот извинился. Ленин писал, что если Сталин не извинится, то Ленин не будет считать его своим товарищем. Я был удивлен, что такая записка сохранилась. Наверное, Сталин забыл о ней. Сталин сильно не уважал Надежду Константиновну. Да он не уважал и Марию Ильиничну. Вообще очень плохо отзывался о них и не считал, что они представляли какую-то ценность для партии, что они сыграли какую-то роль в борьбе за дело партии, в достижении ею победы, какую одержала партия большевиков. Мне становилось очень не по себе, когда я слышал и видел, с каким неуважением относился Сталин к Надежде Константиновне еще при ее жизни.

Крупская выступала как-то на партконференции Бауманского района в 1930 г., когда началась борьба с «правым» уклоном — с Рыковым и Бухариным. Она защищала Бухарина и Рыкова, и против нее там выступил ряд делегатов. После этого ее «прорабатывали» без опубликования выступлений в печати по всем партийным ячейкам. Прорабатывали и Марию Ильиничну. О Марии Ильиничне нечего даже было особенно говорить, потому что она была большой приятельницей Бухарина. Бухарин являлся редактором газеты «Правда», а Мария Ильинична была в редакции секретарем. Бухарина в то время все звали Бухарчик. Его любили в партии, и о нем лестно отзывался еще Ленин. Он называл его обычно «наш Бухарчик». Это был видный теоретик, который написал по поручению Ленина книгу «Азбука коммунизма», и все коммунисты того времени приобщались к марксистско-ленинской науке через изучение этой азбуки. Ее изучал каждый, вступавший в партию.

Я был воспитан в партии как молодой коммунист с послеоктябрьским стажем. Привык смотреть на Ленина с уважением, как на вождя, а Надежда Константиновна — это неотделимая часть самого Ленина. Поэтому мне было горько смотреть на нее на партактивах. Бывало, придет дряхлая старушка, ее все сторонятся, потому что она была человеком, который не отражает партийной линии и к которому надо присматриваться, потому что он неправильно понимает политику партии и выступает против ряда ее положений. Теперь я анализирую все то, что делалось в то время, и думаю, что как раз она была в этих вопросах права. Но тогда все смешивалось в одну кучу, забрасывали грязью и Надежду Константиновну, и Марию Ильиничну.

Когда я работал уже в Московском комитете партии, Надежда Константиновна занималась разбором жалоб. Не помню, в каком учреждении она тогда работала. Но обиженные и угнетенные

партийцы приходили к ней с просьбами и присылали письма. Много недостатков имелось и в работе Моссовета. Тяжелые условия жизни были и у рабочих, и у служащих, и у интеллигенции. Они, если не находили выхода, обращались как к последнему прибежищу к Надежде Константиновне. Крупская сама тоже была во многом ограничена и не имела возможностей удовлетворить справедливые просьбы тех, которые обращались к ней за помощью. Поэтому она часто присылала их ко мне как к секретарю Московского комитета партии. К сожалению, даже я, занимая достаточно высокий пост, тоже был ограничен в возможностях по удовлетворению их запросов.

Общим недостатком были плохие жилищные условия. Шли с просьбами о квартирах. Каким-то сплошным кошмаром был этот квартирный вопрос⁵. Мы проводили индустриализацию, строили новые заводы и фабрики, но при этом, как правило, совершенно не учитывалось увеличение численности рабочих в Москве. Жилья строилось минимальное количество. Сколько-то домов, которые возводились, не восполняли даже амортизационных разрушений.

И вот Надежда Константиновна присылала жалобщиков ко мне, а я, что мог, делал, а потом отвечал ей, что мною сделано, или же отвечал, что мы бессильны. Иногда я лично встречался с ней, так что она меня знала как секретаря Московского комитета партии. Она правильно понимала, что я тот человек, который выражает в столице генеральную линию партии, и ко мне она относилась соответственно. Видимо, полагала, что я есть продукт последнего, сталинского поколения. Таково мое мнение. Так я думаю за Надежду Константиновну. Впрочем, так это и было. Я действительно был предан генеральной линии партии, ее Центральному Комитету и Сталину как нашему вождю, как руководителю страны, и считал, что все, что у нас делается, все, о чем говорит Сталин, — правильно, гениально, и надо это проводить в жизнь. И я делал все, что от меня зависело, чтобы это претворялось в жизнь.

Однако человеческие чувства проявляются даже при таком положении. Поэтому я раздваивался, когда Надежда Константиновна попадала в сферу партийного огня. Мне было ее жалко. Сталин в узком кругу объяснял нам, что она вовсе не была женою Ленина. Он иной раз выражался о ней довольно свободно. Уже после смерти Крупской когда он вспоминал об этом периоде, то говорил, что, если бы дальше так продолжалось, мы могли бы поставить под сомнение, что она являлась женою Ленина; говорил, что могли бы объяснить, что другая женщина была женою Ленина, и называл довольно

уважаемого в партии человека. Та женщина и сейчас жива, поэтому я не упоминаю ее имени. Я не могу быть судьей в таких вопросах, а просто считаю, что тут налицо одно из проявлений неуважения к Ленину. Это именно не клевета, а неуважение к Ленину.

Ничего святого у Сталина не было. Даже самого Ленина, даже его имени не щадил. Сталин нигде не выступал с этим, но в узком кругу позволял себе говорить такое. И он не просто так болтал: он хотел тем самым повлиять на нашу психику, на наше сознание, расшатать безграничную любовь к Ленину, чтобы еще больше укрепить собственное положение вождя и первого мыслителя нашей партии и нашей эпохи. Сталин очень осторожно вкрапывал в сознание людей, которые находились в его окружении, мысль, что Сталин вовсе не такого мнения о Ленине, как он публично говорит о том и как пишут об этом.

Тут я должен вернуться к рассказу о Кагановиче. Больше всего меня возмущало, да и не только меня, но и других, поведение Кагановича. Это был холуй. У него сразу поднимались ушки на макушке, и тут он начинал подличать. Бывало, встанет, горло у него зычное, сам мощный, тучный, и рокошет: «Товарищи, пора нам сказать правду. Вот в партии все говорят: Ленин, ленинизм. А надо говорить так, как оно есть, какая существует ныне действительность. Ленин умер в 1924 году. Сколько лет он проработал? Что при нем было сделано? И что сделано при Сталине? Сейчас настало время дать всем лозунг не ленинизма, а сталинизма». Когда он об этом распространялся, мы молчали. Стояла тишина.

Сталин первым вступал в полемику с Кагановичем: «Вы что говорите? Как вы смаете так говорить?» Но произносилось это тоном, поощряющим как бы возражения Сталину. В народе хорошо известен этот прием. Когда мать идет в другую деревню в гости и хочет, чтобы ее девочка или мальчонка пошли с ней, чтобы их там покормили, она кричит: «Не ходи, не ходи, чертенок!» и грозит ему пальцем. А когда никто не видит, манит его: «Иди за мной, иди». Он и бежит за ней. Я сам наблюдал такие картины в деревне. Сталин тоже начинал разносить Кагановича, что это он такое себе позволяет. Но видно было, что сказанное ему нравится. Сталин обычно возражал Кагановичу такими словами: «Что такое Ленин? Каланча. Что такое Сталин? Палец». А иной раз приводил такие сравнения, которые ни в какие записи не вмещаются!

Я много раз слышал повторение таких сравнений и бурное реагирование на сталинские утверждения со стороны Кагановича, которого это еще больше подогревало, и он настойчиво повторял свое, потому что видел, что у Сталина явно ложное возмущение.

В этом Каганович был большой мастер. Он чувствовал, что Сталину нравится, а что — нет. Вплоть до самой смерти Сталина все чаще возникал такой «спор» Кагановича со Сталиным. Никто из нас не вмешивался в этот спор. Думаю, что если бы Сталин официально согласился с Кагановичем и были бы предприняты шаги по смещению Ленина с прежнего пьедестала и постановки на него Сталина с заменой ленинизма сталинизмом, то никто бы не возразил. Хотя я убежден, что все внутренне возмущались бы.

Но Сталин чувствовал, что хотя все молчат, однако не поддерживают Кагановича. Сталин, безусловно, выделял Кагановича и считал, что именно он правильно оценивает роль и исторические заслуги Сталина. Не знаю, результат ли это старческого упадка сил и ослабленной мозговой деятельности Сталина или же это ослабление сдерживающих центров. Если раньше Сталин подавлял в себе такие мысли, то теперь они стали набирать силу, а Каганович хотел это ловко использовать. Однако этого не произошло. И очень хорошо, что не произошло.

Чтобы лучше понимать, в какой обстановке выслушивали мы, члены Политбюро, сталинские откровения, полезно будет заметить кое-что о самой этой обстановке, так как от этого во многом зависело восприятие нами сталинских слов.

В последние годы жизни у Сталина развился какой-то страх. Это я замечал по многим признакам. Например, когда мы ехали из Кремля после просмотра кинокартин на «ближнюю» дачу, то стали вдруг петлять по улицам и переулкам Москвы, пока проезжали довольно короткое расстояние от Кремля до западной дуги Москвы-реки и еще не выехали за Москву-реку. В машину со Сталиным обычно садились Берия и Маленков, а остальные рассаживались по своему выбору. Я чаще всего садился в одну машину с Булганиным.

Я спрашивал потом тех, кто садился со Сталиным: «Чего вы петляли по переулкам?» Они отвечали: «Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы». Он, видимо, имел при себе план Москвы и намечал маршрут, и когда выезжали, то говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать так-то, выехать туда-то. Не надо быть умным, чтобы догадаться, что это он принимал меры, чтобы ввести в заблуждение врагов, которые могли бы покушаться на его жизнь. Он даже охране заранее не говорил, каким поедет маршрутом, и каждый раз менял маршруты. Чем это было вызвано? Недоверием ко всем и страхом за свою жизнь.

Потом мы злословили между собой, когда приезжали на «ближнюю» дачу, что там в дверях и воротах усиливались запоры. Появ-

лялись всякие новые задвижки, затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена электрическая сигнализация и имеются прочие средства охраны? Мы считали, впрочем, что это все правильно: Сталин занимал такое положение, что для врагов советского строя был весьма «привлекательной» фигурой. Тут шутить было нельзя, хотя и подражать ему было бы тоже вредно. Тогда в Кремль никого из обычных граждан не пускали. Кремль был недоступен. То же самое можно сказать и о правительственных ложах в театрах. Абсолютно ни для кого они не были доступны, кроме тех лиц, которые шли туда вместе со Сталиным. Туда, где он сидел, никто и не входил без Сталина. И там тоже принимались все меры предосторожности.

Я был раз свидетелем такого факта. Сталин пошел в туалет. А человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин, выйдя из туалета, набросился при нас на этого человека и начал его распекать: «Почему вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так и должны охранять, а вы тут сидите, развалившись». Тот оправдывался: «Товарищ Сталин, я же знаю, что там нет дверей. Вот тут есть дверь, так за нею как раз и стоит мой человек, который несет охрану». Но Сталин ему грубо: «Вы со мной должны ходить». Но ведь это невероятно, чтобы тот ходил за ним в туалет. Значит, Сталин даже в туалет уже боялся зайти без охраны. Это, конечно, результат работы больного мозга. Человек сам себя запугал. Но тут, видимо, и Берия руку приложил.

Сталин с Берией изощрались в убийствах людей, придумывали для того невероятные способы. Вот он и переносил все на себя: почему к нему не могут применить такие же методы люди, которые захотят его сжить со света? Думаю, что это его начало терзать. Его терзали те действия, которые он применял к людям, к которым он относился с недоверием. И все они были «враги народа». Слишком это вольное толкование, кто враг, а кто не враг. К сожалению, так было. И сейчас все это еще недостаточно разоблачено и заклеимено. Еще не разработаны те меры, которые могли бы послужить средствами предупреждения, чтобы такого не повторилось.

Так протекала жизнь в последние годы бытия Сталина. Я уже рассказывал, как он за обедом буквально ни одного блюда не мог откусать, если при нем кто-либо из присутствующих его не попробовал. У нас имелись излюбленные блюда, и повара хорошо их готовили. Харчо было очень вкусное. Его брали все подряд, и тут уж Сталин не сомневался. А что касается закусок, которые сто-

яли на столе, то он выжидал, когда кто-то попробует. Выждет какое-то время и тогда сам тоже берет. Человек уже довел себя до крайности и людям, которые его обслуживали годами и были, безусловно, преданы ему, не доверял. Никому не доверял!

Под Новый год особенно все шло, как заведенная машина. Если же он нас вообще не вызывает день-два, то мы считали, что со Сталиным что-то случилось. Видимо, он заболел. Он страдал от одиночества, тяготился оставаться без людей, ему нужны были люди. Когда он просыпался, то сейчас же вызывал нас по телефону, или приглашал в кино, или заводил какой-то разговор, который можно было решить в две минуты, а он его искусственно растягивал. Когда он нас приглашал к себе, то не всегда случалось пустое времяпрепровождение. Другой раз решались важные государственные и партийные вопросы. Но на это уходил небольшой процент времени, а потом требовалось как-то занять Сталина, чтобы он не страдал, не тяготился одиночеством, не боялся его.

Берия же все резче и резче проявлял в узком кругу лиц неуважение к Сталину. Более откровенные разговоры он вел с Маленковым, но случалось, и в моем присутствии. Иной раз он выражался очень оскорбительно в адрес Сталина. Признаюсь, меня это беспокоило. Такие выпады против Сталина со стороны Берии я рассматривал как провокацию, как желание втянуть меня в эти антисталинские разговоры с тем, чтобы потом выдать меня Сталину как антисоветского человека и «врага народа». Я уже видел раньше вероломство Берии и поэтому слушал, ушей не затыкал, но никогда не ввязывался в такие разговоры и никогда не поддерживал их. Несмотря на это, Берия продолжал в том же духе. Он был более чем уверен, что ему ничто не угрожает. Он, конечно, понимал, что я неспособен сыграть роль доносчика. К тому же я знал, что Сталин и Берия значительно ближе, чем Сталин и Хрущев. Милые бранятся — только тешатся. Два кавказца между собой легче договорятся. И я думал, что тут провокация, желание втянуть меня в разговоры, чтобы потом выдать и уничтожить. Это провокационный метод поведения. А Берия был на это мастер, он был вообще способен на все гнусное. Булганин тоже слышал такие разговоры, и думаю, что Булганин тоже правильно понимал их.

Не знаю, насколько Берия позволял себе такие выражения в присутствии Молотова и Ворошилова. В присутствии Кагановича он, безусловно, этого не делал, потому что он Кагановича ненавидел и опасался, что тот все передаст Сталину. Каганович и сам обладал гнусным характером, но другим, подхалимским. Мы порою одергивали Кагановича, когда он нападал на Ворошилова

или Молотова, когда почувствовал, что они потеряли доверие у Сталина и можно лежать лежащих. Это безопасно. А раз безопасно, значит можно. Другой морали у него не было. Он уважал только того, от кого зависел и кто мог нанести ему удар.

Я подошел вплотную к последним дням жизни Сталина. Наверное, начну рассказ с того последнего дня, когда мы были у еще живого Сталина. Мы потом разъехались и больше с ним здоровым не встретились. А приехали, когда были вызваны известием, что он заболел, и провели с ним последние часы его болезни. Мы у него проводили время в последний субботний вечер, и он был в хорошем настроении, казался нам здоровым, и внешне ничто не вызывало какой-либо тревоги относительно такого конца, который наступил уже к утру. А сейчас скажу сразу, что как-то в последние недели жизни Сталина мы с Берией проходили мимо двери его столовой, и он показал мне на стол, заваленный горою нераспечатанных красных пакетов. Видно было, что к ним давно никто не при­трагивался. «Вот тут, наверное, и твои лежат», — сказал Берия. Уже после смерти Сталина я поинтересовался, как поступали с такими бумагами. Начальник охраны Власик ответил: «У нас был специальный человек, который потом вскрывал их, а то так оставлять неудобно, а мы отсылали содержимое обратно тем, кто присылал».

¹ Речь идет о так называемом заговоре генерала Носовича. В 30-е годы в предательстве был обвинен и репрессирован видный военный специалист СССР, истинный организатор обороны Царицына летом 1918 г., бывший царский генерал-лейтенант, военрук и командующий войсками Северо-Кавказского военного округа в мае — июле 1918 г. Снесарев А.Е. (1865 — 1937).

² В развернутом виде эта идея впервые охарактеризована Лениным В.И. в апреле 1918 г. (брошюра «Очередные задачи Советской власти». Полн. собр. соч., т. 36).

³ С марта 1908 г. по июнь 1909 г. он находился в ссылке в г. Сольвычегодск, Вологодской губернии.

⁴ В Туруханском крае он находился с февраля 1913 г. по февраль 1917 г.

⁵ Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., в Московской губернии с городами 38% рабочих семей не имели отдельных комнат и занимали часть комнат. В 1932 г. население Москвы увеличилось до 3,6 млн. человек. Жилищное строительство резко отставало от этого роста. Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 25 марта 1932 г. предусматривалось возведение в двухлетний срок домов в первую очередь для специалистов, ученых, инженеров и техников в крупных городах, причем всего на 11 800 квартир. Большинство из 56 280 московских домов в начале 30-х годов находилось в запущенном состоянии. Сдвиги обозначились к концу 1934 г., когда около 0,5 млн. москвичей въехали в новые или отремонтированные квартиры.

СМЕРТЬ СТАЛИНА

В феврале 1953 г. Сталин внезапно заболел. Как это случилось? Мы все были у него в субботу. Происходило это после XIX съезда партии, когда Сталин уже «подвесил» судьбу Микояна и Молотова. На первом же Пленуме после съезда он предложил создать вместо Политбюро Президиум ЦК партии в составе 25 человек и назвал поименно многих новых людей. Я и другие прежние члены Политбюро были удивлены, как и кем составлялся этот список? Ведь Сталин не знал этих людей, кто же ему помогал? Я и сейчас толком не знаю. Спрашивал Маленкова, но он ответил, что сам не знает. По своему положению Маленков должен был принимать участие в формировании Президиума, подборе людей и составлении списка, но не был к тому допущен. Может быть, это сделал сам Сталин? Сейчас я по некоторым признакам предполагаю, что он при подборе новых кадров воспользовался помощью Кагановича. Внутри Президиума действовало более узкое Бюро. Президиум фактически и не собирался, все вопросы решало Бюро. Это Сталин выдумал такую, совершенно неуставную форму: никакое Бюро не было предусмотрено в уставе партии.

Для чего Сталин создал Бюро Президиума? Ему было, видимо, неудобно сразу вышибать Молотова и Микояна, и он сделал расширенный Президиум, а потом выбрал Бюро узкого характера. Как он сказал, для оперативного руководства. И туда ни Молотова, ни Микояна не ввел, то есть «подвесил» их. Я убежден, что если бы Сталин прожил еще какое-то время, то катастрофой кончилась бы жизнь и Молотова, и Микояна. Вообще же сразу после XIX съезда партии Сталин повел политику изоляции Молотова и Микояна, не приглашал их никуда, ни на дачу, ни на квартиру, ни в кино, куда мы прежде ходили вместе.

Но Ворошилов был избран в Бюро Президиума. Характерно для Сталина, что как-то, когда мы сидели у него за затянувшейся трапезой, он вдруг говорит: «Как пролез Ворошилов в Бюро?». Мы не смотрим на него, опустили глаза. Во-первых, что за выражение «пролез»? Как это он может «пролезть»? Потом мы сказали: «Вы сами его назвали, и он был избран». Больше Сталин эту тему не развивал. Однако его заявление понятно, потому что Ворошилова еще до XIX съезда он не привлекал к работе как члена Политбюро: никакого участия тот в заседаниях не принимал, документов не получал. Сталин же говорил нам в узком кругу, что подозревает Ворошилова как английского агента. Невероятные,

конечно, глупости. А Молотова он как-то «заподозрил» в моем присутствии. Я находился на даче у Сталина, кажется, в Новом Афоне. И вдруг ему взбрело в голову, что Молотов является агентом американского империализма, проданся американцам, потому что ездил, будучи по делам в США, в железнодорожном салон-вагоне. Значит, имеет свой вагон, проданся! Мы разъясняли, что у Молотова никаких своих вагонов не могло быть, там все принадлежит частной железнодорожной компании. Вот какие затмения находили уже на Сталина в последние месяцы его жизни.

И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедемте, покушаем на ближней даче». Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеда». Сталин был навеселе, в очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил, замахнулся, вроде бы пальцем, и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Распрощались мы и разъехались.

Мы уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеда кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам. Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти никогда не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

Вдруг звонит мне Маленков; «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут 15. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?» Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в 11 вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Посла-

ли мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет проработавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы посчитали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы разъехались по домам.

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей. Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи. Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского¹. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите, как следует».

Лукомский заявил, что правая рука у Сталина не действует. Парализована также левая нога, и он не в состоянии говорить. Состояние тяжелое. Тут ему сразу разрежали костюм, переодели и перенесли в большую столовую, положили на кушетку, где он спал и где побольше воздуха. Тогда же решили установить рядом с ним дежурство врачей. Мы, члены Бюро Президиума, тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия и Маленков вдвоем дежурят, Каганович и Ворошилов, я и Булганин. Главными «определяющими» были Маленков и Берия. Они взяли для себя дневное время, нам с Булганиным выпало ночное. Я очень волновался и, признаюсь, жалел, что можем потерять Сталина, который оставался в крайне тяжелом положении. Врачи сказали, что при таком заболевании почти никто не возвращался к

труду. Человек мог еще жить, но что он останется трудоспособным, маловероятно: чаще всего такие заболевания непродолжительны, а кончаются катастрофой.

Мы видели, что Сталин лежит без сознания и не сознает, в каком он состоянии. Стали кормить его: с ложечки давали бульон и сладкий чай. Распоряжались там врачи. Они откачивали у него мочу, он же оставался без движения. Я заметил, что при откачке он старался как бы прикрыться, чувствуя неловкость. Значит, что-то сознает. Днем (не помню, на какой именно день его заболевания) Сталин пришел в сознание. Это было видно по выражению его лица. Но говорить он не мог, а поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал жать нам руки. Я ему подал свою, и он пожал ее левой рукой, правая не действовала. Пожатием руки он передавал свои чувства. Тогда я сказал: «Знаете, почему он показывает нам рукой? На стене висит вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Там девочка кормит из рожка ягненка. А мы поим товарища Сталина с ложечки, и он, видимо, показывая нам пальцем на картину, улыбается: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок».

Как только Сталин свалился, Берия в открытую стал пылать злобой против него. И ругал его, и издевался над ним. Просто невозможно было его слушать! Интересно впрочем, что как только Сталин пришел в чувство и дал понять, что может выздороветь, Берия бросился к нему, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда же Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся на ноги и плюнул на пол. Вот истинный Берия! Коварный даже в отношении Сталина, которого он вроде бы возносил и боготворил.

Наступило наше дежурство с Булганиным. Мы и днем с ним приезжали на дачу к Сталину, когда появлялись профессора, и ночью дежурили. Я с Булганиным тогда был больше откровенен, чем с другими, доверял ему самые сокровенные мысли и сказал: «Николай Александрович, видимо, сейчас мы находимся в таком положении, что Сталин вскоре умрет. Он явно не выживет. Да и врачи говорят, что не выживет. Ты знаешь, какой пост наметил себе Берия?». — «Какой?». Он возьмет пост министра госбезопасности (в ту пору Министерства государственной безопасности и внутренних дел были разделены). Нам никак нельзя допустить это. Если Берия получит госбезопасность — это будет начало нашего конца. Он возьмет этот пост для того, чтобы уничтожить всех нас. И он это делает!»

Булганин сказал, что согласен со мной. И мы стали обсуждать, как будем действовать. Я ему: «Поговорю с Маленковым. Думаю, что Маленков такого же мнения, он ведь должен все понимать. Надо что-то сделать, иначе для партии будет катастрофа». Этот вопрос касался не только нас, а всей страны, хотя и нам, конечно, не хотелось попасть под нож Берии. Получится возврат к 1937 — 1938 годам, а может быть, даже похуже. У меня имелись сомнения: я не считал Берию коммунистом и полагал, что он просто пролез в партию. У меня маячили в сознании слова Каминского, что во время гражданской войны, когда англичане оккупировали Баку, он был агентом их контрразведки; что это волк в овечьей шкуре, влезший в доверие к Сталину и занявший высокое положение. Сам Сталин тяготился им. Мне казалось, что были дни, когда Сталин боялся Берии.

На подобные мысли наталкивал меня и такой инцидент, хочу о нем рассказать. Как-то сидели мы у Сталина. Вдруг он смотрит на Берию и говорит: «Почему сейчас у меня окружение целиком грузинское? Откуда оно взялось?». Берия: «Это верные вам, преданные люди». — «Но отчего это грузины верны и преданы? А русские, что, не преданы и не верны, что ли? Убрать!». И моментально как рукой сняло этих людей. Берия был способен через своих людей сделать со Сталиным то, что проделывал с другими людьми по поручению того же Сталина: уничтожать, травить и прочее. Поэтому Сталин, видимо (если рассуждать за него), считал, что Берия способен сделать то же самое и с ним. Значит, надо убрать окружение, через которое Берия имеет доступ и в покои, и к кухне. В те дни Берия ходил как побитый.

Но Сталин не понимал по старости, что тогдашний нарком госбезопасности Абакумов² докладывает ему обо всем уже после того, как доложит Берии и получит указания, как сообщить Сталину. Сталин думал, что он выдвинул свежего человека и тот делает только то, что велит Сталин. В ту же сторону раскрутилось «мингрельское дело». Сталин продиктовал тогда решение (и оно было опубликовано), что мингрелы связаны с турками, что среди них есть лица, которые ориентируются на Турцию. Конечно, чепуха! Я считаю, что тут имела место акция, направленная Сталиным против Берии, потому что Берия — мингрел. Таким образом, он готовил удар против Берии. Тогда много было произведено арестов, но Берия ловко вывернулся: влез в это дело как «нож Сталина» и сам начал расправу с мингрелами. Бедные люди. Тащили их тогда на плаху, как баранов.

Существовали и другие факты, которые свидетельствовали о

вероломстве Берии, о недоверии Сталина к Берии. Итак, поговорили мы обо всем с Булганиным, кончилось наше дежурство, и я уехал домой. Хотел поспать, потому что долго не спал на дежурстве. Принял снотворное, лег. Только лег, но еще не уснул, услышал звонок. Маленков: «Срочно приезжай, у Сталина произошло ухудшение. Выезжай срочно!» Я сейчас же вызвал машину. Действительно, Сталин был в очень плохом состоянии. Приехали и другие. Все видели, что Сталин умирает. Медики сказали нам, что началась агония. Он перестал дышать. Стали делать ему искусственное дыхание. Появился какой-то огромный мужчина, начал его тискать, совершать манипуляции, чтобы вернуть дыхание. Мне, признаться, было очень жалко Сталина, так тот его терзал. И я сказал: «Послушайте, бросьте это, пожалуйста. Умер же человек. Чего вы хотите? К жизни его не вернуть». Он был мертв, но ведь больно смотреть, как его треплют. Ненужные манипуляции прекратили.

Как только Сталин умер, Берия тотчас сел в свою машину и уехал в Москву с «ближней» дачи. Мы решили вызвать туда всех членов Бюро или, если получится, всех членов Президиума ЦК партии. Точно не помню. Пока они ехали, Маленков расхаживал по комнате, волновался. Я решил поговорить с ним. «Егор, — говорю, — мне надо с тобой побеседовать». «О чем?» — холодно спросил он. «Сталин умер. Как мы дальше будем жить?» — «А что сейчас говорить? Съедутся все, и будем говорить. Для этого и собираемся». Казалось бы, демократический ответ. Но я-то понял по-другому, понял так, что давно уже все вопросы оговорены им с Берией, все давно обсуждено. «Ну, ладно, — отвечаю, — поговорим потом».

Вот собрались все. Тоже увидели, что Сталин умер. Приехала и Светлана. Я ее встретил. Когда встречал, сильно разволновался, заплакал, не смог сдержаться. Мне было искренне жаль Сталина, его детей, я душою оплакивал его смерть, волновался за будущее партии, всей страны. Чувствовал, что сейчас Берия начнет править всем. А это — начало конца. Я не доверял ему, не считал уже его коммунистом. Я считал его способным на все, быстрым на расправу мясником и убийцей.

И вот пошло распределение «портфелей». Берия предложил назначить Маленкова председателем Совета Министров СССР с освобождением его от обязанностей секретаря ЦК партии. Маленков предложил утвердить своим первым заместителем Берию и слить два министерства, госбезопасности и внутренних дел, в одно Министерство внутренних дел, а Берию назначить министром. Я молчал. Молчал и Булганин. Тут я волновался, как бы Булганин не выскочил не вовремя, потому что было бы непра-

вильно выдать себя заранее. Ведь я видел настроение остальных. Если бы мы с Булганиным сказали, что мы против, нас бы обвинили большинством голосов, что мы склочники, дезорганизаторы, еще при неостывшем трупе начинаем в партии драку за посты. Да, все шло в том самом направлении, как я и предполагал.

Молотова тоже назначили первым замом предсовмина. Кагановича — замом. Ворошилова предложили избрать председателем Президиума Верховного Совета СССР, освободив от этой должности Шверника. Очень неуважительно выразился в адрес Шверника Берия: сказал, что его вообще никто в стране не знает. Я видел, что тут налицо детали плана Берии, который хочет сделать Ворошилова человеком, оформляющим в указах то, что станет делать Берия, когда начнет работать его мясорубка. Меня Берия предложил освободить от обязанностей секретаря Московского комитета партии с тем, чтобы я сосредоточил свою деятельность на работе в ЦК партии. Провели мы и другие назначения. Приняли порядок похорон и порядок извещения народа о смерти Сталина. Так мы, его наследники, приступили к самостоятельной деятельности по руководству государством и партией.

¹ ЛУКОМСКИЙ П.Е. (1899 — 1976) — видный терапевт, профессор, зав. кафедрами ряда медицинских институтов, академик АМН СССР с 1963 г., заслуженный деятель науки РСФСР с 1967 г., Герой Социалистического Труда с 1969 г., главный редактор журнала «Кардиология» с 1966 г.

² АБАКУМОВ В.С. (1908-1954) — член ВКП(б) с 1930 г., работал в НКВД с 1932 г., в 1946-1951 гг. министр государственной безопасности СССР, в июне 1951 г. исключен из партии, расстрелян согласно решению Военной коллегии Верховного суда СССР от 19.XII.1954 г. по уголовному делу Абакумова и его подчиненных Леонова А.Г., Комарова В.И., Лихачева М.Т., Чернова И.А. и Бровермана Я.М.

МОИ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАЛИНЕ

Часто знакомые, товарищи или случайно встреченные мною люди, заводя беседу, спрашивают, пишу ли я мемуары. Я обычно отвечаю: «Нет». Они выражают сожаление и упрекают меня: мол, такие воспоминания будут очень нужны в будущем,

чтобы лучше и глубже разобраться в жизни страны, партии, народа в тот период, когда я жил, работал, многие годы был близок к руководству, а потом входил в это руководство. Раньше, может быть, я этого не понимал и не брался за это дело. Но, видимо, люди все-таки правы, и я кое-что хочу записать дополнительно к рассказанному мною выше. Здесь я поставлю вопрос о Сталине в общей форме.

Многие спрашивают о Сталине как о человеке: и о его привычках, и о его стиле руководства. В головах ряда граждан царит путаница в вопросе о Сталине, потому что о нем говорят и доброе, и дурное. Так было и так будет, вероятно, со многими историческими личностями. Тем более что и в самой жизни у Сталина переплелось и то, и другое. Требуется разделение! И вот я хочу высказать свое мнение об общей роли Сталина во второй мировой войне и о значении его руководства страной в тот период, а также ответить на трудный вопрос, что произошло бы, если бы Сталина вовсе не было. Этот вопрос самый тяжелый, и не только потому, что случившееся не переделаешь, но и потому, что не найдется судьи, который определил бы на точных весах, кто прав и кто не прав. Мои выводы основываются на длительном и тесном общении со Сталиным и перед началом войны, и во время войны, и после нее. Я мог наблюдать, как менялись с течением времени поведение Сталина, его оценка различных событий и своих действий, своей роли в войне. Я видел и слышал, как он поступал, что говорил в период поражений и в период побед.

Некоторые люди реагируют в первую очередь на то обстоятельство, что Сталин сделал много злого для партии и для народа, уничтожил много честных людей, даже героических, преданных делу партии, активных участников строительства социализма. А некоторые люди утверждают, что хотя это верно, но все-таки в той большой войне мы одержали победу главным образом потому, что нами руководил именно Сталин, а если бы не Сталин, то неизвестно, смогли бы мы справиться с врагом и победить его. С последней точкой зрения я никак не могу согласиться, независимо даже от моего взгляда на Сталина, независимо от того, каков Сталин и какую он сыграл роль в организации отпора врагу, в разгроме гитлеровских полчищ. Независимо ни от чего не смогу согласиться с таким истолкованием событий потому, что это — рабская точка зрения.

Только рабам, которые не могут подняться с колен и взглянуть дальше головы господина, обязательно нужен кто-то, кто думал

бы за них, все организовывал за них, на кого можно свалить в случае несчастья вину и кому можно приписать при удаче успехи. Это рабская психология. Она не только абсолютно несостоятельна, но и очень опасна. Это вообще не марксистская и не научная, а обывательская философия. Достаточно напомнить, что Сталин умер, а жизнь, борьба не прекратились, продолжают, общество меняется, развивается, не стоит на месте.

Если начнется новая мировая война, то она будет еще более кровопролитной и потребует большего количества жертв, такого, которое трудно даже вообразить, потому что война требует жертв в геометрической прогрессии в соответствии с периодом, когда она ведется, и с вооружением, которым обладают армии. Сейчас вооружение атомное, ракетное. Одни потери имели место, когда люди сходились врукопашную и били один другого дубинками, позднее — копьями и секирами. Когда появились винтовки и пулемет, вообще скорострельное оружие, война потребовала гораздо больших жертв, потому что средства истребления стали более совершенными. Когда появились самолеты и авиабомбы, многие считали, что теперь война стала немыслимой, столько она потребует человеческих жизней! Но нет, разразилась очередная война, и в ней погибли десятки миллионов людей. Один Советский Союз потерял свыше 20 миллионов человек.

Если же начнется ракетно-ядерная война, то трудно даже сейчас себе представить, во что она выльется. Это будет не фронтовая война, то есть армии не будут стоять одна против другой. Война будет вестись и в глубоком тылу, на всей территории стран, охваченных ею, потому что сейчас доставка средств истребления уже не ограничена пространством, и можно обстреливать и уничтожить буквально весь земной шар.

Как же нам быть без Сталина? Кто теперь будет думать о нас? Кто станет организовывать армию, страну, промышленность? Ясно, что это — глупые рассуждения. Народ был и остается главной силой. Конечно, роль личностей в истории человечества, включая организацию обороны, велика. Но обожествлять кого бы то ни было нельзя. И не только потому, что это извращает верную оценку, но и потому, что это размагничивает массы, притупляет их волю к победе, сковывает инициативу. Нет героя, он исчез, и что же, мы погибли? Конечно, это неправильно. Недаром поется: «Добьемся мы освобождения своею собственной рукой». Если загородиться, как щитом, каким-то героем, а потом, лишившись этого героя, вроде как обречь себя на гибель, то это будет просто вредно.

И все же, какой была роль Сталина, положительной или нет? При всей субъективной направленности его действий она была положительной в том смысле, что он оставался марксистом в основных подходах к истории, был человеком, преданным марксистской идее, все делал, что было в его силах, для победы дела рабочего класса, трудового народа, в данном случае — для разгрома гитлеровских орд. Таково было его субъективное желание. Иной вопрос, как он для этого поступал практически. Чем обернулись для страны его реальные поступки, я уже говорил. Тут и истребление командного состава, и истребление ядра большевистской партии. Уничтожены были прежде всего старые большевики ленинского поколения. Это ослабило или усилило нашу страну? Безусловно, ослабило.

После уничтожения того передового ядра людей, которое выковалось в царском подполье под руководством Ленина, развернулось далее повальное истребление руководящих партийных, советских, государственных, научных и военных кадров, а также миллионов рядовых людей, чей образ жизни и чьи мысли Сталину не нравились. Кто их истреблял? Сталин. Почему? Он считал, что это делается во имя идей партии, во имя нового общества. Он не доверял всем этим людям. Некоторые из них, конечно, перестали поддерживать его, когда увидели, куда он нас тащит. Сталин понял, что есть большая группа лиц, настроенных к нему оппозиционно.

Оппозиционные настроения — это еще не значит антисоветские, антимарксистские, антипартийные настроения. Нет, просто эти люди хотели замены Сталина в руководстве. Но этого хотел еще Ленин. Следовательно, это не антиленинцы, а люди, которые стояли на позициях Ленина, считая, что Сталин по своему характеру не может долее пребывать на прежнем посту и его следует заменить. Коммунисты, которые на XVII съезде партии проголосовали против Сталина, хотели выполнить именно то, что Ленин рекомендовал в своем завещании.

Сталин уничтожил их. Почему? Потому что он себя считал незаменимым, тем единственным человеком, который действительно является марксистом и имеет право на руководство страной. Добавлялась также его неумная жажда власти. Но это как раз и есть те черты характера, о которых говорил Ленин в предсмертном завещании: способность злоупотреблять самой властью. И Сталин злоупотребил властью во вред Советскому Союзу и коммунистам во всем мире. Он нанес удар по марксистско-ленинским кадрам не только внутри своей страны, но и по братским парти-

ям, по Коминтерну, по всем, кого он подозревал, что они могут сочувствовать несогласным с ним. И они тотчас стали анитимарксистами, контрреволюционерами и «врагами народа».

Он выдумал и продвинул в жизнь такое пугало, и оно сыграло свою роль. Враги народа! Вредители! Он запугал и запутал людей, которые беспредельно верили ему, верили, что он делает все на благо партии и народа. Конечно, трудно было разобраться. Ведь раньше действительно существовали и враги революции, и враги трудового народа, и вредители. Но это были не те люди, против которых он направил меч и тем самым ослабил страну, партию и армию, дав возможность врагу нанести огромный урон Советскому Союзу. Если бы Сталин так не поступил, то (я абсолютно убежден) наша армия имела бы достаточно сил и средств, чтобы разгромить врага еще на границе, коль скоро он осмелился бы напасть на нашу страну. О таком исходе усиленно шла болтовня во времена наркома Ворошилова и «Ворошиловских стрелков»: «Ни пяди земли врагу! Ни шагу назад! Если война будет навязана, то она будет вестись на территории противника!» А что потом получилось, все знают.

Конечно, Сталин хотел победы. Но когда он увидел результаты своего «труда» по уничтожению кадров, увидел, что армия обескровлена и ослаблена, а люди, которые пришли к ее руководству, недостаточно опытные, недостаточно подготовлены и не умеют командовать; и даже ранее того, когда он увидел, что наша армия получила достойный отпор от маленькой Финляндии, что ее замечательный, героический народ мужественно защищал свою страну и нанес нам большой урон; когда Сталин все это увидел, у него появился какой-то физический, животный страх перед Гитлером. И он все делал, чтобы ублажить Гитлера. Но у Гитлера имелись свои планы. Гитлер поставил целью жизни уничтожить большевизм. И поэтому умаслить его, уговорить отказаться от войны было невозможно. Тут воля Сталина была парализована волей врага.

Я часто вспоминаю рассказ Берии о поведении Сталина, когда ему доложили о начале войны. Сначала он не хотел в это поверить и цеплялся за надежду, что это провокация, приказывал даже не открывать огня, надеялся на чудо, пытался спрятаться за собственные иллюзии. Затем военные доказали ему, что прятаться поздно, и ему пришлось поверить, что действительно началась война с Германией. Ему стали докладывать о победоносном продвижении гитлеровских войск. Тут-то открыто проявилось то, что он скрывал от всех, — его панический страх перед Гитлером. Ста-

лин выглядел старым, пришибленным, растерянным. Членам Политбюро, собравшимся у него в кабинете, он сказал: «Все, чего добился Ленин и что он нам оставил, мы про... Все погибло». И, ничего не добавив, вышел из кабинета, уехал к себе на дачу, а потом некоторое время никого не принимал.

Берия рассказывал, что все остались в растерянности. Но потом решили наметить некоторые практические мероприятия. Ведь шла война, надо было действовать. Обсудив дела, они решили сами поехать к Сталину. Сейчас не помню, кто туда поехал кроме Берии, но он был не один. Сталин принял их, и они начали убеждать его, что еще не все потеряно, что у нас большая страна, мы можем собраться с силами и дать отпор врагу, убеждали его вернуться к руководству и возглавить оборону страны. Сталин согласился, вернулся в Кремль и опять приступил к работе, выступил по радио. Это было его знаменитое выступление 3 июля 1941 года. Но еще долгое время он не подписывал сам никаких директив. На всех верховных документах стояла подпись: «Ставка». А он начал подписываться как Верховный главнокомандующий только тогда, когда наши войска стали оказывать серьезное сопротивление фашистам. Вот что рассказал Берия о состоянии Сталина в начале войны.

Конечно, с таким настроением трудно было решительно предпринять что-либо, чтобы сдержать агрессивность Гитлера. Если бы Сталин умер к началу второй мировой войны, то есть в 1939 г., то и Великая Отечественная война могла пойти по другому руслу. Страна лучше подготовилась бы к ней. А так он все взял на себя и ошибся. Трудно даже приблизительно оценить то зло, которое он принес стране. Он подчистую уничтожал все, что, как он считал, ему сопротивлялось. Смотрел, бывало, на близкого человека и говорил ему: «Что это у вас глаза бегают?» Имелись случаи, когда после этого люди кончали свою жизнь. Все зависело от его настроения. Не существовало никакого суда, никакого следствия, никакого настоящего разбирательства. С людьми расправлялись подготовленные им опричники, которые бросались на любого, достаточно было Сталину шевельнуть в ту сторону мизинцем. И он так привык к этому, что после войны говорил, когда решил расправиться с Тито: «Пальцем пошевелю, и не будет Тито». С Тито у него не вышло. Но внутри страны он загубил, уничтожил миллионы людей.

Так что, если все суммировать и подвести итоги, убежден: если бы Сталина не было, то война развивалась бы для нас удачнее. Ведь в истории много было войн. Наполеон тоже напал на

Россию, подготовив огромную армию, и тоже напал вероломно. Не раз случались войны, начинавшиеся вероломным нападением. В 1812 г. Александр I (нужно отдать ему должное), сам ли он пришел к разумному решению или ему посоветовали, оставил фронт и уехал в Петербург, назначив позднее командовать Кутузова. Кутузов был уже старик, который засыпал на заседаниях Военного совета. Но ему верил народ, и он знал общую верную линию. Народ все сделал для того, чтобы изгнать французов, и добился этого под руководством Кутузова. К счастью для страны и для Кутузова как главнокомандующего, тогда средства связи были слишком ограничены, и Александр I, приехав в Петербург, был физически лишен возможности вмешиваться непосредственно в дела командования. Но в наше время Сталин, находясь в Москве, имел возможность напрямую вмешиваться во все, и подчас его вмешательство стоило многих жизней на фронте. А в конце концов мы под руководством Сталина одержали победу, но с чересчур большими жертвами, неимоверными потерями. Без Сталина враг явно был бы разгромлен с меньшими потерями.

Если случится воевать в будущем, то при правильном использовании ресурсов страны, при правильной организации работы по подготовке к войне и новая война окажется для нас победной. Возможно так же, что наша мощь заранее поможет избежать войны. Каждая страна имеет разведку и информирована более или менее о вооружении и общем состоянии своего противника. Перспектива столкновения с хорошо подготовленной армией охлаждает любые горячие головы. Я не могу сказать, что можно исключить войну вообще. Это вопрос классовый. Пока существуют классы, существует и возможность войны. Поэтому готовиться к войне нужно. Но если партия правильно понимает свою задачу, связана с массами, умеет организовать массы, промышленность и сельское хозяйство, то она может и должна добиться того, чтобы любая война была губительной для той стороны, которая нападет на Советский Союз.

Тут я еще раз повторяю, что нам неприемлема рабская психология: вот родился Сталин, и мы вручаем ему свою судьбу. Тогда получается, что если он умер и страна обезглавлена, то она лишилась какого-то корня, на котором все держалось. Это глупо! Был Маркс и был Ленин, а он неровня Сталину. То был действительно вождь, который предвидел все на много лет вперед. Он, вместе с Плехановым заложив основы партии, организовал борьбу рабочего класса в России. Да, так и получилось, что он гениально все

предопределил. А жил он совсем мало, но успел провести страну через гражданскую войну, во время которой выросли герои. Это были люди энтузиазма, они жили идеями Ленина, сами порою не разбираясь глубоко в сути дела. Но они хотели победы народа и верили, что Ленин стоит за народ, против буржуев и помещиков. И народ под руководством Ленина одержал победу над врагами революции.

Потом Ленин определил дальнейшее развитие нашей страны, ее промышленности и культуры. К сожалению, он очень рано умер. Народ его оплакивал, но страна-то выжила и двигалась вперед. Мы перестроили хозяйство, образование, культуру, добились многого. Если бы Сталин не нанес вреда СССР, когда начал истреблять кадры, наше продвижение вперед было бы еще успешнее. Начало такой войне с народом было положено в 1934 г., когда был убит Киров. Он был убит, я в этом убежден, по заданию Сталина, для того чтобы встряхнуть народ, запугать его: вот, дескать, враг протянул свои щупальца и убил Кирова, теперь угрожает всему руководству страны и партии.

Народ поверил во «врагов» и поддерживал тирана, который по собственному выбору, как в стаде баранов, выбирал и резал людей, кого — открыто, а кто просто исчезал без следа. Разве это действия настоящего марксиста? Это поступки деспота или больного человека. Получилось, что во имя революции, во имя народа он истреблял цвет народного руководства и партии и даже сами народные массы. Подобным действиям не может быть оправдания. Произошло страшное дело, а сейчас некоторые доказывают, что только такой человек привел нас к победе, а если бы его не было, то мы могли бы погибнуть. Нет, нет и нет! Я не согласен, это рабское понимание вещей противоречит марксистско-ленинскому учению. И очень жаль, что некоторые наши крупные политические, научные и военные деятели впадают в такую ошибку.

С другой стороны, Сталин оставался в принципе (а не в конкретных поступках) марксистом. И, если исключить его болезненную подозрительность, жестокость и вероломство, оценивал ситуацию правильно и трезво. Он сам не раз в моем присутствии клеймил раболепство, говорил: «Философия противопоставления героических личностей толпе — это эсеровская философия. Люди, которые стоят на таких позициях, — не марксисты. А мы верим в массы, в народ, который сам всегда выделяет в нужное время своих вождей». Только слова у него расходились с делами. Поэтому, говоря о ходе истории, надо придерживаться фактов, сопоставлять их, ничего не замалчивая, и тогда роль каждой личности на

том или ином этапе будет ясна. Я хочу придерживаться именно этого принципа, хотя подчас это трудно, потому что восприятие событий каждым человеком поневоле субъективно.

Когда умер Сталин и мы остались без него, мы вначале оплакивали свое положение, находясь в состоянии психологического шока. Не все знали, что нам делать, как у нас все пойдет без Сталина. Зато ликовал Берия. Большинство в составе руководства оценивало его как зловещую фигуру. Все знали о его скверном влиянии на Сталина. И все же не Берия выдумал Сталина, а Сталин выдумал Берию. До Берии был в НКВД Ягода. Из него Сталин сделал преступника, руками его людей убив Кирова. После Ягоды был Ежов, Сталин сделал и из него убийцу. После Ежова пришел Берия и потом вместе с ним Абакумов, человек нисколько не лучше Берии, только глупее. Берия же был из них всех наиболее опасен, потому что он был умен и обладал большими способностями организатора. Тем не менее, мы справились с положением, вышли из шока, вызванного смертью Сталина, и дела у нас пошли значительно лучше, чем при Сталине. Однако тут я заговорил уже о послевоенных делах.

Возвращаясь к предвоенному времени, вновь напомним, что мы начали войну при недостатке вооружения и с неотмобилизованной, не полностью подготовленной армией, хотя именно Сталин лучше всех знал, что война неизбежна. Но он был парализован Гитлером, как кролик — удавом, боялся всякого внешне заметного решительного шага по укреплению границы, считая, что Гитлер может это расценить как нашу подготовку к нападению на него. Он так и сказал нам, когда мы с Кирпоносом предложили мобилизовать колхозников для рытья вдоль границы противотанковых рвов и прочих укреплений. Сталин заявил, что это будет провокацией, это делать нельзя. Значит, хотя Сталин был убежден, что Гитлер нападет на нас, он понадеялся, что ему, может быть, удастся отвести улар от страны. Чем это кончилось, всем известно. И удар не отвел, и страну подставил.

Точка зрения, что только личность Сталина вывела страну из кризиса, созданного войной, и что армия победила в результате гениального руководства Сталина, полностью несостоятельна. Армия победила бы и без Сталина, и даже с меньшими потерями. Ведь наша армия боролась за свою землю, за свой народ, за свою жизнь, за свое будущее, а вовсе не за Сталина. Лозунг «За Сталина!»¹ — это результат неправильного восприятия вещей, настойчиво продвигавшийся в жизнь по политическим соображениям.

Сталин сам преувеличивал свою роль и воспитывал людей в

подхалимском духе, осуждая при этом в узком кругу идею возвеличивания своей личности. Хотя тут же не особенно мешал Кагановичу, который за сталинским столом всегда твердил: «Вот Сталин! Сталин то, Сталин это, без Сталина мы ничто». Тут обычно Сталин поднимал голос и говорил, что это эсеровская точка зрения, и сам же побуждал Кагановича на еще большую «активность».

Я искренне сожалею о тех, кто по своему недопониманию верит, что без Сталина мы не добились бы никаких хороших результатов. Такая незрелость общественного сознания может в будущем привести к вредным рецидивам. Никто не должен рассчитывать, что народ забывает о потерях, о зле, случившемся по воле былых руководителей. Хотя некоторым «забывчивость» пришлось бы по нраву. Много написано о Чингисхане. Мао Цзэдун, например, называл его героем². Много написано положительно о Наполеоне, несмотря на то, что он загубил сотни тысяч людей. Все они государственные убийцы. Они организовывали на войну народ, организовывали свои армии и вели их на смерть ради своих интересов. Это не те убийцы, которые ночью с кинжалом и револьвером убьют одного-двух людей, чтобы ограбить их. Нет, такие люди грабили целые народы, наносили вред всему человечеству. Надо вести верную воспитательную работу в осуждение этого, правильно ориентировать молодежь, воспитывать народ в духе правильного понимания роли личностей в истории, их ответственности перед историей и славить не убийц и тиранов, а созидателей мирной жизни.

Хочу теперь рассказать о тех людях, которые жили идеями марксизма-ленинизма и отдавали все свои силы для утверждения этих идей. Как могло случиться, что наши лучшие люди, которые прошли вместе с Лениным великий путь от создания партии большевиков до свершения Октябрьской революции, погибли как «враги народа», как враги партии, как враги идей социализма и коммунизма? Неужели Ленин не смог разобраться, когда подбирал этих людей и работал с ними? Неужели это была ошибка Ленина? Конечно, и великие люди могут ошибаться. Был у нас в партии провокатор от охраны Роман Малиновский³, человек, который тоже пользовался доверием Ленина. Существовали и другие провокаторы. Но их подсылали жандармы. Люди же, о которых я говорю, прошли путь настоящей борьбы вместе с Лениным и показали себя и до, и после революции преданными делу коммунистической партии. И именно они были замучены, погибли, были уничтожены без суда и следствия в сталинское время. Неко-

торых из них вроде бы судили, но это был шемякин суд, который все делал так, как ему было приказано. То был суд, творивший расправу в угоду одной личности.

Постараюсь объективно осветить этот сложный вопрос, рассказав, как я понимал происходящее и что мне стало известно уже после смерти Сталина. После XX съезда КПСС была создана комиссия, которая специально занималась изучением этого вопроса. О результатах расследования она докладывала мне как первому секретарю ЦК партии. Что же выяснилось? Почему Сталин, который тоже был близок к Ленину и тоже вместе с Лениным и под руководством Ленина занимался подготовкой торжества марксистско-ленинских идей, оказался таким несостоятельным в своих поступках? Как связать одно с другим? Может быть, Сталин переродился и вообще выступил против идей социализма, а потому и губил его сторонников? Вовсе нет. Сталин оставался в принципе верен идеям социализма. Но по своему характеру он был диктатором, был человеком, который не слушал и не хотел слушать никого, кроме самого себя. Тут — особенность его личности. Если такая особенность присуща маленькому человеку, страдают семья и соседи. Если же она свойственна лицу, занимающему высокое положение, страдают массы.

Люди хотели мыслить, обсуждать, советоваться. Это нормально. Но если оказывалось, что их рассуждения не совпадали с пониманием дела Сталиным, то начиналась естественная борьба идей. При обычном состоянии общественных отношений идет спор. Но в результате особенностей характера Сталина такие люди становились личными врагами Сталина, а своих врагов он называл врагами социализма. Врагов же надо уничтожать. И он их уничтожал. Некоторые люди говорят: «Ведь Сталин выступал за революцию, за коммунизм, как же он мог такое проделать?» Другие сомневаются, что злоупотребления были санкционированы Сталиным. Дескать, в них виновны Ягода, Ежов, Берия, Абакумов и их присные.

Подобные рассуждения несостоятельны, потому что ни Ежов, ни Берия не толкали сами Сталина на такой путь. Не они подбирали себе шефа, а шеф подбирал подручных по своему вкусу. Если бы Сталину не были угодны Ежов или Берия, он легко мог их заменить, это для него не составляло никаких затруднений. Сталину же нужны были и Ягода, и Ежов, и Берия, и Абакумов, чтобы спрятать концы в воду; он выдвинул Ежова и уничтожил Ягodu, выдвинул Берию и его руками уничтожил Ежова. Тем самым он считал, что теперь все его личное участие в том, что творили эти

Малюты Скуратовы⁴, навсегда спрятано. Сначала все было свалено на «Ежовщину». На смену пришла «бериевщина», потому что Берия продолжал то же дело и с такой же свирепостью и зверством, как Ежов. Берию Сталин убрать не успел. Сам помер.

С чего же все началось? Почему Сталин вообще встал на этот путь? Ведь в первые годы после смерти Ленина Сталин пользовался в своей борьбе еще партийными методами. Да, шла борьба, существовала оппозиция, проводились дискуссии, велись диспуты. Они проходили жестко, но укладывались в нормы партийной жизни. Членам партии давалась возможность разобраться в разных точках зрения, выслушать ту и другую сторону, того или другого вождя, и каждый член партии мог определить свое отношение к ним. В этих спорах побеждал Сталин, и партия его поддерживала. Конечно, люди, которые терпели поражение, озлоблялись и были недовольны Сталиным.

И вот мы дожили до созыва XVII партийного съезда. Я помню его. Я участвовал во всех партийных конференциях и партийных съездах, начиная с XIV партконференции (за исключением XVI съезда, на котором я не был избран делегатом, ибо учился в Промышленной академии, но присутствовал на его заседаниях). Перед XVII съездом развернулась дискуссия, в ходе которой, как всегда, внутри партии обсуждались тезисы отчетного доклада, чтобы подготовить членов партии к правильному пониманию решений, которые должны быть приняты на съезде. Тот съезд был особым съездом в том смысле, что к 1934 г. уже не было никаких оппозиционных течений в партии⁵. Вопросы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства уже были не темой дискуссии, а основой практической деятельности партии и народа. Поэтому сам съезд протекал очень хорошо.

Когда выдвигались кандидаты в члены ЦК, моя кандидатура тоже была предложена. Я переживал особое чувство, когда шло голосование, и я тоже наряду с другими получил бюллетень wyborщика. Помню, как Каганович сказал мне, что следует проголосовать против некоторых кандидатов, выставленных в состав ЦК. Он назвал, кажется, Молотова, Ворошилова и еще кого-то и объяснил это тем, что какие-то делегаты могут проголосовать против Сталина, поэтому надо, чтобы не получилось, будто другие люди соберут больше голосов, чем Сталин. Чтобы всех в какой-то степени уравнивать, надо проголосовать и против них. Мне трудно сказать, поручил ли Сталин такое Кагановичу или же Каганович действовал по собственному разумению.

Когда я получше узнал Кагановича, то потом думал, что тот

мог сделать это и из собственных интересов: если другие не получают больше голосов, чем Сталин, это во всех отношениях полезно Кагановичу, так как они не получают больше голосов, чем сам Каганович. Были розданы бюллетени, все разошлись по уголкам зала, просматривали списки и вычеркивали, кого хотели. Но некоторые шли прямо к урнам для голосования и сразу опускали бюллетени. Я видел, Сталин демонстративно подошел к урне и с ходу опустил туда бюллетень. Он на него даже не посмотрел. Удивительного тут ничего нет, потому что списки еще раньше были не только просмотрены Сталиным, но и одобрены им. Зачем ему тратить время и еще раз просматривать их? Ведь имелись люди, которые следили за тем, чтобы, кроме намеченных, никто не попал в списки.

Кончился перерыв. Счетная комиссия завершила свое дело. Собралось заседание, чтобы заслушать ее отчет о результатах выборов. Это была торжественная и напряженная минута. Я даже не знаю, чего там было больше: торжественности или волнения, особенно для тех, кто был выдвинут в состав руководящих органов. Может быть, я передаю лишь собственное настроение, но думаю, что другие тоже волновались. Председатель счетной комиссии попросил убрать карандаши и блокноты и ничего не записывать, а только слушать. Он объявил, что на съезде присутствует столько-то делегатов и что столько-то из них приняло участие в голосовании. После этого начал перечислять по алфавиту, кто и сколько получил голосов «за». Дошли до Сталина. Я прикинул: он недополучил шесть голосов. Подошла очередь моей фамилии. Объявили. Вышло, что я тоже недополучил шесть голосов. То есть шесть делегатов вычеркнули мою фамилию. Я шутил сам с собой: тебе дали шесть и Сталину — тоже шесть червяков (как говорили тогда).

Я впервые выдвигался в состав ЦК. По возрасту и по партийному положению я даже не претендовал на это. Такое выдвижение казалось мне слишком высоким. И я был очень доволен, что избран в состав ЦК, а шесть контрголосов меня несколько не беспокоили, тем более на фоне того, что Сталин тоже получил шесть против. Я возмущался лишь тем, что кто-то голосовал против Сталина. Вот как проходили те выборы. А почему я подробно на них остановился, станет яснее из дальнейшего.

Кончился съезд. Все разъехались по местам и принялись за работу. Работали мы тогда с огромным энтузиазмом. Каждый (я сужу по себе) жил не личной жизнью, а жизнью партии, интересами народа. На деньги мы не обращали внимания. Мы смотрели

на это так: лишь бы не подохнуть с голоду. Все остальное было подчинено интересам дела, а себе мы отказывали в самом необходимом. Сейчас это для некоторых бюрократов, наверное, звучит странно. Но это правда. Когда до революции я работал слесарем и зарабатывал свои 40 — 45 рублей в месяц, то был материально лучше обеспечен, чем когда работал секретарем Московского областного и городского комитетов партии. Я не жалею, а просто иллюстрирую, как мы тогда жили. Мы жили для дела революции, ради будущего коммунизма, все и вся было у нас подчинено этому. Нам было трудно. Но мы помнили, что первыми в мире строим социализм и поэтому должны затянуть ремешки потуже, с тем чтобы выделить больше средств на индустриализацию страны. Иначе главная идея революции погибнет, и враги нас задушат. Какое же это было прекрасное время! Никакие материальные трудности не шли ни в какое сравнение с великой идеей, которой мы честно служили!

Мне было особенно приятно работать в условиях Москвы, большого столичного города. С городским хозяйством я раньше не соприкасался. Для меня было столько нового и столько интересного и в хозяйстве, и в людях, с которыми приходилось общаться, обсуждать и решать различные вопросы жизни и перестройки города Москвы. Это была увлекательная работа, и я отдавался ей целиком. Домой приходил ночевать довольно поздно, а уходил очень рано. Но в те дни, о которых я рассказываю, обычное их течение было внезапно нарушено в начале декабря 1934 г., когда раздался телефонный звонок и я услышал голос Кагановича: «Немедленно приезжайте в Кремль и заходите в приемную Сталина». Там мне сообщили, что убит Киров. Его убийцами были названы троцкисты, завербованные иностранной разведкой. Нам было ясно, что Кирова убили враги революции, враги Советского Союза. Поэтому прозвучавший из уст Сталина призыв к бдительности был для нас естественным.

Массовые репрессии развернулись вскоре. Сталин всех людей, с ним не согласных, назвал «врагами народа», которые-де хотели вернуть старые порядки, в чем «враги народа» сомкнулись с международной реакцией, после чего и погибли несколько сот тысяч честных людей. Тогда каждый жил в страхе. Каждый ожидал, что вот-вот к нему постучат ночью, и этот стук окажется роковым. Не случайно Гамарник⁶, когда к нему постучались ночью, застрелился. Потом его самоубийство послужило для Сталина основанием утверждать, что это был неразоблаченный враг, который понял, что до него добрались, и, не желая отдаться в руки правосудия, застре-

лился. А если бы он отдался? Его бы все равно пристрелили. Гамарник был умный человек, понимал, что его ждет. Его реабилитировали после XX съезда партии, как и многих других.

Но перед тем, как на XX съезде был поставлен вопрос о реабилитации невинных и о культе личности Сталина, в Президиуме ЦК прошла большая борьба. Категорически против постановки такого вопроса были Молотов, Ворошилов и Каганович. Это меня не удивляло, потому что эти люди, особенно Молотов и Ворошилов, вместе со Сталиным отвечали за все беззакония. Я убежден, что Сталин советовался с ними, и они вместе принимали решения. Безусловно, не по всем кандидатурам, обреченным на уничтожение, у них имелось единое мнение. Но они были едины в направлении самого мероприятия — варварского уничтожения членов партии. Они же были авторами лозунгов о пресловутой борьбе с «врагами народа».

Когда мы создали комиссию, которая стала подробно изучать документы, связанные с репрессиями, обнаружилась среди прочих записка Ежова Молотову. В ней перечислялись фамилии ряда врагов народа, предлагалось выслать их из Москвы. Молотов наложил резолюцию: «Расстрелять». И они были расстреляны. Это же ужасная вещь: даже НКВД пишет, что их надо только выслать; следовательно, за ними нет никакого преступления. Этот документ, как и ряд иных, подтверждал, что Молотов наравне со Сталиным полностью отвечал за произвол, за допущенные убийства. Так уничтожались неугодные Сталину люди, честные члены партии, безупречные труженики, прошедшие школу революционной борьбы под руководством Ленина. Это же чистейший произвол. И это все надо теперь простить и забыть? Никогда!

¹ Официальные указания из Москвы по партийным и военным каналам о необходимости вести красноармейцев в бой под лозунгом «За Сталина!» были даны в войска после того, как Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. публично призвал «весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина», хотя и раньше некоторые политработники проявляли такую инициативу, особенно Мехлис Л.З.

² Первый открытый материал для советских читателей о культе Чингисхана на современном Востоке был опубликован в начале 60-х годов, но без прямого упоминания о Мао Цзэдуне.

³ МАЛИНОВСКИЙ Р.В. (1876 — 1918) — видный деятель большевистского движения, член ЦК РСДРП с 1912 г., депутат IV Государственной думы, добровольно начал давать полиции сведения о социал-демократическом подполье с 1907 г., официально был зачислен агентом охраны в 1910 г.

⁴ СКУРАТОВ-БЕЛЬСКИЙ Г.Л. (Малюта) (ум. 1573) — глава опричного террора при царе Иване IV Грозном.

⁵ Согласно принятой в тогдашней партийной печати СССР точке зрения, перед XVII съездом ВКП(б) «в ней отсутствовали какие-либо фракционные и оппозиционные группировки» (История Коммунистической партии Советского Союза. т. 4, кн. 2. М. 1971, с. 261).

⁶ ГАМАРНИК Я.Б. (1894 — 1937) — в ту пору начальник Политуправления РККА, армейский комиссар 1 ранга, покончил с собой в мае 1937 г.

ЕЩЕ РАЗ О БЕРИИ

Я уже неоднократно говорил о Берии, но преимущественно в связи с какими-то не полностью касавшимися его событиями или в связи с другими людьми. А сейчас хочу рассказать специально о Берии, его роли и влиянии на жизнь советского общества. В процессе нашего знакомства и частых встреч с ним постепенно выявлялась и становилась для меня более понятной и его политическая физиономия. В первое время нашего знакомства он производил на меня очень хорошее впечатление. Мы с ним на пленумах ЦК всегда сидели рядом, обменивались мнениями, иной раз шутили, как бывает между людьми, которые поддерживают хорошие отношения.

А потом началось! Но тоже не сразу. Когда Сталин высказал мысль, что надо заменить наркома внутренних дел Ягоду, поскольку тот не справляется, он назвал взамен Ежова. Ежов был начальником по линии кадров в ЦК партии. Я его хорошо знал. С 1929 г., когда я поступил учиться в Промышленную академию, и особенно после того, как меня избрали там секретарем партийной организации, Ежов стал в какой-то степени моим руководителем, потому что Промышленная академия находилась в ведомстве отдела кадров ЦК и подчинялась напрямую ЦК через Ежова. Ему я как парторг и докладывал о положении дел в Промышленной академии. Если проходили мобилизации слушателей академии для посылки на места, сбора материалов или проведения какой-нибудь политической кампании, то это делалось ЦК тоже напрямую через меня, и никто (имеются в виду ведомство по делам высшей школы или Московский партийный комитет) не обладал правом распоряжаться у нас, брать людей для проведения той

или иной политической кампании и пр. Все делалось только с разрешения ЦК. Так создались условия, когда я более или менее часто стал встречаться с Ежовым. Он производил на меня хорошее впечатление, был внимательным человеком. Я знал, что Ежов — питерский рабочий и с 1917 г. являлся членом партии. Это считалось высокой маркой — питерский рабочий!

Когда Ежов был выдвинут в НКВД, я еще не знал глубоких мотивов этой акции и внутренней аргументации Сталина. Я-то лично неплохо относился к Ягоде и не видел, не чувствовал прежде какой-то антипартийности в его действиях. Но был назначен Ежов, и репрессии еще больше усилились. Началось буквальное избиение и военных, и гражданских, и партийных, и хозяйственных работников. Наркомат тяжелой промышленности возглавлял Орджоникидзе, Наркомат путей сообщения — Каганович. Там шли повальные аресты людей. Между прочим, Ежов был в дружеских отношениях с Маленковым и вместе с ним работал. Так что последний не стоял в стороне от «Ежовщины».

Начало 1938 года... Сталин вызвал меня и предложил поработать на Украине: сказал, что Косиор там не справляется. Я к Косиору относился с большим уважением. Знал его, когда еще впервые работал на Украине: он стал генеральным секретарем ЦК КП(б)У после Кагановича, в 1928 году. Каганович ушел в ЦК ВКП(б), а Косиор пришел на его место. Когда в 1929 г. я подал заявление с просьбой откомандировать меня на учебу в Промышленную академию, то меня принимал по этому вопросу уже Косиор. А когда Сталин сказал мне, чтобы я заменил Косиора, на меня это подействовало плохо. Я высоко ценил Косиора и считал, что мне заменить его никак невозможно, что я еще не дорос до такого уровня. Да и национальный вопрос тоже играл роль. Я, конечно, работал раньше на Украине и даже в Киеве. Правда, тогда правительство УССР находилось еще в Харькове. Но все равно: как русский человек я испытывал некоторую неловкость. Ко мне по-доброму относились украинцы, и коммунисты, и беспартийные, однако я постоянно чувствовал тот свой недостаток, что не мог выступать на украинском языке. И я ответил Сталину: «Вряд ли целесообразно посылать туда русского человека». Однако Сталин доказывал, что русский ничем не хуже поляка. Есть же на Украине поляк Косиор, почему должен быть хуже русский?

Я очень волновался, что не справлюсь. Но не отрицаю, это предложение льстило мне: такой высокий пост мне доверяет Центральный Комитет партии! И я поехал. Косиор сдал мне дела, я принял. Он уехал и был назначен к Молотову заместителем пред-

седателя Совнаркома СССР. Прошло какое-то время, и в конце 1938 или в начале 1939 г. вдруг возник вопрос о назначении меня тоже заместителем у Молотова. Сначала мне об этом позвонил Молотов, а потом сказал и Сталин, когда я приехал в Москву: «Вот, Молотов настаивает, чтобы взять вас к нему заместителем. Видимо, надо уступить Молотову. Как вы смотрите?». Я просил не делать этого: только что прижился в Киеве, украинцы меня вроде бы признали, отношения сложились хорошие. Самый главный довод состоял в том, что мы идем к войне, а я более или менее знал Украину; если сейчас туда придет новый человек, ему будет сложнее все организовывать, коль скоро разразится война. Поэтому мой уход вряд ли будет в интересах дела; а в Москву легче подобрать другого человека. Сталин согласился на заседании Политбюро: «Давайте прекратим этот разговор, пускай Хрущев остается на Украине».

В 1938 г. Сталин поднял вопрос, что надо было бы «подкрепить» Ежова, дав ему первого заместителя, и спросил его об этом. Тот ответил: «Было бы хорошо». «Кого вы думаете?». «Я бы просил дать мне первым заместителем Маленкова». Такой разговор возникал несколько раз, но вопрос не решался. Наконец Сталин сказал Ежову: «Нет, Маленкова вам не стоит брать, потому что он сейчас заведует кадрами ЦК и тут нужнее». Когда Маленков возглавил кадры ЦК, Ежов сохранил шефство над ним. Таким образом, кадры оставались в то время фактически под контролем Ежова. Это было время, когда партия начинала утрачивать прежнее лицо и стала подчиняться Наркомату внутренних дел. Рубежом явилась середина 30-х годов.

Роль Комиссий советского контроля и партийного контроля, где играла видную роль Землячка¹, ослабла. Органы НКВД имели решающее слово при любых выдвижениях или передвижках партийных, государственных и хозяйственных кадров, и они всегда согласовывались с НКВД. Конечно, это позорнейшее явление, утрата руководящей роли партии! Что до Ежова, то Сталин в конце концов предложил назначить к нему первым заместителем Берию. К той поре на демонстрации обычно все выходили с плакатами, где была нарисована колючая рукавица. Такой обычай сложился после того, как Сталин сказал: «Ежов — это Ежовая рукавица, это ежевика», — и хорошо отзывался о деятельности Ежова. Но в том, что Сталин назвал Берию, проявился тот факт, что намечалась уже замена Ежова. Ежов-то все правильно понял. Понял, что приходит конец его деятельности и его звезда закатывается. А может быть, он, сам действовавший в той же манере, почув-

ствовал, что кончается и его существование? Однако он сказал: «Конечно, товарищ Берия достойный человек, тут нет вопроса. Он может быть не только заместителем, но и наркомом». Сталин возразил: «Наркомом, я считаю, он не может быть, а заместителем у вас будет хорошим». И тут же Берия утвердили заместителем Ежова.

Так как у меня были хорошие отношения с Берией, я подошел к нему после заседания и полусерьезно, полушутя поздравил его. Он ответил: «Я не принимаю твоих поздравлений». «Почему?». «Ты же не согласился, когда шел вопрос о тебе и тебя прочили заместителем к Молотову. Так почему же я должен радоваться, что меня назначили заместителем к Ежову? Мне лучше было бы остаться в Грузии». Не знаю, насколько искренне он это говорил. А когда Берия перешел в НКВД, то первое время он не раз адресовался ко мне: «Что такое? Арестовываем всех людей подряд, уже многих видных деятелей пересажали, скоро сажать будет некого, надо кончать с этим».

Появилось решение о «перегибах»². Оно приписывалось влиянию Берии. В народе считали, что Берия пришел в НКВД, разобрался, доложил Сталину и Сталин послушал его. Соответствующий пленум ЦК ВКП(б) был резко критичным. Каждый выступающий кого-то критиковал. Среди других помню выступление Маленкова. Он тогда критиковал одного из секретарей Средазбюро партии (тот потом был арестован). Критика была нацелена против самовосхваления. Маленков говорил, что альпинисты совершили восхождение на самую высокую точку в горах Средней Азии и назвали этот пик именем того секретаря Средазбюро.

Единственным человеком, занимавшим сравнительно высокое положение в партийном руководстве и почему-то избежавшим критики, пока оказался Хрущев. Но тут выступил Яков Аркадьевич Яковлев³, который заведовал сельхозотделом ЦК партии, и раскритиковал меня. Впрочем, его критика была довольно оригинальной: он ругал меня за то, что меня в Московской парторганизации все называют Никитой Сергеевичем. Я тоже выступил и в ответ разъяснил, что это мои имя и отчество, так что называют правильно. Тем самым как бы намекнул, что сам-то он ведь не Яковлев, а Эпштейн. А после заседания ко мне подошел Мехлис, в ту пору еще редактор газеты «Правда», и с возмущением заговорил о выступлении Яковлева. Мехлис был еврей, знал старинные традиции своего народа и сообщил мне: «Яковлев — еврей, потому и не понимает, что у русских людей принято даже официально называть друг друга по имени и отчеству».

Потом выступил Гриша Каминский. В те дни Григорий Наумович трудился наркомом здравоохранения СССР. Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем, не раз встречавшийся с Лениным. Я с ним познакомился, когда только начинал работать в Московской парторганизации. Он в ту пору являлся одним из секретарей МК ВКП(б), потом был председателем Мособлисполкома, а затем его выдвинули в Наркомздрав России и далее всего Союза. То был прямой, искренний человек со святым чувством партийности и неумолимой правдивости. Он сказал: «Тут все, выступая, говорят обо всем, что они знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы партии это было известно. Когда в 1920 г. я был направлен в Баку и работал там секретарем ЦК Компартии Азербайджана и председателем Бакинского совета, ходили упорные слухи, что присутствующий тут товарищ Берия во время оккупации Баку сотрудничал в органах контрразведки мусаватистов, не то, несколько ранее, английской контрразведки». Никто не выступил с опровержением. Даже Берия не выступил ни с какой справкой по этому поводу. Молчание, и все тут... А вскоре Каминский был арестован и бесследно исчез. Меня потом долго мучил этот вопрос, потому что я абсолютно верил Григорию и знал, что он никогда ничего сам не выдумает и от других зря не повторит. Но кто же мог вступить в конкуренцию с НКВД и ее лидерами?

Как-то в те же примерно месяцы после одного дневного заседания ЦК партии все расходились на обед. Я несколько задержался и не успел уйти. Тут меня окликнул Сталин: «Хрущев, вы куда идете?». «Иду обедать». «Пойдемте ко мне, вместе пообедаем». «Спасибо». Когда мы выходили, около Сталина вертелся Яковлев. Он вроде бы без приглашения последовал за ним и тоже оказался у него на квартире. Мы пообедали втроем. Сталин вел беседу, а Яковлев очень при этом волновался. Чувствовалось, что он переживает глубокое внутреннее чувство. Вероятно, боялся, что его арестуют, и хотел искать защиты у Сталина. Я знал Яковлева еще по работе на Украине, а познакомился с ним при оригинальных обстоятельствах. Тогда, в середине 20-х годов, назревала зиновьевско-Каменевская оппозиция. Когда мы приехали на партийный съезд, то в нашу делегацию пришел Яковлев и проинформировал нас об обстановке, которая может возникнуть на съезде. Сказал, что Зиновьев, видимо, будет содокладчиком. Это сообщалось доверительно, чтобы мы понимали, что, вот, доверенный человек по поручению Сталина информирует нас. Я упоминаю об этом к тому, что этот человек был близок к Сталину и все свои силы отда-

вал борьбе против оппозиции, а потом старался вовсю при коллективизации. Несмотря на это, для него сложилась теперь трудная ситуация, хотя не знаю, почему. И он в своем предчувствии не ошибся, был арестован, несмотря на любезный обмен мнениями со Сталиным во время обеда на его квартире, тут же после обеда и вскоре погиб.

Пленум же, о котором я рассказываю, тогда принял решение, осуждавшее перегибы в работе НКВД. Этот пленум дал народу надежду, что кончится дикий произвол, царивший в стране и создававший у всех неуверенность: то ли будет человек жить, то ли может быть уничтожен либо просто бесследно пропасть. Я, да и многие другие, беззаветно верил Сталину, и мы себя обвиняли, что мы слепцы, не видим и не чувствуем врагов, нет у нас политического нюха, нет глубокого понимания классовой борьбы, не умеем разоблачать врагов так, как это делает товарищ Сталин. Только постепенно я начинал соображать, что далеко не все так просто.

К тому времени Сталин уже неоднократно высказывал недовольство деятельностью Ежова, перестал ему доверять и хотел спихнуть на него все беззакония. Позднее Ежов был арестован. И все его заместители тоже. Людей, которые были как-то с ним связаны, арестовали. Тогда же туча нависла и над Маленковым, который был большим приятелем Ежова. Сталин знал об этом. Да и я тоже, потому что дружил с Маленковым в течение многих лет. Мы работали вместе еще в Московском комитете партии. О наметившихся подозрениях в адрес Маленкова я для себя лично сделал вывод после такого случая. Когда я однажды приехал в Москву с Украины, Берия пригласил меня к себе на дачу: «Поедем, я один, никого нет. Погуляем, ты у меня заночуешь». «Мне все равно, я тоже один». Поехали, погуляли в парке. И тут он говорит мне: «Слушай, ты ничего не думал о Маленкове?». «А что я должен думать?». «Ну, Ежова ведь арестовали». «Верно, они дружили, — говорю. — Но и ты тоже с ним дружил, и я тоже. Думаю, что Маленков — честный, безупречный человек». «Нет, нет, послушай, ты все-таки еще подумай, ты и сейчас близок с Маленковым, подумай!». Ну, подумал я, но вывода никакого особого не сделал и продолжал с ним дружить. Когда приезжал в Москву, то в выходной день всегда бывал у Маленкова на даче. От себя полагаю, что это Сталин сказал, чтобы Берия предупредил меня о Маленкове. Позднее Маленков сблизился и подружился с Вознесенским, а потом стал неразлучным другом с Берией.

После ареста Ежова Берия быстро набрал силу. Он занялся прежде всего перестановкой кадров. У нас на Украине не было тогда наркома НКВД, и он прислал исполнять обязанности наркома Кобулова⁴, младшего брата того Кобулова⁵, который был заместителем Берии в союзном Наркомате внутренних дел, а прежде работал с Берией в Грузии. Украинский Кобулов был еще мальчишкой, и довольно неподготовленным. Об этом можно судить хотя бы по такому эпизоду. Пришел он как-то в ЦК КП(б)У и сообщил, что выявлена группа украинских националистов, которая ведет антисоветскую работу. Я ему: «Возможно в принципе, что есть такая. Но кого конкретно имеете в виду? Назовите фамилии». «Такие-то и такие-то фамилии». И он назвал нескольких писателей и других лиц интеллигентного труда. Я хорошо знал их. И среди прочих он упомянул Рыльского. Отвечаю: «Эти люди никак не могут вести антисоветской работы. Они могут проявлять какое-то недовольство чем-то, высказывать критику, но это вовсе не антисоветчики. А в чем их конкретно обвиняют? Что вам сообщил агент?». «Они собираются, выпивают, поют песни». «Ну, и что же тут такого?». «А они поют такую песню: «Дэ ты ходышь, мия доля, не доклучусь я тэбэ». Я рассмеялся: «Вы армянин и не знаете украинской культуры. Ваш агент издевается над вами, если пишет про такие вещи. Эту песню поют тут все. Если мы с вами когда-нибудь окажемся в одной компании, то я не даю гарантии, что не присоединюсь к тем, кто ее поет. Это очень хорошая народная песня». Вот вам уровень человека, исполнявшего обязанности наркома!

В те же недели другой человек Берии поехал с тем же назначением в Белоруссию. Берия повсюду рассылал свои кадры. К той поре сложилась такая ситуация, что все кадры при выдвижении их на партийную, советскую, хозяйственную или военную работу проходили через «чистилище» в НКВД. Последний становился главным органом страны. А любые ведущие кадры вообще выдвигались только с предварительного согласия Берии. Постепенно мы с Берией все чаще встречались у Сталина, и я начинал лучше узнавать его. Я тогда относился к Берии хорошо и только позднее был поражен его двуличием. Вот лишь один из примеров. Он мог (а я поражался, как это допустимо?) у Сталина за обедом поставить какой-то вопрос; и если Сталин отвергал его, он сейчас же смотрел на кого-нибудь из присутствовавших и говорил: «Я же говорил тебе, что этот вопрос не надо выдвигать». Я просто глаза и рот раскрывал: как это можно ляпать такое при Сталине? Ведь Сталин, хотя и молчит, но видит и слышит, что Берия только что

сам поставил этот вопрос. И ничего! Такое вот вероломство. По мере того, как Берия «укреплялся», его наглость и низость тоже проявлялись все отчетливее.

Раньше я слышал, что некогда заместителем наркома внутренних дел в Грузии был у Берии Реденс. Реденса хорошо знали старые кадры. Я неоднократно с ним встречался, когда он работал уполномоченным НКВД по Московской области. Кроме того, часто встречался с ним в домашней обстановке, на семейных обедах у Сталина, поскольку Реденс был женат на Анне Сергеевне, сестре Надежды Сергеевны Аллилуевой. Так что же Берия предпринял, чтобы выдворить Реденса из сталинской семьи? Сначала он задался целью вышибить Реденса из Грузии, потому что не хотел, чтобы у Сталина имелись оттуда информаторы помимо него, Берии. И он поручил своим людям заманить Реденса в какой-то кабачок. Они использовали его слабость в смысле вредной привычки, напоили, потом вывели и бросили на улице в сточную канаву. Мимо ехала милиция и увидела, что Реденс валяется в таком виде, доложила по инстанции. И дело поехало! Поставили вопрос перед Сталиным, что Реденс дискредитирует себя. Так Реденс, отозванный из Грузии, попал в Московскую область. Потом Реденса убрали и из Кремля, где он бывал, и вообще устранили.

В 1953 г., когда устранили самого Берия, ЦК КПСС получил письмо от бывшего заключенного, грузина. Он в большом письме перечислял, сколько людей в Грузии стали жертвами Берии в результате различных провокаций. Но это, конечно, стало возможным лишь после падения Берии. А раньше такое письмо наверняка перехватили бы. Резко усилила влияние Берии Великая Отечественная война. Он тогда возымел огромную силу. Сталин утрачивал над ним контроль, особенно в тяжелые месяцы нашего отступления на фронте. Берия постепенно стал грозой партийных кадров. Влиял он и на окружение Сталина. Там менялся обслуживающий персонал. Прежде лично у Сталина работали в основном русские. Подавальщицы и в войну остались русские, но появлялись и грузины. Шашлычник там какой-то жарил шашлыки, так он стал даже генералом, и с каждым моим приездом в Ставку я видел, как у него росли орденские колодки с лентами — свидетельство постоянных награждений за умение здорово жарить шашлык. Как-то Сталин заметил, что я присматриваюсь к колодкам на груди новоявленного генерала, но ничего не сказал, и я тоже промолчал.

А после войны — и говорить нечего! Берия стал членом Политбюро. Да и Маленков набрал силу, хотя у него периодически менялось занимаемое им положение и во время войны, и после вой-

ны. Однажды Сталин даже загнал его в Среднюю Азию. Тут-то Берия и подал ему руку помощи, а затем они стали неразлучны. Сталин у себя за обедом нередко называл их, как бы в шутку, двумя жуликами, но не в оскорбительном тоне, а вроде дружески: где, мол, пропадают эти два жулика? Тут без Берии буквально ничего уже нельзя было решить. Даже Сталину почти ничего нельзя было доложить, не заручившись поддержкой Берии. Все равно Берия, если станешь докладывать при нем, обязательно любое твоё дело обставит всяческими вопросами и контрвопросами, дискредитирует в глазах Сталина и провалит.

В то же время Берия не уважал и не ценил Маленкова, а преследовал в дружбе с ним личные цели. Он мне как-то сам сказал: «Слушай, Маленков — безвольный человек. Вообще козел, может внезапно прыгнуть, если его не придерживать. Поэтому я его и держу, хожу с ним. Зато он русский и культурный человек, может пригодиться при случае». «Пригодиться» было главным у Берии. Я-то с Маленковым и Булганиным дружил с той поры еще, когда работал в Московской парторганизации. Мы часто проводили тогда вместе выходные дни, вместе жили на даче. Поэтому, несмотря на то, что Маленков выказывал некоторую холуйскую наглость относительно меня во время войны, особенно когда Сталин проявлял недовольство мною, я с ним не порывал отношений.

Это недовольство Сталина мною проявлялось в период отступления: что же, мол, Украину оставляете? Он искал виновных, кто будет отвечать за поражения. Конечно, я первым должен был отвечать, раз являлся секретарем ЦК Компартии Украины. Хотя главнокомандующим-то был Сталин, но он вроде ни за что не отвечал, а только подчиненные. Приказы при отступлении подписывались — «Ставка», «Главком», и никаких имен. А уже после войны, когда все мы приехали как-то в Сочи к Сталину по — вызову (я с Украины, Маленков и другие — из Москвы) и разбирали какие-то вопросы, а потом вышли погулять, я ходил с Маленковым и сказал ему: «Удивляюсь, неужели ты не видишь и не понимаешь, как Берия относится к тебе?». Он молчит. «Ты думаешь, — продолжаю, — что он тебя уважает? По-моему, он издевается над тобой». В конце концов Маленков ответил: «Да, я вижу, но что я могу поделать?». «Я просто хотел бы, чтобы ты видел и понимал. А это верно, что сейчас ты не можешь ничего поделать». Дальше — больше. У меня созревали определенные опасения. Годы жизни Сталина шли такие, что в любой момент страна могла оказаться в тяжелом положении без вождя. Я боялся его смерти. И еще больше боялся за последствия: что потом будет в стране?

В те годы, несмотря на то, что я давно сомневался в справедливости обвинений в адрес многих «врагов народа», в целом у меня не возникало недоверия к Сталину. Я считал, что имели место перегибы, однако в основном все было сделано правильно. Я даже возвеличивал Сталина за то, что он не побоялся осложнений, провел чистку и тем самым объединил, сплотил честных людей. Тем не менее, к рубежу 50-х годов у меня уже сложилось мнение, что, когда умрет Сталин, нужно сделать все, чтобы не допустить Берию занять ведущее положение в партии. Иначе — конец партии! Я считал, что могла произойти утрата всех завоеваний революции, так как Берия повернет развитие с социалистического на капиталистический путь. Такое у меня сложилось мнение.

Однажды, когда я был во Львове, Сталин позвонил мне и срочно вызвал в Москву. Шли последние месяцы 1949 года. Я ехал и не знал, что меня ждет. Могло возникнуть много неожиданных сюрпризов. Такая тогда была ситуация. Ехал я и не знал, зачем еду, куда и в каком положении буду возвращаться. Сходные переживания как-то выразил Булганин после обеда у Сталина, сказав мне: «Вот едешь к нему на обед вроде бы как другом, а не знаешь, сам ли ты поедешь домой или тебя повезут кое-куда». Он это произнес, будучи под крепким градусом. Но ведь что у трезвого в голове, то... Булганин отразил мысли многих, если не всех нас. Сложилась общая обстановка неуверенности в завтрашнем дне. Итак, выехал я в Москву. Сталин говорит: «Довольно вам на Украине сидеть. Вы там проработали много лет». «Да, 13 лет. Время мне уходить оттуда, хотя отношение ко мне там очень хорошее, и я благодарен всем людям, которые меня окружали и помогали мне в руководстве на Украине». «Мы хотим перевести вас в Москву. У нас неблагополучно в Ленинграде, выявлены заговоры. Неблагополучно и в Москве, и мы хотим, чтобы вы опять возглавили Московскую парторганизацию. Пусть Московская парторганизация будет опорой Центрального Комитета». Я ему: «Если Вы доверяете, то я сделаю все, что в моих силах, и охотно вернусь в Москву в качестве секретаря Московского комитета партии». «Нет, не только, вы будете здесь еще и секретарем ЦК».

Этот разговор состоялся как раз перед 70-летием Сталина. И он добавил: «Вы приезжайте ко дню моего рождения». Я и приехал к этому декабрьскому дню. Сдал дела на Украине, перебрался в Москву. Тут меня избрали секретарем МК, я начал работать по-новой. Быстро увидел, что мой приезд в Москву противоречил предположениям Берии и Маленкова. У меня сложилось тог-

да впечатление, что Сталин (он этого не сказал мне), вызывая меня в Москву, хотел как-то повлиять на расстановку сил в столице и понизить роль Берии и Маленкова. Мне даже иногда казалось, что Сталин сам боится Берии, рад был бы от него избавиться, но не знает, как это лучше сделать. Перевод же меня в Москву как бы противопоставлял нас, связывая Берии руки. Сталин, как мне казалось, хорошо ко мне относился и доверял мне. Хотя он часто критиковал меня, но зато и поддерживал, и я это ценил.

¹ ЗЕМЛЯЧКА Р.С. (1876 — 1947) — член РСДРП с 1898 г., активный деятель большевистского движения, занимала с 20-х годов ряд постов в высших советских и партийных контрольных органах. В 1937 г. являлась одним из руководителей Комиссии советского контроля. С 1939 г. — заместитель председателя Комиссии партийного контроля и (до 1943 г.) заместитель председателя Совнаркома СССР.

² Имеется в виду постановление пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 11, 14, 18 и 20 января 1938 г., «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». После этого ЦК ВКП(б) принял в марте 1938 г. постановление «О рассмотрении парторганизациями апелляций исключенных из ВКП(б)».

³ ЯКОВЛЕВ Я.А. (1896 — 1938) заведовал этим отделом с 1934 г. вплоть до того, как был репрессирован.

⁴ КОБУЛОВ А.З. (1906 — 1955) — генерал-лейтенант с 1945 г., зам.начальника отдела «С» НКВД СССР, 1-й зам.начальника ГУЛАГа с 1951 г.

⁵ КОБУЛОВ Б.З. (1904 — 1953) — чекист с 1922 г., зам.наркома внутренних дел Грузии с 1938 г., зам.наркома госбезопасности СССР с 1941 г. и в 1943 — 1945 гг., 1-й зам.министра внутренних дел СССР с 1953 г., расстрелян как государственный преступник.

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Вспоминая сегодня, 1 июня 1971 года, те дни, вынужден честно заявить, что мы получили после смерти Сталина тяжелое наследство. Страна была разорена. Руководство ею, сложившееся при Сталине, было, если так можно выразиться, нехорошим. Собрались в кучу разношерстные люди. Тут и неспособный к новациям Молотов, и опасный для всех Берия, и перекати-поле Ма-

ленков, и слепой исполнитель сталинской воли Каганович. В лагерях сидело 10 миллионов человек. Тюремь были переполнены. Имелась даже особая тюрьма для партийного актива, которую создал по специальному заданию Сталина Маленков. В международной обстановке не виделось просвета, шла вовсю холодная война. Нагрузка на советский народ от примата военного производства была неимоверной. Во время похорон Сталина и после них Берия проявлял ко мне большое внимание, выказывал свое уважение. Я этим был удивлен. Он вовсе не порывал демонстративно дружеских связей с Маленковым, но вдруг начал устанавливать дружеские отношения и со мной. Если, бывало, они вдвоем соберутся пройти по Кремлю, то и меня приглашают. Одним словом, стали демонстрировать мою близость к ним. Я, конечно, не противился, хотя мое негативное мнение о Берии не изменилось, а, наоборот, укрепилось еще больше.

Существовала договоренность: составлять повестку дня заседаний Президиума ЦК вдвоем — Маленкову и Хрущеву. Маленков председательствовал на заседаниях, а я только принимал участие в составлении повестки дня. Берия же все больше набирал силу, быстро росла его наглость. Вся его провокаторская хитрость была пущена им тогда в ход. Тогда же произошло первое столкновение других членов Президиума ЦК с Берией и Маленковым. Президиум уже изменился по составу. Мы вернулись к более узкому кругу членов, а Бюро, которое было создано Сталиным на пленуме сразу после XIX съезда партии, мы ликвидировали¹.

Берия и Маленков внесли предложение отменить принятое при Сталине решение о строительстве социализма в Германской Демократической Республике. Они зачитали соответствующий документ, но не дали его нам в руки, хотя у Берии имелся письменный текст. Он и зачитал его от себя и от имени Маленкова. Первым взял слово Молотов. Он решительно выступил против такого предложения и хорошо аргументировал свои возражения. Я радовался, что Молотов выступает так смело и обоснованно. Он говорил, что мы не можем пойти на это; что тут будет сдача позиций; что отказаться от построения социализма в ГДР — значит, дезориентировать партийные силы Восточной, да и не только Восточной, Германии, утратить перспективу; что это капитуляция перед американцами. Я полностью был согласен с Молотовым и тотчас тоже попросил слова, поддержав Молотова. После меня выступил Булганин, который сидел рядом со мной. Потом выступили остальные члены Президиума. И Первухин, и Сабуров,

и Каганович высказались против предложения Берии — Маленкова относительно ГДР. Тогда Берия с Маленковым отозвали свой документ. Мы даже не голосовали и не заносили в протокол результаты обсуждения. Вроде бы вопроса такого не было. Тут была уловка.

Разошлись мы после заседания, но на душе осталась горечь. Как можно по такому важному вопросу выходить с подобным предложением? Я считал, что это — антикоммунистическая позиция. Мы понимали, конечно, что Берия использует Маленкова, а Маленков, как теленок, пошел вместе с ним в этом деле. Кончилось заседание, и вышли мы из зала втроем — Маленков, Берия и я. Но ничего не обсуждали. В тот же день я увиделся с Молотовым, и он сказал мне: «Я очень доволен, что вы заняли такую позицию. Я этого, признаться, не ожидал, потому что видел вас всегда втроем и считал, что вы занимаете единую позицию с Маленковым и Берией, думал, что Хрущев уже, наверное, заавансировался по этому вопросу. Твердая, резкая позиция, которую вы заняли, мне очень понравилась». И тут же предложил мне перейти с ним на «ты». Я, в свою очередь, сказал, что тоже доволен, что Вячеслав Михайлович занял такую правильную позицию.

А спустя некоторое время звонит мне Булганин: «Тебе еще не звонили?». Я сразу все понял без дальнейших разъяснений: «Нет, не звонили. Мне и не позвонят». «А мне уже позвонили». «И что ты ответил?». «Они сказали, чтобы я подумал еще раз: хочу ли я занимать пост министра обороны?». «А кто именно тебе звонил?». «Сначала один, потом другой. Оба позвонили». «Нет, мне не позвонили, потому что знают, что их звонок может им навредить». После этого со стороны Берии отношение ко мне внешне вроде бы не изменилось. Но я понимал, что тут лишь уловка, «азиятина». В этот термин мы вкладывали такой смысл, что человек думает одно, а говорит совсем другое. Я понимал, что Берия проводит двуличную политику, играет со мной, успокаивает меня, а сам ждет момента расправиться со мною в первую очередь, когда наступит подходящее время.

На одном из заседаний он внес такое предложение: «Поскольку у многих заключенных или сосланных кончаются сроки заключения или ссылки и они должны возвращаться по месту прежнего жительства, предлагаю принять решение, с тем чтобы никто из них не имел права возвращаться без разрешения министра внутренних дел и оставался жить в районах, предудказанных министерством». Я возмутился и выступил против, сказав: «Категорически возражаю, это — произвол. Произвол уже был раньше допущен.

Этих людей арестовывала госбезопасность, следствие вела тоже госбезопасность и судила госбезопасность. «Тройки», которые были созданы в госбезопасности, творили, что хотели. Ни следователя, ни прокурора, ни суда, ничего не было, просто тащили людей и убивали. Теперь люди, которые отбыли срок своего наказания даже по приговору «троек», опять лишаются всего, остаются преступниками, и им указывается место жительства Министерством внутренних дел. Это недопустимо». Все другие меня поддерживали. Берия опять ловко отозвал свое предложение. Протокол подписывал Маленков, и вопрос вновь не был запротоколирован.

Тут прозвучал уже более серьезный сигнал со стороны Берии. Потом он же вносит, казалось бы, либеральное предложение: изменить такое-то решение (назывались время и его номер), которое предусматривало аресты и осуждение арестованных «тройками» на срок до 20 лет тюрьмы или ссылки. Берия предложил уменьшить срок до 10 лет. Казалось, милое предложение. Но я правильно понял Берию и сказал: «Категорически против этого, потому что надо пересмотреть всю систему арестов, суда и следственной практики. Она произвольна. А вопрос, на 20 или на 10 лет осудить, особого значения не имеет, потому что можно сначала осудить на 10 лет, а потом еще на 10 лет, и еще раз на 10. Такое уже было. К нам поступают документы, гласящие, что подобные методы практикуются. Поэтому я категорически против». И Берия опять отозвал свое предложение.

Так я активно выступил против Берии по двум вопросам. По первому вопросу поддержал выступление Молотова, по второму все другие поддержали меня. Таким образом, у меня не осталось сомнений, что Берия теперь правильно понимает меня и уже намечает свои «меры», потому что он не может смириться с тем, что кто-то стоит на его пути. Такие сложились условия работы. Что же потом предложил Берия, эта бестия? Как-то мы ходили, гуляли, и он стал развивать такую мысль: «Все мы ходим под Богом, как говорили в старое время, стареем, все может случиться с каждым из нас, а у нас остаются семьи. Надо подумать и о старости, и о своих семьях. Я предложил бы построить персональные дачи, которые должны быть переданы государством в собственность тем, кому они построены». Для меня был уже не удивителен такой, не коммунистический ход мышления. Он полностью вязался с образом Берии. И, к тому же, я был убежден, что все это говорилось в провокаторских целях. А он продолжает: «Предлагаю строить дачи не под Москвой, а в Сухуми. О, какой это город!». И стал

говорить, какой это чудесный город. «Но предлагаю строить в Сухуми не на окраинах. Зачем идти за город? Надо освободить в центре города большой участок, посадить там сад, развести персики». И стал хвалить, какие растут там персики, какой виноград. Потом развивал свои мысли дальше.

У него все было продумано: какой нужен обслуживающий персонал, какой штат. Все ставилось им на широкую, барскую ногу. «Проект и строительство будет вести Министерство внутренних дел. В первую голову, считаю, надо построить для Егора (то есть для Маленкова), потом тебе, Молотову, Ворошилову, а затем и другим». Я молча слушаю его, пока не противоречу. Потом говорю: «Подумать надо». Кончили разговор, и мы оба с Маленковым поехали на дачу. Ехали в машине втроем. Подъехали к повороту с Рублевского шоссе. Там мы с Маленковым должны ехать дальше налево, а Берия — прямо. И я сел с Маленковым в одну машину. Говорю ему: «Как ты на это смотришь? Это же чистейшая провокация». «Ну, почему ты так относишься к его словам?». «Я его вижу насквозь, это провокатор. Разве можно так делать? Давай сейчас не противоречить, пусть он этим занимается и думает, что его замысел никто не понимает».

И Берия начал развивать свою идею. Поручил составить проекты. Когда их закончили, пригласил нас, показал проекты и предложил начать строительство. Докладывал нам по этим вопросам известный строитель. Сейчас этот товарищ работает начальником строительства предприятий атомной энергии. Я его знал еще до войны и по событиям в войне. Берия считал его близким себе лицом, ибо он работал у Берии и выполнял то, что тот ему говорил. После новой встречи я сказал Маленкову: «Пойми, у Берии есть дача. Он нам говорит, что себе тоже там выстроит, но он не будет себе строить. А вот тебе построит, и это будет сделано для твоей дискредитации». «Нет, нет, ну что ты!». А для меня существенным был факт, что Берия предлагал построить собственные дачи обязательно в Сухуми. В проекте уже было намечено место, где будет возведена дача Маленкова. По плану предвиделось выселение большого количества людей, проживавших там. Министр, который нам докладывал, говорил, что надо выселить огромное их количество и что такая стройка — для людей сущее бедствие. Шутка ли сказать, там их собственность, сколько поколений там жило, и вдруг их выселяют?

Берия же объяснял, что место выбрано таким образом, чтобы Маленков из своей дачи мог видеть Черное море и за Турцией наблюдать. Он даже шутил: «Турецкий берег будет на горизонте,

очень красиво». А когда все разошлись и мы опять остались наедине с Маленковым, я говорю ему: «Ты разве не понимаешь, чего хочет Берия? Он хочет сделать погром, выбросить людей, разломать их очаги и выстроить там тебе дворец. Все это будет обнесено забором. Начнется клокотание негодования в городе. Всех будет интересовать, для кого это строят? И когда все будет закончено, ты приезжаешь, и люди видят, что в машине сидит. Председатель Совета Министров СССР; весь погром, все выселение людей сделаны для тебя. Возмущение проявится не только в Сухуми, оно перебросится в другие места. А это и нужно Берии. Ты сам тогда попросишь об отставке». Маленков призадумался.

Поговорил Берия о дачах и с Молотовым. Я не ожидал такого от Молотова, но Молотов вдруг согласился. Он сказал только, что ему пусть построят не на Кавказе, а под Москвой. Я был удивлен. Я-то думал, что Молотов вспыхнет и начнет возражать. Не знаю, как это получилось. И так как никто пока не высказался активно против, машина заработала. Подготовили проекты, Берия просмотрел их. После работы мы заезжали к Берии, и он показывал мне проект моей дачи. «Эй, слушай, какой хороший дом, смотри, какой». Я ему: «Да, мне очень нравится». «Возьми проект домой». Привез я проект домой и, признаться, не знал, куда его деть. Нина Петровна, жена, говорит мне: «Что это у тебя?». Я признался ей. Жена возмутилась: «Это безобразие!». Я не смог ничего объяснить Нине Петровне и сказал только: «Давай, уберем его, потом поговорим».

Итак, дело завертелось. Берия форсировал строительство, но до его ареста так ничего и не было сделано по существу. Когда же его арестовали, мы тотчас все отменили. А проект дачи долгое время валялся где-то у меня. Тогда же Берия развил бешеную деятельность по вмешательству в жизнь партийных организаций. Он сфабриковал документ о положении дел в украинском руководстве. Первый удар из числа им задуманных он решил нанести по украинской парторганизации. Я полагал, что он развивал это дело с тем, чтобы втянуть туда и мою персону. Он собирал нужные ему материалы через Министерство внутренних дел УССР и начал втягивать в подготовку дела начальников областных управлений МВД. Начальником УВД во Львове был Строкач². Ныне он уже умер. Это был честный коммунист и хороший военный. До войны он был полковником, командовал погранвойсками. Во время войны работал начальником штаба украинских партизан и всегда докладывал мне о положении вещей на оккупированной врагом территории. Я видел, что это честный и порядочный человек.

После войны он был назначен уполномоченным МВД по Львовской области, где действовали бандеровцы.

Позднее мы узнали, что когда к нему обратился министр внутренних дел Украины и потребовал от него компрометирующих материалов на партийных работников, то Строкач сказал, что это не его дело, а секретаря обкома партии, пусть обращаются туда. Тогда Строкачу позвонил Берия и сказал, что если он станет умирать, то будет превращен в лагерную пыль. Но в 1953 г. мы сначала ничего не знали, хотя чувствовали, что идет наступление на партию, ее подчиняют Министерству внутренних дел. Записку Берии о руководящих кадрах Украины мы обсуждали в ЦК КПСС. В результате было принято решение освободить Мельникова от обязанностей секретаря ЦК КПУ, а на его место избрать Кириченко³. Идея Берии состояла в том, что местные, национальные кадры якобы не допускаются к руководству, что их не выдвигают, и предложил ввести в состав Президиума ЦК КПУ Корнейчука. Так и было сделано на пленуме. Но мне рассказали товарищи уже после того, как Берия был арестован, как проходил тот пленум. Корнейчук неправильно понял, почему его кандидатура была выдвинута, и начал говорить всякие словеса в пользу Берии. Не сообразил, ради чего Берия так старается.

Следующая записка Берии касалась прибалтов, потом Белоруссии. И все той же направленности. В его предложениях далеко не все было неправильным. ЦК КПСС и сам к тому времени взял курс на выдвижение национальных кадров. И мы приняли решение, что в республиках пост первого секретаря ЦК должен занимать местный человек, а не присланный из Москвы русский. Вообще же у Берии имелась антирусская направленность. Он проповедовал, что на местах царит засилье русских, что надо их осадить. Так все и поняли и начали громить не только русских, но и те национальные кадры, которые не боролись с русским «засильем». Это произошло во многих партийных организациях национальных республик.

Я не раз говорил Маленкову: «Неужели ты не видишь, куда клонится дело? Мы идем к катастрофе. Берия подобрал для нас ножи». Маленков мне: «Ну, а что делать? Я вижу, но как поступить?». Я ему: «Надо сопротивляться, хотя бы в такой форме: ты видишь, что вопросы, которые ставит Берия, часто носят антипартийную направленность. Надо не принимать их, а возражать». «Ты хочешь, чтобы я остался один? Но я не хочу». «Почему ты думаешь, что останешься один, если начнешь возражать? Ты и я — уже двое. Булганин, я уверен, мыслит так же, потому что я не один раз обме-

нивался с ним мнениями. Другие тоже пойдут с нами, если мы будем возражать аргументировано, с партийных позиций. Ты же сам не даешь возможности никому слова сказать. Как только Берия внесет предложение, ты сейчас же спешишь поддержать его, заявляя: верно, правильное предложение, я за, кто против? И сразу голосуешь. А ты дай возможность высказаться другим, попривержи себя, не выскакивай, и увидишь, что не один человек думает иначе. Я убежден, что многие не согласны по ряду вопросов с Берией».

И я предложил: «Мы ведь составляем повестку дня. Давай, поставим острые вопросы, которые, с нашей точки зрения, неправильно вносятся Берией, и станем возражать ему. Я убежден, что мы тем самым мобилизуем других членов Президиума, и решения Берии не будут приняты». Маленков наконец-то согласился. Я был, честно говоря, и удивлен, и обрадован. Составили мы очередную повестку дня заседания Президиума ЦК. Сейчас не помню, какие тогда вопросы стояли, прошло много лет. На заседании мы аргументированно выступили «против» по всем вопросам. Другие нас тоже поддержали, и идеи Берии не прошли. Так получилось подряд на нескольких заседаниях. Только после этого Маленков обрел надежду, что, оказывается, с Берией можно бороться сугубо партийными методами, оказывать собственное влияние на решение вопросов и отвергать те предложения, которые, с нашей точки зрения, не являются полезными для партии и страны.

Мы видели, что Берия стал форсировать события. Он уже чувствовал себя над членами Президиума, важничал и даже внешне демонстрировал свое превосходство. Мы переживали очень опасный момент. Я считал, что нужно срочно действовать, и сказал Маленкову, что надо поговорить с другими членами Президиума по этому поводу. Видимо, на заседании такое не получится, и надо с глазу на глаз поговорить с каждым, узнать мнение по коренному вопросу отношения к Берии. С Булганиным я по этому вопросу говорил раньше и знал его мнение. Он стоял на верных позициях и правильно понимал опасность, которая грозила партии и всем нам со стороны Берии. Маленков тоже согласился: «Да, пора действовать». Мы условились, что я прежде всего поговорю с Ворошиловым, поеду к нему. Имелась какая-то комиссия, в которую входили и Ворошилов, и я. Я решил использовать это обстоятельство, позвонил Клименту Ефремовичу и сказал, что хотел бы встретиться с ним, поговорить по такому-то вопросу. Ворошилов ответил, что он сейчас приедет ко мне в ЦК. «Нет, — говорю, — прошу меня принять, я сам приеду к тебе». Но он наста-

ивал, что это он приедет. В конце концов я настоял на своем. Мы условились с Маленковым, что после разговора с Ворошиловым (это было перед самым обедом) я приеду домой, зайду к Маленкову, и мы отобедаем вместе. Мы жили тогда с Маленковым в одном доме на улице Грановского, 3, и в одном подъезде, только я на 5 этаже, а он этажом выше.

Приехал я к Ворошилову в Верховный Совет, но у меня не получилось того, на что я рассчитывал. Как только я открыл дверь и переступил порог его кабинета, он очень громко стал восхвалять Берию: «Какой у нас, товарищ Хрущев, замечательный человек Лаврентий Павлович, какой это исключительный человек!». Я ему: «Может, ты зря так говоришь, преувеличиваешь его качества?». Но я уже не мог говорить с ним о Берии так, как было задумано. Моя-то оценка была совершенно противоположной, и я бы своим мнением поставил Ворошилова в неловкое положение. Он мог не согласиться со мной просто из самолюбия: только что, когда я вошел, он восхвалял его, а потом сразу перешел на мою позицию, которая сводилась к необходимости устранения Берии. И я перебрался с ним словами по вопросу, о котором официально договорился по телефону: чепуховый какой-то вопрос. И сейчас же вернулся обедать, как мы условились с Маленковым.

Рассказал Маленкову, что у меня ничего не получилось, что я не смог поговорить с Ворошиловым, как было задумано. Я полагал, что Ворошилов мог так говорить, рассчитывая, что его подслушивают, и говорил это для «ушей Берии». С другой стороны, он считал меня близким к Берии, потому что часто видел нас вместе: Берию, Маленкова и меня. Значит, и тут он говорил это для Берии, что тоже свидетельствует об обстановке, которая вынуждала людей идти на такие приемы поведения и брать грех на душу против своей совести.

Мы договорились с Маленковым, что далее я поговорю с Молотовым. Молотов был тогда министром иностранных дел. Он мне звонил несколько раз сам, говорил, что хотел бы со мной встретиться в ЦК и поговорить по вопросам мидовских кадров. Я воспользовался одним из таких его звонков и сказал: «Ты хотел со мной встретиться? Я готов. Если можешь, приезжай, поговорим с тобой о кадрах». А когда он приехал, я ему сказал: «Давай о кадрах, только не мидовских». И начал высказывать ему свою оценку роли Берии. Говорил, какая опасность грозит сейчас партии, если не остановить начатый им процесс разгрома партийного руководства. Молотов, видимо, сам немало думал об этом. Не мог не думать, потому что он сам все знал и видел похожее еще при жизни

Сталина. Когда Молотов пользовался у Сталина еще доверием, я лично слышал, как он очень резко высказывался против Берии, но не при Сталине, а когда выходил от Сталина, имея в виду провокационный метод Берии. Если Берия вносил какое-то предложение, а Сталин высказывался против, то Берия тут же обращался к кому-то из сидящих: «Ну, что ты предлагаешь? Это не годится!». Так он не раз поступал с Молотовым, и Молотов реагировал очень резко.

Поэтому, как только я заговорил с Молотовым, он полностью со мной согласился. «Да, верно, но хочу спросить, а как держится Маленков?». «Я разговариваю сейчас с тобой от имени и Маленкова, и Булганина. Маленков, Булганин и я уже обменялись мнениями по этому вопросу». «Правильно, что вы поднимаете этот вопрос. Я полностью согласен и поддерживаю вас. А что вы станете делать дальше и к чему это должно привести?». «Прежде всего нужно освободить Берию от обязанностей члена Президиума ЦК, заместителя председателя Совета Министров СССР и от поста министра внутренних дел». Но Молотов сказал, что этого недостаточно: «Берия очень опасен, и я считаю, что надо пойти на более крайние меры». «Может быть, задержать его для следствия?».

Я говорил «задержать», потому что у нас прямых криминальных обвинений в его адрес не было. Я-то мог думать, что он был агентом мусаватистов, как об этом говорил Каминский. Но такие факты никем не проверялись, и я не слышал, чтобы имело место хоть какое-то разбирательство этого дела. Правда ли то было или неправда, однако я верил Каминскому, потому что это был порядочный и сугубо партийный человек. Но в отношении провокационного поведения Берии все у нас было основано на интуиции. А по интуитивным мотивам человека арестовать невозможно. Поэтому я говорил, что его надо задержать «для проверки». Это как раз было возможно.

Итак, мы договорились с Молотовым, а потом я рассказал все Маленкову и Булганину. И мы решили, что следует форсировать ход дела, потому что нас могут подслушать или кто-либо нечаянно проговорится, сведения о наших шагах дойдут до Берии, и Берия нас просто арестует. Тогда же мы условились, что я должен поговорить с Сабуровым, тоже членом Президиума. Сабуров очень быстро ответил мне: «Я полностью согласен». И тоже спросил: «А что Маленков?». Об этом спрашивали все, с кем я заговаривал. Кагановича в то время в Москве не было, он находился на лесозаготовках, проверял, как идут там дела. Когда Каганович вернулся, я попросил его заехать в ЦК. Он приехал вечером, и мы

сидели с ним очень долго. Он подробно мне рассказывал о Сибири, о лесозаготовках. Я его не останавливал, хотя у меня голова была занята совершенно другим. Я проявлял вежливость, тактичность, ждал, когда его тема иссякнет.

Когда я увидел, что наступил конец, то сказал: «Это все интересно, о чем ты рассказывал. Теперь я тебе хочу рассказать, что делается у нас». Каганович сразу наострил уши: «А кто за?». Он поставил так вопрос, чтобы разведать, каково соотношение сил. Я сказал, что Маленков, Булганин, Молотов и Сабуров согласны, так что, собственно говоря, и без него у нас имеется большинство. Тогда Каганович заявил: «Я тоже за, конечно, за, это я просто так спросил». Но я его правильно понял, и он меня понял. Затем спрашивает: «А как же Ворошилов?». И я ему рассказал, какая у меня получилась неловкость с Ворошиловым. «Так он тебе и сказал?». «Да, он стал хвалить Берия». Каганович выругался в адрес Ворошилова, но незлобно: «Вот старый хрыч. Он неправду тебе сказал. Он сам мне говорил, что просто невозможно жить дальше с Берией, что он очень опасен, что он может на все пойти и всех нас уничтожить». «Тогда нужно с ним побеседовать еще раз. Может быть, с ним поговорит Маленков? Мне-то лучше не возвращаться к этому разговору, чтобы не ставить его в неловкое положение». На том и согласились.

Каганович спрашивает: «А Микоян?». «С Микояном я по этому вопросу еще не говорил, тут сложный вопрос». Мы все знали, что у кавказцев Микояна и Берии существовали наилучшие отношения, они всегда стояли один за одного. И я сказал, что с Микояном поговорить, видимо, надо попозже. О новом разговоре я поведал Маленкову, и он тоже согласился, что с Ворошиловым в данной ситуации лучше поговорить ему. Теперь оставался Первухин. Маленков: «С Первухиным я хочу потолковать сам». «Учти, что Первухин — человек сложный, я его знаю». «Но и я его знаю». «Ну, пожалуйста!». Он пригласил Первухина к себе и потом звонит мне: «Вызвал Первухина, рассказал ему все, а Первухин ответил, что подумает. Это очень опасно. Я тебе это сообщаю, чтобы вызвать его поскорее. Неизвестно, чем это может кончиться». Я позвонил Первухину. Он приехал ко мне, и я ему рассказал все в открытую. Михаил Георгиевич ответил: «Если бы мне Маленков все сказал так, как ты, так и вопросов у меня не возникло бы. Я полностью согласен и считаю, что другого выхода нет». Не знаю, как именно Маленков говорил ему, но кончилось так.

Таким образом, у нас со всеми членами Президиума дело было

обговорено, кроме Ворошилова и Микояна. И мы с Маленковым решили начать действовать в день заседания Президиума Совета Министров СССР. На заседании Президиума Совмина я всегда присутствовал: в протоколе было записано, что я должен принимать участие в таких заседаниях. На этих заседаниях отсутствовал Ворошилов. Поэтому мы решили, созвав заседание Президиума Совмина, пригласить Ворошилова. Когда все соберутся, открыть вместо заседания Президиума Совмина заседание Президиума ЦК. Условились еще, что я перед самым заседанием побеседую с Микояном, а Маленков — с Ворошиловым.

Утром того дня я был на даче. Позвонил оттуда Микояну и пригласил его заехать за мной, чтобы вместе отправиться на заседание Президиума Совета Министров СССР. Микоян приехал, и тут я провел беседу. Она была очень длительной. Припоминаю, что мы разговаривали часа два, подробно все обговорили, а потом еще несколько раз возвращались к обговоренному. Позиция Микояна была такой: Берия действительно имеет отрицательные качества, но он не безнадёжен, в составе коллектива может работать. Это была совершенно особая позиция, которую никто из нас не занимал. Пора было кончать разговор, времени оставалось только на то, чтобы прибыть на заседание. Мы уселись вместе в машину и уехали в Кремль. Приехали. Перед началом заседания Микоян зашел в свой кабинет, а я поспешил к Маленкову. Переказав ему свой разговор с Микояном, я выразил сомнения и тревогу в связи с таким его ответом. К тому времени Маленков уже поговорил с Ворошиловым. «Ну, и как? Он по-прежнему хвалил Берия?». «Когда я ему только заикнулся о нашем намерении, Клим обнял меня, поцеловал и заплакал». Так ли это было, не знаю. Но думаю, что врать Маленкову было незачем.

Выявился и такой вопрос: мы обсудим дело, задержим Берия. А кто именно его задержит? Наша охрана подчинена лично ему. Во время заседания охрана членов Президиума сидит в соседней комнате. Как только мы поднимем наш вопрос, Берия прикажет охране нас самих арестовать. Тогда мы договорились вызвать генералов. Условились, что я беру на себя пригласить генералов. Я так и сделал, пригласил Москаленко и других, всего человек пять. Маленков с Булганиным накануне заседания расширили их круг, пригласив еще Жукова. В результате набралось человек 10 разных маршалов и генералов; их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Мы условились, что они станут ожидать вызова в отдельной комнате, а когда Мален-

ков даст им знать, то войдут в кабинет, где проходит заседание, и арестуют Берию.

И вот открылось заседание. Ворошилов как председатель Президиума Верховного Совета СССР, естественно, обычно не присутствовал на заседаниях Президиума Совета Министров СССР. Поэтому его появление показалось вроде бы непонятным. Маленков, открыв заседание, сразу же поставил вопрос: «Давайте обсудим партийные дела. Есть такие, которые необходимо обсудить немедленно, в составе всех членов Президиума ЦК». Все согласились. Я, как условился заранее, попросил слова у председательствующего Маленкова и предложил обсудить вопрос о Берии. Берия сидел от меня справа. Он встрепнулся, взял меня за руку, посмотрел на меня и говорит: «Что это ты, Никита? Что ты мелешь?». Я ему: «Вот ты и послушай, как раз об этом я и хочу рассказать».

Вот о чем я говорил: на предвоенном пленуме ЦК, когда обсуждали положение дел в партии и всех там критиковали, попросил слова Каминский, нарком здравоохранения СССР. Он вышел на трибуну и сделал примерно такое заявление: «На этом пленуме нас призвал тов. Сталин рассказать всю правду друг о друге, покритиковать друг друга. Хотел бы сказать, что когда я работал в Баку, то там упорно ходили слухи среди коммунистов, что Берия работал в мусаватистской контрразведке. Хочу сказать об этом, чтобы знали в нашей партии и проверили это». Заседание тогда закончилось, и никто больше по данному вопросу не выступал, сам Берия тоже никакой справки не дал, хотя присутствовал. Был объявлен перерыв, все разошлись на обед. После обеда пленум продолжался, но Каминский уже туда не пришел, и никто не знал, почему. Тогда это было закономерно. Многие члены ЦК, которые присутствовали на одном заседании, на второе не приходили, попадали во «враги народа» и арестовывались. Каминского постигла та же участь.

Каминского я узнал, когда стал работать секретарем Бауманского, потом Краснопресненского райкомов партии Москвы и особенно с ним сблизился, когда был избран секретарем Московского городского комитета партии в начале 1932 года. Каминский дружил с Мишей Кацеленбогеном⁴ (Михайловым). Это был очень хороший человек и перспективный работник. Я его весьма уважал и тоже дружил с ним. Естественно, у меня складывалась дружба и с Каминским. Поэтому я верил, что Гриша — порядочный человек. Он был человеком какой-то особой чистоты и морали. Тем не менее, хотя никто на пленуме не дал никакого объяснения на-

счет судьбы Каминского, он как в воду канул. Так пропал не только Каминский. Люди исчезали десятками, сотнями, тысячами. Потом уже объявляли, что они являются «врагами народа», да и то говорили не о каждом. У меня давно в голове бродила мысль, почему, когда Каминский сделал такое заявление, никто не дал объяснения? Правильно или неправильно он говорил, было ли это или этого не было, неизвестно...

Потом я рассказал о последних шагах Берии, уже после смерти Сталина, в отношении партийных организаций — украинской, белорусской и других. В своих записках Берия поставил вопросы (эти записки находятся в архиве) о взаимоотношениях в руководстве национальных республик, особенно в руководстве чекистских органов, и предлагал выдвигать национальные кадры. Это правильно, такая линия всегда была налицо в партии. Но он поставил этот вопрос под резким углом антирусской направленности в выращивании, выдвижении и подборе кадров. Он хотел сплотить националов и объединить их против русских. Всегда все враги Коммунистической партии рассчитывали на межнациональную борьбу, и Берия тоже начал с этого.

Затем я рассказал о его последнем предложении — насчет отказа от строительства социализма в ГДР, и о предложении относительно людей, осужденных и отбывших наказание, когда он предложил не разрешать им возвращаться к месту жительства, а право определять их местожительство предоставить Министерству внутренних дел, то есть самому Берии. Тут уже узаконенный произвол! Сказал я и о его предложении вместо радикального решения вопроса о той недопустимой практике ареста людей и суда над ними, которая была при Сталине, снизить максимальный срок осуждения таких лиц органами МВД с 20 до 10 лет. На первый взгляд предложение вроде бы либеральное, а по существу узаконивающее то, что существовало. Осудить на 20 лет или на 10, положения не меняет. Пройдет 10 лет и, если нужно, Берия еще добавит 10 лет, а потом снова 10, пока не дожидется смерти неугодного человека. И я закончил словами: «В результате наблюдений за действиями Берии у меня сложилось впечатление, что он вообще не коммунист, а карьерист, который пролез в партию из карьеристских побуждений. Ведет же он себя вызывающе и недопустимо. Невероятно, чтобы честный человек мог так вести себя».

После меня взял слово Булганин. Мы с ним еще при жизни Сталина были единого мнения о Берии. Он тоже высказался в том же духе. И другие проявили принципиальность, но за исключением

Микояна. Микоян высказывался последним. Он выступил (не помню сейчас деталей его речи) со следующим заявлением: повторив то, что сказал мне, когда я с ним беседовал перед заседанием, заявил, что Берия может учесть критику, что он не безнадёжен и в коллективе сумеет быть полезным. Когда все высказались, Маленков как председатель должен был подвести итоги и сформулировать постановление. Но он растерялся, и заседание оборвалось на последнем ораторе. Возникла пауза.

Видю я, что складывается такое дело, и попросил Маленкова, чтобы он предоставил мне слово для предложения. Как мы и условились, я предложил поставить на пленуме вопрос об освобождении Берии (это делает Президиум ЦК) от всех постов, которые он занимал. Маленков все еще пребывал в растерянности и даже не поставил мое предложение на голосование, а нажал сразу секретную кнопку и вызвал таким способом военных. Первым вошел Жуков, за ним Москаленко и другие. Жуков был тогда заместителем министра обороны СССР. К Жукову у нас тогда существовало хорошее отношение, хотя он на первых порах не назывался в числе тех военных, которые должны были помочь нам справиться с Берией.

В кабинет вошло человек 10 или более того. И Маленков мягко так говорит, обращаясь к Жукову: «Предлагаю вам как председатель Совета Министров СССР задержать Берию». Жуковскомандовал Берии: «Руки вверх!». Москаленко и другие обнажили оружие, считая, что Берия может пойти на какую-то провокацию. Берия рванулся к своему портфелю, который лежал на подоконнике, у него за спиной. Я схватил Берию за руку, чтобы он не мог воспользоваться оружием, если оно лежало в портфеле. Потом проверили: никакого оружия там не было, ни в портфеле, ни в карманах. Он просто сделал какое-то рефлекторное движение.

Берию взяли под стражу и поместили в здании Совета Министров, рядом с кабинетом Маленкова. И тут же мы решили, завтра или послезавтра, так скоро, как это будет возможно, созвать пленум ЦК партии, где поставить вопрос о Берии. Одновременно освободить от занимаемой должности генерального прокурора СССР, потому что он не вызывал у нас доверия, и мы сомневались, сможет ли он объективно провести следствие. Новым генеральным прокурором утвердили Руденко и поручили ему провести следствие по делу Берии. Итак, Берию мы арестовали. А куда его девать? Министерству внутренних дел мы не могли доверить его охрану, потому что это было его ведомство, с его людьми. Тогда его заместителями были Круглов и, кажется,

Серов⁵. Я мало знал Круглова, а Серова знал лучше и доверял ему. Считал, да и сейчас считаю, что Серов — честный человек. Если что-либо за ним и имелось, как за всеми чекистами, то он стал тут жертвой той общей политики, которую проводил Сталин. Поэтому я предложил поручить охрану Берии именно Серову. Но другие товарищи высказались в том смысле, что нужно быть все-таки поосторожнее. Круглову же мы все не доверяли. И договорились, что лучше всего поручить это дело командующему войсками Московского округа противовоздушной обороны Москаленко. Москаленко взял Берию, поставил вокруг своих людей и перевез Берию к себе на командный пункт, в бомбоубежище⁶. Я видел, что он делает это, как нужно. На этом заседание закончилось.

Как только оно закончилось, ко мне подошел Булганин: «Ты послушай, что рассказывает мой начальник охраны». Тот тоже подошел ко мне. Говорит: «Я узнал, что только что задержали Берию, и хочу сообщить вам о том, что Берия изнасиловал мою падчерицу, школьницу седьмого класса. Год или несколько больше тому назад умерла ее бабушка, а жена получила инфаркт и слегла в больницу. Девочка осталась в доме одна. Однажды вечером она бежала за хлебом мимо дома, где жил Берия. Там она встретилась со стариком, который пристально на нее посмотрел. Она испугалась. Потом ее вызвали чекисты и привели в дом Берии. Берия усадил ее с собой ужинать, предложил тост за Сталина. Она отказывалась, но он настоял, что за Сталина надо выпить. Она согласилась, выпила, а потом заснула, и он изнасиловал ее». Я ответил этому человеку: «Все, что вы рассказали, прокурор учтет при следствии».

Потом нам дали список, в котором имелись фамилии более чем 100 женщин. Их приводили к Берии его люди. А прием у него был для всех один: всех, кто попадал к нему в дом впервые, он угощал обедом и предлагал выпить за здоровье Сталина. В вино он подмешивал снотворное. Потом делал с ними, что хотел. Когда изолировали Берию, он попросил авторучку и бумагу. Мы посоветовались (у некоторых имелись сомнения) и решили дать ему: может быть, в нем пробудилось какое-то стремление искренне рассказать, что он знает о том, в чем мы его обвинили. И он начал писать. Сначала — записку Маленкову: «Егор, такой-сякой, ты же меня знаешь, мы же друзья, зачем ты поверил Хрущеву? Это он тебя подбил», и прочее. Ко мне он тоже обратился с запиской, в которой писал, что он честный человек. Таким образом он послал несколько записок. Маленков очень волновался, когда читал эти записки.

Потом стал говорить, что это они вместе с Берией предложили идею сворачивания строительства социализма в Восточной Германии, и он боится, что дело, направленное против Берии, обернется и против него. Но мы ему сказали, что сейчас обсуждается не этот вопрос. Вопрос же о Берии гораздо глубже, чем о Германии.

Когда Руденко стал допрашивать Берию, перед нами раскрылся ужасный человек, зверь, который не имел ничего святого. У него не было не только коммунистического, а и вообще человеческого морального облика. А уж о его преступлениях и говорить нечего, сколько он загубил честных людей⁷!

Спустя какое-то время после ареста Берии встал вопрос о Меркулове⁸, который в то время был министром Госконтроля СССР. Я, признаюсь, раньше с уважением относился к Меркулову и считал его партийным человеком. Он был культурным человеком и вообще нравился мне. Поэтому я сказал товарищам: «Тот факт, что Меркулов являлся помощником Берии в Грузии, еще не свидетельствует о том, что он его сообщник. Может быть, все-таки это не так? Ведь Берия занимал очень высокое положение и сам подбирал себе людей, а не наоборот. Люди верили ему, работали с ним. Поэтому нельзя рассматривать всех, кто у него работал, как его соучастников по преступлениям. Вызовем Меркулова, поговорим с ним. Возможно, он нам даже поможет лучше разобраться с Берией». И мы условились, что я его вызову в ЦК партии. Вызвал я Меркулова, сообщил, что нами задержан Берия, что ведется следствие. «Вы много лет с ним проработали, могли бы помочь ЦК». «Я с удовольствием, — говорит, — сделаю все, что смогу». И я ему предложил: «Изложите письменно все, что сочтете нужным».

Прошло сколько-то дней, и он написал большой текст, который, конечно, остался в архиве. Но эта записка ничем нам не помогла. Там были общие впечатления, умозаключения, вроде некоего сочинения. Меркулов пописывал кое-что, включая пьесы, и привык к сочинительству. Когда я послал его материал Руденко, тот прямо сказал, что Меркулова надо арестовать, потому что следствие по делу Берии без ареста Меркулова затруднится и окажется неполным. ЦК партии разрешил арестовать Меркулова. К моему огорчению, выяснилось, что зря я ему доверял. Меркулов был связан с Берией в таких преступлениях, что сам сел на скамью подсудимых и понес одинаковую с ним ответственность. В своем последнем слове, когда приговор был уже объявлен судом, Меркулов проклинал тот день и час, когда встретился с Берией. Он говорил, что это Берия довел его до суда.

¹ Официально первые решения Президиума ЦК КПСС после смерти Сталина были санкционированы пленумом ЦК КПСС, который состоялся 14 марта 1953 года. Тогда же был избран новый состав Секретариата ЦК партии.

² СТРОКАЧ Т.А. (1903 — 1963) — член ВКП(б) с 1927 г., генерал-лейтенант с 1944 г., в 1942 — 1945 гг. начальник Украинского штаба партизанского движения, в 1946 — 1956 гг. (с перерывами) министр внутренних дел УССР, потом находился на работе в МВД СССР.

³ КИРИЧЕНКО А.И. (1908 — 1975) — член ВКП(б) с 1930 г., с 1938 г. на партийной работе, в 1953 — 1957 гг. первый секретарь ЦК КП Украины, потом секретарь ЦК КПСС, с 1960 г. первый секретарь Ростовского обкома КПСС, до 1962 г. находился на административных должностях, член ЦК КПСС в 1952 — 1961 гг. и Президиума ЦК в 1955 — 1960 гг.

⁴ МИХАЙЛОВ М.Е. (Кацеленбоген, 1903 — 1938) — рабочий, член РКП(б) с 1919 г.; последний его пост перед тем, как он был репрессирован, — первый секретарь Воронежского обкома партии.

⁵ КРУГЛОВ С.Н. и Серов И.А. в ту пору — генерал-полковники.

⁶ Непосредственно охранял Берию генерал П.Ф. Батицкий (1910 — 1984, с 1968 г. Маршал Советского Союза).

⁷ Специальное судебное присутствие Верховного суда СССР 23 декабря 1953 г. приговорило Л.П. Берию, В.Н. Меркулова, В.Г. Деканозова, Б.З. Кобулова, С.А. Гоглидзе, П.Я. Мешика и Л.Е. Влодзимирского, работавших ранее в органах НКВД — МГБ — МВД, к расстрелу.

⁸ МЕРКУЛОВ В.Н. (1895 — 1953) — чекист с 1921 г., член Компартии с 1925 г., в 1931 — 1937 гг. ответственный партработник в Грузии, с 1938 г. 1-й зам. наркома внутренних дел СССР, с 1941 г. и в 1943 — 1946 гг. нарком госбезопасности СССР, с 1947 г. начальник Главного управления советским имуществом за границей, с 1950 г. министр Госконтроля СССР, расстрелян 23 декабря 1953 г. как государственный преступник.

ОТ XIX К XX СЪЕЗДУ КПСС

После того, как по окончании XIX съезда КПСС возник вместо прежнего Политбюро ЦК партии новый по названию орган — Президиум ЦК КПСС, Сталин сформировал из его членов широкие комиссии по разным вопросам. На практике оказалось, что эти комиссии неработоспособны, хотя я считаю, что если бы имелось надлежащее руководство ими и им были бы даны конкретные задания, а главное — были бы предоставлены этим комиссиям права, то они сыграли бы положительную роль. Но они не смогли сыграть ее, потому что были предоставлены самим себе и не существовало никакого плана руководства ими и не формулиро-

вались вопросы, которые ставились бы перед ними. Вопросы выдумывались на ходу. Одним словом, каждый играл там на своем инструменте и вступал в ту минуту, в какую хотел. Не имелось никакого дирижерского руководства.

И вот умер Сталин. Я очень тяжело переживал его смерть. Если говорить искренне, то переживал не потому, что был особо привязан к Сталину, хотя в целом был к нему привязан. Просто он старел, и неизбежная смерть ходила все время рядом с ним. Для меня это было пониманием природной безысходности: все рождается и все умирает, с этим надо считаться. Сталин был в таком возрасте, когда приходилось с такой мерой подступаться к неизбежности смерти человека. Меня тогда больше всего беспокоил состав Президиума, который оставался после смерти Сталина, и особая роль, которую занимал в нем и закрепил за собою Берия: она сулила, в моей оценке, огромные сложности работы и большие неожиданности, я бы даже сказал, катастрофические последствия. Поэтому я оплакивал Сталина как единственную реальную силу сплочения. Хотя эта сила часто применялась очень сумбурно и не всегда в нужном направлении, но все же усилия Сталина были направлены на укрепление и развитие дела социализма, на укрепление завоеваний Октября. В этом у меня не было сомнений. Он допускал варварские способы действий, но я тогда еще не знал, насколько были в полной мере его поступки обоснованными с точки зрения людей, которые без причины арестовывались и казнились.

Конечно, у меня закрадывались, как у всякого человека, сомнения: «Как же так? Из тех, кто попал под арест или в тюрьму, почти никто не возвращается и почти никто не был оправдан? В жизни так не должно случаться». Возникали сомнения, что все там обосновано, как надо в смысле правовых норм. Но Сталин — это был Сталин. Авторитет его был громаден, и у меня не появлялось мысли, что этот человек в принципе способен сознательно злоупотреблять властью.

Берия, когда умер Сталин, буквально просиял. Он переродился, помолодел, грубо говоря, повеселел, стоя у трупа Сталина, который и в гроб еще не был положен. Берия считал, что пришла его эра. Что нет теперь силы, которая могла бы сдерживать его и с которой он должен считаться. Теперь он мог творить все, что считал необходимым.

Маленков? Маленков никогда не занимал собственной позиции, не играл собственной роли. Он всегда был на побегушках. Сталин довольно образно при беседах в узком кругу говорил о

нем: «Это писарь. Резолюцию он напишет быстро, не всегда сам, но организует людей. Это он сделает быстрее и лучше других, а на какие-нибудь самостоятельные мысли и самостоятельную инициативу он не способен». Да он, по-моему, и не претендовал открыто на это. С Маленковым еще лет за пять до смерти Сталина, в Сочи, куда я как-то приехал по вызову Сталина, я однажды резко поговорил, обратив его внимание на то, что он не занимает своей позиции и проявляет бесхребетность в отношении Берии, а Берия издевается над ним. Тогда Маленков сказал мне, что он это знает, но не видит возможности, как поправить дело и избавиться от этого. Он считал, что ему быть вместе с Берией выгодно для его персоны. Впрочем, действительно так оно и было. Он поддерживал Берию, а Берия поддерживал Маленкова. Поэтому акции Маленкова и ценились высоко, хотя Сталин очень критически отнесся к его личным способностям руководителя.

Булганин? Булганин относился к Берии сдержанно, и когда я с ним говорил по этому вопросу и высказывал свое отрицательное отношение к Берии, он соглашался со мною.

Вот с такими мыслями я стоял у тела Сталина. Я уже рассказывал раньше о наших действиях после смерти Сталина и об аресте Берии и не буду сейчас повторяться. А после ареста Берии и следствия по его делу произошло раскрытие тех тайных пружин, скрытых от нас, которые породили прежде столь большие злоупотребления и вызвали гибель многих честных людей. На меня, в частности, сильно впечатление произвела гибель Кедрова¹, отца академика-философа Кедрова². Я лично старшего Кедрова не знал. Он был крупным политическим деятелем, одним из руководителей советских войск на Севере, который в годы гражданской войны организовывал там оборону против интервентов. И у меня возникла потребность приподнять занавес и узнать, как же все-таки велось следствие, какие имели место аресты, сколько людей всего арестовали, какие существовали исходные материалы для ареста и что показало потом следствие по этим арестам? Я поставил эти вопросы на заседании Президиума ЦК и предложил обстоятельно разобраться. Эти вопросы особенно волновали меня потому, что мы уже начали думать о проведении XX съезда партии.

Конечно, не рвались в бой с вскрытием тайных пружин ни Ворошилов, ни Молотов, ни Каганович. Не могу сейчас точно припомнить позицию Микояна. Кажется, Микоян не вел активной линии, но и не сдерживал процесса разоблачения несправедливостей. Одним словом, постепенно все согласились, что необхо-

димо провести расследование дела. Создали комиссию. Возглавил ее Поспелов³.

Еще до того я пригласил к себе генерального прокурора СССР Руденко⁴ (а он как прокурор уже многие такие дела сам поднял и проверил) и спросил его: «Товарищ Руденко, по открытым судебным процессам 30-х годов насколько действительно обоснованы обвинения, которые предъявлялись Бухарину, Рыкову, Сырцову, Ломинадзе, Крестинскому⁵ и многим другим людям, хорошо известным Центральному Комитету, членам Оргбюро и Политбюро? Насколько все это было обосновано?». Руденко сказал, что с точки зрения юридических норм никаких данных для осуждения этих людей не существовало. Все основывалось только на личных признаниях, а личные признания, добытые путем физических и моральных истязаний, не могут служить базой для осуждения людей.

Тогда передо мной встал вопрос: как это могло произойти? Все знали о роли Сталина, его личности, его революционности, его заслугах перед страной и качествах, которые были отмечены партией. Он имел полное основание претендовать на особую роль, потому что действительно выделялся из своего круга и умением организовать дело, и умом. Он действительно стоял выше других. И даже сейчас, несмотря на мою непримиримость относительно его методов действий и его злоупотреблений, я признаю это. Однако если бы сейчас, например, он был еще жив и состоял бы голосование по вопросу о его ответственности за содеянное, я занял бы ту позицию, что его надо судить. Но следует и отдать ему должное. Этот человек не просто пришел к нам с мечом и завоевал наши умы и тела. Нет, он проявил в жизни свое превосходство, умение руководить страной, умение подчинять себе людей, выдвигать их и прочие качества, необходимые руководителю крупного масштаба.

Во всем, что касается личности Сталина, встречается и хорошее, правильное, и дикое, не укладывающееся ни в какие рамки. Надо рассматривать все стороны этой сложной личности. Я больше говорю здесь о темных сторонах просто потому, что восхвалений было достаточно. Главное — сделать должные выводы и не допускать, чтобы подобное могло повториться в будущем. В этом состоит цель моих записок. Любое изучение прошлого должно служить настоящему и будущему.

Напрашивается и одна параллель. Люди моего возраста помнят, как постепенно нарастало восхваление Сталина, и все знают, во что оно вылилось. Сталин умный! Сталин гениальный! Я

уже не говорю о других эпитетах: и отец родной, и прочее. Во всем этом наблюдаем ныне большое созвучие тому, что в Китае говорят и пишут о Мао. Просмотрите фильмы из Китая. Я нередко вижу их по телевизору. Все приемы в очень значительной степени копируются Мао со Сталина. Закройте глаза и послушайте только высказывания китайцев о Мао Цзэдуне. Если подставить вместо «Мао» «Сталин», то получится наше прошлое. Буквально так же были организованы у нас соответствующие «спектакли». Я считал тогда, что тут налицо слабость Сталина. Но, видимо, дело не только в слабости. Видимо, такие люди, как Сталин и Мао Цзэдун, в этих вопросах очень похожи в принципе друг на друга. Они считают это необходимым, чтобы держать на высоте свой авторитет и не только подчинять себе людей, но и держать их в страхе.

И все-таки возникает вопрос: почему это произошло? Многие люди, с которыми я встречался, спрашивают: «Как же Сталин, умный человек, мог такое делать?». Я не однажды, возвращаясь к этому вопросу, искал ответ для самого себя. И у меня сложился единственный ответ, причем думаю, что он правильный. Чтобы понять корни злоупотреблений, несправедливых казней, тирании Сталина, надо вернуться к завещанию Ленина. Ленин, когда он диктовал свое завещание, ясно предвидел, к чему может привести партию Сталин, если останется в руководстве и будет занимать пост генерального секретаря ЦК. Ленин писал, что надо отстранить его от этой должности, хотя Сталин и обладает качествами, которые требуются для руководителя. Но он груб и способен злоупотреблять властью, поэтому на таком посту его нельзя держать. Он предложил выдвинуть вместо Сталина человека, который был бы более доступен, более внимателен, терпимее относился бы к товарищам по партии и не злоупотреблял своим высоким положением. Я считаю, что это была точная характеристика. А жизнь полностью подтвердила мысль Ленина. ЦК партии не прислушался к ленинским словам, не сделал соответствующих выводов и потерпел поражение. Но не только Центральный Комитет, а вся партия была наказана Сталиным его злоупотреблениями, уничтожением партийного и беспартийного актива. В этих действиях Сталина наблюдалось и что-то болезненное.

Так как я уже знал мнение генерального прокурора, что в делах открытых процессов 30-х годов состава преступления нет, и я сказал об этом на заседании Президиума ЦК, то мы решили создать специальную комиссию, а председателем комиссии я предложил утвердить секретаря ЦК товарища Поспелова. Я руководствовался тем, что он много лет проработал редактором газеты

«Правда» и считался близким человеком к Сталину. Если бы Сталин к нему относился плохо, он не мог бы быть редактором «Правды». Пospelов был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал, более чем рабски преданный человек. Когда мы сообщили, что Сталин умер, больше всех волновался и буквально рыдал Пospelов. На него даже прикрикнул Берия: «Что ты? Прекрати!». Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это внушит доверие к материалам, которые подготовит его комиссия.

Они провели расследование, подняли документы, вызвали и допросили множество людей (и арестованных, и тех, которые вели следствие и арестовывали), просмотрели материалы, на основании которых люди заключались в тюрьмы, отправлялись в ссылку, казнились. Комиссия представила документ, в котором она расписалась под заключением, что мы столкнулись с невероятным злоупотреблением власти. Сталин сделал то, о чем никто из нас не думал и не предполагал.

Материалы комиссии Пospelова явились для многих из нас совершенно неожиданными. Я говорю и о себе, в какой-то степени и о Маленкове, Булганине, Первухине, Сабурове, других. Одновременно считаю, что больше был внутренне подготовлен к возможности вскрытия фактов такого рода, которые были освещены в записке Пospelова, Микоян. Не могу утверждать, что он знал все! Но он все-таки долгое время был ближе всех нас к Сталину, и многие люди, которые работали рядом с ним, которым он доверял и которых уважал, были уничтожены. Зная Анастаса Ивановича, его проницательный ум и его умение обобщать факты, думаю, что если он и не знал всего, то догадывался и допускал, что имелось мало обоснований к тем арестам и особенно казням, которые были произведены во времена правления Сталина.

Почему мы создали комиссию Пospelова? Я рассуждал так: мы идем к съезду партии, первому съезду после смерти Сталина. На этом съезде мы должны взять на себя обязательства по руководству партией и страной. Для этого надо точно знать, что делалось прежде и чем были вызваны решения Сталина по тем или иным вопросам. Особенно это касалось людей, которые были арестованы. Вставал вопрос, за что они сидели? И что с ними делать дальше? Тогда в лагерях находилось несколько миллионов человек. Уже прошло три года после смерти Сталина. За эти годы мы не смогли порвать с прошлым, не смогли набраться мужества, обрести внутреннюю потребность приотк-

рыть полог и заглянуть, что же там на деле за этой ширмой? Что кроется за всем тем, что происходило при Сталине? Что означают бесконечные аресты, суды, произвол, расстрелы? Мы сами были скованы своей деятельностью под руководством Сталина и еще не освободились от посмертного давления, хотя и не могли представить себе, что все эти расстрелы могли оказаться необоснованными, что это, говоря юридическим языком, сплошное преступление. А ведь это так!

Сталиным были совершены уголовные преступления, которые наказуются в любом государстве, за исключением тех, где не руководствуются никакими законами. Получалась двойственная ситуация: Сталин умер, его мы похоронили, а безвинные люди находились в ссылке... Следовательно, все в порядке? Продолжается старая политика и все, что было сделано при Сталине, одобряется? Даже несправедливые аресты и казни? Людей, которые умерли заклеяменными как «враги народа», никто и не думал реабилитировать.

Наиболее информированными об истинных размерах и причинах сталинских репрессий были, как я считаю, Молотов, Ворошилов и Каганович. Полагаю, что Сталин обменивался с ними мнением на этот счет. Хотя Каганович, вероятно, всех тонкостей не знал. Вряд ли Сталин с ним откровенно делился. Такой подхалим, как Каганович, да он отца родного зарезал бы, если бы Сталин лишь моргнул и сказал бы, что это необходимо сделать в интересах какого-то сталинского дела. Сталину и не требовалось втягивать Кагановича: тот сам больше всех кричал, где надо и где не надо, из кожи вон лез в угодничество перед Сталиным, арестовывая направо и налево и разоблачая «врагов». Когда он пришел в Наркомпуть⁶, то развернулся там в полную силу.

Итак, мы подошли вплотную к очередному съезду партии. Я отказывался от отчетного доклада и считал, что раз мы провозгласили коллективное руководство, то отчетный доклад должен делать не обязательно секретарь ЦК. Поэтому на очередном заседании Президиума ЦК я предложил решить, кто будет делать отчетный доклад. Все, в том числе Молотов (а он как старейший среди нас имел более всего оснований претендовать на роль докладчика), единогласно высказались за то, чтобы доклад сделал я. Видимо, тут сыграло свою роль то обстоятельство, что по формальным соображениям именно первый секретарь Центрального Комитета обязан выступить с отчетом. Если же обратиться к другому докладчику, то могло оказаться много претендентов, что вызовет сложности. После смерти Сталина среди нас не было челове-

ка, который считался бы признанным руководителем. Претенденты были, но признанного всеми лидера не имелось. Поэтому и поручили сделать доклад мне.

Я подготовил доклад, его обсудили на пленуме ЦК и одобрили. Доклад явился плодом коллективного творчества, к его составлению были привлечены большие силы в самом ЦК, из научно-исследовательских институтов и ряда других органов, а также те лица, которые обычно привлекались к составлению отчетных докладов. Начался съезд⁷. Состоялся доклад. Развернулись прения. Съезд шел хорошо. Для нас это было, конечно, испытанием. Каким будет съезд после смерти Сталина? Но все выступавшие одобряли линию ЦК, не чувствовалось никакой оппозиции, ходом событий не предвещалось никакой бури. Я же все время волновался, несмотря на то, что съезд шел хорошо, а доклад одобрялся выступавшими. Однако я не был удовлетворен. Меня мучила мысль: «Вот кончится съезд, будет принята резолюция, и все это формально. А что дальше? На нашей совести останутся сотни тысяч безвинно расстрелянных людей, включая две трети состава Центрального Комитета, избранного на XVII съезде. Мало кто уцелел, почти весь партийный актив был расстрелян или репрессирован. Редко кому повезло так, что он остался живым. Что же теперь?».

Записка комиссии Пospelова сверлила мне мозг. Наконец я собрался с силами и во время одного из перерывов, когда в комнате Президиума ЦК находились только его члены, поставил вопрос: «Товарищи, а как быть с запиской Пospelова? Как быть с прошлыми расстрелами и арестами? Кончится съезд, и мы разъедемся, не сказав своего слова? Ведь мы уже знаем, что люди, подвергавшиеся репрессиям, были невиновны и не являлись «врагами народа». Это честные люди, преданные партии, революции, ленинскому делу строительства социализма в СССР. Они будут возвращаться из ссылки. Мы же держать их теперь там не станем. Надо подумать, как их возвратить». Мы к тому времени еще не приняли решения о пересмотре дел и возврате невинно заключенных домой.

Как только я кончил говорить, сразу все на меня набросились. Особенно Ворошилов: «Что ты? Как это можно? Разве возможно все это рассказать съезду? Как это отразится на авторитете нашей партии, нашей страны? Этого же в секрете не удержишь. И нам тогда предъявят претензии. Что же мы скажем о нашей личной роли?». Очень горячо возражал и Каганович, и тоже с тех же позиций. Это были позиции не глубокой партийности, а шкурные.

Это было желание уйти от ответственности, и если состоялось преступление, то замаять его и прикрыть.

Я им: «Это невозможно, если даже рассуждать с ваших позиций. Невозможно скрыть. Люди будут выходить из тюрем, приезжать к родным, расскажут родственникам, знакомым, друзьям, товарищам, как все было, и станет достоянием всей страны и всей партии, что те, кто остался в живых, были репрессированы невинно. Люди отсидели по 15 лет, а кое-кто и гораздо больше, и совершенно ни за что. Все обвинения были выдумкой. Умолчать невозможно. Потом прошу подумать и вот над чем: мы проводим первый съезд после смерти Сталина. Считаю, что именно на таком съезде мы должны чистосердечно рассказать всю правду о жизни и деятельности нашей партии и Центрального Комитета за отчетный период. Мы отчитываемся сейчас за период после смерти Сталина, но как члены ЦК обязаны сказать и о сталинском периоде. Мы же были в руководстве страны вместе со Сталиным. Когда от бывших заключенных партия узнает правду, нам скажут: позвольте, как же это так? Состоялся XX съезд, и там нам ни о чем не рассказали. И мы ничего не сумеем ответить. Сказать, что мы ничего не знали, будет ложь: ведь мы теперь знаем обо всем правду, и о репрессиях, ничем не обоснованных, и о произволе Сталина».

В ответ опять очень бурная реакция. Ворошилов и Каганович повторяли без конца: «Нас притянут к ответственности. Партия обретет право притянуть нас к ответственности. Мы входили в состав руководства, и если мы не знали всей правды, так это наша беда, но ответственные мы за все». Я им: «Если рассматривать нашу партию как партию, основанную на демократическом централизме, то мы, ее руководители, не имели права не знать. Я, да и многие другие, находились в таком положении, что, конечно, не знали многого, потому что был установлен такой режим, когда ты должен знать только то, что тебе поручено, а остального тебе не говорят, и не суй носа дальше этого. Мы и не совали нос. Но не все были в таком положении. Некоторые из нас знали, а некоторые даже принимали участие в решении этих вопросов. Поэтому здесь степень ответственности разная. Я лично готов как член ЦК партии с ее XVII съезда и как член Политбюро с ее XVIII съезда нести свою долю ответственности, если партия найдет нужным привлечь к ответственности тех, кто был в руководстве во времена Сталина, когда допускался произвол».

Со мной опять не соглашались. Возражали: «Да ты понимаешь, что произойдет?». Особенно крикливо реагировали Ворошилов

и Молотов. Ворошилов доказывал, что вообще не надо делать этого. «Ну, кто нас спрашивает?» — повторял он. Снова я: «Преступления-то были? Нам самим, не дожидаясь других, следует сказать, что они были. Когда о нас начнут спрашивать, то уже будет суд, а мы — на нем подсудимыми. Я не хочу этого и не буду брать на себя такую ответственность».

Но согласия никакого не было, и я увидел, что добиться правильного решения от членов Президиума ЦК не удастся. В Президиуме же съезда мы пока этот вопрос не ставили, пока не договорились внутри Президиума ЦК. Тогда я выдвинул такое предложение: «Идет съезд партии. Во время съезда внутренняя дисциплина, требующая единства руководства среди членов ЦК и членов Президиума ЦК, уже не действует, ибо съезд по значению выше. Отчетный доклад сделан, теперь каждый член Президиума ЦК и член ЦК имеет право выступить на съезде и изложить свою точку зрения, даже если она не совпадает с точкой зрения отчетного доклада». Я не сказал, что выступлю с сообщением о записке комиссии. Но, видимо, те, кто возражал, поняли, что я могу выступить и изложить свою точку зрения касательно арестов и расстрелов. Сейчас не помню, кто после этого персонально поддерживал меня. Думаю, что это были Булганин, Первухин и Сабуров. Не уверен, но думаю, что, возможно, Маленков тоже поддерживал меня. Он был секретарем ЦК по кадрам, его роль в этом деле была довольно активной. Он, собственно, и помогал Сталину выдвигать кадры, а потом уничтожать их. Я не утверждаю, что он проявлял личную инициативу в репрессиях. Вряд ли. Но в тех краях и областях, куда Сталин посылал Маленкова для наведения порядка, тысячи людей были репрессированы и многие из них казнены. Тем не менее, Маленков мог теперь поддержать меня.

Кто-то проявил инициативу: «Раз вопрос ставится так, видимо, лучше сделать еще один доклад». Тут все неохотно согласилось, что придется делать. Я сказал им: «Даже у людей, которые совершили преступления, раз в жизни наступает такой момент, когда они могут сознаться, и это принесет им если не оправдание, то снисхождение. Если даже с этой позиции рассматривать вопрос о докладе насчет злоупотреблений, совершенных Сталиным, то такой доклад можно сделать только сейчас, на XX съезде. На XXI съезде уже будет поздно, если мы вообще сумеем дожить до того времени и с нас не потребуют ответа раньше. Поэтому лучше всего сделать второй доклад теперь».

Тогда возник вопрос, кто же должен делать доклад. Я предложил, чтобы это был Пospelов, и аргументировал свое предложение

ние тем, что он изучил этот вопрос как председатель комиссии и составил записку, которой мы, собственно, и пользуемся. Поэтому ему не нужно готовиться: он может переделать записку в доклад и прочтет его съезду. Другие (не помню, кто персонально) стали возражать и предложили, чтобы этот доклад сделал тоже я. Мне было неудобно: ведь в отчетном докладе я ни слова об этом не сказал, а потом делаю еще и второй доклад? И я отказался. Но мне возразили: «Если сейчас выступишь не ты, а Пospelов, тоже как один из секретарей ЦК, то возникнет вопрос: почему это Хрущев в своем отчетном докладе ничего не сказал, а Пospelов выступил по такому важному вопросу в прениях? Не мог же Хрущев не знать его записки или не считаться с важностью вопроса. Значит, по этому вопросу имеются разногласия в руководстве? А Пospelов выступил только с собственным мнением?». Этот аргумент пересилил, и я согласился. Было решено, что я выступлю с докладом по теме записки. Мы устроили закрытое заседание, там я сделал второй доклад.

Съезд выслушал меня молча. Как говорится, слышен был полет мухи. Все оказалось настолько неожиданным. Нужно было, конечно, понимать, как делегаты были поражены рассказом о зверствах, которые были совершены по отношению к заслуженным людям, старым большевикам и молодежи. Сколько погибло честных людей, которые были выдвинуты на разные участки работы! Это была трагедия для партии и для делегатов съезда. Вот как родился доклад на XX съезде КПСС о злоупотреблениях со стороны Сталина*.

Считаю, что вопрос был поставлен абсолютно правильно и своевременно. Не только не раскаиваюсь, как кое-кто может думать, но доволен, что правильно уловил момент и настоял, чтобы такой доклад был сделан. Ведь все могло произойти иначе. Мы все еще находились в шоке, а людей держали по-прежнему в тюрьмах и лагерях. Мы создали в 1953 г., грубо говоря, версию о роли Берии: что, дескать, Берия полностью отвечает за злоупотребления, которые совершились при Сталине. Это тоже было результатом шока. Мы тогда никак еще не могли освободиться от идеи, что

* По всей вероятности, имело место два бурных обсуждения. Одно — перед пленумом ЦК, на котором был одобрен текст секретного доклада по записке Пospelова. Решался вопрос в принципе. Второе обсуждение могло иметь место перед самим выступлением, когда члены Президиума ЦК ознакомились с новым, расширенным текстом, подготовленным во время съезда и болезненно затрагивавшим интересы части из них, в первую очередь — Ворошилова и Кагановича.

Сталин — отец народа, гений и прочее. Невозможно было сразу представить себе, что Сталин — убийца и изверг. Поэтому после процесса над Берией мы находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах реабилитации Сталина: не бог виноват, а угодники, которые плохо докладывали богу, а потому бог насылал град, гром и другие бедствия. Народ страдал не потому, что бог того хотел, а потому, что плох был Николай-угодник, Илья-пророк, Берия и прочие. Мы старались обелить Сталина, отмыть, действовали вразрез с русской поговоркой, что черного кобеля не отмоешь добела. Нет сомнения, что это был черный кобель, а мы его все-таки хотели отмыть.

Здесь не было логики, потому что Берия пришел уже после того, как главная мясорубка сделала свое дело, то есть Сталин все сделал руками Ягоды и Ежова. Берия продолжал эту же «работу» по уничтожению людей, если можно назвать это работой. О большой внутренней борьбе в связи с докладом на съезде я рассказывал. Главными оппонентами были Молотов, Каганович, Ворошилов. Ворошилов с почестями похоронен, и городу Ворошилов-граду возвращено его имя⁸. Сколько людей погибло в результате деятельности этого человека, а сколько миллионов загублено во время войны при соучастии и по вине наркома Ворошилова. Теперь он возвратил себе титул «первого маршала». Бывает так. Это тоже я считаю результатом того, что мы еще не освободились от трепета перед Сталиным, не набрались мужества называть вещи своими именами. Преступления вообще, а особенно преступления, совершенные Сталиным и его сподручными — Молотовым, Кагановичем и Ворошиловым, нельзя прощать. Прощение — это как бы благословение: одних преступников прощаешь, а других, потенциальных преступников благословляешь на новые преступления.

Еще и сейчас иной раз встречаются люди, которые ставят вопрос: «А может быть, не надо было рассказывать о Сталине?». Это вовсе не соучастники Сталина в злодеяниях, а простые люди: они привыкли к тому, что молились на Сталина, и сейчас им трудно. Обычно такие вопросы задают старые люди. Они сжились с былым, им трудно отрешиться от прежних понятий и аргументации сталинских времен. Это тоже один из недостатков воспитания членов партии. Все методы воспитания в партии Сталин приспособлял к себе, к своей деятельности: подчинение без рассуждений, абсолютное доверие. Идти на смерть без сомнений, конечно, во время войны хорошо, но это потом всегда поворачивается обратной стороной, потому что человек, верящий тебе без рассужде-

ний, когда узнает, что его доверие обмануто, становится твоим же врагом. Это очень опасно. Я всегда стоял, а сейчас тем более стою за правдивость, абсолютную правдивость перед партией, комсомолом и всем народом. Только в этом заключается неисчерпаемый источник силы партии, только так можно завоевать доверие народа.

После долгой истерии охоты на «врагов народа» не сразу смогли психологически сбросить груз прежнего до 1956 г., долго еще верили в версии, которые создавал Сталин, верили, что в собственной стране мы окружены «врагами народа» и надо с ними бороться, защищать революцию. Мы по-прежнему находились на позиции обострения классовой борьбы, как это было теоретически обосновано и практически осуществлено Сталиным. А когда наконец-то пришли к решению создать проверочную комиссию и она дала свои материалы, эти материалы сделали секретными. Потом, на XX съезде партии, по ее материалам был сделан мною доклад. Копию доклада разослали по партийным организациям и приняли меры, чтобы разосланные документы не могли где-то на местах остаться, их требовалось вернуть в ЦК КПСС.

Мы дали их также для ознакомления братским компартиям. В том числе получила их ПОРП. В Польше как раз тогда умер ее руководитель Берут. После его смерти там вспыхнули волнения, и названный документ попал в руки тех поляков, которые стояли на позиции недружелюбия к Советскому Союзу. Они использовали этот документ в своих целях и размножили его. Мне говорили даже, что поляки его продавали задешево. Доклад Хрущева, сделанный на закрытом заседании XX съезда КПСС, ценился недорого. Его просто, образно говоря, покупали на базаре все, кто хотел, включая разведчиков со всего мира. Таким образом, польские товарищи «помогли» нам: этот документ был обнародован. Но официально мы его существование не подтверждали. Помню, как меня спросили тогда журналисты, что, мол, Вы можете сказать по этому поводу? Я ответил им, что такого документа не знаю и пусть на этот вопрос отвечает разведка США, господин Аллен Даллес.

Сейчас я часто слушаю радио. Радио — это мой спутник во время прогулок. От него я получаю и информацию, и удовольствие. Я люблю народную музыку, народные песни. Кое-что нравится мне и из современной музыки. Но, каюсь, видимо, человек в моем возрасте больше склоняется к тому, на чем он был воспитан в молодости. Особенно в хорошее настроение прихожу от пения Людмилы Зыкиной, это моя любимая певица. Слушаю и другие

передачи. Передач очень много, большинство хороших, но встречается и дребедень, которая лишь засоряет эфир.

Однажды я услышал чтение одной из последних глав романа Шолохова «Они сражались за Родину». Михаил Александрович верен своим творческим приемам: историю периода злоупотреблений Сталина, его расправ над верными и честными кадрами, воспитанными Лениным, он передает в форме беседы двух рыбаков. Сидят они и разговаривают. Один задает другому вопрос: «Как понимать товарища Сталина? Говорят, что он проглядел. А сколько людей было наказано, сколько казнено! Как мог Сталин допустить это?». «Да, трудно понять», — отвечает другой. Тогда первый опять спрашивает: «А не Берия ли тут главный виновник? Ведь он все Сталину докладывал?». И ответ: «Да, все дело в Берии».

Михаил Александрович — умный человек и хороший писатель. Но тот факт, что он навязывает подобное понимание трагедии партии и народа, когда столько людей погибло от руки Сталина, конечно, не является украшением этого автора. Тут ведь элементарная вещь: не Берия создал Сталина, а Сталин создал Берию, Сталин выдумал Берию, как раньше создал Ежова, а еще раньше Ягоду. Все они последовательно сходили со сцены. Одни «герои», созданные Сталиным, заменялись другими, и это тоже было логичным для Сталина. Сталин чужими руками уничтожал честных людей и знал, что они чисты перед народом и перед партией. Эти люди гибли в результате только того, что он их боялся и не доверял им. Поэтому надо было постепенно убирать одних душещипатель и заменять другими. Так сложилось три эшелона карателей: сперва Ягода, затем Ежов, потом Берия.

На Берии это оборвалось. Точнее говоря, не на самом Берии, а в результате смерти Сталина. Берия же предстал перед судом народа как преступник. Но мы тогда еще находились в плену у мертвого Сталина и, даже когда многое узнали после суда над Берией, давали партии и народу неправильные объяснения, все свернув на Берию. Нам он казался удобной для того фигурой. Мы делали все, чтобы выгородить Сталина, хотя выгораживали преступника, убийцу, ибо еще не освободились от преклонения перед Сталиным.

Впервые я по-настоящему почувствовал ложность нашей позиции, когда приехал в Югославию и беседовал там с Тито и другими товарищами. Когда мы затронули этот вопрос и сослались на Берию, они стали улыбаться и подавать иронические реплики. Это нас раздражало, и мы, защищая Сталина, вступили в боль-

шой спор, дошедший даже до скандала. Потом я публично выступил в защиту Сталина и против югославов. Сейчас всем ясно, что это было неправильно, тут у меня была позиция человека, который не осознал необходимости разоблачить до конца преступления Сталина, чтобы подобные методы действий никогда не могли вернуться в нашу партию. Тот, кто действительно хочет установления в нашей партии ленинских порядков, а не сталинских, должен приложить все силы к разоблачению Сталина и осуждению сталинских методов. Необходимы реабилитация тех честных людей, из которых многие еще не реабилитированы, и разоблачение творившихся ранее беззаконий, с тем чтобы даже призрак подобных методов не мог подняться из могилы.

Удивляюсь некоторым крупным военачальникам, которые в своих воспоминаниях хотят обелить Сталина и представить его отцом народа, доказать, что если бы не он, то мы не выиграли бы войну и подпали под пяту фашистов. Это глупые рассуждения, рабские понятия. Что же теперь, когда нет Сталина, мы подпадем под немецкое, английское или американское влияние? Нет, никогда. Народ выдвинет новых руководителей и сумеет постоять за себя, как это было всегда. Несуразность таких рассуждений не нуждается в особом доказательстве.

Помню, как выступал на каком-то собрании один наш военачальник и, говоря добрые слова о Сталине, тут же возвеличивал и Блюхера⁹. А другие, говоря о Сталине, тут же возвеличивали Тухачевского. Товарищи, надо же сводить концы с концами! Нельзя на один пьедестал ставить убийцу и его жертвы. Кто такой Блюхер? Герой гражданской войны, военный самородок, слесарь, выдвинувшийся в крупного полководца. Он получил орден Красного Знамени № 1. Одно это говорит о том, кем был Блюхер. Потом как один из лучших советских командармов он был послан в Китай военным советником к Сунь Ятсену. И вдруг он расстрелян! Нельзя говорить одновременно о Сталине и Блюхере, умалчивая о причинах гибели Блюхера. Нельзя закрывать глаза, считать, что никто ничего не видит. Подобные поступки могут вызвать только недоверие.

Когда я был как-то в Болгарии, то в одном из своих выступлений привел слова Пушкина, в произведении которого беседуют Моцарт и Сальери. Моцарт, не подозревая, что Сальери готовится его отравить, говорит: «Гений и злодейство несовместимы». Верно! Так и со Сталиным. Нельзя сочетать гения и убийцу в одном лице. Нельзя объединять тысячи жертв с их убийцей, ничего не объясняя насчет Сталина. Нельзя на одном пьедестале возво-

дить два памятника. Злодейства были учинены Сталиным! По каким мотивам — другой вопрос. Некоторые аргументируют так: это было сделано не в корыстных личных целях, а в качестве заботы о своем народе. Ну и дикость! Заботясь о народе, убивать лучших его сынов! Довольно дубовая логика. Правда, находить аргументы, оправдывающие убийц, всегда было сложно.

В моем докладе на XX съезде партии ничего не было сказано об открытых процессах 30-х годов, на которых присутствовали представители братских коммунистических партий. Тогда судили Рыкова, Бухарина, других вождей народа. Они заслуживают того, чтобы называться вождями. Взять, например, Рыкова. Он после смерти Ленина стал председателем Совета народных комиссаров СССР, имел большие заслуги перед партией, перед народом и достойно представлял советскую власть. А его судили и расстреляли. А Бухарин? Бухарин был одним из любимцев партии. По его книгам старшее поколение членов ВКП(б) обучалось марксистско-ленинскому уму-разуму. Бухарин много лет был редактором газеты «Правда». Ленин любовно называл его: «Наш Бухарчик». Или Зиновьев и Каменев. Да, у них имелись октябрьские ошибки 1917 года. Это всем известно, но известно и другое. Зиновьев и Каменев были привлечены Лениным к работе в Политбюро ЦК партии и наряду с другими руководили ею. Когда советское правительство переехало в Москву, Зиновьев остался в Петрограде. Ему было доверено руководство колыбелью революции, городом, который поднял знамя восстания в октябре 1917 года. Каменеву же была доверена Москва. Он был, в частности, председателем Моссовета. Вот как относился к ним Ленин после ошибок, которые ими были допущены.

Иной раз слышу по радио в какой-то связи: Ленин то-то поручил Ломову¹⁰. А где этот Ломов? Я Ломова хорошо знал, неоднократно встречался с ним, когда работал в Донбассе, уже после гражданской войны. Тогда он возглавлял добычу угля в Донбассе. Я часто бывал на совещаниях у него, в Сталино или в Харькове, где находилось его управление. Это был очень уважаемый в партии человек с дореволюционным подпольным стажем. Где же Ломов? Расстрелян. Нет Ломова. Я уже говорил о Кедрове, Тухачевском, Егорове, Блюхере, о других. Можно составить целую книгу только из одних фамилий крупнейших военных, партийных, советских, комсомольских и хозяйственных руководителей, дипломатов, ученых. Все это были люди честные. Они стали жертвами Сталина, жертвами произвола без всяких настоящих доказательств их вины, без всяких оснований.

В вопросе об открытых процессах 30-х годов тоже сказалась двойственность нашего поведения. Мы опять боялись договорить до конца, хотя не вызывало никаких сомнений, что эти люди невиновны, что они были жертвами произвола. На открытых процессах присутствовали руководители братских компартий, которые потом свидетельствовали в своих странах справедливость приговоров. Мы не захотели дискредитировать их заявления и отложили реабилитацию Бухарина, Зиновьева, Рыкова, других товарищей на неопределенный срок. Думаю, что правильнее было договаривать до конца. Шила в мешке не утаишь! Главное достижение XX съезда партии — то, что он начал процесс очищения партии и возвращения ее к тем нормам жизни, за которые боролись Ленин и другие лучшие сыны нашей страны.

Часть несправедливо осужденных была освобождена, как только умер Сталин. Берия поднял тогда этот вопрос, подработал его, внес соответствующее предложение, и мы согласились с ним. Но оказалось, что им освобождены были главным образом уголовники: убийцы, грабители, мерзавцы и всякие другие подлые люди. Когда они вернулись по месту своего жительства, то возобновили грабежи и убийства. Ропот пошел в народе, что выпустили воров и убийц, и они делают свое грязное дело. К тому времени Берия уже был разоблачен и осужден. Поэтому именно нам приходилось давать народу разъяснения. Мы и сами видели, что сделано было неправильно, и хотя внес предложение Берия, но решение принимали правительство и ЦК, так что мы все несли ответственность за него. Сколько этих субъектов было освобождено, боюсь сказать, однако, во всяком случае, огромная армия.

Политические же заключенные и ссыльные остались в тюрьмах и в ссылках. Берия поднял даже вопрос о том, чтобы принять закон, который давал бы право Министерству внутренних дел, то есть Берии, по своему усмотрению решать, куда возвращаться этим людям после отбытия срока наказания. Я уже рассказывал, как я категорически запротестовал, и все меня поддержали. В результате свое предложение Берия отозвал. Что касается судьбы всех политических, то когда генеральный прокурор Руденко доложил мне об отсутствии вины за ними, я его спросил: «Как же так? Я сам слышал, как они признавались в преступлениях, в которых их обвиняли». Руденко улыбнулся: «Тут искусство тех, кто вел следствие и кто проводил суд. Доводили людей до такого состояния, что у них имелся единственный способ покончить со страданиями и издевательствами — признаться, а следующим шагом была смерть».

Сталин тогда принял решение о применении пыток. Помню, как-то Каганович просил меня: «Ты постарайся найти решение о пытках. Его надо уничтожить. Я помню кусок бумаги, на нем рукой Сталина было написано, что арестованных надо подвергать избиению». Нас, мол, в тюрьме били, и нам не надо щадить наших врагов. Иначе они не сознаются. Мы все подписались.

Я потом искал его в секретариате ЦК и в секретных документах, но такого документа не нашли. Видимо, Сталин его еще раньше уничтожил. Я успокоил Кагановича, что этого документа нет. Хотя я и член Политбюро, но я этого документа не видел. Видимо, он был составлен и принят, когда я еще не был членом Политбюро. А кроме того, у Сталина не все члены Политбюро участвовали в голосовании по тем или иным вопросам. К тому же Политбюро заседало нерегулярно. Все голосовалось опросом. Сталин сам решал, какой документ кому голосовать, а кому нет. Поэтому за этот документ я не только не голосовал, но его и не видел, и о нем не знал. О нем я узнал уже после смерти Сталина со слов Кагановича.

¹ КЕДРОВ М.С. (1878 — 1941) — член РСДРП с 1901 г., руководитель книжного издательства «Зерно», участник трех российских революций, с 1919 г. начальник Особого отдела ВЧК, с 1924 г. занимал ответственные посты в СТО, ВСНХ, Наркомздраве, Верховном суде, исполкоме Красного спортитерна, Госплана; последняя его должность, перед тем как он был репрессирован в 1939 г., — директор Военно-санитарного института.

² КЕДРОВ Б.М. (1903 — 1985) — философ, химик, историк, академик АН СССР с 1966 г.

³ ПОСПЕЛОВ П.Н. (1898 — 1979) — член РСДРП с 1916 г., партийный работник и пропагандист, в 1940 — 1949 гг. главный редактор газеты «Правда», в 1949 — 1952 и 1961 — 1967 гг. директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член ЦК партии в 1939 — 1971 гг., кандидат в члены Президиума ЦК КПСС в 1957 — 1961 гг., академик АН СССР с 1953 г., Герой Социалистического Труда с 1958 г. В описываемое время (с 1953 по 1960 г.) был секретарем ЦК КПСС.

⁴ РУДЕНКО Р.А. (1907 — 1981) — главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, стал генеральным прокурором СССР в 1953 году.

⁵ КРЕСТИНСКИЙ Н.Н. (1883 — 1938) — советский государственный и партийный деятель, член Компартии с 1903 г., с 1918 г. нарком финансов РСФСР, с 1921 г. полпред в Германии, с 1930 г. зам. и первый зам. наркома иностранных дел СССР, член Политбюро, Оргбюро и секретарь ЦК партии в 1919 — 1921 гг.

⁶ Наркомом путей сообщения СССР Л.М. Каганович (1893 — 1991) стал в 1935 г.

⁷ XX съезд КПСС проходил 14 — 25 февраля 1956 года.

⁸ Был Луганском до 1935 г. и в 1958 — 1970 гг., ныне снова Луганск.

⁹ БЛЮХЕР В.К. (1890 — 1938) — герой гражданской войны, командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией в 1929 — 1938 гг., Маршал Советского Союза с 1935 г.

¹⁰ ЛОМОВ Г.И. (Оппоков, 1888 — 1938) — член РСДРП с 1903 г., нарком юстиции в первом советском правительстве, затем занимал ответственные посты в ВСНХ, Сибирском и Уральском бюро ЦК РКП(б), Уралэкономсовете, Нефтесиндикате, Моссовете, Донугле (председатель правления в 1926 — 1929 гг.), Госплане СССР; последняя его должность перед тем, как его репрессировали, — член Бюро Комиссии советского контроля.

ПОСЛЕ XX СЪЕЗДА КПСС

Сразу же после XX съезда партии начались переживания во всех компартиях, особенно во французской и итальянской. Оно и понятно, потому что там большие, массовые пролетарские партии, а на процессах «врагов народа» присутствовали Торез и Тольятти¹, которые потом свидетельствовали на родине, что обвинения доказаны. А тут все наоборот! Это обстоятельство и заставило нас не публиковать материалы открытых процессов, хотя тут тоже никаких преступлений не имелось и приговоры носили волевой характер и не были основаны на доказанности преступлений, в которых обвиняемые «признавались».

Стали набегать тучки и в Польше. За Польшей потянулась Венгрия. После смерти польского лидера Берута я, будучи уполномочен Центральным Комитетом КПСС, ездил в Варшаву, когда там проходил пленум ЦК ПОРП. Я на этом пленуме не присутствовал, чтобы не обвинили СССР, что он вмешивается во внутренние дела братской партии. Заседания проходили очень бурно, члены ЦК ПОРП выражали недовольство Советским Союзом. Мне об этом рассказывали близкие нам люди из их ЦК. Это нам не приносило радости, но мы считали, что проявление демократии — факт положительный. Однако через некоторое время там произошли события, которые стали нас очень беспокоить.

На пленуме, о котором я говорил, первым секретарем ЦК ПОРП избрали Охаба². С Охабом у нас сложились хорошие личные отношения. Я с уважением относился к нему, да он вполне заслуживал того. Старый коммунист, прошедший школу польских тюрем.

И поначалу мы считали, что он достоин доверия. После его избрания Первым секретарем мы беседовали с ним, и я поставил вопрос: «Почему у вас сидит в тюрьме Гомулка³? Когда я об этом говорил с Берутом, он ответил мне так: я и сам не знаю, за что он сидит и в каких преступлениях обвиняется. Может быть, вы подумали бы о его освобождении?». Тут Охаб начал мне доказывать, что освободить невозможно. У них сидел не один Гомулка: еще и Спыхальский, и Лога-Совиньский, и Клишко⁴, многие сидели. Это меня беспокоило, и я никак не мог понять, почему они содержатся в тюрьме. Я побеседовал почти со всеми членами руководства ПОРП, и все они доказывали, что сделать ничего не могут, нельзя тех выпускать.

Через какое-то время Охаб с делегацией поехал в Китай по какому-то случаю. Когда они возвращались оттуда через Москву, я опять беседовал с Охабом. К тому времени Гомулка уже был освобожден из тюрьмы, и я спросил Охаба: не возражает ли он против того, чтобы мы пригласили Гомулку приехать в Советский Союз, отдохнуть на берегу Черного моря, в Крыму или на Кавказе, где имеются более благоприятные климатические условия для отдыха, чем в Польше. Он ответил что-то невразумительное и уехал в Варшаву. Меня это не успокоило, а даже несколько взволновало. И буквально через несколько дней мы узнали от нашего посла, что в Польше развернулись бурные события, что поляки поносят СССР и чуть ли не готовят переворот, в результате которого к власти придут люди, настроенные антисоветски. Возникла угроза нашим коммуникациям, которые проходили через Польшу в ГДР. Но события в Польше нас очень беспокоили и по ряду других причин, и мы решили принять меры, обеспечивающие нам свободный доступ в Польшу и наши связи с советскими войсками в ГДР.

Мы наметили делегацию для поездки в Польшу, а перед отъездом позвонили полякам. Обстановка там продолжала накаляться. В польской печати широко критиковался СССР, который якобы обирает Польшу, покупая у нее уголь по заниженным ценам и продавая ей железную руду по завышенным. Такие факты действительно имели место при Сталине, когда со странами народной демократии мы торговали не по мировым ценам, а по произвольно установленным. Польские руководители не рекомендовали нам приезжать сейчас. Но это еще больше подогрело наше беспокойство, раз поляки ясно показали, что не хотят с нами встречаться. И мы решили немедленно ехать представительной делегацией: Хрущев, Микоян, Булганин и еще кто-то.

Прилетели мы в Варшаву. Там нас встретили Охаб, Гомулка, другие товарищи. Встреча была очень холодной. На лице Охаба была заметна большая озабоченность. Все вместе поехали в резиденцию, дворец в Лазенках, где и начался разговор в резких, повышенных тонах. Мы высказали свою тревогу ростом антисоветских настроений в Польше и заявили, что полны решимости обеспечить свои коммуникации с группой советских войск в ГДР. Это был с нашей стороны откровенный нажим. Охаб вскипел: «Что вы предъявляете мне претензии? Я теперь уже не секретарь ЦК. Спрашивайте других». И показал на Гомулку. В словах Охаба сквозило неприкрытое недовольство. У нас сложилось тогда тяжелое впечатление о положении в польском руководстве. Мы не знали толком ситуации и боялись, что к власти придут люди, которые поведут антисоветскую политику. А мы не хотели, чтобы у нас с Польшей опять сложились такие отношения, как до войны, которые были еще свежи в нашей памяти.

Гомулка старался рассеять наши подозрения. Он соглашался, что положение в Польше сложное, и оно усугубляется ростом антисоветских настроений. Но он заверял нас, что дружба с СССР жизненно необходима для Польши и что наши связи нерушимы. Уверял, что в скором времени волна недовольства схлынет и положение нормализуется. Потом начали нарастать такие же события в Венгрии. Тогда у нас имелись, на мой взгляд, две компартии, в которых было неблагополучно с их руководством. В Венгрии в сталинское время тоже много людей арестовали, причем я и сейчас считаю, что не столько по инициативе Ракоши, сколько по инициативе Сталина. Это делалось через наших советников, которых Сталин насадил и в Польше, и в Венгрии, и в других братских странах. Через них он действовал там теми же методами, которыми действовал в собственной стране.

После переговоров в Варшаве мы вернулись в Москву под впечатлением какого-то нервного, но искреннего заявления Гомулки, что Польше дружба с Советским Союзом нужна больше, чем СССР — дружба с Польшей. Разве мы не понимаем своего положения, говорил он, ведь нам сейчас без СССР не удержать своих западных границ. Мы рассматриваем у себя сейчас внутренние вопросы, отношения же с Советским Союзом останутся неизменно дружескими и союзническими. Хотя он говорил это в повышенном тоне, но так, что не поверить ему было трудно. И я поверил ему, заявив своим товарищам: «Думаю, что у нас нет оснований не верить Гомулке. Он избран первым секретарем ЦК ПОРП. К нему большинство польских товарищей относится с доверием. Мне кажется, что заяв-

ление Гомулки будет поддержано другими. Ведь он говорил нам это открыто, выступив на заседании руководства. Все это слышали. Надо полагать, что раз никто не возразил, то все согласны». Однако долгое еще время ситуация в Польше была напряженной и очень нас беспокоила.

Перед нами вставали и другие стороны наших отношений с соседями. В настоящее время самый серьезный вопрос — качество нашей продукции. К сожалению, мы никак не можем догнать капиталистические страны. А чтобы успешно соревноваться с ними, сделать социализм привлекательным для людей, у нас все должно быть наилучшим. Нам же приходится идти на поклон к капиталистам. Это позор. К сожалению, возьмите наши радиоприемники, магнитофоны, автомашины. Каковы они? Вот мы отметили 50-летие Октябрьской революции покупкой у «гнилого капитализма» автозавода марки «Фиат»⁵. Такие автомашины наверняка там устарели, а капиталисты не дураки: они продают нам ту модель, которую уже снимают с производства, сами же заложили новую. К сожалению, не можем мы еще работать, как следует, не можем. Скажут, что мы были прежде отсталыми. Но те отсталые, которые жили когда-то в России, давно вымерли. Возьмите Японию: она была совершенно разорена после войны, а сейчас заняла ведущее место в мире. Спорит в вопросах технического прогресса с США и Западная Германия, тоже отчасти лежавшая в руинах.

Правда, в некоторых областях науки и техники мы находимся впереди. Например, изобрели непрерывную разливку стали⁶. Мы даже в США продали лицензию. Но такие примеры единичны в сравнении с тем, что мы там покупаем. Когда мы налегли на развитие добычи нефти, нам понадобились бурильные установки. Мы делаем хорошие установки, однако американские установки не идут ни в какое сравнение с нашими. Тут США далеко обогнали Советский Союз. Отличные бурильные установки делают и в Румынии. Я спросил об этом Георгиу-Дежа⁷. Он засмеялся: у нас, говорит, есть в США некий румын, капиталист в нефтяной промышленности. Он помог нам выкрасть американские чертежи. Получилась румынская установка по американским чертежам. Мы хотели купить в Румынии эти чертежи. Говорю Георгиу-Дежу: «Дайте нам чертежи». Он: «Возьмите». Возьмите... У румын между словами «возьмите» и «получите» — очень большая дистанция.

Вообще же румыны молодцы. Они быстро стали развивать свою промышленность, столь же быстро создали колхозы, при-

чем хорошие. Румыния по своей культуре стояла раньше ниже других стран Восточной Европы, там было больше, например, неграмотных крестьян. Но, несмотря на это, она вскоре поднялась. Конечно, румыны имеют более выгодные природные условия, чем ряд других социалистических стран. У них, в частности, много нефти, газа, леса, хлеба. Другие социалистические страны и себя-то продовольствием не всегда обеспечивают, а румыны хлеб экспортируют. Часто на румын обижаются у нас за то, что они продают хлеб капиталистическому миру, а не отдают его другим социалистическим странам. Но если бы, к примеру, поляки имели лишнее зерно, они бы, наверное, поступили еще умнее, чем румыны. Они могли бы продавать хлеб ГДР за валютные товары. А ведь каждое государство хочет иметь валюту и выйти на мировой рынок. Поэтому на румын нельзя обижаться.

В этой связи я вспомнил, как однажды приехал к нам Гомулка и просил продать ему сверх плана пшеницу, а у нас самих было тогда хлеба в обрез. Я вижу, он хитрит, не говорит всей правды, и заметил: «Вот вы хотите купить пшеницу, а я-то знаю, что Польша продовольственной пшеницей обеспечена. Вы хотите купить у нас зерно, чтобы откармливать свиней и продавать бекон Америке». Он замаялся, потом отвечает: «Да». «И вы думаете, что это умеют делать только поляки, а русские — дураки? Вы купите зерно в Канаде, у них его сколько хочешь, переводите на бекон и продавайте». «Так там же валюту надо платить». То-то. Вот в чем вопрос. Взаимоотношения между социалистическими странами тоже могли быть очень сложными, и по разным поводам. После этого разговора с Гомулкой мы все же дали ему зерно. А разве это единственный такой случай, когда СССР отнимал у себя, чтобы поддержать друзей?

Сколько раз, бывало, согласуем наши планы, а потом Гомулка или еще кто-то звонит: «Товарищ Хрущев, прошу принять меня, у меня возникли острые проблемы». Приезжает. «Товарищ Хрущев, вы дали нам столько-то руды с таким-то содержанием железа, но мы план не выполняем. Помогите, дайте руду получше, с большим содержанием железа». А что это значит? Ему даем, а сами перерабатываем руду с меньшим содержанием железа. Или вот болгарские помидоры. Получаем дрянь. Болгары привыкли, что русские съедают всякое дерьмо, извините за выражение, вот и снимают помидоры еще зелеными, а краснеют они при транспортировке. Это же сушая дрянь! Они помидоры в Западную Германию тоже вывозят, но не такие, потому что там их не купят, там конкуренция. А у нас что продадут, то потребитель и съест. Ведь у бол-

гар чудесные помидоры. Болгары — лучшие в мире огородники. Но помидоры хороши, лишь когда их снимают с грядки вечером, а утром подают на стол.

Много разных вопросов возникает в отношениях между социалистическими странами. Если их не ставить и не решать, то даже рассориться можно. Нам бывает обидно от того, что другие социалистические страны смотрят на Советский Союз, как на огромную дойную корову. А ведь мы живем хуже большинства тех стран, которым помогаем. Жизненный уровень определяется потреблением на душу населения. Возьмем, к примеру, потребление мяса. В 1964 г. в ГДР приходилось в год на человека до 75 кг, у чехов — до 65, у поляков под 50, следующими шли венгры потом лишь Советский Союз, а ниже нас по мясу болгары и румыны — по 26 килограммов. Я как-то сказал Ульбрихту⁸: «Вальтер, я не требую уравниловки, но поймите наше положение. Мы победители, мы разбили гитлеровскую Германию и мы даем ГДР зерно и валютные товары, чтобы вы могли продать их за границей, купить себе мясо и обеспечить годовое его потребление в 75 кг на душу населения. А как вы заботитесь о нас?». На такого рода вопросы существенно влияют и политические соображения, особенно в отношении ГДР. Там жизненный уровень должен быть выше, чем в ФРГ. Только это может привлечь всех немцев на нашу сторону. Но пока не получается.

В данном свете интересна проблема репараций. Западные страны отменили репарации, которые им платила ФРГ, а ГДР продолжала нам выплачивать, чем могла. Когда умер Сталин, мы поставили заново этот вопрос: если мы хотим, чтобы Восточная Германия могла соревноваться по жизненному уровню с Западной, нужно дать ей возможность резко поднять свою экономику. При продолжении выплаты репараций и содержания наших войск в ГДР за ее счет, это будет невозможно. И мы отменили тогда репарации, а содержание наших войск взяли на себя⁹. Полякам это понравилось, и они тоже стали драть с нас шкуру и зарабатывать на том, что наши войска в интересах самой Польши находятся на польской территории. Много сложных проблем существует и во взаимоотношениях между странами народной демократии, как их называли после войны. Польша имеет коксующиеся угли. Однажды чехи обратились к полякам с просьбой поставить им такой уголь. Поляки отказали, а сами продавали коксующийся уголь Франции. Мы вынуждены были отдать Чехословакии такой уголь из своих запасов, иначе там встанет металлургия. Поляки же у нас попросили поставить им дополнительно нефть, и мы очертили

условие: дадим вам нефть по эквиваленту, если вы дадите Чехословакии коксующийся уголь. Если же не дадите, то мы отдадим нашу нефть Чехословакии, чтобы она продала ее на международном рынке и купила себе коксующийся уголь. Поляки тогда буквально за горло взяли чехов. Если мы присоединимся к такого рода действиям, то задушим поляков, у них сядет промышленность, они не смогут выйти на мировой рынок и конкурировать с капиталистами, у них сразу понизится жизненный уровень, а это приведет к взрыву народного недовольства.

Вспомнил о чехах — и сразу же о том, что у них высокоразвитая промышленность. Когда мы еще ходили под стол без штанов, чехи уже делали такие вещи, которые удивляли мир. Например, зенитные орудия, с которыми мы прошли всю войну. Нам продал их документацию перед войной знаменитый заводчик Шкода¹⁰, а мы освоили производство и изготавливали их до 1945 года. Как-то в 1948 г. Готвальд отдыхал в Крыму со Сталиным. Сталин звонит мне: «Готвальд здесь, приезжайте и вы». Назавтра я прилетел. Собрались у Сталина обедать. Готвальд выпил (он имел к этому слабость) и говорит: «Товарищ Сталин, зачем ваши люди воруют у нас патенты? Вы скажите нам, и мы отдадим все бесплатно. Когда ваши люди воруют, а наши видят, что они воруют, это обижает нас. Мы можем дать вам не только патенты. Принимайте нас целиком в состав Советского Союза, мы с удовольствием вступим в СССР, и все, что у нас есть, будет общим». Сталин отказался от такого принятия, а воровством возмущился. Но на словах, ибо воровать мы продолжали, порой просто по старой привычке, как тот цыган, которого спросили: «Если бы ты был царем, что бы ты сделал?». Он и ответил: «Украл бы сразу табун коней и утек».

Еще один сложный вопрос — расходы на оборону социалистического лагеря. Казалось бы справедливым распределить их равномерно, посчитать, сколько что стоит, разложить в среднем на душу населения, и пусть каждый вносит свой пай. Думаю, что мы бы сократили тогда наполовину военные расходы Советского Союза. А что получается на деле? Мы как-то в рамках Варшавского пакта договорились, что и какая страна должна приобрести для усиления обороноспособности. Какое-то количество танков должна была приобрести Румыния, и она должна была построить сколько-то кораблей на Черном море. Потом министр обороны докладывает мне, что румыны ничего не делают, не выполняют обязательств. Тут к нам обращаются чехи: мы сделали для румын танки, а они их не покупают, говорят, что у них денег нет. Я им: «А у кого есть свободные деньги, чтобы тратить их на оборону? Ни у

кого нет. Это же вынужденная необходимость». Мышление-то у румын очень простое: нас защищает Советский Союз, на нас одних никто не нападет, побоятся СССР, пусть русские и тратят деньги на оборону, а мы будем повышать свой жизненный уровень. Но это неверный подход, это чистейший национализм. К сожалению, он имеет место во взаимоотношениях социалистических стран.

Вспоминаю такой характерный случай. Мы стояли в 1943 г. у стен Сталинграда. Армию Паулюса мы уже окружили, а Ульбрихт через громкоговорящую установку обращался к немецким солдатам, чтобы они сдавались в плен. Он долго пропадал по ночам, а когда приходил, мы с ним обедали, и я ему сообщал, сколько солдат сдалось. Иногда шутил: «Сегодня вам обед не положен». «Почему?». «Ни один солдат не сдался». Однажды он приходит и говорит: «Сегодня-то я обед заслужил». А я отвечаю: «Ну да, заслужил. Один солдат сдался в плен, и тот поляк». Я этого поляка лично допрашивал. Он сказал, что сдался потому, что не хочет воевать. И я ему предложил: «У нас формируется польская армия, вступите в нее?». «Нет, пойду в лагерь для военнопленных». «А кто же Польшу будет освобождать?». «Русские освободят». Спокойно так ответил. И я распорядился: «Уберите его к чертовой матери!»

Всегда русские да русские... Если такие иждивенческие настроения будут развиваться и дальше, если все будут надеяться, что русские дадут, что русские защитят, то это может печально кончиться для социалистического лагеря.

Еще один камень преткновения — пограничные проблемы. Сейчас, в свете нашего конфликта с Китаем¹¹, опять встал вопрос о границах между социалистическими странами. Эти проблемы существовали всегда. Но впервые в советской истории возник международный конфликт в споре с Китайской Народной Республикой. Обычно всегда удавалось решить проблему, сделав взаимные уступки и спрямляя линию границы. Когда в начале конфликта с Китаем мы искали решение проблемы, то тоже думали уступить ему какую-то территорию взамен равноценной китайской территории в районах, устраивающих обе стороны. Принесли мне перечень претензий, выдвинутых китайцами. Собрались Малиновский, Громыко и я. Думали, что мы сразу все решим. Я взял карандаш и провел линию, которая делила как бы пополам взаимные претензии. Граница получалась более выровненной.

Никаких особых сложностей мы не ожидали, потому что большинство этих районов было безлюдно: ни наши, ни китайцы там

не жили. Иногда, может быть, заходили туда охотники и пастухи. Одним словом, чепуховый спор. Но китайцы именно хотели создать конфликт, отказались участвовать в переговорах и предъявили СССР абсурдные требования, заявив свое «право» на Владивосток, Памир и др. Теперь, спустя пять лет, опять мы встретились. В Пекин поехал заместитель министра иностранных дел Василий Кузнецов¹². Может быть, опять через лет пять встретимся с китайцами. Тут уже конфликт не по существу вопроса о границах, а по существу международной «большой политики». Так что придется терпеть.

Если бы дело заключалось только в границе, то проблему можно было бы легче уладить. С Ираном у нас не было твердо установленной границы еще с царских времен. Мы установили там границу в 1955 году, уступив какие-то районы, где ничего нет, сплошная пустыня. А спор-то был! С иранцами возник только один принципиальный вопрос: судьба поселка Фирюзы в Туркмении. Когда царь устанавливал границу с иранцами, Фирюза должна была отойти к Ирану. Не знаю, почему царь передумал, не уступил тогда эту Фирюзу. В советское время туркмены построили там дома отдыха. И когда иранцы теперь поставили вопрос о Фирюзе, мы им сказали: «Давайте решим по-братски. Фирюзу нам сейчас трудно отдать, там много наших домов отдыха, мы это место хорошо развили в сравнении с тем временем, когда возник впервые вопрос. Хотите, мы вместо Фирюзы уступим вам другой район?». Они согласились, подписали договор, и сейчас у нас нет там споров¹³. Ни с какими нашими соседями, кроме Китая, у нас сейчас споров по границам нет. А чего требует Китай?

В Пекине говорят: «Требуем, чтобы в договоре о границах было записано, что прежние границы были установлены при наличии неравноправных соглашений с царской Россией». Такое никакой разумный человек не сможет подписать. Что это значит — неравноправный договор? Если я подписываюсь под такими словами, то должен, следовательно, отказаться от того, чем владел на основе подобного договора. Но все социалистические страны получили свои границы от бывших царей, императоров и королей. Если с этих позиций нам строить свои взаимоотношения, это заведет далеко! Вообще в проблеме границ существует много аспектов, которые можно толковать по-разному, особенно в Европе. У нас с венграми нет пограничных споров, но в советском Закарпатье живет 120 тысяч венгров. Янош Кадар не претендует на их земли. Почему? Венгры в свое время воспользовались случаем, когда Закарпатская Украина входила в состав Австро-Венгерской монархии, и вытес-

нили украинцев в горы, а сами заняли по Тиссе лучшие земли. Как сейчас Кадару востребовать эти земли?

Зато у венгров сильный пограничный спор с югославами. В Югославии живут два миллиона венгров. У венгров имеется спор и с румынами насчет Трансильвании. Румыны с пеной у рта доказывают, что это исстари румынская провинция, а венгры говорят, что Трансильвания всегда была венгерской, там преобладают венгерская культура и мадьярский язык. Румыны перевернули все вверх дном, чтобы начисто искоренить там все венгерское. Большой пограничный спор у Албании с Югославией. Думаю, что албанцев живет в Югославии побольше, чем в самой Албании, но Энвер Ходжа очень боится Югославии. А те албанцы, которые живут в Югославии, смотрят вовсе не на Албанию и в Албанию сами не пойдут. В Югославии-то живется лучше. Да и Тито ведет политику поумнее.

Ходжа — это же просто разбойник. Это разве политик? У него один метод: надеть петлю на шею и вздернуть. Типичная сталинская политика. У него имеются тайные убийцы, которые режут оппозиционеров: поймают на дороге и зарежут. Или ворвутся в дом и зарежут. А Мехмет Шеху? В Албании был прежде секретарем ЦК партии, очень умный человек из рабочих. Он являлся создателем Компартии Албании¹⁴, а его лично задушил Шеху. Почему? Тот занимал позицию создания унии Албании с Югославией. Это была, между прочим, идея Сталина. В свое время, возможно, это было разумно, потом — нет. Но если это кого-то обижает, зачем все же душить?

Возникает также, помимо пограничных, множество иных проблем. Что же это за социализм, в котором надо держать человека на цепи? Какой же это справедливый строй, какой же это рай? В рай все сами хотят попасть. Это не рай, раз из него люди хотят убежать, да дверь заперта. Если бы, как говорится, Бог дал мне продолжить мою деятельность, я бы все двери открыл, открыл бы настежь и двери, и окна. И что, все бы вдруг уехали? Ленин-то открыл советские границы после гражданской войны. Некоторые уехали. Уехали Шаляпин, Андреев, Куприн¹⁵, другие известные люди. А потом одни вернулись, другие долго просились обратно. Разве может весь народ уехать? А сколько к нам иностранцев приезжает и не возвращается к себе... Почему мы должны бояться всего этого?

Вот — Польша. Там все, кто пожелал уехать, уехали. И что? Многие затем вернулись. Наш посол присылал в свое время телеграммы из Израиля о том, что некоторые люди, выехавшие туда

из СССР, просят разрешения вернуться. У меня есть знакомая (несчастный человек, сама при Сталине дважды сидела, мужа расстреляли, брата расстреляли и мужа ее сестры расстреляли, а в войну немцы сожгли ее мать и отца, что может быть хуже?), и она рассказывала мне, что какая-то ее родственница выехала в Израиль, погостила, посмотрела, как там живут, и сообщила, что в общем-то евреи живут неплохо, но те старые люди, которые сформировались как личности при советской власти, скучают. Она тоже хотела бы туда съездить, но остаться там жить — ни за что. Молодежь, правда, возвращаться сюда не хочет. Из-за чего? Объясняют: «Надоело нам слушать, как нас называют жидами». Что им ответить?

Вообще-то с Израилем у нас отношения складывались трудно. Израильцы предпринимали много попыток улучшить их, но мы не смогли на это пойти из-за дружбы с арабами. Сколько раз израильский посол просил, чтобы я принял его. Мне самому хотелось его принять, но я не мог так поступить, потому что это взбесило бы арабов. В то время Израиль уже играл роль агента американского империализма на Ближнем Востоке, а арабов мы не хотели оттолкнуть от себя, хотели привлечь, вот и держали Израиль на расстоянии. Если рассматривать политическое лицо этого государства, то оно не только не хуже, а даже лучше других капиталистических стран, и с ним спокойно можно наладить нормальные отношения. Сельское хозяйство там коллективизировано не хуже, чем в Польше. В Польше тоже нет колхозов, а созданы товарищества как первая ступень коллективизации сельских хозяйств. Земля в Польше принадлежит собственникам, а доходы в товариществах получают в зависимости от количества внесенной земли.

Я никогда не был антисемитом. В Юзовке я и жил, и работал вместе с евреями. У меня было много друзей среди евреев. Еще будут мальчишкой, я работал на заводе с одним евреем, Яковом Исааковичем Кутиковым — хорошим человеком. Он был слесарем и получал 2 рубля в день, а я был на подхвате и помогал ему за 25 копеек в день. Подлецы же бывают всех национальностей — и русские, и евреи, и кто угодно. С арабами израильтян даже нечего и сравнивать: в Израиле живут богаче. В сельском хозяйстве там внедрили гидропонику, самый прогрессивный метод ухода за растениями. Взаимоотношения с арабами складываются у Израиля очень тяжело. Если так будет продолжаться, то это кончится для Израиля плохо. Он все время беспокоит арабские страны. А из физики известно, что действие равно противодействию. В политике наблюдается то же самое. Шестидневная война 1967 года¹⁶

должна научить арабов многому. Я вспоминаю Петра I. Когда ему шведы высекали задницу под Нарвой, он сказал: спасибо за учебу, потом разбил их под Полтавой. Пройдет время, и если израильтяне не поумнеют, то арабы разобьют их.

Впрочем, у кого организация дела хорошая, тех не бьют, те сами бьют других. В этом-то и дело: 2,5 миллиона евреев сорганизовались так, что за шесть дней разбили десятки миллионов в Египте, Сирии, да еще с их союзниками. Израильский военный лидер Даян был офицером английской армии. А сколько там людей, которые служили в нашей армии? В этом тоже их сила. Арабы особенно не воевали, больше на верблюдах ездили, а евреи воевали во всех войнах. Как появился Израиль? Это была идея сионистов. Года два тому назад, уже глубоким стариком, умер человек, который создал партию сионистов¹⁷ Англия, которая контролировала Ближний Восток, согласилась выделить район для Израиля, выселив оттуда арабов. Мы какое-то время воздерживались по этому вопросу при голосовании в ООН, а потом тоже дали директиву согласиться на создание Израиля. Сейчас там премьер-министром Голда Меир¹⁸. Она была прежде первым послом Израиля в СССР. Сама родилась в Одессе, шестилетней родители вывезли ее в Америку. Она хорошо знает русский язык. Когда она приехала сюда, то развила бурную деятельность среди советских евреев, и Сталин ее выслал. Тогда-то наши отношения и ухудшились.

¹ ТОРЕЗ М. (1900 — 1964) — член Французской компартии с 1920 г., член ЦК с 1924 г. и член Политбюро с 1925 г., в 1928 — 1943 гг. член исполкома Коминтерна и с 1935 г. его президент, генеральный секретарь (в 1964 г. председатель) ФКП.

Тольятти П. (Эрколи, 1893 — 1964) — член Итальянской компартии с 1921 г. и ее руководства с 1923 г., член исполкома Коминтерна с 1924 г. и его президиума с 1928 г., генеральный секретарь ИКП с 1926 года.

² ОХАБ Э. (1906 —) — член Компартии Польши с 1929 г., с 1943 г. военнотрудовой в составе Польской дивизии им. Костюшко, член ЦК Польской (потом — Объединенной) рабочей партии в 1944 — 1968 гг., член Политбюро ЦК ПОРП в 1954 — 1968 гг., секретарь ЦК в 1950 — 1956 и 1959 — 1964 гг., а в 1956 г. первый секретарь, в 1964 — 1968 гг. председатель Государственного совета Польской народной республики.

³ ГОМУЛКА В. (Веслав, 1905 — 1982) — член Компартии Польши с 1926 г., в 1932 — 1934 и 1936 — 1939 гг. политзаключенный в Польше, с 1942 г. член ЦК Польской рабочей партии, в 1943 — 1948 гг. генеральный секретарь ЦК, в 1945 — 1949 гг. вице-премьер, первый секретарь ЦК ПОРП в 1956 — 1970 гг.

⁴ СПЫХАЛЬСКИЙ М. (род. в 1906 г.) — член Компартии Польши с 1931 г., с

1942 г. начальник Главного штаба Гвардии Людовой, в 1944 — 1945 гг. президент Варшавы, в 1945 — 1948 гг. первый заместитель министра народной обороны, в 1944 — 1948 и 1959 — 1970 гг. член Политбюро ЦК ППР и ПОРП, в 1956 — 1968 гг. министр народной обороны, в 1968 — 1970 гг. председатель Госсовета ПНР, с 1963 г. маршал.

КЛИШКО З. (род. в 1908 г.) — член КПП с 1931 г., член ЦК ППР и ПОРП в 1944 — 1948 и 1957 — 1971 гг., в 1957 — 1970 гг. член Политбюро ЦК ПОРП, в 1957 — 1971 гг. вице-маршал Сейма, потом на пенсии.

Лога-Совиньский И. (род. в 1914 г.) — член КПП с 1935 г., член ЦК ППР с 1943 г., в 1947 — 1952 и 1957 — 1972 гг. делегат Сейма, в 1956 — 1971 гг. лидер польских профсоюзов, вице-председатель Госсовета и член Политбюро ЦК ПОРП, затем посол в Турции.

⁵ Для производства на Волжском автомобильном заводе (АвтоВАЗ) в г. Тольятти (ранее и позднее — г. Ставрополь-районный).

⁶ В 1930-е годы в разных странах начало развиваться непрерывное литье металлов. В 1939 г. в Германии З.Юнганс получил таким методом стальные заготовки. Работа по его освоению развернулась в СССР с 1944 года. Первая промышленная установка для непрерывного литья стали была введена в эксплуатацию на горьковском (нижегородском) заводе «Красное Сормово» в 1955 г., а потом внедрили новый вариант процесса с формированием слитка в электромагнитном поле. Соответствующую лицензию как раз и продали в США.

⁷ Георгиу-Деж Г. (1901 — 1965) — член Компартии Румынии с 1930 г., генеральный секретарь ЦК КПП с 1945 г. и ЦК Румынской рабочей партии с 1948 г. (с 1955 г. первый секретарь), вице-премьер в 1948 — 1952 гг. и премьер в 1952 — 1955 гг., с 1961 г. председатель Государственного совета Румынии.

⁸ Речь идет о времени после 1953 г., когда генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии В.Ульбрихт (1893 — 1973) стал первым секретарем ее ЦК.

⁹ С 1 января 1954 года.

¹⁰ Акционерное общество Шкоды (бывших заводов сельхозинвентаря, основанных Э.Шкодой в 1869 г.) с 1899 г. стало крупнейшим предприятием военной, металлургической и машиностроительной промышленности Австро-Венгрии, а затем в Чехословакии, где им владели французский концерн Шнейдер-Крезе и пражский «Банк Живностенски». Имело филиалы в Польше, Румынии, Югославии. Зенитные орудия, которые тут упоминаются, изготавлились на заводе в Пльзене. Соглашение об их покупке стало возможным после того, как 16 мая 1935 г. был подписан Договор о взаимной помощи между Чехословакией и СССР.

¹¹ Когда шла работа автора над этим текстом, возник советско-китайский вооруженный конфликт из-за строва Даманский на р. Амур (1969 г.), но систематические нарушения советско-китайской границы начались с 1960 г., и в самый напряженный в этом отношении 1963 г. в 4 тысячах пограничных столкновениях принимало участие свыше 100 тысяч человек.

¹² КУЗНЕЦОВ В.В. (1901 — 1990) — член ВКП(б) с 1927 г., в 1940 — 1943 гг. заместитель председателя Госплана СССР, в 1944 — 1953 гг. председатель ВЦСПС, потом посол СССР в Китае, заместитель и первый заместитель министра иностранных дел, в 1977 — 1986 гг. первый заместитель председателя Президиума

Верховного Совета СССР, член ЦК КПСС в 1952 — 1989 гг. и его Президиума в 1952 — 1953 гг., кандидат в члены его Политбюро в 1977 — 1986 гг.

¹³ Когда в 1893 г. решался вопрос о российско-иранской границе в районе Асхабадского уезда недавно возникшей тогда Закаспийской области, по обоюдному согласию селение Феруза (Фирюза) отошло к России, а Иран взамен получил Хисар. Дома отдыха, которые здесь упоминаются, начали строиться с 1930 г. в зоне климатического курорта на склонах Копет-Дага. Советско-иранское соглашение об урегулировании пограничных и финансовых вопросов было подписано 2 декабря 1954 года.

¹⁴ Намек на одного из секретарей ЦК Компартии Албании К.Дзодзе.

¹⁵ ШАЛЯПИН Ф.И. (1873 — 1938) — бас, народный артист Республики с 1918 г., с 1922 г. жил за рубежом.

АНДРЕЕВ Л.Н. (1871 — 1919) — писатель -демократ и философ-публицист.

КУПРИН А.И. (1870 — 1938) — писатель, с 1919 г. жил в эмиграции, в 1937 г. вернулся на Родину.

¹⁶ С 5 до 10 июня.

¹⁷ Возможно, он имел в виду публициста Жаботинского В.Е. (род. в 1880 г.), который с 1905 г. являлся одним из главных пропагандистов сионизма. Юридически это движение принято причислять с 1897 г., когда в Базеле состоялся I сионистский съезд.

¹⁸ МЕИРО Г. (Мейерсон, 1898 — 1978) — генеральный секретарь Рабочей партии Израиля (МАПАЙ) в 1966 — 1968 гг., премьер-министр в 1969 — 1974 гг., с 1972 г. вице-президент и с 1976 г. почетный президент Социалистического интернационала.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ВЛАСТИ, О ЖУКОВЕ

После смерти Сталина (а я все время упор делаю на этой рубежной дате) на нас свалились заботы о безопасности страны, о вооружении армии. Свалились на наши, в государственном понимании слов, молодые плечи. Раньше мы обороной фактически не занимались. Булганин как министр обороны должен был кое-что понимать. Булганина я знал как облупленного и знал (тому пример — его неверная оценка творческих предложений Челомея), что на него целиком положиться нельзя. Дальше — больше.

Когда пришлось заменить в руководстве страны Маленкова, Молотова и всю их компанию, которая взбунтовалась в ЦК партии против антисталинского направления политики, возглавленного мною, мы вынуждены были освободить Булганина от поста председателя Совета Министров СССР. Меня уговорили занять этот пост. Я искрен-

не говорю, именно уговорили. Я очень не хотел, сопротивляясь против совмещения в одном лице постов председателя Совета Министров СССР и первого секретаря ЦК партии. Председателем правительства я видел Алексея Николаевича Косыгина. На международном совещании представителей компартий 1957 г. я его как наиболее вероятного кандидата на этот пост даже представил Мао Цзэдуну.

Но такая сложилась тогда ситуация: нажимали на меня буквально все, что именно так следует решить вопрос, что так будет более правильно. Я видел не только бесполезность, но и вред совмещения постов, и я даже ссылаясь: «Представьте мое положение, я критиковал Сталина за совмещение в одном лице двух таких ответственных постов в государстве и в партии, а теперь сам...»

Выношу этот вопрос на суд историков. Сказалась моя слабость, а может быть, подтачивал меня внутренний червячок, ослабляя мое сопротивление. Еще до того, как я стал председателем Совета Министров СССР, Булганин внес предложение назначить меня как первого секретаря ЦК КПСС Главнокомандующим Вооруженными Силами. Тем более что в Президиуме ЦК военные вопросы, армия, вооружение относились к моей епархии. Это произошло без публикации в печати и было решено сугубо внутренним образом, на случай войны. Внутри Вооруженных Сил об этом известили высший командный состав.

Осенью 1957 г. вынуждены были мы расстаться и с Георгием Константиновичем Жуковым. Для меня это было очень болезненным решением. Я бы даже сказал: надрывным для меня решением. У меня чувства боролись с разумом. Чувства мои были на стороне Жукова, с ним я много, много лет проработал и относился к Жукову с большим уважением. Из военных с Жуковым я был ближе других, как и с Тимошенко, они в свое время командовали войсками Киевского военного округа, мы часто встречались и по делу, и в товарищеской обстановке, вели непринужденные беседы. Я высоко ценил его и как военного. После отстранения от руководства Молотова, Маленкова и других, кто хотел возврата к сталинским порядкам, Жуков вошел в состав политического руководства, стал членом Президиума ЦК. Он и вообще военные сыграли активную роль в подавлении инициативы молотовско-маленковской взбунтовавшейся группы. Но когда Жуков вошел в состав Президиума ЦК, то стал набирать такую силу, что у руководства страны возникла некоторая тревога. Члены Президиума ЦК не раз высказывали мнение, что Жуков движется в направлении военного переворота, захвата власти. Такие сведения мы получали и от ряда военных, которые говорили о бонапартистских устремле-

ниях Жукова. Постепенно накопились факты, которые нельзя было игнорировать без опасения подвергнуть страну перевороту типа тех, которые совершаются в Латинской Америке. Мы вынуждены были пойти на отстранение Жукова от его постов. Мне это решение далось с трудом, но деваться было некуда.

Вместо него министром обороны назначили Малиновского. Это назначение тоже проходило болезненно. В партийном руководстве возражений против Малиновского не было. Конечно, общесоюзный и мировой авторитет Малиновский имел ниже, чем Жуков. С другой стороны, маршал Малиновский отлично зарекомендовал себя во время войны и был не случайной личностью в военной сфере. Жукову в личном плане он уступал по энергии, напористости, обладая спокойным, несколько медлительным характером. Но не уступал ему по вдумчивости. Я отдал предпочтение Малиновскому по сравнению с другим прославленным маршалом, Коневым, хотя я высоко ценил и военные способности Конева. Но я считал, что Конев способен повести себя неоткровенно в отношении партийного руководства и правительства.

Когда решался вопрос, кого же назначить вместо Жукова министром обороны, Жуков поставил этот вопрос в упор, по-солдатски: «Кого назначаете вместо меня?». Я вынужден был ему отвечать, хотя мне не хотелось с ним обсуждать этот вопрос, и сказал: «Мы назначаем Малиновского. Я бы предложил Конева, — отрубил он. Конев при этом присутствовал, и мне не хотелось его обидеть. Достоинства Конева — не меньшие, чем Малиновского. Но Малиновский не уступал ему в своих познаниях, а может быть, даже и превосходил Конева. Это люди разные по характеру.

Вот так сложилось. Я и сейчас очень уважаю Жукова, хотя он в своих воспоминаниях меня помянул недобрым словом. Я на него не в обиде. Я приписываю эти строки не ему, а тем, которые, пользуясь его материалами, создавали книжку. Эта книжка не могла быть Жуковской. То, что там напечатано, Жуков написать не мог. Он гордый и порядочный человек, на восхваления в адрес Сталина не способный. Не может Жуков, честный человек, обелять Сталина, когда известны его убийства и ущерб, который он нанес нашему народу. Столько людей партии уничтожил Сталин! Он уничтожил все хозяйственные, инженерные кадры. Тысячи уничтожил. Не найти ему, как некоторые сейчас пытаются, исторического оправдания. Это означает оправдать будущих авантюристов, которые способны на повторение такого. Нельзя оправдать хотя бы и из «благородных побуждений», ради укрепления государственности. Такими аргументами Сталин оправдывал каз-

ни Иоанна Грозного и сам стал на тот же путь уничтожения людей. Люди вроде меня, близкие к Сталину, читая «Князя Серебряного» Алексея Константиновича Толстого¹, подтвердят, что все эти проделки Иоанна Грозного явились тем, что потом буквально копировал Сталин.

С большой душевной болью пришлось нам, особенно мне, расстаться с Жуковым. Но этого требовали интересы страны, интересы партии.

¹ ТОЛСТОЙ А.К. (1817 — 1875) — русский писатель, драматург и поэт, член-корреспондент Петербургской АН с 1873 г. Его исторический роман «Князь Серебряный» был опубликован в 1863 году, а драматическая трилогия «Смерть Иоанна Грозного» в 1866г., «Царь Федор Иоаннович» в 1868 г., и «Царь Борис» в 1870г. Совместно с братьями Жемчужниковыми он создал пародийный образ Козьмы Пруткова.

Часть IV

ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

ДО И ПОСЛЕ МИРНОГО ДОГОВОРА С АВСТРИЕЙ

После смерти Сталина у нас остался неподписанный мирный договор с Австрией. Хотя Австрия сама, в старом ее понимании, не воевала с нами, но она входила в состав Германии, когда Гитлером была начата война против СССР. После разгрома фашизма Австрия была вновь выделена в самостоятельное государство, и с ней следовало заключить отдельный мирный договор. Помню, как еще при жизни Сталина велись соответствующие переговоры с правительством Австрии. Все вопросы были уже согласованы, так что договор был подготовлен к подписанию. Однако к моменту, когда был подготовлен такой проект, обострились наши отношения с Тито. Вернее будет сказать, дело состояло в том, что не был решен вопрос о вхождении Триеста в состав Югославии.

Некоторые детали я сейчас не припоминаю. Однако мирный договор с Австрией при жизни Сталина так и не был подписан. Решать этот вопрос пришлось потом нам. Затруднения с подписанием текста отложились у меня в памяти именно в связи с Триестом. Мы считали, что Триест должен входить в югославское государство, а западные страны настаивали, чтобы он вошел в итальянское государство. Потом они согласились объявить Триест вольным городом, но под протекторатом все же Италии. Сталин на это не пошел, и мирный договор с Австрией не был подписан, хотя других вопросов, которые сдерживали бы нас, не существовало.

Мы сами тяготились устаревшими отношениями, которые существовали между Австрией и СССР. Ведь наши страны формально находились в состоянии войны. Следовательно, их контакты не могли нормально развиваться. В Вене нашего посольства не имелось. Правда, мы в нем особенно не нуждались, поскольку

наши войска находились в Вене, и мы к тому же все еще оккупировали значительную часть Австрии (по-моему, четверть страны). Тогда между США, Англией, Францией и СССР были разделены на зоны оккупации как Германия, так и Австрия. Берлин и Вена тоже были разделены на такие зоны-секторы.

В Австрии у нас имелась собственность — заводы, которыми мы управляли и где вели хозяйственную деятельность. Они ранее принадлежали германским капиталистам и были после войны конфискованы. Все это тоже усложняло дело. Надо было решить, как поступить с этой собственностью. На заводах трудилось довольно много рабочих, хотя, как правило, заводы были не крупными, а скорее мелкими или средними. Их оборудование и технология устарели, и без реконструкции там невозможно было достичь высокой производительности труда и вести производство на хорошем экономическом уровне, чтобы получать прибыль и обеспечивать высокую оплату труда. А иначе мы не могли поступить как социалистическая страна, имеющая собственность, где работают австрийцы. Негоже, чтобы эти рабочие зарабатывали меньше, чем трудившиеся на капиталистических предприятиях. Для нас возникла довольно серьезная проблема. Выжать достаточно из устаревшего оборудования мы никак не могли, да и с капиталистами конкурировать на такой базе было сложно. У них имелись опыт управления и высококвалифицированные руководящие и инженерно-технические кадры. Собрали мы туда все лучшее, но наиболее крупные специалисты ушли от нас на капиталистические предприятия, потому что лично выступали против социалистической системы.

Встречались мы и с «волынками». Коммунистическая партия Австрии делала все, чтобы смягчать взаимоотношения рабочих и нашей администрации, если возникали обострения. Удавалось избегать серьезных столкновений на почве заработной платы, норм и расценок. Однако общее положение оставалось ненормальным. Нам следовало бы показывать образец ведения хозяйства на социалистических предприятиях, с меньшим количеством работающих и меньшей интенсивностью физического труда добиваясь большей производительности на основе современной техники. Встал вопрос: далее толково вести хозяйство на существующем техническом уровне нельзя, нужна реконструкция, требуется переоборудовать заводы, переоснастить их новым станочным оборудованием, создать новую технологию.

И тогда у нас возникло сомнение: нужно ли нам в Австрии вообще иметь свою собственность? Ведь может создаться невыгод-

ное впечатление у общественности при сравнении условий труда на предприятиях, которые принадлежат социалистическому государству, с условиями работы на современных, оснащенных новым оборудованием капиталистических предприятиях, где существовали условия, необходимые для ведения хозяйства на высоком уровне. Вкладывать капиталы в переоснастку наших заводов мы не торопились, ибо сомневались в целесообразности таких действий. Может быть, нам вообще стоит избавиться от собственности, продать предприятия австрийскому государству? У кого первая такая идея возникла, не помню. Но постепенно она овладела нами, и мы все больше склонялись к продаже наших предприятий в Австрии.

Беспокоило нас и пребывание советских войск в Австрии. Ведь мы развернули усиленную борьбу по обеспечению мирного сосуществования стран с различными социальными системами, значит, и за вывод войск с чужих территорий. А тут, оказывается, сами имеем войска в Австрии, которая не была зачинщиком войны. Поэтому к ней сложилось особое отношение у держав-победительниц, в том числе Советского Союза. Но мирного договора нет, и в Вене сидит наш комендант, находятся оккупационные учреждения. Это порождает трения с населением и с правительственными чиновниками, хотя население в целом относилось к нам хорошо. Не помню, чтобы поступали какие-либо донесения о враждебном отношении австрийцев к советским войскам. Да и войска наши вели себя как должно: не вмешивались во внутренние дела Австрийской республики, занимались только своим делом. Их деятельность не вызывала нареканий и не порождала обострений. Тем не менее мы понимали, что войска на территории чужого государства — это не дар Божий, а вынужденная мера, вызванная войной. Однако война вот уже сколько лет, как кончилась, а мы никак не решим вопрос об оформлении результатов окончившейся войны и заключении мирного договора. У нас не было никаких серьезных причин не подписывать мирный договор с Австрией.

Сталин сам не раз поднимал этот вопрос. Кроме Сталина никто такие вопросы не мог тогда поднимать, за исключением, может быть, Молотова, пока он оставался министром иностранных дел СССР, то есть до Вышинского¹. Сталин говорил: «Зря мы не подписали мирный договор. Зачем нам надо было откладывать подписание? Напрасно мы поступили так из-за Триеста, ведь теперь вопроса о нем не существует». Теперь Сталин уже не хотел, чтобы Триест отошел к Югославии, ибо был озлоблен против Тито до

невозможности. Готов был даже начать войну с Югославией. Думаю, что он кое о чем на этот счет размышлял, хотя я никогда не слышал прямых разговоров насчет военного нападения на Югославию. Но засылку агентуры и демонстрацию силы Сталин начал проводить сейчас же после разрыва с Тито. На данную тему велись разговоры в Политбюро на даче Сталина, но не обсуждались дела на каком-то официальном заседании.

В тот период жизни Сталина вообще уже никаких крупных заседаний не было. Как мы понимали официальное заседание? Выбирается секретариат, ведется протокол постановки вопроса, его обсуждения, обмена мнениями, принимается решение. Ничего этого не было. Сталин был всемогущим богом, окруженным архангелами и ангелами, который мог их слушать, если хотел. Но главное, чтобы они его слушали и делали то, что он говорит, чего он хочет. Так решались все вопросы, и к этому у нас уже все привыкли, и «наверху», и в народе. Претензий не возникало. Изредка по какому-либо вопросу кто-нибудь выскажет свое мнение. Сталин мог учесть это мнение, а иной раз гаркнуть, и довольно грубо: «Куда, мол, лезешь? Ничего не понимаешь в этом деле!». Он сам решал все так, как считал нужным, решение потом оформлялось через аппарат Совета Министров СССР или ЦК партии. Все международные вопросы таким же образом шли по линии Министерства иностранных дел через Молотова, потом через Вышинского. В результате появлялась какая-нибудь нота МИД или «газетное подхлестывание» со стороны ТАСС. Одним словом, приводились в действие государственные рычаги, чтобы повлиять в нужную сторону, в свете понимания вопроса Сталиным, на выбранный объект, на ту страну, против которой или в защиту которой готовились документы.

Когда Сталин умер, наша лодка плыла по прежнему руслу, им проложенному, хотя все мы чувствовали, что это ненормально. Касательно мирного договора с Австрией у меня тоже возникла мысль, что надо кончать с этим делом. Молотов, опять ставший мининдел, не проявлял инициативы, и я решил взять ее на себя. Прежде всего обменялся мнениями с Микояном, поскольку считал его опытным и разумным человеком. С ним интересно было обмениваться мыслями, а другой раз и поспорить по вопросам международной политики или по внутренним проблемам.

Я спросил Микояна: «Как ты, Анастас Иванович, смотришь на вопрос о заключении мирного договора с Австрией?». Выяснилось, что он рассуждал так же, как я. Не помню, в это ли время советовался я с Маленковым. Но у меня сложилось убеждение,

что нельзя более в этом вопросе ограничиваться разговорами и тянуть, что ненормальность следует ликвидировать, срочно заключив мирный договор с Австрией, вывести оттуда наши войска. Тем самым развязать себе руки, чтобы в полный голос вести пропаганду против военных баз США, которые разбросали свои войска по разным континентам и странам и вели агрессивную, жандармскую политику в отношении стран, находившихся в сфере их влияния, сохраняя на их территории и военные базы. Чтобы говорить в полный голос, организовывать общественность всего мира на борьбу против таких порядков, нам самим следовало увести свои войска с чужих территорий. Вопрос в первую очередь встал об Австрии. Германия занимала тут особое положение. Австрия же была вовлечена в войну, тогда как Германия по своей инициативе начала ее.

И я обратился к Молотову: «Вячеслав Михайлович, хочу с тобой посоветоваться. Как ты смотришь на заключение мирного договора с Австрией? Следовало бы приступить к переговорам с австрийским правительством, уточнить детали и подписать такой договор». Последовавшей реакции я не ожидал: Молотов очень резко отреагировал на мое обращение, доказывая, что нельзя подписать мирный договор, пока у нас существуют разногласия с США по Триесту. Я ему: «Надо бы прийти к какому-то решению и устранить все препятствия, ты и сам это знаешь. Нечего ссылаться на Сталина, он в последний год своей жизни неоднократно поднимал вопрос о мирном договоре с Австрией». Правда, он поднимал сей вопрос в то время, когда Молотов уже не входил в круг людей, которые постоянно бывали у Сталина.

После XIX съезда партии Молотов вообще был исключен из ближайшего сталинского окружения. Сталин с ним теперь не только не беседовал, а вообще не терпел его присутствия. Молотов сначала появлялся на даче у Сталина сам, без приглашения, по старой памяти. Некоторые из нас, старых членов Политбюро, содействовали этому и хотели как-то примирить их. Однако Сталин резко предупредил нас, чтобы мы бросили свои проделки и более подобного не устраивали: откуда иначе Молотов знает, когда и где мы находимся, и приходит без приглашения? И мы перестали Молотову и Микояну сообщать, когда и где Сталин собирает нас. Они уже не приезжали, наступил полный разрыв. Поэтому Молотов мог, полагаю, не знать новой точки зрения Сталина на мирный договор с Австрией, которой тот придерживался в последние месяцы своей жизни. Однако полагаю, что еще до XIX съезда партии, когда Сталин общался с Молотовым, он высказывал

соображения о необходимости ликвидировать состояние войны СССР с Австрией.

Итак, Молотов резко возражал. Известно, что он вообще был человеком резким. А когда убежден в своей правоте, то бывает не только резким, но и несдержанным. Его резкость проявлялась не в какой-либо оскорбительной форме, а в его страстности, в чувстве осознания правоты: именно так должно быть решено, как он думает! Возможно, он еще считал по-старому: что вы суете свой нос во внешнюю политику? Я стал политическим деятелем значительно раньше, чем вы ступили на эту стезю, прошел большой путь как министр иностранных дел, столько раз встречался и вел переговоры с крупнейшими государственными деятелями по всем вопросам, определяющим жизнь нашей страны. И вдруг сейчас, после смерти Сталина, вы не прислушиваетесь ко мне, а навязываете свои идеи, неправильные и вредные.

Я вновь говорю ему: «Вячеслав Михайлович, ты выслушай спокойно. Я не понимаю твоих аргументов, они для меня не убедительны. Повторяю: надо подумать о заключении мирного договора с Австрией». В то время я был уже первым секретарем ЦК партии, и мой голос был весомым. Само мое положение обязывало меня теперь проявлять инициативу. И я начал настаивать: «Не понимаю отсрочки, вопроса о препятствии сейчас нет». К тому времени проблема Триеста была согласована с Югославией, и Тито отказался от претензии на него, согласившись, что Триест должен войти в состав итальянского государства. Кажется, Югославия уже заключила на этот счет какой-то договор с Италией². Таким образом, вопрос был практически решен. Спор, из-за которого мы не подписали в свое время договор с Австрией, не имел под собой почвы. Главные заинтересованные в этом деле государства сами между собой договорились. Молотов, конечно, знал это. Однако такая черта поведения как раз была характерна для него. Он — как заведенная пружина. Если ее натянуть, то будет работать, пока крутятся шестеренки и движутся маховики. Пока не выйдет весь завод пружины. Очень угловатый, негибкий в своем мышлении человек.

«Товарищ Молотов, нельзя же так подходить к решению вопросов! Здесь мы проявляем просто бычье упорство. Вопросы-то нет, он снят и не существует более, ведь заинтересованные страны договорились между собой. Как же мы можем сейчас выступать с позиции сталинских времен, утверждая, что не подпишем мирного договора с Австрией, пока Триест не будет включен в состав югославского государства? Югославия отказалась от претензий на Три-

ест, а мы — против?» Однако ничего не помогало, и пришлось нам решать вопреки позиции, которую занимал министр иностранных дел СССР. Сейчас это звучит настолько неправдоподобно, что люди, которые будут знакомиться с моими записями, могут усомниться. Я, как некогда поступали верующие в подтверждение правильности изложения своих слов, клянусь на Евангелии! Человек я неверующий и Евангелия не признаю. Не признавал его, когда еще и не был членом партии. Всегда был атеистом. Но в народе привыкли пользоваться таким доказательством.

Дело, однако, состоит даже не в моей аргументации. Просто любой здравомыслящий человек может сказать: «Хрущев, видимо, несколько злопамятен и поэтому приписывает такую ересь Молотову. Молотов-то не глупец, как же он мог отстаивать такую ересь?». К сожалению, все было так. В свое время я с очень большим уважением относился к Молотову. Он при жизни Сталина был в моих глазах смелым и принципиальным человеком, который иной раз подавал голос против позиции Сталина, причем не раз в мою сторону, когда Сталин проявлял вспыльчивость в отношении меня. Бывало и наоборот.

Так, когда я работал на Украине в 1939 г., Вячеслав Михайлович уговаривал меня перейти на работу в Совнарком СССР и стать его заместителем. Он работал тогда в течение ряда лет председателем Совета народных комиссаров. Я уговаривал его не делать этого. Он обратился к Сталину, уговорил Сталина, Сталин согласился. Тогда действовал только мой последний аргумент: перемещение нецелесообразно, потому что мы приближаемся к войне, она вот-вот разразится. А я уже привык к Украине, и Украина привыкла ко мне, а тут придет новый человек, зачем это делать? Возникнут трудности для человека, который еще не узнал Украины. Сталин согласился со мной и сказал Молотову: «Брось, Хрущев прав, пусть остается на своем месте». Вот какие у нас были отношения. Потом, после XX съезда КПСС, они вылились в другую форму, но не я был инициатором, не я виновник тому.

К резкости суждений в своем кругу мы ранее уже привыкли за время совместной работы с Молотовым. Однако к слову «тупость» я отнесся бы осторожно. Эту характеристику Молотову нам навязывал Сталин. Он, бывало, взбесится в словесной схватке с Молотовым, и тогда это слово выступало его последним аргументом. Мы порой в какой-то степени были согласны с этим. Конечно, такой вопрос не обсуждался между нами и Сталиным, но иной раз Молотов действительно проявлял невероятное упорство, вплоть до тупости. Так получилось и в австрийском вопро-

се. Я понял, что с Молотовым договориться мне не удастся, и предложил: «Поставим проблему на Президиуме ЦК, обсудим, учтем твою точку зрения, там ты ее выскажешь. Но вопрос будем решать, потому что далее тянуть не следует. Затяжка с заключением договора наносит нам только вред. Это не идет на пользу нашей международной политике, не помогает улучшению наших отношений с Австрией, с австрийским народом».

Молотов опять начал доказывать, что мы должны продолжать старую политику. Но до каких пор? О Триесте он уже не упоминал, отпал этот довод. Ведь нам бы сказали: «Позвольте, какое вам дело? Вопрос о Триесте касается двух государств — Италии и Югославии, они, договорились, а вы-то чего суете туда свой нос?». В ответ нам возразить было бы нечего. И я спросил Молотова: «Ты считаешь необходимым сохранить наши позиции в Вене и на австрийской территории с тем, чтобы подготовиться получше и начать войну?». «Нет, — говорит, — этого не хочу». Однако мог оставаться в качестве возращения лишь повод подготовки к войне. Если готовиться к войне, то, конечно, не следовало заключать мирный договор с Австрией. В этом случае наши войска оставались бы на австрийской территории, мы через Вену были близки к Италии и к границам других западных держав, которые прежде были нашими союзниками, а теперь стали противниками. Такая аргументация была бы веской. Зачем выводить войска, а потом проливать кровь, чтобы занимать те же рубежи? Уже сейчас мы имеем хорошие исходные рубежи для нанесения военного удара. Однако Молотов ответил: «Нет, войны я не хочу». «Но если ее ты не хочешь, а я тоже этого не хочу, то и не ставлю такой задачи, а поэтому предлагаю заключить мирный договор».

В проекте договора мы вместе с нашими союзниками по борьбе против Гитлера брали на себя обязательство вывести войска с австрийской территории. Тем самым надеялись создать более мягкий климат в международных отношениях, укрепить свои позиции на международной арене в борьбе за обеспечение мира, мирное сосуществование. Проявляя инициативу и демонстрируя добрую волю, хотели приобрести еще больше сторонников и союзников в борьбе против агрессивных сил. Главным образом, нам противостояли тогда США. Я не сказал бы, что французы проявляли какую-то ретивость и агрессивность. США пугали французскую общественность, людей в других странах советским пугалом, тем, что мы, дескать, хотим завоевать весь мир. Я повторил Молотову: «Если ты тоже не преследуешь цели начать войну, то самое разумное — покончить с остатками второй мировой войны хотя бы на территории Австрии и подписать мирный договор». Он — ни в какую!

Поставили мы этот вопрос на Президиуме ЦК, обсудили все-сторонне. Высказал свою точку зрения Молотов, высказал я. Ранее я говорил об этом не раз с другими членами Президиума ЦК, Молотов — тоже, поэтому наши точки зрения были известны. Но с Микояном я более подробно обменялся мнениями перед заседанием, и он первым поддержал меня. Я уже говорил, что уважал проницательный ум Анастаса. По проблемам взаимоотношений государств им был накоплен большой опыт. Сталин неоднократно посылал его за границу. Я же не имел опыта международных контактов. И я, и многие другие после смерти Сталина, если можно так выразиться, оказались в положении той Дуньки, которая (в пьесе «Любовь Яровая»)³ готовилась уехать в Европу. Анастас Иванович в нашей среде был той Дунькой, которая уже побывала и в Европе, и в Америке. Поэтому я считал необходимым учитывать его мнение по тем или другим вопросам. Чаще всего у нас с ним точки зрения совпадали.

Наконец, мы все договорились, что мирный договор надо заключить. Подготовили соответствующие документы. Завязали переговоры с правительством Австрии. Прежде чем выступить открыто, по дипломатическим каналам согласовали свою позицию с лидерами других социалистических стран. Подписание мирного договора с Австрией интересовало всех, хотя напрямую затрагивало только Венгрию и Югославию. С Югославией у нас братских контактов уже (и еще) не было, их разорвал Сталин⁴. Венгрия же — наш союзник и друг, но территориальных споров между Венгрией и Австрией тогда не существовало. Имелись зато пограничные споры у Югославии с Австрией относительно какой-то небольшой территории⁵, на которую претендовала Югославия. До конфликта с Тито эти претензии Югославии к Австрии учитывались в нашей политике, и мы их, конечно, поддерживали. Впрочем, теперь нас это не касалось, потому что Югославия не уполномочивала СССР отстаивать ее интересы.

Забыл сказать, что мы проинформировали по этому вопросу Коммунистическую партию Австрии. Ей мы подробно рассказали обо всех наших соображениях, с тем чтобы КПА была всесторонне подготовлена к выводу наших войск и обретению Веной полной независимости. Мы заверили, что подпишем мирный договор и будем выводить свои войска, однако при условии, что другие страны, которые являются, как и мы, оккупантами австрийской территории, тоже выведут свои войска. У руководства КПА не только не возникло никаких возражений, но мы встретили полное понимание нашей позиции. Коммунисты говорили нам: «Пос-

ле вывода советских войск из Австрии мы будем сильнее. На нас сейчас всех собак вешают, что мы, мол, опираемся на Вооруженные Силы Советского Союза и не являемся партией рабочего класса, которая занимает независимую позицию, а служим какими-то агентами СССР, выполняем его поручения». Мы были довольны такой реакцией, так как хотели, чтобы Компартия Австрии понимала, что мы не хотим нанести удар ее политике.

Предприняли также шаги по дипломатическим каналам и вступили в переговоры с австрийским правительством для подготовки к заключению договора. Прошло какое-то время от постановки вопроса до того, как мы окончательно договорились по всем пунктам. Теперь все пути были расчищены, и мы приступили к конкретным переговорам. Какие возникли мелкие детали дела, сейчас не помню. Ведь они всегда бывают, когда документ согласовывают по пунктам. Помню только коренной для нас вопрос: чтобы Австрия взяла на себя обязательство проводить политику нейтралитета, неприсоединения к военным блокам и не позволяла создавать какие-либо военные базы на своей территории. Мы приводили в пример Швейцарию и Швецию, и Австрия должна была объявить, что будет придерживаться нейтралитета по их образцу. Сейчас не скажу, записано ли это было в документе или существовала личная договоренность, что за образец берется политика этих двух стран.

Австрия не сразу заняла такую позицию. Ее представители доказывали, что Австрийская республика воевать не собирается и не помышляет об этом, что в своей политике будет руководствоваться мирными устремлениями и строить хорошие отношения со всеми странами, но взять на себя официальное обязательство не хочет. На первых порах переговоров австрийская сторона проявляла сдержанность: не то, чтобы была открыто против, но осторожничала. В конце концов Вена согласилась, и текст был согласован между двумя правительствами через министерства иностранных дел.

Тогда правительство Австрии возглавлял Юлиус Рааб⁶, лидер самой главной буржуазной партии. Однако правительство было не однородным, а коалиционным с социал-демократами. Социал-демократы занимали в парламенте меньше мест, но тоже были солидной силой. Заместителем премьер-министра был социал-демократ Бруно Крайский⁷. Я встречался с ним не раз. Он приезжал в Москву, когда мы завершали переговоры о мире. Подписывался же мирный договор в Москве Раабом. Здесь, когда мы встретились уже на высшем уровне с правительственной делега-

цией Австрии, «дожимался» окончательно вопрос о нейтралитете. Рааб согласился, а социал-демократы через его заместителя и ранее поддерживали такую линию.

Социал-демократы вообще с пониманием относились к нашей позиции. Никакого их сопротивления или даже негативного оттенка, который отложился бы в моей памяти, не припомню. Видимо, еще раньше они между собой все обговорили и выступали теперь единым фронтом, разногласий между ними не ощущалось. И при личных беседах, которые я и другие руководители советского государства вели в отдельности с Раабом и с его заместителем, тоже ощущалось полное их единство по вопросу заключения мирного договора. Беседы наши проходили на дружеской основе. Я с уважением относился к Раабу. Это был буржуа, но обладавший гибким умом. Он не только понимал необходимость терпеть существование Советского Союза как социалистического государства (от него сие не зависело), а и вообще не проявлял такой нетерпимости, как Черчилль и другие тузы капиталистического мира. Конечно, он оставался капиталистом и был настроен против коммунистов, против марксистско-ленинской теории, однако мирился с существованием различных общественных укладов и довольно гибко подходил в переговорах к решению вопроса, который интересовал оба государства. Когда мы окончательно договорились, Рааб и его заместитель буквально сияли. Наконец-то они получают полную независимость, из Австрии выводят-ся все иностранные войска.

Прежде чем встретиться с делегацией Австрии, нам пришлось провести переговоры с США, Францией и Англией об их присоединении к мирному договору. Они тоже должны были взять на себя обязательства вывести войска и, главное, признать обязательство Австрии о нейтралитете. Это было наше существенное требование. Пошли переговоры. В памяти у меня отложилось, что на первых порах не все шло гладко. США занимали, по-моему, ту позицию, что обязательство, принятия которого мы требуем, навязывается австрийскому правительству: вроде бы лишаем Австрию самостоятельности в ее государственных решениях. Однако мы доказали, что запись о нейтралитете полезна, потому что Австрия — маленькая страна, а географическое ее положение таково, что ей самой выгоднее держать нейтралитет и именно тем самым сохранять свою независимость. Нейтральная Австрия сможет создавать равные условия для контактов со всеми странами, которые захотят иметь с ней и дипломатические отношения⁸, и экономические на коммерческой основе. Далее, запись о нейтра-

литете обезопасит Австрию от каких-либо других соглашений, которые действительно бы нарушали суверенность австрийского государства, превращая его в плацдарм чужих вооруженных сил. Рааб и другие члены австрийского правительства быстро поняли это. Так как они с нами согласились, это облегчило защиту нашей позиции в переговорах с США, Англией и Францией. В конце концов бывшие союзники тоже согласились.

Я тогда считал и сейчас считаю, что это была большая наша победа на международной арене. Мы, руководители советского государства, были очень довольны, что именно по нашей инициативе достигнута договоренность великих держав по столь сложному и важному вопросу. Чтобы те, кто читает этот текст, лучше поняли мои личные чувства, им надо иметь в виду, что Сталин при первой возможности и при любых разговорах о взаимоотношениях СССР и капиталистического мира все время внушал нам, что мы котят, телята, ничего не смыслим, нас иностранцы обведут вокруг пальца, и мы поддадимся их нажиму. Ни разу он не высказал никакой уверенности в том, что мы сможем достойно представлять свое социалистическое государство, защищать его интересы на международной арене, отстаивать их, не нанося нам ущерба, строить на равноправной основе отношения между государствами так, чтобы укреплялся мир.

Австрия оказалась для меня и всех нас пробным шаром, демонстрацией того, что мы можем вести сложные переговоры и провести их хорошо. Мы отстаивали интересы социалистических стран, вынудили капиталистические страны, которые проводили агрессивную политику, согласиться с нашей позицией, подписать мирный договор с Австрией, вывести оттуда свои войска. В результате она стала нейтральным государством и официально провозгласила нейтралитет. Это обязательство было не только правительственной декларацией, декларацию одобрил и австрийский парламент. Я и мои коллеги внутренне праздновали победу. Выезд Дуньки в Европу оказался успешным, с демонстрацией того, что мы ориентируемся в международных делах и без сталинских указаний. Если образно говорить, то мы в своей международной политике сменили детские штанишки на брюки взрослых людей. Наш успешный дебют был признан не только в СССР, но и за рубежом, что тоже имело большое значение. Мы ощутили свою силу.

Но дело заключалось не только в этом. Ведь и злоупотребления Сталина властью, и загубленные жизни стольких честных людей, и неподготовленность к войне — все это при жизни Стали-

на, да и вначале после его смерти, подавалось как проявление мудрости. Даже в убийстве людей — тоже проявление «гениальности»: вот, он видел врагов народа, а другие, какие-то сосунки, не видели. Мы сами при Сталине себя так же оценивали. Потом уже узнали в полной мере, что тут была не мудрость, а тщательно рассчитанные поступки деспота, который сумел внушить многим и многим, что Ленин не разбирался в людях, не умел подбирать людей, а почти все, кто после его смерти возглавлял страну, оказались врагами народа. К сожалению, в эту чушь верили. Да и сейчас еще остались твердолобые, которые стоят на той же позиции, молятся идолу, убийце всего цвета советского народа. Наиболее рельефно отражал точку зрения сталинского времени Молотов. Если все это учесть, то заключение мирного договора с Австрией⁹ явилось одновременно шагом к пересмотру наших позиций и в вопросе о роли Сталина. И мы его, как известно, пересмотрели.

Вот я сейчас диктую свои воспоминания и мысленно пробегаю все происходившие тогда события. Многое с позиций сегодняшнего дня выглядит просто невероятным. Если бы я не был участником этих событий и часто даже инициатором, то мне трудно было бы представить их течение. Но я ни на каплю ничего не увеличиваю, а рассказываю лишь о том, что видел портретно и буквально. Хочу, чтобы наши потомки понимали бы, как мы жили, какие встречались трудности и как мы их преодолевали, и я хочу это показать на конкретных лицах и конкретных фактах.

Конечно, наряду с принципиальными в памяти сохранились и мелкие, незначительные факты. Помню, например, такой эпизод. После переговоров с австрийцами сидели мы за обедом. Рядом со мною — Рааб. После обеда объявили, что подают кофе. По европейской традиции, к кофе обязательно полагается ликер или коньяк. Рааб был человеком тучным, с большим лицом и круглой головой. Мы с ним разговаривали за кофе о пустяках, о главном-то уже договорились. Я ему: «Первый раз в жизни, господин Рааб, мне доводится сидеть рядом с капиталистом. Мне приходилось встречаться со слугами капитала, когда я был рабочим. Случались у нас забастовки на предприятиях, на которых я трудился. А я пользовался доверием своих товарищей, и меня включали в состав комитета, который руководил забастовкой и вел переговоры с администрацией. Там я встречался нос к носу со слугами капиталистов. Владельцы предприятий были слишком крупными фигурами и жили в Петербурге или еще где-то там, мы их никогда и не видели. А вот сейчас я сижу за одним столом с живым капиталис-

том и, как говорится, могу его даже пощупать». Рааб смеялся (и он, и другие участники стола понимали шутки) и отвечал: «Господин Хрущев, вы правильно говорите: конечно, я капиталист, но маленький капиталист, даже очень маленький». «Да, вы «кляйн», маленький капиталист, но все-таки капиталист. На вас трудятся рабочие, а я-то рабочий. Будь я австрийцем, я бы, возможно, работал у вас». «Но, видите, — говорит Рааб, — даже мы можем прийти к соглашению. Капиталист и рабочий договорились и вместе сделали хорошее дело». Все кончилось добрым тостом.

Разговор с заместителем Рааба Крайским мне тоже понравился. С ним можно было беседовать запросто. Сам он, по-моему, вышел из рабочих, но уже был, так сказать, тренированным человеком. Вспоминаются и его шутки. Я ему: «Поддерживаю идею вашего начальника, маленького капиталиста господина Рааба!». Он мне: «Товарищ Хрущев (ведь ко мне обращался товарищ по рабочему движению), да знаете ли вы, что такое — Рааб?». «Нет, не знаю». «А вам нравится Рааб?». «Да, мы с ним делаем хорошее дело, полезное для наших народов и всего мира». «Рааб по-русски — «ворона». А Рааб смотрит на него и улыбается. Я продолжаю: «Ну и что? Вот мы делаем хорошее дело с вороной, вы присоединяетесь?». «Конечно, я целиком поддерживаю вас обоих». Эти шутки демонстрировали взаимную симпатию и непринужденность складывавшихся отношений. Да и в целом Рааб оставил по себе хорошее впечатление как буржуа, который понимал положение Австрии, значение Советского Союза, его роль в международной политике и верно ее оценивал. Это тоже имело для нас значение. Ведь всегда приятнее иметь дело с человеком, который тебя понимает.

После подписания мирного договора с Австрией мы еще больше почувствовали необходимость ликвидировать там свою собственность, что было сложно для нас еще и потому, что мы должны были учитывать интересы Коммунистической партии Австрии. Некоторые ее активисты работали на наших предприятиях и, естественно, пользовались там влиянием и поддержкой с нашей стороны. Мы не знали, как отнесутся к нашему намерению австрийские товарищи, правильно ли поймут нас, не будут ли настаивать, чтобы мы сохранили там свою собственность как базу, на которой они могут разворачивать свою работу. Мы рассказали руководству КПА о своих намерениях, о том, что нас побуждает к такому решению: дальнейшее сохранение на существующем техническом уровне этих предприятий не дает возможности обеспечить соответствующую заработную плату. Если же на наших заво-

дах заработная плата будет ниже, чем на предприятиях, работающих на условиях ведения капиталистического хозяйства, то это окажется дискредитацией социалистической системы и нанесет вред политической деятельности КПА. Или же мы должны будем вести дела себе в убыток, что тоже неприемлемо. Мы просили, чтобы австрийские товарищи правильно нас поняли. Представители КПА согласились с нашими доводами и поддержали наше решение.

Потом мы установили контакт с правительственными органами и повели переговоры на предмет продажи предприятий. Как же австрийское правительство отнеслось к этому? По-моему, у него сложилось двойственное отношение. С одной стороны, оно было заинтересовано, чтобы мы продали предприятия и вообще испарились с австрийской земли, включая наши штаты по управлению заводами. Это я говорю о позиции представителей буржуазных партий. Социал-демократы тоже были заинтересованы в приобретении наших предприятий Австрией. Но у них имелись и собственные интересы. Как мы узнали потом, социал-демократы хотели, чтобы эти предприятия не стали частными, а остались государственными. Затрудняюсь сделать вывод, какую пользу для себя они извлекли бы. Возможно, они рассчитывали, что там будут расставлены социал-демократические кадры и заняты их люди. Возможно, считали, что смогут извлекать из этих предприятий какие-то материальные выгоды для своей партии. Все это только мои предположения. Во всяком случае, социал-демократы тоже проявили интерес к покупке предприятий у Советского Союза.

Сейчас не помню, на какой сумме мы сошлись, но она не была большой. Так мы продали тамошние предприятия и ликвидировали собственность, которую имели в Австрии. Теперь у нас не оставалось в Вене никакой собственности кроме помещения, где размещалось посольство, в хорошем, добротном здании. Имелась еще и дача у нашего посла. Тоже хорошая. Позже, когда я был гостем австрийского правительства, то в выходной день гостил там у посла, очень вежливого человека, который к тому же был толковым дипломатом и твердым коммунистом. После того как мы в Австрии развязали себе руки, это еще больше привлекло на нашу сторону симпатии общественности, даже стоявшей на буржуазных позициях. Они считали это знаком того, что русские ушли всерьез и не хотят вмешиваться в их внутренние дела. Хотя мы и раньше ни организационно, ни пропагандистски не занимались в Австрии антибуржуазной деятельностью. Ведь форма правления и порядки в стране есть внутреннее дело каждого народа. А компартия там

сохранялась. Мы уходили из Австрии, уверенные, что марксистская пропаганда не будет прекращена, но вести ее там будем не мы, а коммунистическая партия, вышедшая из народа.

Информацию от КПА мы получали через наше посольство. Руководители партии не жалели, что мы продали предприятия. Они обрели теперь возможность шире разворачивать пропаганду на этих предприятиях с чисто классовых позиций. До того же у них было двойственное положение. Например, в случае недовольства рабочих. Поднимать ли их на стачку? Или если валяют дурака заводские бюрократы. Бюрократические извращения на предприятиях бывают во всех странах. Помню, когда в 1931 г. я работал в Москве секретарем Бауманского райпарткома, у нас происходили настоящие забастовки. Да и позже возникали «вольтеры» на ряде предприятий, даже после Великой Отечественной войны, причем довольно неприятные. Они вызывались или низким заработком, или бюрократическими извращениями, а чаще всего — когда устанавливались новые расценки и нормы выработки. Такие кампании проводятся у нас каждый год и всегда они обостряют отношения рабочих с администрацией. Думаю, что доньше они проходят не везде гладко. Все зависит от разумности руководителей и влияния партийной организации.

Конечно, сейчас уже не 1931 год! А когда только вводили нэп, случалось много забастовок. Установили новые расценки, ликвидировали вроде бы уравниловку, а в результате большесемейные практически ничего не получали. Трудное было время, особенно для многодетных. Был такой случай: забастовали рабочие Трехгорной мануфактуры, пошел туда Михаил Иванович Калинин. Они его сами требовали, кричали: «Калиныча!». Я сам знаю, как это бывало. Когда я после гражданской войны вернулся на рудники, на которых раньше работал, то тоже ходил с Абакумовым на шахту, где забастовали шахтеры. Они разделили нас «под орех», несмотря на то, что знали как облупленных и Абакумова, и меня. Ведь мы с ним работали еще до революции на той же шахте. А Калинина встретили галдежом: «Не знаешь ты, как мы живем. Теперь ты староста Союза, тебе-то что, а нам каково? Ты бы в нашей шкуре побыл!». «Да что с ним говорить? Посмотри на него: сапоги целые рубаха новая, имеет все, что надо, наверное, и пообедал, и выпил».

Михаил Иванович не растерялся: «Да, пообедал, и рюмочку выпил, и сапоги на мне новые. А вы бы как хотели, чтобы я, человек, который представляет Советский Союз, союзный староста, ходил в штанах с дырками на зад и светил задом? Ходил не в сапогах, а в лаптях? Тогда вы были бы довольны? Вам не стало бы стыдно? Од-

ного старосту прокормить и одеть и то не можете? Что это за государство?». Тут другие голоса стали одергивать крикунов: «Правильно говорит Михаил Иванович». Но те не унимаются: «Как же, Михаил, семьи-то у нас неравные. Одно дело холостому, другое — семейным. Вот у меня сколько ртов, а работник я один!». Да, в то время это был очень острый вопрос. Я с ним тоже сталкивался, особенно часто в 1922 г., когда вернулся из Красной Армии.

Калинин ответил: «Да ведь это дело твое, и дети твои: ты их настругал, ты и корми!». Тут одни стали смеяться, другие возмущаться. Рабочий же не сдается: «Ты говоришь — настругал. Все люди этим делом занимаются. Керосину нет, темно, вот и занимаемся этим, в темноте не считаешь. А потом дети рождаются. Их кормить надо, а заработки низкие». Опять все хохочут. Михаил Иванович продолжает перепалку, отбивается от нападающих. Другой ему кричит: «Да что ты ему втолковываешь, он старый, что понимает теперь в этих вопросах? Это мы молодые, а ему уже все равно!». Калинин: «Как это старый? Кто сказал, что я уже ничего не понимаю? Я еще разбираюсь в этих вопросах». Снова общий хохот. В конце концов Калинин уговорил рабочих, и они согласились, что надо работать; что пока не хватает товаров и продуктов, чтобы удовлетворить всех рабочих и служащих. Поэтому надо больше и лучше трудиться, тогда будет больше товаров, а там и зарплата поднимется.

Когда подобные проблемы возникали у австрийских рабочих на предприятиях, где мы были собственниками, то КПА попадала в затруднение: с одной стороны, она поддерживала советскую администрацию, но с другой — такая позиция оборачивалась против австрийских рабочих. Когда же мы все продали¹⁰, компартия во весь голос заговорила в защиту рабочего класса. Тогда встал вопрос и о продаже предприятий частным лицам. Естественно на рентабельные предприятия капиталисты зарились больше. Возникли дебаты в австрийском правительстве, и голоса разделились: социал-демократы стояли за сохранение государственной собственности, коммунисты их поддерживали, а буржуазные партии занимали иную позицию. Не помню, как решился спор. Но руки себе мы развязали.

Вывели также свои войска из Австрии. Это стало большим торжеством для австрийского народа. Австрийцы, включая рабочих, были довольны, что мы вывели войска. Ведь ушли не только наши, но и американские, английские, французские войска¹¹. В результате вывода иностранных оккупационных войск Австрия получила на деле полный суверенитет и сама теперь отвечала за

состояние своих дел. А коммунисты обрели возможность возвысить свой голос и ставить в пример миролюбивую политику Советского Союза и пропагандировать коммунистические идеи. Одним словом, мы все были довольны. Я уже говорил, что Молотов возражал против договора с Австрией. Так как же он вел себя потом? И он был доволен. Увидел, что ошибался, стал принимать активное участие в переговорах с Австрией и в выработке условий мирного договора.

Через какое-то время Вена начала прощупывать нас, как мы отнесемся к приглашению посетить советской правительственной делегацией Австрию с визитом дружбы. Мы пришли к единодушному мнению, что такой визит будет полезен, и дали согласие. Возглавлять делегацию должен был председатель Совета Министров СССР. Когда велись переговоры, им стал уже я¹². А в состав делегации входили министр иностранных дел Громыко и другие ответственные работники. Кажется, сопровождал меня и мой заместитель в правительстве Косыгин¹³. Он туда и отдельно ездил. Нам было интересно посмотреть на Австрию. Меня лично привлекала и возможность понюхать буржуазную атмосферу, самому почувствовать ее. Хотелось взглянуть на промышленное производство, поехать по стране, познакомиться с условиями жизни крестьян. Вообще у меня возник интерес взглянуть на другие страны, особенно на ту, в которой мы были ранее оккупантами.

В Австрии я бывал и прежде. В 1946 г. я попросил у Сталина разрешения выехать в Германию, в расположение наших войск, а оттуда проехал через Чехословакию в Вену. В Австрии нашими войсками командовал тогда генерал-полковник Курасов¹⁴. Он на меня производил впечатление образованного, культурного военнослужащего, знающего свое дело. Он хорошо понимал и свою политическую роль и правильно пользовался полномочиями, которыми был наделен как представитель Советского Союза и командующий оккупационными войсками в зоне. Курасов организовал для меня ознакомление с Веной. Меня интересовали городское хозяйство и некоторые заводы, которые производили предметы широкого потребления.

Все это происходило вскоре после войны, у нас ничего не было, и мы хотели посмотреть, как все делается в Австрии. Интересовала меня и керамика, особенно производство клинкера (а австрийцы делали прекрасный клинкер). Нам требовалось мостить дороги, и среди дорожников развернулась дискуссия, какое покрытие дорог прочнее, дешевле и долговечнее. Известно, что наиболее долговечна гранитная брусчатка, но она очень дорога. Некоторые

специалисты предлагали организовать клинкерное производство, так как клинкерное мощение нарядно и долговечно. В связи с этим я посетил многие кирпичные заводы, но не нашел в Австрии хорошего клинкера. Зато отличный клинкер я увидел в Венгрии, восхищался им и сейчас вспоминаю добрым словом его производство в Будапеште. У себя клинкер мы все-таки не использовали. Подсчитали расходы, и выяснилось, что в современных условиях клинкер экономически невыгоден. Лучше и дешевле изготавливать бетонные плиты для мощения дорог. Качество цемента уже поднялось, и бетон везде пробивал себе дорогу.

Интересовался я и прачечными. У нас современных прачечных не имелось, все было организовано кустарно, на дедовских началах. В Австрии же действовали механизированные прачечные. Я посмотрел на них, испытал восторг, но мы тогда не могли такого организовать у себя, наша техника находилась не на высоком уровне. Показали мне также всяческие прелести Вены. Потом Курасов предложил мне поехать в ущелье неподалеку от столицы: «Там вы посмотрите канатную дорогу, которой пользуются туристы». Она функционировала, но командующий стал меня отговаривать: «Я вам не советую подниматься, дорога старая, война прошла, она ломалась, нет гарантии безопасности». Я ему: «Так вы со мной не поднимайтесь, а я поднимусь. Ведь другие люди пользуются ею». Он устыдился, и мы поднялись на площадку для обзора, очень красивое место. Иначе и быть не могло, ведь тогда не было бы смысла строить подъемник: там была выбрана господствующая над местностью точка, окруженная красивыми горами, покрытыми зеленью.

Потом Курасов показал мне Шёнбруннский королевский дворец, очень богатый. В свое время я видел чудесный американский фильм «Большой вальс». В нем дается картина создания вальса Венского леса. Очень понравился мне этот фильм, а музыка Штрауса просто замечательная. Его действие разворачивалось как раз в Венском лесу. Дело в том, что Шёнбруннский дворец расположен рядом с лесистым парком. Побывал я и в роскошном дворце австрийских императоров эпохи барокко, осмотрел парк с фонтанами. Я долго восторгался его красотой. Там стояли уже английские и американские войска. Помню, когда мы проезжали мимо английских казарм, какое-то подразделение занималось военными приемами, шло обучение новобранцев. Я впервые увидел тогда шотландских стрелков в их юбочках. Меня сопровождали архитекторы и инженеры коммунального хозяйства из Киева. Мы с удовольствием смотрели на это зрелище и долго потом шу-

тили над юбочками. Для нас все это было ново и необычно. Ездил же я тогда инкогнито, с удостоверением «генерала Петренко», и был я в военной форме, чтобы не привлекать особого внимания. Там наших военных было тогда полным-полно, и я среди них — просто еще один русский генерал.

Мы поехали и в американскую зону, здесь же, возле императорского дворца. Рассматривали окрестности в бинокль, некоторые стали фотографировать их. Американские войска строили трибуны и еще какие-то временные сооружения. Мне сказали, что они готовятся к своему национальному празднику. Когда наши люди стали фотографировать, немедленно появились мотоциклисты — американская армейская полиция. Но она к нам не подъехала, а остановилась на каком-то удалении и наблюдала за нашими действиями, не вмешиваясь. Здесь был наш командующий, это, видимо, их сдерживало, они увидели неприкосновенное лицо и откозыряли ему, так что мы получили возможность все внимательно осмотреть. Был я и в венской опере, с хорошими голосами. Мне тоже очень понравилось. Опера находилась в американском секторе города, но представители стран-победительниц имели свободный проезд во все зоны, и никто нас не останавливал.

Вспоминаю и Венский лес с каким-то сооружением летнего характера вроде ресторана. Командующий показал на выцарапанные настенные надписи. Некоторые фамилии показались мне знакомыми. Это расписались участники штурма Вены. После вступления в город каждый, видимо, считал своим долгом оставить автограф на стенах. Не знаю, как поступили потом в Вене: сохранились ли автографы или их вытравили. Там расписалось много наших Ив́анов. В целом зеленая и красивая Вена произвела на меня сильное впечатление. Теперь же я приезжал туда как глава Советского правительства и гость австрийского, уже на другом уровне. Правительство Австрии создало все условия, чтобы мы чувствовали себя как можно лучше и имели возможность побольше узнать, побольше увидеть и иметь побольше полезных бесед.

В Вену мы прибыли поездом через Братиславу. Встреча была соответствующей нашему положению, пышная. Потом начались официальные приемы и беседы. Они протекали в стандартном духе. В таких случаях в коммюнике пишут, что беседа проходила в дружественной обстановке и было проявлено полное взаимопонимание сторон. Но это соответствовало действительности, у нас не имелось каких-либо претензий к Австрии, как и у Австрии к нам. Мы встретились под сенью договора, заключенного между нашими странами, а там было определено наше стремление к

обеспечению мира и мирного сосуществования. И все речи — застольные и на митингах — тоже звучали в том же духе. Затем нам организовали путешествие по стране. Сейчас, к сожалению, не могу припомнить маршрут, но был он очень интересным. Мы с удовольствием приняли предложение, и во мне остался прекрасный след о пребывании в Австрии. Это — сказочная страна. Там отличные дороги, очень красивые холмы, лужайки, заросшие зеленью, пейзажи, которые ласкают глаз.

Мы путешествовали в автобусе, специально изготовленном для экскурсантов. Я говорил потом, что и нам хорошо бы позаимствовать австрийский опыт, у нас таких автобусов не делают. Конструкция автобуса обеспечивала полный круговой обзор на 360 градусов. Там имелись только стойки, на которых держалась крыша, а все остальное было закрыто стеклом. Стекла удобно поднимались и опускались, обеспечивая вентиляцию. Была смонтирована и электрическая плита, на ней тут же готовились закуски. То есть было все, необходимое для путешествия. Автобус был предоставлен для поездки только нашей делегации, и народу собралось немного. Особенно я запомнил посещение Зальцбурга. Мэр города был левым социал-демократом. Мне говорили, что он с пониманием относится к позиции коммунистов, участвовал в антифашистском Сопротивлении, партизанил. Левый человек на манер Запада — это не левый в нашем, коммунистическом понимании. Но в любом случае он оказался лучшим, чем многие другие социал-демократы.

Помню митинг в его городе. Наверное, весь город собрался. Мы выступали с балкона, народ прекрасно встречал нашу делегацию и хорошо реагировал на речи. Я тоже держал речь, хотя и речь стандартного направления: мир; безопасность; борьба против агрессии и за мирное сосуществование; каждый народ сам выбирает себе судьбу, а революция не экспортируется. Вот, примерно, о чем я говорил. Это отработанный нами стандарт, но правильный стандарт. Австрийцы с пониманием встречали наши слова и, видимо, они с доверием относились к нашим речам, тем более что ощущали нашу искренность, это вызывало у них доверие.

Помню и посещение металлургического завода недалеко от Вены. Австрия — небольшая страна, так что мы быстро достигали мест назначения. Завод, по масштабам Советского Союза, оказался малым, но меня очень влекло туда, ибо там выплавлялась конверторная сталь. Я много читал о ней, слышал доводы наших инженеров, сторонников этого вида производства, и мне было интересно посмотреть, как работают конверторы и насколько сложно

оборудование. При показе завода особенно большое усердие прилагал заместитель премьера, социал-демократ, который нас сопровождал. Его поведение определялось тем, что австрийцы были заинтересованы в том, чтобы мы у них купили лицензию на конверторное производство стали и на оборудование для такого производства. Я был как раз большим сторонником покупки. Тогда я впервые увидел, как варят сталь в конверторе, и восхитился, а потом благодарил своих инженеров, сторонников прогрессивного метода производства, которые докладывали мне о нем и побуждали меня купить такое оборудование.

Не помню объем их конверторов. По современным масштабам он невелик, и потом я читал, что мы сейчас имеем конверторы значительно более мощные. Так и должно быть, время-то прошло. Видимо, и Австрия сейчас изготавливает более мощные конверторы. Деталей не знаю, потому что сейчас я человек отставной. Тогда я твердо определил для себя, что надо это производство купить. Однако не так-то легко сделать это даже при моем официальном положении председателя Совета Министров. Когда я и Косыгин вернулись в Москву и рассказывали о результатах поездки, то встретили (я и сейчас возмущаюсь, когда вспоминаю) перед собой бронированную стену. Одни говорили: «Да, вы правы, это действительно прогрессивный метод производства стали, но мы сами работаем в том же направлении и через столько-то времени будем иметь свой, более емкий и более мощный конвертор. Зачем тратить деньги?». А Министерство черной металлургии выдвинуло то возражение, что конверторное производство — вообще не прогрессивный метод. Цифры, которые показывают экономическую эффективность, верны, сталь дешева, но зато ограничивается сортамент. А нам надо варить сталь многих марок и разного назначения, получать же сталь с заданными качествами лучше в мартеновских печах, поэтому внедрять в нашей стране конверторы нецелесообразно.

Сейчас, когда я сугубо газетный читатель, диктую свои воспоминания, не пользуясь никакой специальной информацией, все же то и дело слышу о преимуществах конверторов. В газетах в один голос твердят, что это самый прогрессивный способ, что именно конвертор позволяет получать сталь с заданными качествами. И во мне закипает возмущение. Вот такие-то люди стояли во главе металлургической промышленности, были знатоками дела с большим опытом и стажем, а занимали консервативную позицию. Она теперь неопровержимо доказана жизнью. Теперь сами эти инженеры переориентировались, сами себя опроверга-

ют и в своих выступлениях, и на практике. Мы-то тогда не купили лицензии. Переговоры о ней вообще очень затянулись. А в конце концов с большой потерей времени конверторное производство стали у нас было признано как самое прогрессивное. Ну, и ладно! Как говорится, не хватило ума оценить у чужих сразу, зато с течением времени всякое прогрессивное дело пробивает любые тупые лбы и преодолевает любое сопротивление.

Мы посетили также лагерь смерти Маутхаузен, небольшой городок, где содержались за колючей проволокой пленные, наши и других стран. То был действительно лагерь смерти. Нас сопровождал министр внутренних дел Австрии, социал-демократ, который всегда положительно относился к дружбе с СССР, толстый, внешне добряк, с мягким характером, верной ориентации. Там мы увидели и место, где замучили генерала Карбышева¹⁵. Фашисты его заживо заморозили, и он, облитый водою, представлял собой ледяную фигуру. Он принял мучительную смерть, но не стал предателем, показал силу духа советского человека. Казалось бы, что ему советская власть? Он был военным деятелем еще в царские времена. Но этот царский офицер стал советским генералом, не уронил чести воина Красной Армии. Слава ему!.. Во дворе лагеря нам показали камеры, где содержались заключенные, и душегубки. Мы увидели воочию всю технику убийства людей, которая была изобретена умами фашистов. Министр внутренних дел, который нас сопровождал, показал также камеру, в которой он сам сидел и откуда был освобожден войсками союзников.

Показали нам и старинный охотничий дворец австрийских императоров с замечательным музеем охотничьих трофеев. Хотя я сам был охотником, но такого прежде нигде не встречал! Очень понравились нам выезды с танцами на дрессированных лошадях. В этом Вена, как говорят, занимала первое место. Отлично тренированные лошади, красивая форма наездников, отменно выполнявших все фигуры... Зрелище производило большое впечатление. Потом я видел подобное же в кино, но в натуре выглядит лучше.

В заключение скажу пару слов о такой личности, как Крайский. Как заместитель премьера коалиционного правительства и лидер социал-демократов Крайский занимал в Австрии второе место, если не говорить о президенте. Он проявлял понимание необходимости дружбы и соглашений с нами, стоял на позиции мирного сосуществования, стремился как-то улучшить и смягчить отношения между социалистическими и капиталистическими странами. Хотя он и был противником коммунистов, но с таким человеком можно вести диалог.

Несколько позже господин Крайский организовывал мою встречу с Брандтом¹⁶. К сожалению, она так и не состоялась. Тогда стало известно из органов печати, что я собираюсь приехать в Берлин на какое-то торжество, и Москва получила из Австрии от нашего посольства информацию, переданную через Крайского, что со мной хочет встретиться Брандт, когда я окажусь в Берлине. Брандт и Крайский были друзьями, они сошлись в Швеции. Когда немцы захватили Австрию, туда эмигрировали и Крайский из Австрии, и Брандт из Германии, оба как социал-демократы, и жили там в эмиграции. После войны они по-прежнему поддерживали дружеские отношения. Я дал согласие на неофициальную встречу без публикации о ней в печати. Пресса же пронюхала, что готовится такая встреча, был оказан соответствующий нажим на Брандта, и он в последний момент, когда я уже находился в Берлине, отказался от встречи.

Я же хотел встречи с Брандтом, считая, что она была бы полезной. Теперь, когда он пришел к руководству в ФРГ¹⁷, то предпринимает позитивные шаги и с пониманием относится к необходимости улучшения отношений Западной Германии с ГДР и СССР. Во что выльется этот диалог и хватит ли Брандту храбрости оказать сопротивление тем силам, которые выступают против смягчения напряженности, покажет будущее. Если он проявит волю и станет работать в этом направлении, это окажется в интересах наших народов и всех стран, которые стоят на позиции мирного сосуществования. Из органов печати я узнал, что социал-демократы сейчас получили на выборах в Австрии большинство, обрели право сформировать правительство¹⁸. Очень хорошо!

¹ МОЛОТОВ В.М. являлся наркомом (министром) иностранных дел СССР в 1939 — 1949 и 1953 — 1956 гг., Вышинский А.Я. — в 1949 — 1953 гг.

² Город Триест, бывший с XIV в. преимущественно австрийским владением, отошел в 1919 г. к Италии, в 1943 — 1945 гг. находился под немецкой оккупацией, до 1947 г. управлялся англо-американской военной администрацией, до 1954 г. вместе с округой составлял свободную территорию Триест под тем же управлением, согласно итало-югославскому договору 1954 г. был разделен на западную часть (вместе с городом отошла к Италии) и восточную (отошла к Югославии). Граница между ними определена итало-югославским договором 1975 года.

³ Пьеса драматурга и писателя Тренева К.А., написанная в 1926 году.

⁴ В 1949 году. Восстановлены в 1955 — 1956 гг.

⁵ Каринтия. С XIV принадлежала Австрии, в 1919 г. разделена между Австрией, Югославией и Италией.

⁶ РААБ Ю. (1891 — 1964) — вице-председатель в 1945 — 1951 гг. и предсе-

датель в 1951 — 1960 гг. Австрийской народной партии, в 1953 — 1961 гг. федеральный канцлер Австрии.

⁷ КРАЙСКИЙ Б. (1911 — 1990) — вице-председатель в 1959 — 1967 гг. и председатель в 1967 — 1983 гг. Социалистической партии Австрии в 1953 — 1959 гг. статс-секретарь МИД, министр иностранных дел в 1959 — 1966 гг., федеральный канцлер в 1970 — 1983 гг.

⁸ Первый посол СССР в послевоенной Австрии ИЛЫЧЕВ И.И. (1905 — 1983) — заместитель политического советника Советской контрольной комиссии в Германии (1949 — 1952), глава дипломатической миссии СССР в ГДР (1952 — 1953), Верховный комиссар СССР в Австрии (1953 — 1955) и посол (1955 — 1956) в Австрии.

⁹ То есть подписали в Вене 15 мая 1955 г. Государственный договор о восстановлении независимой и демократической Австрии. 26 октября 1955 г. австрийский парламент принял закон о постоянном нейтралитете.

¹⁰ Австрийскому государству СССР передал бывшие германские активы, ряд предприятий, нефтяные поля и имущество Дунайской судоходной компании.

¹¹ Последние оккупационные войска покинули Австрию 25 октября 1955 г.

¹² Хрущев возглавил Совет Министров СССР в 1958 году.

¹³ КОСЫГИН А.Н. работал заместителем и первым заместителем предсовмина СССР в 1953 — 1960 и 1960 — 1964 гг.

¹⁴ КУРАСОВ В.В. (1897 — 1973) — генерал армии с 1948 г., был в период подписания Государственного договора с Австрией начальником Военной академии Генерального штаба, а в Австрии служил после Великой Отечественной войны в качестве заместителя главнокомандующего и главнокомандующего Центральной группой войск.

¹⁵ КАРБЫШЕВ Д.М. (1880 — 1945) — строитель фортов Брестской крепости в 1911 — 1914 гг., генерал-лейтенант инженерных войск с 1940 г. На месте его гибели в Маутхаузен поставлен в 1962 г. памятник.

¹⁶ БРАНДТ В. (Фрам Г.К.) был тогда председателем Социал-демократической партии Западного Берлина и его правящим бургомистром.

¹⁷ То есть стал федеральным канцлером ФРГ (1969 — 1974 гг.).

¹⁸ Это произошло в 1970 году.

ВСТРЕЧА С АДЕНАУЭРОМ

Сейчас я выскажу некоторые соображения о приеме в СССР делегации Германской Федеральной Республики¹, возглавляемой Аденауэром². С Аденауэром у меня состоялась единственная встреча — в Москве, в сентябре 1955 года. Мы были очень довольны инициативой Аденауэра, когда он предложил встретиться

ся в Советском Союзе. И та, и другая сторона хотели такой встречи, она была выгодна обеим. Положение в Германии сохранялось ненормальное (оно и сейчас остается таким). Поэтому возникало естественное желание нормализовать его.

После смерти Сталина Аденауэр и его партия³ считали возможным попытаться добиться максимума в деле поглощения Западной Германией Германской Демократической Республики, создания единого немецкого капиталистического государства. Аденауэр и его сторонники — наши бывшие союзники — ощущали, что ГФР уже набрала экономическую силу, у нее появилась возможность предоставлять другим странам кредиты. СССР нуждался в кредитах, в закупке современного оборудования на западном рынке. Кредиты помогли бы нам приобрести нужное оборудование, которое мы еще не могли производить у себя и не могли также приобрести в других социалистических странах.

Насколько помню, тогда говорили, что правительство ГФР (как ее сокращенно называли) готово предоставить нам кредит в виде компенсации за невыплаченные послевоенные репарации, положенные нам по Потсдамскому соглашению⁴. ГФР своевременно не уплатила их. Сумму я не помню: что-то, как вертится в памяти, около 500 млн. западногерманских марок. Эта валюта высоко ценилась на Западе. Однако Аденауэр неправильно представлял себе нашу возможную позицию относительно ГДР. Во-первых, мы не могли согласиться с постановкой перед нами вопроса, быть или не быть ГДР. Это ведь вопрос самих немцев, которые создали новую республику. Во-вторых, идеологически мы были заинтересованы не в ликвидации, а в укреплении ГДР. Трудно даже представить, как это мог додуматься Аденауэр, что мы сумеем пойти на ликвидацию ГДР. Наши идеологические, политические и экономические контакты с ГДР были не односторонними, а взаимными.

Мы настаивали на сохранении независимого немецкого государства рабочих и крестьян, которое являлось нашим союзником. Кроме того, наши военно-стратегические интересы тоже заключались в том, чтобы укреплять ГДР. Западная же Германия добивалась создания единого государства на капиталистической основе. Если бы это произошло, то мы сразу территориально отступали как бы к границам Польши. Так что если бы мы поддались на подобные уговоры или угрозы, это стало бы политическим и стратегическим отступлением, отказом от ГДР, от ее пути социалистического развития. Это вдохновило бы агрессивные силы Западной Германии на еще больший нажим, чтобы потом отодвинуть польскую границу восточнее, чего западные немцы добиваются

по-прежнему и сейчас, при уже сложившихся границах. Это могло послужить началом цепной реакции. На это мы никак не могли пойти, даже в мыслях не могли себе такого представить.

Но сильное желание ослепляет порою здравый рассудок, и появляются суждения, допускающие возможность получения недостижимого. Видимо, именно такие мысли толкнули Аденауэра и его окружение на решение поехать к нам, чтобы при личных контактах, в ходе собеседований поманить нас получением кредита, то есть создать для себя такие условия, чтобы без войны добиться желанной цели. Аденауэра тогда сопровождали: Кизингер⁵ (потом он стал канцлером), Арнольд (он возглавлял профсоюзы, потом умер), Шмидт⁶ и еще какой-то социал-демократ. Эти фамилии сохранились у меня в памяти. Не помню, был ли там Хальштейн⁷? Кажется, и он тоже. В те годы прозвучала доктрина Хальштейна⁸. Сейчас она уже не так выпячивается, но, во всяком случае, еще не отброшена: и в диспутах, и на практике западные немцы еще придерживаются доктрины Хальштейна.

Главный вопрос — заключение мирного договора. Аденауэр высказывался за это. Но мы считали, что к договору можно прийти лишь через заключение соглашения между обоими германскими государствами с выделением Западного Берлина как самостоятельного «вольного города». Со стороны же западных немцев выдвигалось предложение о создании единой Германии со столицей в Берлине, что никак не совпадало с нашими интересами. Мы не имели морального права оказывать давление на Германскую Демократическую Республику. Это ведь означало для ГДР отказ от независимости и растворение в буржуазном государстве. Зато мы хотели нацелить наши переговоры на констатацию ликвидации состояния войны, то есть не на заключение мирного договора, а на подписание соглашения, в котором было бы зафиксировано, что СССР и ГФР не находятся более в состоянии войны. Такой договор дал бы возможность установить дипломатические отношения, что способствовало бы экономическим, культурным и общественным контактам между нашими странами.

Когда в ходе переговоров той и другой стороной безрезультатно были испытаны все средства достижения своих целей и намерений, возникла пауза. Не помню сейчас нюансов. Но на последнем этапе западные немцы категорически высказались против выдвинутого нами предложения, а мы тоже не согласились с предложениями Аденауэра. И вдруг он заявил, что, так как они не могут подписать соответствующего документа, то завтра уезжают. Я сказал им: «Выражаю сочувствие и сожаление. Таким шагом будет нане-

сен вред и нашим отношениям, и прежде всего Германской Федеральной Республике. Однако это ваше дело, можете уезжать, хотя и потерпите урон, как политический, так и экономический, потому что экономические связи с Советским Союзом очень выгодны».

Затем мы приготовились к их завтрашнему демонстративному отъезду без всякого итогового документа и без торжественных проводов. Но в тот же день узнали, что они еще раз хотят с нами встретиться. Угроза демонстративного отъезда оказалась лишь одним из способов нажима, попыткой вырвать наше соглашение и испытать, твердо ли мы стоим на своих позициях. Аденауэр хотел припугнуть нас тем, что состояние войны не будет ликвидировано. Мы же не особенно были обеспокоены этим, хотя, безусловно, и сожалели бы, если бы такое случилось. Капиталистические воротилы ГФР, видимо, оказали нажим на свое правительство, ибо им нужно было «прорубить окно» в Россию. Германия извлекала ранее большие выгоды от торговли как со старой Россией, так и с СССР. До прихода Гитлера к власти у нас существовали хорошие торговые и прочные отношения с Веймарской республикой, мы делали с немецкими капиталистами «большие дела».

Помню, как после гражданской войны немецкая фирма в Донбассе взяла у нас концессию на проходку шахты № 17-бис. Эта шахта закладывалась рядом с действующей шахтой № 30, но на большую глубину. Наш штейгер был обескуражен тем, что мы отдали шахту немцам, вроде сами не сумеем заложить, и пошел к Абакумову, управлявшему этим рудником, предложив свои услуги: «Доверьте мне, Егор Трофимович, я не хуже немцев пройду второй шурф, новый ствол шахты. Дайте только необходимое оборудование». Однако это-то как раз и было вопросом — оборудование! Все-таки, в порядке соревнования, мы мобилизовали свои возможности и позволили штейгеру посоревноваться с немцами. Он сумел пройти шурф. Так что мы не попали в безвыходное положение. По-моему, тогда же немцы восстанавливали нам коксохимический завод на шахте № 30.

В честь окончания работы состоялся митинг. Я тогда заведовал орготделом Юзовского окружка партии. Меня как старожилу шахт бывшей французской компании пригласили на этот митинг. Я работал там слесарем. Поэтому меня знали все как облупленного, и я всех знал. Это район, где прошли мое детство и юность. На митинг я захватил с собой одного немецкого коммуниста, который учился у нас на курсах в Москве, а на весенние каникулы приехал в Юзовку. Мне хотелось, чтобы с нашей стороны выступил именно немецкий коммунист. Хорошо помню начало митинга.

Сначала выступил представитель фирмы, которая вела работы, толстый такой инженер не то техник. Говорил он по-немецки, и не уверен, имелся ли у нас переводчик. Рабочие стояли, слушали и, как говорится, глазели. Картина внешне была довольно неприглядной: все люди из деревни, многие в лаптях, в одежде очень поношенной, если не совсем изношенной. Одним словом, серо выглядели тогда люди. Да и вполне понятно: после мировой войны, гражданской войны и саботажа, который встретил революцию, восстановление хозяйства шло туго. Следовательно, туго шло и накопление средств, жизненный уровень народа не повышался. Мы понимали это, но я говорю тут о создававшемся внешнем впечатлении.

Рабочие выслушали иностранца, но не раздалось ни одного хлопка. Потом я объявил, что теперь выступит представитель Коминтерна, товарищ такой-то, сам тоже немец. Его сразу встретили аплодисментами. Когда же он закончил речь, а она была короткой, митинговой, ему вообще устроили бурную овацию. Слушатели, думаю, не целиком смогли понять суть речи представителя Коминтерна, слабо владевшего русским. Но достаточно было сказать, что это представитель Коминтерна, чтобы его наградили поистине по-братски теплой встречей и устроили ему овацию. Настолько тогда высоко ценили знамя и авторитет международной коммунистической организации — III Интернационала.

Промышленники Запада извлекали из связей, восстановленных с нами после окончания гражданской войны, все, что им удавалось. Естественно, представители концернов Западной Германии продолжали теперь, зная историю своих прежних связей и свои возможности, высчитывать, что они могут извлечь, если будут нормализованы наши отношения и они получат доступ к заключению сделок с СССР. Аденауэр ощущал давление этих деловых людей, да и сам был заинтересован в том же. И немцы не уехали. Мы продолжили наши беседы и стали работать над документом, который можно было бы подписать. По какому-то вопросу собеседники оказывали особенно упорное сопротивление. Мы удивились, и тогда они нам подбросили информацию, что на Аденауэра оказывает давление посол США в СССР Чарльз Болен⁹.

На первых порах, когда он стал послом, у нас с ним сложились хорошие отношения. Наши симпатии к нему опирались на наше хорошее отношение к Рузвельту, а Болен был личным переводчиком у Рузвельта и в Тегеране, и в Крыму, да и не только в Крыму. Одним словом, создалось впечатление, что это человек Рузвельта и потому придерживается его политического курса. Однако по-

том оказалось, что Болен — самый оголтелый реакционер. Он поддерживал ненавистную линию враждебных нам кругов США. Долгое время являясь послом, делал нам гадости, какие только мог: портил наши отношения и не только не способствовал их улучшению, но замораживал любые инициативы. Не знаю, получал ли он какие-то указания из Вашингтона по данному поводу или же тут была его личная инициатива... Думаю, что он сам все это выделял, не желая улучшения наших отношений. Так что мы поверили немецкой информации о Болене.

Мне припоминается также человек по фамилии Арнольд, представитель какой-то германской земли. Потом он возглавлял Аденауэровские профсоюзы. В ходе переговоров на официальных приемах у меня появилась возможность поговорить с ним. Арнольд больше остальных проявлял интерес к заключению договора, смягчению и нормализации наших отношений. Особую позицию занимал социал-демократ Шмидт. О Кизингере же у меня не сложилось тогда какого-то впечатления. Думаю, что он был правой рукой Аденауэра и никаких разногласий с ним во взглядах на возможность заключения договора не имел, тем более по линии «уступок Советам», как они говорили.

Аденауэр в конце переговоров похвастался, что, несмотря на давление, которое оказывал на него Болен, он все-таки довел переговоры до успешного завершения, так что мы в конце концов согласовали текст¹⁰. Немцы передали нам свое пожелание потопиться с подписанием, пока текст в последней редакции не увидел Болен. Мы согласились с их подходом. Если он был приемлем для нас, а для Болена неприемлем, то тут мы, конечно, были на стороне Аденауэра. Так этот документ и был подписан. Потом меня информировали, что Болен сильно возмущался позицией Аденауэра, но документ уже был подписан.

О самом Аденауэре у меня осталось особое впечатление. То был человек, который мог пойти, как я бы сказал, на грубую лесть, если понадобится. Во время бесед о мной он «выделял» меня и говорил, что вот «только в результате вашего влияния произошло то-то и то-то»... Мне было неприятно слышать это от политического деятеля, это принижало его достоинство. Я, смотря на такой нехороший прием действий, размышлял, как же мелко думает он о других? Наверное, и сам он мелочный человек. Например, когда за обедом мы обменивались мнениями, он тут же мне на ухо шептал через переводчика какие-то любезности. Однако в смысле политики, понимания своих интересов он твердо представлял немецкий капитал и был большим его защитником.

Переговоры закончились, документы подписали, делегация ГФР уехала. Мы ее проводили, и это осталось нашим первым и последним контактом. После той встречи у нас с Аденауэром ни встреч, ни обмена правительственными делегациями не происходило. Правда, экономические связи между двумя странами стали развиваться. Я не однажды принимал представителей «Круппа»¹¹, других деловых людей из ГФР, с которыми нас связали общие экономические интересы. Мы давали им заказы, они поставляли нам хорошее оборудование. Немцы умеют и работать, и торговать.

Что еще сказать об Аденауэре? Он, конечно, вошел в историю своей страны как представитель крупного капитала. Но человек он, так сказать, ловкий: столько лет продержался там у власти! Да и пользовался поддержкой избирателей. Вспоминается такой эпизод. За столом во время обеда Шмидт обратился ко мне и назвал меня по партийной привычке товарищем («Геноссе Хрущев»). Я ему тоже ответил: «Геноссе Шмидт». Аденауэр, услышав, изобразил на своем лице иронию и, насмешливо повторив «Геноссе Хрущев», тут же обратился ко мне: «Господин Хрущев, вы что же, думаете, что рабочие у нас голосуют за социал-демократов? Нет, большинство рабочих Германии голосует за меня!». И тут же сообщил, сколько получили голосов социал-демократы, сколько рабочих объединяют в своих профсоюзах они, а сколько — его партия. Выходило, что большинство рабочих голосует за партию Аденауэра. К сожалению, это было правдой. Если бы за социал-демократов голосовало большинство, то не Аденауэр возглавлял бы правительство ГФР. Даже после смерти Аденауэра ситуация не изменилась¹².

Аденауэр заложил основы сегодняшней политики Христианско-демократической партии. Она и сейчас еще очень сильна и имеет там большое влияние. Аденауэру нужно отдать должное, с ним надо было считаться. Но он оставался непримиримым врагом коммунистических идей, поэтому был нашим непримиримым идеологическим противником. Это сдерживало его, и он не шел с нами на тесные контакты по государственной линии. Вот то, что я хотел как бы добавить к тому общеизвестному факту, что Аденауэр является представителем реакционных кругов Западной Германии. Он был таким, таким и ушел из жизни.

Но наша встреча стала полезной. Мы ликвидировали официальное состояние войны между Германией и СССР¹³, обменялись посольствами. Через советского посла там усиливалось наше влияние на общественность, создавались возможности занять кон-

такты с деловыми кругами и с теми людьми, которые нам симпатизировали. Такие контакты всегда приносят пользу. Мы пробили изоляцию, в которой находились, а это было невыгодно США. Их люди делали буквально все, чтобы не допустить подписания договора с СССР и тем самым не позволить разорвать кольцо изоляции, которым они окружили Советский Союз и другие социалистические страны. Мы такое кольцо прорвали. Это было выгодно не только для нас, но и для всех социалистических стран, хотя они еще не имели посольств в Бонне, потому что доктрина Хальштейна служила тому препятствием. Да и сейчас только Румыния и Югославия, по-моему, имеют там свои посольства.

Когда Югославия временно оказалась в плохих отношениях с другими социалистическими странами, она заключила свой договор с ГФР. Потом, когда отношения нормализовались, признала Германскую Демократическую Республику. Зато тут же автоматически прервались ее дипломатические отношения с Западной Германией¹⁴. Но, нужно отдать должное товарищу Тито, он предпочел иметь отношения с ГДР и противостоял нажиму западных немцев. Так что доктрина Хальштейна не выдержала проверки временем, почему Западная Германия и нормализовала потом отношения с Югославией на каком-то этапе.

Считаю необходимым дополнительно подчеркнуть, почему Чарльз Болен предпринимал со своей стороны все, что было в его силах, чтобы не допустить соглашения с ГФР и СССР. Он всячески ставил палки в колеса, но Аденауэр все-таки не послушался его и после того, как мы договорились по основным вопросам, предложил, поскорее оформив договор, скрепить его подписями, так как боялся, что со стороны США уже напрямую из Вашингтона, через посла США в Бонне, усилится давление. Чем же руководствовался Аденауэр? Что, он выражал особые симпатии к Советскому Союзу? Почему хотел восстановить дипломатические отношения? Сказались сугубо торговые интересы западногерманских толстосумов. Наоборот, США было выгодно, чтобы Западная Германия, находясь официально в состоянии войны с Советским Союзом, не имела своего дипломатического представительства в Москве, а мы не имели своего представительства в Бонне.

У нас не возникли бы тогда деловые контакты, что служило бы интересам Соединенных Штатов. Они сами хотели размещать в ГФР свои капиталы и влиять на развитие ее экономики. ГФР же, наоборот, хотела вырваться из объятий США: капитал Западной Германии, обретая силу, искал себе рынки сбыта, искал заказы на продук-

цию. Поэтому Аденауэр и захотел открыть окно в Советский Союз. Вот главный мотив, а не какие-то особые симпатии, не какие-то благородные чувства, которые владели умом Аденауэра. Нет, тут главенствовала идея прибыли. Тут интересы США столкнулись с интересами Западной Германии. Когда дело касается кошелька и затрагиваются интересы банков, можно и не посчитаться с требованиями союзника. Немецкие капиталисты находчивы. Они хорошо знали возможности нашего рынка и пошли на нужные им ухищрения.

Сейчас, находясь на пенсии, я иной раз вспоминаю Аденауэра. Он подарил мне в качестве сувенира хороший цейсовский бинокль. Когда я выхожу на прогулку, то пользуюсь им, с «помощью Аденауэра» немножко раздвигаю свой горизонт, имея возможность обозревать обширные поля, леса и прочие прелести подмосковного пейзажа. Если встречные интересуются моим биноклем, я говорю им: «Подарок Аденауэра». Сразу повышается к нему интерес. Конечно, мы и сами делаем бинокли, причем, наверное, не хуже. У меня есть и другие бинокли. Но я пользуюсь этим как более удобным. Вот такая у меня осталась память о личной встрече с Аденауэром.

¹ Так называлась у нас в то время Федеративная Республика Германия.

² АДЕНАУЭР К. (1876 — 1967) являлся в 1917 — 1933 гг. обер-бургомистром г. Кельн, в 1920 — 1932 гг. был председателем Государственного совета Пруссии, с 1946 г. возглавлял Христианско-демократический союз в Западной Германии, в 1955 г. пошел на установление дипломатических отношений Западной Германии с СССР, в 1949 — 1963 гг. был федеральным канцлером ФРГ.

³ То есть ХДС (Христианско-демократический союз).

⁴ Потсдамская конференция союзных государств (17 июля — 2 августа 1945 г.), наряду с прочими решениями, достигла соглашения о репарациях с Германией. При этом репарационные претензии СССР удовлетворялись изъятиями из хозяйства Германии в советской зоне оккупации, из германских вложений за границей и получением четверти промышленного капитального оборудования, изымаемого союзниками в западных зонах оккупации.

⁵ КИЗИНГЕР К.Г. (1904 — 1988) работал в 1940 — 1945 гг. в германском Министерстве иностранных дел, в 1966 — 1969 гг. был федеральным канцлером ФРГ, в 1967 — 1971 гг. возглавлял ХДС.

⁶ ШМИДТ Х. (род. в 1918 г.) был с 1953 г. депутатом бундестага от Социал-демократической партии Германии, в 1967 — 1969 гг. возглавлял ее фракцию в бундестаге и в 1968 — 1983 гг. был заместителем председателя СДПГ. В 1969 — 1974 гг. являлся министром обороны, хозяйства и финансов, в 1974 — 1982 гг. федеральным канцлером ФРГ.

⁷ ХАЛЬШТЕЙН В., западногерманский профессор, юрист, был в ту пору статс-секретарем МИД ФРГ.

⁸ Сводилась к признанию властей ФРГ единственным представителем немецкого народа, выступающим от имени всей Германии, и к отрицанию юридического значения ГДР. Прекратила свое существование после подписания в 1972 г. договора между ГДР и ФРГ об основах отношений между ними.

⁹ БОЛЕН Ч.Ю. (1904 — 1974) работал в американских посольствах в Чехословакии, Франции, СССР (1934 — 1936, 1937 — 1940, 1943 — 1944), Японии и в госдепартаменте, в 1944 — 1946 гг. помощник государственного секретаря США, в 1947 — 1949 и 1951 — 1953 гг. советник госдепартамента, в 1949 — 1951 гг. советник-посланник посольства во Франции. Послом в СССР был в 1953 — 1957 гг., далее — на Филиппинах и во Франции. С 1968 г. зам. заместителя госсекретаря, с 1969 г. в отставке.

¹⁰ В нем говорилось об установлении дипломатических отношений между ФРГ и СССР. Они стали фактом с 13 сентября 1955 г., а в 1958 г. были дополнены консульским договором и соглашением по общим вопросам торговли и мореплавания.

¹¹ Фирма «Крупп» — концерн с комбинированным горнодобывающим, сталелитейным, металлообрабатывающим, машиностроительным автостроительным, судостроительным и авиастроительным производством. Помимо того, производит электроэнергию, проектирует и строит комплектные предприятия, ведет широкую торговлю.

¹² Впервые социал-демократы Западной Германии вошли в коалиционное правительство в 1966 г., а первым социал-демократическим премьер-министром стал в 1969 г. В. Брандт.

¹³ СССР заявил о прекращении состояния войны с Германией 25 января 1955 года.

¹⁴ 19 октября 1957 г. дипломатические отношения ФРГ с Югославией были разорваны. С Румынией они были установлены 31 января 1967 г., а 31 января 1963 г. восстановлены отношения с Югославией.

НА ЖЕНЕВСКОЙ ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ

После второй мировой войны у нас очень обострились отношения с Великобританией. Обострение произошло в результате политики, провозглашенной Черчиллем. Черчилль выдвинул лозунг окружения Советского Союза¹. Он в своей речи, произнесенной в Фултоне, призвал капиталистические страны организовать, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР. Хотя в Англии правительство было лейбористским, оно проводило недружественную политику в отношении Советского Союза. Наши торговые свя-

зи почти не развивались. Нельзя сказать, что они были в замороженном состоянии. Но английское правительство не способствовало тому, чтобы эти связи находились на должном уровне.

После смерти Сталина к нам приезжали лейбористы, и мы с ними установили некоторый контакт. Но к этому времени их сменили у власти консерваторы, чье правительство возглавил Иден². К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком. У нас остались хорошие воспоминания и о позиции, которую занимал Иден перед войной: он являлся тогда в течение ряда лет министром иностранных дел и, по нашим сведениям, стоял на позиции заключения договора с Советским Союзом против гитлеровской Германии. Когда Болдуин повел резко антисоветскую линию, подталкивавшую Гитлера против Советского Союза, Иден вышел в отставку³. Это благоприятствовало нашему хорошему отношению к Идену и позволяло нам надеяться, что удастся как-то улучшить отношения между Советским Союзом и Великобританией.

С Иденом я встречался мельком во время войны. Тогда он прилетал в Советский Союз, и случайно совпало, что в это время я тоже был вызван Сталиным с фронта. Я встретился с ним на каком-то ужине у Сталина. Но там я, как говорится, видел его лицо, слышал его голос, однако с ним не беседовал. Сталин, если и приглашал к себе кого-либо из руководства, из членов Политбюро или правительства, то только смотреть, сидеть и кушать, главное — занимать место. В вопросы политики нас не допускали, каждый должен был знать свой шесток. В какой-то степени это верно. Необходимо, чтобы человек, который определяет политику Советского Союза, выступал один, в таких случаях недопустима разногласия. Но я считаю, что не следует и ограничивать своих соратников, особенно в преклонном возрасте, в котором находился в то время Сталин. Надо было их приучать, натаскивать, как охотник приучает молодую собаку, а этого Сталин не хотел допустить. Он все понимал, но допустить не мог..

Идея Женевской встречи принадлежала, по-моему, Черчиллю. Он считал, что надо установить контакты с новым руководством СССР, чтобы не опоздать. Черчилль полагал, что следует воспользоваться смертью Сталина. Новое руководство СССР пока еще не окрепло, и с ним можно будет договориться: «нажать» на него с тем, чтобы вынудить его к соглашению на определенных условиях. В зарубежной печати стало появляться много материалов о том, что руководителям четырех великих держав необходимо встретиться. Мы тоже стояли за такую встречу. Как потом оказалось, мы тогда несколько преувеличивали возможность достиже-

ния взаимопонимания, считая, что после такой кровопролитной войны, которую мы провели вместе со своими союзниками против Германии, мы сумеем договориться на разумных началах.

Что считали мы за разумное начало? Искренне поддерживать мир и не вмешиваться во внутренние дела других государств. Мирное сосуществование было основой нашей политики. Но западные деятели стояли на другой позиции: они хотели, это естественно, оттеснить нас и содействовать тому, чтобы страны, освобожденные Красной Армией, развивались на капиталистической основе. Это касалось, главным образом, Румынии, Польши и Венгрии. Больше всего они надеялись как-то вырвать, как они выражались, из советского блока Польшу. Имелись и другие вопросы политического характера, которые беспокоили Запад, например, о Ближнем Востоке, в том числе о Египте и Сирии. В этих странах увеличивалась тяга к социализму, резко падало традиционное влияние Англии и Франции. Последние хотели спасти его и как-то договориться с ближневосточными странами на своих условиях, без учета роли Советского Союза и других социалистических стран.

Через дипломатические каналы мы навели контакты, провели консультации, договорились о дате встречи (июль 1955 г.) и избрали местом встречи Женеву. Председателем Совета Министров СССР к тому времени стал Булганин⁴. Я сказал бы, что подготовка Женевской встречи имела некоторое значение для освобождения Маленкова с поста председателя Совета Министров. С деловыми качествами Маленкова мы ближе познакомились, когда умер Сталин. Маленков оказался человеком совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным, он слабоволен и слишком поддается чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других. Не случайно он попал в лапы к Берии. Берия был умнее Маленкова, хитрый и волевой человек. Поэтому он и прибрал его к рукам.

— У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, — говорил я Молотову. — Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, не способный парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться — значит вдохновлять противника. Необходимо нападать. Эта военная тактика свойственна и политике.

— Конечно, если состоится встреча, то Маленков не один поедет, — ответил мне Молотов. Он намекал на себя. Он как министр

и иностранных дел обязательно будет там, постойт за интересы страны. Это верно. Здесь у меня никаких сомнений не было. Молотов будет отстаивать интересы Советского Союза. Но Молотов чересчур угловат. Он противоположность Маленкову. Порой нужно проявить и понимание, и даже необходимую тактическую гибкость. Он на это не способен. Он резок до крайности. Когда он возражает, то даже лицо искажается. Его участие в делегации не располагало к поиску согласия. Я сомневался, что при его участии составится делегация, на которую можно положиться, можно быть уверенным, что она использует все возможности для договоренности, проявит как твердость, так и эластичность.

Не следовало давать повод думать, что мы стоим на старых позициях сталинских времен. А олицетворением такой политики был сам Молотов. У нас к нему стал проявляться критический подход. Об оценке его деятельности за границей и говорить нечего. Пока он отстаивает интересы Советского государства, здесь его стойкость, его неподкупность — качества хорошие; а вот эластичности, необходимой дипломату, ему не хватало. Это являлось слабостью дипломатии Молотова. Поиск подходящей кандидатуры на пост главы нашей делегации тоже послужил одной из причин (конечно, далеко не главной), вызвавших замену Маленкова.

Мы вынуждены были заменить Маленкова. Имелись к тому и другие причины, но сейчас я их не касаюсь. Для бесед в Женеве требовался крепкий человек. Выдвинули Булганина. Правда, потом выяснилось, что Булганин в вопросах международной политики тоже не смог проявить должного понимания и оказался человеком, не способным к дипломатическим переговорам.

Стали формировать состав делегации, которая должна была выехать в Женеву. Конечно, прежде всего должен был поехать Булганин как глава правительства. Ведь это была встреча глав правительств. Главой государства и правительства в США был президент Эйзенхауэр⁵. Другие западные лидеры были главами правительств. Премьером Великобритании являлся Иден, Францию представлял премьер-министр Эдгар Фор⁶. Когда мы обсуждали в Президиуме ЦК партии состав делегации, то решили, что в Женеву должен поехать Молотов как министр иностранных дел. И в других делегациях премьеров сопровождали министры иностранных дел. Это нормально.

Во время обсуждения состава делегации некоторые члены Президиума ЦК высказались в том духе, что надо и меня включить в этот состав. Я возражал, считая, что такой шаг трудно будет понять нашим партнерам: ведь я не занимал государственного

поста, а представлял лишь нашу партию. Однако Молотов в свою очередь возразил, что это — наше дело, кого включить в число лиц, сопровождающих председателя Совета Министров СССР. «Кроме того, — сказал он, — ты являешься членом Президиума Верховного Совета СССР и, стало быть, поедешь не как секретарь Центрального Комитета партии, а именно как член Президиума верховного органа власти Советского Союза».

Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече, познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к международной политике на высшем уровне. Потом мы узнали, что Эйзенхауэр включил в состав сопровождавших его лиц военного министра США. Тогда я предложил: давайте и мы включим в состав нашей делегации министра обороны. Министром обороны тогда у нас был Жуков. Я имел к сему такие соображения: Жуков во время войны поддерживал очень хорошие отношения с Эйзенхауэром, а это могло способствовать лучшим контактам нашей делегации с представителями США. Да и личные контакты Жукова с Эйзенхауэром могли быть полезны для нас. Так мы и сделали.

Приехали в Женеву. Самое прибытие нас на ее аэродром выглядело не совсем выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на четырехмоторных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники. Западные лидеры тут явно подавляли нас, особенно США: Эйзенхауэр прилетел туда на великолепном четырехмоторном самолете. Прибытие каждой делегации сопровождалось обычной церемонией: выстраивался почетный караул, который маршировал перед главой делегации после того, как тот обходил это подразделение и здоровался с ним. Для нас в то время это было еще непривычным.

Когда Эйзенхауэр, завершив все церемонии, сел в автомашину, чтобы поехать в свою резиденцию (а делегации размещались в специальных особняках, нанятых посольствами), то за его машиной побежала пешая охрана. Для нас это тоже выглядело необычно, несколько театрально. Мы не понимали, зачем все это? Ведь трудно совместить ход машины с бегом человека. Потом, когда мы как-то прибыли в Вашингтон и я ехал вместе с Эйзенхауэром, то увидел, что такая же практика имела место и в Вашингто-

не. Там тоже здоровенные ребята из личной охраны Эйзенхауэра бежали за машиной какое-то расстояние, пока машина набирала скорость.

Вот еще один смешной эпизод, связанный с нашим прибытием в Женеву. Когда мы приземлились, нас отвели на отведенное нам место, и Булганин зачитал заранее заготовленное заявление. Потом (или же до того Булганин должен был, как и другие главы правительств, принять парад и пройти вдоль шеренги выстроившегося воинского подразделения, чтобы поздороваться с ним. И в тот момент, когда Булганину нужно было вместе с представителем правительства Швейцарии пройти вдоль строя почетного караула, вдруг перед самым моим носом выросла спина протоколиста правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить, но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня возможности пойти вместе с Булганиным. Швейцарцы, видимо, думали, что принимать рапорт почетного караула станет не один Булганин и что я последую за ним. Так как я занимал тогда пост секретаря ЦК КПСС, то, с их точки зрения, было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре. Поэтому они столь грубо заслонили меня спиной человека, который занимался протоколом приема делегации. Однако их усилия были напрасными, потому что у нас не возникало мысли, что кто-то кроме Булганина станет участвовать в этой процедуре. Швейцарцы же, видимо, имели свое суждение и предусмотрели, как этого не допустить.

Познакомились мы с Эйзенхауэром. Правда, мы с ним еще раньше встречались, когда после войны он приезжал в Москву. Лично я с ним познакомился на трибуне Мавзолея Ленина во время Парада Победы. Но там было иное знакомство: и я, и он находились на другом уровне. Ну, какая это встреча? Так, Сталин поманил пальцем, представил меня. Мы поздоровались, и только. Теперь же мы официально представляли свою страну, как и Эйзенхауэр — свою. Эйзенхауэр в личных контактах производил очень хорошее впечатление. Он человек, располагающий к себе, в обращении мягкий, голос у него тоже не какой-то такой, приводящий в трепет собеседника, как принято изображать командирские голоса военных. Нет, голос у него был человеческий, и обращение человеческое, даже, я бы сказал, притягательное.

Мы узнали, что Эйзенхауэра сопровождает Рокфеллер⁷. Нам не совсем было понятно, какую цель преследовал Эйзенхауэр, когда брал Рокфеллера советником? Ведь какие тогда перед нами стояли вопросы? Главный вопрос — улучшение наших отношений, обеспечение мира. Кроме того, мы хотели как-то договорить-

ся насчет возможности получения кредита у Запада для ликвидации последствий кровопролитной войны и того разорения, которое нам она принесла. Мы считали (еще в первые дни после окончания войны нам делали намеки), что США нам могли бы дать в кредит что-то около 6 млрд. долларов. Такая цифра фигурировала тогда, как я слышал это от Сталина. Конечно, мы хотели получить такой заем. Правда, теперь у нас давно уже завелась тяжба с американцами по вопросу наших платежей за их поставки по ленд-лизу. Мы отказывались платить, заявляя, что заплатили достаточную цену, проливая в войне кровь нашего народа. Однако во время переговоров в Женеве мы согласились выплатить часть той суммы, которую с нас требовали американцы, как условие предоставления нам нового кредита в размере 6 млрд. долларов. и на длительный срок. Мы считали, что на таких условиях можем отдать платежи за ленд-лиз американцам.

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав правительств четырех великих держав — это была затея Черчилля с целью лишь прощупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прощупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной проблемой явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели заключения мирного договора с Германией, признания существования двух германских государств и предоставления возможности каждому из них развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора именно на этой основе. Только так

можно было создать условия для мирного сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши партнеры были далеки от того, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы предлагали. Они поставили условия, с которыми мы не могли согласиться. Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была. После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам, которые ее интересовали. И хотя мы ни о чем не договорились, но поняли, что можем разговаривать за столом переговоров. Впервые за послевоенное время встретились главы четырех великих держав. Тогда возник так называемый «дух Женевы» — народы вздохнули свободнее, все почувствовали, что война, на пороге которой мы стояли, отодвинулась. Именно с Женевы начался тот долгий и нелегкий путь, который привел нас к разрядке, к заключению соглашений о запрещении испытаний ядерного оружия и подписания других важных документов. Этот путь был непрост и нелегок, и многое еще предстоит сделать в будущем. Однако приятно сознавать, что мы были в самом начале этой дороги и первыми пустились в неизведанное на поиски путей обеспечения мирного сосуществования, двинулись по узкой тропе, ведущей из Дворца Лиги Наций в Женеве.

Соединенные Штаты Америки: беседы с делегацией США и их президентом носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в то время пойти на уступки. Ведь тогда, в частности, еще был жив Даллес⁸, который и определял международную политику США, а вовсе не президент Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с Даллесом, отделенный только переводчиком.

Я наблюдал поразительную картину, произведшую на меня сильное впечатление. Даллес карандашом что-то писал по ходу совещания в своем блокноте, вырывал листки и складывал их под правую руку президента. Эйзенхауэр же по ходу заседания брал эти листки и зачитывал их. Не то, что он, прочитавши их, сделал для себя какие-то выводы и излагал свою позицию. Нет, он добросовестно, как школьник, зачитывал записки Даллеса. Мне трудно сказать, буквально ли он зачитывал их или что-то добавлял от себя. Но сложилось впечатление, что он зачитывал их дословно. И мне было жаль его: нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо. Складывалось такое впечатление, что он смотрит на совещание глазами своего государственного секретаря. Так оно и было.

Это для нас было не в радость, потому что к Эйзенхауэру мы сохраняли какое-то доверие. Оно сложилось в результате его поведения во время войны. Я говорю здесь в основном о последнем этапе войны, когда немцы сняли многие свои войска с Западного направления, где они действовали против высадившегося десанта союзников, и бросили их против наших войск. Гитлер хотел нас задержать, не дать нам возможности занять Берлин. Сталин говорил, что он обратился к Эйзенхауэру и указал, что это было бы несправедливо. Немцы тогда фактически уже прекратили активную войну против американских и английских войск. Эйзенхауэр придержал наступление своих войск, рассказывал нам Сталин, я это отлично помню. Ответил, что следует дать моральное удовлетворение русским. Русские понесли главные потери в борьбе с немцами, и они по праву должны со своими войсками войти в Берлин. Сталин приписывал нашу боевую заслугу рыцарскому благородству Эйзенхауэра, и я согласен в этой оценке со Сталиным.

Другой факт. Когда наши войска разбили немцев, сломили их сопротивление в направлении Вены, и немцы увидели, что они уже не могут сопротивляться, то они не сдались советским войскам, а повернув на Запад, хотели сдаться американцам. Сталин опять обратился к Эйзенхауэру, указав, что мы их разбили, а оружие они складывают перед другими. Эйзенхауэр приказал своим войскам не брать разбитые дивизии в плен и предложить командующему немецкими войсками на этом направлении сдаться русским, сложить оружие перед нашими войсками. И еще один факт. В результате того, что немцы не оказывали должного сопротивления на Западном направлении, войска союзников зашли за линии дислокации войск, определенные на Ялтинской конференции. Я помню (при мне это было), как Сталин проявлял тревогу:

отведут ли американцы и англичане свои войска на те линии, которые определили в Ялте, или же потребуют признания статус-кво, установления демаркационной линии по месту фактического расположения войск. Когда немцы капитулировали, американцы вернулись на линию, определенную Ялтинской конференцией. Когда американцы так поступили, то и англичане последовали за ними.

Все это располагало тогда и сейчас располагает меня к Эйзенхауэру. Независимо от обострения в наших отношениях, которые произошло позднее. Мы питали некоторые надежды, что, став президентом, он сохранил прежнее мироощущение и что с ним можно, как говорить, пиво варить; можно договориться на разумной основе. То есть так, чтобы интересы США, конечно, не классовые, а государственные интересы, не затрагивались, но одновременно учитывались и интересы Советского Союза и ряда других стран. Такое доброе соглашение обеспечивало бы мир и невмешательство во внутренние дела.

Но когда я увидел, что Эйзенхауэр читает то, что ему подсовывает Даллес, у меня сразу все надежды поблекли. Мы помнили другого Эйзенхауэра — выдающегося полководца, а сейчас столкнулись с заурядным политиком. Он в международных вопросах не занимал самостоятельной позиции, а целиком положился на Даллеса. А Даллеса мы считали человеком, лишенным здравого рассудка, опьяненным, парализованным злобой. Он не хотел реально взглянуть в будущее, где вырисовывалось иное соотношение сил и которое со временем должно стать еще рельефнее. Он не мог верно оценить происходящее, предвидеть развитие событий с правильных позиций. Даллес, Эйзенхауэр и другие наши партнеры по переговорам стояли на буржуазных позициях. Тем не менее, не лишенные разума политики со своих классовых, буржуазных позиций тоже здраво взвешивали факты и понимали, что соотношение сил изменилось и продолжает изменяться в ущерб капиталистическому миру. Нарастают силы стран социализма, увеличивается мощь пролетарского, коммунистического движения. Вот тут и надо искать основу политики Даллеса. Даллес хотел приложить все усилия, чтобы приостановить наращивание сил социализма, приостановить прогрессивное движение, происходившее и происходящее сейчас в мире.

Однако Даллес, при всей своей слепой ненависти к коммунизму, к прогрессивным силам, когда дело доходило до возможности развязывания войны, оставался трезвым политиком. Он придумал понятие «на грани войны» и на этой грани строил свою

политику. Однако он знал, что если он переступит эту грань, то крепко получит по зубам. И сколько бы Даллес ни кричал о войне, о сдерживании коммунизма, мы знали, что он не переступит эту свою грань, не ввергнет опрометчиво мир в новую войну. В этом проявилась его трезвость как политика. В некотором смысле с ним было проще вести дело, чем с политиками, обладающими горячей головой, о которых трудно сказать, что они сделают под влиянием сиюминутных настроений.

Но найти соглашение, о чем-то договориться с Даллесом было невозможно. Его просто выворачивало наизнанку при одной мысли о возможности установления дружеских отношений с Советским Союзом. Вот так сразу в моих глазах поблекли краски, которыми я рисовал себе образ Эйзенхауэра. Жуков встречался с Эйзенхауэром на правах старого знакомого. Я наблюдал первую встречу Жукова с Эйзенхауэром. Она была очень теплой, можно сказать — дружеской. Я чувствовал, что Эйзенхауэр с большим уважением здоровался с Жуковым. Затем Жуков один ходил к Эйзенхауэру и целый вечер просидел с ним, вел беседу. Жуков нам потом рассказывал о ней. Беседа, конечно, не могла выйти за рамки переговоров, ни дальше, ни ближе. Но, я думаю, что они не особенно и придерживались этого вопроса. Больше всего они вспоминали о прошедшей войне, о своей роли в ней, о всяких военных эпизодах. Было о чем поговорить Жукову и Эйзенхауэру. Когда Жуков вернулся, он только сказал: «Вот, президент подарил мне спиннинг». Эйзенхауэр передал еще какие-то подарки для дочери Жукова (она как раз выходила замуж) и какие-то сувениры для жены Жукова. Вот, собственно, и все. Мы-то думали, что Жуков чего-то сможет добиться, убедив делегацию США занять более благоприятную позицию в смысле смягчения военной напряженности и создания условий для мирного сосуществования. Но все ограничилось воспоминаниями.

Даже при этом результате считаю, что мы не зря взяли Жукова, включили его в состав лиц, сопровождавших председателя Совета Министров СССР на женевских переговорах. Делегация США имела, конечно, все основания для лидерства, потому что США — ведущая среди капиталистических стран держава. Ни Франция, ни Англия не могли определять западную политику. Но на пути к смягчению напряженности находился Даллес. Он, как цепной пес, восседал возле Эйзенхауэра, направляя его действия. Это был ярый антикоммунист, агрессивный человек, который не мог согласиться на мирное сосуществование с Советским Союзом. Поэтому ни беседы, которые мы вели во время обеда в честь Эйзенхауэра, ни

встречи и беседы один на один Жукова с Эйзенхауэром никаких результатов не дали. Не было ничего, кроме любезностей. Никаких политических переговоров он сам лично не захотел вести.

Во время перерывов между заседаниями, когда выдавалось свободное время, наша делегация ездила на открытой машине, осматривая город. Мы раскатывали по набережной Женевского озера и в пригороды Женевы. Нам удивлялись, что мы столь вольно себя ведем, не опасаясь, что могут иметь место какие-то террористические нападения. Проявлений какой-либо враждебности со стороны зевак, которых было не так и много, я не замечал. Народ с любопытством смотрел, что это, мол, за люди: оказывается, они внешне выглядят, как все другие. Замечалось любопытство, но не враждебность. Хотя и выражений какой-либо особой симпатии в отношении нашей делегации тоже не было. Видимо, публика Женевы привыкла ко всевозможным иностранным делегациям и довольно спокойно относилась к тому, что приехала очередная делегация, проходят очередные международные встречи. Поэтому и наше пребывание там не вызвало ажиотажа. Да, собственно говоря, мы ничего такого и не ожидали.

Когда мы собрались на первую встречу, Эйзенхауэр предложил: «Давайте установим такой порядок, что после каждого заседания будем приходить в буфет и здесь выпивать по рюмочке мартини, чтобы смыть осадок от наших споров». Так мы и делали. Как только кончалось заседание, все шли к буфету и наливали себе по маленькой рюмочке. Конечно, при этом шутили, а затем расходились. Эйзенхауэра обычно сопровождали Даллес и Рокфеллер. Помню, он представил нам последнего: «Вот, господин Хрущев, Рокфеллер». Внешность этого банкира на меня тогда не произвела особого впечатления. Одевался он демократично и не был похож на тот образ миллионера, который я себе раньше создал. Посмотрел я и говорю: «Так это и есть тот самый господин Рокфеллер?». Подошел к нему и взял его кулаками под бока. Он принял шутку и ответил тем же со своей стороны. После этого отношения между нами сложились непринужденные.

Более интересные, чем с другими, беседы за обедом проходили с делегацией Великобритании, лично с Иденом. Иден оказался внешне красивым мужчиной. Высокого роста, с усиками. Он несколько смахивал, пожалуй, на грузина. Приятный был человек. Его сопровождал министр иностранных дел Селвин Ллойд. Беседы с ними велись не на дружеском основе, но все же в теплой атмосфере. Иден — человек очень симпатичный, располагающий к себе. Политик он был опытный, сам лично направ-

лял линию своего правительства и консервативной партии, не то что Эйзенхауэр. На наших встречах Иден демонстрировал британский лоск и вежливость, во всем проявлялись его деликатность и демократичность.

После встреч с Эйзенхауэром и с Иденом я не отметил бы, что эти люди имели пристрастие к спиртным напиткам. Пили в меру. Больше шутили, разговаривали.

Особенно хорошие отношения у нас сложились с французской делегацией. Эдгар Фор — человек очень обтекаемый, если так можно выразиться, умеющий расположить к себе. С ним приятно было беседовать. Во время беседы мы не раз шутили. Я, помню, стал называть его Эдгаром Ивановичем. Он понимал шутки и сам отвечал на них. Однако французская делегация не занимала тогда ведущего положения, я бы сказал даже — должного положения, которое Франция должна была в принципе занимать. Во Франции очень часто менялись правительства, поэтому ее политика была неустойчивой. Из-за этого тогда не устанавливалось серьезного отношения к позиции Франции. Если бы правительство Фор укрепились, то могли бы появиться надежды на улучшение наших отношений и на развитие торговли. Большого вряд ли можно было ожидать в ту пору.

Итак, совещание продолжалось, но вопросы, по сути, не решались. Нам противостояли три делегации, которые занимали единую позицию, противоположную нашей. Положение отнюдь не менялось от того, что Иден лишь более мягко формулировал ту же политическую линию, которую проводили США и Франция. За обедом Иден нас спросил: «Как бы вы отнеслись, если мы пригласим вас официально прибыть с визитом в Великобританию? Это было бы полезно для обоих наших государств». Мы ответили, что это будет, конечно, полезно и мы охотно примем такое предложение, если оно поступит. Может быть, мы ответили не в таких категоричных выражениях, как я это сейчас говорю, но все же почти договорились о том, что Лондон пришлет приглашение и что это приглашение о посещении нашей делегацией Великобританию будет принято. А все остальные беседы были похожи одна на другую, тянулся обед за обедом. То были беседы, которые просто занимали время, но по существу не разрешали вопросов, для решения которых мы там собрались.

Когда я потом встретился с господином Неру⁹ (по-моему, это было в 1960 г. в США, когда я возглавлял советскую делегацию на Генеральной Ассамблее ООН), он, как всегда улыбаясь, с таким мягким выражением лица, располагающим к себе, спросил:

«Господин Хрущев, меня интересует, как вы беседовали с Даллесом». Я-то понимал, что его интересовало. Он знал нашу бескомпромиссную позицию в отношении политики, которую проводил Даллес, и знал также Даллесовскую политику, абсолютно бескомпромиссную в отношении советского государства. Отвечаю: «Да, мы встречались с ним во время обеда у Эйзенхауэра. Там мы встречались в неофициальной обстановке, причем Эйзенхауэр посадил нас рядом». «Ну, и что же?». «Разговаривали о том, какое блюдо кому нравится, сравнивая те, которые мы только что откушали. Вот, собственно, и весь предмет разговора. Не более того».

Даллес — человек, сухой по характеру. В разговорах за обедом он проявлял большую сдержанность и не был словоохотлив, как французы или даже англичане. В этом смысле Эдгар Фор проявлял гораздо большее гостеприимство и любезность. Когда мы беседовали с ним за обедом, он усиленно приглашал нас вечером съездить из Женевы во Францию в какое-то место, которое славилось особенно хорошим вином. Он хотел угостить нас этим вином. Мы отвечали, что согласны с его приглашением, благодарны ему и готовы поехать. Конечно, всерьез мы и не собирались ехать. Думаю, что Фор тоже полагал, что мы не поедем. Это было просто проявлением вежливости. Он хорошо знал, что мы не поставим его в условия, когда он должен будет нас принимать там, где это не предусмотрено протоколом.

Когда мы стали готовить итоговый документ, выявилась непримиримость наших позиций. Наша позиция базировалась (и сейчас она сохраняется таковой) на признании реально сложившихся после войны границ. Из этого следовало, что из Германии выделилось два государства: Западная Германия и Германская Демократическая Республика. И это требовалось признать. Мы считали также необходимым запретить ядерное оружие. Вот вопросы вопросов. Их решение способствовало бы смягчению напряжения и укреплению доверия. Вот чего мы добивались.

Запад говорил, что они тоже стоят за мирное сосуществование, но без признания двух Германий. Существующее положение они расценивали как остатки войны. Они нас обвиняли в том, что мы не хотим воссоединения Германии в единое государство, и продолжали настаивать на своих оккупационных правах до заключения мирного договора с Германией. А мирный договор они не могли заключить из-за наличия двух Германий. Они признавали одну Германию — Западную и ее правительство, возглавляемое Аденауэром. Так мы этот мяч и перебрасывали по

полю, вернее, по нашему столу, разделявшему делегации, собравшиеся в Женеве.

Насчет Германии мы искали какой-то компромисс, чтобы можно было принять общий текст от имени четырех держав. Формулировки там содержались такие, которые давали возможность толковать его каждой делегации по-своему. Беседовали четыре делегации, но сторон-то было две: Советский Союз и страны капиталистического мира. Чтобы не вводить общественность в заблуждение, мы подготовили наше заявление и сейчас же после подписания совместного документа устроили пресс-конференцию, на которой зачитали это особое заявление: как мы понимаем принятую в Женеве декларацию. В результате остались на старых позициях и та, и другая сторона.

Я думаю, что в конце концов наши противники будут вынуждены признать Германскую Демократическую Республику и установить с ней дипломатические отношения. Это будет способствовать нормализации отношений между народами, между государствами. Но требуются усилия и, я повторяю, терпение. Конечно, одного терпения недостаточно. Надо изыскивать возможности для переговоров, проявлять упорство в достижении договоренности, нормализации отношений. Сейчас ГДР получила все условия, необходимые для развития независимого государства. Она имеет государственность, армию, свои границы. Она их контролирует и защищает. Она имеет сильных друзей в лице социалистических стран. Поэтому капиталистическим державам решить проблему с позиции силы не удастся. Так вопрос сейчас уже не стоит. Это понимают противники коммунизма и вынуждены считаться с реальностью.

Я не помню, кто (Эйзенхауэр или Иден) спросил у меня: знаком ли я с Аденауэром? Я сказал, что лично незнаком, но по печати довольно хорошо его знаю, хорошо знаком с его позицией и политикой, которую он проводит. Она ничего хорошего нам не сулит. Мой собеседник посмотрел на меня, сделал такое «доброе лицо» и сказал: «Вы знаете, было бы полезно вам с ним встретиться. Он совсем не такой человек, каким, я вижу, вы его себе представляете. Он добрый старик. С ним можно разговаривать». Я ответил: «Что касается добрых стариков, то здесь вопрос индивидуального подхода в оценке их доброты. Наша позиция противоположна той, о которой вы говорите, — «с добрым лицом и с добрыми намерениями». Беседа перешла уже за обеденный стол, и я не так остро ставил вопрос. Я знал, что нас пока разделяет пропасть. Мы — люди из разных лагерей, поэтому для них он добрый, а для нас он злой.

Однако я отвлекся. Не хочу сейчас говорить, как конкретно формулировались вопросы, обсуждавшиеся на встрече в Женеве. Я рассказываю только по памяти, не пользуясь специальной литературой. К тому же сейчас это уже пройденный этап политической борьбы. Я хотел рассказать здесь лишь о характере, о духе нашей встречи, которая была все-таки полезной. Капиталистические страны прощупывали нас и, видимо, определили, что с нами вряд ли имеет смысл разговаривать по принципиальным вопросам с позиции силы. Не знаю, тогда ли они окончательно уверились в этом. Но, во всяком случае, они почувствовали, что мы не поддадимся. Мы продемонстрировали миру, что стремимся к мирному сосуществованию, однако без таких уступок, которые свидетельствовали бы, что нас можно вытеснить с наших позиций путем запугивания. Мы же тоже почувствовали, что, хотя честно и искренне высказали свое стремление к мирному сосуществованию, заявив, что не преследуем никаких завоевательных целей, в чем обвиняла нас печать капиталистического мира, все равно мы не сумеем убедить западные страны пойти на улучшение наших отношений.

Мы тогда считали, что на первых порах хорошо было бы договориться о расширении торговых отношений. Особенно хотели мы торговать с США. К тому времени они приняли закон, ограничивающий торговлю с Советским Союзом. Хотели мы расширить торговлю также с Францией и Англией. Однако, как я уже говорил, вопросом вопросов оставалась проблема Германии. Здесь, как мы считали, возникали точки соприкосновения, от которых зависело, поднимется ли политическая температура до критического градуса или же удержится нормальной: не холодной и не горячей, а теплой, которая взаимно бы согревала нас и создавала благоприятные условия для мирного сосуществования двух систем, капиталистической и социалистической.

Мы добивались мирного сосуществования на государственной основе. Вопросы идеологии и философии мы тут всегда выделяли и открыто заявляли, что мирное сосуществование социалистической и капиталистической идеологий невозможно, что они несовместимы, пока каждая сторона остается на своих принципиальных позициях, с которых нельзя сходить. Тут надо вести борьбу до конца, и каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы. Если мы являемся коммунистами, марксистами, ленинцами, то верили и верим, что победа останется за новым, прогрессивным строем, за марксизмом-

ленинизмом. А раз так, то какой же может быть разговор о мирном сосуществовании с капиталистической идеологией?

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас. Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом фронта.

Эта встреча дала многое. Во-первых, она дала нам возможность лично познакомиться. Мы лучше узнали позиции друг друга. Встреча происходила после смерти Сталина, и западные страны, в свою очередь, познакомились с новыми руководителями СССР. Они смогли взвесить, что это за люди и на что они способны, чего можно от них ожидать. Смогут ли они путем нажима что-то от нас получить или нет. И мы тоже конкретнее и реальнее смогли представить себе наших оппонентов. Документ, который мы приняли, тоже значил немало. Он, конечно, выявил разногласия по коренному вопросу, но зато создалось определенное понимание того, где мы еще не подготовлены решать вопросы путем переговоров. Вопрос остался в исходном положении.

Я считаю, что встреча для нас была очень полезной. Если говорить о себе, то я ее рассматривал как наш экзамен, как выход в люди, пробу сил и примерку к плечу партнеров, представлявших другие страны, оценку их понимания вопросов в сравнении со своим. Это имеет большое, очень большое значение для руководителей. Особенно для нас, людей, которые долгое время жили под крылышком Сталина. Сталин сам решал все международные вопросы, давал направления внешней политики СССР, и вдруг мы остались без Сталина.

Надо было, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Нам хотелось узнать получше характеры людей, их подход к решению государственных вопросов и прочие качества, которые необходимо знать о каждом политическом деятеле. Нужно знать своего партнера, знать своего противника, чтобы лучше строить свою политику. Это позволяет понять, по каким вопросам и на какой основе можно договориться, а по каким вопросам договориться нельзя. Зная людей, легче понять, как строить взаимоотношения со странами, с которыми у нас есть спорные вопросы. Это имеет большое значение. Всегда противные стороны ищут разные подходы к решению вопросов: то расстилают мягкие ковры, по которым шагают неслышной, кошачьей, мягкой походкой,

то вдруг начинают рычать и издавать другие угрожающие звуки. В политике все должно быть соразмерено. Если, как говорится, на полтона выше возьмешь, можешь кальсоны испачкать; а с другой стороны, не доберешь эти полтона, покажешь, что ты не понимаешь вопроса, и тогда противник или насядет на тебя, или перестанет уважать тебя, считаться с тобой.

Одним словом, взаимное обнюхивание, взаимное обхаживание на официальных и неофициальных заседаниях, а особенно при встречах, на ужинах и обедах очень много дают с точки зрения познания партнера, познания деятелей международной политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне. Во всяком случае, жить. Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча. Она имела большое значение для нашего советского государства, для нашего руководства. Из прощупывания, я считаю, наша делегация вышла с честью, выполнила задачи, возложенные на нас нашим советским правительством и нашим Центральным Комитетом.

Я все рассказываю от собственного имени. Некоторые могут сказать, что же, там других не было? Тем более, что главой делегации был Булганин. Там был Молотов, был Жуков и дополнительный аппарат из отдела политической информации ЦК. Я высказываюсь от своего имени, потому что диктую свои воспоминания. Конечно, и все другие лица вели беседы, высказывались и имели свое мнение. Но общая политическая направленность была у нас единой, без всяких оттенков. Поэтому и позиция, которую я излагал, была единой. Это, собственно, была правительственная позиция, позиция Центрального Комитета. Никаких иных мнений в нашей делегации вообще не было. Я хотел бы, чтобы меня правильно поняли те, кто будет знакомиться с моими записями. Когда мы вели беседу за столом, то главы делегаций чаще адресовались ко мне персонально. Конечно, ко всем обращались, и вроде на равных. Но я чувствовал, что и Иден, и Эйзенхауэр, я уж не говорю об Эдгаре Форе, обращались чаще ко мне. Когда возникали вопросы, на которые, я считал, должен был ответить глава государства, я придерживал себя и, как говорится, становился за спину Булганина. Булганин же часто как бы подталкивал меня плечом. «Отвечай ты, отвечай ты...» — шептал он мне. И я отвечал. Не уклонялся.

А Молотов? Молотов из нас был наиболее опытен в политических переговорах. Он уже не раз участвовал в подобных кон-

ференциях во времена Сталина. Но он уже приобрел определенную репутацию. Человек «НЕТ» — так говорили о нем. Поэтому, может быть, западные лидеры считали, что с Хрущевым легче договориться. Скорее всего, они понимали, конечно, что структура нашего государства держится на марксистско-ленинском учении, и поэтому роль партии, роль Центрального Комитета, а следовательно, и роль первого секретаря ЦК велика. Одним словом, не скрою, что мне приходилось больше всего отвечать на вопросы. На официальных же заседаниях все разговоры от имени нашей делегации вел только Булганин, и никто больше. Мы все только слушали, смотрели, следили, наблюдали, не больше.

Мы хотели, чтобы наша делегация выглядела солидно и чтобы наш глава государства не походил на Эйзенхауэра, который наглядно продемонстрировал свою подчиненную позицию, пользуясь открытыми подсказками в виде записок Даллеса. Мы по всем вопросам договаривались заранее, и Булганин в целом уверенно отвечал на все вопросы. Если по ходу заседаний нужно было реагировать на неожиданную реплику наших партнеров, то мы немножко перешептывались, это вполне допустимо, и опять Булганин давал ответ. Хочу быть правильно понятым: я не только не покушался, а наоборот, оберегал достоинство главы нашего правительства.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что, возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был мой первый визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945 г., после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито, как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была организована шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной войны и взаимного истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что могут быть какие-то проявления враждебности. Конечно, на некоторых лицах были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немно-

го. В большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения. Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон. Эти документы были опубликованы¹⁰.

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в Женеве, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы толковали их по-своему, другая сторона — тоже по-своему. Только в результате такого компромисса мы вообще сумели подписать документ, ибо не хотели разъехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей страны Советов за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой смерти, когда раздражался, повторял: «Вот умру, передумат вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять советское государство». Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно побывать за границей, встретиться с представителями буржуазных стран и прощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и считал, что пос-

ле его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас сожмут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны, они тоже знали границу, которую им не следует переступать, и вели себя осмотрительно, считаясь с нашим сопротивлением и видя, что путем силы, путем вымогательства они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское соглашение в пользу Запада им не удастся.

Что я еще забыл? Что упустил? Что еще заслуживает внимания?.. Наша делегация работала дружно. Когда мы собирались, совещались, обменивались мнениями, у нас не возникало никаких разногласий. Абсолютно никаких. Это радовало меня и создавало все условия для выработки нашей общей позиции и наступления на противные стороны. Мы старались отстаивать свою точку зрения и добивались максимально возможного для обеспечения мира. Мы подталкивали наших собеседников к осознанию того, что только мирное сосуществование, его признание поможет нам не столкнуться. Противостоящие стороны уже довольно основательно насыщены вооружением, идет наращивание опасного ядерного оружия.

В Женеве, оказывая давление, атакуя противную сторону, мы высказывались за вывод войск с оккупированных территорий. Нельзя допускать, чтобы чьи-то войска располагались на территориях других стран, иначе не удастся создать нормальные условия, снять напряжение, обеспечить невмешательство в дела этих стран. Тогда я подумал, что следует развязать себе руки, получить свободу действий, вывести первыми наши войска из тех стран, где это не принесет ущерба. Наши войска находились в Финляндии, у нас была там военная база. Она буквально наваливалась на Хельсинки, на столицу. Почему я вспомнил об этом? Тогда наш посол в Финляндии докладывал, что когда поезд из Хельсинки проходил по

территории нашей военной базы, то в вагонах закрывали шторами окна, предупреждали, чтобы никто не выходил из вагонов и не выглядывал, выключался свет. Естественно, это вызывало страшное раздражение и негодование у финнов. Если мы хотели дружбы с Финляндией, ее укрепления, то на такой основе на нее нечего было и рассчитывать. Наша военная база угрожала своими пушками Хельсинки, мы каждый день подвергали самолюбие финнов болезненным уколам. Что можно сделать хуже?

Каждый день несколькими десяткам или сотням людей очень доходчиво напоминают, что наша военная база находится у них под боком, рядом со столицей. И они должны выполнять наши инструкции. Возникали всякие недоразумения и во время следования наших офицеров по шоссейным дорогам. Это вполне понятно и неизбежно. Это же военная база, а не профсоюзная делегация. Это военная база, там сидят военные, они строят свои укрепления, одним словом, делают то, что следует делать военным.

Меня очень беспокоило: как мы можем призывать американцев вывести свои войска с чужих территорий, если наша база расположена в Финляндии? Она же выполняет ту же роль, что и американские базы, к примеру, в Турции и в других странах. Мне хотелось развязать руки в нашей политике, чтобы нам не кололи глаза, а мы могли свободно, во весь голос выступать, призывать, мобилизовывать общественность против тех стран, тех политиков, которые стоят на позициях создания своих военных баз на чужих территориях.

Я обменялся мнением с Булганиным. Он согласился со мной. Министр иностранных дел Молотов думал по-другому, и я, зная о том, не обменивался с ним мнениями, потому что заранее предвидел его реакцию как лица, которое не обладает гибкостью ума и с большим трудом может трезво переоценить международную обстановку.

Когда однажды в перерыве между заседаниями мы остались один ни один, я спросил у Жукова: «Слушай, Георгий, — у нас были дружеские отношения, — ты скажи, наша база в Финляндии представляет какую-то ценность?» Он сдвинул брови, сурово посмотрел на меня. «Знаешь, правду говоря, никакой. Что эта база может сделать?» — он даже развел руками. «А если не будет этой базы, может возникнуть нам угроза со стороны финнов?» «Никакой», — говорит.

Я и сам это понимал. Но мне хотелось получить подтверждение из уст военного, особенно от Жукова, уже ставшего министром обороны Советского Союза. Я себя проверял, не хотел вызывать кривотолков, что, вот, мол, при Сталине мы эту базу пост-

роили, а Сталин умер, и мы базу ликвидировали, ослабили свои позиции. «Я согласен с тобой, — ответил я Жукову. — Тогда не следует ли нам ликвидировать военную базу? Политически это было бы для нас очень выгодно, а экономически — тем более. Мы вкладываем туда капитал. Зачем? Мы содержим там армию. И это содержание стоит нам миллионы. И плюс размещение наших войск на финляндской территории... Это не способ завоевания уважения финского народа. Это оскорбление национального достоинства, и оно послужит катализатором, возбуждающим ненависть к русским и к советскому государству. И так много горячего заложено, прошли две мировые войны, другие военные конфликты. Я считал, что не лучший способ завоевания доверия финского народа — держать у них под горлом ножик в виде военной базы. «Когда мы вернемся, ты напиши свои соображения, — сказал я Жукову я хотел, чтобы инициатива исходила от военных), — а я поставлю вопрос на Президиуме Центрального Комитета».

Так и сделали. Правда, мы обсудили вопрос еще до поступления документа. Я рассказал о мнении Жукова. Пришла бумага от Жукова, и мы приняли решение. Затем пригласили финнов в Москву, мы хотели их обрадовать. Они правильно оценили наш, я бы сказал, великодушный и разумный шаг. Сразу расслабились мускулы и снялась горечь, отложившаяся в результате проведенных войн, возросли доверие и симпатии к нам. Не только в руководстве, но и в народе.

Вот уже прошло столько лет. Я оглядываюсь на пройденный путь и очень доволен, что это было сделано. Сейчас у нас самые хорошие отношения с финским народом. Я много раз встречался с президентом Финляндии, сам ездил туда. По-разному встречались, и в бане его собственной мысли, и пиво там пили. Финны обязательно парятся в бане, обязательно пиво пьют и, если настроение хорошее, поют песни. И к нам несколько раз приезжал президент Кекконен. Я вел с ним переговоры. Они оставили наилучший след. И сейчас, я вижу, Финляндия стремится к дружбе, хочет углублять хорошие отношения с нами, которые были заложены в те годы, когда мы вывели оттуда свои войска.

Конечно, еще раньше мы подписали мирный договор и затем подписали документ о дружбе и прочее, прочее... Но, знаете, если чужие войска стоят у тебя под столицей и сосед требует от представителей этой страны пойти на какую-то неприятную акцию, то из-за слабости приходится соглашаться. Это свидетельствует не о дружбе, а только о слабости. Внутренних симпатий так вызвать нельзя. А вот добрыми намерениями можно. Наша доброта выра-

зились в том, что войска, поставленные туда при Сталине мы вывели. Я уверен, что, если и дальше будет проводиться такая политика, мы сохраним финнов среди верных друзей. А это имеет большое значение. Конечно, Финляндия — буржуазная, капиталистическая страна. Но и мы тоже когда-то были буржуазно-помещичьей страной, а стали социалистической. Мы, коммунисты, верим, что весь мир перейдет на наши позиции и начнет строить социализм.

Когда это произойдет? Предсказать нельзя. Каждая страна, каждый народ сделают это в свое время и своими руками. Нельзя социализм навязывать, надо помнить ленинское положение, что революция не экспортируется. Но и контрреволюция не должна экспортироваться. На таких позициях мы находились тогда, а я и сейчас глубоко предан этим принципам. Мне приятно вспомнить, как правильно поступили мы в отношении Финляндии. Мы сделали хорошее дело и тем самым развязали себе руки.

Правда, из капиталистических стран за нами никто не последовал. Но мы приобрели многих сторонников в капиталистических странах. Пусть они проводят политику с позиции силы, однако наши силы возрастают. Добрый пример найдет подражателей и возбудит симпатии. На этом закончу.

¹ 5 марта 1946 г. лидер консервативной партии Великобритании Черчилль У. произнес в г. Фултоне (США) речь политического содержания с оценкой тенденций послевоенного развития мира и призывом к объединению англосаксонских стран для противостояния коммунистической экспансии.

² Консервативное правительство Идена А., функционировавшее с 6 апреля 1955 г. до 9 января 1957 г.

³ Консервативное (с участием национал-либералов и национал-лейбористов) правительство Болдуина С. функционировало с 7 июня 1935 г. до 28 мая 1937 г. Однако речь должна идти, по-видимому, о правительстве не Болдуина, а Чемберлена Н. (тот же политический состав, с 28 мая 1937 г. до 10 мая 1940 г.), из-за разногласий с которым Иден оставил пост министра иностранных дел в 1938 г.

⁴ БУЛГАНИН Н.А. возглавлял советское правительство в 1955 — 1958 гг.

⁵ ЭЙЗЕНХАУЭР Д.Д. (1890 — 1969) являлся в течение двух сроков президентом США, в 1953 — 1961 гг.

⁶ ФОР Э. с 23 февраля 1955 г. до 24 января 1956 г. возглавлял правительство партии радикалов и социальных республиканцев, Народно-республиканского движения, независимых, крестьянской группы, Демократического и социалистического союза Сопротивления, Республиканского и социального действия.

⁷ Внук основателя финансовой династии Рокфеллеров (США) Рокфеллер Н.О., являвшийся в 1955 г. специальным помощником президента по внешнеполитическим вопросам.

⁸ ДАЛЛЕС Дж.Ф. (1888 — 1959), являвшийся в 1953 — 1959 гг. государственным секретарем США и выдвинувший в 1954 г. доктрину «массированного возмездия» странам социалистического лагеря в случае международных конфликтов военного характера.

⁹ НЕРУ Дж. (1889 — 1964) был в то время премьер-министром и министром иностранных дел Республики Индия.

¹⁰ Официально подписанный 20 сентября 1955 г. Договор об отношениях между СССР и ГДР (главное — советские войска в ГДР не вмешиваются в ее внутреннюю жизнь) с одновременным обменом правительственными письмами (главное — ГДР сама охраняет и контролирует свои границы, а также коммуникации между ФРГ и Западным Берлином).

ВИЗИТ В ВЕЛИКОБРИТАНИЮ

Много места занял у меня рассказ о поездке в Женеву на встречу лидеров четырех держав. Но это была для меня лишь подготовка к изложению моих впечатлений о поездке в Лондон. Мы должны были прибыть в Англию, как мы условились с ее правительством, в конце апреля 1956 года¹. Договорились, что прибудем к ним на военном корабле, на крейсере. Мы хотели прибыть на крейсере потому, что считали, что мы тогда в портовом городе займем как бы свою временную опорную базу. С другой стороны, из Портсмута, куда мы причалим, мы должны были ехать поездом до Лондона и таким образом больше увидеть.

В состав делегации входили Булганин и я. Хотя Булганин в то время был председателем Совета Министров СССР, я был включен в делегацию потому, что у меня в ходе Женевской встречи лучше складывались отношения с Иденом. Когда мы там беседовали, то он больше адресовался ко мне, я же отвечал ему от имени всей советской делегации на те вопросы, которые он ставил. Мы решили также включить в состав нашей делегации академика Курчатова². Это очень интересный человек, и не только как ученый. Как человек он был весьма приятным и остроумным собеседником. Через него мы хотели войти в контакт с учеными Великобритании и достигли этой цели. Он ездил в английские научные учреждения, и это шло на пользу установлению новых контактов.

Когда мы отправлялись, посольство Великобритании в Москве предложило нам захватить с собою британского военного атта-

ше. Мы согласились. Правда, кое у кого появились возражения: мы поплывем на военном корабле, корабль был новый, военный атташе, безусловно, заинтересуется им и сможет открыть какие-то наши военно-технические секреты. Такое суждение, конечно, было глупостью, навеянной нравами сталинских времен. Итак, мы взяли его с собою. Этот военный атташе носил звание полковника. Очень симпатичный человек, сейчас не помню его фамилии. Держался он просто и хорошо. Когда мы находились уже в море, то в день моего рождения, 17 апреля, решили устроить небольшой торжественный обед. А обедали мы всегда всей делегацией. Решили пригласить на обед и военного атташе. За обедом, тем более в день рождения, естественно, имелась выпивка. А военный атташе, видимо, обладая вкусом, хорошо разбирался в спиртных напитках. Он основательно выпил, да так, что ему потом было уже не до осмотра корабля. Он еле добрался до своей каюты и проспал путевой день крепким сном.

Об этом я вспомнил позднее, когда беседовал с Иденом. Иден-то умеет шутить и спрашивает меня: «Ну, как там, господин Хрущев, наш военный атташе? Как он себя вел на корабле?». Я отвечал: «Хорошо себя вел. Достоинственно представлял Великобританию». «А как он шпионил? Все он осмотрел?». «У, невозможный человек! В такие щели залезал, в которые невозможно пролезть насекомому. Всюду лазил и все увидел». Иден смеялся. Я не знаю, знал ли он о том, что атташе сильно опьянел. Может быть, тот сам доложил по начальству. Во всяком случае, Иден спросил меня о нем.

Встретили нас, когда мы прибыли в Портсмут, с положенными воинскими почестями. Мы прибыли на военном корабле, в таком случае положен салют. Сейчас же мы пересели с корабля на поезд и на нем отправились далее. Все это было для нас необыкновенным. Я, собственно говоря, впервые, если не считать поездки в Женеву, официально выехал за границу. Но в Женеву мы прилетели на самолете и оттуда улетели самолетом, а сюда мы прибыли на корабле, с корабля ехали поездом и больше увидели в пути. Когда мы ехали поездом, на меня произвели большое впечатление строения, которые мы видели в пути. Я обратил внимание на то, что это были в своем большинстве небольшие домики из красного кирпича. И в Лондоне, куда мы прибыли, я тоже видел такие. Конечно, не в центре города. Потом, когда мы ездили по Великобритании, нас везде «преследовали» эти типичные строения. Почему же мне в память врезались они? То были домики моего детства.

Я жил мальчишкой в Донбассе, где отец работал на шахте. Юзовский металлургический завод принадлежал англичанину

Юзу³. Все домики, которые строил Юз для технического персонала, квалифицированных рабочих и мастеров, были как раз такими, какие я увидел теперь в Великобритании. Когда я ходил на базар в Юзовку, то у нас бытовало такое выражение: «Как мы сегодня пойдем? Дорожкой вдоль английских красных домов?» Думаю, что и сейчас эти красные дома остались там и стоят на дороге из Юзовки (ныне Донецк) в Мариуполь. Как и в Великобритании, они заросли зеленым плющом. Летом видны были только окна, а все стены покрывала зелень плюща. Вот первое яркое впечатление, которое я приобрел после прибытия в Великобританию.

В Лондоне, на вокзале Ватерлоо, нас встретили Иден и другие члены британского кабинета. Уже не помню, кто именно. После обычной церемонии встречи мы отправились в свою резиденцию, которую нам отвели в гостинице «Клэридж». Гостиница была хорошая, услуги — замечательные. Все это было для нас внове. Ведь мы никогда так близко не общались ранее с иностранцами. Когда мы подъехали к гостинице, длинный хвост машин не поместился у подъезда и остановился на каком-то расстоянии от него. Поэтому часть членов делегации вышла из машин и пошла к гостинице пешком. Лондонцы знали о нашем приезде из сообщений печати. Собрался народ, останавливались прохожие, появились, конечно, и мальчишки. Особый интерес проявили они к бороде академика Курчатова: показывали на него пальцами, смеялись, прыгали, как это делают мальчишки всех стран и народов. Потом, когда мы пришли в гостиницу, Курчатов хохотал: «Смотрите-ка, какое впечатление произвела на них моя борода!» Действительно, все показывали на его бороду. Об этом даже в печати написали. Англичан я тоже встречал бородатых, но у него была особой формы борода, с проседью, не густая, но довольно представительная.

Начались беседы с правительством Великобритании. С нами вели переговоры в основном Иден, Ллойд и, кажется, Макмиллан⁴. Собственно, эти беседы были переливанием из пустого в порожнее, потому что наши позиции были выявлены еще при встрече в Женеве, так что нового эти беседы ничего не вносили. Просто мы как бы перебрасывали шары, перекачивали их друг к другу. Главным образом, вопросы вращались вокруг того же: Германия в целом и ГДР, разоружение, мирное сосуществование. Эти вопросы очень важны. Но мы видели, что Запад не готов к их решению. Западные страны заигрывали с нами, чтобы несколько приласкать нас, мягко погладить, дабы расположить к себе и вынудить нас пойти на сговор. Сговор в том смысле, что следует до-

говориться обо всем на их позициях. Мы, конечно, не могли пойти на это. Так что надежд на достижение какой-то договоренности не возникло.

Чем была интересна нам эта встреча? Происходила в ходе личного знакомства конкретизация политических позиций. Их тоже, видимо, это интересовало. Кроме того, Великобритания в то время больше других западных стран хотела иметь какую-то договоренность с СССР, чтобы исключить возможность военного столкновения. К тому же она стремилась не допустить проникновения нашего влияния на Запад, а особенно на Ближний Восток, прежде всего в Египет, Йемен, некоторые другие ближневосточные районы. И англичане подняли вопрос о том, что следует договориться, чтобы мы не продавали оружия африканским странам. Мы согласились с этим в принципе и сказали, что согласны подписать такой договор, но при условии, если англичане тоже дадут обязательство не продавать и не передавать оружия этим странам. Только при этом условии, на основе взаимности, мы могли найти какое-то решение. Если же англичане не могут дать таких заверений, то мы останемся при своем мнении и никаких обязательств на себя взять тоже не сможем.

Иден, как я уже говорил, — человек, весьма располагающий к себе. Своим тактом и мягкостью он располагает собеседника к непринужденной беседе, к доверию. Мы особенно ценили Идена за его позицию перед войной, которую он занял, когда входил в английский кабинет. Он занимал тогда правильную позицию, мы это помнили, и это располагало нас к нему. Наступил воскресный день, и Иден пригласил нас на дачу. Я употребил русское название, а у них это — загородный дом премьер-министра в Чеккерсе. Мне рассказывали тогда его историю: какой-то капиталист подарил правительству загородную виллу для премьер-министра Великобритании, и потом все премьеры, независимо от партийной принадлежности, пользовались этим домом.

Мы приняли приглашение. Иден заранее сказал, что на встрече за городом будут присутствовать некоторые члены его кабинета. Когда мы с Булганиным приехали туда, там уже были Иден с женой, Макмиллан, министр иностранных дел Ллойд и (забыл его фамилию) один очень влиятельный консерватор. Его прочили в будущем в премьер-министры или министры иностранных дел. Он действительно стал министром иностранных дел и в этом качестве приезжал позднее в Советский Союз. Мы располагали информацией, что этот человек негативно настроен к СССР, антикоммунист, и не только потому, что является членом консерватив-

ной партии. Даже среди консерваторов он был сверхконсерватором. Однако при наших встречах и беседах, которые мы там имели, он этого не показал, вообще внешне не проявлял своей агрессивности, хотя мы чувствовали, что он питает к нам неприязнь как к представителям Советского Союза.

Дом на Даунинг-стрит, который занимал Иден, выглядел непрезентабельно: это особняк из красного кирпича, очень старый, обветшалый и неприглядный. Забор тоже из красного кирпича, старый и закопченный. Одним словом, не очень-то привлекательное строение. Загородная резиденция находится не очень далеко от Лондона, но местность вокруг была красивая: луг, вдали лесок. Мы с Булганиным вдвоем перед обедом ходили гулять и далеко прошли по дорожке. Окружающая природа напоминает природу наших Орловской и Курской областей, и пейзаж такой же. Около дома посажено много цветов. Дома англичане отапливают каминами, а в каминах сжигают антрацитовый уголь. Поэтому дома внутри тоже припудрены копотью. Когда горит антрацит (а я знал по Донбассу, что в нем содержится изрядное количество серы), чувствуется неприятный запах, испытываешь некое удушье.

За обедом садилась за стол и хозяйка. Мы вели там беглую беседу, поднимая разные вопросы. Они спрашивали, а мы отвечали, потом мы задавали вопросы. Ничего особенно примечательного в этих беседах тоже не было. Посольство информировало нас, что жена Идена — это племянница Черчилля. Она, видимо, унаследовала некоторые качества своего предка в питейных делах, умеет выпить. Но я бы не сказал, что мы заметили, будто она злоупотребляет этим. Выпивали там все, а она в компании тоже не отказывалась.

Когда мы вели политические беседы, то основательно опирались на нашу боевую мощь. Мы к тому времени уже имели современную бомбардировочную авиацию. У нас были бомбардировщики Ту-16 и производились в большом количестве реактивные бомбардировщики Ил-28. Это очень хорошие самолеты фронтового действия. Вооружение наше, как мы считали, было хорошим. Пополнился у нас и флот. Мы построили несколько новых крейсеров и эсминцев, немало подводных лодок. Правда, по сравнению с Западом у нас их было недостаточное количество. Межконтинентальных ракет тогда мы еще вообще не имели, но ракет с радиусом действия 500 — 1000 км у нас было достаточное количество. Поэтому Англию мы могли как бы припугнуть, ведь мы ее доставали ракетами. Она находилась на расстоянии, достигаемом для наших ракет, и мы ощутимо давали понять, что располагаем

средствами, которые могут нанести большой урон противнику, если он вздумает напасть на нас. Эти ракеты могли полететь не только на Великобританию, не говоря уже о Западной Германии и Франции, но и на другие европейские страны, которые входили в НАТО. Они тоже были под возможным ударом. Это, видимо, беспокоило наших собеседников.

Я рассказываю здесь это к тому, что за обедом к нам обратилась с вопросом жена Идена: «Какие у вас ракеты и далеко они могут летать?» Я ей ответил: «Да, далеко. Наши ракеты не только могут достать Британские острова, но и полетят дальше». Она прикусила язык. Это вышло с моей стороны несколько грубовато и могло быть расценено как некая угроза. Во всяком случае, мы-то преследовали и такую цель. Угрожать особенно не собирались, но хотели показать, что приехали не как просители, а что мы сильная страна. Следовательно, с нами надо договариваться, а ультиматум нам предъявлять нельзя, невозможно разговаривать с нами языком ультиматума.

Иден сказал, что наутро нас приглашают посетить высшие учебные заведения, кажется, в Кембридже не то в Оксфорде, а уж оттуда приехать в Чеккерс. С нами туда поехал Ллойд. Он заехал за нами. Курчатова там не было с нами, зато со мною и Булганиным туда поехал Громыко. В дороге Ллойд вел себя очень любезно, шутил. Мы сидели втроем в машине. Он обратился ко мне: «Ко мне прилетела и на ухо прошептала птичка, что вы продаете оружие Йемену». Я ему ответил: «Тут разные птички летают и разное шепчут. Ко мне тоже подлетела птичка и прошептала, что вы продаете оружие Египту, Ираку (а тогда в Ираке было реакционное правительство), всем вообще продаете оружие, кто только хочет купить его у вас. А если не хочет, то птичка шепчет, что вы его навязываете. Так что птички бывают разные». Он продолжал: «Верно, птички бывают разные, и нам они шепчут, и вам шепчут». Я сказал: «Вот пусть бы они нашептали, чтобы мы взяли взаимное обязательство никому не продавать оружия. Это было бы полезно для дела мира».

СССР действительно вел такие переговоры с Йеменом. Кажется, эти переговоры закончились тем, что мы согласились поставить ему некоторое количество оружия. Тогда к нам приезжал наследный принц королевства Йемен эль-Бадр⁵, который позднее стал королем и воевал с республиканским правительством. Но ранее он представлял прогрессивную силу, потому что готовился отвоевать у англичан Аден, а мы были заинтересованы в том, чтобы Йемен стал полностью независимым государством. Английс-

кая разведка информировала правильно: птичка верно пошептала правительству Великобритании на ухо, что мы продаем Йемени оружие, это было правдой.

Итак, приехали мы в колледж, заведение для избранных учащихся, видимо, состоятельных студентов. Проректор водил нас по нему, показывая аудитории этого учебного заведения, большой двор. Зашли мы в какую-то дверь и увидели вдруг размалеванный портрет этого самого проректора. Он глянул лишь и сказал довольно спокойно: «Студенты любят посмеяться над нашим братом», — и прошел мимо, а потом рассказывал о всяческих студенческих проделках, которые там себе позволяют; ничего не подделаешь, молодежь как молодежь, от нее всего можно ожидать. Студенты проявляли к нам некоторый интерес, но, я бы сказал, вялый. Публика это была не пролетарская, там воспитывали людей консервативного склада и для правительственных ведомств. Поэтому на какое-то ее понимание или сочувствие мы не могли рассчитывать.

Из этого учебного заведения мы поехали в Чеккерс. Я уже описывал, как провели мы обед. Иден пригласил нас заночевать, и мы переночевали в Чеккерсе, но все другие, кроме Идена, уехали оттуда. Внутреннее расположение комнат было таким: два этажа с консолями, внизу бильярдная, столовая, различные службы, наверху спальни. Нам показали, где разместится Булганин и где буду я. Нас с ним разместили по углам дома. Я плохо сориентировался, наутро поднялся рано, весь дом еще спал, делать мне было нечего, я оделся и решил пойти к Булганину, но спутал расположение комнат и подошел к какой-то двери, думая, что это дверь в его комнату. Постучал. Надо же представить мой страх и удивление, когда в ответ раздался женский голос. Я буквально убежал и только тут понял, что мне надо было пройти немного дальше. Кто мне ответил, я так и не узнал. Думаю, что это был голос жены Идена. Я никому ничего не сказал, хотя подумал, что она предположила, что это стучал кто-то из нас: я или Булганин. Я, правда, все рассказал Булганину, мы посмеялись, но решили не объяснять хозяевам, кто же постучал в дверь комнаты госпожи Иден.

Было условлено, что на следующий день мы поедем с визитом к королеве Елизавете⁶. Расстояние было близким. Мы быстро собрались, а собираться нам было легко, и мы заранее предупредили англичан, что никаких особых одежд, положенных по такому случаю, мы не имеем и не станем их приобретать. Если угодно королеве принять нас, то в таком костюме, в каком мы беседуем и с вами; если же нет, то это ее дело. У нас существовало предвзя-

тое отношение к подобным церемониям, и мы не хотели облачаться, как это было положено, во фрак, цилиндр и прочие атрибуты, которые принято надевать в таких случаях на Западе.

Как-то Микоян поехал в качестве нашего представителя в Пакистан, а потом мы видели киножурнал, где был снят его прием. Там мы увидели Анастаса Ивановича в хвостатом фраке, цилиндре и долго смеялись над ним. Он отшучивался. Среди нас Анастас Иванович выделялся тем, что ему как старому «европейцу» не чужда этикетная форма, которая положена дипломатам, когда они посещают особо важных персон за границей.

Когда мы приехали в королевский дворец, там было очень много народа. То были экскурсанты. На улице тепло, апрель — лучшее время года в Англии, как нам разъяснил Иден, идет мало дождей, все в зелени, прекрасная пора. Публика осматривала достопримечательности дворца, а там было на что посмотреть. Когда мы вошли во дворец, навстречу нам вышла королева с мужем и двумя детьми. Мы представились. Одета она была очень просто, в светлом платье неяркой расцветки. В Москве на улице Горького можно встретить летом молодую женщину в таком же одеянии, в каком к нам вышла королева. Она представила нам своего мужа, потом повела нас по дворцу и стала знакомить с его достопримечательностями. Оказалась в роли экскурсовода. Мы походили там немного, а она все показывала, потом пригласила нас на стакан чаю. Зашли в какой-то зал, нас пригласили к столу.

Мы сидели, беседовали о том о сем, как получается всегда, когда нет конкретной темы для разговора. Ее супруг проявил интерес к Ленинграду: «Говорят, это очень интересный город». Мы согласились, сказав, что вообще гордимся этим городом. Он добавил, что никогда в нем не был, но мечтает побывать. Мы ответили, что в современных условиях эта мечта легко может быть претворена в жизнь: «Достаточно выразить желание, и вы получите от нас соответствующее приглашение. Приглашение будет таким, какого вы захотите: или на правительственном уровне, или от военного командования. Вы сможете познакомиться и с Ленинградом, и с Балтийским флотом, вообще со всем, что вас будет интересовать». Он поблагодарил нас и сказал, что воспользуется нашей любезностью, если ему представится такая возможность. На этом наша беседа закончилась. Правда, королева проявила еще интерес к нашему новому самолету.

Тогда начались первые полеты самолета Ту-104. Этот самолет прилетал в Лондон, привозил нам свежую почту. Конечно, мы организовали это умышленно, чтобы показать англичанам, что

имеем хороший пассажирский самолет с реактивными двигателями. Это был первый в мире реактивный пассажирский самолет, и мы хотели, чтобы там на него посмотрели, хотя бы в воздухе. Оказывается, наш самолет заходил на посадку как раз неподалеку от королевского дворца. Королева сказала: «Я видела ваш самолет, замечательный самолет, он несколько раз пролетал тут мимо». Мы стали рассказывать ей про самолет, какой он хороший, современный, лучший в мире, а другие страны пока такого самолета не имеют. Потом поблагодарили королеву, попрощались и вернулись к Идену, а там продолжали прежние беседы.

Не помню, приезжали ли туда именно в тот день члены кабинета, которые присутствовали еще при первой беседе. Мы рассказали Идену, как нас приняла королева. Совпало с тем, о чем он нас предупреждал: что она простая женщина, умная и хорошо себя держит. «Вам будет приятно с ней встретиться», — говорил он. Так оно и оказалось. Я сказал бы, что она не проявила никакой королевской чопорности, когда встретилась с нами. Ее внешность, ее поведение не требовали от нас, чтобы мы «трепетали», как это бывает в романах, когда описывают встречи с королевами. Елизавета II — обычная женщина, жена своего мужа и мать своих детей. Такой она представилась нам, и такое у нас осталось впечатление. Голос у нее мягкий, спокойный, не претендующий ни на что особенное. Вопросы она ставила такие же, которые задает при встрече с советскими людьми любая иностранка.

Между прочим, мне запомнился разговор о королеве с какой-то англичанкой, случившийся тогда же, когда мы находились в Англии. Она спросила: «Вы встречались с королевой Елизаветой?». «Да, встречались». «Ну, и как она вам понравилась?» Мы сообщили о своем впечатлении. И тут англичанка добавила печальным голосом: «Жалко мне ее, несчастная женщина». «Почему вы ее жалеете?». «Ну, знаете, молодая женщина хотела бы жить, как требуется в ее возрасте. А она как королева лишена обычных радостей, живет под стеклянным колпаком, всегда находится под взглядами людей. Это очень тяжелая жизнь и тяжелые обязанности. Поэтому я ей сочувствую». Мне понравилось, как эта женщина по-человечески подошла к оценке своей королевы. Да, прав был Некрасов, когда писал в поэме «Кому на Руси жить хорошо», перебирая всех тех, с кем встречались его ходоки: и попу по-своему плохо, и царю нелегко. Вот и Елизавете II, оказывается, жилось нелегко.

Когда составлялась программа нашего пребывания в Великобритании, Иден предложил нам встретиться с первым лордом Ад-

миралтейства⁷. «Там, — сказал он, — будут военные, но главным образом моряки». Он нас с ними предварительно познакомил. Приглашал нас морской министр, первый лорд Адмиралтейства. Главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Маунт-бэттен⁸ от встречи с нами всячески уклонялся. Он состоял в каком-то родстве с российской царской фамилией и считал нас (а ведь это правильно) наследниками тех большевиков, которые убили его родственников на Урале в 1918 году. Условились, когда встреча состоится. Пришел назначенный день, и мы с Булганиным поехали туда.

Я все время говорю «с Булганиным», потому что главой правительства был Булганин, я же являлся членом делегации. Но так уж сложилось, без каких-либо моих поползновений, что вести все переговоры и давать ответы на вопросы, которые задавались английской стороной, приходилось главным образом мне. Пожалуй, даже исключительно мне. И не потому, что я хотел этого. Нет, я понимал свое положение и стремился к тому, чтобы на вопросы, как и положено, отвечал глава правительства. Однако Булганин сам сказал мне, что хотел бы, чтобы отвечал я. Имели место случаи, когда задавался вопрос, а я поворачивал голову к Булганину, показывая, что ожидаю его ответа. Он тут же сам обращался ко мне: «Отвечай ты!» И я отвечал.

Чтобы не возникло какого-либо неудобства и чтобы не дать повода английской стороне для каких-либо домыслов, я отвечал после паузы, которую всегда делал, чтобы Булганин имел возможность, если захочет, ответить, включиться в разговор. Как правило, он меня толкал в бок, показывая глазами или прямо говорил: «Ответит Хрущев». Хочу, чтобы меня правильно поняли. У меня даже произошел на эту тему неприятный разговор, когда мы вернулись. О всех беседах, которые состоялись, потом составлялся отчет, и мы посылали его в Москву, на протяжении всего моего пребывания в Англии аккуратно информируя Президиум ЦК КПСС о ходе нашего пребывания там, о беседах, о вопросах, которые ставились, и о том, как мы на них отвечали. Поэтому наше руководство видело из отчетов, что главным образом даю ответы я. И мне было неприятно, что, когда мы приехали, Молотов спросил: «Почему все время отвечал ты?» Я почувствовал какое-то его недовольство тем, что, мол, я подавлял главу правительства и делегации. Пришлось сказать: «Товарищи, прошу выяснить у самого Булганина, почему так получилось. Не мог же я входить в препирательства с ним, когда надо было отвечать, а Булганин мне заявляет: «Ты отвечай!» Что я мог ему заявить: нет, положе-

нию ты должен отвечать? Выглядело бы глупо перед иностранцами показать себя в таком виде. Булганин сам уступал свою роль мне без всяких моих поползновений к тому».

Не буду сейчас играть в скромность. Ведь потом выяснилось, что Булганин, правильно понимая свои возможности, на ряд вопросов не смог бы ответить так, как нужно было. Он человек обтекаемый. Это ярко проявилось, в частности, когда лейбористы устроили обед в нашу честь. Там он сам отвечал на вопросы, которые ставили лейбористы, и отвечал по-обывательски. И мне пришлось вмешаться и высказать свою точку зрения. У нас возникло политическое обострение, и мы просто ушли с этого обеда, полностью разругавшись с лейбористским руководством. Это — лирическое отступление, но я считаю, что об этом необходимо сказать.

Итак, поехали мы в Гринвич на прием к морякам⁹. Там собралось много народа в большом зале с длинным столом. Зал несколько мрачный, как это принято у англичан, с притушенным светом. Полумрак. Выпивали, держали речи. Не помню, о чем там говорили англичане. Главным образом, выступал один и тот же адмирал, нам надо было отвечать. Булганин опять сказал: «Выступай ты». И я выступил. Это была как бы вольная встреча, с вольным выступлением. Я избрал такую тему, чтобы шире обрисовать нашу страну и ее возможности, то есть пойти, грубо говоря, в наступление на англичан. Поставил перед ними такой вопрос:

«Господа, вы представляете Великобританию. Ваша страна владычица морей, но в прошлом. Сейчас нужно реально смотреть на вещи. Все изменилось, другая техника, иное положение морского флота. Раньше он был плавающей артиллерией, и она наводила страх, прокладывая путь морской пехоте. Сейчас, когда имеются самолеты-ракетоносцы и ракеты, которые можно запускать в цель на большом расстоянии, недостижимом для артиллерии кораблей, сложилось новое положение. Можно сказать, что сейчас линкоры и крейсера — это плавающие гробы, они морально устарели. Вот мы прибыли к вам на крейсере. Это современный крейсер, хороший корабль, я слышал такую его оценку от ваших специалистов. Хотя они высоко оценили наш крейсер, мы можем его продать, потому что он устарел, и его вооружение тоже устарело. В будущей войне не крейсера будут решать главные военные вопросы, и даже не бомбардировочная авиация. Она тоже стареет, хотя еще не устарела так, как морской флот, но тоже стареет. Теперь выходит на арену как главное оружие на море подводный флот, а в воздухе — ракеты, которые наносят удар по це-

лям на большом расстоянии, а в будущем — на неограниченном расстоянии».

Ставились различные вопросы, давались ответы, но разговор вращался в основном все время вокруг вопроса о флоте. Мы хотели подчеркнуть падение военных возможностей в отношении воздействия на нас со стороны британского флота и прямо об этом сказали их морякам. Это не были какие-то агрессивные речи с угрозами, все говорилось как бы со смешком. Они тоже подшучивали, иронизировали. Сейчас уже не помню, как это преподносилось, но в целом беседа была довольно откровенная и неприкрытая, никого ни к чему не обязывающая. То были не переговоры, а обмен мнениями за столом, за бокалом виски. Говорили о современном положении в мире, о будущих войнах, о том, какое оружие займет какое положение.

Морской лорд, наш хозяин, оказался человеком, понимающим шутки, и я не чувствовал, что наши высказывания о морском флоте его как-то покорибли и что он был ими недоволен. Если бы мы это почувствовали, то сразу бы прекратили такой разговор, ибо совершенно не хотели создавать неприятное положение для хозяина, который нас принимал. Расстались мы по-дружески. А назавтра опять встретились с Иденом. Иден, как всегда, с улыбочкой говорит: «Как вам наши моряки? Какое они произвели на вас впечатление?» Я отвечаю: «У вас хорошие моряки, они известны всему миру». «А как прошла беседа?» И, улыбаясь, смотрит на меня. «О беседе, я вижу, вы все уже знаете, раз улыбаетесь». «Да, — отвечает он, — я знаю. Мне докладывали о ваших высказываниях». «И как вы их расцениваете?». «Я с вами согласен. Но как премьер-министр не могу говорить об этом со своими военными. У нас-то нет реально другого вооружения, кроме надводного флота и бомбардировщиков. Это наше основное средство ведения войны. Я не могу убивать в них веру в наше оружие». «Да, я вас понимаю, но мы честно изложили свою точку зрения».

Потом мое выступление нашло большой отклик в мировой печати. Особенно остро реагировали США на точку зрения, которая была высказана мною на этом обеде в Гринвичском военно-морском колледже. Они стали опровергать меня: нет, военно-морской флот не отжил и все еще является грозной силой в современной войне, как и бомбардировщики. Спустя какое-то количество лет не только в ходе бесед, но и в печати американские журналисты признали, что бомбардировщики отживают свой век, а главное оружие сейчас — ракеты. И если мы, американцы, раньше занимали другую позицию, споря с Хрущевым, и отстаивали свою точ-

ку зрения, то это вызывалось повседневной необходимостью, поскольку у русских ракеты появились раньше, чем в США, чья оборона тогда базировалась на военно-морском флоте и бомбардировочной авиации.

Это верно. Я тоже понимал, что они не могли согласиться с нами, ведь их военные базы, которые окружали Советский Союз, были насыщены бомбардировочной авиацией, а ракетных войск у них еще не имелось. У нас их тоже было еще мало, но все же они были. Своими ракетами мы могли довольно основательно расправиться с близлежащими вероятными противниками, если бы нам навязали войну. Правда, США для нас были тогда недостижимы, потому что межконтинентальные ракеты у нас только появлялись. Речь идет о ракете Р-7, хотя она, по сути дела, не военное оружие, а средство для полетов в космос, для исследовательских полетов. Тут она показала себя, хотя и для военных целей мы приготовили несколько штук. Позднее, когда появились другие ракеты, мы от нее отказались, она уже не годилась. Для обороны мы создали другие ракеты и в нужном количестве, а теперь их имеем не только в нужном, а даже в сверхнужном количестве, которое показало и свои отрицательные стороны, потому что зря высасывает деньги из бюджета и истощает наши финансовые возможности. Но это уже другой вопрос.

Согласно утвержденной программе, мы разъезжали по Англии. Первым делом отправились в Бирмингем, крупный промышленный центр. Нас там встретили тоже любезно. По этому городу мы ездили с мэром, он возил нас на своей машине марки «Роллс-Ройс». Эта машина и сейчас считается наилучшей. Ее не производят на потоке, англичане ее выпускают и продают только по заказу. Роскошная машина, много стекла, с прекрасным обзором. Когда мы ехали, я спросил: «Господин мэр, много ли таких правительственных машин в вашем городе?». Он ответил: «Только у меня, больше ни у кого нет». «Почему?». «О, это очень дорогая машина. Было бы расточительно, если бы и другие стали обзаводиться ими. Поэтому из официальных лиц здесь только я имею ее. Частные лица тоже имеют «Роллс-Ройсы» лишь в ограниченном количестве».

Программа пребывания в Англии была довольно насыщенной. Нас загрузили до невозможности, и мы с раннего утра до позднего вечера мотались по стране на автомашинах или на самолете. Это нас затрудняло, и я стал выражать недовольство. Нам надо было еще съездить в какой-то английский город, а потом мы должны были отправиться в Шотландию. И при очередной встрече с

Иденом я сказал: «Господин Иден, меня уже ноги не держат, я не могу так дальше. Вы нас эксплуатируете, и я устал и никуда больше не поеду. На завтра я объявляю забастовку и останусь в Лондоне, в гостинице». Он смеется: «Господин Хрущев, я вас прошу, просто умоляю, давайте условимся так, вы можете никуда не ездить, но в Шотландию, очень прошу вас, вам надо поехать. Вы знаете, что такое Шотландия? Если вы не поедете туда, то Шотландия поднимет бунт и выйдет из состава Содружества. Это же шотландцы! Вы не знаете, какие они националисты, они мне покоя не дадут. Я прошу вас!» Мы с Булганиным переглянулись (а он тоже был такого мнения, что не стоит больше ездить) и сказали: «Ну хорошо, поедем в Шотландию».

Полетели мы туда. Нам интересно было посмотреть на нее, но это получился мимолетный кавалерийский наскок. И в результате очень мало у нас осталось впечатлений, тем более что англичане все предусмотрели: никакого контакта с народом, встреча только с теми, с кем надо, то есть с теми, кто должен встречать и провожать. Больше никого. По улицам мы не ходили, посещений предприятий предусмотрено тоже не было. Таким образом, мы там побывали, но людей наблюдали только из автомашины. Да и то лишь тех, кто ходил по улице. Больше никаких встреч у нас не состоялось, кроме официальных, предусмотренных протоколом.

Прилетели в Эдинбург. Нас предупредили, что в Шотландии всегда идет дождь. Действительно, Шотландия встретила нас мелким, морозящим дождем. В нашу честь был выстроен почетный караул, промаршировал со своей музыкой. И шотландская музыка, и шотландская военная форма крайне оригинальны. До того я практически не видел шотландцев в их клетчатых юбочках, беретах и с волынками. Раньше я лишь однажды видел их и слышал их музыку: в 1946 г., когда ездил в Берлин, а потом в Вену. В Вене я и видел, как шагала какая-то шотландская воинская часть в своих национальных одеяниях и с шотландскими музыкальными инструментами. Но там я наблюдал их буквально несколько мгновений. А теперь нас усадили под брезент, войска маршировали мимо нас, и мы могли наблюдать их с близкого расстояния.

Потом в Эдинбургском королевском замке был дан обед в нашу честь. Нам сказали, что обед — от имени королевы Елизаветы, потому что она королева не только Великобритании, но и Шотландии. Принимал нас как бы ее наместник, он-то и устраивал обед от имени королевы. Были расставлены маленькие столики, нас рассадил порознь, я оказался вместе с какими-то шотландцами. Булганина тоже посадили за отдельный стол, так что с их

стороны обедали с нами разные люди. Это было правильно, так можно больше охватить и не мешать друг другу в ходе беседы. А может быть, они преследовали другие цели? Больше будет с нашей стороны всяких высказываний, больше можно будет из нас выудить. Впрочем, не думаю, что там преследовались какие-то цели такого характера. Ведь в подобных случаях обычно ничего, кроме текущих разговоров, которые ничего не дают ни той, ни другой стороне, не случается. Иное дело, когда налицо хорошие отношения. Тогда происходят и деловые разговоры. А у нас тогда возникли лишь первые контакты. Каждая сторона прощупывала другую. Поэтому ожидать, что кто-то что-то скажет, тем более за официальным обедом, да еще в Шотландии, было невероятно.

Помещение, где состоялся обед, это, как нам объяснили, дворец королевы Шотландии Марии Стюарт¹⁰. Нам показали слепок с ее головы. Шотландцы очень почтительно высказывались об этой королеве, о своем прошлом в ее время. Они, видимо, весьма чтят и свое прошлое, и достоинства королевы Марии Стюарт. Показали нам местную крепость. В ней расположен музей, и нам продемонстрировали исторические реликвии Шотландии.

Когда мы собирались ехать в Англию, то условились, что я возьму с собой моего сына Сергея. Он тогда был еще студентом. Мне он рассказывал, что там его тоже усадили за отдельный столик, а с ним сидели пожилая переводчица и еще одна англичанка. Переводчица внушала ему, что рядом сидит принцесса, но видела, что ее слова никакого особого впечатления на него не производят, и вновь начинала акцентировать разговор на том, что это не простой человек, что с вами за одним столом обедает принцесса! Сын, рассказывая мне об этом, смеялся: «Так я и не проникся каким-то особым чувством, что за одним столом со мной находится не обыкновенный человек, а принцесса». Видимо, переводчица говорила это ему с определенной интонацией в голосе, отдавая должное уважение и высказывая преклонение перед той принцессой. Такие традиции еще существуют в Англии, и я думаю, что это было не какое-то заготовленное театральное представление. Действительно, та женщина была ошарашена, что она, простая переводчица, сидит за одним столом с принцессой, а молодой человек из России ничего не понимает и на него слово «принцесса» не производит никакого впечатления.

В нашей программе было предусмотрено посещение крупного атомного научного центра в Харуэлле. Нас принимал там один из ведущих атомщиков Великобритании, сейчас забыл его фамилию. Потом он приезжал к нам и был гостем Курчатова. Курчато-

ву было очень интересно заглянуть к нему. Они друг о друге знали, но личного контакта у них, по-моему, прежде не было. Показали нам все учреждение, показали и лаборатории. Об их работе рассказывал именно этот ученый, тема рассказа была очень сложной, интересной в деталях лишь для Курчатова, хотя для него вряд ли имелось что-то новое в том, о чем рассказал их ученый. Интерес заключался в другом: установить контакты. Надо подойти к этому событию с позиций того времени. Мы поехали за границу, взяли с собой ученого-атомщика, прибыли в научный центр, осмотрели его. Это значит, что мы должны ответить взаимностью, пригласить к нам английского ученого и показать ему наши атомные центры. Для нас это был тогда почти непреодолимый шаг: сколько десятилетий мы воспитывались в том духе, что империалисты — наши враги, все они подсматривают, подглядывают, а сами ничего не показывают. Вот они глянут, все увидят, узнают, да еще наших людей завербуют и внедрятся к нам!

Конечно, в этом много правильного. Но доводить дело до абсурда, запугать самих себя и абсолютно потерять веру в свой народ, который борется за построение коммунизма, имеет свое самолюбие, свою национальную гордость и собственное достоинство, недопустимо. Сталин же в это не верил. У него была лишь вера полицейского характера: держать и не пущать, ты никуда ни шагу, и к тебе никто. Поэтому считалось, что обмен опытом — воровство. Правда, воруют все. Другие страны тоже воруют, если не могут купить лицензию и предоставляется возможность украсть. Я говорю не в порядке осуждения такого метода контактов. Но лучше поддерживать контакты на основе обмена лицензиями. Это проще и полезнее воровства. Иной раз, когда покупают ворованное, то не всегда приобретают то, что нужно. Подчас вор бывает довольно условным и продает секреты по заданию своей разведки.

Знаю случай, когда Гречко еще командовал нашими войсками в Восточной Германии, мы купили в Западной Германии американскую ракету. Когда ее привезли и дали нашим ученым на исследование, то оказалось, что налицо самая настоящая липа. Американец, с которым мы поддерживали контакт, был разведчиком и разгадал нашего человека, понял, что перед ним агент, и подсунул ему «ракету».

Иден, устраивая нам обед в его резиденции на Даунинг-стрит, заранее предупредил, что на обеде будет Черчилль. Там присутствовало ограниченное число лиц: Иден, Черчилль, Макмиллан, Ллойд и тот консерватор, фамилию которого я забыл и о котором

нам все время говорили, что он настроен крайне антисоветски. Мы с ним вновь встречались, когда он приезжал в Советский Союз. Этот человек оказался ничем не хуже других консерваторов, а относился к нам соответственно своим убеждениям, своим взглядам на коммунизм и советскую страну. Не хуже, да и не лучше других. Сейчас он умер, но тогда он был надеждой консерваторов. Считалось, что он может стать в дальнейшем премьером.

Зашли мы в кабинет Идена, небольшой зал. На стене я увидел портрет царя Николая II. Я пристально глядел на него, и все, конечно, заметили, что я обратил внимание на портрет. Говорю: «Удивительное сходство с нашим бывшим царем Николаем II». Иден ответил мне, что это один из английских королей, двоюродный брат Николая, поэтому они очень похожи друг на друга. Больше я не стал проявлять любопытства, ведь это могло быть им неприятно, потому что его двоюродный брат был убит в Екатеринбурге. Они тоже не возвращались к этому разговору.

Рассадили нас по положенным местам за обеденным столом. Я оказался рядом с Черчиллем. Он был уже стар. Рядом со мной сидел грузный дряхлый старик. Мы перебрасывались отдельными, ничего не значащими фразами, ели. Нам подали устриц, и он спросил меня: «Вы когда-нибудь ели устриц?». «Нет, господин Черчилль». «Вы последите, как я буду их есть. Я их очень люблю». «Хорошо, буду учиться». Начал он есть устриц, а я за ним проделывал все, что видел, использовал лимон. Он проглотил своих устриц, я тоже. И он спросил: «Как понравилось?». «Совсем не понравилось». «Ну, это без привычки». «Понимаю, что без привычки, но не понравилось». Других разговоров с Черчиллем у меня не было, если не считать того, что он затронул вопрос о Сталине. О нем он отзывался хорошо: «Я с уважением относился к господину Сталину во время войны».

Говорил он и о процессах в нашей стране в связи с осуждением культа личности. Сказал, что мы смелые люди, если решились на такой шаг. «Это большая ломка в сознании людей, а люди обычно очень консервативны. Чтобы не обжечься, все это надо проводить осторожно и постепенно, а не вдруг». Я согласился с ним. Видимо, Черчилль так осторожно вел себя с нами потому, что не хотел создавать видимость, что он продолжает руководить правительством и вмешиваться в его дела. Раз Иден премьер-министр, то все деловые вопросы должны обсуждаться с ним. Второй раз я встретил Черчилля в парламенте. Не встретил, а увидел его. В программе нашего пребывания значилось, что мы будем присутствовать на заседании парламента в качестве гостей. На хоры, где поставлены скамьи для публики, могут заходить все

желающие, не мешая работе парламента. К нам был прикреплен молодой по возрасту консерватор, очень хорошо говоривший по-русски. Он демонстрировал нам свое глубокое знание русского языка, хорошо выражаясь словами ломовых извозчиков. При этом довольно хорошо выговаривал наши слова, и у него имелся довольно большой набор выражений такого характера. Этим он, видимо, демонстрировал нам и знание русского языка, и свою простоту. Мы же ему никаких замечаний, конечно, не сделали.

Он привел нас в парламента, мы сели на скамью и наблюдали, как ведутся прения. Не помню сейчас, какой затрагивался вопрос. Черчилля не было сначала на том заседании, только потом он появился. Наш сопровождающий, который выполнял роль гида, сказал: «Смотрите, вон Черчилль». В парламенте у каждого имеется определенное место, и Черчилль уселся на свое место. Гид предупредил: «Он не более пяти — десяти минут сможет так просидеть, а потом сейчас же уснет». Действительно, Черчилль вскоре откинул голову на бок, и видно было, как он спокойно спал на заседании парламента.

Наш крейсер стоял в Портсмуте. Мы сказали командиру крейсера, чтобы он получше организовал охрану и делал все, что положено в таких случаях. Вдруг нам докладывают, что какой-то человек появился из-под воды у борта крейсера. Когда наши матросы его заметили, он скрылся под воду, и больше его не видели¹¹. Мы заявили нашим хозяевам, что наши матросы наблюдали такое явление, и спросили, как это надо понимать. Не помню, какое было дано объяснение. Но мы не придали значения этому случаю, хотя не исключали, что пловцы могут прикрепить к крейсеру магнитные мины, а это может дорого нам обойтись. Так объяснили событие наши люди, которые занимались военными делами. Поэтому мы подумали о возвращении домой самолетом. Но Ту-104 только еще проходил испытания и был небезопасен, а лететь на Ил-14 после фурора, который произвел Ту-104, нам казалось неприличным.

Я не верил в возможность какой-либо провокации. Взорвать крейсер с главой чужого правительства — это ведь война! Англичане никогда такого не допустят. И мы решили возвращаться домой на крейсере. В печати много сообщали об этом случае. Оказывается, это был какой-то особый их разведчик-водолаз в звании, кажется, майора. Он погиб, и в печати много писали о том, что мы его, видимо, захватили в плен и увезли в Москву. Потом было объявлено, что обнаружили его труп. Мы так точно и не знаем, кто там был. Но что это был разведчик, у нас не имелось со-

мнений. Его появление наша разведка объясняла тем, что англичан, возможно, интересовали винты крейсера и формы некоторых деталей корпуса корабля, которые определяют его скорость. Мы не придали особого значения этому инциденту, хотя и говорили о том, что они нас позвали в гости, а сами шарят по карманам. Да, разведка занималась своим делом. Их интересовало, что представляет собой наш корабль, и они не удовлетворились тем, что увидел военный атташе, который находился на корабле. Его действий мы не ограничивали, и он мог ходить, куда хотел. Кое-куда он ходил, но проявлял немного интереса: видимо, не желал, чтобы мы заподозрили, что он занимается шпионажем.

В Англии перелетали мы из города в город на английском самолете. У них имелся четырехмоторный самолет фирмы «Бристоль», типа нашего будущего Ил-18. Тогда у нас Ил-18 еще не было, а летали двухмоторные самолеты, хорошие, с поршневыми двигателями. Их самолет по тому времени был более современным, и я с Булганиным обменивался мнениями: не прощупать ли англичан, не продадут ли они нам такой самолет? Мы в ходе разговоров забрасывали такую «удочку», но нам ответили, как обычно отвечают в таких случаях, что надо вести переговоры с фирмой. Мы поручили установить контакт с фирмой и провести переговоры, но это ни к чему не привело. Видимо, фирма «Бристоль» продала бы нам такие самолеты, если бы была уверена, что мы купим не пару штук, а целую серию и поставим их у себя на авиалинии. Однако они знали, что мы купим лишь один или два самолета как образцы, потому что Антонов и Ильюшин¹² уже строили к тому времени свои похожие самолеты. Таким образом, перспективы для фирмы, что она может получить серьезного покупателя, не существовало. А продать самолет как образец фирма, безусловно, не хотела, чтобы не выдать своих секретов.

Во время нашего пребывания в Лондоне с нами установили контакт и лейбористы. Тогда их возглавлял Гэйтскелл¹³, человек довольно консервативный, антисоветских настроений и озлобленный. Левое крыло лейбористской партии тогда возглавлял Бивен¹⁴. Его я хорошо знал. Я с ним потом встречался в Москве. Он действительно выделялся среди лейбористов, разыгрывал из себя левого, и его речи по содержанию отличались от обычных: он критиковал лейбористскую партию, причем резко. Сам он был весь седой, хотя еще не старый, так что седина у него какая-то не возрастная. Он познакомил нас со своей женой, тоже седой, хотя и не старой женщиной, и тоже активным политическим деятелем лейбористской партии.

Бивен производил на нас очень хорошее впечатление. Потом, после смерти Гэйтскелла, он возглавлял лейбористскую партию. Как лидер, несмотря на свои заявления, он вовсе не проводил политики, чем-то отличающейся от политики Гэйтскелла. Этому у него не получилось. Такова английская оппозиция: критикует тех, кто стоит у власти, а внутри партии критикует лидеров, но лишь пока критик не возглавит партию. Так случилось и с Бивеном. Позднее к руководству лейбористской партией пришел Вильсон¹⁵. Он тоже считался нашим другом и стоял в оппозиции к руководству. Он часто заявлял, что если бы был у власти, то совсем по другому курсу повел бы английскую политику. И вот теперь сколько уж лет он у власти, а курс все тот же, который проводили консерваторы, а также Гэйтскелл и Бивен.

Лейбористы предложили нам встретиться и поужинать (или, как у них называется, пообедать вечером). По нашему, русскому, обычаю, это уже ужин. Мы согласились, хотя ничего путного не ожидали от них. Они были даже более озлоблены против нас, чем консерваторы. Собрались мы в парламенте. Там у них есть что-то вроде ресторана, какой-то харчевни, большой такой зал. Там-то они и предложили устроить встречу. На этой встрече были Гэйтскелл, Браун, другие лидеры лейбористской партии. Браун тогда претендовал на лидерство и иной раз пытался задавать тон всей партии. Он относился к нам очень враждебно. Расселись мы по местам. Уже стояли бокалы с неизменным английским виски. Гэйтскелл предложил тост за здоровье королевы. Оказывается, у них не бывает ни одного общественного обеда, чтобы не выпить за королеву. Не знаю, как поступают у них коммунисты. Думаю, что не пьют. Ну что же, за королеву так за королеву! Мы поддержали их и выпили за ее здоровье. Потом выпили соответственно за нашу делегацию, за наше и за их здоровье. Начался разговор. У меня сейчас выветрились из головы его подробности, но напряжение было очень большим.

Если сравнить с тем, как мы встречались с консерваторами, то там не было такого напряжения. Видимо, это объяснялось тем, что мы находились на слишком противоположных полюсах: консерваторы представляли крупный капитал, а мы — рабочий класс и коммунистическую партию. Значит, у нас могли быть контакты только на деловой государственной взаимовыгодной основе, и они к нам никаких других претензий не могли предъявить. И мы, конечно, никаких особых надежд не питали. Иное дело, когда мы встретились с лейбористами. Они-то считают, что у них рабочая партия; что они защищают интересы рабочего

класса. Мы, конечно, за ними этого не признавали и не признаем. Поэтому сразу возникла напряженность. Гэйтскелл, правда, еще проявлял какую-то тактичность. Причиной же конфликта послужило следующее.

Они заранее сговорились, и во время своего выступления Гэйтскелл, вытащив какую-то бумагу, сказал, что тут список социал-демократов, которые арестованы и сидят в тюрьмах в Польше, Чехословакии, других странах Восточной Европы. Он попросил нас посодействовать тому, чтобы их выпустили на свободу. Булганин вначале хотел было взять у него список и стал говорить, что мы изучим этот вопрос. Но тут я подтолкнул его и шепнул, что его втягивают в провокацию. Ведь мы не могли обсуждать такой вопрос даже по соображениям формы. Получится вмешательство в дела других государств. Так мы им и ответили и взамен посоветовали обратиться к правительствам соответствующих стран.

Тут вдруг вмешался Браун. Он начал задавать провокационные вопросы, которыми вызывал нас просто на скандал. Взяв слово, он произнес речь, в которой критиковал наши внутренние порядки. Это было недопустимо: мы являемся у них гостями, а они выступают с критикой нашей политики. Взял слово Булганин для ответного выступления. Он отвечал по-обывательски, и мне его просто невозможно было слушать. Он обошел критические замечания в наш адрес и предложил какой-то обычный тост за счастье и здоровье присутствующих. Обыденная речь, которая уместна в питейных делах, когда встречаются друзья-товарищи и желают друг другу процветания. А с той стороны была произнесена политическая, задиристая речь.

Я не вытерпел и, когда Булганин закончил, попросил: «Разрешите мне выступить». Они согласились. И я напал на этого Брауна. Говорю: «Господин Браун, я расцениваю ваше выступление как провокацию». Назвал все своими именами и начал его тоже критиковать: «Вы нас пригласили на обед. Но если вы хотите вести разговор, оскорбительный для нас, то нам ничего не остается делать, как поблагодарить вас за приглашение и уйти». Сразу возникло большое обострение. Вышло так, что на этом обед закончился, и мы демонстративно ушли.

Назавтра, когда мы встретились с Иденом, он опять улыбался в свои усики: «Ну, как у вас вчера прошел вечер с лейбористами?» Он-то все уже знал, ему было доложено. Я тоже улыбнулся: «Да, знаете, не совсем...». «А я говорил вам, что с консерваторами у вас скорее может установиться контакт, чем с лейбористами. Это

же невозможные люди!» Он как консерватор воспользовался этим конфликтом и начал хвалить своих. Тут мы тоже стали шутить: «Да вот мы сравниваем. Выбираем, в какую партию вступить, в лейбористскую или в консервативную». «Предлагаю в консервативную». «Подумаем, может быть, действительно пойдём к консерваторам». Наш ответ потом появился в печати.

На следующий день мы должны были находиться на заседании в палате лордов. Там оказались и лейбористы, в том числе те, которые присутствовали на вчерашнем ужине. Они стали подходить к нам, здороваться. Среди них был один, который производил более порядочное впечатление, не помню сейчас его фамилии, уже пожилой человек. Он судил более здраво о наших делах, хотя, конечно, не был сторонником Советского Союза, но хотел улучшения отношений между нашими государствами и установления контактов лейбористской партии с нами. Я не говорю, что именно с коммунистической партией, хотя, когда лейбористы приезжали в Москву, велись переговоры нашего ЦК с ними. Однако эти встречи тоже ничего хорошего не принесли.

У меня было плохое настроение, я был огорчен поведением лейбористов при нашей встрече. Браун тоже там оказался. Подходит он ко мне и сразу подает руку. Я глянул на него и говорю: «Господин Браун, я Вам руки не подам. После вчерашнего не могу!» Он протягивает руку, опять к себе, дернул туда-сюда раза два, смотрит на меня. Я не пошевелился. «Не подадите?». «Не подам». Опустил он руку, и мы разошлись. Другие лейбористы видели, как я дал отпор Брауну, и когда подходили ко мне, то очень осторожно здоровались, протягивая руку медленно, чтобы определить, подам я им руку или нет. Я подавал руку всем, и мы здоровались, хотя я и высказывал им свое недовольство.

Они прислали своего представителя и попросили принять их делегацию, которая хочет объясниться по поводу вчерашнего инцидента. Делегация будет состоять из трех человек. Пришел тот, о котором я говорил выше, и еще двое, не помню, кто. Они извинились за Брауна, сказали, что он позволил грубость, что они этого не хотели, а Браун сделал такой выпад от себя лично. Они же сожалеют, что так получилось. Тем самым вопрос был исчерпан.

Из-за чего конкретно возник конфликт, я уже сказал. Собственно говоря, по всем вопросам международного характера и рабочего движения у нас имелись противоположные позиции. Поэтому по любому вопросу, за какой ни взяться, если пожелать, можно было создать конфликт. Здесь особой мудрости не надо. Видимо, Браун был человеком очень антисоветски настроенным и ре-

шил использовать нашу встречу, чтобы подсолить наши отношения, отравить их. И он достиг своей цели. Так первый наш контакт с лейбористами потерпел крах. Консерваторы же были очень довольны и теперь проявляли еще больше любезности в отношении нас, всячески нас заверяли, что они с нами хотят и дальше улучшать отношения.

В тот день на меня очень сильное, причем, комедийное, впечатление произвел председатель палаты лордов. Я уже был знаком с ним раньше. Он встретил нас в палате лордов перед заседанием в каком-то красном сюртуке, хламиде и в огромном парике, показал место, где он сидит во время заседания. Там лежал мешок с овечьей шерстью. Все это выглядело так театрально, что на меня произвело впечатление чего-то очень несерьезного. Я удивился, как это такие серьезные люди могут так кукольно обставлять свое заседание и рядиться в одежды балаганного типа. Ну, это традиции, я понимаю, я читал об этом, но когда увидел сам, то все невольно вызывало улыбку. Я не мог даже представить себе, что серьезные люди могут одеваться, вести заседание и представляться иностранной делегации в таком виде. Показали нам англичане и свои исторические места. В Лондоне — крепость Тауэр, с местом казней. Они рассказали историю этого кровавого места, где совершались казни королями, и самих королей тоже казнили. Посмотрели мы смену караула, английскую экзотику. Солдаты в красных мундирах, в высоких шапках из медвежьей шкуры, мохнатых. Довольно театральное зрелище. Но эта церемония производит хорошее впечатление. Тоже ведь история. Я с удовольствием смотрел, как англичане отдают дань своей истории. Говорят, что туристы обязательно приходят наблюдать смену караула как занятную процедуру.

Естественно, в процессе переговоров пригласили мы Идена приехать с ответным визитом в Советский Союз. Он приглашение принял, поблагодарил, и думаю, что искренне хотел приехать. Иден бывал в нашей стране не раз еще до войны, когда работал в министерстве иностранных дел. Тогда он занимал особую позицию в вопросах сближения с Советским Союзом и объединения усилий против нарастающей угрозы войны со стороны фашистской Германии. Несколько раз бывал он у нас и во время войны. Так что он знал Москву, был знаком с нашими условиями жизни и традициями. Но тут уже возникла другая основа. Он возглавлял правительство, а мы хотели через такие контакты с ним улучшить наши отношения. Старались прежде всего создать условия для расширения торговли между нашими государствами.

Это было бы полезно для нашей страны, да и не меньше пользы было бы для Великобритании. Других каких-то надежд на расширение и укрепление контактов у нас не имелось. Новые вопросы еще не созрели.

Иден так и не приехал к нам. Мы ведь были в Англии в 1956 г., сразу после XX съезда КПСС. Потом произошли события в Польше, в Венгрии. А самое главное, Англия, Франция и Израиль напали на Египет. Мы стали на его сторону, наши отношения резко обострились. Мы их не только критиковали, но и предприняли шаги по дипломатической линии, оказали давление на Англию, Францию и Израиль. Война была прекращена через 22 часа после того, как мы направили послания Идену, Ги Молле и Бен-Гуриону¹⁶. Война прекратилась, но полемика в печати накалилась до крайности. Тут уже не было Идену никакой возможности приехать к нам. Более подробно я расскажу об этом, когда буду говорить о событиях в Венгрии и Суэцком кризисе.

Добавлю здесь лишь об эпизоде с одним левым английским лейбористом. Забыл его фамилию. Он умер года три тому назад¹⁷. Я с ним был хорошо знаком. Это был хороший наш друг, по национальности финн. Он настолько был предан Советскому Союзу, что лейбористы исключили его из своей партии. Он хотел приехать к нам. Сталин, уже больной, вдруг выдумал, что это агент, чужой разведчик (а он служил во время войны в войсковой разведке). Да тот и не отрицал, что служил во время войны разведчиком. Так ему и не дали визу на въезд в Советский Союз, хотя он в то время выступал за нас. Я потом встречался с ним, и он мне говорил: «Товарищ Хрущев, меня неправильно поняли, я всегда был вашим другом. Так поступать нельзя, я и умру вашим другом».

¹ Поездка состоялась с 18 по 27 апреля 1956 года.

² КУРЧАТОВ И.В. (1902 — 1960) — видный физик, организатор и руководитель работ по атомной науке и технике СССР, академик АН СССР с 1943 г., трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). В то время был директором Института атомной энергии АН СССР.

³ ЮЗ Дж. (1814 — 1889) получил концессию на строительство завода в Донбассе и основал в 1869 г. акционерное общество, руководившее построением в поселке Юзовка металлургическим заводом.

⁴ МАКМИЛЛАН Г. (1894 — 1986) — один из лидеров партии консерваторов, был в ту пору министром финансов.

⁵ М. ЭЛЬ-БАДР. Его монархия была заменена Йеменской Арабской Республикой 26 сентября 1962 года. Вышеупомянутое советско-йеменское соглашение официально было оформлено 8 марта 1956 года.

⁶ ЕЛИЗАВЕТА II (род. в 1926 г.) вступила на престол в 1952 году.

⁷ Виконт ТОМАС Дж.П.Л. (1903 — 1960), лорд Килкеннин, был первым лордом Адмиралтейства в 1951 — 1956 гг.

⁸ МАУНТБЭТТЕН Л., являвшийся в 1947 г. вице-королем Индии, в 1954 — 1959 гг. был начальником морского штаба Великобритании.

⁹ Встреча состоялась 20 апреля 1956 г. в Королевском военно-морском колледже (г. Гринвич).

¹⁰ Мария СТЮАРТ (1542 — 1587) была королевой Шотландии от рождения (фактически с 1561 г.) до 1567 года.

¹¹ Британский офицер-подводник, командор Крэбб, чье тело обнаружили затем в воде, неподалеку от советского крейсера «Орджоникидзе».

¹² Советские авиаконструкторы Антонов О.К. (1906 — 1984) и Ильюшин С.В. (1894 — 1977).

¹³ ГЭЙТСКЕЛЛ Х.Т.Н. (1906 — 1963) возглавлял лейбористскую партию с 1955 года.

¹⁴ БИВЕН Э. (1897 — 1960), ранее являвшийся министром труда и подавший в отставку в связи с официальным курсом лейбористского правительства К.Эттли (с 26 июля 1945 г. до 26 октября 1951 г.), поддерживавшего холодную войну.

¹⁵ ВИЛЬСОН Г. (род. в 1916 г.) был лидером лейбористов в 1963 — 1976 гг.

¹⁶ МОЛЛЕ Г. (1905 — 1975) был французским премьер-министром в 1956 — 1957 гг.; БЕН-ГУРИОН Д. (1886 — 1973) — премьер-министром и министром обороны Израиля в 1955 — 1963 гг. (с перерывом в 1961 г.).

¹⁷ Имеется в виду ЗИЛЛИАКУС К. (1894 — 1971) симпатизировавший СССР и коммунистическому движению, из-за чего у него не раз возникали конфликты с руководством лейбористской партии. Он был исключен из нее в 1949 г. и восстановлен в 1952 году. Однако позднее, являясь членом парламента, вновь протестовал против линии правового руководства партии.

НАЧАЛО ВИЗИТА В США

В начале 1959 г. Советское правительство получило приглашение от правительств скандинавских стран посетить их на уровне председателя Совета Министров СССР с дружеским визитом. Это приглашение, конечно, было не коллективным от всех скандинавских стран. Не помню, кто первым проявил политическую инициативу. Кажется, шведы. Боюсь сейчас ошибиться, было ли это приглашение получено нами сначала от шведов или от норвежцев. Но пригласили нас и шведы, и норвежцы, и датчане. Затем по закрытым доверительным каналам мы получили информацию о том, что если мы окажемся с официальным визитом в

скандинавских странах, то финны тоже хотели бы договориться с Москвой и прислать свое приглашение. В Финляндии мы уже ранее бывали, и финляндские делегации тоже нас посещали. С финнами к тому времени у СССР установились, я бы сказал, хорошие, даже дружественные отношения.

А со скандинавскими странами у нас, как говорится, не было ни мира, ни войны. Во вторую мировую войну мы с ними не воевали, отношения же складывались не холодные и не горячие. Так что мы с удовольствием приняли теперь их приглашения. О времени визита хотели потом сообщить дополнительно. Реакционные круги этих стран подняли большую кампанию в печати: критиковали свои правительства за то, что они пригласили советскую делегацию во главе с председателем Совета Министров, поносили нашу страну, угрожали, что организуют демонстрации протеста и прочее.

Мы молчали. Но это, естественно, нас раздражало. Раздражение вызывалось с нашей стороны еще и непониманием реальной обстановки в буржуазно-демократических странах. Мы приехали в СССР к тому, что наша печать печатает то, что ей позволено печатать, а иначе она просто не может действовать, потому что все у нас централизовано и контролируемо. В капиталистических странах существуют другие условия. Там много партий, и каждая занимает определенные позиции по любому вопросу, в какой-то степени независимо высказывает свое отношение к тому или другому решению правительства, к каждой его акции. Но нас это тогда оскорбляло, и мы «надули губы». Однако молчали. И вдруг мы получаем от президента Соединенных Штатов Америки приглашение прибыть с визитом в их страну. Эйзенхауэр персонально адресовался ко мне, я должен был возглавлять эту делегацию как председатель Совета Министров СССР. Приглашение из Вашингтона мы получили абсолютно неожиданно, никак на него не рассчитывали. Следовательно, мы не планировали поездку в США не только на ближайшее время, но и на будущее, потому что отношения наши были довольно холодными. Как же это произошло?

Приезжала к нам какая-то делегация от американских промышленников, влиятельных людей. Они пользовались доверием у правительства Эйзенхауэра, а может быть, получили какое-то задание. Знакомились в СССР с работой каких-то отраслей промышленности. По-моему, особенно интересовались строительством кораблей. Мы показали им, как строится атомный ледокол, и они его осмотрели. То был «Ленин», единственный в ту пору у нас

ледокол с атомным двигателем¹. Сейчас он уже много лет успешно плавает в Северном Ледовитом океане. Члены этой делегации пригласили советских специалистов приехать и взглянуть на кораблестроение в США. Такое предложение мы приняли с удовольствием, потому что устанавливались новые контакты. Мы считали, что любые контакты, которые смягчили бы напряженные отношения между США и СССР, выгодны обеим сторонам. В состав делегации был включен Козлов, секретарь ЦК партии, ранее секретарь Ленинградского обкома КПСС. Он был знаком потому с судостроением (хотя по образованию он инженер-металлург), что Ленинград славится этим. У меня сейчас совершенно не сохранилось в памяти, какая фирма послала приглашение. Видимо, оно было не правительственным, а преследовало цель обмена опытом и взаимного ознакомления с производством.

Козлов потом рассказывал мне, как они осматривали в США грузовой корабль с атомным двигателем. Он был построен лишь наполовину. Козлов полазил там по лестницам, да и инженеры, которые с ним ездили, тоже осмотрели все, что было позволено. Фирмачи показали, конечно, именно то, что хотели показать. Но думаю, что в любом случае наши инженеры увидели много интересного. Когда программа пребывания нашей делегации завершилась и она готовилась к отлету, неожиданно от Эйзенхауэра прибыл курьер и вручил Козлову пакет с просьбой передать его лично Хрущеву. Вернувшись, Козлов в выходной день позвонил мне на дачу, а затем приехал и сказал: «У меня есть специально для вас пакет от президента Соединенных Штатов господина Эйзенхауэра». И вручил пакет. Документ, находившийся в нем, был сформулирован кратко: делалось приглашение председателю Совета Министров СССР от имени президента США посетить его страну с дружеским визитом. Адресовался документ персонально мне.

Признаюсь, я сначала даже не поверил. Это произошло так неожиданно, мы вообще не были подготовлены к этому. Наши отношения были тогда столь натянутыми, что приглашение с дружеским визитом главы Советского правительства и первого секретаря ЦК КПСС казалось просто невероятным! Но факт оставался фактом: Эйзенхауэр пригласил правительственную делегацию, и я ее возглавлял. Неожиданно, но приятно. А также интересно. Хотелось взглянуть на Америку. За границей я к тому времени уже бывал. Однако США занимали особое положение в нашем представлении о загранице и нашем воображении. Да иначе и быть не могло. Это ведь самый сильный оппонент СССР, лидер

капиталистических стран, который задает тон всей антисоветчине в зарубежном мире.

В экономической блокаде Советского Союза кто задает тон? Тоже Соединенные Штаты. Если их партнеры к тому времени все-таки шли на какие-то экономические контакты, то США нас бойкотировали. Мы покупали кое-какое оборудование за рубежом и что-то продавали туда, главным образом сырье, а порою некоторые промышленные изделия, станочное оборудование. Но США бойкотировали нас абсолютно. Даже на закупку русских крабов объявили специальный запрет, мотивируя его тем, что сей продукт добывается в море русскими людьми, дескать, рабским трудом. Дикость, но именно так они аргументировали свое решение. Отказались покупать у нас даже столь традиционные товары, как черную икру и водку, хотя русская водка имела постоянных потребителей в Соединенных Штатах, высоко ценилась знатоками и, по-моему, сейчас тоже ценится.

И вдруг — приглашение! Как это понимать? Что это, поворот в политике? Нет, трудно представить. Без всякой подготовки — и письмо от президента. Президиум ЦК партии собрался познакомился с документом. Было решено принять приглашение, поблагодарить за него. Тут перед нами встал новый вопрос. Сначала мы получили приглашения от лидеров скандинавских стран, потом от Эйзенхауэра. Соблюдая этикет, мы должны были бы посетить те страны, которые пригласили нас первыми. Но нас тянуло больше в Америку. США — ключевая капиталистическая держава, создававшая климат отношения зарубежных стран к Советскому Союзу и ко всем социалистическим странам. Так что визит в США потом многое предопределил.

Буржуазные газеты (нужно отдать им должное) не щадят никаких персон независимо от того, какое положение те занимают. Так как в скандинавской печати нарастала критика своих правительств за сделанные приглашения, мы решили ответить, каждой столице — персонально, что пока откладываем свою поездку в связи с создавшейся там атмосферой, которая не располагает к нормальному пребыванию в их странах нашей правительственной делегации. А с Вашингтоном стали конкретно договариваться через наше посольство. Советским послом долгое время был там Меньшиков². Он хорошо знал порядки в США, и через него мы стали выяснять соответствующие вопросы. Договорились о сроках пребывания и о процедуре.

Несколько беспокоились, какой окажется церемония встречи, не возникнет ли какой-либо дискриминации. Того, что положено

для главы правительства, они могли подчеркнуто не сделать, и это нанесет нам моральный урон. В некоторой степени они так потом и поступили. Другой вопрос: на каком уровне нас все же приглашают: на уровне главы правительства или главы государства? У нас это председатель Президиума Верховного Совета СССР. Ведь президент США является и тем, и другим. Но они подчеркнули нашему послу, что приглашают на уровне главы правительства. Это соответствовало моему рангу. Разговор зашел и о том, что в ответ на мой приезд в Вашингтон³ Эйзенхауэр потом примет наше приглашение и приедет в Москву. Мы предупредили Меншикова, чтобы он, разрабатывая процедуру и церемонию приема делегации СССР, все предусмотрел бы при встрече и предупредил, что такая же церемония будет устроена потом для Эйзенхауэра. Другими словами, мы претендовали на оказание нам президентских почестей, а в случае отказа и Эйзенхауэра намечались принимать по разряду главы правительства.

Правда, если разбираться несколько скрупулезнее, наши претензии были преувеличены. Мы хотели подчеркнуть их для того, чтобы исключить всякую дискриминацию, ибо знали, что желание такое у них было, а искушений — еще больше, чем желания. В Вашингтоне согласились с нами. Было обусловлено время пребывания, разработана программа, и мы стали готовиться к поездке. До того я выезжал в Индию, был в Англии, Финляндии, на переговорах четырех лидеров в Женеве. Последняя — вообще служебная, а не гостевая поездка. С собой мы тогда жен не брали. Во-первых, таково наследие сталинских времен: Сталин никуда не ездил и очень ревниво относился к тому, если кто-нибудь брал с собой жену. По-моему, только один раз Сталин приказал Микояну взять с собой жену при поездке в США. Во-вторых, такое считалось у нас не то роскошью, не то чем-то обывательским, но не деловым актом.

Теперь тот же вопрос встал при моей поездке. Я тоже думал поехать один, без супружеского сопровождения. Но Микоян сказал: «За границей обыватели лучше относятся к людям, если гости приезжают с женами. А если его сопровождают другие члены семьи, то это еще больше располагает их. Поэтому я предложил бы, чтобы Хрущев взял с собой Нину Петровну и включил в делегацию также других членов семейства. Это будет хорошо расценено американскими обывателями, и это лучше для нас». Я сомневался, нужно ли так поступать. Но члены Президиума ЦК поддерживали Анастаса Ивановича и стали меня убеждать, что это действительно будет хорошо. Я согласился.

В делегацию входил официально министр иностранных дел

СССР Громыко, и мы предложили Андрею Андреевичу взять с собой супругу. Ранее, при нашей поездке с Булганиным в Англию, мы включили в состав сопровождающих лиц академика Игоря Васильевича Курчатова. Он произвел большое впечатление на англичан не только своей эффектной бородой, но главное — своим умом. Среди ученых Великобритании он был человеком известным, а новые личные контакты создавали лучшие условия для их закрепления. К сожалению, на этот раз он поехать с нами не смог. И я предложил включить в состав делегации какого-либо писателя, с тем чтобы можно было установить с писательскими кругами США тоже какие-то контакты. Назвал имя Михаила Александровича Шолохова.

Мы знали за ним «грех»: он иной раз при выпивке может вести себя несдержанно. Я с ним по этому вопросу уже объяснялся раньше. Он как-то пришел ко мне и пожаловался: «Не пускают меня за границу. А мне нужно съездить в Норвегию (кажется, получил туда приглашение). Нет, не пускают никуда!». Я сказал ему: «Не пускают не потому, что не доверяют политически, а потому, что не уверены, что не споткнешься и тем самым нанесешь урон не только себе, но всей нашей стране». Тогда он мне дал честное слово держаться, и мы его выпустили. Он побывал в Англии, Швеции, Норвегии, Финляндии. Никаких замечаний от посла (а в таких случаях всегда доносят) о его промашках не было. Авторитет Шолохова стоял высоко как внутри страны, так и за границей, его произведения звучали по всему миру уже много лет, и мы были довольны.

Приближался момент отъезда. Встал вопрос: как добираться? Кораблем? Слишком долго. Подумали о самолете. Единственный самолет, которым можно без посадки преодолеть расстояние Москва — Вашингтон, это Ту-114⁴. Он был сконструирован Андреем Николаевичем Туполевым, академиком, великим гражданином и замечательным конструктором, но еще не вполне облетан. На нем пока мало летали. Возникали иногда какие-то неполадки, вызывавшие беспокойство: можно ли на нем надежно лететь? Однако других подходящих средств мы не имели. Если полететь на Ил-18⁵, то придется с посадками. Можно было воспользоваться также иностранным самолетом. Или же кораблем с пересадкой: на Ил-18 прилететь в Лондон либо в Париж, а там пересестись на корабль, который ходит между Европой и Америкой. Но нам хотелось, чтобы правительственная делегация СССР прибыла в США на своем самолете и чтобы он произвел впечатление. Ту-114 именно и был по тому времени таким самолетом, лучшим по совмести-

тельности, дальности и скорости. Он производил сильное впечатление в техническом, инженерном мире, не говоря уже об обывателях.

В ходе беседы с Туполевым он сказал мне: «Я абсолютно уверен, что никаких происшествий не будет. Самолет вполне надежен и выдержит нагрузку. Разрешите мне послать людей, которые при необходимости смогут что-то предпринять на месте. Я настолько уверен в самолете, что просил бы вас разрешить полететь с командой летчиков моему сыну Алексею Андреевичу». Я ответил: «Ну, что же, лучшего мне и желать нечего. Считаю, что Алеша (так я его называл) будет не только гарантией (хотя мне не понадобится заложник: если случится катастрофа, то какая разница?), но, если возникнут неожиданности, может оказаться полезным». Он работал рядом с отцом и отлично знал систему этого самолета. Ему тоже хотелось полететь. Да и Андрею Николаевичу было желательно, чтобы сын повидал США, хоть одним глазом.

Мы тогда чрезвычайно плохо знали Соединенные Штаты Америки. И не только руководители, которые были по горло заняты внутренними вопросами. Что касается внешних проблем, то мы занимались главным образом вопросами войны и мира и еще в какой-то степени теми странами, с которыми торговали. Нас интересовало, что мы могли купить. Другие же вопросы мы знали плохо. Например, при рассмотрении протокола нашего приема мы прочли, что такие-то дни и столько-то времени отводятся для встречи с президентом Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде. Я не смог получить у нас разъяснения, что такое Кэмп-Дэвид? Сейчас это покажется смешным, а тогда это был для нас вопрос. Что же такое Кэмп-Дэвид? Я начал спрашивать в Министерстве иностранных дел СССР. Уж кому-кому, а им надо такие вещи знать. «Не знаем», — отвечают. Тогда я приказал запросить наше посольство, что такое Кэмп-Дэвид? Может быть, место, куда приглашают людей, которые не внушают доверия? Вроде какого-то карантинного учреждения. Так что там только президент и будет со мной встречаться. Получается дискриминация: почему не в Вашингтоне, а в Кэмп-Дэвиде? Сейчас мне не только смешно, но и немножко стыдно.

В конце концов мы разобрались, что это загородная резиденция президента. Построил ее Франклин Рузвельт во время второй мировой войны и выезжал туда, когда не мог далеко отлучиться от Вашингтона. Эйзенхауэр, когда он пришел в Белый дом, назвал эту загородную резиденцию именем своего внука Дэвида. Оказывается, то была особая честь гостю, когда президент приглашал его побыть за городом в личной резиденции, чтобы ника-

кие другие люди и дела не отвлекали. Там можно свободно вести беседы, интересующие обе стороны.

Вот видите, как мы тогда боялись, что нас могут унижить. Помню, когда устанавливались первые контакты с буржуазным миром, советскую делегацию пригласили провести переговоры на Принцевых островах⁶. В те времена в газетах так писали о Принцевых островах: это место, где собирают бездомных собак. Их туда якобы свозят, и там они доживают свой век. Одним словом, выбирается место, которым подчеркивается дискриминация приглашенного государства. Так было в первые годы после революции, когда у нас шла гражданская война, Советская власть твердо установилась, и буржуазный мир вынужден был считаться с существованием нового государства. Надо было идти на какие-то контакты, но они оставались довольно непрочными, и на них шли с оглядкой.

Буржуазия старалась уколоть нас и унижить. Вот я и насторожился: не является ли Кэмп-Дэвид именно таким местом, куда меня приглашают на несколько дней? Поэтому реагировал весьма ревностно и просил хорошенько изучить дело. Доложили мне. Оказывается, все наоборот, мы удостоивались особой чести. Тогда мы с удовольствием приняли приглашение, но никому, конечно, не говорили о своих сомнениях. Такой была наша неосведомленность. Мы не знали вещей, которые, наверное, были известны во всем мире. Наше посольство в Вашингтоне тоже толком заранее не разъяснило, пришлось запрашивать дополнительно.

Итак, мы приготовились лететь на Ту-114 без посадки. Повторяю, мы гордились, что летим на таком самолете, который может без посадки прилететь из Москвы в Вашингтон. Такого самолета в мире еще не было. США не имели такого пассажирского самолета долгое время. Потом, когда мы вели переговоры о воздушном сообщении между СССР и США и когда соглашение было достигнуто, оно было несколько отложено при реализации согласно просьбе американской стороны из-за отсутствия у нее соответствующего самолета. Как только США создали свой самолет такой дальности, сразу стало осуществляться регулярное воздушное сообщение между США и СССР. Да, Ту-114 — гордость нашего технического прогресса! Мы радовались тому, что этот самолет создан товарищем Туполевым в Советском Союзе.

Было рассчитано и время пребывания в воздухе. Определили час вылета из Москвы, чтобы прибыть в США тоже к определенному часу. Это важно в силу различия между часовыми поясами Земли. В Вашингтоне будет подготовлена определенная церемо-

ния встречи, поэтому надо не опаздывать, но и не спешить. Если подлетим раньше, то можно будет в воздухе сделать несколько лишних кругов, чтобы дотянуть до обусловленной минуты. Но если запоздаем, то нанесем ущерб нашему престижу: не смогли вовремя прибыть и заставили ожидать президента и всех собравшихся лиц! Прилететь мы должны были днем, кажется, в первой половине. Итак, поднялись в воздух. Самолет шел хорошо. Мы спокойно летели через Скандинавию, потом над океаном. Ночью спали. Я тоже спал, но без привычки мне было не совсем удобно, да и гул в самолете оказался довольно ощутимым. От утомления и от того, что я сам себя уговаривал: «Надо уснуть!» — уснул. Знал, что следующий день, когда прибудем в Америку, будет очень напряженным, голове следовало отдохнуть.

Настало утро. Мы летим над океаном. Это было интересно. Все время я ощущал чувство гордости. Не потому, что мы Америку боготворили или что нас ожидало какое-то таинство. Мы капиталистическую Америку понимали правильно. Помнили ее описание, сделанное А. М. Горьким в книге о городе «желтого дьявола».⁷ С американцами я встречался еще вскоре после гражданской войны у нас, когда возвратился из Красной Армии и работал на Рутченковском руднике заместителем управляющего. Для оказания помощи в восстановлении шахт к нам прибыли американские шахтеры. Так я впервые столкнулся с рабочей Америкой. Наши люди тоже ездили туда, в их рассказах было много интересного. Однако сейчас не сама по себе Америка как-то поражала наше воображение, нет, мы были горды тем, что, наконец, заставили ее осознать необходимость установления с нами более тесных контактов.

Если президент США приглашает к себе председателя Совета Министров СССР, это совсем иная ситуация, чем та, которую мы имели в отношениях с США первые 15 лет после Октябрьской революции. Нас не только не признавали дипломатически. А сейчас признают уже не только дипломатически, это давно пройденный этап, и не только при необходимости воюют вместе с нами против общего врага: нет, президент США приглашает теперь с дружеским визитом главу правительства СССР. И мы были горды за свою страну, за свою партию, за свой народ, за те успехи, которых он добился. Из разоренной, отсталой и неграмотной России мы превратились в Россию, поразившую мир своими успехами. Именно это обстоятельство вынудило президента США искать тесных контактов с Советским Союзом. Вот с таким чувством мы летели в США.

Не скрою, что меня беспокоила новая встреча с президентом.

Я с ним был немного знаком, ибо мы встречались еще в Женеве, да и раньше, когда после разгрома гитлеровской Германии Эйзенхауэр прибыл в Москву. Сталин тогда познакомил меня с ним. Но это было знакомство другого характера. А сейчас, когда я должен был один на один, с глазу на глаз, хотя и в присутствии Громыко, вести с ним беседы и переговоры, налицо были некоторая неопределенность и сложность. Здесь, знаете, на ходу в справочник не залезешь и на ухо опять же с Андреем Андреевичем не посоветуешься по вопросам, вызвавшим вдруг затруднения. Я сам прежде с недоумением относился к такому методу поведения Эйзенхауэра, когда он проделывал это в Женеве, читая вслух записки, которые ему составлял и подкладывал под руку государственный секретарь Даллес. В такое положение я теперь никак не хотел попасть, и это меня в какой-то степени тревожило.

Экзамен общения с капиталистами я уже выдержал и в Индии, и в Бирме, и в Англии. Но это все же Америка! Американскую культуру мы не ставим выше английской, однако мощь страны в те времена имела решающее значение. Поэтому надо было достойно представлять СССР и с пониманием отнестись к партнеру. А спор-то возникнет у нас, бесспорно, возникнет, но надо, чтобы без повышения голоса. В этом-то и будет сложность. Необходимо аргументировать свою позицию и достойно защищать ее так, чтобы не унизиться и не позволить себе сказать лишнее, недопустимое при дипломатических переговорах.

Нам все это казалось очень сложным, тем более что Сталин вплоть до самой своей смерти убеждал нас, что мы, его сподвижники по Политбюро, негодные люди, что не сможем устоять против сил империализма, что при первом же личном контакте не сумеем достойно представлять свою Родину и защищать ее интересы, что империалисты нас просто сомнут. Это означало, что мы неспособны защищать и достоинство своей страны. Теперь его слова проносились в моем сознании, но не угнетали, а, наоборот, мобилизовали силы. Я морально и психологически готовился к встрече, имея в виду тот ряд вопросов, по которым мы должны были обмениваться мнениями, чтобы найти возможность их решения. Главное — обеспечить мир, мирное сосуществование. Постараться достичь соглашения о запрещении атомного оружия, решить вопросы о сокращении Вооруженных Сил, ликвидации военных баз на чужих территориях и выводе войск с этих баз в собственную страну. Те же вопросы не решены, по существу, и сейчас. Они по-прежнему стоят перед каждой страной, и столь же грозно. Может быть, даже еще более грозно, чем стояли в то вре-

мя, когда я отправился на встречу с президентом страны, представлявшей в ту пору самую грозную военную мощь и обладавшей таковою. Имею в виду термоядерное оружие.

Нас интересовал народ Америки. Я встречался с американскими шахтерами и в 1922 г. и позже. Было бы вернее называть их рабочими, приехавшими из Америки, так как в большинстве своем то были европейцы по происхождению — югославы или люди других европейских национальностей, американцев же англосаксонского происхождения у нас на шахтах не было. Шахтеры среди рабочих считались людьми, обездоленными тяжким, каторжным трудом. В таком положении они находились тогда в капиталистических странах, да и сейчас тоже. Иное дело — встретиться с населением США вообще. Беспокоило: как оно отнесется к нам? С одной стороны — советские лидеры, с другой — американская общественность.

Интересовали меня и контакты с деловым миром, предусмотренные протоколом. Ведь еще Сталин хотел получить там кредит и просил американцев дать нам три миллиарда долларов. На этом условии мы соглашались выплатить какие-то суммы, причитавшиеся с нас согласно ленд-лизу. И по этому вопросу мы должны были вести беседу. Я не думал, что мы можем достичь серьезных результатов, но к такой беседе готовился и чувствовал, что она неизбежна. Волновал и вопрос о торговле с Советским Союзом, другими социалистическими странами. Думал о возможности снятия запрета, наложенного конгрессом США на торговлю с СССР. Все это имело большое политическое и экономическое значение.

Еще я надеялся встретиться с представителями Коммунистической партии США. Тут я не предчувствовал каких-либо трудностей, но тоже было интересно. В общем-то, все мне было интересно. Америка, хорошо описанная и поданная Ильфом и Петровым, Горьким, другими нашими писателями, — это одно; Америка, к которой мы сами приближались, — уже реальность. Все нас настораживало, возбуждало и напрягало нервы: вот наконец живая Америка, те живые «америкэны», которые предстанут перед нами через какие-то минуты. И вот мы их увидели. Тут я воспользовался словом «америкэны» из пьесы Всеволода Иванова «Бронепоезд 14-69», где партизаны Вершинина допрашивают американца, и один из них сообщает: «Америкэна в плен взяли».⁸

Доложили, что подлетаем к Соединенным Штатам; потом — что подлетаем к Вашингтону. Делаем круг. Не знаю, круг почета или для захода на посадку. Садимся. Погода была чудесная. Тамошняя природа встретила нас очень ласково. Было тепло, сияло пре-

красное солнце. Когда я выглянул в окно самолета, то увидел очень много народа. Трибуна была уже возведена, войска приготовлены к встрече, разостлана дорожка, бросалась в глаза публика в ярких летних одеждах, весьма нарядных: сплошная пестрота, как ковер из цветов.

Самолет подрулил к месту высадки. Тут оказалось, что наш самолет, шасси которого было выше американских стандартов, имел большую высоту, поэтому трап на самоходе до двери не доставал. Таких трапов, по-моему, вообще тогда не было. Пришлось трап наращивать. Так что мы выходили из самолета не очень-то парадно, как было предусмотрено протоколом. Но такие трудности нас не оскорбляли и не унижали. Наоборот, мы, как и американцы, смеялись, разводили руками. А я про себя думал: «Знай наших! Мы строим самолеты, которые впервые летают без посадки через океаны, а у вас таких самолетов нет». Думаю, что американцы больше нас переживали, что их трап не подошел. Спустившись с трапа, я увидел войска, выстроенные для парада. Потом увидел и президента. Он был одет в гражданскую одежду, не военную, хотя и генерал. Наше посольство тоже встречало нас. Я и другие лица поздоровались с президентом, и он подвел меня к членам своего правительства, представил их. Я поздоровался с каждым лично, потом с нашим послом и сотрудниками посольства. Жены сотрудников и их детишки преподнесли нам цветы.

Чувствовал я себя хорошо, хотя и обратил внимание на то, что люди на трибунах и на других местах, отведенных для публики, встретили нас сдержанно. У нас такая встреча обычно выражается в каких-то приветственных возгласах. Там этого не было. Скорее, они смотрели на нас, как на диковинку: что это за большевики? И чего от них можно ожидать? У некоторых из присутствующих было заметно и другое выражение лица: зачем они вообще приехали? Зачем нужно было их приглашать? Мы слегка поклонились, сняв шляпы, но держались с гордостью. Эйзенхауэр пригласил нас на возвышение трибуны, покрытой красным ковром и оборудованной радио. Может быть, велась радиопередача и за пределы страны, я этого не знаю. Все там блистало, сверкало, было сделано изысканно и со вкусом. Мы делали не так, а просто, по-пролетарски, даже небрежно. У них же все было сделано основательно, продуманно, все на своем месте.

Сначала выступил с краткой речью президент, потом слово было предоставлено мне. Насколько я знаю, согласно международной процедуре первым приветствует прибывших хозяин, потом отвечает гость, приветствуя встречающих. Затем исполнялся

гимн страны, в которую прибыл, потом — гимн гостей. Все это делалось очень торжественно и вселяло в нас еще больше гордости: вот мы побудили США выстроить почетный воинский караул и исполнить советский гимн! Раздался артиллерийский салют. Кажется, прозвучал 21 залп. Все, в общем, что положено по протоколу, было сделано, и это нас удовлетворяло. К нам отнеслись с должным вниманием. Получить почести доставляло нам особое удовлетворение. Не от того, что меня так встречают, а потому, что так встречают представителей великой социалистической страны.

Эйзенхауэр предложил мне поприветствовать почетный караул. Офицер отрапортовал мне, церемония закончилась, и мы прошли вдоль шеренги по красной дорожке. Теперь уже не помню, положено ли здороваться там с почетным караулом или нет. Не во всех странах это предусмотрено уставом, в некоторых надо только пройти, тем самым церемония обхода почетного караула считается законченной. Эйзенхауэр пригласил меня сесть в его автомобиль вместе с ним. Мы разместились с ним вдвоем. Нина Петровна села в другую машину, вместе с женой президента. Рассажены все были тоже согласно протоколу, разработанному протокольной частью дипломатических ведомств обеих стран. Машина тронулась, и мы поехали, но очень медленно. Охрана президента бежала справа и слева от нашей машины, вытянувшись цепочкой. Спереди и сзади она тоже прикрывала ее. Было сделано то, что мы уже видели во время пребывания в Женеве.

Нам был непривычен такой порядок. Но когда позже я узнал, на что способны люди в Америке, то все понял. За короткое время там убили президента Джона Кеннеди и его брата Роберта, который выступался кандидатом в президенты. Убили потом негритянского лидера Мартина Лютера Кинга⁹, боровшегося за равноправие своего народа в США. Совершались и другие политические убийства. Может быть, процедура охраны, разработанная там, которой я стал свидетелем, была поэтому оправданна. Хотя это тоже не дает гарантии. Убийства, которые были совершены, подтверждают это. И все же охрана затрудняет возможность совершения террористических актов. О том, что там имелось много врагов (не у меня лично, а у Советского Союза), мы догадывались. Я, конечно, это знал, но искренне признаюсь, что абсолютно ни о чем таком не думал и никакой тревоги не испытывал. Это я сейчас говорю о возможной опасности. А тогда у меня и мыслей не было о каком-либо террористическом акте.

Когда мы ехали от аэродрома, народа виднелось много. В городе — тоже, но не так много, как бывает у нас. Мы выстраиваем

шеренги встречающих «дорогого гостя». Наши люди при встречах не выстраивались сами, а их выстраивали. Мы даем задание городскому партийному комитету, сколько вывести народа, как поставить, у нас выработана определенная процедура: знаем расстояние от одной точки шеренги до другой, сколько может там поместиться людей, получается плотная шеренга и обязательно с флажками той страны, откуда прибывает гость. Это производит впечатление. Порой это вызывало недовольство людей, но мы продолжали такую практику. Поступаем, как пьяница, которому если и не выпить водки, так хотя бы понюхать, иначе он будет страдать. У нас выработался такой «алкоголизм» к встречам: и в мороз, и в осеннее ненастье стояли люди-бедняги.

Бывало, когда я ехал, мне жалко было смотреть на них. Я их понимал и если бы был на их месте, то, наверное, протестовал бы настойчиво и открыто. Но все мы были рабы формы: раз сделали такую встречу одному, то надо сделать такую же и другому, иначе — дискриминация! И у меня возникла мысль о том, как бы нам перейти к иной форме выражения своего отношения к гостям, как на Западе. Там никто не выводит народ, там его некому, да и невозможно выводить. Кто хочет, тот сам может выйти и глазеть, хочет — рот раскрыть, хочет — зубы стиснуть, это дело встречающих. А у нас нельзя сказать, что люди вышли по собственному желанию. Во-первых, их выводят, а во-вторых, им за это сохраняется заработная плата, так что некоторые выходят даже с охотой, если стоит хорошая погода. Почему бы и не пройти? Не поглазеть на гостя, черного, коричневого или белого? Все равно экзотика. А иной раз такая экзотика, с которой наши рабочие и служащие не встречались! Я тут осуждаю прошлое и не одобряю то настоящее, которое еще продолжается, как у нас было заведено прежде.

Знал, конечно, что в США и других странах практикуется и такая встреча, когда выходят с плакатами, на которых видны резкие надписи, протестующие против какого-то гостя, или карикатуры на прибывших. Одним словом, форма протеста проявляется в публичном выражении несогласия с прибытием гостя. Тут я такого не замечал, такого не было. Могут сказать, что недоброжелатель убрала полиция. Нет, полагаю, что их просто не было. Видимо, американцы относились к нам с терпением: посмотрим, что выйдет, что это за такой-сякой гусь лапчатый, возглавляющий их правительство, интересно взглянуть на него или услышать. Поскольку враждебных к нам сил в США и было, и имеется достаточно, то сказать, что нас встречало радушием все население, было бы глупо и наивно. США — наиболее ярко выраженное классовое

государство, где имеется все, от нищеты до абсолютного изобилия. Поэтому нас, представителей трудящихся и социалистического государства, не могут все там приветствовать одинаково. Мы вообще-то были подготовлены ко всему, и я объясняю сдержанность публики каким-то выжиданием, а может быть, проявлением уважения к своему президенту, так как я являлся его гостем. Я-то ехал в президентской машине вместе с ним. Может быть, и это сдерживало народ.

Мы поехали с аэродрома прямо в предоставленную нам резиденцию. Президент ненадолго оставил нас отдохнуть, а спустя какое-то время я прибыл с первым визитом в Белый дом. Отдыхая, я получил информацию от посла Меншикова о том, как реагировала печать на мой приезд. Он сообщил также об интервью в газете, данном вице-президентом США Никсоном¹⁰. Прямого выпада против нашей страны и против меня как представителя советского государства там не было, но присутствовали всяческие старые недоброжелательные высказывания, обычно присущие Никсону. Я к этому уже привык, много читал раньше об этом. Он допускал в своих статьях и беседах и более резкие выражения. Тем не менее, меня возмутила бестактность, допущенная по отношению к гостю президента сразу же в день прибытия. В своем интервью Никсон настраивал народ насчет того, «как нужно понимать» приезд Хрущева. Именно это возмутило меня.

Когда я приехал в Белый дом, Эйзенхауэр встретил меня у дверей своего кабинета. Мы зашли туда, уселись. С его стороны присутствовал тот же Никсон, а с нашей — Меншиков и Громыко. Как только мы обменялись с президентом приветствиями, как положено делать в таких случаях, я тут же, что называется, взорвался и сказал: «Господин президент, не могу не выразить своего изумления и негодования». Он насторожился. «Ваш заместитель, вице-президент господин Никсон позволил себе в день моего приезда бестактность: давая интервью, употребил недопустимые выражения». Эйзенхауэр изумленно взглянул на Никсона, и я понял, что президент этого не знал. Видимо, еще не успел просмотреть газеты. К слову сказать, не знаю, читал ли он вообще аккуратно газеты? У меня-то сложилось впечатление, что он царствовал, а не управлял. Наверное, ему готовили подборки вырезок. Когда он посмотрел на Никсона, тот кивнул головой, подтвердив мои слова. Не помню, что конкретно тогда сказал мне Эйзенхауэр, что-то успокоительное. Однако я видел недовольство на его лице в связи со случившимся.

Впрочем, мне лично все было ясно. Это интервью не претен-

довало на бестактность, а просто являлось выступлением классового противника. От классового врага ожидать чего-то другого было нельзя, хотя я считал, что Никсон, облеченный государственными обязанностями, должен был держаться в определенных рамках и считаться с тем, что я являюсь гостем президента. Раз он вице-президент, то я — и его гость. Газеты же писали по-разному. В любом буржуазном государстве существуют разные газеты, представляющие позицию разных социальных групп. Классы в целом и их прослойки выражали свое отношение к социалистической стране и ее представителю. Это мы понимали, и против враждебных наскоков на нас, нашу политику и наших людей имели классовую прививку. Просто Никсон был официальным лицом, что и заставило меня оценить его выпад по-особому.

Не помню сейчас в деталях всю программу нашего пребывания в США. И рассказать о посещениях нами разных районов и городов смогу лишь разрозненно. Упомяну о наиболее характерных поездках и о том, что отложилось в памяти от встреч с людьми. Президент любезно предложил мне совершить путешествие по США на его личном самолете «Боинг-707». Этот пассажирский самолет в то время считался у них самым скоростным и наиболее вместительным. Думаю, что он не превосходил скоростью наш Ту-104. Разница заключалась в том, что наш Ту имел два мотора, а «Боинг» — четыре. Но так как то был специально президентский самолет, то и оборудован он был тоже по-особому. Для президента выделили огромный салон, для сопровождающих его лиц — несколько кресел в удалении. Обставлен самолет был хорошо и оборудован очень удобно.

Я с благодарностью принял предложение, поблагодарив президента за внимание. Он сказал: «Вас будет сопровождать господин Генри Кэбот Лодж», — и представил его мне. Этот человек средних лет, но выше среднего роста, крепкий, здоровый и цветущий, был офицером, в войну служил на флоте, имел звание генерал-майора (в сопоставлении с нашей градацией). Мы потом с ним познакомились поближе и долго находились вместе. Он как представитель президента повсюду сопровождал меня. От нас со мной постоянно следовали Громыко, Нина Петровна и жена Громыко. Не помню, ездил ли с нами по стране Шолохов. Кажется, он бывал вместе с нами лишь в отдельных городах. Он пожелал подольше побыть в Вашингтоне, видимо, для встречи с писателями.

Свой рассказ начинаю с Лос-Анджелеса, потому что он стал особым местом при путешествии по США. Осмотрев город, мы затем должны были попасть в Диснейленд, парк сказок, как гово-

рят, очень красивый. Но туда мы не попали. Лодж¹¹ и заместитель мэра города Виктор Картер стали меня отговаривать. Картер говорил по-русски, но с заметным акцентом, примерно так, как говорят евреи, живущие в СССР. Я спросил его: «Откуда вы знаете русский язык?». «Да я сам из России, поэтому и знаю русский». «А где вы жили?». «В Ростове-на-Дону». Тут я подумал о том, как он мог жить в Ростове, будучи евреем. Ведь Ростов входил в территорию Донского казачества, евреям жить там было при царе запрещено. Сказав ему об этом, я спросил: «Как это могло случиться? По закону, существовавшему до революции, это запрещалось. Вы ведь еврей?». «Да, я еврей, но мой отец был купцом первой гильдии. По тогдашним законам купцы первой гильдии имели право жить в любом городе России». Это сразу приковало к нему мое внимание, и именно он давал мне разъяснения при поездке по городу.

Помню из всех достопримечательностей Лос-Анджелеса более всего то, как много в нем цветов, как там тепло и сколь высокая влажность. Потом мне разъяснили, почему, запланировав посещение Диснейленда, меня стали уговаривать не ездить туда. Узнав о моем приезде, там организовали какое-то контрвыступление, даже с личными угрозами. И когда мне об этом сообщили, передо мною встал вопрос: настаивать или отказаться? Сначала я настаивал. Хозяева очень настойчиво отговаривали. Объяснили, что будет масса всякого народа, что могут возникнуть беспорядки. Конечно, если бы я сохранил настойчивость, то сопровождавший меня бывший ростовчанин, потерявший в России отцовские капиталы, был бы, вероятно, доволен враждебной демонстрацией. Не допускаю худшего, но и худшее могло случиться. Тогда я, подумав, более не настаивал. Мы познакомились там только с Лос-Анджелесом, причем из машины, кажется, из открытой.

Потом нас пригласили к себе кинопромышленники. Голливуд — это особая республика в государстве, которая «печет» кинокартины любых направлений и всех жанров. В то время там уже почти не делали прогрессивных картин, это был не тот Голливуд, который когда-то выпускал кинокартины Чаплина и других прогрессивных режиссеров. Когда нам показывали залы для киносъемок, как раз в это время шли съемки кинофильма «Канкан». Думаю, что съемки не были приурочены к нашему посещению и шли по плану. Наше посещение пришлось на эпизод, когда очень нарядные и красивые девушки в красочных платьях должны были танцевать канкан. В этом танце встречаются моменты, которые считаются не вполне пристойными и не всеми хорошо восприни-

маются. Затем нас пригласили в само съемочное ателье, туда же позвали этих девушек и других участвующих лиц. Мы вошли всей делегацией, и нам предложили сфотографироваться с киноактерами. Я встал рядом с Ниной Петровной, девушки нас окружили, а фотокорреспонденты взялись за аппараты. Я слышал, как один корреспондент обратился к соседней девушке, но не знал, о чем шла речь. Немного позднее наш переводчик рассказал мне о том обращении фотокорреспондента к актрисе Ширли Маклейн — он заметил ей вполголоса: «Приподнимите платье повыше, еще выше!». И она, по-моему, сделала это. Она стояла рядом со мной, и, видимо, тот тип хотел получить более пикантный снимок. Такая девушка — и рядом с Хрущевым! Я-то остался равнодушным: ну, и что? Это же канкановая артистка.

Когда мы были в Дании, там тоже ставился спектакль под названием «Канкан». Один из эпизодов: девицы танцевали, потом повернулись к публике и, откинув подолы платьев, обнажили нижнюю часть спины. Они были в панталонах, на которых виднелись буквы. Жена премьер-министра Дании, сама являвшаяся актрисой, сказала нам, что там было написано: «С Новым годом!». Для советской публики, конечно, такая сцена была сверхпикантной. Мы не привыкли к такому жанру и считали его непристойным. Почему же я должен фиксировать на этом свое внимание? Правда, сами американские киноактеры, беседовавшие с нами, и другие участники съемок произвели на нас хорошее впечатление. Эти девушки вне съемок ничем особенно не выделялись, вели себя скромно. То есть, просто делали свою работу. Фотографию же мы, кажется, получили. Потом администрация Голливуда дала в нашу честь обед. Присутствовало довольно много людей, цвет тамошних актеров, кинозвезды. Обед прошел в непринужденной обстановке, ничего антисоветского не было проявлено. Хотя отношение у них всех к СССР было, конечно, разным, но держались они вполне дружелюбно. Это была в целом приятная встреча.

В Лос-Анджелесе мы находились в течение одного дня. Вечером состоялся второй обед в честь нашей делегации. Его давал мэр города, республиканец¹². Мне сказали, что этот человек занимает резко антисоветскую позицию, поэтому можно ожидать какого-либо подвоха. Вряд ли открытого, в грубой форме. Но в замаскированном виде он мог в своей речи выступить против нашей страны. Мы очень ревниво относились к любому негативно-му проявлению чувств, стараясь не допускать в наш адрес даже намека на неуважительное отношение.

Продолговатый зал отеля «Амбассадор» человек на 500 был

полностью забит приглашенными. Мне рассказали, как организуются такие приемы. У нас их оплачивает государство или какое-то учреждение, устраивающее прием, у них — частные лица. Входные билеты стоят очень дорого. Соседка по столу была, видимо, как раз человеком богатым и обладала крупным капиталом, иначе не смогла бы попасть туда. Мы с Ниной Петровной и вся делегация были усажены за стол мэра и его супруги. А за столом у меня состоялась беседа как раз с той женщиной. Главным образом, она сама навязывала разговор. Высказывалась она по-доброму и в адрес делегации, и в мой лично. Но это еще не значит, что она с уважением относилась к Советам. Мне показалось, что она хотела посмотреть на гостя, как на экзотического медведя из России, где их по улицам водят. Ее удостоили сидеть с ним рядом, а он почему-то не рычит. Она говорила: «Да вы знаете, сколько было желающих попасть на этот обед? Я тут присутствую одна, а мой муж сидит дома и, конечно, завидует мне. За участие в обеде каждая персона должна была внести крупные деньги. Конечно, мы внесли бы и за две персоны, чтобы присутствовать тут вдвоем, но было так много желающих, что установили особый порядок: только кто-нибудь один, или муж, или жена. Мне повезло, и я считаю себя счастливой. Я попала на прием в вашу честь, а муж сидит дома, скучает и завидует мне».

Помимо Лоджа, нашу делегацию сопровождал посол США в СССР господин Томпсон¹³ с женой. Они тоже там находились. Обстановка была парадной, столы накрыты, зал нарядно убран, горели свечи. У них существует традиция давать обеды при свечах. Царит полумрак, мягкий, приятный свет не раздражает. Все шло хорошо, пока не выступил мэр. Фамилию его не помню. Лет пятидесяти или за пятьдесят, вовсе не тучный, какими у нас обычно на плакатах рисуют буржуев, а вполне нормальных объемов человек. Его речь была небольшой, но в ней торчали шпильки, направленные против Советского Союза. Сейчас не помню, касались ли они и меня лично. По-моему, нет, но в адрес советской системы, в сравнении с государственной системой США, он допустил неприятные выражения, особенно в связи с позицией, которую занимал СССР в мировой политике. Хотя в его выступлении присутствовала замаскированная антисоветская направленность не прямая и не грубая, я ее почувствовал и возмущился. Можно было бы и пройти мимо этого, потому что сделано было не в грубой форме. Думаю даже, что не все присутствующие поняли суть сказанного. Но я понял. Поскольку его речь адресовалась мне, я имел право сделать вид, что я не понял. Но решил демонстратив-

но отреагировать и дать ему публично отпор, чтобы объясниться тут же, а не после обеда, один на один.

Я попросил разрешения на реплику, и он предоставил мне слово. Тогда я в резкой форме, несколько раздраженным тоном, заявил протест такого содержания: «Господин мэр, я являюсь гостем президента и прибыл сюда по его приглашению. К вам я тоже прибыл согласно программе пребывания, утвержденной президентом США. Но я не напрашивался в гости и не позволю третирования, какого-либо унижения или тем более оскорбления советской политики, нашей страны — великого Советского Союза — и нашего народа. Мы, социалистическая страна, прошли трудный путь и достигли больших высот в развитии экономики и культуры. Мы шапку не ломаем и не напрашиваемся в гости. Но если нас пригласили, то не потерпим ничего такого, что могло бы как-то оскорбить либо унижить нашу страну или ее представителей. Если мое пребывание как представителя СССР здесь неуместно, то на аэродроме в Вашингтоне стоит наш самолет. Я всегда могу его вызвать прямо сюда и улететь отсюда в Советский Союз».

Это произвело сильное впечатление. Потом мне рассказывали, что жена посла США госпожа Томпсон прослезилась, а соседям, которые сидели с ней рядом, высказала недовольство мэром за то, что он допустил такое. Она была очень возбудимой женщиной, и ей представилось, что чуть ли не начнется тотчас война, если Хрущев уедет. Сейчас не помню, как реагировал сам мэр. Во всяком случае, не полез в драку. А о своем поведении я тогда не жалел и ныне не жалею. Надо было дать отпор, двинуть в зубы антисоветчику, который занимал достаточно высокий пост. Кончился обед, мы распрощались. Я, конечно, поблагодарил мэра за прием, и мы отправились в гостиницу, где должны были переночевать. Оттуда рано утром был запланирован наш отъезд поездом в Сан-Франциско. Вернувшись в гостиницу, все сопровождающие собрались в моем номере — большой гостиной. Я продолжал негодовать и свое негодование высказывал в очень сильной форме, допускал даже резкие выражения. Демонстрируя свое раздражение, я говорил, что если нас так будут принимать, то я отказываюсь продолжать поездку по США и улечу на Родину.

Все это было выражено мною нарочито в возбужденном состоянии и очень громко. Я отпустил много нелестных слов в адрес мэра: как мог он позволить себе выпад в отношении гостя президента? Жена Громыко, милая женщина, очень взволнованная, начала меня успокаивать и даже побежала за валериановыми каплями, а потом накапала их мне, чтобы я успокоил нервы. Я-то ей

условным знаком показываю, чтобы она сама не волновалась, что я-то как раз держу свои нервы в руках и просто выражаю возмущение для ушей хозяев. Я ведь был убежден, что там поставлены подслушивающие аппараты и что Лодж, расположившийся в той же гостинице, слушает меня в своем номере. Поэтому я хотел, чтобы он понял, что мы такого не потерпим, что это недопустимо. Кончилось тем, что я попросил Громыко как министра иностранных дел пойти сейчас же к представителю президента господину Лоджу и выразить ему неудовольствие, заявив о нашем отказе от завтрашней поездки в Сан-Франциско.

Товарищ Громыко ушел, потом вернулся вместе с Лоджем, который извинился за слова мэра и просто умолял, чтобы я не отказывался от посещения Сан-Франциско. Говорил, что гарантирует неповторяемость ничего такого: «Наоборот, господин Хрущев будет очень доволен обстановкой в Сан-Франциско». Мы позволили уговорить себя. Потом в вагоне поезда он, проявив инициативу, сам заговорил об инциденте. Я благосклонно выслушал его заверения, но предупредил, что если еще что-либо такое встретится, то я прекращаю визит и возвращаюсь в Советский Союз. Теперь — о поезде. Американские вагоны — на мягких рессорах, очень удобны, в них приятно ехать. Вообще вся железная дорога — на высоком уровне. Лодж же никак не мог остановиться и так выражался о вчерашнем инциденте: «Господин Хрущев, я прочитал речь мэра. Только дурак мог составить такую речь. Если бы вы видели, что было написано в первом варианте, который он дал мне для просмотра! Я все ему вычеркнул, говорил, что это недопустимо. Те места, на которые вы отреагировали, я тоже вычеркнул, но он, такой дурак, оставил их. Видимо, он не понимает ситуации, тупица».

Конечно, не знаю, так ли обстояло дело, как говорил Лодж? Может быть, он тоже пропустил эти места, ибо в его понимании они не вызывали чувства протеста, и он считал, что они вполне допустимы? Но, может быть, он действительно указывал мэру, а тот по глупости не посчитался с советом. Для меня происшедшее было закономерным, потому что наш классовый враг занимал естественную для него позицию. Но ведь случилось это не при частной встрече, а при официальном визите. Иначе нечего было бы и возмущаться, а надо было просто разъяснить человеку, что он ошибается. Иной характер приобретала его речь, когда он принимал советскую делегацию. К Лоджу же я относился с доверием. По-моему, он вел себя искренне, да и вообще добросовестно исполнял свои обязанности уполномоченного. Это — умный чело-

век. Проводил он плохую политику, но ведь он чиновник и проводил политику своего правительства. Во Вьетнаме он дважды был послом, участвовал в переговорах по Вьетнаму в Париже. В политике занимал позиции республиканской партии, а в личной беседе проявил себя приятным собеседником, ко мне во всяком случае относился хорошо. Мы часто с ним шутили. Он рассказывал мне о своем участии в войне, я ему — о своем. Шутя сказал ему: «Господин Лодж, вы человек военный и поэтому должны соблюдать субординацию. Вы генерал-майор, а я генерал-лейтенант, имею более высокое воинское звание, и вы должны относиться ко мне соответственно и вести себя, как положено младшему перед старшим». Он захохотал: «Есть, я понял, господин генерал-лейтенант». И другой раз говорил в шутку: «Докладывает генерал-майор...». Одним словом, произвел на меня хорошее впечатление. Мне с ним было приятно проводить время. Во время перелетов и переездов мы о делах говорили мало. Он никаких вопросов не решал, и я понимал его положение, поэтому проводить с ним какие-то диспуты о политическом моменте не было нужды, хотя мы их все-таки не избежали. Политики не могут избежать таких разговоров, даже если и желали бы. Но наши беседы велись в определенных рамках, чтобы не разгорались страсти и не обострялись личные отношения.

Во время поездки в Сан-Франциско, согласно расписанию, поезд остановился на какой-то станции. Народу там собралось много, видимо, из близлежащих поселков. Не знаю, что это за люди. Когда поезд остановился, все глядели на вагоны. Явно искали глазами делегацию Советского Союза. Видимо, о нас заранее было объявлено. Я попросил Лоджа: «Выйдем на перрон». «Что вы, что вы, я не советую». Но я считал, что, раз народ пришел, надо выйти, иначе могут неправильно понять: дескать, игнорируют, проявляют неуважение к тем, кто хотел бы встретиться или хотя бы увидеться; с другой стороны, сочтут, что меня запугали, и поэтому я боюсь... И я направился к выходу, потом спрыгнул на перрон и подошел к решетке, которая отделяла станцию от газона. Народ сгрудился вокруг меня и Лоджа и прижал нас к решетке. Люди напирали друг на друга, всюю отталкивая соседей. Однако остановка была недолгой, послышался сигнал к отправлению поезда. Мы вернулись в вагон, но я выступал из окна, отвечая на вопросы. Голос мой услышать всем было невозможно, и вдруг откуда-то появился переносной усилитель с репродуктором. Лодж держал его передо мной, я выступал. Закончил мимолетную речь благодарностью. Еще когда я уходил в вагон, Лодж на некоторое

время остался, а потом, вернувшись, подал мне медаль с барельефом Ленина, которая и была прикреплена к моему костюму. Я получил ее от Общества борьбы за мирное сосуществование. Тут я спросил: «Где вы ее нашли?». «Мне ее передал какой-то человек и сказал: «Утеряна господином Хрущевым, прошу передать ему». Я был очень обрадован этим, и во мне пробудилось уважение к неведомому человеку. Ведь другие могли бы сохранить находку как сувенир или польститься на ценность, потому что эта медаль из золота. Для корыстных людей она хоть и небольшой, но все же соблазн.

В Сан-Франциско нашу делегацию встречали губернатор штата и мэр Кристофер¹⁴. Мэр проявил большую любезность и оставил очень хорошее о себе впечатление. На шумной встрече народу было много. Нам поднесли роскошные цветы. Мэр представил мне свою жену, она тотчас подошла к Нине Петровне и Лидии Дмитриевне Громыко, а потом не оставляла их, мэр же занялся мною. В толпе на вокзале и по пути следования в гостиницу я никаких проявлений враждебности не заметил, хотя и был подготовлен к тому, ибо тогда у нас были очень плохие отношения с Соединенными Штатами. Впрочем, даже в стране, с которой налицо добрые отношения, нельзя рассчитывать на абсолютное понимание необходимости крепить дружбу. Поэтому при встрече с главой правительства, к которому питаешь неуважение, не нужен особенно большой талант для выражения своего негодования в той или иной форме. Но ничего такого не попало тогда в поле моего зрения: ни выкриков, ни жестикуляции, хотя американцы умеют это делать, если хотят проявить свою враждебность. Потом Лодж мне говорил: «Вот видите, я обещал вам, что тут будет совсем другой климат, другая атмосфера». И я поблагодарил его. Видимо, он как-то предупредил мэра города и надеялся на него.

В беседе со мною этот мэр тоже говорил: «О-о, господин Хрущев, здесь Сан-Франциско. Я, готовясь к выборам на второй срок, с уважением отношусь к вашему государству и лично к вам. Мы очень рады принять всех вас и проявить гостеприимство. По национальности я грек, моя жена тоже гречанка». Тогда я пошутил: «Значит, мы с вами братья. Когда Русь принимала христианство, то избрала греческое вероисповедание. Я человек не религиозный. Не знаю, как вы, но думаю, что вы меня понимаете и не обидитесь, если я откровенно скажу, что я атеист. Однако история Руси такова, что ее народ близок с греками, всегда относился к ним с сочувствием, был готов оказать помощь в их борьбе

против турок за освобождение Греции». Мэр, улыбаясь, кивал головой.

Были устроены прием и обед. Люди, которые там присутствовали, весьма обеспеченные, не рабочие, платили за свое присутствие большие деньги. Расходы тоже были солидными, потому что угощали там, как понимаете, не кислыми щами, а иным ассортиментом блюд. Обслуживание стоило немалых денег. Думаю, что этот обед привлек внимание публики больше из любопытства, чем для демонстрации дружеского расположения к нам. Рядом со мной опять сидела женщина, которая очень любезно ко мне относилась, но ее в принципе скорее интересовал факт присутствия на мероприятии. В США печать по-разному склоняла мою фамилию, а ей, вот, посчастливилось сидеть рядом.

И тогда я вспомнил себя подростком, рабочим завода, неподалеку от которого 14 сентября всегда проводилась ярмарка. Люди всех возрастов шли туда. Там продавались разные товары, главным образом сельскохозяйственные или для бытовых нужд. Цыгане приводили лошадей. Приезжал цирк с передвижными зверинцами. Бывало, шли посмотреть за 50 копеек на слона. Среди заводских гуляла шутка: «Ну, что, заплатил полтинник?». «Как же, заплатил, да еще слона за хвост подергал». Теперь я сказал бы, что налицо некоторая аналогия: какие-то люди хотели посмотреть вместо слона на русского медведя. Каков он по внешнему виду, умеет ли держать в руках нож и вилку, сидеть за столом в обществе, как ведет себя, чавкает ли, и пр. Другие хотели послушать, что скажет Хрущев по вопросу мира и войны. Этот вопрос занимал всех, но оценивался с разных позиций. Все классы к нему небезучастны. Американцы в своем большинстве боялись войны и считали, что войной им может угрожать только Советский Союз.

Мэра города Сан-Франциско я потом пригласил приехать в Советский Союз: «Приезжайте, вам будет оказано соответствующее внимание». Он приехал с женой по приглашению от Моссовета, а не туристом. Я принимал его, беседовал с ним, и мне было приятно, что он вновь держался хорошо. А тогда, в Сан-Франциско, он готовился к переизбранию, выставив свою кандидатуру на второй срок. Прием, оказанный мэром делегации Советского Союза, склонял весы в избирательной кампании в его пользу. Если мэр Лос-Анджелеса, напротив, завоевывал лишние голоса на антисоветских высказываниях, то здесь подчеркнутое уважение при приеме советской делегации, как раз наоборот, обещало дополнительные голоса избирателей. А в Москву этот грек приехал уже после переизбрания, и я его поздравил с успехом. В Сан-Фран-

циско он специально угощал нас молочными продуктами отличного качества и сказал: «Это с моей фермы, которая занимается переработкой молока и продает молочные продукты». Все продукты и по упаковке, и по вкусовым качествам были на высоком уровне. Я похвалил их публично, и это тоже оказалось на пользу мэру, но уже как владельцу фермы: такая реклама обещала ему увеличение сбыта и прибылей.

Мэр предложил мне также посмотреть на строительство индивидуальных коттеджей. Я с удовольствием принял это предложение, и мы поехали на окраину города. Коттеджи возводились деревянные, из сборных щитов и сразу целой улицей или даже поселком. На фабрике изготовлялись конструкции, их привозили на стройку, где уже был подготовлен фундамент и закончены канализационные работы, оставалась лишь нивелировка, даже все дорожки и подъезды были сделаны. Потом ставили эти щиты, очень быстро скрепляли, и дома приобретали конечный вид. Окрашены они были нарядно и выглядели красиво. В домах разное количество комнат, в зависимости от возможностей заказчика. Но когда я осмотрел щиты вблизи, то был разочарован. «Из чего сделан заполнитель: стружки, опилки?». «Вроде того, — отвечают, — тут дешевое строительство». И мне назвали низкую цену домиков, по американским стандартам даже малую. Эти дома были похожи на финские, которые у нас приобрели известность после войны. Мы их много закупали тогда в Финляндии, рассматривая их как временное жилье. У нас от людей, живших в них, шли сплошные жалобы, что их заедают блохи. Опилки — благоприятная среда для размножения насекомых.

Все, конечно, зависит от культуры содержания домов. В таких же жили финны, но блохи им не мешали. Нам же нужно было побыстрее получить жилье, хотя бы и с блохами. Затем я опять спросил: «Сколько лет простоит этот домик? Лет 20?». «У нас покупатели так и предупреждаются; строится на 20 лет». «А что дальше?». «Ну зачем строить дом, который простоит 100 лет? Через 20 лет мы сделаем человеку по его заказу совершенно новый». Это правильно с точки зрения коммерческой, интересов фирмы. Но я знаю психологию нашего крестьянина. Она сложилась в результате бытовых и материальных возможностей. Строить на 20 лет — чистое разорение для крестьянина. Хорошо знаю Курскую губернию, откуда я родом. Пожары были частыми гостями в нашей деревне. Лес помещичий, дерево надо покупать. И когда крестьянин строил дом, он обязательно делал сруб и для него покупал осину, потому что дуб купить не мог из-за дороговизны. Сосна в

наших лесах не росла, а осина была дешевая. Покупали только на нижний венец дома дубовые бревна. Если человек состоятельный, он приобретал три-четыре венца, после чего осиновая хата могла простоять 30 лет (годов, как они говорили). Американцам же предлагают: «Пожалуйста, спустя 20 лет сделаем новый». Для нас это чересчур мало.

Сан-Франциско порадовал меня солидарностью рабочих. Там профсоюз докеров возглавлял прогрессивный человек, не коммунист¹⁵, но придерживавшийся левых взглядов и очень хорошо относившийся к Советскому Союзу. Я получил приглашение от докеров выступить на их митинге, с большим удовольствием согласился и в назначенные день и час прибыл на митинг. Народу собралось не так много. Тем не менее у меня остался чрезвычайно приятный след в памяти от встречи с докерами и от того, как меня приняли. Открывая встречу, профсоюзный деятель произнес дружественную речь в отношении нашего народа, политики нашего государства и в мой адрес. Публика реагировала тоже весьма приветливо. Выступали докеры. Они горячо выражали нам свои симпатии. Потом выступил я с небольшой речью. Ее все принимали горячо. Переводчик переводил синхронно, и почти на каждую фразу слушатели реагировали аплодисментами.

Кончился митинг, я сошел с трибуны, ко мне подбежал какой-то молодой парень, снял с меня шляпу и надел мне на голову свою парусиновую кепку (видимо, часть производственной одежды), а я надел ему на голову свою шляпу. Это вызвало смех и одобрение, народ долго аплодировал. То была самая теплая, истинно пролетарская встреча, и я остался благодарен профсоюзному лидеру. Я заранее знал о его симпатиях. Но одно дело — ожидать, и другое — ощутить, когда увидишь такую теплую встречу и братские объятия. Журналисты, а их было там несколько сот человек, все это засняли на киноплёнку и фотографировали. Потом митинг освещался в печати. Они вынуждены были давать правдивую информацию, хотя некоторые журналисты имеют склонность извращать факты. Здесь такого не случилось.

Потом от наших журналистов я узнал, что в Сан-Франциско находится и профсоюзный лидер рабочих автомобильной и тракторной промышленности господин Райтер¹⁶, известный мне по статьям в печати. Какое-то время он занимал левые позиции и входил в одну международную профсоюзную организацию вместе с представителем СССР. Потом Райтер вышел из нее и занял антисоветскую политическую позицию. Когда мне сообщили, что он хочет встретиться со мной и просит назначить время и место,

я, хотя от этой встречи ничего хорошего не ожидал, захотел увидеться с ним, чтобы провести беседу. Тут сказали, что если я соглашусь, то придут еще три профсоюзных босса. Пришел также брат Райтера с кинокамерой и фотоаппаратом. Потом мы узнали, что он захватил и магнитофон. Я ничего не имел против: пожалуйста! Мы условились о месте и часе, и встреча состоялась в той гостинице, где я жил. Я хозяин, значит, и угощение мое: пиво, прохладительные напитки, соки, закуска.

Райтер оказался человеком средних лет, моложе меня. Мне запомнился и сопровождавший его старик, лидер рабочих пивоваренной промышленности. Брат Райтера уселся в стороне, на краю удлинённого стола, где он записывал беседу, главным образом не в блокнот, а на ленту магнитофона, но старался, чтобы мне не было заметно. С нашей стороны присутствовали Громыко, журналист Юрий Жуков¹⁷ и некоторые другие корреспонденты. Они записывали все вопросы и ответы, потому что потом следовало осветить встречу в печати. Жуков — блестящий журналист. Он хорошо разбирался в американских вопросах вообще, в профсоюзном движении США, в частности. Это вообще один из лучших наших журналистов. Я относился к нему с большим уважением и охотно приглашал его на встречи. Не на все, конечно, но часто выбирал именно Жукова.

Темы во время беседы с Райтером затрагивались общие, которые интересовали нас ранее, во время переговоров с государственными деятелями США. Возникали также специфические проблемы мирного сосуществования, единого рабочего фронта и объединения революционных сил, классовой борьбы. С другими профсоюзными деятелями я потом в США больше не встречался. Хотя инициатива встречи исходила от Райтера, беседа оставила во мне плохой след. Взаимопонимание обычно выражается сразу. Тут его не получилось, так как у нас были противоположные точки зрения. Райтер поддерживал все, что делало правительство США: стоял за классовый мир, за мирное сосуществование не между странами, а между классами, что противоречит марксистско-ленинскому учению и вредно для рабочих. Райтер — умный человек, сам тоже из рабочих. Сначала он трудился у Форда, тот послал его в СССР на строительство автомобильного завода в Горьком. Райтер вошел в число инструкторов, которые обучали наших людей налаживать производство автомобилей, и рассказал мне, что года два или три проработал в Горьком, хорошо знал советские условия жизни и быт, помнил город Горький. «У меня остались добрые воспоминания о ваших людях», — сказал

он и начал вспоминать тех, с кем поддерживал контакты. Я избегаю тут слова «дружил», хотя, может быть, в то время он и дружил. Райтер рассказывал и о советских девушках, несколько в игривом тоне, а в целом старался убедить меня, что отлично знает наш народ и его быт, участвовал в молодежных вечеринках и пр.

И все-таки он остался человеком, который отрицал классовую борьбу. В США он организовывал забастовки и вел профсоюзную работу, но только в рамках дозволенного, чтобы не поколебать капиталистические устои, не ослаблять правительственный режим, вел борьбу за пяток долларов, за гривенник. Это экономическая борьба, а не политическая. В политической борьбе он занимал те же позиции, что и обе правительственные партии — республиканцы и демократы. За какую же партию он призывал голосовать? Вероятно, за демократическую, но хрен редьки не слаще. Классовой разницы между демократами и республиканцами в сущности не было. И та, и другая партия стояли на позиции дальнейшего укрепления капитализма и его развития, а также подавления рабочего движения.

Несколько слов скажу о сопровождавших Райтера людях. Один — выше среднего возраста, показавшийся мне разумным человеком, который с пониманием относился к нашей политике¹⁸. Я почувствовал, что он хотел бы каких-то диалогов с профсоюзами СССР. По некоторым обсуждавшимся вопросам он подавал реплики, в которых выражал неплохое отношение к нашей политике, но очень робко, а Райтер с ним не считался. Может быть, тот находился в оппозиции к Райтеру? А может быть, хотел продемонстрировать американскую демократию: «Вот видите, у нас глава профсоюзов имеет одно мнение, а я, член этого же профсоюза, хотя и поддерживаю основную линию, но по отдельным вопросам имею свое мнение». Лидер пивоваренных рабочих был не просто старым, но и, похоже, выжившим из ума. Во время всей беседы я от него не услышал ни одной разумной фразы. Единственное, чем он занимался, — пил пиво, лил его в себя, как в бочку, и поедал абсолютно все, что лежало на столе. Реплики же вставлял просто глупые. Меня это раздражало. Райтер это заметил и сказал: «Ну что же вы так реагируете? Он ведь не политик, а профсоюзный деятель. А знаете ли вы, сколько лет он возглавляет свое профсоюзное движение?». Я прямо ответил: «Не знаю, сколько лет, но всерьез принимать и всерьез отвечать на его несуразные реплики не вижу смысла».

Третий гость тоже был недалеко от пивовара. У меня в памяти не сохранилась его политическая позиция, но по своим репликам

он стоял близко к старику. На меня произвело странное впечатление одно наблюдение. Когда пивовар тянулся к бокалу, я заметил, что у него и на правой, и на левой руке были золотые часы. Зачем нужно носить две пары часов? Украшение? Браслеты? Я не стал спрашивать его, но для себя сделал вывод, что он мещански ограниченный человек, и вести с ним какие-либо разговоры бесполезно. Понял, что тут босс, которого, не знаю уж за что, просто поддерживают и выбирают рабочие его профсоюза. Трудно сказать, как функционирует там машина выборов. Но явно низок политический уровень тех, кого он возглавляет.

Впрочем, Райтер — тоже свидетельство идентичного политического уровня автомобилестроителей. А ведь это весьма квалифицированные рабочие. Почему они избрали Райтера? Там же есть истинно левые силы, есть коммунистическая партия. Увы, хотя в профсоюзном движении США коммунисты пользуются каким-то доверием, но не могут занять достойное положение. Тамашнее профсоюзное движение поддерживает капиталистические устои. Иной раз я читаю в газетах и слышу по радио: вот там-то забастовка. Когда сообщают, почему, то не уточняют, что ведется не политическая борьба, а экономическая. Ленин осуждал в рабочем классе такие течения, которые отрицали политическую борьбу профсоюзов, ограничивая свои действия только экономической борьбой. На таких же позициях стоит сейчас профсоюзное движение в США, и яркий представитель данного течения — Райтер. Потом мне дали справку о его заработной плате. Я был удивлен: он зарабатывает столько же, сколько директора крупнейшей корпораций. Значит, капиталисты умеют ценить людей, которые являются организаторами рабочего класса, поддерживают их и платят им. Эти платежи являются сдерживающим фактором, и такие люди больше прислушиваются к капиталистам, чем к рабочим. Предательская позиция, но, к сожалению, она сильна в американских профсоюзах.

На этом, собственно, наша беседа тогда и закончилась. Она проходила на фоне большой непримиримости во взглядах. Райтер демонстрировал какую-то, я бы сказал, дерзость в отношении советской политики. Я ему не только отвечал тем же, но и, как говорится, «заливал ему сала за воротник», обличая его позицию как измену рабочему классу. Да Райтер и не отрицал этого: он вовсе не борется за социализм, а выступает лишь за улучшение жизни рабочих. Его профсоюз объединяет какой-то их процент, но многие не входят в профсоюз. Кстати, когда я находился в США, состоялась забастовка рабочих металлургической промышленно-

сти, крупнейшая по масштабу. Нам было запланировано посещение Питтсбурга — одного из центров металлургической промышленности. Печать уже сообщила, что я должен посетить этот город. Профсоюзы выступили с предупреждением, чтобы я даже не рассчитывал на встречу с их деятелями, ибо те не желали такой встречи и повели себя недружелюбно, высказывая враждебное отношение к моему пребыванию в США и к посещению Питтсбурга во время забастовки.

Несмотря на это, было решено не менять планов и воспользоваться поездкой в Питтсбург, чтобы хотя бы осмотреть город. Мы прибыли туда на автомашинах.

Местность там холмистая, зеленая, много людей стояло вдоль дороги и гуляло семьями, женщины с детскими колясками расположились на траве. На меня произвела впечатление их одежда: нарядные ситцевые платья хорошей расцветки, приятно выглядевшие. Но меня поразила вольность в одежде. У нас женщины носят платья строгого покроя. А там они ходили в трусах, ситцевых штанишках и весьма легких платьях. Я лично считаю, что это практично, хотя и непривычно для нас. Наши женщины носят даже более дорогие платья, но с более темными расцветками и другого покроя. Бросалась в глаза масса ярко одетых людей на зеленом фоне. Они отдыхали и заодно встречали нас. Ведь люди знали, что мы поедем этой дорогой, вот они и собрались у дороги.

Когда мы проезжали, некоторые из них приветствовали нас, и таких было довольно много. Каких-либо выкриков враждебного характера не слышалось. Проявлялась сдержанность, но все-таки в толпе заметны были люди, которые выражали симпатии к нам. Однако никаких встреч с профсоюзными деятелями или рабочими в Питтсбурге так и не состоялось. Профсоюзы, которые делали нам предупреждения, своего добились. Это тоже говорит о характере их профсоюзного движения и его политической линии. Профсоюзы не хотели запятнать свои профсоюзные одежды контактом с представителями советского государства, демонстрировали свою собачью преданность капитализму и враждебность к социализму. Полагаю, что сейчас проводится такая же линия профсоюзами не только США, а и других капиталистических стран.

Нам было запланировано также посещение крупной фабрики колбасных изделий. Это произошло при интересных обстоятельствах. Рабочие колбасной фабрики тоже бастовали, и их профсоюзные лидеры предупредили, что они нас не примут. Капиталисты здорово их приручили. Неожиданно владелец фабрики при-

гласил нас ознакомиться с ее производством, хотя и не для беседы с рабочими. Мы согласились и приехали*. В рекламе хозяин знал толк. Мы увидели заранее подготовленную аппаратуру для съемок и телевизионной передачи. Дирекция организовала дегустацию изделий. Нам подавали вкусные сосиски с ароматной горчицей, мы угощались ими прямо перед телекамерой. Мистер Лодж тоже уплетал сосиски и улыбался. Он-то понимал публичное значение дегустации. Потом мы осмотрели производство, но оно не представляло лично для меня интереса. Вот если бы рядом был Микоян, который больше разбирался в таком деле... Приглашение меня на эту фабрику носило в какой-то степени подчеркнутый, вызывающий характер. Металлургические заводы, бастуя, потребовали, чтобы я не подходил к ним на пушечный выстрел. Рабочие-колбасники поддерживали их и тоже не пожелали контакта с нами. Хозяин же, видимо, решил подзаработать на этом, пригласил нас и создал себе рекламу. И когда мы уехали, я спросил Лоджа: «То, что сейчас произошло, тоже реклама?». Он заулыбался: «Да, безусловно, хозяин на вас хорошо заработает». Тогда я пошутил (а Лодж понимал шутки): «Вам что-то должно перепасть от этой рекламы как сопровождающему?». Лодж смеялся, не отрицая, и отпустил ответную шутку, что я тоже должен что-то получить от рекламы.

Затем мы осмотрели Питтсбург. Никаких контактов ни с кем больше не имели. Так, в сугубо забастовочной обстановке я увидел рабочий класс и профсоюзы США, их отношение к социалистическому государству, к делу борьбы против капитализма. Если в некоторых других странах сознательные рабочие посвящают классовой борьбе все свои силы, то в США этого нет. Далее, согласно плану, мы должны были посетить машиностроительный завод¹⁹. Мне сообщили, что завод старый, оборудование несовременное. И по размерам, и по объему производства предприятие было средним или даже ниже среднего. А попал я на него так. На обеде у Эйзенхауэра он познакомил меня со своей приятельницей, дамой намного старше средних лет, но выглядевшей свежо, и сказал, что дама приглашает посетить частично принадлежащий ей завод как акционер общества, которое владеет заводом. Я поблагодарил за любезность и принял приглашение.

На предприятии нас встретила администрация. Той дамы я не увидел. Сразу же, как только переступил порог, почувствовал родную стихию. Мы спокойно ходили, осматривая производство и

* Эту фабрику Хрущев посетил в Детройте, в штабе Айова, днем раньше

станочное оборудование, а рабочие не отвлекались. Не так, как бывает у нас: если приедешь на любой наш завод, он фактически останавливается. Хотя работа станков не прерывается, но все будут смотреть на тебя, подходить, разговаривать. В США же производственного ритма строго придерживаются, никто не имеет права отвлекаться, хотя бы и не было поточного производства. Тут тоже его не было, работа велась на индивидуальных станках, изготавливались какие-то отдельные детали, так что рабочие могли бы без особого ущерба отвлечься. Но они берегли трудовое время, были дисциплинированными, да и администрация стояла рядом, так что все придерживались распорядка.

Я подошел к сверлильному станку и сказал управляющему: «Этот станок — мой ровесник. Когда я в ранней юности работал на машиностроительном заводе, у нас стояли такие же станки». Подошли к механической ножовке для отрезания концов металлических заготовок. Я улыбнулся и спросил: «А это какого возраста?». «Да, господин Хрущев, — ответили мне, — наш завод старый, поэтому у нас встречается оборудование от современного до допотопного». Но я заметил: «Тут даже больше, чем допотопное». Устаревших станков стояло много: и долбежные, и строгальные. Даже не знаю, как такой завод мог конкурировать с более налаженным производством и с современным оборудованием. Тут проявляются сноровка и ловкость капиталистов, если производство дает прибыль. В их мире нерациональное не живет. Что не дает прибыль, то обречено на слом.

Когда ходили по цехам, увидели, что проходы между станочным оборудованием пятнистые — в свежих асфальтовых латках. И я заметил администратору: «Очень похоже на наши порядки. Когда приезжает руководство, к его приезду залатывают выбоины». Он улыбнулся: «Да, мы перед вашим приездом, господин Хрущев, сделали ремонт. Приезжает гость, надо залатать».

Шел я мимо одного строгального станка, рабочий подошел ко мне, предложил сигару и дружески похлопал меня по плечу. Другие рабочие тут же подняли головы. Я тоже похлопал его по плечу, снял с руки часы советского производства, хотя и не золотые, но хорошие, и надел ему на руку. Рабочему это было приятно. Потом какой-то американский журналист обратился ко мне: «Господин Хрущев, вы дали свои часы рабочему. Как понимать? Когда мистер Никсон был в Москве и дал на рынке рабочему какую-то сумму денег, то ваша печать осуждала его, рассматривая это как подкуп». Я ответил: «Рассматривайте так, как произошло. Вы же видели, что рабочий проявил любезность, подарил мне сигару. Хотя я не куря-

щий, но принял ее. Человеческий долг велит сделать ответный подарок. У меня ничего другого не было, поэтому я подарил ему свои часы. Так что тут не подкуп, а взаимная любезность. Это ничего общего не имеет с тем, что делал Никсон, и тем более с тем, какие он цели преследовал. Я таких целей не преследовал». Обращаю внимание на то, сколь ревностно журналисты следили за каждым моим шагом и за каждым действием, глядя, не будет ли проявлена с нашей стороны какая-то неосмотрительность, чтобы им потом использовать ее против Советского Союза и против меня как главы делегации. Так они поступали всегда.

Как-то, за пару лет до приезда в США, я допустил неосторожное выражение в отношении Америки, сказав, что мы «закопаем» врагов революции. Вражеская пропаганда подняла мои слова на щит: мол, Хрущев, советские люди хотят закопать народ Соединенных Штатов Америки. Так они использовали в своих целях брошенную мной фразу. На пресс-конференции по приезде в США, когда мне поставили этот вопрос, я разъяснил: мы никого не собираемся закапывать, враждебный буржуазный класс будет закопан самим рабочим классом Соединенных Штатов. Это внутренний вопрос каждой страны. Люди сами решают, по какому пути им идти и какими методами добиваться победы.

Далее, согласно плану, мы должны были посетить заводы «Джон Дир»²⁰, крупнейшей сельскохозяйственной фирмы, известной в СССР, потому что в свое время мы закупали у нее сельскохозяйственные машины. Думаю, что, приглашая нас, фирма преследовала коммерческие цели, хотела показать нам свое производство и заинтересовать в дальнейших покупках. Мы прошли по цехам ее фабрики, но у меня особых впечатлений в памяти не сохранилось. Приглашенные лишь фирмой, мы никаких контактов с профсоюзами не имели. Рабочие во время нашего посещения трудились. Не осталось у меня в памяти и каких-либо проявлений вражды или особых симпатий с их стороны. Рабочие поглядывали на нас из желания увидеть заморских людей. И все. Затем нас повели в контору, где дирекция проинформировала о своем производстве. Их сельскохозяйственные машины хороши. Советским инженерам и рабочим, работникам совхозов и колхозов они нравились.

Настало обеденное время, директор²¹ пригласил нас в общую столовую* и сказал, что сам всегда обедает здесь. Административ-

* Этот эпизод посещения столовой относится ко времени пребывания в Калифорнии, где Н.С. Хрущев посетил завод фирмы IBM, производившей компьютеры. Президент IBM Уотсон-млад.

ция и служащие обедали тут же. Мы, как и все, взяли столовые приборы, подошли к раздаточному окну, нам положили на тарелки кушанья, мы отошли, по выбору, к намеченному столику и съели одно блюдо, потом опять проделали прежнюю процедуру и получили другое блюдо. Порядок был демократичным. Думаю, что дирекция умышленно его продемонстрировала, и, признаюсь, мне он очень понравился. Я потом пропагандировал в своих выступлениях такую же форму обслуживания на наших заводах: нигде ничего лишнего, на столах лежит пластмассовое покрытие. Достаточно протереть его мокрым полотенцем, и на столе не остается никаких следов.

Как меня информировали, директор тоже питался в этой столовой. К сожалению, у нас на многих заводах отдельно столовые для администрации и для рабочих. Содержится огромный штат обслуживающего персонала. Обслуживание от этого не улучшается, а ухудшается, наблюдаются постоянные очереди, рабочие ропщут против такой организации обеденного перерыва. Вот почему я рекомендовал руководителям наших партийных и профсоюзных организаций позаимствовать американскую систему. Такую же картину мы видели и в Индии, тоже на каком-то заводе. Наступило обеденное время, Неру пригласил нас в столовую и сказал: «Господин Хрущев, тут никто нам подавать не будет. Порядок такой, что каждый должен взять приборы и идти к раздаточному окну. Там мы получим свои порции и пообедаем». Поели и вкусно, и сытно. Никаких очередей не возникало.

¹ То есть с ядерной силовой установкой. Он вступил в строй в 1959 году.

² МЕНЬШИКОВ М.А. (1902 — 1976) — один из директоров Всероссийского кооперативного общества АРКОС в 1930 — 1936 гг., затем на ответственной работе в Наркомате внешней торговли СССР до 1943 г., заместитель директора в совете Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций до 1945 г., глава Временной комиссии этой администрации в Польше до 1946 г., заместитель министра (до 1949 г.) и министр (по 1951 г.) внешней торговли СССР, работник аппарата Минвнешторга до 1953 г., посол в Индии по 1957 г., посол в США по 1961 г., министр иностранных дел РСФСР до 1968 г., далее в отставке.

³ Визит в США состоялся 15 — 27 сентября 1959 года.

⁴ ТУ-114, первый в мире турбовинтовой межконтинентальный пассажирский лайнер, начал облетываться в 1957 году.

⁵ Многоместный турбовинтовой самолет ИЛ-18 в 1957 г. уже вступил в строй.

⁶ Президент США В.Вильсон предложил в январе 1919 г. провести на Принцевых островах (в Мраморном море) конференцию всех воюющих в России

сторон по вопросу о восстановлении мира. Но первоначально правительство РСФСР приглашения туда не получило. А затем, поскольку ряд белогвардейских группировок отказался от участия в конференции, она не состоялась.

⁷ Находится среди его очерков и памфлетов «В Америке» (1906 г.).

⁸ Эта пьеса писателя и драматурга В.В. Иванова увидела свет в 1927 году.

⁹ В 1968 году.

¹⁰ НИКСОН Р.М. (род. в 1913 г.) — 37-й президент США в 1969 — 1974 гг. (неполных два срока), являлся вице-президентом в 1953 — 1961 гг.

¹¹ ЛОДЖ-младший Г.К. (1902 — 1985) — сенатор в 1936 — 1944 и 1946 — 1953 гг., один из лидеров республиканской партии США. В 1953 — 1960 гг. являлся постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Позднее был генеральным директором Атлантического института международных отношений в Париже, послом во Вьетнаме (1963 — 1967) и ФРГ (1968 — 1969), специальным посланником в Ватикане (1970 — 1977).

¹² ПОУЛСОН Н.

¹³ ТОМПСОН Л. (1904 — 1972) работал в дипломатических представительствах США на Цейлоне, в Швейцарии, СССР (1940 — 1944), Англии, Италии, Австрии. Послом в СССР был в 1957 — 1962 и 1967 — 1969 гг. Ряд лет занимал ответственные посты в государственном департаменте.

¹⁴ КРИСТОФЕР Дж.

¹⁵ БРИДЖЕС Г.

¹⁶ РАЙТЕР У. — вице-председатель объединенных Американской федерации труда и Конгресса производственных профсоюзов. Его брат (см. ниже) — В. Райтер.

¹⁷ ЖУКОВ Ю.А. (1908 — 1991) с 1946 г. работал в редакции газеты «Правда», с 1962 г. являлся заместителем и в 1982 — 1987 гг. председателем Советского комитета защиты мира. Был членом Центральной ревизионной комиссии КПСС с 1956 г. и кандидатом в члены ЦК КПСС в 1976 — 1989 гг. Лауреат Ленинской премии 1960 года.

¹⁸ По-видимому, председатель национального профсоюза моряков Дж.Каррэн либо представитель профсоюза электриков Дж.Уивер.

¹⁹ Завод кузнечно-прессового оборудования «Мёста».

²⁰ Фирма, имевшая в 1959 г. 14 заводов с 45 тыс. рабочих.

²¹ Главный управляющий предприятием А.Ландан.

ОТ НЬЮ-ЙОРКА ДО АЙОВЫ

Следующие по времени воспоминания — о моем пребывании в Нью-Йорке. Туда мы прибыли из Вашингтона, кажется, поездом. Официально нас встречал глава городского муниципалитета Вагнер. Он, по-моему, принадлежал к демократической партии. Губернатором являлся Рокфеллер, который сменил Гарримана¹. Рок-

феллер принадлежал к республиканской партии. Но это не имело особого значения. Встреча была соответственно выдержана в обычном тоне и стиле: вежливость, цветы и пр. В нашу честь Вагнер дал обед, довольно представительный, со многими участниками². Думаю, что организация обеда была такой же, как в Лос-Анджелесе: каждый покупал себе билет, как в театр, на право находиться за обеденным столом. Не помню ни речи Вагнера, ни своей, потому что они были стандартными. Ничего особенного я там сказать не мог и говорил традиционно: излагал суть нашей политики борьбы за мир, мирное сосуществование, дружбу, нормальное экономическое развитие, торговлю и т. д., хотя почти никаких экономических связей, включая торговлю, у нас в то время, как я уже говорил, с Соединенными Штатами не существовало.

Потом мне сообщили, что в Нью-Йорке по инициативе деловых людей города предполагается организовать в мою честь еще один обед и там обменяться мнениями. Я принял это предложение и прибыл на обед. Не помню, как он назывался, — «Встреча деловых людей с Хрущевым» или «Обед в честь Хрущева». Но помню, что он состоялся в большом зале³. Опять присутствовало много народа, как минимум, несколько сот человек. Все расположились в большом ресторане, столики в зале были расставлены в западном стиле, то есть не был организован общий стол, как принято у нас, за которым гости рассаживаются каждый согласно своему рангу на установленном заранее месте. Нет, там расположение столиков было иным, ресторанного типа. Однако столик, за которым я сидел, как-то выделялся: если рассматривать обеденный зал как место заседания, то наш стол являлся как бы столом президиума.

Начались речи. Не знаю, было ли намечено какое-то ограничение во времени. Все выступали, как хотели, высказывали разные точки зрения по любым вопросам, в том числе о необходимости развивать торговлю с советской страной, но все очень сдержанно, во взвешенных выражениях. Потом должен был выступить я, что я и сделал. В своей речи я хотел, помнится, обрисовать политику СССР в деле мирного сосуществования с упором на выгоду торговли для обеих сторон. Сейчас у меня остались довольно смутные воспоминания о содержании и стиле моего выступления.

Слева от меня за двумя или тремя столиками размещались какие-то молодые люди в обычных для такого случая вечерних костюмах. Они ничем не выделялись. Мне подумалось, что эти люди — отпрыски деловых семей. Они настроены были очень агрессивно по отношению к политике советского государства и, следо-

вательно, против меня как его представителя, держали себя вызывающе, подавали недоброжелательные реплики. Меня это возмутило. Я подумал, что они хотят организовать «кошачий концерт» в виде ресторанной демонстрации против СССР, и я решил отреагировать немедленно: тут же прервал свою речь и обратился к ним. Но не уговаривал их не мешать выступлению, а сам перешел в наступление:

«Думаю, что я понимаю вас правильно. Вы выступаете против советского государства, против социализма. Но я тут не проситель и не пришел к вам с протянутой рукой просить подаяния, а представляю великий Советский Союз, государство рабочего класса, которое достигло определенных успехов. Поэтому мы и предлагаем вам торговлю на условиях взаимных интересов. Предлагаем мир. Думаю, что такие предложения полезны всем странам мира». Сейчас я вольно излагаю содержание моего выступления, говорю по памяти. Оно, конечно, было опубликовано, так что весь разговор стал достоянием читателей. Молодые люди притихли, а другие стали шикать на них и потребовали, чтобы те держали себя прилично. Так я достиг своей цели, резко оборвав их, продемонстрировал силу нашего государства и свою непреклонность. Это произвело должное впечатление. Далее меня слушали очень внимательно, хотя ничего нового, никаких особых предложений я не внес. Они вытекали из проводимой нами политики мирного сосуществования, развития торговых и экономических связей со всеми странами, в том числе с Соединенными Штатами Америки.

Позднее меня известили, что Нельсон Рокфеллер желал бы нанести визит в гостиницу, в которой меня поместили. Я ответил, что охотно встречу с ним. Я был уже знаком с ним по встрече в Женеве. В согласованный час он приехал⁴. Этот живой, подвижный человек одет был элегантно, но без роскоши, именно так, как в то время одевались все деловые американцы. Я говорю об этом потому, что Рокфеллер — не просто капиталист, а крупнейший капиталист. Визит был кратким, без беседы: мы поздоровались и обменялись несколькими фразами насчет того, что уже встречались ранее. Он сказал: «Считал своим долгом нанести вам визит и пожелать всего хорошего». А на прощание он бросил фразу: «Не исключаю или даже надеюсь, что эта наша встреча — не последняя. Возможно, мы с вами будем иметь в дальнейшем деловые свидания». Я ответил, что буду рад встретиться, особенно на деловой почве. Его слова я расценил как намек и на то, что он не теряет надежды занять президентское место. Тогда мы встретились бы в ином ка-

честве, и у нас появились бы другие возможности построения отношений между нашими государствами. Это, конечно, лишь мое толкование его слов, которое вытекало из его реплики.

Мне показали Нью-Йорк. Я проехал по улицам, поднимался на самый высокий небоскреб. Все туристы пользовались им ради обзора города. Не знаю, сколько в нем этажей, но, действительно, здание очень высокое. Когда мы поднялись наверх, там гулял свежий ветер. Владелец, не то управляющий домом, сопровождал нас и показывал окрестности⁵. Это было впечатляющее зрелище. Небоскребы очень верно описаны в книге Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Какое-то их количество имелось тогда и в других городах США. Так, в Сан-Франциско я тоже видел небоскребы, но в Вашингтоне они мне не попались на глаза.

Поступило приглашение от господина Гарримана⁶ навестить его в собственном доме. Мне передали, что, если я соглашусь на встречу, хозяин пригласит к себе друзей — бизнесменов, с которыми можно обменяться мнениями. Мне это предложение очень понравилось, поскольку предстояла именно деловая встреча, хотя и без заранее оговоренной повестки дня, и в назначенное время я прибыл к Гарриману. У нас к нему сложилось особое отношение. Во время второй мировой войны он являлся послом США в Советском Союзе. Мы его рассматривали как доверенное лицо президента Рузвельта, посол проводил политическую линию, которая нам импонировала: он считал необходимым укрепление военного союза против гитлеровской Германии, и все, что было в его силах, использовал для поддержки СССР. Главным образом поддержка заключалась в обеспечении нас материалами, необходимыми для производства оборонной техники, особенно металлами. Нужно отдать США должное: они дали нам очень многое. Я уже говорил ранее в своих воспоминаниях и повторяю здесь, что в деле поддержки Советского Союза решающим тогда был вклад США.

Но каждому мало-мальски мыслящему человеку должно быть ясно, что это не было какой-то любезностью вследствие уважения к нашему строю и нашим политическим взглядам, тем более к коммунизму в принципе. Нет, это делалось сугубо на коммерческой основе: мы вам даем сталь, дюралюминий, бензин, тушенку и прочее, а вы своей кровью платите за это в борьбе с гитлеровской Германией. Но обстоятельства наши были таковы, что не давали нам выбора. Мы стремились выжить, поэтому согласны были и на такие условия, да еще благодарили. Ленин предвидел, что социалистическая страна может использовать противоречия между ка-

питалистическими странами в своих интересах. И вот Сталин сумел убедить США оказать нам помощь. В этом вопросе я абсолютно согласен со Сталиным, который тоже очень высоко ценил помощь со стороны США: неоднократно в беседах лично со мной или в узком кругу членов Политбюро он говорил, что, если бы не Америка, не ее помощь, мы бы не справились с Гитлером, потому что лишились многих заводов, средств и материалов, необходимых для ведения войны.

Роль Гарримана была тогда большой. Он понимал: чем больше мы получим оружия, тем лучше будем воевать, тем больше обескровим гитлеровскую армию, тем легче достанется победа Соединенным Штатам. Заплатив и нашей кровью, они хотели прийти к победе над общим врагом и занять соответствующее положение в мире. Его они и заняли после войны. Я слышал, что Гарриман был у нас до победы революции владельцем разработок марганцевых руд в Грузии⁷. Со слов Сталина знаю, что когда мы заняли финский город Петсамо, возле которого имелись никелевые разработки, принадлежавшие какому-то канадскому обществу, то обнаружили, что их акционером являлся Гарриман⁸. После войны Петсамо вошел в состав Советского Союза под названием Печенга. Как объяснял Сталин, так мы заимели общую границу с Норвегией, а главное, нас привлекал никель. Исторически эта территория осваивалась когда-то и русскими людьми, там жили русские поселенцы⁹. От них остались различные памятники.

Кроме того, данный район имел большое стратегическое значение, обладая незамерзающими портами для гражданского и военно-морского флота. Помню, как Сталин высказывал мнение, что надо хоть и не полностью, но какую-то все же компенсацию дать Гарриману. Не знаю, было ли это сделано. Я уже говорил ранее, что Сталин, даже высказываясь, никакого обмена мнениями в то время уже не терпел. Мог слушать нас, если это не противоречило его пониманию вещей, но не нуждался в каких-либо советах, вел себя как диктатор, единолично решая все вопросы. Я это вспоминаю, чтобы подчеркнуть, каким было отношение Сталина к Гарриману. Считаю его правильным, потому что Гарриман своей политической линией заслуживал этого. Посол ведь играл большую роль, потому что контакты США с СССР шли прежде всего через посла, и многое зависело от того, как он докладывал и как излагал наши пожелания. Гарриман относился с пониманием к интересам Советского Союза, хотя через помощь нам проглядывали обеденные ложки интересов США.

Когда я прибыл в дом Гарримана, то увидел группу бизнесме-

нов, которых он пригласил по своему усмотрению. Их было человек 15 — 20. Большая комната была вся заполнена присутствующими. Собрались люди разного возраста и внешнего вида, типичные капиталисты, но отнюдь не фигуры со свиноподобными физиономиями, как изображали их на наших плакатах времен гражданской войны. Они вовсе не походили на плакатных буржуа. Некоторые были одеты вообще довольно скромно, и их костюмы ничем не свидетельствовали, что владельцы этих одежд являются крупнейшими капиталистами. Гарриман познакомил меня со всеми, каждого представил, рассказал, чем он владеет и какую продукцию производит его фирма. Там собралось немало интересных для нас людей. Потом подали вино. Какие были напитки, сейчас не помню, но шампанское стояло на подносах. Прием был не за столом: в большом зале люди сидели или ходили и беседовали друг с другом. Позднее и у нас ввели такой вид приема. Ведь когда устраивается просто обед, то все сидят за столом, и тут невозможны широкие контакты, потому что раз тебя посадили, то можно перебрасываться фразами с соседями справа, слева или перед собой, а с другими поговорить нельзя. Когда же люди имеют свободное передвижение, то поговорят, с кем хотят.

Признаться, когда Гарриман предложил мне такую встречу с влиятельными лицами, я питал некоторые надежды на возможность установить деловые связи. Однако не сразу все делается. Как говорится, и Москва не сразу строилась. Начинать надо с малого. И когда я стал беседовать с присутствующими, то увидел, что нет никаких надежд на то, чтобы лед тронулся тут же: условия для развития экономических связей еще не созрели. Помню, Гарриман представил мне владельца химических предприятий, человека лет 50 — 60, довольно грузного. Он хорошо говорил по-русски и, кажется, был евреем по национальности. А разговаривал он таким тоном, который не обещал никаких деловых контактов, и задал вопрос: «Ну что нам торговать с вами? Что вы могли бы нам продать?». Это были не только его вопросы. Такую фразу я очень часто слышал, когда был в Америке, при встрече с деловыми людьми. Данный же бизнесмен сказал, что согласен за золото и сейчас продавать нам товары. Впрочем, его слова не соответствовали действительности, потому что имелось вето конгресса на продажу социалистическим странам определенных видов товаров или сырья.

Курили, в зале плавал табачный дым. Многие подходили ко мне и перебрасывались фразами. Велось прощупывание: что это

за человек? С чем он приехал? Главным образом, думаю, что тут был нажим, стремление оказать давление, создав впечатление о безысходности ситуации. Может быть, они хотели выступить единым фронтом с правительством, чтобы мы приняли их условия, продиктованные нам? Условия были не только экономические, но и политические, такие, против которых мы ранее воевали и готовы были биться до последнего. Таким образом, встреча у Гарримана ничего нам не дала. Не скажу, что она меня разочаровала, но если я и питал какие-то надежды, то они не оправдались. После данной встречи деловые люди уже ничем себя не проявили, не оказывали желательного нам нажима на правительство и не создавали общественного мнения в пользу развития экономических связей и торговли с Советским Союзом.

Настало время уходить. Я поблагодарил Гарримана, распрощался с присутствующими и уехал в гостиницу. Какое же на меня произвел впечатление в целом Нью-Йорк? Видимо, не смогу добавить чего-либо большего, чем уже написано нашими писателями и журналистами, которые ездили туда, ходили повсюду, заглядывали во все уголки города во все времена года и все часы суток. Я ведь мало видел Нью-Йорк, как и другие города США. Официальное лицо ограничено в своих действиях и возможностях. Сложилось впечатление, что это очень большой и шумный город. Поражали световая реклама, насыщенность автомобильным движением, сопровождаемым отравленным, испорченным газами воздухом, который душит людей. Как во всяком капиталистическом городе, соседствуют нищета, трущобы и роскошь. Закончилось мое пребывание в Нью-Йорке.

Никаких особых антисоветских проявлений против меня и сопровождавших меня лиц я там не видел и не чувствовал. Пешком в Нью-Йорке не ходил, поэтому и проявить неприязнь к нам враждебным элементам было трудно. А вот в Сан-Франциско я как-то встал рано утром, вышел «в неорганизованном порядке» из гостиницы и направился гулять по улице. Тут же за мной увязалась охрана, приставленная правительством. Она меня сопровождала, но сопровождение было корректным. Я видел, что люди, охранявшие меня, ничем не выделялись в толпе и не были в полицейской форме, хотя имелись и полицейские. В Сан-Франциско я тоже нигде не встречал каких-то выпадов, выходок враждебных нам сил, которые, безусловно, были, есть и будут, пока существуют две социальные системы. Даже в одной системе — и то к руководству возникает разное отношение. Занимая высокое положение в Советском Союзе, я получал немало писем, авторы которых

довольно резко выражались в адрес политики, проводимой правительством нашей страны. Это всегда бывает. Тем более, когда налицо такие контрастные страны и со столь контрастной политикой, как СССР и США, антагонистические страны. Их государственные системы создают антагонизм, а люди поддерживают его и развивают. Поэтому я, так сказать, «был готов». Если не встречал выпадов, то это не значит, что там нет враждебных сил. Иначе был бы слишком упрощенный подход, непонимание классового подхода.

Программой было запланировано и посещение штата Айова. Когда мы прибыли туда, прием оказался хороший, были проявлены должное внимание к нам, вежливость, все церемонии, которые положены при приеме гостей. В Айове было намечено посещение фермы господина Гарста¹⁰. Я очень хотел побывать у него, потому что был с ним знаком. Первый раз я встретился с ним в 1955 или, может быть, 1954 г. в Крыму. Он приезжал в Советский Союз и знакомился с нашими сельскохозяйственными предприятиями. Теперь он пожелал встретиться со мной. Я остался очень доволен нашей встречей. Гарст — интересный человек, прекрасно знающий свое дело. Уже после визита в США я встречался с ним несколько раз в СССР, когда он приезжал и один, и с супругой. Я всегда принимал его, мы беседовали. Собственно говоря, говорил больше он, а я его слушал, поскольку то был очень интересный собеседник, хорошо знающий сельское хозяйство, не лектор и не докладчик, а конкретный деятель. Он сам вел свое высокорентабельное, прибыльное хозяйство и поэтому был интересным собеседником.

Когда мы прибыли в Айову, мой помощник Андрей Степанович Шевченко (ранее агроном), уважаемый, скромный, знающий и любящий свое дело человек, передал мне, что установил доверительные отношения с Гарстом, который высказал пожелание о встрече на ферме. При этом он выразил такое суждение: люди, принимающие Хрущева, да и сопровождающие его — городские, привыкшие вставать поздно; они не знают, что такое восход солнца; а он — фермер, встает рано, с солнышком. Вспомнив наши прежние беседы, он сделал вывод, что я, живя ранее в сельской местности и зная крестьянский труд, тоже смогу поступить по-Гарстовски. И через Шевченко он передал предложение: «Хорошо, если бы господин Хрущев согласился и укатил ко мне на ферму рано утром». А когда я появился в Айове, Гарст предложил мне: «Господин Хрущев, поедемте одни, остальные пусть спят, приедут попозже. Я смогу вам все спокойно показать и расска-

зять». Тут я понял, что он совершенно не представлял себе официальное положение государственного гостя, который не может тайно сбежать из гостиницы в неизвестном направлении. Это было совершенно нереально. Ведь меня сопровождал Лодж и охраняла полиция, которая не имела права выпускать меня из поля зрения. Поэтому согласиться на тайное умыкание вроде того, которое практиковалось в давние времена на Кавказе и в Средней Азии, я не мог. В моем положении гостя президента возникло бы сразу столько шума, когда обнаружится, что гость сбежал!

Через Шевченко я передал Гарсту, что раннее уединение нереально, хотя и было бы для меня очень интересным. Когда его план отпал, назначили день и час выезда на ферму. Там Гарст встретил нас. У него были и другие приглашенные. Там я встретился с господином Стивенсоном¹¹, который сейчас уже умер. Стивенсон выдвигался на пост президента США от демократической партии, но, к сожалению, не собрал нужного большинства голосов. В таких случаях говорят: провалился на выборах. Тем не менее он являлся уважаемым человеком. Я с ним встречался до своего приезда в США, когда тот бывал в Советском Союзе. И во время прежней беседы я сделал вывод, что Стивенсон — реально мыслящий человек, который хочет повернуть политику США в сторону сближения с СССР и взаимопонимания, что он правильно понимает необходимость укрепления дружеских отношений со всеми странами мира, а в первую очередь с такой великой страной, как Советский Союз.

Гарст познакомил меня с гостями, супругой и сыновьями. С его супругой я тоже встречался ранее, когда чета Гарстов приезжала в Сочи, где мы провели много часов в спокойной обстановке, хотя и не на поле, а на веранде государственной дачи у самого берега моря. Та беседа тоже была для меня не только полезной, но и поучительной. Я внимательно слушал его и запоминал сказанное, с тем чтобы перенести его опыт на нашу почву. Этот опыт полностью переносим и полностью повторяем, тут стоит лишь вопрос о материальных средствах и соответствующих знаниях людей, занимающихся сельскохозяйственным производством. Нужная же техника имелаась у нас в полном наборе и достаточном количестве. Вот какое впечатление произвел на меня этот замечательный фермер! Один сын Гарста был агрономом, о другом не могу ничего сказать, но оба они милые люди. Мне понравилось, что агроном Гарст не только способен был давать указания, а и мог сам сесть на трактор, выехать на поле, произ-

вести вспашку земли или уборку. Это вообще большое достоинство всех агрономов и зоотехников, которых готовят в США в сельскохозяйственных колледжах.

Началось знакомство с фермой. Сопровождающих лиц было очень много, включая журналистов. Как говорят у нас: видимо-невидимо. И я вспомнил образное выражение украинского крестьянина, егеря Прокопа. Когда тот хотел подчеркнуть, что уток на болоте видимо-невидимо, то говорил: «Як гною» (что в переводе с украинского означает: «Как навоза»). Не знаю, сколько собралось корреспондентов, но похоже, что огромная армия. Гарст начал знакомить меня со своим хозяйством. Прежде всего мы пошли на ферму, где откармливались бычки.

Поглядели на откормочные сооружения — большие сараи, что для меня оказалось не ново. Подростком в 1908 г. я пас овец у помещика, генерала Шаукаса. Какое-то время работал и у помещика Васильченко, который имел тоже крупное имение, но находившееся не на высоком уровне. А имение Шаукаса было высокопродуктивным хозяйством с высокими урожаями зерновых, сахарной свеклы и других культур. Генерал выращивал прекрасных верховых лошадей чистокровной английской породы, большое количество тонкорунных овец, сбывал шерсть. Постройки там были капитальные: строили прежде крепостные, труд был даровым. Стены — из красного кирпича, выглядели, как крепость. Механизации раздачи кормов и водопоя в кошарах и конюшнях, конечно, еще не имелось, использовали колодцы. Конюхи или пастухи бадьей вычерпывали оттуда воду и разливали в корыта. Но в остальном...

Говорю об этом, поскольку повидал хорошие помещичьи хозяйства и жалел, что все это в революцию было разрушено. А могло бы ведь пригодиться нашим совхозам и колхозам. Когда я приезжал позднее к себе в Калиновку, то обнаружил, что остался только помещичий дом-дворец, остальное же по кирпичикам было разобрано, хозяйство разрушено. Понимаю, конечно, сколько ненависти накопилось у крестьян, сколько пота они там пролили, сколько крови высосали из них помещики, сколько спин высекли кнутами и розгами. Однако взрыв гнева смел не только тех, которые пороли, но и то, что крестьяне сами создали и чем раньше владел их деспот. Богатства, созданные их руками, могли бы служить людям. Но понимания дела не было проявлено, и по всей России все было сметено. Нового такого крестьяне не построили. Зато власть обрел трудовой народ.

Я сделал тут экскурс на несколько десятков лет назад, с тем

чтобы сказать, что хорошие постройки видел еще в дореволюционное время. Теперь же я сравнивал. Раздача кормов у Гарста механизирована. Комбинированные корма составлялись из различных полезных компонентов, сбалансированных по всем элементам. Это необходимо для лучшего питания животных, чтобы при меньшем количестве кормов получить максимально возможный привес. Такой подход усвоен всеми фермерами США в их практике. Если фермер этого не усвоит и будет почесываться, как это делается у нас в деревне еще и сейчас в колхозах и совхозах, то такой фермер разорится и вылетит в трубу. Его съедят соперники, и он не выдержит конкуренции на рынке сбыта. Вот большое экономическое достижение американских фермеров, да и не только американских.

Советское руководство было осведомлено о таком ведении хозяйства, но не внедряло его у нас, да и сейчас, к сожалению, не внедряет. Мы тоже знаем комбикорм. Но что такое наш комбикорм? Негодное, прелое, полугнилое зерно или какие-то остатки, как украинцы говорят, — смиття, то есть зерно вместе с мусором и землей. Такой корм прямо скармливают скоту или перемалывают с другими компонентами. Еда получается малопродуктивной и не может дать должного эффекта. А минеральные добавки и сейчас очень редко кто у нас использует, хотя они апробированы наукой и рекомендованы учеными. В США же все, что выходит из лаборатории или из-под пера ученого, что проверено экспериментом и дало эффект, сейчас же внедряется. Там существуют специальные организации, которые за особую плату дают рекомендации по внедрению хороших новинок на фермах. С фермером заключается договор; колледж или институт посылает к нему специалиста, который дает указания, организует внедрение новинки и наблюдает за ходом дела, пока оно не будет освоено фермером. Затраты фермера с лихвой окупаются в результате использования новинки в хозяйстве.

Помню, как я заметил, что у корыт животными был рассыпан корм, и заметил Гарсту, что это нерационально. В ответ Гарст пробасил: «Да, случаются и неизбежные потери». Он понял, что я пошутил, но все же сказал, что надо подумать об уменьшении потерь. Потом показал мне бычков: в отличном состоянии, прекрасной упитанности, с хорошими привесами. Да иначе и быть не могло. Плохие привесы — плохой хозяин, разорение, крах, продажа имущества с молотка. Гарст был не таков. Он занимал очень хорошие хозяйственные позиции и твердо врос ногами в почву, на которой вел дело. Когда он показал мне силосные башни, то

объяснил, что тут налицо вчерашний день: башни уже не используются. Я удивился, а Гарст пояснил, что изучил различные способы силосования и нашел более легкие и доступные. Сейчас в США делают огороженные цементные площадки или же, используя рельеф местности, вырубая коридоры в земле и закладывают силос. Такое его приготовление дешевле, а заполнение лучше, облегчается и доставка животным. При силосовании в башнях надо высоко транспортировать массу, потом ее извлекать. В траншеях этого нет. Мы сначала повторяли опыт американцев в строительстве силосных башен, а потом тоже от них отказались. То есть копировали. И правильно делали, так как своего опыта у нас не имелось.

Я ходил и восхищался. Понравилась мне подача воды с помощью самых простых средств механизации: поставили насос, положили трубы, и вот вам механическая подача воды. Пошли мы на поля. Кукуруза у Гарста была главной культурой. Не помню, какие культуры он еще сеял. Лучший корм для крупного рогатого скота — кукурузный силос. Там хозяйство держалось на монокультуре, на кукурузе. Так как я был знаком с кукурузой, и в СССР имелись хорошие примеры ее выращивания, то я знал, как ее лучше сеять и обрабатывать, чтобы получать более высокий урожай. Мы в то время пропагандировали у себя квадратно-гнездовой посев кукурузы, тоже выдумку американцев, в свое время практиковавших такой способ.

Теперь у Гарста я увидел широкорядные посевы, такие, какие использовали до революции наши крестьяне. Я спросил о причине, и он ответил, что при таком способе меньше трудовых и денежных затрат. Он прав. Если сеять квадратно-гнездовым методом, то посевы для уничтожения сорняков и окучивания растений обрабатывают в двух направлениях. Я видел посевы кукурузы на Украине, еще когда работал на заводе, расположенном в деревне. Кукуруза была главной культурой для кормления скота. Бывало, едет украинец на базар в Юзовку, захватит мешок кукурузы и обязательно корыто в арбу, потом насыпает початки в корыто, и лошади грызут кукурузу. Тогда крестьяне обрабатывали ее вручную, поэтому получали хорошие урожаи. А если механизировать производство, когда ручного труда не хватает (а его всегда надо экономить), то более эффективно возделывать кукурузу квадратно-гнездовым методом. Да и другие пропашные культуры тоже.

Теперь, когда появились химические средства борьбы с сорняками, американский фермер получил возможность вернуться к

широкорядным посевам, обрабатывая их только в одном направлении, а сорняки около стебля уничтожая гербицидами, то есть химическим ядом. И я сказал Гарсту: «Вот наилучшее размещение кукурузы, чтобы был один стебель, максимум два». Ширина междурядья у нас сложилась в 60 — 70 см, американцы же оставляли 80 см, стебель от стебля отстоял примерно на 25 — 30 сантиметров. Я увидел, что в некоторых местах росло в гнезде не по два или по три стебля, а до шести, происходило взаимное угнетение растений. Того эффекта, который мог быть при одном стебле, максимум двух, тут не получишь. Между стеблями должно быть больше пространства, а корневой системе надо дать возможность лучше забирать питательные вещества из почвы и обеспечить хорошее проветривание и освещенность растений. Тогда возникнут благоприятные условия для роста. Это относится ко всем культурам, но особенно к кукурузе, потому что она высокостебельная. Если ее густо посеять, то солнце не станет согревать почву, кукуруза будет расти, но с плохой отдачей. А если вообще запустить посевы, то и початков не будет. Об этом я рассказывал Гарсту. «Да, вы правильно, придирчиво относитесь к посевам, — сказал он, — надо бы делать прореживание вручную, но это требует много ручного труда».

Когда мы ходили по полю, нас сопровождала огромная армия журналистов, фотографов и кинооператоров. Они бегали и справа, и слева, и навстречу, и вслед, так как им требовалось заснять нас в разных положениях. У меня сохранилась фотография. Там в объектив попал маститый журналист, господин Солсбери¹². Он в разное время по-разному освещал жизнь СССР, но в любом случае правильно понимал необходимость строить наши отношения на доброй основе. Когда мы шли с Гарстом, Солсбери хотел пробежать перед нами и сфотографировать нас, но Гарст так рассердился, что отпечатал свою подметку на заднем месте корреспондента. Это все тоже заснято и потом появилось в печати. На этот счет было много шуток и зубоскальства. Вот какие возникали эпизоды. Надо понять Гарста! Видимо, он исходил из соображения, что ферма — его, земля — его, он тут хозяин, пригласил к себе в гости Хрущева, а ему мешают, и он использовал свои законные права. На какого-то другого корреспондента он тоже рассердился, схватил стебель кукурузы и метнул в него: что вы мешаете мне? Одним словом, был разъярен. У него никогда не было прежде и, наверное, никогда не будет после моего посещения такого количества людей на поле. Тут стряслось нашествие, что для сельского хозяйства очень вредно. Гарст боялся, что если ему вытопчут

посевы хуже, чем им навредит саранча, то хозяйство потерпит убытки. Лишние люди раздражали Гарста, и он медведем ревел против всего, что ему мешало.

Настало время обеда на ферме. Мы с Ниной Петровной осмотрели дом Гарста. Дом был хороший, приятный, обычной архитектуры, никаких лишних украшений: жилой дом богатого, но делового человека, умеющего считать деньги. Я это говорю к тому, что если бы он захотел, то по своим капиталам мог бы себе позволить и роскошь. Но пустые затраты не свойственны Гарсту. Он не жаден, а рационален. На то, что необходимо и дает прибыль хозяйству, не жалеет, а траты, которые не окупаются, считает глупыми. Хорошо, если бы этим капиталистическим принципом руководствовались наши люди, работающие в социалистическом хозяйстве. К сожалению, сейчас, когда я читаю газеты, часто встречаю сносшибательные примеры того, как незначительные хозяева пускают народные средства в трубу.

Раньше я представлял себе Гарста скромным в делах человеком. Здесь же я увидел его в натуре, в действии и вспылал к нему уважением. Это уважение сохраняю и сейчас. Некоторые скажут: «Как же так? Хрущев — коммунист, бывший пролетарий, столько проработал на партийной и государственной работе — и такого мнения о капиталисте, эксплуататоре?». Отвечу: социалистический способ ведения хозяйства более прогрессивен, нет сомнения. Но умение использовать накопленный опыт, бережливость, рациональное расходование средств у капиталистов развиты лучше. Надо научиться переносить на социалистическую почву все полезные знания, накопленные капитализмом. Надо учиться у капиталистов, как призывал нас Ленин. К сожалению, мы, как попугаи, повторяя слова Ленина, очень плохо учимся на деле и еще хуже переносим рациональное в нашу социалистическую действительность. А если бы мы это делали умело, то как бы двинулись вперед! В вопросах оплаты, нормирования труда, обслуживания трудящихся мы, конечно, не можем брать пример с капиталистических предприятий. У нас создаются свои нормы, на основе социалистического законодательства. Тем не менее, многое могли бы позаимствовать и у своих классовых врагов и в переработанном виде перенести их достижения на социалистические предприятия.

Вернусь к Гарсту. Расположение комнат дома тоже было рациональным. Мне очень понравилась планировка дома, отвечающего всем современным требованиям. Он был удобен для жизни, хотя и не имел излишеств. Внешне, если посмотреть на одежду

Гарста, скажешь, что она была добротна, но не кричаща. Ее владелец не гнался за модой. Этот уравновешенный человек, твердо стоящий на земле, вел большое дело. Не знаю, каковы его капиталы, такого вопроса я не задавал, это неприлично, тут секрет предпринимателя. В заимствовании же опыта ведения хозяйства я был сильно заинтересован. Удивительно все-таки: вот капиталист, а мы коммунисты, но он охотно раскрывает свои производственные секреты и делится ими. Когда он бывал в Советском Союзе и в наших хозяйствах видел что-либо неправильное, то ревностно критиковал это, с гневом набрасывался на тех, кто плохо работал. Казалось бы, капиталист — и хочет лучшего для социализма? Видимо, у него классовые чувства стираются в такой момент, когда он загорается гневом: не делай так, как нельзя делать! Тут он из капиталиста превращался просто в хозяина.

Как-то Гарст оказался в колхозе при посеве кукурузы. Ее высевали без одновременного внесения в почву минеральных удобрений. И он набросился на колхозников: «Нельзя без минеральных удобрений!». Конечно, для такого сева нужны особые сеялки. В том хозяйстве таких сеялок не было. Но все равно, удобрения надо было вносить. Председатель колхоза объяснил, что удобрения внесены в почву раньше. Гарст сверкнул глазами из-под нависших бровей и смирил свой гнев. Просто не знаю, что бы он там сделал, если бы имел какие-то права! Как человек, привыкший к порядку, увидев безобразие даже в чужом хозяйстве, он забывал все остальное. Для него было главным не вредить делу. Такую черту характера я сразу подметил у этого человека и за это очень уважал и высоко ценил его.

Когда Гарст с женой показывал нам с Ниной Петровной свой дом, то других гостей туда не пустил. Обед был организован перед домом, в саду расставлены столы, и хозяин угощал только тех, кого считал именно гостями: людей, которые меня сопровождали и входили в состав делегации, а об остальных вообще не думал. Они выходили из положения сами, питаясь в ресторане ближайшего городка. Погода солнечная, в садике было уютно. Когда мы с Гарстом вышли из дома, к нам подошел Стивенсон, в приподнятом настроении, хотевший сфотографироваться с нами. Один встал справа от меня, другой — слева, положили мне руки на плечи и в таком непринужденном виде позировали перед фотоаппаратами и кинооператорами. Гарст хохотал вовсю, а он умел хохотать. Человек он мощный, тучный, но приятной наружности. Может быть, это я его так воспринимал, потому что хорошо к нему относился, и все в нем казалось мне приятным. Может быть, дру-

гой человек воспринимал бы его критически. Я же воспринимал его двойственно: как человека и как капиталиста. Как капиталист он относился к моим классовым врагам. Как к человеку, с которым я познакомился и был его гостем, я относился с большим уважением, ценил его за знания, за бескорыстное желание поделиться опытом и передать свои знания другому, даже социалистическому хозяйству. Таких капиталистов найдешь немного.

Обед же описывать нечего. Американцы умеют хорошо покупать: и принять, и угостить. Из каких блюд состоял обед, не помню, но то был не квас с редькой. Там умеют очень хорошо готовить. Консервированные продукты тоже произвели на меня хорошее впечатление высокими вкусовыми качествами. Хочу еще кое-что надиктовать о своих беседах с Гарстом, о своих контактах с ним и впечатлениях, чтобы было понятно, почему я так расположен к этому человеку. Наше знакомство произошло во время его первого приезда в СССР¹³. Настроен Гарст был тогда высокомерно, кукурузу считал царицей полей, главной культурой для животноводства в виде силоса и в виде зерна. Я и сейчас с ним полностью согласен, а он уже тогда был большим пропагандистом этой культуры. Некоторые люди в СССР меня не понимали прежде и не понимают теперь. Есть и такие, кто осуждал меня в то время и осуждает сейчас. Думаю, что по невежеству. Они не понимают, что нет другой культуры, равной кукурузе, для животноводства. Мне могут возразить, что далеко не всюду. Да, но главное заключается в людях. В одном и том же климатическом районе у одного человека кукуруза не растет, а у другого дает по 500 и 1000 центнеров силосной массы. Если говорить грубо: у умного она с эффектом, а у дурака и овес с ячменем не вырастут.

Гарст активно пропагандировал у нас кукурузу. По-моему, привез даже с собой образцы. Я сказал ему: «Господин Гарст, вы должны понимать, что у нас массовых посевов кукурузы не производится, зоны ее посева ограничены, хотя она должна была распространиться по всему Советскому Союзу, за исключением Севера. Но там, где растут пшеница и ячмень, там и кукурузу можно возделывать на силос при умелом уходе и соответствующем подборе ее сортов. Поэтому я рад вашей пропаганде». И рекомендовал ему поехать в Одессу, в институт имени Лысенко, чтобы посмотреть посевы кукурузы. Там ею занимался академик Ольшанский¹⁴. «Вам расскажут и покажут, как ведется селекционная работа и каких результатов добился этот институт. Там создан лучший для юга сорт на зерно, Одесская-10 (сокращенно Од-10), королева среди других сортов. Когда вы увидите, а вы знаете это дело лучше

меня, то поймете, что и мы не новички. Но нам надо расти и вширь, и вглубь. Исходные научные знания мы уже имеем, умеем также создавать гибридные сорта. Давайте обменяемся сортами, селекционными секретами: мы вам свои, а вы нам — свои».

Он задумался: «Господин Хрущев, если бы я мог решать один, то принял бы ваше предложение. Но я акционер, поэтому все должно решать правление. И я заранее могу сказать вам, что правление не согласится, хотя я пошел бы вам навстречу и не держал бы секретов. Когда ваши люди приедут к нам, то смогут ознакомиться с делом и все посмотреть. Но исходные данные сортов, из которых создается гибрид, мы не сможем дать, это секрет». Я возразил: «Не знаю, получу ли я лучший товар, предлагая обмен, чем наши сорта. Думаю, что наши сорта получше». Потом все обратил в шутку, ибо понимал, что предъявлять гостю претензии ни к чему.

Гарст съездил в Одессу и видел на корню Од-10. Одесситы подарили ему початки. Ольшанский потом рассказывал мне, что когда Гарст посмотрел на посевы разных сортов кукурузы, то сильнейшее впечатление произвела на него именно Од-10. Когда ему подали початок, он его поцеловал и сказал: «Хрущев был прав. Вы можете не покупать семена, сами имеете селекционеров, которые умеют выращивать такие мощные початки». Это была приятная оценка деятельности наших ученых. Я гордился ею и смело смотрел Гарсту в глаза: в выведении сортов кукурузы мы не отстали от Америки, наши сорта не хуже, а некоторые из них и лучше. Но мы отставали в возделывании этой культуры, ее уборке и особенно переработке. Американцы делают из кукурузного зерна невероятные продукты, просто чудеса. А мы примитивно размалываем его или используем неразмолотым. В неразмолотом виде кукурузное зерно не отдает всех своих питательных веществ. Это приводит к перерасходу кормов при выращивании птицы и крупного рогатого скота.

Гарст прочел мне целую лекцию о сельском хозяйстве. Потом сказал: «Господин Хрущев, сейчас американские фермеры ведут сельское хозяйство, исходя из данных, которыми располагает наука стран Запада. В чем это выражается? Раньше считалось, что нельзя заниматься монокультурой, что нужен плодосмен, многопольное ведение хозяйства. При многопольном ведении с травопольной системой в основу положен плодосмен с посевом трав — люцерны и клевера или тимopheевки с подсевом клевера. Наука считает, что такой подход устарел. И я тоже так считаю. Плодосмен вызывался тем, что каждая культура имеет своих вредителей. Если одну и ту же культуру высевать на одной и той же пло-

щади, следовательно, будет увеличиваться количество вредителей. В конце концов эта культура перестанет родить или же ее продуктивность упадет. Сейчас такой проблемы нет, мы имеем гербициды и другие химические вещества, которые дают возможность бороться с вредителями. Я уже сколько лет сею кукурузу по кукурузе и с каждым годом увеличиваю сбор урожая, повышаю урожайность. Раньше мы высевали клевер или люцерну, так как они накапливают азот в своих корнях. Последующая культура могла использовать азот и дать хороший эффект. Сейчас это тоже отпало. Мне выгоднее купить азот, калий, фосфор, другие удобрения в комбинированном состоянии и вносить нужное их количество и в нужном ассортименте под ту или иную культуру. Это стоит дешевле и экономически эффективнее. Я сейчас даже навоз не вывожу на поля. Хотя у меня накапливается большое количество навоза, я его сжигаю». «Но почему?» — поинтересовался я. «Потому что вывозить, разбрасывать и запахивать навоз стоит дороже, чем купить и внести минеральные удобрения. Поэтому возиться с навозом невыгодно. На гектар я должен вывезти тонны навоза, а тут лишь килограммы».

Все его рассуждения сводились к тому, что' дешевле и что' дает больше прибыли. Разве это плохое мерило? Для капитализма тут вопрос жизни и смерти. А разве для нас это не имеет значения? При меньших затратах, меньшем вложении труда, меньших издержках получить больший эффект, повысить урожай и производительность труда! Там прибыль пойдет на обогащение капиталиста, а в социалистических условиях — на удовлетворение запросов трудового народа. Вот главная цель нашей хозяйственной деятельности. Так что мне было приятно учиться у него. Оригинальность этого капиталиста состояла в том, что он не скрывал своих секретов от представителей социалистического государства. И не только не скрывал, но со страстью критиковал нас, когда замечал, что хозяйство ведется нерационально, убыточно. Он в дальнейшем раскрывал нам все свои секреты, просто навязывал их. В один из своих приездов, после ознакомления с каким-то хозяйством, Гарст предложил: «Господин Хрущев, хотите, я научу ваших трактористов работать так, чтобы каждый без использования ручного труда обрабатывал по 100 га кукурузы при соответствующем наборе необходимых агрегатов?». «Я был бы очень рад, если это возможно». «Выберите двух толковых людей и пришлите их ко мне на ферму. Они будут у меня работать вместе с моими сыновьями, а моя жена будет кормить их». Я поблагодарил его и по горячим следам тут же дал согласие. Так мы и поступили.

Я лично знал и высоко ценил Александра Васильевича Гиталова¹⁵, бригадира тракторной бригады в Кировоградской области, энергичного, умного и хорошего организатора. Простой крестьянин, он стал отличным механизатором, в совершенстве изучил трактор и другие сельскохозяйственные машины и извлекал из них максимум экономического эффекта. Поэтому я решил послать в США Гиталова. Он все посмотрит, все впитает, переймет опыт и сможет внедрить его в своем колхозе, что станет примером для всех колхозников Советского Союза. Второго человека я попросил подобрать: пусть сельскохозяйственный отдел ЦК КПУ, посоветовавшись с руководством областей, наметит кандидатуру.

Гарст действительно разместил обоих у себя. Какое-то время они питались у него дома, потом стали пользоваться харчевней неподалеку от фермы Гарста. Это было разумно, и я упрекал себя за то, что сам им не посоветовал этого. Почему жена Гарста должна страдать из-за мужа, который пригласил двух посторонних? Это уж слишком! Явное злоупотребление гостеприимством. Но трактористы сами поправили положение. И правильно сделали. Потом возвратились домой. Гиталова я все время держал в поле зрения, а сейчас держу в «поле слуха», слежу за его работой. По радио иной раз передают его выступления. Читаю также о его успехах в газетах. Теперь я очень много гуляю и слушаю радиопередачи. Частенько передают по радио о трудовых успехах наших людей, я слушаю и радуюсь.

Гиталов на деле доказал, что и в наших условиях есть возможность выращивать кукурузу, обрабатывая одним трактором 100 гектаров. Потом он обрабатывал уже по 120 — 140 гектаров. Вот какую конкретную помощь оказал нам Гарст. Ее надо ценить, потому что он за это не получил ничего, кроме морального удовлетворения. А в моих глазах он еще больше вырос, проявив такое благородство. Найдутся чистоплюи, которые скажут, что Хрущев преувеличивает! Ну, что же, есть у нас хорошие коммунисты, фанатично преданные стране, которые, однако, не в состоянии реально оценить дела представителей капиталистического общества. Напомню о Савве Морозове¹⁶, который через Максима Горького оказывал помощь большевикам. Или такой факт. Съезд РСДРП в Лондоне проходил в помещении¹⁷, для оплаты которого Лениным был получен кредит от английского капиталиста. Это, конечно, были оригиналы, не отражающие обычной сущности капиталистов, то есть исключение. Таким же исключением я считаю и господина Гарста.

В один из своих приездов в СССР он агитировал меня купить

в США предприятия по переработке и сортировке кукурузного зерна. Для нас это было ново. Я уделял много внимания аналогичным вопросам, беседовал с инженерами сельскохозяйственного машиностроения, агрономами, учеными, и никто такой вопрос не поднимал. А в США уже имелись заводы по переработке кукурузы, которая сортировалась по весу зерен, но не по их качеству. Тут уже другой вопрос, относящийся к селекционной работе. Переработать огромное количество зерна и отобрать лучшие фракции, которые дадут должный эффект, — сугубо механическая и нелегкая работа. Селекционеры иной раз для высева грядок буквально пинцетом отбирают вручную лучшие зерна. Можно себе представить, какой это адский труд. На маленькой площади, в порядке научного эксперимента, ученые так делают. Но в хозяйственно-промышленных масштабах? Это совершенно нереально и невозможно. Следовательно, когда мы говорим, что высеем столько-то килограммов зерна на гектар, то не знаем, сколько там непригодных зерен (не по всхожести, а по их размеру и объему).

Чтобы отбирать лучшее зерно на посев, американцы создали механизированные предприятия. Они получают от фермера зерно и хранят. Потом фермерам продается зерно с гарантией: определенных сортов, скорости всхожести и других качеств, которые необходимо знать хорошему хозяину, занимающемуся возделыванием кукурузы. У нас на Украине кукурузу сеют, не сортируя. А что посеешь, то и пожнешь. От плохих родителей нельзя ожидать хорошего племени. Гарст преподавал нам добрый урок. Спасибо ему. Я это говорил тогда и повторяю сейчас. В ту пору я поставил в правительстве вопрос о покупке американских заводов. Мы обсудили дело, выбрали людей и послали в США ознакомиться с их системой. Потом купили несколько заводов и разместили их в тех районах, где больше всего выращиваем кукурузы: на Украине и Северном Кавказе, главным образом, на Ставрополье и Краснодарщине. Потом решили купить какое-то количество семенного материала, чтобы попробовать на нашей почве лучшие американские сорта силосного назначения. Да и помимо этого сколько доброго сделал для нас Гарст! И я считал, что надо ему как-то заплатить за это. Тут заплатить — не коробку конфет купить. Он делец, капиталист, и мы условились приобрести зерно у той фирмы, где он являлся акционером. Его кукурузу мы высеем в наших условиях и в разных зонах, проверим ее и сравним с нашими лучшими сортами. А одновременно дадим заработать той фирме.

Наши инженеры изучили их заводы, улучшили какие-то меха-

низмы и приспособили к нашим условиям. Мы эти заводы не только смонтировали и пустили в ход, но и расширили производство для большой территории, чтобы перерабатывать семенную кукурузу и обеспечивать семенным материалом всю страну. В свой следующий приезд Гарст увидел наши заводы в действии и отметил, что мы умно поступили, купив такие заводы. Эта похвала для меня была понятна: при коммерческой операции всегда благодарят покупающего партнера, дающего возможность заработать. Но он мне сказал с полной откровенностью: «Я увидел ваши заводы, сделанные по образцу американских, и улучшения, которые внесли ваши инженеры. Они рациональны. Считаю, что заводы, изготовленные вами, лучше приспособлены к вашим условиям. Теперь вам нет никакого смысла покупать такие заводы у нас, вы научились сами делать их лучше, чем в США. Кроме того, я осмотрел посевы кукурузы из семян, которые вы купили у нас, и сравнил их с вашими лучшими сортами. Видел также посевы зерном, которое прошло отбор на заводах по переработке кукурузы, и сделал вывод, что покупать далее семена в США я агитировать вас не буду, в этом нет необходимости, так как ваши семена кукурузы не уступают нашим». Вот такая оценка со стороны Гарста. Чего лучшего можно было ожидать? И я его поблагодарил еще раз. Мы по-новому стали смотреть на кукурузу и по-новому оценивать значение переработки зерна и отбора его на заводах. Не на словах, а на деле было показано, какие возможности заложены в кукурузе, если ее правильно высевать, имея для этого необходимые сельскохозяйственные агрегаты. Техника же у нас была в достаточном количестве, и мы могли получить такую высокую производительность, о которой прежде и не мечтали.

Ленинское положение — не бояться учиться у капиталистов и переносить на социалистическую почву то, что достигнуто ими, — постепенно реализуется. Знания накоплены капиталистами с помощью ученых и рабочих. Перенеся их опыт на нашу почву, мы сами можем потом дальше развивать его и добиваться более высокой производительности труда. В соревновании между социализмом и капитализмом основной вопрос в том, какая система обеспечит более высокую производительность труда, следовательно, более высокий жизненный уровень. Ведь при низкой производительности труда нельзя победить общество, которое имеет более высокую производительность труда. А победа будет заключаться в удовлетворении сполна потребностей людей. Гарст внес сюда свою лепту, оказывая таким образом помощь социализму. Но и он извлек прибыль.

Помимо того, он очень агитировал меня на развернутое строительство дорог. И правильно! Он говорил: «Если бы ваши люди увидели, какие дороги с твердым покрытием имеет у нас каждая ферма! Сколько вы тратите впустую средств на такие дороги, как у вас? Это нерационально». И был прав. Я это тоже понимал, но, к сожалению, в то время наши материальные ресурсы еще не были такими, которые позволили бы внедрить предложенное Гарстом. И на том этапе мы занимались главным образом призывами, а упор делали на проявление инициативы колхозами, совхозами и местными организациями. Централизованно же, за государственный счет, мы такую работу в то время провести не могли. Думаю, что у нас дороги тоже станут такими же или даже лучше, чем те, о которых рассказывал Гарст и которые я сам потом увидел в США.

Заканчиваю воспоминания о пребывании на ферме Гарста. Там на протяжении всей нашей поездки была самая непринужденная обстановка. Встреча с нами носила человеческий характер, несмотря на то, что столкнулись люди разных политических взглядов и принадлежащие к разным классам. Каждый при этом стоял на своей позиции. Гарст — тоже человек убежденный, поэтому я никаких политических бесед не вел, ибо знал, с кем имею дело. И он не затрагивал социалистических порядков, потому что тоже хорошо себе представлял, с кем имеет дело. Несмотря на классовую противоположность, мы легко находили общий язык по вопросам, которые нас интересовали. Обстановка была очень хорошей. За обедом Гарст посадил меня рядом со Стивенсоном, дважды кандидатом от демократической партии на выборах в президенты США. К сожалению, Стивенсон ни разу не одержал победы. Там же собрались и соседи, тоже фермеры. Вообще народу было много. Не ощущалось никакой натянутости, никакой условности, как будто люди собрались провести выходной день за общим столом. Пили умеренно. Они умели пить и знали, где и как можно себе это позволить. Все проходило, как говорится, чинно и благородно.

В личных беседах со мной Гарст часто критиковал свое правительство и порядки. Но не капиталистические порядки в целом, а конкретные ограничения, которые вводились правительством в отношении фермеров. Фермеров призывали к сокращению производства зерна, так как США имели большие излишки. Хранение зерна стоило дорого, соответствующего сбыта на иностранных рынках не было. Чтобы не сбить цену на многие продукты внутри страны и на мировом рынке, правительство ограничивало производство. Гарст рассказывал, что получает премии за каждый не-

засеянный гектар, и это его возмущало. Он апеллировал к общечеловеческим чувствам: «В мире столько голодных, а фермеров, которые могли бы производить значительно больше зерна, заставляют сокращать посевы, да еще за каждый незасеянный гектар мы получаем компенсацию. Разве это верная политика?». Это его раздражало, и я с ним был внутренне согласен, но ни разу не входил в обсуждение этого вопроса. Тут налицо две стороны. Одна, о которой он говорил и которую выпячивал, — общечеловеческая цель: как накормить людей. Другая состояла в том, что если бы он сеял столько, сколько мог, то, безусловно, получил бы больше прибыли, чем получал в виде компенсации за незасеянный гектар. Эта сторона дела подсознательно в нем довлела, но он о ней не упоминал. У меня возникла такая мысль, но я молчал, ибо не хотел его обидеть.

Политических же вопросов, повторяю, мы вообще не касались, а вопросы торговли обсуждали. Он искренне возмущался тем, почему США не ведут торговлю с СССР. Считал, что это глупая политика, и не сдерживал себя в выражениях. Голосовал он, кажется, за демократов, хотя все Гарсты придерживались не левых взглядов. Но в деталях различий политики партий демократов и республиканцев трудно разобраться. Существует их общая направленность на укрепление капитализма и против Коммунистической партии США. Это всем известная позиция, она много раз излагалась в печати, поэтому я не хочу заниматься ею в своих воспоминаниях.

И вот что еще заинтересовало меня во время поездки. Согласно программе, мне предложили посетить некоторые сельскохозяйственные колледжи. Сейчас не помню, в каком штате это было, но вдали от городов, среди фермерских хозяйств. Мне там тоже очень понравилось. Я взял это на заметку и хотел в какой-то степени осуществить нечто подобное у нас при создании сельскохозяйственных высших и средних учебных заведений. Что же мне понравилось? Студенты этих колледжей сразу учились и работали, выполняя все сельскохозяйственные обязанности: пахали землю, готовили семена и обрабатывали их, сеяли, убирали урожай, своими руками проделывали весь процесс — от посева до сдачи продукции на склад. В животноводческом секторе тоже все работы производили сами: убирали навоз, чистили и доили коров, перерабатывали молоко. В результате колледжи выпускали из своих стен лучше подготовленных специалистов не только теоретически, но и практически. Теорию, которую вкладывали в их мозги, они тут же применяли на практике. А потом, приходя на

постоянную работу, уже не были новичками, хотя внешне, по своей молодости, могли бы и не внушать доверия. На деле же были хорошими руководителями и советчиками.

Это мне нравилось. Считаю, что это правильный подход к делу. Я был поражен, как фермеры, стоящие на капиталистической почве, обучают и воспитывают своих детей: вовсе не как детей обеспеченных родителей, а как людей, которым придется зарабатывать себе на хлеб. Это вынуждало их заниматься и теорией сельского хозяйства, и практикой, выполнять всю грязную работу по уходу за скотом и обработке полей. Изнеженный человек вряд ли пойдет в такое учебное заведение. Но американцы именно так готовят своих специалистов. У нас же, как правило, высшие сельскохозяйственные учебные заведения расположены в городах. Образ жизни и обучения в них отличен от американского. Грязную работу в хозяйстве выполняют не студенты, а рабочие, для чего содержится огромный штат. На практике студентам лишь показывают, что и как делается. Я часто сталкивался с такими рассуждениями наших колхозников в ответ на предложение прислать к ним выпускников учебного заведения: «Да чему они нас научат? Они же не знают, где перед, где зад у коровы. Они боятся подойти к корове, чтобы она их не забодала». Когда я побывал в США и ознакомился с их методом подготовки сельскохозяйственных, агрономических и зоотехнических кадров, то сразу увидел разницу.

По возвращении я стал настойчиво пропагандировать увиденное. Но это не нравилось ни профессорам, ни студентам, что понятно. Жить в Москве и работать в Тимирязевской сельскохозяйственной академии прекрасно. Тут старая, маститая академия с большим хозяйством и квалифицированными преподавателями, но в городе! Ее студенты не рвутся в колхоз, потому что надо будет уехать в провинцию и жить в глуши. Они стараются нырнуть в Москве в какое-нибудь исследовательское или планирующее учреждение. Существует много лазеек, в которые можно проникнуть, получив образование за государственный счет, а потом работать без отдачи: не на производстве, где создаются ценности для удовлетворения запросов народа, а в сфере обслуживания. Однажды я узнал, что человек, окончивший Тимирязевскую академию, работал полотером. И я ахнул: как же это? Потом мне объяснили: «Вы зря удивляетесь. Если он попадет в колхоз, то будет получать мизерную заработную плату. В большинстве наши колхозы бедные, в них расплачиваются за трудодни палочками: поставят цифру, а потом заплатят копейки или вообще ничего. А

полотер зарабатывает гораздо больше, чем хороший агроном в колхозе или совхозе. К тому же, живя в Москве, пользуется всеми благами большого города».

Это уродство нашей жизни подействовало на меня удручающе. Я не раз в своих выступлениях говорил об этом. Тут просто извращение, наросты на здоровом советском теле. Для себя такое поведение я объяснял еще и тем, как молодой человек, оканчивающий среднюю школу, думает о получении высшего образования и начинает выбирать вуз. Выбор часто происходит не по внутреннему влечению, а он гадает на карточках с надписями, в какой вуз пойти? Слюнявит он палец, перекладывает бумажки. С какой надписью приклеится к пальцу бумажка, туда и идет. Это, конечно, исключение. Но исключение тоже обходится нам дорого. Слишком большие затраты несет государство, да еще терпит издержки во времени: оно прошло, а подготовленный специалист не поступает в сферу сельскохозяйственного производства. Бывает также, что поступающий в индустриальный вуз, где предъявляют большие требования к математике, провалился на экзамене и имеет в резерве сельскохозяйственный вуз. Если там есть вакансия, то он останется и станет учиться. Кому это нужно?

Лучше, если бы сельхозвузы располагались на территории крупнейших совхозов, и чтобы студенты набирались из среды совхозников и колхозников. Они привыкли жить там, знают практику работы в сельском хозяйстве, учились бы с большим рвением и, как американские студенты, выполняли бы все работы. Такие выпускники были бы на вес золота, их расхватывали бы все хозяйства. Молодые, энергичные люди, идейно убежденные, верящие в социалистическую систему и получившие глубокие специальные знания в растениеводстве или в животноводстве! Тогда специалист не всматривался бы, как ему подойти к трактору и наладить его. Знал бы и как ухаживать за скотом, и как повысить продуктивность. Выпускник отвечал бы всем требованиям дела. Такого в городе насильно не удержать, потому что он вырос на земле и не избалован городом, очутился бы на работе в своей стихии.

Когда я говорил об этом в беседах и на митингах, то все кивали, соглашались. Но «Васька слушает, да ест». Преподаватели привыкли к городским условиям. И вдруг их переводят в сельскую местность, где им небо покажется с овчинку. Они не могли отрицать правильности моих рассуждений, однако энтузиазма насчет перемещения не проявляли. Сопоставляю их поведение с тем, что я видел в Молдавии, где создали животноводческий техникум на базе совхоза с трехлетним обучением. Мне рассказывали, что ког-

да его выпускники оканчивали учебу, то за ними отовсюду приезжали из колхозов и совхозов. За них шла драка, так хотели их заполучить. А тут? Увы, не все может сделать человек, даже если наделен большой властью и влиянием. Самый опасный вид сопротивления — поддакивание. Такая тактика усвоена многими в советском обществе, и ею широко пользуются.

Теперь я на пенсии, как говорится, на склоне лет. Возраст позволяет вспомнить, что сделано, перебрать различные события в своей памяти, дать им соответствующую оценку, хотя эта оценка уже никому не нужна. Человек всегда чем-то занимается. Вот старики тоже иной раз занимаются таким самоанализом, хотя он не всегда приносит радость и вызывает даже раздражение, когда начинаешь перелистывать книгу собственной жизни. Таков удел стариков. И все же вновь скажу, что, сравнивая американскую и нашу системы обучения, полагаю, что их система более прогрессивна. Капиталисты умеют рационально подходить к решению вопросов. Там действует неумолимый закон прибыли. У нас же не каждый государственный чиновник обладает идейным пониманием дела и часто проявляет обывательское безразличие, гонится только за удобствами, а от этого страдает социализм. Сколько раз мне кололи глаза: «Вот, столько лет Советской власти прошло, а вы не можете досыта хлебом людей накормить, и с мясом перебои. А в капиталистических странах — избытки». Эта тема актуальна и сейчас. Когда я встречаюсь с людьми, то выслушиваю все, что им нравится и не нравится. Да, у нас такая проблема не решена, хотя мы стали всей страной значительно богаче. Но отдача еще невысокая.

¹ ГАРРИМАН У.А. (1891 — 1986) — американский политический деятель, посол в СССР в 1943 — 1946 гг., министр торговли до 1948 г., с 1950 по 1969 г. занимал различные административные и дипломатические посты.

² Мэр Р.Вагнер давал этот обед (точнее — поздний завтрак) в гостинице «Коммодор», поскольку в официальном дворце приемов «Уолдорф-Астория» проходил съезд Национальной ассоциации стоматологов.

³ Это происходило 17 сентября в бальном зале «Уолдорф-Астории».

⁴ Нельсон Олдрич Рокфеллер, внук Дж.Д.Рокфеллера-старшего, основавшего нефтяную компанию «Стандард Ойл», и сын Джона Д.Рокфеллера-II-младшего, видный политик, был в те месяцы губернатором штата Нью-Йорк, а его братья специализировались в иных сферах: Джон Д.Рокфеллер-III контролировал благотворительные организации, Уинтроп занимался сельскохозяйственным бизнесом, Лоуренс — промышленным бизнесом, Дэвид — банковскими делами, а вместе они ведали семейным капиталом в рамках компа-

нии «Рокфеллер бразерс инкорпорэйтед». Беседа проходила на 35-м этаже здания, в котором остановился Хрущев, в его резиденции.

⁵ На небоскребе «Эмпайр стейт билдинг» их встретил глава корпорации, владеющей этим домом, полковник Г.Краун.

⁶ ГАРРИМАН У.А. был в 1933 — 1940 гг. советником президента Ф.Д.Рузвельта, далее — специальным его представителем в Англии и СССР в ранге посла, руководил органами по ленд-лизу в Лондоне, после 1946г. являлся послом в Англии, министром торговли, представителем по осуществлению в Европе «плана Маршалла», специальным помощником президента Г.Трумэна, представителем в НАТО, директором правительственной Программы безопасности, губернатором штата Нью-Йорк, помощником государственного секретаря, послом по особым поручениям, заместителем госсекретаря, личным представителем президента Л.Джонсона. После своей отставки ведал с 1969 г. внешней политикой в Национальном комитете демократической партии. В дни визита Хрущева занимался бизнесом.

⁷ Эти руды в Чиауре разрабатывались с 1869 г. исключительно на экспорт, там добывалось 77 проц. российского марганца. Рудники контролировал банкирский дом Гарриманов, в 1925 г. получивший от советского правительства концессию на дальнейшую добычу марганца.

⁸ Возле озера Куэнтс-Ярви. Рудники были оценены в 20 млн. долларов США, и СССР выплачивал их Канаде равными долями ежеквартально в течение ряда лет. Акционером данного общества был не только Гарриман, но и Дж.Ф.Даллес, а также ряд других американских деятелей. Сталин специально дал указание министру финансов СССР А.Г.Звереву о выплате компенсации Гарриману, но не Даллесу.

⁹ В устье р.Петсамо-йоки, впадающей во фьорд Петсамо-вуоно (Печенггуба), в 1533 г. возник русский монастырь.

¹⁰ Р.ГАРСТ являлся одним из владельцев акционерной компании «Гарст и Томас», входившей как дочерняя в семеноводческую ферму «Пайонир», которая специализировалась на выращивании семян гибридных сортов кукурузы, породистых свиней и птицы.

¹¹ СТИВЕНСОН Э.Э. (1900 — 1965) — помощник военно-морского министра США в 1941 — 1944 гг., далее — специальный помощник государственного секретаря, член различных внешнеполитических делегаций, губернатор штата Иллинойс, с 1961 г. был постоянным представителем США при ООН и представителем в ее Совете Безопасности. Кандидатом на пост президента от демократической партии он выдвигался в 1952 и 1956 гг.

¹² Корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», автор книг об СССР и второй мировой войне Г.Солсбери.

¹³ То есть, осенью 1955 года.

¹⁴ ОЛЬШАНСКИЙ М.А. (род. в 1908) — агроном-селекционер, академик ВАСХНИЛ, ее президент в 1962 — 1964 гг., трудился в одесском Всесоюзном селекционно-генетическом институте.

¹⁵ ГИТАЛОВ А.В. (род. в 1915 г.) — инициатор комплексной механизации возделывания сельскохозяйственных культур в СССР, дважды Герой Социалистического Труда, член Президиума Верховного Совета СССР в 1974 — 1989 гг.

¹⁶ МОРОЗОВ С.Т. (1862 — 1905) — один из владельцев Никольской мануфактуры во Владимирской губернии, мануфактур-советник, член Мос-

ковского отделения Совета торговли и мануфактур Российской империи, основатель российско-немецкого акционерного общества «С.Т.Морозов, Крель и Оттман», специалист по тканевым красителям, меценат народных школ и Московского Художественного театра. Через А.М.Горького и актрису М.Ф. Андрееву (Юрковскую) субсидировал деньгами ЦК большевистской партии.

¹⁷ V съезд РСДРП, прошедший 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня н.ст.) 1907 г. в помещении церкви Фрэтэрнити на Саутгейт-Род (Лондон).

ВАШИНГТОН И КЭМП-ДЭВИД

Неподалеку от Вашингтона находится какой-то институт не то опытная станция по птицеводству. Мне предложили туда съездить, и я воспользовался приглашением. Там мне показывали кур, гусей, уток и, главным образом, индеек. Индюшачье мясо пользуется особым уважением в США. Там в праздник каждый американец считает обязательным иметь к столу жареную индейку. И я с интересом разглядывал их птицеводческое хозяйство.

А теперь хочу произвести запись беседы с президентом Эйзенхауэром по политическим и другим вопросам, интересовавшим наши страны. Они и сейчас являются злободневными. Начну с беседы в Белом доме. Тогда государственным секретарем был Гертер¹. Даллес уже умер. У меня в памяти сохранился также Ачесон². Оба они ассоциируются для меня со злым гением, охваченным ненавистью к СССР и скованным негибкостью. Так и хочется сказать, политической тупостью. Право, не знаю, допустимо ли такое выражение. Однако у меня осталось именно такое впечатление от Ачесона. О Гертере моя память сохранила меньше. Что касается Даллеса, то его я выделяю особо как идеолога ненависти к социалистическому мироощущению. Он прожил всю свою жизнь в этой ненависти. Однако отказать ему в понимании международной обстановки как раз нельзя. Он точно знал, в какое время живет, и отлично понимал своего противника — социалистические страны, будучи умным врагом, с которым нам нужно было считаться. Он формулировал и способы борьбы с нами. Делал все, что было в его силах: сам боролся и организовывал борьбу против социалистических стран.

Даллес заслуживает двойственного к себе отношения. Я считал его идеологическим противником номер один, которого надо если и не уважать, то все время иметь в виду. В одном я ему не отказывал и не отказываю сейчас: в свое время он вел борьбу с нами на грани войны, но его ум умел определить грань, переходить которую опасно. А войны он не хотел. Не раз возникали ситуации, насыщенные взрывом. Еще шаг, и взрыв произойдет. Этот шаг зависел часто от Даллеса, и взрыва не случалось. Вот за что я его ценил. Уважать не мог, однако, ценил. То был и противник, и партнер крайне интересный, который требовал от тебя большой тренировки мозгов: тут нужно было или сдаваться, или находить аргументы контрборьбы.

Итак, Эйзенхауэр пригласил нас на беседу в Белый дом³. Мы прибыли, кажется, вдвоем: я и Громыко. Состоялся обмен мнениями на предмет наших торгово-экономических отношений. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами долга по ленд-лизу. Я уже говорил об этом и еще раз напому: ленд-лиз — это экономическая помощь, кредит натурой, который мы получали во время войны от США и Англии. Экономическая помощь была очень большая. Сталин неоднократно говорил, что без ленд-лиза мы не смогли бы выиграть войну, и я с ним согласен. СССР не выплатил долг за ленд-лиз: какой-то процент от стоимости поставок. Считаю, что Сталин правильно сделал, отказавшись платить. Он поставил тогда условие: мы выплачиваем сумму, которая причитается, но если получим кредит в три миллиарда долларов. Не помню, на сколько лет. Это даст нам возможность быстрее восстановить промышленность, а потом и выплатить долг за ленд-лиз, и вернуть новый кредит. Кажется, в первые дни после войны США нам его обещали. Говорю со слов Сталина.

Никаких официальных докладов или обсуждений в Политбюро и в Совете Министров на эту тему не было. Совет Министров вообще был тогда только списочный, и в нем вообще ничего проблемного не обсуждали, а только принимали. Так принимались и планы — годовой и пятилетний. Это проходило очень оригинально. Помню, например, доклад-информацию о последнем, пятом, пятилетнем плане при жизни Сталина, который занял, наверное, две-три минуты. Сталин кинул тексты на стол и сказал: «Читали вы или не читали?». Все смотрели на него и молчали. «Предлагаю принять». И план был принят без доклада и без обсуждения. Это похоже на анекдот, который я в детстве слышал от шахтеров: поп выходил из алтаря на амвон и показывал толстую Библию: «Читали эту книгу?». Верующие молчат. «Раз так, то и я читать вам не буду». Что-то в этом роде.

Насчет ленд-лиза наша позиция была известна Соединенным Штатам: мы хотели получить кредит, после чего смогли бы выплатить долг. Американцы домогались, чтобы мы уплатили сразу, без кредита. Они после смерти Сталина заявляли, что, если мы уплатим им по ленд-лизу то, что за нами числится, тогда они смогут начать предварительные разговоры о торговле с нами⁴.

Когда мы прибыли в Белый дом, в кабинете президента уже были расставлены стулья. Не состоялось какое-то официальное заседание, когда две делегации занимают противоположные стороны стола. Нет, пошла обычная беседа. Эйзенхауэр поставил вопрос о выплате нами задолженности, а сообщение о сумме, которая за нами числится, сделал Диллон.⁵

Относился он к нам очень враждебно, просто не терпел нас. Это был типичный ставленник крупного монополистического капитала, который ключи к экономическим связям с СССР держал в своих руках и диктовал свои условия, что́ делать ему был нетрудно, потому что другие члены правительства в то время занимали не менее агрессивную позицию, чем Диллон. Мы выслушали его и сказали: «Господин президент, мы согласны выплачивать задолженность по ленд-лизу при условии, как ранее неоднократно говорилось, если вы дадите нам кредит в размере трех миллиардов долларов (не помню, на какой срок и с какими процентами). Если вы не дадите кредит, то и платить не станем».

Аргументировали мы, и я много раз повторял эти аргументы на пресс-конференциях, тем, что не только выплатили, а даже перевыплатили стоимость ленд-лиза. Приводили и тот довод, что от США по ленд-лизу получали не только мы, но также Англия и другие страны. Однако США с них ничего не взыскивают. Если взять любую страну, воевавшую с Гитлером, то разве может сравниться ее вклад с тем, который внес Советский Союз? Сколько жизней потеряли мы и сколько другие страны? Несравнимо! Не говоря уже о страшных материальных убытках, которые понес Советский Союз в войне. Были разрушены вся Украина, Северный Кавказ, Белоруссия, ряд областей Российской Федерации, понесли ужасные потери Ленинград и прочие места. Это все — колоссальные суммы, если переводить (что достаточно аморально) кровь и лишения на деньги. Какое тут сопоставление с ленд-лизом?

«Господин президент, — сказал я, — прошу правильно понять нас, ведь мы заплатили кровью. Вы нам поставляли материалы. Мы за это выражали свою благодарность и признательность и сейчас повторяем их. Но что может быть дороже человеческой

жизни? Мы заплатили ей во много раз больше того, что отдали все другие участники войны против гитлеровской Германии. Так что мы с вами квиты, мы уже расплатились за долги. А если говорить честно, то и долгов мы не имели, потому что вы нам сами давали: поставляли материалы, оборудование, военные агрегаты, артиллерию, самолеты и т. д., но мы потом воевали всем этим, а не наживали капиталы на ленд-лизе. Наша кровь есть плата за полученные материалы, которые облегчали нам возможность воевать. Если бы мы их не получили, то, видимо, не смогли бы оказать должного сопротивления. Тогда Соединенным Штатам пришлось бы своей кровью платить в войне. А так вы, пролив гораздо меньше крови, отделались поставками дюралюминия, тушенки, самолетов, танков и прочего.

Мы не отрицаем важности вашей помощи и считаем, что она сыграла для нашей обороны и наступления решающую роль после того, как мы временно лишились густонаселенных промышленных районов в результате агрессии. То есть мы делали общее дело. Между тем вы до предела затянули высадку десанта. Вы с англичанами высадили его в то время, когда главная угроза отпала и стало ясно, что СССР и один справится с Гитлером. Я не отрицаю вклада США и Англии в Победу, как поступают сейчас некоторые, ставя тем самым нас в глупое положение. Мы признаем ваши заслуги. Но они не идут ни в какое сравнение с затратами советских человеческих жизней. Вы сами выбирали время для высадки десанта и создания второго фронта в Европе. Второй фронт был организован тогда, когда мы продвинули свои войска далеко за пределы нашей территории, чего не хотели ни США, ни Англия. Черчилль, диктуя условия капиталистической стороны в войне против Германии, хотел нашими руками сломать ей хребет, и мы это сделали при вашей помощи, но помощи-то в основном материалами. Господин президент, мы просили бы вас, чтобы вы правильно нас поняли. А это доступно каждому здравомыслящему человеку, если он не будет ослеплен классовой ненавистью к Советскому Союзу».

Конечно, тут был вопрос не арифметики с подсчетом затрат, а политики. Я уверен, что Эйзенхауэр все понимал, но не мог признать нашу правоту, и Диллон был выпущен в качестве цепного пса. Он не скрывал своей неприязни и сверкал недружелюбием, если не открытой враждебностью, хотя и вынужден был сдерживаться, потому что мы были гостями президента. Правда, это ему не всегда удавалось. Мы чувствовали своих партнеров, и это нас не удивляло. Я тотчас отвечал на их реплики и ставил свои вопро-

сы. В какой-то степени даже радовался. Вот вы беситесь против стран социализма, в первую голову против Советского Союза, а мы вам кукиш показываем: накося, выкуси! И вы ничего не можете теперь сделать, потому что мы тоже сильны. Мы хотим, чтобы они понимали наше новое значение, и они вынуждены были признавать его. Те, кто скрежетал зубами, должны были напрямую не показывать этого. Вот в такой атмосфере проходила наша беседа. Оказалось, что налицо вопрос не о ленд-лизе, а о возможности мирного сосуществования.

Я изложил нашу позицию, те соображения, которые были не новы для ушей президента и правительства США, потому что мы их уже излагали публично в Женеве на встрече лидеров четырех держав. Так что теперь тут было повторение пройденного. Когда я говорил о мирном сосуществовании, то подчеркнул, что в основе должно лежать улучшение отношений между СССР и США. О других странах социализма я специально не упоминал, это имело в виду само собой, поскольку я представлял именно Советский Союз, а с мощью других социалистических стран США и тогда не считались, и сейчас не принимают ее во внимание. Главная для них сила, которая противостоит их политике, это Советский Союз. Диллон, как только услышал о мирном сосуществовании, сверкнул в мою сторону глазами и задал как бы наивный вопрос: «А что такое мирное сосуществование»? Я сдержал свое возмущение и ответил: «Вы, господин Диллон, просите разъяснения насчет мирного сосуществования. Если вы этого еще не поняли, хотя мы сегодня много раз о нем говорили, то это вызывает лишь сожаление. Зам. госсекретаря⁵ не понимает, что такое мирное сосуществование социалистической и капиталистической систем. Время само научит вас правильному пониманию значения этих слов. А я полагаю, что сейчас было бы излишним разъяснять смысл мирного сосуществования».

Вот какой шел диалог. Человек, который принимает прямое участие в политической жизни, конкретно представит себе ту ситуацию. Эйзенхауэр же не играл активной роли в споре, а подавал реплики. Главным оппонентом был Диллон. Гертер тоже вставлял какие-то слова, но основным оппонентом был зам. госсекретаря. Сейчас я не помню последовательности событий: состоялась ли встреча в Белом доме до нашей поездки по стране или после нее. Но, видимо, Эйзенхауэр заранее знал, что беседа может сложиться по-всякому. И когда мы приступили к конкретным вопросам взаимоотношений, то, чтобы не омрачать настроения, обе стороны договорились, что обмен мнениями по этим воп-

росам отложим на завершающую стадию моего пребывания в США. Добавлю лишь, что получение долга от нас США понимали своекорыстно.

К тому времени долг составлял миллиард или даже меньше миллиарда, потому что часть оборудования, полученного по ленд-лизу, мы вернули. Приняли долг они своеобразно: требовали от нас возвращения грузовых кораблей, полученных по ленд-лизу. Эти корабли назывались «Либерти». Во время войны они делались на потоке, быстро, и сыграли свою роль. Часть переданных нам кораблей погибла в ходе боевых действий, а кое-что сохранилось. Мы вернули им эти оставшиеся корабли, а они потом вывели их в открытое море и затопили. Вот он, вчерашний союзник. Вчера вместе проливали кровь против общего врага, а сейчас требуют от нас деньги. Корабли же, в которых мы так нуждались и после войны, они отобрали и выбросили в море. Они считали излишним затрачивать средства на их доставку домой, чтобы там превратить их в лом. Какое значение имел наш долг по ленд-лизу, когда монополисты США столько заработали на этой войне? Европа, Советский Союз и некоторые другие страны стали нищими, а американские монополии увеличили свои капиталы во много раз, зарабатывая их на крови русских солдат, на слезах женщин, стариков и детей СССР и других стран, подвергшихся оккупации гитлеровской армией. Вот что характеризует наш спор с США. Тут был спор не о ленд-лизе и не о нашей задолженности.

У них не повернулся бы язык требовать платы, если бы мы были не социалистической страной. А мы продемонстрировали, что не только выжили и победили самую сильную армию в мире, но и восстановились, а потом ушли вперед. Это их пугало, они искали возможность затормозить наше развитие. Навязать нам войну не могли: правительство США не сумело бы поднять американцев на войну против нас после того вклада, который внес советский народ в Победу над гитлеровской Германией. Поэтому наши недруги стремились притормозить развитие Советского Союза, задушить нас если не военными средствами, то экономически. Шел спор капитализма с социализмом. И опять возник старый вопрос, который ставил еще Ленин: кто кого? Эта дискуссия продолжается и сейчас, и будет длиться, пока социализм не завоеует признания на всей планете. Значит, пока живет капитализм, будет существовать и наша борьба, то затухая, то опять разгораясь, когда задуют сквозняки по земному шару.

В программе пребывания значилось, что на завершающем эта-

пе я и президент США уединимся в Кэмп-Дэвиде для новой беседы. Настал этот день. Президент пригласил меня в Белый дом. Со мной приехал Громыко. Он везде и всюду неотступно сопровождал меня, а с президентом рядом был Гертер. Он прилетел в Кэмп-Дэвид самостоятельно, а мы с президентом разместились вдвоем в его личном вертолете. Эйзенхауэр спросил меня: «Как вы отнесетесь к тому, если в Кэмп-Дэвид мы полетим на вертолете? Дороги забиты машинами, мы потеряем много времени. А на вертолете поднимемся в воздух у Белого дома, тут есть подходящая площадка, и спустя всего несколько минут окажемся на месте. Заодно вы посмотрите с птичьего полета на Вашингтон». Я согласился. Мне хотелось осмотреть сверху город и его окрестности. Получается вроде того, как рассматриваешь макет. Когда едешь на машине, такого удовольствия не испытываешь.

Так мы и сделали. Разместились в вертолете, с нами несколько человек охраны. Поднялись в воздух. Аппарат хороший, конструкции Сикорского⁶, русского самолетчика, оказавшегося в Америке. Для американской авиации он сделал очень многое. Большая часть кабины была застеклена. Стекло — зеркальное, прочное. Мы находились как бы в открытом аппарате с прекрасным обзором. Правда, обзор — только в одну сторону, но и этого было достаточно. Пока мы, сравнительно недолго, летели над Вашингтоном, Эйзенхауэр рассказывал мне о его кварталах. Видимо, он хорошо знал местность, летал не единожды. Когда мы пролетали над зеленым полем, сказал: «Вот здесь, господин Хрущев, я играю в гольф. Очень люблю эту игру. А вы как к ней относитесь?». Я ему: «Понятия не имею об этой игре. У нас ее нет». «О, это очень интересная игра и полезная здоровью людей».

Опускаясь, вертолет приземлился в лесу. Президент мне: «Это уже район Кэмп-Дэвида». Далее мы ехали машинами, добрались до каких-то построек вроде дощатых бараков. У нас такие возводят, когда ведут большие стройки: в первую очередь из досок сооружают для рабочих общежития барачного типа. Лишь недавно отбросили эту традицию. Я поставил вопрос о том, и все меня поддержали, чтобы не плодить бараки, зря тратя рабочую силу и материалы. Ведь по окончании стройки эти «памятники», в которых жили люди и где их пожирали клопы, сжигали. А мы теперь сразу стали строить капитальные четырех- и пятиэтажные дома.

Такой же примерно внешний вид имели строения в Кэмп-Дэвиде. Зато внутренняя отделка оказалась совершенно иной: прекрасной, хотя и без роскоши, помещения оборудованы с американской деловитостью и добротой, хорошо спланированы, создан соответствующий

щий уют, комнаты довольно вместительные. Мне отвели отдельное помещение, Громыко и нашим переводчикам — тоже. Всех отлично разместили и с полными удобствами. Затем Эйзенхауэр предложил нам ознакомиться с окрестностями. Несколько позже, когда в СССР приехал бизнесмен Эрик Джонстон, который был близок к Франклину Рузвельту, я узнал об истории создания этих домов. Менялись американские правительства, а Джонстон оставался приближенным к президентам независимо от того, демократы они или республиканцы. Он выполнял функции негласного дипломата и приезжал несколько раз в Советский Союз. Я лично встречался с ним раза два. Этот человек в американском понимании занимал либеральные позиции, стоял за мирное сосуществование, понимая необходимость того, чего не хотели понимать Диллон и другие. Именно Джонстон рассказал мне историю построек в Кэмп-Дэвиде.

«Во время второй мировой войны как-то зашел я к Рузвельту, — говорил он. — Президент сидел очень изнуренный. Меня это обеспокоило, и я ему сказал: «Господин президент, вы переутомляете себя, надо как-то организовать отдых, чтобы вы себя не изнуряли». Рузвельт ответил: «Что же мне делать? Я не могу покинуть Вашингтон, постоянно может потребоваться какая-то моя консультация, мне нужно будет дать какие-то указания». Тут я ему и посоветовал: «Сделайте так, чтобы оставаться в Вашингтоне, но иметь возможность временно оторваться от дел и подышать свежим воздухом». Тогда-то по распоряжению Рузвельта и были построены эти помещения. Рузвельт тут отдыхал»⁷.

И тогда же Джонстон пересказал мне анекдот, услышанный им от Рузвельта. Фермеру понадобился рабочий, и он опубликовал заявку на рабочего и условия труда. Пришел человек, предложил свои услуги. Фермер решил его испытать, дал ему лопату и велел выкопать траншею. Вскоре рабочий сказал: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел наколоть дров. И вскоре рабочий повторил: «Дело сделал, давай другое». Фермер велел перебрать груды картофеля, отложив мелочь в одну сторону, крупный — в другую. Прошло много времени, фермер считал, что работа уже сделана, но рабочий все не появлялся. Тогда он пошел посмотреть, как идут дела, и увидел, что рабочий лежит без сознания. Фермер окатил его водой, тот встряхнулся и обратился к хозяину: «Не могу я выполнять такую работу. Вы мне давайте такую, чтобы не думать. Когда я дрова колот и траншею копал, тут думать не надо. А чтобы перебирать картошку, надо думать, какой клубень крупный, какой — мелкий. Такая работа довела меня до потери сознания». И Рузвельт сказал: «Вот видите, каждому — свое!».

После Рузвельта все следующие президенты стали пользоваться этой загородной дачей. Совсем недавно я прочитал, что какой-то иностранец был в гостях у Никсона в Кэмп-Дэвиде. Никсону Кэмп-Дэвид — особенно близкое название, потому что оно было дано в честь того внука Эйзенхауэра, который стал зятем Никсона, женившись на одной из его дочерей. Когда мы с Громыко прибыли туда, то сразу увидели, что в этом месте можно без всяких помех встречаться и вести беседы. Эйзенхауэр тотчас высказал мне свои соображения насчет того, как он считал бы удобнее организовать там наше пребывание, и спросил: «Вы любите смотреть кинофильмы?». Я ему: «Конечно, если хорошие». «А какие именно вы любите? — спрашивает, а сам улыбается. Когда он улыбался, его лицо становилось очень приятным. — Я лично люблю ковбойские, хоть и пустые по содержанию, но в них много трюков, участвуют лошади. Как вы относитесь к таким фильмам?». «Когда еще жил Сталин, нам часто демонстрировали трофейные кинофильмы, среди них было много ковбойских. Хотя после просмотров Сталин всегда ругался из-за их тематики, но на следующий день, когда мы приходили в кинозал, опять заказывал ковбойские». Эйзенхауэр обрадовался: «Я тоже питаю страсть к такому жанру. Ладно, будем смотреть и ковбойские, и другие, какие нам предложат. А потом побеседуем. Я пригласил сюда оркестр военно-морского флота. «Что ж, будет очень приятно послушать и заодно посмотреть на молодых людей». «Да, когда мы будем обедать, то станем слушать музыку флотского оркестра».

Прием был достаточно упрощенным. Если на официальных обедах и приемах требовалась какая-то форма одежды, то здесь этого не было, мы ходили в обычных костюмах. Вообще никаких условностей. По утрам мы вставали раньше президента. Может быть, он и поднимался раньше нас, но просто не выходил. Мы же с Андреем Андреевичем встречались, ибо нам нужно было обмениваться мнениями о вопросах, которые затрагивались вчера и которые, возможно, возникнут сегодня, какие проблемы следовало бы поднять и в какой форме. Мы прогуливались по дорожке одни, больше никого там не было. Охрана, видимо, имелась, но хорошо проинструктированная. Она занимала свои места и не мозолила глаза, так что мы ее не видели.

Могут спросить, а зачем Хрущеву с Громыко выходить по утрам? Разве нельзя поговорить в тех комнатах, которые были им отведены? Ха, наши соображения хорошо известны всем государственным деятелям! Мы были убеждены, что там поставлены под-

слушивающие устройства. Поэтому обмениваться мнениями в помещениях — значит информировать тех, кто их поставил. А выдавать свои мысли и соображения, которые у нас имелись по тому или другому поводу, мы не хотели, поэтому считали, что лучше переговорить на открытом воздухе. Да и там мы тоже прикидывали, где могут находиться подслушивающие устройства и где, по нашему мнению, быть их не должно. Американская разведка хорошо вооружена техническими средствами, мы это имели в виду и принимали меры предосторожности.

В какой-то день пребывания в Кэмп-Дэвиде президент предложил: «Как вы отнесетесь к приглашению на мою ферму? Это недалеко отсюда, и туда можно слетать на вертолете». Я ответил: «С удовольствием. Ферма — ваша собственная?». «Да, моя собственная»⁸. И мы полетели. Находились в пути какое-то время и приземлились. Там, по-моему, жила тогда семья его старшего сына. Президент представил мне управляющего: «Это генерал, воевавший вместе со мной, после войны я предложил ему должность управляющего на моей ферме». То был человек средних лет. Больше ничего сказать о нем не могу, знакомство было беглым. Управляющий показывал имение, а хозяин знакомил меня с домом и со своей семьей, а утром поделился мыслью, почему не всю семью взял в Белый дом: «Пребывание президента на его посту — временное, и я не хотел приучать всю семью к удобствам, которыми пользуется президент, чтобы не возникло дискомфорта, когда закончится мой срок президентства и я вернусь в собственное жилье. Тут-то, конечно, роскоши побольше». И я согласился: «Да, это разумно».

Действительно, его дом был хоть и богатый, но без роскоши и небольшой. Правда, его удобства свидетельствовали о приличном заработке богатого человека, но все же не мультимиллионера. Потом мы познакомились с хозяйством фермы. Тут в свои права опять вступил управляющий. Пошли на животноводческий участок, поглядели на скот. Не помню, сколько там было голов, однако, не в масштабе наших колхозов или совхозов, и своей численностью не производил особого впечатления. Скот мясной, очень плотный, на коротких ногах, упитанный. Я потом познакомился с этой породой крупного рогатого скота, не молочного, а именно мясного направления. Согласно данной мне справке, выход говядины был около 60 или 65 %, почти как у свиней. Свинина, кажется, имеет выход 70 %, насколько я помню справочники, которыми пользовался в свое время. Эйзенхауэр, улыбаясь, предложил мне в подарок телку со своей фермы, и я поблагодарил его. Потом он

повел меня на поля. Целиком мы их не обходили: он обвел рукой, указывая, где проходят границы его владений. Главным образом мы смотрели на посевы. Я не знал ранее такой зерновой культуры: низкорослая, похожая на пшеницу, но какая-то другая. Президент рассказал: «Я произвожу посев. Потом колосья не убираю, а только скашиваю уже перед самой зимой. Посев делаю для привлечения птиц. Сюда прилетают куропатки, перепела, еще какие-то птицы. Когда у соседей все поля убраны, мое поле остается необранным, и возникают хорошие условия для охоты. Поле размечено для удобства охотников, оставлены дорожки. Так что я здесь охочусь, не выезжая с фермы».

Такая охота, я бы сказал, больше, чем барская. Если вы хотите ознакомиться со способом охоты наших дореволюционных помещиков и знати, прочтите «Войну и мир» Льва Толстого. Соответствующие главы я читал несколько раз, и всякий раз после чтения у меня поднималась температура: так красочно и рельефно была показана охота, так она зажигала, особенно когда человек имеет к ней страсть. А охотничье хозяйство президента не обеспечивало такой градус азарта: нечто вроде тира, где стреляют по тарелочкам. А тут вместо тарелочек — по дичи, привлеченной урожаем; причем заранее известно, на каком расстоянии от охотника она пролетит и где. Одним словом, налицо все удобства без какой-либо затраты сил и с гарантией удачи.

Я решил отблагодарить президента за подаренную телку. Когда он похвалил березовое дерево, я предложил: «Если не возражаете, мы пришлем для вас посадочный материал. Я попрошу специалистов-лесников: подобрать материал получше, они приедут и произведут по вашим указаниям посадки на ферме. Пусть это будет моей благодарностью вам и в знак памяти о нашей встрече на ферме». Он в свою очередь поблагодарил, и я заметил, что ему было приятно. Так мы потом и сделали, прислали посадочный материал. А пока, попив чаю, улетели в Кэмп-Дэвид и продолжили беседы. Теперь изложу в общей форме их содержание.

В Кэмп-Дэвиде мы вели вольные беседы, гуляли по парку и обменивались мнениями. Нужно сказать, Эйзенхауэр в личной беседе, при личных контактах показал себя очень добродушным человеком и хорошим собеседником. Во время одной из прогулок Эйзенхауэр как-то сказал мне: «Хотел бы спросить вас, господин Хрущев. Вот у меня порой возникают такие трудности. Приходят ко мне военные и говорят: «Нам нужно на такое-то мероприятие столько-то миллиардов долларов». А я смотрю на них и отвечаю: «Нет денег». Мои генералы давят на меня: «Господин

президент, если вы не дадите нам денег и мы не будем иметь этого вооружения, то предупреждаем, что СССР уже занимается этой проблемой или вообще успел сделать подобное (они говорят по-разному), так что наши вооруженные силы уступают советским». Я его спросил: «И что же вы потом отвечаете?». «Даю им, приходится давать». Я сказал ему: «Господин президент, я сталкиваюсь с теми же трудностями. Ко мне как к председателю Совета Министров СССР приходит министр обороны и говорит: надо столько-то миллионов. Я тоже развожу руками: это невозможно, нет таких денег, СССР имеет большие потребности, нужны крупные суммы для развития экономики и средств потребления, дать вам столько не можем». А он мне в ответ: «Если вы не дадите, то предупреждаю, что военное ведомство США уже получило кредиты и производит идентичные работы, возникнут условия, при которых мы резко будем уступать США по вооружению». Что тут можно сделать? Приходится и мне соглашаться».

Обо всем этом мы разговаривали с улыбочками, как и положено при такого рода беседах. Тут Эйзенхауэр предложил: «А давайте договоримся, что ни вы, ни я в будущем не станем давать деньги на такие проекты. Зачем нам сталкиваться лбами?». Я ему: «Это наша мечта. Мы всегда хотели этого и если бы смогли договориться по данному вопросу, то как облегченно вздохнули бы все народы».

Поговорили мы с ним, кино посмотрели, поужинали. А потом не раз возвращались к тому же вопросу, но так и не сдвинулись с места. Я верю, что Эйзенхауэр искренне заявлял, что хотел бы договориться. И я искренне ему отвечал. Но тогда наши позиции были противоположны до такой степени, что не возникли условия для соглашения. Мы-то стояли на классовых, пролетарских позициях социалистического строительства, а США — могучая капиталистическая страна, преследовавшая иные цели и взявшая на себя обязанности мирового жандарма. В конце концов я сказал Эйзенхауэру: «Давайте договоримся на такой основе: главной целью будем считать взаимное разоружение, а главным принципом наших отношений — невмешательство в дела других стран». То были не переговоры, а вольная беседа, но очень важная. Тем не менее, вскоре наши отношения обострились до невероятного накала.

Какие еще вопросы мы обсуждали? Мы продолжили разговор о ленд-лизе, и оба высказались исчерпывающе. Каждая сторона охарактеризовала свою точку зрения, но сближения не произошло. Хотя Диллон, как я уже говорил, высказывался неприязненно, ибо понимал, что, если мы получим кредиты, это укрепит нашу

экономику и будет способствовать ее дальнейшему развитию, что не входило в планы американских монополий. Эйзенхауэр подавал реплики, из которых было ясно, что у них единая позиция правительства США. Но не этот вопрос оставался главным, и в Кэмп-Дэвиде мы к нему непосредственно не возвращались.

Главная проблема — договоренность о разоружении. Я видел, что Эйзенхауэра это серьезно беспокоит, и чувствовал, что он не рисовался, а действительно хотел договориться, чтобы не возникло войны. В первую голову договориться надо двум великим державам. И он высказывался так: «Я военный человек, всю свою жизнь нахожусь на военной службе, участвовал в войне, но очень боюсь ее и хотел бы сделать все, чтобы избежать ее. Прежде всего, нужно договориться с вами, это главное. Если хочешь, чтобы не было войны, договорись с Советским Союзом!». Я ответил: «Господин президент, не было бы для меня большего счастья, чем договоренность с вами; чтобы исключить войну между нашими странами и, следовательно, мировую войну». Но как конкретно договориться? Этот вопрос нас очень занимал. Прочие вопросы оставались производными: как улучшить наши отношения, развивать торговлю, экономические, научные, культурные и прочие связи.

Мы знали их позицию, они знали нашу. И я не видел, чтобы что-то изменилось, произошли какие-то сдвиги. Поэтому и не надеялся, что можно будет договориться по главной проблеме, хотя обе стороны понимали, что надо исключить войну, а конкретнее — запретить термоядерное оружие. Американская сторона отстаивала установление международного контроля. Но в ту пору на международный контроль мы никак не могли согласиться. Я подчеркиваю: «тогда не могли». Поэтому хотели договориться о прекращении испытаний ядерного оружия, что считали возможным и без международного контроля. Ведь любой взрыв сейчас фиксируется техническими средствами. Обеспечить контроль можно, и не устанавливая такой техники на территории другой страны и контролируя с собственной территории или с территории союзников.

Американцы окружили нас военными базами, все просматривали и прослушивали, так что такой контроль они уже давно установили. И все же добивались посылки контролеров, хотя и не обязательно контролеров от США. Но мы не могли принять и международного контроля. Вот теперь, когда я нахожусь на пенсии, я вновь обдумывал этот вопрос и считаю, что теперь такой контроль возможен и без ущерба для нашей обороны, так как оказал-

ся бы взаимным. А тогда мы значительно отставали в процессе накопления ядерного оружия и не имели нужного количества его носителей-ракет. Самолетами же мы не доставали до территории США и поэтому оставались слабее. Конечно, мы могли в пух и прах разнести союзников США в Европе и Азии, где находились их базы, но экономический потенциал самих США находился на недосягаемом расстоянии для нашего оружия. Естественно, контроль на месте оказался бы не в нашу пользу: США получили бы возможность чисто арифметически все подсчитать и определить, что мы слабее. И возникло бы для них наиболее выгодное время покончить с нами путем войны. Завтра им будет уже поздно. Мы это понимали и не соглашались на проведение инспекций на своей территории.

Американцы настаивали также на широком обмене туристами и предлагали обмен научными силами, чтобы их ученые приезжали к нам, работали в наших научных учреждениях, а советские ученые — в научных учреждениях США. Они предлагали и широкий обмен студентами, а также присылку к ним наших управляющих предприятиями на переподготовку. Это как раз довольно полезное дело, нам можно было бы извлечь большой прок из этого, чтобы позаимствовать их опыт управления и организации производства. Далее их предложения были направлены на открытие границ, чтобы расширить обмен людьми, открытие организаций или обществ, в которых продавалась бы американская литература у нас и наша — в США, все на основе взаимности. В принципе, любые их предложения, кроме контроля, нам можно было бы принять, но мы внутренне не были готовы к этому, еще не отделались от наследия сталинских времен, когда в каждом иностранце видели неразоблаченного врага, приезжающего к нам только с целью вербовки советских людей или шпионажа.

Так мы были воспитаны и не освободились еще от сталинского груза. Сталин считал, что это классовая борьба другими средствами, без войны, и она — самая острая. Сталин страдал недоверием к своему народу, недооценивал внутреннюю сопротивляемость советского человека, полагал, что при первой же встрече с иностранцем наш человек капитулирует и будет подкуплен материальными либо другими средствами воздействия. Это удивительно, но, к сожалению, так было. Это психологическая болезнь Сталина. Недаром он говорил нам, что мы не сможем противостоять противнику: «Вот умру, и погибнете, враги передошут вас, как куропаток».

Затем американцы настаивали на том, чтобы обе стороны мог-

ли вести воздушную разведку над всей территорией и СССР, и США. Мы с этим тоже не могли согласиться по причинам, о которых я уже говорил: США в ту пору были сильнее нас по ядерному оружию. У нас имелись ракеты, но пока еще в небольшом количестве. С самолетов мы могли вести разведку только в Западной Европе, среди союзников США, но не могли со своей территории осуществлять полеты над США. У нас не было таких средств. Получались неравные возможности, с чем мы согласиться не могли.

Мы со своей стороны внесли Эйзенхауэру новые конкретные предложения: выделить какие-то пограничные районы в СССР и странах НАТО, где можно будет проводить взаимную разведку, вести наблюдение и с воздуха, и наземную. Мы предложили довольно обширные территории у наших западных границ, в первую очередь на собственной земле и в ГДР, где стояли наши войска, и требовали взаимности от западных стран. Имелись и другие наши инициативы, по которым тоже не сумели договориться. Были сформулированы конкретные предложения, мы заранее послали их президенту США. Сейчас я не помню, какие конкретно вопросы стали камнем преткновения. Мы попытались вернуться к ним, но ничего не получилось, наши позиции в то время никак не согласовывались.

Скажу о мире на Земле: вот вопрос вопросов. Он был и остается. Мы закончили войну разгромом гитлеровской Германии, но мирного договора с нею не заключили, остался статус ее оккупации как нами, так и западными странами. Они потом дали возможность западным немцам создать свое государство — Федеративную Республику. Войска оккупантов остались на обеих территориях, получив иной статус: не оккупационных, а дружественных. Возникли военные блоки: на Западе — НАТО, в социалистических странах — Варшавский договор. Но мирного договора с Германией по-прежнему нет, поэтому войска стояли тогда и стоят сейчас друг против друга.

О Западном Берлине у нас тоже существовали разные толкования. Мы считали, что он, находясь на территории ГДР, должен оставаться отдельным от ФРГ политическим телом. Западные страны твердили, что Западный Берлин относится к ФРГ (тогда ее называли ГФР). Получалось нарушение суверенитета ГДР — явочным порядком предоставляется ФРГ возможность проводить в Западном Берлине правительственные заседания. Фактически он включался тем самым в Западную Германию. Вот горячее, которое всегда может привести к взрыву. И мы предлагали: «Давайте подпишем мирный договор, сделаем Западный Берлин «вольным

городом». Одним словом, вносили различные предложения, но при том условии, что реально должны существовать два германских государства, которые оба получат международное признание, будут приняты в ООН и установят между собой дипломатические отношения.

США не согласились, не соглашаются и сейчас. А мы тоже не соглашаемся с другой стороной. Они хотят, чтобы произошло воссоединение, но не в виде воссоединения, а как поглощение ГДР Западной Германией. Хотят создать единую Германию на капиталистической основе, и чтобы эта Германия, безусловно, стала союзником западных стран. Это для нас совершенно неприемлемая позиция. Мы считаем, что это неправильный подход. Пойти на такое мы могли, только если бы нас вынудили к этому. Мы же, считая себя достаточно сильными, не желали добровольно идти на самоубийство, согласившись с позицией, которую нам навязывал Запад. Поэтому реальной возможности договориться по данному вопросу во время моего пребывания в США не возникло.

СССР был заинтересован в торговле. В США существует решение их конгресса (оно и сейчас не отменено), запрещающее вести торговлю или устанавливать какие-то деловые экономические связи с Советским Союзом. Там перечислено, на какие предметы и продукты налагается запрет. Фактически под запрет попадают все главные товары, кроме тушенки или тому подобного, что они охотно сбывают кому угодно, чтобы выкачивать валюту. Я уже рассказывал, как рассматривался этот вопрос у президента в Белом доме, когда присутствовал Диллон, мой главный оппонент по вопросу торговли. Ничего не получилось и при нашей встрече у господина Гарримана, хотя мы ценили его усилия и считали, что он там реалистичнее остальных. Гарриман — крупный капиталист, хорошо знающий нашу систему и стоящий на позиции мирного сосуществования. Он хотел содействовать развитию торговых контактов, экономических и научных связей наших двух стран, но общение с капиталистами, собравшимися у него дома, показало, что пока это нереально, они еще не готовы. Недаром его гости иронически спрашивали: «Что вы можете продавать, господин Хрущев, какие товары? У нас-то вы можете покупать достаточное количество товаров, которые вас интересуют, а вот что вы нам продадите?».

Естественно, этот вопрос был для нас тяжелым. Раньше мы продавали им марганец. Но потом они стали покупать марганец в Турции. Турция при помощи американского капитала развила его добычу. В других странах тоже были открыты залежи марганца, и

промышленность США полностью покрывала свои потребности без нас. Наш марганец потерял то экспортное значение, которое имел раньше. Кто-то из гостей Гарримана спросил: «А ваши крабы пользуются спросом?». Издевательский вопрос, потому что было принято специальное решение, запрещающее ввоз крабов в США, поскольку сей продукт добыт «рабским трудом» в СССР, за что они его и бойкотируют. Вот и доказывай! У нас, дескать, рабский труд, а у капиталистов все ценности создаются иным путем. Там — другое дело... Мы даже крабов и водку не могли им продавать. К тому же, продавая данные товары, много не закупишь, хотя можно было бы постепенно начинать торговать при желании у американцев. А возможности имелись. СССР нуждался в приобретении различного оборудования, которое нас интересовало для успешного развития нашей промышленности. И мы, добывая золото, могли бы приобрести оборудование за золото, но они нам даже за золото отказывались продавать.

Таким образом, когда мы стали конкретно перебирать вопросы, интересующие обе стороны и требующие решения, то натолкнулись на рога. Они мешали нашему сближению, но убрать их мы не могли. Я сразу почувствовал, что Эйзенхауэр обмяк. У него был вид человека, который побывал в проруби: он вымок, и с него стекает вода. У меня, видимо, тоже вид был не лучше. Впрочем, может быть, и получше, потому что мы заранее не питали иллюзий, не надеялись в первой же поездке снести все преграды на пути экономического сближения и торговли с капиталистическими странами. Хотели себя показать и посмотреть на США, продемонстрировать свою непреклонную волю: не пойдём ни на какие односторонние уступки, которых домогалась Америка! Конечно, сложившаяся обстановка нас огорчила: хотели уладить спорные вопросы, но увидели, что условия для того не созрели.

Мы поднимали и вопрос (а мы всегда его поднимали) о выводе войск с чужих территорий, ликвидации военных баз. Предлагали ликвидировать военные союзы, распустив НАТО и союз по Варшавскому договору. Американцы опять не были готовы. Предлагая это, мы тоже считали, что реальные условия к тому еще не созрели: это был с нашей стороны пропагандистский прием. Такое предложение мы делали и раньше, еще до моей поездки в Америку. У нас в то время имелись хорошие отношения с Китаем. Я встречался с Мао Цзэдуном, мы обменивались мнениями, и он уже знал из печати и по нашей информации о данном предложении и высказал сомнение: «Вряд ли стоит сейчас идти на это. Если они примут такое предложение, вам придется вывести свои войс-

ка из ГДР; тогда она не сможет обеспечить свою независимость и развалится. Мы ее потеряем». В ту пору он говорил «Мы». То есть, заинтересованность всех социалистических стран, и Советского Союза, и Китая, была одинаковой, и их взгляды тоже.

Я разъяснил ему, что появилась бы взаимная договоренность: американцы, французы и англичане тоже выведут свои войска из Западной Германии. Но Мао считал, что это будет неравноценно. Может быть, в ту пору какая-то здравая мысль в его соображениях и имелась. Однако я возражал: «Мы это делаем в пропагандистских целях, так как уверены, что сейчас это не будет принято США. А к тому времени, когда созреет их понимание, будет уже другая ГДР, с другими возможностями, и она внутренними силами сможет обеспечить безопасность социалистического строя. Если же развернется вторжение со стороны Запада, мы придем на помощь. Тем более, что в будущем возможностей и средств у нас окажется больше. Так что это предложение не ослабляет нас, а, наоборот, усиливает с точки зрения пропагандистского наступления на капиталистический мир, поддерживая обеспечение мирного сосуществования, при широкой мобилизации общественного мнения — очень большой опоры нашей пропаганды».

Постепенно наши беседы в Кэмп-Дэвиде исчерпывались и подходили к концу, а чего-либо реального мы не достигли. Какое же коммунике может получиться в завершение? Я чувствовал, что это угнетало Эйзенхауэра, но я ничем не мог ему помочь⁹. Пришло время обеда, а после обеда мы решили возвращаться в Вашингтон. Эйзенхауэр предложил: «Давайте из Кэмп-Дэвида в Вашингтон поедем на машинах, а вы посмотрите на тот же отрезок пути из машины». Я согласился, мне тоже было интересно посмотреть насыщенность дорог автомобильным транспортом. Я много читал об этом, но хотел увидеть сам. Обед проходил торжественно, но атмосфера за столом была такой, как будто в доме лежал тяжелобольной. Такое чувство господствовало и с нашей стороны, и в еще большей мере у президента. Обед был похоронный, не свадебный. Просто контакты. Как говорят, не свадьба и не похороны. Видимо, президент заавансировался перед своими, когда решал вопрос о моем приглашении, и сейчас чувствовал, что его надежды не оправдались, никакой договоренности не будет достигнуто. Повторяю, что договоренность могла возникнуть, но надо было пойти для этого на реальные и разумные шаги. Если договориться, самому ничего не уступая, значит, принудить к капитуляции другую сторону. Пригласив нас, США проявили инициативу после долголетней идеологической войны, которую мы

вели. Приглашение не давало им надежды принудить нас к капитуляции. Наоборот, мы укрепились в своих позициях, были неприступны, стояли, как гранит. Пообедали мы. Сели в машину, поехали вместе с Эйзенхауэром. Не помню, каким количеством фраз мы обменялись на всем пути, но очень малым, говорили скупо, разговор не вязался. Задавали вопросы о природе, беседовали о впечатлениях, которые возникали по пути следования. Как хозяин Эйзенхауэр разъяснял мне все, но это было лишь проявление необходимой вежливости, выдавливание из себя каких-то фраз, без которых в другое время можно было бы и обойтись. Приехали мы в Вашингтон. Эйзенхауэр отвез меня в резиденцию, где я жил, а потом отправился в Белый дом. Значит, все?

К концу моего пребывания в США мне доложили, что группа американских капиталистов желает организовать ужин в мою честь и просит моего согласия. После прежней встречи в Нью-Йорке у меня особого энтузиазма не возникало, потому что там организовали широкую встречу, присутствовало большое количество людей, но какого-либо обмена мнениями так и не было. Здесь же предстоял официальный прием деловых людей узкого круга. Но мне сказали, что стоит пойти, так как собираются влиятельные люди. В приглашении обозначалось 15 или 20 человек. Я дал согласие, был назначен ужин неподалеку от нашего посольства. Обставлен он был, как принято у них: в вечернее время, свечи, мягкий свет, полумрак. Сели за стол. Еда и питье — в умеренных количествах. Но ведь не это главное, деловые люди умеют много пить, однако, не напиваться, умеют держать себя в обществе.

Мне стали задавать всевозможные вопросы. На те, которые заслуживали внимания, я отвечал по делу, а на анекдотические отвечал в таком же духе. Какой-то старый человек, очень дряхлый, но, как мне сказали, очень богатый и влиятельный, все допытывался, сколько мы добываем золота и почему не ведем торговлю с Америкой на золото: они могли бы продавать нам товары за золото. Конечно, мы его добывали, но берегли про «черный день», который может всегда настать. Золото оставалось соблазном для капиталистического мира. И не так уж много золота мы добывали, чтобы удовлетворить все свои потребности, расплачиваясь именно золотом. Наши потребности были выше. Поэтому требовалась торговля на основе взаимности. Только она могла создать возможности широкого обмена товарами, идеями и культурными ценностями. Я так и ответил.

Мой ответ вызвал удовлетворение. Они посчитали, что это остроумно, поэтому не просто смеялись, а от души хохотали. Что же я

сказал? «Господин такой-то (фамилию не помню), отвечаю на ваш вопрос о золоте. Знакомы ли вы с тем высказыванием, которое сделал в свое время наш вождь Владимир Ильич Ленин, что пока нам золото нужно беречь? На каком-то этапе развития человеческого общества золото утратит свою ценность, поэтому золотом будут отделявать общественные туалеты. Вот мы и бережем золото, а когда настанет такое время и будет создан коммунизм, золото потеряет обменную ценность, и, чтобы выполнить завет Ленина, мы отделаем общественные туалеты в коммунистическом обществе золотом. Для того мы его и сберегаем».

Капиталисты дали волю своим легким, реагировали бурным весельем. Не помню, какотреагировал человек, который задавал вопрос. Тогда он стал задавать новые вопросы: о нашей стране, ее политическом устройстве, нес какую-то несуразность. Я отвечал соответственно, подпуская иронию. Публика понимала это и хорошо все воспринимала. Один из буржуев подошел и прошептал на ухо: «Господин Хрущев, вы не беспокойтесь, мы сами несколько смущены его глупыми вопросами, он очень стар, но мы все понимаем верно и одобряем ваши ответы». Мне было приятно услышать это. Увы, каких-то особых вопросов, которые дали бы надежду на развитие с нами деловых контактов, не припоминаю. И все же это была полезная встреча, хотя бы потому, что я непосредственно слушал их, а они напрямую слушали меня и конкретнее представляли себе нашу политику. Личные контакты, личное знакомство тоже всегда имеют полезные последствия.

Мне запомнились слова американца Макдаффи насчет личных контактов. Он побывал в Киеве сразу же после окончания войны, представляя организацию, которая оказывала помощь странам, пострадавшим от гитлеровского нашествия. Возглавлял организацию Ла Гардиа¹⁰, мэр Нью-Йорка и друг Франклина Рузвельта, выходец из Италии. Макдаффи хорошо относился к нам и там, где было в его силах, шел нам навстречу. Наши желания не совпадали с инструкциями, которые он имел относительно ассортимента поставок. США предлагали нам остатки ресурсов войны: тушенку, другие предметы потребительского характера. Мы же старались приобрести машины, трубы диаметром 500 мм для первого в СССР мощного газопровода из Западной Украины в Киев, просили и получали современные машины для прокладки траншей. Особую ценность представляли машины, которые покрывали трубы изоляцией. Наши специалисты впервые увидели их и вообще узнали о существовании таких машин. Эти машины были положены потом в основу наших работ.

Когда ликвидировали названную организацию, Макдаффи приезжал в Советский Союз, и я его принимал. Он говорил: «Господин Хрущев, если бы вы могли приехать к нам и показать всем, что вы такой же человек, как мы... Американцы думают, что советские — какие-то особые люди или что они вообще не люди. Прямое общение имело бы большое значение для нашего сближения. То, что вы вместе с американцами дрались против Гитлера и что вы были главной силой, которая сокрушила гитлеровскую машину, и заплатили своей кровью за всех воевавших против Гитлера, забыто. Медовый месяц, как говорится, уже прошел».

Да, уже бушевала «холодная война», которую развязал Черчилль. Машина монополистического капитала, которая владеет средствами воздействия на умы, довела до того, что нас и за людей не считали. И об этом Макдаффи высказал свои соображения. Если принять во внимание то, что он говорил о своих соотечественниках, то имелась теперь несомненная польза от встречи с группой деловых людей в Вашингтоне. И их вопросы, и мои ответы, и характер встречи были описаны журналистами. Потом в СССР издали коллективный труд, в котором рассказывалось о моей поездке по США. Считаю, что книга эта достаточно объективна и полезна. Сейчас я иногда встречаюсь с людьми, которые познакомились с книгой, и они говорят, что с большим удовольствием прочли ее и хранят как память о том времени.

Я позволил себе также предпринять поездку по Вашингтону, чтобы познакомиться с городом. Делал даже пешие прогулки, уходя недалеко от своей резиденции. Город этот богатый, чистый, зеленый и красивый. Он вроде нашего провинциального городка, но более богат. Это не Нью-Йорк, нет такого городского шума. Мне Вашингтон очень понравился и планировкой, и архитектурой. Там меньше небоскребов, стоят хорошие, добротные дома. Однажды во время моей прогулки (а журналисты всегда дежурили и потому сопровождали меня, фиксируя каждый шаг) я направился к памятнику президенту Линкольну. Вошел в помещение, снял шляпу и отвесил поклон, засвидетельствовав уважение тому, кто поднял оружие против рабовладельцев. Мне хотелось воздать должное уважение бывшему лесорубу от бывшего шахтера бывшей России. Это все потом обыгрывалось американскими журналистами в хорошем тоне.

В соответствии с протоколом Эйзенхауэр дал прием в мою честь. Прием или обед? Нет, все же обед. Мы сидели за столами с блюдами. А когда из приемного зала входили в столовый зал, что-

бы занять свои места, мне шепнули на ухо, что я должен взять под руку жену президента и проследовать с ней. Президент США сделал то же в отношении Нины Петровны. Блюда, которыми нас угощали, были обильны и очень питательны. Американцы вкусно готовят. Когда принесли отбивные, они оказались размерами с тарелку. Я как глянул на них, так и обратился к президенту: «Господин президент, столько же невозможно съесть!». Он расплылся в улыбке: «Господин Хрущев, я вас уверяю, что вы еще добавку попросите». И оказался прав. Приготовлено было очень вкусно. Я с удовольствием съел отбивную и, чтобы доставить удовольствие президенту, попросил добавку. Он захохотал: «Вот видите!».

За столом не бывает переговоров, ведутся только беседы. Люди едят, провозглашают тосты, так проходит время. А потом, когда нас позвали в отдельный зал, где подавали кофе, то мы разбились на группы. Я сидел за одним столиком с президентом и неким адмиралом. Эйзенхауэр отрекомендовал его как своего друга. Нас за столиком было человек пять, кто остальные — не знаю. Мы обменивались мнениями на случайные темы. Адмирал, который проявлял постоянно любезность, сказал: «Я хотел бы вас попросить принять от меня подарок с моей фермы». Кажется, то были две телки и бычок. Они оказались той же породы, что и телка, которую я получил в подарок от президента. Я тут же сказал: «Охотно принимаю ваш ценный подарок, а главное — ценю ваше внимание ко мне». Вот, собственно, что осталось у меня в памяти от обеда. Более ничего примечательного не произошло. По всем важным вопросам мы обменялись мнениями в другом месте и в ином составе.

Посол Меньшиков, хорошо зная страну, помогал мне советами и справками, информировал меня, если предстояла какая-нибудь встреча. Он знал тамошних людей лучше других, да и обязан был знать, для чего имел нужные кадры и вполне отвечал своему назначению, был полезен мне. По его просьбе я встретился специально с работниками нашего посольства, передал им приветы с Родины и добрые пожелания. Единственное, что хочу добавить здесь, — о вице-президенте Никсоне, но относительно нашей более ранней встречи с ним.

Она состоялась летом 1959 г., до моей поездки в США, на американской выставке товаров, предметов быта и культуры в московском парке «Сокольники». Открывать выставку приехал Никсон. Выставка не имела успеха, потому что отношение к ней со стороны организаторов оказалось несерьезным: она носила сугубо пропагандистский характер, так как содержала главным образом фотографии или экспонаты художников и скульпторов. Боль-

шинство экспонатов — в стиле модернистов. Мне показалось, что выставка произвела на большинство посетителей не хорошее впечатление, а отталкивающее. Безусловно, имелись и поклонники. В каждом обществе и на каждом этапе его развития рождаются всякие идеи: и прогрессивные, и иные, с извращениями. Возможно, именно последнее нравилось отдельным посетителям. Я много слышал прежде о модернистском искусстве (меня информировали наши официальные лица, ездившие за рубеж) и решил посмотреть сам, в чем выражаются новые веяния культуры.

Еще до открытия выставки, когда американцы только строили свой павильон, я съездил туда. Меня интересовала его конструкция из нескольких элементов, которые готовились в США, завозились в Москву и здесь собирались. Мне это понравилось: задачу решили рационально, конструктивно. Открывал выставку Никсон. Не помню, кто еще из нашего руководства посещал ее. Осмотрели павильон. Все тонуло в диаграммах и фотографиях, а сделано было красочно, чтобы произвести впечатление. Выставка носила сугубо агитационный характер и не удовлетворяла запросов наших руководящих хозяйственных, технических и партийных кадров. Мы отнеслись к ней придиричливо. На первый план выдвигали полезное, а уж потом предметы, удовлетворяющие потребности эстетики.

Я осмотрел раздел художников. На меня он не только не произвел доброго впечатления, а скорее оттолкнул. В разделе скульптуры то, что я увидел, меня просто потрясло. Скульптура женщины... Я не обладаю должной красочностью языка, чтобы обрисовать, что там было выставлено: какая-то женщина-урод, без всех верных пропорций, просто невозможное зрелище. Американские журналисты меня расспрашивали (а они знали мое отношение к такому жанру в искусстве) и поэтому как бы подзадоривали. Ну, я и отвечал: «Как посмотрела бы мать на сына-скульптора, который изобразил женщину в таком виде? Этот человек, наверное, извращенец. Думаю, что он, видимо, ненормальный, потому что человек, нормально видящий природу, никак не может изобразить женщину в таком виде». Другие экспонаты тоже не произвели на меня хорошего впечатления. С моей точки зрения, там не было ничего, что нам можно было бы практически использовать. Почти не было новой техники. А мы буквально гонялись за всякими новинками и ожидали, что американцы что-то покажут. Ведь они могли показать много интересного.

На выставке организовали и американскую кухню. По ходу осмотра я зашел туда. Потом наш разговор долго служил темой пуб-

ликаций журналистов. Когда освещались отношения США и СССР, то постоянно вспоминали разговор «на кухне» Хрущева с Никсоном. Этот разговор затянулся. Когда я стал знакомиться с выставочными материалами на кухне и ее оборудованием, то увидел немало интересного, но было там и явно надуманное. Вот, например, за что я зацепился, и мы с Никсоном приостановились: автомат для выжимания лимонного сока. Я задал вопрос, и с этого все началось: «Господин Никсон, думаю, что организаторы выставки несерьезно отнеслись к СССР и показывают нам не главные вещи. Вот автомат, который выжимает сок. Его требуется для чая несколько капель. Облегчает или не облегчает труд хозяйки такой автомат? По-моему, не облегчает: потребуется меньше времени и труда, чтобы разрезать лимон ножом».

Хотя я рос среди шахтеров, но лимоны были им доступны, и мы покупали их. Часто пили чай с лимоном, стоил он гривенник за штуку. Завозили лимоны, видимо, из Турции. Пили чай и с молоком. Видимо, заимствовали это от англичан, владельцев рудников. Наши рабочие общались с низшим британским персоналом. Зная лимоны, я продолжал: «Ты же работу можно вручную сделать быстрее, чем сложным аппаратом, который вы выставили. Для чего вы нам это показываете? Хотите ввести нас в заблуждение и продемонстрировать нереальные вещи?». Он доказывал обратное, и очень горячо. Я отвечал тем же, ибо во время спора тоже захожу в азарт. Наш спор разгорелся и затянулся. Его наблюдали журналисты, которые нас сопровождали. Они были с магнитофонами и все записывали. Потом долгое время эта беседа обыгрывалась журналистами в буржуазной печати.

В конце концов я задал такой вопрос: «Господин Никсон, оборудование американской кухни, которое вы нам демонстрируете, у вас уже внедряется? Хозяйки пользуются таким?». Нужно отдать ему должное, он ответил правду: «Нет, это первый экземпляр». Раздался общий хохот. И я сказал: «Тогда все понятно. Вы демонстрируете нам новинки, но сами их в свой быт не внедряете. Что же, вы считаете, что мы не сможем разобраться и будем восхищаться всякой чепухой?». То был обостренный диспут, вроде бы о кухне, а на деле — о двух системах, социалистической и капиталистической. Американцы хотели показать, как организован быт в Америке, стремились поразить воображение русских. Отчасти им это удалось. Там очень много новинок, и хороших, таких, которые заслуживают того, чтобы перенести их на социалистическую почву. Но были и такие, которые явно имели нереальную основу, таким оборудованием они и сами не пользовались. Вообще же Никсон вел себя как

представитель крупнейшей капиталистической страны. Техническая выдумка, изобретательство, научные открытия, все новое, что двигает культуру, было показано, но только на фотографиях. Единственные экземпляры в натуре — эта кухня и кое-что еще. Перед открытием выставки Никсон пошел на рынок. Держал себя высокомерно. Увидел какого-то рабочего и предложил ему денег. Рабочий демонстративно отказался от денег и наговорил Никсону неприятностей. У нас он оценивался как человек реакционных и враждебных к Советскому Союзу взглядов. Он был идейным воспитанником реакционера Маккарти¹¹.

Когда же я находился уже в положении пенсионера, Никсон туристом как частное лицо вновь приезжал со своей супругой в Советский Союз. Они путешествовали по стране и на обратном пути прибыли в Москву. Никсон отыскал мою квартиру и хотел нанести мне визит. Пришел, рассчитывая, что я живу в городе, но ему сказали, что меня тут нет. Я узнал об этом, когда он улетел, и сожалел, что мы не встретились. Теперь я был тронут его вниманием, особенно в связи с тем, что у нас раньше сложились натянутые отношения. При встречах мы чаще обменивались колкостями. А здесь он проявил человеческое внимание, и я жалел, что не имел возможности пожать ему руку.

Время моего пребывания в США истекло, мы готовились к отбытию и в назначенный час выехали на аэродром¹². Состоялась та же церемония: нас провожал президент, обходили почетный караул, говорились прощальные речи. Одним словом, протокольная процедура, стандартная для всех стран. Но все это проводилось на высоком уровне и очень торжественно. У солдат — нарядная форма, художественно оформлен аэродром, а для выступающих готовы трибуны, все в цветах и блестело, бросалась в глаза красная дорожка-ковер, церемония была пышно обставлена. Мы поднялись по трапу таким способом, таким же способом, каким выходили из самолета, с помощью дополнительного приспособления — времянки.

Я уже упоминал, что при поездке по США мне был предоставлен «Боинг», личный самолет президента, очень хороший и мощный, с замечательными удобствами и отдельным салоном, изолированным от других помещений. Но наш Ту-114 был оборудован не хуже, однако имел турбовинтовой двигатель, а тот — турбореактивный. Шума в салоне, где я размещался, было поменьше. Наш самолет был рассчитан на дальние полеты, предусмотрено «спальное» место, так что ночью я мог поспать. Ту-114 осматри-

вали в Вашингтоне, и мы смогли блеснуть перед американцами: сумели создать самолет, который отвечал всем потребностям для дальних перелетов и создавал неплохой комфорт. Он произвел большое впечатление на американцев. Правда, перед отлетом произошел инцидент провокационного характера. Оставались буквально считанные минуты до вылета, как вдруг начальник охраны сообщил мне: по телефону неизвестное лицо предупредило, что в самолет Хрущева заложена бомба, и на этом разговор оборвался. Начальник охраны заверил меня: надо лететь! Он абсолютно убежден, что тут провокация. Все при погрузке внимательно осматривалось. Даже с вещами не мог попасть на борт какой-нибудь посторонний предмет, тем более бомба. Посторонних к самолету не подпускали, было установлено круглосуточное дежурство. И я сказал: «Хорошо, мы летим». Как известно, мы тогда благополучно преодолели пространство над океаном и приземлились в Москве. Вот такая нам была подброшена американская штучка. Хотели испытать наши нервы и посмотреть, поддадимся ли мы панике? Но трюк провалился и не принес удовлетворения тем, кто организовывал провокацию.

В том же 1959 г. (в октябре), я приехал из Китая во Владивосток и осматривал бухту Золотой Рог, там возник стихийный митинг. Меня попросили, чтобы я рассказал о поездке в США. В бухте Золотой Рог американцы во время гражданской войны в Советской России высаживали свои войска¹³, и старики хорошо это помнили, а некоторые из них сражались в рядах партизан против интервентов. Я рассказал о своей поездке. Народ реагировал очень бурно. Раздался гром аплодисментов, кричали «ура», и я правильно все понимал, относя это не на свой счет. Каждый из нас как-то представляет свою страну на том или другом жизненном посту. Труд советского народа поднял нищенскую Россию на такие высоты, что заставил признать наше величие и вынудил правительство США пригласить нашу делегацию. Америка стала искать возможностей улучшения отношений с Советским Союзом. Вот чему аплодировали.

Скажут: не получилось! Не совсем так. Не сразу все получается. Но мы взломали лед, который сковывал наши отношения. Теперь требуется дальнейшая работа, и народа, и дипломатическая, чтобы убирать осколки взломанного льда, расчистить дорожки и найти пути улучшить наши отношения. Такой процесс пошел и продолжается сейчас. Его надо уметь оценивать очень тонко, чтобы не ухудшить положение дел и одновременно не уступить. Потому что если отношения будут строиться на основе уступок и

подчинения чужим своей политики, то противник быстро разгадает нас. Такая позорная политика приведет к краху. Мы же с гордостью представляли свой народ, были абсолютно убеждены в правильности нашей политики и достойно ее защищали. И сейчас, когда я вспоминаю прошедшее, то горжусь тем временем и политикой, которая проводилась, теми успехами, которые мы одержали на дипломатическом фронте.

¹ ГЕРТЕР К.А. (1895 — 1966) начал службу на дипломатическом поприще во время I мировой войны, в 1922 г. посетил в составе миссии Американской организации вспомоществования Советский Союз, после II мировой войны был одним из реализаторов «плана Маршалла» по восстановлению и развитию Европы, в 1953 — 1957 гг. губернатор штата Массачусетс, в 1957 — 1959 гг. заместитель государственного секретаря и в 1959 — 1961 гг. государственный секретарь США, далее являлся председателем Атлантического совета и специальным представителем в аппарате Генерального соглашения о тарифах и торговле.

² АЧЕСОН Д.Г. (1893 — 1971) служил помощником государственного секретаря США в 1941 — 1945 гг., был главой делегации на Бреттон-Вудской конференции Объединенных Наций 1944 г., потом — представителем в Совете Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций, заместителем госсекретаря (1945 — 1947 гг.) и разработчиком плана Баруха по контролю над атомной энергией, доктрины Трумэна о помощи Греции и Турции, плана Маршалла; в 1949 — 1953 гг., будучи государственным секретарем, являлся одним из организаторов Североатлантического пакта и Программы взаимного обеспечения безопасности.

³ Окрашенное в белый цвет здание резиденции и канцелярии президента США, находящееся в центре Вашингтона. Функционирует с 1800 г.

⁴ Вопрос о ленд-лизе осложнился законом Джонсона от 1934 г., запрещающим предоставление частных займов или кредитов странам, которые не выплачивают США старые долги. Поэтому закон о ленд-лизе от 11 марта 1941 г. определил такую возможность за счет федерального бюджета. А установление компенсации передавалось на усмотрение очередного президента. Из 46,04 млрд. долларов США, покрывших материальные поставки по ленд-лизу до 1 октября 1945 г., на долю СССР пришлось 10,8 млрд. Американское правительство требовало уплату процентов в сумме 1,3 млрд., потом скостило ее до 0,8 млрд. Советское правительство соглашалось на 0,3 млрд.

⁵ В те дни Диллон Д. являлся заместителем государственного секретаря по экономическим проблемам.

⁶ СИКОРСКИЙ И.И. (1889 — 1972) — один из зачинателей авиастроения в России. В 1908 г. создал свой первый автожир (вертолет), а в 1910 г. — первый самолет С-2 и в 1912 — 1914 гг. положившие начало многоместным аэропланам «Гранд», «Русский витязь» и «Илья Муромец». В 1919 г. эмигрировал в США, организовал там в 1923 г. авиафирму и сконструировал еще 15 типов разных самолетов. В 1939 г. перешел к конструированию вертолетов (лучшие

— от S-51 до S-65). Первым приступил к созданию летающих кранов, вертолетов-амфибий и турбовертолетов.

⁷ При Рузвельте Ф.Д. эта загородная резиденция называлась Шангри-Ла (подразумевался литературный образ фантастического места в Гималаях, обитатели которого не знают старости).

⁸ Возле г. Геттисберг. Владение Эйзенхауэров с 1950 г. Хрущев и Эйзенхауэр находились там с 25 по 27 сентября.

⁹ Было опубликовано совместное коммюнике. В его конкретной части говорилось о запланированном «обмене людьми и идеями» и о предстоящем (без точной даты) приезде Эйзенхауэра в СССР с ответным визитом.

¹⁰ Ла ГАРДИА Ф.Г. (1882 — 1947) — юрист, участник I мировой войны, один из авторов закона 1932 г. об ограничении судебного вмешательства в деятельность профсоюзов, мэр Нью-Йорка в 1933 — 1945 гг., потом генеральный директор Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций.

¹¹ МАККАРТИ Дж.Р. (1908 — 1957) — председатель сенатской комиссии конгресса США по деятельности государственных учреждений и ее постоянной подкомиссии по расследованию (с 1953 г.), один из организаторов яркой антисоветской и антикоммунистической кампании.

¹² Аэропорт «Эндрюс».

¹³ 11(24) ноября 1917 г. туда прибыл американский крейсер «Бруклин». 16 августа 1918 г. там высадился американский экспедиционный корпус (9 тыс. человек). Во Владивостоке разместились штаб-квартира командира этого корпуса генерала Грэвса У.

ВИЗИТ ВО ФРАНЦИЮ

Теперь расскажу о поездке во Францию и о моих встречах с господином де Голлем¹. Эта поездка состоялась после визита в США, зимой 1960 года, но точно не помню сейчас месяца. Получается вроде как у запорожцев, которые писали письмо султану: «Месяц в небе, год в календаре». Тут я упомянул об известном историческом документе — письме запорожских казаков турецкому султану. Правда, историки разделились во мнениях: одни говорят, что подлинника такого письма не существует, другие — что он хранится в архиве. Тем не менее я горд за запорожцев. То был их коллективный труд, в него каждый вносил свою лепту и придумывал собственную формулировку в ответ на угрозы, раздававшиеся из-за моря. Видимо, все знают чудесную картину Репина на эту тему: художник изобразил казаков, когда они сочиняли это письмо²...

Итак, получили мы приглашение от де Голля. Признаюсь, не ожидали. У нас имелось свое представление о генерале де Голле. Я хорошо знал эту фамилию: она замелькала в нашей печати еще тогда, когда он был, кажется, в звании полковника. Ему приписывалась идея использования подвижных бронированных сил по-новому. В нашей печати его склоняли как реакционера, и вследствие этого советские люди не были к нему особо расположены. Когда развернулась вторая мировая война и Франция капитулировала, подписала перемирие, а ее новое правительство вскоре переместилось в город Виши и стало сотрудничать с немцами, де Голль бежал из Франции. В Англии он начал создавать эмиграционное руководство, занимавшееся организацией Сопротивления фашистской оккупации, повел смелую борьбу. В то время он проявил себя достойно, как истинный патриот и непримиримый враг нацизма, который потом до победного конца, до полного разгрома врага союзными войсками не складывал оружия.

Ученые, изучавшие историю движения Сопротивления, нередко сравнивали роль де Голля и роль Французской коммунистической партии. Считаю, что главная сила, которая оказывала там врагу сопротивление, это рабочий класс. Коммунисты явились главным организатором вооруженных отрядов на местах, которые вели борьбу против оккупантов. Самые большие потери там понесла тоже Французская коммунистическая партия. Дюкло³ и другие ее руководители были организаторами Сопротивления. Де Голль же обладал особым авторитетом как среди военных, так и среди класса буржуазии. То был очень звучный голос, который производил сильное впечатление. Так разные люди объединились ради общей цели — отпора врагу и очищения французской земли от оккупантов, ради дела Победы. После войны де Голль возглавлял французское правительство, и мы отдавали ему должное.

Вообще же к личности де Голля у нас отношение было двойственное. Ведь до войны мы рассматривали его как отрицательную фигуру, хотя в качестве военного он был новатором, искал новую тактику действий с применением танковых войск. Не знаю, насколько его идеи были реализованы во Франции и были ли созданы там именно такие танковые войска. Сопротивление же немцам французская армия оказала, на мой взгляд, ничтожное. Сейчас не буду вдаваться в причины того и анализировать, чем это было вызвано, тут дело военных историков, им, как говорится, и карты в руки. Зато все мы помним о дальнейшем участии францу-

зов в войне с фашистами. То, что их летчики сражались в Советском Союзе против общего врага на наших самолетах и под нашим верховным командованием⁴, конечно, тоже заслуга де Голля. Он этому содействовал. Думаю, что если бы де Голль призвал летчиков не сражаться на нашей территории, то они и это выполнили бы. А большинство французов воевало на Западе, нанося удары по гитлеровской Германии вместе с англичанами и американцами.

Не помню, как конкретно прибыли к нам летчики-французы, каким сюда попали путем, но думаю, что все же не без прямого согласия де Голля. Был организован авиаполк, в составе которого они храбро сражались вместе с нашими летчиками. Это тоже характеризует де Голля: в критическую для Франции минуту он искал контакты с нами во имя разгрома гитлеровской Германии и освобождения родины. Когда де Голль приехал в Москву⁵, я в те дни тоже находился там. Меня вызвал Сталин и сообщил мне о приезде этого гостя. Тогда-то я его впервые увидел.

Когда Сталин сказал мне, что приехал де Голль, это прозвучало у него с гордостью. И я его понимал. Де Голль, который считался антикоммунистом и представлял, как у нас писали, реакционные военные круги, вдруг приехал в Советский Союз! За обедом, который состоялся у Сталина на квартире, он представил меня де Голлю. Людей там присутствовало немного. Сталин сказал Молотову, что де Голль предлагает заключить с нами договор. Все такие вопросы Сталин тогда обговаривал именно с Молотовым. Пункты договора я не помню, но речь шла о возобновлении отношений⁶. Еще перед первой мировой войной отношения между Россией и Францией были самыми теплыми. Потом в 30-е годы у нас тоже был заключен с Францией хороший договор⁷. В 1939 г. все пошло наоборот. А теперь отношения возобновлялись, только на новой основе. И Франция уже не та, и мы не те.

Желание подписать с нами новый договор мы расценивали как признание нашей мощи и возможностей социалистической системы. Конечно, тут было признание не внутреннее, не согласие с коммунистической идеей, а признание де-факто: социалистическая система показала свою устойчивость и жизненность, оказала сильное сопротивление германской армии и нанесла ей решающее поражение. Без Советского Союза союзники не смогли бы разгромить врага в такие сроки. На это им понадобилось бы значительно больше времени и больше крови. Они, как говорится, следовали в затылок нашей армии. Не буквально, конечно. Но это мы перемалывали воинские части вермахта, оттягивали все больше и больше его сил на себя, вынуждали Гитлера ослаблять Ат-

лантический вал. В месяцы, когда Гитлер уже еле держался на ногах, Запад высадил десант⁸ и тем самым принял участие в завершающих операциях по разгрому Германии, а потом получил возможность принять ее капитуляцию, когда немецкая армия была уже обескровлена Красной Армией.

Де Голль проявил явное понимание нашей роли, большее, чем американские политики и особенно Черчилль. После обеда Сталин пригласил его посмотреть кино (он тогда всех приглашал в кино). Де Голль поблагодарил, но отказался, сославшись на то, что занят. Он хотел поработать в тот вечер над документом, который готовился к подписанию. Зал, где Сталин смотрел кинокартины, был сравнительно небольшим. Как всегда, нам были поданы туда фрукты и, в виде исключения, шампанское. Сталин пригласил также летчиков из авиаполка «Нормандия — Неман». Он угощал их и очень любезно разговаривал с ними. Сам был крепко подвыпивши, его даже шатало. Нам стало неудобно, мы переглядывались между собой. С нашей стороны там присутствовали при этом Берия, Маленков и я. Не помню, кто еще. Мы беспокоились, что Сталин своим видом может создать себе плохую репутацию. Он обнимался с французами, пил сам и их спаивал. Французы могли подумать, что он пьяница. Нам же этого не хотелось, хотя такое заключение было бы абсолютно правильным. Нам было очень больно морально, но мы ничего не могли поделать. Остановить Сталина вообще никто не мог, да никто и не пытался. Это ведь означало стать его личным врагом.

Из кинозала Молотов выходил на встречу с министром иностранных дел⁹ Франции, и этот министр приходил к нам туда. Они уединялись с Молотовым, согласовывая документ, содержание которого в деталях я не помню. По какому-то пункту у них возникли столкновения: наша сторона не соглашалась с формулировкой де Голля, де Голль не соглашался с нашей. В конце концов кто-то кому-то уступил не то нашли взамен эластичную фразу, и договор был подписан, но не помню, где конкретно: то ли тут же — в кинозале, то ли позже, но не в торжественной обстановке. Де Голль вел себя гордо, держался достойно, не гнул спины и не склонял головы, а ходил, как человек, проглотивший аршин. Внешне он производил впечатление человека необщительного, даже сурового. Вот такие у меня остались впечатления от первой встречи с де Голлем.

После его отъезда Сталин нам рассказал, что он спросил де Голля о Торезе (Торез в это время находился в Москве¹⁰) и сообщил, что Торез собирается уехать в Париж. «Когда он приедет в Париж, вы арестуете его?» Не помню, что ответил де Голль.

Сталин не придавал особенного значения договору, который он подписал с де Голлем, хотя был удовлетворен тем, что Франция ищет контакты с Советским Союзом. Каждый из нас гордился бы этим. Сталин же по-своему понимал данную акцию, он смотрел как бы дальше: мол, сей договор — пустяки. Вот приедет во Францию Торез, развернет всю работу коммунистическая партия. Ее авторитет был там очень высок. К тому же в то время она обладала большим количеством оружия и представляла реальную военную силу. Компартия имела большое влияние в народе, которое она по праву заслужила как главная организующая сила, не щадившая своих сынов в схватках с гитлеровской Германией. Эта ситуация давала не просто надежду: Сталин был абсолютно уверен в том, что коммунисты начнут определять политику Франции и, возможно, к власти придет правительство, возглавляемое их лидерами.

Может быть, так и случилось бы, если бы во Франции не было тогда американских войск. Такое же положение сложилось в Италии. Итальянская коммунистическая партия тоже была очень авторитетной. Тольятти¹¹ готовился даже поднять вооруженное восстание и создать свое правительство. Сталин удержал его от этого, убеждая, что восстание будет раздавлено американскими оккупационными силами, которые находились в Италии. Получилось бы то же, что потом случилось в Греции. Там коммунисты тоже были многочисленны и господствовали на политической арене, народ их признавал и шел за ними. Но англичане раздавили восстание, и рабочий класс не восторжествовал¹².

Итак, товарищ Торез выехал во Францию. Мы с напряжением ожидали, как отнесется к нему де Голль, не посадит ли его в тюрьму? И были удивлены, когда одним из своих заместителей он назначил Тореза. Это говорило о том, что де Голль умеет трезво оценивать положение и время, в которое живет. Я бы сказал, что это было мудрое решение, тем более для него, антикоммуниста. Зная авторитет коммунистической партии в народе и признавая Тореза как лидера этой партии, он правильно оценил внутреннюю обстановку. Стало быть, он был не только военным, как мы иной раз говорим — солдафоном, то есть негибким человеком, который лезет напролом; нет, он проявил гибкость ума и показал себя тонким политиком, привлек к работе Тореза и, следовательно, всю коммунистическую партию. Торез понимал, что тут вынужденное приглашение, но принял его. Когда же де Голль набрал потом силу и почувствовал, что может обойтись без коммунистов, он сейчас же дал отставку Торезу и его товарищам¹³. Я

лично не имел тогда какого-то своего взгляда на деятельность де Голля, а смотрел на него глазами нашей печати и в значительной степени воспринимал ту оценку, которую давал ему Сталин.

Потом, на каком-то этапе развития государственной системы во Франции, де Голль и его партия получили меньшинство голосов. После этого он вышел из политической игры¹⁴, уединился в своем имении и жил на положении отставного генерала и отставного политического деятеля. Но, надо отдать ему должное, продолжал с уважением относиться к Советскому Союзу и Советской Армии. В чем это конкретно выражалось? После смерти Сталина нашим послом во Франции стал Виноградов¹⁵. Он оказался гибким дипломатом и заимел с де Голлем хорошие контакты. Де Голль приглашал его в свое имение и вел там с ним беседы политического характера. Если нужно было проинформироваться и узнать взгляды де Голля по тому или другому вопросу, Виноградов свободно посещал его, и де Голль никогда ему не отказывал. Напротив, сам часто приглашал его к себе, иной раз даже на охоту. Это подтверждает тот факт, что и в отставке генерал считался с реальностями международной политики и поэтому не порывал связей с Советским Союзом, а все время поддерживал их через нашего посла.

Сам по себе де Голль — человек очень прямой. Он не боялся говорить откровенно. Высказывался в том духе, что во Франции существуют только две силы, способные руководить страной, ни во что не ставя другие силы, кроме своей партии¹⁶ и коммунистов. Полагал, что только они способны в критическую минуту взять на себя руководство и вывести страну из кризиса. Да, он считал для Франции свою партию особенно полезной и высоко оценивал свою личную роль. Коммунистическую же партию рассматривал как оппозиционную, но такую, с которой нельзя не считаться, потому что она способна поднять народ и поведет его за собой. Компартия имела ясную цель, знала, каким путем ей идти и как вывести страну из тупика. Это тоже говорит о том, что де Голль был реально мыслящим человеком, с которым как с политиком, в свою очередь, всегда надо считаться.

Вот предыстория правительственной встречи представителей СССР с де Голлем в 1960 г., уже при новой расстановке международных факторов. Дело в том, что когда пошел процесс послевоенного восстановления экономики и парламентской системы, то во Франции образовалось множество партий и группировок. Одним из самых неустойчивых в Европе было именно французское правительство. Порою оно менялось по несколько раз в год. Одно

время его возглавлял Ги Молле¹⁷, глава левого течения в социалистической партии. Печать много шумела о его «левизне».

Как раз в то время Франция, Англия и Израиль начали войну с Египтом. Но их война позорно провалилась. Не помню, как тогда «выкрутился» Ги Молле. Идену же в Англии военная авантюра стоила отставки, и его место занял Макмиллан. Франция тогда основательно впряглась в агрессивный блок НАТО и играла в нем довольно видную роль, занимая антисоветскую позицию. Это вынудило нас аннулировать договор, подписанный с нею при Сталине¹⁸. Поскольку французы сохраняли воспоминания о том, сколько раз германская армия оккупировала Францию и занимала Париж, то мы хотели использовать эти чувства, поставив Францию перед дилеммой. Когда Франция была вместе с Советским Союзом, тогда она одерживала победу. Поэтому де Голль и подписал договор с СССР. Он учитывал исторические обстоятельства. Его родине был нужен союзник, и этим союзником лучше других могла быть в старое время Россия, потом Советский Союз. Я думаю, что так понимал дело и де Голль, когда шел на подписание договора со Сталиным.

Теперь мы поставили перед Францией вопрос, как понимать роль французской политики в НАТО, которая направлена против СССР и против союзнического договора, подписанного де Голлем? Этим вопросом мы хотели воздействовать на французских политиков с тем, чтобы они трезво оценили новую обстановку и приподняли завесу, скрывавшую от них будущее. Германия опять набирала экономическую силу, стала самой могучей из европейских капиталистических стран. Это могло обернуться против Франции, чья внешняя политика создавала мираж у ее граждан. С одной стороны, отношения с СССР базируются на дружеском договоре; с другой — французская политика фактически направлена против Советского Союза и идет в одном фарватере с самыми агрессивными силами НАТО, является составной частью этой линии. То есть предупредили французскую сторону, что если так будет продолжаться, то мы не видим смысла в продолжении действия нашего договора, не хотим прикрывать собой политику французского правительства и поэтому считаем себя более не связанными договором, разрываем его.

Это оказало некоторое воздействие на умы какой-то части французов. Не говорю о коммунистической партии, которая и без того правильно оценивала положение. Некоторые левые буржуазные деятели были вообще потрясены. Но лица, которые определяли политику страны, не сдвинулись с места. Они давно поставили крест на этом договоре и были заодно с реакционными си-

лами, проводившими агрессивную политику против стран социализма. Конечно, в своих воспоминаниях я не лишен некоторых неточностей, потому что не пользуюсь ни справками, ни дипломатическим архивом, ни газетами или журналами, а диктую воспоминания, опираясь исключительно на свою память. Правда, память пока служит мне в моем возрасте неплохо. Возможны неточности, но основа правильна. А я стараюсь как можно объективнее излагать все дела, как я их понимал в то время и как оцениваю сейчас события тех дней.

Настал день, согласованный с французским правительством, и советская делегация, возглавленная мною, отбыла из Москвы в Париж¹⁹. Не говорю здесь о проводках, обычном, уже сложившемся нашем трафарете. Кажется, вместе со мной вылетел тогда и посол Франции в СССР господин Дежан²⁰. Я его хорошо знал и с большим уважением относился к нему и его супруге. В Париж мы прибыли в обусловленный час. Расписания требовалось строго придерживаться, потому что к намеченному времени были сделаны необходимые приготовления к встрече нашей делегации, должен был приехать президент.

Парижский аэродром²¹ очень хорошо оборудован, с отличной бетонной дорожкой. Нужно отдать должное Западу, он умеет укладывать бетон лучше, чем мы. Там не встретишь ни сучка, ни задоринки, все лежит как новенькое, будто только что уложенное. У нас, к сожалению, не так. Сколько я ни занимался этим, сколько ни критиковал наших строителей, но уже через год заметны выбоины, дорожки приобретают старый вид. Считаю, что тут никаких секретов нет, а есть производственная дисциплина, соблюдение нужных пропорций и строгого технологического процесса при приготовлении смеси и при ее укладке. Весь секрет — в высокой культуре труда. Я это отмечаю сейчас и раньше всегда тоже отмечал, когда пребывал за границей. Разница сразу бросалась в глаза, а сравнения, к сожалению, были не в нашу пользу.

Когда наш самолет подрулил к месту остановки, я увидел из окна почетный караул, красную почетную дорожку и группу людей во главе с президентом. Президент выделялся, его можно было легко узнать даже в толпе. Он стоял рядом с супругой, поскольку и я прилетел вместе с Ниной Петровной. Мы поздоровались, и президент повел меня к почетному караулу принять рапорт. Потом почетный караул продефилировал мимо нас. Церемония проходила не на открытом воздухе, а в специальном зале для приема и проводов гостей. Речей сейчас не помню. Мы сели в машину президента и двинулись в город.

Париж произвел на меня очень хорошее впечатление. Я много читал о Париже, но всегда лучше увидеть, чем услышать. Нашу машину сопровождал эскорт. Не помню, много ли людей вышло на улицы города, зато сохранилось в памяти, что компартия приложила руку к организации нашей встречи с народом. На улицы вышли те, кто по политическим соображениям сочувствовал коммунистическому движению и нашему социалистическому государству, ценил нашу роль в разгроме гитлеровской Германии. Сугубо либеральные люди также с симпатией относились к политике Советского Союза. Эти симпатии тоже вывели их на улицы, и они приняли участие во встрече.

Нам был отведен для пребывания какой-то «знатный» дворец²². Прошу извинить, но название его вспомнить не могу. Здание было роскошным, у подъезда нас встретила президентская гвардия, и автомашина теперь подстраивалась под скорость лошадей. Вероятно, гвардейская форма сохранилась с наполеоновских времен, была она нарядной. Мне показалось, что гвардейцы по возрасту, по росту, по цвету волос подбирались специально. Русские цари, подбирая себе гвардейцев, тоже так действовали. Лучше всего это получалось во Франции и Австрии, которые задавали тон дворцовой моде. Раскрылись ворота, нас впустили, гвардия остановилась у ворот, толпа осталась за воротами.

Президент показал помещение, в котором мы должны были разместиться, и откланялся, условившись о встрече. Дальнейшая программа была разработана заранее министерствами иностранных дел Франции и СССР. Предусматривалось пребывание там нашей делегации в течение 10 дней, включая различные поездки и ознакомление с городами страны. Французская сторона настаивала на моей поездке в Алжир, на сахарские нефтеразработки, вместе с президентом, но мы отказывались. Уже в Париже на меня продолжали оказывать давление, но я не соглашался, ибо наша поездка в Алжир приобрела бы особое политическое значение. Франция уже столько лет воевала с алжирским народом, и такая поездка могла быть неправильно расценена.

Франция считала Алжир своей провинцией. Мы не могли с этим согласиться, да и французам было известно, что мы сочувствуем освободительному движению арабов. Еще до встречи с де Голлем я много раз так высказывался, включая тот случай, когда в Москву приезжала делегация Франции во главе с Ги Молле. Я предрекал, что в Алжире Франция потерпит поражение, если не найдет разумного выхода и не предоставит независимость алжирскому народу. И мы не пошли поэтому навстречу де Голлю, счи-

тая, что содействие колонизаторам запятнало бы нашу политику. Поблагодарили за внимание, но сказали, что не можем принять предложение поехать в Алжир, хотя и не говорили открыто о причине отказа. Впрочем, де Голлю не надо было напрягаться, чтобы понять наши мотивы.

Сейчас не смогу вспомнить последовательность посещения нами городов и провинций страны. Но везде мы были очень довольны хорошим приемом. Нигде я не встречал каких-либо признаков неприязни. Иногда мы приезжали в город, в котором отмечался местный праздник. Так произошло в Арле. Арлезианцы выбирали королеву красоты. Нас тоже пригласили на празднество. Почти вся публика была в национальных костюмах. Потом нам с Ниной Петровной представили избранную там королеву красоты, действительно красивую девушку. Если бы нам лишь дали фотографию, то мы сказали бы, что это русская красавица. Такая и у нас получила бы признание: дородная девушка, краснощекое лицо, так и пышет здоровьем, одета в красивый национальный костюм. Нине Петровне она подарила куклу. Впрочем, везде, куда бы мы ни приезжали, нас ожидала добрая встреча.

Сопровождал нас в поездке доверенный представите президента де Голля, один из его сподвижников по Сопротивлению²³. Он был несколько суховат (видимо, таково свойство его характера), но относился он к нам с большим вниманием, и у меня остались о нем наилучшие впечатления. В некоторые города к моменту прибытия туда нашей делегации приезжал министр, занимавший видное положение в правительстве де Голля, бывший посол Франции в СССР, по профессии, кажется, историк²⁴. Очень интересный собеседник, к тому же с ним было легко беседовать: он отлично говорил по-русски, а сам был, если говорить по старинке, «артельный человек», то есть общительный. После обеда, попивая кофе с коньячком или ликером, любил запеть русские песни и знал их. Естественно, мы подтягивали, как умели, не преувеличивая своих возможностей, как могли. Ведь каждый человек поет в принципе для себя. Но нам было приятно, что инициативу проявлял француз. Такой уважаемый человек, который ряд лет был послом в Советском Союзе и постоянно проявлял внимание, приезжал в тот город, где мы гостили, и сразу создавал непринужденную, простую, товарищескую обстановку. Жена посла тоже сопровождала нас (видимо, из-за Нины Петровны). Мы ее хорошо знали, то была старая знакомая по Москве, очень приятная женщина.

Согласно разработанному протоколу, при посещении департа-

ментов Франции нас должен был принимать префект. Там это, собственно говоря, администратор, назначенное, а не выборное лицо. Префект представлял власть. Он назначается президентом, поэтому имеет административные права. Ему подчиняется полиция. В нашем понимании он вроде начальника полиции, что меня слегка коробило. Как же так? Нас будет принимать полицейский начальник, и мы потом будем проживать под крылышком французской полиции? Нет ли тут какого-то ущемления? Какой-то дискриминации? Мы проконсультировались с товарищем Торезом, и он разъяснил: «Ну, что вы! Наоборот, это считается проявлением внимания со стороны президента. Префект — представитель президента, поэтому он и принимает его гостей. Так что это выражение особого внимания».

По плану мы должны были посетить Бордо. Мэром города был тогда Шабан-Дельмас, сейчас премьер-министр Франции²⁵. Тогда он был энергичным молодым человеком, который с увлечением рассказывал о перестройке города, показывал нам целые кварталы, которые намеревался снести и построить там новые жилища, больницы, школы. Одним словом, имел широкие намерения. Я слушал его, но в суть особо не вникал, потому что тут внутренний вопрос, вопрос города и его мэра. Признаться, я не понимал, зачем он хочет сносить большое количество домов? Может быть, потому, что мы в СССР ощущаем большую потребность в жилье и бережно относимся к каждому дому, который может еще послужить как жилище, пока мы не выстроим нужного количества домов? Да, мы не могли удовлетворить тогда самые насущные потребности в жилье у нашего населения, в первую очередь в Москве. И в других городах положение было не лучше. Люди страдали, жили, как клопы, в каждой щели, в одной комнате по несколько человек, в одной квартире много семей. У них это совершенно невыносимо. К сожалению, наши люди жили именно в таких условиях.

Шабан-Дельмас строил с размахом. У капиталистов — свои законы и свои соображения. Не знаю, куда при этом там выселяли людей, я не стал расспрашивать. Задавать такие вопросы значит брать в какой-то степени под сомнение планы, которые руководитель города развивал передо мной. Мне сказали, что он деголлевец, он и сам не скрывал этого, а гордился, ссылаясь на свою близость к де Голлю, и говорил, что всецело поддерживает его политику.

Мы должны были посетить также Дижон. Его мэр каноник Кир — очень оригинальная личность, один из организаторов антифашистского Сопротивления. Его дважды приговаривали к смертной

казни, но все-таки не казнили. Этот человек занимал дружескую позицию по отношению к Советскому Союзу, высоко ценил вклад СССР в разгром гитлеризма и ненавидел фашизм. Когда наша делегация приехала в Дижон, встреча состоялась царская. Мы разместились в отведенном для нас помещении, а народ собрался огромной толпой у нашего дома, выкрикивая приветствия. Я попросил, чтобы мне перевели. Оказывается, как раз перед моим приездом высшие церковные сановники, не желая, чтобы меня встречал каноник, временно куда-то его отозвали. Мне передали даже слухи, что его держат якобы в келье, пока я не уеду из Дижона. Поэтому толпа, собравшаяся около резиденции, выкрикивала: «Господин Хрущев, освободите Кира!». Они хотели, чтобы я вмешался, как-то воздействуя на кого следует. Но никто не знал, где он находится. Если бы даже и знали, то из этого ничего не последовало бы, потому что тут внутренний вопрос страны, хотя мои симпатии целиком были на стороне Кира. Там считали, что в своих дружеских речах он может выйти за пределы желаемого с точки зрения тех кругов, которые хотели бы принять нас с достоинством, но не более того. Кир же мог не посчитаться с условностями как человек горячий и прямой.

Я сожалел о том, что не имел возможности встретиться с ним. Встреча наверняка оказалась бы очень теплой. Заменял Кира заместитель мэра²⁶. Гостеприимство, впрочем, было безупречным, беседы — самые дружеские и располагающие. Вообще вся Франция проявляла к нам особые симпатии, и такое отношение выражал широкий круг людей. В Дижоне в разгар обеда, организованного в честь нашей делегации, появился паренек в крестьянской одежде, вроде той, которую у нас носит подпасок, помощник пастуха. Он поднес мне барашка белой шерсти с красным бантом, и я взял его. В этой связи было высказано много шуток, барашек переходил из рук в руки. Щелкали фотоаппараты и трещали кинокамеры, фиксируя необычный подарок. Считалось, что барана надо зажарить как угощение. Стали мы судить и рядить, как быть с ним, и решили; пусть он живет, это будет символ, так как баран, когда его не трогают, существо мирное. Возникла веселая и непринужденная обстановка, домашняя обстановка, которая располагала к себе. Вот президент пригласил представителей Советского Союза, следовательно, хотел улучшения отношений между нами, и народ с одобрением относился к поступку президента, приветствуя его гостей.

Де Голль посоветовал мне посетить одну провинцию неподалеку от границы с Испанией. Там добывали подземный газ, может

быть, там были и нефтеразработки. Он порекомендовал также посмотреть опытное поле, зная, что меня интересуют всякие изобретения: «Вы получите удовольствие, там имеются новинки, которые вас заинтересуют». Мы, прилетев туда, наблюдали строительство химического завода по переработке газа или нефти. Я не специалист в этой области, поэтому мне трудно было вникнуть в детали, но стройка произвела сильное впечатление. Буровые вышки не удивили, но дело не в количестве вышек, а в буровых машинах и в скорости проходки. Потом поехали на экспериментальное поле. Де Голль тоже там бывал, он знал состояние работ в этом хозяйстве. Какова же его особенность? Я впервые увидел там распределение воды на орошаемых площадях не путем арыков, то есть канав, какие веками делают в Средней Азии, а разводкой на современном техническом уровне. Лотки поставили на опоры. Требовалось только провести нивелировку с геодезической съемкой местности, расставить опоры, создав нужный уклон, уложить лотки и зацементировать швы. При этом исключается утечка воды. К тому же можно обрабатывать почву под лотками. Сорняков тоже не будет.

Мне все это очень понравилось, и я решил соорудить у нас железобетонный завод, на котором будем формовать лотки и опоры. Вернувшись из Франции, с похвалой отозвался об этой системе орошения. Мы снарядили туда своих ирригаторов, они посмотрели, похвалили, и мы решили перенять новый метод, который мог дать хороший эффект в Таджикистане, Узбекистане и пр. Потом стали использовать данный метод, особенно в Узбекистане. Я много раз ездил туда и всегда восхищался результатами. Сейчас забыл фамилию директора треста, армянина, который занимался этим строительством в Узбекистане. Это истинно советский человек и хороший организатор. Я с большим уважением относился к нему. Думаю, что он посейчас с большой пользой занимается этим добрым делом.

Что именно выращивали французы на орошаемом поле, не помню, но это не имеет значения. Нам были показаны и другие полевые системы, например, дождевание. Видимо, там было какое-то экспериментальное поле с применением разных инженерных сооружений для орошения. Показали нам насосную станцию. Если сравнивать по техническому уровню и замыслу с нашими станциями, то гораздо лучше того, что имелось у нас. Так что я был признателен президенту за экскурсию. В план посещений входил и Марсель, город с революционной славой и революционными традициями. Но каких-либо контактов с рабочими или

коммунистическими организациями во время пребывания во Франции у нас не было, да и не могло быть. Мы знали политические взгляды президента, поэтому предпринимать что-либо со своей стороны, что могло бы быть им неодобрительно принято, и вмешиваться во внутренние дела страны мы не хотели.

В Марселе тоже состоялись встречи на улицах, хорошие и дружелюбные. Потом мы выехали в порт и на катере продолжали визуальный осмотр старого большого города, очень интересного. Природа, с которой мы сталкивались вокруг Марселя, имела большое сходство с одесской: та же низкая колючая растительность и прочее. Да и в общественном понимании всех дел Марсель и Одесса очень близки, два города-побратима. Марсель с Одессой издавна имели торговые связи. Не случайно некоторые украинские крестьянские хатки в степи крылись черепицей той формы, которая называется марсельской. Мне так объясняли происхождение названия. Французские корабли, отправляясь за украинской пшеницей, загружались в качестве балласта черепицей для обеспечения нужной осадки кораблей, чтобы их не качало во время волнения моря. В Одессе черепицу выгружали и потом продавали, а корабли с пшеницей возвращались назад. Как в дореволюционное время существовали связи между двумя портовыми городами, так и сейчас между Марселем и Одессой поддерживаются хорошие отношения.

Разместили нас там во дворце, предназначенном для гостей. Префект принял нас очень любезно. Когда зашли в спальню, он пошутил: «Господин Хрущев, вот ваша кровать, а на ней в свое время спал Наполеон III». Я отшутился: «Мне от этого не мягче». Хозяин отлично понимал, что ссылка на императора не произведет на меня особого впечатления, но рассчитывал, что я соответственно оценю историчность дома как места, где останавливались видные особы, посещая Марсель. Так что кровать, предоставленная мне, тоже была исторической. Потом за обедом мы опять много шутили на этот счет. Туда тоже приехал бывший посол, встрече с которым я был рад. И, конечно, там присутствовал Дежан.

У префекта оказалась очень милая жена, англичанка. Между прочим, она сама сказала, что любит русскую водку. Мы привезли с собой какие-то сувениры, включая водку. Распили там одну бутылку, и я увидел, что у некоторых есть потребность выпить еще. Тогда я обратился к охране: «Нет ли у вас чего-нибудь? Выручите меня!». «Есть!» — говорят. И сейчас же появилась русская очищенная. Хозяйка сразу заулыбалась, а присутствующие распили и эту бутылку. Но должен сказать, что хозяйка держалась с достоин-

ством и не была нисколько хмельна. Видимо, умела пить, а здоровье ей позволяло, и она знала свою грань. Поэтому не хочу, чтобы создалось представление, будто я вольно говорю о супруге хозяина. Нет, то была хорошая мать и хорошая жена. Просто веселая по природе. Не знаю, таков ли вообще характер англичан, она же была гостеприимной, открытой, все время проявляла какую-то инициативу, излучала добро, показывала энергию хозяйки стола. Ее муж тоже был весьма гостеприимен. Вот, могут сказать, что Хрущев — коммунист, глава советского правительства, а так отзывается о французском полицейском! Да, но что же делать? И под полицейским мундиром встречаются истинно человеческие сердца. А мне было приятно иметь дело с таким человеком и чувствовать его теплоту и внимание.

К концу вечера мы, подвыпив, стали петь русские песни. Потом «Марсельезу». Ну, уж без этого никак нельзя обойтись: быть в Марселе и не спеть «Марсельезу»? Вспомнили историю Французской революции. Мне лично было особенно приятно петь «Марсельезу», потому что в молодости мы буквально воспитывались на этой песне, призывном революционном гимне, государственном гимне Франции. Исполняя ее, каждый, видимо, думал по-своему. Французы могли петь ее как национальный гимн, мы — революционный. Потом я спросил бывшего посла: «А знаете ли вы, какие песенки пели в свое время у нас?». И рассказал ему о смысле одной из таких песен. «Я бы спел ее, да не знаю, как отнесется к этому наш хозяин, ведь речь идет о полицейском начальнике. Хотя и о царском, о русском, но все же!» — высказал я сомнение. Он ответил: «Давайте попробуем вместе, я буду подпевать». И мы запели:

«Вот как Трепов-генерал всех жандармов собирал.

Всех жандармов собирал и такой приказ давал:

«Эй вы, синие мундиры, общите все квартиры!».

Обыскали квартир триста, не нашли социалиста.

В триста первую зашли и студента там нашли.

У студента под полою пузырек нашли с водой».

Эта песенка была народной. В свое время среди юношества она пользовалась большой популярностью. Собираясь в узком кругу у Сталина, мы тоже ее пели, но не все ее знали, даже такой обстрелянный в революционных событиях человек, как Ворошилов. Теперь же наш хозяин слов, конечно, не понимал, а бывший посол хорошо понимал и поэтому сказал: «На этом мы прекратим петь, потому что хозяин может нас неправильно понять». И засмеялся. Он умел себя держать, умел также расположить к себе и

снять напряжение в обществе. Могут спросить, а где же тут политические разговоры? Не было их. Надо ведь знать, где мы находимся и с кем. Какие могут быть политические разговоры или дискуссии с представителем президента, который всю свою деятельность направляет на подавление коммунистического движения? Зачем же и затевать такие разговоры, к чему это приведет? И мы вели себя соответственно, разговаривая лишь на отвлеченные темы.

Когда приехали в Верден, то посетили там могилы солдат, погибших во время первой мировой войны²⁷. Тогда русские войска сражались и на французской земле и были захоронены вместе с французами, погибшими в борьбе против кайзеровской Германии под Верденом. На кладбище было возведено сооружение в виде трибун, а внизу распланированное поле с крестами, крестами, крестами... Даже не знаю, сколько их там тысяч. Мы отдали должное: были исполнены гимны, французский и советский, собралась довольно большая рабочая манифестация. Рабочие прибыли на автобусах из ближнего города с красным знаменем и встретили меня по-братски: и как бывшего пролетария, и как главу советского государства, и как представителя коммунистической партии. Уезжая с кладбища, сопровождавший нас представитель президента сказал: «Я очень признателен коммунистам за то, что они приурочили свой приезд на кладбище к вашему посещению и ничего особого не предприняли, чтобы как-то не омрачить память о погибших». Да, они поступили как настоящие французы, продемонстрировав единство народа. Я был доволен: умно сделали! А о том представителе мне говорили, что он до войны примыкал к коммунистам, а после войны стал деголлевцем.

С крестьянами я почти не общался, состоялись лишь мимолетные встречи. Был и такой случай. Однажды мы проезжали мимо крестьянских виноградников. Невдалеке от дороги работал крестьянин. Когда он увидел, что наши машины подъезжают, стал махать руками, показывая бутылку со стаканом, и побежал навстречу нам, к дороге... Припоминаю и такой случай. Мы хотели возложить венки у памятника Неизвестному солдату на могилу павшим в борьбе против гитлеровской Германии. За мной заехал министр внутренних дел, сравнительно молодой человек. Мы сели с ним в одну машину и отправились к месту назначения. В пути он изъяснялся по-русски, но я был особенно удивлен, когда он запел русскую песню. «Откуда вы знаете наши песни?» — спросил я. «Я, — отвечает, — знаю много русских песен и люблю их. Я находился в заключении в концлагере вместе с русскими, подружился с ними

и слышал, как они пели. Там я научился вашим песням и вашему языку». Этот министр тоже был деголлевцем, но очень тепло говорил о русских пленных, с которыми вместе был в концлагере. Думаю, что он, находясь в заключении в гитлеровском лагере, понял, что дружба с Советским Союзом позволит исключить возможность повтора поражения Франции. Залогом безопасности тут служили не столько договоры, сколько хорошие отношения между людьми.

Общество советско-французской дружбы устроило в Париже собрание, на котором я должен был выступить. Народу пришло видимо-невидимо. Большой зал был переполнен. Товарищи, которые смотрели в окна на площадь, говорили, что и она была заполнена народом, и там установили репродукторы. Митинг проходил в исключительно теплой атмосфере, люди выражали самые искренние чувства дружбы к Советскому Союзу и высказывались за дальнейшее развитие и укрепление наших контактов. Франция ценила вклад, который был внесен нашим народом в разгром гитлеровской Германии, в результате чего Франция вновь обрела независимость. Это понимал каждый француз, а не только коммунист, не только рабочий, понимали люди любых политических взглядов. Правда, когда мы говорили, что построение лучшей жизни есть вопрос революционных преобразований, ликвидации капиталистического строя и установления социалистического, с этим большинство французов не соглашалось. И не раз они демонстрировали это при голосовании и при опросах, которые проводились в стране. Но понимание правильности политики, направленной на обеспечение мира, объединило нас. Даже некоторые капиталисты сознавали необходимость крепить дружеские отношения с Советским Союзом.

Программа визита была обширной, и я с удовольствием следовал ей, наслаждался местами, которые посещал, встречами и знакомством с разными людьми. Франция — подлинный музей искусств и истории, там есть на что посмотреть, чему удивиться, чем восхититься и поразиться. Увы, как говорил Козьма Прутков, нельзя объять необъятное. Я смог посмотреть только какую-то долю интересного из бесконечного множества любопытных сооружений, прекрасных художественных полотен и скульптур, дворцов и пейзажей. Когда-то, после окончания рабфака, я впервые посетил в Петрограде Зимний дворец и бегло прошел по нему. Это отняло у меня целый день. Потом у выхода я буквально свалился на какую-то скамейку, чтобы передохнуть. Тогда я был молод и крепок, но так утомился... Лувр же более обширен и бо-

гат, и за один раз его нельзя только даже осмотреть. Показали мне также Елисейские поля и Версаль. Там необычайно красивые сооружения с впечатляющей планировкой насаждений. Объяснения нам давал министр культуры, писатель, фамилия его, кажется, Мальро. Мне рассказывали о его сложной биографии. Когда-то он был активным коммунистом, потом стал не менее активным деголлевцем. Он тоже был весьма любезен, и думаю, что искренне. Со своей стороны, он делал для нашей делегации все, чтобы создать наилучшее представление о Франции, и старался показать все, что заслуживало внимания.

С интересом познакомился я с посадкой фруктовых деревьев шпалерами. Ветки все подвязаны, деревья невысокие, плоды удобно снимать без усилий, не надо сбивать или стряхивать. Такие плоды не бьются и хранятся потом длительное время. На одном гектаре насаждений их получается больше. Правда, у таких деревьев меньший срок жизни, но это окупается. Считаю, что это очень хороший метод садоводства. Потом я ознакомился с литературой по такому способу насаждений. Наши специалисты тоже одобрительно относятся к этому способу посадки, но, к сожалению, я нигде не встречал его в СССР, кроме как у отдельных любителей.

На пресс-конференциях, собраниях и митингах нам предоставляли возможность излагать свою точку зрения по вопросам международного характера и внутреннего устройства. Мы не прятали своих идей, не маскировали их, полным голосом высказывали свою точку зрения на капитализм как общественный строй, который должен уступить место более прогрессивному, социалистическому строю. Говорили, что буржуазное общество отживает свой век. Отвечая на вопросы, говорили, что внутреннее устройство каждого государства и изменение существующего строя зависят от желаний народа. Мы же не вмешиваемся во внутренние дела, революция — не экспортный товар, как и контрреволюция. Иное дело, что наши симпатии — на стороне идей, основываясь на которых, мы сами строили свое государство. Говорил я, что друг другу всегда надо желать добра, и я желаю французам того, чего и себе желаю, то есть процветающего общества. Это хорошо воспринималось, хотя и не всеми. Многие стояли на буржуазных позициях, но проявляли вежливость, диспутов не возникало.

Когда я беседовал с товарищем Торезом, он одобрил наше поведение, наши острые речи, в которых мы не сглаживали углов и прямо высказывали свои классовые симпатии. «Вы очень содействовали нашей пропаганде социалистических идей», — гово-

рил он. Само его лицо свидетельствовало об этом. Его приятная, простая, душевная улыбка и сияющие глаза показывали, что он не играет. Передо мной сидел крупный политический деятель, который умел защищать свои идеи и бороться за них, непримиримый к фальши, прямо высказывавший свои чувства, и мне было приятно наше полное единство. Он благодарил нас за прямоту, с которой мы выступали. Прямота-то бывает разная. К примеру, бывает колкая. Но мы понимали, что являемся гостями де Голля, хотя и нашего антипода по общественным взглядам, и поэтому во внутренние дела страны не влезали.

Завершив запланированное путешествие по стране, мы вернулись в Париж. Президент предложил нам с Ниной Петровной съездить в его загородную резиденцию²⁹. Таким приглашением тоже выражалось особое уважение к нашей стране. Оно было аналогичным той чести, которая была оказана нам президентом США в Кэмп-Дэвиде. В загородном дворце действительно никто не мешает беседам, чувствуешь себя свободно, есть возможность для обмена мнениями и за завтраком, и за обедом, и за ужином. Де Голль с женой и мы с Ниной Петровной вместе обедали, завтракали и ужинали. Не знаю, соответствует ли действительности (как нас предупреждали), что супруга президента была убежденной католичкой, которая терпеть не может коммунистов. Значит, приглашая нас, она учиняла над собой внутреннее насилие. Но мы этого не почувствовали. Это культурная женщина, хорошо умеющая владеть собой и ничем не выдававшая своих чувств в отношении нас, коммунистов и атеистов. Она очень любезно ухаживала за нами как хозяйка дома и как хозяйка стола. Почти все остальное время мы проводили в беседах с де Голлем один на один. Приезжали к нам для участия в переговорах Громыко с Виноградовым, а Нина Петровна оставалась полностью на попечении жены де Голля.

Не помню, где начались официальные переговоры, в Париже или в загородной резиденции. Но для вопросов, которые требовали решения, это не имело значения. Поэтому я скажу лишь о сути дела, как излагали мы свою позицию и как реагировал де Голль (как мы чаще его называли, господин генерал). Основным оказался германский вопрос. Если бы я начал подробно излагать де Голлю нашу позицию, думаю, что ему было бы неинтересно, потому что он хорошо ее понимал. Но мы де Голля понимали плохо. Этот политический деятель во время оккупации возглавлял движение Сопротивления, а теперь стал союзником Западной Германии. Их союз был направлен против СССР и всех стран социализма. Да,

такого де Голля мы не понимали! Что он антикоммунист, в этом у нас никогда не было сомнений. Но теперь в вопросах межгосударственных отношений у него проявились оттенки, которых мы не могли объяснить. Какие-то особенности его личных политических взглядов, которые он не раскрывал публично.

При переговорах все садятся за общий круглый стол. С обеих сторон присутствовали министры иностранных дел и чиновники. Мы сначала изложили свою позицию (существует такая формальность), потом поставили главные вопросы, по которым хотели найти общий язык с французами, чтобы принять решения на общее благо. Каковы же эти вопросы? Во-первых, подписание мирного договора с Германией. Вопрос вопросов! Он является узловым. Если его разрубить, то сразу ослабнет международное напряжение. Перед важным решением человек собирается с духом, напрягается, особенно если тут вопрос жизни или смерти. Решится такой вопрос, и сразу мускулы расслабляются, человеку свободнее дышится, у него начинает нормально биться сердце. Так и в политической жизни. Вопросы разоружения, торговли, культурных связей, обмена научными достижениями, все то, из чего складываются нормальные межгосударственные общения, составляют основную цель естественного развития отношений между государствами и решаются положительно только в случае исключения возможности военного столкновения. Именно в исключении будущего военного столкновения состояла суть германского вопроса. Крепкий орех, который не так-то легко расколоть или разгрызть.

Де Голль вел беседу очень спокойно и неторопливо. Он даже несколько поражал нас своим спокойствием. «Господин Хрущев, — говорил он, — а зачем вам сейчас обязательно надо заключать мирный договор? Нужные условия еще не созрели, поэтому сейчас трудно договориться. А что изменится, если решение отложить? Поэтому на сегодня я не считал бы это главным вопросом». Мы с этим не могли согласиться. Но он так искренне и так убедительно доказывал, что я, посматривая на него, думал: а не шутит ли он с нами? Нет, он говорил серьезно. Потом я поверил в его серьезность. У него имелось свое понимание событий. «Вы, — говорил он, — сейчас имеете Восточную Германию, и она входит в Варшавский Договор. А мы имеем Западную Германию, которая входит в наш НАТО. Пусть так и будет. Западный же Берлин обладает особым статусом». По Потсдамскому соглашению мы тоже так толкуем дело, но видим, что на практике западные державы не выделяют Западный Берлин как особую политическую едини-

цу, а дают возможность ГФР включить его в свой состав. Де Голль соглашался с Потсдамским соглашением и в данном вопросе не вступал с нами в спор, вроде бы соглашался с нашим толкованием. Особый статус Западного Берлина другие западные державы признают лишь на словах, тогда, когда им это выгодно, а в жизни они его игнорируют, проводя свою экономическую и административную политику и считая, что Западный Берлин является частью ГФР (нынешней ФРГ).

Мы повторяли свои соображения на сей счет. Ранее мы много раз их высказывали и в документах, и на митингах, и в диспутах, и на пресс-конференциях. Доказывали, что Западная Германия набирает силу. Что она экономически уже достигла большой мощи и является сильнейшей из европейских стран, входящих в НАТО. Ее экономика самая могучая, а ее армия — самая многочисленная. На основе достижений науки и техники ее вооружения становятся все более смертоносными. Приводил я и прочие доказательства, которые не требовали особых усилий для понимания их де Голлем. Как военный, политик и государственный деятель он все прекрасно понимал.

Однако, когда мы заговорили о том, что может разразиться война, а Франция будет втянута в нее как союзница НАТО, он спокойно и довольно твердо ответил: «Господин Хрущев, смею вас заверить, что Франция никогда не будет вместе с Германией воевать против Советского Союза. Пока Германия (так он говорил: Германия) входит в состав НАТО, она вообще не получит возможности развязать войну против СССР и ГДР. Если Германия объявит войну ГДР, то это будет со слабым прикрытием военных целей, сквозь это прикрытие просветит полный скелет агрессивных планов». И доверительно добавил: «Мы вас понимаем, мы тоже сейчас против объединения Германии. Господин Хрущев, вы, наверное, знаете, что Франция занимала особую позицию во время потсдамских переговоров. Но нас не послушали. Господин Сталин нас не поддержал, а мы еще тогда предлагали более радикальные решения».

Кажется, Франция тогда стояла за большее раздробление Германского государства, не такое, какое сложилось в результате оккупации. Де Голль предлагал тогда новое государственное устройство Германии, с тем чтобы она утратила единую государственность. Это предполагало отсутствие и единого правительства, и единой военной, и единой внешней политики. Кроме того, Франция претендовала на некоторые пограничные немецкие районы, которые вошли бы в ее состав. Но сейчас не смогу, взяв ка-

рандаш, точно показать, на какие территории претендовала Франция. Черчилль во время войны тоже высказывался за расчленение Германии. Но сейчас я не буду об этом вспоминать, потому что это потребовало бы обратиться к архивным материалам или хотя бы к газетам.

«Да, я помню, что вы занимали особую позицию по немецкому вопросу, — тоже спокойно ответил я. — Вы говорите, что Сталин вас не поддержал? Но я понимаю Сталина. В то время у нас были другие взгляды на Германию, мы по-другому оценивали послевоенное положение и направление развития будущего германского государства. Видимо, исходя из этих соображений, Сталин и не поддержал ваших предложений». Далее ни президент, ни я со своей стороны не стали детализировать эти взгляды. Однако хочу изложить свое понимание взглядов Сталина на немецкий вопрос в преддверии разгрома Германии. Они не изменились и в дни Потсдамской конференции.

Чем руководствовался Сталин в немецком вопросе? Он был убежден (и я тоже придерживался такого мнения), что после разгрома немцев и разорения, в котором оказалось их государство, немецкий рабочий класс, крестьянство и все общество захотят выйти из того политического и социального состояния, в котором Германия находилась перед войной. Мы предполагали, что там свершится социальная революция, будет ликвидировано капиталистическое господство, возникнет пролетарское государство, которое будет руководствоваться марксистско-ленинским учением, установится диктатура пролетариата. Это было нашей мечтой. Мы считали, что это будет самым простым решением немецкого вопроса. В результате Германия перестанет быть милитаристским государством и перестанет угрожать Европе войной, которую она уже несколько раз развязывала. Нам казалось, что такое возрождение страны неизбежно. Исходя из нашего понимания дела, мы считали, что после разгрома фашизма создавались самые благоприятные условия для объединения рабочего класса с беднейшим крестьянством в борьбе за революционное государство, в котором не стало бы частной собственности и осуществился переход на позицию строительства социализма.

Такое же положение, по нашему мнению, складывалось в те годы во Франции и Италии. И там, как мы надеялись, вскоре победят коммунисты. Тут — простая аналогия. После первой мировой войны Россия совершила у себя рабочую революцию. После катастрофы, в которую Европа была ввергнута Гитлером и Муссолини, после второй мировой войны Франция и Италия тоже должны

перейти в социалистический лагерь. А насчет Германии у нас и сомнений не было. Мы были абсолютно уверены в том, что она станет социалистическим государством. Не говоря уже о других странах, которые тоже пойдут вслед за этими державами. Поэтому, естественно, после разгрома Германии, чтобы заручиться симпатиями немцев к советской политике, Сталин высказывался за единую Германию. Он представлял себе, что единая Германия будет социалистической и станет союзницей СССР. Вот концепция, которой придерживались и Сталин, и мы, все его окружение.

Но после Потсдамской конференции события развивались не в нашу пользу. Вся мощь США была поставлена на ноги для того, чтобы удержать разоренные страны Европы от революционного взрыва масс. США пустили в дело свой капитал, постарались накормить голодных и удержать их в узде, стали восстанавливать промышленность, чтобы занять массу людей и сохранить тамошнее хозяйство на капиталистической основе. Так оно и произошло. И Франция, и Германия, и Италия, то есть государства с наиболее развитым капиталом, мощной промышленностью, сильным рабочим классом и могучими коммунистическими партиями, пережили сложные дни...

Однако не получилось так, как мы предполагали. Капитализм продемонстрировал свою живучесть и остановил шедший процесс. Мы были разочарованы. Вот наши взгляды в те годы. Руководствуясь этими соображениями, Сталин проводил политику, которая вступила в противоречие с пожеланиями де Голля, который тогда представлял Францию. Но я не стал теперь объяснять де Голлю все это, а только сказал, что Сталин имел свои соображения, сейчас же обращаться к обсуждению этого вопроса в прежнем виде нецелесообразно. Де Голль это понимал и в противовес нашей точке зрения сделал только один экскурс в прошлое. Он вспомнил Потсдам, когда стрелка весов склонялась в пользу союзников, и привел высказывания политических деятелей и журналистов, которые отражали взгляды своих государственных лидеров насчет будущей Германии. Тут мы, сознавая свою правоту, стали, грубо говоря, нажимать на него, чтобы он если и не принял нашу точку зрения, то проникся сознанием тревоги.

Действительно, Западная Германия угрожала Европе. Если бы новая война была развязана, она стала бы катастрофой. Носителем этой заразы и военного психоза являлась партия Аденауэра. Чтобы предотвратить опасность, надо было заложить в Германии другие основы, а Советскому Союзу и Франции проявить больше взаимопонимания и приложить побольше усилий, чтобы не до-

пустить такой войны. В первую очередь немцы, ища слабое место, безусловно, опять обратили бы свои взоры на Францию, а не на СССР. Так что Франция не меньше, чем Советский Союз, а даже больше должна быть заинтересована в укреплении с нами дружеских отношений и в противопоставлении их агрессивности Германского государства. История доказывает, что многое может повториться, могут возродиться в какой-то форме и идеи Гитлера. На почве шовинизма вырастает агрессивность, питательная среда для политики реванша. Гитлер именно на этой основе обрел силу, его лозунгом стала реставрация величия Германии, утверждение ее главенства в Европе и в мире. Он развязал войну, как раз считая, что добьется мирового господства и станет владыкой мира, а Германия будет диктовать свои условия всем другим.

Вот что я «втолковывал» де Голлю. Он вел себя умно, понимал наши аргументы и считал, что они заслуживают внимания, но ведь он принадлежал к другому классу: был противником революции, был и остался противником социализма, являлся антикоммунистом. Его классовая сущность тянула его в другой лагерь. И он балансировал, стремясь не ослабить свой лагерь, а с другой стороны, не позволить контрсоциалистическим силам столкнуть нас и развязать войну. «Господин Хрущев, — несколько раз повторял он, — я вас понимаю, давайте договоримся: пусть остается так, как есть, пусть ГДР входит в состав Варшавского союза, а ФРГ — в НАТО. Оставим все так, как сложилось, не будем нарушать разграничения стран, входящих в НАТО и в Варшавское объединение, разваливать статус-кво. Франция никогда не будет воевать против ГДР, она нам не нужна. Но и вы поймите наше положение: мы не хотели бы ослаблять себя. Следовательно, СССР должен признать необходимость вхождения Западной Германии в НАТО».

Он хотел не нарушать равновесия между двумя блоками, как географическими, так и социально-политическими. Именно нарушение равновесия, по его мнению, могло кончиться катастрофой. Мы снова твердили свое. А де Голль, очень умело ведя беседу по столь острому вопросу в спокойной, даже флегматичной манере, излагал нам необходимость сохранения статус-кво. И вместо того, чтобы вступить с нами в спор, сказал: «Что вы получите от заключения мира? Ничего добавочно не получите. Поэтому довольствуйтесь тем, что есть. Вы уже имеете очень много и представляете огромную силу, с которой мы считаемся и будем считаться. Зачем вам добиваться для вашей ГДР подписания мирного договора?». Он считал, что ГДР принадлежит нам, и не понимал, зачем

нужно оформлять мирный договор. А нас просто рассматривал как собственников Восточной Германии. Мы же хотели другого, подходя к делу по-коммунистически, желали, чтобы мирный договор установил нормальные отношения между всеми государствами, ГДР получила бы полный суверенитет и возможность строить дипломатические, культурные, экономические связи со всеми странами по своему усмотрению и в своих интересах.

Де Голль, делая вид, что не понимает этого, несколько грубовато представлял наши взаимоотношения с ГДР. Конечно, он знал, что подписание мирного договора изменило бы всю атмосферу в НАТО. Знал своих союзников, понимал, что они не пойдут на это, и поэтому не хотел представлять Францию оппозиционной силой по отношению к НАТО. Правда, позже он как раз так и поступил, когда вывел Францию из военного объединения НАТО, вывел ее войска из-под власти натовского главнокомандующего³⁰. Но это было потом. А во время переговоров даже намек не делал на то, что политика США навязывалась Франции и всем другим странам НАТО. Затронул он и идею объединенной Европы. Полагал, что Европа должна объединиться, а ее восточная граница проходить по Уралу. Эту формулировку я не понимал, да и сейчас с трудом себе ее представляю. Что такое «Европа до Урала», если она разделена? В ней имеется несколько государств с различным социально-политическим устройством в разных военных группировках. К тому же нас настораживала неприятная аналогия: Гитлер тоже говорил, что дойдет до Урала. «Вот тебе раз, — думал я, — одного разгромили, теперь другой подбрасывает ту же идею».

Как Европа объединится? Чем будет такое объединение? Мы, например, хотели бы, чтобы вся Европа от Урала до западных морских границ стали социалистической и чтобы европейские страны ликвидировали капитализм. Западные политические деятели имели в виду то же самое, только наоборот, на основе капитализма. Поэтому я тоже не вступил в дискуссию и не задавал никаких вопросов, не уточнял мысль президента. Тем более что за столом, когда мы остались одни, де Голль с женой и я с Ниной Петровной, он в ходе беседы, обращаясь ко мне через переводчика, произнес: «Мон ами!» (то есть мой друг). Обратившись так, он посмотрел на меня по-особенному (не сказал бы, что улыбнулся, нет, он вообще очень редко улыбался). Я соответственно ответил ему тем же: «Мой друг, господин президент!». То был хороший признак. Де Голль хотел показать, что, несмотря на то, что мы люди противоположных политических убеждений, наши уси-

лия объединяются в вопросе обеспечения мира. Вот он и считал меня и своим другом, и другом Франции. Я ответил ему тем же.

Что еще было примечательного в наших беседах? Вспоминаются различные их штрихи. На приеме, который был дан в нашу честь французским правительством, собралось много гостей. Впрочем, так всегда бывает, когда принимаются знатные иностранные гости. Де Голль энергично знакомил меня с представителями тех африканских стран, которые входили во Французское содружество. На деле то были колонии. Куда бы он ни ушел, его сразу издали видишь, не потеряешь глазами, такой высокий. Смотришь, а он уже ведет с собой какого-то негра и представляет его: «Вот представитель такой-то провинции Франции». Естественно, эти люди всегда улыбались, были любезны со мной, но особенно любезны с президентом. Он оставлял нас вдвоем, а сам шел за другим. Подошел ко мне со смуглой женщиной средних лет из Алжира, членом какой-то французской палаты, представил ее, а она защебетала: хвалила Францию, хвалила де Голля, хвалила Французское государство и доказывала, что арабам Алжира прекрасно живется во Французском содружестве. Мне было неприятно слушать ее, но в спор я не хотел вступать, тем более в такой обстановке. Это была бы демонстрация с моей стороны. И только задал ей вопрос: «Госпожа, видимо, не все так думают, как вы? Встречаясь с вашими соотечественниками, я услышал бы, наверное, и другое?». «Ну, конечно, не все, но большинство». «А кто же тогда воюет против французского режима в Алжире? — спрашиваю. — Война длится уже несколько лет, сами факты противоречат вашим словам. Видимо, вы лично действительно довольны. Это случается, когда бывают довольны отдельные личности. Но я сомневаюсь, что вы выражаете думы своего народа».

Тут де Голль подвел ко мне других гостей. Познакомил меня с каким-то сенегальцем, высоким и красивым мужчиной. Его кожа была черной с синим оттенком. И он тоже стоял за содружество, за то, чтобы Сенегал входил в состав Французской республики, и говорил, что они очень хорошо живут. То есть де Голль хотел показать мне, что колонии Франции и их представители не являются угнетенными, а, наоборот, пользуются всеми правами, которыми пользуются французы, счастливы и хотели бы продолжить существование в составе Франции. В данном случае он представлял мне своих подопечных, входивших в состав правительственных органов, людей избранных, откормленных, выхоленных, образованных и, возможно, богатых. Поэтому они и были довольны своими колонизаторами, а де Голль мне их представлял как вырази-

телей воли африканских народов, которые восхваляют Францию. Одним словом, я мог бы вспомнить великого украинского поэта и мыслителя Шевченко, как сказал он о Российской империи: «От молдаванина до финна во всей стране все молчит, ибо благоденствует». Очень умные слова с едкой иронией. В данном случае мне можно было бы высказать их де Голлю. Но как гость я должен был слушать, делать выводы и не вступать в дискуссию.

Не помню, при каких обстоятельствах заговорили мы о Секу Туре³¹, президенте Гвинеи. Я сказал, что знаком с ним, и отозвался о нем хорошо. Де Голль знал, что я с ним знаком, поскольку тот не один раз бывал в Советском Союзе после обретения Гвинеей независимости. В то время французы были изгнаны из Гвинеи. Прекратилась всякая связь двух стран, и Гвинея оказалась в критическом положении. Из-за отсутствия кадров парализовалась ее жизнь, закрылись даже банки. Тогда по просьбе Секу Туре мы подали руку помощи и послали своих специалистов. По-моему, отправили им пшеницу и что-то еще. И я тотчас вспомнил о тех событиях, но с де Голлем говорить о них тоже не стал, хотя мы были полностью на стороне гвинейского народа и делали все, что в наших силах, для укрепления полученной им независимости.

Правительство де Голля провело в колониях голосование: хотят ли они получить полную независимость или желают остаться в составе Франции? Нужно отдать де Голлю должное, ведь не каждый на это пошел бы. Но де Голль был уверен, что все колонии проголосуют за Францию. И не обманулся. Однако так проголосовали все, кроме Гвинеи. Ее народ сказал «нет!» и проголосовал за выход из Французского содружества, за независимость. Нам было очень интересно узнать, действительно ли Франция согласится с выходом Гвинеи из содружества, выведет свои войска и не будет вмешиваться в ее внутренние дела? Но де Голль — человек слова! Потом на примере Алжира он еще раз подтвердил то же самое. Гвинея получила независимость. Думаю, что это единственная страна, получившая от Франции независимость без особого столкновения. Де Голль сказал мне, что лично знал Секу Туре. И при этом голос его прозвучал с грустью, с сожалением: «Да, эти люди получили образование во Франции, а теперь Гвинея вышла из состава Франции». В его словах звучала настоящая скорбь. Но никаких других выражений, которые как-то принизили бы Секу Туре, он не допустил.

Там, на приеме, собралось много разных людей: и политических деятелей, и финансистов. Де Голль подводил ко мне только представителей африканских народов, а французы подходили

сами. Пришли крупнейшие капиталисты, но, как обычно, деловых разговоров на приеме не вели, а обменивались общими фразами. Один подходит, другой подходит, получается толчея, но тут правильная форма общения. Каждый, приглашенный на прием, получает возможность выбрать собеседника. Таким образом создаются лучшие условия общения, чем за столом, когда не можешь сменить свое место.

В программе пребывания во Франции было запланировано посещение автомобильного завода Рено³². Директор завода произвел на меня благоприятное впечатление, был внимателен к нашей делегации. Предприятие тоже нам понравилось, оно выпускало хорошие автомобили. Директор высказывал мысль о сотрудничестве с каким-то нашим автомобильным заводом, и я поддерживал его. Мы тоже были бы согласны на такое сотрудничество, но из этого тогда ничего не получилось. Не так-то легко установить сотрудничество, имея разные социально-экономические системы. На заводе Рено было проявлено и в политическом отношении благосклонное к нам отношение. Видимо, среди рабочих имелось много коммунистов. Не помню, состоялось ли там наше выступление, но общее впечатление сохранилось у меня в памяти как радужное.

Затем послом Виноградовым и его супругой в честь моего приезда был организован прием. Они вдвоем встречали всех гостей, и я тоже какое-то время постоял рядом с ними, так как гости приглашались в честь именно моего пребывания во Франции. Пришли все известные лица, в том числе считавшиеся знатью. Современная знать Франции не всегда обладает предлогом «де» перед фамилией, подчеркивающим принадлежность к дворянскому сословию (например, де Голль). После Великой Французской революции поблекло значение фамилий с такими предлогами, вперед выдвинулся Господин Капитал. Поэтому новую знатность обрели те люди, кто обладал большим капиталом. Чем больше капитала, тем знатнее человек.

Когда я увидел, что по лестнице поднимается человек красивой наружности с внешностью, которая смахивала на рисунки парикмахеров на вывесках — черненькие усики, соответствующая прическа, облик рекламного характера, — посол сказал, что это крупнейший капиталист Франции Ротшильд³³, и представил нас друг другу. Ротшильд — громкая фамилия. Когда еще я был рабочим, она была знакома мне из газет. Возможно, его фамилия мелькала в наших газетах в какой-то связи с забастовками на его фабриках. Но и после революции об этом представителе банковского

капитала Франции мы хорошо знали. «Рад познакомиться, — сказал ему я, — теперь буду иметь представление о господине Ротшильде. Я только слышал о вас, а сейчас имею честь пожать вам руку как гостю нашего посольства». Он что-то буркнул в ответ и сразу отошел, потому что гости валили густым потоком.

По-моему, никаких деловых связей мы с Ротшильдом не имели, хотя посол говорил, что он проявляет к нам внимание и, возможно, хотел бы установить контакты. А если Ротшильд пришел на прием, то этим хотел продемонстрировать, что вовсе не бойкотирует нас. Но я не сказал бы, что тем самым он пожелал выразить личное уважение к моей персоне. Никакого особого уважения к представителю советского государства, председателю Совета Министров и первому секретарю ЦК компартии у него, конечно, не могло быть. Я коммунист, он капиталист, оба мы мыслили в этом плане реально, а пришел он потому, что получил приглашение посетить гостей своего президента. Правда, тем самым он выражал признание нашему государству.

И, естественно, на этом приеме были товарищи Торез, Дюкло, Жаннетта Вермерш³⁴ — жена Тореза, активный политический деятель Франции. Эта бывшая работница не только являлась женой вождя Французской компартии, но и сама представляла рабочий класс. С ними я обменялся дружескими рукопожатиями и объятиями, однако беседовал недолго, требовалось оставить время для разговоров и с другими гостями, тем более что с лидерами коммунистов мы уже встречались в нашем посольстве и наметили свои новые встречи, обсудив также все вопросы, которые нас интересовали и как политических деятелей, и как друзей, связанных братскими узами.

На приеме я встретился со своим знакомым, крупным капиталистом Франции господином Буссаком³⁵, владельцем нескольких фабрик с тысячами рабочих. У него имелись текстильные, трикотажные и иные предприятия, вырабатывавшие ткани, одежду, Галантерею. Продукция его была замечательной. Сам он был уже в летах, одряхлел. Бывают случаи, когда капиталисты питают искренние дружеские чувства к Советскому Союзу. Так и с Буссаком: он питал к нам добрые чувства и выражал их открыто, это нас быстро сблизило. Его особенно привлекала наша борьба за мирное сосуществование, видимо, только она, ничего другого не могло быть, потому что он не мог сочувствовать нашей общественной системе. Ну, да и это уже хорошо! Борьба за мирное сосуществование — одна из форм укрепления связей между государствами. В борьбе за мир должны участвовать все народы, все люди,

независимо от их принадлежности к тому или иному социальному строю и независимо от их политических убеждений. Образцом таких отношений являлись контакты с господином Буссаком. Мне рассказывали, что он по национальности чех, но давно выехал из Чехии и офранцузился. Он пригласил нашу делегацию на выставку, которую организовал на одной из своих фабрик, и мы с удовольствием приняли приглашение.

Буссак явно «ухаживал» за нашей делегацией и за мной как ее главой. Считаю, что он лелеял тут какую-то надежду на продажу своих изделий в СССР. Это было бы выгодно каждому фабриканту, и Буссаку тоже. Нам он показал товар лицом. Изделия были изумительными: отменные ткани, всевозможная текстильная Галантерея, женские туалеты — все очень изящно, красиво, добротно сделано. Нам надо учиться такому. В состав посетителей выставки входили также Косыгин и (кажется) Фурцева. А Косыгин как крупный специалист по легкой промышленности особенно интересовался продукцией Буссака. «Все, что вас заинтересует на моих фабриках, — говорил этот господин, — я готов показать, ворота открыты. Могу даже показать свое конструкторское бюро, над чем мы сейчас работаем, чтобы сменить современную продукцию еще более модной».

Сотрудники посольства шепнули мне, что в сверхсекретное конструкторское бюро владелец прежде никого не впускал. Конечно, ведь капиталист рассчитывает на успех, поэтому боится конкурентов. Но наших представителей он туда пригласил. После осмотра я попросил Косыгина еще раз и более детально познакомиться с производством у Буссака. Косыгин еще при Сталине занимался этими видами продукции и даже в Москву приехал в свое время из Ленинграда, где был директором фабрики. Как министр он позднее вплотную занимался обувной и тому подобной промышленностью. Украина была важным поставщиком кожевенного сырья, и у нас возникали порою трения на этой почве: я как бы возглавлял поставщиков, он — потребителей. Кажется, после моего возвращения в Москву Косыгин еще раз съездил во Францию для ознакомления с названным производством. Мне очень хотелось перенести что-то полезное в нашу промышленность, тем более что Буссак предложил свое содействие. И я сказал: «Раз он будет оказывать содействие во внедрении способов изготовления хороших изделий, надо этим воспользоваться».

Конечно, за это придется платить. Он ведь капиталист и не станет бесплатно передавать свою технологию. Да и нельзя просто воспользоваться его любезностью, выгода должна быть взаим-

ной. Заплатим ему той же монетой, дадим возможность заработать на поставках в СССР какого-то количества своих изделий. Действительно, с его помощью мы кое-что сделали потом в данной сфере, хотя продолжали отставать и по качеству, и в организации производства трикотажных изделий. Во всем том, что привлекает покупателя, создает ему хорошее настроение, превращается в хозяйственную необходимость, украшает человека и его жилье, мы отстаем. А за границей изготовляют все, что только может пригрезиться хозяйке: отличное белье, верхнее платье, то, чем можно убрать стол и постель... Все это делает Буссак, и все — исключительного качества.

Во время осмотра выставки его изделий он сам показывал экспонаты, стремясь, чтобы мы узнали о них более детально. И мы затратили там много времени, о чем не жалею. Я запомнил и раздел, где были выставлены фотографии, рассказывающие о быте его рабочих. У них имелся фабричный дом отдыха, им они пользовались на льготных условиях. Существовали также детские ясли и детские сады для детей его работников, дети выглядели очень привлекательно, одеты нарядно, их дома — в зелени, с отличным оборудованием. И я подумал: «Фабрикант, а создает такие условия для своих рабочих!». Конечно, Буссак и не думал убедить меня, что капитализм тоже заботится о всех рабочих, создавая им такие условия. Он-то знал, сколько внимания и средств уделяем мы организации домов отдыха, санаториев, детских яслей и садов, лечебниц и прочего. Никакой капиталист в мире не сможет соревноваться с нами в этой сфере, чего я не сказал Буссаку, не желая затевать спор о капитализме и социализме. Сей вопрос для меня лично решен очень давно. Но я не думал, что при споре смогу выиграть и из капиталиста сделать коммуниста, поэтому не стал углубляться в проблему. Тем не менее то, что нам показали, можно и изучать, и применять у нас.

С Буссаком я познакомился так: однажды он прислал мне телеграмму с просьбой принять его, указав время, в которое мог бы посетить Советский Союз. Мы через Министерство иностранных дел ответили господину Буссаку, что я буду рад принять его. Он приехал. Наша беседа носила общий характер и затянулась. Но, когда она кончилась, он поблагодарил меня и уехал, не поставив никаких конкретных вопросов, чем я был удивлен. Зачем же он приезжал? Говорили мы только о борьбе за мир и германской проблеме, хотя нашу позицию он в целом знал, мы ее довольно полно излагали в печати. Он, как выяснилось, с большим уважением относился к нашей внешней политике, особенно

борьбе за мир. Это привлекало его симпатии и к нашим политическим деятелям, в том числе ко мне. Советская внутренняя политика его не привлекала, внешняя — удовлетворяла. Он издавал газету «Орор»³⁶, по нашим меркам — самую реакционную. Первой нас не щадила именно эта газета. Получалась странная ситуация: газета, которая издавалась на деньги Буссак, не согласовывала с ним своей политической направленности? То есть не сопрягалась с тем духом, который я уловил в беседах Буссак со мной?

Однако и об этом я ему ничего не сказал. Капиталист есть капиталист, лучше всего реально представлять себе интересующие его в первую очередь вопросы. Он совпадал с нами только в аспекте борьбы за мир. А просил о встрече, видимо, желая побеседовать со мной, чтобы сделать вывод о наших дальних намерениях и лично от меня услышать о них, а не основываться на чтении газет и наших речей. Мы расстались тогда с ним по-доброму, и он тут же уехал. Ведь проблема стоимости прилета из Франции в СССР и назад для него не существовала. Он имел тысячи рабочих, которые создавали необходимые ценности для обеспечения любых его поездок. Потом к моему 70-летию он прислал мне несколько бутылок коньяка и кальвадоса из своих подвалов. Последнее вино — очень крепкий напиток на основе яблочного сока. «Посылаю вам несколько бутылок из моих подвалов, — писал он в поздравительном тексте, — тем самым свидетельствую свое уважение и поздравляю вас с 70-летием». Его коньяк 70-летней выдержки я охотно попробовал и попутно вспомнил о своих встречах с этим интересным человеком.

Буссак являлся каким-то отдаленным подобием нашего Саввы Морозова. Морозов, узнав, что Горький связан с большевистской партией, не только не порвал их дружбы, но, когда возникла нужда, через Горького помогал большевикам деньгами. Встречаются вот такие оригиналы... Буссак не буквально, но был похож на Морозова. Имея дело со мной как с главой советского правительства, он ничего общего не имел, однако, с коммунистами Франции и никаких ссуд им не давал. Его газета вела самую жестокую борьбу с коммунистами, да и сейчас ее ведет. Возможно, что тут была и другая сторона дела. Обладая хорошими отношениями с главой советского правительства, он рассчитывал наладить деловые, торговые связи и заработать. Ну и что же? Мы тоже так смотрим на дела. Мы с ним правильно друг друга понимали и исходили из верных взаимных оценок. Каждый из нас считал, что сложившиеся связи полезны.

Вернусь к приему в нашем посольстве. Там, а также на приеме, который был дан французской стороной в честь нашей делегации, я встречался и с политическими тенями прошлого. Наш посол представил мне Даладье³⁷, предвоенного премьер-министра, уже старого человека, одного из тех людей, кто несет ответственность за то, что в 1939 г. Франция не договорилась с Советским Союзом и мы не смогли противопоставить наши объединенные силы гитлеровской Германии. Во Франции бывшие премьеры сохраняют в обществе прежние звания, поэтому посол и сказал: «Премьер Франции» и тут же произнес его фамилию, чтобы не возникло путаницы. После поездки во Францию я встретился с Даладье еще раз и беседовал. Он поехал в Китай в качестве туриста, а на обратном пути попросил о встрече со мной, обратившись через Министерство иностранных дел СССР. Мы обменялись мнениями и решили, что я его приму в Кремле. Добавлю, что я никогда лично не принимал никакого рода иностранцев без согласования в Президиуме ЦК КПСС.

Меня тоже интересовала встреча с Даладье: хотелось еще раз взглянуть на человека, который вместе с Невилем Чемберленом³⁸ определял, быть мировой войне или не быть. Я не стал затрагивать этот вопрос, навязывая дискуссию насчет чьей-то ответственности за кровавую войну. Он заговорил на другую серьезную тему: «Возвращаюсь из Китая. Ездил я там и увидел, что вы очень много делаете для Китая. Видел заводы, фабрики, другие сооружения, которые строятся под ваши кредиты и под руководством ваших инженеров и техников. Таким образом, СССР оказывает очень большую помощь по перестройке промышленности Китая. Не считаете ли вы, что это может потом обернуться для СССР опасностью?». Говорил он очень спокойно. Может быть, такова его манера говорить вообще. Может быть, по старости...

Я ему: «Нет, мы такой опасности не видим. Китай является нашим другом и братом». «А вас не беспокоит желтая опасность, о которой во всем мире звучат голоса? Не угрожает ли и вам желтая опасность?». Я был удивлен такой постановкой вопроса и резко отверг его рассуждения: «Мы по-другому относимся к людям, не делим их по цвету кожи на желтых, белых, краснокожих, черных и коричневых, а смотрим на принадлежность к классу. Китай является социалистическим государством, китайцы — наши братья по классу. Мы, руководствуясь тут общими соображениями, заинтересованы в дружбе с Китаем, поэтому оказываем ему поддержку в развитии современной промышленности». Даладье не вступил со мной в дискуссию, а просто высказал свои соображения.

Встреча продолжалась недолго, да у нас и не было каких-то вопросов для ведения продолжительной беседы. Но памятное мне высказывание он сделал.

Теперь он в могиле, однако если бы был жив, то посмеялся бы, вероятно, над моим ответом. Для него, буржуазного деятеля, и не потребовалось бы никаких других доказательств, кроме наших сегодняшних взаимоотношений с Китаем. Он, дескать, меня предупреждал, а я отверг «желтую опасность» с марксистской, классовой точки зрения. А теперь кто прав? Даладье сказал бы, что это он прав. Ведь отношения СССР с Китаем ухудшились так, что дальше некуда, мы уже дошли до военных столкновений.

Хотя Даладье посчитал бы себя правым, я, как коммунист, полагаю, что я дал ему тогда правильный ответ. Другого сказать и не мог, даже сомневаясь в верности политики Мао Цзэдуна, сомневаясь не с позиции «желтой опасности». У меня возникли сомнения в том, что Мао занимает правильную политическую позицию, и я жалел, что он высокомерно ведет себя по отношению к Советскому Союзу.

Я высказывался об этом еще по возвращении из первой поездки в Китай в 1954 г., вскоре после смерти Сталина. Уже тогда, несмотря на исключительное внешнее дружелюбие со стороны Мао, проскальзывало его высокомерие, какие-то националистические проблески, пошли первые его заявления о превосходстве китайской нации над другими (совершенно немарксистский подход). В беседах со мной о ходе истории Китая, о его завоевателях и народе им сопротивлении он отмечал, что китайский народ вообще не поддается ассимиляции. Разговаривая в таком тоне, он как бы давал почувствовать человеку другой нации, что относится к нему свысока. Это оставляло неприятный осадок. Позднее, когда Мао дошел до открытой наглости в отношении Советского Союза, он просто заявил о незаконности наших границ, что эти границы навязаны Китаю русскими царями. Однако такие обвинения несостоятельны, не оправдываются ни исторически, ни просто фактически.

Значит, Даладье был прав? Сейчас опасность для Советского Союза существует. Политика, которую проводит Мао, чревата опасностями и для китайского народа. Мы все не вечны на Земле. Придет неизбежно час, когда Мао уйдет с политической арены. Думаю, что Линь Бяо³⁹, который еще при жизни Мао назначен его преемником, поймет, что политика, которая сейчас проводится Китаем в отношении братских социалистических стран, неправильна и никак не согласуется с интересами коммунистического

движения. Думаю, о Даладье можно долее не вспоминать. Тем более что Мао еще жив и я жив, а Даладье уже нет.

На приеме в нашем посольстве я встретился в Париже, как со старым знакомым, и с другим бывшим премьер-министром Франции, господином Фором. Он представлял свою страну на Женевском совещании четырех лидеров. С его разрешения я стал называть его тогда Эдгар Иванович. Он познакомил меня со своей супругой, любезной женщиной. Да и сам он общительный и приятный человек. Потом, находясь в отставке, Фор приезжал в СССР, и я не раз с ним встречался. Его жена была редактором в каком-то женском журнале и тоже приезжала в СССР. Я и с ней встречался. Мы с Фором люди разной политической направленности, но острых столкновений между нами никогда не возникало.

Встретился я в Париже и с Ги Молле, и с Мендес-Франсом, другими известными политическими деятелями. Я был благодарен Мендес-Франсу⁴⁰ за то, что в ходе Женевских переговоров по Лаосу он нашел в себе политическое мужество выступить с вопросом о Вьетнаме. Конечно, вьетнамский народ проявил и мужество, и выдержку, показал свое упорство и разгромил французских оккупантов. Но все-таки большая личная заслуга принадлежит Мендес-Франсу в том, что, когда он пришел к власти, сменив Ги Молле, то предложил в Женеве разделить Вьетнам на Южный и Северный и определил границу между ними. Она была не без споров принята, в том числе нами и Хо Ши Мином. Наш представитель тоже участвовал в той Женевской конференции. Мы не только поддерживали и поддерживаем политику Северного Вьетнама, но и помогаем ему оружием и чем только можем. А тогда прекратилась война, которая велась там ряд лет.

Генерал де Голль неоднократно высказывал мысль о том, что Европа должна жить своим умом, должна освободиться от опеки со стороны США. Он прямо заявлял, что тяготится таким положением, которое создалось в мире вообще и особенно для Франции, а в разговоре со мной давал понять, что мы со своей стороны могли бы содействовать освобождению стран Европы от американской опеки. Де Голль тяготился положением, создавшимся в НАТО. Я, признаться, не смог сразу разобраться, чего же он хотел? По своему классовому положению он, конечно, душой и телом должен был бы поддерживать политику США, и мне было трудно представить, что Франция потом уйдет из военной части НАТО. Де Голль не высказывался на этот счет прямо, говорил намеками, но у меня сохранилось в памяти, что он уже тогда вынашивал какие-то такие намерения. Одно было сразу видно: что он не хотел быть пешкой в

«большой политике» США, направленной на окружение и изоляцию Советского Союза; не хотел являться каким-то слепым орудием в чужой политике, которая не всегда согласовывалась с интересами Франции. Тут он проявлял и трезвость ума, и волю.

Посол Виноградов просто преклонялся перед де Голлем, и я в шутку наедине называл его деголлевцем. Посол очень высоко ценил генерала, его ум, его поведение и считал, что де Голль не преследует никаких агрессивных целей против Советского Союза. Виноградов скорее чувствовал это, чем мог убедить меня в этом. После личных встреч и бесед с де Голлем мое мнение начало совпадать с мнением Виноградова. Я оценил де Голля как партнера. Вопросов внутренней жизни СССР и Франции мы с ним не затрагивали, потому что эти вопросы именно внутренние для каждой страны. Это де Голль понимал хорошо, поэтому и намеков не делал никаких насчет нашего внутреннего устройства, хотя я понимал, что он являлся тут противником. Я тоже понимал, с кем имею дело. Не скрою, однако, что и на меня он произвел сильное впечатление.

Сталин был невысокого мнения о способностях военных лиц в политической деятельности. Его любимое слово «солдафон» означало наличие тупости, ограниченности, непонимания социальных условий, в которых живешь. Такое мнение распространялось им не только на наших генералов, но и на генералов всех стран, включая де Голля, чье гордое, независимое поведение, та особая позиция, которую он занимал в своей среде и которая способствовала его своеобразной изоляции, Сталина не заставляли менять своей точки зрения. Ведь де Голль не занимал тогда ведущего положения в политике Франции. Сталин относился к нему без особого уважения. Теперь личное знакомство убедило меня, что этот генерал очень хорошо разбирался в политике, в международных вопросах и занимал четкую позицию, отстаивая интересы Франции. Он вовсе не был подвержен чуждому влиянию, ему вообще нельзя было навязать чужое мнение, особенно в политике, не отвечавшее интересам Франции. По всем вопросам, которые мне приходилось с ним обсуждать, он высказывался сам, не нуждаясь в комментариях Министерства иностранных дел или премьер-министра⁴¹, хотя на такие беседы последний приглашался. Но приглашался скорее для проформы. Во имя представительства. А де Голль, по всем вопросам имея законченное мнение, лично излагал его, прочие же политические деятели Франции всегда соглашались с ним.

Внутреннюю политику де Голля я считаю реакционной. Он был

не только слугой капиталистов, а идеологом капитализма во Франции. Когда он стал президентом, Французская компартия провозгласила борьбу с личной властью, потому что там возникло уже не правительство как таковое: оно олицетворялось в де Голле. Его правительство понимало свое положение и не претендовало на большие права. Исчезло коллективное управление Францией, действовал в основном ее президент: он-то и есть Франция, грубо говоря. Вернее сказать, он есть та власть во Франции, которая определяет всю политику. Этот верный защитник капиталистического строя, защитник буржуазных устоев ввел в жизнь законодательство, которое свело на нет демократическую конституцию⁴², принятую после разгрома Германии, за счет прав трудящихся создал лучшие условия для непролетарских элементов, и это сказалось при первых же выборах, когда резко сократилось коммунистическое представительство в парламенте.

Де Голль пришел к власти в бурное время. Во Франции сохранялось неустойчивое положение, ультраправые элементы были близки к захвату власти, перешли к террору и готовили путч. Предполагался и разгром коммунистической партии. У нас тогда сложилось впечатление, что де Голль тоже направит свои усилия в эту сторону, но такого не произошло. Президент провел опрос населения, изменил конституцию, усилив свою власть, но не стал громить коммунистическую партию, и она даже при новых порядках сохранила депутатов в парламенте. Конечно, де Голль открыл шлязы для реакционных сил. Но он понимал, что коммунисты имеют глубокие корни в народе, особенно в рабочем классе. Поэтому надо остановить прямое наступление на них. Его что-то удержало. Вероятно, он не хотел вызвать волнения, даже, может быть, гражданскую войну.

Несмотря на свою непримиримость к коммунистическим идеям, де Голль проявил трезвость ума, считая, что Франция — демократическая страна, что рабочий класс завоевал себе право иметь свою партию и представителей в парламенте. Правда, он сузил дверь, оставив только маленькую щель, и все-таки голос представителей пролетариата звучал в парламенте. Сохранилась и пролетарская печать. Коммунисты открыто продолжали вести борьбу против личной власти, так они формулировали тогда свою позицию. Даже при тех реакционных основах избирательного права, которые ввел де Голль, они на очередных выборах в парламент каждый раз проводили в него своих представителей.

Во французском парламенте две палаты. И в той, и в другой есть представители коммунистической партии, а в какой больше,

ответ каждый желающий может найти в справочниках. Так что у нас к де Голлю было два чувства. Мы ценили его международную политику, правильное понимание им значения Советского Союза. Не говорю, что он одобрял нашу политику. Нет, он правильно понимал ее, хотя и не во всем нас поддерживал, далеко не во всем был с нами согласен. Но он не являлся какой-то агрессивной силой, нацелившейся против СССР, и тоже стоял на позиции обеспечения мира. За это мы его и уважали. Внутренняя же политика, которую он проводил, была реакционной. С ней боролась Коммунистическая партия, борется и сейчас, когда де Голль уже нет у власти. Однако у власти остались прямые деголлевцы, и политика ими проводится та же, которую определил в свое время де Голль. Но мы считаем, что это их внутренний вопрос. Во Франции есть пролетариат, который борется за свои права, эта его борьба будет продолжаться до полной победы. Мы уверены, что рано или поздно победа останется за рабочим классом и за коммунистической партией, которая является его политическим организатором.

Я был знаком со многими руководителями Французской компартии, и не просто знаком, а дружил. Лучше всех я знал Тореза, много раз отдыхал с ним на Кавказе, встречался и в Москве. У нас никогда никаких разногласий с Торезом не возникало. Я очень уважал и товарища Дюкло. И с ним никаких различий в политических оценках, в нашем понимании вопросов международной политики и коммунистического движения не существовало. С уважением относился я и к Вальдеку Роше⁴³, которому недавно исполнилось 65 лет. По причинам, связанным с моим сегодняшним положением, я лично не послал ему официально добрых пожеланий, но зато диктую их сейчас, с удовольствием шлю ему привет, желаю бодрости и успехов в деятельности по сплочению рабочего класса, в достижении целей, которые ставит перед собой коммунистическая партия. У меня были хорошие отношения также с Кашеном⁴⁴, с другими лидерами французских коммунистов. Сейчас у меня нет возможности иметь с ними по-прежнему какие-то контакты, а из-за ослабевшего зрения я сейчас меньше читаю прессу, чем прежде, так что не обо всех них могу судить, как раньше.

Итак, де Голль блеснул трезвым умом, продемонстрировал правильное понимание им положения, в котором оказалась Франция после многолетней войны в Алжире. Придя к власти, он направил усилия против экстремистов, путчистов и расистов, организовавших военные отряды и перешедших к террору. Де

Голль провел опрос населения Алжира для выяснения, хочет ли оно оставаться с Францией или предпочитает стать независимым. Жители Алжира высказались за самостоятельность, и де Голль (отдадим должное трезвости его ума и твердости характера) согласился. Но арабы получили независимость не на блюде, а завоевали ее с оружием в руках, заплатив кровью своей за свободу. Де Голль верно думал, что дальнейшее противостояние не принесет ничего хорошего ни Франции, ни Алжиру, а только истощение и разорение. Коммунистическая партия Франции всегда стояла на позиции предоставления Алжиру независимости и прекращения войны, и не только на словах. Она одобрила такой поворот событий. А де Голль затем повел наступление против сил, которые стояли за продолжение колониальной политики. Несмотря на неоднократные покушения на него, он проявил мужество и не отступил.

Только де Голль смог сделать такое. Находился же ранее у власти Ги Молле, представитель Социалистической партии. В парламенте ее представители были в большинстве, и если бы Ги Молле искал возможность предоставления независимости Алжиру, то это произошло бы. Но и он оставался в душе колонизатором, несмотря на то, что когда-то ходил даже в левых социалистах. Когда он посетил Советский Союз в составе правительственной делегации, я много с ним беседовал, и он доказывал мне необходимость сохранения Алжира в качестве владения Франции. Де Голль один понимал там из «вышестоящих», что колониальное время прошло. Нас, добавлю, мучил вопрос, сдержит ли он свое слово и выведет французские войска? Да, он сдержал свое слово и вывел оттуда все войска. По этому поводу я не раз беседовал с журналистами и говорил им, что, на мой взгляд, во Франции, кроме де Голля или коммунистов, никто не смог бы прекратить войну и предоставить независимость Алжиру. Ведь последнее есть фактическое признание поражения в войне. Она длилась много лет, и согласия на переговорах не достигали. Мы теперь искренне радовались за Алжир. И не меньше нас радовалась Французская коммунистическая партия, которая затратила массу средств и пролила много крови во имя справедливости. Своим решением де Голль завоевал симпатии всех здравомыслящих людей.

Упомяну, что во время Карибского кризиса, когда настал критический момент и Кеннеди был готов применить военные средства против Кубы, с тем чтобы вынудить нас ликвидировать там ракетно-ядерные установки, он как будто заручился поддержкой

де Голля, который вроде бы сказал, что Франция будет вместе с США. Конечно, если бы началась война между СССР и США, полагаю, что Франция вынуждена была бы воевать на стороне США. Крупные американские воинские контингенты располагались на территории Франции и Западной Германии. Куда от этого деваться? Сей факт свидетельствует о двойственности души де Голля. Он тяготел к капитализму, а то, что нарушало его устои, генеральская душа не принимала. Когда я оказался в отставке, де Голль посетил Советский Союз с ответным визитом. Потом разные деятели СССР в различном составе делегаций неоднократно бывали во Франции. Сложились хорошие отношения и сотрудничество наших двух стран в развитии промышленности, в сферах науки, культуры, открытий и изобретений и прочих, которые интересуют обе стороны. Я считаю, что основу всему этому заложил де Голль.

Правда, сейчас соотношение сил в мире изменилось, причем резко. Нет даже сравнения с тем положением, которое существовало 10 или хотя бы 5 лет тому назад. Наша экономика каждый год дает прирост, повышается наш потенциал, включая военный, и в большей степени, чем в капиталистических странах, за исключением США. Но если ослабнут тормоза, сдерживающие развитие военной машины НАТО, и разразится война, то больше всего пострадает Западная Европа. Массированный удар будет нанесен по Западной Германии, Франции, Англии. Еще когда я был в руководстве, мы накопили столько ракет и ядерных зарядов, что уже тогда решили: «Довольно!». Можно, конечно, заменять устаревшие ракеты более совершенными, но по количеству их имелось предостаточно. Думаю, что сейчас это понимают все руководители буржуазных стран. Это понимал и такой человек, как Аденауэр. Он публично говорил: «Разве Германия не видит, что если разразится третья мировая война, то прежде всего будет разрушена именно она? Как же мы можем быть сторонниками войны?». Вот его точка зрения. Если проанализировать действия и направленность политических тенденций тех лиц, которые верховодят в Западной Германии, то нельзя сказать, что там всеми умами овладело такое же благоразумие. Они опять прут на рожон и не исключено, что в какой-то момент могут поджечь фитиль порохового погреба.

Когда мы вернулись в Париж из поездки по Франции, ЦК ФКП предложил нам познакомиться с квартирой, в которой жил Ленин. Там теперь создан музей. Нас сопровождали Торез, Вермерш, другие товарищи. На нас произвела сильное впечатление забота о па-

мяти великого Ленина. Он принадлежит рабочему классу всего мира, всему прогрессивному человечеству, но он наш соотечественник, наш вождь, первым провозгласивший, что в России созрели условия для социальной революции. То было смелое по тому времени, можно сказать дерзкое заявление. Многие издевались над ним, высмеивали его. Однако Ленин доказал всем скептикам и маловерам даже внутри большевистской партии, что победная революция возможна. Вокруг дома, где располагается его бывшая парижская квартира, собралось тогда много народа. Когда мы с товарищем Торезом вышли на балкон, то увидели, что вся улица запружена людьми. Мы выступили с речами. Рабочие и члены их семей с большой симпатией приветствовали нашу делегацию как представителей советского народа. Митинг прошел очень торжественно.

Советское руководство выразило удовлетворение отчетом о визите во Францию, который мы сделали, одобрив его целиком и полностью. А я лично остался доволен знакомством с де Голлем, лучше стал понимать его, представлять себе его концепцию развития международной ситуации. При том положении вещей, в котором мы в то время жили, его позиция казалась в германском вопросе наилучшей. Во всяком случае она учитывала и наши интересы. Франция не хотела усиления Германии, и в то же время де Голль не хотел ослабления НАТО и признавал одновременно такие же права за Варшавским договором, стоял на позиции статус-кво: как сложились границы и блоки после войны, так пускай и остаются.

Это не означало решения проблемы и не исключало случайности, которая могла бы привести к военному столкновению, но было лучшим из худшего. А потом де Голль пошел дальше и вывел свои войска из-под командования НАТО, что в военном отношении ослабляло агрессивные силы, нацеленные против стран социализма. Де Голль хотел бы единой Европы, сплотив ее от Атлантики до Урала. Она содержала бы в себе различные социально-политические системы, но таким образом он хотел обеспечить мир на этом участке земного шара. Он видел такую возможность, однако ставил условие, чтобы США не вмешивались в европейские дела. Это для нас тоже было и приемлемо, и выгодно. Политика де Голля выглядела разумной.

Правда, его не поддерживали союзники по НАТО, и он не добился решения вопроса по-своему. Ныне деголлевцы руководствуются основами его политики. Насколько углубится эта линия в дальнейшем, покажет будущее. Данный процесс будет зависеть от обеих противостоящих сторон, я же надеюсь, что взаимоотношения будут развиваться на здоровой, обоюдовыгодной основе.

Пусть у нас разные общественные системы, интересы дела мира зато общие!

¹ Де ГОЛЛЬ Ш. (1890 — 1970), генерал, активный участник войны с Германией в 1939 — 1940 гг., после капитуляции Франции основал в 1940 г. в Лондоне движение «Свободная Франция», примкнувшее к Антигитлеровской коалиции, в 1941 г. возглавил Французский национальный комитет, в 1942 г. — движение «Сражающаяся Франция», в 1943 г. — Французский комитет национального освобождения, в 1944 — 1946 гг. был премьером Временного правительства Франции, в 1958 г. премьер-министр и инициатор новой конституции страны, в 1959 — 1969 гг. президент страны.

² Историческое полотно «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» Репин И.Е. закончил в 1891 г.

³ ДЮКЛО Ж. (1896 — 1975) — член Французской компартии с 1920 г., ее ЦК — с 1926 г., ее Политбюро — с 1931 г., секретарь ЦК ФКП в 1931 — 1964 гг., в 1940 — 1944 гг. был одним из лидеров движения антифашистского Сопротивления, с 1946 г. возглавлял группу ФКП в Национальном собрании и с 1959 г. в сенате.

⁴ Речь идет о входившем в движение «Сражающаяся Франция» истребительном авиаполке «Нормандия — Неман», который в 1943 — 1945 гг. воевал на советско-германском фронте.

⁵ В декабре 1944 года.

⁶ Дипломатические отношения между СССР и Францией, установленные 28 октября 1924 г., были разорваны 30 июня 1941 г. правительством Виши. В июне — августе 1943 г. возобновились дипломатические отношения СССР с Французским комитетом национального освобождения, а 23 октября 1944 г. — с Временным правительством Франции.

⁷ 29 ноября 1932 г. подписан советско-французский договор о ненападении, а 2 мая 1935 г. — договор о взаимной помощи (вступил в силу 27 марта 1936 г.).

⁸ Имеется в виду высадка англо-американских войск в Нормандии 6 июня 1944 г.

⁹ БИДО Ж. (1899 — 1983) — участник движения Сопротивления, неоднократно занимал министерские посты, а в 1946 и 1949 — 1950 гг. являлся премьер-министром Франции.

¹⁰ Генеральный секретарь Французской компартии М. ТОРЕЗ в 1940 — 1944 гг. жил в СССР.

¹¹ Генеральный секретарь Итальянской компартии П. ТОЛЬЯТТИ, живший в СССР в 1940 — 44 гг., в конце войны вернулся в Италию и до 1946 г. входил в состав ее правительств.

¹² Народно-освободительная армия Греции с 1941 г. вела борьбу с фашистскими оккупантами. В декабре 1944 г. призванные Правительством национального единства английские войска начали против нее боевые действия, которые в 1946 г. переросли в гражданскую войну. Руководимая коммунистами Демократическая армия Греции сражалась до сентября 1949 года.

¹³ Министры-коммунисты были выведены из состава правительства 5 мая 1947 года.

¹⁴ После поражения 27 апреля 1969 г. на референдуме о реформе сената и территориально-административного устройства страны.

¹⁵ ВИНОГРАДОВ С.А. (1907 — 1970) находился на дипломатической работе с 1940 г., являлся послом СССР в Турции (1941 — 1948), Франции (1953 — 1965) и Египте (1967 — 1970), был также на ответственных постах в центральном аппарате МИД СССР, а в 1950 — 1953 гг. — председатель Комитета по радиовещанию под Совете Министров СССР.

¹⁶ Основанное им в 1947 г. Объединение французского народа, официально распущенное в 1955 г. и замененное в 1958 г. Союзом демократов в защиту республики.

¹⁷ МОЛЛЕ Г. (1905 — 1975) — генеральный секретарь Французской социалистической партии, премьер-министр в 1956 — 1957 гг.

¹⁸ После того, как Франция подписала в 1954 г. Парижские соглашения о создании Западноевропейского союза, предусматривавшего ремилитаризацию ФРГ, в мае 1955 г. Верховный Совет СССР аннулировал советско-французский договор о союзе и взаимной помощи на 20 лет, подписанный в декабре 1944 г. в Москве.

¹⁹ Это пребывание во Франции длилось с 23 марта по 3 апреля 1960 года.

²⁰ ДЕЖАН М.Э.Н. (1899 — 1982), находившийся на дипломатической службе с 1926 г., являлся послом в СССР в 1956 — 1964 гг.

²¹ Орли.

²² Дворец Министерства иностранных дел Франции.

²³ В поездке по Франции советскую делегацию сопровождали разные официальные лица, менявшиеся от города к городу. Возможно, здесь имеется в виду находившийся при делегации неотлучно генеральный секретарь Министерства внутренних дел Мерэ.

²⁴ ЖОКС Л. (род. в 1901 г.) — бывший послом в СССР в 1952 — 1955 гг., а во время данной поездки — министром просвещения Франции.

²⁵ Мэр г. Бордо Шабан-Дельмас Ж. (род. в 1915 г.) являлся одновременно председателем Национального собрания Франции. Премьер-министром он был в 1969 — 1972 гг.

²⁶ Вейе — первый заместитель мэра г. Дижон.

²⁷ Это произошло сначала у солдатского памятника в Вердене и затем, за его чертой, у братской могилы возле форта Дуомон. Хрущева там сопровождал мэр Вердена сенатор Ф. Шлейтер.

²⁸ Писатель МАЛЬРО А. (1901 — 1976). Он был министром культуры в 1959 — 1969 гг., с коммунистами сотрудничал в 30-е годы, а к голлистам примкнул в 1943 г.

²⁹ Замок Рамбуйе.

³⁰ Это произошло 1 июля 1966 г.

³¹ СЕКУ ТУРЕ А. (1922 — 1984), являвшийся с 1947 г. генеральным секретарем Демократической партии Гвинеи, был президентом страны в 1958 — 1984 гг.

³² Он находится во Флэне, куда советская делегация заехала на пути из Руана в Париж.

³³ Глава французской ветви династии финансовых магнатов барон Г. де Ротшильд, владелец банка и холдинговой компании, а также ряда горнопромышленных предприятий.

³⁴ ТОРЕЗ-ВЕРМЕРШ Ж. (род. в 1910 г.) — член ФКП с 1933 г., депутат Наци-

онального собрания в 1945 — 1958 гг., сенатор в 1959 — 1968 гг. Она была с 1947 г. членом ЦК ФКП, с 1950 г. кандидатом в члены и с 1953 по 1968 г. членом Политбюро.

³⁵ БУССАК М. — владелец текстильного предприятия в Лилле — Рубэ, а также ряда хлопкопрядильных и хлопкоткацких заводов.

³⁶ Ежедневная парижская газета «атлантической» направленности, основанная в 1944 г. бывшим социалистом Р. Лазюриком (впоследствии ее директор) и выходившая на средства Буссака.

³⁷ ДАЛАДЬЕ Э. (1884 — 1970) — лидер Республиканской партии радикалов и радикал-социалистов, премьер-министр в 1933 — 1934 гг. и 1938 — 1940 гг. Был одним из тех, кто подписал в 1938 г. Мюнхенское соглашение о расчленении Чехословакии, а в 1939 г. тормозил заключение военного союза с СССР.

³⁸ ЧЕМБЕРЛЕН Н. (1869 — 1940) — британский премьер-министр в 1937 — 1940 гг. также подписавший Мюнхенское соглашение и мешавший установлению политики коллективной безопасности перед второй мировой войной.

³⁹ ЛИНЬ БЯО (1907 — 1971) — член Компартии Китая с 1925 г., член ее ЦК с 1945 г., член его Политбюро с 1959 г. и заместитель председателя ЦК КПК с 1958 г. Был заместителем премьера Государственного совета Китая с 1954 г. и министром обороны с 1959 г.

⁴⁰ МЕНДЕС-ФРАНС П. (1907 — 1982), будучи в 1954 — 1955 гг. премьер-министром Франции, подписал в 1954 г. Парижские соглашения о заключении Западноевропейского союза и Женевские соглашения о прекращении военных действий во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

⁴¹ Им являлся в 1959 — 1962 гг. М. Дебре (род. в 1912 г.).

⁴² 5 октября 1958 г. была принята конституция Пятой республики во Франции. Предыдущая действовала с 24 декабря 1946 г.

⁴³ РОШЕ В. (1905 — 1983) — член ФКП с 1924 г., член ее ЦК в 1937 — 1976 гг., его Политбюро в 1950 — 1972 гг. и Секретариата в 1959 — 1972 гг., с 1961 г. заместитель генерального секретаря ФКП, с 1964 г. ее генеральный секретарь, с 1972 г. почетный председатель.

⁴⁴ КАШЕН М. (1869 — 1958) — член ФКП с 1920 г., член ее ЦК и Политбюро с 1923 г., с 1918 г. был директором газеты «Юманите».

ЧЕТЫРЕХСТОРОННЯЯ ВСТРЕЧА В ПАРИЖЕ

После моей поездки в Америку лидеры четырех держав — США, Франции, Англии и Советского Союза — договорились о встрече в Париже, с тем чтобы обсудить возможность обеспечения мирного сосуществования и договориться о разоружении. Это были главные темы дня. Мы тщательно готовились к совещанию. Намечалось оно на май 1960 года. Правда, особых надежд

на возможность найти взаимоприемлемое решение у нас не имелось, но готовились мы тем не менее серьезно: хотели использовать буквально все для смягчения наших отношений и ставили целью гарантировать мирное сосуществование государств с различным социально-политическим устройством.

В апреле того года мне доложили, что нашу границу перелетел американский самолет У-2¹. Самолеты этого типа мы уже знали, они не однажды летали и над нашей территорией². Мы заявляли протесты, но власти США отклоняли их: дескать, никаких полетов такого рода их самолеты над советской территорией не совершали. Очередной самолет летел на высоте, на которую не поднимались наши истребители: они летали ниже на два или три километра. Как ни форсировали моторы истребителей, мы не могли добраться до этих «летунов», которые летали, как говорится, посмеиваясь над нашими усилиями, наносили нам моральное оскорбление. Это еще больше нагнетало напряженность между нашими странами, доводило нас, как говорится, до белого каления.

Теперь же нас особенно возмутило то, что полет состоялся, когда была назначена встреча лидеров четырех держав в Париже, уже развернулась подготовка к ней и все участвующие стороны должны были стремиться создать условия для достижения договоренности. Свершившееся трудно было себе представить: это был неразумный шаг, просто глупый. Но он был сделан.

Громыко, как и полагается в таких случаях аккуратному исполнителю, пришел с написанным в МИДе проектом протеста. Мы ознакомились с документом, и я предложил в Президиуме ЦК партии: «Давайте не принимать никакого документа, не станем протестовать официально. Какой в том смысл? Ведь американцы сами понимают, что они делают. Они поступают так для того, чтобы подчеркнуть наше бессилие, отсутствие у нас технических средств противодействий. Поэтому мы вынуждены заниматься лишь протестами дипломатического характера через печать или через ТАСС. Но это только ободряет их в нахальстве. Надо самолеты сбивать!». Как я уже упомянул, раньше мы такие самолеты сбивать не могли: наши истребители не дотягивали до высоты, на которой они летали. Мы могли догнать их по скорости, но не могли достигнуть нужной высоты. Они летали, кажется, на высоте 21 тыс. м, а наши самолеты поднимались примерно на 18 — 19 тыс. м, да и то с огромными усилиями, на особо подготовленных аппаратах, которые гонялись за этими У-2.

Но теперь ракеты «земля — воздух» уже пошли у нас на кон-Вейере. Когда 1 Мая рано утром раздался звонок (а я отлично

помню этот день) и я поднял трубку, министр обороны Малиновский доложил мне: «Со стороны Афганистана, явно из Пакистана, американский самолет У-2 следует в сторону Свердловска». Я ответил: «Надо отличиться и сбить этот самолет. Примите все меры!». «Да, я уже отдал приказ, будет сделано все возможное, чтобы его сбить», — ответил Родион Яковлевич. Я поинтересовался: «По его маршруту имеются наши зенитные средства?». «Имеются. Видимо, он напорется на них. У нас есть все возможности сбить его, если не проворонят зенитчики». Он допустил выражение «не проворонят» потому, что в апреле, когда был предыдущий идентичный случай, наши зенитчики упустили У-2: они не были подготовлены и своевременно не открыли огонь.

В Москве на Красной площади начался Первомайский парад войск. Затем он закончился, пошла демонстрация трудящихся. День стоял прекрасный, солнечный. Демонстрация проходила с большим подъемом, настроение у всех было очень радостное. Вдруг появился маршал Бирюзов³, который тогда командовал противовоздушной обороной страны. Мне сообщили о его приходе, и я сказал, чтобы он поднялся на Мавзолей Ленина. Бирюзов на ухо доложил мне, что самолет У-2 сбит, а летчика взяли в плен, сейчас его допрашивают. Я поздравил маршала и с праздником, и с замечательным успехом, горячо пожал ему руку, и он ушел. Появление Бирюзова и разговор на ухо не остались незамеченными. Потом некоторые иностранные дипломаты говорили мне, что они сразу сообразили: что-то произошло! Бирюзов был не в парадной форме, а в обычном служебном кителе, то есть явился с места службы и что-то нашептывал...

Демонстрация закончилась, а я радовался не только ей, но и хорошему сюрпризу. Сколько лет мы ломали голову, как быть, сколько лет нервничали и возмущались, но далее того дело не шло. Когда мы протестовали, то видели, что протесты доставляют американцам только удовольствие. Они торжествовали в связи с нашим бессилием и продолжали нарушать суверенитет СССР, летая над нашей территорией. Теперь их ВВС набрались такого нахальства, что послали самолет в район Свердловска. Летел он со стороны Пакистана⁴. Маршрут же был проложен так, что приземлиться он должен был в Норвегии. О самом маршруте и с какого аэродрома самолет вылетел, а также о цели полета мы узнали потом от американского летчика Пауэрса. Кроме того, на карте, которая нам досталась, был нанесен маршрут.

Бирюзов несколько позднее доложил, как все произошло. У нас в шахматном порядке были разбросаны вдоль этого маршру-

та несколько зенитно-ракетных батарей. У-2 должен был напороться на ту или на другую из них, просто не мог при таком маршруте обойти их. Для верности наша ПВО запустила две ракеты. Попали в цель, самолет был поражен сразу, американский летчик выбросился с парашютом. Его сейчас же по приземлении схватили, увидев иностранца, рабочие местного совхоза. Потом приехали военные и забрали его с собой, обыскали, изъяли иглу не то булавку для самоубийства, отравленную ядом, и служебную инструкцию. Летчик на процессе показал, что самолет базировался на аэродроме в Турции, оттуда перелетел в Пакистан. Из Пакистана через Афганистан и советскую территорию направлялся в Норвегию, где должен был сделать посадку. На случай, если что-либо произойдет с самолетом, пилот обязан был покончить с собой, для чего был снабжен быстродействующим ядом. Булавка находилась в легкодоступном ему месте, чтобы он имел возможность тотчас воспользоваться ею. Но жизнь показалась Пауэрсу более привлекательной, и он отказался от самоубийства, а булавка стала нашим трофеем.

Мы приказали доставить обломки самолета в Москву для публичного обозрения в Парке культуры и отдыха имени Горького. Народ валом валил, чтобы не только посмотреть, но и пощупать эти обломки. Пауэрс не оказал сопротивления при аресте, и в этом имела логика, раз он не убил себя. Затем он стал давать чистосердечные показания и все нам рассказал: сколько лет он занимается этим делом, сколько получал денег, назвал свою фамилию, рассказал о родных. Случившееся нас очень возмутило. Особенно возмущало, что летал он с такими заданиями уже много лет. Правда, политическим деятелям особенно возмущаться не следует, потому что так ведется борьба, та же война, только иными средствами. То была враждебная акция со стороны США, чего они и не скрывали. Они-то считали, что мы не в состоянии прервать такие полеты, сбивать их самолеты и получать вещественные доказательства того, что США пользуются недозволенными в мирное время средствами.

На второй день после события американцы опубликовали в печати заявление, что их самолет пропал без вести. Дескать, базируясь на аэродроме в Турции, летел в район Кавказских гор над ее территорией и не вернулся. Явное вранье! Мы же, как говорится, предвкушали горькое разочарование их разведчиков, которые состряпали ложное сообщение. Доказательства-то у нас лежали в кармане. А пока наши разведорганы изучали факты и допрашивали Пауэрса. В печати шум поднялся невероятный. После 1 Мая

открылась сессия Верховного Совета СССР, и мы разработали тактику поведения на сессии. Я предложил заявить о нарушении суверенитета СССР, желая опровергнуть сообщение американцев о том, что их самолет не перелетал нашей границы. Я считал возможным сказать, что этот самолет сбит нами, но без указания на то, в каком районе и что летчик остался жив. Такой план был принят. Имелось в виду запутать правительство США: раз советские лидеры не сказали, где именно самолет был сбит и какова судьба летчика, оно могло подумать, что Пауэрс погиб. Поэтому в Вашингтоне настаивали на том, что самолет летал над Турцией, хотя, возможно, сбился с курса и нарушил советско-турецкую границу. Там были уверены, что их версия может воздействовать в нужном направлении на общественное мнение других стран.

Когда американцы сами себя запутали небылицей, мы решили выступить в открытую и, сделав более полное сообщение, уличить их во лжи. Мне поручили заявить на сессии Верховного Совета о ходе расследования с точным указанием, на каком аэродроме базируются самолеты такого типа, в какое время и на какой аэродром данный самолет перелетел в Пакистан, когда и каким маршрутом летел через нашу территорию, какая задача была поставлена перед летчиком — проследовать в небе СССР на такой-то аэродром в Норвегии. Это стало сенсацией для печати и неприятным ударом по дипломатии США. А на сессии заявление было встречено и с гневом, и с воодушевлением. Гнев был направлен против США, радость изъяснялась за наши Вооруженные Силы и конструкторов, которые вооружили Советскую Армию ракетами, позволившими сбить самолет, считавшийся у американцев неуязвимым.

Нам это было политически выгодно, служило мобилизации общественного мнения, сплочению советских людей, одобрению ими политики СССР. Для правительства же это оказалось большой радостью: сколько лет американцы безнаказанно летали над нашей страной! Но, как в народе говорится, сколько кувшину по воду ни ходить, а разбитым быть. То есть сколько ни летать американскому разведчику, пришло время, и он поплатился. Случившееся сразу показало всем, кто какую проводит политику. Агрессивная линия США направлялась против Советского Союза. И свой шаг они совершили в то время, когда мировая общественность ждала, что же произойдет в Париже на встрече представителей четырех держав. Все надеялись, что на этой встрече договорятся о чем-то добром, что договоренность обеспечит более прочное и спокойное положение в мире. Все

ожидали, что будут разработаны меры по предотвращению возможности возникновения новой мировой войны. И в то же самое время на деле была раскрыта двоедушная политика США, которые, с одной стороны, протягивают нам руку и заверяют, что преследуют мирные и дружественные цели, а с другой стороны, наносят в спину удар кинжалом. Такова империалистическая политика, для нас она не нова.

Когда мы их «пригвоздили», американская печать выдвинула версию, что Эйзенхауэр не знал об этих полетах, и все стала валить на Центральное разведывательное управление. Из их статей следовало, что тут проделки Аллена Даллеса⁵, брата покойного государственного секретаря США. А президент ничего не знал, и, если бы ему было доложено, он не позволил бы такого. Конечно, то было самое разумное для них объяснение неразумной акции. Оно давало президенту возможность в какой-то степени обелить себя и сохранить свое лицо для предстоявшей встречи в Париже.

Когда были выставлены обломки самолета в парке имени Горького, иностранные журналисты много писали по этому поводу. Я все это читал и знал направленность их сообщений. Чувствовалось, что американские журналисты сами огорошены и потрясены. Они, видимо, рассчитывали на достижение договоренности между СССР и США, и вдруг такой пассаж! Здесь им трудно было выворачиваться, и они высказали осуждение данной акции. Правда, осуждали немногие, но все же такие имелись. Я решил поехать на выставку: меня тянуло посмотреть, что осталось от самолета? Со мной отправились и другие официальные лица, в том числе Бирюзов, дававшие пояснения при осмотре. Собралась различная публика, набегали иностранные корреспонденты, да и наши там присутствовали⁶.

После осмотра корреспонденты стали задавать мне вопросы. Я вынужден был высказаться напрямую. Беседа с ними доставила мне удовольствие, так как у меня было желание еще раз выразить свое возмущение и заклеить агрессора. Я выступил перед толпой, которая собралась около павильона. В выступлении придерживался тактики, которую избрала некоторая часть американской печати: обвинил агрессивные круги США, военных, Аллена Даллеса, но не высказывал осуждения в адрес президента. Нам было выгодно, чтобы президент отмежевался от происшедшего, что позволило бы в дальнейшем проводить политику укрепления и упрочения связей, возникших после моей поездки в США и встречи с Эйзенхауэром. К сожалению, американцы решили действовать иначе.

В том же мае мы узнали о заявлении президента Эйзенхауэра, в котором сообщалось, что он знал о полетах и одобрял их. Эйзенхауэр объяснял это тем, что Советский Союз является закрытой страной и США вынуждены были, заботясь о своей безопасности, вести разведку. Поэтому президент как главнокомандующий считал полеты необходимыми. Говорил, что и в дальнейшем США будут так поступать, поскольку обладают правом обеспечивать безопасность страны, даже не считаясь с суверенитетом других государств.

Явно неразумное выступление, если не сказать больше. Глупое выступление. Но оно состоялось. Так президент сам лишил себя возможности выгородиться из пикантной истории перед встречей в Париже. У нас теперь выбора не осталось, и мы выступили с резким осуждением происшедшего, не соглашаясь с такой политикой и с тем, что в США находят оправдание таким полетам. Куда же дальше? Если сам президент заявляет, что нарушался суверенитет, то это же, собственно говоря, призыв к войне! Нас буквально распирало возмущение, и мы использовали все публичные возможности для разоблачения агрессивной линии. Теперь мы не щадили и президента, потому что он сам подставил свой зад, и мы раздавали американцам пинки, сколько угодно и как только возможно.

Мировая общественность очень хотела встречи в Париже представителей четырех держав. И вдруг — такое разочарование... СССР не отказался от встречи, ибо не хотел взять ответственность на себя за ее срыв; мы не хотели, чтобы разочарование вылилось в гнев, направленный против нашей политики. Поэтому мы критиковали Соединенные Штаты, но готовились и к поездке в Париж, разрабатывая вопросы, которые должны были там обсуждаться.

Приближалось время вылетать туда. Мы стали формировать состав делегации. Заранее было обусловлено, что возглавят делегации главы государств или же правительств. В нашу делегацию, конечно же, вошел и министр иностранных дел. Как только мы узнали, что Вашингтон включил в сопровождение президента военных, я предложил поехать нашему министру обороны Малиновскому. Если в США хотят придать такой оттенок встрече, то и мы ответим тем же. Подготовили мы и соответствующие документы. Цель встречи: обеспечение мирного сосуществования и решение спорных вопросов, прежде всего германского, и проблемы разоружения. Собственно говоря, эти вопросы остаются по-сейчас неразрешенными, хотя теперь таят в себе гораздо боль-

шую опасность, потому что за истекшее время накоплена масса взрывчатого материала. Если сейчас разразится война, то она окажется ужасной.

Наступил день отлета. Мы отправились в Париж на самолете Ил-18, очень хорошо и по внешнему виду, и по техническим качествам. На этот раз наше самочувствие было не таким, как по прибытии на Женевскую встречу глав четырех держав, когда мы летели на двухмоторном Ил-14. Все главы правительств и государств прибыли туда на четырехмоторных самолетах, что производило внушительное впечатление на обывателя. Двухмоторный, конечно, уступает четырехмоторному, но у нас тогда лучших самолетов просто не было. Потом мы слетали в США на Ту-114, сверхгиганте по тому времени. Он произвел ошеломляющее впечатление и на американского обывателя, и на американских знакоков самолетного дела.

Когда мы летели над Европой в Париж, я думал: «Мы уже не раз встречались, а надежды, что достигнем договоренности, мало». Тот факт, что перед самой встречей был сбит У-2, постоянно присутствовал в моем сознании. У меня возник вопрос: «Чего мы ждем? Разве сможет самое сильное в мире государство США пойти на соглашение в таких условиях? Можно ли ждать от этого государства разумного соглашения, если оно перед встречей подложило под нее мину?». Я убеждался, что мы можем выглядеть несолидно: нам преподнесли такую пилюлю, а мы сделаем вид, что ничего не произошло? Совещание будет сорвано, но другие державы постараются, безусловно, свалить ответственность на нашу страну.

Нам нанесено оскорбление, а мы идем на совещание? И во мне созрела мысль: пересмотреть первоначальную направленность наших документов, особенно декларации, с которой мы хотели выступить при открытии встречи. Надо поставить США ультимативные условия: они должны извиниться за нанесенное нашему государству оскорбление. Нужно потребовать от президента взять обратно свое заявление, в котором он оставлял за США право на разведывательные полеты над чужими территориями, чего суверенные государства никому делать не позволяют. Советский Союз тоже был заинтересован в разведке с воздуха, но с неравноценным интересом. Наша страна была обложена американскими базами в Европе, Азии и Африке, а США оставались для нас недостижимыми. Тогда мы имели небольшое количество ракет, которые доставали бы их территорию, и фактически она остава-

лась нам недоступной. Поэтому США и демонстрировали свое превосходство⁷.

То было желание диктовать нам условия с позиции силы. Если мы как ни в чем не бывало сядем за стол и начнем обычные переговоры, следовательно, принимаем позицию их силы, не протестуя против нее. Это было совершенно невозможно, недопустимо, таким поступком мы нанесли бы большой урон нашему авторитету в глазах мировой общественности и особенно среди наших друзей, коммунистических партий, и среди стран, которые борются за независимость. Их борьба ведется в трудной обстановке. Как можно им положиться на Советский Союз в тяжелую минуту, если он принимает плевки в лицо и делает вид, что ничего не произошло?

Даже не знаю, как это мы, готовясь к совещанию, не поставили заранее перед собой вопросы в таком виде, не встав грудью на защиту своей чести. Теперь я высказал в самолете свои соображения Андрею Андреевичу Громыко, и он согласился со мной. Родион Яковлевич Малиновский тоже считал, что мои соображения правильны, что нам следует переделать документы. Поскольку вместе с нами летели машинистки и стенографистки, то я продиктовал поправки, а Громыко с мидовским штатом засел за переработку документов. Требовалось их перестроить, как говорится, на 180 градусов. И мы создали новый документ, который еще не рассматривался нашим руководством в целом. К сожалению, правительство СССР никогда ранее такими вопросами не занималось, да и теперь не занимается. Их решает только партийное руководство, что совершенно неправильно.

Мы срочно все зашифровали и передали в Москву. Не помню сейчас, передали ли прямо из самолета (а такую возможность мы имели) или уже прилетев в Париж. И быстро получили ответ с полным одобрением новой позиции. Таким образом, мы улетели с документами, имевшими одну направленность, а в Париже их направленность была уже другой. Считаю, что это было абсолютно правильное изменение нашей позиции. Мы не отказывались от совещания при условии, если США в лице президента извинятся за допущенное ими нарушение суверенитета нашей великой Родины — Советского Союза. Помимо принесения извинений президент должен отказаться от своего заявления и дать нам заверения, что разведывательные полеты над территорией СССР впредь не будут производиться.

По прибытии в Париж я подумал: «А если мы сделаем свое заявление, президент же не извинится и не откажется от полетов?». Когда

мы находились в Вашингтоне, являясь гостями Эйзенхауэра, то пригласили его к себе. Он приглашение принял. Очевидно, наше приглашение останется в силе. В сложившихся же условиях он к нам приехать не сможет. Иначе как мы станем его приветствовать на нашей территории? Сопровождать его? Считать своим гостем? Это нетерпимо, это оскорбительно, это унижает нашу страну и ее руководство! И у меня возникла мысль: в декларацию, которую мы собираемся зачитать на первом заседании, нужно включить пункт о том, что если не будет принесено извинений, то мы отзываем свое приглашение.

Все согласились, и мы быстро послали в Москву на согласование и эту дополнительную позицию. Сразу же получили положительный ответ. Таким образом, у нас не только были подготовлены все документы, но и мы сами были напичканы аргументами взрывного характера. К нам нельзя было притронуться: тут же проскакивала искра. Таким было тогда наше состояние. А что же другие лидеры держав? Существует порядок дипломатической вежливости — наносить визит главе государства, в которое прибываешь. И я встретился с де Голлем до начала совещания. После посещения мною Франции я был уже лично знаком с ним. С Макмилланом был знаком по Женеве, и с ним мы тоже встретились до начала официальной встречи. Я высказал им обоим свое недовольство позицией США, свою непримиримость. Де Голль и Макмиллан убеждали меня не требовать извинений: США — великая страна, ее президент не может делать такое публичное заявление, и его нельзя вынуждать. Но я парировал сей аргумент, сказав, что мы тоже не маленькая страна, тоже считаем себя великой державой, тем более что мы не можем согласиться, чтобы великая страна наносила оскорбления хотя бы и малым странам.

С первых слов началась как бы перебранка. Напряженность все возрастала, заряд гнева в нас накапливался и требовал разрядки. Мы хотели стенографически зафиксировать ход совещания, поэтому захватили в Париж главную стенографистку Совета Министров СССР. Я относился к ней с большим уважением. Она стенографировала все мои выступления, в том числе в процессе их подготовки. Затем я пригласил и главную стенографистку ЦК КПСС. Помню их по именам: Надежда Петровна и Нина Ивановна. Чаще я работал с Надеждой Петровной Гавриловой. Теперь ее предупредили заранее, что она будет трудиться на этом совещании. И вдруг уже перед самым совещанием мы получили информацию от организаторов, что возникло предложение проводить его без стенографисток. Это нас ошеломило, поскольку мы хотели иметь полную стенограмму переговоров.

Нам сказали, что могут присутствовать лишь секретари. Тогда я предложил объявить Надежду Петровну секретарем. Это наше право, хотя, как правило, все секретари — дипломаты и мужчины. С нами же прибыл и такой секретарь. Однако никакого законодательства на данный счет нет, просто на практике я женщин в этом качестве не наблюдал. И я сказал Надежде Петровне: «Вы наш секретарь, поэтому обретаете юридическое признание на международном совещании». Она умная женщина, все понимала. А так как была несколько молчаливой и унылой, то ответила мне скупой улыбкой. Некоторую серьезность и строгость поведения она вообще всегда сохраняла и на лице, и в манере держаться.

Когда мы пришли в зал заседаний, то Надежда Петровна выглядела в черном платье королевы. Мои помощники, которые знали ее биографию, рассказывали мне, что ее отец был цыган, мать — украинка, поэтому она сохранила красивые черты цыганского лица и в своем платье выглядела, как Кармен. Мы шутили: «Надежда Петровна, ни одна страна не выставит равноценного вам секретаря...». Зашли в зал, стали заходить туда и другие делегации. Первой вошла делегация Англии. Мы поздоровались, и тут же вошла делегация США. Ее члены сразу же последовали на свои места и сели, поприветствовав нас наклоном головы. Мы это поняли так: «Вас видим, но руки не подаем, находимся в состоянии конфликта и даже психологической войны».

Еще до начала совещания я обратился к президенту де Голлю за разрешением выступить с заявлением. Мы хотели предъявить свои ультимативные условия, и от того, как примет их делегация США, зависело, будем ли мы принимать участие в совещании. Я зачитал заявление. Переводчик Суходрев⁸ все точно переводил как очень хорошо подготовленный специалист, прекрасно знавший английский язык. Мне он очень нравился. Я сейчас вспоминаю о совместной работе с ним. Фамилия его типично украинская, но не знаю, украинец ли он, ибо от украинского языка в его речи ничто не проскальзывало. Знатоки английского и все журналисты отмечали, что переводчик у Хрущева в совершенстве владеет английским.

Итак, я зачитал декларацию. Именно зачитал, потому что в таких случаях никакое вольное изложение недопустимо. При вольном изложении могут появиться лишние слова, не так построится фраза, все это будет зафиксировано, а потом трудно исправить. Если допустить лишнее слово, тем более лишнюю фразу, появится возможность иного толкования текста — в пользу наших про-

тивников. Зачитав декларацию, я уселся. Произошло общее замешательство, особенно после фразы, в которой заявлялось, что мы отменяем свое приглашение, если не будут принесены извинения со стороны США, и президент не сможет стать нашим гостем после того, что он допустил в отношении нашей страны. Эйзенхауэр встал с места, его делегация — тоже, и мы разошлись. Не помню, было ли объявлено, что мы соберемся еще раз, или не было. Одним словом, наша декларация сыграла роль бомбы, которая разметала всех по своим комнатам. Круглый стол, который должен был нас объединить, развалился на части.

Инициативу в продолжении совещания проявил де Голль. Через министра иностранных дел он передал нам, что три западные делегации соберутся без нашего участия, обсудят нашу декларацию и определят свое отношение к ней. Мы понимали, что президент США с сопровождающими лицами и со своими союзниками Францией и Англией должен посоветоваться, чтобы определить их общую линию. Отчасти мы надеялись, что де Голль с пониманием отнесется к нашему заявлению, которое должно было бы импонировать его характеру. Он тоже очень строго вел себя при защите чести Франции и французов, так что наше заявление не противоречило его пониманию вещей. Мы ожидали, что он что-либо выскажет публично в поддержку нашей позиции, хотя понимали, что в принципе это для него было почти невозможно. Но думаю, что внутренне он с пониманием относился к нашей позиции.

Настроение у меня было боевое, наступательное и приподнятое, хотя я знал, что США не согласятся на горькую пилюлю, которую мы приготовили и заставляем их проглотить. Поэтому и не думал, что они признают публично свою неправоту. Так у нас появился незапланированный свободный день. К какой-то работе иного плана мы не были подготовлены, а в Париже есть, что посмотреть, нашлись бы время и желание. Малиновский много рассказывал мне ранее о своей солдатской службе во Франции в первую мировую войну⁹. И я обратился к нему: «Родион Яковлевич, далеко ли та деревня, в которой стоял ваш полк на отдыхе во время первой мировой войны?». «Нет, недалеко», — ответил он. «А вы хорошо помните те места, чтобы попасть туда без сопровождающих?». «Да, хорошо помню. Помню даже людей, а не только деревню. Я и сам хотел бы побывать там, повидать знакомых, перебраться словечком». Да и мне захотелось поехать туда именно вместе с Малиновским, который солдатом сражался против немцев вместе с французами. Собственно говоря, мы приехали

сейчас на совещание по тому же германскому вопросу. Последствия агрессии, которую совершила Германия в 1941 г., еще не ликвидированы, с ней нет мирного договора. Мы надеялись на сочувствие со стороны французского народа.

Я и Родион Яковлевич, сопровождающие лица и охрана сели в машины и поехали. Громыко остался в Париже держать связь с делегациями и дожидаться телеграмм из Москвы. Выехали из Парижа по хорошему шоссе, обсаженному липами. Погода стояла ясная, солнечная. В пути наткнулись на липу, которая упала на дорогу, и объехать ее не могли. Чтобы убрать ее, пришли дорожники с топорами и пилами. Мы тоже вышли из машины и стали работать вместе с ними. Я попросил топор у француза, он охотно дал, остальные смотрели и улыбались: сможет ли русский премьер-министр владеть топором? Я никогда лесорубом не был, но привык к физическому труду еще с детства и умел в своем хозяйстве орудовать топором. Происходившее фиксировалось журналистами, фотографами и кинооператорами, но это не противоречило нашим желаниям и шло на пользу советской делегации. Я считал, что народ первым поймет: вот правительство, которое состоит из трудовых людей, а глава правительства, сам бывший рабочий, знает, что такое физический труд, и в таком возрасте еще владеет топором. Разрубили мы это дерево, растащили куски, сели в машину и отправились дальше.

Гидом нам служил Малиновский. Мы, никого действительно не спрашивая, прибыли в нужную деревню. Приехали туда прямо к дому, в котором квартировал Малиновский со своим другом. Никакой толпы не собралось, так как мы прибыли без предупреждения. Вышли из машины, а из дома навстречу — хозяин, человек лет 45. Мы с Малиновским представились ему, и Родион Яковлевич спросил, жива ли его мать, которая, видимо, помнит, как два русских солдата спали на сене у них в сарае? Хозяин очень любезно принял нас, пригласил в дом, появилась и его мать — хозяйка в былые времена. Мы поприветствовали ее, всемерно проявляя внимание. Малиновский напомнил ей, кто он, назвал и имя своего друга, поинтересовался, жив ли ее супруг. Она ответила, что умер.

Малиновский еще раньше говорил мне, что тот был стар, а хозяйка молода и очень красива. Друг Малиновского ухаживал за хозяйкой, она была влюблена в него. Солдатам это было выгодно, потому что хозяйка угощала их молоком, сметаной, вкусными изделиями французской кухни. Когда он назвал имя своего друга, ее постное лицо переменялось и оживилось. Она теперь выглядела старухой, хотя, с его слов, была моложе Родиона Яковлеви-

ча. Сейчас же ее сын убежал и вернулся с бутылками вина, накрыл стол, появились традиционные французские закуски, проявились душевная любезность и теплота хозяев. Сын ухаживал за нами, угощал вином. Старуха тоже выпила. Малиновский начал вспоминать былое. Хозяйка же, видимо, не хотела предаваться воспоминаниям и вела себя с нами довольно сдержанно. На ее лице было написано некоторое равнодушие, сын же проявлял типичное крестьянское радушие, но без телячьих восторгов.

Потом все вышли на улицу. Здесь уже собрались жители деревни. Многие у меня сохранились в памяти. Это были люди среднего возраста. Детишки, конечно, тоже присутствовали, как во всякой деревне в таких случаях. Малиновский стал расспрашивать о некоторых своих знакомых и обратился по-французски к немолодому уже человеку: «А сохранился ли ваш кабачок? Вы его посещаете?». Француз улыбнулся: «Да, кабачок есть, и мы его посещаем так же, как и раньше, но той красавицы, о которой вы, видимо, вспоминаете, уже давно нет на свете». Малиновский тоже заулыбался и сказал: «Я и не отказываюсь, что вспомнил ее». Тут все загалдели, вспоминая девушку из кабачка, писаную красавицу. Видимо, владелец кабака держал ее ради привлечения молодежи, чтобы побольше выпили его вина. На этом он имел заработок. О каких-либо своих вольностях в отношении красавицы или с ее стороны Малиновский никогда не говорил. Видимо, там были чистые, хорошие отношения. Он-то любил женщин, особенно красивых, о чем много раз честно рассказывал, вспоминая и о своем пребывании в Испании во время войны республиканцев против Франко.

К вечеру мы вернулись в Париж. Громыко сообщил, что заседания не будет. Главы трех держав обменялись мнениями. Эйзенхауэр решил, что извиняться не станет. Французы и англичане не возражали бы против извинений. И, я думаю, со своей стороны, попытались уговорить американцев пойти на уступки. Но тщетно.

Еще когда я зачитывал декларацию, Эйзенхауэр обратился к госсекретарю Гертеру за советом. «Я думаю, можно извиниться?» — сказал президент. Но Гертер ответил: «Нет!» и скорчил такую гримасу, которая не вызывала сомнений в его позиции. Так Эйзенхауэр и не дал заверений, что разведывательные полеты больше не будут повторяться. Таким образом, он опять показал, что находится под сильным влиянием госсекретаря. Во время совещания в Женеве он добросовестно зачитывал записки Даллеса, которые тот ему подкладывал. Теперь диктовал Гертер, а Эйзенхауэр опять соглашался. Президент был наделен и умом, и здравым смыслом, но шел на поводу у других, хотя понимал, что занимает неправиль-

ную позицию. Однако противостоять им не мог. Следовательно, не он формировал международную политику США.

Уже после того, как было решено, что совещание не состоится, я по долгу вежливости съездил к Макмиллану. Тот не мог ни защищать позицию США, ни осуждать своего союзника и только доказывал, что мы слишком многого потребовали: надо было принять во внимание положение президента, который не в состоянии извиняться публично. Макмиллан считал, что нам надо было найти более гибкую позицию для ликвидации напряженности, и выражал сожаление, что мы публично отказались от приглашения Эйзенхауэра в СССР. Я доказывал нашу правоту и думаю, что Макмиллан с пониманием отнесся к моим словам, что можно было увидеть по выражению его лица. Он сказал: «Господин Хрущев, сейчас Англия не занимает той позиции, которую она занимала когда-то в вопросах международной политики. Раньше Британия являлась владычицей морей и во многом определяла политику Европы и даже мира, а теперь мы стали иными. Сейчас самые мощные государства в мире — это Соединенные Штаты и вы. Следовательно, именно от вас многое зависит...».

Мы любезно распрощались с Макмилланом. То была моя последняя встреча с ним. Потом я нанес визит генералу де Голлю. Он занимал такую же позицию, как Макмиллан, то есть в какой-то степени нейтральную, и в ходе беседы употреблял почти те же слова и аргументы, что и Макмиллан. Но я чувствовал, что де Голль больше сожалеет о случившемся. Видимо, он возлагал большие надежды на совещание, чем Макмиллан. Это чувствовалось. Таково мое сугубо индивидуальное восприятие его слов. Может быть, я ошибаюсь, но именно такое у меня сложилось впечатление. Распрощавшись с де Голлем, я вернулся в посольство, где мы расположились. К нам приехал Торез со своей женой, Жаннеттой Вермерш. Беседа состоялась братская, я рассказывал о последних событиях. Торез искренне был доволен нашей позицией и полностью ее одобрял. Я забеспокоился: «Правильно ли поймут нас французы? Французская общественность?». Она-то возлагала надежды на встречу. Все хотели мира. Мы заранее предвидели, что Запад свалит на нас срыв совещания. Если рассматривать дело формально, то это мы отказались от участия в нем, сделав резкое заявление. Наш документ сразу же был опубликован. Не искушенному в политике обывателю трудно было разобраться и тонкостях, а прожженным политикам мы дали возможность направить недовольство за срыв совещания на Советский Союз и его главу. Это меня беспокоило, и я спросил Тореза о

том. Он ответил, что, конечно, реакционеры воспользовались ситуацией, но члены компартии и общественность разберутся и будут на нашей стороне. Торез заулыбался, когда я рассказывал о посещении вместе с Малиновским французской деревушки. Я почувствовал, что все это ему импонирует.

Потом с визитом прибыл каноник, мэр города Дижон Кир. Когда я был во Франции гостем президента, то Кир со мной встретиться не смог, так как считался властями просоветским человеком, и они его на время как бы изолировали. Кир был активным членом Сопротивления фашистской оккупации и подвергался гонениям. Если мне не изменяет память, он дважды был приговорен к смертной казни. Теперь мне было интересно, как этот человек воспринял провал совещания. К тому времени уже зашумело французское радио, которое восстанавливало общественность против политики Советского Союза. Мы с Киром беседовали на открытом воздухе. В нашем посольстве имелся уютный дворик, беседа получилась самая радушная. Он говорил мне о том, что сожалел, не сумев встретиться со мною раньше. Кир полностью одобрил нашу позицию, изложенную мной во время беседы. Потом я поинтересовался у этого немолодого, хотя и энергичного человека: «Каким транспортом вы располагаете?». Персональной машины у него не было. И я предложил: «Если не возражаете, я предоставляю вам свою машину, которая отвезет вас по адресу, который вы укажете». «Буду польщен этим и охотно принимаю ваше предложение».

Кир высказал много любезностей в мой адрес, и мне было приятно это услышать в напряженный момент, когда на нашу политику вешали всех собак и буржуазная пресса хотела нас изолировать. Тот факт, что каноник Кир выезжает на машине из советского посольства с нашим флажком, имел большое значение. И я был рад, что он проявил трезвость ума и согласился воспользоваться нашей машиной. Мы распрощались очень любезно, я проводил его за ворота. Приходили и еще какие-то делегации, и отдельные лица, но это были люди левого политического направления. Правые в любой ситуации, если бы даже наша встреча хорошо закончилась, не почтили бы нас вниманием и не удостоили своим визитом. Да я в них и не нуждался. Наоборот, это могло бы быть плохо расценено левыми кругами. Люди, посетившие посольство, с пониманием относились к нашей политике и верили, что мы твердо стоим на позиции борьбы за мир, за мирное сосуществование двух систем, за развитие экономических и культурных связей между всеми народами независимо от социально-политического устройства в тех или других странах.

Буржуазная агитационная машина работала во всю мощь, восстанавливая общественное мнение против Советского Союза, обвиняла нас в срыве переговоров, в том, что мы «растоптали надежды» народов. Пришла пора улетать. В таких случаях задерживаться не рекомендуется. Мы поехали на аэродром в открытой машине. Я демонстративно хотел ехать таким образом и видел, как по-разному люди провожали нас. Конечно, никаких организованных манифестаций, ни дружеских, ни враждебных, не было, но одни группы людей горячо приветствовали нас, другие сжимали кулаки и грозили в нашу сторону. Здесь ничего противоестественного не было. Столкновение двух линий произошло в такое время, когда созрели условия для контактов. Мы уже съехались, чтобы разработать общую позицию, которая обеспечивала бы мир, чего хотели все народы... И вдруг все развалилось из-за ультиматума, который мы выдвинули!

Не каждый правильно понимал справедливость ультиматума. Некоторые подходили к делу с либеральных позиций, считая, что, хотя американцы проявили наглость, нужно было поступиться своими принципами, чтобы не сорвать совещание. Мне такая позиция понятна, но с ней никак нельзя было согласиться. Есть народная поговорка: «Дай коготкам увязнуть, весь влезешь в тину». Если бы мы не проявили мужества и не встали на защиту своей чести тогда, следовательно, согласились бы с США в том, что их самолеты имеют право летать над закрытыми территориями любых государств. Что значит закрытые? Это значит, что государство контролирует свои границы. Мы принимаем гостей добром, но непрошенные гости получают должное.

Прошло много лет, а я и сейчас считаю тот наш резкий отпор правильным. Я просто горд за время, когда мы дали отпор самому мощному государству, которое не считалось с мнением других стран. На этом закончился наш медовый месяц в отношениях с Соединенными Штатами Америки. У меня сложилось впечатление, что Эйзенхауэр лично хотел улучшения наших отношений, понимал вредность политики, проводимой в отношении нас, и желал сближения. Мы, со своей стороны, всегда этого хотели. С момента создания нашего государства Ленин делал все, что было в его силах, для установления дипломатических отношений со всеми странами. Припоминаю его знаменательное высказывание, что нужно строить нормальные отношения со всеми странами, существующими на планете. Если не признавать наличие капиталистического мира, то нам остается только улететь на Луну. Нужно признавать реальности, устанавливать дипломатические, экономические и культурные отношения со всеми странами.

После Ленина продолжалась такая же политика, а особенно после смерти Сталина, когда мы получили возможность свободно выражать свои мнения и устранить препоны, возникшие в результате проявлений сталинского недружелюбия, всего того, что затрудняло и усложняло отношения с капиталистическими странами. Мы постарались убрать барьеры, которые возникли в отношениях с Турцией, Ираном, Афганистаном, хотели улучшить испорченные отношения и со странами крупного капитала. С другой стороны, многолетняя безуспешная борьба против СССР, нагнетание напряженности между странами социализма и капитализма, антисоветская блокада не дали результатов. Нам казалось, что пришло время осознать, что нас сломить силой нельзя. Нет методов, которыми можно задушить такую страну, какой являлся Советский Союз, тем более, когда он уже не был единственной социалистической страной. Возникло содружество социалистических стран, мы усилились.

В своих выступлениях на встречах с зарубежными журналистами я потом указывал на неразумность антисоветской политики и напоминал, что Рузвельт, став президентом, положил доброе начало. До того ряд лет США не признавали Советского государства, у нас не имелось дипломатических отношений¹⁰. А сейчас политика, проводимая США, тоже потерпит крах, как потерпела крах политика непризнания Советского Союза. Журналисты отвечали: «Бывшая Россия тоже 16 лет не признавала США после того, когда они добились независимости в войне с Англией». Я отвечал, что не надо брать дурной пример. Царская Россия не могла сразу реалистически подойти к изменившимся условиям в мире. Республиканское правление было для нее крамолой, поэтому и оттягивалось признание. Неужто теперь США должны столь же неразумно подходить к своей политике в оценке сложившихся новых условий в мире? Это не достигает цели, к тому же вредно для экономики США, которые выиграли бы больше, если бы между нами развивались нормальные экономические, культурные, научные и прочие отношения.

У некоторых возникает вопрос: «Может быть, нам раньше вообще не следовало принимать приглашение Эйзенхауэра?». Нет, это было бы неразумно. Даже при том, что ничего особенного не получилось, мы ничего не потеряли, а, наоборот, приобрели. Американцы лучше узнали Советский Союз. Мы обрели возможность лично встречаться со многими людьми, высказываться через американскую печать. Среди буржуазных журналистов появились люди, которые понимали необходимость улучшения отношений между Советским Союзом и США. Могут сказать, что встречи, церемонии и прочее — бутафория. Но для буржуазного мира даже

она имеет значение. Почетный прием нашей делегации означал признание провала политики изоляции, провала усилий ликвидировать Советский Союз. Наша моральная победа оказалась колоссальной. И мне приятно было слушать, когда Эйзенхауэр во время беседы в Кэмп-Дэвиде иной раз обращался ко мне со словами «Мой друг». Опять скажут: «Это все слова». Верно. А что же вы хотите, чтобы два лица, которые занимают совершенно противоположные полюса, сошлись, и сразу же наши противоречия исчезнут? Это невозможно, такое могут представить себе только фантазеры или люди, которые совершенно не разбираются в вопросах классовой борьбы. Тут длительный процесс, и его не решают за столом при дружеских беседах.

Мы верим, что будущее — за рабочим классом, что идеи марксизма-ленинизма восторжествуют во всем мире. Бороться за это нужно разными средствами, но надо понимать слова Ленина, что революция не экспортируется, что на штыках нести революционные идеи в другие страны нельзя. Это дело рабочего класса каждой страны! Вот что надо признать и соответственно строить свою политику согласно ленинскому принципу мирного сосуществования, которое выражается и во взаимных контактах, и в обмене мнениями. Это полезно для социалистических стран. У капиталистов многому можно поучиться. Многое мы еще делаем хуже, чем они. У них больше и опыта, и знаний. Даже после того, как мы за десятки лет создали свою огромную армию интеллигенции, нам нужно хорошенько присматриваться к тому, что делается в капиталистическом мире, чтобы потом перенести все полезное на социалистическую почву.

Теперь — о другом, как Эйзенхауэр выполнил обещание, данное им американскому народу, заявив, что США и дальше будут продолжать разведывательные полеты над территорией Советского Союза. Он хвастанул, что США имеют право нарушать границы, но на практике сделал правильный вывод: Советский Союз сбил один У-2, может сбить и другой, поэтому лучше его не провоцировать¹¹. Затем произошел такой инцидент: американские разведывательные самолеты летали вдоль нашей границы над Северным Ледовитым океаном и вторгались в пределы наших территориальных вод. Наши истребители сбили одного нарушителя, он затонул. Американцы, как всегда в таких случаях, заявили, что летели над нейтральными водами. Они послали туда свою разведку, летали над теми водами, вызывали туда свои корабли, но не смогли доказать, что самолет был сбит над нейтральными водами. А у нас имелись вещественные доказательства: шесть их летчиков погибли, оставшиеся в живых находились в советском плену.

До того момента, когда мы сбили У-2, американские самолеты из Западной Германии часто нарушали границы Чехословакии и ГДР. Теперь командующий американскими войсками в ФРГ издал приказ не приближаться к границе между ГДР и ФРГ ближе чем на 50 километров. И больше подобных инцидентов не возникало¹². Тут польза нашего заявления сразу вылилась в то, что противник узнал, через какой рубеж нельзя переступить, потому что это не пройдет безнаказанно. А разве этого мало? Кроме того, мы показали всему миру, что не ломаем шапки даже перед таким мощным государством, как США. А ведь перед американской финансовой мощью западноевропейские державы ползают на брюхе. Мы же гордо поставили себя и сказали: «Нет!». Хотим дружбы, но не потерпим унижений, так как не придерживаемся в политике слов из Евангелия: если тебя ударили по одной щеке, подставь другую. Наоборот, считаем, что если нас ударят, то мы можем и голову оторвать тому, кто позволит себе такое.

Столкновение, которое между нами произошло, оказалось особенно чувствительным после того, как наметилось сближение. Когда Эйзенхауэр пригласил меня посетить США и быть его гостем, у народов появилась какая-то надежда на твердый мир, а у мировой общественности, которая хотела смягчения напряженности и исключения военного конфликта, зарождались иллюзии наступления полного согласия. И вдруг — поворот! Но мы продолжали вести свою генеральную линию мирного сосуществования и по-прежнему строили свои отношения с другими странами таким образом, чтобы добиться в конце концов взаимопонимания и обеспечить мир во всем мире. Хотя получился большой накал страстей, мы все же прилагали усилия в данном направлении. После того, как был сбит американский самолет, который разведывал наши радарные установки на берегу Северного Ледовитого океана, у нас опять возник диалог: США вынуждены были обратиться к нам с просьбой вернуть пленных летчиков. Трупы мы вернули сразу, а двух пленных удерживали. Не помню сейчас, какими условиями обговаривался возврат, но договоренности так и не получилось. Пленные летчики остались у нас.

¹ 9 апреля 1960 г. из Пакистана через Урал, в сторону Норвегии.

² После второй мировой войны такие разведывательные полеты над СССР осуществляли американские самолеты В-29. Разработка новых самолетов-разведчиков с мощной фотоаппаратурой для действий на высоте свыше 20 тыс. м началась в США с декабря 1954 г. Осенью 1955 г. был составлен проект

«Акватория» по осуществлению таких полетов. 14 июня 1956 г. состоялся первый полет самолета «Локхид У-2» с двигателем J-57 из Висбадена (ФРГ) на Москву, Ленинград и далее через Прибалтику. Против этих самолетов собирались использовать советские межконтинентальные баллистические ракеты СС-6 либо зенитные ракеты СА-1, потом СА-2. С конца 50-х годов эскадрильи У-2 действовали, помимо Висбадена, также из Инжирилика (Турция), Бодо (Норвегия), Пешавара (Пакистан) и с авиабазы близ Токио. В сентябре 1959 г., в связи с визитом Хрущева к Эйзенхауэру, полеты были приостановлены, а потом возобновлены. С 1960 г. на базе в Инжирике пилотами У-2 служили также англичане.

³ БИРЮЗОВ С.С. (1904 — 1964) — Маршал Советского Союза (с 1955 г.), был главнокомандующим войсками ПВО в 1955 — 1962 гг.

⁴ С авиабазы Бадабер под Пешаваром.

⁵ ДАЛЛЕС А.У. (1893 — 1969) возглавлял в 1942 — 1945 гг. систему политической разведки США в Европе, с 1947 г. работал в ЦРУ и в 1953 — 1961 гг. был его директором.

⁶ 15 мая 1960 г.

⁷ В ноябре 1959 г. Хрущев публично заявил, что через год в СССР сойдут с конвейера 250 ракет с водородными боеголовками. Перед 1960 г., согласно его следующему заявлению, их имелось по 50 для Англии и Франции, 30 для ФРГ и тайное количество — для удара по США.

⁸ Личный переводчик Хрущева Суходрев В.М.

⁹ С февраля 1916 г. в составе Русского экспедиционного корпуса.

¹⁰ Они были установлены 16 ноября 1933 г.

¹¹ С августа 1960 г. разведывательное фотографирование территории СССР осуществлял американский спутник Земли «Корона».

¹² Практически с 1961 г. такие инциденты возобновились, но самолеты У-2 там американцы не применяли, а использовали различные типы «Фантомов» или SR-71.

ПОСЕЩЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Летом 1960 г. мы обсуждали в руководстве страны вопрос о подготовке к поездке нашей делегации в Нью-Йорк, на очередную Генеральную Ассамблею ООН¹. Было принято решение возглавить правительственную делегацию председателю Совмина СССР, хотя обычно такую делегацию возглавляет министр иностранных дел. Стали обдумывать вопросы, заслуживающие вни-

мания, для постановки на ассамблее. Такими вопросами мы хотели приковать к ним внимание всего мира. Они должны были в первую очередь помочь борьбе за мир и освобождению народов, еще находившихся под колониальным гнетом. Я предложил поставить вопрос об установлении определенного срока предоставления независимости всем колониям. Принятие такого решения стимулировало освободительную борьбу, оно было бы освещено международным форумом. ООН могла оказать и моральное давление на правительства, чтобы ускорить предоставление независимости колониям. Мы хотели, чтобы наша политика по особому оценивалась африканскими и азиатскими народами. Ленинская внешняя политика преследует цель борьбы против угнетателей и эксплуатации человека человеком, за национальное и социальное освобождение, и я считал, что наш призыв найдет большой отклик в душах граждан колоний. Мы, обменявшись мнениями, пришли к заключению, что постановка этого вопроса будет иметь большое политическое значение, а наш авторитет среди народов колоний возрастет.

Данный вопрос надо было всесторонне обдумать, чтобы логично изложить его в докладе, заранее мобилизовать людей, а колонизаторов не только поставить в затруднительное положение, но и вынудить их проголосовать вместе с нами. Мы гадали, какую позицию займут США? У них нет колоний, но своим капиталом они подавляют малоразвитые страны и сводят на положение колониальных. Кроме того, их союзники, страны-колонизаторы Великобритании и Франция, вместе с США покровительствовали Португалии и Испании, тоже имевшим колонии в Африке и Азии. Содержание выступления подготовили тематические институты АН СССР и МИД СССР, но мы не хотели, чтобы оно заранее просочилось в печать, дабы не дать нашим противникам возможность подготовиться и аргументированно выступить против.

Пришло время формировать делегацию, мы составили ее и объявили, что ее возглавит Хрущев. Вместе с делегацией СССР отправились делегации Украины и Белоруссии. Социалистические страны Восточной Европы тоже наметили во главе своих делегаций председателей Советов Министров или же первых секретарей Центральных Комитетов их партий. Это вызвало громкий отклик в мировой печати. Ряд других стран откликнулся на это известие и тоже объявил, что их делегации будут представлены на какой-то период деятельности ассамблеи главами правительств. Индия заявила, что приедет Неру, Югославия послала

Тито, Великобритания — Макмиллана. Многие другие делегации тоже были представлены главами своих правительств.

Сговорившись с руководством большинства социалистических стран — членов Варшавского Договора, мы все отправились в Нью-Йорк на советском корабле. В назначенный день на него прибыли другие делегации за исключением румынской, которая добиралась до Америки самостоятельно. Возник вопрос, не предпримут ли страны НАТО какие-либо диверсионные акты против нашего корабля? Такая возможность была. Водное пространство большое, можно потопить корабль, а потом, когда никого не останется и свидетелей не будет, разбирайся, по каким причинам это случилось... Несчастный случай? Или какая-то плавучая мина, оставшаяся от второй мировой войны? А ведь такие случаи бывали. Но мог же быть и диверсионный акт! Мы все же остановились на корабле. Я вспомнил, что Молотов, выезжая как-то на ассамблею ООН, пользовался английским кораблем. Он улетел в Великобританию, а из Лондона отправился в Нью-Йорк на ее пассажирском лайнере.

Наш корабль «Балтика» был голландского производства, очень удобный, небольшой, но хорошо сделанный. Для пассажиров имелись отличные удобства. Посадка состоялась в Калининграде-областном. Мы распрощались с провожающими, разместились, корабль дал прощальный сигнал, мы тронулись в путь. Наступал вечер, но какое-то светлое время мы еще имели возможность наблюдать за берегами нашей Родины. Чтобы достичь Нью-Йорка, нам требовалось восемь — десять дней. Хватало времени завершить подготовку к докладу и обдумать все вопросы, которые стояли на повестке дня ассамблеи. Условия для работы на корабле были подходящими, весь аппарат, который был нам нужен, постоянно находился с нами. Мы провели совещание, обсудили возникшие вопросы, выявили позицию каждого нашего союзника и решили, что на ассамблее станем выступать единым фронтом социалистических стран.

Балтика встретила нас неприветливо. На рассвете стояли туманы, видимость очень плохая, поэтому мы шли все время с сигнальными гудками. Проходя по балтийскому мелководью, надо строго следовать фарватеру. Чтобы корабль не сбивался с пути, его оборудовали автоматическими сигналами, буи расположены так, что на корабле все время слышен монотонный сигнал и капитан имеет возможность правильно ориентироваться в направлении движения. Потом туман рассеялся, выглянуло солнце. Мы как раз подходили к Дании, были видны ее берега. Про-

плывая проливами, миновали шведские и норвежские берега. Вышли, наконец, в Северное море. Военные моряки сопровождали нас только до открытого океана. Ла-Маншский пролив мы проходили под прикрытием наших миноносцев, потом, когда вышли в Атлантику, миноносцы прекратили сопровождение и вернулись на Родину, а мы продолжали следовать своим курсом. По пути следования в океане наш гражданский флот заранее поставил ориентиры — корабли по маршруту. Через какое-то время они нам регулярно встречались и в случае несчастья могли оказать нам помощь. Кроме того, мы плыли оживленной трассой, довольно плотно насыщенной морскими транспортными средствами. Так что встреч хватало.

Я впервые за свою жизнь оказался в открытом океане. Воды там видимо-невидимо. Возникает особое чувство, когда первый раз попадаешь в такую стихию. Это чувство нарушалось «спутниками»: еще когда мы подходили к Дании, нас встретили зарубежные самолеты и вертолеты. Они облетали наш корабль, снижаясь до недопустимой высоты и чуть ли не задевая за мачты, фотографировали. Для журналистов Запада наша поездка была сенсацией. Удовлетворяя любопытство своих читателей, они освещали весь путь нашего корабля в Нью-Йорк. Сообщения прессы мы немедленно получали по радио и внимательно следили за тем, как освещается наша поездка. Облет корабля длился до тех пор, пока мы не вышли в открытый океан. А до этого времени над кораблем висели в воздухе частные, коммерческие, маленькие самолеты типа наших По-2. Они очень удобны, маневренны и дают возможность корреспондентам и фоторепортерам снимать корабль с любой точки.

Наконец, стали удаляться и исчезать вдали берега Европы. Последними исчезли из виду берега Великобритании. Видимость была хорошая, несмотря на большое расстояние. На какой-то день следования мы стали ощущать характерное покачивание, сперва легкое, потом посильнее, которое создает неуверенность в походке. Барометром влияния этого волнения на пассажиров был стол: выходя к завтраку, мы кого-то недосчитывались; за обедом, если качка увеличивалась, не было уже большего числа участников трапезы. Нам тут же сообщали, что такой-то товарищ или даже вся такая-то делегация не сможет прийти к завтраку, к обеду, и их не следует ожидать. Потом дело дошло до того, что вообще единицы приходили к столу. Сначала за обедом звучали морские прибаутки, и некоторые лица, отдавая дань традиции, которая существует на флоте, требовали к обеду чарку. Но постепенно к

столу приходило все меньше и меньше людей, даже чарка перестала быть притягательной. Те, кто еще ходил, были серого цвета, общее настроение было довольно грустным, самочувствие — плохим. Нас сопровождал доктор Владимир Григорьевич Беззубик, которого я знал много лет и относился к нему с большим уважением и как к врачу, и как к человеку. Он должен был оказывать нам помощь, но когда разыгралась качка и нас стало довольно прилично укачивать, то раньше всех мы лишились именно доктора. Он сам лежал, как говорится, без задних ног. Так все мы узнали, что такое морская болезнь. Однако знали, что пройдет качка, и люди вернутся к норме.

Наша охрана находилась в таком же состоянии и на ногах не держалась. Оказывается, мой организм был более стойким, и я не поддавался никакому укачиванию: на всем пути следования, независимо от волнения в океане, на меня оно совершенно не действовало. Я спал нормально и даже лучше, чем на суше, потому что качка способствует крепкому сну. Ходил по палубе на свежем воздухе, чтобы продувало, меня это только укрепляло. Но не помню, чтобы кто-либо из делегатов братских стран во время сильной качки составил мне компанию. Был случай, когда за столом сидели вдвоем я с каким-то партнером. Это служило предметом всяческих шуток, хотя тем, кого укачивало, было не до острот. А в спокойную и солнечную погоду на корабле было приятно. От скуки многие читали книги и журналы, которые захватили с собой, или работали над материалами, готовясь к сессии. Для пассажиров на кораблях существуют игры, о которых я не знал. Они несложны и делают времяпрепровождение довольно приятным. Игры занимали свободное время. Некоторые лица играли, непрерывно специальными ударными палками толкая шайбу, которая, скользя, должна попасть в клетку с цифрой. Тот, кто наберет больше очков, считается победителем. Разметка для этой игры на палубе всегда была занята. Другие лица как зрители наблюдали за игрой и превращались в болельщиков. Так у нас возникло спортивное состязание. Я тоже принимал участие в игре.

И находясь на корабле, мы оставались в курсе политических событий. Это был момент острой борьбы в Конго. Левые силы возглавлял Лумумба². Мы следили за событиями. Аппарат, сопровождавший нас, был хорошо подготовлен и знал условия, в которых развертывалась борьба в Конго. Поэтому мы постоянно были ориентированы в международных делах, текших своим путем, и тотчас формулировали свою позицию, посылая затем в Москву

шифровки для согласования. Так мы принимали участие в выработке мнения СССР по текущим вопросам. Между тем события в Конго протекали бурно. Мы всемерно поддерживали Лумумбу, его партию, всех, кто поднялся на борьбу с бельгийскими колонизаторами. Агентом бельгийских монополий, колонизаторов и организатором реакционных сил был там Чомбе³. Прошло много времени, я сейчас не могу держать в памяти все детали дела, но помню, что со своей стороны мы делали все, чтобы поддержать революционные силы в Конго.

Это был одновременно самый напряженный период в отношениях между СССР и США, вызванный провалом четырехсторонней встречи в Париже в результате инцидента, умышленно подстроенного разведкой США, когда состоялся полет разведывательного самолета У-2. В печати шла крепкая перебранка... И вдруг мы объявляем, что советскую делегацию в Нью-Йорк возглавит Хрущев. Этим, как говорится, мы подлили масла в огонь. Печать США реагировала очень бурно. Раздавались голоса, исходящие из позиции здравого смысла: они хотели приглушить антисоветчину. Но таких было мало. Большинство посылало всевозможные проклятия в адрес политики Советского Союза. Много говорилось о том, как нужно «встретить» Хрущева: призывали организовывать демонстрации протеста и т. п. Правительство (или губернатор Рокфеллер) издало распоряжение, что делегация СССР может находиться только в том районе Нью-Йорка, где расположена Организация Объединенных Наций, а за пределы его границы наша делегация не имеет права выезжать. Таковы ограничения.

Но это нас не сдерживало. Наоборот, я считал, что империализм США уже не всесилен и не может подчинять международную политику своим капризам. Приняв решение ехать в США, мы использовали международное право, игнорируя все угрозы и антисоветскую свистопляску. Имели место и прямые провокации. На каком-то расстоянии от Америки, кажется утром, мне доложили, что справа по курсу нашего корабля всплыла чья-то подводная лодка. Я вышел на палубу. Расстояние было небольшим, и без бинокля было хорошо видно огромное стальное тело, омываемое волнами. Сомнений не было, эта подводная лодка принадлежит США. Мы спокойно следовали своим курсом, не обращая на нее внимания. Но с какой целью она всплыла? Это была военная демонстрация со стороны агрессивных сил, хотевших устроить какой-то «холодный душ» для делегаций социалистических стран, поугатать нас. Некоторое время подлодка плыла параллельно, по-

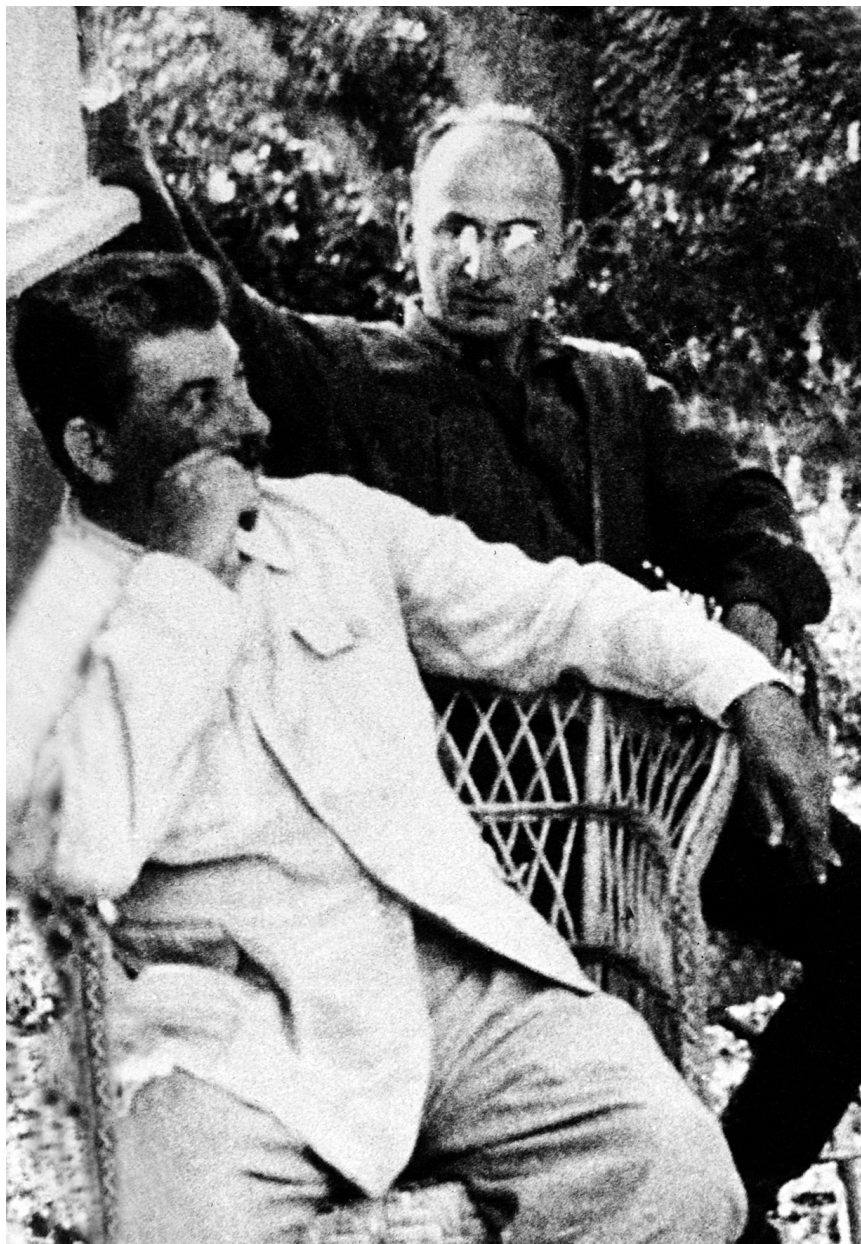
Под Киевом после войны.

Н.С. Хрущев в Одессе. 1946 г.

Н.С. Хрущев и заместитель председателя СНК Украины В.Ф. Старченко на главной улице Киева — Крещатике обсуждают с горожанами планы возрождения города.

И.В. Сталин и Л.П. Берия на даче. Начало 1930-х годов.

На войне пересеклись пути Н.С. Хрущева и младшего сына Сталина Василия.

И.В. Сталин, Л.П. Берия, дочь Сталина Светлана на даче.

И.В. Сталин с дочерью Светланой.

Первый секретарь МК и МГК КПСС Н.С. Хрущев, И.В. Сталин, В.М. Молотов и Н.М. Шверник на трибуне Мавзолея. 1952 год.

«Ближний круг» — И.В. Сталин, Л.П. Берия, Г.М. Маленков, Л.М. Каганович, П.К. Пономаренко в Кремле. Начало 1950-х годов.

Похороны И.В. Сталина
9 марта 1953 года.

Н.С. Хрущев на трибуне XX съезда КПСС.

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

СПРАВКА

22. марта 1956.

№ 4н-03157/56

Москва, ул. Воровского, д. 13,

Дело по обвинению ШЕБОЛДАЕВА Бориса Петровича пересмотрено Военной Коллегией Верховного Суда СССР 14 марта 1956 года.

Приговор Военной Коллегии от 3 октября 1937 года в отношении ШЕБОЛДАЕВА Б.П. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА С С Р
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

/В.БОРИСОГЛЕБСКИЙ/

аи

В. Борисоглебский

Такие справки получили многие семьи жертв сталинского террора.

Н.С. Хрущев и министр обороны СССР маршал Советского Союза Г.К. Жуков в кулуарах Большого Кремлевского дворца. 1956 г.

Н.С. Хрущев и премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан. 1959 г.
В центре — переводчик В.М. Суходрев.

Двусторонняя встреча в Вене. Н.С. Хрущев и президент
США Джон Кеннеди. 1961 г.

В дни работы Американской выставки в Москве летом 1959 года в СССР побывал вице-президент США Ричард Никсон.

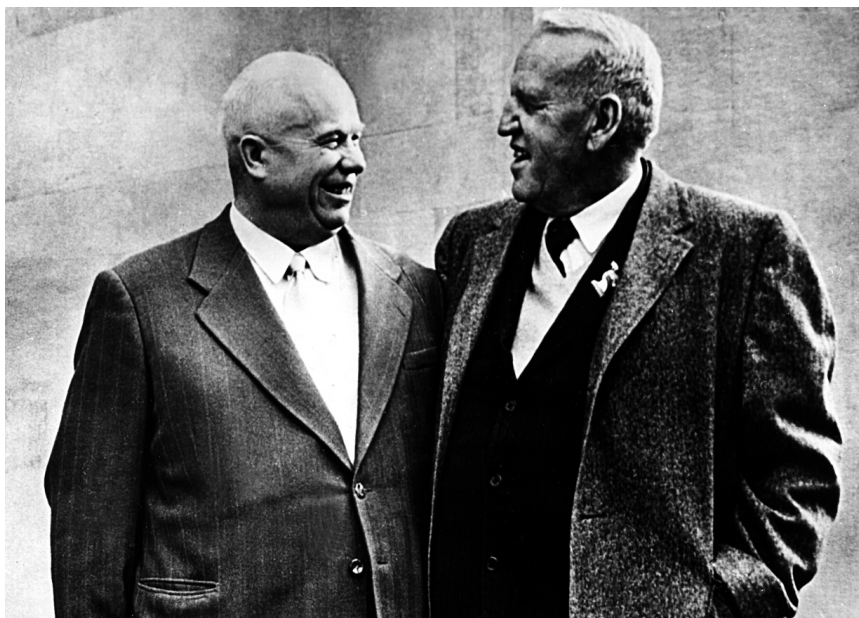
Панорама Нью-Йорка. 1959 год.

Во время первой официальной встречи с американским руководством в Вашингтоне Н.С. Хрущев вручил президенту США Д. Эйзенхауэру копию выпела, доставленного советской космической ракетой на Луну.

Н.С. Хрущев, супруга президента США М. Эйзенхауэр, Н.П. Хрущева и Д. Эйзенхауэр.

Н.С. Хрущев и знаменитый фермер из штата Айова Росуэлл Гарст, с которым у советского премьера сложились теплые и неформальные отношения.

Н.С. Хрущев дает импровизированную пресс-конференцию у подъезда Блэйр-хауза — официальной резиденции гостей американских президентов.

В ходе визита в США Н.С. Хрущев посетил могилу президента Франклина Рузвельта в Гайд-парке.

В Голливуде с исполнительницей канкана.

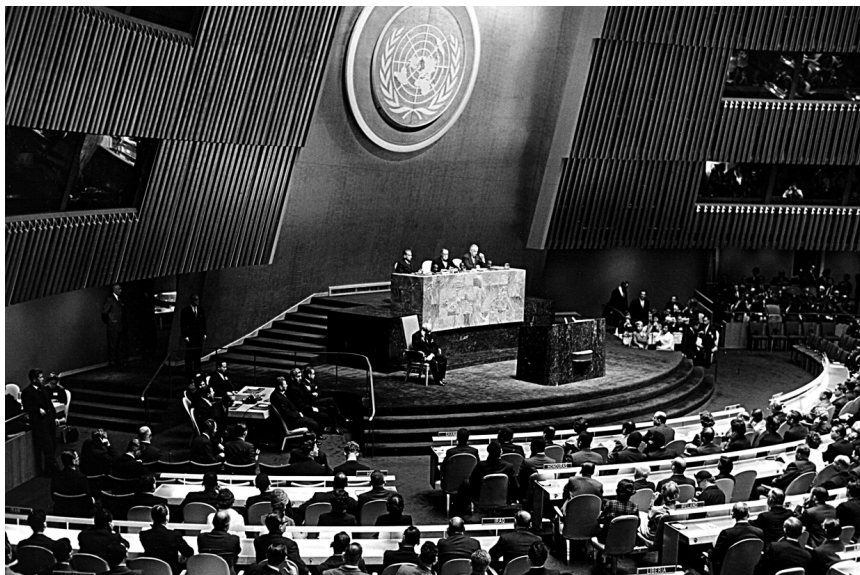
Встреча с рядовыми американцами.

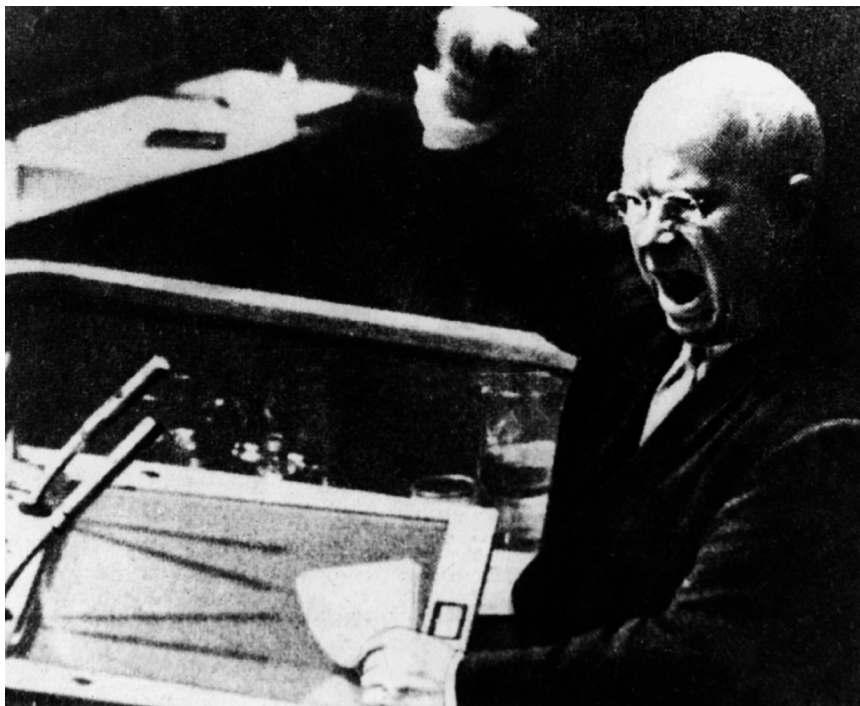
В Кэмп-Дэвиде — летней резиденции президентов США.

На борту теплохода «Балтика» по пути на XXV сессию Генеральной Ассамблеи ООН. Осень 1960 г.

Зал заседаний Генеральной Ассамблеи ООН.

Н.С. Хрущев на трибуне Генеральной Ассамблеи ООН.

Н.С. Хрущев, Н.П. Хрущева и Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд.

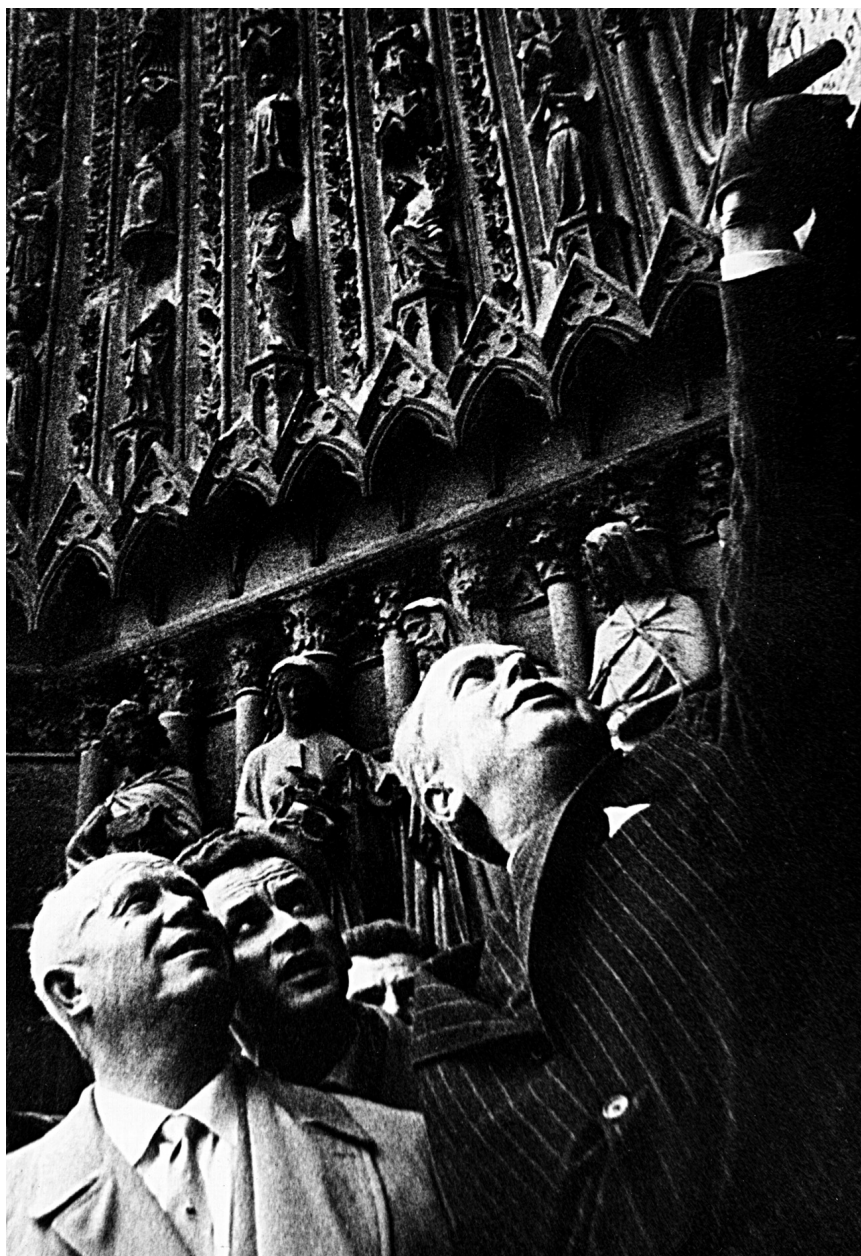
Н.С. Хрущев
и Н.П. Хрущева
во Франции.

Прием в Елисейском дворце. Н.С. Хрущев и президент Франции
Ш. де Голль с супругами. Март 1960 года.

Пребывание советского лидера во Франции сопровождалось теплыми встречами с народом.

В Париже Н.С. Хрущеву показали великолепное убранство древнего собора Нотр-Дам де Пари.

Н.С. Хрущев и Ф. Кастро в Завидово. 1963 г.

Схема размещения советских военных объектов на Кубе. Октябрь 1962 г.

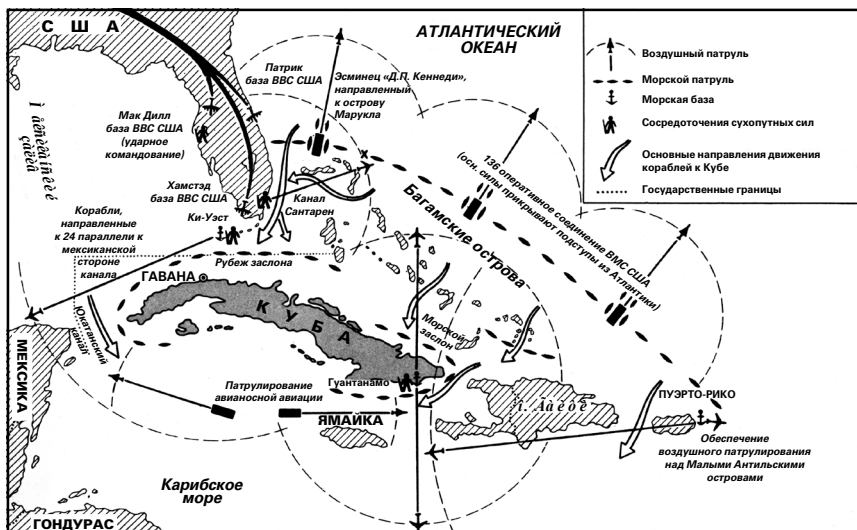
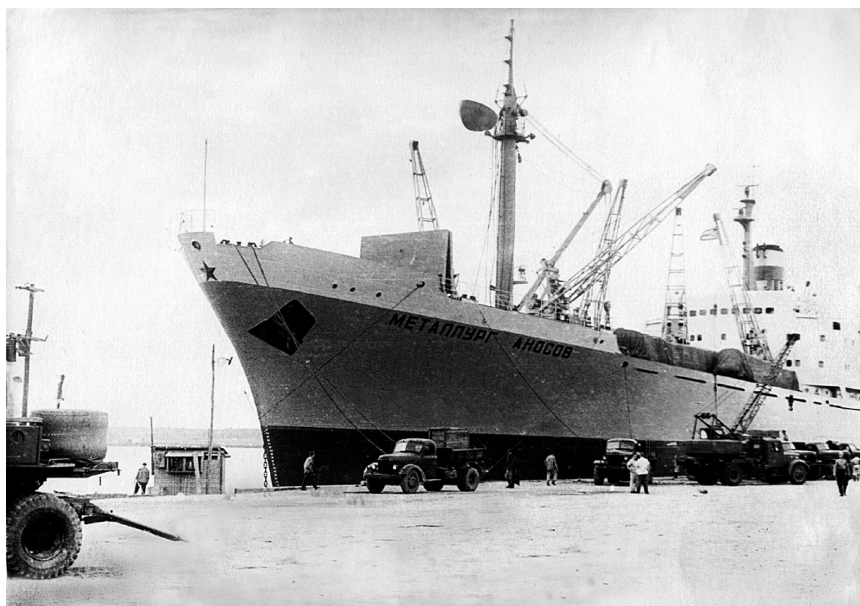

Схема американской морской блокады Кубы в дни Карибского кризиса.

Советская военная техника на борту гражданского судна по пути на Кубу. Над палубой барражирует американский самолет-разведчик.

Советское гражданское судно «Металлург Аносов» в порту Гаваны под разгрузкой. В чехах — доставленные из СССР ракеты.

Группа советских военных специалистов у борта теплохода «Адмирал Нахимов» перед отплытием из Гаваны в СССР.

том погрузилась. Этим дело и кончилось. Вплоть до самого прибытия в Нью-Йорк больше никаких проявлений враждебности в океане мы не замечали.

Регулярно получая на борту обзоры печати США, мы знали, что нам готовятся какие-то, как у нас выражаются, «кошачьи концерты». Антисоветские силы готовили демонстрацию, когда мы будем подходить к причалам Нью-Йорка. Действительно, возле причала, который мы арендовали, нас встретил такой демонстрацией корабль средних размеров. На нем было множество ряженых людей, в разных цветных костюмах, с плакатами и лозунгами. Они что-то выкрикивали в репродукторы. Мне переводили: то были возгласы оскорбительного характера. Эти люди хотели унижить нашу страну и ее представителей, но кричали на довольно приличном от нас расстоянии, а между нашим кораблем и демонстрантами держались в промежутке катера, принадлежащие американской полиции. Они следили за тем, чтобы демонстрация проходила на расстоянии видимости, но чтобы не причинила никаких неприятностей нашему кораблю. Слышны были голоса, видны лица, да и только. Мы все высыпали на палубу, смотрели на чучела и смеялись. Для нас это было чем-то вроде шутовского карнавала.

На пирсе собралось много журналистов, среди них находились представители Советского Союза в ООН и посол СССР в США Меньшиков. Причаливая, мы увидели неприглядную картину: пирс был старый, полуразрушенный. Начали спускаться по сходням, вблизи все выглядело еще более затрапезно. Думаю, что некоторые американцы иронизировали по поводу того, что русские заарендовали такой заброшенный причал. Однако виноватого искать было нечего, это я был виноват. Когда во время предварительных переговоров нам сообщили, сколько будут стоить причал и стоянка нашего корабля, я поскупился, ибо приличная стоянка стоила очень дорого. И я предложил: «На кой черт нам тратить деньги, какое это имеет значение, где мы причалим? Лишь бы причалить. Дайте указание нашим людям, чтобы они поторговались и арендовали бы место подешевле». Ну, вот, это и было дешевое место.

Сошли мы. Не видно никаких демонстраций. Вероятно, полиция никого не допустила туда кроме журналистов, аккредитованных при ООН, и наших людей. Мы сразу же направились в помещение, которое являлось нашей собственностью в Нью-Йорке. Там жили большинство советских сотрудников и представитель СССР в ООН. Разместились хорошо, в квартире без всякой роско-

ши, даже очень скромной, но удобной. Больше нам ничего и не требовалось. Эта квартира находится в центре города, в окружении массы других домов. Куда ни глянешь — стекла и бетон, небо светится в щелях между зданиями. Вот обычный пейзаж Нью-Йорка. Описание было бы не полным, если не сказать об автомашинах: шум, воздух испорчен выхлопными газами от непрерывно снующего огромного количества машин.

В связи с тем, что атмосфера вокруг нашей делегации и моей персоны была очень накалена и этот накал все время дополнительно нагнетался прессой, правительство США решило создать условия, ограничивающие возможность действий агрессивного характера. Полицейских было много, и они работали посменно круглые сутки, все на мотоциклах, поэтому при смене полицейских отрядов ночью или под утро, когда одна смена уходила, а другая прибывала, можете себе представить, то там творилось: сплошная артиллерийская канонада. Цилиндры у дежурных мотоциклов были охлаждены, и, когда их заводили, начинались выстрелы с выхлопами, как будто рвутся снаряды, и все у меня прямо под окном. Тут, как бы ни хотелось уснуть и каким бы уставшим ни был, спать невозможно. Я просыпался и валялся на кровати в ожидании, пока вернется сон. Но абсолютно спокойного времени ни разу не было, потому что одни связные уезжали, другие приезжали, все время стоял треск. Кроме того, на улицах шумели машины. Не помню, на каком этаже мы жили, но слышимость была большая. Только находясь там, я понял, какво приходится людям, живущим на нижних этажах небоскребов. Это особенность Нью-Йорка, города-колосса. Но, повторяю, само жилище наше было хорошим.

Далеко не все наши сотрудники могли так разместиться. В доме нашего представителя при ООН лишних комнат не имелось, но все главные лица — члены делегации разместились там, в советском собственном здании. Представители Украины и Белоруссии находились в другом здании, на приличном расстоянии от нас. Я потом ездил к ним посмотреть: этот дом был арендован на время приезда, видимо, какая-то гостиница. Во время этой моей поездки Нью-Йорк своим величием каменных груд особого впечатления на меня все же не произвел. Ранее, будучи гостем президента США, я уже посещал Нью-Йорк, был и в ООН и помнил процедуру приема особо важных гостей. Тогда меня ввели в зал заседаний, предоставив мне кресло перед президиумом, поближе к ораторской трибуне и лицом к аудитории. Я был знаком и с этим помещением. На каждое заседание сессии ООН выбирается ее председа-

тель, а рядом с ним всегда сидит генеральный секретарь ООН. Когда я ранее посещал ООН, им был швед Хаммаршельд⁴. Он всегда присутствовал в зале в сопровождении ряда служебных лиц. Так что я заранее знал, в какой зал еду.

Как только мы прибыли, началась закулисная деятельность по формированию органов сессии: выборы председательствующего на заседании, членов комиссий и подкомиссий. Они, согласно официальному положению, создаются временно, только на время проведения сессии. Сейчас не помню, какую кандидатуру мы выдвигали председателем, кажется, кого-то из Польши. Конечно, никаких надежд на его избрание мы не испытывали и делали это в порядке противопоставления, моральное право на что имели, но знали, что США со своими союзниками его кандидатуру не пропустят. Мы-то при голосовании всегда имели меньшинство. Запад выдвинул представителя Ирландии, и мы, конечно, выступили против, хотя и не знали данного человека. Потом меня проинформировали, что он работал преподавателем какого-то высшего учебного заведения. Эта кандидатура от Ирландии и получила абсолютное большинство голосов, преподаватель занял свое место. Но в комиссиях были представлены все страны, в том числе социалистические. Видимо, заранее согласовывалось количество мест для социалистических стран, капиталистических западных держав и вновь возникших, получивших независимость государств.

В самом центре зала размещалась делегация США, наша — справа от председателя, почти под трибунами журналистов и гостей. Трибуны расположены высоко, поэтому разобрать лица присутствующих невозможно. Впереди перед нами сидела испанская делегация. Ее глава — немолодой худой седой человек с приличной лысиной и сморщенным лицом, не плоским, а вытянутым вперед. Если бы у нас с Испанией были нормальные отношения, я бы сказал: «Ничего, вполне приличный человек». Но у нас тогда отношения были хуже некуда, натянутые, даже враждебные, поэтому сей человек действовал на меня отталкивающе. Перед самым отъездом я виделся с Долорес Ибаррури. Я к ней относился с большим уважением и сохраняю это уважение сейчас. Она обратилась ко мне с просьбой: «Товарищ Хрущев, хорошо, если бы вы в речи или реплике, выбрав момент, заклеямили позором режим Франко в Испании». И я потом постоянно думал, как бы выступить, чтобы это не выглядело грубостью? Грубость-то будет неизбежной, но допустимой для парламентарных порядков.

Однако выпад я должен был сделать не против делегации Ис-

пании, а против ее политического режима, в пользу трудового народа Испании. И когда я сидел и клевал носом в лысину представителя Испанского государства, то вспоминал Долорес и ее задание. Что касается делегации США, то хорошо запомнил, что в ее составе были негры и среди них женщина, солидная и красивая негритянка. Тут, конечно, состоялась как бы демонстрация того, что в США все люди пользуются равными правами.

На официальное заседание я попал впервые. Я, человек старой, дореволюционной формации, читал в свое время отчеты о заседаниях Государственной думы и о том, как бурно они проходили, вплоть до удаления делегатов из зала. Чаще других удаляли с заседания членов фракции большевиков, наказывая их порою даже исключением из нескольких заседаний. Теперь я впервые попал в место заседания представителей различных классов и от государств с разным социально-политическим строем, следовательно, и с различными пристрастиями. Их представители стояли на неодинаковых классовых позициях, поэтому обострение обстановки было доведено до предела. Каждая делегация вела себя в отношении ораторов и содержания их речей по-своему, реагируя всеми доступными средствами, которыми могла пользоваться.

Обсуждались все вопросы очень бурно. Представители тех или других государств поддерживали те предложения, которые им импонировали. Если это был представитель социалистической страны, то мы, конечно, стояли за него и вообще поддерживали все предложения, выгодные социалистическим или неприсоединившимся странам. То были не просто выступления, а сплошной азарт, ажиотаж с большим накалом страстей. Представители буржуазных стран шумели, стучали о свои пюпитры, подавали реплики, устраивали обструкцию ораторам в том месте их речей, которое считали неприемлемым. Мы стали платить им той же монетой. Я впервые в жизни побывал на таком заседании, но быстро перенял форму протеста и стал участвовать в этом, поднимая шум, стуча ногами и пр.

Очередь слушания нашего вопроса была не близкой, и мы пока участвовали в обсуждении других вопросов, брали слово для реплик, для выступлений. От Советского Союза выступал я. Возникало много интересных ситуаций. При обсуждении какого-то вопроса выступил представитель Филиппин. Мне показалось, что он молод, но европейцам очень трудно разобраться в возрасте представителей Азии. Я, например, попадал иной раз в затруднение, встречаясь с китайцами. Мне казалось, что собеседник очень мо-

лод, а потом оказывалось, что он человек, уже поживший на свете. Филиппинец выступал с речью, направленной в поддержку политики США, выставляя себя эдаким прихвостнем американского империализма. Я резко выступил против него с позиции социалистических стран. Не помню аргументации, которой я пользовался, но помню, что употребил выражение: «Мы еще вам покажем кузькину мать!»⁵. Имелся в виду «показ кузькиной матери» в вопросах экономики, культуры, демократического и социально-политического развития наших стран. Тот опешил. А спустя какое-то время снова взял слово: «Выступая здесь, господин Хрущев употребил выражение, которое мне перевели. Я перелистал много словарей, но так и не смог разобраться, что это значит, какое значение имеет его выражение?». Наша делегация засмеялась. Он не первый не сумел перевести эту фразу. Когда-то американцы тоже задавали мне вопрос: «Что это такое?». И переводили буквально: «Мать Кузьмы».

Возникали и комедийные ситуации. Мы занимали твердую позицию и когда хотели выразить протест, то действовали так, как считали нужным, с тем чтобы это производило впечатление. Спокойно высказывали свою точку зрения, подчеркивали нашу политическую независимость в том смысле, что у нас нет никакого даже намека на преклонение или боязнь в отношении США. Они-то давили на малые страны, просто властвовали над ними, держа их за горло кредитами и вооруженным вмешательством в их дела. В перерыве в кулуарах зала ко мне подошел тот самый филиппинец, подал руку и сказал: «Вы меня не так поняли, я не хотел причинить какого-то ущерб Советскому Союзу». Ну и ладно! А при обсуждении тех или иных вопросов для выступающих действует особый порядок. Ораторы записываются, очередь может быть очень длинной, пока подойдет твой черед, страсти остынут. На реплики давали две-три минуты сейчас же: как только оратор заканчивал выступление, объявляли: «Слово имеет такой-то делегат в порядке реплики». Эту удобную форму мы и использовали, потому что сразу получали возможность остро реагировать на вопросы, которые ставили наши противники.

Обсуждался вопрос о колониях. Я взял слово для реплики и решил ее использовать как раз с тем, чтобы выполнить поручение товарища Ибаррури. Очень остро выступил против режима Франко⁶, не называя его фамилии, но охарактеризовал этот режим реакционным и кровавым. Употребил и прочие выражения, которыми мы пользовались в печати и в своих выступлениях. Получилось очень резко. Сейчас же выступил с репликой пред-

ставитель Испании, тот, который сидел у меня под носом. И после его выступления наша делегация и делегаты других социалистических стран зашумели и застучали, хотя некоторые улыбались. Видимо, они не принимали всерьез такой непарламентский метод дискуссии. Вспомнив об отчетах о заседаниях Государственной думы в России, я решил поддать жару, снял башмак и начал стучать по пюпитру, да так, чтобы было погромче. Это вызвало бурную реакцию у журналистов и фотографов*. Наши приятели после этого много шутили. Неру, встретившись со мной, заметил, что, может быть, и не следовало так поступать. Я-то понимал Неру. Он проводил политику нейтралитета, поэтому занимал промежуточную позицию между капиталистическими и социалистическими странами и хотел играть какую-то роль связующего моста, но с преобладанием личной симпатии к нашей политике по вопросам борьбы за обеспечение мира во всем мире, за мирное сосуществование. Испанец, вернувшись, занял свое место. Проявлялось столь бурное выражение эмоций, особенно при репликах, что, даже когда он садился, мы перебросились колкостями. Хотя мы и не понимали друг друга, но мимикой выражали свое недовольство. Вдруг к нам подошел полицейский, который обслуживал заседание ООН. Эта полиция подчинена генеральному секретарю ООН. Здоровый такой верзила и, конечно, американец; подошел и встал, как истукан, между нами на случай, если дело дойдет до рукопашной. Происходили случаи, когда делегаты, схватываясь, применяли рукоприкладство. Не помню, на какой день нашего пребывания в США мы узнали, что приехала делегация Кубы, возглавляемая Фиделем Кастро. Американцы отнеслись к этой делегации оскорбительно. А сделано это было так, как умеют делать в Америке. Кубинскую делегацию выселили из гостиницы. Выселил, конечно, якобы ее владелец. Вроде бы дело частное. Так что правительство не несет никакой ответственности, не вмешивается. Мне передали, что Кастро мечет гром и молнии, угрожая: если не найдет пристанища для своей делегации, то как бывший партизан разобьет палатку на площади около здания ООН и будет там жить. Потом владелец какой-то гостиницы в Гарлеме⁷

* Н.С. Хрущев ошибся: стуком башмака по пюпитру он реагировал на выступление представителя Филиппин, о котором он говорит выше. В случае же с испанцем он ограничился кулаками, которыми барабанил по пюпитру. Этот эпизод, в отличие от «ботиночного», был запечатлен кинокамерами. В памяти Н.С.Хрущева эти два спора слились в один.

разместил делегацию Кубы у себя. Узнав о таком свинстве, проявленном в отношении кубинской делегации, мы возмутились. Посоветовавшись с членами нашей делегации, я предложил поехать в новую гостиницу с визитом, пожать руку Фиделю, выразить ему свое уважение и сочувствие, нет, не сочувствие, а возмущение. Он человек волевой и вряд ли нуждался в сочувствии, а понимал, что это является ответом американской реакции на политику, которую проводит кубинское революционное правительство. Это он воспринимал гордо, поэтому для него это было не унижением, а результатом его борьбы против дискриминации его страны. Я попросил нашего представителя связаться с Кастро по телефону и передать ему, что Хрущев хочет немедленно нанести ему визит. Так практиковалось, многие делегации приезжали друг к другу с визитами. Мне сказали, что Фидель благодарит за внимание, но хочет приехать сам. Он, видимо, считал, что Советский Союз — великая страна, а Куба — молодое революционное государство, поэтому он должен приехать первым, а уж потом с ответным визитом может приехать и представитель СССР. Тогда я попросил передать, что Хрущев уже выезжает, ибо считал, что именно мы первыми должны нанести визит. Это подчеркивало нашу солидарность с Кубой и возмущение дискриминацией, которая применялась к Кубе. И второе: кубинская делегация расположилась в негритянском Гарлеме, владельцем гостиницы тоже был негр. Тот факт, что кубинцы живут в Гарлеме, импонировал неграм, а прибытие Хрущева в район, населенный неграми, для нанесения визита делегации Кубы вообще носило демонстративный характер.

Я сообщил своей охране, что выезжаем. Охрана сейчас же обратилась к начальнику отряда полиции, который был к нам представлен. Нас сопровождали полицейские мотоциклисты с необычайной трескотней. Их было довольно много. Наши товарищи передали мне, что начальник охраны, которого я знал лично (он охранял меня, еще когда я был гостем президента Эйзенхауэра), просит меня туда не ездить, потому что в таком районе могут быть неприятности, и всячески отговаривает. Это еще больше убедило меня в необходимости поехать, иначе журналисты сразу же раззвонили бы на всю Америку, что Хрущев побоялся негров или того, что там будет демонстрация, а может быть, нанесут ему какое-то физическое оскорбление. Официально я имел право туда ехать, так как район находился в пределах нашего свободного передвижения, и я попросил передать начальнику группы полицейских, что использую свое право и по-

еду, а он, если не хочет, может не ехать. Конечно, он поехал. Сразу же мне подали машину, и мы отправились к гостинице, в которой располагался Кастро. Народу там собралась масса, прежде всего журналистов. Уж и не знаю, какими способами они обо всем всегда узнавали, но скрыться от них никуда было нельзя. Они дежурили около нашей резиденции и следили за полицейскими. И когда я приехал в Гарлем, там все было забито машинами. А раз приехало столько фоторепортеров, кинооператоров и журналистов, то и иной народ потянулся туда же, собралось огромное количество негритянского населения. Не буду здесь говорить о внешнем виде этой части Нью-Йорка, он достаточно хорошо описан, и люди, которые интересовались Америкой, имеют о том представление. Когда мы подъехали к гостинице, у подъезда нас ожидал Кастро с товарищами. Я впервые увидел его лично, и он произвел на меня сильное впечатление: человек большого роста с черной бородой, приятное строгое лицо, в котором светилась какая-то доброта. Она просто искрилась на его лице и в глазах. Мы заключили друг друга в объятия (заключили — условное понятие, принимая во внимание мой рост и рост Кастро). Он нагнулся надо мной, как бы прикрыв меня своим телом. Хотя мой объем в ширину несколько больше, все поглощал его рост. К тому же он человек, плотный для своего возраста. Затем мы сразу же поднялись к нему в номер. Войдя в гостиницу, я тотчас почувствовал, что там кроме негров никто не живет. Бедное старое здание, воздух спертый, тяжелый. Видимо, мебель и постельные принадлежности проветриваются недостаточно, может быть, они не первой или даже не второй свежести... Мы зашли в его номер и перебросились несколькими фразами. Он выразил удовольствие моим посещением, а я высказал слова солидарности и одобрения его политики. Наша встреча была краткой, на этом, собственно, она и закончилась, и я вернулся в свою резиденцию. Можете себе представить, какой поднялся шум в американской печати! И не только в американской: это нашло широкий отклик во всем мире. Отмечались грубость и дискриминация, которые были допущены в отношении кубинской делегации, а также демонстративное посещение Кастро делегацией Советского Союза. И, конечно, наши братские объятия.

На следующий день мы прибыли в ООН еще до открытия заседания. Потом приехала кубинская делегация. От нас она располагалась довольно далеко. Я предложил подойти к ней и поздороваться. Мы демонстративно прошли почти через весь зал заседа-

ний и там поприветствовали друг друга. Обнявшись с Кастро, вновь показали, что у нас складываются братские отношения и что мы как друзья относимся к Кубе. Мы подчеркивали наше единство в вопросах борьбы против империализма и колониализма, против агрессии империалистических держав. Получилась хорошая демонстрация. Она тоже нашла соответствующий отклик в печати. Конечно, печать реагировала по-разному: демократическая печать приветствовала, буржуазная перемывала нам косточки. Но это тоже было выражением своего отношения к нам и тоже шло нам на пользу.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, наша очередь для намеченного выступления долго не подходила, обсуждались другие вопросы. По сложившейся традиции вечерами шли взаимные приемы делегаций. Все вечера после заседаний были плотно заняты. Обязательно какая-то делегация приглашала нашу, потом мы приглашали ее. Это было полезно. Появилась возможность установления широких контактов. В другие страны ездить более сложно, а тут все в одном месте, поэтому и устраивались такие взаимные приемы. Один раз ко мне на прием для краткой беседы попросился наследный принц Марокко Хасан⁸. Тогда он был молодым человеком. Вообще-то приемы были тоже разные: одни проходили как краткие встречи, другие — как званые обеды или ужины. Бывали ужины, на которые приглашалась не одна делегация, а могли быть приглашены многие по усмотрению того, кто делал приглашение. Такие ужины затягивались. В данном случае наследного принца я принимал для беседы на кратком приеме. Мы познакомились с ним, поговорили. Эта беседа представляла интерес для начального установления контактов. Вскоре король Марокко, не приходя в сознание, умер после операции, и Хасан II стал новым королем. Так установился контакт, который потом развивался в хорошем направлении.

На этом форуме индийская делегация была представлена премьер-министром Неру. Неру пригласил на прием только нашу делегацию. Мы с ним, сидя за столиком, вели беседу в окружении своих делегаций, но никто не вмешивался в разговор. Вот тогда-то он меня и расспрашивал подробно, как это мы решились поплыть в Нью-Йорк на корабле и какая у нас была охрана. «Видимо, вас сопровождали эсминцы и подводные лодки?». «Представьте себе, нет», — ответил я. У него вытянулось лицо. И я пояснил, что это была бы какая-то особая демонстрация, чего мы не хотели делать. Да и потом, какую же надо иметь охрану, чтобы исключить любую возможность? Охрана вообще малоэффектив-

на. Нас сопровождали два эсминца до границ Европы. А когда мы вышли в открытый океан, эсминцы дали прощальные гудки и развернулись, а мы последовали далее своим курсом на пассажирском корабле. Рассказал я ему и о встрече с подводной лодкой «неизвестной национальности», без флага. Неру был удивлен тем, что мы решились на такое путешествие. «Это было небезопасно, имея в виду отношения, которые у вас сложились с США», — сказал он. Потом стал расспрашивать меня, как мы встречались в Женеве с делегацией США. Его интересовал Аллен Даллес. «Как вы с Даллесом здоровались? Руку ему подавали?». «Представьте себе, не только здоровались. Когда Эйзенхауэр дал обед в нашу честь, то Эйзенхауэр, Даллес и я вообще сидели рядом». Он по-особому улыбнулся, как это умел делать Неру, с такой деликатной сдержанностью, с теплотой посмотрел на меня и произнес: «Не могу представить себе картину: Хрущев с Даллесом сидят рядом и разговаривают». Конечно, разговор наш был там довольно кратким: вопросы и ответы, дань вежливости, вроде мы ведем какую-то беседу, а беседа-то и не вязалась. Она больше касалась блюд, которые нам подавали: «Как вам нравится это блюдо? А это? Какое вы предпочитаете?». Никакого другого разговора у нас с ним и не могло состояться. Неру, конечно, понимал, что мы и янки — люди разных полюсов и проявляем не дружбу, а нетерпимость. Особенно этим отличался Даллес, который с ненавистью относился ко всему новому: к формированию собственных политических взглядов в освободившихся от колониального гнета странах, к социализму, ко всяким демократическим веяниям. Особенно он был нетерпим к идеям коммунистических партий. Поэтому на лице Неру и проскальзывало какое-то непонимание того, как столь разные люди могут не только встречаться, а сидеть рядом за общим столом.

С Неру мы свободно обсуждали все интересующие нас вопросы. С Индией у нас всегда были наилучшие отношения. Правда, никаких особенных впечатлений у меня от бесед с Неру не осталось. Ведь вопросы, возникавшие между нашими странами, решались легко и нормально, через дипломатические каналы. Но это была приятная встреча, и она демонстрировала наши дружеские отношения. Индия занимала положение лидера среди стран, которые освободились от колонизаторов. Ее либеральная политика уважалась всеми странами, даже колониальными метрополиями. Эта политика проявлялась в терпимости к социально-политическим устройствам. Неру проводил линию мирного сосуществования, экономических и культурных контактов между всеми

странами. И нам было выгодно демонстрировать дружбу с таким государством, хотелось, чтобы на тот же путь стали и другие страны, особенно африканские, в которых начался бурный процесс освобождения от чужого господства и завоевания независимости. Странам, освободившимся от колониального гнета, тоже было выгодно дружить с Советским Союзом: это обеспечивало им возможность нормальных экономических и культурных отношений. Им можно было положиться на Советский Союз: он всегда придет на помощь, а молодые государства в такой помощи особенно нуждались.

Как раз когда мы прибыли в Нью-Йорк, Нигерия только что обрела независимость⁹ и прислала свою делегацию на Ассамблею ООН. Возглавлял ее премьер-министр Балева. Потом он трагически закончил свою жизнь. Во время переворота в Нигерии его похитили и убили. Этот премьер устроил прием. В числе приглашенных был и я. Не помню, пришел ли один или с товарищем Громыко. Наверное, с Громыко, потому что вряд ли нигерийцы сделали бы исключение для нашего министра иностранных дел. Но сидели мы не рядом с Андреем Андреевичем. Меня премьер Балева усадил напротив себя, рядом с представителем Великобритании. Балева был тучный человек огромного роста. Негр, но не с таким цветом лица, который я видел у сенегальцев — с синим оттенком, а несколько светлее. Может быть, он был и не чистокровный негр, но меня это вообще не интересовало. Конечно, он владел всеми манерами европейского человека. Прием его ничем не отличался от других приемов, на которые я приглашался. Держал он себя приветливо и дружелюбно.

Я был немного удивлен: зачем он, пригласив нашу делегацию, усадил нас рядом с представителями Великобритании? Мы тогда с Нигерией еще и дипломатических отношений не имели. Однако у нас возник большой интерес к ней, и мы хотели установить с ней дружеские отношения. Мы понимали значение этого огромного африканского государства: масса населения, богатые природные ресурсы... Мы понимали также, что бывшие колонизаторы не сразу выпустят Нигерию из своих рук. Она обрела юридическую независимость, но осталась в экономическом плену, и они хотят удержать ее в своем лагере, продолжать эксплуатировать богатства Нигерии и одновременно препятствовать развитию освободительного движения, экономическому раскрепощению и переходу на позицию борьбы за построение социализма. Впрочем, Балева был далек от этого: богатый человек, принадлежащий к буржуазному классу. Он проводил политику создания но-

вого, независимого государства, но на капиталистической основе, и очень внимательно, подчеркнуто внимательно, вел себя в отношении Великобритании. По существу, независимость он получил от британской короны и оставался сателлитом английского капитала вплоть до своего свержения.

Мы были глубоко убеждены в том, что все это там временные лица. Они выросли в колониях, поддерживались колонизаторами. Во многих таких странах даже офицеры в их армиях были британцами. Англия фактически обладала там реальной вооруженной силой и по сложившейся традиции поддерживала тесные контакты с бывшим государством-колонией. Вот такое состоялось знакомство. Когда нас пригласили к кофе, Балева подсел к нам. За этот же столик усадили представителя Великобритании. Разговоры у нас велись самые общие, да иначе и не могло быть, но нам было все же приятно. Приглашение советской делегации означало, что Балева вынужден показать своему народу, что он имел контакт с представителями СССР. Это говорило о том, что наша политика признавалась и в Нигерии. Только это могло побудить Балева установить с нами контакты в Нью-Йорке.

Я рассказываю тут о контактах с делегациями капиталистических стран, но пока почти ничего не сказал о социалистических странах Европы. В то время у нас имелись самые тесные контакты. Мы обсуждали между нашими делегациями любые проблемы, и не было таких вопросов, по отношению к которым даже в оттенках возникал бы различный подход. Мы выступали единым фронтом и даже заранее распределяли роли, по какому вопросу какая делегация выступит и какой вопрос она поднимет. Правда, уже образовывалось на горизонте новое облачко, бросавшее тень на отношения с Румынией. Министр иностранных дел Румынии (его фамилию сейчас не помню¹⁰) на меня производил впечатление умного человека, хорошо разбирающегося в вопросах международной политики, и вообще у меня к нему никаких претензий не было. И если я говорю о маленьком сгущении тучек, отбрасывающих тень, то только потому, что некоторые из представителей братских социалистических стран проявляли недовольство его активностью. Он действительно проявлял чересчур большую активность, много выступая с репликами. Обычно, если какая-то социалистическая делегация хотела выступить с репликой, то предварительно ставила в известность братские страны. Румынский же представитель этого не делал, а как бы демонстрировал перед другими социалистическими делегациями свою полную самостоятельность и независимость в таких случаях.

Я тогда ни к каким особым выводам не пришел и полагал, что это просто специфика характера. И потому думал, что в этом вообще нет ничего особенного. Не считал нужным давить на сознание представителей Румынского государства, не хотел создавать впечатление какой-то зависимости от нас. Желание показать, что Румыния имеет полную независимость в политике, меня вовсе не задевало. Но некоторых других это трогало, и в его адрес высказывались иной раз неодобрительные замечания такого типа: «Вот выскочка!». По постановке же вопросов и реплик румыны ни в какой степени не выходили за рамки понимания всех проблем другими социалистическими странами Европы. И их вопросы, и реплики вполне укладывались в наше понимание, а не торчали какими-то углами, задевавшими нашу общую политику. Нет, такого еще не было! Так что я спокойно относился к такой активности. Признаться, он мне даже нравился: молодой человек показывает свои возможности, хорошо разбирается во всех вопросах, своевременно и остро реагирует, в такт подает нужные реплики.

Я уже говорил, что, когда выбирали спикера на сессии Генеральной Ассамблеи, мы выступили против представителя Ирландии. Но потом этот спикер показал умение и объективность в руководстве заседаниями. Мы даже пригласили его к себе на ужин, после чего состоялся обмен мнениями. Мне он понравился. У нас с Ирландией особых контактов не было, но мы сочувствовали ирландцам, сражавшимся с англичанами за независимость своего острова. Наше сочувствие оставалось на их стороне и после того, как основная часть острова обрела независимость. Однако люди, пришедшие там к руководству, в ответ не сочувствовали нашей политике. А встречу со спикером мы организовали по рекомендации Андрея Андреевича. Это были шаги Громыко по дипломатической линии. Видимо, он усматривал в том какую-то перспективу, какие-то возможности на будущее. Впрочем, и мне тоже было интересно встретиться и ближе познакомиться с представителем Ирландии.

В выходные дни Генеральная Ассамблея не заседала. Наше представительство владело замечательным загородным особняком — дачей в советском понимании. Но выехать туда я без разрешения властей не мог. Мне подсказали, что если мы обратимся за разрешением, то, безусловно, его получим. Я подумал-подумал, а стоит ли обращаться по такому вопросу? И в конце концов пришел к выводу, что это не затрагивает нашей чести, просто необходимо считаться с законами той страны, в которой пребываешь. Другого-то выхода все равно не было: либо сидеть взаперти,

либо обратиться за формальным разрешением. Получив его, мы отправились за город. Но что значит — отправились? Это же не сел в машину и поехал... Нас сопровождала американская полиция. Получилась довольно сложная кавалькада. Это привлекло внимание, по пути собирались группы людей. Они выражали свое отношение к нашей делегации, причем в большинстве случаев реакция была недружественной: и языки показывали, и несли плакаты с враждебными к СССР и ко мне надписями. Полицейские машины сопровождали нас до самой загородной резиденции. Там роскошный парк и очень богатое помещение, условия для отдыха отличные. Когда мы гуляли, тоже не раз слышали свистки и автомобильные сигналы. Меньшиков объяснял мне, что это форма выражения протеста в наш адрес: так янки выражали свое недовольство в связи с нашим пребыванием в Америке. Вот следствие нашего конфликта, возникшего из-за сбитого нами самолета У-2. США совершили агрессивный акт против Советского Союза, но их обыватель реагировал по-своему. Он был хорошо обработан. Правда, я видел и отдельные проявления дружеского отношения, были даже приветствия, но редко.

К своим выступлениям готовились также братские Украина и Белоруссия. Я придавал большое значение этим выступлениям и, исходя из политических соображений, попросил руководителей их делегаций выступать на своих родных языках. Не помню, какую тему они затронули. Ведь то было декларативное выступление, которое какого-либо влияния на развитие событий не могло оказать. Но звучал голос советского содружества, который мог найти отголосок у трудового народа США. Особенно я рассчитывал на эффект выступления представителя Украины. В США и Канаде жило много украинцев. Там и сейчас проживают их сотни тысяч. И я был убежден, что если будет транслироваться украинская речь, то ее станут слушать многие американцы украинского происхождения. Белорусов там было меньше, но тоже достаточное количество. И они также были потенциальными слушателями. В царское время западные губернии России были бедными, там наблюдался излишек рабочих рук, их обладатели искали приложения своих сил за пределами Родины, стремясь заработать на хлеб насущный, и эмигрировали...

Настал день их выступлений. Украинцы поступили, как я советовал, а с Белоруссией не получилось. Я был очень огорчен. «Мы не можем подготовить текст на белорусском языке,— оправдывались представители БССР,— даже пишущей машинки нет с белорусским шрифтом». «Если не можете, то другого выхода, конечно,

нет, но это наносит ущерб национальной политике. Враги советской системы используют данный факт в пропаганде: нет у союзных республик никаких прав, все там делается для показа загранице, сплошная фикция. Русские подавляют всех, и даже на таком международном форуме, как сессия ООН, ее член выступает не на своем родном языке, а на русском». Думаю, что это понимал и представитель Белоруссии, но он не был лично подготовлен, не знал толком своего языка. Выступления же их, и то, и другое, по содержанию были хорошими, отвечали целям нашей политики и были доброжелательно встречены. Что значит доброжелательно? Это — условное понятие, не то, что у нас. Выступил кто-то на собрании, и иной раз, независимо от содержания речи, зал приветствует. А там принимают по-разному: одни терпимо, другие с радостью, третьи враждебно — черта всякого буржуазного парламента, тем более такого форума, как Генеральная Ассамблея ООН. Так что я говорю о приеме речей в целом.

Мы часто устраивали внутренние совещания делегации СССР с делегациями УССР и БССР. Проводили совещания и с представителями других социалистических стран. Действовали хорошие контакты, и мы все проводили согласованную политику. Между прочим, иногда не были уверены, что нас не подслушивают. Поэтому при обсуждении коренных вопросов принимали специальные меры. Часть таких вопросов обсуждали за городом, во время прогулок. Но туда мы выезжали только в выходные дни. А вопросы порою возникали каждый день. Тут мы принимали особые технические меры для создания помех, для глушения подслушивающих аппаратов.

Мое пребывание в Нью-Йорке затянулось, восприятие событий потеряло свою остроту, но я не мог подняться и уехать. Нами был подготовлен вопрос о предоставлении независимости колониям. Я был записан в качестве докладчика. Было бы неправильным, не сделав доклад, убыть. Это значило бы расписаться в том, что мы не придавали этому вопросу серьезного значения, что было бы плохо расценено колониальными народами. И вот настал день нашего доклада. Он длился более двух часов. Подготовили его хорошо, текст получился содержательным и произвел положительное впечатление. Принят же он был, конечно, по-разному. Одни реагировали с восторгом, и в ходе доклада я слышал звуки одобрения от части делегатов; другие восприняли его враждебно. Это вполне понятно. Там было, как в парламенте буржуазной страны, состоящем из представителей различных классов. Любой обсуждаемый вопрос всегда служит интересам одного или

другого класса. Поэтому по-разному воспринимается и каждый вопрос. Колонизаторы без всякого энтузиазма слушали мой доклад, а посланцы освободившихся народов или тех, которые еще находились на положении колоний, сочувствовали моему выступлению.

Мы достигли своей цели, поставив сей вопрос от имени Советского Союза. Хороший вопрос! И он оставил свой след, был по-доброму принят многими народами, на что мы и рассчитывали. Обсуждение доклада проходило содержательно и остро. Настало время формулировать резолюцию. Разработали ее мы. Теперь уже не помню деталей процедуры согласования. Признанным мастером по этим делам был Громыко, в чем он имел многолетний опыт, начиная с самого учреждения ООН, когда он присутствовал на учредительном заседании как заместитель министра иностранных дел СССР. А возглавлял нашу делегацию Молотов. Да, Громыко хорошо знал всю «кухню». В ходе обсуждения резолюции США не выступали против, но пошли по линии выхолащивания остроты из Декларации. Мы это предвидели и поставили США перед дилеммой: выступить против наших предложений — значит объединиться с колонизаторами, противопоставить себя народам огромных континентов, особенно Африки; поддержав же нас, они затронули бы интересы своих союзников — Великобритании, Франции, Испании, Португалии, Нидерландов, Бельгии.

Мы заранее чувствовали, что США не смогут демонстративно проголосовать против нас и будут вынуждены скрепя сердце голосовать вместе с нами. При закулисном обмене мнениями выяснилось, что за Декларацию будут голосовать не только США, но даже Англия и Франция, ибо они уже встали на путь предоставления своим колониям государственной независимости. Противниками наших предложений оставались Испания и Португалия. Когда Андрей Андреевич Громыко сказал, что США, Франция и Англия не станут голосовать против нашего текста, это, конечно, было победой. Но с точки зрения достижения эффекта мы своей цели достигали, даже если бы они решили высказаться против. Это придало бы еще больше остроты постановке вопроса о ликвидации колониальных режимов. Так жизнь подтверждала правильность марксистско-ленинского учения по национальному вопросу.

Нам происходящее было очень приятно. Мы добились своей цели, наша политика получила признание и у народов, завоевавших независимость, и у народов, которые еще борются за независимость. Они сразу увидели, кто их друг, а кто враг. Социалистические страны первыми подняли свой голос в их защиту. Совет-

ский Союз проводит внутри страны политику равноправия между народами, за нее же он борется и в международном масштабе. И вот при голосовании абсолютное большинство стран высказалось за принятие Декларации и соответствующей резолюции¹¹. Кажется, ряд стран воздержался, потому что голосовать «за» не хотели, а «против» — значит выставить себя в дурном свете¹². Мы получили большое политическое удовлетворение от самой постановки этого вопроса и приобрели еще больше симпатий среди угнетенных.

С делегацией США на той сессии мы не поддерживали никаких контактов. Выступал там и Китай, как называли Тайвань. Мы, конечно, душой и телом были преданы КНР. Поэтому, когда выступал представитель Тайваня, делали все, что было доступно, для выражения своего презрения к нему: устраивали обструкцию, топтали ногами. И не только наша делегация, таких было много. Использовали мы и другие способы выражения протеста, хотя в таком огромном помещении наш способ все-таки не производил сильного эффекта. На всех заседаниях мы выступали с предложением лишить мандата представителя Тайваня и передать его Народному Китаю, который еще не входил в ООН. Но большинства голосов мы не собирали, хотя, признаться, я питал надежду, что теперь изменилась расстановка сил и создалась реальная возможность принять решение о лишении Тайваня мандата. К сожалению, ряд малых стран, которые юридически уже получили свободу, фактически еще находились под влиянием бывших хозяев и не раз голосовали вместе со своими господами, у которых ранее были на положении полурабов.

Во время моего пребывания в Нью-Йорке у нас разгорелся большой скандал с Хаммаршельдом, по национальности шведом. Мы его знали и одно время относились к нему неплохо, поддерживали его кандидатуру, когда она была выдвинута на пост генерального секретаря ООН после того, как его занимал норвежец социал-демократ Трюгве Ли¹³. Не знаю, из-за чего у нас обострились отношения с Ли. Это было еще во времена Сталина. Когда я находился в Норвегии, то мне хвалили Ли и говорили, что он хорошо относится к Советскому Союзу. Но так уж сложились обстоятельства. Это очень трудный пост — генеральный секретарь ООН, с массой сложной работы. Была выдвинута кандидатура Хаммаршельда, мы согласились. А когда в Конго обострились внутренние столкновения, мы посчитали, что Хаммаршельд недостаточно поддерживает интересы стран, борющихся против колониализма. У нас возникла идея: чтобы в ООН в равной степе-

ни отражались интересы трех группировок стран в мире — капиталистических, социалистических и «промежуточных», недавно получивших независимость, но еще не определивших своего социального выбора, — вместо одного генсека, единолично возглавляющего аппарат ООН, иметь трех лиц. Один будет от стран капиталистического лагеря, другой — от социалистического, третий — от освободившихся стран. Эту идею выдвинул лично я и горячо ее поддерживал. Но многие люди доказывали мне, что это невозможно, ибо будут заморожены все дела, нельзя будет продвинуть вообще никакого вопроса. Я же доказывал свою правоту.

Мои коллеги в руководстве, в том числе Громыко, поддерживали мое предложение. Ну что значит — заморозить? И почему следует бояться тройки? Ведь существует же нечто подобное в ООН — Совет Безопасности, который состоит из полутора десятков человек, причем пять стран там незаменимы и не переизбираются. Главные вопросы решаются именно этими пятью странами, и если одна голосует против, то дело считается непринятым. Такую же процедуру можно завести и для текущих вопросов. Текущие вопросы тоже имеют большое значение. Секретариат ООН управляет войсками ООН. Они как раз находились в некоторых странах, включая Конго. От Секретариата зависело и то, какие даются директивы, какие назначаются люди на командные посты, какая будет проводиться повседневная политика. Поэтому я и считал, что надо иметь тройку, которая станет руководить всеми делами с учетом интересов каждой группировки. Конечно, вопросы станут решаться медленнее. Но иной раз это даже хорошо, соответствует конкретным интересам стран. У нас не было надежды выдвинуть на пост генерального секретаря ООН кого-нибудь из коммунистов или хотя бы представителя некоммунистов от социалистических стран. Этого там не допустили бы. Значит, наши противники преследовали определенную политическую цель, подбирая свою кандидатуру на данный пост. Так почему бы нам не противопоставить им свою кандидатуру, не выдвинуть своего представителя? Тогда без согласия нашего представителя в тройке не могло бы быть принято решение, направленное против интересов социалистических стран. Соответственно это же касается присоединившихся государств и капиталистических держав.

При выборах произошла очень большая перепалка. В результате мы с Хаммаршельдом навсегда испортили отношения, и до конца его службы и до предела возможного. Вот такое обострение произошло на сессии. К сожалению, еще когда мы зондировали почву, то не смогли продвинуть свою идею. Империалисти-

ческие державы были против и увлекли за собой страны, которые занимали позицию неприсоединения к блокам, поскольку, например, Швеция формально тоже неприсоединившаяся страна. Наше предложение не нашло поддержки, и мы вынуждены были переориентироваться.

Когда Хаммаршельд улетел в Конго, где велись бои между сторонниками Лумумбы и сторонниками Чомбе — личности, представлявшей интересы монополистических кругов Бельгии, его временно замещал У Тан¹⁴. Хаммаршельд отправился туда познакомиться с ситуацией на месте. Наши разведчики докладывали мне, что его самолет сбили зенитчики из войск Лумумбы, Хаммаршельд погиб. Когда Хаммаршельд погиб при авиационной катастрофе, то при выборах нового генерального секретаря возникла кандидатура У Тана. Я не помню, кто первым ее назвал. С У Таном я был знаком. Он являлся представителем Бирмы, а с Бирмой у нас были тогда хорошие отношения, да и сейчас они дружеские. Мы полагали, что представитель Бирмы станет проводить более эластичную политику, во всяком случае не будет допускать политики, наносящей ущерб социалистическим и неприсоединившимся странам. И мы, как потом выяснилось, не ошиблись.

Так как в ходе выборов возникла опять обостренность, то все договорились избрать У Тана временно, с тем чтобы позже вернуться к этому вопросу. У Тан отбыл временный срок и показал себя принципиальным человеком. Он не шел на поводу у США, проводил политику с учетом интересов всех стран. Тогда мы изменили свою линию. Вначале, когда разрабатывалась наша директива, Громыко предложил повторно голосовать за У Тана как за временного генсека. Но я сказал: «Давайте проголосуем без оговорок и выдвинем его генсеком так же, как до него избирались другие». Андрей Андреевич удивленно посмотрел на меня, и я ему объяснил: «Сейчас лучшего кандидата, чем У Тан, мы не найдем, наша иная идея опять будет провалена, поэтому и не следует выдвигать никого другого. Давайте сойдемся на У Тане». И мы проголосовали за него. У Тан был, конечно, очень доволен. Он обрел наше признание как признание правильности его политики. Мы не имели к нему претензий.

Претензий... А что такое претензии с нашей стороны? Если бы мы подходили к вопросу с чисто классовой позиции, то его деятельность, конечно, не удовлетворяла бы наших запросов. Принимая же во внимание характер данного международного учреждения, в котором водятся, как говорится, семь пар чистых и семь пар нечистых и еще есть «промежуточные», проводить по-

литику, удовлетворяющую абсолютно всех, просто невозможно. Там нужны большая гибкость и очень проницательный ум. Надо не усложнять вопросов, не обострять отношений, а уметь сглаживать углы, придерживаясь, однако, определенной позиции. Думаю, что У Тан хорошо справился со своей задачей. Он не раз конфликтовал с США. ООН приходится решать проблемы, которые затрагивают интересы всех стран. Здесь требуются тщательно подобранные люди, которые пользовались бы всеобщим доверием. Я уж не говорю об абсолютном одобрении. Доверие может быть, но абсолютного одобрения действий генсека ООН никогда не будет, это невозможно. У Тан, по-моему, как раз удачная кандидатура. И он толково справляется со своими обязанностями.

Что касается ООН в целом, то мое отношение к этому учреждению таково. Я оцениваю его деятельность положительно, хотя, как свидетельствует история, решение им многих вопросов нас абсолютно не удовлетворяет или даже противоречит нашим интересам. К примеру, китайский вопрос. Но ООН — полезное учреждение. Его создали по инициативе Франклина Рузвельта, что было поддержано нами в период, когда советскую политику определял еще Сталин. После второй мировой войны наша страна получила достойное признание. Все убедились, что она не «колосс на глиняных ногах», как утверждали некоторые. Это выражение особенно нравилось Гитлеру, и он убедил себя, что стоит только двинуть немецкие войска и ударить по этому колоссу, как тот раскиснет и развалится. Чем это кончилось, теперь известно всему миру. К сожалению, не все политики усвоили урок должным образом. Кое-кто еще продолжает питать надежду, что можно выиграть у СССР третью мировую войну. Правда, грубо говоря, таких дураков становится с каждым днем все меньше и меньше. Даже агрессоры из агрессоров, ненавидящие наш строй, вынуждены публично признать, что стереть в войне с лупа земли страну, руководствующуюся марксистско-ленинским учением и создавшую новое общество, невозможно. Хочешь не хочешь, признаешь или не признаешь мирное сосуществование, но жизнь требует того, другого выхода нет: или мирное сосуществование, или кровопролитная и бесперспективная война. Наши классовые враги нехотя вынуждены примириться с существованием социалистических стран.

Международные проблемы ручейками стекаются в огромный бассейн — Организацию Объединенных Наций. Считаю это учреждение необходимым. Придумавшие его люди руководствова-

лись правильными идеями. Есть, правда, и противники у этого органа. Например, КНР занимает такую позицию. Полагаю, что она занимает такую позицию потому, что ее не признали. Конечно, неразумно, что Китай не является членом Совета Безопасности, а его место там занимает сейчас чанкайшистский отщепенец, который проводит проамериканскую политику. Но это — временное явление. Рано или поздно Народный Китай войдет в Объединенные Нации. Надеюсь, к тому времени он вернется на разумные позиции, которых некогда придерживались ее руководители.

Много вопросов решается в ООН. Самое главное, что ООН дает возможность обсуждать все возникающие вопросы и вести международный обмен мнениями. Это имеет свою положительную сторону, хотя не всегда принимаются нужные решения. Я уже говорил, что́ следует понимать под правильным решением в условиях, когда собираются люди противоположных политических взглядов, преследующие совершенно разные цели. Однако есть вопрос, который интересует все народы независимо от социально-политического устройства их государств: обеспечение мира. Собственно, для данной цели и создана ООН, хотя и по этому вопросу существуют разные точки зрения. Все хотят мира, но не все считают мир полезным. Некоторые добиваются такого мира, который удовлетворял бы их политические запросы, способствовал бы укреплению капиталистической системы. Мы со своей стороны занимаем иную позицию и считаем, что настанет такое время, когда весь мир будет представлять единое, органическое целое, в котором народы придут к общественному строю, теоретически опирающемуся на марксистско-ленинское учение. Тогда ни в одной стране не будет эксплуататоров и эксплуатируемых, будут ликвидированы несправедливые отношения между людьми. А потом возникнет и вообще новое, еще невиданное общество на коммунистических началах.

Но это в будущем, а живем мы сегодня. И все возникающие вопросы сегодня решаются в ООН. Возникают разные проблемы, и каждая страна подходит к их решению по-своему. Однако климат, который сам собой создается при обсуждении, охлаждает ретивых и сдерживает нетерпимых. Так возникают условия равновесия. Общемировой корабль ООН продолжает плавание в мировом общественном океане. Мне могут сказать, что был неудачный предшественник — Лига Наций. Она не сыграла нужной роли, не остановила развязывание второй мировой войны. Но другое было тогда время. Существовал единственный социалистический остров — Советский Союз, против которого объединились все. Некоторые же

страны вообще не входили в Лигу Наций, например США. Потом из нее ушла фашистская Германия, которая окрепла и считала, что может развязать и выиграть мировую войну. Нас же недруги исключили из Лиги Наций¹⁵ в силу сложившихся обстоятельств.

Условия, в которых мы живем сейчас, и условия, в которых существовала Лига Наций, совершенно непохожи. В то время капиталистическая система была могучей, она определяла линию войны или мира. Советский Союз особенно не брался даже в расчет и считался «колоссом на глиняных ногах». Теперь ситуация изменилась. Напомню о том, что сказал мне в Женеве Макмиллан. То была дружеская беседа, и он с грустью в голосе говорил: «Господин Хрущев, теперь Великобритания — уже не та Великобритания, которая слыла владычицей морей. Теперь не мы определяем мировую политику. Теперь самые мощные государства — США и СССР». То же самое, хотя и в других выражениях, повторял такой умнейший политик, как генерал де Голль. Имею в виду политику, которую он проводил, когда возглавлял Французское государство. В отношении внутренних вопросов я, конечно, качества умнейшего лица за де Голлем не признаю, потому что он был буржуазным лидером и верно служил своему классу со всеми вытекающими из этого последствиями. В вопросе же верной оценки Советского Союза отдаю ему должное. Он повторил почти ту же фразу, что и Макмиллан. Потом в близких выражениях это признал президент США Кеннеди. А из всех президентов США, с которыми я как-то сталкивался, он был умнейшим.

Пусть меня правильно поймут мои собратья-коммунисты. Пусть не укоряют, что Хрущев лестно отзывается о покойном президенте Кеннеди. Когда воздается должное, это не принижает того лица, кто это говорит, и не служит возвышению враждебной нам социально-политической системы. Да, Кеннеди — капиталист, он представлял интересы капиталистов и был верен своему классу до последних дней жизни. Но в вопросе определения международной политики занимал четко обозначенное поле, стремясь обеспечить мир на Земле. Надо учитывать, в какое время мы живем, какое складывается соотношение сил капиталистических, социалистических и неприсоединившихся стран. Трудно сказать, что имеет решающее значение: голосование или наличие оружия? Раньше побеждала та страна, которая имела больше оружия и умела лучше его использовать. Сейчас можно иметь больше оружия, но проиграть войну. Тут особенно важно не просчитаться.

Джон Кеннеди правильно понимал расстановку сил в мире, умел правильно разбираться в этой арифметике, в небольших, но

решающих числах. Сейчас прошло время, когда определение политического курса, быть войне или нет, зависело прежде всего от США и их союзников. Мы живем в дни, когда социалистические страны набрали экономическую мощь, обладают научными и техническими знаниями, современными средствами ведения войны. Поэтому классовые враги вынуждены признавать социалистические страны, а среди них первую скрипку играет СССР как наиболее мощная держава, обладающая новейшим оружием. Кеннеди, признав это, заявил, что США обладают средствами, позволяющими уничтожить нас дважды, а СССР может уничтожить Америку единожды, но тоже уничтожить. Так что второго раза не потребуются. Разумным людям дико восторгаться тем, что они имеют возможность уничтожить кого-то дважды. Для тех, кто погибнет в схватке, утешения не будет ни той, ни другой стороне. Каков же вывод? Разумный вывод один: обеспечить мирное сосуществование и предоставить возможность всем народам устраивать свою жизнь по собственному усмотрению.

Признание этого еще не означает, что все само собой покатится под горку, по смазанным рельсам. Нет, новый процесс будет идти с трениями, с конфликтами, возможно, даже с местными военными столкновениями. Они и сейчас происходят. После второй мировой войны не было длительных передышек, когда бы молчали орудия, не трещали пулеметы, не сбрасывались бомбы. Это были локальные столкновения, а агрессивные силы, участвующие в них, вынуждены были оглядываться, как бы не перейти грани, не развязать третью мировую войну и не сгореть в ней. Может ли локальная война перерасти в мировой пожар? Да. Следовательно, самое умное — не допускать вооруженных столкновений вообще, для чего надо не вмешиваться во внутренние дела других государств. Лучше всего было бы ликвидировать военные блоки и не держать никаких войск на чужой территории. Самым реальным было бы всеобщее разоружение, переход к положению, когда страны не имеют армий и не производят оружия. В государствах достаточно внутренних полицейских сил для поддержания порядка. Правда, это пока еще далекое завтра. А сегодня мы живем в реальном мире и должны исходить из реалий при оформлении своих отношений.

Вот почему ООН — очень полезное учреждение. Оно не разрешает противоречий, но умеряет страсти разгоряченных. Они начинают вернее ощущать сложившиеся международные условия. Представители разных стран воздействуют друг на друга. Если образно выражаться, там стираются грани. Не социально-политичес-

кие грани, а наросты, угрожающие войной. Все получают соответствующий душ и успокаиваются, бывают вынуждены правильно оценить ситуацию, попридержать свой пыл. Вот как я понимаю значение Организации Объединенных Наций. Это учреждение борется за то, чтобы обеспечить мир. Дает ли ООН гарантию, что новой мировой войны уже не будет? Самым глупым было бы такое понимание дел и самым глупым был бы человек, который бы так подумал. Нет, не дает! Данное учреждение сдерживает, но не удерживает полностью. Однако и этого достаточно, потому что, сдержав, можно и удержать. К сожалению, ООН еще не позволяет нам спать спокойно: раз ООН существует, то и войны не будет. Жизнь показала, что такое суждение было бы ошибочным. Думаю, что людей, которые бы так понимали роль ООН, вообще нет. Тем не менее мы обязаны признать полезность этого учреждения: там сходятся люди для обсуждения назревших вопросов. ООН — это лучшее, что можно придумать в современных условиях.

Иное дело, что в качестве места расположения аппарата ООН избран был Нью-Йорк. Это была ошибка. А ошибку совершили мы. В то время, когда определялось местонахождение ООН, Сталин имел решающий голос. Спор шел между США и Великобританией, между Рузвельтом и Черчиллем, а Сталин как третье лицо выбирал, на чьи весы положить голос Советского Союза, и отдал его в пользу США. Сталин хотел задобрить Рузвельта. Так и получилось, но исторически произошла ошибка, хотя в ней я Сталина не обвиняю. Мы все тогда были такого же мнения. Ведь из буржуазных стран США имели наибольшие буржуазно-демократические свободы и не имели колоний. К тому же они были удалены от Советского Союза, Западной Европы, Азии и Африки. Поэтому мы не увидели лучшего места для размещения штаб-квартиры ООН. Если говорить о сегодняшнем дне, то всем было бы лучше, если бы ООН располагалась в Европе. Но тогда оценивалось, что Европа начинена взрывным материалом, тут развязываются войны. А теперь США проводят жандармскую политику, служат мировым жандармом, и условия работы ООН в Америке — не самые лучшие. Гораздо полезнее, если бы ООН располагалась в такой классической капиталистической стране, как Англия. Я уж не говорю о Швейцарии.

Когда мы спорили по германскому вопросу и насчет Западного Берлина, то обращались с таким предложением: «Давайте перенесем ООН в Западный Берлин, тем самым он приобретет особое международное значение». Но это предложение не нашло понимания у наших партнеров. Не найдет оно понимания и сейчас, ибо выбивает почву из-под ног тех, кто хочет отдать За-

падный Берлин ФРГ. Не знаю, наступит ли вообще время, когда народы признают необходимость перемещения ООН в другую страну. Сейчас африканские страны почти все уже освободились от старого колониализма. А там живут народы с черной кожей. Приезжать им в США, где они не признаются за настоящих людей и где сохранилась дискриминация, трудно. Такое отношение человека к человеку вообще недопустимо. А когда подобную политику проводит государство, в котором расположена ООН,— вдвойне! Это нетерпимая ситуация. Поэтому я считал бы необходимым даже сейчас, несмотря на большие затраты, перенести оттуда штаб-квартиру ООН. Считаю, что политически это оправдалось бы. Правда, сегодня это уже не столь острый вопрос. Будет ли он решен в будущем, трудно сказать. Не хочу гадать, история покажет.

На этом можно было бы поставить точку, но мне на память пришел еще один эпизод, связанный с нашим путешествием в ООН. Когда мы прибыли в Нью-Йорк, мне доложили о чрезвычайном происшествии на корабле. Оно заключалось в том, что один матрос покинул корабль и не вернулся, а пошел в полицию США и попросил политического убежища. Люди, сообщившие мне эту новость, были в страшном волнении. Я их успокоил и попросил не придавать делу большого значения: «Ну, и что же? Ушел и ушел. Пусть попробует капиталистических хлебов, узнает, почему они в Нью-Йорке и каковы на вкус!». Я, конечно, знал, что меня вскоре встретят журналисты, которые всегда неотступно сопровождали нас. Надо было подготовиться к ответу. И верно, при первой же встрече мне задали вопрос: «Господин Хрущев, как вы смотрите на то, что матрос с вашего корабля попросил убежища в Соединенных Штатах?». Отвечаю: «Мне докладывали об этом. Сожалею о происшедшем. Он человек неопытный, не имеет особой трудовой квалификации, и я сочувствую ему. Очень тяжело ему будет приспособливаться к американским условиям жизни, ничего ведь нет у него за душой. Глупо он поступил, необдуманно. Если бы он мне сказал, что хочет остаться, а бы оказал ему какую-то помощь на первых порах». Весь накал, который был у журналистов, сразу исчез. Они ожидали совсем другой реакции с моей стороны, полагали, что я буду чернить этого человека, осуждать его и пр. Ждали чего угодно, но только не того, что услышали. Так провалилась сенсация, и журналисты не смогли заработать на этом деле.

А вот еще памятный случай. Меня он душевно тронул. Около моей резиденции, на большой улице, в угловом доме, всегда тол-

пились корреспонденты. Не знаю, сколько их там было, но не меньше нескольких десятков. Некоторые там и ночевали, не отходя от места. Фотокорреспонденты и кинокамерщики регистрировали буквально каждый мой шаг. В условиях Нью-Йорка нормально гулять я не мог, это было просто невозможно. И я выходил на балкон подышать свежим воздухом, если можно так назвать воздух Нью-Йорка. Но другого у меня не было. Делал еще какую-то разминку, прохаживаясь по комнатам. Любил с балкона наблюдать городское движение. Все-таки какое-то разнообразие впечатлений. Так я получал передышку, совершая это по несколько раз в день. И вот однажды я получил записку от журналиста. Он подписался, но сейчас не помню его фамилии. Там стояло: «Господин Хрущев, вы выходите на балкон, что мне как журналисту приятно. Мы можем с вами встретиться, и я могу взять у вас интервью. Однако хотел бы вас предупредить: вы, видимо, плохо учитываете особенности Нью-Йорка. Нью-Йорк на все способен. Выходить на балкон вам небезопасно. Здесь может быть организована против вас всякая всячина: могут выстрелить из машины или из окон, расположенных напротив ваших. Одним словом, я как ваш доброжелатель хотел вас предупредить, чтобы вы это учли, не показывались из дома и тем самым не подвергали бы себя опасности». Я прочел эту записку, как раз когда стоял на балконе. Но, именно получив такую записку, я продолжал там оставаться. Все обошлось благополучно. Признаться, сейчас, когда я вспоминаю об этом эпизоде, меня трогает человечность того корреспондента. Не знаю, кто он по своим политическим убеждениям, корреспондент какой газеты, но и сейчас тепло вспоминаю об этом человеке.

На возвращение из Нью-Йорка в Москву у нас не было много времени. И мы решили отказаться от морского путешествия и вернуться самолетом Ту-114. Выбирая средство транспорта для поездки в Нью-Йорк, мы остановились тогда на корабле из-за выявленных в самолете дефектов. Мы, конечно, могли бы полететь на другом самолете до Лондона, а из Лондона воспользоваться международной трассой. Но нам не хотелось прибегать к чужим услугам. Когда же подошло время возвращаться, мне сообщили, что дефекты самолета устранены, аппарат выверен, и Андрей Николаевич Туполев не сомневается в его надежности. На нем мы и улетели домой.

¹ Ежегодная Генеральная Ассамблея ООН, состоящая из всех ее членов, проводящая сессии для общеполитических дискуссий и дающая рекоменда-

ции по затрагиваемым вопросам в виде резолюций. Поездка состоялась с 19 сентября по 13 октября 1960 г.

² ЛУМУМБА П.Э. (1925 — 1961) — премьер-министр Республики Конго (Заир) в июне — сентябре 1960 г., основатель и лидер партии Национальное движение Конго. Сначала был отстранен от власти, потом убит.

³ Независимость Республики Конго была провозглашена 30 июня 1960 г. А 11 июля 1960 г. ставленник колонизаторов М.Чомбе провозгласил независимость конголезской провинции Катанга, после чего там развернулась на ряд лет междоусобная борьба.

⁴ ХАММАРШЕЛЬД Д.Я. (1905 — 1961) — генеральный секретарь ООН с 1953 г. Погиб при авиационной катастрофе.

⁵ Кузька — вредитель хлебных злаков, пластинчатоусый жук, чьи личинки живут в почве, где дважды зимуют. Показать эту личинку (т.е. кузькину мать) можно, лишь разрыв землю. Отсюда — переносные значения выражения: все разрыть, перетормошить, развалить, а также вскрыть правду.

⁶ ФРАНКО БААМОНДЕ Ф. (1892 — 1975) — генерал, поднявший в 1936 г. мятеж против Испанской республики, ставший в 1937 г. вождем партии Испанская фаланга и в 1939 г. каудильо (главой государства).

⁷ Негритянский квартал Нью-Йорка на острове Манхэттен, чьи обитатели в большинстве настроены против официальных властей.

⁸ Король Марокко с 1961 г. Одновременно в 1961 — 1963 и 1965 — 1967 гг. возглавлял правительство.

⁹ Нигерия стала независимой 1 октября 1960 г., 7 октября была принята в ООН. Премьер-министром был А.Т.Балева.

¹⁰ А.БУНАЧУ был министром иностранных дел в 1958 — 1961 гг.

¹¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам была принята на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 14 декабря 1960 г.

¹² Против не голосовал никто. 9 стран (США, Англия, ЮАР и др.) воздержались.

¹³ ЛИ Т.Х. (1896 — 1968) — один из лидеров Норвежской рабочей партии, был генеральным секретарем ООН в 1946 — 1953 гг.

¹⁴ У ТАН (1909 — 1974) — исполняющий обязанности генерального секретаря в 1961 — 1962 и генеральный секретарь ООН в 1962 — 1971 гг.

¹⁵ 15 декабря 1939 г., в связи с началом советско-финляндской войны.

ДЖОН КЕННЕДИ И БЕРЛИНСКАЯ СТЕНА

Осенью 1960 года пришло время перевыборов президента в США. Эйзенхауэр к тому моменту отработал максимум: два срока. Когда я находился в США, он заметил мне, что вскоре исте-

кает срок его пребывания в Белом доме. Я спросил его, не считает ли он возможным остаться на третий срок, и поинтересовался, имеются ли организации, которые вновь выставили бы его кандидатуру? Были же такие прецеденты. «Нет, нет, — отвечал он, — я сыт по горло, больше не хочу быть президентом, да и вообще не следует делать это, я хочу завершить свою политическую карьеру». Считаю, что его ответ был искренним. Его авторитет к тому времени был в США очень высок, и если бы он захотел, то мог бы быть избран в третий раз, как Франклин Рузвельт. Правда, Эйзенхауэр объяснил, что тогда шла война и народ хотел, чтобы Рузвельт остался на своем посту. Вот он и согласился выставить свою кандидатуру в третий раз. Теперь же по закону, принятому после этого случая, третий срок президентства не был положен.

Были выставлены такие кандидатуры на пост президента: протеже Эйзенхауэра его вице-президент Никсон и от демократической партии Кеннеди и Стивенсон. Началась подготовка к выборам. Эйзенхауэр сам выступал в пользу Никсона, поддерживал его кандидатуру, а это очень весомая поддержка. Для Советского Союза все кандидатуры были одинаковы, все они стояли на капиталистических позициях. Ясно, что любой из них будет проводить ту же политику, что и Эйзенхауэр. Но имелись оттенки, и существенные. Эйзенхауэр и Никсон — кандидаты одной республиканской партии, однако тоже разные люди. Первый для нас был более приемлем. А Джон Кеннеди вообще у нас был мало известен. В печати, впрочем, отмечалось, что он отличался умом. Еще во время моей поездки по США Комитет по иностранным делам сената организовал прием в мою честь. Председателем комитета был тогда Фулбрайт¹. Он представил мне присутствующих, и когда дошла очередь до Кеннеди, назвал его: «Вот сенатор Джон Кеннеди». Я пожал ему руку и сказал: «О вас идет молва, вам предрекают большое будущее...». Я постарался тогда какие-то слова сказать каждому, с кем меня знакомили. На этом наше знакомство в те дни и кончилось. Впрочем, мы знали, что Кеннеди отличается от других конгрессменов остротой реакции, образованностью и тактом.

Стивенсон приезжал в Советский Союз, и я с ним встречался. Но особенно теплые встречи с ним состоялись у меня на ферме у Гарста... Гарст и Стивенсон в разное время говорили мне, что они друзья. На ферме мы сфотографировались, обнявшись вдвоем, положив руки друг другу на плечи, и позировали перед фотокорреспондентами. Мистер Стивенсон дружески относился к Советскому Союзу и считал необходимым улучшать наши отношения.

Естественно, его кандидатура была для нас наиболее приемлема, но демократическая партия его кандидатуру так и не выставила, ссылаясь на то, что он дважды уже проваливался на выборах и она не хотела рисковать в третий раз. Мне трудно судить за избирателей США, потому что там очень неустойчивые избиратели. Трудовой народ, голосуя за претендента, отдает ему реальную власть, но выбирает при этом такого человека, который проводит политику, не согласующуюся с интересами тех же трудящихся. Судя с наших, классовых позиций, президент США проводит политику крупного монополистического капитала. Видимо, Стивенсон тоже проводил бы такую политику. Все же демократы решили, что лучше сделать ставку на Джона Кеннеди. Это был молодой человек, к тому же миллионер. Стивенсон, кажется, не был богат.

Разгорелась борьба между кандидатами. Американцы хорошо умеют делать это. Борьба между республиканцами и демократами шла как бы по коренным вопросам жизни, но капиталистические круги, выставляя кандидата, знают, что, независимо от избрания того или другого кандидата, основы капитализма не будут потрясены. Когда от республиканцев был выдвинут Никсон, а от демократов — Кеннеди, мы больше надеялись на улучшение отношений между нашими странами, если в Белый дом придет именно последний. На Никсона мы не рассчитывали. Его агрессивность по отношению к СССР, антикоммунизм, который он проповедовал, и его бывшие связи с мракобесом сенатором Маккарти ничего хорошего не предвещали. Это был выдвигенец реакционеров. Когда я был гостем Эйзенхауэра, меня сопровождал в поездке Лодж, с которым у меня сложились хорошие отношения. Перед выборной кампанией Лодж приехал в Москву, по-моему, как турист. Он не был приглашен советским правительством, а прибыл как вольный казак. Я принял Лоджа по его просьбе, мы встретились, как старые знакомые, я высказал ему много приятных слов, потому что он делал ранее для меня все возможное, чтобы я чувствовал себя в США получше, и мы потом разговорились. Он доказывал мне, что если будет выбран Никсон, то наши отношения не изменятся: Никсон — не такой, каким он себя иной раз подает в речах на предвыборных собраниях. «Вы, господин Хрущев, не обращайте внимания на содержание предвыборных речей. Когда он придет в Белый дом, сложится другая ситуация. Я уверен, что он тоже будет стоять за сохранение и даже улучшение отношений между СССР и США».

Лодж был заинтересован в том, чтобы мы в печати не делали выпадов против Никсона, так как именно Лодж выставлял свою

кандидатуру в вице-президенты. Так что эта пара вдвоем готовилась прийти в Белый дом. Думаю, что Лодж и приехал в Советский Союз по рекомендации Никсона и Эйзенхауэра. Они хотели, чтобы он поговорил со мной, так как у нас сложились добрые отношения, и чтобы наша печать вообще не хвалила бы их кандидатов: «Нам не нужно ваше выступление в чью-то пользу, это пойдет, наоборот, во вред. Просьба держать строгий нейтралитет. Не вмешивайтесь в наши внутренние дела во время выборов президента». А мы так и собирались поступать. Это вообще разумная линия. Но все-таки внутренне мы больше ориентировались на кандидатуру Джона Кеннеди.

На завершающем этапе выборов, непосредственно перед голосованием, к нам официально обратились власти США с просьбой отпустить домой Пауэрса и тех летчиков, которые были пленены со сбитого нами самолета над Баренцевым морем. Пауэрс был уже осужден. На суде присутствовали его родственники. С ним юридически все было точно оформлено. В отношении же двух или трех других летчиков имела какая-то недоговоренность, Вашингтон просил, чтобы мы амнистировали Пауэрса, а тех летчиков просто выдали бы правительству США. Мы и сами стояли на таких позициях, не считая нужным держать их в тюрьме. Но время их возвращения имело определенное политическое значение. Получив обращение из Вашингтона, я высказал свои соображения, с которыми согласились все члены Политбюро: «Сейчас нам делать это не нужно, потому что кандидаты в президенты спекулируют на этом и в печати раздаются голоса, что вот такой-то кандидат сможет лучше обеспечить хорошие отношения между США и СССР (они говорили: «персонально с Хрущевым»). Буржуазная печать всегда выставляет конкретное лицо, а не общественное положение того или другого лица, которое оно занимает в своем государстве. Если мы сейчас отпустим пленных, это пойдет на пользу Никсону. Даже малейший перевес в его сторону нам невыгоден. Давайте не делать такого шага, потому что я не ожидаю, что, если Никсон станет президентом, наши отношения улучшатся»².

Мы не сделали этого и правильно поступили, потому что большинство голосов получил Кеннеди³. Перевес в его пользу был малым, так что любое колебание сработало бы в пользу Никсона и, безусловно, он получил бы желаемые голоса. И я сказал: «Как только новый президент определится, мы вернем их людей, а пока будем надеяться, что победит Кеннеди». Так и получилось. Позднее, встречаясь с Кеннеди в Женеве, мы с ним беседовали,

порой шутили. В общении он был приятным и разумным человеком. Тут я ему и рассказал: «Мистер Кеннеди, вы знаете, что мы голосовали за вас?» Он посмотрел на меня вопросительно: «Каким образом? Как это понимать?». И я поведал ему об обращении Вашингтона к Москве перед окончанием избирательной кампании, назвал точное число и сказал, что если бы мы вернули Пауэрса и полярных летчиков, то это было бы засчитано в актив Никсона. Он посмеялся и ответил, успокоившись: «Ваш вывод правилен. Я согласен, что в тот момент даже малый перевес мог стать решающим. Поэтому я признаю, что вы тоже участвовали в выборах и голосовали в мою пользу». Эта шутка отражала действительность. Должен сказать, что я не пожалел о занятой нами позиции. После того как Кеннеди стал президентом, надежд на улучшение наших отношений прибавилось.

Общественное мнение США в пользу улучшения наших отношений звучало все громче и громче. Такие голоса раздавались и в демократических, и в деловых кругах. Кеннеди лучше, чем Эйзенхауэр, понимал необходимость и разумность таких шагов, и не только по деловым соображениям, а главным образом потому, что холодная война, которая в то время велась, могла привести к горячей. Он этого не хотел. Не хотел этого, конечно, и Эйзенхауэр, который мне неоднократно говорил, что боится мировой войны. Кеннеди не говорил мне, что боится новой мировой войны, но понимал, что она не окажется прогулкой, а будет кровопролитной и обязательно коснется территории США. В прежних мировых войнах, в которых они участвовали, их солдаты действовали на европейской и азиатской территориях, поэтому экономический потенциал страны не только не разрушался, а, наоборот, возрастал и росло ее могущество в целом. Монополисты зарабатывали на тех войнах, но в будущей войне они могут многое потерять, потому что война эта будет ракетно-ядерной. Все это Кеннеди отлично понимал. Он умел анализировать события и не боялся называть вещи своими именами. Поэтому он и начал свою международную деятельность с установления более тесных контактов с СССР. Он тоже хотел договориться о разоружении, с тем чтобы прекратить дальнейший рост напряженности и получить уверенность в том, что никакая случайность не сможет вызвать военные столкновения.

Кеннеди сообщил нам, что хотел бы встретиться с главой правительства Советского Союза. Мы тоже стояли на близкой позиции. Когда он пришел в Белый дом, мы хотели установить с ним контакт и попытаться договориться о том же на разумной основе.

Мы тоже боялись войны, потому что не боится войны только дурак. Я не страшусь этой фразы. Да, мы боялись войны, потому что она приносит разорение стране, бедствия — народу и требует жертв. Это не значит, что можно откупиться от войны любой ценой, в ущерб своему престижу. Думаю, что умный человек поймет разницу. Когда я стоял во главе правительства, возникало много случаев, когда СССР очень ревностно становился на защиту своего престижа, давая отпор агрессивным силам и одерживая моральную победу без войны.

Кеннеди был эластичным человеком. Он сам определял внешнюю политику США. Он взял к себе много молодых умных и образованных советников. В вопросах международной политики они тоже были гибки, поэтому и советы давали ему в этом же направлении. Определяя политическую линию, Кеннеди подбирал себе таких помощников на все посты, которые импонировали бы ему и понимали его цели. Американская печать, соответственно, высказывалась за личную встречу Кеннеди с Хрущевым. Наконец, мы получили официальное предложение⁴ встретиться на нейтральной почве, то есть не в СССР и не в США. В Париже встреча состояться не могла, так как недавно попытка лидеров четырех держав договориться закончилась там провалом. О месте проведения новой встречи у нас состоялись предварительные переговоры. Она могла произойти в Вене, в Женеве или же в Хельсинки. Кеннеди предложил Вену. Мы считали, и я лично тоже, что лучше в Хельсинки, ибо полагали, что Финляндия с большим пониманием относится к нашей политике. Но Австрия нас тоже устраивала. Ее правительство придерживалось взятых на себя обязательств проводить политику нейтралитета. Да Вена и сама по себе мирный город. И мы согласились встретиться в Вене. Получили доверительное сообщение о том, кто будет сопровождать президента из официальных лиц и из членов его семейства. С ним должны были приехать жена и мать.

Так как президент брал с собой свою мать и жену, то я тоже решил взять Нину Петровну, чтобы на приемах женщины могли вести между собой беседы. Я лично не был сторонником этого. У меня, признаюсь, такой аскетизм, видимо, остался от времен Сталина. На официальных приемах, которые проводил Сталин, я никогда не видел жен. Единственное исключение он делал в свое время для жены Молотова. Очень редко в театре, в его правительственной ложе, появлялась жена Ворошилова, а так всегда налицо было только мужское общество. Микоян, который слыл у нас человеком, наиболее сведущим в контактах и толкователем этикета, сказал, что

за рубежом наличие жены будет хорошо расценено и нам следует придерживаться международного этикета. Я согласился с ним.

Формируя свою официальную группу, мы пригласили министра иностранных дел и других работников МИД, которые нужны были для подготовки справок и советов. Они могли помочь правильно разобраться в том или другом вопросе, возникающем при переговорах по военным, экономическим и дипломатическим проблемам, которые требовали улучшения дела. Проблема ленд-лиза была довольно затаскана, поэтому мы не надеялись, что она может быть разрешена, но все же приготовились обменяться мнениями и по ней.

В Вене была организована положенная по рангу официальная встреча. Венцы встретили нас очень хорошо, никаких выпадов не наблюдалось, проявлялись внимание и приветливость. Венцы говорили, что они очень довольны тем, что их город стал местом встречи двух лидеров. Отношение к нам было теплое, потому что мы в 1955 году заключили мирный договор и вывели войска из Австрии. Наши войска 10 лет находились на территории Австрии, а их вывод приписывали персонально мне. Это сделало, конечно, наше правительство, но я не отказываюсь от своей инициативы. Немногие знают, какая внутренняя борьба шла у нас по вопросу заключения мирного договора с Австрией. Я доволен тем, что было принято правильное решение и мы заключили такой договор. Австрийских премьера и вице-премьера я знал лично. Был знаком и с министром иностранных дел Крайским. У меня с этим человеком вообще сложились добрые отношения. Он с пониманием относился к необходимости иметь дружбу между нашими странами. Конечно, как социал-демократ он не симпатизировал нашему общественному строю, как вся социал-демократия Запада, стоял на буржуазных позициях. Но все-таки среди реакционеров числился либералом.

В Вену я прибыл в сопровождении министра иностранных дел Громыко, а президента Кеннеди сопровождал государственный секретарь США Раск⁵. Сначала мы нанесли положенные визиты президенту и премьер-министру Австрии. Наша делегация была очень хорошо размещена. Затем назначили час первой встречи. Сейчас не помню, сколько их состоялось: две или больше. Начались двусторонние беседы. Мы повели обмен мнениями по тем же вопросам, по которым не могли достичь соглашения с Эйзенхауэром: Германия, Западный Берлин, разоружение, взаимовыгодные экономические связи, торговля — вот затронутые нами вопросы, которые должны были нормализовать отношения меж-

ду странами при благополучном их решении. Самым острым вопросом оставалась судьба Германии, хотя разоружение не менее важно. Оно всегда будет вопросом вопросов, но решить дело разоружения без договоренности о Германии невозможно. Западный Берлин — тоже заговздка, как опухоль на здоровом теле. Чтобы оздоровить тело, надо удалить опухоль. Поэтому мы и нажимали на решение в первую очередь вопроса о Берлине. Не решив судьбу Берлина, нельзя решить судьбу Германии и вопрос о мирном договоре. Это все взаимосвязано.

Пошел обмен мнениями. Кеннеди занимал те же позиции, что и Эйзенхауэр. Политика, которую проводил представитель республиканской партии Эйзенхауэр, и политика Кеннеди, представлявшего демократическую партию, одна и та же. Лишь персонально она несколько изменилась. Видоизменился и способ ее проведения. Но суть, на которой она основывалась, та же: в первую очередь соблюдаются интересы крупного капитала, сохраняются и агрессивные устремления США. В этом — главное: непризнание ими никого; делаю то, что моя, дяди Сэма, левая нога захочет. Каковы наши контраргументы? Конечно, те же, что мы приводили во время переговоров с Эйзенхауэром. Но время работало в нашу пользу. С каждым годом росла наша экономическая мощь, усиливалось наше вооружение. Мы все больше и больше продвигались в освоении космоса, наращивали и совершенствовали ракетно-ядерное оружие. Его ассортимент стал более широким, от тактических до стратегических ракет. Это придавало нам другой вес и звучность голоса, хотя мы и сдерживали себя. Наш партнер не должен был заметить, что мы тоже начинаем говорить с ним с позиции силы. Мы не хотели скатиться на позицию Даллеса, против которой раньше боролись. Пока США общались с нами на почве нажима, они сами уже ослабли, а мы росли, как богатырское дитя в сказке: не по дням, а по часам.

Мы упирали, главным образом, на решение германского вопроса. Что же нового выдвинул тут Кеннеди? Да ничего нового, только собеседник более эластично подбирался к сути дела. Кеннеди признавал формулу мирного сосуществования, и это меняло обстановку. Во время разговора с Эйзенхауэром о погашении нашей задолженности по ленд-лизу присутствовавший там заместитель госсекретаря США Диллон на мой вопрос о мирном сосуществовании спросил: «А что это значит?». Таких глупых вопросов Кеннеди, конечно, не задавал. Наоборот, он сам признавал, что надо обеспечить мирное сосуществование, и заявлял это в своих публичных выступлениях. Это было шагом вперед, появи-

лась основа для толкового разговора: раз мирное сосуществование, значит, надо решать все то, что обеспечивает его. И одна из реальностей — признание двух Германий: Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии. Без признания двух существующих государств Германии и при особом статусе Западного Берлина не могло быть и речи о том, что наши отношения нормализуются, а значит, будет расчищен путь к мирному сосуществованию и к нормализации контактов по всем направлениям.

Кеннеди это все понимал, но внутренне не был готов к переменам, как не было к ним готово общественное мнение США, и не соглашался с нашими доводами. Грубо говоря, на ноге Соединенных Штатов в Европе имелась болезненная мозоль, на которую мы всегда могли наступить в зависимости от своих потребностей и оказать нажим: связь западных держав, наших бывших союзников, через территорию ГДР с Западным Берлином. Этой болезненной мозолью Сталин пользовался не раз. Объявив блокаду Западного Берлина⁶, он потерпел, однако, крушение и вынужден был снять ее. В дополнение к Потсдамскому соглашению, с западными державами был подписан дополнительный договор, который ухудшал наше положение в Западном Берлине⁷. После смерти Сталина мы стояли на тех же позициях. ГДР стала нашим союзником, поэтому мы делали все именно в ее интересах. Да ведь наши интересы вообще совпадали. У нас были единый подход к делу и единая заинтересованность, как и у других социалистических стран, особенно тех, кто входил в Варшавский пакт. Но Кеннеди в вопросе о Западном Берлине не соглашался с нами. Мы официально обратились с предложением о подписании мирного договора с Германией и заявили: если Запад не согласится, мы будем вынуждены подписать отдельно мирный договор с ГДР. Тогда на ее территорию не будут распространяться положения Потсдамского соглашения, а будут действовать статьи мирного договора, который подпишут СССР и те страны, кто захочет.

Кеннеди реагировал очень болезненно. Он чувствовал, что мы можем это сделать. Я видел, что Кеннеди понимает наши рассуждения в буквальном смысле слова: он считал, что мы, подписав мирный договор, тем самым решим и вопрос о Западном Берлине и оккупируем его. Естественно, мы таких намерений не имели, а хотели, чтобы он официально стал вольным городом, иначе произошло бы столкновение. Конечно, в случае столкновения сначала мы решили бы дело очень быстро в свою пользу, потому что в Западном Берлине находились небольшие вооруженные силы

западных стран. Но большие или малые, а это уже стрельба, могла разразиться и война. Поэтому мы не преследовали подобной цели и не хотели военного конфликта. Конкретно же мы стремились передать ГДР все функции, которыми пользовались по обеспечению связей через ее территорию западные страны с Западным Берлином. Она как суверенное государство сама решала бы это и, естественно, поставила бы вопрос более жестко, как это свойственно каждому суверенному государству. Западные державы вынуждены были бы считаться с правительством ГДР, которого они не признавали, как не признают и сейчас. Таким образом, возник бы какой-то конфликт военного порядка с непредсказуемыми последствиями.

Кеннеди сопротивлялся и доказывал, что Запад на это пойти не может; что Потсдамское соглашение определяет существование одной Германии и мирный договор может быть подписан только при условии создания единой Германии. Такие доводы Запад приводил все время. Сейчас, видимо, ситуация изменилась. Сам Брандт, премьер-министр Западной Германии⁸, вынужден был признать де-факто, что существуют две Германии. Беседы по германскому вопросу протекали у нас очень обостренно. Мы решительно защищали свое право заключить мирный договор со всеми последствиями, вытекавшими из этого, и рассматривали Западный Берлин как территорию ГДР, а пребывание там западных войск считали незаконным. Кеннеди доказывал обратное...

Что говорил он о мирном сосуществовании? Это очень интересно: он признавал необходимость строить наши отношения с целью обеспечения мирного сосуществования, исключить войну и военные столкновения, но понимал это по-своему. Согласно его пониманию дела, мы должны будем договориться и документально оформить это каким-то договором о том, что стоим на позициях мирного сосуществования, которое он толковал как фиксацию сложившегося во всех странах социально-политического строя, не допуская его изменений. Эта позиция для нас совершенно неприемлема. Я ему так и заявил. Мы согласны строго придерживаться условий мирного сосуществования, в спорных вопросах не должны ни прибегать к силе, ни вмешиваться во внутренние дела других государств. Однако и эти государства не должны вмешиваться во внутренние дела нашего государства. Вопросы политического устройства каждой страны должны решаться самими народами, и даже если будет изменяться общественный строй по решению самого народа, мы не должны вмешиваться в это. Вот как мы понимаем дело. «Нет, — отвечал

Кеннеди, — должны вмешиваться, потому что могут быть засланы агенты другой державы». То есть он навязывал нам свое понимание мирного сосуществования как обеспечения безопасности не только границ, но и внутреннего устройства государств, вечного статус-кво. Первую половину дела, гарантию безопасности границ, мы принимали. Вмешательство же во внутреннее устройство других государств для нас немыслимо и невозможно. Я предложил ему маленький экскурс в историю США: «Когда-то США были колонией Англии, а потом народ восстал и начал войну, в которой одержал победу. Так США стали независимым государством. История подтверждает, что существуют внутренние вопросы, которые решает сам народ, и надо обеспечить невмешательство во внутренние события».

Народы России тоже совершили революцию. И это тоже внутренний вопрос. «По-вашему, — говорю, — другие страны имели право вмешаться, вот они и вмешались: США, Англия, Франция навязали интервенцию молодому советскому государству, но чем это кончилось, вы отлично знаете. Царь Николай I на практике проводил ту политику, которую сейчас проповедуете вы, помог Австрийской монархии подавить Венгерскую революцию⁹. Это было позорное вмешательство во внутренние дела, но там один император помогал другому сохранить реакционный режим. Чем это кончилось, вы тоже отлично знаете. История доказала несостоятельность такой политики, Австро-Венгрия потом развалилась. Сейчас вообще все резко изменилось, а вы хотите, чтобы мы с вами вернулись к тем временам, когда заключались договоры между монархами для обеспечения устойчивости тронов и объединения усилий ради подавления народов, если они проявят желание изменить внутреннее положение в своей стране? Мы на это никогда не пойдем и всеми средствами будем бороться против такой политики».

Кеннеди — умный человек, но защищал интересы своего класса. Я же был несколько удивлен и поэтому во время переговоров немного иронизировал над ним, высмеивая его позицию как несовременную и устарелую. Наконец, он признал, что для смягчения напряженности требуется сохранять мир между СССР и США. Но это только одна, низшая ступень мирного сосуществования. Если бы Кеннеди признал всю глубину формулы мирного сосуществования и постарался бы ее раскрыть, то с его стороны исключалось бы предложение, которое он внес, предлагая зафиксировать в застывшем положении как границы между государствами, так и их внутреннее социально-политическое устройство. А

как быть со странами, остававшимися в положении колоний? Что же, мы должны помогать колонизаторам? Это реакционное предложение, и мы старались раскрыть его реакционность, доказать его несостоятельность, сочувствуя силам, которые стремились изменить существующие порядки, но не вмешиваясь во внутренние дела этих стран, а лишь сочувствуя их народам.

Относительно ленд-лиза мы тоже обменялись мнениями, но остались при старых взглядах. Я повторил то, что в свое время говорил Эйзенхауэру: «Вы нам помогали, мы за это вам благодарны. Но мы вместе с вами вели войну против общего врага и ваши материалы оплатили нашей кровью. Кровь дороже любых материалов, которые мы от вас получали. Поэтому мы считаем, что уже давно и с лихвой оплатили стоимость ваших поставок по ленд-лизу». Кеннеди твердил свое. Наши встречи проходили днем, а вечером австрийское правительство устраивало в нашу честь роскошные приемы. Посетили мы оперу. Потом нам показали цирковое представление с лошадьми, очень красивое зрелище. Вена гордилась тем, что была родоначальницей использования лошадей в цирке. Дрессированные лошади используются во всех цирках, но у них в театрализованном представлении участвует масса наездников. Нас познакомили также с достопримечательностями, которыми богата Вена.

На приеме Кеннеди познакомил меня со своей женой и матерью. Его мать произвела на меня хорошее впечатление: приятная женщина! Супруга же его Жаклин — молодая женщина, о которой я много читал в газетах. Журналисты всегда выставляли ее красавицей, завораживающей своей красотой мужчин, но на меня она не произвела подобного впечатления. Да, молодая, энергичная, приятная, но без особого блеска... Об этом я говорю здесь лишь потому, что в печати как раз о ней писали другое. Видимо, она бойка на язык, как украинцы говорят — языкастая; и в разговоре находчива. С ней не связывайся — обрежет! Встретился я с ней в театре, во время перерыва пошли в буфет. Какие там могли у нас быть разговоры? Перебрасывались обычными фразами. Однако и тут она показала остроту своего языка. Меня как главу делегации советского государства совершенно не трогало, какова она. Это дело мужа. Если она ему нравится, на здоровье и ему, и ей. То же самое и в отношении матери. Мы помнили, что она миллионерша, и, следовательно, должны были знать, с кем имеем дело, не забываться. Могли улыбаться, жать любезно друг другу руки, но мы люди разных полюсов.

Во время переговоров в комнате с нами находились только

переводчики, а также Раск и Громыко. Наши беседы проходили в виде диспута. Не помню, чтобы Кеннеди обращался с каким-либо вопросом к Раску или чтобы Раск подавал реплики. Этого не было. Поэтому у меня создалось впечатление, что Кеннеди сам очень хорошо разбирался в международных вопросах и был подготовлен к переговорам. Все, о чем нужно было обмениваться мнениями, он изучил заранее и совершенно свободно владел материалами. Это было абсолютно не похоже на то, что я наблюдал, встречаясь с Эйзенхауэром. Это, конечно, говорило в пользу Кеннеди, и он вырастал в моих глазах. Тут был партнер, к которому я относился с огромным уважением, хотя мы стояли на разных позициях и были как бы противниками. Я ценил его качества. Если президент сам разбирается в деталях политики, значит, он и определяет ее. А так как президент заявил, что с пониманием относится к мирному сосуществованию, следовательно, зарождалась какая-то уверенность в том, что он не станет опрометчиво принимать решения, которые привели бы к военному конфликту; С каждой встречей он вырастал в моих глазах.

Мы постоянно прощупывали возможность найти какие-то соглашения по острым вопросам для обеспечения взаимной безопасности. Беседы подходили к концу, но уже было видно, что конкретных соглашений мы достичь не сможем, потому что наши понимания дела слишком противоположны. Ни та, ни другая сторона не могли найти приемлемых условий для соглашений. То, что приемлемо для одной стороны, оказывалось неприемлемым для другой. Собственно говоря, на этом и основывались холодная война и состояние напряженности. Каждая сторона хотела бы обеспечить мир, но обеспечение мира трактовала по-своему, так, что это противоречило интересам контрпартнера. Вот такую позицию занимал Запад. Да он и сегодня занимает эту же позицию, с тою лишь разницей, что сейчас не может отрицать возросшей военной мощи Советского Союза. Поэтому противная сторона уже приспособливается к нам свою политику. Наша встреча уже тогда была обусловлена тем же: США потеряли уверенность в том, что могут достичь своих целей при проведении политики с позиции силы, как было во времена Трумэна и Даллеса. Соотношение сил стало иным, поэтому Кеннеди вынужден был искать возможность договориться на новой основе, которая, однако, устраивала бы Соединенные Штаты. Мы-то хотели договориться на такой основе, которая устраивала бы и нас, и США, а они о нас не думали. Поэтому реальных возможностей прийти к какому-то соглашению не возникло.

Я был благодарен правительству Австрии, ее премьер-министру и президенту¹⁰ за то, что они со своей стороны сделали все, чтобы наши встречи не были ничем омрачены. Венцы отнеслись к нам очень дружелюбно, и я не припоминаю никакого инцидента, который омрачил бы мое пребывание в Вене. Действительно, правительство Австрии выполняло обязательство соблюдать нейтралитет. У меня остались самые теплые чувства в отношении политики правительства Австрии. Президентом тогда был социал-демократ. Он тоже со своей стороны ничем не омрачал нашего пребывания. Я не знаю, был ли еще жив Рааб, с которым мы подписывали мирный договор, но его преемник проводил ту же линию.

Последняя наша встреча с Кеннеди произошла на приеме или в театре. Кеннеди был очень мрачен. Не только озабочен, но и мрачен. Когда я смотрел на его лицо, он у меня вызывал сочувствие, сожаление. Я хотел, чтобы мы расстались с другим настроением, но помочь ему ничем не мог. Политика неумолима, а наше классовое положение не дало возможности, несмотря на усилия с моей стороны, прийти к соглашению. Как политик я это понимал, а как человек сочувствовал Кеннеди. Он был разочарован, а его внутренние противники в США, особенно агрессивно настроенные деятели, получили удовлетворение: «Вот, ты надеялся, что сможешь при встрече с Хрущевым добиться каких-то соглашений, а теперь сам убедился, что мы были правы, проводя политику с позиции силы. У нас и выхода другого не было, потому что коммунисты признают только силу, а иного языка не понимают. Ты хотел с ними разговаривать языком соглашений и в ответ получил щелчок по носу, возвращаешься опозоренным. Объявил всем, что едешь с уверенностью найти возможность договориться, а вернулся к разбитому корыту, приехал ни с чем. Следовательно, наша политика была правильной, а ты заблуждался».

Примерно так я представлял себе переживания президента и сочувствовал ему, но вида не подавал. А сочувствовал ему, потому что не создавалось предпосылок к лучшему, и мы опять отбрасывались назад, возможно, к еще большему обострению, к продолжению холодной войны. За это мы должны были платить, потому что опять начиналась гонка вооружений. Потребуется еще большие ассигнования средств на оружие. Сначала в США. Это заставит нас последовать за ними. Такие события нам известны, они обременяют бюджет и снижают экономический потенциал гражданской жизни. Это-то меня, главным образом, и заставляло сочувствовать президенту, я понимал причины его огорчения:

неудача его внешней политики отразится на наших бюджетах, а следовательно, на жизненном уровне народов. Но я нагнетал обстановку не ради этого, а чтобы поставить президента в безвыходное положение, заставив его признать необходимость пойти нам навстречу, иначе будет возможность конфликта. Кеннеди же не захотел под нажимом пойти на соглашение. Мои призывы осознать реалистичность наших доводов повисли в воздухе. Мы оба остались на старых позициях.

Кеннеди уехал первым, его провожали официальные лица и президент Австрии. Уже после его отъезда со мной захотел увидеться министр иностранных дел Крайский, и я его с удовольствием принял. Я знал, что Крайский во время войны был в шведской эмиграции вместе с Брандтом, нынешним премьер-министром ФРГ, а в ту пору — бургомистром Западного Берлина. Меня информировали, что они были друзьями, к тому же оба социал-демократы. Моя беседа с Крайским была полезной. Он рассказал мне о своих впечатлениях, которые остались у него от проводов Кеннеди: «Очень уж мрачен был президент, очень удручен, на нем просто лица не было. Видимо, итоги переговоров так его огорчили». Я ответил: «Да. С ним легко беседовать и даже приятно, но когда наступает момент принимать решение, он не проявляет понимания. Не понимает времени, в котором мы живем, и нового соотношения сил. Живет старыми понятиями своих предшественников. К принятию серьезных решений он, видимо, еще не готов. Наша встреча была полезна тем, что мы прощупали друг друга и теперь конкретно представляем позицию каждого. Но и только, а этого, конечно, мало».

Я, признаться, пересказал Крайскому содержание бесед с Кеннеди, ибо надеялся, что изложенная мною в острой форме наша позиция, ставшая известной Кеннеди, теперь через Крайского станет известна и Брандту. Может быть, наведет это его на какие-то размышления, они поймут, что наши намерения неотступны, и, не доводя температуру до кипения, в конце концов согласятся на разумные переговоры. Правда, я знал, что Крайский больше сочувствует Кеннеди, чем нам. Политика президента США ему ближе нашей, поэтому я рассматривал его как негласного агента той политики, которую проводит капиталистический мир в отношении СССР. И уж, безусловно, он подробно изложит мои слова Брандту, а от него кое-что зависело. Как правящий бургомистр Западного Берлина он мог оказать какое-то влияние на достижение соглашения, хотя в спорных вопросах находился тоже на противоположной стороне и не принимал нашу линию. А она была

единственно правильной и сейчас остается такой и для Западной Германии, и для Западного Берлина тем более.

Затем в мою честь были устроены правительственные мероприятия (прием, обед), нас проводили с положенными церемониями, и мы улетели в Москву. После этой встречи через печать, в беседах, на приемах и прочими средствами мы нарочно стали рекламировать, что вот-вот намереваемся осуществить наши предложения и подписать мирный договор с ГДР. Мы довольно энергично это проводили, оказывая нажим на общественное мнение через печать и собеседования. Одним словом, все средства, которые нам были доступны, мы пустили в ход, с тем чтобы создать впечатление у наших противников, что если они не поступят разумно и не постараются прийти к соглашению, то мы это сделаем. На какой же шаг пошел Кеннеди после встречи? Он назначил своим представителем в Западной Германии генерала Люциуса Клея, который занимал этот пост сразу же после войны. Этим США продемонстрировали, что готовят ответ на нашу угрозу подписания мирного договора с ГДР. Назначая известного нам генерала на этот пост, они хотели показать, что США готовы и к военному конфликту. Командующим советскими войсками в ГДР был тогда Якубовский¹¹. И я предложил советскому правительству в ответ на действия американцев совершить ход конем, утвердив командующим нашими войсками в ГДР Конева. Таким назначением мы хотели показать американцам, что поняли их поступок и принимаем вызов. Будущего же маршала Якубовского назначили заместителем маршала Конева. Решение было опубликовано, но между собой мы договорились, что реальным командующим как был, так и останется в Берлине Якубовский, хотя Конев тоже может принимать нужные решения. Мы были уверены, что вскоре все нормализуется и Конев вернется в Москву.

Наши совместные шахматные ходы, их — пешкой, а наш — конем, привели, однако, не к ослаблению, а к новой напряженности отношений. Президент Кеннеди опубликовал заявление о переводе какого-то количества войск в Западный Берлин для усиления гарнизона. Ответных действий с нашей стороны не было, потому что наших войск в ГДР и без того было достаточно. Гарнизон же в Западном Берлине был слаб, и мы могли бы быстро справиться с ним и подавить его сопротивление, если понадобится. Начать-то можно было быстро, да неизвестно, чем дальше кончится, а мы не хотели военного конфликта. Мы хотели лишь вскрыть нарыв, проведя хирургическую операцию, но не путем грубого вмешательства ножом, а сперва как-то обезболить это

место и принять все меры, чтобы организм не ощущал особой боли и чтобы не было дурных последствий операции. Хотели все провести чисто дипломатическим путем, без применения оружия. Но Кеннеди не был к тому готов. Видимо, на него оказывали давление военные, которые имели в Вашингтоне большое влияние. Думаю, что сейчас они оказывают еще большее давление на свое правительство.

Конев убыл в Берлин. Приехав туда, объявил, что приступил к исполнению обязанностей. Мы порекомендовали Коневу нанести визит командующему американскими войсками. Тем более что он лично был знаком с Клеем. Одним словом, необходимо было установить контакты напрямую. К тому времени мы уже договорились с Ульбрихтом и лидерами других социалистических стран об официальном установлении границы, которая прошла бы через Берлин и разделила его строго на Западный и Восточный. Тем самым ГДР получила бы возможность контролировать свою границу. Свободный проход через Западный Берлин в ГДР был лазейкой для всех разведок капиталистических стран. Они могли проникать в расположение наших войск, разведывать их вооружение, собирать прочие разведданные. Кроме того, через свободный проход в Западный Берлин наносился большой урон экономике ГДР. Создавалось вообще неустойчивое положение: много интеллигенции и других лиц ушло на запад из ГДР, а в ФРГ в это время начался большой промышленный подъем. Западная Германия нуждалась в рабочей силе и набирала рабочих из Италии, Испании, Югославии, Турции, других стран. Студенты, получившие высшее образование, тоже уходили туда, потому что в то время (да, наверное, и сейчас) Западная Германия оплачивает труд интеллигенции и рабочих выше, чем ГДР и другие социалистические страны. Вопрос прогрессивности того или другого строя — это вопрос политический, вопрос убеждений, но многие люди решают этот вопрос «от брюха». Они не смотрят, что получают завтра, сегодня же западногерманское общество дает больше, чем может получить человек в ГДР. Иначе и массового бегства не было бы, из ГДР уходили бы только политические недруги. Сложилось тяжелое положение, и Ульбрихт просил нас помочь им рабочей силой.

Мы, конечно, могли помочь, но подсобной рабочей силой, а квалифицированных рабочих нам самим не хватало. И я говорил товарищу Ульбрихту¹²: «Германия нам навязала войну. Советский народ проливал кровь. Мы победители. Наши рабочие не станут у вас нужники чистить. Это не просто унижение. Такое предложе-

ние взорвет наших людей. Поэтому делать это мы не можем. Вам придется выходить из положения своими силами». Что же Ульбрихту делать? У него были настежь открыты ворота. Если он призывал своих людей к дисциплине или применял административные меры, немцы бежали, особенно квалифицированные рабочие, потому что находили высокооплачиваемую работу в Западной Германии. Народ там один и язык один, никаких трудностей. У меня давно возникла мысль установить какой-то контроль, закрыв все ходы и лазейки. И я обратился к нашему послу товарищу Первухину¹³ с просьбой прислать мне детальную карту Берлина с нанесением границы секторов. Он прислал, но карта оказалась неясной. Я подумал, что ему самому трудно найти нужную, и попросил обратиться от моего имени к Ульбрихту, рассказав о моей идее. И к Якубовскому мы обратились с той же просьбой — прислать карту, но военно-топографическую. Ульбрихт, узнав от Первухина о моем плане, просиял и в восторге сказал: «Я полностью за! Вот настоящая помощь!».

Я предупредил Первухина и Ульбрихта, что пока план будем держать в строгом секрете. Получив карты, мы в нашем руководстве обсудили план действий и единогласно приняли решение проводить его в жизнь как можно быстрее. По согласованию с Ульбрихтом собрали закрытое совещание представителей всех стран, входящих в Варшавский пакт. Присутствовали только секретари ЦК партий и председатели Советов министров. Был сделан короткий доклад и предложена такая тактика действий: в определенный час будут установлены шлагбаумы и другие пограничные атрибуты, войска подойдут к этой границе, спереди немецкие солдаты, которые начнут устанавливать контроль, а зади, на каком-то удалении, — цепь наших войск. Цель такова: Запад должен видеть наших солдат за спиной немцев. Выбрали 13 августа. Такое число считается несчастливым, но я сказал сомневающимся, что для нас это число станет счастливым. Все держалось в полном секрете. И вот войска установили границу. Гвалт возник необычайный: именно в тот момент США усилили свой гарнизон в Западном Берлине.

Появление такой границы сразу навело порядок, повысилась трудовая дисциплина в ГДР, заводы и сельские коллективы стали работать лучше. Между прочим, резко сократилось потребление продуктов «чужими». Ульбрихт нам сообщал, что экономия выражалась миллионными суммами. Население Западной Германии покупало многие продукты в ГДР и пользовалось ее коммунальными услугами, которые в ГДР были дешевле. Западная марка по

покупательной способности значительно выше восточной. Таким образом обесценивалась марка ГДР. То есть помимо политических западные немцы извлекали большие экономические выгоды. И все это ложилось бременем на плечи рабочих и крестьян ГДР. Теперь ситуация изменилась. Без подписания мирного договора ГДР обрела суверенные права. Получила все, как если бы был подписан мирный договор, кроме, конечно, моральной стороны дела: сохранялось официальное состояние войны. Мы все были очень довольны своим решением. Я получил и личное удовлетворение: без подписания мирного договора вырвали у Запада то, что нам положено по праву. Эта акция давала ГДР все возможности развиваться, как положено каждой нормальной стране.

В октябре того же года мы получили сведения, что американцы готовятся разрушить стену, чтобы вернуть положение, которое было до 13 августа, и восстановить свободный проход в ту и другую сторону города. Мы узнали их план: впереди пойдут джипы с пехотой, вооруженные стрелковым оружием; за джипами мощные бульдозеры, которые разрушат стену; за бульдозерами — танки для прикрытия. Мы с Коневым разработали свою тактику и решили джипы с солдатами пропустить, пусть проедут. Мы-то контроль установили для гражданских лиц, а для военных сохранились условия, определявшиеся Потсдамским соглашением: как военные Запада могли посещать сектор Восточного Берлина, так и наши военные могли посещать Западный Берлин. Я тоже когда-то воспользовался этим правом и поездил с советским комендантом города по Западному Берлину, но не выходя из машины. Просто ездил, чтобы составить себе какое-то представление. Конечно, ездил еще до установления Берлинской стены и инкогнито.

У нас шли заседания XXII съезда партии. Конеv присутствовал на съезде как делегат и доложил мне, что в такой-то час американцы двинутся. Мы решили в переулках Берлина замаскировать наши танки. Когда пехота перейдет границу, а бульдозеры будут на подходе, то, чтобы не допустить разрушения стены, танки должны будут вывернуться из переулков и двинуться навстречу бульдозерам. Так и было сделано. Потом Конеv сообщил: как только джипы с пехотой прошли, наши танки развернулись и выехали навстречу бульдозерам и американским танкам. Те приостановили движение. Пехота же, которой нечего было делать, развернулась на джипах и вернулась в Западный Берлин. Наши танки приостановили свое движение, американские — свое. Уж не помню теперь, в каком положении остались бульдозеры, видимо, тоже были заморожены на месте. В таком положении все и остались на

ночь. Утром, когда заседания партийного съезда возобновились, Конев опять доложил: положение не изменилось, наши танкисты сидят в танках. Иногда выскакивают, гоняются друг за другом, чтобы согреться, потому что ночь была прохладной. Уже наступила осень. Американские танкисты, видимо, еще больше мерзнут в своих танках.

Я понял, что надо искать какой-то выход, и сказал Коневу: «Пусть наши танки развернутся и уйдут в те переулки, из которых они вышли, но станут так, чтобы не были видны американцам. Я уверен, что не больше чем через 20 минут (потребуется время доложить наверх и получить соответствующее распоряжение) американцы уберут свои танки, потому что им неудобно убирать танки под дулами наших орудий. Они влезли в эту историю, а теперь не знают, как выпутаться. Раз они не действуют, значит, тоже ищут выход. Вот мы им его и предоставим, первыми уберем свои танки, а они последуют нашему примеру». Конев так и сделал. Потом он сообщил: «Действительно, как только наши танки ушли, через 20 минут американские танки тоже развернулись и скрылись из глаз». Это явилось признанием де-факто закрытия границы и разделения Берлина на две части: западную, капиталистическую, и восточную, социалистическую. Все это тогда очень обыгрывалось в печати. Западные газеты подняли шум, публиковали всяческие протесты и осуждения, но факт остался фактом.

Потом, кажется, происходили какие-то нарушения границы некоторыми гражданами ГДР, некоторые пытались убежать, и кое-кому это удавалось. Мне докладывали, что какая-то группа лиц на грузовом автомобиле сбила шлагбаум и пророснула в Западный Берлин. Чтобы такого не повторялось и нарушители не прорывались насильственным путем (иначе через такой контроль могли бы убежать и разведчики, которым угрожал арест), границу следовало укрепить. И я сказал: «Это не контроль. Такие нарушения дискредитируют тех, кто охраняет границу, показывают, что те не умеют ее охранять». Были приняты новые меры, но мы все же сомневались, смогут ли восточные немцы строго контролировать границу. Могла сложиться ситуация, когда нужно будет применить оружие, а немцу стрелять в немца тяжело. Мы высказывали свои сомнения, и ГДР нам ответила так: «У вас столько лет шла гражданская война, русские сражались против русских. И не только с вашей стороны воевал трудовой народ. Те, кто воевал на стороне белой армии, были введены в заблуждение, их вели генералы и офицеры, а вы в них стреляли. Почему же вы думаете, что немцы не понимают классовой борьбы? При выполнении воинс-

кого долга, защищая свою социалистическую республику, у нас не дрогнет рука». Так оно и произошло. И сейчас случаются инциденты, но войска ГДР воспитываются на марксистско-ленинском учении, понимают классовую сущность дела и твердо стоят на охране границ своего социалистического отечества.

Спустя какое-то время по закрытым каналам, а иной раз в ходе бесед, Запад стал высказываться, что сложившуюся ситуацию не изменить, надо признать границу де-факто и далее не накалять наших отношений. Американцы отозвали Клея. Как только это произошло, я предложил отозвать Конева. Если говорить образно, то мы сделали обратный ход конем и переставили его на московскую землю. Американские войска, мобилизованные для усиления гарнизона, тоже были отозваны из Западного Берлина. Таким образом, восстановилось статус-кво. Вот первые последствия нашей неудовлетворительной встречи с Кеннеди в Вене. Можно сказать, что он потерпел поражение. Или ему нужно было бы начать военные действия против нас. Но это вообще неразумно. Он как умный человек понимал, что риск слишком велик. Да и не было особого смысла рисковать. А мы поставили Запад перед свершившимся фактом. Наши бывшие союзники по войне против гитлеровской Германии вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю.

¹ ФУЛБРАЙТ Дж. У. (р.1905) — сенатор в 1945 — 1974 гг., возглавлял Комитет по иностранным делам сената в 60-е годы.

² 10 февраля 1962 г. Ф.Г. Пауэрса обменяли на осужденного в США за шпионаж советского разведчика полковника КГБ Р. Абеля.

³ КЕННЕДИ Дж. Ф. (1917 — 1963) — офицер флота в 1941 — 1945 гг., конгрессмен в 1947 — 1961 гг., был избран 35-м президентом США в 1960 г., вступил в должность 20 января 1961 г.

⁴ 2 июня 1961 г.

⁵ РАСК Д. (род. в 1909 г.) — с 1946 г. официальный помощник военного министра США, с 1947 г. начальник управления в государственном департаменте, с 1949 г. зам. заместителя государственного секретаря, с 1950 г. помощник госсекретаря, с 1952 г. президент фонда Рокфеллеров, с 1961 г. государственный секретарь, с 1970 г. работал в университете штата Джорджия.

⁶ В 1948 г. советские оккупационные власти прервали наземное сообщение Западного Берлина с ФРГ. Бывшие союзники СССР по второй мировой войне организовали «воздушный мост» для связи с Западным Берлином. В том же году его блокада была отменена.

⁷ Возникшие после второй мировой войны четырехсторонняя межсоюзническая комендатура и единый магистрат Большого Берлина прекратили существование к началу 1948 г.

⁸ БРАНДТ В. был федеральным канцлером в 1969 — 1974 гг.

⁹ Речь идет о Венгерской революции 1848 — 1849 гг. Российская армия участвовала в ее подавлении с мая по август 1849 г.

¹⁰ Президентом был (от Социалистической партии) А. Шерф, федеральным канцлером (от Народной партии) — А. Горбах.

¹¹ ЯКУБОВСКИЙ И.И. (1912 — 1976) — Маршал Советского Союза с 1967 г., был в 1957 — 1965 гг. первым заместителем главнокомандующего и главнокомандующим Группой советских войск в Германии.

¹² УЛЬБРИХТ В. (1893 — 1973) был в ту пору первым секретарем ЦК Социалистической единой партии Германии и председателем Государственного совета ГДР.

¹³ ПЕРВУХИН М.Г. (1904 — 1978) являлся послом СССР в ГДР в 1958 — 1962 гг.

КАРИБСКИЙ КРИЗИС

Хотел бы рассказать, что такое Карибский кризис. Эти события 1962 г. возникли при следующих обстоятельствах. Когда Фидель Кастро добился победы и вступил со своими войсками в Гавану, мы в СССР, собственно говоря, еще не знали, какое политическое направление будет принято победителями. Знали, что в движении, возглавляемом Кастро, участвуют отдельные коммунисты-одиночки, но Компартия Кубы в целом не контактировала с ним, и секретарь ЦК Компартии Кубы даже вышел из партии, чтобы уйти партизанить в горы вместе с Кастро¹. Когда повстанцы заняли Гавану², мы пользовались материалами только газет и радио. Слушали, что́ передавалось из самой Кубы и что́ говорили о ней другие. Положение было очень неясным.

Фидель оставил тогда одного из близких ему деятелей президентом Республики Куба³. Этот человек нам был совершенно не известен. Кроме того, Куба официально наше государство не признавала, и долгое время у нас с нею никаких дипломатических связей не существовало⁴. Наши люди, которые занимались Латинской Америкой, начали теперь выезжать на Кубу. Раньше они знали лишь некоторых кубинских деятелей, в частности, брата Фиделя⁵ — Рауля Кастро. Как-то случайно один наш товарищ плыл вместе с ним в Мексику на одном корабле. Этот товарищ потом мне рассказывал, как они познакомились, беседовали, а потом Рауля в Мексике, на глазах у нашего товарища, задержали и арестовали. Основываясь на данных, полученных по разным каналам, мы

знали, что Рауль Кастро — коммунист. Но считалось, что он свои убеждения якобы скрывает от брата; тот вроде бы о них не ведаёт. Гевара⁶ тоже был коммунистом, как и некоторые другие сподвижники Фиделя. Но все это были слухи, а официальные связи с ними у нас еще не наладились.

Дальнейшие события развивались быстро. Мы решили в ту пору послать в США Микояна, в качестве «гостя нашего посла», для установления неофициальных связей с американским деловым миром. Анастас Иванович бывал там еще до войны, и у него сохранились какие-то личные связи. Мы верили, что, когда Микоян появится в Вашингтоне, там найдутся люди из деловых кругов, которые захотят установить с нами контакты. В любом случае мы хотели почувствовать, какие там существуют веяния. Главное, хотели выяснить перспективы развития торговли с США. Когда Микоян находился в США, Фидель пригласил его посетить на обратном пути Кубу. Микоян поехал туда, посмотрел, поговорил. Но и только. Ведь у нас дипломатических отношения с Кубой не было, и Кастро пока придерживался в отношении нас осторожной политики.

Характерным для обстановки на Кубе в то время и для роли Фиделя был, например, такой анекдот. Кубинское революционное руководство попало на небо. Вышел к ним апостол Петр и велел всем построиться, затем сказал: «Коммунисты, три шага вперед!». Вышел Гевара, вышел Рауль, еще кто-то, а все остальные стоят на месте. Тогда Петр крикнул Фиделю: «Эй, ты, большой, а ты не слышишь, что ли?». То есть считали, что Фидель — коммунист, а на небесах он себя вовсе не считал коммунистом и полагал, что услышанная команда к нему никакого отношения не имеет. Вот характерное явление для Кубы того времени.

Вскоре у нас были установлены дипломатические отношения с Кубой⁷, и СССР направил туда свою делегацию. Кубинцы вынуждены были обратиться к нам за помощью: американцы лишили их нефти, их главного источника энергии. Жизнь на острове едва не замерла, и нам пришлось срочно организовать доставку нефти на Кубу. По тем временам это была довольно трудная задача: у нас не имелось достаточного количества танкеров или других подходящих морских судов, и нам пришлось срочно мобилизовать из числа действующих в ущерб уже шедшим перевозкам, а также закупать и заказывать танкеры, чтобы обеспечить Кубу нефтепродуктами. Тогда итальянцы продали нам много танкеров. На этой почве возник даже конфликт Италии с США: американцы обвинили Италию в том, что она «не проявила солидар-

ности». Этот случай свидетельствует и о взаимоотношениях между капиталистическими странами: если можно заработать, то никакая солидарность особенно во внимание не принимается.

Когда у нас установились дипломатические отношения с Кубой, мы направили послом туда профессионального дипломатического работника С.М. Кудрявцева. Кроме того, там находился «журналист» из ТАСС Алексеев, особый сотрудник⁸. Фидель и особенно Рауль Кастро сразу увидели, что это не просто журналист, а представитель определенного ведомства. Они установили с ним доверительные отношения. Когда им что-либо было нужно, то они чаще обращались прямо к Алексееву, чем к послу. Алексеев сейчас же связывался с Центром и сообщал нам о нуждах Кубы. Посол же повел себя нескладно. Обстановка на Кубе накалялась, начали уже «постреливать», и он потребовал, чтобы ему предоставили особую охрану. Кубинское руководство — бывших партизан — это удивляло и раздражало: они-то представляют собой, пожалуй, более выгодную мишень для врагов революции, а ходят без охраны; наш же аристократ-коммунист требует для себя каких-то особых условий, которые абсолютно исключили бы для него возможность неприятностей.

Когда мы увидели, что это ведет к ухудшению наших взаимоотношений, то отзывали оттуда посла. Такой человек не годился для революционной Кубы. Новым послом решили утвердить Алексеева⁹, к которому кубинские товарищи уже привыкли, хорошо его узнали и которому доверяли. Он в их глазах был «своим». Значит, выбор окажется удачным. Дальше — больше! Кастро повел себя завзятым коммунистом. Так он себя еще не именовал, но коммунистов стали привлекать к управлению страной.

К тому времени президент, которого назначили прямо на митинге после занятия Гаваны, сбежал в США¹⁰. Причиной послужила начавшаяся национализация предприятий и конфискация имущества американских богатеев. Затем стали ограничивать помещиков. Там имелись очень крупные латифундии. Тут сразу многие из тех, кто прежде боролся вместе с Кастро и приветствовал его как человека, который возглавил борьбу за независимость и изгнание Батисты, отвернулись от революции, ибо многие, сражавшиеся рядом с Кастро, не хотели больших социальных перемен на острове. Им надоел продажный режим Батисты, и они выступили против него, но у них и в мыслях не было изменить общественный строй на Кубе. Им нужен был новый «свой человек», будь то Батиста, Кастро или кто-либо еще, безразлично кто.

Американцы на первых порах тоже рассматривали Кастро

именно так и считали, что капиталистические устои на Кубе нерушимы. А когда Кастро заявил, что Куба стала на путь строительства социализма, время было уже упущено и организованных сил, которые дрались бы за интересы США на Кубе, не существовало. Поэтому для них оставался теперь единственный выход — вторжение извне.

Между тем кубинцы попросили у нас вооружения. Мы передали им танки, артиллерию, послали своих инструкторов. Кроме того, отправили зенитные пушки и несколько самолетов-истребителей. В результате Куба довольно солидно вооружилась. Главным недостатком кубинской армии было отсутствие у нее должного боевого опыта. Танками они вообще не умели пользоваться. Из опыта партизанской борьбы им было знакомо лишь личное оружие: карабин, автомат, граната, пистолет.

О начале вторжения на Кубу¹¹ мы узнали из сообщений зарубежных радиостанций. Какими силами и кто вторгся, мы не знали. Кубинские ли это заговорщики или сами американцы? Мы считали, что при всех случаях и под любой маркой, но вторжение обязательно должно быть с участием американцев.

Фидель быстро мобилизовал свои силы и довольно легко отделался, разгромил контрреволюционеров¹². Американцы слишком доверились заговорщикам, полагая, что при помощи их оружия эти кубинцы справятся с Кастро, но просчитались. После победы Фиделя мы усилили помощь Кубе: давали ей столько вооружения, сколько кубинцы могли освоить. Вопрос стоял тогда не о количестве или качестве оружия, а о наличии кадров, которые могли бы владеть современным оружием.

Когда еще не были разгромлены силы вторжения, Кастро выступил с декларацией, что Куба пойдет по социалистическому пути¹³. Нам это было не совсем понятно. Ведь это не способствовало консолидации в тот момент более широкого круга сил против вторжения и сразу отбрасывало от Кастро людей, которые лично выступали против социализма. Тогда раздавались отдельные голоса, что Кастро сделал это заявление потому, что, видимо, сам не очень-то верил, что одержит победу над вторгшимися контрреволюционерами, и ему хотелось, если уж погибнуть, так «с музыкой». Конечно, с точки зрения личной храбрости его действия были правильными. Но с точки зрения тактики этого не следовало делать. И все же он победил, разбил контрреволюционеров, взял часть их в плен.

Мы приветствовали эту победу, но были уверены, что тут — только начало, что американцы не успокоятся. Американцы дове-

рились кубинским эмигрантам, эмигранты были разбиты. Они не откажутся от повторения агрессии, но это станет повторением на новой основе. Они учтут уроки поражения и переорганизуются.

Между тем в Европе разразился Берлинский кризис¹⁴. Наши отношения с США сильно накалились. Однако президент Кеннеди предпринимал со своей стороны шаги, чтобы нам как-то договориться. Правда, договориться на американской основе. Он считал, что в такой основе наших отношений должен лежать, как он говорил мне в Вене, статус-кво. Мы тоже стояли на позициях статус-кво (имею в виду наше правительство и Центральный Комитет партии). Дело заключалось в том, что понимание этого статус-кво у нас различалось.

Я, например, считал, по статус-кво распространяется только на нерушимость границ при военном вмешательстве одного государства в дела другого. А президент Кеннеди распространял статус-кво и на внутренние порядки в каждом государстве. Я ему сказал, что это просто немыслимо: «Вы хотите, чтобы мы с вами, договорившись, обеспечили всюду господство эксплуататоров? Политическое устройство — это же внутренний вопрос. Вы же сами, США, освободились войной от колониальной зависимости и упорно воевали с Англией. А теперь вы хотите, чтобы как раз в таких случаях, в каком вы вели войну против Англии за свое освобождение, мы выступали на стороне реакции? Это же немыслимое дело».

Уже имелись исторические примеры несостоятельности такого подхода. Возник когда-то в Европе Священный союз¹⁵, но он ничего не смог предотвратить и потом распался. Нас больше всего беспокоил тогда Берлин, а также Куба. Это были основные точки, где мы чувствовали возможность столкновения. В Берлине возможно было прямое столкновение. Нужно сказать, что там американцы при выполнении своих договорных обязательств вели себя довольно лояльно. Но они требовали, чтобы и мы не нарушали их. Это было вызвано тем, что там они были более уязвимы, чем мы, потому что связь с Западным Берлином¹⁶ должны были держать через территорию, занятую советскими войсками, на которой образовалось новое немецкое государство — ГДР, развернувшее строительство на социалистических началах.

Мы все делали, что было в наших силах, чтобы не допустить войны, но и чтобы Западный Берлин одновременно высвободить из-под военного влияния западных стран, чтобы не находились там их гарнизоны. Наша цель — сделать Берлин вольным городом. Об этом мы говорили в своих выступлениях и открыто, и дип-

ломатическим путем, предлагали соответствующие переговоры. Но Запад отверг наши предложения. Поэтому мы делали тогда все, что в наших силах, чтобы принудить его к этому.

Особенно боролись мы (еще и сейчас продолжается эта борьба) против претензий Западной Германии на Западный Берлин, включения его в состав ФРГ. Это противоречит Потсдамскому соглашению и всему сложившемуся пониманию послевоенной ситуации, и мы делали все, чтобы помешать этому. То есть в данном конфликте, если он возник бы, больше мы являлись «зачинщиками». «Зачинщиками» же стали потому, что хотели устранить опухоль, которая там существовала, да и сейчас существует и грозит разрастись, вылиться в военное столкновение. Запад противостоял нам и не соглашался с нами.

Вот один пункт остроты. Второй пункт — Куба. Когда кубинские контрреволюционеры организовали нападение на Кубу и высадили там десант, здравомыслящему человеку было ясно, что это сделано с благословения США. Иначе и быть не могло. Высадка оказалась возможной только при поддержке военными средствами США. Мы ожидали, что там со стороны США будет оказана также прямая поддержка военными силами, но этого не произошло. Однако была все же предпринята акция, которая могла стоить потери завоеваний кубинского народа, утраты возможности строительства социализма на Кубе.

Хотя контрреволюционеры потерпели поражение при высадке своего десанта на Кубе, надо было оставаться совершенно нереалистичным человеком, чтобы считать, что на этом все кончилось. То было лишь начало, хотя и неудачное начало. Но неудачное начало ведет к желанию взять реванш. Соответственно и печать начинала уже обрабатывать и готовить общественное мнение в том духе, что надо ожидать новую акцию со стороны контрреволюции. Но теперь будет не такое вторжение, которое предпринималось и которое Фидель Кастро легко разбил. Урок, который получили США, будет учтен. Поэтому, если последует новая акция, то ее организуют большими силами и с лучшей подготовкой. Даже если США и не станут прямо участвовать, а опять полезут контрреволюционеры, то вместе с ними туда поедут организованные, хорошо вооруженные и в большом количестве войска США, но в форме кубинцев. Пока разберутся, что это действуют не кубинские контрреволюционеры, а вооруженные силы США, дело уже будет сделано. Возможны различные варианты.

Можно было опять использовать контрреволюционеров, но при другой их организации, при другом соотношении сил или

даже прямом вмешательстве США. Тем более что от нас до Кубы 11 тысяч километров, а США от Кубы отстоят в нескольких десятках миль. А если принять во внимание мощную американскую базу на Кубе, то можно сказать, что США уже находятся на Кубе. Они могли организовать вторжение и оттуда. Всегда можно будет объявить: вот, кубинцы напали на военную базу, нарушили договор, и мы должны защищаться, а теперь в порядке самозащиты наказали тех, кто напал на нас. Они не смирятся, обязательно найдут возможность и оправдание для новой агрессии. Всегда прав тот, кто силен. Иди потом, разбирайся, кто прав, а кто виноват, когда уже Кубы не будет, Фиделя не будет, а сядет в Гаване какой-то новый Батиста, который начнет разговаривать со всем миром от имени кубинского народа. Каждому мало-мальски опытному человеку будет ясно, что это ложь и клевета. Но дело-то сделано, и судить некого. А главное, что некому судить, пока империализм в целом еще сохранился. Судить, собственно, будет и некому, потому что судит ООН. А где этот суд ООН? Мы уже знали много примеров, как судят в ООН США и какой результат от такого суда. Остается моральный суд. Но, когда вопрос решается оружием, мораль отбрасывается.

Надо было что-то предпринять, чтобы обезопасить Кубу. Но как? Какими-то вооруженными силами с нашей стороны? Или какими-либо заявлениями, которые мы можем сделать в виде ноты или предупреждений ТАСС? Все это не очень-то подействует на американских агрессоров, не произведет на них даже впечатления, если они не увидят за этими предупреждениями реальной силы и каких-то реальных акций. Подобные действия иной раз приносят даже вред. Об этом хорошо сказано в давнем рассказе: пастухи предупреждали для профилактики — вон волк, волк, волк, а волка-то и не было, когда же волк взаправду напал, опять закричали — волк, волк! Однако уже никто не обратил внимания, и волк сделал свое дело¹⁷.

Таков теперь «классический» китайский способ действий. После тысячи строгих предупреждений¹⁸, которые они сделали американцам, как говорится, американский Васька слушает, да ест. Такой метод был опасным раньше и остается опасным сейчас. Мы предусматривали такую опасность и считали, что подобным способом надо пользоваться только в меру. Если предупреждаешь, то продумай, что ты можешь реально сделать, коль скоро предупреждения не возымеют действия. Если предупреждать впустую, то приучишь противника, что ты болтун, делаешь пустые заявления, за которыми никаких реальных акций не следует, поэто-

му не следует и обращать на них внимания. Следовало поэтому предпринять что-то реальное. Должен признаться, что меня очень занимала эта проблема.

Потеря революционной Кубы, которая первой из латиноамериканских стран, ограбленных США, встала на революционный путь, понизит у народов других стран волю к революционной борьбе. Наоборот, сохранение революционной Кубы, которая идет по пути строительства социализма, в случае успешного развития ее в этом направлении и повышения жизненного уровня кубинского народа до такой степени, чтобы он стал как бы проектором, желанным маяком для всех обездоленных и ограбленных народов латиноамериканских стран, оказалось бы в интересах марксистско-ленинского учения. Это соответствовало стремлению народов СССР освободить мир от капиталистического рабства для перестройки общественной жизни на марксистско-ленинских, социалистических, коммунистических началах. Но как это сделать, имея в виду территориальное расположение нашей страны, удаленность Кубы от нас, близость Кубы к США и наличие к тому же на территории Кубы военной базы США? Сложилась тяжелая ситуация. США всегда рассматривали Кубу как свой штат, только юридически не оформленный таковым. Кубинский диктатор Батиста был подставным лицом и выполнял волю США: он сам грабил свой народ и давал возможность грабить его империалистам США. США были убеждены в незыблемости своей власти на Кубе. Они считали, что правительства могут там меняться, но реальная власть, власть американских монополий, всегда сохранится.

Как-то в дружеской беседе я сказал Фиделю: «Вы ведь победили потому, что тут получился первый такой случай среди латиноамериканских стран». Обычно у них один диктатор уступает место другому диктатору, который приходит к власти любыми доступными средствами, в том числе военными. США при этом сохраняют нейтралитет, занимают позицию невмешательства. Всем известно, на чем это невмешательство основано. Одно имя уже использовано империалистами США, они уже пограбили Кубу и дали Батисте возможность грабить и нажить себе капитал. Потом диктатор уходит, потому что изжил себя и далее нетерпим. Его выгоняет другой, который поднимает восстание и приходит к власти, а США при этом не страдают. Был прежде Батиста, пусть теперь будет на Кубе другой, к примеру, Кастро. Главное, чтобы положение США было сохранено на Кубе. Они так и считали.

Если бы они допускали, что с изгнанием Батисты, с разгромом

его войск Фиделем Кастро они потеряют Кубу, лишатся своих капиталов и Куба перейдет на позиции социалистического строительства, то очень мало потребовалось бы средств со стороны США, чтобы помочь Батисте и не допустить его разгрома. Они имели эту возможность. Во-первых, сам Батиста обладал войсками и вооружением лучшим, чем Фидель. У него были и танки, и авиация, и артиллерия. Что, народ его не поддержал? США могли найти достаточное количество наемных лиц, которых можно было бы послать на Кубу в виде кубинских танкистов, летчиков и даже простой пехоты, чтобы поддержать Батисту и не допустить его свержения. И США сделали бы это. Но они думали, что здесь налицо просто смена имен, а социально-политическое положение, установившееся на Кубе, неизбежно, как и в других латиноамериканских странах, в которых господствует американский капитал и где правительства прямо или косвенно служат США и прикрывают грабеж своих стран американскими монополиями.

Когда я это высказал Фиделю Кастро, он запротестовал: «Нет! Нет! Нет! Мы разбили бы их». Я сказал: «Давайте на этот счет не будем вести дискуссию, останемся каждый при своем мнении». Ведь за примерами недалеко ходить: панамский кризис, интервенция в Доминиканской республике и пр.¹⁹ Там тоже для прогрессивных сил сложились очень благоприятные условия. Но американцы бесцеремонно высадили свои войска, когда местные правители уже не могли справиться, и нашли даже какие-то юридические оправдания для себя. Я уже не говорю о Бразилии. Можно упомянуть и Венесуэлу, и Гватемалу. Таких примеров очень много. Поэтому надо было ожидать, что агрессивные силы США сделают вывод из урока, который они получили. А им нанес, если не военный, так моральный удар, нанес пощечину Фидель, разгромив контрреволюционные силы, которые были высажены на Кубе. Тут был нанесен и военный ущерб США, потому что все догадывались, что США вооружали эти силы.

Я был уверен, что новая высадка неотвратима, что это лишь вопрос времени и что в очень недалеком будущем американцы повторят ее. Зачем им терять много времени? Надо действовать под шумок, пока еще не улеглось возбуждение общественного мнения, подогретого вторжением контрреволюционеров.

В 1962 г. я возглавлял делегацию Советского Союза, которая ездила в Болгарию по приглашению болгарских ЦК Компартии и правительства. Там проходили хорошие, дружеские беседы, встречи с народом. Какие еще могли быть встречи в Болгарии? Я и не знаю, что вообще может быть теплее, искреннее, чем эти

встречи. Нас с Болгарией связывает давняя история. Она берет свое начало еще в те времена, когда турки оккупировали Болгарию. Наша дружба хорошо описана, в частности, у Тургенева. Помните его героя Инсарова²⁰? Болгарина, который жил и учился в России, а потом уехал бороться за свободу своей родины? Очень хорошо написано. Каждый, кто следит за общественной жизнью Восточной Европы и нашими отношениями с болгарями, сам все это видит и чувствует. А те из нас, кто побывал в Болгарии и встречался с болгарским народом, особенно в деревнях, хорошо это знают лично. С руководителями Болгарии, Живковым²¹ и другими членами Политбюро и правительства, разговоры велись откровенные, прямые, без всяких там задних мыслей. Каждый определял сразу свою позицию, и этот наш взаимный обмен мнениями выливался в единое понимание дела. Думаю, что такое же положение вещей существует и сейчас.

Ездил я по Болгарии, а мой мозг неотвязно сверлила мысль: «Что будет с Кубой? Кубу мы потеряем!». Это был бы большой удар по марксистско-ленинскому учению, и это отбросит нас от латиноамериканских стран, понизит наш престиж. И как на нас потом будут смотреть? Советский Союз — такая мощная держава, а ничего не смог сделать, кроме пустых заявлений, кроме протестов и вынесения вопроса на обсуждение ООН, как это случается. На все такие протесты, которыми пользуются в подобных случаях, США и другие империалистические страны почти не обращают внимания. Идет, конечно, дуэль через печать, через радио и потом кончается, все стирается временем и остается так, как сделал агрессор. Это для меня было совершенно ясно.

Надо было что-то придумать. Что? Очень сложно найти вот это что-то, что можно было противопоставить США. Естественно, сразу напрашивалось такое решение: США окружили Советский Союз своими базами, расположили вокруг нас ракеты. Мы знали, что ракетные войска США стоят в Турции и Италии, а про Западную Германию и говорить нечего! Мы допускали, что, возможно, есть они и в других странах. Они нас окружили военно-воздушными базами, и их самолеты находятся на расстоянии радиуса действия от наших жизненных промышленных и государственных центров. А самолеты эти вооружены атомными бомбами. Нельзя ли противопоставить им то же самое? Однако все это не так просто!

Я как Председатель Совета Министров СССР и Первый секретарь ЦК партии должен был так решить вопрос, чтобы не вползти в войну. Ума-то никакого особого не требуется, чтобы начать вой-

ну. Требуется больше ума кончить ее. Дураки легко начинают войну, а потом и умные не знают, что делать. Существовала и другая трудность. Очень просто поддаться крикам со стороны США и перейти на словесную дуэль, которая в вопросах классовой борьбы мало чего стоит.

А когда Даллес объявил свою политику скалывания, то есть постепенного отрыва страны за страной от социалистического лагеря или же стран, которые находятся с нами в дружеских отношениях, то он нацелился подчинять их своему влиянию. Но так как капиталистическая идеология не является сейчас уже особо привлекательной для большинства народов, то здесь больше всего Даллес рассчитывал именно на силу, на военную силу. И я подумал: а что, если мы, договорившись с правительством Кубы, тоже поставим там свои ракеты с атомными зарядами, но скрытно, чтобы от США это было сохранено в тайне? Надо будет поговорить с Фиделем Кастро, обсудить нашу тактику и цели, которые мы преследуем. Когда все будет обговорено, можно начинать такую операцию. Я пришел к выводу, что если мы все сделаем тайно и если американцы узнают про это, когда ракеты уже будут стоять на месте, готовыми к бою, то перед тем, как принять решение ликвидировать их военными средствами, они должны будут призадуматься.

Эти средства могут быть уничтожены США, но не все. Достаточно четверти, даже одной десятой того, что было бы поставлено, чтобы бросить на Нью-Йорк одну-две ядерные ракеты, и там мало что останется. Атомная бомба, сброшенная США на Хиросиму, имела мощность в 20 тысяч т взрывчатки. А нашу бомбу в миллион тонн еще никто не проверил на себе. Но по нашим испытаниям было известно, что разрушения производятся колоссальные. Я не говорю, что все бы там погибли. Нет, не все бы погибли, но трудно сказать, сколько не погибло бы. Одним словом, ученые и военные, которые имеют отношение к атомному оружию, хорошо себе все это представляют. Думалось, что это сможет удержать США от военных действий. Если бы сложилось так, то было бы неплохо: получилось бы в какой-то степени «равновесие страха», как Запад это сформулировал.

Они окружили нас военными базами и держат под возможностью ударов нашу страну. А тут американцы сами бы испытали, что означает такое положение. Мы-то уже привыкли к этому. Мы за последние полвека провели на своей земле три большие войны: первую мировую, гражданскую и вторую мировую, а США войн на своей территории давно не имели. Они во многих войнах

участвовали, но при этом обогащались, затрачивая минимальное количество крови своих людей, а наживали миллиарды и грабили весь мир... Я ходил, думал, и все это постепенно созревало во мне. Никому я свои мысли не высказывал, потому что это было мое личное мнение, мои душевные страдания. Я тогда просто ни с кем не мог поделиться ими. В Болгарии с Живковым я поделиться ими тоже не мог, потому что я со своими товарищами по партии еще ничего не обсуждал. Как же я могу обмениваться мнениями даже с самой дружеской страной и дружеским руководством, не обговоривши у себя и не заручившись согласием своих товарищей по Центральному Комитету КПСС и правительству?

Когда я вернулся в Советский Союз, то продолжал обдумывать этот вопрос. Потом мы собрали заседание, и я сказал на нем, что хотел бы изложить свои взгляды по вопросу о Кубе, и произнес то, что обдумал. Сказал, что иначе Куба будет разгромлена, что нельзя надеяться на то, что во второй раз вторжение будет организовано так же плохо. Фидель Кастро уже не сможет добиться победы, ибо опыт разгрома десанта Фиделем будет учтен, и поэтому сразу будет брошено туда большее количество оружия и людей, и не в одной точке. Остров Куба растянулся на значительно больше тысячи километров, а в поперечнике имеет в отдельных местах лишь около 50 километров. Поэтому Куба очень уязвима для морских десантов. США, которые имеют огромный воздушный и морской флот, ничего не стоит организовать высадку десанта в любой точке и таким образом заставить рассредоточить оборонительные силы Кубы, сделав их фактически неэффективными. И вообще для армии США разбить армию Кубы больших трудностей не составит.

Товарищи меня слушали. А я сразу же, как закончил изложение своей точки зрения, сказал: «Давайте сейчас этого не решать. Я только высказал вам свои соображения. Вы не подготовлены к решению такого вопроса, должны все обдумать. И я тоже еще подумаю с тем, чтобы через неделю нам снова собраться и еще раз все обсудить. Мы должны очень хорошо все взвесить. Я считаю своим долгом предупредить, что эта акция повлечет за собой много неизвестного и непредвиденного. Мы, конечно, хотим сделать все, чтобы обезопасить Кубу и чтобы Кубу не раздавили. Но мы можем втянуться в войну. Это тоже надо иметь в виду. Если, к примеру, Куба будет ликвидирована как социалистическая страна, а Советский Союз останется, то народ Кубы через какое-то время опять нарастит свои силы и она вновь будет свободной, станет социалистической. Конечно, если Куба будет сейчас раз-

бита, то такая историческая возможность отодвинется надолго не только для Кубы, но и для других латиноамериканских стран. Но еще хуже, если Советский Союз потерпит поражение, будет разрушен, опять должен будет восстанавливаться. Это нанесет куда больший ущерб международному коммунистическому движению, чем потеря одной Кубы.

Нам надо так сделать, чтобы сохранить свою страну, не допустить войны, но и не допустить, чтобы Куба была разгромлена войсками США. Нужно добиться, чтобы сохранилось то положение, которое существует сейчас, и способствовать дальнейшему его развитию в сторону укрепления и развития социалистического строительства на Кубе. Нужно сделать Кубу факелом, притягательным магнитом для всех обездоленных народов латиноамериканских стран, которые ведут борьбу против эксплуатации их американскими монополиями. Подогревающий огонь социализма со стороны Кубы будет ускорять процесс борьбы этих стран за независимость».

Прошла неделя. И я опять поставил этот вопрос. Спрашиваю: «Ну, как, товарищи, подумали?» — «Да, подумали». «Ну, и как?» Первым слово взял товарищ Куусинен²². Он сказал: «Товарищ Хрущев, я думаю так. Если вы вносите теперь такое предложение и считаете, что нужно принять такое решение, то я вам верю и я голосую вместе с вами. Давайте делать дело». Мне, с одной стороны было лестно слышать это, а с другой — и слишком тяжело. Его ответ возлагал всю ответственность на меня, но я очень уважал Куусинена, знал его честность и искренность и поэтому похорошему воспринял его слова. Товарищ Микоян выступил с оговорками. В таких вопросах без оговорок, конечно, нельзя. Но его оговорки заключались в том, что мы решаемся на опасный шаг. Однако это я и сам сразу высказал. Я даже так заявил, что этот шаг, если грубо сформулировать, стоит на грани авантюры. Авантюризм заключается в том, что мы, желая спасти Кубу, сами можем ввязаться в тяжелейшую, невиданнейшую ракетно-ядерную войну. Этого надо всеми силами избежать, а сознательный вызов такой войны есть действительно авантюризм.

Я-то был против войны. Но если жить только под давлением боязни и в том смысле, что всякая наша акция в защиту себя или в защиту наших друзей вызовет ракетно-ядерную войну, — это, следовательно, означает парализовать себя страхом. В таком случае война возникнет наверняка. Враг сразу почувствует, что ты боишься, если он придет с войной. Или же ты без войны станешь уступать постепенно свои позиции и дашь возможность врагу достичь его

целей. Или же ты своей боязнью и уступчивостью так разохотишь врага, что он потеряет всякую осторожность и уже не будет чувствовать той грани, за которой война станет неизбежной.

Такая проблема стояла раньше и стоит сейчас. Надо не желать войны и делать все, чтобы не допустить войны, — но не бояться войны. Если создается невыгодная ситуация, то ты должен отступить. Однако если отступление есть начало конца твоего сопротивления, так лучше уж рискнуть. На миру и смерть красна! Попытаться сокрушить своего врага, а если война будет навязана им, сделать все, чтобы выжить в такой войне и добиться победы. Вот, собственно, как мы все понимали сложившуюся ситуацию. Я и сейчас много об этом думал. Я вот уже сколько лет нахожусь на положении неработающего пенсионера: особых дел у меня нет, в настоящем и будущем у меня особых вопросов не возникнет, поэтому я и живу анализом пройденного пути. А путь, пройденный мною, хороший, и я его не только не стыжусь, а горжусь им.

Карибский кризис является украшением нашей внешней политики, в том числе моей как члена того коллектива, который проводил эту политику и добился блестящего успеха для Кубы, не сделав ни единого выстрела.

Как далее развивался кризис, когда мы приняли решение о том, что целесообразно поставить ракеты с атомными зарядами на территории Кубы и таким образом поставить США перед фактом, что если они решатся вторгнуться на Кубу, то Куба будет иметь возможность нанести сокрушительный ответный удар? Это был бы, конечно, не разгром США. Но им были бы нанесены очень большие разрушения. Отсюда мы сделали вывод, что эта перспектива удержит власть имущих в США от вторжения на Кубу. К такому выводу все мы пришли после двукратного или трехкратного обсуждения моего предложения. Я предлагал не форсировать это решение, чтобы оно выкристаллизовалось в сознании каждого и каждый бы, понимая его последствия, знал, что оно может привести нас к войне с США. Решение было принято единодушно.

Разработка операции была поручена товарищу Малиновскому, к этому делу был допущен узкий круг людей. Подсчитали мы наши ресурсы и пришли к выводу, что можем послать туда ракеты с миллионным по мощности зарядом каждая. Дальность полета этих ракет была, по-моему, у большинства из них две тысячи километров, а 4 или 5 ракет могли лететь и четыре тысячи километров. Были выбраны точки размещения стартовых позиций; примерились, с какой точки могут быть поражены какие объекты. То

есть была проведена проработка использования ракет в целях нанесения максимального урона противнику. Получалось грозное оружие, очень грозное! Но этого было мало.

Мы считали, что если уж ракеты ставить, то их следует охранять, защищать. Для этого нужна пехота. Поэтому решили послать туда также пехоту, что-то около нескольких тысяч человек. Кроме того, были необходимы зенитные средства. Потом решили, что нужны еще и танки, и артиллерия для защиты ракет в случае высадки врагом десанта. Мы решили направить туда зенитные ракеты класса «земля — воздух», хорошие ракеты по тому времени. У нас имелись зенитные ракеты разных калибров и образцов. Первые из них уже устарели, и мы решили послать самые последние модели, которые были запущены в производство и поступали на вооружение Советской Армии.

Естественно, с этим оружием мы посылали туда и свой командный состав, и службу. Мы не могли привлекать кубинцев к этому делу потому, что они еще не были подготовлены к эксплуатации ракет. Потребовалось бы большое время, пока они подготовятся. Кроме того, на первых порах мы хотели сохранить абсолютную секретность и считали, что чем больше людей привлекается, тем больше возможность утечки информации. В результате набиралось несколько десятков тысяч человек наших войск. Для управления ими надо было создать штаб. Малиновский как министр обороны предложил утвердить руководителем генерала армии Плиева²³, осетина по национальности. Вызвали генерала Плиева, и я с ним побеседовал. Он был человек уже в летах, больной, но знающий свое дело. Прошел Отечественную войну, да, по-моему, и в гражданской войне поучаствовал. Я его более или менее знал по второй мировой войне в качестве командира кавалерийского корпуса. Умный человек. Плиев сказал, что если будет утвержден, то посчитает для себя за честь поехать на Кубу и выполнить задание, которое на него возлагается.

Когда точно подсчитали, что необходимо перебросить на Кубу, было дано задание подумать, какое количество кораблей понадобится, чтобы в максимально короткое время перевезти всю эту технику. Это было поручено работникам армейского и флотского тыла в Министерстве обороны и Министерстве морского флота. Они должны были обеспечить выполнение операции. Затем мы решили направить на Кубу нашу военную делегацию. Основная ее задача — проинформировать Фиделя о наших предложениях и заручиться его согласием. При наличии его согласия наши люди должны были осмотреть местность, выбрать точки для располо-

жения ракет и изучить места расположения остальных войск. Одним словом, машина завертелась.

Больше всего нас беспокоило, чтобы наша операция не была раньше времени раскрыта с воздуха. Американцы непрерывно летали над Кубой. А Кубу можно разведывать не только прямыми полетами, но и летать параллельно берегу над нейтральными водами, делая снимки почти всей территории острова. Куба ведь длинная и узкая, поэтому можно так летать и фотографировать ее. Американцы проводили наглую политику, бесцеремонно вторгаясь на территорию соседей, да и не только соседей. Они летали там, где считали это выгодным для обороны США, игнорируя суверенитет соседних стран. Нас интересовало, насколько можно сохранить секретность в таких условиях? Разработали план: что надо сделать, чтобы не допустить преждевременного выявления с воздуха наших замыслов.

Послали туда для переговоров Маршала Советского Союза Бирюзова²⁴. С ним я познакомился еще под Сталинградом, когда к нам после окружения войск Паулюса прибыла в подкрепление 2-я Гвардейская армия, чтобы организовать должное сопротивление, если Гитлером будут посланы войска на выручку Паулюса. Эту армию мы тогда поставили на юге, и правильно сделали. Гитлер как раз с юго-запада и двинул туда группу войск под командованием Манштейна. Основной нашей силой на том участке фронта была как раз 2-я Гвардейская армия. Она приняла на себя основной удар врага и нанесла сокрушительный контрудар Манштейну. Гитлер вынужден был вернуть Манштейна назад, тем самым Паулюс был обречен на гибель. Вот там-то я и познакомился с Бирюзовым, который являлся начальником штаба 2-й Гвардейской армии. Потом он стал начальником штаба Южного фронта, когда я был там членом Военного совета, а Малиновский — командующим войсками. Одним словом, Бирюзова я знал и высоко ценил.

Когда мы договорились о необходимости установки ракет с ядерными головками на острове Куба и заручились согласием Фиделя Кастро, то послали, как я уже сказал, туда военных для продолжения переговоров с Фиделем и для изучения на местности возможностей расположения ракетного вооружения. Мы хотели скрытно поставить ракеты, чтобы США через свою агентуру и воздушную разведку не смогли их обнаружить. Это было очень важное обстоятельство. То есть мы хотели сосредоточить ракеты на Кубе тайно от США. Нужно было, чтобы США не смогли упредить нас и высадить прежде того свой десант под американским

флагом или флагом кубинских контрреволюционеров. Форма не имела значения, нас интересовала суть: чтобы Куба оставалась при своих революционных завоеваниях и чтобы стала флагманом социалистических стран на Американском континенте, вела бы свое развитие под марксистско-ленинским знаменем. Вот наше желание.

Итак, мы послали туда Бирюзова с соответствующим штатом штабных работников ракетных войск, чтобы они смогли оценить, как лучше расположить ракеты. Они приехали оттуда и доложили нам, что, по их мнению, размещение ракет можно скрыть. Тут проявились невысокие качества этих разведчиков: они наивно считали, что пальмы будут маскировать установку ракет. Дело в том, что мы имели в виду установку ракет только в наземном варианте. Чтобы сделать для них шахты и лучше замаскировать, а самое главное — повысить их устойчивость в боевом отношении, чтобы взрыв бомбы вблизи поставленной ракеты не разрушил бы ее, такого мы, конечно, и в мыслях не имели. Для этого требовалось большое время, а времени у нас не было. Поэтому решили провести работу в два этапа. Сначала поставить ракеты в наземном варианте. Это — простая вещь, потому что все оборудование уже было изготовлено. Надо было только перевезти ракеты и средства установки, а там их, буквально за несколько дней, можно будет поставить. Даже сами ракетные команды могли это сделать.

И вот привезли посланцы такие ободряющие впечатления, что тогда же мы приняли решение о реализации замысла. Большую работу возложили на министра морского флота. Он блестяще справился с этой задачей. Нужно было мобилизовать флот, и только собственный, советский флот. У нас имелись обязательства, как внутренние, так и договорные, по торговым соглашениям о перевозке грузов. Нужно было помимо этого выделить флот, который обеспечил бы своевременную перевозку ракет. Установили сроки (сейчас не помню, какие), то были максимально короткие сроки. Следовало договориться и с иностранными судовладельцами, чтобы частично зафрахтовать их корабли для перевозки наших обычных грузов. В общем, сложная работа, и эта работа была блестяще выполнена. Все мы заслуженно хвалили за нее министра морского флота²⁵.

Наши грузы потекли на Кубу. Корабли шли без военно-морского сопровождения. Все размещалось на тех же кораблях. Когда грузили ракеты, то грузилась и команда в штатском, никто в военной форме туда нами не посылался. Еще раньше мы по-

слали на Кубу войска, которые должны были охранять ракеты, когда они будут поставлены. Эти войска встречали грузы и разгружали их в особых портах, в которые не допускали никаких посторонних глаз. Там должны были находиться только глаза советских людей. Мы об этом заранее договорились с Кастро, потому что боялись, что среди кубинцев существует много ненадежных людей. В обычных портах, где скапливается много народа, американские разведчики, безусловно, наблюдают за приходящими грузами. Поэтому первый же корабль был бы засечен и было бы расшифровано, какие прибыли грузы. Мы этого не хотели, и все делалось нашими людьми. Установка ракет на месте проводилась тоже нашими людьми. Охрана в районах, где устанавливались ракеты, тоже состояла из наших людей. Одним словом, максимально хотели обезопасить себя от утечки информации, чтобы она не стала достоянием американской разведки.

По-моему, на первом этапе мы с поставленной задачей справились. США не знали, что мы завозим на Кубу ракеты²⁶. Потом это стало трудно скрывать. Регулярно потянулись гуськом корабль за кораблем, и эти корабли не заходили в обычные порты, разгружались скрытно. Естественно, разведка должна была сразу же засечь ненормальные явления с транспортировкой и разгрузкой грузов. Если такая секретность соблюдается, следовательно, тут какие-то особо секретные, военные грузы. Американцы стали усиленно работать, чтобы выяснить, какие это грузы. Когда ракеты встали на место, уже не представляло особой трудности узнать, что там были за грузы. Когда мы получили снимки с воздуха, которые были опубликованы американской печатью, то явно было видно, что стоят ракеты класса «земля — земля», то есть для удара с Кубы по США. Американцы правильно расшифровали их. Пресловутые пальмы ничего не прикрыли, и наши «разведчики» постыдно оскандалились.

Кроме того, на Кубу приехало довольно много войск. Хотя эти войска и не появлялись в населенных пунктах, но все же налицо люди, и в населенной местности. Куба ведь не пустыня, не джунгли, а обжитой остров. Видимо, присутствие наших войск не было секретом для населения Кубы, и это тоже демаскировало нашу работу. Но самое главное, поток кораблей. Кроме ракет мы послали туда довольно значительное количество танков, ракеты класса «земля — воздух» и для усиления ракетной техники самолеты Ил-28. То были старые бомбардировщики. Мы уже давно сняли их с производства и постепенно снимали с вооружения. Они счита-

лись нами непригодными. Но мы считали, что в условиях Кубы, в условиях простой обороны, они смогут сыграть свою роль. Их можно использовать для береговой охраны. Эти самолеты обладали довольно большой скоростью, что-то около 900 километров в час, и несли приличную бомбовую нагрузку. Одним словом, в целом то были хорошие самолеты. Но мы их туда послали немного, лишь несколько штук.

Мы послали туда также катера, вооруженные ракетами, тоже сильное оружие. Потом ракеты береговой охраны. Фактически береговую артиллерию, но более сильную, более прицельную, поражающую цель с одного выстрела: ракеты класса «земля — корабль». С ними тоже прибыли наши команды. Естественно, на Кубе скопилось большое количество наших людей. Очень сложно было переправить атомные заряды. Они шли не вместе с ракетами, потому что атомные заряды, как заявили нам атомщики, нуждаются в особых условиях транспортировки. Мы их отправили на последнем этапе операции. Наш замысел был уже раскрыт, и мы боялись, не проявит ли дерзости военно-морской флот США, не сможет ли он остановить наши корабли и разоблачить нас? Мы даже думали сопровождать корабли, перевозящие атомные заряды, подводными лодками, но все же в конце концов от этого отказались: посчитали, что корабли пойдут под нашим флагом, а этот флаг гарантирует их неприкосновенность. Действительно, такую неприкосновенность американцы соблюдали все время. Но в тот день, когда атмосфера накалилась донельзя, я каждый час ожидал, что они захватят корабли. Не захватили. Иногда говорят, что сначала нужно было установить зенитные ракеты, закрыть воздушное пространство Кубы, а затем ввезти баллистические ракеты. Это бессмысленно. Сколько нужно ракет «земля — воздух», чтобы прикрыть тысячекилометровый остров, вытянутый колбасой? На это сил не хватит. Потом выпалишь, и все снова открыто. «Земля — воздух» — ракеты, которые для ПВО хороши, но у них очень маленький радиус действия. Можно подходить с моря и стрелять по этим батареям (я уж не говорю — с воздуха). Это ничего не давало.

Когда американцы разгадали наш замысел и узнали, что мы устанавливаем ракетную технику на Кубе, поднялся невероятный шум в печати. Сразу подняла шум республиканская печать, заговорили деятели республиканской партии, потом к ним присоединились демократы. Они стали требовать от своего правительства решительных действий, чтобы не допустить установки ракетно-ядерного оружия на Кубе, дабы русские не угрожали США с Кубы.

Приводились и прочие аргументы. Я не буду их сейчас повторять, потому что для этого я должен был бы вернуться к печати того времени, а я такой возможности не имею. Накал дискуссии был очень высокий. Нас запугивали, что США не потерпят этого и будут вынуждены вмешаться, применить оружие и использовать свое военное превосходство в сравнении с Кубой.

Надо иметь в виду, что мы были очень уязвимы на Кубе в военном отношении, особенно в то время. Флот у нас был тогда еще не такой, как сейчас. Мы тогда почти не имели подводных лодок с атомными двигателями, да и вообще 11 тысяч километров удаления — это такое расстояние, с которым надо считаться. Кроме того, подплыв наших подводных лодок к острову Куба, как нам докладывали, затруднен. Там множество островов, подводных мелей, рифов, где подводным лодкам трудно проходить. Им надо было плыть в довольно узком пространстве, так что американцы могли, имея сильный надводный и подводный флот, хорошо организовать контроль. Это не такое простое дело, вести военное сражение против США у берегов Кубы. Да мы, собственно говоря, никогда этой цели и не ставили, потому что такая цель просто была чужда нам. Ведь цель установки ракет с ядерным оружием, как я уже говорил, заключалась не в нападении на США, а исключительно ради обороны Кубы. Мы хотели, чтобы США не напали на Кубу, вот и все.

Но политические деятели США, конечно, могли допустить, что мы имеем и крайне агрессивные цели непосредственно в отношении США. А самое главное, им было выгодно вытеснить нас с Кубы. То, что они давно уже сделали в отношении Советского Союза, окружив нас своими военными базами, вооружив их ракетной техникой и построив аэродромы, этого они не принимали во внимание. Империалисты Америки считали, что тут все в порядке вещей, что это их право защищаться от Советского Союза при своем удалении от него в тысячи километров. Но здесь — Куба, буквально у них под носом. И они как бы лишали ее права иметь защиту. Вот их мораль.

Всякая мораль только тогда учитывается империалистической буржуазией, империалистическим лагерем и лишь тогда они придерживаются морали, если мораль подкрепляется силой, возможностью противостоять. Если такой силы нет, то мораль не принимается во внимание. Американцы опирались не на мораль и не искали аналогий в оправдание своих акций. Они это делали и продолжают делать сейчас, но сами никогда за свою историю не переживали подобного, страшно были взволнованы и напуганы.

Поэтому они использовали все средства для того, чтобы ликвидировать наши ракеты и устранить угрозу, которую эти ракеты представляли. Причем довольно серьезную угрозу.

Американцы предупредили нас в неофициальном порядке через каналы, которые у нас тогда имелись с президентом Кеннеди и его доверенными людьми, что они знают, что мы устанавливаем на Кубе ракеты. Естественно, мы все отрицали. Могут сказать, что это — вероломство. К сожалению, в наше время данная форма дипломатии сохраняется, и мы ничего нового тут не выдумали, а только воспользовались теми же средствами, которыми пользуется противник в отношении нас. Они же нас не предупреждали, что ставят свои ракеты в Турции, что поставили ракеты в Италии и в других странах — членах НАТО. Они отрицали, что ведут против нас разведывательную работу и посылают свои самолеты на нашу территорию.

Когда мы даже сбили один из них, то они и в этих условиях сперва отрицали, что их самолеты летают над нашей территорией. И только когда мы предъявили вещественное доказательство — летчика Пауэрса²⁷ — и приперли их к стенке, им нечего было сказать, и они вынуждены были признаться. В своем признании они тоже наделали невероятные глупости, усложнили собственную политику. В умах здравомыслящих людей, хотя и буржуазного толка, не укладывалось, как это в мирное время, когда имеются нормальные дипломатические отношения, одна страна явочным порядком заявила о своем праве вести открытую разведку территории другой страны, потому что это служит ее интересам. Именно с таким глупым заявлением выступил президент США Эйзенхауэр, когда мы сообщили, что захватили в плен летчика сбитого американского самолета.

Развернулась большая дуэль посредством печати. Печать США и наша публиковали всяческие заявления и прочее. Этот кризис как раз совпал со временем заседания Генеральной Ассамблеи ООН. Товарищ Громыко, который находился в США, был приглашен государственным секретарем США Раском, и у них состоялась соответствующая беседа. В том не было ничего необычного. Всегда, когда Громыко бывал на заседаниях Генеральной Ассамблеи, он встречался для бесед с Раском или, ранее, с его предшественниками. Мне потом Громыко докладывал: «Беседа была любезной, но Раск спрашивал: «Наши военные приводят нам данные, доказывающие, что вы ставите на Кубе ракеты. Учтите, что мы не можем вынести это. Создается такое внутреннее положение, мимо которого наш президент не сможет пройти. Здесь скла-

дывается опасная ситуация, и поэтому мы хотели бы, чтобы вы ушли с Кубы».

То было не злобное предупреждение, а в какой-то мере просьба не создавать столь острой ситуации. Потом был обед. За обедом изрядно выпили. Дин Раск во время обеда продолжал крутиться вокруг этой темы. Он допускал такие выражения, что они, дескать, на все пойдут и ни перед чем не остановятся; что у них просто нет другого выхода, и они просят нас все учесть, оценить соответственно ситуацию и принять меры со своей стороны, чтобы не допустить рокового столкновения, которое может состояться, если окажется, что на Кубе действительно установлены ракеты, в чем они убеждены. Ну, тут шла обычная перепалка, когда и тот, и другой собеседник знают, о чем говорят, но каждый отстаивает свою точку зрения, ищет моральное и юридическое оправдание своим действиям.

У нас юридических и моральных оснований имелось больше, чем у Раска, в этом не было сомнения. Ведь в то время уже давно стояли американские ракеты с ядерными зарядами и в Турции, и в Италии. Раск понимал это, но усматривал разницу в другом, хотя прямо и не говорил об этом. Он намекал: «Вы-то уже привыкли жить в окружении наших ракет, а мы только что с этим встретились и поэтому получили такой шок. И пока мы не можем выйти из него». Громыко, конечно, все отрицал. На то он и дипломат.

Обо всем этом Громыко доложил нам. Но мы продолжали завершать транспортировку и установку вооружения, продолжали делать свое дело. Тут американцы начали демонстрировать силу. Они сконцентрировали войска у границ Кубы, открыто мобилизовали резервы, причем довольно солидные резервы. Стали концентрировать авиацию у берегов Кубы, стягивать туда военноморской флот, наращивать различные военные силы, угрожая нам параллельно все время через печать. А мы продолжали свое дело. Продолжали, основываясь на следующем: во-первых, одно дело — угрожать, другое дело — воевать. Потом, с точки зрения морального и юридического права, они обвинить нас не могли: мы ничего не сделали большего, чем сделали США. Здесь — равные права и равные возможности.

В иностранной печати ощущался большой накал, мы соответственно отвечали, но не так истерично. Истерический же тон был присущ американской печати, и его поддерживали союзники по НАТО. Мы довольно широко информировали свою общественность, хотя и считались с тем, что, конечно, перспектива столкновения вызывала тревогу у нашего народа.

Особенно острый этап кризиса длился шесть-семь дней. Чтобы как-то смягчить обстановку, я предложил членам советского руководства: «Сходим, товарищи, в Большой театр. Сейчас в мире напряженная обстановка, а мы появимся в театре. Наш народ и иностранцы будут это видеть, и это станет действовать успокаивающе. Если Хрущев и другие лидеры сидят в театре в такое время, то можно спокойно спать». Но сами-то мы очень тогда беспокоились. Не требуется большого ума, чтобы начать войну. Мы не хотели войны, не хотели сами иметь жертвы и не хотели наносить потери Америке. А если начнется война? Тогда, как говорится, попал в драку, не жалея волос. Поэтому я тогда одну самую тревожную ночь провел даже в Кремле.

Шел непрерывный обмен письмами с президентом Кеннеди, и я провел ночь в помещении Совета Министров СССР, ожидая, что могут быть срочно переданы тревожные известия, на которые необходимо немедленно реагировать. Были предупреждены и военные. Мы, насколько возможно, приготовили наши войска. Помоему, сделали даже какие-то заявления относительно усиления нашей боевой готовности. Должен сейчас чистосердечно сказать, что это была только демонстрация в печати, чтобы воздействовать на умы американских агрессоров. Практически же мы ничего серьезного не предприняли, ибо считали, что война не разразится и что мы имеем возможность повлиять на возникший накал, чтобы не допустить войны.

Американские самолеты постоянно облетывали остров. Это с ума сводило Кастро. Кастро отдал приказ открыть огонь, и наши военные сбили ракетой американский разведывательный самолет У-2. Это был второй американский разведчик после Пауэрса, сбитый нашей ракетой.

Поднялся шум. Мы несколько взволновались, что президент может это не переварить. Мы тогда отдали приказ своему командующему выполнять только наши указания, и ничьи другие. На случай вторжения мы приказали ему координировать свои действия по отражению вторжения с кубинской армией.

В то время в США были наши товарищи. Они встречались с разными людьми. Юрий Жуков мне говорил о том, что один знакомый приглашал его расположиться в собственном убежище, если начнется война. Он так и сказал: «Я вам место в моем убежище обеспечу». Вот какой предвоенный психоз был в то время.

Кульминация наступила, когда нам сообщил советский посол в США Добрынин²⁸, что к нему пришел с неофициальным визитом брат президента — Роберт Кеннеди²⁹. Он так описывал его

внешний вид: Роберт выглядел очень усталым, глаза у него — красные-красные, было видно, что он ночь не спал, да и сам он потом сказал об этом. Роберт сообщил Добрынину, что вообще шесть дней не был дома, не видел своих детей и жену, что они с президентом сидят в Белом доме и бьются над вопросом о наших ракетах. И добавил: «У нас напряжение очень сильное, опасность войны велика, прошу передать вашему правительству и лично Хрущеву, чтобы он учел это. Президент готовит обращение через закрытые каналы и очень просит, чтобы Хрущев принял его предложения». Роберт прямо говорил, что положение угрожающее, поэтому президент лично писал это послание.

Роберт заявил также, что президент сам не знает, как выйти из этого положения, а военные оказывают на него сильное давление, настаивая прибегнуть к военной акции в отношении Кубы, и у президента складывается очень сложное положение. Он добавил: «Вы должны учесть особенности нашей государственной системы. Президенту трудно. Даже если он не захочет, не пожелает войны, то помимо его воли может свершиться непоправимое. Поэтому президент просит: помогите нам решить эту задачу». Роберт оставил нашему послу свой телефон и просил звонить в любое время суток. Он очень нервно настаивал и взывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации.

Во время переговоров американцы были во многом откровенны с нами, особенно Роберт Кеннеди. Они считали, что начнется война, а на Кубе наши люди, много наших людей (они преувеличивали количество наших войск на Кубе, но там их было достаточно), и вот прольется кровь русская. На это русские ответят, но не в Америке, а в Германии. Все это пугало правительство США.

К этому времени Америка уже призвала из запаса людей, вывела в океан военно-морской флот, подтянула к своим берегам резервы. Одним словом, все военные приготовления были закончены. Видимо, президент понимал, что он делает. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал: превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как первая мировая или вторая мировая, где некоторые американцы даже не слышали ружейного выстрела. Они не знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов. Они воевали на чужих территориях. А в

этой войне, если она будет развязана, они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерных бомб!

Мы, собственно, добивались того, чтобы Америка встряхнулась и ее руководство почувствовало, что такое война, что она стоит у их порога, что поэтому не надо переходить грань, следует избежать военного столкновения. Вот такая дилемма была поставлена.

Мы изучили документ, направленный нам от президента, и ответили. Я сейчас не имею под рукой материалов и описываю все исключительно по памяти, хотя в памяти суть дела выступает рельефно. Я это пережил и все хорошо помню, потому что от начала и до конца отвечал в первую голову за эту акцию, был ее инициатором и формулировал всю переписку, которую мы вели с президентом. Для меня служит сейчас утешением, что мы в целом поступили правильно и совершили великое революционное дело, не побоялись, не дали себя запугать американскому империализму. Вот уже сколько лет прошло, а мы видим воочию и радуемся, что революционное дело, возглавляемое Фиделем Кастро, живет и развивается. США, взяв обязательство не вторгаться на Кубу сами и не допускать вторжения своих союзников, пока выполнят это обязательство.

Мне хотелось бы здесь вернуться назад и сказать еще несколько слов о драматическом дне, когда принимались самые ответственные решения за весь период Карибского кризиса. В самый разгар событий, после получения доклада Добрынина о визите к нему Роберта Кеннеди, я продиктовал вариант телеграммы президенту Кеннеди, в которой мы выражали готовность пойти на уступки (в смысле вывода наших ракет). Только я продиктовал эту телеграмму, ее отпечатали, и мы должны были обсудить ее в коллективе руководства, чтобы принять текст и отправить ее, как мы получили телеграмму от нашего посла, в которой он передавал послание нам Кастро. Фидель сообщал, что, по достоверным сведениям, полученным им, США вторгнутся на Кубу через несколько часов.

Нужно сказать, что и мы имели аналогичные сведения: наша разведка сообщила, что подготовлена такая высадка и вторжение неизбежно, если мы не договоримся с президентом Кеннеди. Возможно, эти сведения были подброшены нам американской разведкой. Они ведь часто знают наших разведчиков. Поэтому нередко случается подбрасывание тех данных, которые той или другой стороне хотелось бы довести до сведения противной стороны. Самым главным в сообщении Фиделя было не то, о чем ему

сообщили, а его вывод: он считал, что раз нападение неизбежно, то необходимо упредить его, и предложил, чтобы не дать вывести нашу ракетную технику из строя, немедленно нанести первыми ракетно-ядерный удар по США.

Когда нам это прочитали, мы, сидя в молчании, долго смотрели друг на друга. Тут стало ясно, что Фидель совершенно не понял нашей цели: он полагал (а когда позже я разговаривал с ним, он это подтвердил), что мы ставим там ракеты не в интересах Кубы, а преследуем военные цели именно в интересах Советского Союза и всего социалистического лагеря, то есть хотим использовать территорию Кубы как базу под боком у США, поставить ракеты и нанести по США удар этими ракетами. Верно, конечно, что это — очень хороший плацдарм для внезапного удара ракетами. Но мы-то совершенно не хотели такого удара, вообще не хотели начинать войну. Такой удар — это начало войны, мы же хотели только исключить вторжение на Кубу со стороны США и ликвидацию ими нового общественного строя, который установился на острове после свержения Батисты. Вот что было нашей целью, а вовсе не начало войны. Если бы на Кубу вторглась хорошо вооруженная армия США, а не разрозненные силы кубинских контрреволюционеров, то Фидель не смог бы устоять.

В результате всей переписки, которая велась по официальным и неофициальным каналам, мы пришли к следующему решению и довели его до сведения президента США. Сказали, что выступим публично и будем настаивать на следующем: чтобы избежать конфликта, ставим перед президентом Кеннеди условие, чтобы он принял обязательство не вторгаться на Кубу, если мы выведем оттуда ракеты и другое вооружение, за исключением обычного.

Американцы и не требовали от нас вывода обычного вооружения. Это и невозможно было требовать, потому что мы бы так не сделали. Это президент США понимал. Мы считали, что бомбардировщики Ил-28 — обычное вооружение, и не хотели их вывести. Но потом вынуждены были согласиться с Кеннеди и их вывели тоже, чтобы не дразнить гусей. В сложившейся обстановке они не имели особого значения. Если говорить о боевых заданиях, которые могли выполнять эти бомбардировщики, то наши современные истребители, которые находились на Кубе, могли с успехом заменить их. Здесь не возникло никакой потери в смысле боевых возможностей, а мы демонстрировали свою добрую волю. Мы знали, что президент заручился перед своими военными, что будет непреклонно настаивать на выводе бомбардиров-

щиков и что добьется этого. И мы пошли на уступки и согласились вывести Ил-28 с Кубы.

Американские корабли начали тоже отходить и очистили воды Кубы. Но их самолеты продолжали облеты острова, и это продолжало с ума сводить Фиделя. Когда были опубликованы два послания — наше к Кеннеди и его к нам, в которых говорилось о выводе ракет с Кубы и обязательстве США не допускать вторжения туда как своими вооруженными силами, так и силами их союзников, — Кастро не понял всей глубины дела, которая была заложена в нашей акции, не понял политического маневра. Он даже перестал принимать нашего посла. Когда мы говорили о союзниках США, то имели в виду наемников из латиноамериканских стран. А там имеется много головорезов, которых легко можно завербовать, если США дадут денежные средства и вооружение. Поэтому мы считали, что такое обязательство президент США должен взять лично на себя. Он взял его и опубликовал соответствующее заявление.

Тут сразу началась критика слева, что формулировки Кеннеди недостаточно точны. Печать Китая тотчас же заявила, что это с нашей стороны предательство, трусость, капитуляция. А что было делать? Доводить игру до войны? Китайцы упирали именно на это, но мы, естественно, считали, что это глупость. Чтобы довести до войны, большого ума не требуется. Я уже не раз говорил, что войну и дурак начнет, а вот умному потом трудно ликвидировать войну. Мы не хотели ее. Я и сейчас считаю, что мы поступили абсолютно правильно, уведя наши ракеты с Кубы. И мы стали письменно объяснять Кастро свою позицию. Он очень нервничал, разносил нас, если можно так выразиться. «Революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подогревали китайцы. А мы потерпели моральный ущерб. Вместо того, чтобы наши акции на Кубе поднялись, они понизились. Кастро считал, что мы предали Кубу, а вот китайцы их поддерживают.

Тогда я предложил откомандировать на Кубу Микояна. Зная Микояна много лет, я считал, что его дипломатические качества в этом случае будут очень полезны. Он обладает хорошими нервами, спокоен, многократно может повторять одну и ту же аргументацию, не повышая тона. Это имеет большое значение, особенно в переговорах с таким горячим человеком, как Фидель. Кроме того, Микоян уже бывал на Кубе, и его там немножко знают. Одним словом, мы послали Микояна к Фиделю. Через несколько дней Микоян вернулся и доложил, что Кастро очень взволнован, что с ним трудно вести любые переговоры. Любая аргументация

не доходит до его сознания. В течение всех переговоров он настаивал, что наша акция очень вредна, что она принесет вред всему социалистическому лагерю. Кроме того, Фидель требует, чтобы американцы ушли с их военной базы в Гуантанамо³⁰.

Тогда у нас сложилось впечатление, что, несмотря на ясное изложение нашей цели перед Фиделем, он, видимо, не понял ее.

После того как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо послать Фиделю письмо. И я приготовил большое письмо, в котором откровенно изложил все свои мысли. Там я писал: главный смысл Карибского кризиса состоит в том, что он, собственно говоря, сам собою благословил существование социалистической Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, чтобы американцы не организовали нового вторжения для ликвидации социалистического строя. А сейчас США сделать это очень трудно. Пронесся сильный накал страстей, мы обменялись обязательствами, и вдруг после этого Америка вторгается? В этом случае у Советского Союза остается право напасть в ответ на США. (Так там и было написано.) Поэтому Кеннеди не пойдет на это. Сейчас мы добились существования социалистической Кубы еще на следующие два года, пока Кеннеди сидит в Белом доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди будет избран и на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого: шесть лет. Шесть лет прожить в наше время — немалый срок. Тогда уже сложится иное соотношение сил. Оно все больше меняется в пользу социализма.

Потом, во время наших бесед, когда Кастро дважды приезжал в Советский Союз, он приезжал настроенным уже по-другому, и обстановка у нас была исключительно теплой. Она позволяла нам откровенно обмениваться мнениями. То был уже пройденный этап, мы могли оглянуться, разобрать и проанализировать прежний инцидент. Когда мы разговаривали с ним, я видел, что теперь Кастро нас лучше понимает.

Когда наши беседы стали совсем дружескими, я рассказал Фиделю, что в разгар кризиса спросил министра обороны СССР Малиновского: «Как вы считаете? Зная вооружение и численность вооруженных сил Кубы, если силы вторжения туда будут иметь вооружение, которое имеют США или мы, сколько времени надо будет затратить, чтобы разгромить силы Кубы?». Малиновский, подумав, ответил: «Двое суток». Когда я сказал об этом Фиделю, он очень разгорячился и стал доказывать, что это неправильная оценка и что Советский Союз не допустил бы этого. Я остановил его: «Это вы так говорите. А я согласен с Малиновским. Он пра-

вильно оценил соотношение сил. Пусть не двое суток, а трое или четверо. Во всяком случае, за это время основные очаги сопротивления были бы подавлены, а вы ушли бы в горы, потом продолжалась бы партизанская война. Возможно, она тянулась бы годы, но главное-то было бы сделано: было бы создано буржуазное, контрреволюционное правительство, которое занялось бы подавлением очагов революции, если бы они сохранились, и охотой за носителями марксистско-ленинских идей. Вот какое возникло бы положение. Поэтому мы и хотели не войны, а хотели мира, чтобы Куба могла использовать мирные условия для углубления революции, развития хозяйства и перестройки его на социалистических основах, закладки фундамента коммунистического строительства».

Мы исходили только из этих позиций и ставили свои ракеты не для нападения на США и не для того, чтобы через Кубу вмешаться во внутренние дела США. Если здраво разбираться, это просто нереально. Для тех, кто хоть немного смыслит в военных делах, известно, что мы могли бы нанести удар, и он оказался бы очень сильным. Но и США, конечно, нанесли бы ответный удар, и не менее сильный, а может быть, даже более сильный. Мы отлично знали, что в то время США превосходили нас в количестве единиц ядерного оружия и бомбардировочной авиации. У них имелось еще мало ракет, особенно межконтинентальных. Но и у нас межконтинентальных ракет тоже было тогда немного. Мы имели достаточное количество стратегических ракет с дальностью действия 2 тыс. и 4 тыс. километров*. У нас их имелось столько, что мы, согласно своему оперативному плану, покрывали все вражеские объекты, по которым нужно было бы в первые дни войны нанести удар. Да, мы имели такую возможность. Но я опять говорю, что мы не преследовали цель начала войны, а Фидель нас просто не понял.

Когда я с ним встретился позже и мы с ним беседовали на берегу Черного моря, он мне говорил: «Вы знаете, меня рассердило и обидело, почему вы дали согласие президенту вывести свои бомбардировщики и ракеты, не посоветовавшись с нами?». Я ответил: «Неверно, товарищ Кастро. Мы с вами советовались». — «Как? В чем выразился этот совет?». — «Вы прислали нам телеграмму, что через столько-то часов начнется вторжение США на Кубу. Вы предложили упредить вторжение нанесением ракетно-ядерного удара по городам США. Но мы не хотели начинать мировую войну. Час начала вторжения был вами указан. Так что не

* Имеются в виду ракеты Р-12 и Р-14

имелось времени направить вам наше послание и получить ответ. Мы должны были принять решение сразу. Так как вы категорично заявили, что у вас есть неопровержимые сведения и что состоится вторжение, мы были вынуждены предпринять немедленные шаги, которые исключили бы это вторжение. Мы их сделали и получили ответ президента США.

Трудно говорить, насколько вообще можно верить людям. Но я считаю, что слову, данному президентом США Кеннеди, можно верить, что он свое слово будет держать и его не нарушит. Ваши и наши враги подогревают атмосферу, сталкивают нас с США. Конечно, мы с США — антагонисты. США — капиталистическая страна, мы — социалистическая. Борьба между нами будет продолжаться. Это естественный процесс. Каждая страна будет делать со своей стороны все, чтобы ее идеология победила. Но в этой борьбе мы стоим не на военных позициях, а на позициях соревнования, завоевания умов людей на основе борьбы идей. Мы должны привлекать к себе сторонников перспективой лучшей жизни для трудового народа, а не путем войны, истребления, военного подчинения. Мы против этого.

Мы твердо стоим на ленинских позициях, китайцы же занимают сейчас другую позицию, поэтому они и подогревают нас, хотя столкнутся с США.

«Я, товарищ Фидель, заявляю вам и утверждаю с тою лишь оговоркой, с какой можно ручаться за человека других политических взглядов, что верю Кеннеди как человеку и как президенту. Он сдержит слово, которое дал нам. У нас есть в запасе, по крайней мере, два года, которые ему осталось еще провести в Белом доме. Конечно, когда в США придет другой президент, он может нарушить такое обещание. Но это уже другой вопрос. Думаю, что по истечении первого президентского срока Кеннеди вновь выставит свою кандидатуру, и она будет поддержана народом. Народ его изберет вторично, потому что из всех президентов США, которых я знавал, Кеннеди — человек с наиболее высоким интеллектом, умница, резко выделяющийся на фоне своих предшественников.

Я никогда не встречался лично с Франклином Рузвельтом. Может быть, Рузвельт превосходил его. Считаю, что Кеннеди будет переизбран еще на четыре года. То есть будет не два, а шесть лет, шесть лет гарантии мирного сосуществования и развития Кубы в мирных условиях, шесть лет ее государственного и экономического строительства на социалистических началах, роста хозяйства, военного и культурного, упрочения всех других благ. Через

шесть лет положение изменится, и следующему президенту, который придет на смену Кеннеди, будет очень сложно что-либо предпринять в этой плоскости. Вторжение не будет уже безнаказанным. Думаю, что тогда никто и не посмеет пойти на него. В то время появится совершенно иное соотношение сил в мире между странами социализма и капитализма».

Кастро улыбнулся: «Ну, если нам дадут шесть лет, тогда другое дело. Но я-то думаю, что Кеннеди не выдержит и нарушит свое слово». Я ответил: «Конечно, за президента США дать ручательство я не могу и не исключаю, что в конечном итоге, может быть, я ошибаюсь в оценке и понимании этого человека, что он неспособен на вероломство. Однако думаю, что все-таки этого не случится». Кастро повеселел. Тогда я добавил: «А что получилось бы, если бы мы этого не сделали? Война, вторжение на Кубу. Вот Америка шумела, что мы отступили; что русские трусили; что персонально Хрущев трусил. Американцев поддерживали в этом албанцы, а особенно китайцы. Товарищ Кастро, надо же реально оценить, кто выиграл и кто проиграл в ходе акции, о которой мы договорились с президентом. Нужно проанализировать позицию каждой стороны на такой основе. С одной стороны, мы действительно вроде бы проиграли: отступили. Можно квалифицировать это и такими словами, как трусость и т.п. Но от слова суть дела не изменится.

Факт, что мы привезли ракеты, поставили их, потом возник кризис, пошли переговоры, переписка, и в результате мы эти же ракеты увезли. Зачем же мы везли ракеты, если потом пришлось их увозить? К чему везли? Если мы их туда везли, преследуя лишь свои цели, следовательно, империалисты США нас принудили к тому, запугали и подчинили себе. Для механического мышления тут, казалось бы, несложная схема, чтобы сделать вывод.

Но надо вопрос смотреть в корень, как говорил Козьма Прутков³¹. Корень же заключается в том, что существовала Куба, где ранее президентом был Батиста. Та Куба, которая являлась, собственно говоря, колонией США, где безраздельно господствовал монополистический капитал. Гавана была городом, куда империалисты приезжали проводить свой досуг и давать себе волю в удовлетворении своей похоти. Теперь Батиста свергнут, новые люди пришли к власти, создали революционное правительство. Вы перестраиваете Кубу на социалистических началах, и вот развернулось вторжение. Вы его отбили. Но разве можно думать, что кубинская контрреволюция на этом успокоится? Что с этим примирятся монополисты, которые потерпели поражение и вынуж-

дены оставить Кубу? Вы воспользовались их капиталами и национализировали их. Значит, повторная угроза сохранялась. Вы это признаете?» — «Конечно!».

«Рассуждаем дальше. Поставили ракеты, чтобы предотвратить эту угрозу, а затем их вывезли, взяв нужное слово с президента США. Я вам уже говорил, что верю — он сдержит свое слово и выполнит обязательство, которое взял на себя как президент. Это обязательство не только его личное, но и обязательство страны, правительства США не вторгаться на Кубу и не допускать вторжения их союзников. Лишь в результате такой договоренности мы вывезли ракеты, и я считаю, что получилось очень хорошее решение. Чтобы сохранить революционную Кубу во главе с Фиделем Кастро, мы поставили ракеты, вызвали военный шок у руководства США и вырвали нужное нам обязательство. Под это обязательство мы и вывезли эти ракеты и вместе с ними устаревшие бомбардировщики. Считаю, что уплатили дешевую цену.

«Правительства капиталистических стран, — продолжал я, — все оценивают в долларах. Так вот, если рассмотреть вопрос именно в долларах, то налицо выгодная операция. Мы понесли затраты только на транспортировку военной техники и нескольких тысяч наших солдат. Вот вам стоимость гарантий независимости Кубы. Мы не пролили там крови, ни своей, ни других народов, не допустили войны, не допустили разрушений, отравления атмосферы. Я горжусь этим. Пройдет время, и эта истина станет всем ясна». Некоторые опять могут сказать: «Все-то он якает». И я им отвечаю: да, ибо это я в данном случае взял на себя ответственность, проявил инициативу и провел акцию при поддержке моих коллег, в коллективе которых я работал. Если бы они были против, я, конечно, не мог бы это осуществить. Но я был как бы двигателем этого дела, брал на себя большую долю ответственности и, возможно, в большей степени, чем другие, переживаю радость от успешного завершения операции.

Я был очень доволен, что Кастро теперь согласился со мной. В те дни, когда он находился в СССР и мы с ним беседовали, в США выступил руководитель контрреволюционного кубинского отряда, которое, видимо, и сейчас подкармливается в США. Он открыто выступил с критикой действий правительства США, критиковал Кеннеди за то, что тот, дав слово поддержать вторжение, не сдержал его, а вместо того дал обязательство Хрущеву не поддерживать и не допускать нового вторжения на Кубу. Кастро хорошо знал этого выступавшего и сказал мне: «Я лично с ним знаком. Он наш непримиримый враг, но говорит правду. Если он ска-

зал, что такое обязательство было взято США, а потом не выполнено, следовательно, вы правы в своих рассуждениях, потому что выполнению этого обязательства помешал Советский Союз своей современной установкой ракет. Слово президента — это все равно, что договор».

Между прочим, любопытной была и другая часть нашего диалога. Я ему говорю: «Вы хотели начать войну с США. Зачем? Ведь если бы началась война, то мы бы еще выжили, но наверняка не существовала бы Куба. Она была бы стерта в порошок. А вы предложили нанести превентивный атомный удар!» — «Нет, я не предлагал». — «Как не предлагал?» Переводчик говорит: «Фидель, Фидель, ты мне лично сам говорил об этом». Он опять настаивает: «Нет!». Тогда мы начали сверять документы. Счастье, что Фидель заявил это нам не устно, а послал документ. Переводчик ему показывает: «Как понимать вот это слово? Это — война? Удар?». Он растерялся. Да, Фидель в то время был очень горяч. Мы поняли, что он даже не продумал очевидных последствий своего предложения, ставившего мир на грань гибели.

У нас тогда установились хорошие отношения с президентом Кеннеди. Я ему доверял в том смысле, что взятое слово он сдержит. Вот это я и говорю теперь о Карибском кризисе. Повторяю, это был с нашей стороны правильный ход. Правильно мы сделали, что поставили ракеты, и потом опять правильно сделали, что не полезли в бутылку, когда кризис назрел и нас наши «друзья» стали упрекать, что мы трусим, вывозя ракеты. Они хотели спровоцировать нас, чтобы мы начали войну. Тем самым они достигли бы своей цели: мы с США взаимно истребляем друг друга и разрушаем экономику. Но мы не трусили в душе, не побоялись таких обвинений, а, трезво оценив обстановку, приняли верное решение. И я горжусь этим. В процессе переговоров США поставили дополнительно еще некоторые несущественные условия: они хотели, чтобы мы дали право проконтролировать их людям, действительно ли мы вывезли ракеты, то есть побывать там на месте и посмотреть. Мы такое обязательство взять на себя не смогли, потому что там — территория Кубы, и мы не имеем никакого отношения к тому вопросу, кому будет разрешено поехать на Кубу. Мы сказали, что тут не наша компетенция: мы можем распоряжаться своим имуществом, ибо мы его завезли и мы же его вывозим, но вопрос о допуске на остров решает правительство Кубы. Фидель же сразу и резко заявил, что ни в коем случае не пустит туда американцев. Тогда У Тан, умный человек, желая облегчить ситуацию и ликвидировать напряженность, чтобы ее острота про-

текала по затухающей, обратился с просьбой, чтобы лично ему разрешили приехать на Кубу. Однако Фидель не позволил и ему.

Когда я встретился с Фиделем, то сказал: «Хорошо, что вы не пустили американцев. Правильно поступили, потому что они могли бы посчитать, что вы трусили. Одно дело — обвинять Советский Союз в трусости. Мы-то страна большая, и умный человек правильно поймет, что нам нечего трусить. А Куба страна маленькая. Поэтому думаю, что вы правильно сделали. Но отчего же Вы не использовали новую возможность и не разрешили прилететь У Тану? Он прилетел бы, вы бы с ним побеседовали, и он поехал бы посмотреть, как вывозят ракеты. Вы тогда сумели бы использовать Организацию Объединенных Наций в свою пользу. У Тан стал бы на вашу позицию и защищал бы вас и пределах тех возможностей, которые вытекают из его положения как генерального секретаря ООН. Вы же его оттолкнули, бросили в общую кучу американских империалистов и У Тана. Считаю, что вы сделали ошибку». Кастро ответил: «Да, я согласен, я просто погорячился. Такое у меня было состояние, что я не учел тех аргументов, о которых вы мне сейчас говорите».

Главным в описываемых событиях оказалось то, что мы не дали себя одурачить, не отступили в столь нервной, горячей обстановке далее положенного и не переступили грань дозволенного. Тут сказалась выдержка обеих сторон. Ведь этот кризис дошел до высшей точки кипения. Мы были близки к войне, стояли на грани войны. Все могло случиться. Хочешь ты или не хочешь, а раз один выстрелил, то другой ответит. Но мы не допустили катастрофы. Помимо обязательства не вторгаться на Кубу президент США дал также слово, что когда мы вывезем свои ракеты с Кубы, то США уберут свои ракеты из Турции и Италии. Кеннеди просил нас, чтобы мы пока никому не говорили об этом. Мы-то хотели, чтобы это как-то было зафиксировано в документах. Он ответил, что он по своему положению письменных обязательств дать не может. Более того, сказал следующее: «Если вы не удержите в секрете это мое заявление и оно просочится в печать, то я дам опровержение. Но я даю вам честное слово!». И он действительно убрал ракеты из Турции и Италии, хотя вывез их не только потому, что мы согласились вывезти свои ракеты с Кубы, но главным образом потому, что ракеты, которые стояли в Турции и Италии, устарели.

Если бы не произошло Карибского кризиса, США все равно бы увезли оттуда ракеты, потому что к тому времени отпала необходимость иметь, такие ракеты в данных точках земного шара.

США уже имели тогда достаточное количество межконтинентальных ракет, которые стояли на собственной территории. Там они лучше охраняются, имеют лучше оборудованные позиции и лучше замаскированы. Их команды тоже находятся дома. Все это дает большие гарантии. Во-вторых, появились атомные подлодки, вооруженные ракетно-ядерным оружием, то есть подвижные установки. В Средиземном море находится 6-й флот США, там курсируют их подлодки, как и в других морях и океанах. Зачем же держать ракеты на чужой территории, когда есть своя команда и свой подвижной старт? Он менее уязвим и всегда готов к бою. Техника развивается, и она дала теперь лучшие решения взамен того, что США имели прежде, когда располагали ракетами в Турции и Италии.

Мы тоже располагаем сейчас такими возможностями, и у нас имеется достаточное количество межконтинентальных ракет. У нас есть также подводный флот, вооруженный ядерным оружием. Сейчас я уже много лет не нахожусь в руководстве страной, но знаю, что оставалось в СССР, когда я уходил. И я предполагаю, сколь высокого уровня достигла сейчас наша техника в этой области. Поэтому с точки зрения США они правильно поступили, что вывезли свои ракеты из Турции и Италии. Здесь в стратегии США ничего не изменилось. Теперь они угрожают нам с подводных лодок, вооруженных ядерными ракетами. Но и мы сейчас имеем подводный флот с атомными двигателями, вооруженный ядерными ракетами. Поэтому если нам нужно угрожать какой-то точке в США, то мы всегда имеем возможность послать к тому берегу подлодки с атомными двигателями и ракетами с ядерными зарядами. Этим мы не только сполна компенсируем мощь, которую представляли ракеты, вывезенные из Кубы, но и во много раз превосходим ее.

Президент Кеннеди, в этом его достоинство, правильно понимал обстановку. После окончания конфликта он выступил с заявлением, что Соединенные Штаты имеют ядерного оружия больше, чем Советский Союз. Они могли бы дважды уничтожить все живое на территории Советского Союза, а Советский Союз имеет меньшее количество ядерного оружия и может уничтожить все живое на территории Соединенных Штатов только один раз. Это, я бы сказал, мужество. Услышав такое заявление, каждый мыслящий американец мог сделать правильный вывод. Американским журналистам, которые меня спрашивали, слышал ли я заявление, я отвечал:

— Да, я слышал. И считаю, что это разумные слова. Президент

подсчитал, что нас можно уничтожить дважды, я признателен ему за подсчеты. Он признает, что мы каждого, живущего на территории Соединенных Штатов, можем уничтожить один раз. Мы люди скромные и не кровожадные, зачем уничтоженного уничтожать еще раз?

Но это, так сказать, шутки, однако шутки определенной направленности. Видимо, делая такое заявление, Кеннеди разъяснял американцам, особенно тем любителям атомных бомб, про которых украинцы говорят: «Носится, як дурень с писаною торбой», стремящимся развязать войну и покончить с Советским Союзом военными средствами. Сказав о мощи Вооруженных Сил Советского Союза, Кеннеди тем самым подчеркнул, что искать решение спорных вопросов путем войны поздно. Какой же безумный захочет развязать войну, вызвать огонь на себя и быть уничтоженным? Я считаю, что в условиях американского психоза такая позиция президента отражала его гражданское мужество.

Я не знаю, насколько он правильно подсчитал арифметически, не мне судить, но я был доволен его реализмом в отношении наших Вооруженных Сил. Нам больше ничего не нужно, только бы наш вероятный противник понимал: если будет развязана война, то мы можем его уничтожить.

В журнале «За рубежом» за 1968 г. я читал статью, в которой зарубежный автор вспоминает о Карибском кризисе. В этой статье описывается убийство президента Кеннеди. Статья, кажется, называется «Шесть секунд». В ней прямо ставится вопрос: кто убил президента? Кто эти люди? Там указывается на то, что в ходе разрешения Карибского кризиса президенту США надо было дать заверение в том, что вторжение на Кубу не будет допущено ни силами США, ни их союзниками. Это, как пишет автор, озлобило кубинскую контрреволюцию, и она стала участницей заговора и убийства Кеннеди. Следовательно, в статье дается ответ на вопрос, кто же потерпел поражение в споре о том, быть Кубе революционной или вернуть ее на капиталистические рельсы, на которых она стояла при Батисте.

Тогда некоторые говорили, что потерпел поражение Советский Союз. А теперь результаты наших действий оцениваются уже правильно. Войны не возникло. Происходило сражение за право кубинского народа устраивать свою жизнь так, как он считает нужным, без вмешательства извне. Мы стояли на этой позиции и стоим сейчас. В интересах сохранения революционных завоеваний на Кубе поставили там ракеты, стремясь, чтобы контрреволюционные силы трезво оценивали обстановку и понимали, что если

они позволят себе вмешательство в дела Кубы, то наши ракеты могут быть приведены в действие. А когда мы договорились, что президент США дает слово, если мы вывезем ракеты, не допустить вторжения, получился хороший пример на будущее. Мы решили мирным путем такой кризис, который мог разразиться войной. Я считаю, что в итоге мы выиграли. Американцы тоже выиграли, потому что войны не было. Проиграли агрессивные силы, которые хотели бы повторить вторжение на Кубу. Следовательно, проиграли агрессоры, а народы выиграли. Подобные кризисы могут возникнуть и в будущем, потому что сейчас существуют в мире две противоположные системы: капиталистическая, базирующаяся на частной собственности, частном капитале, и социалистическая. Эти системы антагонистичны, и приходится это учитывать. Сейчас для империалистических стран прошли времена диктата, когда они могли безнаказанно вторгаться куда угодно и подавлять революционные восстания. Если это еще не осознали все те, кому следует осознать, то их действия могут привести к трагическим последствиям, и тогда столкновение станет неизбежным.

Если же будет признана всеми формула мирного сосуществования, то это означает не вмешиваться во внутренние дела других государств ни с какой стороны и признать, что вопросы внутреннего политического устройства решаются только народом данной страны, что это святая святых. Если такая формула внедрится в сознание тех, кто определяет в мире политику, это может сохранить надолго мир на Земле. Иначе мы всегда будем жить, как на вулкане, и станем чувствовать себя, как жильцы дома, в котором заложены мины замедленного действия. Сейчас наше правительство, а я убежден в этом, стоит на тех же позициях, которые мы занимали, когда я находился во главе него: политика мирного сосуществования, мирного соревнования, невмешательства в дела других стран.

В нынешнем обострении международного положения я виню в первую голову капиталистические страны. Видимо, это неизбежно, раз существуют антагонистические отношения между классами и между странами с разными социально-политическими устройствами, странами социализма и странами капитализма. Правительства капиталистических стран никак не могут трезво оценить сложившуюся ситуацию, понять, что народились новые силы; что во всем мире бушуют социально-политические бури, с которыми невозможно бороться средствами подавления. Все устаревшее, отжившее неизбежно обречено на гибель. История ска-

жет здесь свое слово, и она неумолимо шествует в этом направлении.

Прошло много лет, и это уже страницы истории. Я горд тем, что мы не побоялись, проявили мужество и дальновидность, сделав этот шаг, и тем самым удержали американских агрессоров от повторного вторжения на Кубу. После этих событий прошло около девяти лет, и я очень рад, что нового вторжения не было.

Когда был убит Кеннеди, я беспокоился, как же дальше будут развиваться наши отношения? Я верил Кеннеди, видел, что он не настроен на военное столкновение с нами. А как поведет себя новый президент Джонсон³²? Приступив к исполнению своих обязанностей в Белом доме, он через те же каналы передал нам, что все обязательства, данные Кеннеди публично, и заверения, переданные по закрытым каналам, будут выполняться.

Доверия, правда, у нас к нему было меньше. Мы считали Кеннеди более гибким, а Джонсон у нас пользовался репутацией человека реакционного. Но, нужно отдать ему должное, обязательства, данные его предшественником, он сдержал. Я не буду касаться войны во Вьетнаме, в которую он влез по уши. Это была его персональная глупость. Может быть, эта глупость началась при Кеннеди, сейчас мне об этом трудно судить. Во всяком случае, мы достигли своей цели, и Куба успешно развивается. Во время моей последней беседы с Фиделем мы с ним обсуждали экономическое развитие страны. Он мне рассказывал, что поднятие экономики — их главная цель. Чтобы для жителей латиноамериканских стран новый, социалистический строй стал привлекательным, нужно достичь высокого уровня жизни. Я одобрял его линию.

«Самое главное, — говорил я, — чтобы блага, созданные трудом кубинцев, сполна удовлетворяли их запросы. Это самая притягательная сила, самый притягательный магнит к социализму, и социалистическому строю». Мне было приятно беседовать с Фиделем Кастро после того, как у нас все перегорело. Он понял нашу искренность, наши намерения. Я лучших отношений и не желал, они были самые искренние, самые братские.

На этом, собственно, кончилась моя политическая, государственная деятельность. Я уже не имел возможности влиять на нашу политику. Я получаю теперь только кое-какие отрывочные газетные сведения. У нас с Кубой была договоренность: мы обязались оказать помощь в переработке 9 миллионов тонн сахара. По газетам я вижу, что они вырастили достаточное количество тростника. В этом году была поставлена новая цель — 10 миллионов. Из печати видно, что они и этой цели достигнут. Что ж, я

только радуюсь и желаю успехов кубинскому народу. Желаю успехов Фиделю Кастро в поднятии экономики Кубы.

Еще о Джоне Кеннеди. Я хотел показать Кеннеди в конкретных делах. Когда он был убит, искренне сожалел. Я сейчас же поехал в американское посольство и выразил свое соболезнование. Мы с Кеннеди — разные люди. Я бывший шахтер, слесарь, рабочий, волею партии стал премьером, а он миллионер и сын миллионера. Мы представители противоположных, непримиримых классов. Он преследовал цели укрепления капитализма, а я преследовал цели разрушения капитализма и создания нового общественного строя на основе учения, созданного Марксом — Энгельсом — Лениным. Я считаю капиталистический строй отжившим, так же как считали Маркс, Энгельс и Ленин. Я как коммунист верю этому учению. Кеннеди стоял на других позициях. Несмотря на то, что мы находились на разных полюсах, когда дело касалось вопроса мира и войны, мы смогли найти общее понимание и предотвратить военные столкновения. Ему как партнеру, который противостоял нам, я отдаю должную дань, отношусь с уважением к его памяти, высоко ценю его деятельность. Хотя во многом, очень во многом мы не только не сходились, а разошлись, как, например, в Вене. Венская встреча не дала результатов. Но потом все-таки в коренных вопросах — вопросах мира и войны — мы нашли общий язык. Я диктую все по памяти, даже без конспекта, поэтому если какая-то фотопластина, которая пока еще не проявилась в моей памяти, проявится, у меня может возникнуть желание продолжить... Вот и проявилась в памяти такая пластинка. Мы достигли еще одного соглашения с Соединенными Штатами Америки: подписали договор о прекращении испытаний ядерного оружия на земле, в космосе и под водой. На прекращение испытаний под землей американцы не пошли, не приняли наших предложений. Это в договор не вошло, и сейчас они и мы проводим испытания под землей. Я считаю, что этим соглашением было положено начало прекращению гонки вооружения. И это тоже заслуга президента Кеннеди.

Мы договорились с Кеннеди и об установлении прямой телефонной связи на случай, если создастся какое-то исключительное положение и понадобятся личные переговоры президента с главой советского правительства. Могут спросить, какая радость от этого? Радости-то нет, но этот элемент дает уверенность, что в критическую минуту можно переговорить, минуя дипломатические лабиринты. Но, главное, наше решение давало мне основание доверять этому человеку. Он искал способы установления контактов и технические средства, с помощью которых можно избежать конфликта.

Могут сказать: «А все-таки напряжение, которое было чревато войной, возникло во времена Кеннеди?». Это умный вопрос. Я без иронии говорю. Надо иметь в виду, в какое время мы живем. Мы живем в переходный период, когда в мировом масштабе решается вопрос: кто — кого? Отмирающий капиталистический строй цепляется за все, за что можно зацепиться, не только отставая, но и укрепляя свои позиции. А мы, с другой стороны, тоже идем в наступление с целью укрепления своего положения и достижения нужных нам экономических, социальных и политических целей. В мире сейчас существуют две главные силы — капиталистическая и социалистическая. Если в первые годы после Октябрьской революции мы были единственной страной, островом в окружении капиталистического мира, то теперь экономика социалистических стран занимает в мире около 35 %. Конечно, во время переходного периода столкновения есть и будут. Их не надо бояться, но надо иметь трезвый ум и не доводить дело до развязывания войны. Для этого надо иметь и умного партнера. Я считаю, что таким партнером как раз и был представитель капиталистического мира Джон Кеннеди.

На этом я должен закончить рассказ о Карибском кризисе. Это были очень интересные, весьма показательные события, потому что тут две крупнейшие страны как бы столкнулись лбами. Казалось, неотвратима военная развязка. И мы уже поставили на старт свои боевые средства, а США окружили остров боевыми кораблями, сосредоточили пехоту и авиацию. Но мы показали, что если руководствоваться разумными целями и желанием не допустить войны, решать спорные вопросы путем компромисса, то можно найти такой компромисс. Победил разум. Поэтому в моей памяти сохраняются наилучшие воспоминания о покойном президенте США. Он проявил трезвость ума, не дал запугать себя, не позволил опьяниться мощью США, не пошел ва-банк. Не требовалось большого ума, чтобы развязать войну. А он проявил мудрость, государственную мудрость, не побоялся осуждения себя справа и выиграл мир. Вот это я и хотел рассказать. Думаю, что верное понимание позиций друг друга, из которого мы исходили, было единственно разумным в сложившейся ситуации.

¹ Коммунистическая партия Кубы, возникшая в 1925 г., слилась в 1940 г. с Революционным союзом в Революционный коммунистический союз, который возглавили Х.Маринельо-и-Видауррета (1898 — 1977) как председатель и Блас Рока (Ф.В. Кальдеро, 1908 — 1987) как генеральный секретарь. С 1944 г. РКС

назывался Народно-социалистической партией Кубы и оставался под тем же руководством. После того как в 1952 г. Р.Ф. Батиста-и-Сальдивар (1901 — 1973) установил свою 7-летнюю диктатуру и в 1953 г. активист Партии кубинского народа «Ортодоксы» адвокат Ф. Кастро Рус (род. в 1926 г.) начал вооруженную борьбу с режимом Батисты и продолжил ее в 1956 г., НСПК официально держалась в стороне. Но многие ее члены, идейно вдохновляемые старейшим кубинским коммунистом Ф. Гробартом, практически участвовали в этой борьбе, а К.Ф. Родригес (род. в 1913 г.) ездил к Кастро в горы (вероятно, Н.С. Хрущев именно его имеет тут в виду). В феврале 1958 г. НСПК уже официально поддержала вооруженную борьбу Кастро, и вскоре ее члены стали систематически участвовать в ней. В дальнейшем, после победы Кубинской революции в 1959 г., Маринелью, Блас Рока и Родригес вошли в состав нового кубинского руководства. Но организационно оно формировалось постепенно: в 1961 г. НСПК, кастровское «Движение 26 июля» и «Революционный студенческий директорат имени 13 марта» слились в «Объединенные революционные организации», преобразованные в 1962 г. в Единую партию социалистической революции Кубы, которая в 1965 г. была переименована в Коммунистическую партию Кубы. Генеральным секретарем ее ЦК стал Ф. Кастро, ранее себя коммунистом открыто не называвший.

² 1 января 1959 года.

³ С 31 декабря 1958 г. по 1 января 1959 г. двухдневным президентом Кубы был К. Пьедрра, а 2 января его сменил консервативный деятель М. Уррутиа (до 17 июля 1959 г.), про которого и говорит Н.С. Хрущев. Сам Ф. Кастро сменил 16 февраля 1959 г. временного премьера Х. Миро Кардону на посту премьер-министра.

⁴ При диктатуре Батисты советский поверенный в делах Г.И. Фомин покинул в 1952 г. Кубу, однако официально дипломатические отношения не были разорваны.

⁵ КАСТРО РУС Р. (род. в 1931 г.) был избран в 1965 г. вторым секретарем ЦК Компартии Кубы. Но до 1962 г., когда он стал вторым секретарем Национального руководства Единой партии, его коммунистом не называли. Он прежде участвовал в демократическом молодежном движении, идейно близком к комсомолу, а в Мексику (о чем упоминает Н.С. Хрущев) был выслан в 1955 г., когда его освободили по амнистии из тюрьмы, где он отбывал 15-летнее заключение за участие в вооруженной борьбе с режимом Батисты.

⁶ ГЕВАРА де ла СЕРНА Э. ЧЕ (1928 — 1967), аргентинский революционер, встретившись в Мексике с Ф. Кастро в 1955 г., стал участником и одним из лидеров его вооруженной борьбы, а в 1962 г. вошел в Национальное руководство Единой партии. Но официальным членом КПК он не был, так как в 1965 г., еще до того, как она повторно возникла, Гевара уехал руководить партизанским движением в Боливии.

⁷ Точнее, возобновлены. 10 января 1959 г. СССР признал Революционное правительство Кубы. В феврале 1960 г. было подписано советско-кубинское торговое соглашение. В мае 1960 г. договорились о возобновлении дипломатических контактов. 8 июля 1960 г. вновь заработало советское посольство в Гаване, а 22 августа посол С.М. Кудрявцев вручил верительные грамоты.

⁸ При С.М. Кудрявцеве (1960 — 1962 гг.) А.И. Алексеев (род. в 1913 г., в 1941 — 1943 гг. сотрудник советского посольства в Иране, в 1944 — 1951 гг. сотрудник посольства во Франции, в 1951 — 1953 гг. ответственный работник Совин-

формбюро, в 1954 — 1958 гг. сотрудник посольства СССР в Аргентине, в 1958 — 1960 гг. ответственный работник центрального аппарата МИД СССР, в 1968 — 1974 гг. там же, затем посол в Малагасийской республике (с 1976 г. — Демократическая Республика Мадагаскар), с 1980 г. в отставке) официально являлся советником посольства СССР в Республике Куба,

⁹ С 12 июня 1962 г. до 15 января 1968 года.

¹⁰ Его сменил 17 июля 1959 г. на посту президента О. Дортикос Торрадо.

¹¹ 16 апреля 1961 года.

¹² В апреле 1961 г. у Плая-Хирон.

¹³ Официальное заявление состоялось 1 мая 1961 года.

¹⁴ В 1961 г., по рекомендации совещания руководителей стран — участниц Организации Варшавского Договора, в ГДР была возведена Берлинская стена — система заградительных сооружений между Восточным и Западным Берлином протяженностью 162 км, из них 45 км в черте города. После осенней революции 1989 г. в ГДР была в 1990 г. демонтирована. А в 1961 г. из-за нее возник международный политический кризис.

¹⁵ «Священный союз» Австрии, Пруссии и России, заключенный 26 сентября 1815 г. в Париже для обеспечения неизбежности решений Венского конгресса 1814 — 1815 гг. и подавления революционно-освободительных движений в Европе. Фактически распался после европейских революций 1830 — 1831 гг., хотя официально предпринимались более поздние попытки сохранить его.

¹⁶ Существовавшее фактически со времени краха гитлеровской Германии в 1945 г., а юридически в 1949 — 1990 гг. особое политическое образование площадью 480 кв. км внутри ГДР, но официально вне ГДР и вне ФРГ.

¹⁷ Басня Эзопа, широко известная русским читателям в переводе Л.Н. Толстого.

¹⁸ Речь идет о «предупреждениях», сменившихся затем «строгими», «серьезными» и «очень серьезными предупреждениями», которые провозглашались китайской дипломатией в адрес США, когда в 60-е — 70-е годы американские самолеты нарушали воздушное пространство Китайской Народной Республики.

¹⁹ Подразумеваются: события 1970 г. в Панаме, когда панамское руководство во главе с О. Торрихосом Эррерой отказалось продлить соглашение об американской аренде базы в Рио-Ато и отклонило все проекты договора с США о новом статусе Панамского канала; события 1963 г. в Доминиканской республике, когда группа военных, поддерживаемая США, свергла демократическое правительство Х. Боша и отменила конституцию, а власть захватила хунта-триумvirат, введшая чрезвычайное положение.

²⁰ Герой романа «Накануне» (И.С. Тургенев, 1860 г.).

²¹ ЖИВКОВ Т. (род. в 1911 г.) был в 1954 — 1981 гг. первым секретарем (в 1981 — 1989 гг. генеральным секретарем) ЦК Болгарской компартии и в 1962 — 1971 гг. председателем Совета министров Народной Республики Болгарии.

²² КУУСИНИН О.В. (1881 — 1964) был в ту пору секретарем ЦК КПСС и членом его Президиума.

²³ Генерал армии ПЛИЕВ И.А. (1903 — 1979) был тогда командующим войсками Северо-Кавказского военного округа.

²⁴ БИРЮЗОВ С.С. (1904 — 1964) — Маршал Советского Союза с 1955 г., в указанное время — главнокомандующий Рaketными войсками стратегического назначения.

²⁵ Министром морского флота СССР был с 1954 по 1970 г. В.Г. Бакаев.

²⁶ Кроме того, на Кубу послали оперативно-тактические ядерные снаряды с дальностью полета 60 км, предназначенные для использования в случае вторжения американцев.

²⁷ Пилотируемый летчиком ВВС США Ф.Г. Пауэрсом, уже совершившим ранее 27 таких разведывательных полетов, американский высотный самолет «Локхид У-2» вошел в советское воздушное пространство в 5 ч. 36 м. 1 мая 1960 г. со стороны Гиндукуша и был сбит спустя несколько часов над Свердловском. Пауэрса пленили.

²⁸ ДОБРЫНИН А.Ф. (род. в 1919 г.) — член ВКП(б) с 1945 г., Герой Социалистического Труда с 1982 г., в 1957 — 1960 гг. заместитель генерального секретаря ООН, в 1962 — 1986 гг. посол СССР в США, член ЦК КПСС в 1971 — 1990 гг., секретарь ЦК КПСС в 1986 — 1988 гг., советник президента СССР в 1988 — 1991 гг.

²⁹ КЕННЕДИ Р.Ф. (1925 — 1968) был в 1961 — 1964 гг. министром юстиции США, с 1965 г. сенатор. Смертельно ранен в Лос-Анджелесе после того, как заявил о своем намерении бороться за пост президента.

³⁰ Город на Кубе, в бухте у которого США с 1903 г. арендуют территорию и акваторию под военно-морскую базу.

³¹ Коллективный псевдоним, под которым выступали с сатирическими произведениями и афоризмами в середине XIX в. литераторы А.К. Толстой и братья Жемчужниковы.

³² ДЖОНСОН Л. (1908 — 1973) — вице-президент США в 1961 — 1963 гг. и президент в 1963 — 1969 гг.

В СКАНДИНАВСКИХ СТРАНАХ

Свои воспоминания о поездке в Скандинавские страны предваряю упоминанием о том, что первой поездкой правительственной делегации СССР за его пределы после 1953 г. был визит в социалистический Китай, а из несоциалистических стран — в Индию, потом в Англию. По возвращении мы получили соответствующее приглашение от Скандинавских стран Дании, Норвегии и Швеции. Но в те дни в печати этих стран поднялась свистопляска, направленная против нашего визита. Протест выражался не против нашей делегации лично, а против советского государства, его политики. И мы ответили: «Существующие условия не располагают к нашей встрече, поэтому мы откладываем ее до более благо-

приятного времени». Затем у нас состоялись поездки в США и во Францию. Видимо, за это время в Скандинавских странах созрели условия для встречи, и их правительства повторили свое приглашение. Тут была некоторая неловкость: нас пригласили, мы отказались, потом опять нас приглашают, вроде бы как упрасивают... Не знаю, как барьер неловкости был преодолен дипломатами, но было объявлено, что мы прибудем в июне 1964 года¹.

Первой страной для нашего посещения была выбрана Дания. Почему именно Дания? Она политически ничем особенным не выделялась, однако ее географическое положение было самым удобным для открытия визитов туда. Мы следовали в Данию пассажирским кораблем «Башкирия»^{*} и решили, что оттуда поедем в Норвегию, далее — в Швецию и из Швеции — домой. Тут президент Финляндии и ее правительство попросили нас заехать и к ним. Мы имели такую возможность, и они, узнав о том, что мы не возражаем, немедленно прислали официальное приглашение.

Со Скандинавскими странами у СССР имелись хорошие дипломатические и деловые отношения, ничто, в принципе, не мешало развитию наших контактов, если не думать о том, что Дания и Норвегия состояли членами агрессивного военного блока НАТО. Впрочем, мы вели с ними торговлю, имели деловые связи и свободно давали экономические заказы в эти страны без каких-либо ограничений.

Прибыли мы в Копенгаген. Встреча была обычной, как положено в таких случаях: выстроили почетный караул, произнесли речи. Мы чувствовали себя вполне хорошо. Там в то время действовало правительство социал-демократов. В фолькетинге они имели абсолютное большинство. Правительство возглавлял, естественно, тоже социал-демократ². Он произвел на нас очень доброе впечатление, хорошо относился к советскому государству и соответственно принял нашу делегацию. Правительственная оппозиция из буржуазных партий тоже не выступала против нашего приезда.

Мы имели деловые отношения с промышленниками Дании, которые были заинтересованы в дальнейшем развитии экономических связей. Рыболовы хотели продавать нам сельдь и рыбные изделия. Не говорю уж о том, что Дания всегда старалась предложить нам свои молочные продукты — сыр, сливочное масло и др. Они были очень высокого качества и пользовались в СССР широким спросом. Но нас сдерживало самоограничение в валюте, которой не доставало для расплаты за поставки. А сама Дания поку-

^{*} Было три корабля, на которых Н.С. Хрущев плавал с визитами: «Армения» — в Египет, «Балтика» — в ООН, «Башкирия» — в Скандинавию.

пала у нас немного товаров, так что встречного валютного потока мы не имели, хотя и сохраняли активный торговый баланс в свою пользу. Валюту мы накапливали для того, чтобы в других странах делать те заказы, которые не получались в Дании. Имею в виду страны, которые у нас почти ничего не покупали. Поэтому нам и требовалась валюта для выхода на западный рынок.

После смерти Сталина у нас с Данией состоялся неприятный диалог. Мы давно установили деловые отношения с ее судостроительными фирмами, и вдруг они не стали принимать наши заказы. Мы хотели заказать там танкер грузоподъемностью 12 тыс. т для перевозки нефти. Нам ответили, что не могут принять заказ в силу ограничений, принятых в странах НАТО. Это решение было направлено против наших интересов и принималось для того, чтобы ограничить мощь советского морского флота. Допустимый тоннаж достигал всего нескольких тысяч. Состоялись переговоры на этот счет с перепалкой, даже в печати. Судостроители-то были заинтересованы в наших заказах и охотились за ними, но юридически не могли их принять, ибо имелось общее решение для стран НАТО. А направляли эту линию США. Дания вынуждена была подчиниться. Этого случая мы не забыли. Потом там ограничение сняли. Теперь датские судостроители принимали любые заказы, не ограничивая грузоподъемность.

Более общий вопрос, который нас интересовал, — обеспечение мирного сосуществования государств с различным социально-политическим устройством. Наша цель заключалась в том, чтобы ликвидировать напряженность и найти возможность роспуска военных блоков, чтобы не противостоять друг другу и не истощать свои бюджеты расходами на вооружение. Затем — развитие торгово-экономических отношений, культурных и научных связей и т.п. Поскольку наши заказы теперь принимались, мы смогли заказывать почти все, что могла выпускать датская промышленность. Ограничения возникали лишь технические, из-за мощностей заводов или размеров наших валютных средств.

Дания — маленькая страна, имеющая сравнительно небольшой удельный вес при решении вопросов внутри НАТО. Мы не чувствовали со стороны ее деятелей какого-то сопротивления при переговорах. Но чувствовали, что они занимали позицию, продиктованную сугубо интересами датского народа. Да, они не соглашались с нами по тем спорным вопросам, которые существовали тогда и существуют сейчас между странами — членами Варшавского договора и членами НАТО, но явно в силу вынужденной необходимости. В остальном приемы и переговоры ничем особенным не выде-

лялись, и от них осталось хорошее впечатление. Они были дружелюбными, теплыми, никаких осложнений мы не встретили.

Отмечу, что в то время возникли споры в Коммунистической партии Дании. Сразу после второй мировой войны ее возглавлял Ларсен³, коммунист с большим стажем, который успел приобрести вес в международном коммунистическом движении, весьма известная фигура. На последнем Международном совещании братских партий (Москва) перед нашей поездкой в Данию Ларсен занял позицию, которая противоречила общим взглядам собравшихся по югославской проблеме, выступив с проюгославской точкой зрения. Поэтому против него и был направлен огонь. КПД большинством голосов осудила Ларсена, после чего он выбыл из нее и организовал новую партию. Так в Дании появились две левые рабочие партии. Одна по-прежнему называлась коммунистической, другая, кажется, социалистической⁴. Это и была партия Ларсена, по численности небольшая, но довольно влиятельная среди избирателей.

При выборах в фолькетинг обе партии выставили своих кандидатов. Получился раскол. Мы прибыли туда в то время, когда раскол уже оформился. Конечно, мы поддерживали компартию⁵ и осуждали ту, лидером которой был Ларсен. Она оказалась в оппозиции к коммунистическому движению в целом, и мы вели с ней борьбу. Но Ларсен называл себя коммунистом и доказывал, что именно он стоит на марксистско-ленинских позициях. Еще до раскола я беседовал с Ларсеном, который частенько приезжал в Советский Союз и иной раз заходил в ЦК КПСС. Он производил впечатление простого и честного человека, и мы не выражали ему ранее никакого недоверия, у нас не было на то мотивов. Политических вопросов он не касался, да, видимо, особых вопросов и не возникало. Ведь наши партии не имели расхождений по международным коммунистическим проблемам, поэтому велся нормальный обмен мнениями.

В конце одной из бесед Ларсен задал вопрос, которым я немало был удивлен, но мне понравилось, что человек делает практическое замечание. Он сказал: «Товарищ Хрущев, я не понимаю, зачем вы печатаете бумажные деньги таких больших размеров? На них тратится много бумаги, она особая, дорогая, да и носить их в бумажнике труднее». Ларсен вытащил из своего бумажника денежные знаки Дании и продемонстрировал: «Вот ваш рубль, а вот датский. Он в несколько раз меньше, компактнее, и его легче носить в бумажнике. Да и печатание таких денег стоит дешевле». Я поблагодарил его за добрый совет и ответил: «Такие сложились

у нас традиции, никаких принципов здесь не заложено. Считаю, что ваше замечание правильно и полезно. Когда мы будем переходить на новый формат, думаю, что мы учтем это замечание».

Должен заметить, что такие замечания возникали не только у Ларсена. О том же говорили Госбанк и Министерство финансов. Когда мы переходили на новые деньги, то сократили размеры банкнот, они стали более миниатюрными и более удобными для хранения в бумажниках. Уменьшились расходы на печатание денег. Само предложение Ларсена свидетельствует, что у нас были дружеские отношения, и я с удовольствием его выслушивал. Когда все изменилось и мы стали противниками, то прежние отношения нарушились. На какой-то встрече нашей делегации с членами парламента нам представляли разные его фракции. На той встрече был и Ларсен. Я с ним столкнулся, как говорится, носом к носу. Он уселся близко ко мне, но так как наши отношения уже были порваны, то поздоровались мы лишь общим поклоном, а руки друг другу не подали. Он задавал потом какие-то вопросы, я отвечал, но не очень серьезно, а скорее высмеивал его позицию. Помоему, потом его партия прекратила свое существование. Что случилось лично с Ларсеном, не знаю. Печать же, оппозиционно настроенная к коммунистическому движению, конечно, использовала по-своему мою последнюю встречу с Ларсеном. Вот единственное пятно при нашей поездке в Данию.

В ходе ознакомления со страной мы посетили судостроительные заводы, на некоторых участвовали в спуске кораблей на воду, в этой торжественной церемонии. По такому случаю Нине Петровне любезно предложили разбить традиционную бутылку с шампанским о корпус одного корабля. Местные промышленники были удовлетворены, получив от нас новые заказы, и хотели закрепить наши отношения, чтобы и далее получать их. Нам это тоже было выгодно. Более всего у меня в голове остались именно датские судостроительные верфи. Они выпускали современные, с хорошим ходом и послушным управлением корабли, хотя и небольшого тоннажа. Суда водоизмещением свыше 12 тыс. т они тогда еще не делали. Но мы были довольны, так как корабли выполнялись на высоком техническом уровне, соответствовавшем тому времени, и полностью удовлетворяли запросы заказчиков.

Мы встретились с лидерами Компартии Дании. Наши беседы были самыми дружественными, у нас не возникло никаких расхождений, так что в памяти у меня ничего плохого не осталось. Обсудили вопросы коммунистического движения, обменялись мнениями о международных делах. Новым лидером КПД был Ес-

персен. Потом мы поехали по стране, чтобы познакомиться с ее сельским хозяйством, воспользовавшись приглашением правительства и любезностью оппозиции. Оппозицию возглавлял фермер, лидер одной из буржуазных партий, бывший премьер-министр⁶. Согласно задуманному, мы должны были осмотреть некоторые фермы, включая его ферму. Я сохранил в памяти отличное мнение о его хозяйстве. Он тепло нас принимал и показал, что прекрасно знает свое дело. Сам он там не работал, а использовал наемную рабочую силу, ведя хозяйство на очень высоком уровне. Его урожаи, как и по стране в целом, намного превосходили наши.

У меня просто не хватает слов, чтобы выразить свое удовольствие, которое я получил при знакомстве с состоянием сельского хозяйства Дании. Мой глаз отдыхал, во мне рождались самые добрые чувства любителя отменной работы, когда я обзирал посевы на датских полях. Признаюсь, однако, что с радостью соседствовало разочарование. Радость порождалась тем, что обычные люди могут так возделывать свои поля, получать такие превосходные урожаи всех культур, иметь такую высокую продуктивность скота и ведения земледелия. Горечь же проистекала из того, что я, конечно, не мог, вступая в спор, доказывать, что наше сельское хозяйство не хуже. Увы, их хозяйство, основанное на капиталистической базе, находилось намного выше нашего, социалистического, которое, казалось бы, организационно должно обладать преимуществами. Мы же, к сожалению, далеко отставали. Думаю, что и сейчас отстаем от датчан. Дания — сплошная равнина, несколько похожая на украинские степи, но с тем преимуществом, что ее земледельцам климатически помогает географический пояс, в котором она расположена. С моря дуют влажные теплые ветры. Дания — страна с мягким климатом, благоприятным для сельского хозяйства. Если при современных методах возделывания почвы пахотный слой имеет недостаточное количество питательных веществ, то этот недостаток компенсируется химией, которая дополняет природу и дает возможность каждой культуре получить питание в нужном количестве. Общий вид полей там изумителен. До поездки я кое-что прочитал о сельском хозяйстве Дании, но увиденное меня поразило. Приятно было смотреть на труд человека, на урожай, созданный его руками, и высокопродуктивный скот. Нам надо еще много работать, чтобы поднять сельскохозяйственное производство хотя бы до близкого уровня.

Там мы видели хозяйства разных масштабов. Показали нам

владение небогатого (в их понимании) фермера, а в нашем понимании это кулак. У него насчитывалось несколько коров и свиней и все было организовано так, чтобы не дать задушить себя более сильным фермерам и чтобы максимально выгадать при той конкуренции, которая там существует. Если бы он не смог выдержать конкуренции, то разорился бы и стал отбросом для пополнения армии безработных.

Больше всего поразил меня молочный скот. Собственно говоря, вся Дания — это огромная молочная ферма. Не знаю даже, кто может с ней в этом конкурировать? Возможно, голландцы не уступят. Однако и другие скандинавские страны тоже имели отлично поставленное молочное производство. В данном случае я говорю лишь о Дании и ее хозяйстве. Когда мы заходили на любую ферму, то видели образцовый порядок: чистоту, организованность, таблички с обозначениями животных и показаниями процента жирности молока. Продуктивность коров выражалась не в литрах, как у нас, а в содержании жиров. Мы шли мимо табличек, и у меня перед глазами мелькали цифры 4,5; 4,7; 5,0; 5,2; 5,5; и вдруг 7,0 процентов жирности! Просто мечта. А датчане вот сумели! Правда, тоже у единичных животных. Средняя жирность составляла 5 процентов, а 4,5 считались низкими. У нас на табличках указывается только удой в литрах от каждой коровы. Литр — это мировая единица измерения, но содержание жира в молоке — определение продуктивности скота, его ценности. Если у них 5 процентов, а нас вдвое ниже, то, значит, наши два литра молочной воды равноценны их литру жирного молока.

Во время посещения первой же фермы ее хозяин подарил мне телку. Побывали мы и на выставке. Не знаю, была ли она приурочена к нашему приезду или просто являлась очередной сельскохозяйственной выставкой. Там широко представили животноводство. Пригласили всю нашу делегацию, так что все видели примечательную картину.

Выставка напомнила мне ярмарку, которую я видел подростком в Донбассе. Ярмарка в Юзовке всегда начиналась 14 сентября. Крестьяне вывозили для продажи свиней, гусей, уток, кур, индеек, другую сельскохозяйственную продукцию. Там велась вольная торговля. Здесь — выставка, поэтому она имела более организованный характер: спланирована по секторам, заполнявшимся различными видами животноводческой и птицеводческой продукции, имела нарядный вид, да и люди тоже были нарядно одеты. Потом началась демонстрация лошадей разного назначения. Показывали публике таких животных, которые мог-

ли бы служить примером, чтобы каждый хозяин смог познакомиться с лучшими образцами и перенять опыт. Затем стали выводить коров и быков. Они тоже производили сильное впечатление. Тут же давалась характеристика всем животным. На выставке мне подарили двух телок и бычка. Я распорядился, чтобы Министерство сельского хозяйства СССР взяло их на особый учет и передало в научно-исследовательское учреждение. Пусть там поработают с ними и получают от них высокопродуктивное потомство.

Для ведения племенного животноводства в СССР мы, конечно, пользовались не только животными, получаемыми в подарок. Такой скот мы сами покупали в Дании и в других странах. Вообще-то Дания — малая страна, которая вынуждена пробивать на рынок сбыта свои молочные продукты и бекон. Бывали случаи, когда ее социал-демократическое правительство буквально умоляло нас что-то купить, поскольку в стране было затоваривание и не находилось сбыта. Перед выборами в фолькетинг, чтобы привлечь голоса фермеров в пользу кандидатов от социал-демократов, правительство стремилось организовать сбыт. Закупка Советским Союзом сельскохозяйственных продуктов в Дании свидетельствовала, что такому правительству народ может доверять, ибо оно на основе дружеских отношений с СССР сумеет организовать сбыт сельскохозяйственных продуктов. Так фермерам обеспечивался надежный рынок.

Маленькая страна, а делает буквально чудеса. Да, я понимаю, что чудеса — это для нас. А для других стран тут уже давно завоеванные позиции и никаких чудес нет. Я и сейчас, как прикрою глаза, явственно вижу ту выставку и ее замечательные экспонаты.

По программе визита, составленной правительством Дании, планировались встреча и обед с королем⁷ в его загородном дворце. Настал день и час нашего отъезда на обед. Это неподалеку от Копенгагена. Мы были там в летнее время, так что Дания имела вид разрисованной картинки. Прибыли во дворец. Встретила нас королева с двумя дочерьми. Король, большой любитель охоты, к нашему приезду собирался как раз вернуться и, видимо, запоздал, как это бывает на охоте. Заняли нас пока какими-то разговорами. Вскоре приехал и король — обычный человек, вовсе не такой, о каком мы составили себе мнение заранее, внешне ничем не выделявшийся, и королевского на нем ничего не было: ни мундира, ни регалий. Он вышел к нам в обычном костюме, немолодой уже человек с лицом вовсе не столь холеным, как изображаются обычно короли. У него вообще было простое лицо, и в зависимо-

сти от точки зрения того, кто его рассматривал, короля можно было принять за человека любой профессии.

Посол предупредил нас, что король — охотник. Поэтому в подарок ему мы привезли тульское ружье с вертикальным расположением стволов, новинка у нас, хотя в Европе подобные ружья уже использовались. Я лично имел бельгийские и немецкие трофейные ружья такого типа. Наша тулка, конечно, была отменно изготовлена и с хорошим боем. Тульские ружья могут конкурировать с чем угодно, смело вступать в соревнование. Советские стрелки с отечественными ружьями успешно выдерживают состязания со стрелками с западным оружием... Преподнес я подарок. Когда мы стали собирать для короля ружье, он проявил нетерпение и сам начал сборку, а я ему помогал и, увы, запутался, потому что из таких ружей стрелял редко. Мне больше нравились классические, с горизонтальным расположением стволов. Тогда я попросил начальника моей охраны товарища Литовченко показать, как его надо собирать. В результате мы на практике обучили короля. Видимо, у него тоже не было такого ружья, потому что он проявил полное незнание его устройства. Мы видели, что ему все это очень приятно, подарок ему понравился. Нам это тоже доставило удовольствие.

Принцессы оказались молодыми. Младшая — совсем девчонка, и, я бы сказал, очень красивая. При оценке девичьей красоты могут быть разные точки зрения, но она на всю нашу делегацию произвела незабываемое впечатление. Старшая дочь тоже была, как цветок: и нарядна, и собой хороша. Нам сказали, что ее уже просватали, скоро будет свадьба. Она выходила замуж за короля Греции. И когда я услышал это, то еле-еле удержался, чтобы не посочувствовать ей. Так и хотелось сказать, что сейчас короли не в моде, что королевский трон в Греции довольно непрочен. Мне по-человечески было жаль такую девушку, что ей придется испытать немало неприятностей, когда она станет королевой Греции. Опять могут сказать: «С чего это бывший рабочий сочувствует королеве?». Да, я сочувствовал, но не королеве, а девушке. Я-то знаю, какие может жизнь преподносить сюрпризы. Мне как рабочему тоже было бы приятнее, если бы она выходила замуж за кого угодно, а не за короля. Но это принцесса, поэтому достойным ей женихом оказался король. Когда «черные полковники» устроили в Греции переворот, король вынужден был бежать⁸. Кажется, именно в Данию.

Датская королева была одета тоже просто, без пышности, хотя она и весьма богатая женщина. Она пригласила нас к столу. Обед

протекал без напряжения. Королевская чета вносила естественность. Произносились тосты: с моей стороны — в честь короля; с их стороны — в нашу честь. Состоялся обычный обед, который бывает при встрече за столом людей, представляющих разные страны. Потом мы вернулись в Копенгаген, где нас пригласил к себе премьер-министр с женою посетить их дом. Он сказал, что и поговорим у него за чаем или кофе. Мы согласились и в назначенный час поехали к нему. Премьер, видимо, хотел показать, в каких условиях он живет. Это и меня интересовало.

Приехали в какой-то поселок, вроде рабочего, с двухэтажными домами. Нам объяснили, что их строил кооператив, а премьер как его член получил там квартиру. Она располагалась на двух этажах. Эта западная система размещения наиболее удобна для семьи. Как правило, внизу находятся кухня и столовая, наверху — спальни, под окнами — садик. Как бывает в таких случаях, каждый хозяин по своему усмотрению сажает там огородные культуры, цветы или деревья. У премьера росли деревья на крохотном участке, куда соседи спокойно заглядывали с обеих сторон. Мы провели время очень приятно. Сам он человек общительный, его жена — актриса и тоже общительная. Он молод, а она еще моложе. У них было двое детей. Хорошая простая семья, без претензий, обеспеченная, но без роскоши, что мне вдвойне понравилось. Понравились также сам дом и устройство квартиры. Я, признаться, мотал там себе на ус, что и нам надо бы придерживаться такого образа жизни. А то у нас для руководителей сложились другие условия быта, вовсе неправильные. Всегда находят какое-то оправдание этому, но тут не буду распространяться на сей счет.

Квартиру я не обследовал, это делала Нина Петровна и рассказывала потом о деталях. Мы сидели в палисаднике, там подготовили обеденный стол, там мы и начали беседу. На следующий день осмотрели Копенгаген, морскую набережную со знаменитой Русалкой Андерсена. Как раз перед нашим приездом хулиганы отпилили ей голову. В печати много об этом писали. Такое злодеяние потрясло общественность всей Дании. Вышедшая из сказки, Русалка приобрела особое значение для каждого датчанина. Вскоре никаких следов святотатства не осталось, новую голову искусно приделали на прежнее место. В целом Копенгаген мне очень понравился. Впечатляли и набережная, и нарядная публика. Мы жили там в гостинице, наблюдали торжественную смену караулов, другие достопримечательности, просто походили по городу.

Распрощавшись, отбыли на корабле в Норвегию. Полагаю, что церемония встреч была заранее согласована между тремя Скан-

динавскими государствами. И политика их в отношении Советского Союза почти ничем не различалась, и церемонии были идентичными. Здесь тоже было королевство. Следовательно, и почести соблюдались аналогично датским.

Рассказывали, что отец нынешнего норвежского короля⁹ увлекался рыбной ловлей и был настолько демократичен, что иной раз ездил на рыбную ловлю на трамвае. Трамвай останавливался близ того места, где была рыбалка. Не зная короля лично, никто не мог предположить в нем правящее лицо: обычный пассажир, каких в трамваях тысячи. С премьер-министром Норвегии Герхардсенем¹⁰ был знаком заочно. Еще до оккупации Норвегии Германией он был премьер-министром, во время оккупации — лидером партии социал-демократов, пошел мостить мостовые, укладывал булыжники. Потом немцы его арестовали, он сидел в лагере и, кажется, был освобожден советскими войсками в Северной Норвегии. Южная Норвегия освобождалась западными союзниками, мы в этом не участвовали.

Жена премьера примыкала к левому крылу социал-демократов. Как меня информировали, она была близка к коммунистической партии, но лично никогда не являлась коммунисткой. Когда рабочий класс Норвегии вышел строить баррикады, то она была там вместе с коммунистами и левыми социал-демократами. Одним словом, находилась там, где могло произойти столкновение рабочих со своим классовым врагом. По своему мировоззрению она стояла ближе к коммунистам, чем ее муж.

В день прибытия в Осло мы должны были нанести визит королю Норвегии¹¹. Меня предупредили, что у него серьезное заболевание, от которого без всякой внешней причины он может вдруг громко захохотать. Поэтому надо не афишировать, а сделать вид, что не замечаешь. Мы подъехали к обычному парку, который ничем не выделялся, как и дворец, имевший вид жилища капиталиста среднего достатка и не производивший какого-то особого впечатления. Посетитель не ощущал, что вступает во дворец короля. Встретил нас некто в военном френче цвета хаки и повел внутрь. Мы вошли во дворец, и я ожидал, когда меня представят королю. Но, когда мы зашли в кабинет и тот предложил мне сесть, а сам уселся в кресло хозяина, я сообразил, что это и есть король. Он был настолько просто одет и внешне выглядел так, что его можно было принять за садовника.

Наша беседа имела чисто формальный характер. Вскоре я удалился. Короли Дании и Норвегии — царствующие лица, но не управляющие реально своими государствами. Деловыми вопроса-

ми они не занимаются. Не они определяли политику, а правительство. Тут были визиты вежливости. Разместили нашу делегацию тоже в королевском дворце, в парке на окраине Осло. Хороший парк, хороший дворец, но ничего похожего на роскошь дворцов Петергофа или Царского Села, Екатерининского и Павловского. Мебель тут была не дворцовая, а хозяйственная, для удобства живущих, в парке цветы и зелень на живописно расположенных лужайках создавали уют.

К правительству Норвегии никаких вопросов, требующих особого решения, у нас не было. Имелись общие вопросы, которые стоят и сейчас: о мире, о мирном сосуществовании, об экономическом прогрессе, типичные вопросы, которые всегда возникают. Отношения же наши были хорошими, хотя и нуждались в улучшении. Если принимать во внимание, что наши государства относились к разным социально-политическим формациям, то отношения между ними надо считать очень хорошими.

Оппозиционные буржуазные партии в Норвегии влиятельны. Это выражалось и в том, что в стортинге социал-демократы имели большинство всего в один голос, и принадлежал он не социал-демократу, а социалисту, который занимал промежуточную позицию между социал-демократами и буржуазией. Но в коренных вопросах, особенно когда стоял вопрос о доверии правительству, этот представитель социалистов (или он себя называл таким) всегда голосовал вместе с социал-демократами. Так всего один человек решал вопрос о судьбе правительства, положение которого было поэтому неустойчивым.

Путешествуя по Норвегии, мы посетили и ее северные районы, где наши войска принимали участие в изгнании фашистов. Мы поехали на кладбище, где похоронены и жертвы оккупации, и советские солдаты. Все там в образцовом порядке, видны надгробные плиты с надписями, есть общий памятник нашим соотечественникам. Захоронение выглядело миниатюрным, но оформлено было с любовью и архитектурно-художественным вкусом, производило приятное впечатление: без излишеств, но приковывающее внимание и вызывающее сочувствие к жертвам, покоящимся на кладбище.

Правительственные приемы и обеды в Дании, Норвегии и Швеции похожи друг на друга, и я не буду о них рассказывать. Они были дружественными. Чувствовалось, что с нами хотят дружить, укреплять эту дружбу и особенно развивать экономические связи, получать от нас заказы и покупать у нас сырье. Частично мы продавали Норвегии зерно. Она же искала рынки сбыта сельди. У них благоприятные условия для лова сельди, потому что она, миг-

ируя в океане, проходит мимо берегов Норвегии, как говорится, сама прет в сети. Порой перед выборами социал-демократы Норвегии обращались к нам с просьбой выручить их и купить сельдь, которая не находила сбыта. В СССР она пользовалась большим спросом. Отличная по вкусу и прекрасно приготовленная, лучше, чем мы готовили из своего улова.

Министерство финансов СССР при покупке норвежской сельди имело солидную прибыль, так как мы продавали ее в Советском Союзе по более высоким ценам, которые сложились на этот продукт у нас. Опять же наши возможности закупок ограничивались наличием валюты, нам надо было расплачиваться валютными товарами, самой валютой или золотом. Иной раз это сдерживало от закупок, ведь мы ощущали потребность и в других видах товаров, более необходимых, чем сельдь. Потребители СССР в то время вообще занимали в правительственных расчетах второе или даже третье место. Главным образом, мы покупали за границей оборудование, аппаратуру или приборы, которых сами не могли изготовить.

Норвегия, как и Дания, строила для нас корабли. Мы и там побывали на верфи, ибо спуск корабля на воду приурочили к нашему приезду. Нине Петровне снова была предоставлена честь разбить бутылку о корпус корабля. Промышленники и тут проявляли к нам большое внимание, были довольны советскими заказами и их повторением, так как верфи загружались работой. Из печати видно, что это и сейчас продолжается, потому что взаимовыгодно. Все довольны: капиталисты зарабатывают, рабочие тоже, мы увеличиваем свой рыболовецкий морской флот. Норвежцы, потомственные мореходы, умеют строить отличные корабли. Как поется варяжским гостем в опере «Садко»¹², «на море родились, умрем на море». Действительно так: варяги знали море с детства и с давних времен умели строить отменные корабли, на которых преодолевали большие морские просторы. Они раньше, чем Колумб, достигли американских берегов и возвели там свои поселения.

Неподалеку от Осло нам показали (мы приехали туда по железной дороге) большой и современный химический комбинат минеральных удобрений¹³. Концентрация полезных веществ в них была выше, чем в наших, так что они представляли для нас интерес. Я договорился с норвежцами о продаже ими лицензии или о консультации, на что они охотно согласились. Затем мы посетили металлургическое предприятие. Нас очень хорошо встречала местная администрация, тем более рабочие. Офици-

альный же прием нам устроил король. О королеве я ничего не могу припомнить. Королевский, как и правительственные приемы, тоже был очень теплым, проходил в дружественной обстановке. Потом премьер-министр Герхардсен сказал, что хотел бы побеседовать со мной один на один. Я был готов. Завязалась полезная беседа. Подчеркну, что обмен мнениями с Герхардсеном оказался более свободным и по обстановке более располагающим к искренности, чем с премьером Дании. Возможно, это было вызвано тем, что он был старше датского премьер-министра и ближе по возрасту ко мне, да еще сам, как и я, выходец из рабочих, что вызвало у меня положительную реакцию. Да и держал он себя демократично.

Герхардсен сказал, что, видимо, новые выборы в парламент не принесут ему победы, так что социал-демократическое правительство не будет иметь возможность остаться у власти на следующий срок, к руководству придут буржуазные партии, а рабочая партия перейдет в оппозицию. И начал мне рассказывать, как они на протяжении ряда выборов теряют все больше и больше голосов, сейчас в парламенте имеют большинство всего в один голос, да и тот депутат — не из их партии. «А очередные выборы, наверное, и этого голоса нас лишат», — сказал он. «Как же так, — говорю я (мы с ним называли друг друга то «господин», то «товарищ»). Он охотно переходил на пролетарское обращение). — Избиратели у вас, главным образом, рабочие, плюс небольшая крестьянская прослойка, плюс трудовая интеллигенция. Почему же вы теряете голоса? Как это понять? Рабочие, следовательно, голосуют за кандидатов, выставленных буржуазными партиями? Что же, они голосуют против своих интересов?». «Да, — отвечает, — это так, у нас, действительно, абсолютное большинство избирателей составляют рабочий класс, трудовая интеллигенция и бедные крестьяне. Но и они, не говоря уже о фермерах, начинают голосовать за буржуазные партии». И конкретно, на цифрах, показал, как социал-демократы теряют голоса.

Человек непосредственный, он располагал меня к себе. «Надо бы вам подумать, — предложил я, — и выступить с более радикальной избирательной программой, чтобы привлечь рабочих». Он посмотрел на меня с улыбкой, а в глазах его светилась ирония, и промолвил: «Товарищ Хрущев, программу, более радикальную, чем сейчас, мы не сможем принять». «Почему? Ведь тем самым вы отталкиваете избирателей, и они не голосуют за вас». Тут он высказался более откровенно: «Товарищ Хрущев, у нас есть партия, которая выступает с более радикальной программой,

чем мы, — коммунистическая, но она собирает голосов еще меньше. Видимо, для нас потеря голосов определяется не тем, что наша программа недостаточно радикальна». «А чем же?» — «Тем, что у нас многие рабочие имеют дома, морские катера, другую собственность. Наше законодательство такую собственность облагает налогом, эти люди попадают под обложение и голосуют против нас. Буржуазные партии обещают уменьшить налог на собственность, но увеличивают налог на трудовой народ, чем и привлекают людей, имеющих большие или средние доходы, обещая всяческие льготы».

Действительно, партия, выступавшая на выборах с еще более радикальной программой, чем социал-демократы, то есть Коммунистическая партия Норвегии, в стортинге имела лишь несколько мандатов. Я стоял на стороне Герхардсена, хотя его правительство тоже проводило политику, учитывавшую интересы буржуазии, и недостаточно усилий проявляло для выхода из состава НАТО. Тогда тот вопрос нас жгуче интересовал, и мы добивались соглашения по нему. Норвегия — наш сосед. НАТО угрожает нашей безопасности, иной раз проводит военные маневры вблизи наших границ, морских и сухопутных. Конечно, мы отдавали большее предпочтение рабочему составу норвежского правительства, нежели буржуазному, вместе с которым появлялось вообще много чего, неизвестного для нас. Мы могли ожидать, что оно станет проводить политику, более направленную на вращение в НАТО, что противоречило нашим интересам.

Нину Петровну жена премьер-министра знакомила с бытовыми и детскими учреждениями страны. Она приезжала в СССР еще до нашей встречи в Норвегии, возглавляя какую-то молодежную организацию, хотя уже вышла из молодого возраста. Правда, эта энергичная, приятная и умная женщина была значительно моложе своего мужа. Она пригласила Нину Петровну на квартиру, и потом жена рассказывала мне, что семья премьера живет скромно, даже бедно, причем в той же квартире, которую он занимал, когда был еще рабочим. Вела буквально спартанский образ жизни. У них имелись две дочери-подростка, тоже не знавшие никакой роскоши.

Я встретился и с руководством Коммунистической партии Норвегии. Беседа проходила тепло. У нас тогда были доверительные и братские отношения. Несмотря на то, что премьер-министр являлся противником политической деятельности коммунистов и КПН находилась в оппозиции, иной раз, когда наступал критический момент и правительство могло быть провалено буржуазией,

члены стортинга от КПН приходили на выручку, поддерживая премьеры своими голосами.

Что касается буржуазных членов стортинга, то я встретил среди них знакомого, бывшего посла Норвегии в Советском Союзе, человека среднего возраста, высокого роста, худощавого¹⁴. Его жена была схожа с мужем и возрастом, и комплекцией, довольно приятная женщина. Посол знал русский язык, и мне с ним разговаривать было легко. Я не раз беседовал с ним в Москве, когда он был послом. Теперь он сам попросил о встрече. Он меня уверял, что СССР не должен проявлять озабоченность по поводу того, что нерабочая партия придет к руководству, ибо каких-то перемен в отношениях между нашими странами при смене правительства не произойдет. Новое правительство, в котором он надеялся занять определенное место, будет проводить по отношению к Советскому Союзу ту же политику.

Действительно, когда произошла смена правительства, так и случилось. Но правительство Герхардсена было нам все же ближе. Оно, поддаваясь давлению со стороны коммунистов, больше учитывало интересы рабочих. А сейчас там социал-демократы находятся в оппозиции и имеют недостаточно сил, чтобы вновь прийти к власти.

Советский посол¹⁵ устроил прием в нашу честь. Туда была приглашена масса гостей, включая руководство КПН и правительство. Стояла теплая погода, прием проходил на открытом воздухе и в хорошей, располагающей обстановке. Когда мы познакомились с Норвегией, то заметили, уже не по карте, а в натуре, что эта горная страна с довольно суровой природой может закалять свое население — тружеников и храбрецов. Другое наблюдение: когда мы ездили железной дорогой на север, то видели сплошные мосты. Они соединяют горы, переброшены через овраги, в горах проложены туннели. Для туристов это экзотическая страна. Там есть и уголки с оригинальным микроклиматом, где цветут южные растения. Норвегия обладает летом той же прелестью, что и наш Север: белыми ночами. Не знаю, где они белее: в Ленинграде или в Осло, но и там они привлекают большое количество туристов. За счет туризма Норвегия вообще имеет основательное пополнение валюты.

Из Осло, когда программа пребывания, предложенная нам правительством Норвегии, была исчерпана, мы на корабле взяли курс на Швецию.

На пути из Осло мы миновали фьорд, который довольно глубоко вдавался в сушу, поэтому дорога до открытого моря оказалась длинной. Мы плыли там, как по большой реке, справа и сле-

ва видя берега — красивейшие места с богатой растительностью. Встречные острова и все берега освоены: там устроены лодочные станции и дома отдыха, все с толком обжито и сделано красиво, выглядит очень нарядно: и целые поселки, и отдельные виллы. Непрерывные в пути встречи с людьми, гулявшими на катерах или близ поселков на лодках, начинались и кончались дружественными приветствиями. Мы отвечали им с палубы. Я с палубы не уходил, стремясь не отрывать глаз от зрелища, с жадностью присматривался к условиям жизни норвежского народа. Это дополняло впечатления, которые я получил, разъезжая по стране.

Путь в Стокгольм показался мне длительным. Когда мы вошли в воды Швеции, то и там зрелище было приятным. Красивые берега, таким же образом хорошо освоенные, похожая картина, которую мы наблюдали, уплывая из Осло. Процедура встречи равным образом повторилась. Эти, как и Дания, родственные страны близки по своей политической структуре. В них во всех были социал-демократические правительства, поэтому личные связи они поддерживали самые тесные. На процедурах приема нашей делегации мы слышали идентичные речи, только слова не вполне совпадали. Иначе и быть не могло: ведь одни и те же вопросы волновали и норвежцев, и датчан, и шведов. Да и нас интересовали те же проблемы, за исключением одной: нейтральная Швеция не состоит в военных блоках. Тем не менее она больше тяготеет к странам НАТО, чем к СССР. И это не должно нас удивлять, потому что Швеция — капиталистическая страна.

Долгое время послом Швеции в СССР был господин Сульман¹⁶. Он сносно говорил по-русски, с ним можно было неплохо объясниться напрямую. Я без труда понимал его, когда он излагал свои мысли не торопясь. Жена у него русская по происхождению. Не помню, как она попала в Швецию. То была хорошая пара. Сульман являлся дуайеном — старостой среди послов, аккредитованных в СССР. Старостой бывают те послы, которые больше других пребывают в данной стране. У нас с ним возникало мало дел, но он порою приходил в МИД по делам и других посольств. Касалось это главным образом разного рода приемов. На них он приглашал меня от имени не своего посольства, а всего дипломатического корпуса, который он представлял. Сульман держал правильную линию в отношении Советского Союза и не давал нам поводов для недовольства. Вообще находился у нас «на особом счету». Это не значит, что он отстаивал наши интересы: он оставался лояльным шведом и нес свои функции не только как представитель своего правительства, но и как буржуа. Не знаю, какой

он обладал частной собственностью, это вообще вопрос иного плана. Но как посол он нас удовлетворял, никаких претензий к нему не возникало. Мы с уважением относились к его персоне.

Жена его, любезная женщина, оставалась к нам дружелюбной, что бывает не всегда. Иногда русские, становясь иностранцами, начинают проявлять враждебность по отношению к Родине, откуда они эмигрировали. К госпоже Сульман это не относится. Конечно, являясь супругой такого человека, она безусловно занимала те же, что и муж, общественные позиции. Думаю, что никаких политических разногласий внутри семьи у них не было. Их сын, юноша лет 17-ти, отлично говорил по-русски. Дети обычно лучше знают материнский язык, потому что больше общаются с матерью. Потом он учился в каком-то вузе, но во время каникул приезжал в Москву, иногда вместе с родителями бывал на приемах, и всегда посол с удовольствием подводил его поздравиться со мной. Так я узнал их семью.

У нас сложились добрые отношения, и мы часто позволяли себе шутки на исторические темы. «Господин Сульман, — мог сказать я ему, — сейчас у нас с вами хорошие контакты, но когда-то шведы были под Полтавой, поэтому мы должны зорко следить за вашей деятельностью: не замышляете ли вы повторно поход к Полтаве?». Он, улыбаясь, отвечал: «Господин Хрущев, вы знаете, что после того урока, который мы получили от русской армии петровских времен, Швеция почти не воевала. Так что можете быть спокойны, повторного похода к Полтаве мы не замышляем». Никаких осадков наше перешучивание не оставило, хотя сражения Швеции и России в петровское время были довольно кровавыми.

В Стокгольме нас встретил премьер-министр Эрландер¹⁷, опять же социал-демократ. В качестве резиденции нам отвели королевский дворец с большими удобствами, прекрасным парком и массой цветов. Король дворцом не пользовался, и последний предназначался для гостей. Внешне он и не выглядел дворцом: как и в Норвегии, обычный хороший дом без особых украшений. Парк был отлично распланирован, с чудесными дорожками и всеми условиями для отдыха. Во дворце стояла соответствующая мебель, висело много картин. Условия пребывания гостей — как нельзя лучше.

Вскоре, согласно протоколу, мы нанесли визит королю¹⁸. Из сообщений печати вижу, что он и по сей час живет и здравствует. Нас снабдили информацией, что он по специальности археолог и занимается научной деятельностью. Перед нашей поездкой советские ученые подобрали библиотечку по его тематике, которая могла бы его заинтересовать. То был довольно объемистый груз.

Передавая сувенир, я символически вручил ему какую-то одну книгу и сказал: «Преподаю вам от себя и от Академии наук СССР». Король, немолодой человек высокого роста, седой, но подтянутый и собранный, сердечно поблагодарил. В молодости он явно мог бы служить красавцем-гвардейцем.

Социал-демократическое рабочее правительство Швеции — самое старое из скандинавских. Оно было сформировано еще до второй мировой войны. Премьер Эрландер — опытный политик, переговоры с которым протекали в атмосфере взаимного уважения. У нас не существовало никаких спорных проблем. Эрландер как нейтрал свободно высказывался за всеобщее разоружение и осуждал все военные блоки — и Варшавский договор, и НАТО. В выходной день он предложил нам съездить за город, на правительственную виллу. Неподалеку находилась животноводческая ферма, ее посещение предусматривалось программой визита. Эрландер сам вел машину, а за нами ехали сопровождающие лица. Эта ферма не уступала тому, что я видел в Дании. Животноводство в Швеции тоже стоит на высоком уровне. Там проводилась изрядная селекция, поэтому страна имеет высокопродуктивный молочный скот с жирностью молока в 5 процентов и выше. А если их обнаружат ниже 4,5 %, то таких коров посылают на убой, выбраковывают.

Во время посещения фермы мы обратили внимание на то, что фермер, сидя за рулем, сам производил уборку люцерны, но очень оригинально. Я такого способа уборки ранее не видел. Признаться, даже не знал, что он существует. Да и наши специалисты ничего не знали о нем. Особенность заключалась в том, что в процессе укоса скошенные растения проходили через валки, стебли раздавливались. Позднее мне доложили об этих машинах, и я видел их образцы. У нас их, к сожалению, не производили. Такой способ уборки создавал более равномерное высыхание скошенной массы. Обычно влага задерживается в стеблях. При нашей уборке, когда стебли высыхают, лепестки к той поре уже настолько пересохнут, что осыпаются, и самые ценные кормовые достоинства, находящиеся в лепестках, остаются на земле. При их способе уборки получается равномерное развливание массы, сено убирается без потерь.

Кроме того, машина, двигаясь по полю, растягивала шпагат на вешках, сено набрасывалось на бумажный шпагат и в подвешенном состоянии быстрее подсыхало. «Почему вы делаете шпагат из бумаги?» — спросил я. «Раньше, — ответил фермер, — я применял проволоку, но бывало, что ее концы оставались в сене и коровы съедали его с проволокой, были случаи их гибели. Прово-

лока пробивала им кишечник или желудок. А тут все съедобно: и люцерна, и бумага». Это было разумно. Тот фермер имел земли 60 гектаров. Он показал нам и своих животных. Его домик был небольшим, но удобным, с хорошей террасой и большим прудом, в котором он ловил рыбу. Он продемонстрировал нам и трактор-амфибию, могущую работать на любых полях. Главная ее работа — скашивание водорослей и камыша. На этой амфибии установлена косилка. Мне понравилась такая машина, и нашим специалистам я порекомендовал изучить возможность ее производства. Мы купили образец, с тем чтобы нам тоже завести такие машины. У нас ведь много озер, где нужно выкашивать траву как на корм скоту, так и для лучшего выращивания рыбы.

Коровы у фермера тоже были высокой продуктивности. И тут опять все вызывало у меня зависть. У нас ученых пруд пруди, а животноводческая наука никуда не годится. Даже толковой направленности нет. Слушаю сейчас по радио: такие-то удои, такие-то удои... Да это просто невежество! Показатель для незнающих людей. Главное, что определяет продуктивность молочного скота, содержание жира в молоке. Можно себе представить, сколько лишних средств мы затрачиваем на содержание скота, сколько корма мы переводим и какую скромную отдачу получаем. В наших колхозах и совхозах затраты в два раза выше, чем у датского или шведского фермера, а толку меньше. Это касается и Норвегии.

После посещения фермы мы катались по прекрасному озеру, вначале группой, затем я взял себе лодку на одного человека и уплыл довольно далеко. Погода стояла солнечная, видимость была отличная, но охрана сходила с ума. Мы замечательно отдохнули, а вечером состоялся официальный обед с обменом мнениями. Говорили о сложившихся отношениях между нашими государствами и затрагивали международное положение, которое хотели бы изменить в лучшую сторону. Увы, эти переговоры никакого влияния на изменение обстановки в мире не оказали. На приеме, который был устроен нашим посольством, присутствовал король. Как всегда в таких случаях, всюду накурено, возникает толчея. За одной из таких группок я с интересом наблюдал: там стоял король в небольшом окружении лиц и беседовал, все выглядело демократично. Этот король тоже понимал время, в котором живет, и хорошо чувствовал обстановку, сложившуюся в Швеции. Не было и тени какой-то особой изысканности, аристократизма, известного нам из литературы об императорах. В королевской манере держаться даже внешне не было ничего того, что бросалось в глаза при шествии русских царей.

Король был одет в обычный серенький костюм и ничем не выделялся из других лиц.

И в Швеции тоже состоялся спуск на воду корабля, построенного по заказу СССР. Опять была разбита бутылка с шампанским. Нина Петровна уже обучилась этому делу, как заправский мастер, а мы подшучивали, как, дескать, ловко у нее это получается. Правительство Швеции запланировало посещение нами старой столицы — Гётеборга, портового города исторического значения. Мы должным образом были приняты его мэром, тоже социал-демократом. Потом нам показали достопримечательности. Мы посетили рыбный рынок. Там рыбой обычно торгуют утром, к обеду базар кончается, ибо рыба — быстро портящийся товар, и санитарная инспекция строго следит за соблюдением гигиены. На рынке мы осмотрели много рыбного товара. Продавались всевозможные рыбы, тут же их готовили для желающих, те ели. Потом мы заглянули в дом-аквариум.

Я люблю природу, люблю морских животных, а там все было представлено богато: различные рыбы, ракушки, прочая морская живность. Экспозиция была интересно составлена, особенно для детей, познания ими жизни моря. Весьма полезная вещь. Там мы отобедали, попробовали дары моря. Мэр держал речь и в заключение сказал: «В знак вашего пребывания и на память о нашем городе преподношу вам в дар от Гётеборга фотоаппарат». Я принял подарок, а теперь добром вспоминаю мэра. Фотоаппарат марки «Хасенблатт» оказался хорошей конструкции, делает прекрасные снимки. Сейчас, в положении моего безделья, он мне очень пригодился как «заполнитель» повседневной пустоты. Когда я после столь бурной общественно-политической жизни вдруг стал пенсионером и мне некуда себя девать, пустота стала давить на меня и угнетать. Спасибо мэру Гётеборга, что он дал мне в руки «заполнитель»!

Мы имели контакт и со шведскими коммунистами. Во всех странах, посещаемых нами, мы встречались с братьями по партии не подпольно и не инкогнито, а принимали их в своем посольстве и вели обмен мнениями. У нас с Компартией Швеции не существовало никаких разногласий, по всем вопросам имелось единое мнение, поэтому мы просто пожали друг другу руки. В риксдаге коммунисты занимали небольшое количество мест и находились на положении оппозиции без особого влияния. Но пребывание даже небольшой горстки коммунистов в парламенте вынуждало социал-демократов и буржуазные партии, которые приходили к власти, считаться с их мнением. Их голос звучал в защиту рабочего класса и борьбы за мир. Именно в Швеции я задумался и задал

себе вопрос, который напрашивался сам собой: «Какой же вывод я делаю после встреч со скандинавскими коммунистами и посещения этих трех стран? Была ли польза? Или, может быть, произошла пустая трата времени?». Нет, поездку считаю полезной, хотя никаких конкретных вопросов мы не решали, да и решать не могли. Зато мы лучше узнали друг друга.

На приеме в нашем посольстве в Стокгольме ко мне подошла женщина — министр культуры. Она была немного навеселе и повела со мной такую беседу: «Господин Хрущев, хотела бы с вами посоветоваться. Предстоит обсуждение кандидатур писателей на присуждение Нобелевских премий. Обсуждаются кандидатуры и от СССР. (И назвала две фамилии.) Какую кандидатуру следует нам поддержать по вашему мнению?». Я ответил, что в таком деле не имею решающего голоса. Она настаивала: «А какой вы бы дали совет?» Пришлось ответить: «Полагаю, что фамилии, которые вы мне назвали, это не те, которые в качестве премированных нашли бы широкий резонанс в нашей стране. У нас есть писатели, которые воспринимаются с глубоким уважением широкими кругами советской общественности, и она почувствовала бы удовлетворение от присуждения именно им Нобелевской премии». «Кого бы вы назвали?» — «Назвал бы Михаила Александровича Шолохова. Если уж выбирать среди наших писателей, то Нобелевская премия, присужденная Шолохову, была бы наиболее приемлемой для нашей общественности». Она не стала спорить, а я далее не распространялся на эту тему. Это внутренний вопрос. Выпрашивать Нобелевскую премию я посчитал бы унижением. У нас есть свои премии, в том числе Ленинская. На мой взгляд, она не идет ни в какое сравнение ни с какими нобелевскими. Будучи уже на пенсии, я узнал, что Швеция присудила Нобелевскую премию Шолохову¹⁹. Хочется думать, что мои замечания впоследствии тоже были учтены при ее присуждении.

Швеция — очень красивая страна. Высокий жизненный уровень ее народа производил сильное впечатление. Никто не выглядит голодным, все одеты без крикливости, носят одежду скромных расцветок, не бьющую в глаза, но добротную, сработанную со вкусом, нарядную. Города все благоустроенные.

Во всех трех странах мы пригласили с визитами их правительственные делегации к себе. Еще ранее они побывали у нас. Теперь, уезжая, по долгу вежливости пригласили их посетить Советский Союз еще раз. Я остался весьма доволен их гостеприимством и получил большое удовлетворение от всего, что там увидел и с чем познакомился.

¹ Визит в Данию состоялся 16 — 21 июня, в Швецию 22 — 27 июня, в Норвегию 29 июня — 4 июля. В тексте воспоминаний Норвегия и Швеция поменялись местами (так отложилось в памяти автора).

² КРАГ Е.О. (1914 — 1978) — председатель Социал-демократической партии Дании в 1962 — 1973 гг., министр иностранных дел в 1958 — 1962 гг., премьер-министр в 1962 — 1968 и 1971 — 1972 гг.

³ ЛАРСЕН К. (возглавлял КПД до 1959 г.).

⁴ Социалистическая народная партия, основанная в 1959 г.

⁵ Председатель ЦК КПД К. Есперсен.

⁶ Председатель либеральной партии «Венстре» Э. Эриксен (премьер-министром был в 1950 — 1953 гг.).

⁷ ФРЕДЕРИК IX (был королем с 1947 г.).

⁸ В 1967 г. после неудачной попытки контрпереворота 1967 г. греческий король Константин бежал в Италию.

⁹ ХОКОН VII (1905 — 1957).

¹⁰ ГЕРХАРДСЕН Э.Х. (1897 — 1987) — секретарь Центрального правления Норвежской рабочей партии в 1936 — 1945 гг., ее председатель в 1945 — 1965 гг., премьер-министр в 1945 — 1951, 1955 — 1965 (с перерывом) гг.

¹¹ УЛАФ V (1903 — 1991) был королем с 1957 г.

¹² Опера-былина Н.А. Римского-Корсакова «Садко» (1896 г.).

¹³ Комбинат концерна «Норск гидро» по выпуску азотных удобрений.

¹⁴ ЯКОБСЕН Ф.

¹⁵ ЛУНЬКОВ Н.М. (род. в 1919 г.), находившийся на дипломатической работе с 1943 г. В 1959 — 1962 гг. он заведовал отделом Скандинавских стран в МИД СССР, а послом в Норвегии был в 1962 — 1968 гг.

¹⁶ СУЛЬМАН Р.Р. (1900 — 1967) был в 1947 — 1964 гг. посланником, затем послом Швеции в СССР, далее — послом в Дании и Франции.

¹⁷ ЭРЛАНДЕР Т. (1901 — 1985) — председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции, премьер-министр в 1946 — 1969 гг.

¹⁸ ГУСТАВ VI АДОЛЬФ — король с 1950 г.

¹⁹ ШОЛОХОВ М.А. получил Нобелевскую премию в 1965 году.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ВАРИАНТЫ МАГНИТОФОННЫХ ЗАПИСЕЙ

Часть III

ОТ ДНЯ ПОБЕДЫ ДО XX СЪЕЗДА КПСС

К ГЛАВЕ «РАЗМЫШЛЕНИЯ О СТАЛИНЕ»

Я взял машину и поехал. Вошел. Поскребышеву сказал, что Каганович мне звонил, и попросил сказать ему, что я его жду. Вышел Каганович, очень взволнованный, и говорит, что Киров убит. Я смотрел на него: он был не только взволнован, он был просто напуган.

— Сейчас заседает Политбюро: решили, что в Ленинград поедут Сталин, Молотов, Ворошилов и 60 человек делегации от Московской парторганизации. Она будет сопровождать гроб из Ленинграда в Москву. Вы должны возглавить эту делегацию, так что немедленно составляйте списки людей, готовьтесь и выезжайте.

В Ленинграде нас разместили по гостиницам, потом мы стояли у гроба Кирова, но больше времени мы проводили в гостинице и беседовали с руководителями Ленинградской партийной организации. К нам частенько приходил Чудов, второй секретарь Ленинградского обкома, которого я знал хорошо и очень уважал. Что делали там Молотов, Сталин, Ворошилов, для меня было совершенно неизвестно, да меня это и не очень занимало. Потом приехали в Москву. Похоронили Кирова. Был большой траур, и отметили соответственно Кирова: много было названо в его честь городов, учреждений, колхозов. Одним словом, отмечен был Киров очень крепко...

Вот один из случаев. В какой-то военной академии был комиссаром коммунист с заметной бородой, человек лет 40. С точки зрения Московского партийного комитета он был вполне на своем месте. И его прекрасно приняла конференция, когда обсуждался вопрос о внесении его кандидатуры в список для голосования. Но вдруг перед самым голосованием по-

* В приложении дается распечатка вариантов магнитофонных записей воспоминаний Н.С. Хрущева. Автор воспоминаний по разным причинам прерывал работу над ними. Начиная снова работать, записывая воспоминания на магнитофон, он допускал повторы. Но в них есть и отличительные оценки тех или иных событий, и новые факты, и некоторые дополнительные сведения к тому, что легло в основу воспоминаний. В этом и заключается их ценность.

звонил мне Ежов и говорит: «Надо все сделать, чтобы провалить этого человека. Он не заслуживает доверия, он связан с врагами народа и будет вскоре арестован». Мы так и поступили, как нам рекомендовали. Но произошла такая ломка психики и так скверно повлияло это на делегатов конференции! Выбирали, аплодировали (а он прошел буквально под бурю аплодисментов), и тут же нам надо было этим людям потом доказывать, чтобы они не голосовали за него... Его провалили. Он смутился: в чем дело? На следующую ночь он был арестован, вопрос для всех прояснился.

Другой случай. Емельян Ярославский — старый большевик, уважаемый в партии человек. Его кандидатура выдвигалась там же в состав Московского обкома ВКП(б). В те времена в состав Московских комитетов избиралось много членов Политбюро и других партийных руководителей. Само собою, Сталин и другие тоже туда попадали, но не все. Выдвинули и Ярославского, а он был тогда секретарем партийной коллегии в Комиссии партийного контроля и считался лицом, безупречным в партийном отношении. Вдруг звонят мне Ежов не то Маленков и говорят, что надо Ярославского провалить. Это было чрезвычайно тяжело для меня лично, однако я должен был выполнить задание и стал говорить секретарям партячеек, чтобы они провели по делегациям соответствующую агитацию, но так, чтобы это не стало достоянием самого Ярославского, который был уже внесен в избирательный список. Когда потом подсчитали голоса, то оказалось, что Емельян все-таки был избран, вопреки нашей деятельности, кажется, лишь одним «лишним» голосом. Помню, как после той конференции Землячка, к которой я тоже питал исключительное уважение, послала письмо в ЦК, где обвиняла меня как секретаря Московского горкома ВКП(б) в том, что на конференции велась агитация против Ярославского. Я-то не мог объяснить ей сразу, что выполнял волю ЦК. Она поняла это позднее. Конечно, ее заявление осталось без последствий.

Вот какая уже складывалась обстановка.

* * *

Я думаю, что если бы, к примеру, Сталин умер перед войной, в 1939 году, когда был подписан договор с Германией, мы успели бы все привести в движение и были бы подготовлены к войне технически и материально значительно лучше. Трудно было бы справиться с потерей кадров, потому что кадры растут медленно, но при достаточном количестве вооружения и эти неопытные кадры, которые по вине Сталина оказались в руководстве армией, лучше справились бы с положением, когда Гитлер на нас напал.

* * *

Если после наших побед Сталин ходил, буквально, как петух, грудь колесом, смотрел на всех свысока, и его нос задирался высоко в небо, то это понятно. Я только подчеркиваю тут разницу с прошлым: я же видел Сталина и когда приближалась война, он ходил тогда, как мокрая курица. Когда война началась, он вообще сдал с лица. Когда я с ним встретился во время войны на подземном командном пункте Ставки на станции метро «Кировская», я просто не узнал Сталина: какой-то мешок в сером френче. И когда он спросил меня, как идут дела, я ответил ему: «Плохо, товарищ Сталин, нет оружия». Тут он медленно и тихо произнес: «Ну вот, а говорили про русскую смекалку. Где

же она теперь, эта русская смекалка?». И мне стало больно за народ. Я и сейчас чувствую щемящую боль, мне было стыдно и больно за свой русский народ. Сталин валил вину на народ в то время, как сам был кругом виноват. Даже при том оружии, которое у нас имелось, можно было бы лучше подготовиться и достойно встретить врага на советских границах.

Сейчас историки делают упор на то, что Гитлер вероломно и неожиданно напал на нас. Я уже говорил, что это глупость, глупость и глупость. Мы знали, что Гитлер на нас нападет. Как только он пришел к власти, то открыто заявил об этом. А уж когда в 1939 г. мы подписали с ним договор, то это прямо свидетельствовало как раз о том, что Гитлер реализует идею, заложенную в «Майн кампф»: драться поодиночке и расправиться с противниками сначала на Западе, потом на Востоке. Была такая теоретическая посылка, что Германии нельзя сражаться на два фронта: ей нужно разединить своих противников и бить их порознь. Люди же, которые сейчас пишут о «неожиданности», — прихвостни Сталина. Они выгораживают его, а вместе с ним и себя. Некоторые из них — те штабные работники, которые занимали ответственные посты перед войной и были причастны к делу боевой подготовки Красной Армии...

К ГЛАВЕ «ЕЩЕ РАЗ О БЕРИИ»

Проводил я Московскую партийную конференцию в 1937 году. Все кандидатуры, которые выдвигались в члены Московских городского и областного комитетов, заранее просматривались и «освящались» Наркоматом внутренних дел. Не ЦК, тем более не члены партии решали, а именно НКВД! Это он высказывал последнее слово о достоинствах того или другого избранника, о его возможности работать в руководящем партийном органе. Честно говоря, мы тогда считали, что это помогает партийным органам лучше изучать кадры и разоблачать врагов, которые проникли даже в состав руководства. Так нас тогда уже воспитали!

* * *

Сошлюсь на следующий эпизод. Однажды приехал я с Украины в Москву. Мы сидели у Сталина в кремлевском кабинете. Зазвонил телефон. Сталин подошел к нему, поговорил с кем-то, потом положил трубку и, подойдя к нам, сказал, что ему звонил Чубарь: плачет, волнуется, доказывает, что он честный человек; а тон у Сталина был сочувствующий Чубарю. Казалось, с пониманием он отнесся к переживаниям Власа Яковлевича. И я был сильно удивлен, когда буквально на следующий день Чубарь был арестован, а потом погиб. Чубаря я знал по работе на Украине, где он был председателем Совнаркома. Приходилось встречаться с ним и на съездах Компартии Украины, на совещаниях угольщиков (одно время он руководил угольной промышленностью Донбасса). Чубарь пользовался общим уважением. Когда и он, и я работали рядом в Москве, то при личных встречах он тоже производил всегда очень хорошее впечатление, особенно в смысле его партийности. И вдруг?

После упомянутого пленума наметилось какое-то торможение в арес-

тах, но малозаметное. Люди продолжали неожиданно исчезать, вроде как на льду: проваливаются бесследно, и никто не возвращается. Я-то не имел привычки с переходом из одной партийной организации в другую перетаскивать с собою людей, работавших со мной прежде: тащить хвосты, как говорили тогда. Я осуждал такие методы. Однако, когда приехал на Украину, там было в смысле кадров, что называется, чисто: ни одного секретаря обкома партии, ни одного председателя облисполкома нет, нет ни председателя Совета народных комиссаров, ни его заместителей. Налицо полный разгром партийного, советского и хозяйственного руководства. Пришлось мне поневоле попросить Сталина разрешить взять кое-кого из Москвы.

Среди таких людей был и Лукашов. Я его знал по московской рабочей кооперации, которая возглавлялась Бадаевым: он там заведовал отделом овощей и фруктов и нравился мне за свою оперативность, деловитость и расторопность. Я сказал Сталину, что хотел бы видеть Лукашова наркомом торговли на Украине. Сталин разрешил. Потом Лукашова тоже арестовали. Для меня это было очень неприятно. Во-первых, я его хорошо знал; потом я просил за него у Сталина. Раз его арестовали, это могло бы быть плохо истолковано: я просил за врага народа. Прошло какое-то время, и (редкое тогда явление) Лукашов был освобожден. Приехал он на Украину, весь избитый, и физически, и морально. Он рассказывал мне, что подвергался истязаниям и что от него требовали показаний на меня: что я, дескать, состою в каком-то заговоре. Оказывается, еще в Москве я ходатайствовал, чтобы Лукашова послали в Польшу и Литву для закупки овощных семян. И вот теперь от него потребовали показаний, что посылка его за границу служила установлению связей с антисоветскими организациями. Он все выдержал, не дал таких показаний и сам был освобожден. Я рассказал Сталину об этом. Сталин же мне: «Да, бывают такие извращения. И на меня тоже собирают материалы».

Прошло какое-то время, и я столкнулся с таким делом. Наркомом внутренних дел на Украине был Успенский. Успенского я знал и хорошо к нему относился. Он был работником центрального аппарата при Ягоде, но работал еще и при Менжинском. Человек он русский. Затем он работал уполномоченным МВД по Московской области, после этого был комендантом Кремля. С этого поста его послали наркомом внутренних дел Украины. ЦК ему доверял, и я считал, что это доверие вполне обоснованно. Когда я приехал на Украину, он уже был там. В это время о некоторых действиях НКВД у меня начало уже складываться непонятное впечатление.

Особенно один эпизод на меня произвел очень неприятное впечатление. Аресты продолжались. Когда я ехал на Украину, то Сталин предложил, чтобы меня, секретаря ЦК, избрали бы секретарем Киевского обкома партии и первым секретарем Киевского горкома партии. Невозможно сразу столько постов занимать, но он настаивал: — Вы возьмите на себя это, а потом подбирайте людей».

Вторым секретарем Киевского горкома партии был Костенко. Я его мало знал, мы познакомились, когда я приехал на Украину. Но я доверял ему, считал, что он честный простой человек. Не знаю, был ли он из рабочих или из крестьян, но не вызывал у меня никаких сомнений. Вдруг на него пало подозрение, и его арестовывают. После ареста он сам дал

очень большие показания о своих связях с врагами народа и прочее, прочее. Меня это смутило, я усомнился и сказал Успенскому: — Хочу поговорить с арестованным Костенко.

Поехал в наркомат внутренних дел. Ко мне привели Костенко, и я его по тем вопросам, по которым он дал показания, расспросил. Он все подтвердил.

— Да, — говорит, — так это и было. Я все это делал. Я состоял в заговоре. — Вы все сказали? — Я все сказал. Обо всех людях, кого я знал. Я ничего не утаил.

Когда я уходил, то попросил Успенского: — Товарищ Успенский, если вы осудите его и он будет приговорен к смертной казни как враг народа, и если он в последнем слове укажет на кого-либо еще из новых лиц, то я просил бы тогда его не уничтожать. Надо разобраться, чтобы он кого-то не оклеветал.

Прошло какое-то время, и мне Успенский присылает документ, что Костенко перед расстрелом сказал, что в заговоре с ним состоит еще Черепин, избранный уже после ареста Костенко вторым секретарем Киевского обкома партии. Я его очень уважал, это был простой такой полтавский крестьянин, умница. Я и уважал его, и верил, что он честный человек.

Я возмутился и говорю: — Ну как же вы, товарищ Успенский, так сделали? Я же вас просил, что если он будет на кого-то еще показывать, дать возможность проверить его показания.

Не помню уже, как он мне объяснил. Одним словом, мне это очень не понравилось. Об этом человеке, на которого показал Костенко, я сейчас же позвонил в ЦК к Маленкову. Он тогда кадрами ведал, и я ему все рассказал. Он говорит: — Ты ему веришь? — Я говорю: — Верю. — Пусть работает.

Прошло какое-то время, и уже Маленков звонит мне: — Все-таки не стоит его держать секретарем. Я знаю, что ты ему веришь, но показания на него очень серьезные. — Я говорю: — Ну, что ж, показания — это клевета. — Нет.

И я вынужден был поставить вопрос об освобождении Черепина от партийного поста. Мы его назначили заместителем наркома сельского хозяйства.

Прошло еще какое-то время. Меня все время совесть мучила, что Черепин зря наказан. Я опять поставил вопрос в ЦК, что его надо использовать на партийной работе, что он безупречный человек. Маленков согласился, и Черепина выдвинули первым секретарем Сумского обкома партии. Когда началась война, я предложил его кандидатуру на военную должность, он был утвержден членом Военного совета Приморской армии. При наступлении немцев он был убит. Так он честно сложил голову за страну, за народ.

Прошло вновь какое-то время, и встал вопрос уже о Ежове. Его позиции пошатнулись. Окончательному же его падению предшествовал такой эпизод. Звонит мне Сталин: «Есть показания на Успенского, и они у нас не вызывают сомнений». По телефону мне послышалось, что тот говорит об Усенко, комсомольском работнике. Сталин: «Можете арестовать его сами?». «Можем», если будет поручено». «Арестуйте!» Но когда он начал уточнять детали, я понял, что речь идет об Успенском. Не успел я положить трубку, Сталин опять звонит: «Насчет Успенского ничего не нужно делать. Мы это сами сделаем. Отзовем его в Москву и в пути аре-

стuem». А я собирался ехать в Днепропетровск. Уехал. Успенского же отозвали в Москву. У меня имелось предчувствие, что он не поедет туда, потому что догадывается, что может быть арестован. И, уезжая, я сказал Коротченко, председателю Совнаркома Украины: «Ты позванивай, якобы по делам, к Успенскому, понаблюдай за ним, ведь ты остаешься тут за меня». Утром приехал я в Днепропетровск, а мне туда звонит Берия. Именно Берия, а не Ежов: «Вот ты там разъезжаешь, а твой Успенский сбежал». «Как?». «А вот так, сбежал, и все». Я срочно вернулся в Киев. Действительно, Успенского нет нигде. Он оставил записку, что кончает жизнь самоубийством, бросается в Днепр. Обыскали Днепр водолазы, использовали всякие кошки и неводы. Ничего там не нашли. Он исчез бесследно. Потом, когда я опять был в Москве, Сталин сказал мне, что, видимо, Ежов его предупредил: «Ежов подслушал нас, когда я с вами разговаривал, и предупредил Успенского по телефону». А Ежов как раз сам звонил Успенскому, чтобы он приехал в Москву. Так ли это было, я не могу сейчас ни отрицать, ни подтвердить. Одним словом, Успенский сбежал. Потом его поймали где-то, кажется, в Воронеже, и расстреляли.

* * *

Почему мы привлекли военных? Высказывались такие соображения, что если мы решили задержать Берию, то не вызовет ли он чекистов, охрану, которая была подчинена ему, и не прикажет ли нас самих изолировать? Мы оказались бы бессильны, потому что в Кремле находилось большое количество вооруженных и подготовленных людей Берии. Поэтому и решено было привлечь к делу военных.

Вначале мы поручили арест Берии Москаленко с пятью генералами. Он с товарищами должны были иметь оружие, а их с оружием должен был провезти в Кремль Булганин. В то время военные, приходя в Кремль, сдавали оружие в комендатуре. Накануне заседания к группе Москаленко присоединились маршал Жуков и еще несколько человек.

К ГЛАВЕ «ОТ XIX К XX СЪЕЗДУ КПСС»

Умер Сталин. Смерть Сталина мы воспринимали по-разному. Мы — это Бюро, которое тогда существовало. В составе большого Президиума, избранного на XIX съезде партии, было создано Бюро. Оно состояло из девяти человек: Сталина, Ворошилова, Берии, Маленкова, Булганина, Кагановича, Хрущева, Первухина и Сабурова. Микоян и Молотов входили в Президиум, но они не вошли в состав Бюро. На первом же пленуме, пленуме ЦК, который состоялся сейчас же после закрытия съезда партии, выступил Сталин. Неожиданным и сумбурным было его объяснение, почему Молотов и Микоян не заслуживают доверия партии. У меня не отложилось в памяти, в чем же конкретно он их обвинял, но вывод был такой, что Молотов и Микоян являются агентами каких-то западных государств и поэтому не заслуживают доверия. Даже и здесь не было последовательности: если они не заслуживают доверия, то почему их тогда ввели в состав Центрального Комитета и не только в состав ЦК,

но и в состав Президиума ЦК? Но, так или иначе, а Молотов и Микоян фактически были исключены из состава руководства.

Как мы собирались на заседания Бюро? Официальных заседаний, как это сложилось в выборных органах, не было. Когда Сталин приезжал с ближней дачи, где он проживал, он обзванивал нас через секретариат, и мы приходили в его кабинет в Кремле, а чаще всего в кино. Там смотрели картины и попутно в перерывах обсуждали те или другие вопросы. После кино Сталин, как правило, объявлял, что надо пойти покушать. В 2 или в 3 часа ночи, все равно, у Сталина всегда это называлось обедом.

Садились в машины и ехали к нему на ближнюю его дачу. Там продолжалось «заседание», если так можно сказать. При Сталине, особенно после войны, сложилась такая практика работы Бюро Президиума, если можно назвать ее работой. Регулярно не работали ни ЦК, ни Президиум, ни Бюро Президиума ЦК.

Я лично очень переживал устранение Микояна и Молотова. Я очень хорошо относился к Молотову и хорошо относился к Анастасу Ивановичу Микояну. Впоследствии я сделал для себя вывод, что очень переоценивал роль Молотова в руководстве. Тогда я считал, что Молотов очень опытный человек, особенно в вопросах внешней политики — он был наркомом и министром иностранных дел. Он часто при мне поднимал внешнеполитические вопросы, и мне казалось, что он логично их аргументировал и излагал. Поэтому меня беспокоило, что его устранение скажется на качестве работы руководства. С Анастасом Ивановичем, во-первых, у меня были очень хорошие личные отношения, во-вторых, я очень ценил в Анастасе Ивановиче его знание международных вопросов и особенно торговли внутренней и внешней. Я считал, что в этих вопросах он был наиболее подготовленным и лучше всех знал, что надо делать.

Мы пытались, я уже говорил об этом, как-то смягчить отношение Сталина к Молотову и Микояну. Когда мы собирались у Сталина и особенно, когда шли в Кремле в кино, то незаметно для Сталина звонили Молотову и Микояну, чтобы они приходили. Они так и делали. Мы думали, что это может подействовать, Сталин смягчится, и они вернутся как полноценные руководители. Сталин, видимо, заметил наши маневры и в очень резкой форме сказал: «Что вы думаете, я не вижу, что вы сообщаете им, когда мы идем в кино, когда едем на ближнюю? Чтобы этого больше не было, я не потерплю». Мы увидели, что нам упорствовать бесполезно. Это не только не было полезным для тех целей, которые мы преследовали, но даже вредным, потому что Сталин раздражался, и можно было ожидать каких-нибудь резких поворотов в отношении к ним со стороны Сталина. А все это могло кончиться пагубно.

В большинстве случаев у Сталина мы собирались в таком составе: Сталин, Берия, Маленков, Хрущев. Не всегда присутствовал на таких узких заседаниях-ужинах или обедах Булганин, еще реже присутствовал Каганович, а Ворошилова почти никогда не приглашали.

Я отлично помню, как мы переглянулись, когда однажды Сталин спросил: — Как это так получилось? Как это пролез Ворошилов в состав Бюро Президиума? — Мы ответили: — Он не мог пролезть, вы же его сами

назвали, когда выступали, и он был выбран в состав Бюро. — Не понимаю, как это получилось?

После мы обменивались мнениями с Берией и Маленковым, ломали голову, как это могло быть.

Почему я рассказываю это? Эти эпизоды показывают состояние Сталина в период XIX съезда партии. Он вроде бы руководил съездом, формировал Центральный Комитет, формировал Президиум и его Бюро, но сам не знал, что делает. Поэтому когда мы слышали состав Президиума Центрального Комитета из 25 человек, то были абсолютно уверены (переглядывались с Маленковым и Берией), что Сталин этих людей не знает.

Кто мог ему составить такой список? Это для меня и сейчас является загадкой. Сначала я думал, что это Маленков, но Маленков категорически отрицал. Я верю, что он никакого участия в этом не принимал. Берия? Берия тоже говорил, что он ничего не знает, в первый раз услышал, когда Сталин назвал эти фамилии. По отношению к большинству названных фамилий Берия был против, как и Маленков. Следовательно, кто же мог назвать их? Я думаю, что это был Каганович. Некоторые фамилии, которые попали в этот список, были мало известны в партии, а Сталин их не знал совсем, но они были известны Кагановичу. Каганович об этих людях Сталину мог сказать, и эти фамилии попали в список. Вот так было сформировано руководство партии. 25 человек! Президиум был по нашему пониманию неработоспособен и неоднороден.

* * *

Однажды в 1951 году, в последнем году, когда Сталин выезжал отдыхать на Кавказ, я тоже отдыхал в Сочи. Анастас Иванович Микоян отдыхал тогда в Сухуми. Сталин вызвал меня, и Анастас Иванович Микоян тоже был там. Как-то мы гуляли около домика с Анастасом Ивановичем, и Сталин вышел. Я точно помню, что он сказал. Он говорил не нам, нет, это был разговор с самим собой. Сталин сказал: — Я никому не верю, я сам себе не верю. Пропащий я человек.

Могут спросить: почему Сталин вдруг стал говорить подобные вещи, да еще при других? Я сам тогда себя спрашивал: — Почему он так сказал?

Он не мне это сказал и не Микояну. Я думаю, что у него, видимо, была внутренняя потребность высказаться. Но он очень правильно сказал, что он никому не верит, что он пропащий человек. Что он никому не верит — это все, кто с ним работал, могли наблюдать. Таким образом, черты, отмеченные в завещании Ленина, подтвержденные собственным его признанием в нашем присутствии, послужили причиной большой трагедии для партии, для всего нашего народа.

* * *

Мне дает основание думать так, в частности, беседа с Анастасом Ивановичем, когда он рассказывал мне о разговоре с Орджоникидзе накануне его гибели.

Мне тогда как члену комиссии по похоронам Серго председатель этой комиссии Авель Сафронович Енукидзе объяснил, что Серго умер скоропостижно от разрыва сердца. Конечно, он объяснял мне так, как прика-

зал Сталин. Позже, совершенно случайно, я как-то в кабинете Сталина стал восхищаться Серго. Это произвело плохое впечатление, мне никто не возразил, но все притихли, приумолкли. Потом Маленков объяснил мне, что Серго застрелился. Конечно, в то время, когда погиб Серго, он тоже ничего этого не знал, ибо тогда был дальше от Сталина, чем я. Микоян же рассказывал, уже после смерти Сталина, что Орджоникидзе застрелился в воскресенье, а накануне, в субботу, они гуляли по Кремлю и беседовали. Во время беседы Серго заметил, что не может дальше жить: бороться со Сталиным невозможно, а терпеть то, что он делает, нет сил.

* * *

Я уже рассказывал, как мы подошли к XX съезду и как столкнулись с коренным вопросом — вопросом о Сталине, вопросом об арестах и казнях огромного количества людей, вопросом о миллионах людей, которые находились в тюрьмах и ссылке. Мы настолько еще были в плену старых понятий, которые нас опутали во времена деятельности Сталина, что, собственно говоря, ничего не делали для облегчения участи людей, находившихся в тюрьмах, и для тех семей, которые остались после уничтожения их родственников. Они жили с позорным клеймом врагов народа и если не были лишены гражданских прав, то морально угнетены.

Мы настолько благоговели перед Сталиным, что не осмеливались, хотя у нас уже тогда закрадывались сомнения, проверить, все ли там благополучно, все ли аресты и казни были обоснованными. Мы боялись поднять завесу и заглянуть за занавес, который для нас при жизни Сталина был плотно закрыт. Сталин крепко держал его, а нам только сообщал, что вот такого-то еще арестовали, вот таких-то расстреляли — они враги народа. Я уже говорил, что в последние годы жизни Сталина фактически Центральный Комитет партии не работал. Политбюро бездействовало, никаких обсуждений, а тем более отчетов, не было. Все, что говорилось Сталиным, было гениальным, все это было необходимым в интересах революции.

* * *

В процессе подготовки к съезду я на заседании Президиума ЦК поставил такой вопрос: — Товарищи, давайте посмотрим, насколько были обоснованы аресты и казни. Мы идем к съезду и мы должны знать правду. До этого я вызывал Генерального прокурора, товарища Руденко, и спрашивал его: — Вы смотрели эти дела? — Да, — говорит, — некоторые смотрел. — Ваше мнение? Что вы можете сказать? Насколько были обоснованы аресты?

Он мне сказал, что с точки зрения юридической никаких оснований для арестов и тем более для казней не было. Это все были волевые решения, и нет конкретных преступлений, за которые можно было судить и наказывать этих людей.

— Ну, хорошо. А те люди, которых судили открыто? Я сам был на суде, когда судили Рыкова, Бухарина, Ягоду, Зиновьева, Каменева. Какие за ними преступления? — Он улыбнулся и говорит: — За этими лицами тоже нет никаких преступлений. Никаких фактов в материалах нет. Это зло-

употребление с точки зрения судебной процедуры. Люди, которые проводили следствие, видимо, вымогали признания.

— Я сам слышал, как они признавались в преступлениях, в которых их обвиняли. — Он посмотрел на меня и опять улыбнулся: — Это искусство тех, кто вел следствие и кто проводил суд. Видимо, сажали людей и доводили их до такого состояния, когда у них был единственный способ кончить со страданиями и издевательствами — признаться, а следующий шаг — смерть.

Так что я уже знал мнение Генерального прокурора, что в этих делах состава преступления нет. Я сказал об этом на заседании Президиума ЦК. Тогда решили создать комиссию, а председателем комиссии я предложил утвердить секретаря Центрального Комитета товарища Пospelова. Я руководствовался тем, что он много лет проработал редактором газет «Правда», считался близким человеком к Сталину. Если бы Сталин к нему относился плохо, он не мог бы быть редактором «Правды». Пospelов был преданнейшим Сталину человеком. Я бы сказал больше, рабски преданным человеком. Когда мы сообщили, что Сталин умер, больше всех волновался и буквально рыдал Пospelов. На него даже прикрикнул Берия: «Что ты? Прекрати!». Одним словом, у нас не было сомнений в его хорошем отношении к Сталину, и мы считали, что это будет внушать доверие к материалам, которые подготовит комиссия.

Они провели расследование, подняли все документы, вызвали и допросили множеств людей — и арестованных, и тех, которые вели следствие и арестовывали; просмотрели материалы, на основании которых люди были заключены в тюрьмы, отправлены в ссылки, казнены. Комиссия представила документ, в котором она расписалась под заключением, что мы столкнулись с невероятным злоупотреблением властью. Сталин сделал то, о чем никто из нас не думал и не предполагал.

Когда я поставил вопрос о докладе этих материалов съезду, категорически возражали Молотов, Ворошилов, Каганович. Вот эта тройка. Мы обсуждали вопрос, и я настаивал: надо доложить съезду, потому что нельзя не докладывать, это же не мелочь, а это тысячи и тысячи людей погибли, казнены и миллионы людей еще находятся в ссылке и тюрьмах. Надо же решать этот вопрос. Если мы на съезде не скажем правду, то нас все равно через какое-то время заставят ее сказать, и тогда мы уже будем не докладчиками, а подследственными. Нас тогда будут обвинять в соучастии, потому что если мы и не участвовали непосредственно в убийствах, то покрывали злоупотребления после смерти Сталина, когда узнали о них.

В конце концов, когда я увидел, что ни к какому решению не придем, я сказал, что на съезде каждый член партии свободен высказать свои соображения, он уже освобождается от коллективной дисциплины, которая накладывается на него как на члена ЦК и члена Президиума ЦК. Тогда те, кто возражал, поняли, что я хочу выступить от своего имени, и согласились: давайте сделаем доклад ЦК съезду.

Я говорю: — Тогда докладчиком пусть будет товарищ Пospelов. Он изучал эти материалы, он составлял записку, а съезд уже идет и времени

на подготовку доклада другим человеком мало. Ему уже и готовиться нечего, он работал несколько месяцев над этими материалами. — Члены Президиума ЦК высказали такие соображения: съезд может не понять, почему Хрущев в отчетном докладе ничего об этом не сказал, а секретарь ЦК Пospelов делает доклад по такому вопросу. Что же это, разногласия в партии? И предложили доклад сделать мне. Я сделал доклад. Собственно, это была записка комиссии Пospelова, переделанная в форме доклада. Мы решили раздать текст доклада главам делегаций социалистических стран. Это существенно. Получил доклад и товарищ Берут. Во время съезда он простудился и умер. Польская делегация перевезла его в Варшаву. А этот документ для Польши был особенно тяжелым, потому что компартия в Польше перед войной была распущена как предательская (так формулировалось в обвинении), а ее руководство было расстреляно. Другие компартии тоже не избежали этой участи, но не в таком масштабе, как польская. После смерти товарища Берута этот документ стал достоянием многих людей. Возникли большие разногласия в руководстве, и доклад этот, как мне говорили, на польском базаре продавался по рублю за экземпляр. Через Польшу секретный доклад стал достоянием мировой реакции, она соответственно реагировала и использовала его против нас.

Как реагировали китайцы? Я не помню точно, кто из них был на XX съезде, кажется, Лю Шаоци, а может быть, и Чжоу Эньлай. Они понимали и поддерживали нас. Поддерживали нас и другие коммунистические партии.

Часть IV

ОТНОШЕНИЯ С ЗАПАДОМ. ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

К ГЛАВЕ «НА ЖЕНЕВСКОЙ ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ» (вариант первый)

После второй мировой войны у нас очень обострились отношения с Великобританией. Обострение произошло в результате политики, провозглашенной Черчиллем. Черчилль выдвинул лозунг окружения Советского Союза. Он в своей речи, произнесенной в Фултоне, призвал капиталистические страны сорганизоваться, чтобы противостоять угрозе со стороны СССР. Хотя в Англии правительство было лейбористским, оно проводило недружественную политику в отношении Советского Союза. Наши торговые связи почти не развивались. Нельзя сказать, что они были в замороженном состоянии. Но английское правительство не способствовало тому, чтобы эти связи находились на должном уровне.

После смерти Сталина к нам приезжали лейбористы, и мы с ними установили некоторый контакт. Но к этому времени их сменили у власти консерваторы, чье правительство возглавил Иден. К Идену у нас было хорошее отношение, мы считали его прогрессивным среди консерваторов человеком. У нас остались хорошие воспоминания и о позиции, которую занимал Иден перед войной: он являлся тогда в течение ряда лет министром иностранных дел и, по нашим сведениям, стоял на позиции заключения договора с Советским Союзом против гитлеровской Германии. Когда Болдуин повел резко антисоветскую линию, подталкивавшую Гитлера против Советского Союза, Иден вышел в отставку. Это благоприятствовало нашему хорошему отношению к Идену и позволяло нам надеяться, что удастся как-то улучшить отношения между Советским Союзом и Великобританией.

Идея Женевской встречи принадлежала, по-моему, Черчиллю. Он считал, что надо установить контакты с новым руководством СССР, чтобы не опоздать. Черчилль полагал, что следует воспользоваться смертью Сталина. Новое руководство СССР пока еще не окрепло, и с ним можно будет договориться: «нажать» на него с тем, чтобы вынудить его к соглашению на определенных условиях. В зарубежной печати стало появляться много материалов о том, что руководителям четырех великих держав необходимо встретиться. Мы тоже стояли за такую встречу. Как потом оказалось, мы тогда несколько преувеличивали возможность достижения взаимопонимания, считая, что после такой кровопролитной войны, которую мы провели вместе со своими союзниками против Германии, мы сумеем договориться на разумных началах.

Что считали мы за разумное начало? Искренне поддерживать мир и не вмешиваться во внутренние дела других государств. Мирное сосуще-

ствование было основой нашей политики. Но западные деятели стояли на другой позиции: они хотели, а это естественно, отеснить нас и содействовать тому, чтобы страны, освобожденные Красной Армией, развивались на капиталистической основе. Это касалось, главным образом, Румынии, Польши и Венгрии. Больше всего они надеялись как-то вырвать, как они выражались, из советского блока Польшу. Имелись и другие вопросы политического характера, которые беспокоили Запад, например, о Ближнем Востоке, в том числе о Египте и Сирии. В этих странах увеличивалась тяга к социализму, резко падало традиционное влияние Англии и Франции. Последние хотели спасти его и как-то договориться с ближневосточными странами на своих условиях, без учета роли Советского Союза и других социалистических стран.

Через дипломатические каналы мы навели контакты, провели консультации, договорились о дате встречи (июль 1955 г.) и избрали местом встречи Женеву. Председателем Совета Министров СССР к тому времени стал Булганин. Я сказал бы, что подготовка Женевской встречи имела некоторое значение для освобождения Маленкова с поста Председателя Совета Министров. С деловыми качествами Маленкова мы ближе познакомились, когда умер Сталин. Маленков оказался человеком, совершенно безынициативным и в этом смысле даже опасным. Я помню, как мы об этом говорили с Молотовым: как быть? Намечается встреча глав правительств, а это значит, что должен будет поехать на нее Маленков. Но как Маленков будет проводить нашу линию? Он слишком слабovolен, способен поддаваться чужому влиянию. Не только нажиму, а просто влиянию других. Не случайно он попал в лапы к Берии. Берия был умнее Маленкова, хитрый и волевой человек. Поэтому он и прибрал его к рукам. Мы вынуждены были заменить Маленкова. Имелись к тому и другие причины, но сейчас я их не касаюсь. Для бесед в Женеве требовался крепкий человек. Выдвинули Булганина. Правда, потом выяснилось, что Булганин в вопросах международной политики тоже не смог проявить должного понимания и оказался человеком, не способным к дипломатическим переговорам.

Стали формировать состав делегации, которая должна была выехать в Женеву. Конечно, прежде всего должен был поехать Булганин как глава правительства. Ведь это была встреча глав правительств. Главой государства и правительства в США был президент Эйзенхауэр. Другие западные лидеры были главами правительств. Премьером Великобритании являлся Иден, Францию представлял премьер-министр Эдгар Фор. Когда мы обсуждали в Президиуме ЦК партии состав делегации, то решили, что в Женеву должен поехать и Молотов как министр иностранных дел. И в других делегациях премьеров сопровождали министры иностранных дел. Это нормально.

Во время обсуждения состава делегации некоторые члены Президиума ЦК высказались в том духе, что надо и меня включить в этот состав. Я возражал, считая, что такой шаг трудно будет понять нашим партнерам: ведь я не занимал государственного поста, а представлял лишь нашу партию. Однако Молотов в свою очередь возразил, что это наше дело,

кого включить в число лиц, сопровождающих Председателя Совета Министров СССР. «Кроме того, — сказал он, — ты являешься членом Президиума Верховного Совета СССР и, стало быть, поедешь не как секретарь Центрального Комитета партии, а именно как член Президиума верховного органа власти Советского Союза».

Не знаю, правильно или неправильно мы поступили. Сейчас поздно судить об этом. Я же не скрою, что мне хотелось участвовать в данной встрече, познакомиться с представителями США, Англии и Франции, немного приобщиться к международной политике на высшем уровне. Потом мы узнали, что Эйзенхауэр включил в состав сопровождавших его лиц военного министра США. Тогда я предложил: давайте и мы включим в состав нашей делегации министра обороны. Министром обороны тогда у нас был Жуков. Я имел к сему такие соображения: Жуков во время войны поддерживал очень хорошие отношения с Эйзенхауэром, а это могло способствовать лучшим контактам нашей делегации с представителями США. Да и личные контакты Жукова с Эйзенхауэром могли быть полезны для нас. Так мы и сделали.

Приехали в Женеву. Самое прибытие нас на ее аэродром выглядело не совсем выгодным для нас. Делегации США, Англии и Франции прилетели на четырехмоторных самолетах. И это выглядело внушительно. Мы же прилетели скромно, на двухмоторном Ил-14. Это, если можно так выразиться, несколько принижало солидность нашей делегации, ибо наш самолет не свидетельствовал о высоком уровне развития советской авиационной техники. Западные лидеры тут явно подавляли нас, особенно США: Эйзенхауэр прилетел туда на великолепном четырехмоторном самолете. Прибытие каждой делегации сопровождалось обычной церемонией: выстраивался почетный караул, который маршировал перед главой делегации после того, как тот обходил это подразделение и здоровался с ним. Для нас в то время это было еще непривычным.

Когда Эйзенхауэр, проделав все процедуры, сел в автомашину, чтобы поехать в свою резиденцию (а делегации размещались в специальных особняках, нанятых посольствами), то за его машиной побежала пешая охрана. Для нас это тоже выглядело необычно, несколько театрально. Мы не понимали, зачем все это? Ведь трудно совместить ход машины с бегом человека. Потом, когда мы как-то прибыли в Вашингтон и я ехал вместе с Эйзенхауэром, то увидел, что такая же практика имела место и в Вашингтоне. Там тоже здоровенные ребята из личной охраны Эйзенхауэра бежали за машиной какое-то расстояние, пока машина набирала скорость.

Вот еще один смешной эпизод, связанный с нашим прибытием в Женеву. Когда мы приземлились, нас отвели на отведенное нам место, и Булганин зачитал заранее заготовленное заявление. Потом (или же до того) Булганин должен был, как и другие главы правительств, принять парад и пройти вдоль шеренги выстроившегося воинского подразделения, чтобы поздороваться с ним. И в тот момент, когда Булганину нужно было вместе с представителем правительства Швейцарии пройти вдоль строя почетного караула, вдруг перед самым моим носом выросла спина протоколиста

правительства Швейцарии. Я хотел его отстранить, но потом понял, что он сделал это умышленно, получив директиву лишить меня возможности пойти вместе с Булганиным. Швейцарцы, видимо, думали, что принимать рапорт почетного караула станет не один Булганин и что я последую за ним. Так как я занимал тогда пост секретаря ЦК КПСС, то с их точки зрения было недопустимо, чтобы я участвовал в официальной процедуре. Поэтому они столь грубо заслонили меня спиной человека, который занимался протоколом приема делегации. Однако их усилия были напрасными, потому что у нас не возникало мысли, что кто-то кроме Булганина станет участвовать в этой процедуре. Швейцарцы же, видимо, имели свое суждение и предусмотрели, как этого не допустить.

Познакомились мы с Эйзенхауэром. Правда, мы с ним еще раньше встречались, когда после войны он приезжал в Москву. Лично я с ним познакомился на трибуне Мавзолея Ленина во время Парада Победы. Но там было иное знакомство: и я, и он находились на другом уровне. Теперь же мы официально представляли свою страну, как и Эйзенхауэр — свою.

Мы узнали, что его сопровождает Рокфеллер. Нам не совсем было понятно, какую цель преследовал Эйзенхауэр, когда брал Рокфеллера советником? Ведь какие тогда перед нами стояли вопросы? Главный вопрос — улучшение наших отношений, обеспечение мира. Кроме того, мы хотели как-то договориться насчет возможности получения кредита у Запада для ликвидации последствий кровопролитной войны и того разорения, которое нам она принесла. Мы считали (еще в первые дни после окончания войны нам делали намеки), что США нам могли бы дать в кредит что-то около 6 млрд. долларов. Такая цифра фигурировала тогда, как я слышал это от Сталина. Конечно, мы хотели получить такой заем. Правда, теперь у нас давно уже завелась тяжба с американцами по вопросу наших платежей за их поставки по ленд-лизу. Мы отказывались платить, заявляя, что заплатили достаточную цену, проливая в войне кровь нашего народа. Однако во время переговоров в Женеве мы согласились выплатить часть той суммы, которую с нас требовали американцы, как условие предоставления нам нового кредита в размере 6 млрд. долларов и на длительный срок. Мы считали, что на таких условиях можем отдать платежи за ленд-лиз американцам.

Встречи и беседы у нас состоялись довольно хорошие, но дело все же никак не двигалось. Да оно и не могло двигаться, потому что встреча глав правительств четырех великих держав — это была затея Черчилля с целью лишь прошупать нас. Он исходил из того, что у нас после смерти Сталина к руководству пришли новые люди, видимо, как он считал, недостаточно компетентные в вопросах международной политики, еще не окрепшие. Вот он и решил, что следует прошупать нас, оказать на нас давление и добиться уступок, нужных империалистическим державам. Так себя и повели представители Англии, Америки и Франции. Они стремились нажать на новое руководство Советского Союза, чтобы вырвать необходимые им гарантии.

Чего же они добивались? Какие главные цели ставили? Основной про-

блемой явился вопрос об объединении Германии. Они стремились вытеснить социалистические начала с территории Германской Демократической Республики и решить по-своему вопрос объединения двух германских государств, то есть на основе ликвидации зачатков социализма, которые стали возникать в Германской Демократической Республике. Они хотели иметь единую капиталистическую Германию и, конечно, в составе НАТО. Мы же преследовали другие цели: хотели заключения мирного договора с Германией, признания существования двух германских государств и предоставления возможности каждому из них развиваться на основе, которую выберут себе народы каждой из двух немецких республик.

Фактически мы стремились добиться обеспечения невмешательства во внутренние дела ГДР со стороны западных держав и подписания мирного договора именно на этой основе. Только так можно было создать условия для мирного сосуществования. Самым главным стал вопрос обеспечения мира. Но наши партнеры были далеки от того, чтобы пойти на те мероприятия, которые мы предлагали. Они поставили условия, с которыми мы не могли согласиться. Поэтому Женевская встреча была обречена на провал. Буквально так и формулировались результаты встречи: провал. По деловому содержанию документов, которые были приняты, она фактически оказалась безрезультатной.

Однако встречу нельзя все же назвать бесполезной. Польза от нее была. После официальных заседаний, как это принято согласно международным правилам вежливости, каждая делегация в определенный вечер приглашала другую делегацию на обед или ужин. Там продолжался обмен мнениями уже после официальных переговоров. На пленарных заседаниях делегаций четырех держав тоже шел обмен мнениями, и каждая делегация высказывала свою точку зрения. А во время обедов та или другая делегация прощупывала гостей по всем вопросам, которые ее интересовали.

Более хорошие отношения у нас сложились с французской делегацией. Эдгар Фор — человек очень обтекаемый, если так можно выразиться, умеющий расположить к себе. С ним приятно было беседовать. Во время беседы мы не раз шутили. Я, помню, стал называть его Эдгаром Ивановичем. Он понимал шутки и сам отвечал на них. Однако французская делегация не занимала тогда ведущего положения, я бы сказал даже, должного положения, которое Франция должна была в принципе занимать. Во Франции очень часто менялись правительства, поэтому ее политика была неустойчивой. Из-за этого тогда не устанавливалось серьезного отношения к позиции Франции. Если бы правительство Фор укрепились, то могли бы появиться надежды на улучшение наших отношений и на развитие торговли. Большого вряд ли можно было ожидать в ту пору.

Теперь Соединенные Штаты. Беседы с делегацией США и их президентом тоже носили довольно дружеский характер и проходили в нормальных условиях. Однако нормальные условия не означают того, что они шли на уступки. США не могли в то время пойти на уступки. Ведь

тогда, в частности, еще был жив Даллес, который и определял международную политику США, а вовсе не президент Эйзенхауэр. Хочу рассказать о такой картине, которую я наблюдал на пленарном заседании. Поочередно председательствовали главы делегаций. Когда председательствовал Эйзенхауэр, Даллес сидел справа от него, а я сидел слева от главы нашей делегации Булганина. Таким образом, я оказался рядом с Даллесом, отделенный только переводчиком.

Я наблюдал поразительную картину, произведшую на меня сильное впечатление. Даллес карандашом что-то писал по ходу совещания в своем блокноте, вырывал листки и складывал их под правую руку президента. Эйзенхауэр же по ходу заседания брал эти листки и зачитывал их. Не то, что он, прочитавши их, сделал для себя какие-то выводы и излагал свою позицию. Нет, он добросовестно, как школьник, зачитывал записки Даллеса. Мне трудно сказать, буквально ли он зачитывал их или же что-то добавлял от себя. Но сложилось впечатление, что он зачитывал их дословно. И мне было жаль его: нельзя так вести себя перед всеми делегациями. Президент США терял свое лицо. Складывалось впечатление, что он смотрит на совещание глазами своего государственного секретаря. Так оно и было.

Жуков встречался с Эйзенхауэром на правах старого знакомого. Мы думали, что он чего-то сможет добиться, убедив делегацию США занять более благоприятную позицию в смысле смягчения военной напряженности и создания условий для мирного сосуществования. Делегация США имела, конечно, все основания для лидерства, потому что США ведущая среди капиталистических стран держава. Ни Франция, ни Англия не могли определять западную политику. Но на пути к смягчению напряженности находился Даллес. Он, как цепной пес, восседал возле Эйзенхауэра, направляя его действия. Это был ярый антикоммунист, агрессивный человек, который не мог согласиться на мирное сосуществование с Советским Союзом. Поэтому ни беседы, которые мы вели во время обеда в честь Эйзенхауэра, ни встречи и беседы один на один Жукова с Эйзенхауэром никаких результатов не дали. Не было ничего, кроме любезностей. Эйзенхауэр подарил Жукову спиннинг, передавал привет его дочерям и жене. Никаких политических переговоров он сам лично не захотел вести.

Во время перерывов между заседаниями, когда выдавалось свободное время, наша делегация ездила на открытой машине, осматривая город. Мы раскатывали по набережной Женевского озера и в пригороды Женевы. Нам удивлялись, что мы столь вольно себя ведем, не опасаясь, что могут иметь место какие-то террористические нападения. Проявлений какой-либо враждебности со стороны зевак, которых было не так и много, я не замечал. Народ с любопытством смотрел, что это, мол, за люди: оказывается, они внешне выглядят, как все другие. Замечалось любопытство, но не враждебность. Хотя и выражений какой-либо особой симпатии в отношении нашей делегации тоже не было. Видимо, публика Женевы привыкла ко всевозможным иностранным делегациям и довольно спокойно относилась к тому, что приехала очередная делега-

ция, проходят очередные международные встречи. Поэтому и наше пребывание там не вызвало ажиотажа. Да, собственно говоря, мы ничего такого и не ожидали.

Когда мы собрались на первую встречу, Эйзенхауэр предложил: «Давайте установим такой порядок, что после каждого заседания будем приходить в буфет и здесь выпивать по рюмочке martini, чтобы смыть осадок от наших споров». Так мы и делали. Как только кончалось заседание, все шло к буфету и наливали себе по маленькой рюмочке. Конечно, при этом шутили, а затем расходились. Эйзенхауэра обычно сопровождали Даллес и Рокфеллер. Помню, он представил нам последнего: «Вот, господин Хрущев, Рокфеллер». Внешность этого банкира на меня тогда не произвела особого впечатления. Одевался он демократично и не был похож на тот образ миллионера, который я себе раньше создал. Посмотрел я и говорю: «Так это и есть тот самый господин Рокфеллер?». Подошел к нему и взял его кулаками под бока. Он принял шутку и ответил тем же со своей стороны. После этого отношения между нами сложились непринужденные.

Достаточно интересные беседы за обедом проходили с делегацией Великобритании, лично с Иденом. Его сопровождал министр иностранных дел Селвин Ллойд. Беседы с ним велись не на дружеской основе, но все же в теплой атмосфере. Иден человек очень симпатичный, располагающий к себе. Политик он был опытный, сам лично направлял линию своего правительства и консервативной партии, не то, что Эйзенхауэр. На наших встречах Иден демонстрировал британский лоск и вежливость, во всем проявлялись его деликатность и демократичность.

Итак, совещание продолжалось, но вопросы по сути не решались. Нам противостояли три делегации, которые занимали единую позицию, противоположную нашей. Положение отнюдь не менялось от того, что Иден лишь более мягко формулировал ту же политическую линию, которую проводили США и Франция. За обедом Иден нас спросил: «Как бы вы отнеслись, если мы пригласим вас официально прибыть с визитом в Великобританию? Это было бы полезно для обоих наших государств». Мы ответили, что это будет, конечно, полезно и мы охотно примем такое предложение, если оно поступит. Может быть, мы ответили не в таких категоричных выражениях, как я это сейчас говорю, но все же почти договорились о том, что Лондон пришлет приглашение и что это приглашение о посещении нашей делегацией Великобритании будет принято. А все остальные беседы были похожи одна на другую, тянулся обед за обедом. То были беседы, которые просто занимали время, но по существу не разрешали вопросов, для решения которых мы там собрались.

Когда я потом встретился с господином Неру (по-моему, это было в США, когда я возглавлял советскую делегацию на Генеральной Ассамблее ООН), он, как всегда улыбаясь, с таким мягким выражением лица, располагающим к себе, спросил: «Господин Хрущев, меня интересует, как Вы беседовали с Даллесом?». Я-то понимал, что его интересовало. Он знал нашу бескомпромиссную позицию в отношении политики, кото-

рую проводил Даллес, и знал также Даллесовскую политику, абсолютно бескомпромиссную в отношении советского государства. Отвечаю: «Да, мы встречались с ним во время обеда у Эйзенхауэра. Там мы встречались в неофициальной обстановке, причем Эйзенхауэр посадил нас рядом». «Ну, и что же?». «Разговаривали о том, какое блюдо кому нравится, сравнивая те, которые мы только что откушали. Вот, собственно, и весь предмет разговора. Не более того».

Даллес — человек, сухой по характеру. В разговорах за обедом он проявлял большую сдержанность и не был словоохотлив, как французы или даже англичане. В этом смысле Эдгар Фор проявлял гораздо большее гостеприимство и любезность. Когда мы беседовали с ним за обедом, он усиленно приглашал нас вечером съездить из Женевы во Францию в какое-то место, которое славилось особенно хорошим вином. Он хотел угостить нас этим вином. Мы отвечали, что согласны с его приглашением, благодарны ему и готовы поехать. Конечно, всерьез мы и не собирались ехать. Думаю, что Фор тоже полагал, что мы не поедем. Это было просто проявлением вежливости. Он хорошо знал, что мы не поставим его в условия, когда он должен будет нас принимать там, где это не предусмотрено протоколом.

Когда мы стали готовить итоговый документ, выявилась непримиримость наших позиций. Насчет Германии мы искали какой-то компромисс, чтобы можно было принять общий текст от имени четырех держав. Формулировки там содержались такие, которые давали возможность толковать его каждой делегации по-своему. Беседовали четыре делегации, но сторон-то было две: Советский Союз и страны капиталистического мира. Чтобы не вводить общественность в заблуждение, мы подготовили наше заявление и сейчас же после подписания совместного документа устроили пресс-конференцию, на которой зачитали это особое заявление, как мы понимаем принятую в Женеве декларацию. В результате остались на старых позициях и та, и другая сторона.

Не хочу сейчас говорить, как конкретно формулировались вопросы, обсуждавшиеся на той встрече. Я рассказываю только по памяти, не пользуясь специальной литературой. К тому же сейчас это уже пройденный этап политической борьбы. Я хотел рассказать здесь лишь о характере, о духе нашей встречи, которая была все-таки полезной. Капиталистические страны прощупывали нас и, видимо, определили, что с нами вряд ли имеет смысл разговаривать по принципиальным вопросам с позиции силы. Не знаю, тогда ли они окончательно уверились в этом. Но, во всяком случае, они почувствовали, что мы не поддадимся. Мы продемонстрировали миру, что стремимся к мирному сосуществованию, однако без таких уступок, которые свидетельствовали бы, что нас можно вытеснить с наших позиций путем запугивания. Мы же тоже почувствовали, что, хотя честно и искренне высказали свое стремление к мирному сосуществованию, заявив, что не преследуем никаких завоевательных целей, в чем обвиняла нас печать капиталистического мира, все равно мы не сумеем убедить западные страны пойти на улучшение наших отношений.

Мы тогда считали, что на первых порах хорошо было бы договориться о расширении торговых отношений. Особенно хотели мы торговать с США. К тому времени они приняли закон, ограничивающий торговлю с Советским Союзом. Хотели мы расширить торговлю также с Францией и Англией. Однако, как я уже говорил, вопросом вопросов оставалась проблема Германии. Здесь, как мы считали, возникали точки соприкосновения, от которых зависело, поднимется ли политическая температура до критического градуса или же удержится нормальной: не холодной и не горячей, а теплой, которая взаимно бы согревала нас и создавала благоприятные условия для мирного сосуществования двух систем, капиталистической и социалистической.

Мы добивались мирного сосуществования на государственной основе. Вопросы идеологии и философии мы тут всегда выделяли и открыто заявляли, что мирное сосуществование социалистической и капиталистической идеологий невозможно, что они несовместимы, пока каждая сторона остается на своих принципиальных позициях, с которых нельзя сходить. Тут надо вести борьбу до конца, и каждому здравомыслящему человеку ясно, что идеологические вопросы могут решаться только в борьбе и будут решены лишь в результате чьей-то победы. Если мы являемся коммунистами, марксистами, ленинцами, то верили и верим, что победа останется за новым, прогрессивным строем, за марксизмом — ленинизмом. А раз так, то какой же может быть разговор о мирном сосуществовании с капиталистической идеологией?

Вот так прошло наше совещание в Женеве. Мы вернулись оттуда, не добившись желаемых результатов. Но это будет не совсем точно. Все-таки результат имелся: мы как-то нарушили изоляцию, которая существовала раньше вокруг нас. Это выразилось хотя бы в том, что Англия пригласила нас в гости, и мы это приглашение приняли. По тому времени это являлось хоть каким-то прорывом фронта.

Когда закончились встречи и делегации стали разъезжаться (не помню сейчас, в каком порядке они отбывали из Женевы), мы заранее условились, что, возвращаясь на Родину, заедем в Берлин, где проведем консультации и сделаем совместное с правительством ГДР заявление. Так мы и поступили.

Прибыли мы в Берлин. Там нас встретили с большими почестями. Толпы народа вышли встречать нас и встречали очень хорошо. Я потом много раз бывал в Берлине, но мне особенно запомнилась та, первая встреча. Это, кажется, был мой первый визит туда в официальном положении. Я побывал в Берлине в 1945 г., после подписания Потсдамского соглашения, но тогда я ездил инкогнито, как частное лицо, желая познакомиться с городским хозяйством Берлина. А теперь мы официально представляли Советский Союз, поэтому встреча была организована довольно шумная и пышная.

Меня она поразила. Я-то думал, что после кровопролитной войны и взаимного истребления, которое война принесла немецкому народу и народам Советского Союза, вряд ли можно ожидать какой-то теплоты при встрече. Даже полагал, что могут быть какие-то проявления враж-

дебности. Конечно, на некоторых лицах были заметны довольно кислые мины. Но таких людей встретилось немного. В большинстве своем люди, которые встречали нас, были настроены дружелюбно и вели себя довольно активно. Как я считал, это свидетельствовало о том, что немцы насытились войной и искренне хотят строить с нами дружеские отношения. Переговоры, которые мы имели с руководством ГДР, были хорошими, велись в должном духе. Принятые документы соответствовали пожеланиям обеих сторон. Эти документы были опубликованы.

Мы пошли на такой шаг для того, чтобы правильно сориентировать общественное мнение. Ведь декларация, подписанная четырьмя делегациями в Женеве, по некоторым пунктам давала возможность разного толкования. Мы толковали их по-своему, другая сторона тоже по-своему. Только в результате такого компромисса мы вообще сумели подписать документ, ибо не хотели разьехаться безрезультатно. Но мы и не хотели, чтобы эти пункты толковались как наша уступка принципиального характера: сделали на этот счет публичное заявление в Женеве и повторили его в двустороннем заявлении, подписанном представителями СССР и ГДР.

Так закончился наш первый выезд в качестве руководителей Страны Советов за границу. Мы встретились с главами буржуазных правительств, себя показали и на них посмотрели. Я бы сказал, что здесь мы держали в какой-то степени экзамен, можем ли мы достойно представлять свою страну, не поддаваться запугиванию и не проявлять излишних надежд, а трезво подойти к оценке сложившейся обстановки. Говорю это к тому, что Сталин все время, до самой смерти, когда раздражался, повторял: «Вот умру, передушат вас, как куропаток, империалистические державы. Не сумеете вы отстоять советское государство». Этим он нас всегда попрекал, а мы отмалчивались, потому что было бесполезно вступать с ним в спор. Да он и сам не требовал от нас каких-то контрзаявлений. Теперь же нам было интересно побывать за границей, встретиться с представителями буржуазных стран и пощупать их.

Нам это нужно было и потому, что мы считали, что Сталин не всегда трезво подходил к оценке международного положения, преувеличивая роль наших Вооруженных Сил. Он считал, что мы, запугивая империалистов, тем самым сохраняем зыбкий мир. Он каждый час ждал новой войны, вокруг Москвы все время находилась наготове зенитная артиллерия. Сталин оценивал послевоенное международное положение неправильно, полагая, что империалистические державы нападут на Советский Союз, хотя на самом деле такой ситуации тогда не существовало. Видимо, он сам себя запугал возможностью нападения на СССР и считал, что после его смерти мы не сможем организовать оборону, что нас сомнут капиталистические державы.

Наша поездка в Женеву еще раз убедила нас в том, что никакой предвоенной ситуации в то время не существовало, а наши вероятные противники боялись нас так же, как мы их. Поэтому они тоже бряцали оружием, старались нажать на нас, пойти на выгодное для них соглашение. С другой стороны, они тоже знали границу, которую им не следует переступать, и вели себя осмотрительно, считаясь с нашим сопротивлением

и видя, что путем силы, путем вымогательства они не смогут получить то, чего бы хотели. Они поняли, что надо строить отношения с нами на другой основе. Вот почему та поездка была полезной, хотя реально ничего нам не дала. Взаимное прощупывание при встречах тоже имело свои положительные результаты, хотя бы и в том смысле, что за рубежом увидели, что мы достойно представляем свою страну и готовы защищать завоевания революции, защищать соглашения, заключенные в результате разгрома Германии, так что вырвать то, чего они хотели, и поправить Потсдамское соглашение в пользу Запада им не удастся.

К ГЛАВЕ «НА ЖЕНЕВСКОЙ ВСТРЕЧЕ ЛИДЕРОВ ЧЕТЫРЕХ ДЕРЖАВ» (вариант второй)

Хочу продиктовать свои воспоминания о встрече в «верхах», так ее тогда называли в Женеве, в июле 1955 года. Диктую, естественно, по памяти. Поэтому я часто гадаю, но по печати можно будет легко восстановить даты событий. Как возник вопрос о встрече в верхах? Мы, руководство Советского Союза, не проявляли никакой инициативы. Настолько у нас были испорчены отношения с бывшими нашими союзниками, что мы не считали возможным проявить ее, с тем, чтобы не вызвать у наших бывших союзников, а нынешних противников, превратного восприятия нашего обращения как проявления слабости. Тем самым отношения могли еще больше ухудшиться, подогрелся бы антисоветизм тех сил, которые имели большое влияние в западных странах. Это одно. Главное — мы еще находились под сильным сталинским влиянием. Я не могу сказать, верили ли мы в свои силы, в то, что сможем отстаивать интересы своей страны и никакие ухищрения со стороны наших противников не вырвут у нас обещаний, наносящих вред нашему советскому государству. Сталин при вспышках гнева утверждал, что он единственный защитник интересов советского государства, марксистско-ленинских идей, он один на своих плечах несет тяжесть борьбы против всего антисоветского, антикоммунистического. Верно, что Сталин — советский человек, в этом нет сомнений. Он отстаивал интересы марксистско-ленинского учения, в этом тоже нет сомнений. Но какими методами? Как он его понимал и как проводил в жизнь, я сейчас не хочу повторять. Люди, которые хотят эти вопросы изучить, могут получить исчерпывающие материалы в решениях XX и XXII съездов партии.

С Запада к нам проникали сообщения, что тамошние лидеры хотят встретиться с новым советским руководством, сложившимся после смерти Сталина. Потом мы узнали, что главным инициатором в этом вопросе был Черчилль, хотя в это время он уже не входил в английское правительство, его возглавлял Иден. Во Франции правительство возглавлял Эдгар Фор, а в США президентом был Эйзенхауэр. В Советском Союзе к этому времени произошла замена Председателя Совета Министров: Маленков сменил Булганина. Министром обороны вместо Булганина утвердили маршала Жукова.

Помимо всех уже опубликованных доводов и причин замены Маленкова Булганиным имелся и еще один. Началось обсуждение в буржуазной печати вопроса о созыве совещания в верхах. У нас возник вопрос: как же быть? Кто будет представлять Советский Союз? Кто поедет на это совещание в качестве главы правительства? Должен был ехать Маленков. Мы как-то обменивались с Молотовым мнениями по этому поводу. У меня тогда были очень хорошие отношения с Молотовым.

— У нас могут сложиться довольно тяжелые условия, — говорил я Молотову. — Маленков возглавит нашу делегацию, а для всех очевидно, что Маленков не способен по-настоящему противостоять противнику при встрече. У него характер, сглаживающий острые углы. Он улыбающийся человек, человек, не способный парировать удары, тем более не способный предпринять наступление при обсуждении вопросов. А без этого нельзя. Защищаться — значит вдохновлять противника. Необходимо нападать. Эта военная тактика свойственна и политике.

— Конечно, если состоится встреча, то Маленков не один поедет, — ответил мне Молотов. Он намекал на себя. Он как министр иностранных дел обязательно будет там, постоит за интересы страны. Это верно. Здесь у меня никаких сомнений не было. Молотов будет отстаивать интересы Советского Союза, но Молотов уж очень угловат. Он противоположность Маленкову. Порой нужно проявить и понимание, и даже необходимую тактическую обтекаемость. Он на это не способен. Он резок до крайности. Когда он возражает, то даже его лицо как-то искажается. Его участие в делегации не располагало к поиску согласия. Я сомневался, что таким путем составится делегация, на которую можно положиться, можно быть уверенным, что она использует все возможности обсуждения, проявит как твердость, так и эластичность.

Не следовало давать повода думать, что мы стоим на старых позициях сталинских времен. А олицетворением такой политики был сам Молотов. У нас к нему стал проявляться критический подход. Об оценке его деятельности за границей и говорить нечего. Пока он отстаивал интересы советского государства, здесь его стойкость, неподкупность — качества хорошие, а вот эластичности, необходимой дипломату, ему не хватало. Это являлось слабостью дипломатии Молотова. Поиск подходящей кандидатуры на пост главы нашей делегации тоже послужил одной из причин, конечно, далеко не главной, вызвавших замену Маленкова Булганиным.

И вот мы получили предложение встретиться. По-моему, сначала от Англии, а уж потом от Франции и Соединенных Штатов. Или это было коллективное обращение с их стороны? Не помню. Предлагалось собраться и обсудить вопросы, накопившиеся между четырьмя великими державами. Мы рассмотрели предложение и приняли решение согласиться. Назначили дату и место. Наши партнеры называли Женеву. У нас никаких возражений не было и не могло быть. Место не имело особого значения, но все-таки Женева — это город, где работала Лига Наций. Там от Лиги Наций осталась какая-то международная собственность и было легче организовать такую встречу. К тому же Швейцария — страна, при-

держивающаяся нейтралитета. Поэтому мы считали, что обстановка для работы совещания там будет лучше, чем в других странах, конечно, кроме социалистических. Но о социалистических странах не могло быть и речи. Приглашение одной из стран-участниц тоже не могло быть принято. Тогда надо было объяснять, почему отдается предпочтение той или другой стране? Нейтральная Швейцария удовлетворяла все четыре стороны.

Естественно, возглавить делегацию должен был Булганин как Председатель Совета Министров. Молотов входил в нее как министр иностранных дел, это его профессиональная обязанность. Тогда, я уже не помню кто, предложил мою кандидатуру. Я отнесся к этому вначале с сомнением. — Трудно будет объяснить, — сказал я, — почему я, секретарь Центрального Комитета партии, вхожу в эту делегацию.

Тут вмешался Молотов как самый авторитетный в таких делах. Он сказал, что состав делегации — это наше внутреннее дело, кого хотим, того и можем включить. Здесь нам ничего не скажут. И я понимал, что с юридической стороны мы им не подотчетны. Мы посылаем своих людей. — Вы к тому же член Президиума Верховного Совета, — добавил Молотов, — занимаете официальное положение в государственных органах.

Одним словом, если говорить правду, то хотя я высказывал сомнения, но мне лично очень хотелось поехать. Мне хотелось взглянуть на границу. Тут опять напрашивается сравнение: «Дунька рвется в Европу». Долгое время нас убеждал Сталин, что мы растаем от первой ласки со стороны наших классовых врагов, что мы не сможем отстоять свою страну, свою идеологию. Но дело не только в этом. Хотелось познакомиться с людьми и послушать их аргументацию, которую они будут приводить в переговорах. И еще была такая наивная мечта человека, в первый раз попавшего в подобную атмосферу: казалось, если честно привести разумные аргументы, показать, что мы искренне стремимся к сосуществованию, что мы хотим мира и невмешательства во внутренние дела других стран, то, раз это понятно и выгодно всем, можно договориться на такой основе, снять напряженность, добиться разоружения. Мы тогда ставили вопрос о разоружении и, в первую голову, о запрещении ядерного оружия. Тогда ядерное оружие появилось и в советской стране, но у нас его имелись крохи, а США располагали большим арсеналом. Но главным их преимуществом были военные базы, окружившие Советский Союз. Они имели огромное количество самолетов, превосходивших все, что имели мы. Поэтому Америка обладала возможностью с военных баз достигать любой точки на территории Советского Союза. Это довольно существенный аргумент, побуждавший нас всеми силами стремиться избежать войны. Если она разразится, то прежде всего пострадал бы Советский Союз. Да мы уже и были сыты войной. Только-только она закончилась, еще не залечились раны на теле нашего советского государства.

Хотелось мне и познакомиться с главами великих держав. Правда, с Иденом я уже встречался во время войны, но мельком. Тогда Иден прилетал в Советский Союз, и случайно совпало, что в это время я тоже был

вызван Сталиным с фронта. Я встретился с ним на каком-то ужине у Сталина. Но там я, как говорится, видел его лицо, слышал его голос, а с ним не беседовал. Сталин если и приглашал кого из руководства, из членов Политбюро или правительства, то это только смотреть, сидеть и кушать, главное — занимать место. В вопросы политики нас не допускали, каждый должен был знать свое место. В какой-то степени это верно. Необходимо, чтобы человек, который определяет политику Советского Союза, выступал один, в таких случаях недопустима разногласия. Но я считаю, что не следует и ограничивать своих соратников, особенно в преклонном возрасте, в котором находился в то время Сталин. Надо было их приучать, натаскивать, как охотник приучает молодую собаку. Натаскивать надо, а этого Сталин не мог допустить. Он все понимал, но допустить не мог.

С Эйзенхауэром я тоже встречался в Москве во время Парада Победы, на Мавзолее. Ну, какая это встреча? Так, Сталин поманил пальцем, представил меня. Мы поздоровались, и только. С Фором я совсем не был знаком. С Даллесом — тем более. Но хорошо знал его через печать, через донесения, через газетные сообщения. Вероломная политика, которую проводил Даллес, мне была хорошо знакома. Я не отказывался от того, чтобы персонально познакомиться. На любого человека можно при умелой тактике оказать воздействие, убедить в необходимости разумного начала в построении межгосударственных отношений.

Одним словом, делегация была составлена, и мы готовились к отъезду. В последний момент мы узнали, что Эйзенхауэр включил в состав сопровождающих его лиц министра обороны. Я тогда предложил:

— Давайте включим в состав сопровождающих нашу делегацию маршала Жукова.

Я преследовал такую цель: Жуков проявил себя в войне, первый маршал. И это заслуженно, а не так, как перепевали подхалимы на все голоса о первом красном офицере, как до войны называли Ворошилова. Он таким никогда не являлся, а был выдвинут на свой пост Сталиным по другим соображениям. Жуков в войне показал свои способности. Когда я диктую такую характеристику, то знаю, что некоторые военные, маршалы со мной не согласятся. Но это другой вопрос. Я очень высоко ценил Жукова и питал к нему большое уважение за его ясный ум, за его характер, за его неподкупность. Он мог в интересах правильного понимания ситуации, которая складывалась на том или другом участке нашего фронта, сказать Сталину то, что думал, хотя и знал, что это Сталину не понравится. Я отмечал при встречах со Сталиным его как единственного человека, который обладал этой смелостью. Другие военные чаще всего говорили: «Есть. Хорошо. Будет сделано, товарищ Сталин». Даже если он сам не согласен и имеет другую точку зрения. Это очень плохо. Я сейчас не хочу осуждать тех военных, это тоже честные люди. Просто Сталин подавлял инициативу, подавлял волю других людей, не считался с их мнением. Это наносило большой вред нашему делу. Это уже другой вопрос. Я уже говорил о характере Сталина и его ответственности за неподготовленность страны к войне. Мы все считали войну неизбежной с того момента, как Гитлер при-

шел к власти. Его книга «Майн кампф» была переведена на русский язык. В ней раскрыта вся сущность политики Гитлера. Он о ней говорил, когда стремился захватить власть в Германии, а уж потом не стало никаких преград для осуществления его бредовых мыслей.

Жуков один мог сказать правду Сталину. Это мне нравилось. На последнем этапе войны Жуков командовал Первым Белорусским фронтом. Он брал Берлин. Правда, при содействии Первого Украинского фронта, которым командовал маршал Конев.

Я маршала Конева тоже ценил высоко как военного и партийного человека, с уважением к нему относился. Но тогда почему-то его отодвигали на второй план, даже больше, как-то принижали значение ударов его фронта, которые способствовали разгрому гитлеровской Германии на завершающем этапе войны. Тогда наступали на Берлин три фронта. Жуков командовал Первым Белорусским фронтом, Конев командовал Первым Украинским фронтом и Рокоссовский еще одним фронтом (как он назывался, я сейчас не помню). Навстречу ударили по немцам английские войска под командованием фельдмаршала Монтгомери.

Мне казалось, что встреча Жукова с Эйзенхауэром может оказаться полезной для нас, поможет сблизить нас, расположить к нам Эйзенхауэра, вызвать больше доверия. Мы хотели показать, что стремимся к миру и даже к дружбе. Мы имели в виде, что Жуков может встретиться с Эйзенхауэром не только на заседании, но и в дружеской обстановке один на один, может поговорить с ним доверительно.

Когда мы прилетели в Женеву, то Иден, по-моему, уже был там. Но я не ручаюсь за точность и последовательность прибытия делегаций. Наше появление в небе над Женевой вызвало наше разочарование. Делегация Советского Союза прибыла на воздушном транспорте, который ни в какое сравнение не идет с самолетами, на которых прибыли другие делегации. Все они прилетели на четырехмоторных огромных самолетах, а мы прибыли на Ил-14, весьма скромном, хотя и хорошо с точки зрения его летных качеств, надежности самолете. У нас тогда не было четырехмоторных гражданских самолетов таких размеров, какими пользовались на Западе. Это на обывателя действовало. Прилетели какие-то люди, представляющие большую страну, но, видимо, они еще недостаточно сильны, даже не располагают современными средствами воздушного транспорта. Они вынуждены пользоваться такими самолетами, которым уже давным-давно отводится второстепенная роль в крупных капиталистических странах.

Когда мы приземлились, нам отдали все почести, положенные для иностранной делегации. Был выстроен почетный караул. Я тогда впервые увидел иностранные войска в положении почетного караула. Предстояло проделать всю церемонию встречи. Булганин как глава делегации должен был принять рапорт почетного караула. Мы с ним стояли рядом. Конечно, мы прекрасно понимали, что он должен идти один. Человек, который занимался протоколом в правительстве Швейцарии, видимо, считал, что кто-то из нас может покуситься на правила. Поэтому, когда Булганину предстояло двинуться вперед, протоколист буквально

закрыл мне глаза и нос своей спиной. Высокий он был, нестарый человек. Я даже немножко возмущился и чуть его в спину не толкнул, ведь это невежливо. Потом я понял, что он преследовал другие цели, хотел удерживать меня и других на месте.

Народа собралось много. Нельзя сказать: видимо-невидимо, но все-таки много. Набежали и зеваки, которые хотели посмотреть, что же это за русские; тем более, что это за люди пришли к руководству после смерти Сталина? Нам подали машины, и мы отправились в резиденцию. Машины были наши, мы их заранее отправили в Женеву. Мы пользовались, конечно, своим транспортом, как это принято при подобных официальных встречах.

Приехали мы в город. Для нас приготовили особняк, арендованный нашим посольством. Не совсем удобный, мы расположились там тесно, но имели все возможности для жизни и для работы.

Нам рассказывали наши дипломаты, которые прибыли раньше нас в Женеву, какое большое и, я бы сказал, смешное впечатление произвело на женевцев и на наших прибытие Эйзенхауэра со своей делегацией. Они прилетели на внушительном самолете, но не это удивило зрителей, и тут, естественно, сравнение было не в нашу пользу. Демонстрировалась мощь страны, гигантская военная сила. В том числе и размерами самолета президента, — не то, что какой-то комар, на котором прибыла делегация Советского Союза.

Самое главное и смешное произошло потом. Завершили процедуру, положенную при встрече главы государства, и Эйзенхауэр сел в машину. Кавалькада тронулась. Эйзенхауэр располагался в собственном доме, принадлежащем Соединенным Штатам. Но дело не в этом. Когда кортеж тронулся, машины двигались медленно в сопровождении многочисленной охраны, прибывшей заранее. Они выстроились в две шеренги, и машина с Эйзенхауэром двигалась внутри этих шеренг, а охранники бежали рядом с машиной. Картина вызвала улыбки у наших людей, да и у женевцев. Зрители с улыбкой наблюдали, как были напуганы американцы, что прибегли к пешей охране, бежавшей за объектом охраны.

И Иден прибыл на внушительном самолете, но такой процедуры встречи мы не видели больше ни у кого. Эдгар Фор тоже, как мне говорили, прилетел на хорошем самолете.

Итак, мы установили контакты и условились о порядке заседаний и о расположении делегаций за столом. Против нашей делегации располагались французы. Справа — английская делегация и слева — делегация Соединенных Штатов. В назначенный час мы собрались во дворце, познакомились. Эйзенхауэр в личных контактах и в беседах производил очень хорошее впечатление. Он человек располагающий, в обращении мягкий, голос у него тоже не такой, приводящий в трепет беседующего, как принято изображать военных. Нет. Голос у него был человеческий, и обращение человеческое, и даже, я бы сказал, притягательное.

Почему-то я питал к Идену больше доверия. Видимо, это основывалось на том, что он занял правильную позицию, когда назревала война. Он тогда входил в состав министерства иностранных дел Англии и приез-

жал в Советский Союз один раз или даже дважды. Мы знали, что он отстаивает необходимость заключения договора с Советским Союзом против гитлеровской Германии. Тем самым он пытался остановить, не допустить развязывания войны. С ним не согласились и пошли на соглашение с Гитлером. Иден в знак протеста вышел из состава английского правительства.

Этот его шаг подкупал меня. Из-за него, возможно, и сложилось в моем сознании расположение к человеку, который в такой грозный час правильно понимал Советский Союз, хотел сближения с нами и даже, может быть, союза, с тем чтобы преградить путь к развязыванию войны.

Иден оказался человеком, располагающим к себе, даже симпатичным и внешне красивым мужчиной. Высокого роста, усики. Он несколько смахивал на грузина. Приятный был человек.

Эдгар Фор. Эдгар Фор — человек низкого роста, нормальной комплекции. Когда мы с ним сошлись и беседовали, он тоже очень расположил нас к себе. В своем обращении с нами он подчеркивал особые симпатии к Советскому Союзу, и я не сомневался в его искренности.

Эйзенхауэр в одном из перерывов предложил: — Давайте организуем буфет. — Я не знаю, как он назывался по-английски, бар, что ли? Мы после каждого заседания стали ходить туда. Там не было никаких столов, никаких стульев, получилась вроде, как у нас называют, забегаловка, но только на другом уровне. В этой забегаловке давали не щи кислые, а мартини, коньяк и другие напитки.

— Мы, — продолжал Эйзенхауэр, — выпьем символически и разойдемся. Для чего я это предлагаю: если у нас при обмене мнениями возникнут обострения, то тут мы снимем это напряжение. Выпьем по маленькой рюмочке коньяку, и нервы вернутся в нормальное состояние. Должны сохраняться хорошие, доверительные отношения при наших дискуссиях.

Мы приняли его предложение. В назначенный час каждая делегация заняла свои места за столом переговоров, и мы приступили к работе. Утвердили организационные, процедурные вопросы. Какие вопросы тогда ставились? Какая была повестка дня? Конечно, буквально я ее не помню сейчас. Но основными вопросами стояли заключение мирного договора после окончания второй мировой войны и вопрос о разоружении. К сожалению, они и сейчас стоят, и сейчас они еще не решены.

Приступили к работе. Я уже говорил, в каком порядке расположились делегации за столом. Стол, по-моему, был не круглый, а квадратный. Я только помню, что сидел по левую сторону от своего председателя, от главы делегации, а Даллес был с правой стороны от Эйзенхауэра. Таким образом, мы оказались рядом с ним. Не буквально, плечом к плечу, но на довольно близком расстоянии. Если бы дело дошло до рукопашной, то мы могли, не сходя с мест, не вставая, воспользоваться собственными орудиями защиты и нападения.

Я сейчас не помню министра иностранных дел Франции, кто приехал тогда с Эдгаром Фором. У Идена был Ллойд. Мы потом с ним встречались в Лондоне.

Не помню, в каком порядке начались выступления, какая делегация

взяла первой слово. Каждая делегация высказала свою точку зрения, изложила свою позицию. Чем это закончилось, давно всему миру известно. Эта встреча ничем не закончилась. Но польза была. Состоялась встреча, начались контакты, произошел обмен мнениями. А главное — личное знакомство представителей четырех великих держав мира.

И хотя мы не договорились ни о чем, но поняли, что мы можем разговаривать за столом переговоров. Тогда возник так называемый «дух Женевы» — и народы вздохнули свободнее, все почувствовали, что война, на пороге которой мы стояли, отодвинулась. Именно с Женевы начался тот долгий и нелегкий путь, который привел нас к разрядке, к заключению соглашений о запрещении испытаний ядерного оружия и подписанию других важных документов. Этот путь был непрост и нелегок, и многое еще предстоит сделать в будущем. Однако приятно сознавать, что мы были в самом начале этой дороги и первыми пустились в неизведанное, на поиски путей обеспечения мирного сосуществования, по узкой тропе, ведущей из Дворца Лиги Наций в Женеве.

Меня часто спрашивают в частных беседах о моих впечатлениях о других лидерах. Я расскажу о наиболее характерных из них. Больше всего мне запомнилось, как председательствовал Эйзенхауэр, а председательствовали там по очереди. На одном заседании — один глава делегации, на другом — другой, менялись по часовой стрелке, по солнцу. Когда председательствовал Эйзенхауэр, рядом с ним сидел Даллес, а я рядом с Даллесом. Если бы я знал английский язык, то, наверное, даже мог бы разобраться в писанине Даллеса. Он сидел, буквально упершись взглядом в блокнот, лежавший перед ним, карандашом делал какие-то записи, вырывал эти листки из блокнота и подкладывал Эйзенхауэру. Эйзенхауэр брал эти листки и зачитывал. Буквально зачитывал. На меня это произвело сильнейшее впечатление. Эйзенхауэр в моем представлении был маршал, генерал, президент!.. Он обязан сам излагать свои мысли, формулировать их. Здесь же, на этом заседании, я увидел совершенно обратное: оказалось, что международную политику, по крайней мере у меня сложилось такое впечатление, он полностью передоверил Даллесу и повторял все, что Даллес ему писал.

Ну, это для нас было не в радость, потому что к Эйзенхауэру мы сохраняли все-таки какое-то доверие. Оно сложилось в результате его поведения во время войны. Нам Сталин рассказывал, что Эйзенхауэр с пониманием относился к нашей позиции. Я не говорю о сроках высадки десанта, это другой вопрос. Они затянули высадку десанта и открытие второго фронта на невероятно большой срок и тем самым вызвали огромные потери со стороны Советского Союза. Классовая политика проводилась нашими союзниками против нас, у них возобладало желание нас истощить. Но она определялась не Эйзенхауэром, эту политику определяли Рузвельт и Черчилль. Главным образом, видимо, Черчилль. Я говорю в основном о последнем этапе войны, когда немцы сняли многие свои войска с Западного направления, где они действовали против высадившегося десанта союзников, и бросили их против наших войск. Гитлер хотел нас задержать, не дать нам возможности занять Берлин. Ста-

лин говорил, что он обратился к Эйзенхауэру и указал, что это было бы несправедливо. Немцы тогда фактически прекратили войну против американских и английских войск.

— Эйзенхауэр придержал наступление своих войск, — рассказывал нам Сталин, я это отлично помню. — Ответил, что следует дать моральное удовлетворение русским. Русские понесли главные потери в борьбе с немцами, и они по праву должны первыми со своими войсками войти в Берлин.

Видимо, так оно и было. Что стоило американцам на машинах, когда почти все дороги открыты, а немцы реального сопротивления не оказывают, ворваться в Берлин. Слово «ворваться» не подходит, ибо немцы ждали их в Берлине, хотели, чтобы американцы заняли Берлин. Им это было выгодно. Но американцы не пошли на это. Сталин приписывал заслугу рыцарскому благородству Эйзенхауэра, и я согласен в этой оценке со Сталиным. Подобные слова Сталина никак не вяжутся с его характером, тем более примечательно, что даже при его характере он признавал и высоко ценил Эйзенхауэра. В свою очередь, это формировало и в нашем сознании представление об Эйзенхауэре.

И второй памятный случай, в связи с которым Сталин добром поминал Эйзенхауэра. Когда наши войска разбили немцев, сломили их сопротивление в направлении Вены и немцы увидели, что они уже не могут сопротивляться, то они не сдавались советским войскам, а повернув на Запад, хотели сдаться американцам. Сталин обратился к Эйзенхауэру, указав на то, что, мол, мы их разбили, а оружие они складывают перед другими. Эйзенхауэр приказал своим войскам не брать разбитые дивизии в плен и предложил командующему немецкими войсками на этом направлении сдаться русским, сложить оружие перед нашими войсками. Кажется, этих пленных взял Малиновский. Все это я тоже, конечно, знал со слов Сталина. Такое понимание Эйзенхауэром наших позиций, сочувствие к нашим потерям, правильная оценка наших усилий в разгроме немецких армий — все это располагало тогда и сейчас располагает меня к Эйзенхауэру. Независимо от обострения в наших отношениях, которое произошло позднее.

И третье. Об этом тоже Сталин рассказывал. Немцы, разбитые нашими войсками под командованием Рокоссовского, бежали и стали сдаваться в плен фельдмаршалу Монтгомери, английским войскам. Тогда Сталин обратился к Черчиллю с аналогичной просьбой. Черчилль, видимо, даже не ответил, потому что, как Сталин говорил, немцы все-таки сдались Монтгомери. Монтгомери объявил, сколько он пленил солдат и сколько захватил оружия. Потом уже выяснилось, что англичане тогда организовали специальные склады и намеревались использовать это оружие в войне против Советского Союза, вооружить немцев, которые должны были уже стать их союзниками. Видимо, так оно и было, это похоже на Черчилля. Черчилль вступил в союз с СССР для борьбы против гитлеровской Германии не с целью помочь ему, а желая использовать ресурсы Советского Союза для разгрома главного своего противника — Гитлера. Он оставался антисоветчиком, антикоммунистом, каким был с

первых дней Октябрьской революции. Тогда, с целью подавления и уничтожения большевистских сил, англичане высадили свой десант на советской территории. Во время гражданской войны они были главным источником, из которого белогвардейские части снабжались и вооружением, и обмундированием, и финансами.

И четвертый факт, известный нам со слов Сталина. В результате того, что немцы почти не оказывали сопротивления Западу, войска союзников зашли за границы, определенные на Ялтинской конференции. Там установили разграничительную линию, на которую выходили войска победителей, советские, американские и английские. Тогда заметных организованных воинских соединений у Франции не было, в основном действовали силы внутреннего Сопротивления, которые вели партизанскую войну. Германия, как и Берлин, делилась на четыре зоны. Вена и Австрия — тоже. Американцы получили возможность продвинуться на Восток значительно дальше, чем это было договорено на Ялтинской конференции. Я помню, при мне это было, как Сталин проявлял тревогу: отведут ли американцы и англичане свои войска на те линии, которые определили в Ялте, или же потребуют признания статус-кво, установления демаркационной линии по месту фактического расположения войск.

Наша граница с американцами должна была проходить где-то по линии Эльбы, а американские войска вторглись значительно восточнее. Правда, мы заняли Берлин и могли в порядке компенсации не дать в Берлине им занять сектора, которые были закреплены за ними в Ялте. Но это не равноценные территории. Когда немцы капитулировали, американцы вернулись на линию, определенную Ялтинской конференцией. Раз американцы так поступили, то и англичане последовали за ними. Их поведение понудило Советский Союз, со своей стороны, сделать то же в отношении Берлина. Союзники заняли там свои сектора.

Все это говорило в пользу Эйзенхауэра и против Черчилля. Эйзенхауэр приобретал в нашем понимании образ человека, понимавшего и считавшегося с интересами Советского Союза. Мы питали некоторые надежды, что, став президентом, он сохранил прежнее мироощущение и что с ним можно, как говорится, пиво варить, можно договориться на разумной основе. То есть так, чтобы интересы Соединенных Штатов Америки, конечно, не классовые, а государственные интересы, не затрагивались, но учитывались также интересы Советского Союза и других стран. Такое доброе соглашение обеспечивало бы мир и невмешательство во внутренние дела разных стран.

Но когда я увидел, что Эйзенхауэр читает то, что ему подсовывает Даллес, у меня сразу все надежды поблекли. Сложившаяся у меня оценка его как государственного деятеля сильно поколебалась. В решении столь сложных и запутанных дел, как взаимоотношения двух наших великих держав, недостаточно было человеческого благородства Эйзенхауэра. Тут нужны были мудрость и большая смелость политика, который не побоялся бы сломать устоявшиеся годами понятия. Наши надежды на достижение соглашения сильно пошатнулись. Мы помнили другого Эй-

зенхауэра — выдающегося полководца, а сейчас мы столкнулись с Эйзенхауэром — заурядным политиком. Мы увидели Эйзенхауэра в другом качестве. Он показал себя в отрицательном свете. Он в международных вопросах не занимал самостоятельной позиции, а целиком положился на Даллеса.

А Даллеса мы считали человеком, лишенным здравого рассудка, опыненным, парализованным злобой. Он не хотел реально взглянуть в будущее, где вырисовывалось иное соотношение сил, которое со временем должно было стать еще рельефнее. Здравомыслящий человек должен был понимать, что Советский Союз наращивает экономическую мощь и превращается в одну из величайших стран мира.

Даллес не мог это понять, тому препятствовали его озлобленность и классовая непримиримость к коммунистам, к прогрессивному движению, к рабочему классу. Он даже не понимал, что общество делится на классы, и каждый класс преследует свои, узкие интересы. Этого Даллес не понимал и понимать не хотел. Этого не понимали и другие наши партнеры. Они стояли на буржуазных позициях. Но все-таки некоторые из них здраво оценивали обстановку и понимали, что соотношение сил уже изменилось и продолжает изменяться; в ущерб капиталистическому миру наращиваются силы стран социализма, и вообще увеличивается мощь пролетарского, коммунистического движения. Вот Даллес и хотел приложить все усилия, чтобы приостановить это прогрессивное движение в мире.

Однако Даллес при всей своей слепой ненависти к коммунизму, к прогрессивным силам, когда дело заходило о возможности развязывания войны, оставался трезвым политиком. Он придумал понятие «на грани войны» и на этой грани строил свою политику. Однако он знал, что если он переступит эту грань, то крепко получит по зубам. И сколько бы Даллес ни кричал о войне, о сдерживании коммунизма, мы знали, что он не переступит эту свою грань, не ввергнет опрометчиво мир в новую войну. В этом проявилась его трезвость как политика. В некотором смысле с ним было проще вести дело, чем с политиками, обладающими горячей головой, о которых трудно сказать, что они сделают под влиянием сиюминутных настроений.

Но найти соглашение, о чем-то договориться с Даллесом было невозможно, его просто выворачивало наизнанку при одной мысли о возможности установления дружеских отношений с Советским Союзом. Так в моих глазах поблекли краски, рассыпался авторитет, который приобрел Эйзенхауэр будучи Главнокомандующим союзными войсками, действовавшими против Гитлера на Западе. Я понял, что с этим человеком договориться не удастся, потому что он сам международными вопросами не занимается. Если говорить грубо, то у меня сложилось впечатление, что он находится на положении английского короля, который царствует, но не управляет. Видимо, так оно и было. Эйзенхауэр, находясь в Белом Доме, представлял страну своей персоной президента великих Соединенных Штатов, но управляли и заправляли политикой монополисты, и первым представителем этого монополистического, милитаристского капитала был Даллес. До него это место занимал Ачесон, тоже тупой, огра-

ниченный, ослепленный классовой ненавистью к Советскому Союзу человек. Из-за этого они не могли понимать и реально оценивать будущее Советского Союза. Если бы они понимали, то иначе проводили бы свою политику.

Вот, собственно, какой сложилась обстановка. Шли дебаты, выступления. Я сейчас не могу их воспроизвести, слишком много времени прошло. Да они и не оказались особенно запоминающимися. Могу только сказать, что совершенно иным, по сравнению с Эйзенхауэром, сложилось у нас впечатление об Идене. Я уже говорил, что он занимал правильную позицию перед войной, стоял за сближение Англии с Советским Союзом, за объединение наших усилий в борьбе с гитлеровской Германией. Свое желание договориться с нами он сохранил не полностью, но осталось такое впечатление от встреч в Женеве. Человек он был обходительный, мягкий, в беседах располагал к себе собеседника. С ним было приятно разговаривать. [Текст этих строк был отредактирован при жизни Н.С.Хрущева, в 1970 г. Далее идет посмертная редакция.]

Эйзенхауэр тоже обладал этими качествами, но, показав полную свою подчиненность Даллесу, он уже утратил доверие к себе. Сам-то он мягкий, оттекаемый, но не он определял политику. Другое дело, Иден.

Ллойд, конечно, играл свою роль как министр иностранных дел, но все-таки вел «партию» глава английской делегации, премьер Великобритании. Поэтому у меня лично больше доверия сохранилось к словам Идена. Он высказывал собственное мнение, а согласны мы с ним или не согласны, это другой вопрос. Тут просто следует продолжать переговоры и добиваться взаимного понимания, если мы хотим достигнуть соглашения. При этом не утрачивалось доверие при контактах и на заседаниях.

Еще раз — о французской делегации. Эдгар Фор произвел очень хорошее впечатление. Мне кажется, что до этого мы не встречались. Я только читал о нем. Их министра иностранных дел я сейчас не помню. Французы завоевали наши симпатии. С ними мы проводили самые непринужденные беседы не на официальных заседаниях, а при встречах наших делегаций. Был установлен порядок, согласно которому каждая делегация приглашала к себе на ужин или на обед кого-то из участников совещания. Потом проходили ответные приемы. Главным образом, обмен мнениями между делегациями происходил на этих ужинах или обедах. Мы принимали все делегации у себя, а потом сами приглашались нашими партнерами по совещанию в Женеве.

На этих обедах особенно теплые разговоры были с французской делегацией, с Эдгаром Фором. Мы настолько сблизились, что я его называл Эдгаром Ивановичем. Отчество ему, видимо, выдумали; французы не пользуются им в обращениях, как русские. Он улыбался в ответ, видимо, ему было приятно, что мы так обращаемся к нему. Но в главном вопросе переговоров они находились на той же позиции, что и другие западные страны. Хотя мы понимали, что Франция была их наиболее слабым партнером.

Во-первых, Францию сильно потрепали немцы. Она почти вся была

оккупирована германской армией, они ее быстро вывели из строя, и она фактически не принимала участия в войне против Гитлера. Экономика Франции находилась на низком уровне в сравнении с экономикой США и даже Англии. Поэтому мы понимали, что Франция, собственно, не имеет своего голоса. Она выступала как союзница наших партнеров по переговорам, она не могла даже при желании подать свой голос. Франция не чувствовала себя сильной, да, видимо, она даже и боялась подать свой голос, который звучал бы диссонансом среди голосов союзников. Ведь американские войска располагались на территории Франции, и Соединенные Штаты диктовали там свою политику. Этой политики должна была придерживаться и французская дипломатия. Так мы понимали обстановку. Но у нас складывалось впечатление, что лично Эдгар Фор, если бы он был волен определять политику Франции, создавал бы ее иначе, она была бы другой, более приемлемой для нас, и мы бы могли договориться. Создавалось такое впечатление, но при том положении вещей мы не питали надежды, что можем как-то договориться с Францией без договоренности с Соединенными Штатами. И даже не надеялись на договоренность с Англией. Они с Соединенными Штатами крепко держались общей позиции. А общую позицию этих трех государств определял и направлял Даллес, наш непримиримый враг. Поэтому совещание заранее было обречено на неуспех. Не на провал, но на неуспех. А фактически это и был провал.

Я сейчас не помню последовательность приглашений, кто кого первым приглашал на обед. Я только помню, в американской резиденции мне определили за столом место рядом с Даллесом. Он оказался старым уже человеком, высокого роста, широкоплечим. Взгляд у него был не располагающий, суровый. Я не знаю, вообще держался ли он так сурово, или эта суровость вызывалась моим соседством. Это тоже могло иметь место, тем более что в нашей делегации моя фигура должна была вызывать у Даллеса защитную, отталкивающую реакцию, ведь я представлял Коммунистическую партию Советского Союза. Конечно, другие члены делегации тоже были членами одной со мной партии, мы представляли одну партию и одну политику, но в понимании Даллеса моя особа приобретала особо отталкивающие свойства. Возможно, и это определяло его суровость и мрачность.

Эйзенхауэр показал себя хорошим хозяином, проявлял гостеприимство и радушие в своем обращении с нами и вообще в своем поведении.

Человек он веселый и своим характером не создавал натянутости. Что мы ели? Сколько блюд было? Я сейчас, конечно, не помню этого, но не бедно. Не квасом и не Гречкой он нас угощал.

За столом мы все-таки беседовали с Даллесом. Тема у меня в памяти не осталась, потому что, видимо, она была проявлением простой вежливости, мы сидим рядом, и надо считаться с партнером, как-то с ним поговорить. Мы собрались для того, чтобы найти какое-то общее понимание вопросов, позволяющее смягчить напряженность. А мы беседовали так: «Как вам нравится это блюдо? А это как вам нравится? Что вы предпочитаете?».

Вот такой обывательский разговор мне пришлось вести из-за невозможности поднять иную тему. На какое взаимное понимание здесь можно было рассчитывать? Поэтому пришлось ограничиться темой меню. Вдруг вспомнилось, как я встретился с господином Неру на Ассамблее ООН в 1960 году. Я возглавлял советскую делегацию в Нью-Йорке, и нас пригласила на обед делегация Индии. Когда мы беседовали с ним за столом, он наклонился ко мне с легкой улыбкой (очень располагающие были у него улыбка и лицо и невольно настраивали на доверие) и спросил:

— Я у вас, господин Хрущев, хотел бы узнать, — у него был мягкий голос, когда вы с Даллесом встречались, вы с ним здоровались?

— Да, — говорю, — конечно, здоровались.

— Ну, и как же вы разговаривали? — продолжал улыбаться Неру.

— Как в таких случаях бывает. Необходимость заставляла нас встречаться, — отвечал я.

— Ну, а как же он реагировал на вас? — все интересовался Неру.

— Ну, я не только встречался и здоровался с Даллесом: Эйзенхауэр нас даже посадил за обедом рядом, — засмеялся я.

Он на меня лукаво посмотрел и засмеялся в ответ.

— Рядом? — удивился он.

— Да. Я даже сидел с ним рядом, — теперь уже шутил я.

— О-о! Да, ну? — говорит. — Вот это да... — произнес Неру.

Ну, не буквально он издавал такие звуки, это я уж перевожу, как говорится, с индийского на русский. Во всяком случае, он выразил искреннее удивление. Неру умный, проницательный политик и хороший человек. Он правильно определял сущность Даллеса, хорошо его понимал и правильно характеризовал. У него не укладывалось в понимании: как это мог Хрущев с Даллесом встретиться? А если даже встретились, то как могли подать руку друг другу? И совсем не представлял, что мы могли сидеть с ним рядом за столом. Он считал, что Эйзенхауэр должен был как-то по-другому рассадить нас, с тем чтобы мы не соприкасались локтями один с другим. А Эйзенхауэр как раз этого добивался, может быть, хотел поставить своеобразный барьер, отгородить коммуниста Хрущева с помощью такого моего антипода, как Даллес. Ну, мы, собственно, с ним и не проявляли кошачьей нетерпимости, как бывает, когда кошка попадает в компанию собаки.

Правда, не всегда. Сейчас мне нечего делать, и у меня живут собачка и кошка, которые, к удивлению гостей, посещающих нас, проявляют большую любезность друг к другу. Но это исключение. Как правило, они проявляют антагонистические отношения друг к другу. Вот такое антагонистическое отношение у меня было к Даллесу, а у Даллеса — ко мне. Это правильно понимал господин Неру.

Встречи с английской делегацией, с Иденом проходили более приятно. Иден ничего не делал, что могло бы как-то омрачить наши лица. Он обладал очень гибким умом и тактом. Он все делал, чтобы расположить нас, чтобы мы составили хорошее мнение о нем и о политике Великобритании. Разногласия у нас были и будут, пока мы находимся на разных

полюсах социально-политического устройства. Это надо всегда иметь в виду, когда мы говорим о хороших отношениях, хоть с чертом! Мы говорим о приятных впечатлениях, но только в пределах и на фоне существующих наших коренных разногласий. Тем не менее, несмотря на наши разногласия, он проявлял добрую волю и умело демонстрировал эту добрую волю.

Я уж не знаю, с какой целью, но Иден сделал нам предложение посетить Великобританию. Он не требовал сразу ответа. — Мы встретимся еще раз и обменяемся на этот счет мнениями, — сказал Иден. Он, конечно, понимал, что мы не можем дать ответ, пока не обменяемся мнениями между собой и не сговоримся со своим правительством в Москве.

Мы сейчас же послали телеграмму в Москву, сообщив свое мнение о целесообразности принять предложение. Так и решили. Иден очень хвалил Великобританию, он обещал, что мы получим удовольствие от ее посещения, и тут же сказал, что самое лучшее время для посещения Великобритании — апрель.

— Наш апрель — это ваш май, — говорил он, — разгар весны, все зеленеет, распускается листва на деревьях, и, главное, меньше всего вероятность дождей. Нет и туманов. Это самое приятное время года в Великобритании.

А мы сказали, что полагаемся на него. Ему самому выбирать время, более всего подходящее для приема нашей делегации. Разговоры мы вели разные, я их сейчас, естественно, не могу припомнить. Да и никто их не вспомнит, мы разговаривали о текущих вопросах, о текущей политике, но наряду с этим поднимали и коренные вопросы.

Затем мы были гостями у Эдгара Форэ, а потом он со своей делегацией посетил нас. Если допустить такое выражение (оно не может полностью раскрыть смысл), то это были самые добродушные, самые непринужденные и доверительные разговоры. Но доверительные, это, конечно, условно. Надо иметь в виду, что доверительность существовала в определенных рамках, не выходящих за пределы классовых разногласий и нашей классовой принадлежности. Она отражала только наше желание сблизиться и жить в мире и дружбе с французским народом.

С французским народом после войны, которая была навязана Наполеоном и плачевно кончилась для Франции, у нас впоследствии наладились хорошие отношения. Царское правительство тоже строило дружеские отношения с Францией. В первую мировую войну мы были союзниками. Кровь русских солдат, собственно, спасла тогда Францию от разгрома.

Мы об этом тоже вспоминали, говорили о наших дружеских отношениях, скрепленных кровью наших солдат в первую мировую войну. Да и во вторую мировую войну Франция вернула свою независимость в результате разгрома гитлеровской Германии. В этом разгроме наше участие было решающим. Форэ это понимал и сам об этом нам говорил, стремился, чтобы мы восстановили доверительно-дружеские отношения. Мы соглашались с ним, но с оговоркой: ведь Франция вошла в союз НАТО, а НАТО — это военная организация, направленная против Советского Союза и других социалистических стран. Поэтому более интимные, дружес-

кие отношения зависят больше от Франции. Вернее, не больше, а исключительно от Франции, а мы к этому готовы. Тут мы старались не переходить рубеж, который мог испортить нашу беседу, не ввязывались в принципиальные споры. Мы старались их не обострять в беседах, но и не обходили стороной.

О чем же мы договорились в Женеве? Или вообще не договорились? Наша позиция базировалась, и сейчас она сохраняется, на признании реально сложившихся после войны границ. Из этого следовало, что из Германии выделилось два государства: Западная Германия и Германская Демократическая Республика. И это требовалось признать. Мы считали необходимым запретить ядерное оружие. Это вопросы вопросов. Их решение способствовало бы смягчению напряжения и укреплению доверия. Вот чего мы добивались.

Запад говорил, что они тоже стоят за мирное сосуществование, но без признания двух Германий. Существующее положение они расценивали как остатки войны. Они нас обвиняли, что мы не хотим воссоединения Германии в единое государство. Они продолжали настаивать на своих оккупационных правах до заключения мирного договора. А мирный договор они не могли заключить из-за наличия двух Германий. Они признавали одну Германию — Западную, и ее правительство, возглавляемое Аденауэром. Так мы этот мяч и перебрасывали по полю, вернее, по нашему столу, разделяющему делегации, собравшиеся в Женеве.

Я не хочу повторять наши аргументы и аргументы противной стороны. Они много раз повторялись и сейчас повторяются и в печати, и при встречах. Так что эта дискуссия довольно хорошо обыграна в деталях. При каждой встрече находится новое построение фраз для одних и тех же аргументов и фактов.

Я не помню, кто именно, Эйзенхауэр или Иден, спросил у меня: знаком ли я с Аденауэром? Я сказал, что лично не знаком, но по печати довольно хорошо его знаю, хорошо знаком с его позицией и политикой, которую он проводит. Она ничего хорошего нам не сулит. Мой собеседник посмотрел на меня, сделал такое доброе лицо и сказал:

— Вы знаете, было бы полезно вам с ним встретиться. Он совсем не такой человек, каким, я вижу, вы его себе представляете. Он добрый старик. С ним можно разговаривать.

Я сказал: — Что касается добрых стариков, здесь вопрос индивидуального подхода в оценке их доброты. Наша позиция противоположна той, о которой вы говорите, хоть бы и с добрым лицом и с добрыми намерениями.

Беседа перешла уже за обеденный стол, и я не так остро ставил вопрос. Я знал, что нас пока разделяет пропасть. Мы — люди из разных лагерей, поэтому для них он добрый, а для нас он злой.

Меня также как-то спрашивали о том же француз (но много позже, (по-моему, тогда спрашивал бывший премьер Франции Даладье, тот, который не проявил трезвости ума перед войной. Он ездил в Китай. Я с ним встретился, когда он возвращался домой): — Вот вы дружите и большую помощь оказываете Китаю, — сказал он. — Я видел в Китае много

ваших машин, много заводов, построенных и строящихся с вашей помощью. А вы не боитесь желтой опасности? — И он интригующе посмотрел на меня.

Тогда меня уже кое-что тревожило в Китае. Но не желтая опасность, а неразумная политика Мао Цзэдуна, которая уже стала себя проявлять. Однако не мог же я ему сказать то, что думал. — Нет, во-первых, мы не согласны с таким подходом, — сказал я ему, — выделять китайскую нацию и другие, как это делается в Европе и в Америке среди белых, за желтый цвет кожи. Мы же не расисты. Где проходит грань между желтой и белой расой? Мы не судим с таких позиций. Кроме того, это наша братская страна. Это наши братья, китайские коммунисты, и мы по-братски к ним относимся.

Теперь я дожил до того времени, когда наши братские отношения разорвал Мао Цзэдун. Теперь я нахожусь на пенсии, могу только наблюдать за событиями и читать газеты. На советско-китайской границе происходят военные столкновения. Такое тоже бывает).

Одним словом, тогда, в Женеве, французская делегация выражала нам свои симпатии и пожелания установить добрые, хорошие отношения с Советским Союзом. И Иден говорил о том же. Эйзенхауэр тоже к этому склонялся. Но он постоянно озирался на оскал Даллеса, который сразу приводил Эйзенхауэра с его добротой в трепетное состояние. Тем не менее, он тоже произносил приятные слова, в которых выражал пожелания Соединенных Штатов жить в мире и дружбе с Советским Союзом.

На тех переговорах германский вопрос стал основным. Запад твердо настаивал на единой Германии, никакого правительства Германской Демократической Республики и знать не хотели. Запад настаивал, что необходимо выполнить взятые на себя обязательства, заключить мирный договор с единой Германией, и тогда все нормализуется. Так они считали. Мы придерживались той точки зрения, что германский народ имеет право свободно высказать свое мнение, выбрать себе по своему вкусу социально-политический строй. Мы поддерживали тех немцев, которые объединились и живут в Германской Демократической Республике, вставшей на путь строительства социализма.

Кто имеет право лишить их этого выбора? Никто. Они имеют свой парламент, свое правительство, отвечающее всем международным нормам для признания их независимым и самостоятельным государством. Наши оппоненты то прямо говорили, то намекали, что ГДР — это лишь зона, а ее правительство поддерживается немецким народом только до тех пор, пока там стоят советские войска. Мы парировали, посылали этот мяч обратно, заявляя, что правительство в Бонне тоже держится с помощью расположенных на территории Германии войск Соединенных Штатов, Великобритании, Франции. Так что аргументы одинаково звучали с той и с другой стороны.

Но мы считали, что надо признать сложившиеся условия и границы. Они не особенно возражали, но говорили, что границу между Германией и Польшей по Одеру — Нейсе можно окончательно зафиксировать

только при подписании мирного договора. Пока мирного договора нет, это разграничительная линия, не более того. Мы, конечно, возражали, не могли с этим согласиться. Так каждая сторона и осталась при своем мнении. Ни те, ни другие не хотели и не могли уступить. С нашей стороны такую уступку мы вообще ничем не смогли бы оправдать, не смогли бы обосновать никакой логикой. Это означало бы, что мы просто поддались нажиму. Западные союзники не могли поступиться своими идеологическими позициями, признать за частью Германского государства, за частью его народа право стать под марксистско-ленинское знамя, стать на путь социалистического строительства. Ведь тем самым увеличивался социалистический лагерь и численно, и экономически, и в военном отношении. Они доказывали, что никак не могут согласиться, хотя именно таких аргументов не приводили. Я высказываю здесь свое понимание вещей. Я, признаюсь, думал, что все-таки здравый рассудок победит, надеялся на него и еще на искренние доказательства того, что мы больше ничего не хотим, а только закрепить то, что уже существует. Казалось, если разумно подойти к этому вопросу, то следовало согласиться. Нет! Нет, тогда они еще решали вопросы не разумом, а силой. А сила в те времена была, конечно, на их стороне. Мы были слабее. Хотя и с нами они уже вынуждены были считаться и не прыгать, очертя голову, в омут. Они проявили трезвость ума и не развязали войну против стран социализма, против Советского Союза.

Пришла в Женеве пора кончать. Подготовили итоговый документ. Заключительный документ, коммюнике, как иначе его называли. И снова встал вопрос о двух Германиях. Этот пункт мы никак не могли согласовать: каждая сторона стояла на своем. Создалась угроза, что вообще никакого единого документа не будет принято. Стали искать выход, как все-таки принять некий документ. Больше на нас нажимали западные страны, убеждали, как огорчатся народы всего мира, если мы разведемся так просто.

В конце концов согласились принять единый документ. А по германскому вопросу сделали нечеткую запись. Ее можно найти в газетах того времени. Здесь мы уступили. Эту формулировку каждая сторона могла толковать по-своему. Мы решили пойти на эту уступку с тем, чтобы, как только подпишем, сейчас же опубликовать наше правительственное заявление и в нем дать свое толкование этого пункта. Это заявление мы хотели огласить тут же, на заседании четырех держав, чтобы потом нас не упрекали, что мы вроде бы сговорились и тут же опрокидываем пункт, по которому достигнута договоренность. Мы выступили со своим особым мнением, которое не было принято, и тем самым проявили честность в переговорах, подписали документ и зачитали свое заявление. Потом мы собрали журналистов и перед ними повторили то же самое. В результате были опубликованы два документа. Один документ, подписанный четырьмя державами, и затем наше толкование самого острого пункта по германскому вопросу. Так закончились переговоры в Женеве.

Я здесь все диктую, рассказываю о разговорах с делегациями от собственного имени. Некоторые могут сказать: что же, там других не было?

Тем более, что главой делегации был Булганин. Там был Молотов, был Жукот и подсобный аппарат из отдела политической информации ЦК. Но я высказываюсь от своего имени, потому что диктую свои воспоминания. Конечно, и все другие лица вели беседы, высказывались, имели свое мнение. Но общая политическая направленность была у нас единой, без всяких оттенков.

Поэтому и позиция, которую я излагал, была единой. Это, собственно, была правительственная позиция, позиция Центрального Комитета. Никаких иных мнений в нашей делегации вообще не было. Я хотел бы, чтобы меня правильно поняли те, кто будет знакомиться с моими записями. Когда мы вели беседу за столом, то главы делегаций чаще адресовались персонально ко мне. Конечно, ко всем обращались, и вроде на равных. Но я чувствовал, что и Иден, и Эйзенхауэр, я уж не говорю об Эдгаре Форе, обращались чаще ко мне. Когда возникали вопросы, на которые, я считал, должен был ответить глава государства, я придерживал себя и, как говорится, становился за спину Булганина. Булганин же часто как бы подталкивал меня плечом.

— Отвечай ты. Отвечай ты... — шептал он мне. И я отвечал. Я не уклонялся.

Молотов... Молотов из нас был наиболее опытен в политических переговорах. Он не раз участвовал в подобных конференциях во времена Сталина. Но он уже приобрел определенную репутацию. «Человек НЕТ», — так говорили о нем. Поэтому, может быть, западные лидеры считали, что с Хрущевым будет легче договориться? Но скорее всего они понимали, что структура нашего государства держится на марксистско-ленинском учении, и поэтому роль партии, роль Центрального Комитета, а следовательно, и роль первого секретаря Центрального Комитета велика. Одним словом, не скрою, что мне приходилось больше всего отвечать на вопросы. На официальных же заседаниях все разговоры от имени нашей делегации вел только Булганин, и никто больше. Мы все только слушали, смотрели, следили, наблюдали, не более того.

Мы хотели, чтобы наша делегация выглядела солидно и чтобы наш глава государства не походил на Эйзенхауэра, который наглядно продемонстрировал свою подчиненную позицию, пользуясь открытыми подсказками в виде записок Даллеса. Мы по всем вопросам договаривались заранее, и Булганин уверенно отвечал на все вопросы. Если по ходу заседаний нужно было реагировать на неожиданную реплику наших партнеров, то мы просто немножко перешептывались, это вполне допустимо, и опять Булганин давал ответ. Хочу быть правильно понятым: я не только не покушался, а наоборот, оберегал достоинство главы нашего правительства.

Какой же можно сделать вывод? Какова оценка этой встречи? Разную тогда давали оценку. Некоторые говорили, что она провалилась, что жевневская встреча четырех держав по существу ничего не дала. Это правильно, реально мы ничего не получили. Но я считал бы такую оценку не совсем правильной. Эта встреча дала многое.

Во-первых, она дала нам возможность лично познакомиться. Мы луч-

ше узнали позиции друг друга. Встреча происходила после смерти Сталина, и западные страны в свою очередь познакомились с новыми руководителями СССР. Они смогли взвесить, что это за люди, и на что они способны, и чего можно от них ожидать. Смогут ли они путем нажима что-то от нас получить или нет? И мы конкретнее и реальнее смогли пред- ставить себе наших оппонентов.

Во-вторых, документ, который мы приняли, тоже значил немало. Он, конечно, выявил разногласия по коренному вопросу, но зато создалось определенное понимание: в чем мы еще не подготовлены решать вопрос путем переговоров. Вопрос остался в исходном положении.

Каждая сторона делала свои выводы и о том, как строить политику, свои отношения с советским государством и с другими социалистическими странами. Тоже полезно. Я считаю, что встреча для нас была очень полезной. Если говорить о себе, то я ее рассматривал как наш экзамен на выход в люди, пробу сил и примерку к плечу партнеров, представлявших другие страны, оценку их понимания вопросов в сравнении со своим. Это имеет большое, очень большое значение для руководителей. Особенно для нас, людей, которые долгое время жили под крылышком Сталина. Сталин сам решал все международные вопросы, давал направления, и вдруг мы остались без Сталина.

Надо было, как говорится, на людей посмотреть и себя показать. Я имею в виду не фотографии. Фотографии наши им и их нам были хорошо известны из журналов. Нам хотелось узнать получше характеры людей, их подход к решению государственных вопросов и прочие качества, которые необходимо знать о каждом политическом деятеле. Нужно знать своего партнера, знать своего противника, чтобы лучше строить свою политику. Это позволяет понять, по каким вопросам и на какой основе можно договориться, а по каким вопросам договориться нельзя. Зная людей, легче понять, как строить взаимоотношения со странами, с которыми у нас есть спорные вопросы. Это имеет большое значение. Всегда противные стороны ищут разные подходы к решению вопросов: то расстилают мягкие ковры, по которым шагают неслышной, кошачьей мягкой походкой, то вдруг начинают рычать и издавать другие угрожающие звуки.

В политике все должно быть соразмерено. Если, как говорится, на полтона выше возьмешь, можешь кальсоны испачкать; а с другой стороны, не доберешь эти полтона, покажешь, что ты не понимаешь вопроса, и тогда противник или насядет на тебя, или перестанет уважать тебя, считаться с тобой.

Одним словом, взаимное обнюхивание, взаимное обхаживание на официальных и неофициальных заседаниях, а особенно при встречах, на этих ужинах и обедах очень многое дают с точки зрения познания партнера. Познания деятелей международной политики и глав государств, с которыми надо жить в мире или в войне. Во всяком случае, жить. Ведь мы живем на одной планете, и нерешенные вопросы беспокоят каждого. Надо примериться, как жить, как строить свои взаимоотношения. Я считаю, что в Женеве состоялась очень полезная встреча.

Она имела большое значение для нашего советского государства, для нашего руководства. Из прощупывания, я считаю, наша делегация вышла с честью, выполнила задачи, возложенные на нас нашим советским правительством и нашим Центральным Комитетом.

Какую же роль в Женеве сыграл Жуков? И сыграл ли он свою роль? Мы на него возлагали надежды в установлении контактов с Эйзенхауэром. Я считаю, что сыграл. Я наблюдал первую встречу Жукова с Эйзенхауэром. Она была очень теплой, можно сказать, дружеской. Я чувствовал, что Эйзенхауэр с большим уважением здоровался с Жуковым. Жуков тоже с большим уважением относился к Эйзенхауэру, и он этого не скрывал. Я считаю это хорошим проявлением человеческих чувств. Они достойно встретились как партнеры. С одной стороны, Эйзенхауэр командовал войсками союзников, с другой, в руководстве армиями в той войне решающую роль сыграл Жуков.

Конечно, дело обстояло не так, как он в своих воспоминаниях рассказывает о Сталине, который «питался диким медом и акридами». Пишет, что, когда он бывал у Сталина, тот его все кормил вареным мясом да гречневой кашей. Только не сказал ничего о редьке и квасе. Бывал у Сталина и квас. Это, конечно, все чепуха, и я думаю, что эта чепуха в книжке написана не Жуковской рукой. А возможно, Жуков находился уже в таком состоянии, когда, как говорится, «моя рука писала и знала, для кого». Так пели на рудниках в мое время, когда я работал на шахте. Там девушки и парни пели, а кто-то переписывал. Я никогда не смогу согласиться, зная характер Жукова, что он мог позволить себе написать такую чепуху. Мне рассказывали о том, сам я его книги не читал.

Естественно, могут сказать: хорошие впечатления, хорошие теплые встречи, а в чем конкретно состоял результат договоренности? Это уже совсем другой вопрос. Договоренности не всегда удается достичь и при хорошей встрече. Что такое — хорошая встреча? Да, теплота была проявлена, но она основывалась на былом — была рождена в прошлом. Она опиралась на взаимные действия, которые были направлены к одной цели. С разных сторон били мы, били и они по фашистской Германии. Тогда было партнерство.

Правда, в этом партнерстве наш партнер все-таки проводил свою политику, стремился, чтобы мы больше истощились. Тут ничего не поделаешь, в этом проявляется классовая сущность. Тут и обижаться трудно. Вернее, обижаться можно, но претензии предъявлять глупо. Потому что мы коммунисты, мы социалистическое государство, а они представляли капиталистический мир. Если бы у нас был бы выбор, когда нам активно включиться в войну, может быть, мы тоже взяли бы на душу тот же грех, что взяла на себя Запад. Почему бы не потерпеть, пока наш союзник перемелет побольше сил врага? Результаты победы лучше делить при сохранении мощной армии. Тут всегда можно урвать больший кусок от убитого медведя. А если ты приходишь к цели истощенным и уже почти не стоишь на ногах, то и отношение получаешь соответственное. Правда, мы пришли к цели, несмотря на большие потери, еще довольно грозной силой, с которой наши союзники вынуждены были считаться.

От некоторых нейтралов, выступающих с судейских позиций, я слышал такую точку зрения: — Что же вы обижаетесь? Англичане и американцы промедлили с высадкой десанта, а потом делили победу на равных, несмотря на огромные потери, которые понесла советская страна. Давайте рассмотрим войну с Японией. Главную тяжесть войны с Японией внесли на своих плечах Соединенные Штаты Америки. А вы, как говорится, включились к шапочному разбору. Япония уже была разгромлена, главное дело сделали атомные бомбы, сброшенные на Нагасаки и Хиросиму.

Это в какой-то степени верное сравнение. Все очень похоже. Я сам летом 1945 г. присутствовал у Сталина, когда он нервничал, подталкивал военных: скорее, скорее надо наступать, иначе мы можем опоздать, и Япония капитулирует. Тогда нам, вроде, и делать нечего, а исходя из обязательств по договору, мы должны были получить очень многое: Сахалин, Курильские острова, Порт-Артур. Одним словом, мы восстанавливали потерянное царским правительством в войне с Японией в 1904 — 1905 годах. Такие рассуждения, безусловно, нельзя игнорировать. В них отражается классовая сущность той и другой стороны. Ну, я увлекся и, может быть, отвлекся.

Чем же конкретно стала памятна встреча Жукова с Эйзенхауэром? Жуков один ходил к Эйзенхауэру и целый вечер просидел с ним, вел беседу. Жуков нам потом рассказывал. Беседы, конечно, не могли выйти за рамки переговоров, ни дальше, ни ближе. Я думаю, что они не особенно и придерживались этих вопросов. Больше всего они вспоминали о прошедшей войне, о своей роли, о всяких военных эпизодах. Было о чем поговорить Жукову и Эйзенхауэру.

Когда Жуков вернулся, он только сказал: — Вот, президент подарил мне спиннинг. — Эйзенхауэр передал еще какие-то подарки для дочери Жукова, она как раз выходила замуж, и какие-то сувениры для жены Жукова.

Вот, собственно, и все. Даже при этом результате считаю, что мы не зря взяли Жукова, включили его в состав лиц, сопровождавших премьер-министра Советского Союза на женевских переговорах.

В забегаловке, в которой мы собирались после заседаний выпить по рюмочке, я встретился с Рокфеллером. Пили действительно по рюмочке. Может быть, кто желал — и по две. Но я не видел людей, которые бы рвались выпить, как говорится, на дурницу. Нет. Царили сдержанность и умеренность. После встреч с Эйзенхауэром и с Иденом я не отметил, что эти люди имели бы пристрастие к спиртным напиткам. Пили в меру. Больше шутили, разговаривали. Тут уж не переговоры, а обмен мнениями. Однажды в этой забегаловке Эйзенхауэр ко мне подвел молодого еще человека: — Вот, господин Хрущев, хочу представить вам Рокфеллера. Он советник нашей делегации.

Рокфеллер был одет довольно просто: в тужурку серенького цвета. Скромно он выглядел и никак не производил впечатления этакой громадины капитализма, какой он по существу был. Я решил тоже пошутить и говорю: — Это тот самый Рокфеллер? Интересно, — мы стояли рядом, и я руки протянул, кулаки сжал и под бока его нажал. Он тоже отшутился

соответствующей шуткой. Так я познакомился с воротилой капитализма, говоря языком, каким нас воспитывали на газетных материалах. Да, собственно говоря, он таким и был, таким и остался. Мы пожали друг другу руки. Вернее, один другому, а не друг другу, потому что какие тут друзья: бывший пролетарий и крупнейший капиталист? Я использовал свои пролетарские возможности, хоть в шутку, но под ребра пожал кулаками магната капитализма Соединенных Штатов Америки. Потом мы встретились за обедом у нас, за обедом у Эйзенхауэра, но без слов. Рокфеллер сидел от меня далеко.

Что я еще забыл? Что упустил? Что еще заслуживает внимания? Нет, не помню.

Наша делегация работала дружно. Когда мы собирались, совещались, обменивались мнениями, у нас не возникало никаких разногласий. Абсолютно никаких. Это радовало меня и создавало все условия для выработки нашей позиции и наступления на противные стороны. Мы старались отстаивать свою точку зрения и добивались максимально возможного для обеспечения мира. Мы подталкивали наших собеседников к осознанию того, что только мирное сосуществование, его признание поможет нам не столкнуться. Противостоящие стороны уже довольно основательно насыщены вооружением, идет наращивание опасного ядерного оружия.

В Женеве, оказывая давление, атакуя противную сторону, мы высказывались за заключение мирного договора, за вывод войск с оккупированных территорий. Нельзя, чтобы войска располагались на территориях других стран, иначе не удастся создать нормальные условия, снять напряжение, обеспечить невмешательство в дела других стран. Тогда я подумал, что следует развязать себе руки, получить свободу действий, вывести первыми наши войска из тех стран, где это не принесет ущерба. Наши войска находились в Финляндии, у нас была там военная база. Она буквально наваливалась на Хельсинки, на финляндскую столицу. Почему я вспомнил об этом? Тогда нам много писал наш посол в Финляндии, докладывал, что когда поезд из Хельсинки проходил по территории нашей военной базы, то в вагонах закрывали шторами окна и предупреждали, чтобы никто не выходил, никто не выглядывал, выключался свет. Естественно, это вызывало страшное раздражение и негодование у финнов. Если мы хотели дружбы с Финляндией и ее укрепления, то на такой основе на нее нечего было и рассчитывать. Наша военная база угрожала своими пушками Хельсинки, мы каждый день подвергали самолюбие финнов болезненным уколам. Что можно сделать худшего?

Каждый день несколько десятков или сотен людей очень доходчиво напоминают финнам, что наша военная база у них под боком, рядом со столицей. И они должны выполнять наши инструкции. Возникали всякие недоразумения и во время следования наших офицеров по шоссе-ным дорогам. Это вполне понятно и неизбежно. Это же военная база, а не профсоюзная делегация. Это военная база, там сидят военные, они строят свои укрепления, одним словом, делают то, что следует делать военным.

Меня очень беспокоило: как мы можем призывать американцев вывести свои войска с чужих территорий, если наша база расположена в Финляндии? Она же выполняет ту же роль, что и американские базы, к примеру, в Турции и в других странах. Мне хотелось развязать руки в нашей политике, чтобы нам глаза не кололи, а мы могли свободно, во весь голос выступать, призывать, мобилизовывать общественность против тех стран, тех политиков, которые стоят на позициях создания своих военных баз на чужих территориях.

Когда мы остались один на один, я спросил у Жукова: — Слушай, Георгий, — у нас были дружеские отношения, — ты скажи, наша база в Финляндии представляет какую-то ценность?..

Он сдвинул брови, сурово посмотрел на меня: — Знаешь, правду говоря, никакой. Что эта база может сделать? — он даже развел руками.

— А, если не будет этой базы, может возникнуть нам угроза со стороны финнов?

— Никакой, — говорит.

Я и сам это понимал. Но мне хотелось получить подтверждение из уст военного, особенно от Жукова, уже ставшего министром обороны Советского Союза. Я себя проверял, не хотел вызвать кривотолков, что, вот мол, при Сталине мы эту базу построили, а Сталин умер, и мы базу ликвидировали, ослабили свои позиции.

— Я согласен с тобой, — ответил я Жукову. — Тогда не следует ли нам ликвидировать военную базу? Политически это было бы для нас очень выгодно, а экономически — тем более. Мы вкладываем туда капитал. Зачем это? Мы содержим там армию. И это содержание стоит нам миллионы. И плюс размещение наших войск на финляндской территории. Это не способ завоевания уважения финского народа. Это оскорбление национального достоинства, и оно служит катализатором, возбуждающим ненависть к русским и к советскому государству. И так много горячего заложено, прошли две войны.

Одну войну, 1939 года, начали мы. Я-то это знал, и Жуков знал. Не финны, как толкуют в печати, а мы ее начали. Я считал, что не лучший способ завоевать доверие финского народа — держать у них под горлом ножик в виде военной базы.

— Когда мы вернемся, ты напиши свои соображения, — сказал я Жукову (я хотел, чтобы инициатива исходила от военных), — а я поставлю вопрос на Президиуме Центрального Комитета.

Так и сделали. Правда, мы обсудили вопрос еще до поступления документа. Я рассказал о мнении Жукова. Пришла бумага от Жукова, и мы приняли решение. Затем пригласили финнов в Москву, мы хотели их обрадовать. Они очень правильно оценили наш, я бы сказал, великодушный и разумный шаг. Сразу расслабились мускулы и снялась горечь, отложившаяся в результате проведенных войн, возросли доверие и симпатии к нам. Не только в финляндском руководстве, но и в народе.

Вот прошло уже сколько лет! Я оглядываюсь на пройденный путь и очень доволен, что это было сделано. Сейчас у нас наилучшие отноше-

ния с финским народом. Я много раз встречался с президентом Финляндии и сам ездил туда. По-разному встречались, и в бане его собственной мысли, пиво там пили. Финны обязательно парятся в бане, обязательно пиво пьют и, если настроение хорошее, поют песни. И к нам несколько раз приезжал президент Кекконен. Я вел с ним переговоры. Они оставили хороший след. И сейчас, я вижу, Финляндия стремится к дружбе, хочет углублять хорошие отношения, которые были заложены, когда мы вывели оттуда свои войска.

Конечно, еще раньше мы подписали мирный договор с Финляндией и затем подписали документ о дружбе и прочее, прочее... Но, знаете, если чужие войска стоят у тебя под столицей и сосед требует от представителей этой страны пойти на какую-то акцию и из-за слабости приходится соглашаться, то это свидетельствует не о дружбе, а только о слабости. Внутренних симпатий так вызвать нельзя. А вот добрыми намерениями можно. Наша доброта выразилась в том, что войска, поставленные там при Сталине, мы вывели. Я уверен, что и дальше, если будет проводиться такая же политика, мы сохраним финнов среди верных друзей. А это имеет большое значение. Конечно, Финляндия — буржуазная, капиталистическая страна. Но и мы тоже когда-то были буржуазно-помещичьей страной, а стали социалистической. Мы, коммунисты, верим, что весь мир перейдет на наши позиции и начнет строить социализм.

Когда это произойдет? Предсказать нельзя. Каждая страна, каждый народ сделает это в свое время и своими руками. Нельзя социализм навязывать, надо помнить ленинское положение, что революция не экспортируется. Но и контрреволюция не должна экспортироваться. На таких позициях мы находились тогда, я и сейчас глубоко предан этим принципам. Мне приятно вспомнить, как правильно мы поступили в отношении Финляндии. Мы сделали хорошее дело и тем самым развязали себе руки.

Правда, из капиталистических стран за нами никто не последовал. Но мы приобрели сторонников в капиталистических странах. Пусть они проводят политику с позиции силы, но наши силы возрастают. Добрый пример найдет подражателей и возбудит симпатии.

При встречах и беседах меня часто спрашивают о личных впечатлениях о Швейцарии, о Женеве. Что можно сказать? Впечатления очень небогатые. Мы были в Женеве, но Швейцарии не видели. Все время поглощали заседания или подготовка к ним, а еще состоялись приемы, обеды. Наше пребывание там было недолгим. Возможности наши оказались очень ограниченными.

Но все-таки мы использовали малейшие окошки. Мы пешком ходили от места своего расположения до дворца, где проходили заседания, гуляя. На это обратили внимание местные власти, и полиция Женевы сделала предупреждение, чтобы мы соблюдали осторожность: здесь всякое возможно.

Не так часто нам удавалось совершать эти прогулки, но все-таки мы послушались совета. Стали ездить на автомашине. Я не помню, была ли у нас открытая машина. Мы на своих машинах ездили. Мне кажется, что

мы ездили на открытой машине. Однажды проехали по городу, осмотрели озеро, а затем вырвались на природу, но не на большое расстояние от Женевы. У меня от Швейцарии осталось хорошее впечатление, ее поля в хорошем состоянии. Постройки я сейчас даже не могу припомнить. Мы были поглощены вопросами, из-за которых приехали, поэтому глаза созерцали поля и леса, а мысли наши сосредоточивались в другом направлении. О другом мы думали. Вот у меня и не создалось какого-то зрительного образа.

Беседовать с населением нам тоже не пришлось. Мы нигде не бывали. Да это и первый наш выход, первый «выезд Дуньки в Европу». Нас рассматривали как людей из необыкновенного мира, и даже официальные лица относились к нам не то чтобы настороженно, но вообще проявляли неприязнь. Поэтому у них не было желания содействовать нашим контактам с населением. Да мы и не рассчитывали, знали, какое отношение к нам сложилось. Только позже мы изменили неправильное представление о нашей политике и нашем государстве.

Если бы мы встретились с рабочими в Швейцарии, то, видимо, возникли бы братские классовые чувства, но мы не получили такой возможности, да и времени у нас не было. Вот так закончилась наша первая поездка за границу, встреча на высшем уровне.

В Советский Союз мы вернулись через Германскую Демократическую Республику. В ГДР, по-моему, мы провели ночь, а может быть и больше. Обменялись мнениями с руководителями Германской Демократической Республики, проинформировали товарища Ульбрихта и всех наших друзей о том, что произошло в Женеве. Разговор-то, главным образом, шел о Германии, она стала камнем преткновения. Да и сейчас мы не можем сдвинуть германский вопрос с мертвой точки. Проблема двух Германий в значительной степени является источником «холодной войны». К этому надо правильно относиться. Вполне естественно, что переходный период части немецкого населения от капитализма к социализму не может проходить безболезненно. Такое и с войнами происходит. Тут надо обладать терпением и пониманием.

Я думаю, что в конце концов противники будут вынуждены признать Германскую Демократическую Республику и установить с ней дипломатические отношения. Это будет способствовать нормализации отношений между народами, между государствами. Но требуются усилия и, я повторяю, терпение. Конечно, одного терпения недостаточно. Надо изыскивать возможности для переговоров, проявлять упорство в достижении договоренности, нормализации отношений. Сейчас Германская Демократическая Республика получила все условия, необходимые для развития независимого государства. Она имеет государственность, армию, свои границы. Она их контролирует и защищает. Она имеет сильных друзей в лице других социалистических стран. Поэтому капиталистическим державам решить проблему с позиции силы не удастся. Так вопрос сейчас уже не стоит. Это понимают противники коммунизма и вынуждены считаться с реальностью.

На этом я закончу.

К ГЛАВЕ «КАРИБСКИЙ КРИЗИС»

С точки зрения личной храбрости такие действия были хорошие, правильные. Но с точки зрения тактики это не следовало бы делать. Но Фидель победил, разбил контрреволюционеров, забрал их в плен. Мы приветствовали эту победу.

Мы были уверены, что это только начало, что американцы не успокоятся. Американцы доверились кубинцам-эмигрантам, а эмигранты были разбиты. Конечно, и сами эмигранты не откажутся от повторения агрессии, но это уже будет повторение на новой основе. Они учтут уроки поражения и организуются снова.

Для этого у них были широкие возможности. Географическое положение Кубы облегчало их деятельность: там очень близко, несколько десятков миль от границ Кубы до берегов США. С другой стороны, остров Куба вытянут колбасой. Это создает лучшие условия для нападающих и невероятные трудности для организации обороны острова. В ряде мест ширина острова достигает нескольких десятков километров, так что можно простреливать каждый погонный метр острова. Поэтому возможностей для вторжения было сколько хочешь, тем более, если имеются морские средства и авиация.

Мы были уверены, что американцы не примирятся, не оставят Кубу в покое, не допустят, чтобы она укреплялась и развивалась как социалистическая страна и тем самым становилась бы магнитом, притягивающим латиноамериканские страны к социализму.

Какой вывод из этого можно было сделать? Меня это особенно занимало, и мы обсуждали эту проблему с членами Президиума. У нас не было разногласий в том, что американцы не оставят Кубу. Мы хотели все сделать, что в наших силах, чтобы сохранить Кубу как социалистическую страну, как притягательную силу для латиноамериканских стран.

Когда я возглавлял нашу делегацию в Болгарию, то, собственно, у меня в Болгарии возникла мысль, что, может быть, надо пойти на крайность, сговориться с Кастро и завезти туда ракеты с ядерными зарядами, поставить эти средства на защиту Кубы и таким образом поставить Америку в тяжелые условия. Она бы тогда знала, что если она нападет, то с Кубы можно будет разрушить деловые, промышленные и политические центры Америки.

Когда я возвратился в свою страну, на первом же заседании Президиума ЦК я высказал эти свои мысли и предложил: — Давайте обсудим, оценим ситуацию, которая сейчас сложилась на Кубе. Что мы могли бы предпринять, чтобы не допустить разгрома Кубинской социалистической революции? Как вы смотрите, может быть, следовало бы там поставить ракеты? Хотя это для нас очень трудно. Почему трудно? Во-первых, расстояние далекое, а мы обладаем небольшим океанским транспортом. Тут надо было в том случае, если мы признаем постановку ракет необходимой, справиться с перевозкой большого количества грузов. Это могли сделать за счет других перевозок. Главное, во-вторых, — правильно оценить, к чему приведут наши действия, как будет реагировать Америка.

Нужно не поторопиться, взвесить все хорошенько, потому что этот шаг может нас привести к войне с США. Поэтому надо все продумать. С другой стороны, если мы этот шаг не предпримем, то я абсолютно убежден, что американцы вторгнутся на Кубу и раздавят ее, потому что Куба не сможет противостоять такой силе, которой располагают США. Если идти на какой-то риск, то риск оправдан целью спасти Кубу. Но тут можно втянуться в войну, чего мы, конечно, не хотим.

Тогда же я предложил: — Так как вопрос очень серьезный, давайте решение сейчас не принимать, а каждый пусть подумает. Через неделю мы соберемся, обсудим еще раз и примем решение.

На этом мы закончили. Собственно, даже обмена мнениями не было. Прошла неделя. Опять мы вернулись к этому вопросу. Я повторил то, что уже докладывал, и для большей убедительности сказал, что если мы хотим сохранить Кубу, то только ракеты могут поставить США в условия, исключающие вторжение на Кубу. Теперь мы обменялись мнениями, поговорили. Все со мной соглашались, поддерживали. Но я опять сказал: — Давайте не торопиться. Давайте еще раз подумаем хорошенько.

Вызвали военных. Дали им задание посчитать, во что обойдется установка ракет. Прошла еще, по-моему, неделя. Мы встретились опять и вернулись к этому вопросу. Я видел, что все согласны с моей точкой зрения, что Кубу можно потерять, если не предпринять каких-то решительных шагов в ее защиту.

Я помню только заявление, которое сделал Куусинен. Он сказал так: — Раз вы так говорите, товарищ Хрущев, то это нужно сделать. — Другими словами, он так ушел от ответственности, но сказал, что я вам доверяю, полагаюсь на вашу интуицию. Поэтому я «ЗА», если вы считаете, что так нужно сделать. Другие с этим согласились. У нас не было разногласий по этому вопросу. Военные тоже не возражали.

Тогда мы дали военным задание разработать эту операцию. Мы решили поставить на Кубу ракеты с атомными головками средней дальности действия (на две и четыре тысячи километров), ракетные катера и уже устаревшие бомбардировщики Ил-28. Мы считали, что эти бомбардировщики там могут быть полезны, чтобы в случае вторжения наносить удары по высаживающимся силам противника. Ил-28 тихоход и не сможет летать над территорией противника, так как будет сбит, но над морем для прикрытия морских сил береговой обороны Ил-28 был бы хорош.

Я сказал, что пока военные считают и готовят морской флот, надо все-таки послать людей определиться и на месте. Во-первых, надо было подробнее поговорить с Кастро, согласен ли он. Пока мы его не спрашивали. Если он согласен, надо разведать, где поставить эти ракеты, можно ли их укрыть. Мы считали, что эта операция возможна лишь при условии абсолютной скрытности. Послали мы туда Бирюзова и других военных. Съездили они туда, вернулись и доложили, что Кастро согласен. Мы условились, что Кастро может сказать об этой операции очень ограниченному количеству людей, чтобы сведения не могли просочиться. Кастро все-таки обменялся мнениями со своими товарищами и сказал, что он приветствует постановку ракет.

Мы ему сообщили, что начинаем операцию, но сказали, что мы по-

шлем с ракетами своих людей, тем более что кубинцы не умеют с ними обращаться. Мы даже послали туда свою пехоту для прикрытия этих ракет. Куба кишела американскими агентами, и поэтому мы не доверяли полностью кубинцам. Сам Кастро это тоже хорошо понимал.

Мы сформировали там и танковые соединения, тоже полностью укомплектованные нашими экипажами. Для руководства войсками мы назначили своего командующего, осетина по национальности, генерала армии Плиева.

Наши военные сказали, что ракеты там можно легко спрятать среди пальм. Но оказалось, они опозорились. Американцы все видели, и эти пальмы ничего не прикрыли. Тут военные просто бесстыдно оскандалились. Когда мы начали перевозки, американцы сразу почувствовали, что тут что-то не то. Во-первых, увеличилось количество кораблей, которые шли на Кубу. Во-вторых, разгрузку во всех портах вели наши люди. Эти корабли разгружались в отдельных местах, и разгружались только русскими. Мы кубинцев до разгрузки не допускали, установкой ракет занимались только наши люди.

Нужно сказать, что американцы прямых сведений о наших перевозках не имели, но знали, что мы что-то делаем своими руками. Они хорошо воспользовались воздухом, провели фотографирование и сделали правильные выводы, что идет установка ракет «земля — земля». Можно было говорить, что ракеты «земля — воздух» — это оборонные средства, а вот «земля — земля» — это средства нападения. Они очень перепугались, а мы форсировали перевозки. Мы почти все завезли до того, как разгорелся кризис.

Иногда говорят, что сначала нужно было установить зенитные ракеты, закрыть воздушное пространство Кубы, а уже затем ввезти баллистические ракеты. Это бессмысленно. Сколько нужно ракет «земля — воздух», чтобы прикрыть тысячекилометровый остров, вытянутый колбасой? На это всей страны не хватит. Потом выпалишь, и все снова открыто. «Земля — воздух» — ракеты, которые для ПВО хороши, но у них очень маленький радиус действия. Можно подходить с моря и стрелять по этим батареям, я уж не говорю — с воздуха. Это ничего не давало.

Мы-то не воевать хотели, а хотели США удержать от войны. Это самое главное. Если воевать, то надо развивать войну до мировой. Начать войну США с Кубой — это и дурак может. Куба от нас за 11000 километров. Вообще только глупцы могут думать, что мы с Кубы хотели вторгнуться на американский континент. Мы хотели удержать США, чтобы они не вторглись на Кубу, а для этого мы хотели припугнуть их ракетами. Этой цели мы достигли.

Когда американцы все поняли, началась очень большая кампания в печати о том, что русские концентрируют ракеты с ядерными зарядами и прочее, прочее. Одним словом, подогревалась, накалялась атмосфера против нас и против Кубы.

Как раз в это время осенью открылась Сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Туда поехал Громыко. Во время пребывания в США он долго беседовал с Раском. Вот как Громыко передавал свои беседы с Раском. Раск был очень пьян и очень взволнован. Видимо, он свой страх заливал коньяком. Раск добивался, чтобы Громыко признался, что мы ставим на Кубе

ракеты. Мы все отрицали, ничего не заявляли. Громыко тоже это повторял Раску. Потом американцы нас упрекнули, что мы вели себя нечестно, обманули их. Что значит, обманули? Каждый имеет свои стратегические планы, и мы их друг другу никогда не докладывали и докладывать не будем.

Очень подвыпивший Раск говорил, что выхода нет: — Мы костыми ляжем, но не потерпим ваших ракет на Кубе.

Говорил он это без злобы, но напирал, что вы нас вынуждаете на решительные действия. Громыко сейчас же сообщил нам об этой беседе. Мы продолжали свое дело.

Я уж не помню какого числа в октябре выступил президент Кеннеди с заявлением, что русские ставят на Кубе ракеты с ядерными зарядами и угрожают США, в связи с чем они принимают ответные меры. И они начали принимать меры. Они сосредоточили вокруг Кубы огромное количество, массу кораблей, прямо окружили остров. Сосредоточили авиацию на своих ближайших аэродромах. Подготовили десантные средства, пехоту. Одним словом, они мобилизовали огромные силы. Все завертелось. Мы тогда считали, что американцы видят наши ракеты и пугают нас, а сами они не меньше, чем мы, боятся атомной войны. Когда американцы обнаружили наши ракеты, мы еще не успели все туда завезти, и наши корабли шли на Кубу через эту армаду американского флота. Американцы их не трогали и не проверяли. Мы в октябре почти завершили перевозку. Ядерные боеголовки мы провезли, когда атмосфера накалилась донельзя. Я каждый час ожидал, что они захватят корабли. Не захватили.

Мы успели поставить, по-моему, несколько десятков ракет. Этой силы достаточно, чтобы разрушить Нью-Йорк, Чикаго и другие промышленные города, а о Вашингтоне и говорить нечего. Маленькая деревня. США, пожалуй, никогда не имели такой реальной угрозы быть разрушенными, как в тот момент.

Началась переписка. Нам писали, мы им писали. С нашей стороны вел переписку и диктовал послания я. Мы уже чувствовали, что военные силы США могут выйти из под контроля президента. Позже об этом и сам президент нам сказал. В своих письмах Кеннеди ультимативно потребовал, чтобы мы вывезли оттуда ракеты и бомбардировщики Ил-28. Они знали, что те находятся там. Когда бомбардировщики прибывали, они летали, конечно, а в полете их все «собаки» узнают. Это первый наш реактивный бомбардировщик. Хороший бомбардировщик, но он был сделан в 1949 году. Тогда он был богом, ну, а затем мы его сняли с производства, но на вооружении он еще стоял.

Я сейчас уже не помню всех наших телеграмм, но был такой момент, когда одну ночь я не спал дома, а ночевал в Совете Министров, потому что нависла реальная возможность начала войны.

Мы демонстрировали свое спокойствие, ходили в Большой театр, хотели показать своему народу, своей стране, что мы в театре, оперу вот слушаем, значит, все спокойно. За границей за нами тоже пристально следили, каждый наш шаг анализировался.

Прошло пять или шесть дней, и нам сообщает посол, что к нему пришел брат президента Кеннеди, Роберт. Он сказал, что уже шесть дней и

ночей не был дома. Глаза красные, видно, что человек не спал. Он сказал: — Мы обращаемся с просьбой к Хрущеву, пусть он нам поможет ликвидировать конфликт. Если дальше так будет продолжаться, то президент не уверен, что его не сбросят военные и не захватят власть, все может выйти из-под контроля.

Я не отрицал такой возможности, тем более Кеннеди — молодой президент, а тут возникла угроза безопасности США! — Вам будет, — сказал Роберт, — передано послание от президента, Мы просим, чтобы был положительный ответ. Мы с президентом просим, чтобы Хрущев поддержал нас.

В этом документе они настойчиво требовали вывезти с Кубы ракеты и Ил-28. Мы получили это послание и по его тону почувствовали, что, действительно, накал очень большой. Наша агентура тоже докладывала, что вот-вот может разразиться война. Мы написали ответ, где говорилось, что ракеты мы установили в целях обороны и не преследовали никаких других целей, кроме предотвращения вторжения на Кубу; чтобы Куба развивалась так, как хотят кубинцы, а не так, как хотела бы третья сторона.

Мы вели переписку и по официальным каналам, а наиболее доверительные письма передавали через брата президента. Он оставил послу свой телефон и просил звонить в любое время. Когда он говорил с послом, он чуть не плакал: — Я, — говорит, — давно детей не видел (у него было шесть душ детей), и президент тоже. Мы сидим в Белом Доме, не спим, — и глаза у него красные, красные.

В тот момент мы еще были, я бы сказал, настроены оптимистически. Вдруг мы получаем через нашего посла телеграмму от Кастро. Посол сообщил, что этот документ Кастро ему передал один на один. Кастро нам сообщил, что он имеет достоверные сведения, что американское вторжение свершится через столько-то часов. Поэтому он предлагал упредить вторжение и нанести по США ядерный удар.

Когда мы получили это послание, то поняли, что и Кастро нас не понимает. Начинать войну, из-за чего? А термоядерную войну — это просто безумие. Мы должны были быстро перестроиться. Я тогда сказал: — Товарищи, надо искать по возможности достойный выход из этого конфликта, но с обязательным сохранением Кубы.

Тогда мы и написали, что согласны вывезти ракеты и бомбардировщики при условии, что президент даст заверение в том, что на Кубу не будет вторжения ни американских, ни чьих-то других сил. Тут мы начали нажимать, и Кеннеди согласился сделать такое заявление. Когда шли переговоры, Кеннеди сказал нашему послу, что если будут убраны ракеты с Кубы, то они уберут ракеты из Турции и Италии. Такое заявление нам было выгодно.

Когда мы опубликовали сообщение, что готовы вывезти свои ракеты, американцы обнагтели и потребовали послать на Кубу инспекцию. Мы сказали, что это зависит от правительства Кубы. Кастро взбесился, заявил, что это капитуляция. Китайцы и американская печать начали трубить, что Хрущев трусил, что Хрущев уступает и прочее, прочее. Такая свистопляска!

Мы, действительно, вынуждены были пойти на большие уступки и даже согласились на осмотр наших кораблей, но с воздуха, чтобы на на-

шей территории американцы не находились. Они хотели убедиться, что мы действительно вывозим ракеты.

Началась эвакуация. Вопрос для нас был в том, отзовут ли американцы свои морские силы. Когда мы тронулись и отступили, американцы могли, наоборот, наступать. Нет, благоразумие победило. Корабли стали отходить и очистили кубинские прибрежные воды, но американские самолеты продолжали облеты острова. Это с ума сводило Кастро.

Кастро отдал приказ открыть огонь, и наши военные сбили ракетой американский разведывательный самолет У-2. Это был второй американский разведчик после Пауэрса, сбитый нашей ракетой.

Поднялся шум. Мы несколько взволновались, что президент может это не переварить. Мы тогда отдали приказ своему командующему выполнять только наши указания, и ничьи другие. На случай вторжения мы приказали ему координировать свои действия по отражению вторжения с кубинской армией.

Тогда наших войск там было много. Потом наши войска — это летчики, танкисты, пехота, вооруженная новейшей боевой техникой. Одним словом, это была сила, бо́льшая, чем вся кубинская армия. Нашего командующего я хорошо знал по войне. Он командовал кавалерийским корпусом. Хороший военный, умница.

Началось тогда.... Американцы нагнали, желая больше ущемить наше самолюбие в пользу Кеннеди, США. Но главное они все-таки сделали — отвели флот и отозвали авиацию. Положение стабилизировалось.

Сразу, как только обменялись мы посланиями с президентом, у нас испортились отношения с Кубой. Кастро не стал даже принимать нашего посла. После вывода наших ракет «революционность» Кастро, его экстремизм усиленно подогревали китайцы. Мы потерпели моральный ущерб. Вместо того, чтобы наши акции на Кубе поднялись, они понизились. Кастро считал, что мы предали Кубу, а вот китайцы его поддерживают.

Мы решили послать на Кубу Микояна. Я предложил: — Нет у нас для такого случая лучшего дипломата, чем Микоян. Он будет спокойно вести переговоры.

Иногда не все понимают из-за его акцента, что он говорит, но он человек разумный. В деле развития торговли он сыграл большую роль.

Кастро тогда выдвинул свои пять (или четыре) условий нормализации отношений с США. Мы их поддержали, но они ничего не стоили. Кастро требовал, чтобы американцы ушли с военной базы Гуантанамо. Это правильно, мы и сейчас еще поддерживаем это требование, а американцы и сейчас еще сидят там. И когда они уйдут, никто не знает.

Во время переговоров американцы были во многом откровенны с нами, особенно Роберт Кеннеди. Они считали, что начнется война, а на Кубе наши люди, много наших людей (они преувеличивали количество наших войск на Кубе, но там их было достаточно), и вот прольется русская кровь. На это русские ответят, но не в Америке, а в Германии. Все это пугало американское правительство.

То, что мы все-таки вырвали заявление Кеннеди, что ни сами США, ни их союзники не будут вторгаться на Кубу, — большая победа. Это, соб-

ственно, и была наша главная цель. Вопрос в то время заключался в том, что Кастро не верил этому. Китайцы тут же шумели и публично и, наверное, в ухо жужжали: — Империалистам верить! Как это можно? — Одним словом, они нас дискредитировали, как могли.

После того, как Микоян вернулся с Кубы, я сказал, что надо письмо написать. Приготовил большое письмо для Кастро, где откровенно изложил все свои мысли.

Я писал: главный смысл Кубинского кризиса в том, что он, собственно говоря, благословил существование социалистической Кубы. Если бы Куба не прошла через такой кризис, то маловероятно, что американцы не организовали бы вторжения для ликвидации социалистического строя. Сейчас США это сделать очень трудно. Прошел такой сильный накал страстей, мы обменялись обязательствами, и после этого США вторгаются? В этом случае у Советского Союза остается право напасть на США. (Там так и было написано). Поэтому не пойдет Кеннеди на это. Сейчас мы добились существования социалистической Кубы еще на два года, пока Кеннеди остается в Белом Доме. Но у нас складывается мнение, что Кеннеди будет избран на второй срок. Следовательно, это еще четыре года. Итого: шесть лет. Шесть лет в наше время прожить — немалый срок. Тогда уже будет другое соотношение сил. Оно меняется в нашу пользу, в пользу социализма.

Тут Кастро начал приходить в себя и с каким-то доверием относиться к нашей точке зрения. Еще до кризиса он просился приехать к нам. Мы ему написали, что не советуем, так как его отъезд с Кубы может быть использован контрреволюционерами и американцами для организации вторжения или переворота. Нужно сказать, что Куба держалась тогда на Кастро.

После кризиса мы ему написали другое: «Если вы хотите приехать к нам, то хотя и сейчас мы не можем гарантировать вам, что не будет вторжения, но верим, почти уверены, что вторжения не будет».

Мы пригласили Фиделя в СССР как раз на 1 Мая. Когда он приехал, мы опять вернулись к этой больной теме. Я сказал Кастро: — Видимо, вы нас не поняли, мы ни на кого не собирались нападать.

Он говорит: — А я считал, что вы ставите ракеты для атаки на США и хотите использовать Кубу как плацдарм.

— Разве может хоть мало-мальски военный человек считать, что Куба может быть плацдармом для нападения на США, это же чепуха.

Он отвечает, что он так думал. Потом я говорю: — Еще и такое дело. Вы хотели начать войну с США. Зачем? Ведь если бы началась война, то мы бы еще выжили, но наверняка бы не существовала Куба. Она была бы стерта в порошок. А вы предложили нанести атомный удар.

— Нет, я не предлагал.

Я говорю: — Как же это так?

Переводчик: — Фидель, Фидель, ты мне сам говорил.

Он: — Нет.

Начали сверять документы. Счастье, что Фидель заявил это не устно, а дал нам документ. Переводчик говорит:

— Как понимать вот это слово? Это — война, удар.

Фидель растерялся. Да, Фидель в то время был очень горяч. Мы поняли, что он даже не продумал очевидных последствий своего предложения, ставящего мир на грань гибели. Но это послужило ему хорошим уроком, и он стал более глубоко обдумывать свои действия. Так закончился этот эпизод мировой истории, в котором, приведя мир на грань атомной войны, мы выиграли социалистическую Кубу.

* * *

И США и наши западные партнеры, бывшие партнеры в войне против гитлеровской Германии, вынуждены были проглотить эту горькую пилюлю. Скажу пару слов о революционной Кубе. В Гаване находилось правительство Фиделя Кастро, нашего друга. Пентагон бряцал оружием против Кубы. Нужно было иметь в виду, как трудно было реакционным силам Соединенных Штатов Америки переварить независимую политику, которую с приходом к власти Кастро стала проводить Куба. Он национализировал промышленность, лишил всяческого влияния и средств собственности американских капиталистов, имевших там большие капиталовложения. Поэтому надо было ожидать, что США не примирятся с существованием у себя под боком революционной Кубы. Они считали ее нарывом, гнойником на своем теле. Они всегда рассматривали Кубу как свой придаток. На Кубе у них располагалась, да и сейчас располагается военная база. Расстояние, морское пространство, которое разделяет США и Кубу, небольшое, так что, если учесть несоизмеримое соотношение сил в пользу Соединенных Штатов Америки, то они рано или поздно не могли не прийти к решению ликвидировать существующий на Кубе строй военными средствами и опять установить там свое господство, поставить своих ставленников, нового Батисту.

Я подробно диктовал, как сложилась ситуация, как мы ее понимали и что заставило нас, с целью предотвращения вторжения на Кубу, поставить там ракеты. Однажды разведка США уже организовала туда вторжение силами кубинских контрреволюционных организаций. Это вторжение потерпело поражение, но было бы неразумно считать, что американцы примирились. Это был просчет, эта операция была не продумана. Они переоценили силы контрреволюционных групп. Американцы надеялись на восстание и помощь им народа во время вторжения, но расчеты контрреволюции на восстание провалились. Надежды их не оправдались, Кастро блестяще справился и разбил интервентов, как говорится, расчехловил в пух и прах.

Меня неотступно преследовала мысль, что американцы не проглотят это, они не смирятся, обязательно найдут возможность и оправдание для новой агрессии. Всегда прав тот, кто силен. Потом разбирайся, кто прав, а кто виноват, когда уже Кубы не будет, Фиделя не будет, а сядет в Гаване какой-то новый Батиста, который начнет разговаривать со всем миром от имени кубинского народа. Поэтому нашей задачей стало: не допустить этого, укрепить завоеванные революцией позиции на Кубе, поддержать существующее руководство, правительство и Фиделя Кастро. А как укрепить? Газетами? Нотами? Заявлениями ТАСС? Заявлениями по радио? Такие средства, когда накаляется атмосфера, не достигают своей цели.

Вот тогда и возникла идея расположить на Кубе наши ракетные час-

ти, ввести туда войска, которые охраняли бы эти ракеты. И не только ракеты и ядерные заряды, но противосамолетные ракеты «земля — воздух», береговые ракеты, танки и прочее. От нас требовались большие усилия, но мы считали, что это оправдано, если мы сохраним революционные завоевания кубинского народа, существующий режим, возглавляемый Фиделем Кастро.

Мы послали своих людей договориться об этом с Кастро. Он дал согласие, и мы разработали план. Я подробно уже диктовал об этом, но схематично повторю. На конкретном примере мне хочется показать, как мы установили, а затем закрепили наши взаимоотношения с Кеннеди.

Наши военные ездили на Кубу на разведку, где попытались понять: можно ли сохранить в тайне установку ракет? Мы все хотели сделать тайно, скрыть от воздушного наблюдения. Американские самолеты непрерывно летали над островом. Мы надеялись, что наши ракеты между пальм будут незаметны, и с воздуха их не засекут. Мы рассчитывали поставить наземные установки, а не в шахты, для чего потребовалось бы больше времени. Мы хотели выиграть время, потому что в скором времени ожидали повторного вторжения.

Американская разведка очень быстро разобралась, что мы ставим ракеты. Они засеки много судов, на которых велась интенсивная переброска грузов. Они еще не знали, каких грузов, но когда заметили с воздуха, что поставлены ракеты, поняли, что мы перевозили ракеты и средства усиления и охраны ракетных установок. Поднялся шум. Печать США трубила и требовала принять меры против угрозы, которую русские создают с острова Кубы для Соединенных Штатов Америки.

Я думаю, что каждый здравомыслящий человек в то время, а тем более сейчас, когда прошло столько времени, верит нашим неоднократным заявлениям о том, что мы никогда не преследовали агрессивных целей и никогда не искали возможности военных столкновений с США или с какими-либо другими странами. Мы искренне хотели добиться мирного сосуществования, все спорные вопросы решать за «круглым столом» и строго придерживаться невмешательства во внутренние дела. Постановка наших ракет преследовала единственную цель: сдержать агрессивность и нетерпимость по отношению к странам, которые проявляют свою самостоятельность. Куба хотела освободиться от американских монополий, с тем чтобы средства, которыми располагает эта страна, стали достоянием собственного народа, чтобы он сам выбирал себе строй и стал хозяином своей судьбы. После вторжения на Кубу никакой человек не мог поверить, что оно производилось только на средства контрреволюционеров-кубинцев. Нет. Это вторжение было организовано на средства США, оплачивалось налогоплательщиками без их согласия. Это сделали агрессивные силы США, но они потерпели поражение. Естественно, мы предполагали, что они не успокоятся и не сложат оружия, а будут готовиться к повторному вторжению.

Члены нашего правительства, которое я тогда возглавлял, были со мной согласны в том, что ракеты с ядерным оружием — единственное средство противостоять Соединенным Штатам. Мы намеревались при-

грозить. Ракеты ставились не для того, чтобы начать войну, а для того, чтобы сдерживать агрессивные силы, не допустить развязывания войны. Поэтому, установив ракеты, мы собирались совместно с кубинским правительством, с Фиделем Кастро объявить об этом. Смысла не было сохранять секрет, потому что это было средство не нападения, а удерживания тех, кто желал напасть на Кубу.

Работы пока еще находились в стадии монтажа. Потом привезли ракеты, но не доставили боеголовки. Мы форсировали скорейшее завершение перевозки и монтаж, несмотря на шум в США.

На сессии Объединенных Наций в Нью-Йорке находился Андрей Андреевич Громыко. Это было тяжелое время, тучи сгущались. Андрея Андреевича Раск пригласил в Вашингтон. Перед отъездом Громыко мы заняли такую позицию: не опровергать и не подтверждать, но если прямо спросят, то отрицать. Тогда нас обвиняли в вероломстве. Кому-кому, но только не Соединенным Штатам нас в этом обвинять. Они окружили нашу страну своими военными базами. Разве США нас информировали заранее о том, что они договорились со странами, на территории которых расположат базы? К сожалению, это, собственно, тихая война, при которой еще не стреляют друг в друга, но готовятся к тому. Если начнется настоящая война, то эти средства окажутся подтянутыми к территории вероятного противника и останется только открыть огонь. Ставя ракеты на Кубе, мы ничего нового не изобрели, только скопировали действия США.

Ракеты, направленные против нас, стояли в Италии и в Турции. Я уж не говорю об Англии, Западной Германии и других странах-союзниках Соединенных Штатов. Упрекать нас в том, что мы нелояльно вели себя, смешно. Сколько лет мы напрягали усилия, с тем чтобы договориться о лояльности и о хороших дружеских отношениях. Все наши усилия отвергались и парализовались. Поэтому мы имели и юридическое, и моральное право помочь Кубе.

Громыко рассказывал мне об ужине у Раска: Раск очень много выпил. Он его таким никогда не видел. В таком состоянии он рассказывал Андрею Андреевичу наших ракет. Им, действительно, все стало известно о наших ракетах. Позднее они публиковали фотографические снимки, на которых ясно видно, что устанавливались ракеты. Но тогда мы все-таки сказали: «Я не я, лошадь не моя, и извозчик не я. Это все выдумки». Таков метод каждого государства, когда оно что-либо скрывает. И мы воспользовались тем же методом, не выдуманным нами, а тем, который уже утвердился. К сожалению, им пользуются все страны.

Андрей Андреевич Громыко — человек очень сдержанный в отношении напитков, спить его невозможно. Я ему полностью доверял и сейчас его уважаю за его хорошие качества. Раск говорил, что они ни перед чем не остановятся, они вынуждены действовать, но просил передать мне, что президент поступить иначе не может. Все может случиться, но они хотели бы предотвратить и не допустить вооруженного столкновения.

Одним словом, он оказывал нажим, но такой, чтобы мы сами приняли меры и, не доводя до столкновения, убрали ракеты. Если мы не

уберем, то все может случиться, может создаться такое положение в стране, когда президент не сможет контролировать ситуацию, на него окажут такой нажим, что он будет вынужден, помимо своей воли, принять решение, угрожающее существованию наших стран.

Андрей Андреевич Громыко доложил правительству, мы его выслушали, но продолжали свое дело. Позвольте, что это за одностороннее право? Они устанавливали военные базы, ракеты и прочие средства войны на территории наших соседей. А когда мы сделали то же самое для защиты Кубы, нам сразу угрожают войной. Это нас возмутило, и мы решили, что будем продолжать ту же политику.

На совещании я высказал мысль: может быть, даже хорошо, что американцы узнали о ракетах? Теперь у них есть время взвесить, обдумать ситуацию. Если бы они развязали войну и напали на Кубу, то эти ракеты могут сделать свое дело. Все США они не разрушили бы, но урон был бы колоссальный. Можно себе представить: на Японию были сброшены две ядерные бомбы, и она капитулировала, а это были детские игрушки в сравнении с теми, которые создавались сейчас. Мощность их составляла около миллиона или даже миллион тонн взрывчатки. На Кубе имелось несколько десятков ракет с ядерными боеголовками. Вот какая сложилась напряженная ситуация.

В то время в США были наши товарищи, которые встречались с разными людьми, но главным образом, не с пролетариями. Юрий Жуков, журналист, мне говорил о том, что один знакомый приглашал его расположиться в его собственном убежище, если начнется война. Они так и сказал: «Я вам место в моем убежище обеспечу». Вот какой предвоенный психоз был в то время.

Мы не хотели войны, а наоборот, сделали это для того, чтобы остановить агрессию, не дать ему второй раз поднять руку на Кубу.

В такой ситуации мы получили телеграмму от нашего посла. Наш посол Добрынин имел доверительные отношения с братом президента. У нас существовала взаимная договоренность, что, если наступит какая-нибудь исключительная ситуация, президент может обратиться к нам по личному каналу. Для нас тоже был установлен особый канал. Мы могли обратиться к господину Томпсону, бывшему послу США в Москве, к которому относились с доверием и уважением, а президент сделал его своим советником. Таким образом, мы могли общаться в обход бюрократических каналов, не предъявляя официально ноту, а доверительным путем.

В наше посольство, как сообщил посол, пришел Роберт Кеннеди, брат президента Джона Кеннеди, очень взволнованный и утомленный. Он сказал: — Я шесть дней (или шесть суток) не выхожу из Белого Дома, президент тоже находится в таком состоянии. Все это время я не видел жену и детей. Я прошу, — он говорил очень возбужденно, — передайте господину Хрущеву, президент к нему обратится с личным посланием. Я вас очень прошу от имени президента, чтобы Хрущев внимательно разобрался и правительство Советского Союза не отвергло бы этот документ. Иначе сложится такая ситуация, которая может выйти из-под контроля, и начнется война, а мы понимаем, что это значит. — Он очень нервно настаивал и зывал к благоразумию, просил помочь президенту выйти из этой ситуации.

К этому времени США уже призвали из запаса людей, вывели в океан военно-морской флот, подтянули к своим берегам резервы. Одним словом, все военные приготовления были закончены. Видимо, президент понимал, что это значит. Конечно, превосходство в ракетах было на стороне США, но он понимал, что превосходство превосходством, а те ракеты, которые поставлены нами, свое дело сделают. Они могут сдуть с лица земли Нью-Йорк, Вашингтон и другие промышленные города и административные центры. Конечно, Советскому Союзу они тоже нанесут урон. Начнется война, не такая, как первая мировая или вторая мировая, где многие американцы даже не слышали оружейного выстрела, не знали, что такое разрывы бомб, что такое разрывы артиллерийских снарядов. Они воевали на чужих территориях. В этой войне, если она будет развязана, они вызовут огонь на себя. И какой огонь! Термоядерные бомбы!

Мы, собственно, добивались того, чтобы США встряхнулись и их руководство почувствовало, что такое война, что она стоит у их порога. Поэтому не надо переходить грань, а следует избежать военного столкновения. Вот такая дилемма была поставлена нами.

Мы обдумывали, как ответить на эту телеграмму посла Добрынина? Как расценить доверительную информацию, полученную от брата президента? Обращения президента к правительству Советского Союза еще не было. Затем мы получили телеграмму от нашего посла Алексеева с Кубы. Он сообщил, что виделся с Фиделем Кастро, с которым поддерживал дружеские отношения. В телеграмме он позволил себе несколько вольно выразиться о руководителе Кубинского государства. Он сообщал, что Кастро получены достоверные сведения о том, что США через несколько часов нанесут удар по Кубе. Фидель предлагал в целях сохранения наших ракетно-ядерных установок упредить и нанести удар раньше.

Получив эту телеграмму, я только тогда понял, что наш друг Фидель Кастро, которого я уважал и уважаю за его честность, искренность и прямоту, нас не понял. Мы ставили ракеты не для нападения на Соединенные Штаты Америки, а для удержания Соединенных Штатов от нападения на Кубу. А что значит — упредить? Упредить можно, но сейчас же будет ответный удар и по Кубе, и по нашей стране. Мы стали думать, как удержать США от нападения.

Вскоре мы получили новую телеграмму от нашего посла в США, в которой он передавал обращение, не помню, в какой форме, одним словом, документ за подписью президента. Президент обращался к нам и ставил вопрос, не то требуя, не то прося на грани и требования, и просьбы, и угрозы, и мольбы о ликвидации напряженности. Он ставил условие: вывод ракет, ядерных боеголовок и самолетов-бомбардировщиков. Туда мы направили Ил-28, старые двухмоторные бомбардировщики с реактивными двигателями. Они к тому времени уже устарели, были сняты с производства и начали сниматься с вооружения. Мы считали, что в условиях Кубы они могли сыграть свою роль при отражении высадки десанта.

Мы обсудили вопрос на Президиуме ЦК с участием Малиновского и приняли решение ответить президенту: если он публично даст заверения в том,

что Вооруженные силы Соединенных Штатов и их союзников не будут вторгаться на Кубу, то мы согласны вывезти наши ракеты и боеголовки.

Послали ответ. Наш посол в США на месте через Роберта Кеннеди уточнял ситуацию. Тот, собственно, был главным американским представителем в ликвидации этого конфликта. И нужно сказать, что он приложил много сил к тому, чтобы не допустить столкновения на Кубе. Работал он искренне.

Президент дал заверения, я сейчас не помню, в публичном выступлении или в каком-то документе, и четко сказал, что вторжения не будет. Потом США стали нажимать на нас, требуя разрешения осмотреть площадки и убедиться, действительно ли ракеты сняты и вывозятся. Мы ответили, что этот вопрос находится в компетенции правительства Кубы, мы не можем давать никаких разрешений. Они обратились к Фиделю Кастро, но тот отказал. Он не понял нашего шага, я бы сказал — необходимого шага. Как молодой, горячий человек, он считал, что мы капитулируем перед США, которые не сдержат слова, данного президентом. Он считал, что мы вывезем ракеты, а американцы вторгнутся на Кубу. Кастро был очень разгневан на нас.

Мы с пониманием отнеслись к его реакции, оправдывая ее молодостью и неопытностью государственного деятеля. Он много раз был обманут США и поэтому имел право на недоверие к слову, данному президентом Соединенных Штатов Америки. Мы не были в обиде, но нам было больно выслушивать слова недоверия в адрес нашей политики. Мы ведь все делали только в интересах Кубы, нашей заинтересованности там не было. Ничего, кроме общечеловеческих интересов. Мы желали кубинскому народу счастья и добра, укрепления народной власти: он сам должен распоряжаться своими ресурсами и строить общество, отвечающее его интересам.

Мы решили послать на Кубу Анастаса Ивановича Микояна. Я предложил: — Переписка тут ни к чему не приведет, хорошо, если бы Анастас Иванович согласился (он уже бывал на Кубе и встречался с Фиделем) туда поехать. Для выполнения такой миссии он незаменим. У него спокойный характер, он не повысит голоса, будет выслушивать и монотонно доказывать свое. После перерыва опять с этого же места начнет и будет опять доказывать другими словами, но приводить те же аргументы. Это хорошие, нужные дипломату качества. Микоян уехал, а мы стали вывозить ракеты. Как говорится, аппетит приходит во время еды. Раз русские уступили, а кубинцы не разрешают осмотреть ракетные площадки, то американцы захотели проконтролировать советские корабли и убедиться, что на них действительно вывозятся ракеты.

Мы пошли навстречу президенту и сказали, что их корабли могут подойти к нашим кораблям, но на борт мы ни в коем случае не допустим никого. Они могут обозревать на расстоянии и убедиться, что мы вывозим ракеты. Это, конечно, была большая уступка с нашей стороны, но мы пошли на нее. Мы помнили просьбу, с которой обратился Роберт Кеннеди. Он предупредил нас тогда: если мы не пойдем навстречу, то военные просто могут вынудить президента на такой шаг, на который он сам не пошел бы. И мы согласились. Не со всем, конечно.

Были и сомнения, а может быть, президент не выдержит давления и нарушит данное нам слово? Всякое возможно. Я все же верил Кеннеди, считал, что на такое вероломство он не пойдет. Наши ракеты были вывезены. По просьбе американцев мы вывезли и бомбардировщики Ил-28. Тут логики не было. Это устаревшие самолеты, они во всем уступали МИГ-21, которые обладали той же дальностью, но большей скоростью и поднимали такой же груз. Насчет МИГ-21 американцы никаких требований не предъявляли.

Во время переговоров президент через своего брата нам сказал, что в ответ на вывоз ракет с Кубы он вывезет ракеты из Турции. И добавил: президент просил передать, он обещает и сделает это, слово даю, но если это просочится в печать, то даст опровержение. Обещание было негласным.

Он, кажется, сказал, что вывезет ракеты даже из Италии. И правда, он это сделал. Обещание убрать ракеты имело больше моральное значение, чем реальное. Эти ракеты устарели, и Америка не нуждалась в них. Если бы не было конфликта и этого обещания, американцы все равно убрали бы их, потому что они уже утратили свое значение. У них имелись более современные военные средства, в том числе подводные лодки, вооруженные ракетами и ядерным оружием.

Все-таки это говорит о гибкости ума Кеннеди и о том, что человек он был одаренный, реально мог себе представить конфликт и его последствия и находил выход из него. Он не оперировал одними угрозами. Хотя и мог так поступить, принимая во внимание огромную мощь ядерного оружия США. Она значительно превосходила нашу. Но президент Кеннеди, в этом его достоинство, правильно понимал обстановку. После этого конфликта он выступил с заявлением, сообщив, что Соединенные Штаты имеют ядерного оружия больше, чем Советский Союз. Они могли бы дважды уничтожить все живое на территории Советского Союза, а Советский Союз имеет такое количество ядерного оружия, что может уничтожить все живое на территории Соединенных Штатов только один раз. Это, я бы сказал, мужество. Услышав такое заявление, каждый мыслящий американец мог сделать правильный вывод. Американским журналистам, которые меня спрашивали, слышал ли я заявление, я отвечал:

— Да, я слышал. И считаю, что это разумные слова. Он подсчитал, что нас можно уничтожить два раза, я признателен ему за подсчеты. Он признает, что мы каждого, живущего на территории Соединенных Штатов, можем уничтожить один раз. Мы люди скромные и не кровожадные, зачем уничтоженного уничтожать еще раз?

Но это, так сказать, шутки, однако шутки довольно конкретной направленности. Видимо, делая такое заявление, Кеннеди разъяснял американцам, особенно тем, про которых украинцы говорят: «Носится, як дурень с писаной торбой», стремящимся развязать войну и покончить с Советским Союзом военными средствами. Сказав о мощи Вооруженных Сил Советского Союза, он тем самым подчеркнул, что искать решение спорных вопросов путем войны поздно. Какой же безумец захочет развязать войну, вызвать огонь на себя и быть уничтоженным?

Я считаю, что в условиях американского психоза такая позиция президента отражала его гражданское мужество. Не знаю, насколько правильно он арифметически подсчитал, не мне судить, но я был доволен его реализмом в отношении наших Вооруженных Сил. Нам больше ничего не нужно, только бы наш вероятный противник понимал, что если будет развязана война, то мы можем его уничтожить. Правда, не два раза, но и одного, по-моему, для каждого вполне достаточно. Вот, собственно, какая сложилась ситуация и как мы ее разрешили. Я был очень доволен. Я не раз так отвечал журналистам, которые меня прижимали к стенке своим главным козырем: дескать, Соединенные Штаты принудили Хрущева. Хрущев отступил. Кастро считал так же. Я старался доказать, на чьей стороне правота. Кто отступил? Кто проиграл? И кто выиграл?

Я говорил: — Когда мы ставили ракеты, нашей целью было предупредить и исключить возможность вторжения со стороны Соединенных Штатов Америки на Кубу. Мы согласились на вывоз своих ракет и бомбардировщиков при условии, если этого вторжения не будет. Президент дал нам слово. Мы вывезли ракеты. Президент сейчас держит слово, и я думаю, что он его сдержит. Так спрашивается, какие у кого были цели? У американских агрессоров цель — ликвидировать социалистический строй и завоевания народа на Кубе. Наша цель — исключить это вторжение. Мы поставили ракеты для того, чтобы не было вторжения. Теперь увезли эти ракеты, а Куба существует. Революционная Куба, кубинский народ строят свою экономику на социалистических началах. Следовательно, мы достигли своей цели. Следовательно, мы не отступили, а поступили разумно. Нам пришлось оплатить только транспортные расходы по перевозке боевых средств и людей на Кубу, а потом обратно. Эти расходы вполне оправдывают цель. Я считаю, что мы выиграли. Американцы тоже выиграли, потому что войны не было. Проиграли агрессивные силы, которые хотели бы повторить вторжение на Кубу. Следовательно, проиграли агрессоры, а народы выиграли.

Вот, собственно, как я расценивал и как аргументировал нашу позицию. Эти доводы я приводил и нашему другу Фиделю Кастро и журналистам. Прошло много лет, и это уже страницы истории. Я горд тем, что мы не побоялись, проявили мужество и дальновидность, сделав этот шаг, и тем самым удержали американских агрессоров от повторного вторжения на Кубу. После этих событий прошло около девяти лет, и я очень рад, что нового вторжения не было.

Когда был убит Кеннеди, я беспокоился, как же дальше будут развиваться отношения? Я верил Кеннеди, видел, что он не настроен на военное столкновение с нами. А как поведет себя Джонсон? Приступив к исполнению своих обязанностей в Белом Доме, он через те же каналы передал нам, что все обязательства, данные Кеннеди публично, и заверения, переданные по закрытым каналам, будут выполняться.

Доверия, правда, у нас к нему было меньше. Мы считали Кеннеди более гибким, а Джонсон у нас пользовался репутацией человека не гибкого, реакционного человека. Но, нужно отдать ему должное, обязательства, данные его предшественником, он сдержал. Я не буду касаться вой-

ны во Вьетнаме, в которую он влез по уши. Это была его персональная глупость. Я не знаю, может быть, эта глупость началась при Кеннеди. Сейчас мне об этом трудно судить.

Во всяком случае, мы достигли своей цели, и Куба развивается. Во время моей последней беседы с Фиделем мы с ним обсуждали экономическое развитие его страны. Он мне рассказывал, что поднятие экономики — их главная цель. Чтобы для жителей латиноамериканских стран новый, социалистический строй стал привлекательным, нужно достичь высокого уровня жизни. Я одобрял его линию и говорил: — Самое главное, чтобы блага, созданные трудом кубинцев, сполна удовлетворяли их запросы. Это самая притягательная сила, самый притягательный магнит к социализму, к социалистическому строю.

Мне было приятно беседовать с Фиделем Кастро после того, как у нас все перегорело. Он понял нашу искренность, наши намерения. Я лучших отношений и не желал, они были самые искренние, самые братские.

На этом, собственно, кончилась моя политическая, государственная деятельность. Я уже не имел далее возможности влиять на нашу политику. Кое-какие отрывочные газетные сведения я получаю. У нас с Кубой была договоренность: мы обязались оказать помощь в переработке 9 млн. тонн ее сахара. По газетам я вижу, что они вырастили достаточное количество тростника. В этом году была поставлена цель — вырастить 10 млн. Из печати видно, что они и этой цели достигнут. Что ж, радуюсь и желаю успехов кубинскому народу. Желаю успехов Фиделю Кастро в поднятии экономики Кубы.

Могут сказать, что Хрущев начал диктовать о встречах с Кеннеди, а продиктовал о кубинском конфликте. Я показываю Кеннеди в конкретных делах. Да, мы с Кеннеди решили этот вопрос. Когда он был убит, я искренне сожалел. Я сейчас же поехал в американское посольство и выразил свое соболезнование. Мы с Кеннеди — разные люди. Я бывший шахтер, слесарь, рабочий, волею партии стал премьером, а он миллионер и сын миллионера. Мы представители противоположных, непримиримых классов. Он преследует цели укрепления капитализма, а я преследую цели разрушения капитализма и создания нового общественного строя на основе учения, созданного Марксом — Энгельсом — Лениным. Я считаю капиталистический строй отжившим, так же как считали Маркс, Энгельс и Ленин. Я как коммунист верю этому учению. Кеннеди стоял на других позициях. Несмотря на то, что мы находились на разных полюсах, когда дело касалось мира и войны, мы смогли найти общее понимание и предотвратить военные столкновения. Ему как партнеру, который противостоял нам, я отдаю свою дань, отношусь с уважением к его памяти, высоко ценю его деятельность. Хотя во многом, очень во многом мы не только не сходились, а разошлись, как, например, в Вене. Та встреча не дала результатов.

Но потом все-таки в коренных вопросах, вопросах мира и войны, мы нашли общий язык и общими усилиями исключили военные столкновения и агрессивное нападение на революционную Кубу.

На этом, я думаю, можно было бы поставить точку, хотя, может быть, еще что-то, заслуживающее внимания, возникнет в памяти. Я диктую все

по памяти, даже без конспекта. Поэтому если какая-то фотопластина, которая пока еще не проявилась в моей памяти, проявится, у меня может возникнуть желание продолжить.

Вот и проявилась в памяти такая пластина. Мы достигли еще одного соглашения с Соединенными Штатами Америки: подписали договор о прекращении испытаний ядерного оружия на Земле, в космосе и под водой. На прекращение испытаний под землей американцы не пошли, не приняли наших предложений. Это в договор не вошло, и сейчас и они, и мы проводим испытания под землей. Я считаю, этим соглашением было положено начало прекращению гонки вооружения. Оно тоже заслуга президента Кеннеди.

Мы договорились с Кеннеди и об установлении прямой телефонной связи на случай, если создастся какое-то исключительное положение и понадобятся личные переговоры президента с главой Советского правительства. Могут спросить, какая радость от этого? Радости-то нет, но этот элемент дает уверенность, что в критическую минуту можно переговорить, минуя дипломатические лабиринты. Но главное — наше решение давало мне основание доверять этому человеку. Он искал способы установления контактов и технические средства, с помощью которых можно избежать конфликта.

Могут сказать: «А все-таки напряжение, которое было чревато войной, происходило во времена Кеннеди?» Это умный вопрос. Я без иронии говорю. Надо иметь в виду, в какое время мы живем. Мы живем в переходный период, когда в мировом масштабе решается вопрос: кто — кого? Отмирающий капиталистический строй цепляется за все, за что можно зацепиться, не только отстаивая, но и укрепляя свои позиции. А мы, с другой стороны, тоже идем в наступление с целью укрепления своего положения и достижения своих экономических, социальных и политических целей. В мире сейчас существуют две главные силы — капиталистические и социалистические страны. Если в первые годы после Октябрьской революции мы были единственной новой страной, островом в окружении капиталистического мира, то теперь экономика социалистических стран занимает в мире около 35 %. Конечно, во время переходного периода столкновения есть и будут. Их не надо бояться, но надо иметь трезвый ум и не доводить дело до развязывания войны.

Для этого надо иметь и умного партнера. Я считаю, что таким партнером как раз и был представитель капиталистического мира Кеннеди.

* * *

Если бы они заранее знали, кем станет Фидель и какого направления у него мысли, то, безусловно, он не одержал бы победы. Я так думаю потому, что у него сил было значительно меньше, чем у Батисты. Однако режим Батисты разложился, американцы потеряли веру в него, поэтому Фидель так легко разгромил Батисту с его танками, артиллерией и авиацией. Естественно, если бы США почувствовали, какая назревает угроза для них и что в Латинской Америке зародится первое социалистическое государство, они бросили бы туда нужные силы, поддержали Батисту и не допустили бы победы Кастро.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ВОСПОМИНАНИЙ Н.С. ХРУЩЕВА (1967 - 1990 гг.)

Воспоминания отца изданы на шестнадцати языках, мир читает их около тридцати лет. Не существует, однако, ни советского, ни российского их издания. И это при том, что у нас, в бывшем архиве ЦК КПСС, ныне Президентском архиве, лежит полный текст мемуаров на магнитофонных бобинах, около трехсот часов надиктованных материалов. Более того, в последние годы магнитофонные записи расшифрованы и отредактированы, полностью подготовлены к печати. В 1990 — 1995 гг. они были напечатаны в журнале «Вопросы истории». Но журнал есть журнал: всего в него не втиснешь, да и журнальный век несравним с книжным. А книги все нет. Казалось бы, стоит только протянуть руку... Но руки все не доходят. Характернейший пример нашего отношения к собственной истории — бездумного и наплевательского.

История создания этих воспоминаний, политиканская возня вокруг них властей предрежающих полны самых неожиданных поворотов едва ли не с первого дня работы отца над мемуарами и вплоть до последних дней горбачевской перестройки. А затем... Затем практически полное забвение. Россия снова, уже в который раз, пытается начать писать свою историю с чистого листа.

...Первые разговоры о мемуарах начались еще в 1966 году, когда отец стал поправляться после болезни. Тогда никто, в том числе и отец, не представлял себе ни их содержания, ни объема, ни той роли, которую им суждено будет сыграть в нашей жизни. В тот момент нам хотелось переключить внимание отца на какое-то дело. Никому и в голову не могло прийти, какую бурю вызовет его решение начать работу над воспоминаниями. Впрочем, отец был не первым, чье обращение к истории вызвало беспокойство.

В свое время «неистовые ревнители» от госбезопасности докладывали ему, что маршал Жуков начал писать воспоминания. Они предлагали выкрасть их, помешать дальнейшей работе. Отец отреагировал иначе:

— Ну и что? Пусть пишет. Сейчас ему делать нечего. Ничего не принимайте, пусть делает то, что считает нужным. Все это очень важно

для истории нашего государства. Жукова отправили на пенсию за его проступки, но это никак не связано ни с его предыдущей деятельностью, ни с сегодняшней работой над мемуарами.

Предлагая отцу заняться воспоминаниями, мы резонно рассчитывали на такую же позицию «верхов». Но не тут-то было... На наши уговоры отец сначала не реагировал, иногда отшучивался, но чаще отмалчивался. Не было даже его обычного «не приставайте!». Шло время, жизнь входила в новую колею. Как-то муж Юли — журналист Лева Петров — снова завел разговор о мемуарах. Для «затравки» мы решили соблазнить отца положительным примером — приохотить его к чтению мемуарной литературы. Я активно включился в эту «деятельность», разыскал и привез мемуары Черчилля и де Голля. Увы, никакого эффекта.

Дни шли за днями. Почти все, с кем теперь встречался отец, знакомые и незнакомые, в разговоре обычно задавали вопрос, пишет ли он свои воспоминания. Услышав отрицательный ответ, начинали сокрушаться, в один голос убеждая отца, что это «преступление», ведь его память держит удивительные факты, которые должны стать достоянием истории.

В конце концов дело сдвинулось с мертвой точки. В августе 1966 года Лева привез магнитофон, и отец начал диктовать. Стояла теплая погода. Они садились в саду и приступали к разговору. Сначала отец не хотел диктовать в доме из-за прослушивающей аппаратуры. Поэтому на первых пленках его слова часто заглушаются ревом пролетающих самолетов. Впоследствии он плюнул на прослушивание и продолжил диктовать в помещении.

Плана мемуаров не было, грандиозность этой работы мы не могли даже вообразить. По сути дела, это была еще не работа, а лишь прикидка, просто запись рассказов отца, которыми он так щедро делился с посетителями. Первая запись посвящена Карибскому кризису. Тогда это была совсем недавняя история. Всех волновало драматическое развитие событий, едва ли не приведших к столкновению двух держав. Да и сегодня они не потеряли своей актуальности. Лева настойчиво просил рассказать именно об этом историческом эпизоде. Он забрал пленку домой, расшифровал ее и через неделю привез отредактированную запись. Она отцу не понравилась. Лева не обработал запись, а, слушая магнитофон, по сути дела, переписал все услышанное. То есть это был уже как бы не Хрущев, а Петров по мотивам Хрущева. Пропали оттенки, в корне изменился стиль, а изложение некоторых фактов оказалось искаженным до неузнаваемости.

Дело застопорилось. Почти на год... Для того чтобы всерьез взяться за воспоминания, отцу потребовался солидный толчок извне. И он последовал.

Надежды отца на то, что его преемники продолжат реформирование страны, не сбылись. Бывшие соратники, еще вчера так «единодушно» поддерживавшие все его инициативы, теперь все больше сдавали назад. Становилось все очевиднее, что им по душе старые, дохрущевские порядки. Но открыто развернуться вспять они не решались, чего-то боялись, действовали исподтишка. Максимум, на что они осмелились, — это обвинить отца в волюнтаризме и субъективизме. Как будто человек, принимающий даже самые простые решения — я уж не говорю о решениях,

от которых зависит судьба страны, — может не быть волюнтаристом. В этом случае он превратится в соглашателя, постоянно мятущегося в поисках консенсуса, не только упускающего нити управления страной, но и перестающего понимать, куда он ведет и куда заведет доверившихся ему людей. Ну, а субъективизм? Человек — не машина. Особенно человек, отстаивающий свою позицию. Он обязан иметь собственное мнение, а оно всегда субъективно.

Но это к слову. Дальше расплывчатых обвинений критика отца не пошла. А вот все его новации, эксперименты, особенно в области структуры управления страной, немедленно свернули. Все возвращалось на старые рельсы: восстановили единые обкомы, вернулись к министерствам, захлебнулась экономическая реформа. Заговорили о реабилитации, восстановлении «доброго имени» Сталина. Тщеславному Брежневу очень хотелось ощутить себя сидящим в кресле «гениального вождя всех времен и народов», а не просто числиться новым хозяином кабинета, занимавшегося ранее неугомонным «кукурузником» Хрущевым. Но для этого следовало отмыть Сталина. Операцию намеревались приурочить к 50-летию советской власти — к осени 1967 года.

Отец болезненно переживал происходившее в стране, но молчал даже с нами, с близкими, а во время воскресных прогулок говорил только о прошлом. Если же кто-либо из незадачливых гостей пытался навести его на обсуждение современности, отец решительно обрывал: «Я теперь пенсионер, мое дело — вчерашнее, а о сегодняшнем следует говорить с теми, кто решает, а не болтает». После такого отпора любопытствующий гость сникал, и разговор вновь скатывался к войне, Сталинграду, Курской битве, смерти Сталина...

К Сталину отец возвращался постоянно, он, казалось, был «отравлен» Сталиным, старался вытравить его из себя — и не мог. Пытался осознать, понять, что же произошло тогда со страной, с ее лидерами, с ним самим. Как удалось тирану не только подчинить себе страну, но и заставить ее жителей обожествлять его? Искал и не находил ответа.

Известие о грядущей реабилитации Сталина просто ошеломило отца. Такое не могло ему привидеться даже в кошмарном сне. Как можно оправдать содеянное: концлагеря, казни, издевательства над людьми? Отец решил, что молчать он не имеет права, он должен рассказать о тех временах, предупредить... Даже если шанс, что его предупреждение дойдет до людей, — ничтожен... Теперь начал диктовать свои воспоминания всеерьез. Воспоминания, которые стали стержнем оставшихся лет его жизни. Воспоминания, которые постепенно от разоблачения Сталина и сталинизма шаг за шагом перерастали в размышления о судьбах страны, о реформах, о будущем.

Однако Брежневская реабилитация Сталина натолкнулась на серьезные преграды. Как объяснить людям, миру столь резкую смену курса? «Секретный» доклад отца на XX съезде партии никогда не публиковался в СССР, тем не менее его содержание знали все. Отмахнуться от преданных гласности чудовищных преступлений, проигнорировать их не представлялось возможным. Требовалось найти выход — и он нашелся.

Профессионалы из КГБ, поднаторевшие на дезинформации, предложили свести дело к личной обиде Хрущева на Сталина, к мести «титану» дорвавшегося до власти эгоистичного «пигмея». Говорят, что одним из авторов идеи был Филипп Бобков, будущий куратор 5-го, «антидиссидентского» управления КГБ, будущий первый заместитель председателя Комитета госбезопасности. Но как это осуществить? Требовалось найти зацепку — какие-то факты из жизни отца, поддающиеся подтасовке. И они нашлись. Уцепились за трагическую историю гибели во время войны моего брата Леонида.

Окончив перед войной летное училище, Леонид начал службу в бомбардировочной авиации. В начале войны летать на бомбардировщиках считалось сродни самоубийству, истребительная авиация прикрытия практически отсутствовала, немцы расстреливали тихоходные неповоротливые самолеты в упор. По отзывам сослуживцев, Леонид воевал хорошо, за чужие спины не прятался, фамилией отца не прикрывался. Вот что писал в представлении к награждению 16 июля 1941 года его начальник, командир 46-й авиадивизии полковник Писарский: «Командир экипажа Леонид Никитич Хрущев... имеет 12 боевых вылетов. Все боевые задания выполняет отлично. Мужественный, бесстрашный летчик. В воздушном бою 6 июля 1941 года храбро дрался с истребителями противника вплоть до отражения атаки. Из боя Хрущев вышел с изрешеченной машиной. Инициативный... Неоднократно шел в бой, подменяя неподготовленные экипажи... Ходатайствую о награждении тов. Хрущева орденом Красного Знамени...»

Леониду оставалось летать десять дней... «26 июля остатки трех эскадрилий 134-го бомбардировочного полка, — написано в боевом донесении, — шли бомбить аэродром в районе станции Изоча... артиллерию в районе Хикало. При возвращении незащищенные бомбардировщики были атакованы восемью немецкими истребителями «Мессершмитт-109». Потери составили: четыре машины из шести».

Самолет Леонида еле дотянул до линии фронта и сел с убранными шасси на нейтральной полосе. Одного из членов экипажа убили еще в воздухе, а Леонид сломал ногу при посадке самолета. Экипаж подбитого самолета выручили подоспевшие красноармейцы. В полевом госпитале у Леонида хотели отрезать ногу, но он не дал, угрожая пистолетом. Нога очень плохо заживала, Леонид лечился более года в тыловом госпитале в Куйбышеве. Там я его видел последний раз — бледного, улыбающегося, с новеньким орденом на груди.

Когда нога срослась, Леонид стал рваться обратно на фронт, но теперь уже в качестве летчика-истребителя. Используя все доступные ему средства, брат добился желаемого. И тут случилось несчастье. О том, что произошло, мне, шестилетнему, естественно, не рассказывали. Но я слышал, как в доме шептались по углам, что Леонид убил человека, и теперь... О событиях тех дней уже много позже я прочитал в воспоминаниях генерала Степана Микояна. Он тоже воевал в авиации и лейтенантом прилетал в Куйбышев, где встречался с Леонидом. «Однажды в компании оказался какой-то моряк с фронта, — пишет в своей книге Степан

Микоян. — Когда все были сильно «под градусом», в разговоре кто-то сказал, что Леонид очень меткий стрелок. На спор моряк предложил Леониду сбить бутылку с его головы. Леонид долго отказывался, но потом все-таки выстрелил и отбил у бутылки горлышко. Моряк счел это недостаточным, сказал, что надо попасть в самую бутылку. Леонид снова выстрелил и попал моряку в лоб...»

Суд признал Леонида виновным. В то время в тюрьму не сажали, отправляли на фронт, в штрафные батальоны. Леониду разрешили остаться в авиации. Так он снова, уже штрафником, оказался на передовой, в столь желанном истребительном полку. Однако повоевать ему пришлось немного. Леонид совершил только шесть боевых вылетов. Во время седьмого, 11 апреля 1943 года, его сбили на подлете к городку Жиздра, на границе Калужской и Брянской областей. Типичная судьба плохо обученных молодых пилотов, не освоивших как следует технику воздушного боя. Произошло это над территорией, занятой немцами. Внизу простирались болота, соседи по строю в пылу боя и не заметили его исчезновения. Командующий фронтом прислал отцу соболезнования, предлагал послать в район падения самолета поисковую группу, но отец, поблагодарив за участие, попросил зря не рисковать жизнями людей. Делу не поможешь и сына не вернешь. Так Леонид Хрущев попал в списки пропавших без вести.

В 1995 году в российских газетах появилось сообщение, что в брянских болотах учитель местной школы вместе с поисковым отрядом учеников отыскивали очередные остатки советского истребителя. В пилотской кабине нашли скелет летчика в истлевшей лейтенантской форме и меховом шлемофоне. По свидетельству однополчан, именно такой шлемофон был у Леонида — у одного во всем полку. На моторе самолета сохранился номер, остается сверить его с формуляром в военном архиве. Если формуляр сохранился, одним считающимся без вести станет меньше...

Вскоре после гибели Леонида в Куйбышеве арестовали его вдову, Любовь Илларионовну. Обвинение против нее выдвигалось стандартное — работа на иностранную разведку, благо дипломатический корпус тоже эвакуировался на Волгу. Чьей она числилась шпионкой, я сейчас уже не помню — то ли английской, то ли шведской. Вышла она на свободу только в пятидесятых годах, хлебнув полную меру лиха в карагандинских лагерях.

На руках у моей матери осталась их годовалая Юля, она воспитывалась вместе с нами и очень не любила свой, отличный от остальных детей, статус внучки. Мама первой заметила нарождавшуюся проблему, и Юля стала фактически дочерью.

Неопределенностью судьбы брата, тем, что его гибель никогда не была зарегистрирована, и решили воспользоваться в корыстных целях. Шел 1967 год.

Действовали, как это принято у профессионалов, не в лоб, а осторожно. Озвучивание версии поручили заместителю начальника управления кадров Министерства обороны генерал-полковнику Кузовлеву. Ему и кар-

ты в руки — ведь Леонид был военным. По Москве поползли слухи, что генерал обнаружил документы (их, естественно, никто не видел), из которых следует, что Леонид не погиб, а сдался немцам, начал с ними сотрудничать, предал Родину. Впоследствии, то ли в конце войны, то ли после ее окончания, он якобы попал в руки советской контрразведки, сознался в совершенных преступлениях, и суд приговорил его к смерти. Отец будто бы на коленях молил Сталина пощадить сына, но Сталин отказал ему и произнес следующую сентенцию: «И мой сын попал в плен, вел себя как герой, но я отказался обменять его на фельдмаршала Паулюса. А твой...»

Кагэбэшные «творцы истории» выполнили задание, объяснив разоблачения преступлений Сталина личной мстью Хрущева за сына. Казалось бы, эта выдумка не стоила внимания. Но профессионалы на то и профессионалы, лучше кого-либо знающие законы распространения слухов. Байка пошла гулять по свету, обростала все новыми подробностями, затем ее опубликовали в газетах, нашла она свое «подтверждение» и в мемуарах сталинского обер-убийцы кагэбэшного генерала Судоплатова, осужденного во время отца на длительное тюремное заключение, и, наконец, ее стали сначала осторожно, а потом все смелее обсуждать даже в научной литературе. И все это без единого доказательства, без единого документа!

К счастью, отец так и не узнал об этом подлом вымысле.

И теперь уже нам, его потомкам, приходится отыскивать аргументы в опровержение клеветы. Они лежат на поверхности. Даже если принять за версию пленение Леонида, то какое предательство мог совершить старший лейтенант? Что он знал? Ответ очевиден — ничего существенного. Единственное, чем он мог оказаться полезным немцам, — призывами к советским бойцам сдаваться в плен. Подобные листовки от имени сына Сталина Якова, от имени племянника Молотова, генерала Власова и многих других щедро разбрасывались с немецких самолетов над позициями советских войск. Не зарегистрировано ни одной листовки от имени Леонида Хрущева, не помнят о них и ветераны войны. Немцы просто не подозревали о его существовании, иначе воспользовались бы его именем. Брат безымянно погиб под Жиздрой. Вот какая печальная и неприятная история. Не думаю, что мои объяснения поставят в ней точку. С клеветой бороться трудно, почти невозможно, но нужно.

В те же годы и с той же целью получил распространение еще один «миф» об отце. Те же «специалисты» из органов распустили слух, что Хрущев, находясь у власти, попытался замести следы, скрыть свое участие в сталинских репрессиях — распорядился изъять из архивов все документы и свидетельства. Это обвинение опровергнуть потруднее. Впервые, и сам отец никогда не отрицал, что ему приходилось визировать выписанные в НКВД ордера на арест работавших с ним людей. Так была устроена жизнь в те годы. И попробовал бы кто-нибудь не завизировать подобную бумагу. Посещал он и тюрьмы, встречался с арестованными. Другое дело, что одни из соратников Сталина, такие, как Каганович, Ворошилов, Молотов, не говоря уже о Берии, получив от «хозяина» команду «фас!», разливали море крови, старались как могли. Другие, в их чис-

ло входил и отец, не проявляли ретивости, старались по возможности уменьшить число жертв, смягчить их участь. И об этом сказано в его воспоминаниях.

Во время XX съезда КПСС он прямо сказал, что в сталинских преступлениях замешаны все члены руководства страной, но в разной мере, и народу предстоит определить вину каждого. В конце своей жизни отец не раз повторял: «Вот умру я, и положат мои деяния на весы. На одну чашу — злое, на другую — доброе, и, я надеюсь, доброе перевесит». Но даже после смерти слуги дьявола стремятся подбросить на «недобрую» чашу весов свою фальшивую гирьку. И делают это так искусно, что даже меня слух, пущенный КГБ, заставил усомниться, допустить возможность «подправления» прошлого отцом. С трудом, через силу, но допустить.

Все это представлялось мне не соответствующим внутренней сущности отца, но человек слаб. И так хочется каждому из нас задним числом улучшить свой имидж, забыть о совершенных в прошлом неприглядных поступках. А тут такие возможности... Казалось бы, грех ими не воспользоваться. Казалось бы... Я, по правде говоря, смирился. Но вмешался Его Величество Случай. В декабре 1994 года в США, в Браунском университете, на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Хрущева, прозвучали доклады, в которых шла речь о «чистке» архивов отцом. Таким термином ученые обозначили эти неприглядные деяния. Я решил докопаться до истоков. Обвинения касались двух периодов жизни отца: московского (до 1938 года) и киевского (после 1938 года). То есть если «чистили», то московский и украинский партийные архивы.

Я начал с Украины. Юрий Шаповал, историк, специализирующийся на биографии Хрущева, в своем докладе безапелляционно утверждал, что многие документы, касающиеся деятельности отца, в украинском архиве отсутствуют — «вычищены». Я попросил его поднять первоисточники. Шаповал заинтересовался этим вопросом. Он человек относительно молодой, не «зараженный» неприязнью к отцу партийного аппарата, не простившего ему разоблачения сталинских преступлений. И что же оказалось на самом деле? Действительно, в украинском архиве недостает многого, связанного с именем отца. Дело в том, что у отца был собственный архив. Он привез его с собой на Украину из Москвы в 1938 году. В него помощники складывали наиболее значительные, по их мнению, документы. Все эти папки, их было более двухсот, отец, вернее, его аппарат забрал с собой обратно в Москву в 1950 году. После отставки отца они осели в архиве Политбюро ЦК КПСС. Теперь архивисты независимой Украины спорят с работниками Президентского архива России, кому принадлежат документы. Следов же уничтожения чего-либо в Киеве Юрий Шаповал не обнаружил*.

* Тем, кто захочет проверить мои слова, я рекомендую прочитать изданную в 1995 году Институтом истории Украины в Киеве книгу «Хрущев и Украина». На стр. 181 — 185 доктор исторических наук Р.Я.Пирог в статье «Архив Первого секретаря ЦК КП(б)У Никиты Хрущева: проблемы реституции» подробно описывает все перепетии личного архива отца.

Ободренный результатами украинского расследования, я обратил свой взор к московскому периоду деятельности отца. Помочь в этом деле я попросил Владимира Павловича Наумова, автора одного из докладов, представленных на конференции в Браунском университете, секретаря комиссии Александра Яковлева, занимающейся реабилитацией жертв политических репрессий досталинского, сталинского и послесталинского периодов. В силу своего положения Наумов имеет доступ к архивам, включая и Президентский, и может помочь разобраться в этом. В ответ на мое обращение Владимир Павлович долго молчал, однако после многократных напоминаний прислал ответ через Вильяма Таубмана, профессора «Амхерст Колледжа»:

«Прошу извинить меня за то, что отвечаю Вам с задержкой. Она вызвана тем, что я пытался выяснить обстоятельства чистки б. (бывшего) архива Московского горкома и обкома партии. Дело оказалось очень сложным. Есть разные версии. Все они в той или иной степени связаны с Н.С.Хрущевым. Но никто не мог подтвердить свою версию документами».

В переводе с бюрократического лексикона это означает, что и в московском архиве по приказу отца ничего не сжигали. Такие дела бесследными не остаются, на уничтожение документов должно быть указание, составляется акт или требуется хотя бы письмо, предоставляющее его подателю свободу действий. Иначе вся ответственность ложится на хозяев архива, а взять ее на себя без письменного распоряжения они не решились бы.

В результате проведенного расследования реальное подтверждение получило лишь уничтожение документов, обнаруженных в сейфе Берии в 1953 г. после его ареста. Члены Президиума ЦК тогда единодушно решили их сжечь, не читая. Их можно понять: кто знает, какой компромат накопил на них Лаврентий Павлович? Но и об этом случае отец пишет в своих мемуарах. Так лопнула еще одна фальшивка, хотя, думаю, с попытками ее реанимации мы еще столкнемся — и не раз. Однако я отвлекся, мой экскурс в историю слишком затянулся.

Когда через год отец начал вновь диктовать мемуары, ему стала помогать мама. Она умела печатать на машинке, одновременно редактируя текст. Дело пошло лучше, качество повысилось, но скорость продвижения работы отца не устраивала: при таком темпе обработать надиктованный текст в обозримом будущем не представлялось возможным. Тогда-то к работе над мемуарами подключился и я. Первоначально предложил отцу обратиться в ЦК и попросить выделить в помощь машинистку и секретаря.

— Ведь это не частное дело. В мемуарах должен быть заинтересован ЦК. Это история, — убеждал я его.

Обращаться туда он отказался:

— Не хочу их ни о чем просить. Если сами предлагают — не откажусь. Но они не предлагают — мои воспоминания им не нужны. Только помешать могут.

Решили, что помощи просить не станем.

Забегая вперед, скажу, что вскоре вся работа по расшифровке и редактированию свалилась на меня. При жизни отца я успел обработать

1500 машинописных страниц. Постепенно выработался определенный темп. За день, не разгибаясь, удавалось осилить не более десяти страниц. И хотя я очень старался, результаты, по мнению отца, были не слишком впечатляющи.

С первых шагов возникли проблемы, и главная среди них, где найти доверенную и опытную машинистку. Ведь нужна была уверенность, что материалы не пропадут и не попадут в чужие руки. Задача оказалась не из легких. Своими сомнениями я поделился с друзьями — Семеном Альперовичем и Володей Модестовым. Обсудив ситуацию, мы нашли такого человека — Леонору Никифоровну Финогенову. Она тогда работала у нас на предприятии в выпускном цехе, часто выезжала с нами в командировки на полигоны. Отличный специалист и честнейший человек. Я обратился к ней с этим предложением, и Лора согласилась. Осталось решить технические вопросы. Машинку я купил в магазине на Пушкинской улице. Четырехдорожечный магнитофон «Грюндиг» у меня был. Мы только приспособили к нему наушники. Работать решили у меня на квартире, поскольку я считал невозможным выпустить из рук пленки.

Помню, осенним вечером 1967 года Лора пришла ко мне домой на улицу Станиславского. Долго приспособляли магнитофон и машинку, чтобы было удобно включать-выключать звуки, синхронно печатать. Опыта такой работы ни у нее, ни у меня не было. Подгонка заняла немало времени. Наконец все устроилось, и работа началась.

Несмотря на свою высокую квалификацию, Лора явно отставала от текста. К тому же некоторые слова звучали неотчетливо. То и дело приходилось останавливаться, возвращаться назад. Через час стало ясно, что так дело не пойдет. В подобном режиме можно напечатать несколько десятков, на худой конец — сотню страниц. У нас же впереди сотни и даже тысячи страниц. Мы приуныли. Время незаметно подкатилось к ночи. Для первого раза мы решили остановиться. Пошли пить чай. Разговор все время вертелся вокруг волновавшей нас темы. Выхода не было — работу надо переносить на дом к Лоре, поскольку там у нее будет больше времени.

В начальный период работы над мемуарами «кому следовало» еще не интересовались нашими персонами, и перебазирование оргтехники в Реутово не привлекло постороннего внимания. Дело пошло быстрее. Отец диктовал по три — пять часов в день, утром и после обеда. Лора печатала быстро и все-таки не успевала за ним. Я совсем задыхался. Редактировал, правил каждую свободную минуту дома и на работе, в будни и в выходные, с утра до позднего вечера. Я не поспевал за ними — и все же торопил Лору: боялся, что не успеем. Что-то подсказывало: не может все идти так гладко.

Отец диктовал по памяти, не пользуясь никакими источниками. Он привык к живой практической работе с людьми и «рыться не имел охоты в... пыли бытописания земли». Надеялся он только на себя, на свою память. И, нужно признать, она у него была феноменальная. Как он мог удержать в голове такое количество информации: событий, мест, имен,

цифр? И записать их на магнитофонную ленту почти без повторов и путаницы?

Постепенно отец привык к нашей работе, и в тексте диктовки все чаще появлялись обращения ко мне:

— Я говорил о поездке в Марсель и забыл фамилию сопровождавшего нас правительственного чиновника. Сейчас вспомнил — Жокс. Я правильно его назвал? Да, да, Жокс. Когда будешь править, вставь в нужном месте.

Или:

— На съезде Болгарской компартии ко мне подошел член румынской делегации, забыл его фамилию (далее следует описание его внешности). Надо посмотреть и вставить фамилию.

Требовали проверки номера армий в военном разделе. Ошибок тут было немного. Отец был точен на удивление. Это можно объяснить одним — события тех лет глубоко врезались в память. Верны были и цифры, и имена, и даты.

Ошибался он, когда по памяти пытался выстроить последовательность событий во время какого-нибудь государственного визита. Так было, скажем, с рассказом о поездке с Булганиным в Бирму в 1955 году. Отец пытался восстановить, кто и где их принимал, откуда и куда они поехали. Обычно человек вообще таких вещей не помнит, а отец держал канву в памяти, путал, в каком городе их встречали национальной греблей, а в каком — парадом со слонами. Расставить все по местам предстояло мне, что я и делал, сверяя текст с опубликованными в прессе отчетами.

Отец просматривал готовые куски, делал свои замечания, а я тут же записывал их на обороте страниц исходного текста — для последующей перепечатки. Изредка я предлагал отцу свои дополнения и уточнения, и то, что он одобрял, тоже вносилось в текст.

Он диктовал по три — пять часов в день в два приема, утром и после обеда.

— У меня лучше получается, когда есть слушатель. Видишь перед собой живого человека, а не дурацкий ящик, — не раз сетовал он.

Однако слушатели находились далеко не всегда. Правда, когда они появлялись, а это обычно были старые знакомые, пенсионеры, приезжавшие на неделю или побольше, дело шло быстрее и лучше. Тогда на пленке слышен был диалог. Наедине же с «ящиком» речь становилась менее живой, с запинаниями, долгими паузами. Наиболее продуктивно отцу работалось осенью и зимой. Летом на первый план выходили огородные дела, и диктовка велась урывками.

К каждой теме отец серьезно и подолгу готовился, обдумывая во время прогулок, что и как сказать. Наиболее драматические события жизни врезались в память намертво. Пересказывал он их по многу раз. Сюда относятся и поражение под Барвенково в 1942 году, и арест Берии, и смерть Сталина, и XX съезд, и другие. В рассказах о них он практически не отклонялся ни на шаг от первоначального варианта — рассказанное в 1960 году звучало так же и в 1967 году, хотя отец и жаловался: «Старею, память начинает отказывать».

Надиктовывая километры магнитной ленты, отец все больше мучался: какая же судьба ждет его воспоминания?

— Напрасно все это. Пустой труд. Все пропадет. Умру я, все заберут и уничтожат или так похоронят, что и следов не останется, — не раз повторял он во время наших воскресных прогулок.

В доме мы на эти темы никогда не разговаривали, памятуя о лишних ушах. Я успокаивал отца как мог, хотя в душе склонен был согласиться с ним. Я понимал, что, если сегодня все тихо, это вовсе не значит, что так будет всегда.

На всякий случай мы решили подстраховаться: продублировать пленки и текст и хранить их отдельно в надежных местах. Однако легко сказать — решили, а когда задумались, какое из мест можно считать надежным, ответ так сразу не нашелся. Я мысленно перебирал своих друзей и знакомых, взвешивал: на кого можно положиться? Кто не проболтается? Да и не только сам, но и жена, теща. Кто, в случае моего провала, не привлечет к себе повышенного внимания профессионалов? Кто? Кто? Кто? Наконец, выбор остановился на профессоре Игоре Михайловиче Шумилове, моем коллеге по МВТУ, сыне генерала Шумилова, командовавшего одной из армий, пленившей фельдмаршала Паулюса в Сталинграде в 1943 году. Там в тяжелые дни отступления Шумилов-старший близко сошелся с моим отцом, а теперь я сдружился с его сыном. Игорь на мое предложение ответил, не колеблясь: «Давай». Он спрячет все на бесчисленных, захламленных привезенным из Германии барахлом антресолях обширной генеральской квартиры в доме неподалеку от станции метро «Сокол». Ни отцу, ни жене он решил ничего не говорить, правда, добавил: «Они, скорее всего, догадаются, но вопросов задавать не станут». На том и порешили. Распечатки, катушки с вновь надиктованными пленками, страницы готового текста, в лучших традициях детективных романов, я передавал Игорю в перерывах между лекциями, когда мы «поневоле» сталкивались на кафедре. Дружеские же контакты мы решили сократить до минимума. На всякий случай.

Казалось, проблема решена, но мы с отцом слишком хорошо знали возможности профессионалов сыска в таких делах. Абсолютно надежных мест не бывает. Во время одной из бесед с отцом на прогулке нам пришла идея поискать сохранное место за границей. Отец сначала сомневался, опасаясь, что там рукопись выйдет из-под нашего контроля, может быть искажена и использована во вред нашему государству. С другой стороны, сохранность там обеспечивалась надежнее. После долгих взвешиваний «за» и «против» отец все-таки попросил меня обдумать и такой вариант. Естественно, это решение мы хранили в строжайшей тайне. Но, честно говоря, в те дни я не представлял себе даже приблизительного плана действий в этом направлении...

Начал отец с 30-х годов, с периода своей работы на Украине и в Москве. Потом он перешел к рассказу о подготовке к войне, ее трагическом начале, об отступлении под ударами немцев. То, что он говорил, сильно расходилось с официально признанной в то время версией истории первого периода войны, с многочисленными публикациями на эту тему. Его

описания трагических событий 41-го года поражали меня как читателя. Редактируя, я старался не упустить ни слова, ни в коей мере не исказить его мысли. Для меня отец был единственным правдивым источником информации. И теперь сохранение этих воспоминаний для будущих поколений становилось делом моей жизни...

За войной последовал послевоенный период: восстановление хозяйства на Украине, голод, интриги, появление в Киеве Кагановича и его отзыв оттуда, перевод отца в Москву, «ленинградское дело», несостоявшееся «московское дело» и многое, многое другое. Материала накопилось чрезвычайно много. Мы стали невольно путаться: о чем был разговор, о чем не был. Решили как-то упорядочить работу. Целую неделю я составлял план — своеобразный перечень вопросов, о которых, на мой взгляд, следовало говорить в первую очередь. В воскресенье мы его обсудили, отец забрал листочки, чтобы все обдумать на досуге. Через неделю у нас был готов первый вариант плана. По нему и работали в последующие годы, вычеркивая выполненные пункты, а то и вписывая новые, изначально забытые.

Предполагалось осветить все основные моменты современной жизни: целину и вообще проблемы сельского хозяйства, развитие промышленности, пути реорганизации народного хозяйства, вопросы обороны — формирования армии и военной промышленности, способы демократизации нашего общества, проблемы отношений отца с интеллигенцией. Не забыли мы и международные дела: борьбу за мир, первые встречи с западными государственными деятелями в Женеве, различные контакты и визиты, проблему мирного сосуществования, вопросы разоружения и запрещения ядерного оружия.

Хотя отец работал по плану, но в силу своего характера, увлекаясь, он уходил далеко в сторону, по аналогии вспоминая о событиях, далеких от заданной темы. К сожалению, не все намеченное удалось реализовать. Так и остались незафиксированными мысли отца о демократизации нашего общества, его идеи об установлении предельных сроков пребывания на государственных и партийных постах, о выборности и гласности в работе государства и партии, об установлении конституционных гарантий прав граждан, исключающих повторение террора 30-х годов. Не получился и раздел о творческой интеллигенции, в котором отец хотел дать оценку событиям, происходившим в последний период его пребывания у власти. Очень ему хотелось объяснить мотивы своего поведения. Но времени не хватило. Последняя запись незадолго до смерти была как раз посвящена этому вопросу, но оставила отца неудовлетворенным.

— Смотри все, я потом передиктую, — попросил он меня. На передиктовку времени уже не осталось. Я не послушался отца, запись не стер, и теперь она — он сам ее озаглавил «Я — не судья...» — единственное сохранившееся воспоминание на эту тему...

Теперь работа велась слаженно, она стала более продуктивной. Наша тройца — отец, Лора и я — хорошо сработалась. Ну, а куда же делись многочисленные в нашей семье журналисты? О Леве Петрове я уже го-

ворил. Он и дальше помогал отцу. Правда, длилось это сотрудничество недолго. Лева тяжело заболел, и вскоре его не стало. Юлия занималась своими маленькими дочерьми, да и по профессиональным склонностям она была далека от политической журналистики.

Моя сестра Рада в мемуарные дела не вмешивалась. Делала вид, что их просто не существует — ни магнитофона, ни распечаток. Она всецело была занята работой в журнале «Наука и жизнь». В свои не слишком частые наезды в Петрово-Дальнее она уютно устраивалась на диване под картиной, изображающей разлив весеннего Днепра. Там она вычитывала гранки, правила статьи для журнала. Рядом с ней блаженствовала кошка. Отец обижался на такое невнимание к его работе.

К тому времени я втянулся в прежде не знакомый мне род деятельности, увлекся им, считал работу над мемуарами своим делом. Я постоянно думал о них, приставал к отцу с предложениями и советами. Мне мерещились красиво изданные тома. Так что ко всякому вмешательству в мою новую «епархию» я бы отнесся ревниво, как к вторжению непрошеного гостя. Поэтому-то индифферентность сестры меня устраивала.

Особое отношение у отца было к Алексею Ивановичу Аджубею. Поначалу именно с ним связывал он свои надежды, видел в нем основного помощника. Это было вполне естественно. В недавнем прошлом Аджубей постоянно сопровождал отца в поездках, вместе с другими видными журналистами входил в рабочую группу при Первом секретаре, помогавшую ему в составлении выступлений, документов, проектов новых законов. Да и сам он — бывший главный редактор газеты «Известия» — много писал, считался способным журналистом. Теперь они оба в опале, и кому, как не зятю, помочь тестю в его литературной работе.

Поначалу все шло к тому. Алексей Иванович активно поддерживал идею работы над мемуарами. Правда, сам помощи не предлагал, но в ту пору дело только затевалось. Со временем его отношение стало меняться. Упоминать о мемуарах он перестал, разговоров о них с отцом стал избегать. Видимо, он решил проявить осторожность, поскольку развитое политическое чутье подсказывало ему опасность такого сотрудничества. В те годы, в середине 60-х, Алексей Иванович еще не потерял надежд на возобновление политической карьеры. Он несколько отошел от шока после пленума ЦК (1964 г.) и искал путей возвращения к активной деятельности. Все свои надежды он связывал с Шелепиным. Еще недавно совсем было поникший Алексей Иванович снова расправил плечи. Приезжая в Петрово-Дальнее, он вызывал то одного, то другого на улицу и таинственно сообщал:

— Скоро все переменится. Леня долго не усидит, придет Шелепин. Шурик меня не забудет, ему без меня не обойтись. Надо только немного подождать.

Действительно, слухи циркулировали, и этот вариант развития событий вовсе не казался невероятным. Аджубей подкреплял свои слова ссылками на разговоры со своими приятелями по комсомолу — то на Григоряна, то на Горюнова. Однажды даже таинственно сообщил, что встречался с самим Александром Николаевичем.

Я верил и не верил этим словам. В одном не сомневался: без Хрущева Аджубей Шелепину просто не нужен.

Можем ли мы осудить Алексея Ивановича за его стремление вернуться на политическую арену? Думаю, нет. Ведь ему тогда было чуть больше сорока лет. Естественно, в такой ситуации он счел за благо несколько отдалиться от Н.С.Хрущева. Сделать это так, чтобы его шаг заметили. Участие в работе над мемуарами могло ему только навредить. Однако выяснилось, что Брежнев совсем не переходная фигура и знает, как удержать власть в руках. Вопрос прихода к власти Шелепина отпал, но тут произошли новые события, которые не оставили у Алексея Ивановича и мысли о возможном участии в работе над воспоминаниями. Затронули они всех нас, и отца, и меня, и в какой-то степени оказали влияние на судьбу мемуаров.

Летом 1967 года, когда о Хрущеве, казалось, прочно забыли, его имя вдруг опять взбудоражило мир. Ничего особенного не произошло, просто американцы решили сделать биографический фильм о бывшем советском лидере. У нас же это было квалифицировано как провокация, почти как антисоветская вылазка.

Дело в том, что к 1967 году Брежнев уже с трудом переносил даже простое упоминание о Хрущеве. Люди такого склада по-особому относятся к своим дурным поступкам, по-своему переживают их. Совершив их, они переносят всю свою ненависть на жертву, пытаясь таким странным способом доказать и себе, и окружающим собственную правоту. Упоминание имени отца в какой-то степени мешало упрочению его собственного имиджа в истории — ведь многое из того, что в тот момент приписывал себе Леонид Ильич, началось задолго до него, а при нем все ощутимее теряло набранный поступательный ход. Естественно, подобные настроения начальства передавались и подчиненным.

Порой это доходило до смешного. Смешного, если речь не идет о людях, облеченных практически неограниченной властью. В Крыму по дороге из Симферополя в Ялту на склоне горы раскинулось село Никита. В стародавние времена оно дало приют знаменитому Никитскому ботаническому саду. Однажды, проезжая мимо селения по дороге на дачу, Брежнев бросил взгляд на придорожный указатель «с. Никита» и невольно поморщился. Его гримаса не осталась незамеченной, через несколько дней на том же месте появился иной знак — «с. Ботаническое», а Ботанический сад сохранил свое старое наименование, но теперь оно звучало почти сюрреалистически: «Никитский ботанический сад» в селе Ботаническое. И этот случай не единичен. Постепенно накапливавшаяся в душе Брежнева неприязнь к отцу перерастала в откровенную ненависть.

В этой обстановке и разразился скандал, причиной которого послужило появление на Западе фильма о Хрущеве. У нас в стране этого фильма пока никто не видел, была только информация о нем. Говорили, что он построен на съемках на даче, отец в нем дает несколько интервью, одно страшнее другого. Мне удалось посмотреть этот фильм, к сожалению, уже после смерти отца.

Как и следовало ожидать, ничего сенсационного или крамольного в

нем нет. И построен он исключительно на архивных материалах, фото- и кинодокументах. Весь сыр-бор разгорелся из-за двух-трех минут в конце: там показывают отца, сидящего в «буссаковской»* накидке у костра, рядом Арбат — любимая собака отца, немецкая овчарка. Отец что-то рассказывает. Звучание голоса приглушено, на него наложен дикторский текст — что-то о годах юности, потом о Кубе... Таких сцен у костра в жизни отца было множество.

Я в ту пору занимался киносъемкой и постоянно таскал с собой восьмимиллиметровую камеру. Многие из гостей тоже приезжали с фотоаппаратами и кинокамерами. Я уж не говорю об отдыхающих из соседнего дома отдыха — фото с отцом на память входило в «культурную программу». При желании пленки легко могли попасть за рубеж. Ничего предосудительного в этом не было. Скажем, если бы меня попросили, я бы и сам мог снять этот фрагмент. Но в фильме была не моя съемка.

Как выяснилось много позже, снимал Юра Королев, профессиональный фотограф, работавший в те годы вместе с Аджубеем в журнале «Советский Союз». Кроме того, семья Королевых дружила с Юлей и Левой. Время от времени Юра навещал отца, делал фотографии, трещал киноаппаратом. Его съемки, видимо, были дополнены архивными материалами — фрагментами магнитофонных записей голоса отца, сделанных до 1964 года: он тогда частенько рассказывал о донбасском периоде своей жизни, о шахтерском поэте Пантелее Махине. Впрочем, это могли быть и современные записи. Отец любил при гостях вспоминать о своей молодости. Карибский кризис — тоже была его любимая тема.

Реакция на фильм не заставила ждать. Отца не трогали и ничего у него не спрашивали. Гнев обрушился на окружающих. Первым на ковер вызвали начальника охраны Мельникова.

Мельниковым давно были недовольны. Считали, что он слишком «прохрущевский» человек, старается угодить ему там, где может, помогает, словом, делает все, чтобы скрасить Хрущеву жизнь. Его поведение было не в духе времени. Фильм явился хорошим поводом для расправы — Мельникова обвинили в потере бдительности. Как он мог допустить интервью отца иностранному журналисту? То, что ни одного иностранного журналиста на даче ни разу не было, естественно, никого не интересовало.

В результате Мельников был снят со своей должности и уволен из органов КГБ. Я с ним потом встретился. Он работал комендантом в доме

* «Буссаковская» накидка — теплая шерстяная накидка бежево-зеленоватого цвета — подарок крупного французского миллионера, текстильного фабриканта и владельца «правой», как тогда докладывали отцу, газеты «Орор» г-на Буссака. Во время официального визита Н.С. Хрущева во Францию в марте 1960 года он проникся симпатией к Хрущеву, впоследствии оказывал советскому лидеру знаки внимания, посылая в Москву фрукты и французские вина. Накидка настолько понравилась Хрущеву своей рациональной простотой, что он не расставался с ней в ненастную и холодную весеннюю и осеннюю погоду.

отдыха, постарел, поседел, плохо видел. А последний раз я его видел на похоронах отца — он пришел проститься.

Место Мельникова занял Василий Михайлович Кондрашов — совсем другой человек, более «современный» работник. Он старался «уколоть» отца по мелочам, на его просьбы стандартно отвечал, что узнает у начальства. Через несколько дней обычно следовал ответ:

— Нельзя. Вам не положено.

Возможно, это и не было чертой его характера: просто он строго выполнял инструкцию, памятуя о судьбе своего предшественника. Замена начальника охраны должна была, по замыслу верхов, предостеречь отца, напомнить ему, в чьих руках сегодня и сила, и власть.

Однако отец сделал вид, что происшедшие изменения его не касаются. Даже в разговорах с нами он почти не затрагивал этой темы. На работу над мемуарами эта акция властей влияния не оказала. Отец не только не забросил диктовку, но заработал с удвоенной энергией.

Пик работы над мемуарами пришелся на зиму 1967/68 года. Брежнев к тому времени уже набрал силу и начал внимательно следить за отражением своей личности в зеркале истории. «Малая земля» и «Возрождение» были еще, видимо, в отдаленных планах, но первые ростки нового культа уже вызрели.

Донесение, что Хрущев диктует свои мемуары, чрезвычайно обеспокоило Леонида Ильича. Решено было заставить отца прекратить работу. Но как? Рассматривались, наверное, разные варианты. Устроить обыск на даче? Изъять записи силой? Нельзя. Скандала не оберешься. Прославишься на весь мир держимордой, а Хрущева выставишь мучеником. Что же делать? Оставалось одно — встретиться с Хрущевым и убедить его прекратить писать мемуары, а что есть — отдать в ЦК. Не удастся убедить — заставить. Припугнуть, в конце концов.

Самому встречаться с бывшим патроном Брежневу не хотелось. Хватило встречи в 1965 году.*

Вызвать к себе Хрущева, провести с ним беседу и попытаться покончить с мемуарами Брежнев поручил А.П.Кириленко, своему первому заместителю в ЦК, человеку грубому и нахрапистому. Этот спуску никому не даст. К нему присоединили А.Я.Пельше, председателя КПК (Комитета партийного контроля), чтобы он оказал давление своим присутствием: с Комитетом партийного контроля не шутят. Третьим был П.Н.Демичев. Он в прошлом был близок к Хрущеву, так что при необходимости сможет разрядить обстановку, а то и убедить Хрущева не делать глупостей. Примерно такое решение было принято весной 1968 года. Оставалось действовать.

В апреле 1968 года, накануне дня рождения отца, я, как всегда, на

* В начале 1965 года Брежнев встречался с Хрущевым. Тогда он сообщил ему, что Президиум ЦК КПСС установил бывшему советскому лидеру персональную пенсию, предоставил квартиру в Москве, в Староконовском переулке, и дачу в Петрово-Дальнем и закрепил в его пользование автомобиль «Волга», а также потребовал освободить особняк на Воробьевском шоссе.

выходные приехал в Петрово-Дальнее. Отца в доме не было. Мама сказала, что он пошел на опушку посидеть на солнышке.

— Отец очень расстроен. Вчера его вызывал в ЦК Кириленко, требовал прекратить работу над мемуарами, а что есть — сдать. Отец разнервничался, раскричался там, вышел большой скандал. Он сам тебе все расскажет, — продолжала она, — только ты к нему особенно не приставай. Он сильно перенервничал и плохо себя чувствует.

Расстроенный, я отправился вниз по тропинке. На лавочке сидел отец. Рядом лежал Арбат. Отец не заметил, как я подошел, а когда я молча сел рядом, не сразу повернул голову. Мы молчали. Отец выглядел усталым, лицо его посерело и постарело.

Повернувшись ко мне, он спросил:

— Ты уже знаешь? Мама тебе рассказала?

Я кивнул.

— Мерзавцы! Я сказал все, что о них думаю. Может быть, хватил лишнего, но ничего — это пойдет им на пользу. А то они думают, что я буду перед ними ползать на брюхе.

Я решил внести ясность:

— Мама мне практически ничего не рассказала. Только то, что тебя вызывал Кириленко и требовал прекратить работу над мемуарами.

— Так и было. Каков мерзавец! — повторил отец и начал рассказывать.

По мере рассказа лицо его оживало, глаза стали злыми, видно было, что он заново переживает каждую фразу, каждую реплику.

Я помнил, что отец плохо себя чувствует, и попытался перевести разговор, как-то успокоить его. Но отец не хотел отвлекаться. Он кипел от возмущения и пересказал мне возмутительную сцену, происшедшую в ЦК, до конца. Впоследствии он неоднократно возвращался к событиям того дня. Я хорошо запомнил всю эту сцену и даже сделал по свежим следам какие-то заметки. Вот как выглядел его рассказ.

В кабинете Кириленко сидели, кроме него самого, Пельше и Демичев. Кириленко сразу перешел к делу, без обычных в таких случаях вопросов о самочувствии. Он заявил, что Центральному Комитету стало известно, что отец в течение длительного времени пишет свои мемуары, в которых рассказывает о различных событиях истории нашей партии и государства. По сути дела, он переписывает историю партии. А вопросы освещения истории партии, истории нашего советского государства — это дело Центрального Комитета, а не отдельных лиц, тем более пенсионеров. Поэтому Политбюро ЦК * требует, чтобы он прекратил свою работу над мемуарами, а то, что уже надиктовано, немедленно сдал в ЦК.

Закончив говорить, Кириленко обвел глазами присутствовавших — видно было, что это заявление стоило ему немалого труда. Пельше и Демичев молчали. Кириленко достаточно долго проработал с Хрущевым

* На XXIII съезде КПСС (1966 г.) Президиум ЦК КПСС был переименован в Политбюро ЦК КПСС; первый секретарь ЦК КПСС стал называться генеральным секретарем.

на Украине и здесь, в Москве, будучи его первым заместителем в Бюро ЦК по РСФСР, знал взрывной характер отца и понимал, какое оскорбление нанесено его словами человеку, четыре года назад занимавшему пост первого секретаря ЦК и председателя Совета Министров СССР. Он, очевидно, надеялся, что положение пенсионера, даже в мелочах зависящего от них, сделает отца более покладистым и сговорчивым, заставит подчиниться.

Отец помолчал, потом оглядел своих бывших соратников. Он начал говорить, сначала спокойно, затем все больше и больше распаляясь. Он сказал, что не может понять, чего хотят от него Кириленко и те, кто его уполномочил. В мире, в том числе и в нашей стране, мемуары пишет огромное число людей. Это нормально. Мемуары являются не историей, а взглядом каждого человека на прожитую им жизнь. Они дополняют историю и могут служить хорошим материалом для будущих историков нашей страны и нашей партии. А коли так, он считает их требование насилием над личностью советского человека, противоречащим Конституции, и отказывается подчиниться.

— Вы можете силой спрятать меня в тюрьму или силой отобрать эти материалы. Все это вы сегодня можете со мной сделать, но я категорически протестую, — добавил он.

— Никита Сергеевич, то, что я вам передал, — решение Политбюро ЦК, и вы обязаны, как коммунист, ему подчиниться. В противном случае... — настаивал Кириленко.

Отец не дал ему договорить.

— То, что позволяете вы в отношении меня, не позволяло себе правительство даже в царские времена. Я помню только один подобный случай. Вы хотите поступить со мной так, как царь Николай I поступил с Тарасом Шевченко, сослав его в солдаты, запретив там писать и рисовать. Вы можете у меня отобрать все — пенсию, дачу, квартиру. Все в ваших силах, и я не удивлюсь, если вы это сделаете. Ничего, я себе пропитание найду. Пойду слесарить, я еще помню, как это делается. А нет, так с котомкой пойду по людям. Мне люди подадут.

Он взглянул на Кириленко.

— А вам никто и крошки не даст. С голоду подохнете.

Понимая, что Хрущев с Кириленко говорить не будет, в разговор вмешался Пельше, сказав, что решение Политбюро обязательно для всех, и для отца в том числе. Этими мемуарами могут воспользоваться враждебные силы. Такой поворот темы был ошибкой со стороны Пельше.

— Вот Политбюро и выделило бы мне стенографистку и машинистку, которые бы записывали то, что я диктую. Это нормальная работа. Они могли бы делать два экземпляра — один оставался бы в ЦК, а с другим бы я работал, — более спокойно сказал отец. Но, вспомнив о чем-то, с раздражением добавил: — А то опять же в нарушение конституции утыкали всю дачу подслушивающими устройствами. Сортир — и тот не забыли. Тратите народные деньги на то, чтобы пердѣж подслушивать.

Всем стало ясно, что разговор надо заканчивать, добровольно отец ничего не отдаст.

На прощание отец повторил, что он как гражданин СССР имеет право писать мемуары, и это право у него отнять не могут. Его записки предназначены для ЦК партии и всего советского народа. Он хочет, чтобы то, что он описывает, послужило на пользу советским людям, нашим советским руководителям и государству. Пусть события, которым он был свидетелем, послужат уроком в будущем.

На этом закончился второй после отставки, но, к сожалению, не последний визит отца в ЦК.

Свидание это выбило отца из колеи. Он переживал, опять и опять возвращаясь к обстоятельствам разговора. Диктовку отец забросил, возобновляя работу лишь эпизодически. В 1968 году он продиктовал очень мало. Так что в этом смысле Кириленко добился желаемого результата. Снова отца мучила та же проблема — зачем все это?

В наших разговорах во время прогулок вдали от микрофонов, фиксирующих каждое слово, он опять стал повторять:

— Бессмысленное занятие. Они не успокоятся. Я их знаю. Сейчас не посмеют, а умру — все заберут и уничтожат. Я же вижу, что происходит сегодня. Им правдивая история не нужна.

Я его успокаивал, но сам успокоиться не мог. Надо было отыскать способ, позволяющий надежно сохранить материалы до лучших времен. Все возможные варианты хранения пленок и распечаток внутри страны не были абсолютно надежны. Как только за поиски возьмутся профессионалы — все наши дилетантские секреты будут раскрыты.

В наших разговорах мы вернулись к мысли об укрытии рукописи за границей. Тогда же впервые возникла мысль, что в случае чрезвычайных обстоятельств — вроде изъятия надиктованного материала или других карательных мер — в качестве ответной меры воспоминания нужно будет опубликовать. Публикация окончательно решала проблему сохранности. Что, спрашивается, искать, если книгу можно запросто купить в магазине? Никаких секретных фондов не хватит. На Западе дефицита бумаги нет.

Несколько успокоившись после бурной беседы в ЦК, отец принялся за огород. Приближался май, пора было готовиться к посевной. Тем временем мне удалось нащупать пути передачи копии материалов за рубеж.

Однажды Лева Петров познакомил меня со своим давним приятелем Виталием Евгеньевичем Луи. Многие его почему-то звали Виктором. Отсидев десять лет по обычному в сталинское время вздорному политическому обвинению, Луи вышел из тюрьмы после XX съезда и, оглядевшись, решил начать новую жизнь.

Она сложилась очень необычно для времени, когда контакт с иностранцами приравнивался почти что к подвигу или уж во всяком случае к опасной экспедиции в джунгли.

Виталий Евгеньевич устроился работать московским корреспондентом в одну английскую газету, что обеспечивало ему несравненную с обычными советскими гражданами свободу выездов и контактов. После женитьбы на работавшей в Москве англичанке (ее звали Дженифер) его положение еще более упрочилось.

Конечно, за разрешение работать на англичан госбезопасность потребовала от Луи кое-какие услуги. После недолгих переговоровладили, и вскоре Виталий Евгеньевич стал неофициальным связным между компетентными лицами у нас в стране и соответствующими кругами за рубежом. Он стал выполнять деликатные поручения на все более высоком уровне, начал общаться даже с руководителями государств.

В конце 1967 года Лева как-то предложил мне:

— Давай зайдем к одному интересному человеку, моему другу. У него собираются любопытные люди. Сам он работает в английской газете.

Я тогда был легок на подъем, охотно знакомился с новыми людьми, любил интеллигентные компании с их разговорами, спорами на самые неожиданные темы. Поэтому я уже совсем было принял предложение, но последние слова меня обеспокоили. Я работал в ракетной фирме, и общаться с иностранцами нам категорически запрещали. Я поделился своими сомнениями слевой.

— Пустяки. Разве я бы предложил тебе что-то такое, — успокоил он меня, — с иностранцами мы встречаться не будем, а хозяин — наш человек, проверенный.

Сам Лева не просто работал в АПН, но и служил в ГРУ, и не в малых чинах.

У порога нас встретил приветливый человек средних лет, провел в дом, показал его сверху донизу, от чердака до подвала. Видно было, что он очень гордится своим хозяйством, своим достатком. Мы приятно побеседовали, разговор вертелся вокруг политических проблем. Сам я больше молчал, слушал, мне было очень интересно.

Так завязалось наше знакомство. Я стал бывать в этом доме. Особенно меня привлекала обширная библиотека Луи, набитая книгами, которых в другом месте не сыщешь. На полках стояли сочинения Солженицына, западные исследования о Сталине, Хрущеве. Часть книг была на русском, часть — на английском. Эта библиотека сыграла немаловажную роль в формировании моего политического сознания.

В беседах мы лучше узнавали друг друга. Виталий Евгеньевич рассказывал о себе, о своем трудном и бедном детстве, о заключении, тепло отзывался о Никите Сергеевиче. А это в тот период для меня значило очень много. Луи кроме своей журналистской деятельности занимался разными делами. Во время войны путешествовал «туристом» по Южному Вьетнаму, заезжал запросто на Тайвань, после шестидневной войны посетил Израиль, во времена «черных полковников» объезжал греческие православные монастыри, встречался с Луисом Корваланом, находившимся в заключении в чилийском концлагере. Всего не перечислишь... Но эта часть его жизни — не предмет моего рассказа.

А вот что меня по-настоящему заинтересовало — это его причастность к полулегальной публикации запрещенных в нашей стране рукописей на Западе. Первой он переправил туда книгу Тарсиса, которого КГБ, тоже по рекомендации Луи, вместо Сибири решил отправить за границу. В момент нашего знакомства Виталий Евгеньевич «занимался» книгой Светланы Аллилуевой. Она заканчивала подготовку к изда-

нию своих «20 писем к другу», где обещала описать некоторые закулисные стороны жизни своего отца. Светлана только недавно бежала в Америку, и каждый ее шаг там звучно резонировал в московских эшелонах власти. Выход в свет книги намечался на октябрь — канун празднования 50-летия Советской власти. Осторожный дипломатический и недипломатический зондаж, прямые обращения к Светлане, издателям и правительствам западных стран о переносе даты выхода книги на несколько месяцев не принесли положительного результата. Тогда Виталий Евгеньевич предложил на свой страх и риск, как частное лицо, сделать в книге купюры, изъять моменты, вызывающие наибольшее беспокойство Кремля, и издать эту книгу на несколько месяцев раньше официального срока.

Условия он поставил следующие: нужна рукопись, купюры не должны искажать смысл книги и остаться незаметными для читателя, доходы от издания, наравне с неизбежными неприятностями, отдаются на откуп исключительно Луи. Условия приняли. Виталию Евгеньевичу предоставили копию рукописи, хранившуюся у Светланиных детей.

Операция началась: издательство, согласное на пиратскую акцию, нашлось без труда. Книга вышла летом 1967 года и до какой-то степени сбила нараставший ажиотаж. Виталий Евгеньевич получил немалый гонорар и повестку в канадский суд. Авторитет Луи в глазах советских властей вырос. Узнав об этой стороне деятельности Луи, я подумал, что он тот человек, который сможет помочь нам упрятать мемуары отца за границы. У Луи в Лондоне — теща, материалы можно хранить у нее или положить в банк. А гонорар от публикации воспоминаний Хрущева, пусть даже в отдаленном будущем, ни в какое сравнение не пойдет с суммами, заработанными им на публикации книги Аллилуевой.

Конечно, как во всяком деле, сохранился риск. И немалый, но хранить рукопись и пленки только дома, в нашей стране, было еще рискованнее.

Однако, кроме технического, был и моральный аспект. Шел уже не 1958 год, но еще далеко не 1988-й или 1998-й. Всего десять лет назад металась молния в Пастернака, передавшего свою рукопись итальянскому издателю. Недавно осудили Синявского и Даниэля. Отец не одобрял этого судилища, но... В голову приходили и более далекие события, вспоминалось письмо Федора Раскольникова, обнажившее ужасы сталинского режима. Не будь оно опубликовано во Франции, мы бы многого тогда не узнали. А письма и статьи Ленина?.. Они ведь тоже часто до революции публиковались за границей.

Тем не менее стереотип был силен: коль скоро книга опубликована на Западе — это жест враждебный.

Отец был смелее меня, считая, что мемуары первого секретаря ЦК — это исповедь человека, отдавшего всю свою жизнь борьбе за советскую власть, за коммунистическое общество. В них правда жизни, предостережения, факты. Они должны дойти до людей. Пусть сначала и там, но когда-нибудь и здесь. Конечно, наоборот было бы лучше, но как дожить до этих времен?

Собственно, выбора у нас не было: или Луи, или мучительное ожидание, когда КГБ, власти займутся мемуарами всерьез. Я верил, точнее, очень хотел поверить Луи, хотя слышал о нем много гадостей. Он был склонен к авантюрам, мог подвести и впоследствии подводил меня, правда, во второстепенном.

Я поехал в Баковку, где жил Луи. Начинать разговор я не спешил, да и не знал, как произнести первые слова. Этот разговор отделял мою «легальную» деятельность от «нелегальной». Мне было здорово не по себе. Неизвестно, чем это могло кончиться: арестом, ссылкой? Думать о последствиях не хотелось, надо было действовать.

Болтая о пустяках, мы спустились в сад и через калитку вышли на соседний пригорок. Здесь, вне дома, мы оба чувствовали себя спокойнее. Когда мы остались одни, Виталий Евгеньевич неожиданно сам заговорил о публикации мемуаров за рубежом. Осторожно, походя, в общих словах: «Хорошо бы... А так они сохранятся для мира и потом вернутся в Россию... Когда созреют условия...» Я молча слушал. Первый шаг сделан, и не мной — уже легче.

Когда пришел мой черед, я сказал Луи примерно следующее: «Работа над мемуарами в самом разгаре, а вернее — начале. Далеко не весь текст надиктован, еще меньше расшифровано и отредактировано. Работы еще на несколько лет, нам нужна не сенсация, а законченный труд. О публикации сейчас нечего и думать. Но есть другая проблема, на сегодня более важная, — сохранность материала.

— Ну, ведь ты не дурак. У тебя должна быть не одна захоронка, — отреагировал Луи. Он, конечно, догадался, куда я клоню, но хотел, чтобы я сам высказался до конца.

— Хотелось бы найти место понадежнее, примерно как в швейцарском банке, — пошутил я. — Никогда не знаешь, насколько они тщательно будут искать, и всегда есть опасность, что найдут.

— Да, скорее всего, найдут. Это они умеют, — подтвердил Виталий Евгеньевич.

Дальше тянуть не имело смысла. Я решился:

— Я хотел тебя попросить сохранить копию. Для этого надо ее вывезти за рубеж, может, в Англию. Ведь там у твоей жены Дженни есть мама.

— Сундук тещи — не самое надежное место, — отпаривал Луи.

— Можно найти и понадежнее, — продолжал я. — Главная проблема — как вывезти.

— Дело, конечно, непростое, но решаемое. Конечно, потребует соответствующих затрат, — энергично перешел ближе к делу Виталий Евгеньевич.

— В случае публикации гонорар будет очень большим, а для нас главное — сохранение материала, а не получение денег, — быстро отреагировал я. — Все практические вопросы обсудим позже. Я повторяю, что сегодня речь идет не о публикации, а о безопасности.

— В денежных вопросах лучше иметь ясность заранее, — как-то задумчиво, но твердо проговорил мой собеседник.

— Не это главное. Мы согласимся на любые варианты. Понятно, что

такое дело требует больших затрат. В конце концов в денежных делах последнее слово останется за тобой, — внес я окончательную ясность.

— Хорошо, я сделаю все, что возможно. Думаю, дело уладится. А Никита Сергеевич знает? Он тебя уполномочивал? — задал он вопрос.

— Нет, но у нас договорено, что за безопасность отвечаю я. Не надо его впутывать в это дело, — не раздумывая ответил я.

— Это ваши дела. Я постараюсь все устроить, — проговорил Луи. — Но и публикацию лучше не затягивать. Через десять лет в мире забудут, кто такой Хрущев. Придут новые люди. Тогда опубликование мемуаров не вызовет такого интереса, как сейчас.

— Мы идем по второму кругу. И снова повторяю — речь идет о сохранении рукописи, а не о ее публикации. Мы же договорились! — рассердился я.

— Да, конечно, — не стал настаивать Виталий Евгеньевич.

Когда я рассказал о разговоре отцу, он после короткого обсуждения согласился, что доверяться до конца посреднику не следует, чем меньше он будет осведомлен, тем лучше. Пусть он знает меня одного. Не умолчал я и о желании Луи опубликовать, подчеркнув, что я категорически отверг его предложение. На этом разговор с отцом оборвался, развивать эту тему отец не стал.

Через несколько дней я привез к Луи на дачу в запечатанной коробке магнитофонные бобины и отредактированный мною текст.

— Так дело не пойдет. Я должен видеть, что повезу, — обиделся Виталий Евгеньевич.

На секунду я заколебался. Казалось, картонная коробка из-под печенья, плотная коричневая упаковочная бумага, опоясывавшая все это веревка создавали некую иллюзию сохранности содержимого. Конечно, только иллюзию. Материалы уходили в чужие руки, и запечатаны они или нет — не имело никакого значения. Я раскрыл коробку. Луи осмотрел ее содержимое, пересчитал кассеты и снова ее «запечатал».

— Теперь все в порядке, — сказал Луи и спрятал коробку в большой резной шкаф черного дерева.

Мне стало не по себе. С этого момента все начиналось на самом деле. Разговоры кончились.

Прошло какое-то время. Луи уехал за границу, и известий от него не приходило. Через месяц он вернулся.

— Все в надежном месте. Только не спрашивай, как я это сделал. Это моя тайна. Конечно, я провез груз не в чемодане, — весело рассказывал он, — теперь ОНИ в сохранности, не у тещи, а в банковском сейфе. Туда никто не доберется.

В очередной приезд в Петрово-Дальнее я все подробно пересказал отцу. В ответ он кивнул. С этого времени новые порции материалов по мере готовности перекочевывали в заграничный сейф.

Прошло какое-то время, и отец вдруг вернулся к теме публикации мемуаров за границей. Видимо, все это время он раздумывал, взвешивал, пытался угадать, что же ждет нас в будущем.

— Я думаю, — начал он, — предложение посредника не такое уж глуп-

пое. Обстоятельства могут сложиться так, что не только я и ты, но и он не сможет добраться до сейфа. Нам противостоят люди, способные на все, ты не можешь себе даже представить, насколько велики их возможности. Поговори с посредником. Пусть он поговорит — пока условно — с каким-нибудь очень солидным издательством о том, что они получают право опубликовать книгу, но только после того, как мы отсюда дадим знак.

Отец замолчал, мы пошли по дорожке, ведущей к лугу, впереди трусил Арбат.

— Надо быть готовыми ко всему, — вдруг произнес отец. — Они не успокоятся. Можно ожидать любой гадости: или похитят материалы тайно, или просто отберут. Арестовать они, видимо, не рискнут. И время не то, и кишка тонка. А отобрать постараются.

Тем временем Брежнева крайне беспокоило, что отец напишет что-нибудь плохое о нем. А то, что отец, по докладам охраны, подслушивавшей Хрущева, фамилию Брежнев вообще ни разу не упомянул, еще больше его раздражало. Без сомнения, приходилось ожидать новых неприятностей. С другой стороны, надо было внести ясность в наши отношения с Луи, который постоянно возвращался к вопросу о публикации. У него в этом деле на первом месте стоял коммерческий интерес, и он жаждал определенности.

— Когда? Через год, два, десять? Надо определяться. После смерти уже ничего не будет нужно, — повторял он.

Я уходил от прямого ответа, но бесконечно тянуть было невозможно.

Когда при очередной встрече я рассказал Луи о решении отца, выдав его за свое, он обрадовался:

— Издателя я найду. — Я обомлел, но промолчал, посчитав, что сейчас не время для выяснения отношений. — Вероятно, они согласятся и на ваши условия, если не тянуть слишком долго. Впрочем, у них нет выхода. Не согласятся — найду других, — продолжал Луи. — Главное, максимально отвести от себя удар. Должна быть правдоподобная версия о том, как материалы оказались за границей. И еще: кто-то должен прикрыть нас здесь. Ладно, о первом подумаю сам, а о втором — посоветуюсь...

Подробностей происходившего я не знаю. Виталий Евгеньевич рассказывал лишь, что действовать он начал «с головы». К тому времени у него установились доверительные отношения с самим Андроповым, они не раз встречались, не в кабинете на площади Дзержинского, а в неформальной обстановке, как бы случайно, у кого-то из общих знакомых. Во время одной из таких встреч Виталий Евгеньевич навел Юрия Владимировича на разговор о мемуарах отца. Он решил рискнуть и рассказал ему все или почти все. Андропов выслушал сообщение, не перебивая, только удовлетворенно кивал. На вопрос, не желает ли он ознакомиться с записями отца, улыбнулся и коротко ответил: «Нет». Отныне мы могли рассчитывать если не на помощь, то на нейтралитет КГБ, по крайней мере, некоторых его служб.

С американской стороны Виталию Евгеньевичу и его «друзьям» помогал представитель журнала «Тайм» в Москве Джеролд Шехтер. Почему выбор пал именно на него, не берусь судить.

Местом переговоров американцы почему-то выбрали Копенгаген. Почему Копенгаген, а не Лондон или Нью-Йорк — трудно сказать. В начале переговоров издатели засомневались, насколько можно верить представленному тексту. Как раз в то время разразился скандал с опубликованием фальшивых дневников Адольфа Гитлера. Издатели опасались провокации. Встал вопрос, как подтвердить подлинность материалов. Писать мы им не хотели, считая, что опасность провала слишком велика. Тогда наши помощники нашли выход. Решили прибегнуть к помощи фотоаппарата.

Из Вены отцу передали две шляпы — ярко-алую и черную с огромными полями. В подтверждение авторства отца и его согласия на публикацию просили прислать фотографии отца в этих шляпах. Когда я привез шляпы в Петрово-Дальнее, они своей экстравагантностью привлекли всеобщее внимание. Я объяснил, что это сувенир от одного из зарубежных поклонников отца. Мама удивилась: «Неужели он думает, что отец будет такое носить?»

Отправившись гулять, мы остались одни, и я рассказал отцу, в чем дело. Он долго смеялся. Выдумка пришлась ему по душе, он любил остроумных людей и, когда мы вернулись с прогулки, сам вступил в игру. Устроившись на скамейке перед домом, отец громко попросил меня:

— Ну-ка, принеси мне эти шляпы. Хочу примерить.

Мама была в ужасе.

— Неужели ты собираешься их носить?

— А почему бы и нет? — подначил ее отец.

— Слишком яркие, — пожалала плечами мама.

Я принес шляпы. Заодно захватил и фотоаппарат.

Отец надел шляпу и сказал:

— Сфотографируй меня, интересно, как это получится?

Так он и сфотографировался — одна шляпа на голове, а другая — в руке. Вскоре издатели получили снимки: теперь они удостоверились, что их не водят за нос.

Была достигнута предварительная договоренность о возможности опубликования воспоминаний в американском издательстве «Литтл, Браун энд Компани». Договор с издательством Луи подписал от своего имени, ему же причитался гонорар за книгу. В то время Советский Союз не признавал Конвенции по охране авторских прав, поэтому издатели с легким сердцем подписывали договоры с кем угодно. К слову, этот договор с издательством действует и поныне: когда несколько лет тому назад я попытался предъявить издательству свои права, мне вежливо, но твердо указали на дверь.

Подготовку рукописи, приведение ее в порядок, такой, который устраивал американцев, издатели поручили совсем молодому человеку, никому тогда не известному студенту Оксфордского университета Стробу Тэлботту. Работа поглотила его с головой. Стробу не оставалось времени ни на приготовление пищи, ни на поддержание порядка в общежитии. На его счастье, все заботы о быте взял на себя его сосед по комнате Билл — будущий президент США Билл Клинтон.

Передавать полный текст американцам Луи не решился, предложил изъять из текста упоминания, способные вызвать слишком большое раздражение у Брежнева или других членов Политбюро. Это в основном касалось крайне редких упоминаний о них самих и некоторых одиозных фактов — таких, как помощь супругов Розенберг в овладении американскими атомными достижениями, кое-какие «секреты», касающиеся ракет, и не помню, что еще. «Если поднимется слишком большой шум, они не смогут нас прикрыть», — объяснил мне Луи. Таких мест оказалось немного, и отец согласился. (Впоследствии, в 1990 году, Луи и Шехтер на базе этих изъятых кусков издали в США тоненькую — третью — книжку воспоминаний отца под названием «Магнитофонные ленты гласности» — «The Glasnost tapes».)

Подготовку текста Тэлботт вел самостоятельно, ни о каких контактах с ним и мечтать не приходилось. Поэтому американский текст слабо корреспондируется с оригиналом, абзацы исходного текста скомпонованы произвольно, многое, очень многое сокращено. К тому же Луи с Шехтером самовольно дописали несколько страниц о молодости отца, внеся тем самым изрядную путаницу. К примеру, они, не зная имени первой жены отца, «перекрестили» ее из Ефросинии в Галину. А так как это подавалось за текст, надиктованный отцом, получалось, что он забыл имя собственной жены.

Обнаружились и иные курьезы. Просматривая перепечатанный после редактирования свой экземпляр рукописи, я в заметках о Мао Цзэду не обнаружил забавную опечатку. Отец упоминает, что Сталин невысоко оценивал теоретическую подготовку Мао и называл его «пещерный марксист». После перепечатки в английском тексте возник «песчаный марксист». Я посмеялся и при встрече рассказал об этом Виталию Евгеньевичу. Каково же было мое удивление, когда он хлопнул себя по лбу и стал дико хохотать. Оказывается, Тэлботт обратился к нему за разъяснениями, как в России трактуется термин «песчаный марксист». В литературе он такого не встречал. Луи не знал, что ответить, и тут же придумал, что это означает нестойкий, колеблющийся, стоящий на песке.

Но в те годы мы ничего, почти ничего не знали о происходивших в Америке событиях. Отец продолжал диктовать, Лора печатала, я редактировал.

Несмотря ни на что, в душе я очень надеялся, что к последнему средству — публикации книги на Западе — прибегнуть не придется.

Лето у отца было занято сельскохозяйственными работами, они практически поглощали все время. На мемуары времени оставалось мало, да и братья за них отцу не хотелось. Для такого дела нужен настрой, желание. А сейчас при одной мысли о мемуарах всплывала физиономия Кириленко, слышались его слова. Однако «доброжелатели» не дремали. Поскольку из разговора с отцом ничего не вышло, решили действовать иначе: взялись за его детей и их семьи, начав с семьи Аджубеев.

Алексея Ивановича Аджубея, который теперь работал заведующим отделом в журнале «Советский Союз», вызвали куда-то и предложили

покинуть Москву, перейти на работу в одно дальневосточное издательство. Алексей Иванович испугался и ударил во все колокола: он заявил, что никуда не поедет и немедленно напишет жалобу генеральному секретарю ООН. Угроза неожиданно возымела действие. К нему больше не приставали. Видимо, с ним побеседовали и по другим вопросам. Во всяком случае, с тех пор он стал общаться с отцом еще реже. Несколько раз заводил разговор о мемуарах, причем мнение его диаметрально противоположное: теперь он считал работу над воспоминаниями бесполезным и ненужным занятием, утверждая, что дела отца говорят сами за себя и никаких дополнительных разъяснений не требуется. Отец отмалчивался или отделивался ничего не значащими нейтральными ответами. Обращался Аджубей и ко мне — с предложениями уговорить отца больше мемуарами не заниматься. Я не согласился, ответив, что мемуары важны и для истории, и для самого отца.

Не обошли «вниманием» и меня. Об этом расскажу поподробнее.

Я уж не упоминал, что работал в ОКБ-52 — организации, занимавшейся ракетной техникой. Работа мне нравилась, нравился и мой шеф — академик Владимир Николаевич Челомей. В тот период я вел раздел систем управления в нескольких проектах. Дел было много, но я выкраивал любую свободную минуту для работы над мемуарами отца. Папку с очередной порцией листов, нуждавшейся в правке, постоянно таскал с собой.

Вскоре после беседы Кириленко с отцом у меня в кабинете раздался звонок, и незнакомый голос сообщил:

— Сергей Никитич, с вами говорят из управления кадров Министерства приборостроения. Нам сообщили, что вы переходите на работу в Институт электронных управляющих машин нашего ведомства. Зайдите к нам, мы уладим все формальности.

Я ничего не понял.

— Вы, видимо, ошиблись, я никуда переходить не собираюсь, — ответил я.

— Не знаю, не знаю. У меня лежат переводные документы на вас, — продолжал мой собеседник. — Впрочем, это ваше дело. На всякий случай запишите мой телефон, — и он продиктовал номер.

Я не знал, что и думать. Ситуация была неприятная. Владимир Николаевич Челомей сильно переменялся ко мне за последние годы: с одной стороны, старался сохранить дружеские отношения, с другой — хотел, чтобы в КБ посторонние видели меня меньше. Он даже как-то сказал мне в припадке откровенности: «Ты им не попадайся на глаза. Сиди в своем КБ, а в смежные организации не езди».

Первым, кого я встретил после странного телефонного разговора, был заместитель Челомея по кадрам Евгений Лукич Журавлев. Я тут же рассказал ему все.

— А я только собирался высказать тебе все, что думаю о твоём предательстве, — вдруг сказал Евгений Лукич. — У меня лежит запрос на твой перевод. Я думал, ты все это «обтяпал» за нашей спиной. Доложил Владимиру Николаевичу, и он приказал поговорить с тобой.

Это была уже явная ложь. Впоследствии я узнал, что за некоторое время до описываемых событий к Челомею приходили по мою душу представители органов, предположивших, что в силу известных обстоятельств я обижен, и поэтому, мол, хорошо бы меня перевести на работу, не связанную с секретной тематикой. Если был Челомей ответил, что это чепуха и я необходим в КБ, разговор этот остался бы без последствий. Во всяком случае, так мне позже объяснили осведомленные люди.

Но Челомей поступил иначе. Появилась возможность избавиться от меня — ведь при его разговорах с Брежневым и Устиновым мое имя всегда могло всплыть (они прекрасно знали и меня, и где, и над чем я работаю) и вызвать неудовольствие.

Ничего этого я тогда не знал и сказал Журавлеву, что никуда не собираюсь и даже мыслей таких не имею. Тут же я поднялся на шестой этаж к Челомею. Владимир Николаевич внимательно выслушал меня и не стал утверждать, будто ничего не знает.

— Это все Устинов. Он тебя не любит, — сел он на своего любимого конька. (Устинова он ненавидел, и тот платил ему той же монетой.) — Это все его дела. Мне уже о тебе звонил Сербин: спрашивал, когда ты уходишь. Ты не представляешь, насколько он низкий человек, способен на любую гадость.

Я не понял, кого он имел в виду — Устинова или Сербина, но хорошо знал привычку Владимира Николаевича в подобных выражениях характеризовать многих, с кем ему приходилось общаться, и не придал его словам серьезного значения.

Я был растерян и ждал от него помощи.

— Что же мне делать? Я совсем не хочу никуда переходить.

— Знаешь, — в раздумье протянул Челомей, — напиши письмо Леониду Ильичу. Кроме него, никто ничего не сделает. А он тебя знает и всегда тепло к тебе относился.

Совет был безукоризнен: Челомей оказывался «вне игры». Если Брежнев вдруг сообразовал оставить меня в ОКБ, мое будущее санкционировано свыше, и Челомей может не беспокоиться о себе. Ну, а на нет и суда нет... Владимир Николаевич сослался на срочный вызов к министру и ушел. Я остался со своими раздумьями. Писать Брежневу, особенно после стычки отца с Кириленко, мне очень не хотелось — и бесполезно, и противно. Решил не предпринимать никаких действий по своей инициативе — авось забудется.

Прошло две недели, и мне позвонил Журавлев:

— Ну так что? Что будешь делать? Мне тут звонили...

— Я, собственно, ничего не делал...

— Зря. Тебе предоставили время на принятие решения. Сейчас пора действовать. Надо тебе съездить в ту организацию.

Я решил предпринять последнюю попытку:

— Лукич, а что ты будешь делать, если я откажусь и никуда не пойду? Ведь по закону меня не за что увольнять.

— Напрасно теряешь время. Мы с тобой старые друзья, но я должен выполнять приказы руководства. А законов много. Например, можно

сократить твое КБ за ненадобностью или в связи с реорганизацией. Вот ты и окажешься не у дел. Мой совет: или прими предложение, или прими меры. Время работает не на тебя.

— Спасибо за совет. А ты не можешь связать меня с тем, кто дает тебе указания?

Через полчаса Журавлев сообщил мне номер телефона, назвал фамилию. Из первых цифр было видно, что это номер КГБ, а не нашего министерства. Мой разговор с невидимым собеседником был коротким, ничего нового он сообщить не мог. Я только спросил, что делать, если предложенная организация мне не подойдет. Могу я устроиться куда-нибудь еще?

Я наивно полагал, что смогу перейти на «фирму» к кому-нибудь из знакомых главных конструкторов по профилю своей работы — Пилюгину, Кузнецову, Петелину.

Мне было сказано, что других вариантов не существует. Если предложение не подойдет, мне ничем помочь не смогут. Я положил трубку. Оставалось или подчиниться, или обращаться на самый верх.

В тот же день меня вызвал Челомей:

— Ты связался с Леонидом Ильичом?

— Нет еще. Пытался разобраться, не прибегая к его помощи. Очень уж не хочется ему писать.

— Напрасно. Кроме него, тут никто ничего не сделает. Мне уже дважды звонил Сербин. Я выкручиваюсь как могу, но чувствую, что скоро его терпению придет конец.

Выхода не было, и я вечером написал короткое обращение на имя Генерального секретаря с изложением фактов и просьбой оставить меня на старом месте работы, где я как специалист могу принести наибольшую пользу. Разузнав телефон, я позвонил помощнику Брежнева — А.М. Александрову-Агентову. Я не очень разбирался в обязанностях его помощников и не знал, что Александров занимался международными делами.

Александров сам взял трубку и, выслушав меня, предложил зайти в удобное для меня время. Сговорились встретиться следующим утром. Принят я был чрезвычайно любезно. Александров сказал, что в ближайшее время доложит «самому» и надеется, что все образуется.

— Вы позвоните через пару дней, — обнадеживающе закончил он разговор.

Я несколько успокоился. Такой оперативности, признаться, я не ожидал. Очевидно, думал я, поскольку Брежнев раньше много занимался нашими делами, он хорошо знает и наше ОКБ, и меня. Наверное, все образуется. Я «услужливо» забыл разговор у Кириленко и то, что после 1964 года Брежнев стал совсем другим.

Через два дня Александров, помявшись, сказал мне по телефону, что он доложил мою записку, но Леонид Ильич заниматься существом дела не стал, а сказал: «Это дело Устинова. Пусть он и решает».

— Вы позвоните Дмитрию Федоровичу, вот телефон его помощника, — закончил разговор Александров.

Устинову я звонить не стал. Такой ответ Брежнева означал однозначный и пренебрежительный отказ. О том, что с Устиновым наша организация, а следовательно, и я были не в лучших отношениях, Брежнев прекрасно знал.

Рассказав все Челомею и выслушав, как я понимаю теперь, его не совсем искренние соболезнования, я набрал продиктованный мне номер телефона директора организации, где мне отныне предстояло работать, Бориса Николаевича Наумова.

Секретарь соединила меня мгновенно. В ответ на мои сбивчивые объяснения Наумов дружелюбно сказал, что ему все известно и он обо мне наслышан, а потом выразил уверенность, что я найду себе дело по душе. Предложил приехать. Через два часа я подъезжал к своей будущей рабочей обители. Через проходную прошел в небольшой двор, в котором одиноко стояло пятиэтажное школьное здание. После гигантской территории нашего ОКБ и его многочисленных многоэтажных корпусов организация выглядела затрапезно.

На втором этаже полная белокурая секретарь приветливо улыбнулась:

— Сергей Никитич? Борис Николаевич ждет вас. Проходите.

В кабинете меня встретил большой, весь как бы состоявший из улыбки, человек. Он излучал благодущие. Я стал рассказывать, стараясь быть покороче.

— Подождите, — перебил он меня, — если можно, поподробнее. Я много слышал о вашей деятельности. — И скомандовал секретарю в переговорное устройство:

— Любочка, чайку и ни с кем не соединяйте. Ни с кем.

За чаем мы проговорили часа два. Я рассказал о себе, о Челомее, кое-что о работе. Что можно. Наумов был весь внимание и любезность. Задавал вопросы, уточнял — видно было, что все это ему чрезвычайно интересно. На прощание Наумов посоветовал мне обдумать, какая область научной деятельности мне больше по душе — он возьмет меня в подразделение, которое я выберу, на должность заведующего отделом.

— Такое указание я получил, — уточнил он.

Решили встретиться через пару дней. Так я начал работать в Институте электронных управляющих машин. В силу склада характера и обстоятельств я постепенно снова оказался в гуще событий. Отрадным было то, что через год из ОКБ ко мне перебрались несколько моих коллег, с помощью которых удалось создать боевой коллектив.

Все эти бурные события отвлекли меня от помощи отцу в работе над мемуарами, но лето 1968 года оказалось непродуктивным и у него. Пришла осень, и отец опять приступил к диктовке. Дело шло туго, он выбился из ритма, забыл, о чем намечал рассказать. Опять мы вернулись к плану, составленному вначале. Выбирали тему на неделю, а в следующий выходной подводили итог.

Сначала отец сердился, отвечал на мои расспросы о том, что надиктовано за истекшую неделю, привычным «не приставай!». Но постепенно снова увлекся, работа оживилась, и надобность в моих приставаниях отпала.

1969 год наступил мирно. «Наверху» о нас, казалось, не вспоминали. Отпор, встреченный Кириленко, возымел свое действие, и с отцом, видимо, решили не связываться. Все шло по установившемуся распорядку — работа над мемуарами, огород, прогулки, фотографирование, опять мемуары, телевизор, чтение. И так изо дня в день. Весной отец работал уже так же интенсивно, как в позапрошлом году, когда мемуарная эпопея только начиналась.

Но оказалось, что успокоились мы напрасно. Мемуары отца не выпадали из-под бдительного наблюдения. Летом произошло событие, внешне, казалось, никак не связанное с темой этого повествования, но в силу ряда обстоятельств вдруг вмешавшееся в работу над мемуарами и оказавшее серьезное влияние на нашу дальнейшую деятельность.

Моя младшая сестра Лена с детства тяжело хворала. Еще ребенком, вернувшись с юга, она заболела системной волчанкой — тяжелым, непонятным современной медицине и неизлечимым недугом.

Чего только не предпринимали мама и отец! Обращения и к светилам науки, и к народной медицине не дали результатов — болезнь прогрессировала.

Во второй половине 60-х годов состояние Лены серьезно ухудшилось. Она уже не могла работать, с трудом ходила. Однако мужество и оптимизм помогали ей возиться на даче с пчелами, цветами. Летом после очередного обострения Лену увезли в больницу. Болезнь вступила в новую грозную стадию — свело руки, она не могла ходить. Положение было очень тяжелым. Московские светила — и академик Тареев, и профессор Смоленский, и профессор Насонова — давно наблюдали сестру, лечили ее, но улучшения не было.

Лева Петров, проработавший несколько лет корреспондентом АПН в Канаде и уверовавший в западную медицину, предложил проделать анализы за границей — вдруг там существуют диагностика и лечение, о которых мы и не подозреваем. Лечащие врачи отнеслись к этой идее скептически, но не возражали. Они знали: положение безнадежное, а в такой ситуации принято давать родным полную свободу. Встал вопрос, как реализовать идею практически. Тут представился случай.

Повстречавшись в те дни со своими друзьями Володией Барабошкиным и будущим академиком-математиком Ревазом Гамкрелидзе, я посетовал на возникшую проблему. Немного подумав, Реваз предложил:

— По-моему, выход есть. Сейчас в Москве гостит делегация американских математиков. Я поговорю с ними — может быть, кто-то из них возьмет на себя труд договориться об анализах в одном из госпиталей в Америке.

И хотя мне совсем не хотелось связываться с иностранцами — я бы предпочел, чтобы эту миссию взял на себя кто-нибудь из своих, но выбирать не приходилось. Через несколько дней Гамкрелидзе принимал американских гостей у себя дома. Был приглашен и я. Там я познакомился с доктором Стоуном. «Этот человек может тебе помочь», — сказал Реваз.

Мы разговорились. Стоун, оказывается, был близок к покойному президенту Кеннеди, тепло отзывался об отце. Реваз уже рассказал ему о

проблемах, и он был готов не только взять на себя хлопоты с анализами, но и вызвался разыскать и, более того, попробовать прислать в Москву врача, специалиста по коллагенозам — так по-научному называлось заболевание моей сестры. Перед отъездом доктор Стоун забрал материал для анализа и обещал вскоре позвонить.

Через пару недель он сообщил, что один из крупных американских специалистов в этой области (я забыл его фамилию) сейчас находится в Европе. Стоун договорился с ним, что в случае предоставления ему туристской визы он заедет в Москву. Вопрос надо было решать быстро, в течение одного-двух дней. Поездка американского медика по Европе подходила к концу. Из Вены он собирался возвращаться домой.

Честно говоря, до этого звонка я не принимал всерьез разговора о приезде иностранного врача, это не укладывалось в привычное восприятие советского гражданина, сообщение обрушилось на меня как снег на голову. Первым позывом было поблагодарить и отказаться, но я вспомнил, что это, может быть, последний шанс, и решился...

Но как мне организовать в сегодняшнем своем положении визу? Да еще за пару дней? Правильное решение пришло неожиданно — надо действовать через «верха». Единственный человек, который может помочь, — Андрей Андреевич Громыко. Я не сомневался в его порядочности, но не сбрасывал со счетов и его крайнюю осторожность.

Мы жили в одном доме. Тоже немаловажное обстоятельство, облегчающее возможность встречи. Набравшись смелости, вечером я позвонил ему домой и попросил разрешения зайти по очень важному делу.

Конечно, мой звонок удивил его, и вряд ли просьба о встрече его обрадовала, но внешне это никак не проявилось. Он спокойно и благожелательно, как будто переговаривались за эти годы не раз, предложил зайти прямо сейчас. Я спустился на этаж, где он жил. Громыко принял меня в холле своей большой квартиры. С ним была его жена, Лидия Дмитриевна.

Я коротко изложил суть дела. Андрей Андреевич хорошо знал нашу семью, был осведомлен и о болезни сестры. Мою просьбу он воспринял положительно:

— Ну что же, это дело гуманное. Я постараюсь помочь. Позвони мне завтра.

Лидия Дмитриевна, постоянно оберегающая его от возможных неприятностей, вставила:

— Андрюша, сам ты этого вопроса решить не сможешь. Это надо согласовать.

Андрей Андреевич не отступился и повторил:

— Позвони мне завтра.

Он лучше знал, как это делается и что, и с кем надо согласовывать.

Аудиенция закончилась.

Назавтра я позвонил ему в МИД. Я не ошибся в Громыко, в его человеческих качествах — еще до моего звонка вопрос был решен положительно, и телеграмма о выдаче визы американскому профессору ушла в Вену.

Однако дело сорвалось. Врач, видимо, испугался поездки в незнако-

мую Москву. Как бы там ни было, от визы он отказался и отбыл из Вены домой. Обо всем доложили Громыко, и, когда я дозвонился ему со словами благодарности, он сказал, что готов помогать, если понадобится, в этом деле и в будущем.

Как мне рассказали впоследствии, Громыко по собственной инициативе дал телеграмму послу в США А.Ф. Добрынину с просьбой оказать содействие, если к нему обратятся по поводу визы для американского врача. Он сделал много больше того, о чем я его просил.

Я позвонил Стоуну в США и рассказал о случившемся. Он не унывал. Заверил, что найдет новое решение.

— Я был в вашем посольстве, там обещали отнестись благоприятно. Это главное, — закончил он.

О телеграмме Громыко мы тогда не знали. Через несколько дней опять позвонил Стоун: Харвей — крупнейший в мире специалист в области коллагенозов, был личным врачом Джавахарлала Неру. Готов поехать в Советский Союз. Приедет с женой. У него умерла теща, жена очень переживает, и они будут рады сменить обстановку.

— Вопрос с визой улажен. В вашем посольстве мне сказали, что выдадут ее без задержки. В качестве гонорара тебе придется оплатить проезд и его пребывание в Москве, а также обеспечить культурную программу, — закончил Стоун.

Я с радостью согласился. Формальности быстро уладились, и в конце октября я встречал в Щереметьеве невысокого худенького доктора Харвея и его супругу. Разместились они в гостинице «Националь».

Неожиданно возникли осложнения с консилиумом — Тареев и Смоленский уклонялись от встречи с американцем, с большим трудом их удалось уговорить. После внимательного опроса и оценки всех имеющихся результатов — наших и американских — профессор Харвей пришел к тому же медицинскому заключению, что и советские врачи, и с того момента отношения между ними заметно улучшились.

Американский специалист несколько приободрил нас, он считал, что положение не такое уж тяжелое, подтвердил, что болезнь еще можно сдерживать и Лена, возможно, проживет до глубокой старости. К сожалению, заболевание неизлечимо, его не вылечивают ни в Америке, ни в Европе.

Лена не дожила до глубокой старости. Она умерла через три года — летом 1972 года. Ошибался профессор или успокаивал нас, следуя медицинской этике, сейчас уже не узнаешь.

После первого консилиума были назначены дополнительные анализы, а получение их результатов — новая встреча. Харвей попросил дополнительно прислать пробы крови сестры в его лабораторию в США — там есть возможность воспользоваться современнейшими приборами, получить новые, более точные результаты. Однако по выражению его лица было видно, что ничего нового он не ждет. Для него все было ясно.

Не скрою, я был несколько разочарован и обескуражен — столько хлопот, фантастических усилий, а чуда не произошло. Профессор лишь подтвердил то, что мы слышали раньше.

Культурная программа сложилась удачно. Гости посетили театры, музеи, Дворец съездов, Оружейную палату, дня на два съездили в Ленинград, через канцелярию патриарха удалось организовать экскурсию в Загорск.

Приставленная к ним Интуристом переводчица никак не могла понять, кто мы такие. Я и муж Лены — Витя — старались не оставлять гостей одних. Особое ее недоумение вызывало, когда мы время от времени увозили их куда-то — ездили на консилиумы. Видимо, эти поездки казались ей подозрительными.

Пребывание Харвеев в Москве подходило к концу. Отец, отдавая дань вежливости, пригласил их в гости. Посоветовавшись с Витей — отца мы об этом не спрашивали, — решили на дачу переводчицу не брать. Никаких особых соображений не было, просто не хотелось тащить в дом постороннего человека.

В тот день, придя утром в гостиницу, мы сказали переводчице, что забираем гостей на весь день, и она свободна. Она обиделась, но мы не придали этому значения. В соответствии с намеченной программой сначала поехали в Архангельское, осмотрели дворец. Пообедали в местном ресторане. Только тут мы сообщили Харвеем, что неподалеку расположена дача Хрущева и он хотел бы повидаться с ними, если они не возражают. Предложение было с благодарностью принято.

По случаю приезда гостей отец переоделся в пиджак. Таким мы его давно не видели, обычно он ходил в домашней куртке. Встретил он гостей радушно. Видно было, что Харвей произвел на него благоприятное впечатление, и ему приятно его принимать в своем доме. Мама пригласила всех к столу — к приезду гостей приготовились. Мы этого не учли, так что пришлось обедать во второй раз.

За столом речь шла не только о медицинских делах. Отец сначала поблагодарил Харвея за согласие приехать в Москву для консультации. Затем традиционно речь зашла о русской зиме — на дворе лежал глубокий снег. Как и следовало ожидать, дальше беседа перешла на советско-американские отношения. Отец вспомнил о своих визитах в США. С теплотой отзывался о стране и ее народе. Рассказал о встречах с президентом Эйзенхауэром. Беседа была непринужденной. По торжественному случаю отец позволил себе даже выпить с гостями рюмочку коньяку за дружбу между нашими народами.

У отца были две любимые рюмки — одна высокая, узенькая, граммов на пятнадцать, я помню ее еще по Киеву, а другая большая, солидная. Ею он любил похвастаться, так же как и немецким чайным стаканом с ручкой. Внутри она была заполнена стеклом, и для жидкости оставалось несколько миллиметров наверху. Издали рюмка выглядела налитой до краев. Эту рюмку ему подарила в один из приездов в гости к нам на дачу жена американского посла Джейн Томпсон, сказавшая, что господину Хрущеву часто приходится бывать на приемах, и эта рюмка очень удобна, когда приходится часто поднимать бокалы. Отец нередко пересказывал эту историю, демонстрировал рюмку. Не обошлось без этого и на сей раз.

После обеда все вышли на крыльцо, уже темнело. Харвей хотел воспользоваться последним светом уходящего дня и сделать снимки на память. Фотографировались мы и за столом.

Естественно, что в разговорах ни словом не упоминались мемуары. Харвей о них просто не знал, а отцу такое не могло прийти в голову. Уже затемно мы вернулись в гостиницу. Гости были чрезвычайно довольны приемом у бывшего премьера, просили передать самую сердечную благодарность.

Мы и не подозревали, какие тучи сгущаются над нашей головой.

Пребывание в Советском Союзе Харвеям пришлось по душе. Мадам пришла в себя, повеселела. Приближался праздник 7 ноября. Еще с первых дней я уговаривал их задержаться на пару дней, посмотреть парад и демонстрацию, и они в конце концов решили перенести отлет с шестого на восьмое ноября. Аэрофлот без хлопот переоформил билеты.

О том, что гости уезжают шестого, знали все.

Рассказал я об этом и Луи, точнее, при очередной встрече вскользь упомянул, что приехал американский профессор, пробудет до шестого ноября, в эти дни я буду занят, и мы не увидимся. Упомянул и забыл. Перенос же отъезда прошел незамеченным. Да и кого, считал я, это могло интересовать — днем раньше, днем позже. Естественно, об их задержке я ничего не сказал и Луи, мне было не до него, да и какое ему дело до отъезда американского профессора? Оказалось, однако, что этим двум дням была уготована особая роль.

Билеты на Красную площадь для Харвеев достать не удалось, но я их успокоил — окна «Националя» (там разместились наши гости) выходят на улицу Горького, и мы увидим почти все, не выходя из номера. Я собирался принести портативный телевизор, по нему мы могли следить за событиями на Красной площади. (В те времена далеко не во всех гостиничных номерах имелись телевизоры.)

В гостиницу в день праздника нужно было попасть рано, до семи утра, потом без пропусков было не пробиться. У меня с собой набралось много вещей: кроме телевизора еще два самовара: наши сувениры Харвеям и Стоуну. По случаю праздника все сидели по домам, занят был и Витя. Мне вызвался помочь приятель. В последний момент я захватил с собой и какую-то книгу, чтобы на случай, если гости спят, почитать в холле.

Харвеи нас уже ждали. Мы выпили кофе и стали рассматривать самовары, но в этот момент пришла дежурная и предупредила, что во время парада в номере находиться нельзя и надо покинуть гостиницу и выйти на улицу. Объясняться она не стала, но мы особо не расстраивались — настроение было праздничное. Все отправились смотреть парад к крыльцу гостиницы. Простояли на холоде довольно долго и замерзли. После военного парада можно было вернуться в свои номера. Харвеи были очень довольны, оживленно обменивались впечатлениями, шутили. Мистер Харвей рассказывал о своих впечатлениях, предвкушал, какие интересные снимки из России он сможет показать своим друзьям дома. Чтобы согреться, заказали в номер бутылочку армянского коньяка, какую-то закуску. Включили телевизор. Было уютно и мирно. Вскоре пред-

стояла последняя встреча доктора Харвея со своей пациенткой, последние советы. Вечером наши гости собирались в Большой театр, а завтра — домой.

— Всем оставаться на своих местах!!! У нас есть сведения, что вы занимаетесь деятельностью, наносящей ущерб Советскому государству! Не двигаться!!! — услышали мы грубый окрик.

Через широко распахнувшиеся двери в номер влетели несколько мужчин. Их сопровождала женщина-администратор. Старший предъявил удостоверение сотрудника КГБ на имя Евгения Михайловича Расщепова. Уже более спокойно он повторил:

— В связи с вашей антигосударственной деятельностью мы должны провести у вас обыск. Предъявите документы и оставайтесь на своих местах.

Ордера на обыск предъявлено не было. Я о такой необходимой формальности забыл, а Харвеи просто не знали, какие у нас правила. Подтверждались самые мрачные рассказы о порядках в Советской России — наверное, в этот момент они пожалели, что согласились на это путешествие.

Профессор пришел в себя раньше других и вежливо, но твердо потребовал, чтобы ему позволили связаться с посольством Соединенных Штатов. В просьбе было решительно отказано.

Нас поставили лицом к стене, обыскали. Вытащили из карманов все личные вещи, внимательно их осмотрели. Затем начали тщательный обыск гостиничного номера и багажа наших гостей.

Придя в себя, я поинтересовался, что же они ищут. Расщепов не удостоил меня ответом.

Переворошили кровати, чемоданы, перерыли все шкафы, тщательно исследовали унитаз, перелистали принесенную мной книгу. Заинтересовались телевизором, хотели его разобрать. Я это делать отказался, а сами они не решились, удовлетворившись внимательным исследованием содержимого через решетку в корпусе. Решительности у незваных гостей не убавилось, а человек, шаривший в унитазе, зло бросил:

— Нет ничего. Опоздали. Успели передать.

Зазвонил телефон — это могли звонить по поводу билетов в Большой театр или мама, с которой Харвеи должны были встретиться.

— Не двигаться, трубку не снимать, — рявкнул Расщепов. Сам он тоже к телефону не подошел.

Тут ожил мой приятель:

— А это не то, что вы ищете? — Он показал на какую-то бумажку, торчавшую из замочной скважины в двери.

Расщепов свирепо посмотрел на него.

— Я же не знаю, чего вы ищете. Хотел помочь, — оправдывался мой друг.

Наконец Расщепов соизволил ответить на мой вопрос. Указывая на Харвея, он сказал:

— Этот человек — агент ЦРУ. Он занимается шпионской деятельностью, — многозначительно поведаль он.

Самое интересное, что я поверил!.. Не до конца, но поверил.

Обыск закончился, разумеется, безрезультатно, если не считать отобранных у гостей фотопленок, которыми так дорожил доктор Харвей. Наши неожиданные «посетители» чувствовали себя уже просто неудобно, тон резко изменился. Расщепов принес свои извинения. Сказал, что они только выполняли свой долг. Затем пригласил всех сесть у стола и начал что-то писать. В результате на свет родилась короткая расписка, в которой говорилось, что мы, такие-то и такие-то, не имеем претензий к органам госбезопасности в связи с произведенным обыском.

Мы с приятелем были ошеломлены случившимся и в то же время счастливы, что все «благополучно» кончается, и согласно кивнули. Вслед за нами неохотно согласились и американцы.

Расщепов попросил меня переписать расписку своей рукой. Я механически подчинился. Все расписались. «Гости» удалились. Меня Расщепов потянул за собой в коридор:

— Вы понимаете, мы выполняли свой долг. Это опасные люди, — повторил он.

Я кивнул.

— Пленки, если на них нет ничего недозволенного, мы вернем им завтра проявленными, а вам я позвоню на днях. — Голос его стал тверже. — Прошу вас не приглашать их ни под каким видом к себе домой. До свидания.

Я вернулся в номер. Приятель мой торопливо попрощался и ушел. Подавленные, мы уселись вокруг стола. Не знаю, кто из нас был расстроен больше. Я стал успокаивать Харвеев, плести, что-де у всех бывают ошибки. Службы должны выполнять свои задачи, но могут и ошибаться.

Видимо, мои слова звучали не очень убедительно. Да и вид, думаю, оставлял желать лучшего. Харвей, в свою очередь, стал успокаивать меня:

— Господин Хрущев, я проработал несколько лет в Перу. Видел там и не такое. Вы не переживайте. Я понимаю, вы не хотели бы огласки, ручаюсь вам, я не буду дома делать никаких сообщений для прессы.

Огласки я действительно не хотел и благодарно улыбнулся. Постепенно мы успокоились, но Харвею не сиделось в номере.

— Мне противно прикасаться к этим вещам. Давайте уйдем отсюда. И ваша мать и сестра... Ужасно, что им надо прийти сюда. Давайте перенесем встречу к вам на квартиру, — попросил он.

Я помнил прощальные слова Евгения Михайловича: «Ни под каким видом...» Нарушить запрет я не посмел, а потому промямлил:

— У меня там не прибрано, и мама собиралась приехать сюда. Давайте не менять планы.

Он все понял, грустно улыбнулся одними глазами.

До приезда мамы мы просидели молча. Каждый думал о своем. Последние разговоры с мамой и Леной прошли скромно, во всяком случае, мне так показалось. Мысли мои были заняты недавним происшествием. О «гостях» мы не говорили. Не рассказывал я об их визите и потом, не желая зря волновать близких, неприятностей и так хватало. И отец, и мать, и сестра ушли из жизни, так и не узнав о происшедшем тогда.

Перед расставанием Харвей напомнил, что хорошо бы сделать в его лаборатории еще один анализ крови, и попросил переслать кровь с оказией.

Наутро мы с Витей провожали гостей. Пленки, как и обещал Расщепов, Харвеям утром вернули проявленными, «испортив» только одну, отснятую на даче у отца. Хозяйственный и педантичный Витя тщательно запаковал самовары, чтобы они выдержали неблизкую дорогу.

Но на таможне...

На таможне чемоданы Харвеев вывернули буквально наизнанку. Их начали трясти в общем зале, потом американцев увели куда-то, наверное, для обыска. В старом Шереметьевском аэропорту всю процедуру досмотра было хорошо видно через решетчатую загородку, разделяющую зал. Самовары нам вернули, сказав, что без сертификата Министерства культуры их не выпустят. Необходимо заключение о том, что они не представляют художественной ценности.

Издерганные и измученные, Харвеи наконец вздохнули с облегчением и, помахав нам на прощание, отправились к самолету. Для них «русское приключение» кончилось. Теперь дома они смогут все это в красках описывать друзьям, сравнивая полицейские приемы в Южной Америке с российскими. А у нас оставались незаконченные дела, проблемы: надо было найти способ передать Харвею кровь на анализ.

Сначала все казалось простым. В начале декабря в Вашингтон улетал Юлий Воронцов, советник-посланник нашего посольства в США. Я с ним был в некоторой степени знаком. Воронцов охотно согласился выполнить мою просьбу. Тем более что он принимал участие в организации поездки Харвеев в Москву.

Неожиданно возникли осложнения. Жена Воронцова, Фаина, встревоженно и удивленно сказала мне буквально накануне отъезда мужа:

— Небывалое дело! Нас специально собрали в МИДе и предупредили: ни у кого не брать передач в Штаты. Не знаю, что и делать.

Правило, запрещающее перевозить посылки от третьих лиц, существовало всегда, но на него обычно смотрели сквозь пальцы. В чем тут дело, мне, в отличие от Фаины, стало понятно сразу, — ведомство Расщепова ставило новый барьер. Имелись в виду не передачи от третьих лиц, а конкретно от меня, поскольку анализ крови, считали они, мог быть только предложом, а там...

Мне все же удалось убедить Воронцовых. Термос с кровью они взяли, и он попал по назначению.

Через несколько дней я созвонился с Харвеем. Он сказал, что ничего нового не нашел. Результаты анализа он выслал по почте. Больше пути наши не пересекались. Однако отголоски визита Харвеев мы чувствовали еще долго.

Дозвониться до США мне не удавалось: буквально на следующий день автоматический набор номера при международных переговорах перестал действовать, а московская телефонистка день за днем меланхолично извещала меня, что все линии на Америку заняты и когда освободятся — неизвестно. Догадавшись, в чем дело, я прекратил свои попытки.

Результатов анализов я, конечно, не получил. Видимо, они хранятся в КГБ в моем досье.

Вскоре был пущен слух (его отзвуки возникают и по сей день), что за свой визит в качестве гонорара Харвей запросил с отца мемуары. Тот якобы согласился. Правда, опубликованные на Западе (и на Востоке) книги содержат тексты, относящиеся и к периоду уже после отъезда Харвея, но это обстоятельство, вероятно, показалось возможным не принимать во внимание.

Версия, что хитрый Хрущев обманул всех, воспользовавшись болезнью Лены и доверчивостью окружающих с целью переправить мемуары за рубеж, долго еще имела хождение в определенных кругах.

Не вызывает сомнения, что все происшедшее не случайность и не результат рутинной подозрительности КГБ ко всем иностранцам. Ключом к отгадке служит день обыска. В тот момент, когда Расщепов со своей командой ломился в двери номера Харвеев, согласно первоначальному плану, они должны были уже находиться вне досягаемости — лететь домой.

Напрашивается вывод, что информацию в КГБ «одновременно» подбросил кто-то, кто знал о дате вылета, но не знал о ее переносе. Какую цель преследовал донос? Если его принимали к сведению, появился простой ответ на вопрос: как мемуары отца попали за рубеж. Ответ, не поддающийся проверке.

В подобном объяснении нуждались все: и те, кто на самом деле переправлял материалы, и те, кто их прикрывал. Верхам КГБ оно давало официальную возможность не начинать расследование или хотя бы вовремя его прекратить. Кто персонально автор этой авантюрной затеи, я с абсолютной точностью сказать не могу.

В конце декабря я встретился с Евгением Михайловичем Расщеповым. Он еще раз предупредил меня, что и Стоун, и Харвей — матерые разведчики. Если я замечу с их стороны что-нибудь подозрительное, то должен немедленно сообщить ему, для чего оставил свой телефон.

Ноябрьские происшествия доставили много неприятностей не только нам, но и тем, кто помог пригласить Харвея, и совсем посторонним людям. Академика Гамкрелидзе перестали выпускать за рубеж, а Стоуна — пускать в Советский Союз. Только с началом перестройки эти запреты были сняты, и я с удовольствием прочитал в прессе, что на приеме у Михаила Сергеевича Горбачева в числе других американских ученых был и доктор Стоун. Времена переменялись, и он перестал считаться «матерым агентом ЦРУ».

До меня дошла информация, что пострадали ни в чем не повинные люди в нашем посольстве в Вашингтоне, содействовавшие оформлению въездных документов Харвеев. Думаю, досталось и Андрею Андреевичу Громыко — ведь это он санкционировал приглашение врача. У меня не было возможности оправдаться перед ним. И это меня огорчает по сей день.

Мои знакомые, в то время служившие в органах госбезопасности, были оттуда уволены, хотя ни о Стоуне, ни о Харвее они слыхом не слыхивали. Правда, их пристроили на неплохие места в другие ведомства.

Хочу принести всем этим людям мои запоздалые извинения.

Самовары по назначению так и не попали. Витя долго не мог получить сертификат, его муржили, гоняли из кабинета в кабинет. При очередной встрече с Расщеповым я упомянул вскользь о Витиной одиссее с отправкой в Америку самоваров. Его реакция была для меня неожиданной, он весь посерел и зло бросил: «И дались вам эти самовары. Что вы так рветесь отправить их своим американцам?»

Стало ясно, что уверенность, будто это не простые самовары, сохраняется. В Америку им не попасть. Чего уж боялись наши опекуны, я не догадался. Может быть, они подозревали, что в них упрятаны микропленки...

...В 1969 году мемуары стали осязаемыми. Это были уже не отдельные листки или главы. У нас в руках была отредактированная мною рукопись объемом около 1000 машинописных страниц, охватывающая период от начала 30-х годов до смерти Сталина и ареста Берии. К ней примыкали описания отдельных эпизодов жизни и работы отца: Карибский кризис, XX съезд КПСС, Женевская встреча, размышления о Генеральном штабе, о военных мемуарах, о взаимоотношениях с Китаем и некоторые другие. Все это умещалось в нескольких папках.

Летом 1969 года отец еще раз перечитал отредактированные мной материалы, сделал новые замечания. Далеко не все ему понравилось — особенно литературная сторона.

Я решил найти настоящего писателя, который взялся бы за литературную обработку. Труд был большой, рискованный, и далеко не каждый готов был за него взяться.

Я дружил с известным сценаристом Вадимом Васильевичем Труниным. И как-то рассказал ему о возникших трудностях. Он предложил взять на себя литературную обработку, заметив, что, хотя это огромный труд и такая работа оплачивается очень дорого, сделает ее бесплатно. Выход был найден. Я отдал Вадиму выправленный мною экземпляр. Прочитав его, он попросил исходные тексты. Я дал. Мою редактуру Вадим разгромил в пух и в прах. Сказал, что все придется переделывать заново.

Мне было немного обидно, ведь я положил на это столько сил и времени, но понимал, что с профессионалом тягаться трудно. Трунин приступил к работе. А я продолжал править поступающие от Лоры страницы.

Когда я рассказал о своей договоренности с Труниным, отец несколько обеспокоился:

— Ты уверен, что он не агент? Как бы все, что попало к нему в руки, не исчезло.

Я заверил, что знаю Вадима давно — он честный, проверенный человек, мой друг, с симпатией относится к нам. Отец успокоился, положившись на меня.

Замечу, что из нашей работы в те времена я не делал тайны, считая, что поскольку власти знают «благодаря» подслушиванию о диктовке, то нечего разводить конспирацию. С Лорой, которая к тому времени поме-

няла работу, мы регулярно перезванивались, обсуждая по телефону все рабочие вопросы.

В новом, 1970-м, году в жизни отца практически ничего не изменилось. Казалось, о нем забыли. Наряду с другими привычными занятиями, он продолжал диктовать. Правда, здоровье его несколько ухудшилось: он заметно ослабел. Владимир Григорьевич Беззубик, регулярно осматривавший отца, предупредил нас, что у него развился сильный склероз.

— Так можно прожить еще много лет, — произнес он стандартную успокаивающую фразу, за которой обычно следует грозное предупреждение, — а можно умереть в любой момент. Медицина тут бессильна.

Отец к болезням не прислушивался, старался не обращать внимания на недомогания. С приходом весны он приступил к весенним хлопотам: наметил провести от дома вниз, на луг, водопровод, тем самым решив проблему полива огорода. Как и все свои дела, начал он эту работу увлеченно. Целый день таскал трубы, обматывал их льном, мазал краской, свинчивал. Работа приносила ему радость. Шутил, как и прежде: «Моя слесарная профессия пригодилась. Вы так не сумеете. И чему вас учили?»

Мемуары с наступлением погожих дней были почти заброшены.

А тем временем над нашей головой сгустились тучи. Как стало известно только теперь, еще в марте, а точнее 25-го, Андропов направил в Политбюро строго секретную записку. Речь шла о мемуарах отца:

*«В последнее время Н.С.Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну, по таким определяющим вопросам, как обороноспособность Советского государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технические достижения, работа органов госбезопасности, внешняя политика, взаимоотношения между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другие. Раскрывается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро ЦК КПСС. При таком положении крайне необходимо принять срочные меры оперативного порядка, которые позволяли бы контролировать работу Н.С.Хрущева над воспоминаниями и предупредить вполне вероятную утечку партийных и государственных секретов за границу. В связи с этим полагаем целесообразным установить оперативный негласный контроль над Н.С.Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым... Вместе с тем было бы желательно, по нашему мнению, еще раз вызвать Н.С.Хрущева в ЦК КПСС и предупредить об ответственности за разглашение и утечку партийных и государственных секретов и потребовать от него сделать в связи с этим необходимые выводы... *»*

* Архив Президента РФ (АПРФ), Особая папка, Записка КГБ от 25.III.70, № 745-А/ов.

В поведении Андропова многое кажется мне неясным. О передаче копий магнитофонных пленок на Запад он знал с самого начала. И вдруг такой поворот! Видимо, происшедшее с Харвеями испугало Андропова, и он решил подстраховаться. Однако те люди, которые содействовали нам, никаких новых распоряжений не получили. В дело включились новые старые игроки, из иного департамента. Но об этом чуть позже.

...29 мая стояла июльская жара. Работалось отцу тяжело, но пришла пора прополки и рыхления. Отец взял тяпку, пошел на огород, возился там до середины дня. Днем вернулся, обедать не стал, пожаловался, что плохо себя чувствует, болит сердце. Походил по дому, надеясь, что боль пройдет. Не прошла. Вызвали врача. Владимир Григорьевич констатировал обширнейший инфаркт. Отца немедленно отвезли в больницу на улице Грановского. Начались беспокойные дни ожидания.

Владимир Григорьевич объяснил, что в больнице отцу пробывать придется долго, несколько месяцев, но критичны первые десять дней. Может случиться все что угодно, он может умереть в любую минуту. «Мы делаем все возможное», — закончил он стандартной фразой. Несмотря на казенность, его слова подействовали на меня успокаивающе. Пользуясь своими правами главного врача больницы, он выписал мне пропуск, позволяющий ежедневные посещения в любое время. Предупредил только, что отца нельзя волновать. Волнение может пагубно сказаться на течении болезни.

Каждый день, когда днем, когда вечером, я приходил к отцу и проводил у него час-полтора. Дни стояли жаркие, но в палате было прохладно — работал кондиционер. Старое здание, построенное в начале 30-х годов для Лечсанупра, недавно капитально переоборудовали.

Отец лежал неподвижно на спине, читать ему не разрешали, и он предавался размышлениям. Я пытался развлечь его, рассказывая разные домашние новости, говорил о том, как идет работа над мемуарами, что делаю я, а что Трунин.

Рядом с кроватью стоял прибор, провода от него тянулись к больному, а на экране непрерывно рисовалась ломаная зеленая линия кардиограммы. В палате постоянно дежурила сестра — положение больного было тяжелым. Только когда я приходил, она ненадолго покидала палату.

Отец не любил, как он говорил, пустого времяпрепровождения. К этому разряду он относил вроде бы и мои визиты. Начинать притворно сердиться:

— Ну что ты сюда ходишь? Тебе что, делать нечего? Тратишь свое время и мне мешаешь. Я здесь постоянно занят: то капельницу ставят, то укол делают, то врачи с осмотром приходят, то температуру меряют. Времени скучать не остается.

Но по выражению лица было видно, что мои приходы ему приятны. Навещали его, конечно, и мама, и сестры.

Время шло, дела пошли на поправку. Разговоров о смерти больше не возникало. Я помнил предупреждение Беззубика беречь отца от всякого волнения, и потому мои разговоры с ним были преисполнены оптимизма...

Между тем началась новая стадия охоты за мемуарами, а может быть, она и не прекращалась после визита четы Харвеев.

Первые предупреждения прозвучали весной, когда отец еще был здоров. Поначалу я не отнесся к происходящему с надлежащей серьезностью. Слишком все походило на плохой кинофильм. О том, что не все ладно, я узнал в конце апреля.

В нашем отделе работал Володя Лисичкин — симпатичный, улыбочивый молодой человек. Влетевший в тот солнечный день в нашу комнату, Володя выглядел необычно растерянно. Оттащив меня в уголок, он без предисловий таинственным шепотом сообщил:

— Ты знаешь, за тобой следят!!!

Я не поверил. И хотя предыдущие события должны были приучить меня ничему не удивляться, подобное в голове не укладывалось. Следят за шпионами, уголовниками — они прячутся от закона. А чего следить за мной?

Мемуары? Без сомнения!

Володя продолжал:

— Ты час назад ехал по Ленинскому проспекту, там, в конце?

— Да.

— Вот видишь. Мне некогда было. Спешил, взял такси. Водитель попался разговорчивый. Он и говорит: «Хочешь посмотреть, как следят за машиной? Вот эти две «Волги» ведут вон ту машину». Я посмотрел и обомлел — номера-то твои. Мы поехали следом, я все хорошо разглядел — одна машина тебя обгоняет, а другая отстает. Потом они меняются местами. Они за мемуарами охотятся? — со свойственным ему любопытством спросил он.

Все на работе знали, что свободное время я посвящаю редактированию записок отца. В вопросе Лисичкина ничего крамольного не было. Я не ответил, только поблагодарил за предупреждение. Если бы не Лисичкин, мне бы и в голову не пришло следить за кишачими вокруг меня на улице автомобилями. Все прошло бы незамеченным. Правда, мое знание о слежке ничего не меняло, прятать было нечего, бежать никто не собирался. Свое поведение я решил не изменять. Не надо показывать моим преследователям, что они раскрыты. Кто это, сомнений не было, Евгений Михайлович Расщепов действовал.

Я решил удостовериться в слежке. Меня разбирало любопытство. Отнесся я к сообщению, скажем прямо, по-детски. Серьезность ситуации до меня не дошла. Было очень интересно увидеть, как следят. Смогу ли я сразу заметить? Как выделить преследователей из потока машин?

В голове прокручивались эпизоды из детективных фильмов. Перед глазами стоял мужественный, чуть ироничный, не теряющий головы Банионис и его преследователи из боевика «Мертвый сезон». С этими знаниями я отправился на «охоту».

Поехал по Ленинскому проспекту, медленно, еще медленнее, не более сорока километров в час. Есть! Серая «Волга» с двумя антеннами держится сзади. При моей черепашной скорости все меня обгоняют, а она тащится сзади, как приклеенная. Наконец не выдерживает, обгоняет

и она. Запоминаю номер. Притормаживаю к обочине. Сзади голубая «Волга» с двумя антеннами, не спеша, сворачивает в переулок. Через минуту трогаюсь. Вперед почти не смотрю, только назад, в зеркало. Так и есть, знакомая голубая «Волга» выползает из переулка.

Все это я продолжал воспринимать как игру. Ездить стал медленно и все искал, когда «она» появится. Чаще всего я опознавал наблюдателя, хотя часто под подозрением оставалось несколько машин.

Преследователи проделывали и трюки с переодеванием. Как-то в мае я ехал в МВТУ на лекцию (я там преподавал). Сзади — подозрительная «Волга». Приглядываюсь — за рулем мужчина, рядом девушка в кофточке, гладко причесанная. Они или нет? Отрываюсь, сворачиваю налево, по Госпитальному мосту пересекаю Яузу и останавливаюсь на автостоянке возле училища. Вылезаю из машины, жду. Никого. Вдруг мимо проносится знакомая машина. За рулем та же девушка, но уже в свитере, волосы распущены. Молодой человек рядом. Девушку я узнал — это они! Удовлетворив любопытство, я отправился на лекцию.

Отцу я решил ничего пока не рассказывать, не желая волновать его. Повлиять на события он не мог, а прерывать работу над воспоминаниями не представлялось разумным. Тем более что такой шаг говорил бы о нашем испуге.

События нарастали. На работе, видимо, произвели обыск. Заметил, что исчезла из ящика письменного стола снятая на даче кассета с кодаковской цветной пленкой. У нас в стране ее никто не брался проявить, и она валялась там уже почти год. Решил сделать вид, что ничего не заметил. Спокойно, без суеты задвинул ящик, может быть, среди моих соседей был осведомитель. Такое совсем не исключено.

Вдруг приходит указание из дирекции — срочно проверить и доложить, не печатают ли машинистки на работе посторонние материалы. Видимо, решили устроить проверку в институте для конспирации чужими руками и не учли, что в нашем отделе она пойдет через его начальника, то есть через меня.

С чистым сердцем докладываю:

— Не печатают. Провел необходимую воспитательную работу.

Наши машинистки действительно ничего постороннего не печатали. Одна моя хорошая знакомая, машинистка по специальности, рассказала о начавшихся вокруг нее непонятных происшествиях. На днях она с полдороги вернулась домой, что-то забыла, а у двери копошатся незнакомые люди. Увидели ее и поспешно поднялись этажом выше. Стали звонить в верхнюю квартиру. Я ее успокоил — пустые страхи, тебе померещилось.

Самому все стало понятно. Проверяют, хотят удостовериться, нет ли в квартире мемуаров. Их там нет...

Настроение с каждым днем становилось все более скверным. Пока ничего не нашли, но искать они умеют. В нашем же случае даже особого профессионализма не требуется. Скоро доберутся и до Лоры. Ведь именно у нее хранится то, что они так упорно ищут. Лора тем временем заболела и попала в больницу. Там она, конечно, не печатала. В конце июня я

собрался ее навестить, чтобы заодно предупредить о происходящих событиях.

В тот день меня сопровождала голубая «Волга». Я заметил, как она остановилась у ограды больницы. Пассажиры остались в машине. Мы гуляли с Лорой по парку, окружавшему старинное здание. Рассказал ей о происходящих событиях, стараясь не испугать ее. В заключение показал машину, стоявшую за оградой.

— А я знаю эту машину, — вдруг перебила меня Лора. — Я ее уже тут видела. Пару дней тому назад мы играли в настольный теннис. Вокруг были все свои. Поэтому я сразу заметила какого-то худощавого высокого мужчину в сером макинтоше и шляпе с большими полями. Какой-то он был странный, прямо как детектив из кино. Он тут покрутился, а потом быстренько исчез. Раньше я тут таких типов не видела. Я тогда бросила играть и подбежала к забору. Смотрю, а там в голубенькой «Волге» сидит эта личность в шляпе и макинтоше. Он тут же уехал. Точно, это та же машина, — перепугалась Лора.

Я решил ее успокоить:

— Ничего страшного. Поезды, поезды и перестанут. Ничего предсудительного мы не делаем. Если они хотят выяснить, кто печатает мемуары, пусть выясняют. В этом-то никакого секрета нет. Если бы вместо того, чтобы устраивать дурацкий детектив, меня просто спросили, я бы им прямо ответил. Что скрывать?

На этом мы расстались. Сам я не был так спокоен, как им хотел казаться. Что-то готовилось. Но что? Одно ясно — о Лоре они уже знают.

Через несколько дней после моего визита к Лоре мне в очередной раз позвонил Евгений Михайлович Расщепов. Он вежливо попросил о встрече, мол, надо выяснить кое-какие детали. Я не имел ничего против и легко согласился.

— Удобнее это сделать не у нас, — сказал Евгений Михайлович, имея в виду здание на площади Дзержинского. — Если вы не возражаете, мы будем вас ждать в гостинице «Москва».

Он назвал этаж и номер. В таком варианте на встречу я шел впервые. Мне было любопытно и жутковато. Поднялся на этаж, дежурная указала нужную дверь. Номер ничем не отличался от других виденных мною люков в этой гостинице: спальня и гостиная.

С Расщеповым был еще один человек. Он представился Владимиром Васильевичем. Во время разговора внимательно следил за каждым моим движением. Вопросы оказались будничными. Было видно, что ответы не очень интересовали моих собеседников. Всего я не запомнил, но кое-что показалось мне заслуживающим внимания.

— Нет ли у вас новых сведений о Стоуне и Харвее? Не поддерживаете ли вы связи с Харвеем? — начал спрашивать Евгений Михайлович.

Скрывать я ничего не собирался.

— От Стоуна известий не было. Думаю, у него хватает дел и без меня. А Харвею мы, как и договаривались с ним в Москве, послали на анализ кровь сестры. Попытался созвониться с ним — почти ничего не слышно, расслышал только, что результаты анализа он пошлет по почте. Однако

никакого ответа я не получил. Нас это очень беспокоит. Речь идет о здоровье Лены.

Евгений Михайлович посочувствовал мне, но помощи не предложил.

— Скажите, Сергей Никитич, — спросил вдруг его коллега, — вы знаете человека по фамилии Армитаж? Он с вами не встречался?

— Человека с такой фамилией я когда-то встречал, не могу, конечно, сказать, что это тот, кто вас заинтересует. Одиннадцать лет назад, когда я сопровождал отца во время его визита в США, представитель госдепартамента США Армитаж ездил со мной в Нью-Йорке в Бруклин. Там жил коллекционер бабочек, с которым я очень хотел познакомиться. Бабочки — мое хобби, — пояснил я. — С тех пор я его не видел и ничего о нем не слышал.

Я был удивлен. При чем тут это? Надо сказать, что вопрос об Армитаже мне задавали и позже. Не знаю, чем он мог так заинтересовать моих собеседников в связи со мной. Даже если он из соответствующих служб, а в этом не было бы ничего необычного, со мной он общался только в рамках протокола. Правда, в сталинские времена и такой «связи» хватило бы за глаза. Как бы то ни было, Армитаж после 1959 года я не встречал.

— Он сейчас работает в Москве, в посольстве, — продолжал мой собеседник. — Матерый разведчик, как и Стоун. Оба — активные агенты ЦРУ. Если вдруг он на вас выйдет, сообщите нам немедленно.

Я согласился.

— Журналисты вами не интересовались? — осведомился Расщепов.

— Нет.

— Будут интересоваться — сообщите нам.

— Хорошо.

Вот, собственно, и весь разговор. Только на прощание был задан главный вопрос, как бы походя, между прочим.

— Кстати, как идет у Никиты Сергеевича работа над мемуарами? — спросил Евгений Михайлович, а его спутник впился в меня взглядом.

— Спасибо, ничего. Сейчас он болен, в больнице, так что какая там работа.

На этом мы расстались.

Прошло около двух недель. 11 июня 1970 года, в субботу, мы с женой собирались в гости. День близился к вечеру, когда раздался телефонный звонок:

— Сергей Никитич, здравствуйте. С вами говорит Евгений Михайлович. Нам очень срочно нужно с вами переговорить. Не могли бы вы с нами встретиться?

Сегодня встреча мне была вовсе не ко времени. Да и совсем недавно мы говорили, и по сути дела разговор был ни о чем.

— Евгений Михайлович, сегодня выходной. Вы меня застали случайно, я ухожу в гости. Давайте встретимся на следующей неделе.

— Нет, нет, — заторопился он, — дело чрезвычайной важности. Произошли некоторые события, я не могу говорить по телефону. Я вас очень прошу.

— Хорошо, — сдался я, — сейчас подъеду.

— Спасибо, — обрадовался Расщепов, — проходите прямо к входу. Вас там встретят.

Действительно, у огромной металлической, с причудливым литьем двери массивного, известного всем советским людям здания на Лубянке меня ждал недавний собеседник из гостиницы «Москва». Он провел меня мимо всех постов на нужный этаж. Зашли в небольшой кабинет Евгения Михайловича. Тут я уже бывал после истории с Харвеями.

Расщепов поднялся из-за стола. Он — само радушие. Поздоровались, сели. Мой провожатый устроился напротив меня. Все эти приемы уже стали знакомыми. Евгений Михайлович затянул старую песню. Обо всем этом мы говорили несколько дней назад. Опять о Стоуне, об Армитедже. Как здоровье Никиты Сергеевича? Спросил что-то о мемуарах.

Я недоумевал: что ж тут срочного? Что случилось? Что им, делать нечего? Вслух я этого, понятно, не говорил, безмятежно отвечая на вопросы, и ждал, что же будет дальше.

— Сергей Никитич, с вами хотел поговорить наш начальник. Вы не возражаете?

— Нет, что вы. А кто?

— Заместитель начальника управления.

Мы вышли из кабинета. Поднялись по лестнице на несколько этажей. Постучавшись в плотно закрытую дверь, Евгений Михайлович пропустил меня вперед. Этот кабинет был побольше, но тоже невелик. Справа у окна — письменный стол, слева вдоль стены — длинный, орехового дерева, с серединой, затянутой зеленым сукном, стол для заседаний — типичный сталинский стиль.

Из-за стола поднялся худощавый человек лет сорока пяти — пятидесяти, на вид интеллигентный.

— Здравствуйте, меня зовут Виктор Николаевич. Прощу.

Мы сели у длинного стола. Третьим теперь был Евгений Михайлович. Опять начался «светский» разговор о жизни, о работе. Тут я вставил, что два года назад меня помимо моего желания перевели из ОКБ в институт.

— А как вам работаете на новом месте? — поинтересовался хозяин кабинета. Чувствовалось, что он знает обо мне все, да и перевод мой, видимо, произошел не без его участия.

К тому времени в институте я уже огляделся. Работа мне нравилась, люди тоже. Поэтому я ответил, что претензий у меня нет, а в некотором смысле я даже доволен переменой места работы. Уточнять не стал. Мой ответ его устраивал — труднее найти взаимопонимание с недовольным, озлобленным человеком.

Наконец он перешел к главному:

— Скажите, Сергей Никитич, где в настоящее время хранятся мемуары Никиты Сергеевича?

Я насторожился — началось. Еще раньше, продумывая варианты поведения, я решил не врать. Запутаться — хуже будет. Да и роль наивного, недалекого простака больше подходила к моей физиономии. А главное — скрывать мне было нечего.

— Часть мемуаров хранится у меня, часть — на даче, в сейфе у Никиты Сергеевича.

— Вы знаете, — Виктор Николаевич понизил голос, напустив на себя таинственный вид, — к нам поступили сведения, что материалы у вас хотят похитить агенты иностранных разведок. Как они у вас хранятся?

Все стало ясно. Меня поразила примитивность аргументации.

— Я их храню в закрытом книжном шкафу. Но это, конечно, не главное. Я живу в доме, где проживают члены Политбюро. Дом тщательно охраняется КГБ. Есть пост у входа, часовой ходит вокруг дома. Проникнуть в дом, чтобы похитить у меня материалы, иностранным агентам будет так же трудно, как и в это ваше здание, — позволил я себе пошутить.

— Ну-у, знаете, для профессионалов не существует ни охраны, ни замков. И мой сейф не гарантирован на сто процентов...

Дальше он продолжал официальным голосом, сказав, что, поскольку эти мемуары имеют большое государственное значение, в Центральном Комитете принято решение по выздоровлении Никиты Сергеевича выделить ему в помощь секретаря и машинистку для продолжения работы.

Затем от имени Центрального Комитета попросил сдать им хранящиеся у меня материалы, мотивируя это тем, что органы государственной безопасности — это правая рука Центрального Комитета, что об этом не раз говорил и отец. Все, что они делают, делается исключительно с санкции ЦК, по его поручению. В КГБ материалы будут в большей безопасности, и можно быть уверенным, что они не попадут в руки иностранных разведок.

— Я говорю с вами совершенно официально как представитель органа Центрального Комитета. Все материалы в целости и сохранности по описи будут возвращены вашему отцу для продолжения работы, — заключил мой собеседник.

Я лихорадочно соображал, что предпринять в этой обстановке, а потом, помявшись, ответил, что он ставит меня в трудное положение, поскольку Никита Сергеевич сейчас в больнице. Посоветоваться с ним я не могу, врачи категорически запретили его волновать. Мемуары — это его собственность, и отдать их без его разрешения я не могу.

Но, очевидно, весь расчет и строился на том, что я не побегу к больному отцу, а уж со мной-то они справятся. Виктор Николаевич твердо заявил, что он понимает мои затруднения, но ведь речь не идет о сдаче. Имеется в виду передача материалов на временное хранение до выздоровления отца.

В ответ я повторил, что не имею права распоряжаться материалами. Но уж если это — решение ЦК и делу придается такое значение, то, во всяком случае, я прошу устроить мне встречу с Юрием Владимировичем Андроповым. Хотелось бы услышать о гарантиях лично от него. Тем более мы с ним хорошо знакомы. Я добавил, что всегда с большим уважением относился к Андропову, ценил его как мудрого и интеллигентного человека, а потому уверен, что он свое слово не нарушит.

Как оказалось, такая просьба не застала врасплох Виктора Николаевича.

— Встретиться с Юрием Владимировичем нет никакой возможности. Он в отъезде. Уехал на встречу с избирателями, — пожал он плечами.

Я молча кивнул. Они оба выжидающе смотрели на меня.

Конечно, думал я, словам Виктора Николаевича верить нельзя, но и отмахнуться от них невозможно. Допустим, я откажусь и, самое невероятное, они отступятся. Так ведь мне эта публика знакома — материалы в любой момент могут быть похищены «иностранный разведкой». И уж тогда у меня не будет никаких концов. Да еще и меня же в этом обвинят... С другой стороны, предложение о помощи ЦК заманчиво... Мы с отцом такой вариант не раз обсуждали... И с Кириленко он об этом говорил... И все же не могу я без разрешения отца принимать подобное решение. Брать на себя такую ответственность!.. Ведь отец отказал Кириленко... Впрочем, тогда ведь речь шла о запрете, а сейчас... Но кто даст гарантии?..

Затянувшееся молчание прервал Евгений Михайлович.

— Что же вы молчите? — угрюмо спросил он.

— Да вот раздумываю, как мне поступить...

— У вас нет другого выхода! — вырвалось у него.

Виктор Николаевич посмотрел на своего помощника с укоризной. Я улынулся.

— Ну... другой выход у меня пока что все-таки есть, — я показал на дверь.

Виктор Николаевич забеспокоился:

— Сергей Никитич, решение за вами. Мы вас просто предупреждаем о создавшейся ситуации и возможных последствиях.

Вид у обоих был очень обеспокоенный...

Виктор Николаевич сменил тему разговора, заговорил о Соединенных Штатах, где он проработал много лет и откуда лишь недавно вернулся домой. Он стал рассказывать о своих впечатлениях. Они сводились к тому, что жить в Америке хуже, чем в Советском Союзе. И еда менее вкусная — все мороженое. Я механически кивнул — голова была занята другим.

Если не отдать сейчас материалы, прикидывал я возможные последствия, они не успокоятся, будут искать, и один Бог знает, чем это кончится. Работать не дадут. Лору они, понятно, знают. Найти другую машинистку едва ли удастся — уж они постараются. Если отдать, они, скорее всего, больше искать не будут. Можно будет переждать какое-то время и вернуться к работе. И, пожалуй, пора дать сигнал к публикации... Поговорить бы с отцом... Но нет, нужно на что-то решаться. Если я отдам материалы, они будут довольны — победили. А уж отцу я как-нибудь все объясню. Словом, после подобных размышлений я решил на этот непростой шаг, и мне вдруг стало легче.

— Хорошо, — сказал я. — Я подумал. Если уж за материалами действительно охотятся иностранные разведки, пусть они пока полежат у вас. Раз вы говорите, что так надежнее.

Тут я вспомнил, что надо будет сейчас ехать за папками и пленками домой, а там меня ждет жена, чтобы идти в гости. Придется с ней объяс-

няться, что мне не хотелось. Я наивно попросил перенести передачу материалов на завтра, на что, естественно, получил категорический отказ: была тут и ссылка на чудовищные происки врагов, которые только и ждут сегодняшней ночи, чтобы наконец-то реализовать свои черные замыслы. Делать нечего, я согласился, сославшись, впрочем, на непредвиденное в такой ситуации обстоятельство — часть материалов находится у машинистки Лоры Финогеновой.

Мне было спокойно сказано, что эти материалы уже в распоряжении моих гостеприимных хозяев — они накоротке к ней заехали и попросили все отдать.

— Это нечестно, — вырвалось у меня, — вы не имели права. Вы должны были действовать только через меня.

Виктор Николаевич постарался сгладить допущенную неловкость, сказав, что он понимает мое возмущение, но время не ждет. Дорога каждая минута. Существует компетентная информация о том, что иностранная разведка может вот-вот похитить этот материал.

Последний довод окончательно «убедил» меня, и я, начав «сотрудничать», заявил, что еще часть материалов находится на литературной обработке у моего приятеля, кинодраматурга Вадима Трунина. О Трунине они, как оказалось, не знали! Правда, за последние месяцы мы с ним редко встречались.

Мои собеседники забеспокоились.

— А где он живет? — последовал вопрос.

Трунин снимал квартиры то в одном месте, то в другом, недавно он снова поменял адрес, устроился где-то на Варшавском шоссе. Я знал только номер телефона. Евгений Михайлович записал его и вышел из кабинета. Через несколько минут он вернулся и сообщил, что Трунина нет в Москве, а вернется он на будущей неделе. Затем меня спросили, давно ли я отдал ему материалы.

— Осенью 1969 года.

Кивнув и подумав, Виктор Николаевич предложил установить охрану у дома товарища Трунина. И, как только он вернется, я должен буду забрать у него материалы и передать их моим собеседникам. Я согласился. Оставалась последняя операция — сдать мои материалы и получить расписку.

— С вами поедет Евгений Михайлович, — решил Виктор Николаевич.

Через десять минут мы были у моего дома. Я поднялся на шестой этаж и, стараясь не шуметь, незаметно прошел в комнату: не хотелось объяснять все жене. Открыл шкаф, и сердце сжалось от горечи — сколько души, сил и времени вложено в эти папки. Смертельно не хотелось их отдавать. Но... Набрались две большие сумки — с папками и магнитофонными катушками.

Когда мы вернулись к Виктору Николаевичу, у него на столе уже лежали материалы, изъятые у Финогеновой. И тут среди больших магнитофонных бобин с воспоминаниями отца я заметил еще одну, поменьше. О ней я совсем забыл...

Примерно год назад по своим черновым записям я надиктовал на

магнитофон рассказ о событиях, происходивших в октябре 1964 года, свидетелем которых мне случайно довелось стать. И теперь на столе перед Виктором Николаевичем лежала эта самая пленка. Как я мог забыть! Я был уверен, что содержание мемуаров отца не может вызвать отрицательной реакции властей. В его рассказе о «делах минувших дней» современные руководители не упоминались даже мельком. С моей пленкой все обстояло иначе: я говорил о событиях, происшедших совсем недавно, в октябре 1964 года... Там всюду фигурировало нынешнее высшее руководство. Мало того, в заключение приводился казавшийся мне очевидным вывод, что все происшедшее не имеет никакого отношения к принципиальной политике партии, представляет собой просто «дворцовый переворот».

В тот момент я, естественно, считал, что пленки отца будут распечатаны и внимательно изучены если не в ЦК, то в КГБ как минимум. А тогда и моей пленке не избежать чужих ушей. Я лихорадочно соображал: что же делать? Оставалось надеяться на чудо...

Я сделал, правда, безнадежную попытку забрать свою пленку, объяснив, что эта маленькая бобина попала не по адресу. «Тут записаны мои заметки, я прошу вернуть ее мне», — и даже протянул руку к коробке. Но возвращать никто ничего не собирался. Мало того, своей оплошностью я невольно привлек внимание к этой катушке. В результате моей собственной глупости из всей массы материалов изученной оказалась только моя пленка. В этом я позднее убедился...

Втроем мы рассортировали материалы, отдельно сложив отредактированный текст, отдельно черновики, катушки с пленкой, пронумерованные мной по хронологии записей. Подсчитали общее количество страниц и катушек с пленкой.

— Напишите расписку, давайте ее подпишем и разойдемся, — устало попросил я.

— Нет, нет, — возразил Евгений Михайлович, — напишите ее сами, своей рукой.

Я согласился и предложил примерно такую формулировку: *«В целях обеспечения сохранности и во избежание захвата иностранными разведками органы государственной безопасности обратились ко мне с требованием передать им мемуары моего отца, Хрущева Никиты Сергеевича...»*

Однако моя редакция не устроила Евгения Михайловича, предложившего собственную. Вот как она выглядела в окончательном виде:

«Хрущевым Сергеем Никитичем 11.7.70 г. по просьбе представителей госбезопасности, в целях обеспечения сохранности и безопасности, переданы на хранение магнитофонные пленки и текст, содержащий мемуарные материалы Хрущева Никиты Сергеевича. Материалы переданы лично Титову Виктору Николаевичу и Расщепову Евгению Михайловичу. Магнитофонные пленки на бобинах диаметром 13 см — 18 штук, на бобинах диаметром 18 см — 10 штук, печатные материалы в 16 папках общим объемом в 2810 страниц. Кроме того, в КГБ переданы Финогеновой Лорой Никифоровной, работающей по моей просьбе над мемуарными

материалами, 6 больших бобин с продиктованным текстом и 929 страниц печатных материалов. Часть отпечатанных материалов в количестве 10 папок, примерно полтора экземпляра мемуаров, мною была передана осенью 1969 года для литературной обработки писателю Трунину Вадиму Васильевичу, которая по его возвращении в Москву также будет сдана на хранение в КГБ. Кроме вышеуказанных лиц, материалы никому не передавались. Все перечисленные материалы будут возвращены автору по его выздоровлении. 11 июля 1970 г.

Подписи: В.Титов, Е.Расщепов, С.Хрущев».

Титов вызвал секретаря, поручил отпечатать расписку. Дождаясь, когда она будет готова, мы пили кофе, разговаривали на общие темы. Виктор Николаевич не мог скрыть удовлетворения от удачного завершения операции, но особенно откровенно радовался Евгений Михайлович.

Поговорили о мемуарах, сошлись на том, что они представляют большой исторический и политический интерес. Виктор Николаевич еще раз подчеркнул, что КГБ действует только по указаниям ЦК и все их действия полностью согласованы с Центральным Комитетом. Он снова вернулся к тезису, что и сам Никита Сергеевич, говоря о Комитете госбезопасности, подчеркивал, что это правая рука ЦК.

Вдруг Виктор Николаевич как бы невзначай спросил, знаком ли я с Луи. Я весь напрягся, такого поворота я не ожидал.

— Да, мы встречаемся время от времени, Виталий Евгеньевич интересный человек, — стараясь скрыть свое волнение, проговорил я и добавил: — Нас познакомил Лева Петров. Вы, наверное, знаете, он работал в ГРУ.

Виктор Николаевич знал и это, но Лева его уже не интересовал — он недавно скончался.

— Ну и какого вы мнения о Луи? — гнул свое Виктор Николаевич.

Я решил не углубляться в опасную тему.

— Не мне о нем судить, вы знаете о Луи куда больше. Ведь он ваш работник, — отпарировал я.

— Ну, это как сказать... — неуверенно протянул Виктор Николаевич, но больше к скользкой теме не возвращался.

Потом перешли к разговору о США. Виктор Николаевич снова пожаловался, что продукты в США менее вкусны, чем в Советском Союзе. И вообще работать там тяжело: все время слежка, вся жизнь в напряжении.

— Ничего, слежка — это не так страшно. Надо только привыкнуть. Сколько времени вы за мной следили, и ничего со мной не случилось, — подначил я.

На лицах моих собеседников отразилось беспокойство:

— Нет, что вы! Мы за вами никогда не следили. Это вам показалось.

— Ну не будем обострять вопрос. Пусть каждый останется при своем мнении. — Я не стал спорить.

Время шло. Текст расписки все еще печатали. И тут я затронул «больную» тему. Незадолго до нашей встречи попросил политического убежи-

ща у американских властей капитан госбезопасности Носенко, сын бывшего министра судостроительной промышленности. Шуму было много. Вот я и полюбопытствовал, как же это могло произойти и что он сейчас делает.

Виктор Николаевич насупился и заявил, что Носенко — растленный тип. Он нарушал законы в личных целях, считая, что как работнику органов ему все сойдет с рук. Вот и докатился до измены.

Я поддержал его, согласившись, что предательство нельзя оправдать. Но и нарушение законов в государственных интересах — путь очень скользкий. Не знаешь, где остановишься.

Тут почему-то мои хозяева со мной не согласились — мое замечание повисло в воздухе. Разговор зачах. К счастью, подоспел печатный текст расписки. Мы вторично расписались. Затем меня проводили до дверей, и мы расстались...

Я заехал за женой, и мы отправились в гости. Мы, конечно, безнадежно опоздали, поскольку визит к Виктору Николаевичу занял несколько часов. В гостях мне было не до веселья. Я снова и снова проигрывал в уме происшедшее. Казалось, теперь успокоится...

Но как сложилась ситуация с Лорой Финогеновой? За себя я не беспокоился, но кто знает, как они действовали по отношению к ней? Я очень волновался. А кроме того, меня мучил главный вопрос: «Что делать дальше?» Тут, увы, посоветовать мне не мог никто. Отец в больнице, и разговор с ним исключался. Предстояло решать самому.

Итак: давать ли санкцию на подготовку книги к печати или повременить? Ясно, что опубликование книги вызовет большой шум. Правда, еще два года назад мы обсудили с отцом все детали. Но наступил ли именно сейчас критический момент? А с другой стороны, публикация покажет всему миру, что мемуары существуют, и, значит, они будут жить. Несомненно, это вызовет переполох среди моих новых «друзей». Они-то, бедолаги, уверены в полной победе, а тут такой конфуз.

Словом, помучившись в гостях, а потом и полночи дома, я решил, что происшедшее нужно считать критическим моментом и, значит, не ожидая дальнейшего развития событий, следует незамедлительно приступить к подготовке публикации книги на Западе. Было ясно, что ждать больше нечего. Ситуация к лучшему не изменится. Конечно, положение у меня было щекотливое: приходилось решать за автора, но отец выйдет из больницы только в конце лета, а то и осенью. Время будет безвозвратно упущено. Кто знает, что еще придумают Титов с Расщеповым.

Наконец, я решился. Наблюдения за мной никто не снимал, но я больше не обращал на них внимания. Мои контакты и с Луи, и с Финогеновой давно перестали быть секретом. Утром, без предварительного звонка, я отправился к Луи — в Баковку. По Минскому шоссе за мной неотступно следовала уже ставшая привычной «Волга».

Вот и поворот на Переделкино. На обычно пустом перекрестке маячит милиционер. Через секунду замечая второго — он прячется в кустах. Постовой внимательно вглядывается в машину, пытаясь разглядеть по-лучше номер, потом буквально бросается под колеса, но не делает ни

малейшей попытки меня остановить. Я благополучно сворачиваю на ведущую в Баковку узкую лесную дорожку, несколько поворотов, и вот я уже подъезжаю к знакомым воротам. К счастью, Виталий Евгеньевич оказался на месте, он любил посибаритствовать, вставал поздно. Я буквально силком вытащил его на утреннюю прогулку, в доме я не решался произнести ни слова. Когда мы вышли на знакомый пригорок, где обычно вели доверительные разговоры, вдаль я заметил две характерные мужские фигуры: не вызывало сомнений, за нами наблюдали и здесь. Но делать нечего, сбиваясь, я начал рассказ о вчерашнем происшествии. Луи слушал меня, не перебивая. Мои слова о том, что пришло время издания на Западе, он воспринял с видимым удовлетворением. Что ж, здесь у него был свой интерес.

Отправиться со своей миссией в США он решил не откладывая. Уже на следующей неделе. Вернувшись дней через десять, Луи сообщил, что дело улажено: первый том выйдет в конце года или в начале следующего. Со вторым, сообщил он, работы гораздо больше, а потому для подготовки его в печать потребуются несколько лет. Впрочем, в тот момент запоздание второй книги меня не волновало: важно было начать.

Объявить о книге издатели решили в октябре, а первые журнальные публикации предполагались в ноябре.

— Но слухи могут просочиться уже в сентябре, — предупредил меня Виталий Евгеньевич.

По срокам все складывалось удачно: отца я так или иначе успею предупредить. В отношении отца и его решения о публикации я не сомневался: ведь эту возможность мы обсуждали много раз, и сейчас я действовал строго в соответствии с заранее разработанной нами схемой. Но вот его реакция на то, что я сдал материалы, честно говоря, не давала мне покоя, хотя с позиции логики я поступил правильно. Тем не менее меня не оставляло чувство, что этически мой поступок выглядел не лучшим образом. Ведь отец не отдал мемуары Кириленко...

Эти мысли не оставляли меня. И, должен признаться, мучают они меня и по сей день — через много лет после происшедших событий...

О чем я думал тогда?

Отец прошел революцию, гражданскую и Отечественную войны, ленинский, сталинский и послесталинский периоды развития нашего государства. Ошибки его сейчас не имели значения — всю свою долгую активную жизнь он посвятил общему делу. Теперь, на пенсии, в своих воспоминаниях он пытается воскресить историю, осмыслить прожитое, предостеречь тех, кто пришел на смену. Все это необходимо обществу, ведь без знания прошлого невозможно отчетливо разглядеть будущее.

И вот парадокс. Мало того, что, оказывается, опыт, история никому не нужны и по сей день, — за мемуарами гонятся как за подрывной литературой, нас низводят на положение едва ли не преступников, а сами воспоминания зачислили в разряд нелегалщины, издаваемой за границей.

Мемуары отца — в высшей степени партийный документ, в этом сомнений быть не может. В чем же дело? Я так и не нашел в то время вразумительного ответа на этот простой вопрос...

Только я вернулся домой после встречи с Луи, как раздался настойчивый телефонный звонок. Оказывается, с самого утра меня добивалась Юля. Ей позвонили из КГБ и назначили встречу на вторую половину дня. Я поспешил к Юле. Выглядела она перепуганной. Я как мог успокоил ее.

— Главное, говори правду, ты же ни в чем не принимала участия. Лева тебя в эти дела не посвящал. Все это знают, — проинструктировал я ее. Разговаривали мы в сквере, примыкавшем к ее дому.

— Но у меня остались две бобины с надиктовками отца, — жалобно проговорила Юля. — Что с ними делать? Может быть, отдать им?

Я категорически воспротивился, это только осложнит дело, возбудит подозрения, что материалы хранятся не только у меня.

— Сотри их и забудь, — приказал я.

Юля покорно кивнула.

Разговор с ней в КГБ прошел без каких-либо осложнений, допрашивающие тоже знали, что Юля держалась в стороне от работы над мемуарами. Ее расспросили о Леве, обо мне, об отце — и отпустили. В общем, все закончилось благополучно, и я пожалел, что, запаниковав, попросил Юлю стереть запись с магнитофонных бобин. Они бесследно исчезли для истории, диктовки теперь начинаются с третьей бобины...

После встречи с Юлей я бросился разыскивать Лору. Как выяснилось, с ней обращались далеко не так вежливо, как со мной и с Юлей. Наблюдение за ней велось уже долго. Несколько последних недель какие-то подозрительные типы бродили вокруг ее дома, выспрашивали что-то у соседей. Мой визит к ней в больницу только добавил преследователям уверенности, что наблюдение не напрасно. По словам соседей, таинственных посетителей очень интересовало, что у нее за магнитофон, откуда он, что она печатает. Пытались они завести знакомство и с самой Лорой, но из этого ничего не получилось.

Однажды, когда она уехала в командировку, кто-то попытался проникнуть в ее квартиру. Но непрошенных визитеров постигла неудача — мать Лоры болела и сидела дома. Тогда применили испытанный прием. Лору вызвали в отдел кадров (к тому времени она перешла на работу в наш институт) и попросили заполнить длинную анкету, намекнув при этом, что ей хотят поручить интересную, но строго секретную работу. Таким образом, ее удалили из дома, по крайней мере, на несколько часов. Больную мать срочно пригласили на обследование в больницу.

Как утверждала Лора, в квартире явно побывали в их отсутствие. Времени на тщательный обыск было достаточно, правда, и без него все сразу стало ясно: в шкафу лежали машинописные страницы с текстом мемуаров, здесь же были и магнитофонные пленки с записью голоса отца. В тот день, по словам Лоры, исчезли только два листа использованной копирки. Понятно, что «гости» старались не оставлять явных следов. Одна-

ко наблюдательная Лора заметила и такую мелочь, поскольку психологически была готова к подобному «визиту».

11 июля утром Лора шла домой. Возле дома ее ждали. Подошли трое, предъявили документы. Особенно не церемонясь, усадили в стоявшую неподалеку от дома «Волгу». Двое сели по бокам, третий — рядом с шофером. Ее привезли на Лубянку, сразу — на допрос. Первый, беглый, судя по всему, ознакомительный. Лора ничего не скрывала: «Да, печатала мемуары Хрущева. Разве это запрещается? Что тут противозаконного?»

Потом поехали к ней домой. Устроили тщательный обыск, впрочем, не предъявив ордера и не пригласив понятых. Забрали и магнитофонные пленки, и напечатанные страницы. Протокол обыска никто не составлял. И тут же вернулись обратно в КГБ, теперь уже к Титову и Расщепову.

Допрос Лоры вел Расщепов. Он не считал нужным сдерживаться, сразу заявив, что она, очевидно, не понимает, что участвует в разговоре против советского государства, и ей это так просто не обойдется. Она, сказали ей, должна была немедленно прийти и доложить, что ей предложили печатать антисоветские материалы! А вместо этого она позволила втянуть себя в антисоветскую деятельность.

Вот какой букет обвинений обрушили на голову бедной женщины! Через пятнадцать лет после XX съезда КПСС ее обвинили в антисоветской деятельности только за то, что она печатала воспоминания бывшего первого секретаря ЦК КПСС! Чужды дела твои, Господи...

В результате этого «свидания» у Лоры был нервный шок, и еще долго она не могла успокоиться.

Через несколько дней в Москву вернулся последний из действующих лиц — Вадим Трунин. О его приезде мне сообщили из... КГБ. Я позвонил к нему утром, поднял с постели. О происшедших событиях сообщать не стал, только условился, что заеду. Он жил в районе Варшавского шоссе, в пустовавшей квартире своего друга, кинорежиссера Андрея Смирнова.

Я рассказал ему о событиях последних дней и в заключение сказал, что заберу папки, поскольку обещал сдать их на хранение в КГБ. Я был вынужден повторить объяснения Виктора Николаевича: мера временная, после выздоровления отца все отдадут, и мы вернемся к прерванной работе. Своим словам я не очень верил, да и Вадим скептически хмыкнул.

— Впрочем, материалы твои, хочешь — забирай, — он не стал ни спорить, ни отговаривать меня.

Собрали папки, и я отвез их Расщепову. Отдельной расписки за них я не получил — он сослался, что эти материалы упоминаются в предыдущей. Правда, ведь там не указывалось количество страниц. Настаивать я не стал, ведь это были копии. Хотелось со всем этим кошмаром поскорее покончить. Но остался еще вопрос о моей пленке.

Евгений Михайлович извинился, сказав, что у него очень много работы и ее еще не прослушали. Он попросил меня подождать, обещав, что ее вернут в ближайшее время.

— Что ж вы столько тянете? — рассердился я. — Сделайте копию и слушайте сколько хотите. Снять копию несложно.

Я понимал, что он неспроста интересуется моими знаниями в этой области... и ответил, что надо только иметь два магнитофона и — много времени: ведь на копирование уходит столько же времени, сколько на запись. Другими словами, для снятия копии с пленок отца мне понадобилось бы около 200 часов. В условиях прессинга и неослабного наблюдения я этого незаметно сделать не мог. Я сильно надеялся, что Расщепов сделает именно такой вывод, хотя на самом деле я затрачивал на копирование значительно меньше времени — переписывал на максимальной скорости и одновременно на две звуковые дорожки. Это приводило к ухудшению качества записи, текст распадался на фрагменты, но в сложившейся ситуации мне и в голову не приходило заботиться о таких «мелочах».

Продолжая разговор, Расщепов, проявив любознательность, полюбопытствовал, не мог ли снять копию кто-либо из домашних?

— Исключается, — категорически ответил я.

Наконец Расщепов осведомился, не мог ли снять копию Никита Сергеевич.

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Это его дело. Я таких вопросов ему никогда не задавал.

На этом мы расстались.

На следующий день Вадим рассказал мне, что, как только за мной закрылась дверь, в квартиру ввалился незнакомец, представился Владимиром Васильевичем, показал удостоверение и... увез его в КГБ. Возились с ним долго. Спрашивали, кто, кроме него, видел и читал мемуары. Где они хранились? И так много часов подряд.

— Ну и втянул же ты меня в историю, — беззлобно ворчал Трунин. — Ничего они тебе не отдадут, помни мое слово.

В связи с мемуарами Титов с Расщеповым вызывали к себе очень многих людей. Допросы, видимо, длились не одну неделю. Причем порой людей вообще мне незнакомых. К примеру, кинорежиссера Андрея Смирнова — на свою голову он сдал квартиру Трунину и теперь влип в это дело. У моего друга Барабошкина выясняли и обо мне, и о магнитофонах. Были и другие — известные и, наверное, по сей день не известные мне «участники» этой операции КГБ.

Раду и Аджубея не трогали. Их лояльность, очевидно, сомнений не вызывала. В своих воспоминаниях Алексей Иванович вскользь касается вопросов, связанных с написанием и опубликованием мемуаров отца. Он отмечает, что лично этой работой не занимался, как были опубликованы мемуары — не знает, и выражает надежду, что со временем найдется ответ на этот вопрос.

Отец все еще лежал в больнице и ничего не знал о разыгравшихся бурных событиях. Посещал я его так же регулярно, стараясь, чтобы внешне ничего не изменилось; разве что перестал подробно рассказывать о работе над мемуарами. Врать не хотелось, ведь скоро надо будет ему обо всем рассказать. Сам отец вопросов о рукописи мне не задавал. Тем временем дела его шли на поправку.

Я периодически позванивал Расщепову по поводу своей магнитофонной пленки. Наконец во второй половине августа Евгений Михайлович сказал, чтобы я приехал: он готов вернуть пленку. Кроме того, со мной выразил желание поговорить Виктор Николаевич.

В эти дни отец готовился к выходу из больницы. Уже был назначен срок выписки — через полторы-две недели. В санаторий на реабилитацию он ехать отказался. Сказал, что лучше будет чувствовать себя на даче. О происшедшем я ему все еще не говорил. Решил рассказать после возвращения его в Петрово-Дальнее. Мне хотелось оттянуть неприятный и тяжелый разговор.

Итак, я снова в здании КГБ, успевшем стать мне таким знакомым. И вот мы уже с Евгением Михайловичем поднялись к Титову. Виктор Николаевич любезно поздоровался, вынул из сейфа мою бобину в серой пластмассовой коробочке, но не отдал ее мне, сказав, что мою запись прослушали, и она показалась им очень интересной и живой. Очевидно, диктовалась она по горячим следам?

Я кивнул. Виктор Николаевич предположил, что мои тогдашние чувства предопределили очень резкие и не совсем правильные оценки. Наверное, сейчас, когда прошло время, я более объективно оцениваю происходившие тогда события.

Я промолчал, пожав плечами.

— Мы вернем вам пленку, — улыбнулся Виктор Николаевич, — но дайте запись при вас, не выходя из кабинета, сотрем.

Возражать, понятно, не имело смысла. А кроме того, я смогу восстановить ее слово в слово.

Как бы прочитав мои мысли, Титов продолжил:

— Вы, конечно, можете восстановить эту запись, но мы рассчитываем на ваше благоразумие.

В кабинет зашел уже знакомый мне Владимир Васильевич. В руках у него был какой-то громоздкий аппарат серого цвета, явная самоделка. Включили шнур в розетку, аппарат загудел. Владимир Васильевич повел им над бобиной и протянул ее мне. Операция закончилась. По замыслу «хирургов», очевидно, следовало, что, раз память уничтожена, значит, эти события не происходили. Что-то вроде магнитофонной лоботомии. И все-таки стертую запись было очень жаль. Исчезла как бы частица меня самого. Конечно, я восстановлю ее, но новая запись, несомненно, будет в каких-то деталях отличаться от прежней.

— Ну вот и хорошо, — опять улыбнулся Виктор Николаевич, — заберите свою пленку. Как видите, мы всегда точно выполняем свои обещания.

Он был явно доволен спектаклем. Но я не торопился покидать этот «гостеприимный» кабинет.

— За пленку спасибо, — начал я, — но вы запомнили еще об одном вашем обещании.

Виктор Николаевич недоуменно поднял на меня глаза.

— Вы мне обещали — и это зафиксировано в расписке, — что, как только Никита Сергеевич выйдет из больницы, все материалы, которые

вы у меня забрали, будут возвращены. На днях он выписывается и переедет на дачу. Я хочу, чтобы к его приезду и пленки, и распечатки лежали на своем месте. Ну а насчет обещанных вами секретаря и машинистки надо говорить с отцом, — закончил я.

Виктор Николаевич с ясной улыбкой посмотрел на меня и заявил, что... никаких материалов у него нет... Я, понятно, ожидал отказа, был готов спорить, но такого поворота не предусмотрел.

— Как же так? — растерялся я. — Ведь и вы сами, и Евгений Михайлович постоянно говорили мне, что они хранятся у вас в кабинете, в вашем личном сейфе, что вы никому не отдадите их, поскольку опасаетесь за их сохранность даже в этих стенах, — я кивнул на сейф в углу. — Но где же они?

Мне было сказано, что материалы переданы в ЦК. Я пожал плечами и посетовал, что мне обещали их вернуть как раз от имени ЦК. Виктор Николаевич с готовностью подтвердил свое обещание, но тут же сослался на приказ передать их в ЦК, который они обязаны были выполнить. Его явно потешало мое замешательство.

Тогда я повторно попросил организовать встречу с товарищем Андроповым. В ответ мне сообщили, что это невозможно, поскольку Андропов уехал в командировку, а оттуда поедет на юг, в отпуск. В Москву он вернется нескоро.

Говорить было больше не о чем. Я ушел...

Положение мое было крайне незавидным. Отец выходит из больницы, а материалы исчезли. Действительно ли они в ЦК или попросту уничтожены? И к кому в ЦК обращаться?

И тут я понял, что сигнал к публикации был абсолютно оправданным. Я был настроен на борьбу и перебирал в уме варианты вызволения мемуаров из недр ЦК. Однако трудиться мне не пришлось. Цековцы нашли меня сами...

На следующий день после разговора с Титовым у меня на работе раздался телефонный звонок. Мною интересовался сотрудник Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Он назвал свою фамилию, но я ее запамятовал. Он предложил мне прибыть завтра в КПК и назвал номер комнаты.

— Пропуск вам будет заказан, не забудьте партбилет, — строго напомнил он.

О причине приглашения мне сообщено не было, а я не спрашивал. Все было ясно и без вопросов. Мое «качание прав» в кабинете Виктора Николаевича показало, что я еще не «дозрел» и меня не мешало прижать посильнее.

Я явился в КПК, принял меня звонивший накануне сотрудник — человек довольно лязбный. Он сказал, что знаком с историей мемуаров и просит все происшедшие события подробно описать на бумаге. Писал я долго, стараясь ничего не упустить.

Он внимательно прочитал исписанные мною листки и молча вышел. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут меня пригласили к заместителю председателя КПК Мельникову. В темноватом кабинете за

стандартным письменным столом сидел высокий, угловатый человек с грубыми чертами лица. До работы в КПК он был вторым секретарем ЦК КП Узбекистана.

Мельников начал расспрашивать меня о том, как велась работа над мемуарами, что сопровождало ей. Видно было, что, кроме всего прочего, ему просто любопытно — хочется узнать скрытые от посторонних глаз подробности жизни отца.

Я пересказал ему все, что уже было известно Титову, но в дополнение подробно изложил, как за мной велась слежка. Особо я подчеркнул то обстоятельство, что Титов взял на хранение мемуары от имени ЦК, именем ЦК обещал их вернуть, а теперь заявляет, что их у него нет, и где они — ему неизвестно. Рассказывая, я наивно полагал, что все эти злоупотребления возмутят моего собеседника, будет назначено расследование — и справедливость восторжествует.

Однако я услышал, что в Центральном Комитете мне ничего не обещали. Материалы действительно находятся в ЦК, но в распоряжении Мельникова их тоже нет. О возвращении их сейчас не может быть и речи. ЦК примет соответствующее решение, и о нем нам своевременно сообщат. Так закончилась наша встреча.

В конце августа отец вышел из больницы и вернулся к себе в Петрово-Дальнее. Он был слаб, бледен. Гулял мало, больше сидел на террасе или дремал в комнате в своем кресле. Дни шли за днями, силы постепенно возвращались к нему. Он уже начал спускаться вниз под горку на свою любимую опушку леса — взглянуть на огород, полюбоваться видом на реку.

О мемуарах мы пока не говорили. Возможно, отец и догадывался, что что-то произошло, слишком уж старательно обходил я теперь эту тему. В разговорах пытался отвлечь его внимание пересказом легковесных московских новостей...

Отказ вернуть материалы, хотя и не был абсолютно неожиданным, сильно угнетал меня. Скрывать от отца эту неприятную историю становилось все труднее. Он мог что-то узнать помимо меня или просто задать прямой вопрос: «Как идут дела с мемуарами?» С другой стороны, он был еще слаб. Если я расскажу, как было дело, отец разволнуется, а сердце еще не окрепло. Но рано или поздно, а рассказать придется...

Постепенно отец пришел в себя, и как-то, когда мы не спеша брели к опушке, я решился сообщить ему все: рассказал и о КГБ, и о КПК, упомянул и о скором выходе книги. Разрешение на публикацию книги он одобрил. Беспардонное поведение по отношению к нему делало и его свободным в принятии решения.

— Правду не скроешь. Пусть пока напечатают не у нас... Плохо, что за границей, но ничего не подделаешь. Когда-нибудь книга доберется и к нам, — горько посоветовал он.

Но за то, что я отдал материалы Титову, мне здорово попало. Отец так и не простил мне этого проступка до самой смерти. Он заявил, что я не имел права ни под каким видом отдавать их. Тут дело в принципе. Они нарушают конституцию. А я взял на себя смелость распорядиться тем, чем не имел права распоряжаться. Он сказал, чтобы я немедленно свя-

зался с Титовым и, заявив от его имени решительный протест, потребовал все назад. В ЦК ходить нечего, там ничего не отдадут, — они же говорят, что с а м и ничего не обещали. Требовать надо с того, кто дал расписку. А иначе он грозился устроить скандал.

Отец сильно разволновался. Достал валидол, теперь он не расставался с ним, сунул в рот таблетку. Я боялся, как бы не начался сердечный приступ, но на этот раз обошлось.

— Конечно, хорошо, что есть запасные пленки, труд даром не пропал, — немного успокоившись, проговорил он, — но с таким отношением мириться нельзя. Нельзя им такое спускать, — опять начал было волноваться отец. — Давай кончим этот разговор, — внезапно оборвал он.

Мы погуляли еще, о чем-то говорили, но к вопросу мемуаров больше не возвращались.

Выполняя отцовское требование, я стал разыскивать Титова. Он, конечно, знал о разговоре в КПК и понимал, зачем я его ищу. Естественно, Титов стал неуловим.

— Виктор Николаевич вышел... Виктор Николаевич вам позвонит сам... Виктор Николаевич в командировке... — то и дело слышал я в ответ на свои звонки.

Конца этому, казалось, не будет. Но я был чрезвычайно настойчив и звонил не один раз на дню, прекрасно понимая ситуацию. Наконец Виктор Николаевич — чудо! — оказался на месте, и мы договорились о встрече. Он, очевидно, понял, что я не отстану.

Явившись к Титову, я сделал официальное заявление, сказав все, что велел передать отец. Виктор Николаевич лишь повторил мне, что у него ничего нет, что Комитет госбезопасности подчинен Центральному Комитету. По его требованию материалы были переданы в ЦК... КГБ ими не располагает и не распоряжается... Правда, он выразил сожаление, что они не выполнили взятых на себя обязательств, и принес свои личные извинения.

Я передал наш разговор отцу. Он в сердцах даже плюнул.

— Ну их!.. Ничего теперь с ними не сделаешь! Ничего от них не добьешься!!! И не ходи туда больше, — буркнул он.

Жизнь сложилась так, что мое знакомство с Евгением Михайловичем и его «командой» затянулось на долгие годы. Интерес ко мне то, казалось, совсем затухал, то разгорался с новой силой. В начале октября у меня состоялась еще одна встреча с Евгением Михайловичем и Владимиром Васильевичем. На Западе объявили о предстоящей публикации в издательстве «Литтл, Браун энд компани» мемуаров отца «Хрущев вспоминает». Говорилось, что издательство располагает машинописным текстом и магнитофонными пленками с записью голоса отца. Эксперты подтвердили подлинность магнитофонных записей.

Название книги было с нами предварительно согласовано — оно выглядело скромно и спокойно, без претензий.

На этот раз Расщепов выглядел удрученным. Оно и понятно. После «блестящей» операции в июле вдруг такой финал в октябре...

Встретились мы в знакомом номере гостиницы «Москва». Разговор был коротким. Нетрудно догадаться, что интересовало их одно: каким образом мемуары попали в Америку?

Ответ мой был прост:

— Пока материалы были у нас, о публикации не было и речи. Сегодня этот вопрос следует задать вам, а не мне.

И по большому счету я не кривил душой.

В завершение разговора я снова потребовал вернуть материалы их владельцу, тем более что в сложившихся обстоятельствах изъятие их теряло всякий смысл — они скоро будут опубликованы.

Расщепов со злостью ответил, что в такой ситуации он не советует мне вообще поднимать этот вопрос.

Но и на этом наши испытания не окончились: отцу, как выяснилось, предстояла новая встреча с бывшими соратниками. Книга еще не вышла, никто ее в глаза не видел (я не говорю уж — прочитал), а не оправившегося от болезни отца грубо вызвали в ЦК.

Никого не интересовало, что написано в книге, о чем она. Насколько мне известно, содержанием отобранных у меня материалов тоже никто не поинтересовался. И все же...

10 ноября, сразу после октябрьских праздников, отцу позвонили из секретариата Пельше и приказали немедленно прибыть в КПК.

Брежнев вовсю набирал силу, матерел, чувствуя себя все безнаказанней. Это был еще, конечно, не конец 70-х, но уже и не либеральные 60-е. Тогда позволить себе что-то подобное не мог никто.

Отец ответил, что немедленно приехать не может — не на чем. У него нет машины.

— Машина за вами уже выслана, — последовал ответ.

В Комитете партийного контроля отца уже ждали Пельше, Мельников и, как я понял из его рассказа, тот самый сотрудник аппарата, который два месяца тому назад занимался мною. Заранее составленный сценарий беседы разлетелся вдребезги в первые же минуты.

Отец и без того был разъярен безобразным отношением к нему, фактом изъятия мемуаров, грубым обманом, хамским ответом Титова. Он с трудом сдерживался, вызов к Пельше стал каплей, переполнившей чашу. Состояние его здоровья ни в коем случае не позволяло вести острый разговор, но не отец был его инициатором. И тут уж советы Беззубика — не волноваться, сохранять спокойствие, не принимать близко к сердцу — не действовали. Отец пошел в бой, как всегда, без оглядки.

Словом, «воспитательной» беседы, как на то, очевидно, рассчитывали пригласившие, не получилось. Не хотел бы я в тот день быть на месте «воспитателей»...

Встреча с Кириленко не протоколировалась, теперь же все обставили официально, на манер допроса. Записанная в КПК стенограмма сегодня стала доступной, она опубликована. Тем не менее я оставляю свой текст, записанный по горячим следам со слов отца, — так, как мне запомнилось, без изменений.

Отцу предложили уже подготовленный текст заявления, где было за-

писано, что он, Хрущев, никогда не писал воспоминаний и никому их не передавал, а публикуемая книга является фальшивкой. Отец сейчас же напрочь отверг эту редакцию, заявив, что подобный документ он подписывать не будет. Это ложь, а лгать грешно, и в его возрасте — особенно. Пора думать о лучшем мире. Да и другим не помешает... Воспоминания он писал. Каждый человек имеет на это право. Эти мемуары предназначены для партии, для народа. По мнению отца, они принесут пользу в понимании эпохи, в которой он жил и работал. Его воспоминания — это уже история. И тут он заверил своих оппонентов, что будет ими заниматься и в дальнейшем. Затем он сказал, что готов подписать документ о том, что работа над мемуарами еще не завершена, а потому они не приобрели вид, пригодный для публикации.

Что касается выхода книги за границу, то отец согласился написать, что сам он материалов для публикации за рубеж не передавал. Такой компромисс устроил Пельше. Оперативно подобрали формулировку, отпечатали, и отец подписал.

Здесь главное и, на мой взгляд, единственное несовпадение с официальной записью. Из стенограммы следует, что заранее заготовленного текста не существовало, заявление продиктовал отец. Я верю отцу, а не Пельше. Предусмотрительные чиновники не могли пустить такое важное дело на самотек, позволить отцу «самовольничать». Продиктовать же запись труда не составляло. Подобный фокус кремлевские факиры уже однажды проделали с отцом шесть лет тому назад, в октябре 1964 года. И тогда он подписал заранее заготовленное прошение об отставке со всех постов, а в официальных документах записали, что отец продиктовал заявление сам. Но все это сути не меняет. Подписанный отцом текст опубликовали уже на следующий день. Приведу его полностью.

«Заявление

Как видно из сообщений печати Соединенных Штатов Америки и некоторых других капиталистических стран, в настоящее время готовятся к публикации так называемые мемуары или воспоминания Н.С.Хрущева. Это — фабрикация, и я возмущен ею. Никаких мемуаров или материалов мемуарного характера я никогда никому не передавал — ни «Тайму», ни другим заграничным издательствам. Не передавал таких материалов я и советским издательствам. Поэтому я заявляю, что все это является фальшивкой. В такой лжи уже неоднократно уличалась продажная буржуазная печать.

*Н.Хрущев
10.XI.1970 г.»*

Возражать против вставленной в текст и так резанувшей мой слух «фальшивки» отец не стал, иначе пришлось бы зайти слишком далеко, сказать слишком много, подставить под удар других, доверившихся ему людей. Однако подписанием заявления встреча не закончилась, отца прорвало, и он решил высказаться до конца. Главный разговор только начинался. Отец напомнил Пельше об изъятии мемуаров. Пельше был

не готов к ответу и сказал, что ему ничего не известно. Мельников на помощь своему шефу не пришел. Отец тем временем перешел на новую тему, еще более острую.

Прошло шесть лет, как они работают без него, стал говорить отец. Тогда на него всех собак повесили. Говорили: избавимся от Хрущева — и все пойдет как по маслу. А ведь отец предупреждал своих бывших соратников, что надо перестраиваться, по-новому вести хозяйство, иначе ничего путного не получится. Но они вернули министерства и разрушили то хорошее, пусть малое, что было сделано.

Сельское хозяйство разваливается. При отце повысили цены на масло, мясо, чтобы стимулировать производство продуктов, но этого не произошло, в магазинах ничего нет. В 1963 году, опять же при нем, закупили зерно в Америке, но как исключительный случай. А без него ввели это в практику. Позор!!! Советский Союз закупает зерно!!!

Значит, продолжал отец, дело не в нем, а в порочной системе хозяйствования. Они же успокоились и ничего делать не хотят. Сидят в тихом болоте, а надо действовать, искать.

А международные отношения? Говорили, что Хрущев поссорил нас с Китаем. Прошло шесть лет, отношения только ухудшились. Теперь всем видно — тут действуют более сложные закономерности. Пройдет время, и отношения нормализуются, но для этого должны прийти новые люди, способные по-новому взглянуть на проблему, отбросить накопившуюся шелуху.

Как рассказывал потом отец, Пельше было встрепелунся, желая что-то возразить, но отец не дал ему вмешаться и продолжал в пух и прах разносить своих прежних соратников.

Он говорил, что в Египте всё прозевали (употребив при этом более крепкое выражение). Сколько денег, труда вложено в эту страну, а они допустили, чтобы наш союзник проиграл войну, хотя был вполне к ней готов, имея современную, отлично вооруженную армию. Коснулся отец и некоторых других вопросов, связанных с внешней и внутренней политикой. Наконец он закончил свою обвинительную речь и замолчал.

Вся эта гневная тирада потребовала немалых сил. Встреча отцу далась нелегко. Все же пришлось идти против своей натуры, изворачиваться, недоговаривать. Но это еще можно было перенести. За себя он не боялся, это видно из вышеприведенного текста, но за его спиной стоял не только я, но и все те, кто рисковал, пусть отнюдь не бескорыстно, переправляя надиктованное за кордон.

А вот что они, его преемники, так бездарно губят все, что отец начинал, и он не может ничего поправить, превратило разговор в настоящую пытку. К концу перепалки отец почувствовал себя окончательно обессиленным. Сказал, что выполнил их требование. Подписал. А сейчас хочет уехать домой...

Арвид Пельше немедленно доложил о своей «победе» коллегам по Политбюро ЦК. Я не могу не воспроизвести и этот текст дословно, он говорит сам за себя.

«ЦК КПСС

По поручению ЦК КПСС, в связи с предстоящей публикацией в США и ряде других стран Запада «воспоминаний Н.С.Хрущева», 10 ноября т.г. в Комитете партийного контроля состоялась беседа с т. Хрущевым Н.С.

Во время этой беседы т. Хрущев вел себя неискренне, неправильно, уклонялся от обсуждения вопроса о своих неправильных действиях. Он утверждал, что никому не передавал свои мемуарные материалы для публикации. В итоге беседы согласился сделать заявление для печати.

Прилагаем стенографическую запись беседы с т. Хрущевым и заявление, им подписанное.

А.Пельше»

13.XI.70.

Это была последняя встреча отца с партийным руководством. Он высказал все, что наболело на душе за последние годы, о чем он мучительно раздумывал в одиночестве.

Мама, позвонившая мне в тот же день, рассказала, что отца вызывали в КПК и выспрашивали о мемуарах.

Я немедленно приехал на дачу. Отец сидел на опушке окружавшего дачу леса. Я присел рядом. Мы долго молчали, потом он стал рассказывать, все больше распадаясь. Закончив, он помолчал и вдруг, видимо, отвечая своим мыслям, добавил:

— Теперь я окончательно убедился, что решение об издании книги было правильным. То, что отобрали, они уничтожат. Они правды боятся. Все правильно.

Мы опять замолчали, каждый по-своему думал об одном и том же.

Вечером я уехал, поскольку это был рабочий день. Дома по свежим следам записал рассказ отца.

Визит этот не прошел для отца бесследно. Пельше добился результата — отца опять уложили в больницу. Владимир Григорьевич Беззубик объявил, что у отца микроинфаркт.

— Это совсем не то, что было летом, — старался успокоить он нас, — никакого сравнения. Все равно что кошка когтями цапнула.

Сравнение меткое, но, думаю, слишком слабое...

Отец был мудрым человеком. Многое он предвидел заранее. Еще в начале нашей работы он распорядился, чтобы в случае, если он заболел и ляжет в больницу, я все, связанное с диктовкой, убирал и хранил в надежном месте. На всякий случай.

Снова я посещал отца каждый день. Как обычно, он ворчал на меня. А на экране, как и прежде, тянулась бесконечная зеленая линия...

Отец сильно постарел, и не только внешне. Весь этот град ударов, обрушившийся на него в последнее время, не прошел даром. Скандал в КПК он пересказывал всем: врачам, сестрам, посетителям. Впрочем, он не ждал реакции. Ему надо было выговориться, разрядиться.

К новому, 1971 году, последнему Новому году в жизни отца, его выписали из больницы. Праздник он встретил на даче. Внешне жизнь входила в привычное русло: те же прогулки, встречи с отдыхающими, возобно-

вившими свои экскурсии в Петрово-Дальнее, известные вопросы и известные ответы.

Но в последнее время появились и новые штрихи: многие спрашивали его о мемуарах. Ведь люди слушают разные «голоса». Как попали мемуары за границу, не мое дело, отвечал отец. Свои воспоминания он диктовал и считает, что их нечего прятать. Там нет секретов, ничего такого, о чем нельзя писать.

Физические силы отца были подорваны. Здоровье на этот раз возвращалось очень медленно. Он быстро уставал. Уже не мог без отдыха пройти до опушки леса. По дороге усаживался на раскладной стульчик, который по-прежнему носил с собой. Арбата уже не было. Он умер в весьма преклонном возрасте, и таскать стульчик стало некому. Отец завел себе новую собаку — дворняжку. Назвал ее Белкой за рыжую шерсть и живой характер. Она повсюду бегала за ним, преданно смотрела в глаза, лизала руки — такта и воспитанности Арбата ей явно не хватало. Мы ему предлагали взять породистую собаку.

— Дворняжка и умнее, и преданнее, и неприхотливее. Зачем мне оболтус с родословной? — отказался отец.

Хотя беседа в ЦК и не прошла бесследно, отец не был сломлен. Уже в февраль он сказал мне: «Будем продолжать работу. Наладь все».

Диктовка теперь шла с трудом. Он силой заставлял себя входить в рабочее состояние. Он уже не жил работой, а выполнял самим на себя возложенные обязанности. Своей работой доказывал и себе, и своим обидчикам, что не смирился, не думает сдаваться.

Так, через силу он надиктовал три неполные катушки, где говорилось о встречах с конструкторами самолетов и ракет, учеными, в частности с Петром Капицей, с деятелями культуры. Он рассказывал и о непомерных военных расходах, о том, как, по его мнению, можно разорвать этот заколдованный круг...

В январе Луи привез долгожданный экземпляр мемуаров — черный том с красно-золотыми буквами заглавия и фотографией улыбающегося отца на суперобложке. Я тут же поспешил в Петрово-Дальнее — показать книгу отцу. Он перелистал ее, посмотрел на фотографию и вернул книгу мне. По-английски он не читал. Книга была для него все-таки чужой.

Вот если бы она была нашей...

В январе меня еще раз вызвали в КГБ. Евгений Михайлович передал, что меня просили ознакомиться с переводом английского издания мемуаров отца и дать заключение о его соответствии оригиналу.

Я удивился:

— Ведь у меня нет мемуаров. Все у вас. Проще всего сравнить два текста, сразу будут видны разночтения.

Он напомнил, что мне уже неоднократно разъясняли, что мемуаров в КГБ нет — их передали в ЦК. Так что сравнивать не с чем. Поэтому они и обращаются ко мне — человеку, хорошо знакомому с текстом.

Конечно, трудно поверить, что они не могли получить материалы. Я так и не догадался, чего они добивались, попросив меня сделать заключе-

ние. Тем не менее я с охотой согласился. По-английски я читаю прилично, но профессиональный перевод позволял точнее оценить, насколько тексты аутентичны. Мне выделили комнату, поручили заботам Владимира Васильевича, и я погрузился в машинописный перевод книги.

У меня сразу вызвали внутренний протест коротенькие введения Эдварда Кренкшоу к каждой главе. Я давно не перечитывал книгу, но остро помню чувство неприятия, которое в ту пору возникло у меня. В остальном все было правильно, текст не отличался от надиктованного по смыслу, мало разнился он и с рассказами отца, слышанными нами по многу раз.

В своем заключении я отметил, что материал сильно сокращен, в частности выброшено почти все, относящееся к войне. Остались лишь отдельные эпизоды. Отсутствовали и некоторые другие факты, относившиеся к различным периодам нашей истории. Я отдал свое заключение Владимиру Васильевичу, он поблагодарил, и на том мы расстались.

Как мы и предполагали, публикация книги сняла напряжение. К отцу по поводу мемуаров больше никто не обращался.

В том же 1971 году обратный перевод с английского на русский был издан для ограниченного круга читателей в издательстве «Прогресс» с маркировкой «ДСП» («Для служебного пользования»). Таким образом, хотя и в переводе с английского, хотя и сильно сокращенное, но все же вторым изданием стало русское.

Мемуары Хрущева изданы ныне еще на пятнадцати языках нашей планеты. Их прочитали практически во всех странах мира. На книжной полке у меня дома, вслед за английским, постепенно выстраивались немецкое, французское, итальянское, японское и даже турецкое издания.

Конечно, отец мог и не писать мемуаров. У него были любимые занятия: выращивание овощей, прогулки, фотографирование. Если бы не мемуары, такой его образ жизни, очевидно, вполне устроил бы власти и, наверное, позволил бы отцу прожить еще несколько лет. Но он выбрал другой путь, будучи уверен, что его слова нужны нашему народу и, что бы ни случилось, они когда-нибудь все-таки дойдут до читателя. И тот резонанс, который вызвало в мире опубликование его воспоминаний, подтверждает правоту отца.

В воскресенье, 5 сентября 1971 года, отец с мамой собрались в гости к Раде — на дачу. Дорога была неблизкой, километров шестьдесят, и такие поездки превращались в целое путешествие. Это разнообразило жизнь отца — он встречался с новыми людьми, заряжался новыми впечатлениями.

К сожалению, поездка не удалась. Отец почувствовал себя плохо, защемило сердце. Мама дала ему таблетку, и он кое-как отсиделся на стульчике, который и здесь был с ним. Раньше обычного они вернулись домой. Отец принял еще лекарство, и хотя оно не помогло, хуже ему, кажется, не стало. В воскресенье врача решили не беспокоить.

Ночь не принесла облегчения, темнота давила на грудь, стало трудно дышать. Отец позвал маму — дверь в ее комнату на всякий случай не закрывалась.

— Посиди со мной. Мне как-то тяжело. Видно, эту осень я не переживу, — с каким-то детским испугом сказал ей отец.

Утром приехал Беззубик. Посмотрел, послушал, ничего угрожающего не нашел, но посоветовал лечь в больницу. Отец в больницу не хотел, и Владимир Григорьевич не настаивал. Но днем приступ повторился, и Беззубик стал неумолим. Правда, и отец присмирел, только попросил, чтобы отвезли его на «Волге». Очень он не любил «кареты», говоря, что чувствует себя в них почти покойником. Владимир Григорьевич согласился. Стали ждать машину.

Мама позвонила мне на работу. Сказала, что отца забирают в больницу. Я бросил все свои дела и помчался на дачу. Но не успел. Отца уже увезли. Дома была только мама — растерянная, какая-то жалкая. Она словно пыталась сама себя успокоить, объясняя мне, что у отца инфаркта нет, а это хорошо, но самочувствие плохое. «Авось обойдется», — без особой уверенности заключила она.

Я привычно снял катушку с последней диктовкой с магнитофона, убрал ее в свой портфель. На магнитофон поставил чистую. Посидел в отцовском кресле, на душе скребли кошки. За стеной, в своей комнате, тихо, как мышки, затаились Лена и ее муж Витя.

— Если что... — мелькнуло у меня в голове. — Теперь я самое ненадежное звено в цепи. Пленки будут искать у меня.

Решение пришло спонтанно. С бобиной в руке я постучал в комнату Лены. Войдя, я увидел сестру с мужем, сидящих на кровати. В углу у платяного шкафа стоял открытый объемистый портфель, с ним Витя ходил на работу в Институт химической физики академика Н.Н.Семенова.

Приложив палец к губам, я молча опустил в портфель драгоценную картонную коробочку с бобиной. Затем так же молча поманил Лену и Витю за собой. Мы вышли во двор. Отойдя от дома на «безопасное» расстояние, я пояснил, в чем дело, и попросил, в случае чего, спрятать пленку. Витя сказал, что он знает надежное место. Я не спросил, какое.

11 сентября 1971 года отца не стало.

После смерти отца я передал им остававшиеся у меня еще две бобины. Оригиналы. В той нервной обстановке я поостерегся снимать копии.

Евгений Михайлович и его «команда», казалось, обо мне забыли, и только иногда, во время важных государственных визитов, как, например, приезд в Москву генерального секретаря ООН, я замечал в зеркале заднего обзора знакомую «Волгу». Изредка до меня доходила информация о подготовке к изданию второго тома. Правда, от меня уже ничего не требовалось и ничего не зависело.

В 1974 году, через три года после кончины отца, второй том мемуаров под названием «Хрущев вспоминает. Последнее завещание» (Khrushchev Remembers. The Last Testament) наконец вышел в свет. На белой супербложке с красно-черным траурным заголовком была помещена фотография отца, сидящего зимой на его любимой скамейке на опушке леса.

Тут-то обо мне снова вспомнили. Мы опять встретились с Евгением Михайловичем в том же номере гостиницы «Москва». Его сопровождал

неизменный Владимир Васильевич. Речь зашла о том же: как мемуары попали в издательство «Литтл, Браун энд компани».

Мне показали заранее подготовленное как бы мое письмо на имя одного из известных американских редакторов, господина Нормана Казинса.

Недавно, разбирая старые бумаги, я нашел копию этой заготовки. Евгений Михайлович предлагал мне подписать заготовленный текст:

«Уважаемый господин КАЗИНС!

Мне стало известно о том, что в США публикуются материалы, которые выдаются за мемуары моего отца. В действительности это не что иное, как провокационная акция реакционной западной прессы, направленная на дискредитацию советской действительности и создание препятствий на пути дальнейших улучшений советско-американских отношений.

Известно, что изданный в США и некоторых других капиталистических странах первый вариант «мемуаров» Н.С.ХРУЩЕВ рассматривал как очередную фальшивку, сфабрикованную буржуазной печатью, и официально заявил об этом в газете «Правда».

Сейчас отца уже нет в живых, и он, естественно, не может выступить с подобным заявлением. Поэтому я считаю своим долгом заявить от себя лично и членов нашей семьи, что никакие мемуарные материалы Н.С.ХРУЩЕВА никому не передавались, а также высказать возмущение по поводу неблагоприятных действий отдельных американских издательств в отношении СССР, советского народа и нашей семьи, в частности.

Надеюсь, что через Ваш журнал Вы доведете до сведения американской общественности содержание моего письма.

*Искренне Ваш
С.ХРУЩЕВ»*

По замыслу мое письмо должно было вызвать скандал и дискредитировать мемуары. План был простой, но эффективный: Казинс как конкурент корпорации «Тайм», которой принадлежит и издательство «Литтл, Браун», с удовольствием воспользовался бы представившейся возможностью посадить соперников в лужу.

Согласиться с предложенным текстом я, естественно, не мог, но и отказываться с ходу посчитал неразумным, решил потянуть время и сказал, что мне нужно посоветоваться с мамой, поскольку такое дело не могу решать в одиночку. Мы условились встретиться через несколько дней. В тот же день я рассказал обо всем маме. Она поинтересовалась, читал ли я книгу.

— Нет, — ответил я, — даже не видел.

— Так как же можно писать, что это фальшивка, даже не ознакомившись с текстом, — логично возразила она. — Ты не должен делать такое заявление о книге, которую никто из нас в глаза не видел. Можно написать то, что написал отец: мы не знаем, как эти материалы попали на Запад.

С этим я и пошел на следующую встречу. Я понимал, что разговор будет не из легких, и приготовил неотразимый аргумент — мама запретила. Это было правдой, а к Нине Петровне они не подступятся. Кроме того, по поведению моих собеседников я заметил, что сейчас вопрос стоит не так остро, как четыре года назад.

Я еще раз перечитал заготовленный текст и попросил переделать его в соответствии с позицией мамы. Завязался спор. Я настаивал на своем.

— Дайте мне книгу. По-английски и мама, и я читаем. Правда, не слишком быстро, так что изучение текста займет пару недель. Если текст книги не соответствует мемуарам, то я буду провозглашать на каждом углу, что это фальшивка. И напишу об этом кому угодно. А так — увольте. Не могу. У Евгения Михайловича вырвалось:

— Как мы вам дадим книгу? У нас пока нет ни одного экземпляра. Мы сами ее не видели.

Я ухватился за эти слова:

— Ну а как же я могу что-то утверждать о книге, которую, оказывается, не только я, но и вообще никто в глаза не видел?

Расщепов понял, что после его обмолвки нам не сговориться. Пришлось долго возиться с текстом письма Казинсу, спорить из-за каждого слова. Наконец удалось согласовать редакцию — сделать текст в стиле заявления отца четырехлетней давности. Меня попросили переписать письмо от руки и собственноручно надписать адрес. Вот все и закончилось, письмо отправилось к господину Казинсу по адресу: Соединенные Штаты Америки, округ Колумбия, город Вашингтон.

С тех пор мне не доводилось больше встречаться ни с Евгением Михайловичем Расщеповым, ни с его верным другом и соратником Владимиром Васильевичем.

Мое письмо дошло до господина Казинса и заинтересовало его. Он прислал своего человека в Москву, поручив ему встретиться со мной и, если я пожелаю, опубликовать серию разоблачительных статей.

В то время я занимался надгробием отцу, которое создавал выдающийся русский скульптор и художник Эрнст Неизвестный. Вокруг Неизвестного всегда было много иностранных корреспондентов. Посланец господина Казинса легко «вышел» на него и попросил передать мне просьбу о встрече. Эрнст Иосифович не был осведомлен обо всей этой истории и воспринял обращение как желание новичка взять у меня интервью. Он предупредил собеседника, что я интервью не даю. В ответ его заверили, что речь идет не об интервью, а о чрезвычайно важном деле, хорошо известном мне.

Неизвестный в подробностях передал мне разговор и предложил встретиться у него в мастерской. Миссия предстояла не из приятных, но я даже обрадовался такому повороту событий. Отправленное письмо меня беспокоило, теперь же представлялась возможность вернуть контроль над ситуацией.

У Неизвестного в мастерской я бывал часто, и мои визиты давно не вызвали профессионального интереса коллег Виктора Николаевича. На этот раз Эрнст Иосифович предупредил: рядом с мастерской стоит ма-

шина со специальными антеннами. Ясно, что они будут нас подслушивать.

— Она всегда приезжает, когда приходят интересующие их иностранцы, — беззаботно проинформировал меня Незвестный.

Я подумал, что при нашем разговоре Евгений Михайлович был бы не совсем к месту. Только мы устроились в маленькой комнате, как раздался звонок в дверь — пришел корреспондент. Настроение у него было деловое. Встретили мы его радушно. Пригласили отведать, что Бог послал. На столике стояли бутылка водки, какая-то незатейливая закуска. Наш гость по-русски говорил неплохо, что, конечно, облегчало общение. Выпили по рюмке, закусили. Мы осведомились, как дела в Америке. Затем поговорили об искусстве, религии. Выпили еще. Обсудили последние международные события. Поговорили о диссидентах. Еще выпили. Разговор перешел на творческую манеру Незвестного. Открыли вторую бутылку. Осмотрели скульптуры в мастерской.

Гость наш ничего не понимал. Он попытался было перейти к теме, ради которой приехал в Союз, но я всякий раз переводил разговор на другое. Наконец ему, видно, надоела вся эта несуслаица. На лице читалось явное недоумение: он решительно поднялся, поблагодарил за теплый прием. Мы попрощались. Недоумение его усилилось еще больше. Я пошел проводить его до машины.

Я не знал, прослушивают ли нас на улице. Машина с антеннами стояла в десятке метров от корреспондентской «вольво». Мне не хотелось расстраивать Евгения Михайловича, и потому я предпочел бы, чтоб он не узнал о нашем коротком разговоре. Однако дальше тянуть было невозможно.

Гость открыл дверцу машины, и тут я задержал его руку:

— Прошу извинить меня. В доме нас подслушивали.

Он обрадованно улыбнулся, наконец положение стало проясняться.

— Передайте господину Казинсу мои глубочайшие извинения. Я вынужден был в силу ряда обстоятельств ввести его в заблуждение. Всякое бывает в жизни. Мемуары настоящие. Я их прочел, так что разоблачать нечего.

После этого мы попрощались.

Это была последняя попытка компетентных органов вмешаться в жизнь западного издания воспоминаний отца. С тех пор они живут respectable жизнью, приличествующей мемуарам отставного главы правительства великого государства. На них ссылаются. Они стали частью мировой истории.

Правда, у нас продолжали распространять информацию о том, что мемуары эти — фальшивка. По сей день кое-кто, когда речь заходит о воспоминаниях отца, не преминет заметить:

— Хорошо, если появятся настоящие мемуары, а не те, фальшивые...

В конце семидесятых годов я решил вернуться к своим запискам. Услужливо стертую в КГБ магнитофонную ленту я восстановил тогда же, по горячим следам, теперь пришло время перенести все на бумагу. Моя

личная жизнь сложилась так, что к тому времени я развелся с женой и переехал к маме в Староконюшенный переулок. После смерти отца и последовавшей через год кончины Лены она там проживала одна.

По складу психики я — жаворонок, работается легче с утра. Однажды утром я разложил свои бумажки на обеденном столе, раскрыл окно, выходящее в «колодец» арбатского двора, и принялся за работу. Весна была в разгаре, середина мая. Внизу под окнами зеленели распускающиеся липы. Сначала слова с трудом цеплялись друг за друга. Затем пошло легче. У меня даже появилось удовлетворение. Осмелев, я вставил первое прилагательное, дальше — больше. Незаметно промелькнули три часа, мое утреннее время истекло, пора было собираться на работу.

Оставил маме записку с просьбой ничего не трогать, порядок на столе не наводить. Знал, что мама не терпит, когда вещи покидают отведенные им места, и аккуратно складывает в пачки разбросанные бумаги.

Через месяц у меня набралась пара сотен рукописных страниц. Я, стараясь не упустить мельчайших подробностей, описал драматические события сентября — октября 1964 года, жизнь отца после вынужденной отставки, первые шаги на вновь отведенном ему месте жительства в Петрово-Дальнем.

Отдавать в перепечатку рукопись я не решался. Никакого практического применения своим запискам в те дни я не видел, а рисковать не хотелось. Я сложил рукопись в небольшой чемоданчик и поставил его у стенки, за прикроватной тумбочкой.

В суете повседневных дел я не часто вспоминал о своих записках. Изредка бросив взгляд в угол, я убеждался, что чемоданчик на месте, и тут же переключался на другое.

Событий в моей жизни происходило немало. Основное время отнимала работа. Да и дома было неладно. Мама болела. Ей стало трудно ходить, ноги отказывали — отложение солей. Она мужественно, как и все в своей жизни, переносила болезнь. Ухаживать за собой не позволяла, все старалась делать сама. Основное время она проводила на выделенной ей правительством после смерти отца маленькой деревянной дачке в подмосковном местечке Жуковка. Там собралось много пенсионеров разных рангов. По опоясывающей поселок асфальтированной дорожке по утрам и вечерам проделывал ритуальный моцион Молотов. Несмотря на свой возраст, он выглядел бодрым и подтянутым. Я с ним почтительно здоровался издали, он кивал в ответ и возвращался к оживленному разговору с сопровождавшими его людьми. Один он появлялся редко.

Маминым соседом в Жуковке стал Александр Петрович Волков. В последние годы перед пенсией он был председателем Комитета по труду и заработной плате. (В пятидесятые годы Волков работал под началом отца в Московском комитете КПСС.) К нему на огонек часто заглядывал Василий Павлович Мжаванадзе. Наперебой они ругали Брежнева, отправившего их «на отдых», по их мнению, преждевременно и совершенно незаслуженно. Завидев меня, они приветливо здоровались, осведомлялись о здоровье Нины Петровны.

На соседней даче, с другой стороны, жила вдова Сергея Павловича

Королева Нина Ивановна. Она порой забегала проведать маму, перекинуться парой слов.

Было вокруг немало и других знакомых. Теперь, отставленные с высоких постов, они не сторонились, а наиболее смелые даже вспоминали отца добрым словом.

В первые годы после смерти отца мама любила гулять, следить за прилегающим к дому участком соснового леса, вырезала прошлогодние ветки дикой малины, окружавшей дом плотным кольцом. Мама часами возилась на двух небольших грядках, разбитых мною по ее просьбе прямо в лесу. Там у нее росла ремонтантная земляника. Маме доставляло большое удовольствие потчевать ягодами наведывающихся в выходные дни детей и внуков.

Постепенно все это отошло в прошлое. Сил хватало лишь на несколько шагов по дорожке, да и то с помощью палки. Остальное время мама проводила на раскладном полотняном стульчике на крыльце дома.

А затем пришла беда. Как это бывает, вдруг организм разладился, и болезни посыпались со всех сторон. Мама полгода почти не выходила из больницы и 9 августа 1984 года скончалась...

Прошло несколько лет. Я жил там же, в когда-то предоставленной отцу квартире. Однажды мне позвонила соседка по дому Джейн Темпест. Ее отец — британский коммунист, поэт, связанный в прошлом с Кимом Филби, с «Кембриджской пятеркой», много лет проработал в Советском Союзе. Она родилась в СССР и выросла настоящей москвичкой. Мы часто встречались семьями. Сейчас она преподает в одном из университетов в Соединенных Штатах.

— С тобой хочет встретиться один мой новый знакомый. Он много занимался мемуарами Никиты Сергеевича, — сказала Джейн.

Я пригласил их зайти ко мне на следующий день. Так мы в первый раз встретились со Струбом Тэлботтом, симпатичным молодым человеком, отлично говорящим по-русски, о котором я уже упоминал, рассказывая о подготовке к печати первого издания мемуаров отца.

Значительную часть своей жизни он посвятил мемуарам моего отца, сделав на них журналистскую карьеру. Он прекрасно разбирается в нюансах нашей жизни. Хрущев стал для него близким и понятным человеком. Он рассказал мне, как строилась работа над мемуарами, что он сократил и почему. Под сокращение попали разделы о войне, о жилищном строительстве, и особенно «не повезло» сельскому хозяйству.

— Он там очень много говорит о кукурузе, убеждая читателя в ее преимуществах. Нам это непонятно, в этом американских фермеров убеждать не надо, — рассказывал Струб.

До этой встречи я практически ничего не знал о том, кто и как работал над воспоминаниями. Для меня было приятной неожиданностью то внимание и, я бы сказал, почтение, с каким сотрудники издательства отнеслись к запискам отца.

В разговоре мы не затрагивали вопросов, связанных с получением мемуаров. Шел последний период застоя, и говорить об этом было еще небезопасно.

Я думал, что мы больше не встретимся. Однако судьбе было угодно распорядиться иначе. В 1988 году Раде Никитичне позвонили из московского представительства журнала «Тайм» и попросили о встрече, чтобы обсудить важное предложение. В середине июня мы встретились с представителями журнала на квартире моей племянницы Юлии Леонидовны.

От «Тайма» пришли Струб Тэлботт и сотрудники московского отделения Энн Блэкман и Феликс Розенталь. Мы были в недоумении. Чего же от нас хотят?

Тэлботт вспомнил и о нашей предыдущей встрече, и о многом другом, а затем сказал, что они не могут считать свою миссию выполненной, пока воспоминания Хрущева не вышли на русском языке, не стали достоянием народа, которому они предназначались. Он добавил, что они готовы приложить к этому все усилия и оказать в этом деле нашей семье посильную помощь. Кроме того, сказал Тэлботт, компания «Тайм» чрезвычайно горда тем, что ей выпала честь быть первым издателем воспоминаний этого великого человека.

Струб пояснил, что, когда он прочитал мое интервью югославской газете «Виесник», он позвонил своим шефам и сказал, что пришла пора действовать. Надо ехать в Москву. Его идею одобрили. И вот они здесь.

Все прояснилось. Дело в том, что весной 1988 года у меня попросил интервью корреспондент хорватской газеты «Виесник» Милон Бекеш, и я встретился с ним. В ответ на его вопрос о мемуарах Хрущева я объяснил, что они находятся в ЦК КПСС и, по моему мнению, в условиях перестройки и гласности без затруднений могут быть изданы в Советском Союзе. Это интервью получило широкую огласку в мире, его передали ведущие информационные агентства.

От имени нашей семьи я поблагодарил представителей компании «Тайм» за добрые слова и намерения и сказал, что больше всего нам мог бы помочь русский текст мемуаров, распечатанный с пленок. Тэлботт ответил, что все пленки «Тайм» передал в Гарримановский институт Колумбийского университета в Нью-Йорке. Там хранится собрание записей голосов наиболее выдающихся государственных деятелей.

— Эти записи доступны любому исследователю. Нам не представит труда получить их для вас, — обнадёжил он меня.

Мы договорились о следующей встрече. Прошло меньше месяца, и в начале июля мы принимали руководителей «Тайма» Генри Маллера и Джона Стакса, а также наших знакомых Струба Тэлботта, Энн Блэкман и Феликса Розенталя.

Маллер и Стакс не принимали участия в издании мемуаров, они пришли в компанию позднее. Они вручили нам экземпляры книг воспоминаний Хрущева на английском языке. У меня они были, а Рада и Юля получили их впервые.

Они еще раз заверили нас, что компания «Тайм» считает для себя делом чести довести публикацию воспоминаний Хрущева до победного конца, и сказали, что распечатки с пленок будут у нас в ближайшее время...

Надо сказать, что, несмотря на резко отрицательное официальное отношение к имени Хрущева во времена Брежневщины, осторожный

возврат интереса к имени отца начался задолго до встречи с американцами.

В конце 70-х годов мне позвонил Алексей Владимирович Снегов и сказал, что историк Рой Медведев пишет биографию отца. Алексей Владимирович рассказал все, что знал сам, и теперь, выполняя просьбу Медведева, просил меня встретиться с ним.

Я много слышал о Рое Медведеве. Читал его книгу о Сталине «К суду истории». По тем временам это был чрезвычайно смелый шаг, который не мог не вызвать уважения. Хорошо о нем отзывался в свое время и Эрнст Неизвестный, собиравший нас познакомить, чего он до своего отъезда за рубеж сделать не успел.

Читал я и книги Медведева об отце на английском языке. По правде говоря, мне они не понравились. Я не почувствовал в них глубокого анализа исторического периода, многие события освещались поверхностно, какие-то факты оказались искаженными, а с оценками, как ни старался быть объективным и преодолеть родственные чувства, я согласиться не мог — слишком близки они были к стандартным в те времена словам о волюнтаризме и субъективизме Хрущева.

Но не надо забывать обстановку тех недавних лет. Это сейчас в печати то и дело попадают публикации о моем отце. Но тогда даже простое упоминание его фамилии могло быть чревато неприятностями для автора издания.

Мы договорились с Медведевым о встрече. И вот седой, интеллигентного вида мужчина сидит напротив меня. Мы поговорили о его замысле, о необходимости объективного освещения истории. Казалось, мы вполне понимали друг друга, и встречи наши продолжались. Я рассказывал ему об отце, и эти рассказы автор использовал при написании многих глав своей книги.

Наконец, Рой Александрович принес окончательный вариант. Он сказал, что книга уже набирается в Лондоне. Событие это совпало со смертью Брежнева...

Книга мне не понравилась. Отдельные ее разделы были полны неприятия хрущевских реформ. Лишь бесспорные шаги, такие, как XX съезд, разоружение, не подвергались разгрому. Особенно, как я помню, досталось «неправильным» действиям отца в области сельского хозяйства, приведшим к сокращению выпуска сельскохозяйственных машин — тракторов и комбайнов. А ведь сегодняшнее наше первенство в мире по выпуску тракторов и комбайнов оказалось после трезвого анализа никому не нужным. Те же мысли двадцать лет назад высказывал и отец.

Значительная часть книги отведена критическому разбору школьной реформы — вопрос, который не был у отца в числе первых, но зато оказался наиболее близким самому Медведеву.

Словом, как я ни старался отстраниться от вполне объяснимого родственного субъективизма и трезво взглянуть в лицо историческим фактам, у меня ничего не выходило. Обо всем этом я откровенно сказал Рою Александровичу при нашей встрече в декабре.

Расстались мы холодно. Рой Александрович сказал, что каждый исто-

рик имеет свой взгляд на прошлые события, да и книга уже в издательстве. С этим спорить не приходится. На этих страницах я тоже высказываю свой личный взгляд на события тех лет.

Через несколько дней мне позвонил Снегов. В оценках книги Р.Медведева он был более категоричен, чем я.

Вскоре я снова услышал в телефонной трубке Роя Александровича. Мы с ним повстречались вновь. О последнем разговоре не вспоминали.

Медведев подарил мне свою книгу «Политическая биография Хрущева» на русском языке. Она мало походила на предыдущий вариант, хотя и содержала, на мой взгляд, целый ряд неточностей.

Наше знакомство восстановилось. Рой Александрович рассказал, что пишет книгу о Брежневе, попросил помочь. Я, конечно, согласился.

Что бы там ни было, Медведев оказался единственным, занимавшимся в то недоброе время Хрущевым, и я благодарен ему за это.

Начавшиеся после смерти Брежнева изменения позволили всерьез задуматься о восстановлении доброго имени отца, о возможности работы над его воспоминаниями в нашей стране. Я стал обдумывать письмо Юрию Владимировичу Андропову, но не успел его написать: Андропова не стало. Над страной опять стали сгущаться сумерки. Обращаться к Черненко с просьбой было не только бессмысленно, но и опасно.

К счастью, отступление было кратковременным. После долгих раздумий и колебаний я решился написать Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

Его выступления, слова, действия внушали оптимизм, вселяли веру в перемены к лучшему. Весь стиль его деятельности, динамизм, общительность, стремление к новому напоминали мне отца.

Я долго мучился над текстом письма. От него зависело так много. Наконец, я решился.

Довольно легко я дозвонился до помощника Горбачева Анатолия Сергеевича Черняева. На следующий день он принял меня. С волнением я входил в первый подъезд знакомого здания на Старой площади. Как давно я здесь не был...

Анатолий Сергеевич подробно расспросил меня обо всем и пообещал доложить мой вопрос Михаилу Сергеевичу в ближайшие дни, чем удивил меня несказанно. Я рассчитывал на ответ минимум через несколько недель, а то и месяцев. Видимо, новые времена начались всерьез.

Действительно, дня через три-четыре, когда я опять дозвонился до Черняева, он сказал, что Михаил Сергеевич посоветовался с другими членами Политбюро, и они решили, что в соответствии с нынешним курсом исторической науки работа над мемуарами Никиты Сергеевича актуальна. Черняев добавил, что мне будут предоставлены все условия, а конкретно реализацией решения занимается Александр Николаевич Яковлев. Он тут же продиктовал мне номер телефона помощника Яковлева Валерия Алексеевича Кузнецова, предложив в случае затруднений звонить.

Я был на седьмом небе! Оказывается, вот как бывает! А я рассчитывал на обычную у нас волокиту. Вот что значит новое мышление!

О А.Н.Яковлеве в Москве говорили как о человеке нового склада, демократе, полном антиподе Суслова. Я очень надеялся, что Александр Николаевич меня примет, мы с ним обсудим план действий, он возьмет публикацию мемуаров под свой контроль.

Потребовалось длительное время, чтобы понять, что среди «идеологов» разница между «либералами» и «ретроградами» весьма иллюзорна. Все они — бывшие и нынешние — одинаково не прощали отцу ни его антисталинского выступления на XX съезде, ни его намерения ограничить всевластие бюрократии. Не прощали, но только одни — открыто, другие — порой не признаваясь в этом даже самим себе.

Через много лет, в апреле 1994 года, когда отмечали 100-летие со дня рождения отца, я впервые лицом к лицу повстречался с Александром Николаевичем. На мой вопрос, почему же он не поспособствовал мне в получении рукописей воспоминаний отца, по сути, не выполнил поручение Горбачева, Яковлев стал объяснять, сказав, что КГБ отзывается обо мне отрицательно, и не только в политическом плане, но и в отношении моей работы в институте...

Через некоторое время Александр Николаевич передал мне через общих знакомых, что дело вообще не в нем, а в злокозненном Болдине. Именно у него, в общем отделе, хранятся материалы отца, и именно он их не желал возвращать.

Наверное, все это правда. Вряд ли КГБ простило мне то, что я, по большому счету, переиграл их в 1970 году, увел из-под носа мемуары отца. И на работе я не всегда вел себя правильно. К примеру, как на меня ни давили, в характеристиках на отъезжавших в Израиль сотрудников писал то, что я о них думал, а не то, что требовалось. Да и Болдин действительно не горел желанием отдать отцовские воспоминания, которые хранились у него в общем отделе.

Все это правда, но правда и то, что Александр Николаевич не нашел времени заняться этим делом, об этом мне сказал его помощник и переадресовал к заведующему отделом пропаганды Юрию Александровичу Склярову. Тот со мной соединился незамедлительно. Разговор был предельно любезный. Юрий Александрович заверил меня, что в ближайшие дни разберется. Позвонит мне сам.

Прошел месяц. Тишина... Я позвонил снова. Оказалось, что все эти годы мемуарами никто не только не занимался, не интересовался их содержанием, но и не знал их местонахождения. Их предстояло разыскать в архивах. Юрий Александрович опять заверил меня, что при первых же новостях позвонит мне сам.

Так мы и перезванивались два года.

В августе 1987 года пришлось снова обращаться к Михаилу Сергеевичу. Последовало новое указание, подтверждавшее предыдущее. Я с новой силой принялся звонить Юрию Александровичу. Сначала выяснилось, что в архиве был ремонт. Потом другое событие — он переезжал в новое помещение.

В августе 1988 года наконец что-то нашли. Мне позвонили из ЦК и пригласили на следующий день утром зайти к товарищу Склярову. Через

несколько минут раздался еще один звонок. На сей раз густой мужской голос, принадлежавший человеку, назвавшемуся Смирновым из журнала «Огонек», интересовался фотографиями похорон моего отца. У них предполагалась статья об этом печальном событии, а иллюстраций не было, — ведь ни один советский журналист там не присутствовал.

Мы уговорились со Смирновым встретиться завтра у здания ЦК, у десятого подъезда. Там на пятом этаже меня ожидал не только Скляр, и, возможно, мне, наконец-то, удастся вернуть отобранные более пятнадцати лет тому назад воспоминания отца. О том, что со встречи со Смирновым начинается новый период в борьбе за опубликование мемуаров, я, естественно, и не подозревал.

Я опаздывал. То и дело сверяясь с бумажкой, на которой был обозначен маршрут, с трудом нашел десятый подъезд. Возле него переминается с ноги на ногу высокий мужчина. Это и есть Смирнов. Лицо — располагающее.

Я передаю ему фотографии и берусь за массивную ручку двери. Однако Смирнов удерживает меня, ему любопытно, зачем я приехал сюда, в отдел ЦК, ведающий идеологией. Я в двух словах объясняю: борюсь за публикацию воспоминаний отца на Родине. Времени для подробного разговора нет. Смирнов не отпускает меня и тут же предлагает опубликовать материалы в «Огоньке». У меня нет времени объяснять ему все сложности, предлагаю встретиться в начале сентября, после окончания моего отпуска.

У Юрия Александровича Склярова уже сидела Рада Никитична. За столом присутствовал еще один человек — Василий Яковлевич Моргунов, которому руководство поручило помогать нам в работе над мемуарами.

Юрий Александрович открыл добротную картонную папку, точнее — коробку, и сказал, что ему принесли четыреста страниц, и мы можем начинать над ними работать.

— Почему четыреста? А где же остальные? Где пленки? — забеспокоился я.

Просматриваю текст — редакция не моя, но это и не перевод с английского. Видимо, кто-то занялся этой работой помимо нас. Кто?

На первой странице кроваво-красные зловещие штампы: «Совершенно секретно», «Копии не снимать», «Подлежит возврату в Общий отдел ЦК». Юрий Александрович с улыбкой подталкивает пачку бумаг ко мне: берите, работайте. Мне же вспоминаются Расщепов, Титов, Мельников; нет никакого сомнения — продолжается та же игра. Как только я прикоснусь к этим листам, западня захлопнется, я никогда не смогу воспользоваться ни захороненной у Шумилова копией воспоминаний отца, ни копией, которую мне обещали прислать американцы. Обе они автоматически станут совершенно секретными, подлежащими возврату в Общий отдел ЦК.

Рада молчит.

— Но у меня забрали около полутора тысяч страниц, а здесь всего четыреста. Для компоновки книги нужно иметь весь исходный текст и магнитофонные пленки в придачу для сверки. Только тогда можно быть

уверенным, что ничего не упущено, оригинальный текст не искажен, — говорю я.

Склярлов встревоженно смотрит на Моргунова. Моргунов молчит.

Собираясь в ЦК, я перечитал расписку Титова об изъятии материалов и переписал ее от руки. Показываю копию расписки. С ее помощью легче будет найти все материалы. Юрий Александрович вызывает искреннее удивление. О существовании расписки тут не знали.

Склярлов еще раз, теперь уже не очень уверенно, предлагает взять хотя бы четыреста страниц, а они займются поиском остального. Я вежливо отказываюсь. Разговор окончен, договариваемся созвониться... в сентябре.

Покинув здание ЦК и попрощавшись с Радой, я из телефона-автомата, так быстрее и конспиративнее, звоню Розенталю в представительство «Тайм», осведомляюсь, не пришли ли из Гарримановского института обещанные распечатки. Оказывается, они уже в Москве. Договариваемся с Розенталем о встрече.

Вскоре в моей квартире вслед за сияющим Розенталем появился его водитель с большой картонной коробкой в руках.

— Мне ее не поднять, — объяснил Феликс Розенталь. — Здесь все, как мы и договаривались. Мои начальники из Нью-Йорка передают вам наилучшие пожелания и желаю успеха.

Розенталь ушел. После длительного путешествия и стольких лет разлуки мемуары вернулись домой. Вот они, передо мной.

Открываю первую папку. Да, это, несомненно, тот самый текст — такие родные слова отца и моя, пусть непрофессиональная, но старательная редакторская правка:

«Ко мне давно обращаются мои товарищи и спрашивают, и не только спрашивают, но и рекомендуют записать свои воспоминания, потому что я и вообще мое поколение жили в очень интересное время...»

Так я снова получил это бесценное, надеюсь, не только для меня историческое свидетельство...

Строго говоря, для работы мне не требовался ни экземпляр, похороненный в недрах ЦК, ни американская копия. Работать я собирался с материалами, хранившимися у Игоря Михайловича Шумилова и у Вити — Виктора Викторовича Евреинова, мужа моей покойной сестры Лены. К тому времени из «Вити» он превратился в солидного доктора наук, но работал там же, в «Химфизике», правда, уже без академика Семенова. Что мне требовалось — так это прикрытие, ответ на вопрос: «Откуда все это взялось?»

Я не забыл, как заверял своих собеседников в КГБ и расписывался в протоколах допросов в КПК, что у меня ничего не осталось, я полностью «разоружился», все сдал. Мысль о том, не притянут ли к ответу, если события отвергнут в иную сторону, не раз приходила мне в голову.

Начался второй, заключительный период работы над воспоминаниями отца. Я поговорил с Лорой Финогеновой, мы пришли к выводу, что старая схема работы наиболее удобна. Надо только привести в работоспособное состояние технику. За два десятилетия она здорово «истрепалась». Починили магнитофон, купили новые наушники, благо за эти годы

они перестали быть редкостью. Машинка — основное орудие труда Лоры — была «на ходу», постоянно находилась в работе.

Наконец, появились первые распечатки, и мы с женой Валентиной Николаевной, разделив драгоценные листки, взялись за карандаши. Дело стронулось, но на душе было беспокойно. Ведь работа, по существу, ведется по-старому — на полку, снова в расчете на будущее...

В те же дни я решил вернуться и к своим запискам, вытащил из-за кровати заветный чемоданчик, отряхнул с него пыль, вынул слегка пожелтевшие от времени листки. Работал урывками. Я стал заместителем директора, и институтские заботы поглощали все время.

В хлопотах минул год, еще один, и я решил написать новое, третье письмо Горбачеву. В нем я информировал его об изменениях, происшедших за истекший год, обстоятельствах, складывающихся вокруг мемуаров отца. Теперь уже речь шла не о получении их из архивов, а о согласии на публикацию того, что лично мне удалось добыть. Передать письмо Рада предложила через другого помощника Михаила Сергеевича — Ивана Тимофеевича Фролова. Она с ним была хорошо знакома и теперь решила поделиться со мной своим заветным контактом в высшем эшелоне ЦК.

С Фроловым мы условились о встрече на последнюю неделю сентября 1989 года, уже не помню точно, в понедельник или во вторник. Принял он нас очень тепло. Обещал при первой okazji доложить Горбачеву. Посетовал на то, что дело с воспоминаниями отца безобразно затянулось. Памятуя историю со Склярным, я проявил настойчивость и спросил, когда можно осведомиться о результате. На приветливом лице Фролова явно проступила озабоченность. Он стал вдруг сетовать на чрезвычайную загрузку Горбачева, непростую обстановку. Тут он замолк. Мы так и не поняли: непростую обстановку где и в чем? В мире? В стране? В ЦК?

Прозвучала еще одна, как мне кажется, произвольная фраза:

— Вы себе представить не можете, что здесь делается!

Этого мы, при всем старании, представить себе не могли.

— Так что на этой неделе я Михаилу Сергеевичу доложить не смогу, — произнес Иван Тимофеевич, — позвоните мне в начале следующей недели — во вторник, среду.

Выждав приличествующий срок, я набрал номер городского телефона Фролова в ЦК. Я поспел ко времени. Мой вопрос доложили Михаилу Сергеевичу и получили поддержку. Сам Горбачев не взял на себя ответственность за принятие решения по поводу нашего письма: «Товарищи обменялись мнениями на Политбюро, одобрили идею опубликования воспоминаний отца». Практическую реализацию поручили вновь избранному члену Политбюро Вадиму Андреевичу Медведеву.

— Вот, видите, все в порядке, — заключил разговор Иван Тимофеевич. — В ближайшие дни позвонят от товарища Медведева, и вы сможете договориться о начале работы. — Помедлив, он добавил: — Если они немного задержатся, то не волнуйтесь. У них там предстоят большие перемены, возможно, в первый момент будет не до вас.

Я не волновался, был в восторге. Мне мерещились машинистки, редакторы, корректоры и в итоге — новенькие тома книг.

Потом я перечитал краткую биографическую справку о вновь избранном члене Политбюро, и энтузиазма у меня поубавилось. Почему-то подумалось, что мне он не позвонит. Сам я звонить больше не намеревался, история со Скляровым многому научила. Переговоры с аппаратом затягивают, как трясины. Звонки, переталкивание из кабинета в кабинет, где все время обещают, заверяют, но не решают.

Итак, рассчитывать следует только на себя. В течение прошедших двух месяцев, августа — сентября 1989 года, обстановка вокруг мемуаров изменилась — одновременно «Огонек» и «Знамя» выразили желание опубликовать их. Однако все упиралось в цензуру, в то, хватит ли у нас сил прорваться сквозь нее. Загодя, не дожидаясь похода к Фролову, я начал хождение по редакциям. Теперь в моем портфеле лежали не только воспоминания отца, но и моя собственная рукопись об отце «Пенсионер союзного значения». За прошедший год она обрела отчетливые очертания. Начал я со «Знамени», они недавно напечатали воспоминания Аджубея и тем самым представлялись мне посмелее других. И вот я поднимаюсь на третий этаж старого, обшарпанного дома, упрятавшегося в глубине двора по улице 25 Октября (сейчас ей возвращено дореволюционное название — Никольская). Главный редактор журнала Григорий Яковлевич Бакланов был занят, но приветливая секретарь тем не менее без промедления провела меня в кабинет.

Григорий Яковлевич разговаривал с посетительницей. Вид у него был затравленный, на него наседала полная дама с пухлой рукописью в руках. Наконец, дама удалилась. Григорий Яковлевич, беззащитно щурясь, развел руками — вот как бывает.

Мое дело мы обсудили за чашкой чая. Разговор оставил ощущение безнадежности и неконструктивности.

Договорились, что надо подождать решения наверху. Беседа завершилась, и я нерешительно промолвил, что вот тут еще я и сам кое-что написал. Порывшись в сумке, я достал объемистый, плохо уложенный пук бумаг. Я еще не успел перепечатать рукопись, страницы топорщились во все стороны, а объем выглядел устрашающе. Григорий Яковлевич поглядел на меня с испугом. Я вспомнил недавнюю посетительницу и, вздохнув, засунул сверток назад в сумку.

— Это я так... Может быть, когда-нибудь в будущем... — выдавил я.

— Конечно, конечно, — заторопился Бакланов.

Через несколько дней, созвонившись со Смирновым, выяснив, что звали его Костя, я направился в «Огонек».

Если в «Знамя» мог зайти любой, то тут потребовалось выписывать пропуск, чувствовалось, что журнал не литературный, а политический.

После недолгого разговора Смирнов увлек меня к Гушину, первому заместителю главного.

— Его зовут Лев Никитич. Он здесь все решает, — наставлял меня Костя.

Мы уже входили в дверь кабинета, но я успел шепнуть:

— А Коротич?

— Коротич тоже, — закивал головой Костя.

Вышедший навстречу молодой еще человек весь лучился благожелательностью. Уселись вокруг большого стола. После короткой паузы Лев Никитич стал излагать свои мысли о возможности публикации воспоминаний отца. Говорил он четко, не рассусоливая, чувствовалось, что он не только знает, чего хочет, но знает также, как этого добиться. Его позиция вкратце сводилась к следующему: «Если есть, что печатать, давайте печатать. Когда запретят, тогда и будем спрашивать разрешения».

Если дряблость предшествующей встречи меня донельзя расстроила, то здешний напор несколько даже испугал.

Ситуация разрядилась сама собой. Дверь раскрылась, и в комнату вкатился Коротич. Весь он состоял как бы из кругляшков, с лукавой улыбкой на лице-шарике.

Оглядев всех, он спросил: «Что вы здесь делаете?» так, как будто ничего не знал, заглянул сюда совершенно случайно.

Гущин изложил ему суть дела.

— С мемуарами Никиты Сергеевича ничего не выйдет. Есть решение ЦК, правда, из застойных лет, от 1973 года, о том, что воспоминания высших руководителей публикуются только с разрешения Секретариата ЦК. Никто нас не выпустит, нечего и пытаться... — подытожил он.

Гущин кивнул, Смирнов открыл рот, подумал и осторожно прикрыл его. Улыбка не сошла с лица Коротича. Он снова повернулся ко мне:

— Вот, если бы у вас было что-нибудь свое.

Костя сделал стойку. Пока мы дожидались Гущина, я успел рассказать ему о моих записках. Я полез в сумку за бумажками. Честно говоря, я был почти уверен, что рассказ о смещении отца опубликовать значительно труднее, чем его мемуары.

— Вот, например, рассказ об отставке в 1964 году. Только не знаю, хватил ли у вас решимости?..

Они «завелись», что называется, с пол-оборота. Едва взглянув на протянутую мною пачку листов, Коротич бросил:

— Будем печатать!

Через несколько минут Коротич, одарив нас прощальной улыбкой, — масса дел, его уже ждут в другом месте, — выкатился из кабинета, а мы с Костей отправились работать.

В последнюю субботу сентября 1989 года, буквально вслед за нашим с Радой визитом к Фролову, вышел «Огонек» с моим рассказом об отрешении отца от власти. Он произвел эффект разорвавшейся бомбы. В один день я стал, что называется, знаменитым.

В тот же день опубликовали сообщение о только что завершившемся пленуме ЦК, на нем Горбачев добился отставки большинства своих оппонентов. Наверное, именно это имел в виду Фролов, говоря о непростой обстановке в ЦК.

Привыкшие к тому, что в Москве ничего не происходит случайно, иностранные корреспонденты тут же связали эти два события, а корреспондент японской газеты «Асахи» напрямую спросил, правда ли, что Горбачев лично заказал мне публикацию в журнале «Огонек».

Как бы то ни было, с того момента многое переменялось: официаль-

но табу с имени отца так и не сняли, но на нарушение табу стали меньше обращать внимание; появились (правда, вначале редкие) статьи с упоминанием запретного имени, меня наперебой приглашали выступить с воспоминаниями об отце. Во время одной из таких встреч в октябре 1989 года в телевизионной программе «Добрый вечер, Москва» я впервые упомянул о мемуарах отца, сказал, что они существуют. После передачи я чувствовал себя героем, приготовился к возможным санкциям. Их не последовало, что я расценил как добрый знак.

Однако на Старой площади все оставалось без изменений. Из ЦК мне не звонили, казалось, распоряжение Политбюро затерялось между зданиями. Я терпеливо ждал. Юрия Александровича Склярова сменил товарищ Капто. Он теперь возглавил объединенный отдел ЦК, осуществлявший надзор над всей идеологией страны.

В то время снова вошли в моду встречи руководства с интеллигенцией, что-то наподобие устраивавшихся отцом в 60-е годы. На одну из таких встреч пригласили Бакланова. Он решил воспользоваться случаем, провентилировать обстановку в кулуарах. Вернулся Бакланов обескураженным. В перерыве ему удалось поймать В.Медведева и задать вопрос о мемуарах отца. Тот не поддержал разговора, только недовольно буркнул:

— Пока не время, — и отошел.

К весне, по мере того как информация о воспоминаниях отца растекалась по стране, предложений об их публикации стало больше, звонили из областей и республик, из толстых и тонких журналов. Но преодолеть цензурные рогатки никому оказалось не по силам. «Аргументы и факты» попытались было поставить в номер воспоминания отца, посвященные XX съезду, но цензура раз за разом снимала материал, требовала разрешения ЦК КПСС. Наконец, после длительной осады, на третьей странице этой самой массовой в стране газеты появились несколько абзацев из воспоминаний отца.

Мы праздновали победу. Теперь публикация воспоминаний в «Знамени» и «Огоньке» становилась реальностью. Но я по-прежнему мечтал опубликовать весь текст целиком. И такой случай представился. Мне позвонил член-корреспондент Академии наук СССР Ахмед Ахмедович Искендеров и предложил начать печатать воспоминания отца в журнале «Вопросы истории», главным редактором которого он был.

В моем сознании складывалась стройная стратегическая диспозиция: первым «Огонек», со своим огромным тиражом, но малым объемом, продекларирует сам факт наличия воспоминаний отца, привлечет к ним внимание. Затем последуют более обстоятельные публикации, в том числе и в «Знамени», толстом литературном журнале.

План был хорош, но меня волновала несогласованность действий «Огонька» и «Знамени». После октябрьской публикации огоньковцы считали меня «своим» и распространяли свои преимущественные права на все, связанное с моей фамилией. Бакланов же, в свою очередь, считал воспоминания отца принадлежащими ему и только ему. Я оказался между двух огней. На мои призывы связаться с Баклановым и согласовать

диспозицию Смирнов прикидывался «винтиком». Гущин мило улыбался, обещал позвонить, но не звонил.

Параллельно срочно готовился материал к печати. Смирнов перекраивал, компоновал, сокращал страницы, стараясь максимально спрессовать текст. Я робко возражал, предлагал взять отдельные отрывки целиком, а остальное, мол, опубликуют другие издания. Однако сил противостоять непреодолимо вкрадчивому напору Кости у меня не хватало. Если он не мог меня убедить, то просто делал по-своему.

Начало публикации в «Огоньке» ожидалось в середине лета 1990 года. Первый напечатанный в журнале отрывок я прочитал в день своего рождения — второго июля. «Вопросы истории» планировали начать с августа, но они вечно запаздывали. «Знамя» под давлением внутренних обстоятельств передвинуло начало публикации на сентябрь.

На публикацию «Огонька» «верхи» никак не отреагировали, но меня не покидало чувство опасности. Как оказалось, не зря. В середине июля мы с женой отправились за границу, в гости, в Лондон. С 1964 года меня не выпускали в капиталистические страны. Теперь полегчало, и мы, как и многие наши сограждане, выправили себе частное приглашение от нашей хорошей знакомой, в прошлом москвички, а теперь корреспондентки болгарской газеты в Лондоне Бригитты Иосифовой и отправились в путешествие. Было все прекрасно: и гостеприимство хозяев, и город, и жаркая сухая погода. Такой там не помнили уже несколько десятилетий. Наше пребывание перевалило на вторую половину, когда утром, подняв трубку отчаянно трезвонившего телефона, хозяйка с недоумением позвала меня:

— Сергей, тебя спрашивает какой-то Гущин.

— Цензура сняла Хрущева, — выдохнул Гущин, — что будем делать?

Я был поражен. Случилось именно то, о чем я не хотел думать. Слишком уж гладко все шло в последние месяцы. Предпринимать что-либо из Англии не имело смысла, следовало дожидаться возвращения домой. По приезду в Москву я поспешил в «Огонек». Там меня уже ждали. На совет в кабинет Коротича, кроме его самого и меня, пришли Гущин и Смирнов. Мы сгрудились вокруг письменного стола хозяина, поближе к телефону: Коротич предложил начать разведку «по низам», я его поддержал. Костя рвался немедленно звонить Горбачеву.

По «кремлевке» Коротич набрал номер одного высокопоставленного чиновника, там не отвечали. Позвонили другому. Опять неудача. Наконец, дозвонились в цензуру.

Елейным голосом, разыгрывая полнейшее недоумение по поводу случившегося недоразумения, Виталий Алексеевич просил посоветовать, как ему действовать, — ведь читатели в растерянности, в предыдущем номере журнала объявлено продолжение воспоминаний Хрущева, а продолжения нет. Ситуация требует объяснения, а в эпоху перестройки не с руки кивать на цензурный запрет публикации записок недавнего нашего лидера.

На том конце провода сослались на постановление Секретариата ЦК от 1973 года.

Коротич заворковал:

— Кто же сейчас может руководствоваться этим документом? Принимали его в застойное время, а нынче на дворе перестройка. Мы не можем дать подобный ответ нашим читателям.

Сошлись на том, что надо подумать, посоветоваться и, не откладывая дела в долгий ящик, созвониться.

Закончив разговор с цензурой, Коротич набрал номер телефона «Знамени». Трубку снял Бакланов. Он сообщил, что отправил материал в цензуру и ждет результата. Конечно, он слышал о запрете, но звонить, обращаться куда-либо не намеревается, — вот когда запретят, тогда посмотрим. У «Знамени» был запас времени, и Бакланов мог себе позволить выждать, посмотреть, что же получится у «Огонька». Договорились держать друг друга в курсе дела.

Вечером мне позвонил Костя, сообщил, что Коротич решил воспользоваться своими правами главного редактора. Инструкция перестроечных лет предусматривала, что при возникновении расхождения с цензурой главный редактор имеет право поставить в номер запрещенный материал под ответственность редколлегии.

— Материал ушел в номер! — Костя опять был полон оптимизма.

Очередной номер «Огонька» вышел с воспоминаниями Хрущева. За ним следующий и еще один. Каждое воскресенье, открывая «Огонек», я искал Хрущева и, найдя, удовлетворенно отмечал: «Вот он, все в порядке».

Подошел сентябрь. Наконец-то вышел девятый номер «Знамени» с Хрущевым. В «Огоньке» заканчивалась публикация военного периода воспоминаний. Костя прислал мне подготовленный им к печати раздел о смерти Сталина, за ним следовал арест Берию, потом предполагался XX съезд.

В конце сентября мне позвонил Бакланов. Он раздраженно сообщил, что у него были очень неприятные телефонные звонки от читателей, они возмущались повторением в «Знамени» отдельных мест из воспоминаний отца, уже опубликованных в «Огоньке». Григорий Яковлевич поставил ультиматум: или я запрещаю «Огоньку» публикацию мемуаров о послевоенном периоде, или это сделает «Знамя», или он, проинформировав читателей о моей непорядочности, перестает печатать воспоминания.

Принять требование Бакланова относительно «Огонька» я не мог, ведь в критический период один Коротич боролся за продолжение публикации. Теперь, когда он добился положительного решения, запрещать успешно начатую работу было невозможно ни по моральным, ни по рациональным соображениям. Ведь если возобновится атака, то я останусь один, предыдущие события показали, что Григорий Яковлевич — не боец.

С другой стороны, не требовалось особой проницательности, чтобы понять: помирить две редакции не удастся. В тот день я так и не позвонил Бакланову, мне нечего было ему сказать...

Ночью я плохо спал, принимал валидол. Наконец, решился — пусть продолжается публикация в «Огоньке», даже ценой потери «Знамени».

Позвонив в «Огонек», я через Смирнова сообщил им о своем решении. К сожалению, это мучительное решение оказалось напрасным. Через пару дней Костя убитым голосом попросил меня заехать в редакцию — цензура опять снимала Хрущева.

Все началось с того, что от пребывавшего на отдыхе товарища В.Медведева в цензуру пришла краткая, но выразительная резолюция. Всего два слова: «Никакого Хрущева» — и подпись. Видимо, непослушание «Огонька» вызвало нешуточное раздражение.

В очередные номера должны были пойти воспоминания о последних днях Сталина. Коротич отправился объясняться в ЦК к А.Капто. Вернулся он с плохими вестями. Продолжать публикацию запретили окончательно, ссылаясь на все то же пресловутое постановление от 1973 года. В ответ на тираду Коротича о застойных временах ему предъявили новую бумагу, подтверждавшую ту, старую. Она датировалась буквально прошлой неделей. Коротичу с трудом удалось уговорить Капто еще на два выпуска, с тем чтобы запрет не выглядел слишком демонстративно. Но дальше — ни-ни...

В процессе разговора А.Капто посетовал, что Хрущев работал в одиночестве, он мог ошибаться в описании каких-то фактов, а проверить у него не было возможности.

— Нехорошо, если у Никиты Сергеевича обнаружатся неверные положения. Мы должны заботиться о его авторитете. Сейчас в ЦК уже имеется распечатка — около четырех тысяч страниц. Мы передадим ее в Институт марксизма-ленинизма. Там все выверят, что надо, поправят, и тогда можно будет издавать. Такие серьезные документы нельзя печатать где попало, воспоминания выйдут в Политиздате, — подытожил он.

На прощание А.Капто попытался успокоить Коротича, сказав, что через пару дней, в начале следующей недели, Вадим Андреевич вернется из отпуска, пригласит к себе Сергея Хрущева — и они договорятся, как в дальнейшем работать над мемуарами.

У меня эти слова вызвали грустные воспоминания о беседах с Виктором Николаевичем Титовым в КГБ, когда он так же елейно обещал вернуть все изъятые материалы, как только отец выйдет из больницы...

Дни шли за днями. Звонка из ЦК не последовало. Нетерпеливый Смирнов предлагал мне позвонить Медведеву самому, но я отказался, понимая, что это не случайная забывчивость.

К тому времени даже неунывающий Коротич утратил значительную долю своего оптимизма. Бакланов, наконец-то, осуществил свою угрозу, объявил, что прерывает публикацию. Добровольно. Впрочем, не вызвало сомнения, что цензура и сама не пропустила бы воспоминания в десятом номере «Знамени».

С «Вопросами истории» поступили аналогично — из восьмого номера цензура сняла воспоминания. Искендеров ходил к А.Капто. Ему, как и Коротичу, показали, как он сказал, бумажку, подтверждающую пресловутое решение застойных годов.

— Там было несколько подписей, — рассказывал Искендеров, — я не разобрал, чьи. Узнал только одну — Медведева.

Далее разговор шел по наезженной колее. Капто сказал о имеющихся у них четырех тысячах страниц расшифрованных надиктовок отца, о необходимости тщательной проверки фактов, о последующем издании воспоминаний отца под эгидой ИМЛ. Однако Ахмед Ахмедович не собирался сдаваться, к борьбе он готовился обстоятельно, по-академически строго.

— Если они требуют проверки, pošлю свои материалы в ИМЛ, — пояснил он мне по телефону, — я сказал в ЦК, что в эпоху гласности мы имеем такие же права на издание исторических материалов, как и Политиздат. Поэтому пусть там проверят и дадут заключение. Я уже созвонился с Георгием Лукичом Смирновым, директором института.

Как теперь стало известно, запреты выросли не на пустом месте. Последнее время в ЦК КПСС никак не могли прийти к единому мнению, как нейтрализовать меня, и если не удастся полностью запретить публикацию воспоминаний отца, то взять ее под свой контроль.

Еще в июле 1989 года заведующие идеологическим и общим отделами ЦК КПСС товарищ Капто и Болдин послали руководству, в первую очередь секретарю ЦК КПСС по идеологии Вадиму Медведеву, пространную записку. В ней они констатировали, что получили из КГБ 3926 машинописных страниц воспоминаний Н.С.Хрущева, что эти воспоминания «страдают существенными издержками, что Н.С.Хрущев демонстрирует личные пристрастия, допускает фактологические неточности (именно об этом Капто говорил Коротичу), проявляет необъективность в оценках...», а посему «нуждаются в тщательной экспертизе во многом субъективные положения и выводы воспоминаний...» В таких же выражениях Кириленко упрекал отца двадцать лет назад. Казалось, за эти годы ничего не изменилось. Нет, изменилось. Теперь стало невозможным просто запретить воспоминания. Авторы записки предлагали издать воспоминания, поручив Институту марксизма-ленинизма привести их в приемлемый для властей вид, другими словами — фальсифицировать.

Однако директор института академик Смирнов не спешит взять под козырек, он понимает, чем все это чревато, на него давит Искендеров, да и вообще обстановка постоянно меняется. Он тянет. Только 17 июля 1990 года Георгий Лукич в своем ответе в ЦК справедливо отмечает, что «в своих выступлениях С.Н.Хрущев ставит под сомнение законность изъятия у него магнитофонных записей с воспоминаниями его отца и намерен предъявить на них свои права». Поэтому Смирнов предлагает договориться с наследниками по-хорошему.

И тут же получает отлуп. Заместители заведующих идеологическим и общим отделами ЦК КПСС Дегтярев и Соловьев 24 августа 1990 года в докладной записке пишут, что «юридически обосновывать право ЦК КПСС на имеющиеся в его распоряжении мемуары Н.С.Хрущева вряд ли целесообразно. Такой практики не было, в ней не возникало необходимости. Право архива на публикацию имеющихся в распоряжении документов никогда не подвергалось сомнению». Что верно, то верно. Но времена-то изменились.

Максимум, на что предлагалось пойти ЦК, другими словами, Медведеву, — это предложить принять участие в подготовке к публикации данного издания воспоминаний Н.С.Хрущева дочери Р.Н.Аджубей (Хрущевой) и сыну С.Н.Хрущеву... а также определиться в отношении к публикации в журнале «Вопросы истории».

Как отреагировал Медведев на это, мы знаем: «Никакого Хрущева!» А вот другой секретарь ЦК, В.Фалин, человек более дальновидный, высказал сомнения в целесообразности такой лобовой стратегии. Он спрашивал:

«1. Что предполагается делать, если:

а) наследники Н.С.Хрущева откажутся сотрудничать или

б) наследники выдвинут неприемлемые условия? Не ясно.

2. Вопрос о праве ЦК (или архива) на мемуары Н.С.Хрущева сложнее, чем подан в записке. Записки и рукописи изъяты в административном порядке, и судебного решения, меняющего статус собственности, нет. Юридически при жизни таковым оставался автор, после его смерти — наследники. Существовавший прежде порядок права не создавал и не избавляет ЦК от возможных осложнений.

В.Фалин

12 сентября 1990 года»

В ответ Дегтярев и Соловьев 19 сентября 1990 года предлагают вступить в переговоры с наследниками Н.С.Хрущева и выработать приемлемое для всех решение.

Пока шла бюрократическая возня, жизнь неслась вперед. Еще в феврале 1990 года «Огонек» возобновил публикацию воспоминаний отца. С февраля же начали печатать мемуары и «Вопросы истории». Георгий Лукич Смирнов, решив не связываться с Искендеровым, ответил, что воспоминаний Хрущева он не видел, а потому замечаний к ним не имеет. Цензура тоже предпочла не вмешиваться. ЦК КПСС, стремительно теряя авторитет, выпускал из рук нити управления страной. На окрик: «Никакого Хрущева!» — попросту перестали обращать внимание.

Однако кое-какие узлы заржавевшего механизма продолжали скрипеть. Сделанные в КГБ распечатки воспоминаний отца наконец-то поступили в ИМЛ. Там ими поручили заниматься историкам Николаю Барсукову и Василию Липицкому. Зимой 1991 года Липицкий позвонил мне, попросил зайти, поговорить. Но разговор не получился. В ответ на предложение о сотрудничестве я ему задал только один вопрос: «А исходные магнитофонные пленки у вас есть?»

Липицкий пожал плечами:

— Нет.

— Так какой же вы историк, если работаете над материалами, достоверность которых ничем не подтверждена? — возмутился я. — Может быть, кто-то изменил текст, а вы об этом даже не догадываетесь?

Липицкий снова пожал плечами. Мы оба прекрасно понимали, о чем идет речь. У меня сложилось впечатление, что Липицкий по-серьезному и не рассчитывал вовлечь меня в эту авантюру, попросту отрабатывал полу-

ченное сверху указание. Расстались мы по-хорошему, а вскоре события завертели так, что ЦК КПСС стало не до фальсификации истории.

Но распечатка КГБ не исчезла бесследно, ее подобрал другой участник акции — Барсуков, человек уже в годах. В последствии мне пришлось с ним поспорить. Уходя из ИМЛ, Барсуков прихватил с собой, в числе других документов, и распечатки воспоминаний. Он упорно доказывал, что его вариант единственно верный. В своих статьях Барсуков цитировал отца только по этим распечаткам, демонстративно игнорируя текст, опубликованный «Вопросами истории». Можно было бы, конечно, и не обращать внимания на его чудачества, но Барсуков своими действиями вольно или невольно продлевал жизнь фальшивки, вышедшей из недр КГБ. Неважно, правили текст до его передачи в ИМЛ (на тех страницах, что я видел, явно проступает рука редактора) или приведение его в «надлежащий вид» возлагалось на Барсукова и Липицкого. Сейчас это уже история.

Оба текста находятся в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Там же есть и копия магнитофонных лент. Дело за дотошным историком, который захочет сравнить два текста — истинный и пришедший из недр ЦК КПСС-КГБ — и вынести свой вердикт.

СЕРГЕЙ ХРУЩЕВ

ЖУКОВ Г.К. (1896 — 1974) — советский военачальник и государственный деятель, Маршал Советского Союза с 1943 г., четырежды Герой Советского Союза (1939, 1944, 1945, 1956 гг.), летом 1939 г. — командующий войсками в боях на р. Халхин-Гол, начальник Генерального штаба и заместитель наркома обороны СССР в январе — июле 1941 г., командующий войсками Резервного, Ленинградского и Западного фронтов в 1941 — 1942 гг., 1-й заместитель наркома обороны и заместитель Верховного главнокомандующего с августа 1942 г., командующий войсками 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов в 1944 — 1945 гг. 8 мая 1945 г. принял капитуляцию фашистской Германии. Главнокомандующий Группой советских войск и главноначальствующий советской военной администрации в Германии в 1945 — 1946 гг., главнокомандующий Сухопутными войсками и заместитель министра Вооруженных Сил СССР в 1946 г., командующий войсками Одесского и Уральского военных округов в 1946 — 1953 гг., 1-й заместитель министра в 1953 — 1955 гг. и министр обороны СССР в 1955 — 1957 гг., кандидат в члены и член ЦК КПСС в 1941 — 1957 гг., кандидат в члены и член Президиума ЦК КПСС в 1956 — 1957 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1941 — 1958 гг.

ЧЕРЧИЛЛЬ У.Л.С. (1874 — 1965) — британский политический и государственный деятель, министр внутренних дел в 1910 — 1911 гг., морской министр в 1911 — 1915 гг., военный министр и министр авиации в 1919 — 1921 гг., министр колоний в 1921 — 1922 гг., министр финансов в 1924 — 1929 гг., военноморской министр в 1939 — 1940 гг., премьер-министр Великобритании в 1940 — 1945 и 1951 — 1955 гг. Автор сочинений историко-мемуарного жанра, лауреат Нобелевской премии по литературе в 1953 г.

Де ГОЛЛЬ Ш. (1890 — 1970) — французский военный и государственный деятель, участник первой мировой войны, секретарь Высшего военного со-

вета в 1932 — 1936 гг., бригадный генерал с 1940 г., командир 4-й танковой дивизии и заместитель министра обороны в 1940 г., 18 июня 1940 г. основал в Лондоне движение «Свободная Франция» и стал главнокомандующим его вооруженными силами, председатель Французского комитета национального освобождения с 1943 г., председатель Временного правительства Французской Республики с 1944 г., лидер партии «Объединение французского народа» с 1947 г., председатель Совета Министров с 1958 г., президент Франции в 1959 — 1969 гг.

ПАУЛЮС Ф. (1890 — 1957) — германский военачальник, участник первой мировой войны, штабист при Веймарской Республике, начальник штаба танковых войск вермахта в 1935 — 1939 гг., начальник штаба 4-й армии в 1939 г., начальник штаба 10-й и 6-й армий в 1940 г., начальник оперативного управления генштаба сухопутных войск до января 1943 г. Вместе со своей армией капитулировал под Сталинградом, в плену вступил в антифашистский Союз немецких офицеров и Национальный комитет «Свободная Германия». В 1946 г. выступил на Нюрнбергском процессе над главными нацистскими военными преступниками, с 1953 г. жил в Дрездене (ГДР).

ШАПОВАЛ Ю.И. — руководитель Центра исторической политологии Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины (ЦИП ИПЭИ НАНУ), доктор исторических наук.

КАГАНОВИЧ Л.М. (1893 — 1991) — советский партийный и государственный деятель, член коммунистической партии в 1911 — 1962 гг., участник Февральской, Октябрьской революций и гражданской войны, секретарь ЦК РКП(б) в 1924 г., 1-й секретарь ЦК КП(б) Украины в 1925 — 1928 и 1947 гг., секретарь ЦК ВКП(б) в 1930 — 1935 гг., нарком путей сообщения в 1935 — 1944 гг., заместитель председателя Совнаркома СССР с 1938 г., член ГКО в 1942 — 1945 гг., 1-й заместитель председателя Совмина СССР в 1953 — 1957 гг.; член ЦК партии в 1924 — 1957 гг., член Оргбюро ЦК в 1924 — 1926 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1930 — 1957 гг., член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР в 1937 — 1958 гг. и член его Президиума в 1938 — 1957 гг., освобожден от партийных постов на пленуме ЦК КПСС в 1957 г.

ВОРОШИЛОВ К.Е. (1881 — 1969) — советский военачальник, член компартии с 1903 г., участник революционного движения и гражданской войны, с 1918 г. командующий армиями, войсками ряда фронтов, округов и член их реввоенсоветов, с 1925 г. нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, с 1934 г. нарком обороны, с 1935 г. Маршал Советского Союза, с 1940 г. — зам.председателя Совнаркома СССР, член ГКО в 1941 — 1945 гг., главнокомандующий партизанским движением в 1942 г., представитель Ставки на ряде фронтов во время Великой Отечественной войны, председатель Союзной контрольной комиссии в Венгрии в 1945 — 1947 гг., заместитель председателя Совмина СССР в 1946 — 1953 гг., председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1953 — 1960 гг.; член ЦК компартии в 1921 — 1961 и 1966 — 1969 гг., член Политбюро ЦК в 1926 — 1952 гг. и Президиума ЦК в 1952 — 1960 гг., депутат Верховного Совета СССР с 1937 г.

МОЛОТОВ (Скрябин) В.М. (1890 — 1986) — советский государственный и партийный деятель, член компартии с 1906 г. (кроме 1962 — 1984 гг.), участник революционного движения, в 1919 г. председатель Нижегородского губисполкома и секретарь Донецкого губкома РКП(б), в 1920 г. секретарь ЦК

КП(б) Украины, в 1921 — 1930 гг. — секретарь ЦК ВКП(б), в 1930 — 1941 гг. — председатель Совнаркома СССР, в 1941 — 1957 гг. — 1-й его заместитель, зам. председателя ГКО в 1941 — 1945 гг., нарком иностранных дел СССР в 1939 — 1949 и 1953 — 1956 гг., посол в Монголии в 1957 — 1960 гг., постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии в 1960 — 1962 гг.; член ЦК компартии в 1921 — 1957 гг., член Оргбюро ЦК в 1921 — 1930 гг., член Политбюро и Президиума ЦК в 1926 — 1957 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1937 — 1958 гг. В 1957 г. освобожден от партийных постов на пленуме ЦК КПСС.

ДЖУГАШВИЛИ Я.И. (1908 — 1943) — сын И.В. Сталина от первого брака с Е.С. Сванидзе. Окончил Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, с 1938 г. был командиром в РККА, в начале Великой Отечественной войны — ст. лейтенант, командир 6-й батареи 14-го гаубичного артполка 14-й бронетанковой дивизии 7-го стрелкового корпуса на Западном фронте, в середине июля 1941 г. попал в фашистский плен, содержался в разных лагерях военнопленных. Гитлеровцы пытались использовать его пленение в своей пропаганде. Был застрелен часовым якобы при попытке к бегству.

ХРУЩЕВА Л.И. (род. 1917) — вторая жена Леонида Хрущева, сотрудник Совнаркома УССР, в 1943 г. репрессирована, в 1956 г. реабилитирована, пенсионерка.

ХРУЩЕВА Ю.Л. (род. 1940) — журналист, дочь Леонида Хрущева, литературный сотрудник АПН, Театра им. Е. Вахтангова и Дома кино.

ПЕТРОВ Л.С. (1922 — 1970) — журналист-международник, муж Юлии Леонидовны Хрущевой, сотрудник АПН, специалист по англоязычным странам.

СУДОПЛАТОВ П.А. (1907 — 1996) — сотрудник ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ. В разные годы занимался организацией диверсионно-террористических акций. С 1942 г. — старший майор госбезопасности, начальник 4-го управления (2-го отдела) НКВД (разведка, террор и диверсии в тылу противника), с мая 1945 г. — начальник отдела «Ф» НКВД (работа на освобожденной территории), комиссар госбезопасности 3 ранга; с 1946 г. — начальник отдела «С» НКГБ (МГБ) (сбор информации об атомной бомбе). Отстранен от работы после ареста Берии 26 июня 1953 г., был осужден, впоследствии реабилитирован.

БОБКОВ Ф.Д. — ответственный сотрудник МГБ и КГБ, заместитель начальника, начальник 5-го управления КГБ (идеологические спецоперации, борьба с диссидентством). В 80-е годы генерал-майор, первый заместитель председателя КГБ.

КУЗОВЛЕВ — генерал-полковник, начальник управления кадров МВО в 1967 г.

НАУМОВ В.П. (род. 1925) — доктор исторических наук, преподаватель Московского государственного университета и Академии общественных наук при ЦК КПСС, зав.сектором Института российской истории АН СССР, ответственный сотрудник ИМЛ при ЦК КПСС, с 1987 г. — сотрудник и ответственный секретарь Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

ТАУБМАН В. — профессор «Амхерст колледжа» США.

БЕРИЯ Л.П. (1899 — 1953) — член компартии с 1917 г., сотрудник ВЧК с 1921 г., в 1921 — 1931 гг. работал в ЧК — ГПУ Азербайджана и Грузии, в 1931 —

1938 гг. первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, с 1938 г. — первый заместитель наркома и затем нарком внутренних дел СССР (по 1945 г.), в 1941 — 1953 гг. заместитель председателя Совнаркома — Совмина СССР, с 1941 г. — член и с 1944 г. — заместитель председателя ГКО, в 1953 г. — 1-й зам.председателя Совмина СССР и министр внутренних дел; член ЦК партии в 1934 — 1953 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК с 1946 г., член ВЦИК и ЦИК СССР, депутат Верховного Совета СССР с 1937 г., Маршал Советского Союза с 1945 г. 26 июня 1953 г. арестован, 23 декабря 1953 г. расстрелян.

АЛЬПЕРОВИЧ С.А. — сотрудник ОКБ-52.

МОДЕСТОВ В. — сотрудник ОКБ-52.

ФИНОГЕНОВА Л.Н. — машинистка ОКБ-52.

ЖОКС — чиновник французского посольства.

БУЛГАНИН Н.А. (1895 — 1975) — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1917 г., председатель исполкома Моссовета в 1931 — 1937 гг., председатель Совнаркома РСФСР в 1937 — 1938 гг., зам. председателя Совнаркома (Совмина) СССР в 1938 — 1941 гг. и 1947 — 1953 гг., член военных советов ряда фронтов в 1941 — 1943 гг., член ГКО с 1944 г., зам. наркома обороны (министра вооруженных сил) СССР в 1944 — 1947 гг., министр вооруженных сил (обороны) в 1947 — 1949 и 1953 — 1955 гг., Маршал Советского Союза в 1947 — 1958 гг., первый зам. председателя в 1953 — 1955 гг. и председатель Совмина СССР в 1955 — 1958 гг., председатель Ставропольского совнархоза в 1958 — 1960 гг., далее пенсионер, член ЦК КПСС в 1939 — 1961 гг., член Оргбюро ЦК в 1946 — 1952 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1948 — 1958 гг., член ВЦИК и ЦИК, депутат Верховного Совета СССР в 1937 — 1962 гг.

АДЖУБЕЙ Р.Н. (род. 1929) — дочь Н.С. Хрущева от второго брака, журналист, биолог, заместитель главного редактора журнала «Наука и жизнь».

АДЖУБЕЙ А.И. (1924 — 1983) — журналист, муж дочери Н.С. Хрущева Рады Никитичны, главный редактор «Комсомольской правды», «Известий», заведующий отделом журнала «Советский Союз».

ЛУИ В.Е. — гражданин СССР, журналист, корреспондент английской газеты, в 1967 г. опубликовавший записки С.И. Аллилуевой «20 писем к другу» в журнале «Штерн» (ФРГ).

ШУМИЛОВ И.М. — сотрудник ОКБ-52, доктор технических наук, профессор.

ШУМИЛОВ М.С. (1895 — 1975) — военачальник, член компартии с 1918 г., командир полка в гражданскую войну, командир корпуса в советско-финляндскую войну и в 1941 г., зам. командующего 55-й и 21-й армиями в 1941 — 1942 гг., командующий 64-й армией (с 1943 г. — 7-я Гвардейская) в 1942 — 1945 гг., командующий войсками Белорусского и Воронежского округов в 1945 — 1955 гг., Герой Советского Союза, генерал-полковник с 1943 г., депутат Верховного Совета СССР в 1950 — 1958 гг.

АНДРОПОВ Ю.В. (1914 — 1984) — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1939 г., с 1938 г. 1-й секретарь Ярославского обкома ВЛКСМ, с 1940 г. 1-й секретарь ЦК ЛКСМ Карелии, участник антифашистского партизанского движения в Карелии, с 1944 г. 2-й секретарь Петрозаводского горкома ВКП(б), с 1947 г. 2-й секретарь ЦК КП(б) Карелии, в 1951 — 1952 гг. сотрудник ЦК КПСС, в 1953 — 1957 гг. посол СССР в Венгрии, затем зав. отделом ЦК, в 1962 — 1967 и с 1982 г. секретарь ЦК КПСС, в 1967 — 1982 гг.

председатель КГБ СССР. Генерал армии с 1976 г., генеральный секретарь ЦК КПСС с ноября 1982 г., председатель Президиума Верховного Совета СССР с июня 1983 г., член ЦК КПСС с 1961 г., член Политбюро ЦК с 1973 г., депутат Верховного Совета СССР в 1950 — 1954 и с 1962 г.

ШЕХТЕР Д. — сотрудник журнала «Тайм».

ТЭЛБОТТ Н.С. (род. 1946) — американский журналист и политический деятель, специалист по русской литературе и культуре, сотрудник журнала «Тайм» (корреспондент по странам Восточной Европы, заведующий вашингтонским бюро редакции, редактор), с 1993 г. координатор политики по странам Восточной Европы в Госдепартаменте США, с 1994 г. 1-й зам. государственного секретаря США; переводчик и комментатор мемуаров Н.С. Хрущева на английском языке.

КЛИНТОН У.Дж. (род. 1946) — американский политический деятель, профессор Арканзасского университета в 1977 — 1979 гг., генеральный атторней штата Арканзас в 1977 — 1979 гг., один из руководителей юридической фирмы в г. Литл-Рок (1981 — 1983), губернатор Арканзаса в 1979 — 1981 и 1983 — 1992 гг., президент США с 1993 г.

БРЕЖНЕВ Л.И. (1906 — 1982) — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1931 г., секретарь Днепропетровского обкома ВКП(б) с 1939 г., зам.начальника и начальник политотделов и политуправлений армий, фронтов и Прикарпатского военного округа в 1941 — 1946 гг., 1-й секретарь Запорожского и Днепропетровского обкомов КП(б)У, ЦК КП Молдавии, секретарь ЦК КПСС и 1-й секретарь ЦК КП Казахстана, председатель Президиума Верховного совета СССР в 1960 — 1964 гг., 1-й секретарь ЦК с 1964 г. и генеральный секретарь ЦК КПСС с 1966 г., председатель Президиума Верховного Совета СССР с 1977 г.; член ЦК КПСС с 1952 г., член Президиума ЦК с 1957 г., депутат Верховного Совета СССР с 1950 г., Герой Социалистического Труда (1961) и четырежды Герой Советского Союза (1966, 1976, 1978, 1981), Маршал Советского Союза (1976).

СИНЯВСКИЙ А.Д. (1925 — 1997) — русский писатель и литературовед. В 50 — 60-е годы под псевдонимом А. Терц опубликовал за рубежом гротескно-сатирические повести (в СССР напечатаны в 1989 г.) антитоталитарного содержания. В 1966 г. приговорен к 7 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима за антисоветско-диссидентскую деятельность. С 1973 г. жил и преподавал во Франции, автор книг «Прогулки с Пушкиным» (1975), «В тени Гоголя» (1975), «Спокойной ночи» (1984). С 1978 г. выпускал в Париже совместно со своей супругой М.В. Розановой журнал «Синтаксис».

ДАНИЭЛЬ Ю.М. (1925 — 1988) — русский писатель. В 60-е годы под псевдонимом Н. Аржак опубликовал за рубежом гротескно-сатирические повести (в СССР напечатаны в 1988 г.) антитоталитарного содержания. Был также автором новелл, стихотворений и переводов. В 1966 г. по одному судебному делу с А.Д. Синявским приговорен к 5 годам заключения в исправительно-трудовой колонии строгого режима за антисоветско-диссидентскую деятельность.

АЛЛИЛУЕВА С.И. (род. 1926) — дочь И.В. Сталина от его второго брака с Н.С. Аллилуевой. Училась на историческом и филологическом факультетах МГУ, в аспирантуре АОН, кандидат филологических наук. Работала в Лите-

ратурном институте, АПН. С 1967 г. живет за рубежом (в 1984 — 1986 гг. находилась в СССР). Автор книг «20 писем к другу» (1967, в СССР — 1989), «Только один год» (1968), «Далекие звуки» (1984). Последнее время проживает в Англии.

КОРВАЛАН Л. (род. 1916) — чилийский политический деятель, член компартии Чили с 1932 г., в 1940 — 1948 гг. один из руководителей газеты «Сигло», в 1952 — 1989 гг. генеральный секретарь ЦК КПЧ, с 1961 г. сенатор. Находился в заключении в 1973 — 1976 гг. Долгие годы, после обмена на диссидента Буковского В., жил в СССР. Лауреат Международной Ленинской премии (1975).

ТАРСИС — один из диссидентов в СССР 60-х годов, впоследствии проживал за границей.

КИРИЛЕНКО А.П. — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1931 г., в 1947 — 1962 гг. — секретарь и 1-й секретарь Николаевского, Днепропетровского и Свердловского обкомов КПСС, до 1966 г. — 1-й зам. председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, до 1982 г. — секретарь ЦК КПСС, член ЦК КПСС в 1956 — 1986 гг., член Политбюро (Президиума) ЦК в 1962 — 1982 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1950 — 1982 гг., Герой Социалистического Труда (1966, 1976).

ПЕЛЬШЕ А.Я. (1899 — 1983) — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1915 г., участник революционного движения, эмигрант из буржуазной Латвии, с 1919 г. работал в партийных органах и преподавал, член-корр. АН ЛатССР, в 1941 — 1959 гг. — секретарь и в 1959 — 1966 гг. 1-й секретарь ЦК КП Латвии, член ЦК КПСС с 1961 г., член Политбюро с 1966 г., председатель Комитета партконтроля с 1966 г., депутат Верховного Совета СССР с 1946 г.

ДЕМИЧЕВ П.Н. — советский государственный и партийный деятель, член компартии с 1939 г., с 1959 г. 1-й секретарь МК, затем МГК КПСС, с 1961 г. секретарь ЦК КПСС, в 1974 — 1986 гг. министр культуры СССР; член ЦК КПСС в 1961 — 1989 гг., кандидат в члены Политбюро (Президиума) ЦК в 1964 — 1988 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1962 — 1966 гг.

РОЗЕНБЕРГ Дж. — американский инженер; Розенберг Э. — его жена, работник американского профсоюзного движения. Были арестованы в 1950 г. и в 1951 г. признаны виновными в нарушении закона США о государственной безопасности за то, что в 1944 г. передали СССР секретные данные об американской атомной бомбе. Казнены в 1953 г. на электрическом стуле.

ЧЕЛОМЕЙ В.Н. (1914 — 1984) — советский ученый в области механики, акад. АН СССР с 1962 г., Герой Социалистического Труда (1959, 1963), руководитель работ по ракетносителям к искусственным спутникам Земли «Протон» и «Полет», к орбитальной станции «Салют»; автор трудов по теории колебаний, устойчивости упругих систем и динамике машин; депутат Верховного Совета СССР с 1974 г., лауреат Ленинской (1959) и Государственной (1967, 1974, 1982) премий СССР.

ЖУРАВЛЕВ Е.Л. — начальник отдела ОКБ-52.

ПИЛЮГИН Н.А. (1908 — 1992) — советский ученый в области приборостроения, академик АН СССР с 1966 г., руководитель работ по системам управления ракетносителей для искусственных космических объектов; Ге-

рой Социалистического Труда (1956, 1961), депутат Верховного Совета СССР с 1966 г., лауреат Ленинской (1957) и Государственной (1967) премий СССР.

КУЗНЕЦОВ В.И. — советский ученый в области механики, академик АН СССР с 1968 г., автор трудов по системам инерциальной навигации и автономного управления в космосе и на Земле; Герой Социалистического Труда (1956, 1961), лауреат Ленинской (1957) и Государственных (1943, 1946, 1967, 1977) премий СССР.

АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ А.М. — ответственный сотрудник Международного отдела и других звеньев ЦК КПСС, консультант и советник руководства СССР по вопросам внешней политики, помощник генерального секретаря ЦК КПСС.

НАУМОВ Б.Н. (1927 — 1988) — советский ученый в области автоматизации, академик АН СССР с 1984 г., автор трудов по теории нелинейных систем управления и управляющим вычислительным комплексам, лауреат Государственных премий СССР (1981, 1987).

БАРАБОШКИН В.М. (р. 1934) — друг Сергея Хрущева, специалист по кибернетике.

ГАМКРЕЛИДЗЕ Р.В. (род. 1927) — советский математик, член-корр. АН СССР с 1981 г. и академик АН Грузии с 1969 г., автор трудов по математической теории оптимальных процессов, лауреат Ленинской премии (1962).

ГОРБАЧЕВ М.С. (род. 1931) — окончил юридический ф-т МГУ. С 1955 на комсомольской и партийной работе. С 1970 г. 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС, секретарь ЦК КПСС, генеральный секретарь ЦК КПСС, с 1990 г. Президент СССР.

ГРОМЫКО А.А. (1909-1989) — советский государственный деятель, экономист и дипломат, член компартии с 1931 г., в 1943 — 1946 гг. — посол в США, в 1946 — 1949 гг. — замминистра иностранных дел, одновременно до 1948 г. постоянный представитель в Совете Безопасности ООН, в 1952 — 1953 гг. — посол в Великобритании, в 1949 — 1952 и 1953 — 1957 гг. зам. и 1-й зам. министра иностранных дел СССР и в 1983 — 1985 гг. 1-й зам. председателя Совета Министров СССР, в 1985 — 1988 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР; член ЦК КПСС в 1956 — 1989 гг. и член Политбюро ЦК в 1973 — 1988 гг.; депутат Верховного Совета СССР в 1946 — 1950, 1958 — 1989 гг., автор трудов по экономике и международным отношениям, лауреат Ленинской и Государственной премий (1984 г.).

НЕРУ Дж. (1889 — 1964) — индийский государственный деятель, участник антибританского освободительного движения, неоднократно был в заключении, один из лидеров партии Индийский национальный конгресс с 1928 г., премьер-министр и министр иностранных дел Индии с 1947 г.

ХАРВЕЙ — американский врач.

РАСЩЕПОВ Е.М. — начальник 7-го управления КГБ СССР.

ВОРОНЦОВ Ю.М. (род. 1928) — дипломат, советник-посланник, затем посол в ряде стран, в том числе в США.

ТРУНИН В.В. (род. 1935) — автор многочисленных киносценариев шедших в СССР фильмов («Белорусский вокзал», 1971; «Через Гоби и Хинган», 1982; «Жаркое лето в Кабуле», 1983 и др.).

БЕЗЗУБИК В.Г. — доктор медицинских наук, главный врач спецболь-

ницы 4-го главного управления при Минздраве СССР, личный врач Н.С. Хрущева.

ТАРЕЕВ Е. М. — академик Академии медицинских наук, нефролог.

СМОЛЕНСКИЙ В. С. — доктор медицинских наук, профессор-кардиолог.

НАСОНОВА В. А. — академик Академии медицинских наук, ревматолог.

ЛИСИЧКИН В. — сослуживец С.Хрущева по ИнЭУМ.

АРМИТАЖ — представитель Государственного департамента США.

МЕЛЬНИКОВ Р.Е. — партийный работник, в 50-е годы — секретарь ЦК КП Узбекистана, затем заместитель председателя КПК при ЦК КПСС.

ВОЛКОВ А.П. — председатель комитета по труду и заработной плате СССР в 1956 — 1974 гг.

КАЗИНС Н. — редактор американского издательства «Литтл, Браун энд компани».

НЕИЗВЕСТНЫЙ Э.И. (род. 1925) — российский скульптор и график, автор памятника Н.С. Хрущеву на Новодевичьем кладбище в Москве (1974), вариантов монументальной работы «Дерево жизни», станковых картин, монументальных и камерных («Кентавр») скульптурных этюдов. До 1976 г. жил в СССР, далее за границей, где ему принадлежат многочисленные изваяния, выставленные в разных городах и музеях; в России бывает наездами, возвел мемориалы в Екатеринбурге, Магадане и др.

КОРОЛЕВА Н.И. — жена конструктора космических кораблей С.П. Королева.

ХРУЩЕВА (КУХАРЧУК) Н.П. (1900 — 1984) — вторая жена Н.С. Хрущева, в 20 — 30-е годы — преподаватель политэкономии в партийных школах, заведующая парткабинетом Московского электрозавода. Неоднократно сопровождала супруга во время его зарубежных поездок.

МЖАВАНАДЗЕ В.П. (1902 — 1988) — советский партийный и государственный деятель, член компартии с 1927 г., служил в Красной Армии с 1924 г., во время Великой Отечественной войны член армейских военных советов, генерал-лейтенант с 1944 г., 1-й секретарь ЦК КП Грузии в 1953 — 1972 гг., член ЦК КПСС в 1956 — 1976 гг. и кандидат в члены Политбюро (Президиума) ЦК в 1957 — 1972 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1958 — 1972 гг., Герой Социалистического Труда (1962).

ТЕМПЕСТ Р.Б. (род. 1935) — американский политический деятель, республиканец, сенатор от штата Юта с 1987 г.

КЕННЕДИ Д.Ф. (1917 — 1963) — 35-й президент США (1961 — 1963). Убит в Далласе.

БЛЭКМАН Э. — сотрудник журнала «Тайм».

РОЗЕНТАЛЬ Ф.А. — сотрудник журнала «Тайм».

БЕКИЧ М. (род. 1922) — чехословацкий политический деятель, руководитель компартии Чехословакии в 1987 — 1989 гг.

МАЛЛЕР Г. — сотрудник журнала «Тайм».

СТАКС Д. — сотрудник журнала «Тайм».

СТРОУБ Тэлботт — в описываемое время сотрудник журнала «Тайм», заведующий бюро в Москве.

МЕДВЕДЕВ Р.А. — российский политический писатель, автор книг: «Книга о социалистической демократии», Амстердам — Париус, 1972; «Двадцатый век», Лондон, 1976; «Н.С. Хрущев: политическая биография», М., 1990; «Трудная весна 1918 г.», Воронеж, 1990; «Они окружали Сталина», Томск, 1990; «О

Сталине и сталинизме», М., 1990; «Свита и семья Сталина», М., 1991; «Личность и эпоха: политический портрет Брежнева», М., 1991; «Связь времен», Ставрополь, 1992; «Железный ястреб: политический портрет Л.М. Кагановича», Екатеринбург, 1992, и мн. др.

ЧЕРНЯЕВ А.С. (род. 1921) — историк и политический деятель, кандидат исторических наук, с 1950 г. преподавал в МГУ, с 1961 г. работал в Международном отделе ЦК КПСС (референт, заместитель заведующего отделом), с 1986 г. — помощник генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

ЯКОВЛЕВ А.Н. (род. 1923) — советский государственный и партийный деятель, дипломат, историк и экономист, член КПСС в 1944 — 1991 гг., сотрудник аппарата ЦК КПСС с 1953 г., 1-й заместитель заведующего отделом ЦК КПСС с 1965 г., посол СССР в Канаде с 1973 г., директор Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1983 — 1985 гг., заведующий отделом ЦК КПСС до 1986 г., секретарь ЦК КПСС в 1986 — 1990 гг., председатель Комиссии ЦК по вопросам международной политики в 1988 — 1990 гг., академик АН СССР с 1990 г.; член ЦРК КПСС в 1971 — 1976 гг., член ЦК КПСС в 1986 — 1990 гг., член Политбюро в 1987 — 1990 гг., депутат Верховного Совета СССР в 1984 — 1989 гг., народный депутат с 1989 г., член Президентского совета СССР в 1990 г., автор работ по истории и теории международных отношений и проблемам современного развития.

КУЗНЕЦОВ В.А. — помощник члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК.

БОЛДИН В.И. — ответственный работник ЦК КПСС, помощник генерального секретаря ЦК, заведующий общим отделом ЦК до 1991 г.

СКЛЯРОВ Ю.А. — заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС в 80-е годы.

ЕВРЕИНОВ В.В. (род. 1938) — профессор, доктор химических наук, ведущий научный сотрудник Института химической физики РАН, муж младшей дочери Н.С. Хрущева Елены (умерла в 1972 г.).

ФРОЛОВ И.Т. (род. 1929) — советский партийный деятель и философ, член КПСС с 1960 г., академик АН СССР с 1987 г., главный редактор журнала «Коммунист» в 1986 — 1987 гг., помощник генерального секретаря ЦК КПСС в 1987 — 1989 гг., главный редактор газеты «Правда» и секретарь ЦК КПСС в 1989 — 1990 гг., член Политбюро ЦК в 1990 — 1991 гг.; член ЦК КПСС с 1986 г., депутат Верховного Совета СССР в 1987 — 1989 гг. и народный депутат с 1989 г. Автор работ по теории познания, научно-технической революции, проблемам современности.

МЕДВЕДЕВ В.А. (род. 1929) — советский партийный деятель, экономист, член КПСС с 1952 г., секретарь Ленинградского обкома партии с 1968 г., зам. заведующего отделом ЦК КПСС с 1970 г., ректор АОН при ЦК КПСС с 1978 г., зав. отделом ЦК КПСС с 1983 г., секретарь ЦК КПСС в 1986 — 1990 гг.; член Политбюро ЦК в 1988 — 1990 г., член ЦРК КПСС с 1976 г., член ЦК КПСС в 1986 — 1990 гг., член Президентского совета СССР с 1990 г., депутат Верховного Совета СССР в 1984 — 1989 гг. и народный депутат с 1989 г., автор работ по политэкономии.

КОРОТИЧ В.А. (род. 1936) — советский писатель и журналист, главный редактор журнала «Огонек» с 1986 г., народный депутат СССР в 1989 г., с 90-х годов проживает за границей. Автор книг (романы, повести, сборники сти-

хотворений) «Огонь» (1968), «Закон земли» (1975), «Достоинство» (1977), «10 мая» (1978), «Метроном» (1982), «Лицо ненависти» (1984, Государственная премия СССР 1985 г.) и др.

ГУЩИН Л.Н. — журналист, заместитель главного редактора, затем главный редактор журнала «Огонек». С 1998 г. председатель совета директоров, шеф-редактор «Литературной газеты».

БАКЛАНОВ Г.Я. (род. 1923) — писатель. В 80-е годы главный редактор журнала «Знамя».

ИСКЕНДЕРОВ А.А. (род. 1927) — историк, доктор исторических наук (1969), профессор (1970), член-корр. РАН (1979), заслуженный деятель науки (1977), ответственный сотрудник журнала «Проблемы мира и социализма» (Прага, 1958 — 1960 и 1963 — 1965 гг.), старший научный сотрудник Института народов Азии АН СССР в 1960 — 1963 гг., сотрудник отдела информации ЦК КПСС в 1965 — 1968 гг., сотрудник МИД СССР в 1969 — 1970 гг., заместитель директора Института международного рабочего движения АН СССР в 1970 — 1972 гг., главный научный сотрудник и заместитель директора Института всеобщей истории АН СССР в 1972 — 1987 гг., главный редактор журнала «Вопросы истории» с 1987 г., автор работ по истории Японии, национально-освободительного движения Африки, отечественной истории.

ИОСИФОВА Б. — английская журналистка.

КАПТО А.С. (род. 1933) — комсомольский и партийный работник на Украине, секретарь ЦК КПУ, в 80-е годы заведующий отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, затем посол в Монголии и на Кубе.

ФАЛИН В. (род. 1926) — политический и государственный деятель. С 1966 г. заведующий вторым европейским отделом МИД СССР, затем — третьим. С 1971 г. посол в ФРГ. С 1978 г. зам. зав. отделом международной информации ЦК КПСС, политический обозреватель «Известий», зав. международным отделом ЦК, председатель правления АПН, доктор исторических наук. С 1991 года живет в Гамбурге.

СМИРНОВ К.С. — сын писателя С.С. Смирнова, редактор журнала «Огонек».

СМИРНОВ Г.Л. (род. 1922) — советский партийный деятель и философ, член КПСС с 1943 г., сотрудник аппарата ЦК КПСС в 1957 — 1983 гг., кандидат в члены ЦК КПСС в 1976 — 1990 гг., академик АН СССР с 1987 г., директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в 1987 — 1991 гг., автор работ по теории социализма и коммунизма.

ДЕГТЯРЕВ А.Я. — заместитель заведующего общим отделом ЦК КПСС в 80-е годы.

СОЛОВЬЕВ А.А. — ответственный сотрудник общего отдела ЦК КПСС в 80-е годы.

БАРСУКОВ Н.А. — ответственный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЛИПИЦКИЙ В.С. — ответственный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

КИСЕЛЕВ А.С. — начальник Московского городского объединения «Мосгорархив».

МАНЫКИН В.А. — первый заместитель начальника Московского городского объединения «Мосгорархив», специалист по теории архивного дела.

ДОКУМЕНТЫ*

№ 1

ИНФОРМАЦИЯ Н.С. ХРУЩЕВА В СОВНАРКОМ СССР О ПОЛОЖЕНИИ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРАИНЫ.**

15 ноября 1945 г.

Сообщаю Вам о ходе борьбы с украинско-немецкими националистами в западных областях Украины и проводимых нами мероприятиях по развитию народного хозяйства и культуры в этих областях.

Выполняя указания товарища Сталина об усилении борьбы с украинско-немецкими националистами, а также решение ЦК ВКП(б) «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР» от 27 сентября 1944 г. партийные организации, органы НКВД и НКГБ, внутренние и пограничные войска западных областей УССР провели значительную работу по разгрому вооруженных банд и подполья украинско-немецких националистов.

Разгром Германии и Японии, дальнейшее укрепление военно-экономической мощи и международного авторитета Советского Союза создают растерянность и чувство обреченности среди остатков банд украинско-немецких националистов. Растущая деморализация и растерянность в бандитских рядах подтверждаются продолжающимися явками с повинной участников националистических банд. За период с 20 июля по 20 октября с.г. с повинной явилось 3 227 бандитов. В своих показаниях пришедшие с повинной и захваченные в плен бандиты рассказывают, что остатки украинско-немецких националистов охвачены чувством безнадежности борьбы против советской власти. Растерянность среди бандитов возрастает еще и потому, что в результате разгрома большинство районных и столичных националистических организаций потеряли связь со своими руководящими центрами.

В результате победоносного окончания войны и нанесенных ударов украинско-немецким националистам политическое положение в западных областях значительно улучшилось.

Местное население более активно стало принимать участие в политической жизни. По Волынской области, например, за последнее время выдвинуто свыше 2 тыс. человек из местного населения на руководящую

* Орфография и стиль документов сохранены.

** Заголовок документов здесь и далее составителей

работу в советские, хозяйственные, торговые, финансовые и культурно-просветительные органы.

Созданные из сельского актива группы самоохраны оказывают большую помощь местным органам в борьбе с украинско-немецкими националистами. При появлении бандитов в селах население, в подавляющем большинстве, от них прячется и не оказывает им материальной поддержки. Поэтому бандитам насильственно приходится забирать у крестьян продукты, одежду и обувь, что вызывает еще большую озлобленность крестьян против бандитов.

В связи с окончанием войны и большими потерями, нанесенными немецко-украинским националистам руководство украинско-немецких националистов в последнее время несколько изменило формы борьбы с советской властью.

В своей директиве, выпущенной после окончания второй мировой войны, руководители ОУН требуют: «...с массовых форм подпольной работы переключиться на более узкие индивидуальные формы конспирации, с количества на качество, с экстенсивной на интенсивную работу вглубь, а не вширь».

Руководители банд и националистического подполья проводят чистку своих рядов, сопровождающуюся физическим истреблением лиц, подозреваемых в связях с органами советской власти или высказывающих неуверенность и безнадежность борьбы. Националисты уходят в глубокое подполье, руководство принимает все меры к тому, чтобы сохранить свои кадры, собрать остатки разгромленных банд и восстановить их боеспособность. Поэтому характер борьбы немецко-украинских националистов с советской властью в настоящее время изменился.

Если в конце прошлого года и в первой половине 1945 г. немецко-украинские националисты вели с нами борьбу крупными бандами, в 200 — 300 человек и больше, и вступали в открытые бои, то в настоящее время они стали действовать мелкими группами в 5 — 15 человек или одиночными засадами, перейдя, главным образом, к террору и диверсиям, направленным на срыв политических мероприятий.

Некоторые руководители партийных организаций, работники НКВД и НКГБ западных областей сделали неправильный вывод из факта уменьшения количества бандпроявлений в летние месяцы, полагая, что оставшиеся бандитские группы будут легко истреблены воинскими соединениями, и в ряде районов за последнее время ослабили борьбу с украинско-немецкими националистами.

В конце октября я был в западных областях УССР и ознакомился на месте с положением дел. В г. Станиславе проведено совещание первых секретарей обкомов КП(б)У, начальников областных управлений НКВД и НКГБ западных областей с участием командующих внутренними и пограничными войсками НКВД, на котором были заслушаны информации о состоянии борьбы с украинско-немецкими националистами.

30 октября с.г. ЦК КП(б)У принял решение о ходе выполнения постановления ЦК КП(б)У «О ликвидации остатков банд украинско-немецких националистов в западных областях Украины» и наметил ряд мероприятий по окончательной ликвидации остатков банд и националистического подполья.

Начальникам областных управлений НКВД и НКГБ и командующим пограничными и внутренними войсками НКВД предложено организовать

преследование банд до полного их уничтожения. При этом за каждой бандой закрепляются специально выделенные войсковые группы, которым будут определены сроки ликвидации каждой банды.

Учитывая положительную роль групп самоохраны из местного населения, созданных на протяжении 1945 г. во многих селах западных областей Украины, мы поручили партийным и комсомольским организациям укреплять группы самоохраны, проводя с ними боевую и политическую подготовку.

С целью выявления украинско-немецких и польских националистов, а также других вражеских элементов, весной 1945 г. мы провели повсеместный учет населения западных областей Украины, в результате чего было выявлено 14 тыс. человек враждебных элементов и уклонявшихся от призыва в Красную Армию. Сейчас ЦК КП(б)У обязал провести до 1 января 1946 г. повторный учет сельского населения. Руководителям партийных организаций и органам прокуратуры предложено строжайшим образом следить за соблюдением революционной законности.

Для быстрой ликвидации украинско-немецких националистов предложено секретарям райкомов КП(б)У, всем коммунистам и комсомольцам лично принять участие в ликвидации банд.

Партийные организации западных областей Украины проделали значительную работу в области общественно-политического воспитания масс.

К участию в политической работе привлечено до 100 тыс. человек агитаторов, докладчиков и беседчиков. Среди агитаторов много крестьян-активистов. Из 8 703 агитаторов Тернопольской области 5 349 крестьян, в Станиславской области из 5 694 агитаторов — 3 358 крестьян.

Проводимая политико-воспитательная работа сыграла значительную роль в повышении активности трудящихся западных областей Украины.

Местная интеллигенция принимает все более активное участие в общественной и политической жизни. Во всех областях и районах областей созданы лекторские группы при областных отделах и районных инспектурах политпросветучреждений, в которые вовлечены учительство и другая интеллигенция.

За последние месяцы во всех районах западных областей состоялись районные собрания интеллигенции, молодежи, крестьян, собрания женщин.

С целью повышения идейно-теоретического уровня руководящих кадров и интеллигенции создана большая сеть партийного просвещения.

В 248 вечерних районных партийных школах, созданных в западных областях, обучалось 6 758 человек, в 296 политшколах обучалось 9 861 человек. Во Львове, Черновцах и Станиславе работали вечерние университеты марксизма-ленинизма, в которых занималось 912 слушателей.

Западным областям Украины оказана большая помощь путем выделения литературы, киноустановок, радиоузлов. Восточные области Украины из своих фондов отобрали и отправили в западные области 510 тыс. экз. политической, художественной и научно-популярной литературы. По линии культторга и Союзпечати западным областям отправлено 1,7 млн. экз. литературы. Лимит газет для населения западных областей увеличился с 106 тыс. экз. в декабре 1944 г. до 286 тыс. экз. в октябре т.г.

На 1 ноября с.г. в западных областях насчитывается 6 240 школ, в которых обучается 967 тыс. детей, 60 техникумов с 8 тыс. учащихся, 14 вузов

с 3 900 студентов. Организовано 189 домов культуры, 3 400 читален и клубов. Создана широкая сеть лечебных, профилактических и учебных учреждений. На 1 октября 1945 г. насчитывается 15 226 больничных коек. Открыто поликлиник 481, женских и детских консультаций 178, фельдшерских и акушерских пунктов 892 и санитарно-эпидемических станций 166. Три мединститута, 10 техникумов и 7 научно-исследовательских институтов.

В настоящее время в западных областях Украины проводится значительная работа по развитию союзной, республиканской и кооперативной промышленности. Уже организовано свыше 1 700 промышленных предприятий, 525 промысловых артелей и 354 предприятия системы потребительской кооперации. Восстановлены и работают 8 нефтепромыслов, 9 нефтеперерабатывающих предприятий, 15 газолиновых заводов. За 9 месяцев текущего года добыто 190 тыс. тонн нефти. Восстановлена первая очередь Стебниковского калийного комбината в Дрогобычской области и Калушского — в Станиславской. За 9 месяцев текущего года в западных областях Украины выпущено разной продукции предприятиями местной и республиканской промышленности на 157,7 млн. руб., промысловыми артелями — на 42,8 млн. руб. и потребкооперацией на 11,6 млн. руб.

Выпуск продукции в сентябре т.г. по сравнению с декабрем 1944 г. по предприятиям Наркомлегла УССР, Наркомпищепрома УССР и Наркомтекстильпрома УССР увеличился в 1,5 раза.

В соответствии с постановлениями ГОКО и Совнаркома СССР во Львове организовывается ряд предприятий союзного подчинения. Такие заводы, как танко- и авторемонтные, велосборочный, кислородный, лакокрасочный, нефтеперегонный, электроламповый, завод газовой аппаратуры и другие начали выпускать продукцию.

Мощность Львовской ГРЭС* доведена до 19,5 тыс. кВт против 17 тыс. кВт, предусмотренных постановлением СНК СССР.

За 9 месяцев текущего года предприятиями союзной промышленности во Львове выпущено валовой продукции на 20,7 млн. руб., что составляет 89,7 % к девятимесячному плану.

Наряду с этим надо отметить, что ход восстановления и строительства некоторых заводов союзного подчинения во Львове проходит медленно: за 9 месяцев т.г. использовано на восстановление и строительство заводов 22 млн. руб., что составляет 35,5 % к годовому плану.

Наркомсредмаш до сих пор не приступил к организации во Львове завода автотракторного электрооборудования.

В области сельского хозяйства западных областей Украины проведены и проводятся такие мероприятия: из отобранных немецкими захватчиками у крестьян земель возвращено крестьянам 356 тыс. га. Установленный план посева яровых культур на 1945 г. для крестьянских хозяйств в количестве 2,62 млн. га выполнен на 101,5 %. Посевные площади ярового плана в сравнении с 1944 г. значительно увеличены. Осенью текущего года посеяно 1 495 тыс. га озимых культур, или 101 % к плану, что дало прирост по сравнению с прошлым годом почти на 10 %.

* ГРЭС — так в документе, правильно — ГРЭС.

Уборка зерновых культур проведена своевременно. Почти во всех западных областях успешно проходит выполнение государственных обязательств по хлебосдаче.

В западных областях Украины и в Измаильской области организовано 159 колхозов, объединяющих 8 545 беднячко-середняцких хозяйств. Организованные колхозы имеют 46 тыс. га земли, 3 833 голов лошадей и волов, 2 175 голов крупного рогатого скота.

В 1945 г. большинство колхозов западных областей успешно справились с посевами яровых и озимых культур, своевременно провели уборку и обмолот, крестьяне все больше изъявляют желание объединиться в колхозы. В сентябре — октябре с.г. в Черновицкой области вступило в колхозы 347 беднячко-середняцких хозяйств; в Измаильской — 500, в Волынской — 211. Также имеется небольшой рост колхозов и в других областях.

Проводится значительная работа по восстановлению коммунального хозяйства. Мощность коммунальных электростанций доведена до 12,2 тыс. кВт. Мощность водопроводов составляет 59,7 тыс. куб. м воды в сутки, в том числе по Львову до 35 тыс. куб. м. Во Львове и Черновцах работает трамвай.

Все районные центры западных областей Украины имеют телеграфно-телефонную связь с областными центрами. Телефонизировано 873 сельсоветов из 5 116 и 74 МТС.

Однако ряд наркоматов до сих пор не выполнили постановление СНК СССР от 13 апреля № 755-2ГЗс «О восстановлении и развитии промышленности, транспорта и городского хозяйства г. Львова». Об этом я пишу в отдельных небольших письмах и прошу Вас дать указание оказать необходимую помощь в восстановлении и развитии хозяйства западных областей.

Председатель Совнаркома УССР

Н. Хрущев

ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 23, д. 1853, л. 213 — 224.

№ 2

СООБЩЕНИЕ ПОЛКОВНИКА ИГНАТОВА В МГБ СССР

Штаб внутренних войск МГБ Украинского округа
24 февраля 1947 г. № 1/00405 гор.Киев

Сов.секретно
экз. № 1

Начальнику оперативного отдела ГУВВ МГБ СССР
полковнику тов. Карпову
Гор. Москва

При этом представляю копию письма референта СБ центрального провода оун «МИХАЙЛО» к «ШУХЕВИЧУ».

Настоящее письмо было изъято среди других документов 23 января с.г. при проведении чекистско-войсковой операции в схроне в лесу близь села ГИНЕЗИЦЕ Бережанского района Тернопольской области.

Приложение: по тексту на «15» л.

Начальник штаба ВВ МГБ
Украинского округа полковник

Игнатов

Зам.Нач.1 отдела штаба подполковник

Харченко

№ 3

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОНЕСЕНИЯ ЧЛЕНА ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРОВОДА, РУКОВОДИТЕЛЯ СБ «МИХАЙЛО» В АДРЕС ШУХЕВИЧА — ОСНОВНОГО ПРОВОДНИКА ОУН НА УКРАИНЕ*.

Друг 205

1. В вопросе «войны» мне тяжело согласиться с тем, что сегодняшнее внешнеполитическое положение будет стабилизировано хотя бы на несколько лет.

В действительности, все аргументы политического реализма требуют от многих государств отодвинуть приближающийся вооруженный конфликт на время, достаточное для залечивания ран, нанесенных войной, собирания свежих сил, окончательной и выгодной для себя кристаллизации военно-политических лагерей. Политическая ситуация после этой войны и факты не указывают на что либо обратное.

Ясно, что для СССР теперь война невыгодна по всем трем причинам. Для СССР теперь самое выгодное — дипломатическим путем закрепить существующее положение — победу и передышку, добиться общего разоружения и в этом прежде всего, исключение применения атомного оружия на будущее. В этом случае СССР стремится выиграть время, чтобы подготовить военную промышленность и также вооружиться атомной энергией или каким либо новым оружием.

Если СССР достигнет всеобщей воинской демобилизации и сокращения вооружения до уровня нормального времени, только тогда откроются для него возможности колоссальных размеров выкристаллизовать в свою пользу соотношение сил в Европе и Азии путем ряда столкновений во внутри парламентских отношений государств и в домашних войнах, обеспечив предварительно их локализацию тем, что другие великие партнеры будут обезоружены и демобилизованы, т.е. не подготовлены в данный момент к войне.

Теперь большевики играют на том же, что и в 1917 — 1918 гг. — демобилизовали невыгодную для них царскую армию, стремились пропагандой разложить немецкую, австрийскую и другие армии, выбросили ло-

* Перевод с украинского.

зунг: «Самоопределение наций вплоть до отделения», но все на экспорт, вне границ России — СССР, а у себя на развалинах белой армии поспешно организовали Красную Армию и пошли войной на Украину, когда она провозгласила независимость.

В демократических устройствах других государств — большевики будут разгуливать так, как только позволит им их нахальство, а в своем, герметично закрытом котле, будут делать как раз то, чего не могут терпеть у других — будут вооружаться, обучать армию, пятую колонну и т.п.

Если бы не присутствие англо-американских войск на территории разных государств и не военные темпы в ходе дальнейшего вооружения, что держит противников в ежечасной готовности к вооруженному выступлению, то коммунисты давно бы захватили правление в таких важных государствах как Франция, Греция и подготовили бы для этого почву в Китае, Италии, Испании и других. Только присутствие и боевая готовность США — Англии могут объяснить скромность большевиков во Франции.

В мирной обстановке нынешнего соотношения сил Союз Европейских Советских Социалистических Республик большевики могут реализовать только руками отдельных народов. Последние могут в удобное время поставить вопрос о формальном присоединении к СССР.

Современная дипломатическая политика СССР является самой целеустремленной военной стратегией на ближайшее время. Поэтому было бы бессмыслием терять кровь за то, что завтра будет достигнуто без потери своей крови и риска существования СССР. В Кремле это прекрасно понимают и поэтому «уступают». Это между нами вопрос не дискуссионный, и поэтому, дальше на нем останавливаться не будут. Но противники СССР не хуже нас понимают этот вопрос.

Чтобы они в будущем могли иметь хотя бы равные шансы на выигрыш, должны перестроить свое хозяйственное устройство государства по образцу СССР. На это там не пойдут, ибо сторонники современного капиталистического режима еще живы и держатся очень сильно, а в США еще не достигли зенита. При такой обстановке военные шансы противников в зените и чтобы они разменяли их на мелочь не хочется верить. Ясно, что после каждой выигранной войны, шли упорные «драки» за дележ добычи между союзниками. Теперь можно понять, что мы являемся свидетелями только дипломатической грызни и только за добычу.

Следует понять, что разные демонстрации США и Англии это только маневры, это только «громоподобные» аргументы для дипломатов, рассчитанные на устранение СССР и приведение последних к уступчивости. Но я никак не могу объяснить себе только маневрами и дипломатическим аргументом такие факты, как предложенный Трумэнном военный бюджет на 1947 — 1948 гг. Более 11,5 миллиарда долларов в сравнении с бюджетом 1940 — 1941 гг. — более 2,3 миллиарда долларов. Возможно, что он не будет принят парламентом в таком размере, но и не может быть сильно срезан, тем более, что большинство в конгрессе имеют республиканцы.

В свете этого кое-что говорит замена БИРНСА — МАРШАЛЛОМ, БА-РУХА — ОСТИНОМ. Более реально выступает унификация оружия, военный союз, обмен высшими офицерами летных частей, поездка МОНТГО-

МЕРИ и т.д. Часть этих аргументов можно было бы считать за подготовку позиций для дипломатов США и Англии в наступлении против СССР в части приближения решения вопроса о судьбе Германии и Японии.

Но разве сейчас необходимы такие мероприятия, когда союзники знают, что СССР сейчас не готов к войне и поэтому будет уступать. Разве союзники не имеют большинства в Генеральной Ассамблее. Зачем теперь необходима подготовка агентуры на время американской оккупации. Или в политике СССР также необходимо отличать маневры от угрозы войны, которые происходят не от того, что СССР теперь угрожает агрессией, а потому, что СССР вышел из этой войны таким, а не ослабленным, что для СССР открылась перспектива на территориях других государств важного значения и последние будут развиваться сами по себе. Наступление военной бури не игнорируется большевиками.

Наряду с пропагандированием четвертой пятилетки для мирных потребностей, большевики не забыли создать Министерство Строительства военных и военно-морских предприятий, которое будет первым по перевыполнению планов. Недавно в журнале «Новое время» я читал статью «Атомград» — она опровергает выдумки иностранных журналистов о быстрой постройке колоссального города в пустынях Памира, который должен стать центром экспериментальных опытов и военных испытаний с применением атомной энергии. Один человек, который вернулся из Таджикской ССР (на границе Памира) рассказывал, что там в пустыне в 60 км от Ленинабада, трудом 30.000 военнопленных вырос город с прекрасными домами, асфальтированными улицами, скверами и парками. В городе создано большое искусственное озеро. Поверхность озера забетонирована, сверху набросан толстый слой земли и засажена деревьями и кустами. Большая часть пленных направлена дальше в пустыню для других работ. На его глазах уже съезжались в этот город какие-то ученые, служащие, которые поселялись в домах. Наименование этого города тот человек не смог назвать (возможно, что не знает). Хотя Памир от Ленинабада далеко, но не исключено, что этот город входит в кольцо т.н. Атомграда.

Все это доказывало бы, что СССР очень серьезно считается с возможностью военного конфликта между США и СССР и поэтому готовится к нему на всех парах. Вся трудность положения СССР состоит в том, что не СССР решает: война или мир, не они планируют, а приспосаблиются, отсюда невыгодные последствия, которые возникают из этого общегосударственного планирования и хозяйства. Это только мои мысли и надежды, а не исходные данные для нашей работы в будущем.

2. По-моему, в ближайшее будущее мы должны всю нашу политику, всю нашу работу как можно быстрее перестроить в соответствии с требованиями ведения затяжной борьбы в мирное время. В борьбе с большевистскими захватчиками с 1944 г. мы все время находимся в отступлении. Для того, чтобы думать о наступлении, мы должны как можно скорее reорганизовать свои силы, приспосабливая тактику к наступающему противнику. Наиболее сильно враг наступает на нас конспиративной армией — агентурой и на этом участке у нас наиболее неудач. В отдельных мелких стычках гибнет большое число рядового и низового руководящего состава.

ва организации, так что мы скоро почувствуем неприятную нехватку этих кадров, если и дальше будет продолжаться такое положение. Ничего не сделать кучке сохранных руководителей, если будет не хватать идейных и интеллигентных исполнителей. По-моему, мы теперь не в силах наступать и это теперь нецелесообразно. Что из того, что мы своей пропагандой теперь поднимаем народы Востока, если мы не в силах пойти и там формировать народы в ряды революции. Это использует только враг, который еще крепче агентурой приберет всех и вся в свои руки.

После каждой вспышки и неудачи наступления, как правило, наступает депрессия, или, по меньшей мере, безразличие, которое отрицательно впоследствии отражается на психике людей. Восток можно завоевать двумя способами : большим сдвигом и спокойным незаметным просачиванием. Для первого нет внутренних большевистско-государственных обстоятельств, нет наших собственных возможностей. На второе можно найти возможности, если организуемся. Сегодня нам не нужно искать возможностей, хотя бы они и бесповоротно исчезали, хотя бы они составили очень выгодную почву для нашей борьбы. Поляки до сих пор усиливают, или вернее, не прекращают темпа революционной борьбы и поэтому платят разгромами руководящих центров и, наверняка, бесчисленным количеством рядового состава. Мы до последнего времени не перевели свои низы на конспиративную борьбу, поэтому платим большим количеством жизней.

Генеральный вопрос для нас на сегодняшний день — удержаться на западе. Это вопрос, который с некоторого времени со всех сторон беспокоит нас. Если мы не дадим на него ответ, и весьма положительный, то провалимся на основной нашей базе. Если мы не поднимем Восток, то у нас не найдется достойных преемников нашей борьбы. Чтобы они могли стать хотя бы близко к нашей работе, им нужно очень многое, что у них отсутствует — им не хватает революционно-подпольной практики. Они в условиях большевистской действительности никогда ею не овладеют, если учитывать то положение, в котором когда-нибудь большевики будут изнутри революционизироваться. Но на ближайшее время перспектив нет и едва ли будут в течение ближайших несколько десятков, а может и сотен лет. Поэтому возможности всколыхнуть Восток пусть пройдут, ибо они теперь не для нас.

Наконец, приступаю к тому магическому слову организовать. Под ним подразумеваю: а) как можно скорее переключить низы на подпольную работу, хотя партизанка большими группами уже дано закончилась, но едва ли везде: имею в виду Прикарпатский край, но низовая «братия» продолжает упорно партизанить и в результате чего гибнут по одному, вдвоем, втроем (не за грош). Это недискуссионный вопрос, идет речь о том, чтобы мы уделили внимание этому вопросу и виновных привлекли к ответственности. Необходимо ограничить размах мелкой работы в низах. Имею в виду слова одного человека, который сказал, что в его круге организация действует как часовой механизм, но все же за лето-осень погибло 30 чел., которые могли бы хорошо работать. Связи рвались несколько раз. Теперь они восстановлены, но завтра большевики снова оголят его территорию от членов организации. По-моему, такой баланс

полностью отрицательный и его нужно было бы запретить некоторым горячим друзьям-проводникам. Из этой «серьезности» небольшая польза, ибо отчеты от низов приходят всегда с очень большими опозданиями. б) Правильно руководить людьми. Действия упа перебросили многих интеллигентных людей в другие районы. Наибольшие из них сегодня находятся в Прикарпатском крае. Некоторые пока еще партизанят, а другие там, где непропорционально большое количество руководящих кадров, очевидно являются средними и низовыми проводниками.

Тем временем в других районах или уже не действуют организации, или в отдельных референтурах работа сведена к нулю, или к формальному назначению референта, который никогда не может выполнить своих обязанностей. Возьмем Чертковский округ (Тернопольская область), там на территории восточных районов больше года как не действует СБ. Некого назначить, а формальное назначение один за другим проваливаются. Конкретно идет речь о Бучачском и Борщовском районах. В Бучачском районе вообще не действует организация — там районные проводники еще до этой осени принимали обратно на работу тех, кто был выпущен или сбежал из тюрьмы — это нельзя возражать. Я разрешил после подробного изучения этих вопросов практиковать такие вещи. Вы встретитесь в будущем с несколькими друзьями-проводниками, которые и дальше будут этим грешить. Возьмем Львовский край. Там с самого начала в двух округах (Золочевском и Сокальско-Рава-Русском) СБ не было и некого назначить. Мне писал «МИРОН» (руководитель СБ Львовской области. Примечание переводчика) про СБ, в Прикарпатском крае каждый надрайонный референт сильнее, чем у него окружной референт. В результате того, что «РОБЕРТ» (краевой проводник ОУН, Станиславская область. Примечание переводчика) отдали «МЫТАРЯ» (руководитель СБ краевого провода Станиславской области. Примечание переводчика), я с ним буквально не имею связи в течение двух лет, почта от меня к нему не доходит и люди, которые могли бы многое сделать для этого края, теряют даром время.

О Севере меня беспокоит хотя бы следующее — кто пойдет туда постановить дело «ДАЛЕКОГО» (Краевой проводник ОУН в Ровенской области. Примечание переводчика). Он сюда не приходит, а может и не придет, ибо я на 90% уверен, что почта к нему не доходит. Я предлагал бы в целом организовать оргреферентуру в персональную и пусть она займется сбором материалов о положении людей, приняв во внимание прежде всего следующее: а) кто на чужой территории и не нужен ли он в своем районе; б) классифицировать руководящих людей даже среднего, низового состава и перераспределить по территории и референтурам соответственно с задачами нашей работы. Тогда будет знать, какие имеются резервы и на что мы можем рассчитывать сегодня и на что завтра. Так как теперь мы этих резервов не видим, поэтому работа вне территории западных областей является для нас излишней тяжестью. В будущем другими территориями сможем заняться только тогда, когда мы там будем иметь силу и влияние. Я упоминал про одного человека, который был связным куца (да и то нехорошим), но с ним поговорили и назначили районным референтом, а теперь он надрайонный референт СБ и хо-

рошо работает. А разве есть только один человек. Работа персональной референтуры в данное время не легка, но все же может дать хорошие результаты, если поработать в этом направлении. Политическое воспитание кадров — это пропаганда изнутри.

Действия УПА дали возможность провести большую переоценку наших кадров. Многие из симпатиков оказались более подготовленными для современной ситуации. Такое же положение имеет место и среди новых членов организации. Их можно было бы назначить на места тех, кто растерялся, но им не хватает политической грамотности, над ними надо работать. Запад будем удерживать своим присутствием, ибо здесь: Требуется некоторая пропаганда для крестьян в форме широких поручений для противопоставления болтовни большевистской прессы. Что говорить крестьянам о большевиках, когда они сами часто имеют против них куда более веские аргументы, чем мы. Когда мы пошлем своих членов организации на Восток — то им необходима ясная политическая грамотность, ибо без нее они ничего не сумеют сделать и будут вновь организовывать «кривотапок», «таранов» или дурачков, которые в нашем деле ничего не будут стоить.

3. Проверка кадров и закрытие известных нам лазеек агентуры. Ясно, что это задание СБ сама не разрешит, если еще до сих пор игнорируются указания в отношении проверки членов, и прежде всего, отсеивания тех, кто подозревается в агентурной связи с врагом. Этот вопрос также не является дискуссионным. В развитие вопроса сообщаю, что в некоторых районах Подольского края и Галиции разоблачена этой осенью внутренняя агентура среди рядовых членов организации. В числе агентов встречаются кущевые проводники и станичные. Вся трагедия в том, что ни один из них не завербован таким образом, который не сумел бы разоблачить нормальный человек. Каждый из них был арестован, большая часть из них во время этой оккупации, а некоторые в период первой оккупации. Они в тяжелом положении не застрелились, а подняли руки вверх. Это так парадоксально, что не хочется об этом писать.

Говоря в целом, теперь уже нет интеллигентного члена, который не знал бы этой самой примитивной основы. Работы большевиков — вербовку агентуры большевики проводят путем ареста, а затем освобождения завербованного агента. Беда только в том, что в низах многие люди были арестованы, если не теперь, то в прошлую оккупацию. Если был арестован не он, то его хороший друг, который потом погиб в борьбе с большевиками. Таких людей тысячи.

Ясно, что не каждый, который был арестован и выпущен, является агентом и хочет работать с большевиками — за это много аргументов. Можно было бы экспериментировать, если бы для этого имелись удобные условия и более интеллигентные люди.

Мне приходилось много раз дискутировать по этому вопросу с руководящими работниками СБ, а теперь они группируют свои аргументы на защиту профильтрованных большевиками наших членов и симпатиков-подпольщиков. Сообщаю, что в нескольких районах, где раскрыта агентура, число агентов колеблется от 5 до 7 человек. Если принять во внимание, что всех подпольщиков не больше 20 — 25 чел. на район, то такое

количество агентов внутренних является страшным. Мне все кажется, что мы на этом участии будем так долго «проваливаться», до тех пор, пока не проведем самого строгого изолирования лиц, имеющих на себе пятна агентурного порядка.

Я не хочу истребления людей. Их можно было бы собрать в группы по два, три человека, указать отдельное село, которое не играет видной роли в нашей работе и давать им мелкие задания, например — сбор денег в этом селе, время от времени поручать провести теракт против большевиков. Если в этом проявит себя несколько раз или только один раз, убьет какого-либо районного руководителя, то можно оставить его в своей среде. В одном случае агент-внутренник, который был районным пропагандистом, был заподозрен референтом СБ еще летом 1945 г. Какие данные имел референт СБ мне неизвестно, ибо он умер. Однако, этот агент-внутренник нашел себе покровителя в лице одного из руководящих проводников, который сказал: «Какая там СБ. Я доверяю Вам и на этом конец. Продолжайте свою работу». Так работал этот агент еще в течение года, пока его не вызвал к себе окружной референт СБ и не разоблачил его. Без палки сообщил о преступной группе предателей. Протокол имеет 35 страниц, отпечатанных на машинке.

Чтобы на будущее был порядок, такой проводник должен быть привлечен к строгой ответственности и осужден к смертной казни с заменой на возможность реабилитации. Иначе не справимся с работой, что такой бедный работник СБ может сделать против всемогущего проводника. К тому же бедный эсбист в течение 6 месяцев после этого случая три раза перебрасывается из района в район и наконец, погиб героической смертью в засаде на большевиков.

5. В последнее время на агентурном участке отмечены следующие новшества: а) упоминаемый цикл вопросов внутреннего характера. б) провокационная организация органов МГБ под названием «ОБЗВУ», которая действует на территории Галиции. Наиболее активно действует она во Львове, забирает в свои руки школьную молодежь, диких подпольщиков (бывших членов ОУН-УПА), явившихся с повинной и других. Установлено, что в районах явившиеся с повинной выдают себя за скрывающихся, проводят работу по сбору средств в пользу «ОБЗВУ». Во Львове в течение осени 1946 г. эта организация разбросала несколько раз свои листовки, напечатанные на машинке. Возможно сейчас, или в следующий раз, направляю Вам в копиях восемь листовок, одну инструкцию и денежные купоны.

Они призывают народ создавать подпольные партии для борьбы с большевистскими оккупантами и распространяют наши лозунги, как-то «Угнетенные народы объединяйтесь в общий фронт борьбы против СССР» и т.д. Они не забывали бросить такой лозунг: «Да здравствуют наши вооруженные силы — УПА и ВСО». Листовки очень неграмотные. В инструкции для СБ сказано: «Разыскивать английских и американских агентов и агентов польской партии «Народовы силы збройны» и т.д. Пишу об этом кратко, так как указанные материалы могут не успеть прийти вместе с этой запиской: я дал отпечатать их на машинке. Искренне благодарю за праздничные и новогодние поздравления. Крайне неприятно, что «ДАЛЕКИЙ» (краевой проводник ОУН в Ровенской области. Приме-

чание переводчика) остается холодным. Имеет ли связь с 0948 и 717. С ними я связи не имею. Из числа моих работников погиб ОСТАП, совершенно напрасно, один из лучших моих людей.

Искренне поздравляю.
Слава Украине.

432. «Михайло»
11 января 1947 г.

Кроме настоящего документа в захваченном архиве «МИХАЙЛО» имеется еще целый ряд материалов, представляющих оперативный интерес, о которых донесу дополнительно.

Министр внутренних дел Украинской ССР
генерал-лейтенант

Строкач

« » января 1947 г.
г. Львов

Верно: нач. 2 отделения I отдела майор

Винич

РГВА, ф. 38650, оп. 1, д. 229, лл. 41 — 56.

№ 4

СОПРОВОДИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР Л. П. БЕРИЯ К ПОДБОРКЕ ДОКУМЕНТОВ, НАПРАВЛЕННЫХ НА РАССМОТРЕНИЕ И. В. СТАЛИНА*

31 декабря 1946 г.

Представляю Вам полученные от т. Абакумова сообщения о продовольственных затруднениях в некоторых районах Молдавской ССР, Измаильской области УССР и выдержки из писем, исходящих от населения Воронежской и Сталинградской областей с жалобами на тяжелое продовольственное положение и сообщениями о случаях опухания на почве голода.

* Документы о голоде, которые здесь приводятся, заслуживают особого внимания. Партийная и государственная власти закрывали глаза на разразившийся в результате засухи голод во многих областях Украины, юга России и в Молдавии. Поэтому не случайно в информации, поступавшей наверх, сообщалось лишь о «случаях опухания на почве голода» или о «продовольственных затруднениях», «смертности на почве недоедания», но только не о голоде.

В ноябре и декабре с. г. в результате негласного контроля корреспонденции Министерством государственной безопасности СССР зарегистрировано по Воронежской области 4616 таких писем и по Сталинградской — 3275.

Л. Берия

АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 349, л. 112. Подлинник.

№ 5

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНСКОЙ ССР САВЧЕНКО МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАС- НОСТИ СССР В. С. АБАКУМОВУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ГО- ЛОДА В ТАРУТИНСКОМ И БОРОДИНСКОМ РАЙОНАХ ИЗМАЙЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

25 ноября 1946 г.

Сов. секретно

По данным управления Министерства госбезопасности Измаильской области в последнее время в ряде сел и совхозов Тарутинского и Бородинского районов в результате неурожая и ухудшения продовольственного снабжения зафиксированы случаи опухания и смертности на почве недоедания.

В Тарутинском районе зафиксированы 4 случая смертности от недоедания. В числе умерших: Кривцов Василий Гаврилович 1899 года рождения, уроженец с. Веденское Тарутинского района, беспартийный, работал сторожем маслозавода; Егоров Николай Ильич 1923 года рождения, уроженец с. Гайдырь Чедырлукского района Молдавской ССР, по национальности гагауз, беспартийный, работал в совхозе «Бессарабский» с весны 1946 года; Чабан Иван Дорофеевич 1897 года рождения, уроженец с. Давитляги Ново-Ивановского района Измаильской области, болгарин, проживал в селе Париж у брата, работавшего на железной дороге. Труп Чабана был обнаружен через два дня после его смерти в поле, где он собирал колосья. Медосвидетельствованием установлено, что смерть последовала на почве голода.

В октябре месяце с. г. районной поликлиникой зафиксировано 6 случаев обращения больных, страдающих голодными отеками, из них 9 человек из с. Подгорное, 4 человека из с. Серпенево и 3 человека из с. Тарутино и Березино.

В числе обращавшихся за медицинской помощью: Лозов Андрей Федорович 1899 года рождения, уроженец с. Каратлуг Чедырлукского района Молдавской ССР, по национальности гагауз, в совхозе работает пчеловодом, на иждивении имеет жену и 3 детей. В сутки получает на себя и семью лишь 500 грамм хлеба; Лозов Константин Николаевич 65 лет, уроженец с. Каратлуг, гагауз, беспартийный, находится на иждивении сына, работающего в совхозе. На почве недоедания находятся в опухшем состоянии и другие.

В связи с продовольственными затруднениями и наступившим похолоданием резко упала посещаемость школ детьми. Так, из 100 учеников школы с. Подгорное, где находится совхоз «Бессарабский», не посещают ежедневно школу 30 — 35 детей.

В Бородинском районе в октябре с. г. на почве недоедания зафиксировано 8 случаев смертности.

В с. Александровка Бородинского района зарегистрировано 20 случаев опухания на почве голода. Семья колхозника Нижельского Ефима Леонтьевича в составе жены и трех детей от 2 до 10 лет находится в опухшем состоянии. Полученная Нижельским от государства ссуда в количестве 6 пудов зерна съедена, и в настоящее время семья хлеба не имеет. Нижельский выехал на работу в г. Тирасполь.

Семья Волокишик Никифора Яковлевича 52 лет, состоящая из 5 человек, также не имеет хлеба.

В связи с недостатчей продуктов питания среди населения и особенно со стороны антисоветского элемента отмечены факты антисоветских высказываний. Об изложенном информирован ЦК КП(б)У.

Министр государственной безопасности УССР
Генерал-лейтенант

Савченко

АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 349, л. 117 — 119. Заверенная копия.

№ 6

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ МОЛДАВСКОЙ ССР МОРДОВЦА МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР В.С. АБАКУМОВУ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ГОЛОДА В РАЙОНАХ МОЛДАВИИ

2 декабря 1946 г.
Сов. секретно

В связи с неурожаем в 1946 г., в районах сельской местности, особенно в южной части Молдавской ССР ощущается острый недостаток хлеба у населения.

В результате тяжелого продовольственного затруднения в селах Кагульского, Бендерского и Кишиневского уездов на почве недоедания отмечено 10 834 случая заболеваний дистрофией, атрофией и безбелковыми отеками.

По отдельным районам этих уездов число больных определяется в следующих цифрах: в Комратском районе — 3445 чел., Чимишлийском — 2401, в Каушенском — 360, в Кайнарском — 748, в Рыбницком — 310, в Сусленском — 250, в Леонском — 220 и в других пограничных районах республики — 2100.

В числе больных значительный процент составляют дети дошкольного

и школьного возраста, например: в Комратском районе из 3445 чел. больных детей — 2018 чел., в Кайнарском районе из 748 чел. детей — 423.

Следует отметить, что число больных дистрофией с каждым месяцем возрастает.

В силу такого заболевания значительно возросла смертность населения в этих районах. Так, в Комратском районе в октябре мес. с. г. умерло 260 чел., в том числе 115 детей; в Чимишлийском районе умерло 70 чел. в месяц; в Волонтировском районе умерло в октябре мес. 16 человек и в других приграничных пунктах зафиксировано умерших от истощения 65 чел.

Имеют место случаи обнаружения трупов на улицах, дорогах и в поле. Например: с 25 октября по 5 ноября с. г. на улицах и дорогах Комратского района было обнаружено и подобрано 6 трупов. 2 ноября с. г. на улице в г. Комрате обнаружен и подобран труп Маврии Ивана, 52 лет, умершего от истощения. 30 ноября с. г. подобран труп на дороге между селами Волонтировка и Степановка Паран Прасковьи 32 лет. Вскрытием трупа установлено, что Паран умерла от истощения. 9 ноября с. г. на окраине с. Слободзя подобран труп Манкуш Терентия 1910 г. рождения, жителя с. Степановка и т. д.

В октябре мес. с. г. в Леонскую больницу был доставлен подобранный двухлетний ребенок с запиской, в которой было написано: «...Мой муж погиб на фронте, хлеба мне не дают. Прошу вас, сделайте что знаете с ребенком я ухожу, чтобы прокормить себя и не знаю, что будет со мной, может умру, но я не хочу видеть его, как он будет умирать».

На почве создавшегося продовольственного затруднения, среди населения наблюдаются факты антисоветских пораженческих и эмиграционно-изменнических настроений. Так, жители села Шереуды Липканского района Тютюник Е. Н. и Тютюник Б. И. заявили: «...Если так будет дальше, уйдем в Румынию, там условия жизни лучше, чем в Советском Союзе...»

Житель села Кухнешты Болотинского района Руссу П. М. высказал: «...При румынской власти жить было лучше, я бы ушел в Румынию, т[ак] к[ак] здесь жить плохо и кушать нечего, но на реке Прут много пограничников, когда будет темно, я все равно уйду за границу».

Жительница села Вале-Маре Унгенского района Толнолару М. Н. среди жителей говорила: «...Имела полгектара кукурузы и та не уродилась. Не знаю, как прожить до нового урожая и, наверное, придется умирать с голоду. Если бы нашелся человек, который бы меня провел в Румынию, я бы ему отдала все».

Жительница села Старые-Ботраж Бельцкого уезда Вербова Мария заявила: «...Советы забирают весь хлеб, но скоро их здесь не будет».

Житель села Распопены Скулянского района Брашвану Д. И. высказал: «...Бессарабия должна отойти к Америке. Советская власть долго не продержится».

Антисоветский элемент заметно активизирует враждебную работу в направлении повстанческо-террористического характера.

С целью своевременного предупреждения деятельности враждебно-го антисоветского элемента, предотвращения случаев ухода за кордон и

выявления организаторов антисоветской работы мною даны соответствующие указания всем органам МГБ Молдавской ССР.

Министр государственной
безопасности МССР генерал-майор

Мордовец

АПРФ, ф. 3. оп. 30, д. 349, л. 113 — 116. Заверенная копия.

№ 7

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПИСЕМ ЖИТЕЛЕЙ ВОРОНЕЖСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТЕЙ О ТЯЖЕЛОМ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Совершенно секретно

По Воронежской области

15.XI.46 г. «...Надвигающийся голод страшит, моральное состояние подавленное. Дети наши живут зверской жизнью — вечно злы и голодны. От плохого питания Женя стал отекать, больше всего отекает лицо, очень слабый. Голод ребята переносят терпеливо, если нечего поесть, что бывает очень часто, молчат, не терзают мою душу напрасными просьбами». (Ефремова М. С., Воронежская обл., ст. Бутурлиновка, Главмука — Ефремовой Н. А., pp 39 273).

20.XI.46 г. «...Мы сейчас находимся в крайне затруднительном положении, которое до сих пор не выправилось, да и вряд ли его можно выправить. За этот год нам придется, вероятно, кое-кого из нашей семьи не досчитать в живых, так как уже сейчас начинаем пухнуть от голода». (Пустовалов М. И., г. Воронеж, Никитинская, 46, ВПМУ и ЦЭМ. — Пустовалову Т. А., pp 33 846).

24.XI.46 г. «...Дома дела очень плохие, все начинают пухнуть от голода: хлеба нет совсем, питаемся только желудями». (Ершов В. В., Воронежская обл., г. Борисоглебск, ул. Ярмарочная, д. 57 — Ершову П. В., pp 61 500).

24.XI.46 г. «...Жить нам нечем: нет ни хлеба, ни картошки, мы начали отекать от голода и погибаем». (Ендовицкая А. И., Воронежская обл., Подгоренский р-н, х. Вязовый — Ендовицкому С. П., pp 90 244).

24.XI.46 г. «...Мы погибаем от голода. Хлеба нет, ничего нет, есть нечего. Жить осталось считанные дни, ведь питаюсь водой, можно прожить только неделю». (Бобровских А. С., Воронежская обл., с. Бегрибановка, ул. Трудовая, д. 40 — Бобровскому И. В., pp 89 485-В).

16.XI.46 г. «...Жизнь наша никуда не годится, продуктов питания у нас нет и купить их не на что. Мы совсем погибаем: есть нечего. Можно ли жить дальше? Так жить не хочется, живым бы лег в могилу. Как только наступает утро, Галочка просит есть. А что я дам ей?» (Колесникова Н. И., Воронежская обл., Кантемировский р-н, ст. Кантемировка, ул. Рабочая, д.32 — Колесникову Л. И., pp 29 386-И).

1.XI.46 г. «... Живем мы в кошмарных условиях. Есть нам совсем нечего, питаемся только желудями, а от этой пищи мы едва таскаем ноги. В этом году умрем от голода». (Плужников А. И., Воронежская обл., г. Калач, Подгорненский с/с., к-з им. Красной Армии — Плужникову И. И., пп 09 866).

12.XI.46 г. «...Жизнь становится тяжелой, хлеба людям не дают, а кто получает, то не больше 250 г. Люди умирают, не болея. Смертность очень велика. Страшит весна: уже сейчас цены на продукты ужасно поднялись, что же будет весной». (Велоржева, Воронежская обл., г. Павловск, проспект Революции, д. 13 — Пискареву Л. Ф., пп 20163).

21.XI.46 г. «...Несколько слов о своей жизни: не работаю, сил нет, совсем ослаб, уже начинаю опухать от недоедания. У кого есть хоть маленькая поддержка, те еще дышат, а у кого нет, те уже пухнут. Наверно, пропаду ни за что. Если есть какая-нибудь крупа или фасоль, кукуруза, картошка, то привезите, а то совсем погибаю. Еще чесноку, луку, а то дают один суп и тот не соленый. Как трудно пережить это время». (Жуков Н. С., г. Воронеж, 26, п/я 90, 2 филиал — Титаревой Д. А., Воронежская обл., ст. Лиски, ул. Советская, 6).

29.XI.46 г. «...Живу я очень плохо, сижу целыми днями совершенно голодная и уже нет моих сил так жить. Иногда даже хочется наложить на себя руки, но жаль оставить своих деток сиротами. Мне стыдно просить у тебя помощи, но голод заставляет. Ты сама мать и знаешь, как тяжело смотреть на детей, когда они голодные». (Менякова Н. А., г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, д. 141 — Паршиной А. П., Воронежская обл., Ново-Усманский р-н, с. Рогачевка).

26.XI.46 г. «...Жизнь наша плохая, продукты все дороже и дороже. Когда придешь на базар, так становится жутко. К продуктам, особенно с нашими деньгами, не подойдешь. Не знаю, как дальше будем жить. Очереди за хлебом стоят с вечера, но мы почти не ходим, потому что бесполезно. Голова ходит кругом от дум и от питания. Продавать нечего, не знаю или с ума сойду, или умру, белый свет не мил, рад бы смерти, но нет ее. Вот такая настала жизнь». (Попова Н., г. Воронеж, ул. Героев Революции, 25 — Попову А. Н., г. Курск, ст. Рыжково, з-д 111, ВСР № 7).

2.XI.46 г. «...Осталась у меня одна козочка и придется мне ее продать. Мы погибаем, картошка вся, хлеба не дают, совсем нечего есть. Помоги хоть чем-нибудь, пришли вызов мне, я приеду к тебе. Мне все равно погибать от голода или здесь, или в дороге. Пишу тебе письмо, а у самой слезы в глазах, я уже целую неделю ничего не ела, хожу голодная, что люди дадут, то и поем». (Япрынцева Н. Г., Воронежская обл., Ново-Усманский р-н, ул. Свободы, д. 14 — Япрынцеву М. С., Эстонская ССР, г. Кохтла-Ярве, Газсланцестрой, п/я. 30, общежитие).

20.XI.46 г. «...Тяжело жить и морально, и материально, а тут еще надвинулся холод. Ведь в Воронежской области страшный недород. Муки, хлеба коммерческого получить нет возможности, очереди тысячные, люди едят жмых. Вот и живи как хочешь. Смерть хотя и близка, а страшно от голода умирать. Ну, да все равно. лишь бы поскорей. Я так устала, так тяжело жить». (Иванова К., г. Воронеж, ул. Разина, 13, кв. 5 — Иванову Н. В., Грозненская обл., Горский р-н, ул. Центральная, 8, кв. 4).

№ 8**ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.С. ХРУЩЕВА
НА ИЮЛЬСКОМ (1953 г.) ПЛЕНУМЕ ЦК КПСС***

[...] Товарищи, вот что интересно**. Я, например, глубоко убежден, что Берия не коммунист, Берия не был коммунистом. Берия — карьерист, Берия — провокатор. И не только сейчас. Товарищи, я напому Вам Пленум в 1937 году. Вы помните, что с этой трибуны было заявлено, что Берия работал в контрразведке в Баку. Каминский это сказал. Тогда же было сказано, что Берия работал в контрразведке по заданию партии. Сейчас доказательств не имеется, он их не представил. А время прошло.

Багиров. Подпольной работой тогда руководил Анастас Иванович, без него никто никуда не мог пойти.

Хрущев. Товарищи, я вам скажу, что мы уже возраст советской власти имеем приличный и сами с советской властью многие поседели. Поэтому если даже скажут, что он имел действительно задание, то кто поручится, что он не работал и по другому заданию, против нас, имея прикрытие, что он работал по нашему заданию. Такой авантюрист! Это двойник, но через определенное время он становится одиночным человеком, работая в одном направлении.

Товарищи, я неоднократно слышал заявления Берия о партии, его взгляды. Последнее заявление было им сделано, когда мы обсуждали дела ГДР, когда вызывали немцев, и когда обсуждали вопросы Венгрии. Тогда стоял вопрос о том, что надо разъединить работу в одном лице, решить, что совмещает ЦК и Совет Министров. Помните, тогда Ракоши сказал: я бы хотел знать, что решается в Совете Министров и что в ЦК, какое разграничение должно быть. Раз не будет в одном лице, надо более рельефно выявить разделение вопросов. Берия тогда пренебрежительно сказал: что ЦК, пусть Совмин решает, ЦК пусть занимается кадрями и пропагандой.

Меня тогда резануло такое заявление. Значит, он исключает руководящую роль партии, сводит ее роль на первых порах к кадрам, а по существу партию сводит на положение пропаганды. В его же понимании — какая разница между Гитлером и Геббельсом? Разве это взгляд на партию? Разве так учил Ленин? Разве так учил Сталин относиться к партии?

Почему он так говорил? Он вносил сознание, что роль партии отошла на второй план, а когда она укрепитя, тогда ее совсем уничтожит. Конечно, не физически, он не такой дурак, он все сделал бы в своих целях. Это, товарищи, опасность большая, и поэтому я делаю вывод, что он не член партии, он карьерист, а может быть, шпион, в этом надо еще покопаться.

* Печатается по неправоленной стенограмме.

** Полностью выступление Н.С.Хрущева на июльском (1953 г.) пленуме ЦК КПСС печатается в книге «Лаврентий Берия. 1953». Издание Международного фонда «Демократия».

Голоса из зала. И то и другое.

Хрущев. Мы ведь с Берия ходили вместе, и под ручку ходили, поэтому многое могли и слышать от Берия. Интересная такая вещь: он сам многим возмущался, что делалось в МВД или в госбезопасности. Интересно, с какими предложениями вошел он в Президиум. Мы еще их не обсудили, не успели, решили раньше его посадить, а потом обсудить. Он внес предложение, что нужно ликвидировать Особое совещание при МВД. Действительно, это позорное дело. Что такое Особое совещание? Это значит, что Берия арестовывает, допрашивает и Берия судит.

Спрашиваю, неужели у нас такой поток контрреволюционных восстаний, что ЦК не имеет возможности сам разобраться эти вопросы, нужны специальные органы, чтобы без следствия, прямо в кабинете, без преступника разбирать и судить? Где эти преступления? Сколько их? Их покамест нет.

Почему это нужно было Берия? Потому что, имея Особое совещание в своих руках, он на любого человека имел право. Он сам говорил: я могу любого человека заставить, что он скажет, что имеет прямую связь с английским королем или королевой, сам подпишет. И он это делал. Следовательно, когда он добивается таких показаний, когда потом будет суд, будет следователь. Который допрашивает по указанию Берия, будет докладывать Берия и судить будет сам Берия.

Товарищи, разве это мыслимое дело? И что же он нам голову морочит. Он пишет, что надо упорядочить это дело, но как упорядочить? Сейчас может особое совещание выносить свое решение с наказанием до 25-ти лет и приговаривая к высшей мере — расстрелу. Я предлагаю высшую меру — расстрел отменить и не 25 лет, а 10 лет давать. Товарищи, 10 лет. Это значит дать 10 лет, а через 10 лет он может вернуться и его опять можно осудить на 10 лет. Вот вам самый настоящий террор, и будет превращать любого в лагерную пыль.

Я, когда получил это предложение, позвонил товарищу Микояну, позвонил товарищу Булганину, товарищу Молотову — читали ли они это предложение, позвонил Лазарю Моисеевичу и сказал ему — почитайте, что предлагает Берия. Разве мыслимо это делать, и в каких целях. Хорошо. Может быть какое-нибудь дело в стране, с которым не стоит вылезать в свет. Это может быть, но чтобы Центральный Комитет не мог специально обсудить и вынести решение, найти форму решения этого вопроса, я думаю, от этого мы, видимо, не откажемся на будущее, но надо, чтобы это было исключением и чтобы это исключение было по решению партии и правительства, но не закон, не правило, чтобы это делал министр внутренних дел, имея такую власть, терроризируя партию и правительство, вот о чем идет речь.

Еще решение, которое он тоже вынес, но мы это решение уже решили. Он внес такое предложение, что все осужденные или арестованные, осужденные, которые отбыли наказание, а арестованные, если оправданы следствием или судом, которые подлежат освобождению, должны освобождаться лишь только после того, когда прокурор доложит МВД. О чем это говорит, товарищи? Этот человек говорит о законности. Но какая же тут законность, а потом говорят, что наши прокуроры — это дерьмо.

Прокурором командует МВД. Как же может работать прокурор и пользоваться доверием, когда он должен доложить МВД, в то время когда суд уже доказал, что человек невиновен. Разве же это, товарищи, законность, нужна ли нам такая законность?

Почему Берия за это хватался, почему он должен держать душу не только тех, кто сидит в тюрьме, но и кто находится под следствием, кто вышел уже из заключения? Чтобы они дрожали, пока Берия у власти. Это делалось для террора. Этот террор был направлен против партии, против правительства, против народа нашего.

Голос с места. Правильно.

Хрущев. Вот что нужно было этому негодяю. И вот, товарищи, как говорится, капля по капле создает потоки. У нас была целая серия наших так называемых друзей — Берия, Ягода, Ежов, Абакумов, — все это ягодки одного поля.

Поэтому надо этот орган иметь. Меч нашего социалистического государства должен быть острым и отточенным. Врагов мы имеем еще много. Мы имеем капиталистические страны сильнее и их агентуру внутри страны. Поэтому было бы глубоко неправильным смешивать с грязью этот орган, думать, что он не нужен, так как мы за это можем поплатиться. Но этот меч надо держать острием против врагов и чтобы он не был направлен против своих людей. [...]

ЦХСД, ф.2, оп.1, д.29, лл. 3-43

Машинописный экземпляр

ПИСЬМА БЕРИИ Л.П. ИЗ ТЮРЬМЫ*

№ 9

В ЦК КПСС ТОВАРИЩУ МАЛЕНКОВУ

Дорогой Георгий.

Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе. Но ЦК решил иначе, считаю что ЦК поступил правильно. Считаю необходимым сказать, что всегда был беспредельно предан партии Ленина — Сталина, — своей родине, был всегда активен в работе. Работая в Грузии, в Закавказье, в Москве МВД, Совете Министров СССР и вновь в МВД все, что мог отдавал работе, старался подбирать кадры по деловым качествам, принципиальных, преданных нашей партии товарищей. Это же относится к Специальному комитету, Первому и Второму главным управлениям занимающихся атомными делами и управляемыми снарядами. Такое же

* Арестованный в июне 1953 г. Л.П. Берия находился в тюрьме до 23 декабря. 18 — 23 декабря 1953 г. Специальное Судебное Присутствие Верховного Суда СССР приговорило его к расстрелу. 23 декабря приговор приведен к исполнению.

положение Секретариата и помощников по Совмину. Прошу Товарищей Маленкова Георгия, Молотова Вячеслава, Ворошилова Клементия, Хрущева Никиту, Кагановича Лазаря, Булганина Николая, Микояна Анастаса и других пусть простят, если и что и было за эти пятнадцать лет большой и напряженной совместной работы. Дорогие товарищи желаю всем Вам больших успехов за дело Ленина Сталина, за единство и монолитность нашей партии, за расцвет нашей Славной Родины.

Георгий, прошу, если это сочтете возможным семью (жена и старуха мать) и Сына Серго, которого ты знаешь не оставить без внимания.

Лаврентий Берия

28. VI. — 1953 г.

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. д. 463. л. 163. Рукопись.

№ 10

В ЦК КПСС ТОВАРИЩУ МАЛЕНКОВУ

Дорогой Георгий!

В течение этих четырех тяжелых суток для Меня, я основательно продумал все, что имело место с моей стороны за последние месяцы после пленума ЦК КПСС, как на работе, так и в отношении лично тебя и — некоторых товарищей президиума ЦК и подверг свои действия самой суровой критике, крепко осуждаю себя. Особенно тяжело и непростительно мое поведение в отношении тебя, где я виноват на все сто процентов. В числе других товарищей я тоже крепко и энергично взялся за работу с единственной мыслью сделать все, что возможно и не провалиться всем нам без товарища Сталина и поддержать делами новое руководство Ц. К. и Правительства. В соответствии с имеющимися указаниями Ц.К. и Правительства, укрепляя руководство МВД и его местных органов, МВД внесло в ЦК и в Правительство по твоему совету и по некоторым вопросам по совету т. Хрущева Н. С. ряд заслуживающих политических и практических предложений, как то: по реабилитации врачей, реабилитации арестованных по т. к. называемому мингрельско-национальному центру в Грузии и возвращение неправильно сосланных из Грузии, Об амнистии, о ликвидации паспортного режима, по исправлению искривлении линии партии допущенной в национальной политике и в карательных мероприятиях в Литовской ССР, Западной Украине и западной Белоруссии, но совершенно справедлива твоя критика, критика т-ща Хрущева Н. С. и критика других товарищей на Президиуме ЦК; с последним моим участием, на мое неправильное желание вместе с решениями ЦК разослать и докладные записки МВД. Конечно, тем самым в известной мере принизили значение самых решений Ц. К. и, что создалось недопустимое положение, что МВД, как будто исправляет Центральные Комитеты Коммунист. партии Украины, Литвы и Белоруссии, тогда как роль МВД ограничивался только выполнением указаний ЦК КПСС и Правительства. Хочу прямо сказать, что с моей стороны настаивая на рассылку докладных записок было глупостью и политичес-

ким недомыслием, тем более ты мне советовал этого не следует делать. Поведение мое на заседании Президиум ЦК, и Презид. Совмина, очень часто было неправильное и недопустимое вносившее нервозность и излишнюю резкость я бы сказал, как это сейчас хорошо продумал и понял иногда доходило до недопустимой грубости и наглости с моей стороны в отношении товарищей Хрущев Н. С. и Булганина Н. А. при обсуждении По Германскому вопросу, конечно я здесь безусловно виноват и заслуживаю всякого осуждения. В то же время я, также, как и все Вы старался внести предложения в президиум направленные на правильное решении вопросов, как Корейский, Германский, Ответы Эйзенхауэру и Черчиллю, Турецкий, Иранский и др.

Поступок мой при приеме венгерских товарищей бестактный, ничем не оправданный. Предложения о Надь Имре, должен был не я или, кто иной вносит, а тебе надо было сделать, а тут я высочил идиотски, кроме того, наряду с правильными замечаниями я допустил вольность и развязность, за, что конечно меня следует крепко взгреть. Но должен сказать со всей честностью сам тщательно готовился и заставлял своих помощников готовится к заседаниям Ц. К. и Правительства, чтобы в меру своих сил и способностей помочь в правильном решении обсуждаемых вопросов. Если же вносились мной инициативные вопросы, то несколько раз пересматривал вместе с товарищами работающими со мной, чтобы не ошибиться и не подвести ЦК. и Правительство. У меня остался в Совмине, я не успел представить тебе докладную записку и проект решения об упорядочении наградных дел, над этим я провозился около двух месяцев. Вопрос об этом, как ты знаешь мы с тобой долго вынашивали еще при жизни товарища Сталина. В отношениях товарищей с которым я работаю, всегда старался быть принципиальным, партийным, требовательным, чтобы порученное им дело выполнялись, как это требуется в интересах нашей партии и нашего Правительства. Никаких других отношений с указанными товарищами у меня никогда не было. Взять, хотя бы руководящих работников в МВД. Товарищей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других, кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского Государства, как внутри Страны так и вне ее у меня не было. Да и указанные товарищи работали как положено настоящим партийцам. Товарища Серова с бригадой по оказании помощи Московской и Ленинградской милиции просто загонял, чтобы сделать все возможное навести порядок в работе милиции указанных городов и сделать необходимые выводы и предложения для других Республик. Безусловно, под руководство партии Правительства работу МВД, можно было в течение не более года наладить, как внутри страны, так и зарубежные страны и обеспечить квалифицированный совет органам безопасности Стран Народной Демократии для это людей в МВД, больше чем достаточно, только нужно кропотливо и неустанно работать. Я в начале говорил, что я перед тобой виноват, что не сумел себя поставить, как я это

был обязан сделать, это самая не простительная ошибка. Тем более, это очень досадно, что мы дружно, честно по партийному работали в течение многих лет и тяжелых и грозных военных и восстановительный период нашей страны. Все ценное в моей жизни связано совместной работе с тобой. С первых же дней в 1938 г. по наведению порядка в МВД, твое участие в приемке и сдаче дел, укрепление кадрами МВД при твоей помощи, — большая, напряженная работа во время войны в Государственном Комитете Обороны, когда, волей партии нам было поручено тебе организовать в необходимых количествах в соответствующих предприятиях министерств — выпуск самолетов и моторов, а мне — вооружения и боеприпасов или вопросы формирования для фронта, совместная работа в Оперативном бюро Совнаркома СССР по организации народного хозяйства во время войны, когда понадобилось крепко поддержать работу транспорта были направлены оба мы с тобой с тт. Кагановичем Л. М. и Микояном А. И. для налаживания железно дорожного транспорта, который играл исключительную роль. Первые недели войны, когда нечем было прикрыть Запад. фронт — который немец сильно теснил наша совместная работа по созданию под руководством Государственного Комитета, Ставки и лично Товарища Сталина резервного фронта для защиты подступов к Москве, одних только для резервного фронта было организовано 15 полнокровных, чекистских войсковых дивизий. Одновременно посылка тебя на Сталинградский фронт, меня на Кавказский. Надо прямо сказать, что мы самым добросовестнейшим образом относились к успешному выполнению поручений партии, Правительства и товарища Сталина, никогда не жалели сил и энергии и не знали страха. После войны совместная работа в Комиссии по восстановлению разрушенных районов. Особо должен отметить нашу совместную активную многолетнюю работу в Специальном Комитете при Совете Министров по созданию атомного оружия а позже по системам «Комета» и «Беркут» — управляемых снарядов. Никогда не забывал я, твое большое товарищеское человеческое отношение ко мне когда я по известным тебе в подавленном настроении вылетал в 1948 г. в район Семипалатинска Каз. ССР где, как известно успешно завершилось испытание атомного оружия. Как тебе хорошо известно, а последнее время и — т-щу Булганину Н. А., организации контролируемые Специальным Комитетом, Первое и Второе Главные управления и их предприятия и Научно технические силы, лаборатории, конструкторские бюро и институты представляют колоссальнейшее достижение, это гордость нашей Страны. Я тебе вскользь докладывал, и поручил составить для Правительства подробный доклад о состоянии наших атомных дел. Уже в этом году должны произвести несколько взрывов, в том числе одной модели сверхмощной равной 250 — 300 тысяч тон тротила.

По «Беркуту» испытания закончены удачно. Теперь все дело обеспечить производство в серии и соответствующими кадрами и в этой области делается очень много соответствующими министерствами. Главное на основе «Кометы» и «Беркута» есть колоссальные возможности дальнейших улучшений в области управляемых снарядов как в смысле точности, так и

по скорости и дальности. Специальный доклад готовится для правительства. Эти оружия надо двигать в период, это настоящее будущее которым надо вооружить армию нашей Страны. США и Англия придают этому исключительно значение. Повторяю все это, достигнуто потому, что этого хотела Партия и Правительство, но хотел сказать и тут мы совместно работали. Почти одновременно освободили тебя из ЦК, а меня из МВД и стали работать в Совнаркоме. Повторяю дружно стали работать, также честно и по партийному вместе с т-щами Молотовым В. М., Кагановичем Л. М., Булганиным Н. А., Ворошиловым, Микояном А. Н., а после перехода в Москву и с т. Хрущевым Н. С. и другими. Своей работой, своей преданностью своему ЦК и своему Правительству мы убедили товарища Сталина, что он был не прав в отношении нас. Я не говорю о всевозможных поручениях, которые давались нам ЦК, правительством и лично т-щем Сталиным в связи с чем приходилось очень часто и кропотливо работать всегда мы старались быть принципиальным объективным, не было у нас других интересов, так сложилось, что мы, чуть ли каждый день встречались в стечении десяти лет и разговор у нас всегда был только о делах, о людях, как лучше организовать ту или иную работу и как лучше выполнить имеющиеся поручения. У меня всегда была потребность с тобой посоветоваться и всегда для дела получалось лучше. Я видел в лице, тебя старшего, опытного партийного деятеля большого масштаба, талантливого, энергичного и неутомимого, прекрасного друга и товарища, я никогда не забуду твою роль в отношении меня в ряде случаев, и особенно когда хотели меня связать с событиями в Грузии. И когда не стало Товарища Сталина я не задумываясь назвал тебя, также, как и другие товарищи Председателем правительства и что считал и считаю это единственно правильной. В дальнейшем, я еще больше убедился в этом, что именно ты успешно поведешь вместе с руководящим коллективом ЦК и Правительство. Поэтому, моя трагедия в том, что как я уже выше говорил, на протяжении свыше десяти лет были настоящими большевистскими друзьями, работали с душой на самых различных сложных условиях работы были в сложных переплетах и никто не расстроил нашу дружбу, столь ценную и необходимую для меня а теперь исключительно по моей вине, потерял все что связывало нас.

Хочу сказать несколько слов в отношении товарищей.

Вячеслав Михайлович! У меня всегда было прекрасное ровное отношение, к Вам работая в Закавказье мы все высоко ценили считали Вас верным учеником Ленина и верным Соратником Сталина, вторым лицом после товарища Сталина, это наглядно можно было видеть в отношении Вас Закавказской организации. Если спросить мою семью Вас, могут рассказать очень много хорошего о Вас с моих слов. После переезда в Москву, если не считать дел, если помните Мальцева — работавшего в Архиве и Слезберг — которые велись, по прямому указанию т-ща Сталина, что может очевидно подтвердить т-щ Анастас Иванович и кое кто и другие, я не знаю ни одного случая, чтобы меня можно было упрекнуть в отношении Вас. Наоборот Вы прекрасно помните, когда в начале войны, было очень плохо и после нашего разговора с т-щем Сталиным у него на ближней даче. Вы вопрос поставили ребром у Вас в кабинете в Совмине,

что надо спасать положение, надо немедленно организовать центр, который поведет оборону нашей родины, я Вас тогда целиком поддержал и предложил Вам немедля вызвать на совещание т-ща Маленкова Г. М., а спустя небольшой промежуток времени подошли и другие члены Политбюро, находившиеся в Москве. После этого совещания мы все поехали к т-щу Сталину и убедили его немедленно организации Комитета Оборонны Страны со всеми правами. Совместная работа в Комитете. Ваша исключительная роль в области внешней политики. Ваше прекрасное отношение ко мне, в бытность на конференциях (я об этом многим товарищам рассказывал) в Тегеране, Ялте и Подсдаме, где как знаете я и не был делегатом, а был по роду своей работы хотя Вы и настаивали.

Я привел бы и другие факты, но скажу одно, что я не раз говорил, тот кто ссорит Молотова с Сталиным, то совершает чудовищное преступление перед нашей Страной и нашей партией. Я думаю, что это могут подтвердить т-щи Маленков Г. М. и Микоян А. И. и др. Очень часто, раньше, а еще недавно товарища Сталин называл сводниками Маленкова Г. М. и меня, имея виду Вас и Микояна.

Клемент Ефремович! То же начну с Закавказья, мы Вас крепко любили, я по поручению руководящих органов Грузии, ездил специально в Москву в ЦК и т. Сталину и настоял прислать Вас в связи с пятнадцатилетием Советской Грузии.

В начале войны, товарищ Сталин сильно обругал меня и назвал политическим трусом, когда я предложил. Назначить в тяжелые времена переживаемые нашей Родиной известных все стране т-щей Вас и Буденного командующими фронтами. Обругать обругал, а, чуть позже т-щ Сталин назначение провел. Это я думаю товарищи подтвердят. С т. Маленковым Г. М. очень, часто говорили между собой и другими с товарищами о предложении т-щу Сталину назначить Вас председателем Президиума Верх. Совета, и только теперь было это проведено. Всего не скажешь.

Никита Сергеевич! Если не считать последнего случая на Президиуме ЦК где ты меня крепко и гневно ругал с чем я целиком согласен мы всегда были большими друзьями я всегда гордился, тем, что ты прекрасный большевик и прекрасный товарищ и я не раз тебе об этом говорил, когда удавалось об этом говорить, говорил и т-щу Сталину. Твоим отношением я всегда дорожил.

Николай Александрович!

Никогда и нигде я тебе плохого не делал. Помогал честно и как мог т. Маленков Г. М. и я не раз о тебе говорили т-щу Сталину, как о прекрасном товарище и большевике. Когда т-щ Сталин предложил нам вновь, установить очередность председательствования, то я с т. Маленковым Г. М. убеждали, что этого не надо, что ты справляешься с работой а помочь мы и так поможем.

Лазарь Моисеевич и Анастас Иванович. Вы оба знаете меня давно. Анастас меня направил еще в 1920 году из Баку для нелегальной работы в Грузию. Тогда еще меньшевистскую от имени Кавбюро РКП и Революсовета, XI армий, Лазарь знает 1927 г. и не забуду никогда пощи оказанной мне по партийной работе в Закавказье, когда вы были секретарем ЦК. За

время работы в Москве можно было, многое сказать. Но одно скажу всегда видел, с Вашей стороны принципиальные отношения, помощь в работе и дружбу, я со своей стороны делал все, что мог.

Товарищи Первухин и Сабуров, говорили, что у меня было привилегированное, положение при жизни т-ща Сталина, это же не верно. Георгии ты это лучше других знаешь, знают это и другие члены Президиума. В действительности когда я работал в Закавказье, а потом в Грузии ЦК ВКП (б) и т. Сталин крепко поддерживали и помогали в работе и работа хорошо шла и лично я был восторге. Но скоро после перевода в Москву, когда немного навели порядке в МВД после Ежова, т. Сталин выделил МГБ из МВД, особый отдел передал Наркомату Обороны и только в начале войны, когда надо было остановить бегущие — отступающие наши войска, был вновь объединен мог бы МВД — возвращен Особый отдел из Наркомата Обороны и после проделанной работы по остановке бегущих войск когда было расстреляно несколько десятков тысяч дезертиров, созданные заградительные отряды и др. — вновь было выделено МГБ. Т-щам которые близко работали в Политбюро, ведь это им хорошо известно. Что же касается моего отношения к т. Сабурову, то т. Маленков Г. М. и я отстояли его на посту Председателя Госплана, а т. Первухина, конечно по заслугам я представил и провел Героя Социалист. Труда.

Все это может быть, мне не следовало в моем положении писать, но прошу Вас мне это простить. Дорогой Георгий прошу тебе понять меня, что ты лучше других знаешь меня. Я только жил, как лучше сделать, конечно в пределах своих возможностей вместе с Вами Страну Могущественней и Славной, думать иначе обо мне просто недоступно моей голове. Конечно, после того все, что произошло, меня надо призвать крепко к порядку, указать свое место и крепко одернуть, чтобы было помнить до конца своей жизни, но поймите дорогие товарищи, я верный сын нашей Родины, верный сын партии Ленина и Сталина и верный Ваш друг и товарищ. Куда хотите, на какую угодно работу, самую маленькую пошлите присмотритесь, я еще могу верных десять лет работать и буду работать всей душой и со всей энергией. Говорю от всего сердца, это неверно, что раз я занимал большой пост я не буду годен для другой маленькой работы, это ведь очень легко проверить в любом крае и области, совхозе, колхозе, стройке и умоляю Вас не лишайте меня быть активным строителем, любом маленьком участке славной нашей Родины и Вы убедитесь, что через 2 — 3 года я крепко исправлюсь и буду Вам еще полезен. Я до последнего вздоха предан нашей любимой Партии и нашему Советскому Правительству.

Лаврентий Берия

Т-щи прошу извинения, что пишу не совсем связано и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенснэ (очков)

1 июля 1953 г.

АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 164 — 172. Рукопись.

№ 11

В ПРЕЗИДИУМ ЦК КПСС*

Товарищам Маленкову, Хрущеву, Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Первухину, Булганину и Сабурову. Дорогие товарищи, со мной хотят расправиться без суда и следствия, после 5 дневного заключения, без единого допроса, умоляю Вас всех, чтобы этого не допустили, прошу немедленного вмешательства, иначе будет поздно. Прямо по телефону надо предупредить.

Дорогие т-щи настоятельно умоляю Вас назначить самую ответственную и строгую комиссию для строгого расследования моего дела, возглавив т. Молотовым или т. Ворошиловым. Неужели член Президиума ЦК, не заслуживает, того, чтобы его дело тщательно разобрали, предъявили обвинения, потребовали бы объяснения, допросили свидетелей. Это со всех точек зрения хорошо для дела и для ЦК. Почему делать, так как сейчас делается, посадили в подвал, и никто ничего не выясняет и не спрашивает. Дорогие товарищи, разве только единственный и правильный способ решения без суда и выяснения дела в отношении Члена ЦК и своего товарища после 5 суток отсидки в подвале казнить его.

Еще раз умоляю Вас всех, особенно т.т. работавших и с т. Лениным и т. Сталиным, обогащенных большим опытом и умудренных в разрешении сложных дел т-щей Молотова, Ворошилова, Кагановича и Микояна. Во имя памяти Ленина и Сталина, прошу, умоляю вмешаться и незамедлительно вмешаться и Вы все убедитесь, что я абсолютно чист, честен верный Ваш друг и товарищ, верный член нашей партии.

Кроме укрепления, мощи нашей Страны, и единства нашей Великой партии у меня не было никаких мыслей.

Свой ЦК и свое Правительство, я не меньше любых т-щей поддерживал и делал все, что мог. Утверждаю, что все обвинения будут сняты, если только это захотите расследовать. Что за спешка и при том, очень подозрительная.

Т. Маленкова и т. Хрущева прошу не упорствовать разве будет плохо, если т-ща реабилитируют.

Еще и еще раз умоляю Вас вмешаться и невинного своего старого друга не губить.

Ваш Лаврентий Берия

АПРФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 463. Л. 173-174. Рукопись.

* Письмо сложено в виде конверта. На внешней стороне надпись рукой Л. Берии: «Немедленно передать Для Президиума ЦК КПСС т.т. Маленкову и Хрущеву по телефону от Л. Берия».

№12

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ Н.С.ХРУЩЕВА НА III СЪЕЗДЕ ПИСАТЕЛЕЙ СССР 22 МАЯ 1959 ГОДА

...Путем принципиальной критики, идейной борьбы надо стремиться к сплочению коммунистических сил и сил, которые идут за нашей партией в борьбе за построение коммунизма. Это — главное.

Мне хотелось бы, товарищи, рассказать вам об одном интересном, на мой взгляд, факте. Совсем недавно, во время пребывания в Сочи, я получил письмо от одного гражданина. Фамилия автора письма я не назову, потому что это не нужно. Пройдет какое-то время, когда этот человек станет твердо на ноги, тогда, возможно, и будет смысл назвать его фамилию. Зачитаю вам его письмо, полученное мною от человека, который был осужден за воровство. Вот это письмо:

«Председателю Совета Министров Союза ССР товарищу Хрущеву Н.С.

Я с 12 лет занимаюсь кражами, за что был осужден четыре раза, последний раз судился в 1954 году на срок 6 лет. Наказание отбыл. По освобождении вернулся к семье и устроился на работу плотником. Зарабатывал 500 — 600 рублей в месяц. Платя за квартиру 200 рублей в месяц, я не смог обеспечить семью, и, задолжав за квартиру 400 рублей и 600 рублей в контору, 25 марта с.г. бросил семью в составе: дочери 4 лет, матери, жены (жена находится в роддоме с новорожденным) и уехал с мыслью о легкой жизни. Но начать свою старую преступную жизнь я не могу и не могу вернуться к семье, так как бросил ее без денег и в долгах. За эти пять дней, как я уехал, я не совершил ни одного преступления.

Я не боюсь ответственности и прошу Вас ответить советом, как мне быть. Я буду ждать ежедневно в течение этого времени, как только у меня хватит силы воли, буду ждать беседы с Вами. Если сочтете нужным меня арестовать, я и с этим согласен.

К сему — подпись».

Это было в Сочи. Я пригласил автора письма для беседы. Мы познакомились с ним. Услышав его фамилию, я сказал, что раньше знал одного генерала с такой фамилией.

Автором письма оказался молодой человек, лет тридцати. В беседе он показал себя разумным и приятным человеком. Он рассказал о себе, о своей жизни, о потере отца, о среде, которая отрицательно повлияла на него. Он говорил:

— Поймите мое положение, я мог бы работать грузчиком, видите — я сильный человек. Но меня не пускают на эту работу, смотрят, как на вора. Грузчики зарабатывают прилично, и я мог бы хорошо заработать, но мне не доверяют. До последнего времени я работал в бригаде. Другие в бригаде больше зарабатывают, чем я. На меня смотрят, как на вора, поэтому мне дают малоквалифицированную работу. Что мне теперь делать, как быть с семьей? Квартиры мне не дают, я живу на частной квартире. Если бы я жил на государственной квартире, я бы платил меньше. Помогите мне. Я Вам обещаю, что буду честным человеком, докажу Вам это.

Выслушав этого человека, побеседовав с ним, я поверил в него, он показался мне хорошим человеком. Может быть, проявил либеральный подход к этому человеку, но мне было приятно поговорить с ним. Я поверил ему, и хочется думать, что он меня не обманет.

— Что Вы хотите от меня, чем могу Вам помочь? — спросил я у него.

— Помогите мне, чтобы я мог семью прокормить, — сказал он. — Это прежде всего. Я хочу вернуться к жене, к детям и матери.

— Хорошо, постараюсь помочь Вам, — ответил я ему. — Позвоню сек-

ретарю горкома партии, попрошу его, чтобы обратили внимание на Вас, устроили на работу, помогли бы приобрести квалификацию, чтобы Вы могли больше зарабатывать. Но постарайтесь работать честно. Потом я попрошу, чтобы Вам дали кредит. (Подумайте, бывшему вору кредит дать! Это возможно только в наших советских условиях.)

Вам дадут кредит, чтобы Вы построили себе домик, или же попрошу, если есть возможность, чтобы Вам дали квартиру, и тогда Вы будете платить меньше. (Известно, что у нас квартирная плата самая низкая в мире; я бы сказал, это символическая плата, потому что этих средств, наверное, не хватает на содержание дворника в этом доме.)

Мой собеседник сказал:

— Это было бы очень хорошо. Я Вас буду благодарить.

Убедившись в ходе беседы, что ему верят, что с ним по-человечески разговаривают, автор письма обратился ко мне с такой просьбой:

— Товарищ Хрущев, знаете что, мне бы очень хотелось с Вами на память сфотографироваться.

Я ответил ему:

— Это возможно, садитесь поближе, чтобы фотографу было лучше.

Мы сели, нас сфотографировали. Я пообещал ему прислать фотографию. Этот снимок ему послали.

В заключение беседы выяснилось, что у собеседника нет ни копейки денег.

Тогда я сказал ему:

— Я помогу, чтобы Вы не только смогли доехать до дому, но и привезти подарки жене и детям.

Он вернулся домой, ему помогли устроиться на работу. Я попросил узнать, как он работает, как ведет себя. Мне сообщили, что он работает грузчиком и неплохо зарабатывает. Просил передать, что живет хорошо. Благодарил за помощь.

№ 13

[В] БЮРО ЦК КПСС ПО РСФСР

Секретно

Экз. № 1

15 июня 1959 г.

Информация о реагировании заключенных на выступление товарища Хрущева Н.С. на третьем съезде писателей

Выступление на третьем съезде писателей товарища Хрущева Н.С. и особенно в той части речи, где он говорил о приеме на личную беседу бывшего вора, привлекло исключительное внимание заключенных, содержащихся в местах заключения МВД РСФСР.

Подавляющее большинство заключенных положительно высказываются об этом выступлении, заявляя о том, что их судьба не потеряна, о них все больше проявляют заботу руководители партии и правительства.

Так, заключенный Ш., содержащийся в ИТК Свердловской области, говорил: «Действительно жизнь в нашей стране в настоящее время изменилась, это видно из речей руководителей правительства. В настоящее время есть забота о тех лицах, которые раньше совершали преступления, их устраивают на работу, оказывают материальную помощь. Такой заботы нет ни в какой капиталистической стране».

Заключенный Д. говорил, что «Н.С.Хрущев очень гуманно отнесся к просьбе освободившегося из лагеря заключенного».

Заключенные К. и П. В беседе с другими осужденными заявили, что Н.С.Хрущев гуманно, чутко относится и к людям, которые ранее были преступниками, если бы все начальники так относились к заключенным, то это было бы настоящее воспитание людей. Их заявление с одобрением поддерживали другие заключенные.

Заключенный С. говорил: «Все-таки большое значение придает Н.С.Хрущев перевоспитанию и трудоустройству на производство после освобождения из мест заключения. Если бывший заключенный окажется в кругу здоровой общественности, он сможет навсегда покончить с преступлением».

Заключенный П. (Кемеровская область) заявил: «Такого еще не было, что руководители партии и правительства уделяли внимание бывшему вору. А вот Н.С.Хрущев это сделал».

Группа заключенных из той же области К., У., З-в и З. в разговорах высказывались о чуткости т.Хрущева к бывшему вору, с которым он даже согласился сфотографироваться.

Заключенный Г., 1911 года рождения (Московская область), высказался так: «Встреча Н.С.Хрущева с бывшим вором — это есть акт гуманности и справедливости нашего правительства. А отсюда следует вывод, значит, все зависит от нас самих, как будешь работать, так и будут к тебе относиться. Мне очень понравилось, что Н.С.Хрущев рассказал нам через печать о том, как надо к людям подходить, которые имели в прошлом судимости. Его выступление было очень правильное и нужное».

Заключенный К., 1910 года рождения, осужденный к 15 годам лишения свободы, в беседе с заключенными заявил: «Н.С.Хрущев выступил правильно, что сам лично дал поддержку этому вору, если бы он этого не сделал, то вор, безусловно, пошел бы по старому преступному пути и страдала бы вся семья. Главное в том, что Н.С.Хрущев своим вмешательством показал, с какой чуткостью надо подходить к бывшим уголовным преступникам, и мне кажется, что после этого факта со стороны правительства будут проведены какие-либо мероприятия об оказании помощи и содействии устроить жизнь освободившимся из мест лишения свободы».

Заключенный Б., 1929 года рождения, осужденный к 3 годам ИТЛ, сказал: «Н.С.Хрущев верит нам, заключенным. Это не просто выступление, а указание, чтобы к нам, заключенным, после освобождения не относились так, как относились раньше. Теперь, после этого выступления, наверное, будет легче с пропиской, отразится и на новом кодексе, сроки будут давать меньше... Вот говорили, что Н.С. Хрущев жесткий предста-

витель власти, а он нет, принял нашего брата и помог ему, это просто надо быть душевным человеком. Нет, что и говорить, а Хрущев все-таки голова, все он видит и везде успевает».

Заклученные Ч-на, В.-ва и Ш. (Кемеровская область) высказали такую мысль, что Н.С.Хрущев в своей речи на съезде писателей правильно поднял вопрос о перевоспитании человека, что надо поверить в человека, в его лучшие качества. В его речи отражается гуманность к людям, вера в человека, понравилась его беседа с бывшим преступником, где он не пожалел его, а поверил ему.

В ИТК № 9 УМЗ Горьковской области заключенный П., 1935 года рождения, в настоящее время член совета коллектива, подлежащий условно-досрочному освобождению, ознакомившись с речью Н.С.Хрущева на съезде писателей, сказал: «Эта речь приведет к значительному уменьшению преступности. Я вырезал эту часть речи, где говорится о воре, и ношу ее на груди. Когда я освобожусь и поеду устраиваться на работу, она мне поможет».

Заклученный С., 1909 года рождения (Московская область), заявил: «Никита Сергеевич Хрущев очень справедливо подошел к этому бывшему заключенному, дал ему возможность устроиться на работу, даже помог жильем. А это очень важно для нас, ибо после освобождения мы сможем пойти на работу, честным трудом показать себя, а затем нам поверят и помогут встать на ноги. Но только этим нельзя злоупотреблять и думать, что тебе дадут сразу хорошую работу, квартиру, нет, это не так — поработай, заслужи, тогда будет все».

Заклученный О., 1910 года рождения, в беседе с группой заключенных сказал: «Н.С.Хрущев хочет, чтобы мы после освобождения из заключения не считали себя какими-то людьми с черными пятнами, а были бы такими же, как и все. И нам будут верить, если, конечно, мы будем честно трудиться, а если пойдем по старым стопам, то, конечно, мы никому не будем нужны и на нас будут смотреть, как на преступников».

Даже отрицательно настроенные заключенные после ознакомления с речью товарища Хрущева Н.С. высказывают свое удовлетворение и заявляют, что если всегда так будут обращать внимание на заключенных после отбытия ими меры наказания, особенно помогать трудоустройством, то преступность снизится.

Однако наряду с положительными высказываниями имеют место и отдельные высказывания отрицательного характера.

Так, заключенные А., Ш. (Свердловская область) заявили: «Это сделано выборочно, специально для выступления. Это провокация, которая преследует цель изъятия воров и заточения их в места заключения. Кто-то клонет на эту провокацию, придут с повинной, вот их-то и задержат. Такие меры проводятся не впервые».

Заклученный Б., 1915 года рождения, заявил: «То, что Н.С.Хрущев помог человеку, это хорошо, но это один человек, а сколько нас таких, добиваемся облегчения и не можем ничего сделать, потому что наши письма и жалобы не доходят до правительства или их не рассматривают».

Политорганы проводят среди заключенных соответствующую разъяс-

нительную работу, разоблачая лиц, извращающих сущность политики партии и правительства по исправлению и перевоспитанию осужденных.

Многие заключенные говорят о том, что Н.С.Хрущев дал понять некоторым руководящим работникам, что после отбытия срока наказания человеку нужно оказывать всестороннюю помощь, давать возможность встать на твердую почву и приобщиться к общественно-полезному труду.

Начальник политотдела ГУМЗ МВД РСФСР С.Шевченко

№ 14

ИЗ ДОКЛАДА (ПРОЕКТ) Н.С. ХРУЩЕВА НА XX СЪЕЗДЕ КПСС «О КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ СТАЛИНА» *

[...] Произвол Сталина в отношении к партии, к ее Центральному Комитету особенно проявился после XVII съезда партии, состоявшегося в 1934 году.

Центральный Комитет, располагая многочисленными фактами, свидетельствующими о грубом произволе в отношении партийных кадров, выделил партийную комиссию в составе т.т. Пospelова, Аристов, Шверника и Комарова, которой поручил тщательно разобраться в вопросе о том, каким образом оказались возможными массовые репрессии против большинства состава членов и кандидатов Центрального Комитета партии, избранного XVII съездом ВКП(б).

Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД, с другими документами и установила факты фальсифицированных, ложных обвинений, вопиющих нарушений социалистической законности, в результате чего погибли невинные люди. Выясняется, что многие партийные, советские, хозяйственные работники, которых объявили в 1937 — 1938 годах «врагами», в действительности никогда «врагами», «шпионами», «вредителями» и т.п. не являлись, что они, по существу, всегда оставались честными коммунистами, но были оклеветаны, а иногда, не выдержав зверских истязаний, сами на себя наговаривали (под диктовку следователей-фальсификаторов) всевозможные тяжкие и невероятные обвинения. Комиссия представила в Президиум ЦК большой документальный материал, который был рассмотрен Президиумом Центрального Комитета. Центральный Комитет считает необходимым доложить XX съезду основные факты по этому вопросу.

Установлено, что из 139 членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии, было арестовано и расстреляно (главным образом в 1937 — 1938 г.г.) — 98 человек, то есть 70 процентов.

Что собой представлял состав делегатов XVII съезда? Известно, что 80 процентов состава участников XVII съезда с правом решающего голоса вступить в партию в годы революционного подполья и гражданской

* Печатается с сокращениями.

войны, то есть до 1920 года включительно. По социальному положению основную массу делегатов съезда составляли рабочие (60 процентов делегатов с правом решающего голоса).

Поэтому совершенно немыслимо было, чтобы съезд такого состава избрал Центральный Комитет, в котором большинство оказалось бы врагами партии. Только в результате того, что честные коммунисты были оклеветаны и обвинения к ним, были фальсифицированы, что были допущены чудовищные нарушения революционной законности, 70 процентов членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом, были объявлены врагами партии и народа.

Такая судьба постигла не только членов ЦК, но и большинство делегатов XVII съезда партии. Из 1.966 делегатов съезда с решающим и совещательным голосом было арестовано по обвинению в контрреволюционных преступлениях значительно больше половины — 1.108 человек. Уже один этот факт говорит, насколько нелепыми, дикими, противоречащими здравому смыслу были обвинения в контрреволюционных преступлениях, предъявленные, как теперь выясняется, большинству участников XVII съезда партии.

Нужно напомнить, что XVII съезд партии вошел в историю как съезд победителей. Делегатами съезда были избраны активные участники строительства нашего социалистического государства, многие из них вели самоотверженную борьбу за дело партии в дореволюционные годы в подполье и на фронтах гражданской войны, они храбро дрались с врагами, не раз смотрели в глаза смерти и не дрогнули. Как же можно поверить, чтобы такие люди в период после политического разгрома зиновьевцев, троцкистов и правых, после великих побед социалистического строительства оказались «двурушниками», перешли в лагерь врагов социализма?

Это произошло в результате злоупотребления властью со стороны Сталина, который начал применять массовый террор против кадров партии.

Почему массовые репрессии против актива все больше усиливались после XVII съезда партии? Потому, что Сталин к этому времени настолько возвысился над партией и над народом, что он уже совершенно не считался ни с Центральным Комитетом, ни с партией. Если до XVII съезда он еще считался с мнением коллектива, то после полного политического разгрома троцкистов, зиновьевцев, Бухаринцев, когда в результате этой борьбы и побед социализма было достигнуто сплочение партии, сплочение народа, Сталин все больше и больше перестал считаться с членами ЦК партии и даже с членами Политбюро. Сталин полагал, что он может теперь сам вершить все дела, а остальные нужны ему как статисты, всех других он держал в таком положении, что они должны были только слушать и восхвалять его.

После злодейского убийства С.М. Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности. Через несколько часов после убийства Кирова, вечером 1 декабря 1934 года, по инициативе Сталина (без решения Политбюро — было оформлено опросом

только через 2 дня) было подписано секретарем Президиума ВЦИК Енукидзе следующее постановление:

«1) Следственным властям — вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком;

2) Судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайства преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к — рассмотрению;

3) Органам Наркомвнудела — приводить в исполнение приговора о высшей мере наказания в отношении преступников названных выше категорий немедленно по вынесении судебных приговоров».

Это постановление от 1 декабря 1934 года послужило основанием для массовых нарушений социалистической законности. Во многих фальсифицированных следственных делах обвиняемым приписывалась «подготовка» террористических актов и это лишало обвиняемых какой-либо возможности проверки их дел даже тогда, когда они на суде отказывались от вынужденных своих «признаний» и убедительно опровергали предъявленные им обвинения.

Следует сказать, что обстоятельства, связанные с убийством тов. Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Кирова Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2 декабря 1934 г. везли на допрос, он оказался убитым при «аварии» автомашины, причем никто из сопровождавших его лиц при этом не пострадал. После убийства Кирова руководящие работники Ленинградского НКВД были сняты с работы и подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году были расстреляны. Можно думать, что их расстреляли затем, чтобы замести следы организаторов убийства Кирова.

Массовые репрессии особенно усилились с осени 1936 года, когда наркомом внутренних дел был назначен Ежов и когда Сталин дал установку, что «НКВД опоздал на 4 года» с разоблачением троцкистско-зиновьевского блока, что надо «наверстать упущенное» путем широких репрессий. Эта сталинская установка прямо толкала работников НКВД на массовые аресты и расстрелы.

Приходится отметить, что эта установка была навязана и февральско-мартовскому Пленуму ЦК ВКП(б) 1937 года. В резолюции Пленума по докладу Ежова «Уроки вредительства, диверсий и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов» говорилось:

«Пленум ЦК ВКП(б) считает, что все факты, выявленные в ходе следствия по делам антисоветского троцкистского центра и его сторонников на местах, показывают, что с разоблачением этих злейших врагов народа Наркомвнудел запоздал, по крайней мере, на 4 года».

Массовые репрессии проводились в то время под флагом борьбы с троцкистами. Представляли ли в действительности в это время троцкист-

ты такую опасность для нашей партии и Советского государства? Следует напомнить, что в 1927 году, накануне XV съезда партии, за троцкистско-зиновьевскую оппозицию голосовало всего лишь 4 тыс. человек, тогда как за линию партии голосовало 724 тысячи. За 10 лет, которые прошли с XV съезда партии до февральско-мартовского Пленума ЦК, троцкизм был полностью разгромлен многие бывшие троцкисты отказались от своих прежних взглядов и работали на различных участках социалистического строительства. Ясно, что оснований для массового террора в стране в условиях победы социализма не было.

В докладе Сталина на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников» была сделана попытка теоретически обосновать политику массовых репрессий под тем предлогом, что по мере нашего продвижения вперед к социализму классовая борьба должна, якобы, все более и более обостряться. При этом Сталин утверждал, что так учит история, так учит Ленин.

На самом же деле Ленин указывал, что применение революционного насилия вызывается необходимостью подавить сопротивление эксплуататорских классов, и эти указания Ленина относились к тому периоду, когда существовали и были сильны эксплуататорские классы. Важно отметить, что как только политическая обстановка в стране улучшилась, после того, как в январе 1920 года был взят Красной Армией Ростов и была одержана главная победа над Деникиным, Ленин дал указание Дзержинскому об отмене массового террора и об отмене смертной казни. Ленин следующим образом обосновал это важное политическое мероприятие советской власти в своем докладе на сессии ВЦИК 2 февраля 1920 года:

«Террор был нам навязан терроризмом Антанты, когда всемирно-могущественные державы обрушились на нас своими полчищами, не останавливаясь ни перед чем. Мы не могли бы продержаться и двух дней, если бы на эти попытки офицеров и белогвардейцев не ответили бы беспощадным образом, и это означало террор, но это было навязано нам террористическими приемами Антанты. И как только мы одержали решительную победу, еще до окончания войны, тотчас же после взятия Ростова, мы отказались от применения смертной казни и этим показали, что к своей собственной программе мы относимся так, как обещали. Мы говорим, что применение насилия вызывается задачей подавить эксплуататоров, подавить помещиков и капиталистов; когда это будет разрешено, мы от всяких исключительных мер отказываемся. Мы доказали это на деле». (Соч., т. 30, стр. 303-304.)

Сталин отступил от этих прямых и ясных программных указаний Ленина. После того, как были уже ликвидированы все эксплуататорские классы в нашей стране и не было никаких сколько-нибудь серьезных оснований для массового применения исключительных мер, для массового террора, Сталин ориентировал партию, ориентировал органы НКВД на массовый террор.

Этот террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и

советского государства, которым предъявлялись ложные, клеветнические, бессмысленные обвинения в «двурушничестве», «шпионаже», «вредительстве», подготовке каких-либо выдуманных «покушений» и т.п.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК (1937г.) в выступлениях ряда членов ЦК по существу высказывались сомнения в правильности намечавшегося курса на массовые репрессии под предлогом борьбы с «двурушниками».

Наиболее ярко эти сомнения были выражены в выступлении тов. Постышева. Он говорил:

«Я рассуждал: прошли такие крутые годы борьбы, гнилые члены партии ломались или уходили к врагам, здоровые дрались за дело партии. Это — годы индустриализации, коллективизации. Я никак не предполагал, что пройдя этот крутой период, Карпов и ему подобные попадут в лагерь врага. А вот по показаниям якобы Карпов с 1934 года был завербован троцкистами. Я лично думаю, что в 1934 году здоровому члену партии, который прошел длительный путь ожесточенной борьбы с врагами за дело партии, за социализм, попасть в стан врагов невероятно. Я этому не верю... Я себе не представляю, как можно пройти тяжелые годы с партией и потом в 1934 году пойти к троцкистам. Странно это...»

Используя установку Сталина о том, что чем ближе к социализму, тем больше будут пакостить враги, следовательно, тем больше будет и врагов, используя резолюцию февральско-мартовского Пленума ЦК по докладу Ежова, провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бесовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан. Достаточно сказать, что количество арестованных по обвинению в контрреволюционных преступлениях увеличилось в 1937 году по сравнению с 1936 годом более чем в десять раз!

Известно, какой грубый произвол допускался также в отношении руководящих работников партии. Устав ВКП(б), принятый XVII съездом, исходил из ленинских указаний периода X съезда партии и говорил, что условием применения к членам ЦК, кандидатам в члены ЦК и членам Комиссии партийного контроля такой крайней меры, как исключение из партии — «должен быть созыв Пленума ЦК с приглашением всех кандидатов в члены ЦК и всех членов Комиссии партийного контроля», что только при условии если такое общее собрание ответственных руководителей партии двумя третями голосов признает это необходимым, могло состояться исключение из партии члена или кандидата ЦК.

Большинство членов и кандидатов ЦК, избранных XVII съездом и подвергшихся арестам в 1937 — 1938 г.г., были исключены из партии незаконно, с грубым нарушением Устава партии, поскольку вопрос об их исключении не ставился на обсуждение Пленума ЦК.

Теперь, когда расследованы дела в отношении некоторых из этих мнимых «шпионов» и «вредителей», установлено, что эти дела являются фальсифицированными. Признания многих арестованных людей, обвиненных во вражеской деятельности, были получены путем жестоких, бесчеловечных истязаний.

В то же время Сталин, как сообщают члены Политбюро того времени, не рассылал им таких заявлений ряда оклеветанных политических деятелей, когда те отказывались от своих показаний на суде Военной коллегии и просили объективно расследовать их дело. А таких заявлений было немало, и Сталин несомненно был ознакомлен с ними.

Центральный Комитет считает необходимым доложить съезду о ряде фальсифицированных «дел» против членов ЦК, избранных на XVII партийном съезде.

Примером гнусной провокации и злостной фальсификации, преступных нарушений революционной законности является дело бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК, одного из видных деятелей партии и Советского государства т. Эйхе, члена партии с 1905 года.

Тов. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года по клеветническим материалам без санкции прокурора СССР, которая была получена лишь через 15 месяцев после ареста.

Следствие по делу Эйхе проводилось в обстановке грубейших извращений советской законности, произвола и фальсификации.

Эйхе под пытками понуждали подписывать заранее составленные следователями протоколы допросов, в которых возводились обвинения в антисоветской деятельности против него самого и ряда видных партийных и советских работников.

1 октября 1939 г. Эйхе обратился с заявлением на имя Сталина, в котором категорически отрицал свою виновность и просил разобраться с его делом. В заявлении он писал:

«Нет более горькой муки, как сидеть в тюрьме при строе, за который всегда боролся».

Сохранилось второе заявление Эйхе, посланное им Сталину 27 октября 1939 года, в котором он убедительно, опираясь на факты, опровергает предъявленные ему клеветнические обвинения, показывает, что эти провокационные обвинения являются, с одной стороны, делом действительных троцкистов, санкцию на арест которых он, как первый секретарь Западно-Сибирского крайкома партии, давал и которые сговорились отомстить ему, а, с другой стороны, результатом грязной фальсификации вымышленных материалов следователями.

Эйхе писал в своем заявлении:

«25 октября сего года мне объявили об окончании следствия по моему делу и дали возможность ознакомиться со следственным материалом. Если бы я был виноват, хотя бы в сотой доле хотя одного из предъявленных мне преступлений, я не посмел бы к Вам обратиться с этим предсмертным заявлением, но я не совершил ни одного из инкриминируемых мне преступлений и никогда у меня не было ни тени подлости на душе. Я Вам никогда в жизни не говорил ни полслова неправды и теперь, находясь обеими ногами в могиле, я Вам тоже не вру. Все мое дело — это образец провокации, клеветы и нарушения элементарных основ революционной законности...

...Имеющиеся в следственном моем деле обличающие меня показания не только нелепые, но содержат по ряду моментов клевету на ЦК ВКП(б) и СНК, так как принятые не по моей инициативе и без моего уча-

ствия правильные решения ЦК ВКП(б) и СНК изображаются вредительскими актами контрреволюционной организации, проведенными по моему предложению...

Теперь перехожу к самой позорной странице своей жизни и к моей действительно тяжкой вине перед партией и перед Вами. Это о моих признаниях в контрреволюционной деятельности... Дело обстояло так: не выдержав истязаний, которые применили ко мне Ушаков и Николаев, особенно первый, который ловко пользовался тем, что у меня после перелома еще плохо заросли позвоночники и причинял мне невыносимую боль, заставили меня оклеветать себя и других людей.

Большинство моих показаний подсказаны или продиктованы Ушаковым и остальные я по памяти переписывал материалы НКВД по Западной Сибири, приписывая все эти приведенные в материалах НКВД факты себе. Если в творимой Ушаковым и мною подписанной легенде что-нибудь не клеилось, то меня заставляли подписывать другой вариант. Так было с Рухимовичем, которого сперва записали в запасной центр, а потом, даже не говоря мне ничего, вычеркнули, также было с председателем запасного центра, созданного якобы Бухариным в 1935 году. Сперва я записал себя, но потом мне предложили записать Межлаука В.И., и многие другие моменты...

...Я Вас прошу и умоляю поручить доследовать мое дело, и это не ради того, чтобы меня щадили, а ради того, чтобы разоблачить гнусную провокацию, которая, как змея, опутала многих людей, в частности и из-за моего малодушия и преступной клеветы. Вам и партии я никогда не изменял. Я знаю, что погибаю из-за гнусной, подлой работы врагов партии и народа, которые создали провокацию против меня». (Дело Эйхе, т.1, пакет.)

Казалось бы, такое важное заявление должно было быть обязательно обсуждено в ЦК. Но этого не произошло, заявление было направлено Берия и жестокая расправа над оклеветанным кандидатом в члены Политбюро тов. Эйхе продолжалась.

2 февраля 1940 года Эйхе был предан суду. В суде Эйхе виновным себя не признал и заявил следующее:

«Во всех якобы моих показаниях ни одной названной мною буквы, за исключением подписи внизу протоколов, которые подписаны вынужденно. Показания даны под давлением следователя, который с самого начала моего ареста начал меня избивать. После этого я и начал писать всякую чушь... Главное для меня — это сказать суду, партии и Сталину о том, что я не виновен. Никогда участником заговора не был. Я умру также с верой в правильность политики партии, как верил в нее на протяжении всей своей работы». (Дело Эйхе, том 1.)

4 февраля Эйхе был расстрелян. В настоящее время бесспорно установлена фальсификация дела Эйхе.[...]

Еще более широко практиковалась фальсификация следственных дел в областях. УНКВД по Свердловской области «вскрыло» так называемый «Уральский повстанческий штаб — орган блока правых, троцкистов, эсеров, церковников» — руководимый, якобы, секретарем Свердловского

обкома партии и членом ЦК ВКП(б) Кабаковым, членом партии с 1914 года. По материалам следственных дел того времени получается, что почти во всех краях, областях и республиках существовали, якобы, широко разветвленные «правотроцкистские шпионско-террористические, диверсионно-вредительские организации и центры» и, как правило, эти «организации» и «центры» почему-то возглавлялись первыми секретарями обкомов, крайкомов или ЦК нацкомпартий.

В результате этой чудовищной фальсификации подобных «дел», в результате того, что верили различным клеветническим «показаниям» и вынужденным оговорам себя и других — погибли многие тысячи честных, ни в чем не повинных коммунистов. Таким же образом были сфабрикованы «дела» на видных партийных и государственных деятелей — Косиора, Чубаря, Постышева, Косарева и других.

В те годы необоснованные репрессии проводились в массовых масштабах, в результате чего партия понесла большие потери в кадрах.

Сложилась порочная практика, когда в НКВД составлялись списки лиц, дела которых подлежали рассмотрению на Военной Коллегии, и им заранее определялась мера наказания. Эти списки направлялись Ежовым лично Сталину для санкционирования предполагаемых мер наказания. В 1937 — 1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка на многие тысячи партийных, советских, комсомольских, военных и хозяйственных работников и была получена его санкция.

Значительная часть этих дел сейчас пересматривается и большое количество их прекращается как необоснованные и фальсифицированные. Достаточно сказать, что с 1954 года по настоящее время Военной Коллегией Верховного суда уже реабилитировано 7.679 человек, причем многие из них реабилитированы посмертно.

Массовые аресты партийных, советских, хозяйственных, военных работников нанесли огромный ущерб нашей стране, делу социалистического строительства.

Массовые репрессии отрицательно влияли на морально-политическое состояние партии, порождали неуверенность, способствовали распространению болезненной подозрительности, сеяли взаимное недоверие среди коммунистов. Активизировались всевозможные клеветники и карьеристы. Известное оздоровление в партийные организации внесли решения январского Пленума ЦК ВКП(б) 1938 года. Но широкие репрессии продолжались и в 1938 году.

И только потому, что наша партия обладает великой морально-политической силой, она сумела справиться с тяжелыми событиями 1937 — 1938 годов, пережить эти события, вырастить новые кадры. Но нет сомнения, что наше продвижение вперед к социализму и подготовка к обороне страны осуществлялись бы более успешно, если бы не огромные потери в кадрах, которые мы понесли в результате массовых, необоснованных и несправедливых репрессий в 1937 — 1938 годах.

Мы обвиняем Ежова в извращениях 1937 года и правильно обвиняем. Но надо ответить на такие вопросы: разве мог Ежов сам, без ведома Сталина, арестовать, например, Косиора? Был ли обмен мнениями или реше-

ние Политбюро по этому вопросу? Нет, не было, как не было этого и в отношении других подобных дел. Разве мог Ежов решать такие важные вопросы, как вопрос о судьбе видных деятелей партии? Нет, было бы наивным считать это делом рук только Ежова. Ясно, что такие дела решал Сталин, без его указаний, без его санкции Ежов ничего не мог делать.

Мы сейчас разобрались и реабилитировали Косиора, Рудзутака, Постышева, Косарева и других. На каком же основании они были арестованы и осуждены? Изучение материалов показало, что никаких оснований к этому не было. Арестовывали их, как и многих других, без санкции прокурора. Да в тех условиях никакой санкции и не требовалось, какая еще может быть санкция, когда все разрешал Сталин. Он был главным прокурором в этих вопросах. Сталин давал не только разрешения, но и указания об арестах по своей инициативе. Об этом следует сказать, чтобы была полная ясность для делегатов съезда, чтобы вы могли дать правильную оценку и сделать соответствующие выводы.[...]

Когда Сталин говорил, что надо арестовать, то надо было принимать на веру, что это уже «враг народа». А банда Берия, хозяйничавшая в органах госбезопасности, из кожи лезла вон, чтобы доказать виновность арестованных лиц, правильность сфабрикованных ими материалов. А какие доказательства пускались в ход? Признание арестованных. И следовательно добывали эти «признания». Но как можно получить от человека признание в преступлениях, которых он никогда не совершал? Только одним способом — применением физических методов воздействия, путем истязаний, лишения сознания, лишения рассудка, лишения человеческого достоинства. Так добывались мнимые «признания».

Когда волна массовых репрессий в 1939 году начала ослабевать, когда руководители местных партийных организаций начали ставить в вину работникам НКВД применение физического воздействия к арестованным, — Сталин направил 10 января 1939 г. шифртелеграмму секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. В этой телеграмме говорилось:

«ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП(б)... Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП(б) считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод».

Таким образом, самые грубые нарушения социалистической законности, пытки и истязания, приводившие, как это было показано выше, к оговорам и самооговорам невинных людей, были санкционированы Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

Недавно, всего за несколько дней до настоящего съезда, мы вызвали на заседание Президиума ЦК и допросили следователя Родоса, который

в свое время вел следствие и допрашивал Косиора, Чубаря и Косарева. Это — никчемный человек, с куриным кругозором, в моральном отношении буквально выродок. И вот такой человек определял судьбу известных деятелей партии, определял и политику в этих вопросах, потому что, доказывая их «преступность», он тем самым давал материал для крупных политических выводов. Спрашивается, разве мог такой человек сам, своим разумом повести следствие так, чтобы доказать виновность таких людей, как Косиор и другие. Нет, он не мог много сделать без соответствующих указаний. На заседании Президиум ЦК он так заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги».

Этого он мог добиться только путем длительных истязаний, что он и делал, получая подробный инструктаж от Берия. Следует сказать, что на заседании Президиума ЦК Родос цинично заявил: «Я считал, что выполняю поручение партии». Вот как выполнялось на практике указание Сталина о применении к заключенным методов физического воздействия.

Эти и многие подобные факты свидетельствуют о том, что всякие нормы правильного партийного решения вопросов были ликвидированы, все было подчинено произволу одного лица.

Единовластие Сталина привело к особо тяжким последствиям в ходе Великой Отечественной войны.

Если взять многие наши романы, кинофильмы и исторические «исследования», то в них совершенно неправдоподобно изображается вопрос о роли Сталина в Отечественной войне. Обычно рисуется такая схема. Сталин все и вся предвидел. Советская Армия чуть ли не по заранее начертанным Сталиным стратегическим планам проводила тактику так называемой «активной обороны», т.е. ту тактику, которая, как известно, допустила немцев до Москвы и Сталинграда. Применив такую тактику, Советская Армия только де благодаря гению Сталина перешла в наступление и разгромила врага. Всемирно-историческая победа, одержанная Вооруженными Силами Советской страны, нашим героическим народом, приписывается в такого рода романах, кинофильмах и «исследованиях» всецело полководческому гению Сталина.

Надо внимательно разобраться в этом вопросе, т.к. это имеет огромное, не только историческое, но прежде всего политическое, воспитательное, практическое значение.[...]

Советская наука и техника дали перед войной великолепные образцы танков и артиллерии. Но массовое производство всего этого не было налажено, и мы начали перевооружение армии по существу в самый канун войны. В результате этого в момент нападения врага на советскую землю у нас не оказалось в нужных количествах ни старой техники, которую мы снимали с вооружения, ни новой техники, которую собирались вводить. Очень плохо было с зенитной артиллерией, не налажено было производство бронебойных зарядов для борьбы с танками. Многие укрепленные районы оказались к моменту нападения беспомощными, так как старое вооружение с них было снято, а новое еще не введено.

Да, дело, к сожалению, не только в танках, артиллерии и самолетах. К моменту войны мы не имели даже достаточного количества винтовок для вооружения людей, призываемых в действующую армию. Помню, как в те дни я позвонил из Киева тов. Маленкову и сказал ему:

— Народ пришел в армию и требует оружия. Пришлите нам оружие.

На это мне Маленков ответил:

— Оружие прислать не можем. Все винтовки передаем в Ленинград, а вы вооружайтесь сами.

Так обстояло дело с вооружением.

Нельзя не вспомнить в этой связи и такой, например, факт. Незадолго до нападения гитлеровских армий на Советский Союз Кирпонос, который впоследствии погиб на фронте, написал Сталину, что немецкие армии подошли к Бугу, усиленно готовят все к наступлению и в ближайшее время, видимо, перейдут в наступление. Учитывая все это, Кирпонос предлагал создать надежную оборону, вывести тысяч 300 населения из пограничных районов и создать там несколько мощных укрепленных полос: вырыть противотанковые рвы, создать укрытия для бойцов и т.д.

На эти предложения из Москвы был дан такой ответ, что это провокация, что никаких подготовительных работ на границе делать не следует, что не нужно давать немцам повода открыть против нас военные действия. И наши границы не были по-настоящему подготовлены для отпора врагу.

Когда фашистские войска вторглись на советскую землю и начали военное шествие, из Москвы последовал приказ — на выстрелы не отвечать. Почему? Да потому, что Сталин, вопреки очевидным фактам, считал, что это еще не война, а провокация отдельных недисциплинированных частей немецкой армии и что если мы ответим немцам, то это послужит поводом для начала войны.

Известен и такой факт. Накануне самого вторжения гитлеровских армий на территорию Советского Союза нашу границу перебежал немец и сообщил, что немецкие войска получили приказ — 22 июня, в 3 часа ночи, начать наступление против Советского Союза. Об этом немедленно было сообщено Сталину, но и этот сигнал остался без внимания.

Как видите, игнорировалось все: и предупреждение отдельных военачальников, и показания перебежчиков, и даже явные действия врага. Какая же это прозорливость руководителя партии и страны в такой ответственный момент истории?

А к чему привела такая беспечность, такое игнорирование очевидных фактов? Это привело к тому, что в первые же часы и дни противник истребил в наших пограничных районах огромное количество авиации, артиллерии, другой военной техники, уничтожил большое количество наших военных кадров, дезорганизовал управление войсками, и мы оказались не в состоянии преградить ему путь в глубь страны.

Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937 — 1941 г.г., в результате маниакальной подозрительности Сталина по клеветническим обвинениям, истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было

несколько слоев командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке.

Политика широких репрессий против армейских кадров имела еще и те тяжкие последствия, что она подрывала основу воинской дисциплины, так как на протяжении нескольких лет командиров всех степеней и даже солдат в партийных и комсомольских ячейках приучали к тому, чтобы «разоблачать» своих старших командиров, как замаскировавшихся врагов. Естественно, что это отрицательно сказалось в первый период войны на состоянии воинской дисциплины.

А ведь до войны у нас были превосходные военные кадры, беспредельно преданные партии и Родине. Достаточно сказать, что те из них, кто сохранился, я имею в виду таких товарищей, как Рокоссовский, Горбатов и многие, многие другие, несмотря на тяжелые муки, которые они перенесли в тюрьмах, с первых же дней войны показали себя настоящими патриотами и беззаветно дрались во славу Родины. Но ведь многие из таких командиров погибли в лагерях и тюрьмах, и армия их не увидела.

Все это вместе взятое и привело к тому положению, которое создавалось в начале войны для нашей страны и которое угрожало величайшей опасностью для судеб нашей Родины.

Было бы бесчестным скрыть от нашей партии тот факт, что после первых тяжелых неудач и поражений на фронтах Сталин считал, что наступил конец. В одной из бесед в эти дни он заявил:

— То, что создал Ленин, все это мы безвозвратно растеряли.

После этого он долгое время фактически не руководил военными операциями и вернулся к руководству только тогда, когда к нему пришли некоторые члены Политбюро и сказали, что нужно безотлагательно принимать такие-то меры для того, чтобы поправить положение дел на фронте.

Таким образом, грозная опасность, которая нависла над нашей Родиной в первый период войны, явилась во многом результатом порочных методов руководства страной и партией со стороны самого Сталина.[...]

Большой крови стоила нам и та тактика, на которой настаивал Сталин, не зная природы ведения боевых операций, после того, как удалось остановить противника и перейти в наступление. Военные знают, что уже с конца 1941 года вместо ведения крупных маневренных операций с обходами противника с флангов, с заходами в его тылы, Сталин требовал непрерывных лобовых атак с тем, чтобы брать село за селом. И мы несли на этом огромные потери до тех пор, пока нашему генералитету, который выносил на своих плечах всю тяжесть ведения войны, не удалось изменить положение дел и перейти к ведению гибких маневренных операций, что сразу дало серьезное изменение положения на фронтах в нашу пользу.

Тем более позорным и недостойным явился факт, когда после нашей великой победы над врагом, давшей нам очень тяжелой ценой, Сталин начал громить многих из тех полководцев, которые внесли свой немалый вклад в дело победы над врагом, так как Сталин исключал всякую

возможность, чтобы заслуги, одержанные на фронтах, были приписаны кому бы то ни было, кроме его самого.

В этой связи сам Сталин очень усиленно популяризировал себя, как великого полководца, всеми способами внедрял в сознание людей ту версию, что все победы, одержанные советским народом в Великой Отечественной войне, являются результатом мужества, доблести, гения Сталина и никого больше.

В самом деле, возьмите наши исторические и военные кинокартины. Ведь все они предназначены для пропаганды именно этой версии, для прославления Сталина, как гениального полководца. Вспомним хотя бы картину «Падение Берлина». Там действует один Сталин: он дает указания в зале с пустыми стульями, и только один человек приходит к нему и что-то доносит — это Поскребышев. А где же военное руководство? Где Политбюро? Где Правительство? Что они делают и чем занимаются? Этого в картине нет. Сталин один действует за всех, не считаясь и не советуясь ни с кем. В таком извращенном виде все это показано народу. Для чего? Для того, чтобы возвеличить Сталина и все это — вопреки фактам, вопреки исторической правде.

Спрашивается, а где же наши военные, которые на своих плечах вынесли всю тяжесть войны? Их в фильме нет, для них после Сталина не осталось никакого места.

Не Сталин, а партия в целом, Советское правительство, наша героическая армия, ее талантливые полководцы и доблестные воины, весь советский народ — вот кто обеспечил победу в Великой Отечественной войне. Главная роль и главная заслуга в победоносном завершении войны принадлежит нашей Коммунистической партии, Вооруженным Силам Советского Союза, миллионам и миллионам советских людей, воспитанных партией.

В годы войны с особой силой проявилась организаторская и воспитательная роль нашей партии, партийных организаций; велики заслуги наших военных командиров, которые в первые же месяцы войны, почти лишившись армии, сумели перестроиться на ходу, создать и закалить в ходе войны почти заново построенную армию и не только отразить натиск врага, но и разгромить его. Исключительный героизм проявили рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, которые под руководством партийных организаций, мужественно преодолевая неимоверные трудности и лишения военного времени, отдавали все свои силы делу защиты Родины, делу разгрома врага.

Товарищи!

Обратимся к некоторым фактам послевоенных лет.

После окончания Отечественной войны советский народ с гордостью отмечал славные победы, достигнутые ценой больших жертв и неимоверных усилий. Страна переживала политический подъем. Партия вышла из войны еще более сплоченной, в огне войны закалились кадры партии. В этих условиях ни у кого даже мысль не могла возникнуть о возможности какого-либо заговора в партии.

И вот в этот период вдруг возникает так называемое ленинградское

дело. Как теперь уже доказано, это дело было фальсифицировано. Невинно погибли тт. Вознесенский, Кузнецов, Родионов, Попков и другие.

Известно, что Вознесенский и Кузнецов были видные и способные работники. В свое время они были близки к Сталину. Достаточно сказать, что Сталин выдвинул Вознесенского первым заместителем Председателя Совета Министров, а Кузнецов был избран секретарем Центрального комитета. Уже одно то, что Сталин поручил Кузнецову наблюдение за органами госбезопасности говорит о том, каким доверием он пользовался.

Как же случилось, что эти люди были объявлены врагами народа и уничтожены?

Факты показывают, что и «ленинградское дело» результат произвола, который допускал Сталин по отношению к кадрам партии.

Если бы в Центральном Комитете партии, в Политбюро ЦК существовала нормальная обстановка, при которой подобные вопросы обсуждались бы, как это положено в партии, и взвешивались бы все факты, то этого дела не возникло бы, как не возникли бы и другие подобные дела.

Надо сказать, что в послевоенный период положение еще больше усложнилось. Сталин стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров увеличилась мания преследования. Многие работники становились в его глазах врагами. После войны Сталин еще больше отгородился от коллектива, действовал исключительно единолично, не считаясь ни с кем и ни с чем.

Невероятной подозрительностью Сталина ловко пользовался гнусный провокатор, подлый враг Берия, который истребил тысячи коммунистов, честных советских людей. Выдвижение Вознесенского и Кузнецова пугало Берия. Как теперь установлено, именно Берия подбрасывал Сталину состряпанные им и его подручными материалы в виде заявлений, анонимных писем, в виде разных слухов и разговоров

Центральный Комитет партии проверил так называемое «ленинградское дело», невинно пострадавшие люди теперь реабилитированы, восстановлена честь славной Ленинградской партийной организации. Фальсификаторы этого дела Абакумов и другие были преданы суду, их судили в Ленинграде и они получили по заслугам.

Возникает вопрос, почему же мы теперь смогли разобраться в этом деле, а не сделали этого раньше, при жизни Сталина, чтобы не допустить гибели невинных людей? Потому, что Сталин сам давая направление «ленинградскому делу» и большинство членов Политбюро того периода не знало всех обстоятельств дела и, конечно, не могло вмешаться. Как только Сталин получил от Берия и Абакумова некоторые материалы, он, не разобравшись по существу в этих фальшивках, дал указание расследовать «дело» Вознесенского и Кузнецова. И этим уже была предreshена их судьба.

Поучительным в этом отношении является такое дело о, якобы, существовавшей в Грузии мингрельской националистической организации. По этому вопросу, как известно, были приняты в ноябре 1951 и в марте 1952 года решения ЦК КПСС. Эти решения принимались без обсуждения в По-

литбюро. В них возводились тяжкие обвинения против многих честных коммунистов. На основании подложных материалов утверждалось, что в Грузии, якобы, существует националистическая организация, которая ставит своей целью ликвидацию советской власти в этой республике с помощью империалистических государств. В связи с этим был арестован ряд ответственных партийных и советских работников Грузии. Как потом установлено, это была клевета на Грузинскую партийную организацию.

Мы знаем, что в Грузии, как и в некоторых других республиках, в свое время были проявления местного буржуазного национализма. Возникает вопрос, может быть действительно в период, когда принимались упомянутые выше решения, националистические тенденции разрослись до таких размеров, что была угроза выхода Грузии из состава СССР и перехода ее в состав турецкого государства? Это, конечно, чепуха. Трудно даже себе представить, как могли прийти в голову подобные предположения. Всем известно, как поднялась Грузия в своем экономическом и культурном развитии за годы Советской власти. Промышленная продукция Грузинской республики в 27 раз превышает производство дореволюционной Грузии. В республике заново созданы многие отрасли промышленности, которых не было там до революции — черная металлургия, нефтяная промышленность, машиностроение и другие. Уже давно ликвидирована неграмотность населения, тогда как в дореволюционной Грузии неграмотных насчитывалось 78 процентов.

Сравнивая положение в своей республике с тяжелым положением трудящихся в Турции, могли ли грузины стремиться присоединиться к Турции? В Турции в 1955 году выплавлено стали на душу населения в 18 раз меньше, чем в Грузии. В Грузии производится электроэнергии на душу населения в 9 раз больше, чем в Турции. По данным переписи 1950 года, было 65 процентов населения Турции неграмотным, а среди женщин — около 80 процентов. В Грузии имеется 19 высших учебных заведений, в которых обучается около 39 тысяч студентов, что в 8 раз больше, чем в Турции, население которой в шесть раз превышает население Грузии. В Грузии за годы Советской власти неизмеримо поднялось материальное благосостояние трудящихся.

Ясно, что в Грузии по мере развития экономики и культуры, роста социалистической сознательности трудящихся все больше исчезает почва, которой питается буржуазный национализм. И как оказалось на самом деле, никакой националистической организации в Грузии не было. Тысячи ни в чем не повинных советских людей стали жертвами произвола и беззакония. И все это делалось под «гениальным» руководством Сталина — «великого сына грузинского народа», как любили называть грузины своего земляка.

Произвол Сталина давал себя знать не только при решении вопросов внутренней жизни страны, но и в области международных отношений Советского Союза.

На июльском Пленуме ЦК подробно обсуждались причины возникновения конфликта с Югославией. При этом отмечалась весьма неблагоприятная роль Сталина. Ведь «югославское дело» выдуманно и раздуто Ста-

линым. Для возникновения этого «дела» не было серьезных оснований, вполне возможно было не допустить разрыва с этой страной. Это не значит, однако, что у югославских руководителей не было ошибок или недостатков. Но эти ошибки и недостатки были чудовищно преувеличены Сталиным, что привело к разрыву отношений с дружественной нам страной.

Мне вспоминаются первые дни, когда искусственно стал раздуваться конфликт между Советским Союзом и Югославией.

Однажды, когда я приехал из Киева в Москву, меня пригласил к себе Сталин и, указывая на копию письма, незадолго перед тем направленную к Тито, спросил:

— Читал?

И не дожидаясь ответа, он сказал:

— Вот шевельну мизинцем и не будет Тито. Он слетит...

Дорого нам обошлось это «шевеление мизинцем». Такое заявление отражало манию величия Сталина, ведь он так и действовал: шевельну мизинцем — и нет Косиора, шевельну еще раз мизинцем — и нет уже Постышева, Чубаря, шевельну опять мизинцем — и исчезают Вознесенский, Кузнецов и многие другие. Но с Тито так не получилось.[...]

Следует также напомнить о «деле» врачей-вредителей. Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи, якобы, применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: — на Виноградова одеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова.

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить и бить. Через некоторое время после ареста мы, члены Политбюро, получили протоколы с признаниями врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котят, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых ведется следствие. Не было возможности проверить факты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это дело, то увидели, что оно от начала до конца ложное. Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Прави-

тельства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.[...]

В обвинительном заключении по делу Берия подробно изложены его преступления. Но кое-что стоит напомнить, тем более, что, возможно, не все делегаты съезда читали этот документ. Здесь я хочу напомнить о зверской расправе Берия над Кедровым, Голубевым и приемной матерью Голубева — Батуриной, которые пытались довести до сведения ЦК о предательской деятельности Берия. Они были расстреляны без суда, а приговор был оформлен после расстрела задним числом. Вот что писал в ЦК тов. Андрееву старый коммунист т. Кедров:

«Из мрачной камеры Лефортовской тюрьмы взываю к вам о помощи. Услышите крик ужаса, не пройдите мимо, заступитесь, помогите уничтожить кошмар допросов, вскрыть ошибку.

Я невинно страдаю. Поверьте. Время покажет. Я не агент-provokator царской охраны, не шпион, не член антисоветской организации, в чем меня обвиняют, основываясь на клеветнических заявлениях. И никаких других преступлений в отношении Партии и Родины я никогда не совершал. Я незапятнанный ничем старый большевик, честно боровшийся (без малого) 40 лет в рядах Партии на благо и счастье народа...

...Теперь мне, 62-летнему старику, следователи угрожают еще более тяжкими и жестокими и унижительными мерами физического воздействия. Они уже не в состоянии осознать своей ошибки и признать незаконность и недопустимость своих поступков в отношении меня. Они ищут оправдания им в изображении меня злейшим, неразоружающимся врагом, настаивая на усилении репрессии. И пусть знает Партия, что я невиновен и никакими мерами не удастся верного сына Партии, преданного ей до гроба жизни, превратить во врага.

Но у меня нет выхода. Я бессилен отвести от себя надвигающиеся новые, тяжкие удары.

Всему, однако, есть предел. Я измотан вконец. Здоровье подорвано, силы и энергия иссякают, развязка приближается. Умереть в советской тюрьме с клеймом презренного предателя и изменника Родины — что может быть страшнее для честного человека. Какой ужас! Беспредельная горечь и боль сжимают судорогой сердце. Нет, нет! Это не случится, не должно случиться, кричу я. И Партия, и Советское правительство, и нарком Л.П. Берия не допустят свершиться той жестокой, непоправимой несправедливости.

Убежден, что при спокойном, беспристрастном расследовании, без отвратительной ругани, без злобы, без жутких издевательств, необоснованность обвинений будет легко установлена. Я глубоко верю, что правда и справедливость восторжествуют. Я верю, верю».

Автора этого письма, старого большевика т. Кедрова Военная Коллегия оправдала. Но, несмотря на это, он был расстрелян по распоряжению Берия.

Берия учинил также жестокую расправу над семьей т. Орджоникидзе. Почему? Потому, что Орджоникидзе мешал Берия в осуществлении его коварных замыслов. Берия расчищал себе путь, избавляясь от всех лю-

дей, которые могли ему мешать. Орджоникидзе всегда был против Берия, о чем он говорил Сталину. Вместо того, чтобы разобраться и принять необходимые меры, Сталин допустил уничтожение брата Орджоникидзе, а самого Орджоникидзе довел до такого состояния, что последний вынужден был застрелиться. Вот что представлял собой Берия.

Центральным Комитетом партии Берия был разоблачен вскоре после смерти Сталина. В результате тщательного судебного разбирательства были установлены чудовищные злодеяния Берия, и он был расстрелян.

Спрашивается, почему же Берия, который уничтожил десятки тысяч партийных и советских работников, не был разоблачен при жизни Сталина? Он не был раньше разоблачен потому, что умело использовал слабости Сталина, разжигая в нем чувство подозрительности, во всем угождал Сталину, действовал при его поддержке.

Товарищи!

Култ личности приобрел такие чудовищные размеры главным образом потому, что сам Сталин всячески поощрял и поддерживал возвеличивание его персоны. Об этом свидетельствуют многочисленные факты. Одним из наиболее характерных проявлений самовосхваления и отсутствия элементарной скромности у Сталина является издание его «Краткой биографии», вышедшей в свет в 1948 году.

Эта книга представляет собой выражение самой безудержной лести, образец обожествления человека, превращения его в непогрешимого мудреца, самого «великого вождя» и «непревзойденного полководца всех времен и народов».

Нет необходимости цитировать тошнотворно-льстивые характеристики, нагроможденные в этой книге одна на другую. Следует только подчеркнуть, что все они одобрены и отредактированы лично Сталиным, а некоторые из них собственноручно вписаны им в макет книги.

Что же Сталин счел необходимым вписать в эту книгу? Может быть он стремился умерить пыл лести составителей его «Краткой биографии»? Нет. Он усиливал именно те места, где восхваление его заслуг казалось ему недостаточным.

Вот некоторые характеристики деятельности Сталина, вписанные рукою самого Сталина:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, Бухариными и кеменовыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии..., которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин.

Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа и имея полную поддержку всего советского народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени сомнений, зазнайства, самолюбования».

Где и когда мог какой-либо деятель так прославлять самого себя? Разве это достойно деятеля марксистско-ленинского типа? Нет. Именно про-

тив этого так решительно выступали Маркс и Энгельс. Именно это всегда резко осуждал Владимир Ильич Ленин.

В макете книги была такая фраза: «Сталин — это Ленин сегодня». Эта фраза показалась ему явно недостаточной и Сталин собственноручно переделывает ее следующим образом:

«Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в народе, Сталин — это Ленин сегодня».

Можно привести множество подобных самовосхваляющих характеристик, внесенных в макет книги рукою Сталина. Особенно усердно он расточал похвалы в свой адрес по поводу своего военного гения, своих полководческих талантов.

Позволю себе привести еще одну вставку, сделанную Сталиным в отношении сталинского военного гения:

«Товарищ Сталин, — пишет он, — развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии, как самом могучем роде войск. На разных этапах войны сталинский гений находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки.

Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С гениальной проницательностью разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы военного оперативного искусства».

Так прославлялся Сталин как полководец. Но кем же? Самим же Сталиным, но выступающим уже не в роли полководца, а в роли автора — редактора, одного из главных составителей своей хвалебной биографии.

Таковы, товарищи, факты. Надо прямо сказать, что это позорные факты.

И еще один факт из той же «Краткой биографии» Сталина. Известно, что над созданием «Краткого курса истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)» работала комиссия Центрального Комитета партии. Этот, к слову говоря, также весьма пропитанный культом личности труд составлялся определенным коллективом авторов. И это положение было отражено в макете «Краткой биографии» Сталина в следующей формулировке:

«Комиссия Центрального Комитета ВКП(б) под руководством товарища Сталина, при его личном активнейшем участии, создает «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)».

Однако эта формулировка не могла уже удовлетворить Сталина и в изданной «Краткой биографии» это место заменено следующим положением:

«В 1938 году вышла в свет книга «История ВКП(б). Краткий курс», написанная товарищем Сталиным и одобренная Комиссией ЦК ВКП(б)».

Как видите, произошло поразительное превращение труда, созданного коллективом, в книгу, написанную Сталиным. Нет нужды говорить о

том, как и почему произошло подобное превращение. Возникает законный вопрос: если Сталин является автором этой книги, то зачем ему нужно было так прославлять личность Сталина, и, по существу, весь послеоктябрьский период истории нашей славной Коммунистической партии делать лишь фоном деяний «сталинского гения»? Разве нашли в этой книге достойное отражение усилия партии по социалистическому преобразованию страны, построению социалистического общества, индустриализации и коллективизации страны и другие мероприятия, осуществленные партией, твердо идущей по пути, начертанному Лениным? Там, главным образом, говорится о Сталине, его выступлениях, его докладах. Все, без какого бы то ни было исключения, связано с его именем.

И когда сам же Сталин заявляет, что именно он написал «Краткий курс истории ВКП(б)», то это не может не вызывать по меньшей мере удивления и недоумения. Разве может марксист-ленинец так писать о самом себе, возводя до небес культ своей личности?

Или возьмем вопрос о Сталинских премиях. Даже цари не учреждали таких премий, которые назвали бы своим именем.

Сам Сталин признал лучшим тот текст Государственного гимна Советского Союза, в котором ни слова нет о Коммунистической партии, но зато есть следующее беспримерное славословие Сталину:

«Нас вырастил Сталин — на верность народу,

На труд и на подвиги нас вдохновил».

В этих строчках гимна вся огромная воспитательная, руководящая и вдохновляющая деятельность великой ленинской партии приписана одному Сталину. Это, конечно, явное отступление от марксизма-ленинизма, явное принижение и умаление роли партии.

А разве без ведома Сталина его имя присваивалось многим крупнейшим предприятиям и городам, разве без его ведома по всей стране устанавливались монументы Сталина — эти «памятники при жизни»? Ведь это же факт, что сам Сталин 2 июля 1951 года подписал постановление Совета Министров о сооружении на Волго-Донском канале монументальной скульптуры Сталина, а 4 сентября того же года распоряжение об отпуске на сооружение этого монумента 33 тонн меди. Судите сами, правильно ли писал Сталин в своей биографии о том, что он «не допускал в своей деятельности в тени самомнения, зазнайства, самолюбования»?

Вместе с тем Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, — не был построен, и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение.

Нельзя не вспомнить и о решении Советского правительства от 14 августа 1925 года «Об учреждении премий В.И. Ленина за научные работы». Это постановление было обнародовано в печати, но до сих пор Ленинских премий нет. Это также нужно исправить.

При жизни Сталина, благодаря известным методам, о которых я уже говорил, приводя факты как писалась хотя бы «Краткая биография Ста-

лина», все события освещались так, что Ленин как будто играл второстепенную роль даже при совершении Октябрьской социалистической революции. Во многих кинокартинах, в произведениях художественной литературы образ Ленина освещается неправильно, недопустимо приносится.

Все это надо решительно пересмотреть, чтобы нашли свое правильное отражение в истории, литературе, произведениях искусства роль В.И. Ленина, великие деяния нашей Коммунистической партии и советского народа — народа-творца, народа-созидателя.

РЦХИДНИ ф.1, оп 2, ед. хр. 1-90

№ 15

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ О XX СЪЕЗДЕ КПСС *

История составления и оглашения разоблачительного доклада Хрущева, несмотря на то, что уже немало сделано для ее прояснения, все еще малодостоверна. Но выходят в свет новые воспоминания, открываются архивные тайны. В бывшем текущем архиве ЦК КПСС, ныне Центре хранения современной документации, рассекречены материалы XX съезда (фонд 1, опись 2, ед. хр. 1-90), которые заставляют историков изменить многие свои прежние представления, базировавшиеся на воспоминаниях одного какого-либо лица, допустим, того же Хрущева.

И первое, от чего приходится отказаться, — это от мифа, будто закулисная борьба вокруг доклада о культе личности длилась чуть ли не в ходе всего съезда и протекала в комнате отдыха, где собирались члены президиума ЦК в перерывах между заседаниями. Теперь нет оснований сомневаться в том, что принципиально этот вопрос был решен еще до съезда. К сожалению, до сих пор остаются засекреченными протоколы заседаний президиума ЦК и материалы к ним, которые могли бы внести полную ясность в этот вопрос. Но в упомянутых архивных делах XX съезда имеется выписка из протокола № 188 заседания президиума ЦК от 13 февраля 1956 г.:

«Об открытии пленума ЦК КПСС

Поручить открыть пленум ЦК КПСС первому секретарю ЦК т. Хрущеву Н.С.

Внести на пленум предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности.

Утвердить докладчиком т. Хрущева Н.С.

В материалах съезда находится и подлинник (за подписью Хрущева) протокола состоявшегося в тот же день пленума Центрального Комитета.

* Печатается с сокращениями. Полностью статья Аксютин Ю.В., доцента Московского педагогического университета, опубликована в журнале «Отечественная история» №2, 1998 г.

Он небольшой, всего на четырех машинописных страницах, на первых двух из которых перечислены присутствующие.

Пленум открыл и председательствовал на нем Хрущев. Он же один и говорил. Правда, весьма коротко: «Нам нужно будет условиться о докладе, договориться. Повестка дня была утверждена в свое время пленумом, докладчики тоже были утверждены — все эти вопросы решены. Другие вопросы, связанные со съездом, мы будем решать на совете делегаций. Нам нужно договориться насчет доклада. Президиум рассмотрел этот доклад и одобрил. Как члены пленума? Доклад идет не от Президиума, а от пленума Центрального Комитета. Как, будет ли пленум заслушивать доклад?»

Речь пока что шла об отчетном докладе, который, по идее, вроде бы должен был быть обсужден и одобрен Центральным Комитетом. Но нарек был понят. И тут же раздались голоса: «Одобрить! Завтра услышим!»

Хрущев словно ждал этих реплик и подвел итог: «Тогда будем считать, что доклад принимается пленумом Центрального Комитета и поручается его сделать на съезде».

«Пленум доверяет рассмотрение доклада Президиума ЦК», — резюмировал А.И. Микоян.

Хрущев же предложил: «Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде партии, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет обсуждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?»

Возражений не последовало, после чего Хрущев, объявив, что «все вопросы, которые следовало на нашем пленуме решить, мы решили», объявил заседание закрытым.

О чем же свидетельствует протокол этого пятиминутного пленума? Прежде всего о том, что вопрос, оглашать или нет доклад о культе личности, был к тому времени решен положительно. Решено также было, что сделает это сам Хрущев, но непременно на закрытом заседании, когда будут обсуждаться кандидатуры в ЦК следующего созыва. Это не значит вовсе, что на самом съезде, за его кулисами уже не было споров по другим, тоже очень важным вопросам. Но, повторяю, самое главное было предопределено. Далось это Хрущеву нелегко. Пришлось ему прибегать к самым разнообразным приемам, умело используя аппарат ЦК.

Известно, что осторожная и выборочная реабилитация репрессированных коммунистов началась еще в 1953 г., и ее инициатором стал Л.П. Берия. Затем создали комиссию во главе с В.М. Молотовым. Но проку от нее оказалось мало, и 30 декабря 1955 г. образуется новая комиссия во главе с секретарем ЦК П.Н. Поспеловым. Ей поручили изучить материалы о массовых репрессиях в период 1937 — 1940 гг. Комиссия эта приня-

лась за дело очень энергично, и в президиум ЦК КПСС пошла систематическая информация о собранных ею фактах. И все чаще возникал вопрос, что с этими страшными, чудовищными фактами делать? 1 февраля 1956 г. на заседание президиума ЦК из тюрьмы доставили бывшего следователя по особо важным делам МГБ СССР Б.В. Родоса. После беседы с ним ни у кого не оставалось сомнений, если таковые и были, что репрессии и пытки — это не результат злой воли «плохих» чекистов, а заранее спланированное самим Сталиным и им же руководимое истребление неугодных ему людей. Хрущев остро и прямо поставил перед своими коллегами вопрос: «Хватит ли у нас мужества сказать правду?» Маленков посчитал, что вопрос о Сталине ставится правильно, и высказал мнение, что об этом надо сказать партии. Не против был вроде бы и Маленков. Правда, он оговорился, что не мешало бы при этом напомнить съезду о заслугах Сталина как великого руководителя, достойного продолжателя дела Ленина. Ему возразил М.З. Сабуров: «Если факты верны, разве это коммунизм? За это простить нельзя».

Еще до этого, 20 января 1956 г. Хрущев получает и тут же рассылает своим коллегам по «коллективному руководству» письмо от члена партии с 1917 г., заместителя начальника политотдела ГУЛага А.В. Снегова. «Начиная с XVII съезда я не мог присутствовать по известным Вам причинам. Прошу предоставить мне возможность присутствовать на XX съезде, выдав мне постоянный гостевой билет». О том, что это обращение не было спонтанным, а выполнением определенной договоренности, если не прямого поручения, говорит и другое письмо Снегова, от 1 февраля: «Уважаемый Никита Сергеевич! Как Вы считали нужным, — передаю проект своего выступления на Ваше усмотрение. Само собой разумеется, что заранее принимаю все Ваши изменения и поправки. Если Вы сочтете необходимым коренную переделку, то просил бы эти указания дать мне лично».

Отказать такому заслуженному и несправедливо пострадавшему человеку было неудобно. 3 февраля президиум ЦК поручает секретариату ЦК рассмотреть вопрос о выдаче гостевых билетов на съезд «группе коммунистов, которые в прошлом неправильно исключены из партии и ныне восстановлены в рядах КПСС». На свет божий появляется «список реабилитированных старых большевиков для приглашения на съезд» из 12 человек, а затем другой — из 13 человек. Но не слишком ли много будет «свидетелей обвинения»? И вот вносится предложение разбавить их другими известными ветеранами, не подвергавшимися репрессиям. 4 февраля заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е.И. Громов вносит предложение пригласить на съезд в качестве гостей 25 человек и прилагает из список. Постоянные гостевые билеты на все заседания предполагалось выдать 20 из них, в том числе В.П. Антонову-Саратовскому, С.И. Гопнер, С.С. Дзержинской, Г.М. Кржижановскому, Г.И. Петровскому, Е.Д. Стасовой, Л.А. Фотиевой. И из перечисленных в первых двух списках разовые гостевые билеты должны были получить лишь 5 человек, в том числе и Снегов.

К сожалению, мы пока что располагаем лишь процитированной выпиской из протокола решающего, как представляется, заседания прези-

диума ЦК КПСС от 13 февраля 1956 г. Ни самого протокола, ни материалов к нему никто из исследователей не видел, они по-прежнему остаются секретными. Однако Н.А. Барсуков, работавший в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС над окончанием многотомной официальной «Истории Коммунистической партии Советского Союза» и имевший, как он утверждал, возможность видеть тогда некоторые документы из текущего архива ЦК КПСС, утверждает, что первоначальный текст доклада «О культе личности и его последствиях» представлял написанную карандашом (видимо, из-за спешки) итоговую записку комиссии Пospelова о делах репрессированных во второй половине 30-х гг. членов и кандидатов в члены ЦК, которая впоследствии составила два раздела из семи окончательного варианта доклада. Вполне возможно, что так оно и было. Но, как нам представляется, сегодня было бы неправомерно делать категорический вывод, будто в канун съезда «фигурировала только и исключительно записка Пospelова», что «все дебаты касались лишь затронутых в ней вопросов», а вопросы, составившие новые разделы в окончательном варианте доклада, не только тогда не обсуждались, но и просто не упоминались.

В.Ю. Афиани, ссылаясь на документы ЦХСД, утверждает прямо противоположное, а именно, что 9 февраля Президиум ЦК решил ознакомить делегатов съезда с неопубликованными документами В.И. Ленина, имея в виду прежде всего его политическое завещание с рекомендацией заменить Сталина на посту генсека и записку о разрыве личных отношений в случае, если тот не извинится перед его женой за допущенную по отношению к ней грубую выходку. В тот же день Президиум ЦК еще раз заслушал сообщение комиссии Пospelова, которое представляло собой 70-страничный машинописный доклад, и при его обсуждении Хрущев еще раз выразил твердую убежденность в необходимости рассказать обо всем делегатам съезда. И не только о репрессиях, но и о культе личности. Тогда же и было дано поручение Пospelову готовить текст доклада. Но уже 13 февраля принимается постановление об уведомлении собравшихся на пленум членов ЦК о том, что на съезде будет зачитан доклад о культе личности и выступит с ним Хрущев. Тогда же было решено подключить к работе над докладом, кроме Пospelова, и других секретарей ЦК. 18 февраля Хрущеву был представлен его первый вариант. Взяв его за основу, Хрущев 19 февраля диктует стенографисткам свой вариант и рассылает его членам и кандидатам в члены Президиума ЦК.

Как видим, никакого личного экспромта и какой-то особой келейности не было, Хрущев соблюдал положенную коллегиальность. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением Барсукова, будто закипевшая в ходе съезда работа над новым текстом доклада имела «подпольный» характер. Ссылка на рассказ тогдашнего секретаря ЦК КПСС Д.Т. Шепилова, которому 15 февраля, т.е. на второй день работы съезда, Хрущев предложил подготовить новые материалы для доклада и на два дня оставил его в кабинете на Старой площади, ничего не доказывает. Ведь вся работа аппарата ЦК строилась на принципах сугубо строгой секретности и строго дозированной информации партийных низов о своей деятель-

ности. Однако на сей раз о готовящейся сенсации знало немалое число делегатов и гостей съезда. Их к этому исподволь готовили.

Уже на утреннем заседании съезда 16 февраля 1956 г. член Президиума ЦК и секретарь ЦК М.А. Суслов говорил: «Чуждые марксизму-ленинизму теория и практика культа личности, получившие распространение до XIX съезда, наносили значительный ущерб партийной работе... Они умаляли роль народных масс и роль партии, принижали коллективное руководство, ...подавляли активность членов партии, их инициативу и самостоятельность, приводили к бесконтрольности и даже произволу в работе отдельных лиц... порождали односторонние, а подчас и ошибочные решения вопросов».

В тот же день на вечернем заседании член президиума ЦК и первый заместитель председателя Совета Министров СССР А.И. Микоян заявил, что «в течение примерно 20 лет у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности, осужденный еще Марксом, а затем и Лениным, и это, конечно, не могло не оказать отрицательного влияния на положения в партии и на ее деятельности». Он же впервые произнес имя Сталина в сугубо критическом плане: «При анализе состояния экономики современного капитализма вряд ли может нам помочь и вряд ли является правильным известное высказывание Сталина в «Экономических проблемах социализма в СССР», касающееся США, Англии и Франции, о том, что, после того как мировой рынок раскололся, «объем производства в этих странах будет сокращаться». Открыто поставив под сомнение саму принадлежность этой, считавшейся «выдающейся», работы к классическим трудам, Микоян призвал и историков по-новому осветить многие факты и события, изложенные в сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)». Он высмеял тех из них, кто любые повороты в революции и гражданской войне объяснял «якобы вредительской деятельностью отдельных тогдашних партийных руководителей, много лет спустя после описываемых событий неправильно объявленных врагами народа». И пораженный этими словами зал услышал имена В.А. Антонова-Овсеевко и С.В. Косиора, причем названных «товарищами», что на партийном новоязе означало, что теперь их следует считать неправильно объявленными врагами народа.

В той или иной степени затронули тему культа личности Г.М. Маленков, С.Д. Игнатьев, бывший министром государственной безопасности в 1951 — 1953 гг., О.В. Куусинен и даже Л.М. Каганович с В.М. Молотовым. Последний закончил свою обширную речь заверением в том, что «Центральный комитет твердо выступил против чуждого марксизму-ленинизму культа личности, сыгравшего в определенный период такую отрицательную роль», и под аплодисменты делегатов выразил уверенность в том, что «настоящий съезд полностью одобрит эту принципиальную установку».

Лишь один председатель Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилов избежал упоминания и осуждения культа личности, ограничившись указанием на необходимость и впредь укреплять ленинский принцип коллективности в работе.

Сохранилась записка, направленная Хрущеву 22 февраля, т.е. в кон-

це работы съезда, бывшим первым секретарем Ленинградского обкома В.М. Андриановым: «Никита Сергеевич! Убедительно прошу Вас посоветовать, можно мне выступить на закрытом заседании съезда по Вашему докладу о культе личности и при этом.... рассказать о Ленинградских делах в том виде, как я изложил на Ваше имя в записке и в нескольких словах сказал, будучи у Вас на приеме».

Стал доступным для исследования и тот текст проекта доклада «О культе личности и его последствиях», который Хрущев разослал членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК 23 февраля — на следующий день после еще одного заседания Президиума ЦК КПСС, на котором, очевидно, и решались окончательно последние вопросы, связанные с предстоящим оглашением доклада о культе личности. Подробный анализ этого документа еще впереди, мы же ограничимся лишь несколькими замечаниями, связанными с внесенной в него правкой. Она не касается принципиальных вопросов, хотя довольно обширна и разнообразна. Сказать же, кем именно она сделана, пока что затруднительно. Например, в экземпляре, посланном Суслову, имеются подчеркивания и поправки, сделанные разными карандашами — красным, синим, фиолетовым и простым, что свидетельствует о том, что его читали не менее четырех человек. В этом экземпляре, помимо сугубо редакционной правки, есть и довольно любопытные пометы. Например, синим, красным и фиолетовым подчеркнуты места, где рассказывалось о Р.И. Эйхе, а тремя страницами ниже красным на полях начертано: «Вот и «отец родной». Там, где говорится о начале войны, синим отмечено: «Уроки на будущее». Синим же разделом о Ленинградском деле сделана надпись: «Поправление нац. прав народностей 1943 — 1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы». И синим же на полях заключительной части, где содержалось предупреждение о том, что «этот вопрос мы не можем вывести даже за пределы съезда, а тем более в печать», добавлено: «Не обнажать язвы перед обывателем». В экземпляре, посланном Д.Т. Шепилову, имеется правка с тем предложением добавить к упоминанию о сидевших в тюрьмах К.К. Рокоссовском и А.В. Горбатове имя К.А. Мерецкова, сказать, «что англичане (Черчилль) заранее нас предупреждали — совпосольство (Деканозов) в Германии тоже предупреждало о готовящейся войне», дополнить фразу о том, что не Сталин, а партия в целом обеспечила победу в войне, словами «о роли рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, женщин, молодежи — сов. народа, тыла». И в том, и в другом экземплярах перечеркнуто следующее воспоминание Хрущева об одной из его встреч со Сталиным: «Каждый из членов Политбюро может многое рассказать о бесцеремонном обращении Сталина с членами Политбюро. Приведу вам такой, например, случай. Однажды незадолго до смерти Сталин вызвал к себе нескольких членов Политбюро. Мы явились к нему на дачу, начали обсуждать некоторые вопросы. Получилось так, что на столе против меня находилась большая кипа бумаг, которая закрывала меня от Сталина. Сталин с раздражением закричал: «Что Вы там сели, боитесь, что я Вас расстреляю? Не бойтесь, не расстреляю. Пересаживайтесь ближе». Вот вам отношение к членам политбюро!»

Пока высшее партийное руководство изучало окончательный вари-

ант доклада, некоторые из делегатов, проведавшие, что скрывает эвфемизм «культ личности», поспешили предложить свои услуги. 24 февраля маршал А.И. Еременко посылает Хрущеву следующую записку: «Если Вы будете в своем докладе по особому вопросу касаться военных дел и если найдете нужным в той или иной степени коснуться Сталинградской битвы, то по этому вопросу докладываю настоящую справку». Суть ее заключалась в утверждениях, что решения Сталина по оперативно-организационным вопросам обороны города чуть ли не привели к падению Сталинграда и, «если бы был принят план Сталина по разгрому войск Майнштейна... то Майнштейн, безусловно, выполнил бы свою задачу и освободил бы окруженных».

В одной из папок, содержащей тексты и заготовки выступлений председателяствующих на заседаниях съезда, имеется такой документ: «Объявить в конце утреннего заседания. Сегодня в этом зале состоится заседание совета представителей делегаций. В 6 часов состоится закрытое вечернее заседание съезда. На этом заседании присутствуют делегаты с решающим и делегаты с совещательным голосом». Документ этот не датирован, но, судя по всему, относится к 24 февраля. Именно вечером этого дня состоялось закрытое заседание съезда, посвященное выборам руководящих партийных органов, стенограммой которого мы располагаем. Открывший это заседание Хрущев предоставил слово Суслову, который «по поручению совета делегаций» внес предложение по количественному составу Центрального Комитета (133 члена вместо 125 и 122 кандидата вместо 111) и Центральной ревизионной комиссии (63 члена вместо 37). Далее он сказал: «Некоторое увеличение состава членов Центрального Комитета и членов Центральной ревизионной комиссии вызывается тем, чтобы усилить представительство союзных республик, а также целого ряда новых областей, созданных у нас в Российской Федерации за последнее время». Предложение было принято единогласно. После этого Суслов зачитал списки кандидатур, выдвинутых в члены ЦК, в кандидаты в члены ЦК и в члены Центральной ревизионной комиссии.

«Вот список названных товарищей, — подводит промежуточный итог Хрущев под аплодисменты присутствующих. — Вот названные товарищи. (Бурные продолжительные аплодисменты.) Будут ли отводы товарищам, названным в состав Центрального Комитета? У кого?» Из зала раздалось: «Нет!» И опять — бурные аплодисменты. «Отводов никому никто не дает, — констатировал Хрущев. — Будут ли дополнительно названы кандидаты для голосования?» И снова голоса из зала: «Нет!» Хрущев, для проформы, спрашивает еще раз: «Никто не назовет других кандидатов?» И в который раз слышит дружное «нет», после чего объявляет (разумеется, под «бурные, продолжительные аплодисменты»): «Тогда принимаются названные, выставленные кандидаты для голосования в состав Центрального Комитета».

Затем поднятием карточек избирается счетная комиссия из 33 человек, и Хрущев объявляет перерыв на два часа (до 9 часов 30 минут) для подготовки зала к голосованию.

В тот же вечер, но уже после голосования, собралась счетная комис-

сия. Избрав своим председателем заведующего отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Е.И. Громова, она принялась считать бюллетени по выборам членов ЦК. Их было выдано 1341, все они оказались опущенными в урны и признаны действительными. Но только в 11 кандидаты оказались вычеркнутыми. По 1 голосу «против» получили секретарь ЦК А.Б. Аристов, маршал И.С. Конев, первый секретарь Челябинского обкома Н.В. Лаптев, маршал Р.Я. Малиновский, первый секретарь Московского горкома Е.А. Фурцева и первый секретарь ЦК Н.С. Хрущев, 2 голоса были поданы «против» министра обороны маршала Г.К. Жукова, и 3 «схлопотал» бывший глава правительства Г.М. Маленков.

Шпаргалка для председательствующего на следующем и тоже закрытом заседании съезда весьма краткая: « 25 февраля, утро. Председательствует тов. Булганин. Доклад т. Хрущева». Стенограмма этого заседания тоже довольно краткая и включает вступительное слово Булганина, зачитанный им проект постановления съезда «О культе личности и его последствиях», а также следующее пояснение: «Имеется в виду, что доклад тов. Хрущева Н.С. и принятое съездом постановление «О культе личности и его последствиях» не публикуется в настоящее время, но эти материалы будут разосланы партийным организациям». Стенограмма заканчивается фразой: «Это предложение принимается съездом единогласно».

Стенограмму предваряет текст самого доклада Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Судя по всему, это первый экземпляр, который и зачитывался на заседании съезда. Он без правки и пометок, если не считать трех вставок, касающихся предупреждений о готовящейся войне из Берлина и Лондона, депортации кавказских народов и дела Вознесенского и Кузнецова. Текст этот идентичен тому, что был опубликован в 1989 г. в «Известиях ЦК КПСС». Но вряд ли Хрущев уж так строго его придерживался, не отвлекаясь от него, не давал волю эмоциям. Уж очень это на него не похоже. Что же он говорил, когда его «заносило»? На этот вопрос могла бы ответить магнитофонная запись, Она наверняка велась. Но, как утверждают архивисты, у них ее нет. Можно ли им верить? Ведь и сейчас некоторые из них продолжают утверждать, что «стенограммы в архиве не было — она на съезде не велась», — что машинописный текст произнесенного 25 февраля доклада «не сохранился, потерян» и «до сих пор так и не найден», что при подготовке доклада к публикации в 1989 г. они пользовались отпечатанной типографским способом брошюрой с грифом «Не для печати», которую зачитывали после съезда на партийных комсомольских собраниях и которая представляла собой правленный Хрущевым текст, разосланный членам президиума ЦК 1 марта 1956 года. Одно другого не исключает. Вполне возможно и даже весьма вероятно, что брошюра полностью повторяла окончательный текст доклада, который лежал перед глазами Хрущева 25 февраля и на который он получил санкцию своих коллег 22 февраля. А многое из «отсебятины» ему пришлось убрать. Но не все.

Направляя 1 марта 1956 г. членам и кандидатам в члены Президиума ЦК и секретарям ЦК отредактированный доклад, Хрущев сообщал, что, «если не будет замечаний по нему, он будет разослан партийным организациям». Замечания были. В текст вклеены машинописные вставки на

отдельных листочках. Например, в разделе о методах работы НКВД с арестованными появляется фраза: «Вот какие подлые дела творились в то время! (Движение в зале.)» Появились и вставки об отношении Сталина к Жукову, об одном приватном разговоре Хрущева с Булганиным: «Вот иной раз едешь к Сталину, вызывают тебя к нему как друга. А сидишь у Сталина и не знаешь, куда тебя от него повезут — или домой, или в тюрьму...» Имеются и дополнения, внесенные аккуратным почерком чернилами или карандашом. Так, от руки вставлено «прославившее» Хрущева утверждение: «А надо сказать, что Сталин операции планировал по глобусу. (Оживление в зале.) Да, товарищи, возьмет глобус и показывает на нем линию фронта...» правда, не вся правка носила столь обличительный характер. Имелись вставки и иного плана, прямо скажем, — охранительного. Вот одна из них: «Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия (Бурные аплодисменты). Но подобная оговорка скорее всего была уступкой Хрущева его более осторожным и более осмотнительным коллегам, она ни в коей мере не отражала его тогдашних настроений: если бы это не было так, ему пришлось бы вычеркнуть значительную часть своего доклада.

Первые отклики на осуждение культа личности Сталина стали поступать еще во время работы съезда. О записках Андрианова и Еременко мы упоминали. Но они были не единственными, поступавшими в президиум съезда до закрытого заседания. Еще 19 февраля пришла телеграмма от некоего Йозефа Галы из чехословацкого города Теплице: «Я не согласен с выступлением правого Микояна, которое является оскорблением светлой памяти Сталина, живущей в сердцах всех классово-сознательных рабочих, и будет с радостью воспринято всей буржуазией». Напротив, руководители IV Интернационала (троцкисты), ссылаясь на заявления съезда о фальсификации фактов в отношении революции и партии, потребовали «практического осуществления этих заявлений путем пересмотра процессов членов ленинского Центрального Комитета, руководителей Октябрьской революции, партии и Коммунистического интернационала Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Пятакова, Рыкова и тысяч членов большевистской партии с целью реабилитации их памяти». А 23 февраля свое мнение изложил узник Владимирской тюрьмы Василий Сталин. Не соглашаясь с высказываниями Микояна, он в то же время поспешил выразить свое одобрение самой постановке вопроса о культе личности как в отчетном докладе, так и в выступлениях других руководителей: «ЦК не мог не высказаться по этому вопросу. Молчание было бы в ущерб делу. Полностью разделяю мнение, что распространение культа личности приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе, и считаю правильным, что ЦК решительно выступил против чуждого духа марксизма-ленинизма культа личности. Сказана — правда, вывод — справедлив. К такому личному мнению я пришел не сразу, а путем долгих раздумий. Трудным для меня был этот путь — путь внутренней борьбы и противоречий. Но какова бы ни была правда, хоть и горькая, — она лучше миража».

Однако та правда, что была оглашена Хрущевым на закрытом заседании съезда 25 февраля, оказалась гораздо горше и была воспринята присутствующими отнюдь не однозначно. Один из делегатов от Туркмении, член партии с 1915 г. П.А. Сазонов поспешил передать в президиум записку, написанную карандашом на клочке бумаги: «Тов. Хрущев. После вашего сообщения. Достоин ли Сталин лежать вместе с Лениным». А вот другой ветеран, Л.А. Фотиева, признавалась одиннадцать лет спустя: «XX съезд был для нас катастрофой». Работая в свое время личным секретарем у Ленина, она ходила к Сталину и пересказывала ему содержание диктовок умирающего вождя. Теперь она пыталась найти оправдание своему давнему неблагоприятному поступку: «Сталин был для нас авторитет. Мы любили Сталина. Это был большой человек».

А кто из почти полутора тысяч делегатов и гостей съезда — всей тогдашней политической элиты — мог бы поклясться, что не доносил и не требовал распять? Вот почему доклад о культе личности вызвал у них шок. По многочисленным свидетельствам очевидцев, слова Хрущева словно повисли в угнетенной тишине, настороженности и напряженности. Тогдашний работник отдела школ ЦК А.Н. Яковлев так позже описывал атмосферу того заседания: «Мы спустились с балкона и в лицо друг другу не смотрели. То ли от чувства неожиданности, то ли от стыда или шока».

Отсутствовала поначалу какая-то реакция и у руководителей зарубежных коммунистических партий, находившихся в Москве. Ни М. Торез, ни П. Тольятти, например, не проинформировали свои делегации о докладе. Первый из них скрыл это даже от своего заместителя Ж. Дюкло. Второй же, когда его попытались расспрашивать о таинственных посещениях советских товарищей, лишь изрек лаконично: «Ничего, просто глупость. Ты же знаешь, что они из него делают тайну». Несомненно, что этот человек, которого не без основания считали самым умным среди руководителей компартий Запада, сразу же уловил взрывной характер закрытого доклада Хрущева и потому предпочел не торопиться с выводами, а действовать с предельной осмотрительностью. А вот как вспоминала позже о своей реакции на этот доклад испанка Д. Ибаррури: «Советские руководители раскрыли нам глаза на горькую и грустную действительность, которую мы не знали. Она произвела на нас такое тяжелое впечатление, что лучше было бы жить в заблуждении».

«Лучше было бы жить в заблуждении!» — такого мнения придерживались многие и на последовавших вскоре областных партийных активах. Проводились они так: первый секретарь докладывал о съезде и его решениях, затем открывались прения, а в конце зачитывался доклад о культе личности. Доклад о съезде, как правило, заключался в изложении отчетного доклада ЦК и комментариев к нему, главным образом на местные темы. Выступавшие единодушно одобряли принятые на съезде решения и в то же время пытались говорить о наболевших проблемах. Слово давали далеко не всем, его просившим.

Все текло вроде бы в привычном русле, по давно, еще при Сталине, заведенному порядку. Но кое-где этот отлаженный механизм стал давать сбои. На Владимирском областном партийном активе председатель кол-

хоза «Путь Ленина» Сыромятников предложил записать в резолюцию, что ЦК опоздал с осуждением культа личности. По его мнению, следовало бы просить ЦК принять меры, которые препятствовали бы в дальнейшем возможности нового его появления. Его поправку отклонили. При этом отдельные участники собрания высказывали соображение, что «не следовало бы выносить вопрос о культе личности на такое широкое обсуждение, а принимать постепенно и осторожно меры по преодолению последствий культа личности». Своими сомнениями поделился в Сталинграде председатель колхоза им. Сталина Задаев: «Какой-то тяжелый отпечаток ложится на душу. Мне приходилось в день смерти Сталина проводить митинги в колхозах, и я видел, как колхозники со слезами на глазах переживали эту тяжелую утрату. И вот сейчас пойдем к колхозникам и будем обратное говорить. Не знаю, как у кого, но хватит ли силы до сознания колхозников довести это?»

На Орловском областном партийном активе председатель исполкома областного совета депутатов трудящихся И.Н. Филатов, поделившись своими впечатлениями от услышанного на закрытом заседании съезда, сказал: «Чудовищный произвол, попрание всех норм и морали, допущенные Сталиным, постепенно разъясняя этот вопрос среди населения, мы должны будем признать то, что Сталин не достоин лежать в Мавзолее рядом с Лениным». И под аплодисменты закончил: «Очень много грязи, очень много крови на нем, чтобы оказывать ему такой почет». О том, что такое необычное выступление, предпринятое вторым в области лицом, было неслучайным, может свидетельствовать и то, что наряду с ним трибуну предоставили и двум бывшим репрессированным, а теперь реабилитированным функционерам. Председатель Мценского райисполкома Сопов, поведав о 22-месячном пребывании в тюрьме, где «подвергался истязаниями и унижениям», выразил уверенность, что «странные времена больше не вернуться». А работник союза потребительских обществ Нужнов, пострадавший из-за того, что «выступил против расходования 54 000 рублей на портрет Сталина», предложил «поставить вопрос о возможности в дальнейшем не оставлять в учреждениях портрет Сталина».

Еще дальше пошло руководство Якутии. Первый секретарь обкома КПСС С.З. Борисов, докладывая на республиканском партийном активе о съезде, взял на себя смелость объявить: «Вместо знамени Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина теперь будет знамя ленинизма». И, указав на установленное в глубине сцены изображение красного знамени с барельефными профилями четырех классиков «научного социализма», признал: «Такое оформление ошибочно допустили некоторые работники обкома». В ближайший же перерыв барельефы были заменены портретом Ленина. Однако такая расторопность не понравилась кому-то в Москве, и отдел партийных органов ЦК КПСС по РСФСР «поправил т. Борисова».

Доклад о культе личности заслушивался в самом конце заседания партийного актива и так же, как и на съезде, обсуждению не подлежал. Но подачи в президиум записок с вопросами избежать не удалось. На заседании Ростовского областного партийного актива, например, был задан только один вопрос: «Когда будут изменения названия предприятий и кол-

хозов, носящих имя Сталина?» А вот в Мурманске таких вопросов набралось 19. Часть их касалась жизни и деятельности вождя и его соратников: «Расскажите, что известно о личной жизни Сталина после смерти Н. Аллилуевой. Почему был посажен Рокоссовский, по указанию Сталина или нет? Верно ли, что сына Сталина — Василия — разжаловали, и какова его судьба? Где сейчас Ежов? Почему заменили тов. Круглова с поста министра внутренних дел?» Кому-то непонятно было: «Почему члены Политбюро ЦК не приняли своевременно мер против пропаганды культа личности при жизни Сталина, когда Сталин еще считался с коллективным руководством? Почему ЦК партии, зная о делах Сталина, не принял решения о снятии Сталина?» Проявляли любопытство насчет того, что «было ли обсуждение доклада товарища Хрущева о культе личности на пленуме и съезде, кто выступал?» Интересовались чисто практическими вещами: «Будут ли указания школам об исправлении ошибочной трактовки роли Сталина в учебниках? Как поступать пропагандистам при изучении «Краткого курса истории партии»?» Наконец, хотели бы знать, «осуществляет ли обком КПСС руководство или контроль за работой областного управления КГБ?»

На Новгородском областном партийном активе спрашивали: «Кто же заставлял членов политбюро и устно и письменно восхвалять Сталина? Почему об ошибках Сталина не говорили при жизни и какая необходимость говорить об этом сейчас?» На Свердловском областном партийном активе просили ответить: «Какую память мы должны хранить о И.В. Сталине? Как быть с наглядной агитацией (панно, портреты, бюсты, плакаты и т.п.), посвященной Сталину?» На Марийском республиканском партийном активе задано было всего два вопроса. Один из них звучал так: «Выступил ли кто-нибудь из делегатов съезда по докладу товарища Хрущева о культе личности и кто именно?»

В середине марта 1956 г. состоялись городские и районные партийные активы. Проводились они по той же схеме, что и областные. Но отклонений от рекомендованной ЦК линии на них было уже больше. Дело в том, что некоторые из участников этих собраний уже побывали на областных активах и слушали там доклад о культе личности, а немалое число уже знало что-то о его содержании. Поэтому прения об итогах съезда велись главным образом вокруг фигуры Сталина и его деяний.

В Василеостровском районе Ленинграда старший научный сотрудник Института русской литературы Академии наук, член партии с 1920 г. И.А. Алексеев заявил: «...Испанская инквизиция меркнет перед тем, что было у нас... У нас масштабы гораздо больше. И как же мы, товарищи, можем спокойно сказать, что этот человек заслуживает снисхождения за то, что был идейным коммунистом?.. что может сравниться с чудовищной феодальной эксплуатацией, которая имела место во время господства Сталина, когда его слова расходились с делом?.. Колхозы на грани нищеты...» Алексеев сообщил собравшимся, что он отправил письмо Хрущеву с предложением «на всех партийных собраниях поставить специально вопрос о Сталине в таком аспекте, является ли он государственным преступником». Это же предложение «посмертно судить Сталина судом партии» он внес в проект резолюции собрания. Против выступили другие коммунисты, рас-

ценившие его предложение как «политически вредное и уводящее партию от решения очередных задач». И тем не менее при голосовании 4 человека из 750 подняли руку в поддержку его поправки.

В Волжском районе Саратова начальник городского управления культуры Кучапин, рассказав, как в 1949 г. в Баландинском районе арестовали 6 председателей колхозов и 2 из них осудили за «предательство» и что недавно они были реабилитированы, а те, кто сфабриковал это дело, работают до сих пор там же, спросил: «Как же так? Почему с них не спросят, как это по их вине советские люди просидели в тюрьме 6 лет ни за что?» В цитируемом документе не нашла отражения реакция зала на это выступление. Но весьма характерными явились, с одной стороны, попытки главного механика треста «Саратовстрой» Скуратова во время перерыва снять портрет Сталина в одном из фойе здания, где собрался актив, а с другой — вопрос, заданный вслух одним из присутствовавших: «Для чего потребовалось поднимать это прошлое дело? Ведь ЦК партии и правительство могли поправить все в своей работе и не возмущать народ».

А вот в Докузнаринском районе Дагестана председатель колхоза им. Ленина Агабалаев, ранее работавший начальником районного отдела МГБ, посчитал неправильным обвинять Сталина в деспотизме, капризах и дикости, в том, что допускал истязания и растерялся в начале войны. Позорить его «будет совершенно неправильно и недопустимо». Однако волю своему недовольству в записках, чаще всего анонимных: «Правильно ли полностью отрицать прогрессивную роль Сталина в ходе гражданской и Отечественной войн? Можно ли понимать, что Сталин был и остается вождем международного пролетариата? И следует ли пользоваться его трудами? Из Вашего сообщения можно понять — Сталин враг народа, он не враг народа!» — писали в Сталинском районе города Молотова.

Задавались и несколько иного рода вопросы: «Почему никто из членов Президиума ЦК КПСС не поставил вопрос об ошибках т. Сталина на XIX съезде партии? Как могло все это получиться? Кто и что способствовало этому? Может, надо глубже объявить причины, а не только говорить о следствии?» — интересовались в том же районе. «Зачем ЦК поднял вопрос о культе личности? Какая цель постановки вопроса именно в такой плоскости? Чем объяснить такое широкое распространение доклада Хрущева о культе личности? Чем объяснить, что Хрущев уцелел?... Как вел себя Маленков, который был близок к Берию, вместе с ним (а тем более со Сталиным) работал?» — хотели бы знать в Сормовском районе города Горького.

Еще сильнее прозвучали все эти оттенки мнений в низовых партийных и комсомольских организациях.

Академик А.М. Панкратова 20 — 23 марта 1956 г. читала в Ленинграде лекции и доклады на тему «XX съезд партии и задачи исторической науки». Заодно ей, как члену ЦК КПСС, пришлось разъяснять на 9 собраниях, где она выступала, и вопрос о культе личности. «Все доклады и лекции проходили в переполненных аудиториях: присутствовало около 6000 представителей интеллигенции — ученых, учителей, студентов, пропагандистов, писателей и т.п., — докладывала она в Президиум ЦК КПСС. — Было подано свыше 800 записок... В записках и устных беседах (прений не было) выступ-

ление товарища Хрущева на съезде против культа личности одобрялось. Только в единичных записках высказывалось мнение, что доклад Н.С. Хрущева не следовало так широко распространять. Многие при этом спрашивали, обсуждался ли этот доклад на пленуме ЦК или на съезде партии».

Полученные записки она потом передала Хрущеву, сгруппировав их по темам и тональности. Очень велико оказалось число записок, в которых ставился вопрос об объективных условиях возникновения культа личности. «Были ли в русской жизни социально-экономические и социально-психологические предпосылки фантастического расцвета культа личности? Неужели все дело в том, что не разглядели как следует Сталина?.. В чем материальная основа культа личности? Может быть, в монопольном положении промышленности и сельского хозяйства, не испытывающих никакой конкуренции и поэтому не имеющих внешних стимулов для совершенствования?.. Почему не дается объяснения его поведению, как отражению интересов определенного социального слоя, выросшего, скажем, на почве советского бюрократизма, искадившего советскую демократию? И если говорить о принципиальном повороте (от практики культа личности к внутрипартийной и советской демократии. — Ю.А.), то в каких реальных мерах, направленных против всеислия этой бюрократии, он выражается?.. Чем было наше государство в продолжение почти 30 лет: демократической республикой или тоталитарным государством с неограниченным единовластием?.. Что у нас было с 1934 по 1956 гг.: диктатура класса, партии, ЦК или военная диктатура отдельной личности? Если последнее, то почему молчала партия и какова же была ее роль в этой диктатуре?.. Не способствует ли культу личности однопартийность и почти полное слияние органов власти и партийных органов?» Примечательно, что задавшие подобного рода вопросы не подписывали свои записки. «Нездоровые (определение Панкратовой) настроения прозвучали и в записках, авторы которых ставили под сомнение необходимость ликвидации кулачества во время коллективизации: «Как Вы считаете... такие меры, как поголовное выселение кулаков, конфискация имущества и др. репрессивные меры были правильны? Не является ли это проявлением деспотизма?»

Тревожные сообщения отправляли в ЦК и другие партийные функции.

В том же Ленинграде на собрании писателей-коммунистов 21 марта 1956 г. поэтесса Ольга Берггольц, очевидно, ввиду упомянутой в закрытом докладе угрозы Сталина уничтожить Тито движением мизинца, заявила, что в постановлениях ЦК 40-х годов по литературе и искусству «наряду с правильными положениями имеются и неверные установки, в которых чувствуется «шевеление мизинцем». Посчитав неправильным, что партбюро не пригласило на читку доклада таких пострадавших писателей, как Зощенко, она сказала: «Мы привыкли, чтобы за нас думали, поэтому мало доверяли самим себе и не писали правду о жизни». Ответственный секретарь Ленинградского отделения Союза писателей А.А. Прокофьев в заключительном слове не преминул охарактеризовать это выступление как выражение «ревизионистских тенденций».

Кое-где партийное начальство так растерялось, что не сумело предотв-

ратить жаркие дискуссии. В Литературном институте им. Горького студент-заочник 3-го курса, бывший краснофлотец С. Никитин, который открыто заявил об этом: «Доклад Суркова никуда не годится: одни общие фразы. В течение долгого времени нам давали вместо сахара и масла суррогат и покрикивали: «Да здравствует мудрый вождь товарищ Сталин!». Брали, что бросали со сталинского стола. Из нас делали рабов». Некоторые из присутствующих, может быть, искренне, а может быть, и испугавшись такой смелости, сочли необходимым проявить свое негодование. В зале подняли шум и раздалась реплика: «Хватит! Стидно!» Однако Никитин продолжал свою речь: «То, что мне не дают высказаться здесь, говорит о выверте наизнанку старого способа в нынешних условиях. Один партизан говорил мне: «Обманивают русский народ, 250 граммов хлеба дают на трудодень». Я забросал его патристическими фразами. В подобных случаях так все поступали. Одна свобода восхваляется, другой не допускается... У нас развелось столько охранников, что деваться некуда», — закончил он под возгласы: «Анархист! Ни стыда, ни совести!»

Если судить по сводным материалам, поступившим в ЦК, такие случаи были неединичными. И реагировали партийные верхи на подобные «отклонения» по-старому. 3 апреля 1956 г. принимается специальное постановление ЦК о ходе обсуждения итогов съезда. Оно было закрытым. Но «Правда» уже 5 апреля осудила отклонения, заключающиеся в том, что «отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии». Остановить же сдвинувшуюся с вершины ледника лавину оказалось не так легко.

В Чкаловской областной партийной школе постановили просить ЦК перенести тело Сталина из Мавзолея и дать указание снять его портреты. На Ленинградском металлургическом заводе решили ходатайствовать еще и о том, чтобы с их предприятия сняли имя Сталина. Сообщая об этом в секретариат ЦК, заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.М. Чураев обращал вместе с тем внимание, что «на собраниях отдельных партийных организаций имеют место демагогические и даже враждебные выступления, которые не всегда получают решительный отпор и политическую оценку».

Так, в Институте мировой литературы им. Горького Академии наук литературовед Б.А. Бялик, говоря о причинах возникновения культа личности, заявил: «Были люди, которые вели к гибели тысячи людей, и были люди, которые видели это... Если все эти люди останутся на своих местах, если им будет доверено проведение решений XX съезда КПСС, то это будет самообман с нашей стороны». Такого же рода «демагогические» высказывания допустили Н.К. Гей и Кузнецов. «Однако, — отмечал высокий партийный чиновник, — ни один из коммунистов партийной организации ничего не сказал об этих выступлениях. И лишь докладчик, главный редактор журнала «Коммунист» т. Румянцев в заключительном слове подверг критике непартийные и ревизионистские суждения, имевшие место на собрании. Но, что характерно, его правильные замечания встречались отдельными коммунистами протестующими выкриками. Собрание не дало партийной оценки выступлениям Бялика, Гей и Кузнецова».

В Институте востоковедения Академии наук научный сотрудник Мордвинов заявил, что ответственность за расстрелы должны нести все члены политбюро, в том числе и Хрущев, который «проявил трусость». Он потребовал открыть в партии дискуссию по докладу о культе личности, после чего созвать внеочередной съезд. Его поддержал аспирант Шаститко, критиковавший Хрущева за то, что он часто перебивает ораторов репликами и сбивает их, принижает на встречах с иностранцами роль главы правительства Булганина. Советы депутатов трудящихся он назвал фарсом: «Советы никакой роли не играют. Верховный Совет ничем существенным не занимается, там нет никаких вопросов». Разумеется, такого рода антипартийные и антисоветские высказывания не могли остаться без внимания, и последующие ораторы их осудили. Но когда секретарь партбюро Иванова попыталась зафиксировать это осуждение в проекте решения собрания, предложение ее было отклонено. Не поддержал ее и присутствовавший тут первый секретарь Куйбышевского райкома КПСС В.И. Огурцов. На заседании партбюро 13 апреля за исключение Мордвинова из партии проголосовало всего 2 человека из 9, а за исключение Шаститко — только Иванова. Это было воспринято как открытое неповиновение, и 16 апреля 1956 г. заведующие двух отделов ЦК — партийных органов по РСФСР и административных органов — рекомендовали своему руководству поручить Московскому горкому провести еще одно партийное собрание в институте, «развенчать антипартийные вылазки Мордвинова и Шаститко, решить вопрос об их партийности и укрепить партбюро».

Отмечались и факты, «когда отдельные партийные организации проявляют политическую беспечность, которую используют враждебные элементы». И приводился такой пример. 25-летний комсомолец Б. Генералов, имеющий незаконченное высшее образование и работающий мотористом на электростанции Верховского лесозаготовительного пункта в Плесеком районе Архангельской области, «встал на путь антисоветских действий». Изготовив на пишущей машинке три листовки с призывом упразднить КПСС и предать суду ее ЦК, он распространил их среди рабочих, ведя при этом устную пропаганду. Когда органы госбезопасности его арестовали, у него обнаружили не только пишущую машинку и еще три листовки, но и следующее письмо: «Никита Сергеевич! Мы, рабочие Верховского лесопункта, благодарны Вам за то, что Вы нашли в себе смелость сказать всему народу правду и сообщить факты, которые дают основание доверять Вам и правительству. Мы... считаем, что в создавшейся обстановке нам нужно поступить, как учил Ленин: вся власть Советам, т.е. местным советам депутатов трудящихся... Если Ваше заявление и доброжелательство к Ленину не лицемерны, то Вы пришлете нам свои правительственные гарантии, что наших делегатов и агитаторов не тронут работники милиции и госбезопасности. В противном случае могут возникнуть инциденты и, может быть, ненужные кровопролития, за что ответственность будете нести Вы». Это письмо Генералов собирался отправить после того, как получил бы поддержку на рабочих собраниях.

Дело, как видим, дошло до листовок и чуть ли не сбора подписей под антиправительственными обращениями с призывами к борьбе за возвращение к истокам советской демократии. Но стали появляться и лис-

товки с призывами оставаться верными памяти генералиссимуса. 11 апреля в Вологде, в главном универмаге обнаружена написанная от руки записка: «Болтовня. Сталин — с нами. ВЛКСМ».

Итак, палитра откликов на разоблачение сталинских преступлений оказалась насыщенной самыми различными оттенками. Причем как в самом верху партии, так и в низу, в народной массе. Какое же настроение преобладало тогда? Считалось и до сих пор считается, что в целом и в партийных кругах, и в народе доклад Хрущева о культе личности был встречен с пониманием и одобрением. Однако с подобными утверждениями согласиться трудно.

Атмосфера страха хоть несколько и разрядилась за последние три года, но не настолько, чтобы люди забыли о 1937 году, о «Ежовщине». Писатель Вениамин Каверин с сожалением констатировал: «Уже можно ходить на двух ногах, а многие еще ползают на четвереньках». Осужденный в 1948 г. за организацию Московской группы «Демократической партии» и освобожденный сразу же после XX съезда КПСС, А.И. Тарасов проездом на Кавказ остановился у родителей в столице. «В Москве, — вспоминал он позже, — меня больше всего поразили грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывая даже восторг по поводу смертельной давки в толпе. «И сотни душ растоптанных сограждан траурный составили венок», — умилился какой-то поэт. С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас божий, и понятой стало, что каждый народ достоин своего правительства».

О том, насколько трудно происходил этот сдвиг в общественном сознании, свидетельствуют и результаты опросов, проведенных студентами исторического факультета Московского педагогического университета. В 1994 — 1997 гг. они опросили 568 очевидцев событий сорокалетней давности. 220 из них (38,7 %) или ничего не слышали тогда о разоблачении культа личности Сталина, или заявили о своем неопределенном, двойственном и даже безразличном отношении к этому в то время. Из той же части, что как-то определилась, о своем одобрении заявили 163 человека, т.е. 28,7 %, а о неверии и неодобрении — 185 человек, т.е. 32,6 %. Схожие результаты дал и последний опрос, проведенный уже в 1998 году. Из 572 проанкетированных 184 человека (32 %) можно отнести к первой группе, 180 человек (31 %) — ко второй и 208 человек (36 %) — к третьей.

Конечно, с точки зрения социологической науки, результаты этих опросов трудно считать по-настоящему репрезентативными. И тем не менее в порядке первого приближения к истине, на уровне рабочей гипотезы, их можно взять на вооружение и если не сделать вывод, то хотя бы поставить вопрос: а готово ли было советское общество к десталинизации? Не к отказу от массовых чисток и репрессий, от кровавого террора, а от тоталитарного и имперского мышления, идолом которого стал образ «мудрого отца, учителя и друга», «великого вождя всех времен и народов».

Если ответ на этот вопрос положительный, то становится понятнее, почему Хрущев, так много сделавший, чтобы его доклад о культе личности был оглашен на XX съезде КПСС, а затем стал известен всей партии (а это свыше 7 миллионов человек) и комсомолу (т.е. еще не менее 18 миллионов), почему он вдруг остановился и даже стал предпринимать попятные шаги. Значительную, если не решающую роль тут сыграли не оппози-

ция его соратников, мнением которых он чем дальше, тем больше пренебрегал, не советы китайских товарищей и не опасение даже, как бы события в СССР не стали развиваться по венгерскому образцу, а «сопротивление материала» совсем иного рода.

Общество, во всяком случае довольно значительная его часть, настолько успело одурманиться сильными и регулярными дозами идеологического культового зелья, что отказ от них, а тем более попытка прописать ему противоядие, вызывали своеобразную «ломку». Врачи в таком случае поступают по-разному: либо решительно и бесповоротно продолжают «шоковую терапию», рискуя, что больной сорвется и все может кончиться летальным исходом, либо ограничиваются гомеопатическими дозами лечения, пилюлями и припарками, не имея, однако, никакой гарантии от возможного рецидива застарелого недуга. Хрущев шел то одним, то другим путем, но никогда не был достаточно последовательным. А в 1964 г. он проиграл не только потому, что заговорщики оказались хитрее и изворотливее, но и по той причине, что «глас народа» оказался не на его стороне.

№ 16

ВЫСТУПЛЕНИЕ Н. С. ХРУЩЕВА ПЕРЕД СТУДЕНТАМИ КОРОЛЕВСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО КОЛЛЕДЖА В ГРИНВИЧЕ*

Господа!

Мы рады приглашению прибыть к вам на обед и встретиться с вами.

Я хотел бы добавить кое-что к тому, что сказал Н. А. Булганин, остановившись на некоторых современных проблемах. Я намерен сказать прежде всего о целях нашего визита. Нам очень приятно быть среди вас, потому что у нас с вами нет спорных вопросов, нам не приходится сводить с вами никаких счетов. Мы вам ничего не должны, и вы нам ничего не должны. Это лучшая основа для того, чтобы разговаривать как равный с равным. Но после второй мировой войны, которую мы победоносно завершили в сотрудничестве с вами, отношения между Советским Союзом и Великобританией, к сожалению, ухудшились. Мы сожалеем, что в этот период нарушились дружеские связи, установившиеся между нашими странами в годы борьбы против общего врага. Цель нашего визита к вам заключается именно в том, чтобы устранить неприязненные отношения и постараться создать между нашими странами обстановку доверия, что со временем перерастет в дружбу.

Прошу извинить меня, если кому покажется не совсем уместным такое сравнение: мне думается, что мы не извлечем никакой пользы из того, если будем стоять друг против друга как драчливые петухи, вы — объеди-

* С 18 по 27 апреля 1956 года в Великобритании находилась с официальным визитом делегация СССР в составе Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева. Это был первый случай, когда руководители Советского Союза посетили Англию. 20 апреля Н.А. Булганин и Н.С. Хрущев были гостями Королевского колледжа.

ненные Северо-Атлантическим договором, а мы — Варшавским Договором. Сейчас и вы и мы находимся именно в таком положении. Если мы будем и дальше так стоять один против другого, то вряд ли это поможет разрядить обстановку. Это ведет лишь ко все большей гонке вооружений, к расходованию средств на вооружение, которые могли бы быть использованы в интересах дальнейшего развития стран, в интересах повышения благосостояния народа. Надо добиться установления доверия между нами и ослабления напряженности. Этого хотят народы наших стран.

Мы находимся сегодня среди людей, которые хорошо знают, что такое война, потому что многие из вас сами прошли через суровые военные испытания. Советские народы также на собственном опыте познали тяжесть войны.

Как же нам быть дальше? Какой может быть выход? Стоит ли вам и нам подбадривать себя рассуждениями о том, кто имеет больше бомб, у кого больше истребителей, чьи самолеты выше и дальше летают, чей морской флот сильнее? Не знаю, как обстоят дела в вашей стране, но я хорошо знаю дела нашего государства. Мы сейчас гоняемся за новой техникой, как лисица за своим хвостом. То, что сегодня считается первоклассным, через год уже устарело. Вот, например, крейсер «Орджоникидзе», на котором мы прибыли в Англию. Это — красивый и хороший корабль, с хорошим вооружением, словом, корабль находится на современном уровне кораблестроения, который достигнут нашей и вашей странами. Но техника не стоит на месте. Я не хочу задеть чувства наших моряков, которые любят свой корабль, но при нынешнем уровне развития техники даже такой современный корабль скорее годится для того, чтобы возить гостей в дружественную страну, чем для боевых действий в условиях развития современной военной техники. Или другой пример: в Портсмуте нас встречали салютами из артиллерийских орудий, а наши моряки отвечали такими же салютами. Но кто сейчас думает вести морскую дуэль и с помощью подобных орудий вести войну? Ведь теперь существуют такие средства, как управляемые снаряды и ракеты.

Недавно я прочел в печати, что американцы объявили о создании истребителя, развивающего скорость, вдвое превышающую скорость звука. Но что стоит такой истребитель сегодня, если учесть, что мы вступили в век ракетной техники, когда стало возможным поражать объект намного раньше, чем долетает звук. Вот какие трудности вызывают открытия ученых.

Было время, когда военные действия происходили вдоль определенной линии фронта. Но теперь, в случае новой войны, будет ли существовать определенная линия фронта? В теории, может быть, и будет, а на деле вероятнее всего, что нет.

Я не хочу, чтобы вы выдавали нам ваши военные секреты, но мне думается, что перед вами, в ваших вооруженных силах, стоят такие же трудности, какие стоят перед нами.

Какой же вывод нужно из всего этого сделать?

Разумные люди, способные держать под контролем свои мысли и действия, могут сделать только один вывод: отказаться от войны, пойти на взаимное сокращение вооружений, рассматривая это как первый этап, сократить, а потом и упразднить вооруженные силы. Этого, конечно, не сделать сразу, но это должно быть нашей общей конечной целью. В противном слу-

чае будет продолжаться гонка вооружений, грозящая рано или поздно привести к конфликту. Говорить о вероятных последствиях нового конфликта нет необходимости — они ясны всякому здравомыслящему человеку.

У нас с вами нет таких спорных вопросов, которые создавали бы пропасть между нашими странами: наши пути не скрещиваются с вашими. Мы искренне желаем процветания вашему народу. В то же время мы делаем все, что в наших силах, чтобы обеспечить процветание нашему народу, развитие нашей промышленности, сельского хозяйства, культуры.

Есть один вопрос, по которому мы расходимся — это вопрос об общественном и государственном строе наших стран. Я не буду спрашивать вас, как вы относитесь к социализму. Но договоримся, что вы со своей стороны не будете спрашивать нас, нравится ли нам капиталистический строй. Давайте признаем простой факт, что на свете существуют страны социалистические и страны капиталистические.

Мы хотим идти и развиваться своим путем. Вы хотите идти по вашему пути. Можем ли мы сосуществовать при наличии различных политических систем в наших странах? Мы на это отвечаем со всей определенностью: мы можем сосуществовать, мы должны сосуществовать. Мы не собираемся столкнуть вас с планеты, на которой живем и мы и вы. И вы не можете нас столкнуть с нее. Кое-кто пытался сделать это, но столкнул сам себя в могилу. Думаю, что подобная участь постигнет всякого, кто захочет предпринять вновь такую попытку. Я считаю, что совместными мерами мы можем предотвратить появление новых безумцев, подобных Гитлеру.

Я присоединяюсь к тосту, предложенному Н. А. Булганиным, и выражаю надежду, что кровь, пролитая сынами английского и советского народов в совместной борьбе, не будет забыта, и что каждый из нас сделает все возможное, чтобы предотвратить возникновение нового военного конфликта не только между нашими странами, но и во всем мире.

За дружбу и мирное сосуществование — единственно разумный путь, который открыт в наше время для человечества!

Выступление Н. С. Хрущева неоднократно прерывалось аплодисментами.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА СТАЛИНА*

№ 17

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО СТАЛИНА ВАСИЛИЯ ИОСИФОВИЧА

от 9 — 11 мая 1953 года

Сталин В.И., 1921 года рождения, уроженец гор. Москвы, грузин, член КПСС, быв. Командующий ВВС Московского военного округа.

* Публикуемые документы впервые увидели свет со страниц книги «Иосиф Сталин в объятиях семьи». Библиотека журнала «Источник».

Вопрос: На предыдущих допросах вы признали, что в бытность вначале заместителем, а затем командующим ВВС Московского военного округа допускали незаконное расходование государственных средств.

Правильны ли эти ваши показания?

Ответ: Да, правильны. Действительно с 1947 по 1952 г. включительно я, занимая вначале пост заместителя, а затем командующего ВВС Московского военного округа, допускал разбазаривание государственного имущества и незаконное расходование денежных средств, чем нанес большой материальный ущерб советскому государству.

Я не отрицаю и того, что ряд моих незаконных распоряжений и действий можно квалифицировать как преступления.

Вопрос: В распоряжении следствия имеются данные о том, что вы, злоупотребляя своим служебным положением, кроме того, присваивали казенное имущество и денежные средства.

Вы это признаете?

Ответ: Расхищения государственных средств и казенного имущества в целях личного обогащения я не совершал и виновным в этом себя признать не могу.

Я намерен правдиво показать обо всем, в чем я виноват. Будучи в 1948 г. назначен на должность командующего ВВС МВО, я в первую очередь занялся переоборудованием переданного ВВС под помещение штаба округа здания Центрального аэропорта, на что было израсходовано несколько миллионов рублей, но сколько именно, точно не помню. Значительная часть этих средств по моему распоряжению была растрачена на излишне роскошную внутреннюю и внешнюю отделку здания и на приобретение дорогостоящей обстановки, которая была специально заказана в Германии.

В ноябре 1951 г. я задумал и начал осуществлять строительство пятидесятиметрового водного бассейна на территории Центрального аэродрома. На это строительство было затрачено до четырех миллионов рублей.

Вопрос: Какой необходимостью вызывалось сооружение этого водного бассейна?

Ответ: Необходимости строить водный бассейн для военнослужащих ВВС МВО, безусловно, не было, причем сметных ассигнований на это строительство также не было и оно было начато без разрешения Военного министерства. Так как вскоре выяснилось, что для окончания сооружения бассейна необходимо затратить еще четыре с половиной миллиона рублей, а такими средствами ВВС МВО не располагало и для меня было ясно, что Военное министерство требовавшихся на это денег нам не даст, строительство бассейна было «законсервировано», а вложенные в него крупные средства омертвлены.

Однако я считаю необходимым пояснить, что, приступая к строительству бассейна для плавания, я исходил из того, что в Москве нет ни одного пятидесятиметрового водного бассейна для проведения Олимпийских соревнований.

Вопрос: Явно неубедительное объяснение. Какое отношение имели ВВС Московского военного округа к спортивным сооружениям?

Ответ: Бесспорно, что я занимался не своим делом и никто, конечно, мне не поручал строить водный бассейн. Одной из побудительных причин

к этому явилась мастер спорта по плаванию моя сожительница ВАСИЛЬЕВА Капитолина. ВАСИЛЬЕВА меня подбила на сооружение водного бассейна и, желая угодить ей, а также рассчитывая популяризировать себя сооружением бассейна, я поставил перед собой задачу осуществить эту затею. Бассейн строился на территории одного из ангаров Центрального аэродрома без утвержденного технического проекта и смет. И только после начала строительства в конце 1951 г. я решил добиться в Военном министерстве получения ассигнований на сооружение бассейна. В ноябре 1951 г., обратившись за получением денег на строительство бассейна к Военному министру Советского Союза ВАСИЛЕВСКОМУ, я ввел его в заблуждение, сказав, что мне поручено отцом организовать спортивную работу в ВВС. ВАСИЛЕВСКИЙ отпустил на это строительство вначале 700.000 рублей, а затем в конце января 1952 года по моему настоянию он же дополнительно утвердил расходы еще на 1 миллион 500 тысяч рублей. Как я уже показал выше, это строительство так и не было закончено, и в августе 1952 года, т.е. к тому времени, когда я был освобожден от занимаемой должности, работы по постройке водного бассейна находились только в начальной стадии.

Помимо сооружения водного бассейна, я занимался и другими строительными делами.

Вопрос: А именно?

Ответ: В 1950 г. на территории парка культуры и отдыха Ленинградского района г. Москвы по моему распоряжению было начато строительство так называемого «спортивного центра» Дома офицеров ВВС МВО. Получив согласие Военного министра ВАСИЛЕВСКОГО на это строительство, я добился через быв. секретаря МК ВКП(б) и председателя Московского городского совета ПОПОВА Г.М. передачи под строительную площадку территории парка культуры и отдыха Ленинградского района, в связи с чем этот парк был закрыт для пользования трудящимися.

Генерал-полковник БЕЛОКОСОВ также поддержал мою инициативу о постройке «спортивного центра», предложив использовать под каркас здания демонтированный в Германии ангар. Металлические конструкции ангара были доставлены из Германии в Москву. На это ушло много времени и средств. Когда, наконец, каркас ангара был доставлен в Москву, то и здесь при его разгрузке, доставке на строительную площадку и установке мы имели много хлопот, так как ни у нас в ВВС, ни в Военном министерстве не было таких мощных подъемных кранов, которые могли бы поднять отдельные металлические части конструкций этого ангара.

В 1952 г. и это сооружение было «законсервировано», так как у нас не хватало средств на дальнейшее строительство. Насколько я помню, на это строительство было израсходовано более 5 млн. рублей.

В этом деле я повинен еще и в том, что отняв у трудящихся Ленинградского района гор. Москвы их излюбленное место отдыха — парк культуры и отдыха, разрушив кинотеатр, уничтожив зеленые насаждения и не выстроив «спортивного центра», я фактически уподобился «собаке на сене».

Полтора миллиона рублей с санкции Военного министра ВАСИЛЕВСКОГО я израсходовал на строительство двухэтажного здания контрольно-про-

пускного пункта в Куркино, чтобы наблюдать пролеты самолетов, принимающих участие в воздушных парадах в Москве, в то время как в этом не было никакой практической необходимости.

Вопрос: Следствию известно, что вы незаконно расходовали государственные средства не только на эти «строительства».

Покажите об этом.

Ответ: Я уже показал, что, используя свое служебное положение, игнорируя советские законы и обманывая руководство Военного министерства, я разбазарил крупные суммы государственных средств на мероприятия, не вызывавшиеся никакой необходимостью для боевой подготовки вверенных мне воинских подразделений.

Кроме того, своим недостойным поведением, выражавшимся в систематическом пьянстве, сожительстве с подчиненными мне по службе женщинами, различного рода скандальных происшествиях, получавших широкую огласку, я фактически дискредитировал себя как командующий округом. От решения насущных вопросов, связанных с повышением качества боевой и политической подготовки подчиненных мне воинских подразделений, отвлекало меня также и то, что большую часть своего времени я уделял спортивной деятельности. В этой связи я должен остановиться на созданных по моему указанию при ВВС МВО спортивных командах, которые содержались за счет средств, ассигнованных на боевую и физическую подготовку войск ВВС МВО.

В период с 1947 по 1949 год в ВВС МВО были сформированы команды мастеров почти по всем видам спорта: конноспортивная, хоккейная, мотоциклетная, конькобежно-велосипедная, баскетбольная, гимнастики, плавания и водного поло. Кроме того, я добился передачи из ВВС Советской Армии футбольной команды. Во всех этих спортивных командах числилось более 300 человек, содержание которых обходилось в сумме свыше 5 млн. рублей в год.

В связи с организацией конно-спортивной и мотоциклетной команд я приказал за счет средств ВВС МВО перестроить три ангара на Центральном аэродроме. Один из них был переоборудован под манеж, в другом устроена конюшня, а третий ангар был перестроен под мотовелобазу. На это незаконно израсходована значительная сумма, но сколько именно, я не помню.

Вопрос: Созданные вами спортивные команды состояли из военнослужащих ВВС МВО?

Ответ: Нет. Военнослужащих ВВС округа в этих командах не было. Они комплектовались спортсменами-профессионалами и мастерами спорта, которые по моему указанию различными незаконными способами переманивались из других спортивных коллективов.

Так, по моему указанию в 1951 г. в гор. Таллин была командирована тренер по плаванию МАКАРОВА с целью уговорить перейти в команду пловцов ВВС МВО эстонских пловцов ПРАНГЕЛЬ и МЯГИ.

Я поручил МАКАРОВОЙ обещать ПРАНГЕЛЬ и МЯГИ большую заработную плату и обеспечение в Москве жилищной площадью. МАКАРОВА сумела выполнить мое задание и перетянула в Москву ПРАНГЕЛЬ и МЯГИ. В 1952 г. ПРАНГЕЛЬ и МЯГИ выступили в соревнованиях за коллектив ВВС

МВО, а я создал для них обещанные условия. Так мне удалось усилить команду пловцов.

Таким же способом, безусловно, развращавшим спортсменов, я перетянул из добровольного спортивного общества «Спартак» в коллектив ВВС МВО мастеров спорта НОВИКОВА, ЗИКМУНДА и ТАРАСОВА, которым предоставил квартиры и присвоил офицерские звания.

Путем предоставления квартиры удалось также переманить в ВВС МВО и заслуженного мастера спорта велосипедиста ТАРАЧКОВА, ранее являвшегося членом спортивного общества «Динамо».

Особенно активное участие я принимал в устройстве на работу в ВВС МВО СТАРОСТИНА Н.П. Стремясь перетянуть к себе СТАРОСТИНА, я не только незаконно стал выплачивать ему и его жене зарплату за счет спорткоманд ВВС МВО, но и в обход советских законов предпринимал меры к прописке СТАРОСТИНА на жительство в Москве, хотя я и знал о том, что СТАРОСТИН, как судимый за антисоветские преступления, не имел права проживать в Москве.

Когда органы милиции отказали, несмотря на мое вмешательство, в прописке СТАРОСТИНА, я предложил моему адъютанту ПОЛЯНСКОМУ вывезти его из Москвы — в охотничье хозяйство ВВС МВО.

Однако через некоторое время СТАРОСТИН милицейскими работниками был обнаружен в Москве на квартире своей жены и ему было предложено немедленно покинуть Москву.

Узнав, что СТАРОСТИН выехал из Москвы, я предложил бывшему начальнику отдела контрразведки ВВС МВО ГОЛОВАНОВУ и своему адъютанту ПОЛЯНСКОМУ немедленно на самолете догнать поезд, в котором следовал СТАРОСТИН, и доставить его ко мне на квартиру, что было ими и выполнено.

Вопрос: Какое же в таком случае отношение имели эти спортивные команды к повышению боевой и физической подготовки личного состава ВВС МВО?

Ответ: Никакого. Дело в том, что я, будучи тщеславным, пытался популяризировать свое имя и для достижения этой цели решил заняться «спортивной деятельностью». Этому «делу» я уделял основное внимание, не считаясь с затратами государственных средств. Для того чтобы перетящить в спортивные команды ВВС МВО лучших спортсменов из других спортивных обществ, по моему указанию им создавались особые материальные условия.

По моим распоряжениям члены спортивных команд ВВС МВО зачислялись в кадры ВВС, им присваивались офицерские звания и выплачивалась зарплата по повышенным ставкам. Спортсменам, кроме того, выдавались премии, обмундирование, предназначенное для личного состава ВВС МВО, предоставлялись внеочередном порядке квартиры и санаторное лечение. Ясно, что мои действия ослабляли другие столичные спортивные коллективы, так как из них переманивались в команды ВВС МВО лучшие спортсмены, которые к тому же развращались созданными им особыми материальными условиями. Все это, конечно, не могло не вызывать недовольства летного офицерского и летно-технического состава, так как указанные выше льготы и преимущества спортсменам предоставлялись за их счет...

Протокол записан
с моих слов верно, мною прочитан.

В.СТАЛИН

Допросили:

Начальник Следчасти
по Особо Важным ДелаМ МВД СССР
генерал-лейтенант

ВЛОДЗИМИРСКИЙ

Зам. начальника Следчасти
по особо Важным ДелаМ МВД СССР
полковник

КОЗЛОВ

Верно:

Подпись

АПРФ.Ф.45 Оп. 1. Д. 1557. Л. 83 — 98.
Заверенная копия.

№ 18

А.Н.ШЕЛЕПИН, Р.А.РУДЕНКО в ЦК КПСС

5 января 1960 г.

ЦК КПСС

Совершенно секретно

2 сентября 1955 года Военной коллегией Верховного Суда СССР осужден к 8 годам лишения свободы Сталин Василий Иосифович за злоупотребление служебным положением и антисоветскую агитацию (ст.ст. 193 — 17 «б» и 58 — 10 ч. 1 УК РСФСР).

Сталин В.И. признан виновным в том, что, будучи командующим ВВС Московского военного округа с января 1948 по август 1952 года, преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, систематически пьянствовал, злоупотреблял своим служебным положением, разбазаривал государственные средства и материальные ценности.

Кроме того, Военная коллегия в приговоре указала, что он проявлял недовольство проводимыми партией и правительством мероприятиями о реорганизации государственного аппарата, изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» и высказывал намерения сделать иностранным корреспондентам заявление, направленное на дискредитацию руководителей партии и правительства.

Сталин В.И. содержится в заключении 6 лет 8 месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги).

Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

применить к Сталину В.И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г. Москве трехкомнатную квартиру;

поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возвратить изъятое при аресте лично принадлежавшее ему имущество;

выдать Сталину В.И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия.

Проекты постановлений ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и распоряжения Совета Министров СССР прилагаются.*

Председатель Комитета госбезопасности

А.ШЕЛЕПИН

Генеральный Прокурор Союза ССР

Р.РУДЕНКО

5 января 1960 года

№ 23 — Ш

Там же. Л. 19 — 20. Ксерокопия.

№ 19

Р.А.РУДЕНКО и А.Н.ШЕЛЕПИН в ЦК КПСС

7 апреля 1961 г.

ЦК КПСС

Совершенно секретно

28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием срока наказания Сталин В.И.

За период пребывания в местах заключения В.И.Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в гг. Казань или Куйбышев, Сталин В.И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет.

На предложение о смене фамилии он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т.д.), то он «молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол». В неоднократных беседах с ним, он постоянно под-

* Постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 января 1960 г. предложения А.Шелепина и Р.Руденко были приняты.

черкивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н.С.Хрущева и других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При этом он высказал мысль о том, что возможно снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что Сталин В.И., выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно.

В связи с этим считаем целесообразным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, в порядке исключения из действующего законодательства, направить В.И.Сталина после отбывания наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности. В гор. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру.

По заключению врачей состояние здоровья В.И.Сталина плохое и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в Армии более 25 лет в льготном исчислении В.И.Сталину была назначена пенсия в размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако, учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов гор. Казани.

Считаем также целесообразным при выдаче В.И.Сталину паспорта указать другую фамилию.

Перед освобождением из заключения тт. Руденко и Шелепину провести с ним соответствующую беседу.

Проекты Постановлений ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР прилагаются.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности

А.ШЕЛЕПИН

Генеральный Прокурор Союза ССР

Р.РУДЕНКО

7 апреля 1961 года

№ 849 — ш

Там же. Л. 93 — 94. Завершенная копия.

№ 20

В.Е.СЕМИЧАСТНЫЙ Н.С.ХРУЩЕВУ

19 марта 1962 г.

Совершенно секретно

Товарищу ХРУЩЕВУ Н.С.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает,

что 19 марта 1962 года в 13 часов в г. Казани скончался ДЖУГАШВИЛИ(-СТАЛИН) Василий Иосифович.

По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. ДЖУГАШВИЛИ В.И., несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал.

Считаем целесообразным похоронить ДЖУГАШВИЛИ В.И. в г. Казани без воинских почестей. О смерти ДЖУГАШВИЛИ В.И. сообщить его ближайшим родственникам.

Просим согласия.

Председатель
Комитета госбезопасности

В.СЕМИЧАСТНЫЙ

Там же. Л. 113. Подлинник.

№ 21

С.И.АЛЛИЛУЕВА А.Н.КОСЫГИНУ

17 ноября 1964 г.

Уважаемый Алексей Николаевич!

Позвольте обратиться к Вам по следующему вопросу:

В марте 1953 года после смерти моего отца состоялось решение правительства о предоставлении мне и моим детям ряда материальных услуг. Копия распоряжения Совета Министров СССР от 21 марта 1953 г. за № 5423р находится у меня.

В соответствии с этим распоряжением я вот уже 11 лет пользуюсь зимней дачей в дачном поселке «Жуковка» и правом вызова автомашины с автобазы СМ СССР. И то и другое находится в ведении Хозяйственного управления Управделами СМ СССР.

Я всегда была — и продолжаю быть — благодарна правительству за гуманность по отношению ко мне и моим детям, проявленную и в 1953 году и в последующие годы. Однако я полагаю, что мы не имеем никакого морального права пользоваться этой гуманностью до бесконечности. В настоящее время мои дети уже выросли (сын является студентом II курса 1-го Медицинского института, дочь учится в седьмом классе), а дача нужна была главным образом ради них, когда они были маленькими. Поскольку отпадает необходимость в даче, то нет нужды и в пользовании машиной. Для меня лично и то и другое совсем не является необходимостью. Мы сейчас очень редко бываем на даче и редко пользуемся машиной, но ведь все это продолжает числиться за мной. Кроме того, в соответствии с постановлением, мы пользуемся дачей и машиной бесплатно, тогда как работники аппарата СМ СССР пользуются дачами и машинами за соответствующую плату. Наконец, надо сказать, что на фоне нашей общей весьма суровой и скромной жизни, обладание дачей и машиной за государственный счет ставит меня в крайне неловкое положение перед моими друзьями, да и в двусмысленное положение вообще перед людьми.

Исходя из всего этого, я и решила обратиться к Вам с просьбой, чтобы в Управление делами было дано соответствующее указание. Я не стала обращаться по этому вопросу непосредственно в хозяйственные инстанции потому, что они не станут нарушать пункты распоряжения, да это и не находится в их ведении. Кроме того, я не хочу, чтобы мой шаг мог быть истолкован, как некая демонстрация. Обращаться в Вашем лице к правительству, я еще раз повторяю, что я благодарна за все, что было сделано в эти годы для меня и моих детей, за все заботы и льготы.

Очень прошу Вас, уважаемый Алексей Николаевич, понять меня правильно и не отказать мне в моей, может быть, несколько необычной просьбе.

С уважением

С.И.АЛЛИЛУЕВА

17 ноября 1964 г.

Москва — В-72, Ул. Серафимовича 2, кв. 179, тел. В 1-92 -74.
АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1562. Л. 13 — 14. Подлинник.

№22

ИЗ ДНЕВНИКА М.А.СВАНИДЗЕ *

4/XI. 34 г.

Вчера после 3-х мес(яцев) перерыва вновь увидела И **. Он 29-го вернулся из Сочи. Выглядит хорошо, загорел, но сильно похудел. Он хворал там гриппом.

Часов в 7 мы (я, Нюра и Женя) пошли к нему. Его не было дома и неизвестно было (как всегда) зайдет ли он обедать домой или проедет прямо на дачу. Мы были с детьми. Сидели в Васиной комнате, и вдруг по коридору прошел он, в летнем пальто, несмотря на холодную сырую погоду (он с трудом всегда меняет по сезонам одежду, долго носит летнее, к которому, очевидно, привыкает, и та же история весной и также с костюмами, когда они снашиваются и надо надеть новый). Под мышкой он нес папку с бумагами (портфеля не любит и никогда не носит. Бумаги всегда или в папке или просто в газете). За ним следом шли Каганович, Жданов и Яковлев¹. Вернулись они очевидно с большого заседания и прошли прямо в столовую. Ребята побежали за отцом. Весь дом засуетился, заметался, стали быстро подавать обед. Я предложила Нюре пойти в столовую и спросить, не помешаем ли мы.

И. пригласил нас к столу. Встретил он меня ласково, пожал руку, спро-

* Мария Анисимовна Сванидзе родилась в 1889 г. в Тифлисе, там же вышла первый раз замуж, овдовела в 1918 г., от первого брака имела сына Анатолия, в начале 20-х годов пела в Тбилисской опере. В 1921 г. вышла замуж за А.С.Сванидзе. В 1927 г. у супругов Сванидзе родился сын, которого называли Джонрид (Джонни).

** Иосифа

сил про Алешу². Я, конечно, не преминула случая попрекать всех, что на 3 мес(яца) заслали мужа³. Каганович кинулся к телефону звонить Стомонякову⁴, но того не оказалось. Я сказала, что телегр(амма) о выезде 1-го есть. Все меня утешали, что к 7-ому Ал(еша) будет здесь.

И. шутил с Женей, что она опять пополнила и был очень с нею нежен. Теперь, когда я все знаю, я их наблюдала. Открыли шампанское, и мы пили тосты, которые провозглашал И. За всех по очереди. Я подняла бокал за его счастливый для нас всех приезд. Светлана все время терлась около отца. Он ее ласкал, целовал, любовался ею, кормил со своей тарелки, любовно выбирая кусочки получше. Она написала ему приказ № 4, чтоб он разрешил ей провести праздники (6, 7 и 8) в «Липках» — там одна из его дач, место выбирала Надюша, а построили после ее смерти. И. не особенно любит ее и редко там бывает. Чаще всего он бывает последние полгода в «Ивановке», а всю жизнь бывал и любит «Зубалово». С «Зубалово» связана вся послереволюционная его жизнь с 21-го года, а у меня все наше знакомство и вся моя дружба с Надей.

После обеда у И. было очень благодушное настроение. Он подошел к междугородней вертушке и вызвал Кирова, стал шутить по поводу отмены карточек и повышения цен на хлеб⁵. Советовал Кирову немедленно выехать в Москву, чтоб защитить интересы Ленинградской области от более высокого повышения цен, нежели в других областях. Очевидно Киров отбояривался, потом И. дал трубку Каг(ановичу) и тот уговаривал Кир(ова) приехать на 1 день. И. любит Кирова и очевидно ему хотелось после приезда из Сочи повидаться с ним, попариться в русской бане и побалагурить между делами, а повышение цен на хлеб было предлогом.

Часов в 10 (И.) собрался за город с детьми. Стал звать мужчин. Им, видно, не особенно хотелось ехать, но отказаться решительно не хватало прямоты. И. жаловался, что не выспался и очевидно собирался по приезду на дачу лечь отсыпаться, а мужчин звал играть на бильярде. Быть может больше из гостеприимства.

Мы остались, пили чай с Каролиной Вас(ильевной) * (домоправительница живет у них уже 8 лет). Говорили о детях, о Васе в частности, который плохо учится, использует свое имя и положение отца, грубит всем взрослым, учителям и той же Карол(ине) Вас(ильевне), которая его выхаживает столько лет.

26/IX **

20-го приехал Алеша. Пока идет все ничего, но легко сходим с рельс. Навез массу китайских подарков. Квартира сразу украсилась красивыми вещами, ласкающими взгляд и успокаивающими душу. Определенно красивая ткань, шелк, гармоничное сочетание красок, линий и звуков дает радость и успокоение.

* Каролина Васильевна Тиль

** Так в тексте. Правильно: 26 ноября 1934 г.

Очевидно стремление к красоте и изяществу есть органическая потребность человеческой природы и только неудовлетворительные социальные условия жизни лишают человека всего прекрасного.

22-го я предложила Алеше пойти к И., т.к. уверена, что он бы обиделся невниманию, если б мы не навестили его тот час же по приезде.

Отнесли ребятам подарки. Я пришла немного позже, все были уже в столовой: И., Каганович, Молотов, Жданов, Алеша и ребята. Я вошла и И. спросил меня: «Ну, что, получили посылки?» Я сразу не поняла — он указал трубкой на АЛ., «да, да, наконец-то» — ответила я. Обедали шумно. Светлана написала приказ: «Приказываю разрешить мне пойти с тобою в театр или в кино» и подписалась — «хозяйка Сетанка». Адрес — «1-му секретарю тов. Сталину». Подала Иосифу и он сказал: «Что же, подчиняюсь». У них идет уже год игра.

Светланка хозяйка и у нее секретари. 1-й секретарь — папа, потом идут Каганович, Молотов, Орджоникидзе, Киров и нек(оторые) другие. С Кировым у нее большая дружба (потому что И. с ним очень хорош и близок). Светланка пишет приказы, И. подписывается и их кнопками вешают на стенку в столовой около телефонов. Формулировка всегда вроде вышеприведенной. И при мне не было случая, чтоб папа отказал.

23/XII (1934 г.)

Двадцать первого отпраздновали день рождения хозяина. Собрались на его «ближней даче» к 9-ти часам. Были все близкие, т.е. люди, с которыми он не только работает, но и встречается запросто (Молотовы — 2, Ворошилов — 1, Орджоникидзе, Андреева — 2, Чубари — 2, Мануильский, Енукидзе, Микоян — 1, Берия, Лакоба⁶, Поскребышев, Калинин и родня — Сванидзе — 3, Реденсы, Аллилуевы), были до 10 ¹/₂ ч. Светлана, Вася и Толик Артема сын, потом они уехали.

Собрались все и сели к столу, вдруг хозяину показалось, что будет тесно, все вскочили, стали передвигать столы, принесли другой приставной стол, все переставили и прибавили несколько приборов.

Запоздали Лакоба, Берия, Сашико и позже пригласили по просьбе Нюры Элиав. И. сделал это явно неохотно. Они приехали к середине ужина. Тамадой были избраны Анастас Микоян и для другой половины Серго.

Тосты были трафаретные. Я приготовила поздравление в стихотворной форме, но посоветовалась с Алешей, он стихотворение одобрил, но читать его за столом не позволил. Я очень сожалею в сотый раз в жизни, что послушалась его. Надо было его переписать на машинке, отдать таме и он бы заставил кого-либо прочесть. Успех бы оно имело и потешило бы публику. Алеша всю жизнь затыкает меня в темный угол, боясь, чтоб я не поднялась как-нибудь.

Ужинали до 1 ч. ночи, потом шумели, хозяин вытащил граммофон, пластинки, стал его сам заводить и ставил пластинки по своему вкусу (как всегда). Мы танцевали, причем он заставлял мужчин брать дам и кружиться. Потом кавказцы пели песни унылые, многоголосные — хозяин запевал высоким тенорком.

Я допишу потом — у меня сейчас будет урок пения.

Дописываю 28-го (декабря 34 г.).

В тот вечер (21-го) была масса штрихов и деталей, о которых хочется писать. И. был в благодушном настроении, но не такой веселый, каким я привыкла его видеть в тесном кругу, когда только мы, Аллил(уевы) и Нюра. Во время тостов Серго встал и поднял бокал за Кирова «какой-то мерзавец убил его, отнял у нас...» Слезы показались у всех и на минутку воцарилась тишина. Сейчас же зашумели «что-то не слышно тамады» и вновь пошли тосты. Спустя некоторое время, выпили тост за Андрееву(7) — она училась в Академии с Надей. Иосиф встал и сказал: «Раз заговорили об академии, разрешите выпить за Надю». Я пишу, а у меня опять полные глаза слез, как в тот момент. Все встали и молча подходили с бокалами к И. Нюра и я подошли и поцеловали И. в щеку. У него было лицо полное страдания. Минута была тяжелая. Опять отогнали настроение и зашумели.

Когда дошел тост до Сашико (сестра Алеши), он встал, подошел к ней и сказал: «Вы ее не знаете, а я знаю хорошо. В подпольное время ради сестры, — я был первый раз женат на грузинке, ее сестре, она помогала нам. Характер у нее строптивый, но она добрая женщина». И потом она весь вечер ходила за ним и когда мы снимались группой, он сидел с нею, обняв за плечо. Она осталась ночевать и вообще живет уже дней 10 у него на даче. Он в шутку несколько раз повторял — «она все попрекает, что кормила и поила меня, так вот пусть ест сколько влезет у меня».

После двух тяжелых потерь И. очень изменился. Стал мягче, добрее, человечней. До Надиной смерти он был неприступный, мраморный герой, а теперь в особенности он потрясает своими поступками, я бы сказала, даже слишком обывательски, человечески.

Ну, что такое таять перед этой мешанкой, которая льнет к нему и хочет всячески втереться в его дом, чтоб в Тифлисе жить и благоденствовать на проценты с этого — ведь не действительные же чувства к И. толкают на ее поведение. Если б он не был так велик — она бы не добивалась к нему, да и было время, когда он был в ссылке до революции, не очень-то она пеклась о нем. Неужели он этого не видит насквозь. Или ее сестрица, которая ругала его и покойную Надюшу, тоже лезет к нему в дом. Как это все не вяжется с его прошлогодними настроениями, когда он так остроумно и метко высмеивал стяжание Марико и Сашико и даже своего старшего сына. Когда год тому назад я заговорила о том, что Яшу надо изъять из той среды, где он находится, и протянуть ему руку помощи, что он жертва окружающих (его тетушка и пр.), он на меня довольно резко напал и сказал: «Извините. Вы говорите чепуху — его ничто не спасет и стремится он ко мне, потому что это выгодно». И даже сострил насчет семьи Орахелашвили, которые усиленно хлопотали вокруг Яши, чтоб его женить на Кетуси. Кетусе надоело ждать Яшиного предложения, отец не пускал его после Надиной смерти к себе, и она вышла замуж за дирижера оперы Микеладзе. И. сострил так: «Да что Вы, если Яша будет жить у меня, то не только Кетуся разведется с мужем, но и ее мать (Мария Платоновна Орахелашвили)». Мы много хохотали и на этом поставили точку, предоставив все вре-

мени. И вот теперь через 2 года с чем-то, по настоянию Сашико он принял у себя (в Зубалове) Яшу, Марики и Резо (сын Сашико).

¹ Яковлев А.Я. (Эпштейн) — в 1929 — 1934 гг. нарком земледелия СССР, затем в аппарате ЦК ВКП(б).

² Александр Семенович Сванидзе родился в 1884 г., в 1905 — 1910 гг. был на подпольной работе в Тифлисе (партийный псевдоним Алеша Сванидзе), затем до 1916 г. в эмиграции, до 1919 г. преподавал в Тифлисе, в 1920 — 1921 гг. работал пом. зав. отделом Наркоминдела, в 1921 — 1922 гг. народным комиссаром финансов Грузии и Закавказья. Затем в 20 — 30-х годах занимал различные посты в Наркоминделе, Наркомфине, Наркомвнешторге, в т.ч. и в заграничных советских учреждениях. В последние годы, с 1935 по 1937-й, был заместителем председателя правления Госбанка СССР.

В дальнейшем судьба супругов Сванидзе сложилась трагически. Оба они были репрессированы и погибли. А.С.Сванидзе был расстрелян 20 августа 1941 г., а М.А.Сванидзе — 3 марта 1942 г.

А.С.Сванидзе оказался мужественным человеком — «не просил прощения» у Сталина (см. Д.Волкогонов. «Триумф и трагедия». М., 1990, кн. 1. с. 581). А ведь этих слов добивался от него Берия на протяжении трех лет с момента ареста в декабре 1937 г. и до декабря 1940 г., когда Верховная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания. Однако 23 января 1941 г. по протесту заместителя председателя Верховного суда СССР Ульриха Пленум Верховного суда СССР высшую меру наказания — расстрел заменил лишением свободы сроком на 15 лет. Вновь свое постановление в отношении А.С.Сванидзе Пленум Верховного суда СССР по протесту того же Ульриха отменил 20 августа 1941 г., оставив в силе приговор Военной коллегии от 4 декабря 1940 г. В день вынесения пленумом Верховного суда нового постановления — 20 августа 1941 г. Сванидзе по распоряжению Берии был расстрелян.

Мария Анисимовна Сванидзе была осуждена 29 декабря 1939 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР к восьми годам лишения свободы за то, что «скрывала антисоветскую деятельность своего мужа, вела антисоветские разговоры, осуждала карательную политику советской власти и высказывала террористические намерения против одного из руководителей Коммунистической партии и Советского правительства» (АП РФ. Ф. 3. Оп. 24. Д. 242. Л. 60 -61).

3 марта 1942 г. по тем же материалам Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление о расстреле Сванидзе М.А., которое было приведено в исполнение в тот же день.

Сын А.С. Сванидзе — Сванидзе Джонрид (Иван) Александрович по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 4 августа 1948 г. был осужден к ссылке на 5 лет, откуда вернулся в 1956 г. Встречу с Иваном Александровичем Сванидзе в 1962 г. описала Светлана Аллилуева в книге «Двадцать писем к другу».

Сестра А.С.Сванидзе — Мария Семеновна Сванидзе (Марики) была осуждена Военной коллегией Верховного суда СССР к десяти годам лишения свободы, а 3 марта 1942 г. по решению Особого совещания была расстреляна вместе с женой А.С.Сванидзе.

³ Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 июня 1934 г. в Синцзян направлялась делегация во главе с А.С.Сванидзе.

⁴ Стомоняков Б.С. — в 1926 — 1934 гг. член Коллегии НКВД и в 1934 — 1938 гг. зам. народного комиссара иностранных дел.

⁵ Киров С.М. с 25 по 28.XI.34 г. участвовал в работе пленума, на котором обсуждались вопросы отмены картонной системы на хлеб, о политотделах в сельском хозяйстве, 19 и 28 ноября Киров был на совещаниях у И.В.Сталина.

⁶ Андреев А.А. — с 1930 г. председатель ЦКК ВКП(б), нарком РКИ СССР, зам. председателя Совнаркома СССР, с 1931 г. нарком путей сообщения СССР, с 1935 г. секретарь ЦК ВКП(б).

Чубарь В.Я. — с 1934 г. зам. председателя Совнаркома и Совета Труда и Оборона СССР, с 1937 г. нарком финансов СССР.

Мануильский Д.З. — в 1928 — 1943 гг. секретарь Исполкома Коминтерна.

Лакоба Н.А. — в 1930 — 1936 гг. председатель ЦИК Абхазской АССР.

⁷ Жена А.А. Андреева — Дора Моиссеевна Хазан (Сермус).

№ 23

ЗАПИСКА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСКОМИТЕТА ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ ПРИ СМ СССР

*Выразить ему неудовлетворение его выступлением**
16 сентября 1959 г.

ЦК КПСС

11 сентября Центральная студия телевидения в оперативном порядке организовала передачу «Встречи в Америке». Для участия в передаче были приглашены: писатель Л. Кассиль, вице-президент Академии художеств СССР скульптор М. Манизер и режиссер Комиссаржевский (выступавший накануне в газете «Правда» со статьей об этой поездке).

Эти товарищи входили в состав группы, только что вернувшейся из поездки по США.

Все выступавшие по просьбе студии предварительно представили тезисы своих выступлений.

Писатель Л.А. Кассиль в выступлении отступил от своих тезисов, выказал ряд неверных в политическом отношении положений и допустил отдельные вольности. Выступление Л. Кассиля имело в некоторой мере развязно-обывательский характер и показало его недостаточно политическую зрелость. Выступление Л. Кассиля вызвало справедливые замечания телезрителей.

Государственный комитет обсудил вопрос о выступлении Л. Кассиля, издал соответствующий приказ и принимает меры к недопустимости подобных выступлений по телевидению.

О выступлении Л. Кассиля нами поставлен в известность Союз писателей СССР <...>

С. КАФТАНОВ

* Эта надпись на письме сделана неизвестным человеком.

№ 24**ТЕКСТ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЯ Л. КАССИЛЯ***

Я, собственно, не собираюсь открывать Америку, потому что это сделал до нас примерно пять веков назад храбрый генуэзец Христофор Колумб. А мы только были гостями замечательного народа, который построил великую страну на земле, им открытой.

Что это была за поездка. Я кратко скажу наш путь. Мы были в Нью-Йорке, были в Вашингтоне, Чикаго, Бостоне, совершили очень интересное путешествие в Центр, в глубь Америки. Через штаты Колумбия, Вирджиния, Кентукки. Ночевали по дороге в маленьких мотелях, так называются отели придорожные, где машины подъезжают к самому вашему номеру, и вы просто выходите в свою машину. Ехали мы на очень комфортабельном автобусе, могли останавливаться где хотели, беседовали с простыми американцами и ночевали даже в маленьком городе Борбон и просто распределенные по домам радушных жителей этого крохотного городка. Кроме того, мы совершили небольшое плавание по Гудзону, на таком старомодном многопалубном пароходе двухтрубном, очень похожем, хотя он и модернизирован, но похож на те пароходы, которые плавали по Миссисипи, по-моему, еще во времена Марка Твена <...>

Мне очень хочется сказать просто об американцах, о том впечатлении, которое выносит советский человек от общения с этим великим народом. Американцы производят очень хорошее впечатление. Я лично знал их давно, потому что мне пришлось вместе воевать на Северном флоте, где как раз был стык, на самом краю нашего фронта. Там мы имели дело с американцами, они к нам возили, вы знаете, помогали нам и мы с ними ходили в общий поход и конвой и тогда они нам очень понравились, мы тогда с ними сдружились и надеялись, что дружба будет продолжаться. Были «черные кошки», которые пробегали между нашими народами, но сейчас, как никогда вот верится, что снова будут у нас очень добрые отношения. Это народ с открытой широкой душой, очень независимый. Американцы очень умеют держаться независимо. Такой демократизм поведения очень импонирует и нам. Вы там не увидите поначалу кто это такой — хозяин, подчиненный, миллионер или бедняк. Они вообще держатся подчеркнуто, я бы сказал, независимо, даже с какой-то такой аффектацией такой свободы движений. Они лишены малейшей чопорности, лицемерия, если он вам нагрубит, то от сердца, а уж если он скажет, что хорошо относится, то, значит, вас действительно полюбил. И вообще-то если говорить о впечатлениях американских, то они сводятся к каким-то главным трем звучаниям, таким трезвучиям — это вот шум эркондишена. Это значит кондиционирование воздуха, который спалас нас от лютой жары летней <...>, который дает легкий такой шум, это шум вторгающейся в жизнь цивилизации, установившегося комфорта. А потом, как это ни странно, прямо в прямом противоречии находящийся такой цивилизации полночный и неумолчный звон цикад ночных и дорожных лягушек <...> И это напоминало, что не у всех у нас правильное пред-

* Печатается с сокращениями.

ставление об Америке, некоторые думают — страна каменных глыб, урбанизма — нет — это страна больших просторов, лесов, гор <...> Ну и третий звук, он такой, он несколько диссонансом врывается в это трезвучие, вернее созвучие. Это такой беспрерывно очень часто повторяющийся вой полицейских и пожарных машин, почему-то они с огромной такой аффектацией проносятся там, напоминая о некоторых других сторонах американской жизни, и общих — характерных. И не только явлений искусства и явлений жизни. Мне хотелось бы сказать вам о маленьком путешествии по Гудзону. Это было воскресенье и простые американцы проводили свой праздник, свой отдых, ехали на пикники. Все время играл джаз. И под звуки этого джаза на нижней палубе шли танцы. Танцевали просто половина пассажиров. Особенно, конечно, маленькие негритята.

Эти ребятишки, они, во-первых, прелестные на вид — курчавые, стройненькие, такие необычайно собранные в движениях, удивительно музыкальные, просто все тело у них поет, и они танцевали этот, так называемый танец, рок-н-ролл, танец, который у нас считается, ну, дурного тона. Если бы вы видели, как целомудренно, как просто и весело с очень таким хорошим, таким веселым, милым, это не пошиб, это такая хорошая манера отдаваться танцу с ног до головы, они плясали <...>

Что сказать о Нью-Йорке? Красивый, большой город. Не все верно о нем говорили. Конечно, он полон противоречий. И конечно, он не интернационален, а только многонациональный город <...> Гарлем — это совершенно кусок Африки, ни одного белого лица, отъехав через 15 минут — китайский район, огромный китайский район, ни одного тоже, ни одного лица белого происхождения — целиком вы видите Китай, потом опять отъехали — Пуэрто-Рико — это не смешивается, а искусственно поддерживается вот такое разделение наций. Город красив, не знаю, как другим, но многие товарищи, может, со мной не согласятся, небоскребы произвели на меня огромное впечатление.

Но нельзя спокойно, не испытывая чувства гордости за мощь человеческого разума и человеческого технического гения, стоять у здания, прикасаться, скажем, к ребру стекла и видеть как из-под вашей ладони стекло уходит до облаков в самом прямом, в самом буквальном и не переносном смысле этого слова.

Небоскребы, чуточку туман, уже купаются вершины в облаках.

Я вот смотрю уже на часы, потому что время мое близится к концу. Я не хочу заедать чужой век, товарищи расскажут вам много интересного, я хочу добавить только одну, еще одну четвертую ноту, которая сильно прозвучала в аккорде впечатлений. Это сильнее, чем эркондишен и чем другие звучания, это нота дружбы, которая звучала буквально в голосе каждого, с кем мы имели дело. Америка полна веры в то, что наступают добрые времена в отношении народов. Америка нас окружала жадными расспросами, как мы на это смотрим, считаем ли возможным установление самых добрых прочных отношений. И мы отвечали тоже самыми добрыми надеждами, потому что, побывав там, увидели какова Америка — простая, трудовая Америка, и, познакомившись с теми людьми, которые задумались о Америке, серьезно задумались о своей культуре, своем будущем, мы твердо верим, что есть почва для сближения прочного и большого <...>

№ 25**ИЗ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА ПРОПАГАНДЫ И АГИТАЦИИ ЦК КПСС ПО СОЮЗНЫМ РЕСПУБЛИКАМ**

17 сентября 1959 г.

ЦК КПСС

Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР сообщил о том, что во время выступления 11 сентября с.г. в телевизионной программе «Встречи в Америке» (Центральная студия телевидения) писатель Л. Кассиль отступил от своих тезисов, высказал ряд неверных в политическом отношении положений, расхваливал американский образ жизни <...>

В связи с этой информацией Отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС рекомендовал т. Кафтанову пригласить т. Кассиля и от имени Государственного комитета выразить ему неудовлетворение его выступлением. Отдел считает также целесообразным опубликовать в бюллетене Государственного комитета «Советское радио и телевидение» критическую статью по поводу передачи «Встречи в Америке». Учитывая, что выступления писателя Л. Кассиля по радио и телевидению и ранее отличались развязным тоном и обывательским характером, Отдел рекомендовал Комитету воздержаться на некоторое время от приглашений Л. Кассиля для выступления у микрофона <...>

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации
ЦК КПСС по союзным республикам

А. Романов

Инструктор Отдела

П. Московский

ЦХСД. Ф. 5, оп. 33, д. 105, л. 50, 52-58

КАРИБСКИЙ КРИЗИС**№ 26****ОБМЕН ПОСЛАНИЯМИ МЕЖДУ ПРЕЗИДЕНТОМ США
ДЖОНОМ Ф.КЕННЕДИ И ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР Н.С.ХРУЩЕВЫМ**

ПОСЛАНИЕ КЕННЕДИ 22 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Сэр,

Копия заявления, которое я делаю сегодня вечером относительно событий на Кубе и реакции моего правительства на них, передана Вашему послу в Вашингтоне. Ввиду серьезности событий, о которых я говорю, я хочу, чтобы позиция моего правительства в этом вопросе стала известна Вам незамедлительно и точно.

Во время наших обсуждений и обмена мнениями по Берлину и другим международным вопросам больше всего меня беспокоил один момент, а именно: возможность того, что Ваше правительство не поймет правильно волю и решительность Соединенных Штатов в какой-нибудь конкретной ситуации, поскольку я не допускаю, что Вы или любой другой здравомыслящий человек преднамеренно толкнет в наш ядерный век мир в войну, которую, как это абсолютно ясно, ни одна страна не может выиграть и которая может привести лишь к катастрофическим последствиям для всего мира, включая и агрессора.

Во время нашей встречи в Вене и в дальнейшем я выражал нашу готовность и наше желание найти путем мирных переговоров решение любой и всех проблем, которые разделяют нас. В то же самое время я ясно показал, что ввиду целей той идеологии, которой Вы придерживаетесь, Соединенные Штаты не смогут потерпеть какого-либо действия с вашей стороны, которое бы в большой степени нарушило существующее всеобщее равновесие сил в мире. Я заявил, что попытка принудить к отказу от наших обязательств и ответственности в Берлине явилась бы таким действием и что Соединенные Штаты окажут сопротивление, применяя всю силу, находящуюся в их распоряжении.

Именно для того, чтобы избежать какой-либо неправильной оценки со стороны Вашего правительства, того, что касается Кубы, я публично заявил, что, если на Кубе произойдут определенные события, Соединенные Штаты предпримут все, что надлежит предпринять для защиты своей собственной безопасности и безопасности их союзников. Более того, конгресс принял резолюцию, выражающую его поддержку этой провозглашенной политики. Несмотря на это, продолжалось быстрое развитие баз ракет дальнего действия и других систем наступательного оружия на Кубе. Должен сказать Вам, что Соединенные Штаты полны решимости, чтобы эта угроза безопасности данного полушария была устранена. В то же время я хочу указать, что действия, которые мы предпринимаем, являются минимумом, необходимым для устранения угрозы безопасности стран этого полушария. Факт этой реакции-минимума не должен однако быть взят в качестве основы для какого-либо неправильного суждения с Вашей стороны.

Я надеюсь, что Ваше правительство воздержится от любых действий, которые расширили бы или углубили этот кризис, уже носящий серьезный характер, и что мы сможем договориться вновь встать на путь мирных переговоров.

Джон Ф.Кеннеди

ПОСЛАНИЕ ХРУЩЕВА 23 ОКТЯБРЯ, 1962 г.

Господин Президент,

Только что получил Ваше письмо, а также ознакомился с текстом Вашего выступления 22 октября в связи с Кубой.

Должен откровенно сказать, что намеченные в Вашем заявлении меры представляют собой серьезную угрозу миру и безопасности народов. Соединенные Штаты открыто становятся на путь грубого наруше-

ния Устава Организации Объединенных Наций, на путь нарушения международных норм свободы судоходства в открытых морях, на путь агрессивных действий как против Кубы, так и против Советского Союза.

Заявление Правительства Соединенных Штатов Америки нельзя оценить иначе как неприкрытое вмешательство во внутренние дела Кубинской Республики, Советского Союза и других государств. Устав Организации Объединенных Наций и международные нормы не дают права ни одному государству устанавливать в международных водах проверку судов, направляющихся к берегам Кубинской Республики.

Мы, разумеется, не можем признать за Соединенными Штатами и право установления контроля за оружием, необходимым Республике Куба для укрепления своей обороноспособности.

Мы подтверждаем, что оружие, находящееся на Кубе, независимо от того, к какому классу оно относится, предназначено исключительно для оборонительных целей, чтобы обезопасить Кубинскую Республику от нападения агрессора.

Я надеюсь, что правительство Соединенных Штатов проявит благоразумие и откажется от проводимых Вами действий, которые могут привести к катастрофическим последствиям для мира во всем мире.

Точка зрения Советского правительства по поводу Вашего заявления от 22 октября изложена в Заявлении Советского правительства, которое направляется Вам через Вашего посла в Москве.

Н.Хрущев

ПОСЛАНИЕ КЕННЕДИ 23 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Председатель,

Я получил Ваше письмо от 23 октября. Я думаю, Вы признаете, что первым шагом, послужившим началом нынешней цепи событий, было действие Вашего правительства, выразившееся в тайной поставке на Кубу наступательного оружия. Мы будем обсуждать этот вопрос в Совете Безопасности. Тем временем я озабочен тем, чтобы мы оба проявили благоразумие и не сделали ничего такого, что позволило бы событиям еще более затруднить, по сравнению с тем, что уже имеет место, удержание положения под контролем.

Я надеюсь, что Вы немедленно дадите необходимые инструкции вашим судам соблюдать условия карантина, основа которого была создана голосованием Организации американских государств сегодня после полудня и который вступит в силу в 14.00 по гринвичскому времени 24 октября.

Искренне Ваш,
(подпись)

Джон Ф.Кеннеди

ПОСЛАНИЕ ХРУЩЕВА 24 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый господин Президент,

Получил Ваше письмо от 23 октября, ознакомился с ним и отвечаю Вам.

Представьте себе, господин Президент, что мы поставили бы Вам те ультимативные условия, которые Вы поставили нам своей акцией. Как

бы Вы реагировали на это? Думаю, что Вы возмутились бы таким шагом с нашей стороны. И это было бы нам понятно.

Поставив нам эти условия, Вы, господин Президент, бросили нам вызов. Кто Вас просил делать это? По какому праву Вы это сделали? Наши связи с Республикой Куба, как и отношения с другими государствами, независимо от того, какое это государство, касаются только двух стран, между которыми имеются эти отношения. И если уж говорить о карантине, упоминаемом в Вашем письме, то его, как это принято в международной практике, могут устанавливать только государства по договоренности между собой, а не какая-то третья сторона. Существуют, например, карантины на сельскохозяйственные товары и продукты. Но в данном случае речь идет совсем не о карантине, а о гораздо более серьезных вещах, и Вы это сами понимаете.

Вы, господин Президент, объявляете не карантин, а выдвигаете ультиматум и угрожаете, что если мы не будем подчиняться Вашим требованиям, то Вы примените силу. Вдумайтесь в то, что Вы говорите! И Вы хотите убедить меня, чтобы я согласился с этим! Что значит согласиться с этими требованиями? Это означало бы руководствоваться в своих отношениях с другими странами не разумом, а потакать произволу. Вы уже не апеллируете к разуму, а хотите запугать нас.

Нет, господин Президент, я не могу с этим согласиться и думаю, что внутренне Вы признаете мою правоту. Убежден, что на моем месте Вы поступили бы так же.

Ссылка на решение Организации Американских государств ни в коей мере не может подкрепить требований, выдвигаемых сейчас Соединенными Штатами. Эта Организация не имеет абсолютно никаких полномочий или оснований принимать решения, подобные тому, о котором Вы говорите в своем письме.

Поэтому мы не признаем этих решений. Существует международное право, существуют общепризнанные нормы поведения. Мы твердо придерживаемся принципов международного права, строго соблюдаем нормы, регулирующие судоходство в открытом море, в международных водах. Мы соблюдаем эти нормы и пользуемся правами, признанными всеми государствами.

Вы хотите вынудить нас отказаться от прав, которыми пользуется всякое суверенное государство, пытаетесь законодательствовать в вопросах международного права, попираете общепринятые нормы этого права. И все это не только из-за ненависти к кубинскому народу и его правительству, но и из-за соображений избирательной кампании в США. Какая мораль, какое право могут оправдать такой подход американского правительства к международным делам? Такой морали и такого права не найти, потому что действия США в отношении Кубы — это прямая разбой, это, если хотите, безумие вырождающегося империализма. К сожалению, от такого безумия могут тяжело пострадать народы всех стран и в не меньшей мере сам американский народ, так как США с появлением современных видов оружия полностью утратили былую недосыгаемость.

Поэтому, господин Президент, если Вы хладнокровно, не давая воли

страстям, взвесите создавшееся положение, то Вы поймете, что Советский Союз не может не отклонить произвольные требования США. Когда Вы выдвигаете перед нами такие условия, попробуйте поставить себя в наше положение и подумайте, как бы реагировали на эти условия США. Не сомневаюсь, что если кто-либо попытался диктовать подобные условия Вам — США, Вы бы отвергли такую попытку. И мы тоже говорим — нет.

Советское правительство считает, что нарушение свободы пользования международными водами и международным воздушным пространством — это акт агрессии, толкающий человечество к пучине мировой ракетно-ядерной войны. Поэтому Советское правительство не может дать инструкции капитанам советских судов, следующих на Кубу, соблюдать предписания американских военно-морских сил, блокирующих этот остров. Наши инструкции советским морякам — строго соблюдать общепризнанные нормы плавания в международных водах и ни на шаг не отступать от них. И если американская сторона нарушит эти правила, то она должна отдать себе отчет в том, какая ответственность ляжет на нее в этом случае. Конечно, мы не будем просто наблюдателями пиратских действий американских кораблей в открытом море. Мы будем тогда вынуждены со своей стороны предпринять меры, которые сочтем нужными и достаточными для того, чтобы оградить свои права. Для этого у нас есть все необходимое.

С уважением,

Н.Хрущев

ПОСЛАНИЕ КЕННЕДИ 25 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Председатель,

Я получил Ваше письмо от 24 октября, и я очень сожалею, что Вы все еще, кажется, не понимаете, что именно руководило нами в этом деле.

Последовательность событий ясна. В августе были сообщения о важных перевозках военного снаряжения и специалистов из Советского Союза на Кубу. В начале сентября я весьма ясно указал, что Соединенные Штаты будут рассматривать любые поставки наступательного оружия как представляющие собой серьезнейшие проблемы.

После этого наше правительство получило совершенно ясные заверения от Вашего правительства и его представителей — как публичные, так и по неофициальным каналам, — что никакого наступательного оружия на Кубу не посылалось. Если Вы еще раз посмотрите заявление, опубликованное ТАССом в сентябре, Вы увидите сколь ясно было дано это заверение.

Полагаясь на эти торжественные заверения, я призывал к сдержанности тех в нашей стране, которые в то время призывали к действию в этом деле. И затем я узнал без сомнения то, чего Вы не отрицали, а именно, что все эти публичные заверения были ложными и что Ваши военные приступили недавно к созданию комплекса ракетных баз на Кубе. Я прошу Вас ясно понять, г-н Председатель, что не я бросил первым вызов в

этом случае и что в свете вышеупомянутого эта деятельность на Кубе требовала ответных действий, о которых я объявил.

Я вновь выражаю свое сожаление, что эти события вызывали ухудшение в наших отношениях. Я надеюсь, что Ваше правительство предпримет необходимые действия, позволяющие восстановить существовавшее ранее положение.

Искренне Ваш,

Джон Ф.Кеннеди

ПОСЛАНИЕ ХРУЩЕВА 26 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Президент,

Получил Ваше письмо от 25 октября. Из Вашего письма я почувствовал, что у Вас есть некоторое понимание сложившейся ситуации и сознание ответственности. Это я ценю.

Сейчас мы уже публично обменялись своими оценками событий вокруг Кубы и каждый из нас изложил свое объяснение и свое понимание этих событий. Поэтому я считал бы, что, видимо, продолжение обмена мнениями на таком расстоянии, пусть даже в виде закрытых писем, вряд ли что-либо добавит к тому, что одна сторона уже сказала другой.

Думаю, Вы правильно поймете меня, если Вы действительно заботитесь о благе мира. Мир нужен всем: и капиталистам, если они не потеряли рассудка, и тем более коммунистам, людям, которые умеют ценить не только свою собственную жизнь, но больше всего — жизнь народов. Мы, коммунисты, вообще против всяких войн между государствами и отстаиваем дело мира с тех пор, как появились на свет. Мы всегда рассматривали войну как бедствие, а не как игру и не как средство для достижения определенных целей и тем более — не как самоцель. Наши цели ясны, а средство их достижения — труд. Война является нашим врагом и бедствием для всех народов.

Так понимаем вопросы войны и мира мы, советские люди, а вместе с нами и другие народы. Это я во всяком случае твердо могу сказать за народы социалистических стран и также за всех прогрессивных людей, которые хотят мира, счастья и дружбы между народами.

Я вижу, г-н Президент, что Вы тоже не лишены чувства беспокойства за судьбы мира, понимания и правильной оценки характера современной войны и того, что война несет с собой. Что вам война даст? Вы угрожаете нам войной. Но Вы же знаете, что самое меньшее, что Вы получите в ответ, — это то, что пошлете нам, испытаете те же последствия. И это должно быть ясно нам, людям, облеченным властью, доверием и ответственностью. Мы не должны поддаваться угару и мелким страстям, независимо от того, предостоят ли в той или иной стране выборы или не предостоят. Это все вещи преходящие, а если уж война разразится, то не в нашей власти будет ее задержать, остановить, ибо такова логика войны. Я участвовал в двух войнах и знаю, что война кончается тогда, когда она прокатится по городам и селам, сея повсюду смерть и разрушение.

Я заверяю Вас от имени Советского правительства, советского народа, что Ваши доводы относительно наступательного оружия на Кубе не

имеют под собой никакой почвы. Из того, что Вы мне писали видно, что у нас разное понимание на этот счет, вернее, мы по-разному оцениваем те или другие военные средства. Да и в действительности, одни и те же виды оружия могут иметь разное толкование. [...]

Поэтому, г-н Президент, давайте проявим благоразумие. Я Вас заверяю, что на тех кораблях, которые идут на Кубу, нет вообще никакого оружия. То оружие, которое нужно было для обороны Кубы, уже находится там. Я не хочу сказать, что перевозок оружия вообще не было. Нет, такие перевозки были. Но сейчас Куба уже получила необходимые средства для обороны.

Не знаю, можете ли Вы понять меня, поверить мне. Но я хотел бы, чтобы Вы поверили сами себе и согласились с тем, что страстям нельзя давать волю, надо ими владеть. А в каком направлении развиваются события сейчас? Если Вы будете останавливать суда, то, как Вы сами знаете, это будет пиратство. Если бы мы стали делать это в отношении ваших кораблей, то Вы бы возмущались так же, как возмущаемся сейчас мы и весь мир. Другого толкования таким действиям нельзя дать, потому что нельзя узаконивать беззаконие. Если это допустить, тогда мира не будет, не будет и мирного сосуществования. Тогда мы будем вынуждены осуществлять необходимые мероприятия оборонительного характера, ограждающие наши интересы в соответствии с международным правом. Зачем это делать? К чему все это приведет?

Давайте нормализуем отношения. Мы получили обращение и.о. Генерального секретаря ООН У Тана с его предложениями. Я уже дал ему ответ. Его предложения сводятся к тому, чтобы наша сторона не перевозила никакого вооружения на Кубу в течение какого-то отрезка времени, пока будут вестись переговоры, — и мы готовы вступить в такие переговоры, — а другая сторона не предпринимала никаких пиратских действий против судов, совершающих плавание в открытом море. Я считаю эти предложения разумными. Это был бы выход из создавшегося положения, который дал бы народам возможность вздохнуть спокойно.

Вы спрашивали, что случилось, что вызвало поставки оружия на Кубу? Вы говорили об этом нашему министру иностранных дел. Откровенно скажу Вам, г-н Президент, чем это было вызвано.

Мы были очень опечалены тем фактом, — я говорил об этом в Вене, — что был высажен десант, было совершено нападение на Кубу, в результате которого погибло немало кубинцев. Вы сами сказали мне тогда, что это была ошибка. Я с уважением отнесся к этому объяснению. Вы мне несколько раз повторили это, намекая, что не все люди, занимающие высокое положение, признают свои ошибки, как это сделали Вы. Я ценю такую откровенность. Со своей стороны я Вам сказал, что мы тоже обладаем не меньшим мужеством; мы также признали те ошибки, которые были совершены в истории нашего государства, и не только признали, но резко осудили.

Если Вы действительно заботитесь о мире и о благе своего народа, а это Ваша обязанность, как Президента, то я, как Председатель Совета Министров, проявляю заботу о своем народе. Кроме того, нашей совместной заботой должно быть сохранение всеобщего мира, так как если в современных условиях разразится война, то это будет война не только между Совет-

ским Союзом и США, между которыми, собственно говоря, нет никаких взаимных притязаний, но война всемирная, жестокая, истребительная.

Почему мы пошли на оказание такой военной и экономической помощи Кубе? Ответ такой: мы пошли на это только из соображений гуманности. В свое время наш народ сам совершил революцию, когда Россия была еще отсталой страной. Тогда на нас напали. Мы были объектом нападения многих стран. В этой аванюре участвовали США. Это зафиксировано участниками агрессии против нашей страны. Об этом написана целая книга генералом Грейвсом, который командовал в то время американским экспедиционным корпусом. Грейвс назвал ее «Американская авантюра в Сибири».

Мы знаем, как трудно совершать революцию и как трудно перестраивать страну на новых началах. Мы искренне сочувствуем Кубе, кубинскому народу. Но в вопросы внутреннего устройства мы не вмешиваемся, в их дела не вмешиваемся. Советский Союз хочет помочь кубинцам строить свою жизнь так, как они сами хотят, чтобы другие им не мешали.

Вы когда-то говорили, что Соединенные Штаты не готовят вторжение. Но Вы заявляли и о том, что сочувствуете кубинским контрреволюционным эмигрантам, поддерживаете их и будете помогать им в осуществлении их планов против нынешнего правительства Кубы. Ни для кого не секрет также, что над Кубой постоянно висела и продолжает висеть угроза вооруженного нападения, агрессии. Только это и побудило нас откликнуться на просьбу кубинского правительства предоставить ему помощь для укрепления обороноспособности этой страны.

Если бы были даны заверения президента и правительства Соединенных Штатов, что США не будут сами участвовать в нападении на Кубу и будут удерживать от подобных действий других, если Вы отзовете свой флот, — это сразу все изменит. Я не говорю за Фиделя Кастро, но думаю, что он и правительство Кубы, видимо, объявили бы о демобилизации и призвали бы народ приступить к мирному труду. Тогда отпал бы и вопрос об оружии, так как если нет угрозы, то оружие является бременем для всякого народа. Тогда будет стоять иначе и вопрос об уничтожении не только оружия, которое Вы называете наступательным, но и всякого другого оружия.

Я выступал от имени Советского правительства в Организации Объединенных Наций и внес предложение о роспуске всех армий и об уничтожении всего оружия. Так как же я могу делать сейчас ставку на это оружие?

Оружие приносит только бедствия. Когда его накапливают, это наносит ущерб экономике, а если его пустить в дело, то оно уничтожит людей с обеих сторон. Поэтому только безумец может считать, что оружие — это главное средство в жизни общества. Нет, это — вынужденная растрата человеческой энергии, да к тому же — для уничтожения самого человека. Если люди не проявят мудрости, то в конце концов они дойдут до того, что столкнутся, как слепые кроты и тогда начнется взаимное истребление.

Давайте же проявим государственную мудрость. Я предлагаю: мы, со своей стороны, заявим, что наши корабли, идущие на Кубу, не везут никакого оружия. Вы же заявите о том, что Соединенные Штаты не вторгнутся своими войсками на Кубу и не будут поддерживать никакие другие силы,

которые намеревались бы совершить вторжение на Кубу. Тогда отпадет и необходимость в пребывании на Кубе наших военных специалистов.

Г-н Президент, я обращаюсь к Вам, чтобы Вы хорошо взвесили, к чему могут привести агрессивные, пиратские действия, которые, как Вы объявили, США намерены осуществлять в международных водах. Вы сами знаете, что никакой здравомыслящий человек просто не может согласиться с этим, не может признать Ваше право на такие действия.

Если Вы это сделали в качестве первого шага к развязыванию войны, — ну что ж, — видимо, ничего другого у нас не остается, как принять этот Ваш вызов. Если же Вы не потеряли самообладания и здраво представляете себе к чему это может привести, тогда, г-н Президент, нам с Вами не следует сейчас тянуть за концы веревки, на которой Вы завязали узел войны, потому что чем сильнее мы с Вами будем тянуть, тем сильнее будем затягивать тот узел. И может наступить такой момент, когда этот узел будет затянут до такой степени, что уже тот, кто его завязал, не в силах будет развязать его, и тогда придется рубить этот узел. А что это значит, не мне Вам разъяснять, потому что Вы сами отлично понимаете, какими грозными силами обладают наши страны.

Поэтому если нет намерения затягивать этот узел и тем самым обрекать мир на катастрофу термоядерной войны, то давайте не только ослаблять силы, натягивающие концы веревки, давайте принимать меры для развязывания этого узла. Мы на это согласны.

Мы приветствуем все силы, которые стоят на позициях мира. Поэтому я выразил благодарность и г-ну Бертрану Расселу, который проявляет тревогу и заботу о судьбах мира, и охотно откликнулся на призыв и.о. Генерального секретаря ООН У Тана.

Вот, г-н Президент, мои соображения, которые, если бы Вы с ними согласились, могли бы положить конец тому напряженному положению, которое волнует все народы.

Эти соображения продиктованы искренним стремлением разрядить обстановку, устранить угрозу войны.

С уважением,

Н.Хрущев

ПОСЛАНИЕ ХРУЩЕВА 27 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Президент,

Я с большим удовлетворением ознакомился с Вашим ответом г-ну У Тану о том, чтобы принять меры с тем, чтобы исключить соприкосновение наших судов и тем самым избежать непоправимых роковых последствий. Этот разумный шаг с Вашей стороны укрепляет меня в том, что Вы проявляете заботу о сохранении мира, что я отмечаю с удовлетворением.

Я уже говорил, что наш народ, наше правительство и я лично, как Председатель Совета Министров, только и заботимся о том, чтобы развивалась наша страна и занимала бы достойное место среди всех народов мира в экономическом соревновании, в развитии культуры, искусства, повышении благосостояния народа. Это самое благородное и необ-

ходимое поприще для соревнования, и как победитель, так и побежденный в этом получают только лишь благо, потому что это — мир и увеличение средств, которыми живет и наслаждается человек.

Вы в своем заявлении высказались за то, что главная цель не только в том, чтобы договориться и принять меры для предотвращения соприкосновения наших судов и, следовательно, углубления кризиса, который может от такого соприкосновения высечь огонь военного конфликта, после чего уже всякие переговоры будут излишни, так как другие силы, другие законы начнут действовать — законы войны. Я согласен с Вами, что это только первый шаг. Главное — это надо нормализовать и стабилизировать положение мира между государствами, между народами.

Ваша озабоченность о безопасности США мне понятна, г-н Президент, потому что это первая обязанность президента. Но эти же вопросы и нас волнуют, эти же обязанности лежат и на мне, как на Председателе Совета Министров СССР. Вас беспокоило то, что мы помогли Кубе оружием с целью укрепить ее обороноспособность, — именно обороноспособность, потому что не может Куба, какое бы оружие она ни имела, равняться с вами, так как величины это разные, тем более при современных средствах истребления. Наша цель была и есть — помочь Кубе, и никто не может оспаривать гуманности наших побуждений, направленных на то, чтобы Куба могла мирно жить и развиваться так, как хочет ее народ.

Вы хотите обезопасить свою страну, и это понятно. Но этого же хочет и Куба; все страны хотят себя обезопасить. Но как же нам, Советскому Союзу, нашему правительству оценивать ваши действия, которые выражаются в том, что вы окружили военными базами Советский Союз, окружили военными базами наших союзников, расположили военные базы буквально вокруг нашей страны, разместили там свое ракетное вооружение. Это не является секретом. Американские ответственные деятели демонстративно об этом заявляют. Ваши ракеты расположены в Англии, расположены в Италии и нацелены против нас. Ваши ракеты расположены в Турции.

Вас беспокоит Куба. Вы говорите, что беспокоит она потому, что находится на расстоянии от берегов Соединенных Штатов Америки 90 миль по морю. Но ведь Турция рядом с нами, наши часовые прохаживаются и поглядывают один на другого. Вы что же считаете, что Вы имеете право требовать безопасности для своей страны и удаления того оружия, которое Вы называете наступательным, а за нами этого права не признаете.

Вы ведь расположили ракетное разрушительное оружие, которое Вы называете наступательным, в Турции, буквально под боком у нас. Как же согласуется тогда признание наших равных в военном отношении возможностей с подобными неравными отношениями между нашими великими государствами? Это никак невозможно согласовать.

Это хорошо, г-н Президент, что Вы согласились с тем, чтобы наши представители встретились и начали переговоры, видимо, при посредстве и.о. Генерального секретаря ООН г-на У Тана. Следовательно, он в какой-то степени берет на себя роль посредника и мы считаем, что он

может справиться с этой ответственной миссией, если, конечно, каждая сторона, которая втянута в этот конфликт, проявит добрую волю. [...]

Мы, взяв на себя это обязательство, с тем, чтобы дать удовлетворение и надежду народам Кубы и Турции и усилить их уверенность в своей безопасности, сделаем в рамках Совета Безопасности заявление о том, что Советское правительство дает торжественное обещание уважать неприкосновенность границ и суверенитет Турции, не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться в Турцию, не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для такого вторжения, а также будет удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Турции как с территории Советского Союза, так и с территории других соседних с Турцией государств.

Такое же заявление в рамках Совета Безопасности даст американское правительство в отношении Кубы. Оно заявит, что США будут уважать неприкосновенность границ Кубы, ее суверенитет, обязуются не вмешиваться в ее внутренние дела, не вторгаться сами и не предоставлять свою территорию в качестве плацдарма для вторжения на Кубу, а также будут удерживать тех, кто задумал бы осуществить агрессию против Кубы как с территории США, так и с территории других соседних с Кубой государств.

Конечно, для этого нам надо было бы договориться с Вами и дать какой-то срок. Давайте договоримся дать какое-то время, но не затягивать, — 2 — 3 недели, не больше месяца.

Находящиеся на Кубе средства, о которых Вы говорите и которые, как Вы заявляете, Вас беспокоят, находятся в руках советских офицеров. Поэтому какое-либо случайное использование их во вред Соединенным Штатам Америки исключено. Эти средства расположены на Кубе по просьбе кубинского правительства и только в целях обороны. Поэтому если не будет вторжения на Кубу или же нападения на Советский Союз или других наших союзников, то, конечно, эти средства никому не угрожают и не будут угрожать. Ведь они не преследуют цели нападения.

Если Вы согласны, г-н Президент, с моим предложением, тогда мы послали бы наших представителей в Нью-Йорк, в ООН. И дали бы им исчерпывающие инструкции с тем, чтобы быстрее договориться. Если Вы тоже выделите своих людей и дадите им соответствующие инструкции, тогда этот вопрос можно будет быстро решить.

Почему я хотел бы этого? Потому, что весь мир сейчас волнуется и ждет от нас разумных действий. Самой большой радостью для всех народов было бы объявление о нашем соглашении, о ликвидации в корне возникшего конфликта. Я придаю этому соглашению большое значение, поскольку оно могло бы послужить хорошим началом и, в частности, облегчить достижение соглашения о запрещении испытаний ядерного оружия. Вопрос об испытаниях можно было бы решить параллельно, не связывая одно с другим, потому что это — разные вопросы. Но важно договориться по обоим этим вопросам с тем, чтобы сделать людям хороший подарок, обрадовать их вестью также и о том, что достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия и, таким образом, больше не будет заражаться атмосфера. А наши и ваши позиции в этом вопросе очень близки.

Все это, возможно, послужило бы хорошим толчком к отысканию взаимоприемлемых соглашений и по другим спорным вопросам, по которым у нас с Вами идет обмен мнениями. Эти вопросы пока не решены, но они ждут своего неотложного решения, которое расчистило бы международную атмосферу. Мы готовы к этому.

Вот мои предложения, г-н Президент.

С уважением к Вам,

Н.Хрущев

ПОСЛАНИЕ КЕННЕДИ 27 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Председатель,

Я прочел Ваше письмо от 26 октября с большим вниманием и приветственную заявление о Вашем стремлении искать быстрого решения проблемы. Однако первое, что необходимо сделать, — это прекращение работ на базах наступательных ракет на Кубе и вывод из строя всех видов оружия, находящегося на Кубе и имеющего наступательный характер, под эффективным наблюдением Организации Объединенных Наций.

Исходя из того, что это будет быстро сделано, я отдал моим представителям в Нью-Йорке инструкцию, которая позволит им достичь в конце нынешней недели — в сотрудничестве с исполняющим обязанности Генерального секретаря и с вашим представителем — договоренности о постоянном решении кубинской проблемы в соответствии с положениями, высказанными в Вашем письме от 26 октября.

Когда я читал Ваше письмо, то пришел к выводу, что ключевые элементы Ваших предложений, — которые, по-видимому, в целом приемлемы, насколько я их понял, — заключаются в следующем:

1. Вы согласитесь устранить эти виды оружия с Кубы под надлежащим наблюдением и надзором Организации Объединенных Наций и принять обязательство, при надлежащих гарантиях, прекратить дальнейшую доставку таких видов оружия на Кубу.

2. Мы, с нашей стороны, согласимся — при достижении через Организацию Объединенных Наций соответствующей договоренности для гарантии выполнения и сохранения в силе этих обязательств — а) быстро отменить меры карантина, применяющиеся в настоящий момент, и б) дать заверение об отказе от вторжения на Кубу. Я уверен, что другие страны Западного полушария будут готовы поступить подобным же образом.

Если Вы отдадите вашему представителю подобную же инструкцию, то нам ничто не помешает достичь договоренности по всем этим вопросам и объявить об этом миру в самые ближайшие дни. Воздействие подобного урегулирования на ослабление международной напряженности позволит нам работать в направлении более общей договоренности, касающейся «других видов оружия», как это предложено в Вашем втором письме, которое вы опубликовали.

Мне бы хотелось вновь заявить, что Соединенные Штаты очень сильно заинтересованы в ослаблении напряженности и прекращении гонки вооружений; и если Ваше письмо означает, что Вы готовы обсудить воп-

рос об ослаблении напряженности в отношениях между НАТО и Варшавским Договором, мы будем полностью готовы рассмотреть с нашими союзниками любые полезные предложения.

Однако позвольте мне подчеркнуть, что первым элементом должно быть прекращение работ на ракетных площадках на Кубе и принятие мер для вывода из строя подобного оружия при эффективных международных гарантиях. Продолжение этой угрозы или затягивание нынешнего обсуждения, касающегося Кубы, путем связывания этих проблем с более широкими вопросами европейской и мировой безопасности, несомненно, приведет к интенсификации кубинского кризиса и создаст серьезный риск для мира во всем мире. По этой причине я надеюсь, что мы быстро достигнем договоренности в соответствии с положениями, изложенными в настоящем письме и в Вашем письме от 26 октября.

Джон Ф.Кеннеди

ПОСЛАНИЕ ХРУЩЕВА 28 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый господин Президент!

Получил Ваше послание от 27 октября с.г. Выражаю свое удовлетворение и признательность за проявленное Вами чувство меры и понимание ответственности, которая сейчас лежит на Вас за сохранение мира во всем мире.

Я отношусь с большим пониманием к Вашей тревоге и к тревоге народов Соединенных Штатов Америки в связи с тем, что оружие, которое Вы называете наступательным, действительно является грозным оружием.

И вы и мы понимаем, что это за оружие.

Чтобы скорее завершить ликвидацию опасного конфликта для дела мира, чтобы дать уверенность всем народам, жаждущим мира, чтобы успокоить народ Америки, который, как я уверен, так же хочет мира, как этого хотят народы Советского Союза, Советское правительство в дополнение к уже ранее данным указаниям о прекращении дальнейших работ на строительных площадках для размещения оружия, отдало новое распоряжение о демонтаже вооружения, которое Вы называете наступательным, упаковке его и возвращении его в Советский Союз. [...]

Я с уважением и доверием отношусь к Вашему заявлению, изложенному в Вашем послании 27 октября 1962 г., что на Кубу не будет совершенно нападения, не будет вторжения, причем не только со стороны Соединенных Штатов, но и со стороны других стран Западного полушария, как сказано в том же Вашем послании. Тогда и мотивы, побудившие нас к оказанию помощи такого характера Кубе, отпадают. Поэтому мы и дали указание нашим офицерам (а эти средства, как я уже сообщал Вам, находятся в руках советских офицеров) провести соответствующие меры по прекращению строительства указанных объектов, демонтажу их и возвращению их в Советский Союз. Как я вам уже сообщал в письме 27 октября, мы согласны с Вами договориться о том, чтобы представители ООН могли удостовериться в демонтаже этих средств.

Таким образом, если основываться на Ваших заверениях, которые Вы

сделали, и наших распоряжениях о демонтаже, то налицо все необходимые условия для ликвидации создавшегося конфликта.

Я с удовлетворением отмечаю, что Вы откликнулись на мои пожелания о том, чтобы ликвидировать указанное опасное положение, а также создать условия для более взвешиваемой оценки международного положения, чреватого большими опасностями в наш век термоядерного оружия, ракетной техники, космических кораблей, глобальных ракет и прочего смертоносного оружия. В обеспечении мира заинтересованы все люди. Поэтому мы, облеченные доверием и большой ответственностью, не должны допускать обострения обстановки и должны ликвидировать очаги, где создана опасная ситуация, чреватая тяжелыми последствиями для дела мира. И если нам удастся вместе с вами и с помощью других людей доброй воли ликвидировать эту напряженную обстановку, то мы должны также позаботиться о том, чтобы не возникало других опасных конфликтов, которые могут привести к мировой термоядерной катастрофе. [...]

С уважением к Вам,

Н.Хрущев

ПОСЛАНИЕ КЕННЕДИ 28 ОКТЯБРЯ 1962 г.

Уважаемый г-н Председатель!

Я сразу же отвечаю на Ваше послание от 28 октября, переданное по радио, хотя я еще не получил официального текста, так как придаю огромное значение тому, чтобы действовать быстро в целях разрешения кубинского кризиса.

Я думаю, что Вы и я при той огромной ответственности, которую мы несем за поддержание мира, сознавали, что события приближались к такому положению, когда они могли выйти из-под контроля.

Поэтому я приветствую Ваше послание и считаю его важным вкладом в дело обеспечения мира.

Похвальные усилия исполняющего обязанности Генерального секретаря У Тана значительно облегчили Вашу и мою задачу. Я рассматриваю свое письмо Вам от 27 октября и Ваш сегодняшний ответ как твердые обязательства обоих наших правительств, которые следует быстро осуществить.

Я надеюсь, что можно будет через Организацию Объединенных Наций немедленно принять необходимые меры, как говорится в Вашем послании, с тем, чтобы Соединенные Штаты в свою очередь были в состоянии отменить осуществляемые сейчас меры карантина. Я уже отдал распоряжение о том, чтобы доложить обо всех этих вопросах Организации американских государств, члены которой глубоко заинтересованы в подлинном мире в Карибском районе. [...]

Джон Ф.Кеннеди

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумов 7, 31, 32, 33, 36, 54, 136,
138, 140, 147, 150, 226, 238, 737,
738, 739, 745, 770,
Агабалаев 789
Аденауэр 235, 236, 237, 238, 239,
240, 241, 242, 243, 258, 402, 419, 599
Аджубей 639, 640, 641, 652, 656,
687, 710, 717, 721, 724
Акопов 42, 43, 45
Александр I 140
Александров-Агентов 655, 721
Алексеев 30, 31, 67, 498, 537, 621,
702, 717, 788
Аллилүв 64, 65, 156, 646, 647, 718,
719, 788, 804, 816, 818, 820,
Альперович 635
Андерсен 547
Андреев 12, 13, 14, 26, 203, 207,
297, 298, 301, 353, 361, 431, 470, 473,
477, 480, 619, 620, 658, 665, 706, 712,
773, 807, 808, 810
Андрианов 782, 785
Андропов 650, 667, 668, 674, 676,
687, 704, 720
Антонов 286, 292, 779, 781
Аристов 101, 757, 791
Армитаж 672, 673, 722
Арнольд 237, 240
Афиани 780
Ачесон 353, 594
Ашкенази 70, 71, 75
- Багиров 743
Бадаев 566
Эль-Бадр 273, 291
Бажан 38
Бакаев 538
Бакланов 707, 709, 711, 712, 724
Балев 459, 460, 475
Барабоскин 657, 683, 721
Барсуков 780, 714, 715, 724
Барух 731, 379
Батиста 498, 502, 503, 504, 526, 528,
537, 617
Беззубик 447, 667, 668, 688, 691,
694, 721
Бен-Гурион 291, 292
Бенедиктов 69, 75
Берггольц 790
- Берия 10, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32,
33, 34, 40, 41, 43, 46, 47, 50, 52, 53, 55,
56, 57, 58, 59, 60, 61, 68, 80, 96, 106,
109, 110, 112, 113, 114, 130, 131, 135,
136, 137, 138, 140, 141, 142, 143, 144,
145, 149, 150, 153, 155, 156, 160, 162,
163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170,
171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178,
179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186,
187, 188, 189, 190, 193, 199, 201, 204,
246, 383, 565, 568, 569, 570, 572, 575,
576, 632, 634, 636, 666, 711, 717, 737,
738, 743, 744, 745, 746, 751, 752, 763,
765, 766, 770, 773, 774, 778, 789, 807,
809
Берут 188, 194, 195, 573
Бивен 286, 287, 292
Бидо 421
Бирон 34, 35, 37
Бирюзов 425, 428, 511, 512, 611
Блэкман 700, 722
Блюхер 190, 191
Бобков 630, 717
Бобровский 741
Бобровских 741
Болдин 703, 713, 723
Болдуин 245, 267, 574
Болен 239, 240, 242, 244
Большаков 104, 112
Борисов 787
Бош 537
Брандт 234, 235, 244, 484, 489, 495
Брашвану 740
Брежнев 101, 629, 640, 642, 650,
652, 654, 655, 656, 688, 698, 700,
701, 702, 719, 723
Бриджес 326
Буденный 750
Булганин 63, 65, 75, 76, 80, 99, 100,
101, 102, 124, 126, 129, 130, 131, 132,
133, 134, 157, 158, 160, 161, 165, 166,
168, 169, 170, 172, 174, 178, 181, 185,
195, 207, 208, 246, 247, 249, 251, 261,
262, 265, 267, 268, 271, 272, 273, 274,
277, 278, 281, 282, 286, 288, 289, 297,
568, 569, 575, 576, 577, 579, 584, 585,
586, 588, 602, 636, 718, 744, 746, 747,
748, 749, 752, 784, 785, 792, 794, 796
Буссак 423, 641
Бухарин 79, 113, 114, 121, 179, 191,

192, 571, 758, 763, 774, 785

Бялик 791

Вагнер 326, 327, 351

Василевский 798, 22

Василенко 90, 91, 93, 94

Васильев 798

Вейе 422, 424, 443

Велоржев 742

Вербов 740

Вильсон 287, 292, 325

Виноградов 90, 91, 94, 385, 398, 407, 415, 422, 772

Влодзимирский 176

Вознесенский 25, 29, 31, 32, 34, 36, 154, 770, 772, 784,

Волков 698, 722

Волокишик 739

Воронцов 664, 721

Ворошилов 63, 78, 79, 80, 100,

101, 102, 105, 106, 107, 111, 112, 117,

126, 128, 130, 134, 138, 145, 148, 163, 166,

167, 169, 170, 171, 178, 182, 183, 184,

185, 186, 187, 394, 480, 563, 568, 569,

572, 587, 632, 716, 746, 749, 752,

781, 807,

Вышинский 81, 82

Гаврилов 432

Гагарин 24, 61, 75

Галан 21, 35, 408, 409

Гамарник 79, 147, 148, 149

Гамкрелидзе 657, 665, 721

Гарриман 326, 329, 330, 331, 332,

351, 352, 368, 369

Гарст 333, 334, 335, 336, 337,

338, 339, 340, 341, 342, 343, 344,

345, 346, 347, 348, 352, 476

Геббельс 743

Гевара 497, 536

Гей 791

Генералов 792

Георгиу-Деж 197, 206

Гертер 353, 357, 359, 379, 436

Герхардсен 548, 551, 552, 553, 560

Гиталов 344, 352

Гитлер 112, 138, 139, 142, 211,

218, 238, 245, 252, 330, 355, 356, 373,

382, 383, 401, 403, 404, 468, 511, 564,

565, 574, 587, 588, 590, 591, 592, 594,

596, 651, 717, 743, 796

Гладовский 116

Говоров 98

Гоглидзе 176, 747

де Голль 381, 382, 383, 384, 385,

386, 391, 392, 398, 399, 400, 402, 403,

404, 405, 406, 407, 414, 415, 416, 417,

418, 419, 420, 421, 432, 434, 437, 470,

715

Голованов 800

Голубев 773

Гомулка 195, 196, 198, 205

Горбатов 768, 782

Горбах 496

Горбачев 665, 702, 703, 706, 708,

710, 721, 723

Горлинский 747

Горький 39, 74, 318, 411

Готвальд 200

Грейвс 820

Гречко 283, 596

Гробарт 536

Громов 779, 784

Громыко 70, 201, 228, 273, 297,

301, 306, 307, 311, 312, 314, 318, 354,

359, 360, 361, 398, 424, 431, 435, 436,

459, 461, 464, 466, 467, 481, 487, 516,

517, 612, 613, 619, 620, 658, 659, 665,

721

Грэвс 380

Густав 560

Гущин 707, 708, 710, 724

Гэйтскелл 286, 287, 288, 292

Даладье 412, 413, 414, 423, 599

Даллес 188, 251, 252, 253, 254,

255, 257, 262, 268, 301, 352, 353, 354,

428, 436, 443, 458, 482, 487, 506, 579,

580, 581, 587, 590, 591, 593, 594, 595,

596, 597, 600, 602

Даниэл 647, 719

Дебре 423

Дегтярев 713, 714

Дежан 387, 393, 422

Деканозов 176, 782

Дементьев 26, 36

Деникин 760

Джонсон 352, 379, 533, 538, 624

Джонстон 360

Джугашвили 803, 804, 717

Дзержинский 760, 779, 650, 671, 717

Диллон 355, 356, 357, 360, 364,
368, 379, 482
Добрынин 518, 519, 520, 538, 620,
621, 659
Довженко 37, 38, 39, 40, 45
Дортикос 537
Дюкло 786, 381, 408, 417

Евреинов 705, 723
Егоров 738, 191
Ежов 142, 144, 145, 148, 149, 150,
151, 152, 154, 155, 187, 189, 563, 564,
567, 568, 745, 751, 759, 761, 764, 765,
788, 793,
Елизавета 276, 292
Ендовицкий 741
Енукидзе 570, 759, 807
Еременко 783, 785
Ершов 741
Есперсен 542, 560
Ефремов 741

Жданов 25, 26, 27,
67, 75, 89, 90,
91, 92, 94, 96, 805, 807
Жемчужина 50, 51, 52, 53, 80
Живков 505, 507, 537
Жокс 422, 636, 718
Жуков 170, 173, 207, 208, 209,
210, 248, 254, 255, 261, 265,
266, 318, 326, 518, 568, 576, 579,
584, 587, 588, 602, 604, 605, 607, 620,
627, 628, 698, 715,
742, 784, 785, 804
Журавлев 653, 654, 655, 720

Задаев 787
Зверев 352
Землячка 151, 564
Зикмунд 800
Зиллиакс 292
Зиновьев 35, 79, 153, 191, 192, 571,
785
Зоценко 790
Зырянов 747
Ибаррури 786, 451, 453
Иванов 742, 792, 28, 36, 302, 326
Игнатов 101, 729
Игнатъев 93, 94, 772, 781

Иден 245, 247, 255, 256, 258, 261,
267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274,
275, 276, 279, 281, 283, 284, 288, 290,
291, 386, 574, 575, 580, 584, 586, 588, 589,
590, 595, 597, 598, 599, 600, 602, 605
Ильф 302, 329
Ильюшин 286, 292
Инсаров 505
Иоанн 210
Иосифов 710, 724
Искендеров 709, 712, 713, 714, 724
Йозеф 785

Кабаков 764
Каверин 793
Каганович 15, 16, 17, 18, 19, 38, 46,
63, 78, 80, 100, 101, 102, 112, 123,
124, 126, 128, 130, 134, 143, 145, 146,
147, 148, 150, 160, 161, 168, 169, 178,
182, 183, 184, 186, 187, 193, 563, 568,
569, 570, 572, 632, 638, 723, 746, 748,
749, 752, 781, 805, 806, 807,
Кадар 202, 203
Казинс 695, 696, 697, 722
Калинин 226, 227, 445, 807
Кальдеро 535
Каменев 77, 79, 82, 153, 191, 571,
785
Каминский 132, 153, 168, 171, 172,
743
Капто 709, 712, 713, 724
Карбышев 233, 235
Карпов 761
Каррэн 326
Картер 308
Кассиль 810, 811, 813
Кастро 454, 455, 456, 457, 496,
497, 498, 499, 501, 503, 504, 506, 507,
511, 513, 518, 520, 522, 523, 524, 526,
527, 529, 533, 534, 536, 610, 611, 612,
614, 615, 616, 617, 618, 619, 621, 622,
624, 625, 626, 820
Кафтанов 810, 813
Кашен 417, 423
Кедров 178, 191, 193, 773
Кеннеди 304, 418, 470, 471, 475, 476,
477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484,
485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 495,
500, 516, 518, 519, 520, 521, 522, 523,
525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 533,
534, 535, 538, 613, 614, 615, 616, 618,

- 620, 622, 623, 624, 625, 626, 657, 722,
813, 814, 815, 817, 818, 824, 825, 826
Кизингер 237, 240, 243
Ким 82, 83, 84, 85, 86, 88
Кинг 304
Кириленко 642, 643, 644, 645, 652,
653, 654, 655, 657, 675, 680, 688, 713,
720
Кириченко 11, 165, 176
Киров 141, 142, 147, 563, 758, 759,
806, 807, 808, 810,
Кирпонос 142, 767
Киселев 724
Клей 490, 491, 495
Клинтон 651, 719
Клишко 195, 206
Кобулов 155, 159, 176, 747
Коваль 16
Козлов 97, 101, 294, 801
Колесников 741
Колумб 550, 696, 700, 811
Комаров 757, 134
Комиссаржевский 810
Конев 92, 93, 94, 209, 490, 491,
493, 494, 495, 588, 784,
Константин II 560
Корвалан 646, 720
Корнейчук 22, 38, 165
Королев 276, 699
Коротич 707, 708, 710, 711, 712,
713, 723
Коротков 747
Коротченко 48, 568
Корсаков 560
Косарев 764, 765, 766
Косиор 82, 150,
764, 765, 766, 772, 781
Костенко 56, 566, 567
Косыгин 10, 11, 25, 35, 208, 228,
232, 235, 409, 804
Коцюбинский 91
Краг 560
Крайский 220, 224, 233, 234, 235,
481, 489
Краун 352
Крейзер 51, 54
Крестинский 179, 193
Кривцов 738
Кристофер 314, 326
Круглов 173, 174, 176, 747, 788
Крупская 120, 121, 122
Крылов 85, 88
Крэбб 292
Кудрявцев 498, 536
Кузнецов 24, 25, 26, 27, 29, 34,
35, 36, 202, 206, 655, 702, 721, 723,
770, 772, 784, 791,
Кузовлев 631, 717
Кулик 79
Куприн 203, 207
Курасов 228, 229, 235
Курчатов 268, 270, 273, 282, 283,
291, 297
Кутиков 204
Кутузов 140
Күүсинен 781, 508, 537, 611
Лазюрик 423
Лакоб 807, 810
Ландан 326
Лаптев 784
Ларсен 541, 542, 560
Левандовский 90, 94
Ленин 27, 28, 44, 53, 77, 90, 110,
115, 116, 117, 120, 121, 123, 127, 137,
139, 140, 141, 143, 144, 153, 180, 189,
191, 192, 203, 223, 249, 293, 314,
320, 329, 339, 358, 372, 419, 420, 425,
439, 440, 441, 534, 570, 577, 625, 647,
743, 745, 746, 747, 749, 751, 752, 760,
768, 774, 775, 776, 777, 779, 780, 781,
786, 787, 789, 792
Ли Сын Ман 83, 84, 88
Ли Т.Х. 475
Линь Бяо 413
Липицкий 714, 715, 724
Лисичкин 669, 722
Литвинов 50, 51, 54
Литовченко 546
Лихачев 30, 31, 36, 134
Ллойд 255, 270, 271, 273, 283
Лога-Совиньский 195, 206
Лодж 307, 308, 310, 312, 313,
314, 322, 326, 334, 477, 478
Лозов 738
Лозовский 51, 52, 53, 54
Ломинадзе 79, 179
Ломов 191, 194, 285
Луи 645, 646, 647, 648, 649, 650,
651, 652, 661, 678, 679, 680, 681, 692,
718
Лукашов 566
Лукомский 130, 134

Лумумба 447, 475

Луньков 560

Лысенко 341

Лю Шаоци 573

Мавр 740

Макарова 799

Макдаффи 372, 373

Маккарти 377, 380, 477

Маклейн 309

Макмиллан 270, 271, 283, 291, 386, 432, 437, 445, 470

Маленков 10, 12, 14, 15, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 34, 37, 38, 41, 43, 46, 52, 63, 67, 75, 76, 95, 96, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 107, 113, 124, 126, 128, 129, 130, 132, 133, 150, 151, 152, 154, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 173, 174, 177, 178, 181, 185, 207, 208, 214, 246, 247, 383, 564, 567, 568, 569, 570, 571, 575, 584, 585, 745, 746, 750, 751, 752, 767, 779, 781, 784, 789,

Малиновский 85, 143, 148, 201, 209, 425, 429, 431, 434, 435, 436, 438, 509, 510, 511, 523, 592, 621, 784

Маллер 700, 722

Мальро 397, 422

Мальцев 13, 14, 21, 749

Манизер 810

Манкуш 740

Мануильский 807, 810

Манштейн 511

Манькин 724

Мао Цзэдун 83, 86, 87, 88, 143, 148, 180, 208, 369, 413, 600, 652

Маринельо 535, 536

Маркс 140, 534, 625, 775, 781, 787

Маршалл 352, 379, 731

Масленников 747

Маунтбэттен 277, 292

Медведев 701, 702, 706, 709, 712, 713, 714, 722, 723

Межлаук 763

Мейерсон 207

Мельников 23, 36, 48, 49, 54, 165, 641, 642, 685, 686, 688, 690, 704, 722

Мендес 414, 423

Меньшиков 295, 296, 306, 325, 374, 449, 462

Меняков 742

Мерецков 93, 94, 782

Меркулов 175, 176

Мерэ 422

Мехлис 79, 148, 152

Мешик 176, 747

Мжаванадзе 59, 61, 698, 722

Микеладзе 808

Микоян 214, 215, 219, 275, 296, 322, 480, 497, 508, 522, 523, 744, 746, 748, 749, 750, 752, 778, 781, 785, 807

Миро 536

Митин 51, 54, 396, 420

Михайлов 101, 171, 176

Михоэлс 50, 51, 52, 54

Могильниченко 16, 17

Модестов 635, 718

Молле 291, 292, 386, 388, 414, 418, 422

Молотов 25, 32, 43, 46, 51, 52, 53, 63, 79, 80, 81, 82, 96, 98, 99, 100, 102, 103, 104, 105, 109, 112, 126, 127, 128, 129, 134, 145, 148, 150, 151, 152, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 167, 168, 169, 178, 182, 185, 187, 207, 208, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 223, 228, 234, 246, 247, 248, 261, 265, 277, 382, 383, 445, 464, 480, 563, 568, 569, 572, 575, 585, 586, 602, 632, 698, 716, 744, 746, 749, 750, 752, 778, 781, 789, 807, Монтгомери 588, 592, 731

Мордвинов 792

Мордовец 741

Морозов 66, 67, 344, 352, 353, 411

Москаленко 170, 173, 174, 568

Московский 813, 107, 149

Моцарт 190

Муссолини 401

Надь 747

Наполеон 139, 143, 393, 598

Насонова 657, 722

Наумов 153, 634, 656, 717, 721

Неизвестный 696, 697, 701

Неру 113, 196, 256, 268, 301, 325, 444, 454, 457, 458, 499, 500, 534, 580, 597, 625, 659, 697, 721

Нижельский 739

Никитин 791

Николаев 759, 763

Николай I 485, 644

- Николай II 284
 Никсон 306, 307, 323, 324, 326, 374, 375, 376, 377, 476, 477, 478
 Новиков 33, 34, 37, 800
 Нужнов 787
- Обручников 747
 Огурцов 792
 Ольшанский 341, 342, 352
 Орахелашвили 808
 Орджоникидзе 31, 82, 150, 292, 570, 571, 773, 774, 795, 807
 Охаб 194, 195, 196
- Панкратов 789, 790
 Паран 740
 Паршин 742
 Патоличев 15, 18, 21
 Паулус 201, 511, 632, 637
 Пауэрс 425, 426, 427, 478, 479, 495, 516, 518, 538, 615
 Пельше 642, 643, 644, 688, 689, 690, 691, 720
 Первухин 100, 101, 102, 160, 169, 181, 185, 492, 496, 568, 751, 752,
 Петров 302, 628, 638, 645, 657, 678, 717
 Петровский 82, 555, 567, 568, 719, 720, 779
 Пилюгин 655
 Пискарев 742
 Плеханов 140
 Плиев 510, 537, 612
 Плисецкий 72, 75
 Плужников 742
 Попков 770
 Попов 22, 23, 24, 35, 742, 798
 Поскребышев 40, 99, 109, 110, 114, 563, 769, 807,
 Поспелов 179, 180, 181, 183, 185, 186, 193, 572, 573, 757, 778, 780
 Постышев 761, 764, 765, 772
 Поулсон 326
 Прангел 799
 Прокофьев 790
 Прутков 210, 396, 526
 Пустовалов 741
 Пьедр 536
 Пэн Дэхуай 87, 88
 Пятаков 28, 785
- Рааб 220, 221, 222, 223, 224, 234, 488
 Райтер 317, 318, 319, 320, 326
 Райхман 747
 Ракоши 58, 61, 196, 743
 Раск 487, 495, 516, 517, 612, 613, 619
 Рассел 43, 287, 821
 Расщепов 662, 663, 664, 665, 666, 669, 671, 672, 673, 677, 678, 679, 682, 683, 684, 687, 688, 696, 704, 721
 Реденс 65, 156, 807
 Репин 380, 421
 Рихтер 73, 74, 75
 Родионов 25, 29, 36, 770
 Родос 692, 765, 766, 779
 Родригес 536
 Розенберг 652, 720
 Розенталь 700, 705, 722
 Рока 535, 536
 Рокоссовский 768, 782, 788, 588, 592
 Рокфеллер 249, 255, 267, 326, 328, 351, 352, 448, 495, 577, 580, 605, 606
 Романов 94, 637, 813
 Ротшильд 407, 408, 422
 Роше 417
 Руденко 173, 175, 179, 192, 193, 571, 801, 802, 803,
 Рудзутак 765, 82
 Рузвельт 239, 298, 329, 352, 360, 361, 372, 380, 440, 468, 472, 476, 525, 591
 Румянцев 791
 Руссу 740
 Рухимович 28, 763
 Рыков 79, 82, 121, 179, 191, 192, 392, 571, 785
 Рыльский 38, 155
 Рясной 747
- Сабуров 95, 96, 100, 101, 102, 160, 168, 169, 181, 185, 568, 751, 752, 779,
 Савченко 738, 739, 747
 Сазонов 786
 Сазыкин 747
 Сальери 190
 Сванидзе 717, 805, 807, 809, 810
 Свердлов 119
 Секу Туре 406, 422
 Семичастный 803, 804
 Серов 141, 143, 174, 176, 272, 308, 747, 763

- Сикорский 359, 379
 Синявский 647, 719
 Скляров 703, 704, 705, 706, 707, 709
 Скуратов 145, 149, 789
 Слезберг 749
 Смирнов 682, 683, 704, 707, 708, 710, 712, 713, 714, 724
 Смоленский 657, 659, 722
 Снегов 701, 702, 779
 Солнцев 40, 45
 Соловьев 713, 714, 724
 Солсбери 338, 352
 Сопов 787
 Спыхальский 195, 205
 Стакс 700, 722
 Сталин 2, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 199, 200, 201, 203, 204, 205, 207, 208, 209, 210, 211, 213, 214, 215, 216, 217, 219, 222, 223, 228, 236, 245, 246, 247, 249, 250, 252, 260, 262, 263, 265, 266, 267, 269, 283, 284, 291, 296, 301, 302, 330, 352, 354, 355, 361, 366, 382, 383, 384, 385, 386, 394, 400, 401, 402, 409, 413, 415, 440, 465, 468, 472, 480, 483, 511, 540, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 574, 575, 577, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 591, 592, 593, 602, 603, 604, 605, 607, 608, 629, 630, 632, 633, 636, 637, 645, 646, 647, 652, 666, 672, 673, 680, 701, 703, 711, 712, 716, 717, 719, 722, 723, 725, 737, 738, 741, 743, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 774, 775, 776, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 793, 796, 801, 802, 803, 807, 809, 810
 Старостин 800
 Старченко 9, 20
 Стасов 779
 Стаханов 747
 Стивенсон 334, 340, 347, 352, 476, 477
 Стомоняков 806, 810
 Стражеско 91, 94
 Строкач 164, 165, 176, 737
 Стюарт 282
 Судоплатов 632, 717, 747
 Сульман 554, 555, 560
 Сурков 791
 Суслов 72, 101, 703, 781, 782, 783
 Суходрев 433, 443
 Сыромятников 787
 Сырцов 79, 179

 Тарасов 793, 800
 Тарачков 800
 Тареев 657, 659, 722
 Тарсис 646, 720
 Тарханов 106, 112
 Таубман 634, 717
 Твен 811
 Темпест 699, 722
 Тил 806
 Тимашук 89, 91, 92, 94, 772
 Тимошенко 79, 208
 Титарев 742
 Тито 71, 139, 189, 203, 211, 213, 214, 216, 219, 242, 445, 772, 790
 Толнолару 740
 Толстой 210, 242, 363, 537, 538, 709
 Тольятти 194, 205, 206, 384, 421, 786
 Томас 292, 352
 Томпсон 310, 311, 326, 620, 660
 Торез 194, 205, 383, 384, 390, 397, 408, 417, 419, 420, 421, 422, 437, 438, 786,
 Торрихос 537
 Троскунов 18, 21
 Троцкий 28, 77, 115, 785
 Трумэн 731, 352, 379, 487
 Трунин 666, 668, 676, 678, 682, 683, 721

- Туполев 297, 298, 299, 474
 Тургенев 505, 537
 Тухачевский 79, 190, 191
 Тычина 38
 Тэлботт 651, 652, 699, 700, 719, 722
 Тютюник 740
- У Тан 467, 468, 475, 528, 529,
 819, 821, 822, 826,
 Уивер 326
 Улаф 560
 Ульбрихт 199, 201, 206, 491, 492,
 496, 609
 Ульрих 809
 Уотсон 324
 Уррутиа 536
 Успенский 566, 567, 568
 Ушаков 763
- Фалин 714, 724
 Федотов 747
 Филатов 787
 Финогенов 635, 676, 677, 679, 705,
 718
 Фомин 536
 Фор 256, 257, 267, 414, 575, 578,
 581, 584, 589, 590, 595, 596, 598
 Форд 318
 Фотиев 779, 786
 Франко 436, 451, 453, 475
 Фредерик IX 560
 Фролов 706, 707, 708, 723
 Фруммин 49, 54
 Фулбрайт 476, 495
 Фурманов 90, 94
 Фурцева 73, 74, 75, 113, 409, 784
- Хальштейн 237, 242, 243
 Хаммаршельд 451, 465, 466, 467,
 475
 Харвей 659, 660, 661, 662, 663, 664,
 665, 668, 669, 671, 673, 721
 Харченко 730
 Хасан II 457
 Хо Ши Мин 414
 Ходж 203
 Хокон VII 560
 Хрущев 2, 9, 15, 24, 49, 95, 100,
 101, 102, 113, 114, 126, 151, 152, 153,
 160, 161, 167, 174, 186, 188, 195, 198,
 217, 224, 235, 241, 255, 257, 262, 269,
 277, 279, 281, 291, 294, 296, 306, 309,
 311, 312, 314, 315, 322, 323, 324, 325,
 327, 333, 338, 339, 342, 343, 344, 352,
 359, 361, 363, 368, 372, 373, 374, 376,
 378, 380, 391, 393, 394, 399, 400, 403,
 422, 433, 437, 443, 444, 448, 451, 453,
 454, 455, 458, 470, 473, 474, 477, 478,
 480, 488, 508, 518, 519, 526, 527, 536,
 539, 541, 551, 555, 559, 568, 569, 573,
 580, 595, 597, 602, 605, 611, 614, 620,
 624, 625, 627, 628, 629, 630, 631, 632,
 633, 634, 640, 641, 642, 643, 644, 646,
 647, 649, 650, 660, 663, 665, 667, 677,
 678, 682, 687, 689, 690, 691, 693, 694,
 695, 699, 700, 701, 702, 710, 711, 712,
 713, 714, 715, 717, 718, 719, 721, 722,
 723, 725, 729, 743, 744, 745, 746, 747,
 749, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 777,
 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785,
 786, 788, 789, 790, 792, 793, 794, 796,
 802, 803, 813, 814, 815, 817, 818, 821,
 823, 825, 826,
- Чабан 738
 Чаплин 308
 Челомей 207, 653, 654, 655, 656, 720
 Чемберлен 267, 412, 423
 Черепин 567
 Черняев 702
 Черчилль 221, 244, 245, 250, 267,
 272, 283, 284, 285, 356, 373, 383, 401,
 472, 574, 577, 584, 591, 592, 593, 628,
 715, 747, 782
 Чжоу Эньлай 86, 87, 88, 573
 Чиаурели 40, 45
 Чикобава 112
 Чингисхан 143, 148
 Чомбе 448, 467, 475
 Чубарь 28, 82, 565,
 764, 766, 772, 807, 810
 Чүраев 791
 Шаба 390, 422
 Шаляпин 203
 Шамберг 67, 75
 Шаповал 633, 716
 Шаститко 792
 Шахурин 25, 26, 33, 34, 36
 Шварц 28, 36
 Шверник 134, 757

Шевченко 11, 108, 333, 334, 406, 644, 757
 Шелепин 639, 640, 801, 802, 803
 Шепилов 780, 782
 Шерф 496
 Сехтер 650, 652, 719
 Шеху 203
 Скирятов 101, 114
 Шкод 200, 206
 Шмидт 237, 240, 241, 243
 Шолохов 189, 297, 307, 559, 560
 Штыков 85, 88
 Шуйский 48, 54, 108
 Шумилов 637, 704, 705, 718

Щаденко 79
 Щербаков 37, 38, 39, 41, 45, 91

Эзоп 537
 Эйдинов 36
 Эйзенхауэр 247, 248, 249, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 261, 262, 267, 293, 294, 295, 296, 298, 301, 303, 304, 306, 322, 353, 354, 355, 356, 357, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 367, 369,

370, 371, 373, 374, 380, 428, 429, 432, 434, 436, 437, 439, 440, 441, 442, 443, 455, 458, 475, 476, 477, 478, 479, 481, 482, 486, 487, 516, 575, 576, 577, 579, 580, 581, 584, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 599, 600, 602, 604, 605, 606, 660, 747
 Эйхе 762, 763, 782
 Элиава 807
 Энгельс 534, 625, 775, 787
 Эриксен 560
 Эрландер 555, 556, 560

Юз Дж. 291

Ягода 745, 142, 144, 149, 150, 187, 189, 566, 571
 Якобсен 560
 Яковлев 152, 153, 159, 425, 431, 434, 435, 565, 634, 702, 703, 704, 707, 711, 723, 739, 786, 805, 809,
 Якубовский 490, 492, 496
 Япрынцев 742
 Ярославский 21, 36, 564, 718
 Ярошенко 106, 108, 111, 113, 114

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия 211, 212, 213, 214, 215, 216, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 327, 389, 481, 482, 486, 489, 490, 538, 593
 Австро-Венгрия 202, 206, 485
 Аден 274
 Азербайджан 153, 718
 Азия 430, 444, 452, 472, 724, 730
 Айова 323, 333
 Албания 203, 207
 Александровка, село 739
 Алжир 388, 389, 405, 416, 417, 418, 429, 439
 Америка (см. также: Соединенные Штаты Америки, США) 73, 198, 205, 219, 250, 294, 295, 297, 300, 301, 302, 304, 324, 326, 329, 330, 331, 342, 359, 369, 371, 376, 378, 423, 445, 448, 454, 455, 462, 471, 472, 515, 518, 519, 523, 526, 577, 586, 600, 610, 615, 623, 647, 652, 657, 659, 664, 666, 675, 688, 690, 697, 740, 810, 811, 812, 813, 826
 Англия 70, 104, 205, 212, 221, 222, 244, 246, 248, 250, 254, 259, 260, 268, 275, 277, 280, 281, 282, 285, 287, 291, 296, 301, 302, 306, 331, 356, 359, 360, 361, 386, 390, 424, 428, 438, 439, 442, 445, 448, 464, 469, 477, 480, 489, 490, 505, 543, 574, 575, 576, 577, 579, 582, 585, 589, 595, 596, 619, 648, 710, 720, 731, 732, 749, 781, 794, 795, 830, 835
 Армения 559
 Артемовск (см. также: Бахмут) 28
 Архангельская обл. 792
 Атомград 732
 Афганистан 424, 426, 440
 Африка 430, 444, 464, 472, 724, 812
- Баку 132, 153, 169, 194, 743, 751
 Баландинский район 789
 Бауманский район 79, 121
 Бахмут (см. также: Артемовск) 28
 Бегрибановка, село 741
 Белоруссия 15, 19, 20, 21, 42, 155, 165, 175, 355, 444, 450, 462, 463, 747
 Бельгия 464, 467
 Бендеровский уезд 739
 Бережанский район 730
- Березино, село 738
 Берлин 40, 45, 212, 234, 237, 252, 262, 281, 482, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 499, 500, 537, 582, 588, 591, 592, 593, 769, 784, 814
 Берлин Восточный 493
 Берлин Западный 235, 237, 268, 367, 399, 400, 472, 481, 482, 483, 484, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 500, 501, 537
 Бессарабия 740
 Бирма 301, 467, 636
 Ближний Восток 204, 205, 246, 271, 575
 Болгария 190, 504, 505, 507, 537, 610
 Болотинский район 740
 Бонн 242, 600
 Борбон (США) 811
 Бордо 390, 422
 Борисоглебск 741
 Бородинский район 738, 739
 Борщовский район 734
 Бостон (США) 811
 Британия 437
 Британские острова 273
 Буг 767
 Будапешт 229
 Бутурлиновка, село 741
 Бучачский район 734
- Вале-Маре, село 740
 Варшава 194, 195, 196, 206, 573
 Василеостровский район 788
 Вашингтон 81, 85, 240, 242, 248, 293, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 307, 311, 326, 329, 353, 359, 360, 370, 371, 373, 377, 379, 427, 429, 431, 478, 479, 491, 497, 519, 576, 613, 619, 621, 664, 665, 696, 811, 814
 Веденское, село 738
 Великобритания (см. также: Англия) 244, 245, 247, 255, 256, 267, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 277, 278, 281, 283, 291, 292, 297, 444, 445, 446, 459, 460, 464, 470, 472, 574, 575, 580, 595, 597, 598, 600, 715, 721, 794, 795
 Вена 211, 212, 213, 218, 219, 220, 225, 228, 229, 230, 231, 233, 235, 252, 281, 480, 481, 486, 488, 495, 500, 534, 592, 593, 625, 651, 658, 659, 814, 820
 Венгрия 88, 194, 196, 219, 229, 246,

- 291, 575, 716, 719, 743
 Верден 395, 422
 Версаль 396
 Виши 381, 421
 Владивосток 202, 378, 380
 Волжский район 789
 Вологодская губерния 117, 118, 127
 Волонтировка, село 740
 Волонтировский район 740
 Волинская обл. 726, 729
 Воронеж 568, 723, 741, 742, 743
 Воронежская обл. 737, 738, 741, 742
 Ворошиловград (см. также: Луганск) 187
 Восточная Германия (см. также: Германия) 10, 160, 175, 199, 283, 399, 403
 Восточная Европа (см. также: Европа) 198, 288, 444, 505, 719
 Восточные области Украины 7, 734
 Восточный Берлин 491, 537
 Вьетнам 313, 326, 414, 423, 533, 625
 Вязовый, хутор 741
- Гавана 496, 498, 502, 526, 536, 617
 Гайдырь, село 738
 Галиция 735, 736
 Гарлем 454, 455, 456, 812
 Гвинея 406, 422
 ГДР (см. также: Германия) 160, 161, 172, 195, 196, 198, 199, 234, 235, 236, 237, 242, 244, 250, 258, 262, 263, 268, 270, 367, 368, 369, 370, 400, 403, 404, 442, 483, 484, 490, 491, 492, 493, 494, 496, 500, 537, 578, 582, 583, 600, 609, 716, 743
 Германия 7, 51, 138, 160, 175, 193, 199, 206, 211, 212, 215, 228, 234, 235, 236, 237, 238, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 250, 257, 258, 259, 264, 270, 329, 356, 358, 367, 368, 382, 384, 386, 388, 395, 396, 399, 400, 401, 402, 403, 412, 416, 419, 420, 421, 434, 469, 481, 482, 483, 484, 491, 495, 496, 519, 537, 548, 564, 565, 574, 578, 581, 582, 584, 588, 590, 592, 593, 595, 598, 599, 600, 601, 604, 609, 615, 617, 725, 732, 782, 797, 798
 Германская Демократическая Республика 160, 236, 237, 242, 250, 257, 258, 482, 578, 599, 600, 609
 Германская Федеральная Республика 235
 Гетеборг 557, 558
 Голливуд 308, 309
 Горский район 743
 Горький 25, 318, 790
 Горьковская область 25, 756
 Греция 315, 379, 384, 421, 546, 731
 Гринвич 278, 279, 292
 Грозненская область 743
 Грузия 58, 63, 64, 65, 66, 156, 159, 160, 161, 164, 179, 181, 330, 718, 721, 722, 746, 749, 750, 751, 771, 772, 809, 831
 Гуантанамо 522, 615
 Гудзон, река 811, 812
- Давитляги, село 738
 Дальний (город) 86
 Дальний Восток 86, 90, 109, 768, 838
 Дания 309, 446, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 554, 556, 559, 560, 647
 Дижон 390, 391, 422, 438
 Днепр 568, 639
 Днепропетровск 568
 Докузнаринский район 789
 Донбасс 7, 28, 34, 36, 46, 47, 92, 116, 191, 238, 270, 272, 291, 544, 565, 835
 Донецк (см. также: Юзовка) 270
 Дрогобычская область 728
- Европа 202, 219, 222, 297, 352, 356, 358, 366, 379, 385, 401, 402, 403, 404, 414, 420, 430, 437, 443, 446, 457, 460, 461, 472, 483, 499, 500, 537, 545, 586, 600, 609, 658, 659, 730
 Египет 271, 291, 559, 839
- Женева 246, 247, 248, 249, 250, 251, 255, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 268, 269, 270, 296, 301, 304, 328, 357, 414, 432, 436, 458, 470, 478, 480, 575, 576, 577, 579, 581, 582, 583, 584, 585, 588, 589, 591, 595, 599, 600, 601, 603, 604, 606, 608, 609, 638
 Женевское озеро 255, 579
- Закавказье 746, 749, 750, 751, 809

- Закарпатская Украина, Закарпатье 202
 Зальцбург 231
 Западная Белоруссия 746
 Западная Германия 72, 73, 197, 198, 199, 234, 236, 239, 241, 242, 243, 244, 257, 273, 283, 367, 370, 398, 399, 400, 419, 442, 484, 489, 490, 491, 492, 501, 505, 599, 619
 Западная Европа 367, 419, 472
 Западная Сибирь 763
 Золотой Рог 378
 Золочевский округ 734
 Зубалово 806, 809
- Израиль 203, 204, 205, 207, 291, 292, 385, 646, 703, 839
 Индия 66, 69, 75, 104, 268, 292, 296, 301, 325, 445, 458, 538, 597, 721
 Ирак 273
 Иран 202, 207, 440, 536
 Ирландия 70, 451, 461
 Испания 391, 436, 444, 451, 452, 453, 464, 491, 731, 768
 Италия 211, 216, 218, 234, 326, 372, 384, 401, 402, 421, 491, 497, 505, 516, 517, 529, 530, 560, 614, 619, 623, 731, 823, 828
 Йемен 271, 273, 274, 291
- Кавказ 334, 417, 570, 793
 Кавказские горы 426
 Казань 803, 804
 Кайнарский район 739, 740
 Калач 742
 Калининград 445
 Калиновка 335
 Канада 109, 198, 352, 462, 657, 723
 Кантемировка, ст. 742
 Кантемировский район 742
 Карелия 718
 Карибский район 827
 Каушенский район 739
 Кембридж 273
 Кемеровская область 755, 756
 Кентукки 811
 Киев 10, 11, 16, 27, 29, 30, 43, 49, 91, 150, 151, 229, 372, 568, 633, 638, 660, 729, 767, 772
 Кировоградская область 344
 Китай 87, 88, 89, 93, 180, 190, 195, 201, 202, 206, 369, 370, 378, 412, 413, 423, 465, 469, 522, 538, 599, 600, 666, 690, 731, 803, 812
 Китайская Народная Республика 201
 Кишиневский уезд 739
 КНДР 84, 85, 86, 87, 88
 КНР 88, 89, 465, 468
 Колумбия 811
 Комрат 740
 Комратский район 739, 740
 Конго 447, 448, 465, 466, 467, 474, 475
 Копенгаген 539, 545, 546, 547, 651
 Корея (см. также: КНДР, Корея Северная, Корея Южная 83, 84, 85, 88, 832
 Корея Северная (см. также: Корея, КНДР) 82, 83, 84, 85, 86, 87
 Корея Южная (см. также: Корея) 82, 83, 84, 86, 88
 Кохтла-Ярве 742
 Крым, Крымская область 29, 50, 52, 53, 195, 200, 239, 333, 640
 Куба 418, 454, 455, 456, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 505, 507, 508, 509, 510, 512, 513, 514, 515, 517, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 528, 610, 611, 612, 613, 614, 616, 617, 618, 620, 621, 622, 624, 625, 641, 724, 814, 815, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826
 Кубань 20
 Куйбышев 24, 630, 631, 792, 803
 Курильские острова 605
 Курск 74, 742
 Курская губерния 47, 316
 Кухнешты, село 740
 Кэмп-Дэвид 298, 299, 353, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 365, 370, 398, 441
- Ла-Манш 446
 Лазенки 196
 Лаос 414, 423
 Латвия 720
 Латинская Америка 209, 496, 626
 Ленинабад 732
 Ленинград 22, 23, 24, 27, 29, 30, 34, 35, 49, 158, 275, 294, 355, 409, 443, 553, 563, 660, 767, 770, 788, 790, 791
 Ленинградская область 806
 Ленинградский район 798
 Леонский район 739
 Липканский район 740

Лиски, станция 742
 Литва, Литовская ССР 566, 746, 747
 Лондон 70, 75, 104, 256, 268, 269,
 270, 272, 276, 281, 286, 290, 297, 344,
 352, 353, 421, 445, 474, 580, 590, 647,
 651, 701, 710, 716, 722, 784
 Лос-Анджелес 307, 308, 309, 315,
 327, 538
 Луганск (см. также: Ворошиловград)
 194
 Львов 21, 158, 164, 727, 728, 729,
 736, 737
 Львовская область 165, 734
 Львовский край 734

Макеевка 92
 Мариуполь (см. также: Жданов) 270
 Марокко 457, 475
 Марсель 392, 393, 394, 636
 Маутхаузен 233, 235
 Мексика 496, 536
 Миссисипи, река 811
 Молдавия 11, 350, 719, 737
 Молдавская ССР 737, 738, 739, 741
 Молотов 789
 Москва 9, 10, 12, 15, 19, 21, 22, 23,
 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 34, 38, 40, 41,
 43, 48, 50, 51, 55, 70, 71, 79, 82, 86,
 114, 117, 122, 124, 127, 133, 140, 147,
 148, 151, 154, 157, 158, 159, 162, 164,
 165, 168, 171, 191, 195, 196, 220, 226,
 232, 234, 235, 238, 242, 249, 263, 266,
 269, 275, 277, 286, 289, 290, 293, 296,
 297, 299, 301, 315, 323, 331, 349, 350,
 375, 377, 378, 382, 383, 387, 388, 389,
 390, 409, 417, 422, 425, 426, 431, 432,
 435, 443, 447, 474, 477, 479, 490, 541,
 553, 555, 563, 565, 566, 567, 568, 577,
 583, 587, 598, 607, 620, 632, 633, 637,
 638, 641, 642, 644, 645, 650, 653, 657,
 658, 659, 660, 664, 671, 672, 673, 676,
 678, 682, 685, 694, 696, 700, 703, 705,
 708, 709, 710, 722
 Москва-река 124
 Московская область 65, 156, 566, 755,
 756, 837
 Мурманск 788

Нагасаки 605
 Нарва 205

Нигерия 459, 460, 475
 Нидерланды 464
 Ново-Ивановский район 738
 Ново-Усманский район 742
 Новый Афон 76, 129
 Норвегия 297, 330, 425, 426, 427,
 442, 443, 465, 538, 539, 547, 548, 549,
 550, 552, 553, 555, 557, 559, 560
 Нью-Йорк 81, 82, 326, 327, 329, 332,
 351, 352, 371, 372, 373, 380, 443, 445,
 446, 448, 449, 450, 456, 457, 459, 460,
 463, 465, 472, 473, 474, 475, 506, 519,
 597, 613, 619, 621, 651, 672, 700, 705,
 811, 812, 824, 828

Одесса 73, 205, 341, 342, 393
 Оксфорд 273
 Орловская область 272
 Осло 548, 550, 553, 554

Павловск 742
 Пакистан 275, 424, 425, 426, 427, 442,
 443
 Памир 202, 732
 Париж 297, 313, 326, 383, 386, 387,
 388, 396, 398, 413, 414, 419, 422, 423,
 424, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 434,
 435, 436, 448, 480, 537, 719
 Париж, село 738
 Пекин 202
 Петербург 34, 140, 223
 Петергоф 548
 Петроград 191, 396
 Петсамо 330, 352
 Печенга 330, 352
 Плесецкий район 792
 Подгоренский район 741
 Подгорное, село 738, 739
 Подольский район 735
 Полтава 205, 555
 Полтавская область 16
 Польша 10, 188, 194, 195, 196, 197, 198,
 199, 201, 203, 204, 205, 206, 236, 246,
 288, 291, 325, 451, 566, 573, 575, 600
 Порт-Артур 86, 605
 Порто-Рико 812
 Портсмут 268, 269, 285, 795
 Португалия 444, 464
 Потсдам 402
 Прибалтика 20, 443

- Прикарпатский район 733, 734
 Принцевы острова 299, 325
 Прут, река 740
 Пусан 84, 85
 Ровенская область 734, 737
 Рогачевка, село 742
 Российская Федерация 12, 20, 25, 26, 27, 355, 783
 Россия 54, 90, 112, 140, 197, 202, 207, 238, 282, 300, 308, 310, 326, 335, 373, 378, 382, 386, 401, 419, 440, 454, 462, 485, 505, 537, 555, 627, 633, 648, 652, 661, 722, 731, 737, 820
 Ростов 18, 308, 760
 Ростов-на-Дону 308
 Ростовская область 14, 37
 РСФСР 20, 26, 27, 36, 45, 52, 54, 94, 134, 193, 325, 326, 644, 718, 720, 754, 757, 788, 791, 792, 801
 Румыния 36, 197, 198, 200, 206, 242, 244, 246, 460, 461, 575, 740
 Русь 276, 314
 Рутченково 28, 300
 Рыбницкий район 739
 Рыжково, станция 742
- Сан-Франциско 311, 312, 313, 314, 315, 317, 329, 332
 Саратов 789
 Саратовск 17
 Сахалин 605
 Свердловск 424, 425, 538, 755
 Свердловская область 756, 764
 Северный Вьетнам (см. также: Вьетнам) 414
 Северный Кавказ 14, 90, 345
 Северный Ледовитый океан 294, 441, 442
 Семипалатинск 748
 Сенегал 405
 Серпенево, село 738
 Сеул 84, 86
 Сибирь 12, 60, 107, 108, 109, 113, 169, 646, 820
 Сирия 205, 246, 575
 Скулянский район 740
 Слободзя, село 740
 Соединенные Штаты Америки 86, 242, 251, 293, 294, 295, 298, 302, 314, 324, 327, 328, 330, 354, 356, 429, 437, 439, 473, 483, 487, 530, 534, 578, 585, 589, 593, 594, 596, 600, 605, 606, 617, 618, 619, 621, 622, 623, 624, 626, 662, 675, 689, 696, 699, 814, 815, 816, 818, 820, 821, 823, 825, 826, 827, 835, 839
 Сокальско-Рава-Русский округ 734
 Сокольники 374
 Сормовский район 790
 Сочи 10, 19, 43, 57, 76, 157, 178, 334, 570, 753, 805, 806
 Средняя Азия 12
 Сталинград 201, 511, 629, 637, 716, 766, 783, 787
 Сталинградская область 737, 738
 Станислав 726, 727
 Станиславская область 727, 728, 734
 Старые-Ботраж, село 740
 Степановка, село 740
 Стокгольм 554, 555, 558
 Сусленский район 739
 Сухуми 57, 77, 81, 162, 163, 164, 570
 США 51, 54, 69, 73, 81, 83, 85, 86, 87, 129, 188, 197, 206, 212, 215, 218, 221, 222, 239, 240, 242, 243, 244, 247, 248, 250, 251, 252, 253, 254, 256, 259, 267, 268, 279, 280, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 302, 304, 305, 306, 307, 310, 311, 315, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 329, 330, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 377, 378, 379, 380, 398, 402, 404, 414, 418, 419, 420, 423, 424, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 436, 437, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 458, 462, 464, 465, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 485, 487, 488, 489, 490, 492, 495, 497, 498, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 511, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 535, 537, 538, 540, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 582, 584, 586, 596, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 626, 633, 651, 652, 659, 660, 664, 672, 678, 680, 691, 695, 717, 719, 720, 721, 722, 731, 732, 749, 781, 810, 814, 817, 820, 821, 822, 823, 827, 828, 830

- Таджикская ССР 732
 Тайвань 465, 646
 Таллин 800
 Тарутино, село 738
 Тарутинский район 738
 Ташкент 26
 Тегеран 239, 750
 Теплице (Чехословакия) 785
 Тернопольская область 727, 730, 734
 Тиса 203
 Тифлис (см. также: Тбилиси) 805, 808, 809
 Триест 211, 213, 215, 216, 217, 218, 234
 Туркмения 202, 786
 Туруханский край 118, 127
 Турция 59, 132, 163, 206, 265, 368, 376, 379, 421, 426, 427, 440, 443, 491, 505, 516, 517, 529, 530, 607, 614, 619, 623, 771, 823
- Узбекистан 392, 838
 Украина, УССР 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 26, 28, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 40, 42, 43, 48, 49, 51, 52, 73, 74, 88, 94, 108, 109, 117, 150, 151, 153, 154, 155, 157, 158, 164, 165, 176, 202, 217, 337, 345, 355, 372, 409, 444, 450, 462, 565, 566, 568, 633, 637, 638, 644, 716, 717, 724, 725, 727, 728, 729, 731, 737, 746, 747, 837
 Унгенский район 740
 Урал 13, 14, 277, 404, 420, 442
 Федеративная Республика Германии 243, 367, 483
 Филиппины 244, 452, 454
 Финляндия 138, 264, 265, 266, 267, 293, 296, 297, 316, 480, 539, 606, 607, 608
 Фирюза 202, 207
 Франция 36, 199, 212, 221, 222, 244, 246, 247, 248, 250, 254, 256, 257, 259, 273, 291, 311, 312, 313, 314, 315, 317, 329, 332, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 394, 396, 397, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 432, 434, 438, 443, 444, 464, 485, 536, 538, 560, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 584, 585, 590, 593, 595, 596, 598, 599, 600, 641, 647, 716, 719, 731, 781, 828
- ФРГ 73, 199, 234, 235, 243, 244, 268, 326, 367, 400, 403, 422, 442, 443, 472, 489, 491, 495, 501, 537, 718, 724, 828
 Фултон 244, 267, 574
- Харьков 28, 44, 150, 191
 Хельсинки 264, 265, 480, 606
 Хиросима 506, 605
- Царицын (см. также: Сталинград) 115, 117, 127
 Царское Село 548
- Чедырлугский район 738
 Чеккерс 271, 273, 274
 Черновицкая область 729
 Черновцы 727, 729
 Черное море 163, 195, 200, 524
 Чертковский округ 734
 Чехословакия 199, 200, 206, 228, 244, 288, 423, 442, 722
 Чикаго 613, 811
 Чимишлийский район 739, 740
- Швейцария 69, 220, 249, 326, 472, 576, 577, 585, 586, 588, 608, 609
 Швеция 220, 234, 297, 466, 538, 539, 549, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 828
 Шереуды, село 740
 Шотландия 281, 282, 292
- Эдинбург 281
 Эстония, Эстонская ССР 54, 742
- Югославия 71, 72, 75, 189, 203, 206, 211, 213, 214, 216, 218, 219, 234, 242, 244, 445, 491, 772
 Юзовка (см. также: Донецк) 18, 46, 47, 204, 238, 270, 291, 337, 544
- Якутия 787
 Ялта 253, 593, 640, 750
 Япония 197, 244, 724, 725, 732

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПРФ — Архив Президента Российской Федерации	КПП — Коммунистическая партия Польши
ВВС МВО — Военно-воздушные силы Московского военного округа	КПР — Коммунистическая партия Румынии
ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)	КПУ — Коммунистическая партия Украины (новое название после КП(б)У)
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства	КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
ГДР — Германская Демократическая Республика	КСК — Комиссия советского контроля
ГОКО (ГКО) — Государственный Комитет Обороны	КРАЙКОМ — краевой комитет
ГОРКОМ — городской комитет	КОМИТЕРН — Коммунистический интернационал
ГОСПЛАН — Государственный плановый комитет	МВД — Министерство внутренних дел
ГРЭС — гидроэлектростанция	МГБ — Министерство государственной безопасности
ГУВВ МГБ СССР — Главное управление внутренних войск Министерства государственной безопасности Союза Советских Социалистических Республик	МССР — Молдавская Советская Социалистическая Республика
ГУМЗ МВД РСФСР — Главное управление мест заключений Министерства внутренних дел Российской Социалистической Федеративной Советской Республики	НАРКОМАТ — Народный комиссариат
ФФР — Германская федеральная республика	НАРКОМЛЕГПРОМ — Народный комиссариат легкой промышленности
ЕАК — Еврейский антифашистский комитет	НАРКОМПИЩЕПРОМ — Народный комиссариат пищевой промышленности
ИМЛ — Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС	НАРКОМСРЕДМАШ — Народный комиссариат среднего машиностроения
ИТК — исправительно-трудовая колония	НАРКОМТЕКСТИЛЬПРОМ — Народный комиссариат текстильной промышленности
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь	НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
КАВБЮРО ЦК РКП(б) — Кавказское бюро Центрального комитета Российской коммунистической партии (большевиков)	НКГБ — Народный комиссариат государственной безопасности
КПБ — Коммунистическая партия Белоруссии (новое название после КП(б)Б)	ОБК — областной комитет
КПН — Коммунистическая партия Норвегии	ООН — Организация Объединенных Наций
КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины	ОУН — Организация украинских националистов
КПК — Комиссия (комитет) партийного контроля	ПОРП — Польская объединенная рабочая партия
	РАЙИСПОЛКОМ — районный исполнительный комитет
	РГВА — Российский государственный военный архив
	РЕВВОЕНСОВЕТ — Революционный военный совет
	СБ — Совет Безопасности

СЕПГ — Социалистическая единая партия Германии	УПА — Украинская повстанческая армия
СНК — Совет народных комиссаров	УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика
СОВМИН, СМ — Совет министров	ФРГ — Федеративная республика Германии
СОВНАРКОМ, СНК — Совет народных комиссаров	ЦГАОО Украины — Центральный государственный архив общественных организаций Украины
СТО — Совет труда и обороны	ЦРК — Центральная ревизионная комиссия
ТАСС — Телеграфное агентство Советского Союза	
УВД — Управление внутренних дел	
УНКВД — Управление народного комисариата внутренних дел	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
-----------------------	----------

ВОСПОМИНАНИЯ

Часть III.

От дня Победы до XX съезда

Первые послевоенные годы	7
Снова в Москве	21
Вокруг некоторых личностей	37
Один из недостатков Сталина	45
Берия и другие	55
Семья Сталина. Светланка	61
Последние годы Сталина	75
Корейская война	82
Дело врачей	89
XIX съезд коммунистической партии страны	95
После XIX съезда партии	101
Экономические проблемы социализма в СССР	103
Сталин о себе	115
Смерть Сталина	128
Мои размышления о Сталине	134
Еще раз о Берии	149
После смерти Сталина	159
От XIX к XX съезду КПСС	176
После XX съезда КПСС	194
Несколько слов о власти, о Жукове	207

Часть IV.

Отношения с Западом. Холодная война

До и после мирного договора с Австрией	211
Встреча с Аденауэром	235
На женевской встрече лидеров четырех держав	244
Визит в Великобританию	268
Начало визита в США	292
От Нью-Йорка до Айовы	326
Вашингтон и Кэмп-Дэвид	353
Визит во Францию	380
Четырехсторонняя встреча в Париже	423

Посещение Организации Объединенных Наций	443
Джон Кеннеди и Берлинская стена	475
Карибский кризис	496
В Скандинавских странах.....	538

ПРИЛОЖЕНИЯ

Варианты магнитофонных записей воспоминаний	563
(Часть III «От дня Победы до XX съезда».	
Часть IV «Отношения с Западом. Холодная война»)	
С. Хрущев. К истории создания и публикации воспоминаний Н.С. Хрущева (1967 - 1990 гг.)	627
Документы	725

СПРАВОЧНЫЙ МАТЕРИАЛ

Именной указатель	829
Географический указатель	838
Список сокращений	844

Хрущев Никита Сергеевич

ВРЕМЯ. ЛЮДИ. ВЛАСТЬ

(Воспоминания)

ИЗДАТЕЛЬ

**Информационно-издательская компания
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»**

**Председатель издательского совета
А.Л.ВАЙНШТЕЙН**

**Главный редактор издания
Г.И.РЕЗНИЧЕНКО**

**Координатор издания
Г.Ф. РАБИН**

**Составление, выявление и обработка документов,
примечания, комментариев, именной и географический указатели
Д.М. Воробьев, А.В.Новиков, Г.И.Резниченко,
А.Я.Шевеленко, Н.С.Хрущев-младший.**

Редактор А.Я. Шевеленко

Художник Г.И. Максименков

Фоторедактор П.М. Кримерман

Технический редактор А.Г. Бухаров

Корректоры: Л.В. Прудникова, Н.Ю. Железкова, М.В. Поляева, В.И. Машнова, В.И. Ужегова

Компьютерный набор: Е.В. Кирова, О.Н. Бессонова, Е.В. Савкина,

Е.Е. Орехова, Е.Ю. Мышонкова, Т.В. Серегина

Макет: Е.Н. Киселева, М.Л. Аринушкин

ИИК «Московские новости», Москва

ЛР 100032 от 03.06.97 г.

Сдано в печать 25.02.1999 г. Формат 60 x 90^{1/16}. Объем 54,5 п.л. Гарнитура Юниверс.

Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 3000. Зак № 459

Типография №2 РАН

Москва, Шубинский пер., 6